

Евразийский юридический журнал

№ 10 (89) 2015

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКАШЕВ Камил Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)
БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)
БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)
БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
БыСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева – РГАУ-МСХА)
ВАПЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет)
ГУСЕИНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН)
ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан
КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)
КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской ассоциации международного права
КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)
ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)
МАПЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России)
МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)
МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)
НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)
РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)
СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)
СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., член-корреспондент РАН (Институт философии РАН)
СТЕПИН Вячеслав Семенович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)
ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),
Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)
ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)
ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)
ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ, Первый вице-президент Российского философского общества)
ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2015

Подписано в печать 19.11.2015
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21, 11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
http://www.eurasialaw.ru,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian Law Journal

№ 10 (89) 2015

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)
BATKHEEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation
BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)
BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla, Ufa)
BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)
BYSTROV Grigory Efimovich, Ph.D. in Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))
CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation, First Vice-Chairman of the Russian Philosophical Society).
FAKHRTUDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)
FATKUDINOV Zulfar Maksimovich, Ph.D. in Law, Professor (University of Management «TISB», Kazan)
GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))
GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS).
ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan
KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)
KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))
KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)
KORBUT Leudmila Vasilievna, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law
KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)
LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)
LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)
MALEEY Yury Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)
MAULENOV Kasim Syrbaevich, Ph.D. in Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)
MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)
MUKHAMETSHIN Faim Bayazitovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))
NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)
SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)
SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia
SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, professor (Higher School of Economics)
SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))
SMAGULOV Asylbek Yarymovich, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)
SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, the Corresponding Member of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS)
STEPIN Vyacheslav Semenovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)
TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))
VALEEY Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)
ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Nizhniy Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2015

Signed for printing 19.11.2015
Format 62x84 1/8.
Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.
Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D. I.
Desktop publishing – Brylev S. O.
Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034
Phone: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasianlaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Российская академия наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

литературный редактор:

СОРОКИНА Юлия Викторовна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович, к.ю.н., доцент

ГУСЕЙНОВ Октай Рамазанович, к.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИЗМАЙЛОВА Евгения Николаевна, к.п.н., доцент

КОННОВА Елена Владимировна, к.ю.н., с.н.с.

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,

представитель ЕврАзЮж в г. Тирасполе

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, к.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, к.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ТРАПЕЗНИКОВ Валерий Анатольевич, к.ю.н.

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law
(Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Alexander Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Alexandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolievna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

literary editor:

SOROKINA Yulia Viktorovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

HUSEYNOV Oktay Ramazanovich, Ph.D. in Law

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IZMAILOVA Evgeniya Nikolaevna, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor

KONNOVA Elena Vladimirovna, Ph.D. in Law, Senior Researcher

KOPYLOV Stanislav Mikhailovich, Ph.D. in Law

LYSENKO Vladlena Vladimirovna, Ph.D. in Law, Associate Professor,

representative of ELJ in Tiraspol

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

TRAPEZNIKOV Valery Anatolievich, Ph.D. in Law

FAIZULLIN Gaiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Инсур Фархутдинов: Обеспечение мира и безопасности в Евразии (Международно-правовая оценка событий в Сирии) Интервью с доктором юридических наук, главным редактором Евразийского юридического журнала Инсуром Забировичем Фархутдиновым	8
---	---

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Шмаков Р. В. К вопросу о «наднациональности» права Евразийского экономического союза.....	16
Хлгатын А. Г. Миграция и интеграционные объединения (на примере ЕС и ЕАЭС).....	23

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Абашидзе А. Х., Бисултанов А. К. Общие особенные черты дипломатического и консульского права стран Латинской Америки	26
Ворообьев Д. В. Африканский подход к определению коренных народов	30
Вахитова Г. В. Русский язык как средство межгосударственного общения.....	32
Абашидзе А. Х., Кебурия К. О., Конева А. Е., Солнцев А. М. Вопросы сотрудничества России с государствами – членами ЕС в рамках реализации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г.	35
Чугунков П. И. К вопросу о правовом статусе акватории Северного морского пути Российской Федерации.....	39
Ямалитдинов А. А. Роль международно-правовых актов по правам человека в осуществлении правосудия	43
Повалов К. А. Принудительный брак как преступление против человечности в практике специального суда по Сьерра-Леоне.....	46

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Видинев Д. И. Новая стратегия ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта	52
---	----

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Шляхтин И. С. Гармонизация потребительского права как фактор формирования единого рынка: опыт Европейского союза	58
Абакумова О. А. Опыт государственной поддержки малого и среднего бизнеса в странах Европейского союза.....	62

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Красноярцева Н. И. Акты международной частноправовой унификации, содержащие конструкции защиты прерогативы кредитора.....	64
Боргояков А. С. Гарантия справедливого и равноправного режима в международных инвестиционных соглашениях	70
Нуруллоев А. А. Система источников правового регулирования усыновления с иностранным элементом	75
Ромашин И. В. Проблематика правового регулирования международных футбольных трансферов несовершеннолетних.....	79

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Гуськов Д. Н. Роль указа №6102 в финансовом оздоровлении экономики США в период «Великой депрессии».....	82
Кротов А. В. Формирование права на частную жизнь в США.....	85
Недилько Ю. В. Особенности толкования права в Германии: взаимодействие теории и практики.....	88

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Азизова В. Т. Правовое пространство как объект аксиологического исследования	92
Магомедова Р. М. Взаимодействие норм права и морали.....	95
Дидикин А. Б. Концепция материального естественного права Дж. Финниса	97

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Сидорова А. В. Правонарушения по русско-византийским договорам	99
Троценко О. С. Особенности сделок о найме труда с кабальными людьми на Руси.....	105
Пирова Р. Н. Пытка как норма судопроизводства средневековой России.....	108
Миненко С. В. Правовая дискриминация польского католического дворянства в Российской Империи XIX века	110
Бекишиев А. А. Судебная реформа 1864 г. как составная часть реформ 60-х годов.....	113
Крайнова А. Е. Влияние аграрной реформы в России в начале XX в. на массовое переселение крестьян в Уфимскую и Оренбургскую губернии	115
Хабибуллин И. З. Развитие казачьего образования в Республике Башкортостан и его правовые основы в XIX и XXI веках	121
Курманов А. С. Уголовное законодательство России об ответственности за посягательства на объекты животного мира в советский период	123
Мамлеева Д. Р. Историко-правовые аспекты формирования и деятельности транспортной полиции	125
Иликеева Ю. А. Раздел общесемейного имущества и наследование дочерьми в традиционном башкирском обществе	128

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Саидова М. З. Реисламизация и попытка изменения конституционного строя Республики Дагестан в конце 90-х годов XX века	131
--	-----

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Абдулазизова П. Г., Омарова З. Н. Взаимосвязь муниципальной службы и государственной гражданской службы Российской Федерации.....	134
Бышков П. А. Правовое регулирование муниципального контроля за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения.....	136
Абдулазизова П. Г. Проблемы реализации принципа профессионализма и компетентности муниципальных служащих	139

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Морозова Н. А. Характеристика правового положения лица, совершившего административное правонарушение, как особого правового режима	141
Ибрагимов Х. А. Система мер по предупреждению злоупотреблений должностными полномочиями.....	144
Дазмарова Т. Н., Зверев А. В. Некоторые аспекты административно-правового режима территорий учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы.....	147

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Галева Н. Н. Порядок документального оформления целей делового характера при организации договорной работы	149
Кунбутаев Т. Н.-И. Семья как один из основных социально-правовых институтов современного общества.....	151

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Джаби Г. З. Конституционно-правовое понятие и значение интеллектуальной собственности.....	153
Попов К. Г., Шамсутдинов Р. Р. Сравнительный анализ авторского права и смежного права в Российской Федерации	155

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ромашин Э. С. Обеспечение баланса интересов авторов и иных правообладателей при создании и использовании аудиовизуального произведения	158
---	-----

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Абукарова М. У. Источники и принципы экологического права	160
Клюканова Л. Г. О социальной ценности современного российского экологического права.....	162

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Сафина Р. Р., Мухаметьянова А. Р. Модели корпоративного контроля над дочерними и зависимыми обществами в составе интеграционных структур и факторы, определяющие их выбор.....	165
--	-----

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

Арутюнян М. С. К вопросу о совершенствовании практики реализации жилищных прав сотрудников полиции.....	168
--	-----

НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Абакарова Р. Ш. Оптимизация налогообложения – легальная экономия на налогах	170
Абукарова М. У., Залибекова Д. З. Правовой статус налоговых агентов в РФ	173
Кунбутаев Т. Н.-И. Правовой механизм налога и его элементы.....	176
Халикова Э. А., Гиниятуллина Д. Р. Правовые аспекты возникновения конфликтов в сфере налоговых отношений.....	178

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Структов К. В. Виртуальное пространство как объект контрольной функции российского государства.....	181
--	-----

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Титова Т. В. Сущность гуманизма как общепризнанного принципа права, его нравственный аспект	183
Киреева О. А. Детские пособия: правовой, методологический и социально-политический аспекты	185
Бейбутова А. М. Деятельность женских консультаций по охране прав женщин: медико-социальный и правовой аспекты.....	187

ПРАВО СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

Анбрехт Т. А. Социальная защита инвалидов в Российской Федерации: тенденции развития законодательства.....	190
---	-----

МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАВО

Пирова Р. Н., Бекишиев А. А. Мусульманское право в современном мире.....	193
Аль-Баити М. А. А. Мотив как признак субъективной стороны преступлений в уголовном законодательстве мусульманских стран	195
Магомедова Р. М., Нурмагомедов И. Г. Некоторые аспекты развития мусульманского права в странах арабского востока.....	198

ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Азизова П. М. Исполнение решения об ограничении дееспособности гражданина	200
Мусаева А. Г. Юридические основания ограничения дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами	202

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Нугуманов А. Р., Агзамов И. М. Некоторые проблемы квалификации преступлений, касающихся организации террористического сообщества и участия в нем	204
Килимбаев Р. В. К вопросу об основании уголовной ответственности за неоконченное преступление	206
Заидова М. У. Экссесс исполнителя в уголовном праве России	208
Абдулмуслимова Л. Г., Ибрагимова Х. А. К вопросу виктимологической защиты от насильственных преступлений	210
Абдулмуслимова Л. Г. Индивидуальная виктимологическая профилактика преступлений против жизни и здоровья человека	213
Лагина Е. В. Анализ воинской преступности в российской армии и её предупреждение	215
Крюков В. В. Устрашение как аспект общего предупреждения в уголовном праве	218

ЮВЕНАЛЬНОЕ ПРАВО

Газимуллин И. Ю. Некоторые вопросы профилактики насильственных преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних	221
---	-----

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРАВО

Чикирева И. П. Проблемы морального осуждения государственных служащих за нарушение требований служебного поведения и коррупционные правонарушения	224
--	-----

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Шахбанова Х. М. Система принципов уголовно-исполнительного права	226
Алиев Х. О., Шахбанова Х. М. Передвижение осуждённых к лишению свободы без конвоя или сопровождения как один из поощрительных институтов уголовно-исполнительного права	228
Елифанов О. С. Правовые основы и практика психологической работы с осуждёнными к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества	230

КРИМИНАЛИСТИКА

Давлетшина Л. С. Тактика производства следственных действий с использованием средств видеофиксации	233
Дибиргазиева Р., Юсупкадиева С. Н. Типичные следственные ситуации и основные направления расследования в них	235
Мамлеев Р. Р. Особенности оперативно-розыскной профилактики проявлений экстремизма в сети Интернет	238

КРИМИНОЛОГИЯ

Курбанова Д. Н. Отдельные криминологические аспекты террористических актов, совершаемых женщинами	241
--	-----

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Мельник С. В., Надтачаев П. В. Факторы повышения эффективности правосудия	243
Мусаева А. Г., Азизова П. М. Особенности процедуры судебного разбирательства по заявлению о признании гражданина недееспособным	245
Никурадзе Н. О. Правовая природа института гражданского иска в уголовном судопроизводстве: его двойственный характер	247
Гусейнов А. А. Защита участников уголовного судопроизводства: технические средства	249
Питецкий В. В. Понятие уклонения от следствия или суда в свете толкования пленума ерховного Суда РФ	251

ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО

Морин А. В. Некоторые аспекты совершенствования законодательства в сфере участия граждан в охране общественного порядка	255
--	-----

АДВОКАТУРА

Рагулина И. Т. Институты помощника адвоката и стажера адвоката в российском праве: ретроспективный анализ	257
--	-----

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

Нурмухамедова И. Ф. К вопросу о необходимости изучения психологических и социальных проблем молодежи в полиэтничном сообществе	260
---	-----

ПЕДАГОГИКА И ПРАВО

Атаева П. А. Влияние педагогической науки на правовую культуру общества	262
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

Абрамова С. Р., Сафин Ф. Г. Этнические аспекты доверия региональным и федеральным органам власти (по данным этносоциологических исследований в Республике Башкортостан)	264
Атаева П. А. Определение понятия социальной нормы в современном обществе	266

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Аливердиева М. Э. Упрощенный порядок рассмотрения экономических споров	268
--	-----

Гареева З. А., Князева О. В.

Реализация функций контроля при составлении консолидированной финансовой отчетности в рамках российского и международного нормативного поля	271
---	-----

Гизатова Р. Р. Обоснование и выбор предпочтительного варианта инвестиционного проекта нефтегазовой компании	273
--	-----

Кадырова Г. Ф., Гиндуллин Н. Ф., Даллакян Г. Р. Производственный конфликт как неотъемлемая составляющая современного общества	278
--	-----

Сафина Р. Р., Харитонов А. П. Стратегическое управление и контроль инвестиционной деятельности на промышленных предприятиях	281
--	-----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Магомедрасулова Р. Б. Роль государства в процессах модернизации и управления обществом	283
--	-----

Коженко Я. В., Агафонова Т. П. Сущность и принципы формирования отечественной модели государственно-частного партнерства	285
---	-----

Коженко Я. В. Правовые основы сервисной деятельности государственно-частных партнерств в России	288
--	-----

Гелеранский П. С. Влияние этнического фактора на региональный политический процесс и политическую стабильность в республиках Северного Кавказа	291
---	-----

Ахметшин Р. А. Деятельность правоохранительных органов Башкирии по реализации новой экономической политики	293
---	-----

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Алгушаева В. Р. Религиозный радикализм в среде молодежи как угроза национальной безопасности	296
---	-----

САМОУПРАВЛЕНИЕ

Фархутдинов Р. Д. К вопросу о новой концепции саморегулирования в строительстве	298
---	-----

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Чупанова А. Ч., Азизова В. Т. О правовых представлениях современной молодежи (на материалах Республики Дагестан)	300
---	-----

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Бенина Л. И. Идейно-политические традиции как фактор эволюции российского общества	302
---	-----

Вильданов Р. Р. Теоретико-методологические основы анализа роли и места парламента в политической системе государства	305
---	-----

Мусина Л. М. Актуальные вопросы геополитики современной России	308
--	-----

Рабинович Е. И. Политика, история и ментальность	310
--	-----

Иванова К. А. Развитие и модернизация института общественных инициатив граждан в свете современных политических тенденций	318
--	-----

Замятин П. В. Развитие социально-политического направления урбанистики в постиндустриальную эпоху	320
--	-----

Буданов Н. В. Молодежные оппозиционные структуры: их специфика и преобразования в контексте гражданского общества России конца XX – начала XXI веков	323
---	-----

Гришин О. Е. Политические технологии создания комфорта городской среды (на примере московского мегаполиса)	326
---	-----

Гудошникова О. Е. Политическое участие молодежи посредством интернета: западноевропейский опыт	330
---	-----

Романова Д. Ю. Электоральный выбор в ракурсе религиозных предпочтений и образа кандидата: специфика, обоснование и сравнительный анализ	334
--	-----

Третьохин М. В. Расстановка «левых» политических сил в Российской Федерации в условиях обострения внутрисубъективных и международных противоречий	337
--	-----

Назарян Г. С. Сравнение специфик деятельности армянской и еврейской диаспор	341
---	-----

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО

Лукиянов М. Ю., Бондаренко А. В., Изюмов И. В. Философия «Государя» Н. Макиавелли	343
---	-----

РЕЦЕНЗИЯ

Чеговадзе Л. А. Рецензия на монографию Абдулжалилова А. «Теоретические проблемы гражданских правоотношений в Интернете». (Душанбе, «Андалеб-Р», 2015 – 272 с.)	345
--	-----

ОБЗОРЫ

Бурьянов С. А. IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений	348
--	-----

Семенова Н. С., Киселева Е. В. Круглый стол «Концепция семьи в свете традиционных ценностей и международного права» Москва, 30 октября 2015 г.	354
--	-----

ЮБИЛЕЙ

Поздравление с 25-летним юбилеем юридического факультета Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко	357
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	359
----------------------------------	-----

CONTENTS

PERSONA GRATA

Insur Farkhutdinov: <i>Ensuring peace and security in Eurasia (International legal assessment of the events in Syria)</i> Interview with Insur Zabirovich Farkhutdinov, Ph.D. in Law, Editor-in-chief of the Eurasian Law Journal	8
--	---

EURASIAN INTEGRATION

Shmakov R. V. To the issue of "supernationality" of the Eurasian Economic Union law	16
Khlgatyan A. G. Migration and integration associations (by the example of the EU and the Eurasian Economic Union)	23

INTERNATIONAL LAW

Abashidze A. Kh., Bisultanov A. K. General peculiarities of the diplomatic and consular law of the Latin American states	26
Vorobyev D. V. African approach to the definition of indigenous peoples	30
Vakhitova G. V. The Russian language as a means of interstate communication	32
Abashidze A. Kh., Keburia K. O., Koneva A. E., Soltsev A. M. Issues of cooperation between the Russian Federation and EU member states under the 1980 Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction	35
Chugunkov P. I. To the issue of the legal status of water area of the Northeast Passage of the Russian Federation	39
Yamalitinov A. A. The role of international legal acts on human rights in justice implementation	43
Povalov K. A. Forced marriage as a crime against humanity: practice of Special Court for Sierra Leone	46

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Vidineev D. I. New UNESCO's strategy for the protection of culture and the promotion of cultural pluralism in the event of armed conflict	52
---	----

EUROPEAN LAW

Shlyakhtin I. S. Harmonization of consumer law as a factor of the single market development: practice of the European Union	58
Abakumova O. A. The experience of state support of small and medium business in European Union countries	62

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Krasnoyarova N. I. Acts of the international private-law unification, comprising designs of protection of the creditor prerogative	64
Borgoyakov A. S. Standard of fair and equitable treatment in international investment treaties	70
Nurullov A. A. System of sources of legal regulation of adoptions with a foreign element	75
Romashin I. V. Problems of legal regulation of international football transfers of minors	79

LAW OF THE FOREIGN COUNTRIES

Guskov D. N. The role of the Decree № 6102 in the financial recovery of the US economy during the Great Depression	82
Krotov A. V. The formation of the right to privacy in the U.S.	85
Nedilko Yu. V. Features of interpretation of law in Germany: interaction of the theory and practice	88

THEORY OF STATE AND LAW

Azizova V. T. Legal space as an object of axiological research	92
Magomedova R. M. Some aspects of the interaction between law and morality	95
Didikin A. B. Material natural law theory of J. Finnis	97

HISTORY OF STATE AND LAW

Sidorova A. V. Offences under Russian-Byzantine treaties	99
Trotsenko O. S. Features of deals on hiring labour with enslaving people in Russia	105
Pirova R. N. Torture as a norm of justice in medieval Russia	108
Minenko S. V. Legal discrimination of the Polish Catholic nobility in the Russian Empire in the 19th-19th century	110
Bekishiev A. A. Judicial reform of 1864 as a part of reforms of 60s	113
Kraynova A. E. Influence of agrarian reform in Russia at the beginning of 20th century on the mass resettlement of peasants to Ufa and Orenburg provinces	115
Khabibullin I. Z. Development of the Cossack education in the Republic of Bashkortostan in 19th and 21st centuries	121
Kurmanov A. S. Criminal legislation of Russia on the liability for encroachment on the wildlife in the Soviet period	123
Mamleeva D. R. Historical and legal aspects of the formation and activities of the transport police	125
Ilikeeva Y. A. Total family property division and inheritance by daughters in the traditional bashkir society	128

CONSTITUTIONAL LAW

Saidova M. Z. Re-islamization and an attempt to change the constitutional order of the Republic of Dagestan in the late 90s of 20thXX century	131
---	-----

MUNICIPAL LAW

Abdulazizova P. G., Omarova Z. N. The relationship of the municipal services and the state civil service of the Russian Federation	134
Byshkov P. A. Legal regulation of municipal control over ensuring the safety of local roads	136
Abdulazizova P. G. Problems of realization of the principle of professionalism and competence of municipal employees	139

ADMINISTRATIVE LAW

Morozova N. A. Legal status of a person who has committed an administrative offense as a special legal regime	141
Ibragimova Kh. A. The system of measures to prevent abuse of power	144
Dazmarova T. N., Zverev A. V. Some aspects of the administrative legal regime of territories of the establishments executing criminal penalties in the form of imprisonment	147

CIVIL LAW

Galeeva N. N. The procedure for documenting business purposes in the organization of contractual work	149
Kunbutayev T. N-I. The family as one of the basic social and legal institutions of modern society	151

AUTHOR'S LAW

Jabi G. Z. Constitutional concept and value of intellectual property	153
Popov K. G., Shamsutdinov R. R. Comparative analysis of copyright and related rights in the Russian Federation	155

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Romashin E. S. The balance of the interests of authors and other copyright holders during the creation and use of an audiovisual work	158
---	-----

ECOLOGICAL LAW

Abukarova M. U. Sources and principles of environmental law	160
Klyukanova L. G. On the social value of modern Russian environmental law	162

CORPORATE LAW

Safina R. R., Mukhametyanova A. R. Models of corporate control over affiliated and dependent societies as a part of integration structures and the factors defining their choice	165
--	-----

HOUSING LAW

Arutyunyan M. S. On improvement of implementation practice of police officers' housing rights	168
---	-----

TAX LAW

Abakarova R. Sh. Optimization of taxation – legal saving on taxes	170
Abukarova M. U., Zalibekova D. Z. The legal status of tax agents in the Russian Federation	173
Kunbutayev T. N-I. The legal mechanism of tax and its elements	176
Halikova E. A., Giniyatullina D. R. Legal aspects of the risk of conflicts in the sphere of tax relations	178

INFORMATION LAW

Strukov K. V. Virtual space as the object of the control function of the Russian state	181
--	-----

HUMAN RIGHTS

Titova T. V. The essence of humanism as a generally recognized principle of law, its moral aspect	183
Kireeva O. A. Children's grants: legal, methodological and socio-political aspects	185
Beibutova A. M. The work of prenatal clinics on the protection of women rights: medical, social and legal aspects	187

THE LAW OF SOCIAL PROTECTION

Anbrekht T. A. Social protection of persons with disabilities in the Russian Federation: tendencies of legislation development	190
--	-----

MUSLIM LAW

Pirova R. N., Bekishiev A. A. Islamic law in the modern world	193
Albaiti M. A. A. Motive as a characteristic of the subjective aspect of crime in the criminal law of Muslim countries	195
Magomedova R. M., Nurmagomedov I. G. Some aspects of Islamic law development in the Arab East	198

CIVIL PROCEDURAL LAW

Azizova P. M. The execution of the decision on restriction of legal capacity of a citizen	200
Musaeva A. G. The legal basis of limitation of legal capacity of citizens, abusing alcoholic drinks or narcotic substances	202

CRIMINAL LAW

Nugumanov A. R., Agzamov I. M. Some problems of qualification of crimes related to the organization of a terrorist community and participation in it	204
Kilimbaev R. V. To the issue of the basis of criminal liability for uncompleted crime	206
Zaidova M. U. Excessive act in Russian criminal law	208
Abdulmuslimova L. G., Ibragimova Kh. A. To the issue of victimologic protection from violent crime	210

Abdulmuslimova L. G. <i>Individual victimologic prophylaxis of crimes against life and health</i>	213	Akhmetshin R. A. <i>Activity of law enforcement bodies of Bashkiriya in implementation of the new economic policy</i>	293
Lyagina E. V. <i>Analysis of military crime in the Russian army and its prevention</i>	215	NATIONAL SECURITY	
Kryukov V. V. <i>Deterrence as an aspect of general prevention</i>	218	Algushaeva V. R. <i>The religious radicalism among young people as a threat to the national security</i>	296
JUVENILE LAW		SELF-GOVERNMENT	
Gazimullin I. Yu. <i>Some issues on prevention of violent crimes of sexual character committed against minors</i>	221	Farkhutdinov R. D. <i>To the issue of the new concept of self-regulation in construction</i>	298
ANTI-CORRUPTION LAW		LEGAL CULTURE	
Chikireva I. P. <i>Problems of moral condemnation of civil servants for violation of requirements of office behaviour and corruption offenses</i>	224	Chupanova A. Ch., Azizova V. T. <i>On the legal perceptions of today's youth (on materials of the Republic of Dagestan)</i>	300
CRIMINAL EXECUTIVE LAW		POLICY AND LAW	
Shakhbanova Kh. M. <i>System of the principles of the criminal and executive law</i>	226	Benina L. I. <i>Political and ideological traditions as the factor of evolution of Russian society</i>	302
Aliev Kh. O., Shakhbanova Kh. M. <i>Movement of condemned to imprisonment without convoy or escort as one of incentive institutes of penal law</i>	228	Vildanov R. R. <i>Theoretical and methodological foundations of analysis of the parliament's role and place in the state political system</i>	305
Epifanov O. S. <i>Legal framework and practice of psychological work with prisoners sentenced to punishments and measures of criminal and legal nature without isolation from society</i>	230	Musina L. M. <i>Topical questions of geopolitics in modern Russia</i>	308
CRIMINALISTICS		Rabinovich E. I. <i>Politics, history and mentality</i>	310
Davletshina L. S. <i>Tactics of investigative actions with use of means of video recording</i>	233	Ivanova K. A. <i>Development and modernization of the institution of citizens' public initiatives in the light of current political trends</i>	318
Dibirgaziya R., Yusupkadieva S. N. <i>Typical investigative situations and the main directions of research in them</i>	235	Zamyatin P. V. <i>Development of socio-political direction of urbanism in the postindustrial era</i>	320
Mamleev R. R. <i>Features of operational search prevention of extremism manifestations in the Internet network</i>	238	Budanov N. V. <i>Youth opposition organizations: their specificity and transformation in the context of civil society in Russia of the late 20th and early 21st centuries</i>	323
CRIMINOLOGY		Grishin O. E. <i>Political technologies of the formation of comfort urban environment (the case of Moscow megalopolis)</i>	326
Kurbanova D. N. <i>Some criminological aspects of terrorist acts committed by women</i>	241	Gudoshnikova O. E. <i>Political participation of youth through the Internet: the West European experience</i>	330
JUDICIARY		Romanova D. Yu. <i>Electoral choice from the perspective of religious preference and candidate image: specificity, rationale and comparative analysis</i>	334
Melnik S. V., Nadtachev P. V. <i>Factors of increase of efficiency of justice</i>	243	Tretiukhin M. V. <i>The alignment of «left» political forces in the Russian Federation in the aggravation of the domestic and international contradictions</i>	337
Musaeva A. G., Azizova P. M. <i>Peculiarities of legal proceedings on an application for recognition of a citizen incapable</i>	245	Nazaryan G. S. <i>The comparison of specifics of Armenian and Jewish diaspora activities</i>	341
Nikuradze N. O. <i>The legal nature of the institution of civil action in criminal proceedings: its dual nature</i>	247	PHILOSOPHY AND LAW	
Huseynov A. A. <i>Protection of participants in criminal legal proceedings: technical means</i>	249	Lukyanov M. Yu., Bondarenko A. V., Izumov I. V. <i>The philosophy of the "The Sovereign Prince" of N. Machiavelli: truth and delusions</i>	343
Pitetskij V. V. <i>Concept of evasion of investigation or court in the light of the interpretation of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation</i>	251	BOOK REVIEW	
LAW MAKING		Chegovadze L. A. <i>Review of the monograph of A. Abdjalilov "Theoretical problems of civil legal relations on the Internet" (Dushanbe: "Andaleb-r", 2015. 272 p.)</i>	345
Morin A. V. <i>Some aspects of improving legislation in the sphere of citizens' participation in public order protection</i>	255	REVIEWS	
ADVOCACY		Buryanov S. A. <i>IV International Scientific Congress "Global Studies 2015": prospects for development of international law in the context of globalization of social relations</i>	348
Ragulina I. T. <i>Institutes of the paralegal assistant and advocate's trainee in Russian law: retrospective analysis</i>	257	Semenova N. S., Kiseleva E. V. <i>Round table «the concept of the family in the light of traditional values and international law», Moscow, October 30, 2015</i>	354
PSYCHOLOGY AND LAW		ANNIVERSARY	
Nurmukhametova I. F. <i>To the question about the necessity of studying the psychological and social problems of youth in a multi-ethnic community</i>	260	Congratulations with the 25th anniversary of the faculty of law of the T. G. Shevchenko Transdniestrian State University.....	357
PEDAGOGY AND LAW		INFORMATION FOR AUTHORS	358
Ataeva P. A. <i>The impact of pedagogical science on the legal culture of society</i>	262	ABOUT THE AUTHORS	359
SOCIOLOGY AND LAW			
Abramova S. R., Safin F. G. <i>Ethnic aspects of trust to regional and federal authorities (according to ethno-sociological research in the Republic of Bashkortostan)</i>	264		
Ataeva P. A. <i>Definition of the concept of social norms in modern society</i>	266		
ECONOMICS AND LAW			
Aliverdieva M. E. <i>Simplified procedure of consideration of economic disputes</i>	268		
Gareeva Z. A., Knyazeva O. V. <i>Implementation of control functions in the preparation of the consolidated financial statements under the Russian and international regulatory framework</i>	271		
Gizatova R. R. <i>Rationale and selection of preferable embodiment of investment project of oil and gas company</i>	273		
Kadyrova G. F., Gindullin N. F., Dallakyan G. R. <i>Industrial disputes as an integral component of modern society</i>	278		
Safina R. R., Kharitonov A. P. <i>Strategic management and control of the investment activity at the industrial enterprises</i>	281		
PUBLIC ADMINISTRATION			
Magomedrasulova R. B. <i>The role of the state in the processes of social modernization and control</i>	283		
Kozhenko Ya. V., Agafonova T. P. <i>The essence and formation principles of domestic public and private partnership model</i>	285		
Kozhenko Ya. V. <i>Legal basis of service activities of public and private partnerships in Russia</i>	288		
Gelerskiy P. S. <i>The impact of the ethnic factor on the regional political process and political stability in the North Caucasus</i>	291		

**Инсур Фархутдинов:
ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРАЗИИ
(МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА СОБЫТИЙ В СИРИИ)**

Интервью с доктором юридических наук, главным редактором Евразийского юридического журнала Инсуром Забировичем Фархутдиновым

**Insur Farkhutdinov:
ENSURING PEACE AND SECURITY IN EURASIA
(INTERNATIONAL LEGAL ASSESSMENT OF THE EVENTS IN SYRIA)**

Interview with Insur Zabirovich Farkhutdinov, Ph.D. in Law, Editor-in-chief of the Eurasian Law Journal

Фархутдинов И. З.

Визитная карточка:

Фархутдинов Инсур Забирович, выпускник Дипломатической академии МИД России, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук (сектор международно-правовых исследований), доктор юридических наук – специальность 12.00.10 – Международное право. Европейское право, главный редактор «Евразийского юридического журнала». Живет в г. Москве. Кандидатская диссертация на тему «Соотношение международного и национально-правового регулирования иностранных инвестиций в России» защищена в Институте государства и права Российской Академии наук под руководством профессора Богатырева А. Г. Там же в 2006 г. защищена докторская диссертация на тему «Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика» (научный консультант профессор И. И. Лукашук).

И. З. Фархутдинов – автор около 80 научных работ на русском и английском языках, в том числе книг: «Международное инвестиционное право и процесс» М.: Проспект, 2013; «Международное инвестиционное право. Теория и практика применения» М.: Волтерс Клувер, 2005; «Инвестиционное право» (М.: Волтерс Клувер, 2006, в соавторстве с В. А. Трапезниковым; «Иностранные инвестиции и международное право» Уфа: Изд-во Башкирского госуниверситета, 2001; «Международный инвестиционный арбитраж. М., 2014, в соавторстве с Данельяном А. А.).

В 2007 г. на собственных концептуальных разработках учредил международное периодическое издание – «Евразийский юридический журнал» (с января 2009 г. выходит ежемесячно). В феврале 2010 г. журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основные направления научных исследований: проблемы развития доктрины международного права, международное инвестиционное право, правовой режим иностранных инвестиций в России, арбитражная практика о мерах разумного государственного вмешательства в международный инвестиционный проект и др.

Проходил по гранту стажировку в США, участвовал на основе грантов в международных конференциях: Центральный Европейский университет (ЦЕУ, г. Будапешт, Венгрия); г. Тезеран (Иран); Берлин (Германия); Алматы (Республика Казахстан) и др.

И. З. Фархутдинов – член Диссертационных Советов при Институте государства и права Российской Академии наук, Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

– Уважаемый Инсур Забирович, как Вы оценили бы международную ситуацию после серии ноябрьских терактов в Париже, вероломной атаки Турции на российский бомбардировщик?

– После сбития лайнера с российскими пассажирами, серии ноябрьских терактов в Париже, вероломной атаки Турции на российский бомбардировщик, угрозу миру и безопасности в Европе, да и во всем мире, исходящую от действующих на территории Сирии и Ирака групп международных боевиков, я бы даже назвал катастрофической. Речь уже можно вести о таком новом явлении как глобальный терроризм, который, по моему мнению, гораздо опаснее обычного международного терроризма, действовавшего прежде. В ходе массовой нелегальной миграции, как показывает серия ноябрьских терактов в Париже, в Европу просочились профессионально обученные головорезы, прошедшие «академию терроризма» в Ираке, Сирии. Сегодня они держат в страхе Европу, Америку, а не только Большой Ближний Восток.

«Сегодня мы вновь лицом к лицу столкнулись с разрушительной варварской идеологией и не имеем права допустить, чтобы новоявленные мракобесы добились своих целей», – сказал совершенно правильно В. В. Путин, оглашая свое ежегодное послание Федеральному собранию России.

В глобальный терроризм вовлечены целые государства, тайком или открыто поддерживающие террористов так называемого Исламского государства (ИГ). Президент Турции Эрдоган лично приказал сбить российский бомбардировщик Су-24. Об этом пишет портал разоблачительной информации WikiLeaks.

Глобальный терроризм фактически начался в 2013 году, когда вооруженные некоторыми странами Запада и арабского Востока до зубов террористы, объявившие себя ни много ни мало «Исламским государством», как говорится, среди белого дня при всем честном народе, точнее, международном сообществе, захватили огромные территории двух суверенных государств – Сирии и Ирака.

Опасность глобального терроризма, сегодня исходящая от ИГ и других террористических группировок, обостряется еще и тем, что за последние четыре года насильственно, при грубом нарушении Устава ООН, основных принципов и норм международного права, свержены законные правительства в соседних странах (Египет, Ливия, Тунис, Йемен). А незадолго до этого был основательно разрушен вполне благополучный Ирак, являющийся очень много веков назад колыбелью человеческой цивилизации. В 2003 году США, выкручивая руки своим союзникам, пошли на применение военной силы в

этом суверенном государстве без санкции Совета Безопасности ООН, что и сегодня автоматически позволяет считать действия военных сил НАТО агрессией. Между тем в настоящее время запрет на использование силы и угрозы силой является общим принципом права¹.

Постоянные члены Совбеза ООН Россия и Китай занимали позицию невмешательства во внутренние дела и не нарушения государственных границ Ирака (а сегодня – аналогично Сирии). Попутно отметим, что роль России и Китая в новейшей евразийской геополитике² обуславливается не только их географическим положением – они являются крупнейшими евразийскими государствами, а также сложившейся мировой обстановкой, связанной с экспансивной политикой Запада относительно стран Северной Африки, Ближнего Востока. Евразийская геополитика кардинально изменилась в результате государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г. и превращения Украины по сути в американский протекторат³.

Уверен, международное право в условиях новых вызовов и угроз требует сочетания национальных интересов и выживания всего сообщества, недопущения использования силы права⁴.

– Содействие свержению изрядно прогнивших и коррумпированных, но все-таки законных режимов С. Милошевича, С. Хусейна, М. Каддафи, Х. Мубарака, В. Януковича фактически привело к подрыву и/или уничтожению государственности на огромных территориях современного мира и спровоцировало гражданскую войну. В итоге, можно сказать, сложилась доминирующая на Западе однополярная концепция, которая подрывает мир и безопасность во всем мире, грубо попирает основные принципы и нормы международного права. Каковы правовые основания и границы применения силы для восстановления международного мира и безопасности с точки зрения международного права?

– Сегодняшняя гражданская война в Сирии – это еще один наглядный пример бездумной внешней политики США, которая началась с насильственного свержения законных президентов Саддама Хусейна, Муамара Каддафи, Хосни Мубарака. В результате на Большом Ближнем Востоке к власти пришли экстремистские силы. Регион стал источником международного терроризма, то есть еще более взрывоопасным. Положение населения резко ухудшилось: крайняя нищета,

гибель мирных жителей, тысячи беженцев, ухудшение экономического положения.

С августа 2014 США и их союзники осуществляют авианаряды по позициям так называемого Исламского государства в Сирии и Ираке. При этом их действия происходят без согласия законного правительства Б. Асада, идут вразрез с международным правом и нарушают суверенитет Сирийской Арабской Республики (САР). Поскольку только Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта, в соответствии со ст. 39 Устава ООН, агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Иначе любое применение военной силы является, с точки зрения международного права, агрессией.

Определение агрессии – так прямо озаглавлена резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года. Агрессией статья 1 считает применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении.

– Коалиция США подвергают бомбардировке территорию САР уже больше года, с формальной точки зрения это можно ли считать агрессией?

– Принцип невмешательства во внутренние дела государств является одним из основополагающих принципов современного международного права, закрепленных в Уставе ООН и ряде других международных документов. Он в качестве общего принципа межгосударственных отношений формировался в процессе борьбы наций за свою государственность. Современное понимание принципа невмешательства в общей форме зафиксировано в п. 7 ст. 2 Устава ООН и конкретизировано в авторитетных международных документах: Декларации о принципах международного права 1970 г., Заключительном акте СБСЕ, Декларации ООН о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета 1965 г.

– Каковы глубинные причины современных конфликтов? По мнению профессора О. Н. Хлестова, из событий, происходящих на севере Африки и в Сирии, самым опасным является возрастание использования иностранного вмешательства для насильственного свержения законных правительств и замены их удобными для иностранных кругов. Так ли это? Не идет ли уже речь об угрозах международной безопасности на всей территории Евразии, начиная с Гибралтара, кончая всем Азиатско-Тихоокеанским регионом, да и во всем мире?

– Итак, десятилетиями, а то и веками на Ближнем Востоке копилась межэтнические, религиозные, политические противоречия, острейшие социальные проблемы. Попытки извне грубо переустроить страны стали той спичкой, которая привела к разрушению целых государств, всплеску терроризма и, в конечном счете, к многолетней угрозе миру во всем мире. Проходившие на севере Африки, Йемене, Ираке и в Сирии события были результатом не только внутренней борьбы, но и иностранного вмешательства, которое порой играло решающую роль, например, в Ливии, Египте. Западные страны (США, Великобритания, Франция), ряд арабских стран, Турция всячески противодействуют борьбе законного правительства Сирии с оппозицией, стремящейся вооруженным путем свергнуть легитимное правительство. Эти страны годами под-

1 Галенская Л. Н. Основные принципы международного права: развитие и взаимодействие (на примере принципа воздержания от угрозы силой или ее применения и мирного разрешения споров) // Современное международное право. Теория и практика. Liber amicorum в честь профессора С. В. Черниченко. М., 2015. С. 134; Бекашев К. А. Международное право и государства // Евразийский юридический журнал. 2013. № 5(61). С. 13-14.

2 См. подробно: Фархутдинов И. З. Россия и Китай: инвестиционное сотрудничество в контексте международного права (опыт для евразийской интеграции) // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5. С. 13-25; Он же. Россия и Китай: взаимные инвестиции (опыт правового регулирования для евразийской интеграции) // Евразийский юридический журнал. 2014. № 6. С. 16-29; Он же. Китай и Россия: через взаимные инвестиции к национальному благополучию (опыт национально-правового регулирования для евразийской интеграции) // Евразийский юридический журнал. 2014. № 8. С. 13-38.

3 Нарышкин С. Е. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. и международное право. Интервью. // Евразийский юридический журнал. 2015. № 2(81). С. 8-10.

4 Кузьмин Э. Л. Влияние международного права на миропорядок: возможности и пределы // Верховенство международного права. Liber amicorum в честь профессора К. А. Бекашева. М.: Проспект, 2013. С. 152-158.

держивают оппозицию, оказывая ей политическую, экономическую, информационную и военную помощь, в связи с чем она не соглашается ни с какими уступками, которые предлагает правительство Асада (новая конституция, выборы и т.п.)⁵.

Ближний Восток как был десятилетиями очагом международной напряженности, так и остается до сих пор. Ситуацию осложняет и то, что Сирия и Израиль де-юре находятся в состоянии войны, так как мирный договор между этими странами не подписан до сих пор.

Политическая ломка Ближнего и Переднего Востока, юго-западной конечности Евразии, вступила в крайне опасную фазу. Практически с момента основания Сирийской Арабской Республики, Советский Союз оказывал ей дипломатическую и военную поддержку в противостоянии с Израилем. Дипломатические отношения между странами были установлены в январе 1944 года, одновременно с провозглашением Сирией независимости. В настоящее время они основаны на базовом российско-сирийском договоре от 1980 года.

В общем, еще в октябре 1980 года был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Сирийской Арабской Республикой. 14 ноября 1980 года он был ратифицирован указом Президиума Верховного Совета СССР. В декабре 1991 года Сирия признала Россию официальной правопреемницей СССР. Статья 14 гласит: «Настоящий Договор будет действовать в течение двадцати лет со дня его вступления в силу. Если ни одна из Высоких Договаривающихся Сторон не заявит за шесть месяцев до истечения указанного срока о своем желании прекратить действие Договора, он будет оставаться в силе на следующие 5 лет и так до тех пор, пока одна из Высоких Договаривающихся Сторон не сделает за шесть месяцев до истечения текущего пятилетия письменного предупреждения о своем намерении прекратить его действие».

Договор о дружбе и сотрудничестве от 8 октября 1980 года, подписанный 35 лет назад, и сегодня является надежной основой для развития всесторонних отношений между Россией и Сирией. Еще тогда стороны в статье 1 заявили о своей решимости неуклонно развивать и укреплять сотрудничество и в военной сфере. Статья 6 двухстороннего международного договора которого гласит: «в случае возникновения ситуаций, угрожающих миру или безопасности одной из Сторон либо создающих угрозу миру или нарушение мира и безопасности во всем мире, Высокие Договаривающиеся Стороны будут незамедлительно вступать в контакт друг с другом с целью координации своих позиций и сотрудничества для устранения возникшей угрозы и восстановления мира».

Данный двусторонний международный договор как результат согласования воли двух суверенных государств, выражает общую волю России и Сирии, что, кстати, имеет важные последствия для норм договорного права⁶. Воля государства при любой форме ее выражения (в договоре, обычае и т.д.) определяется его интересами и, прежде всего, политическими и экономическими. Через волю государств экономическая структура общества осуществляет решающее воздействие на развитие международного права⁷. Международное право, яв-

ляясь регулятором международных отношений, выполняет две неразрывно связанные и взаимопроникающие функции: стабилизирующую и созидательную⁸.

– 30 сентября уходящего года Россия начала бомбардировки террористических групп, действующих на территории Сирии. Насколько это было оправданно с точки зрения международного права и способно содействовать ослаблению и даже решению конфликта? А в какой мере участие в конфликте соответствует приоритетам внешней и внутренней политики России, в т.ч. закрепленных в Концепции внешней политики РФ? Также, не приведет ли активизация военного участия России в Сирии к гуманитарной катастрофе?

– Российская военная операция, начавшаяся 30 сентября 2015 года в Сирии, проводится по просьбе его законного правительства. В отличие от бомбардировок США и их некоторых союзников, единственной целью военной операции России, проводимой по просьбе правительства Сирии, являющегося суверенным государством со всеми вытекающими отсюда международно-правовыми полномочиями, является установление мира. Российские военные находятся в Сирии в полном соответствии с международными правилами и нормами, которые, напомним, были юридически закреплены в Договоре о дружбе и сотрудничестве от 1980 года.

Позиция России в отношении Сирии, которая выгодно отличается от ее позиции по Ливии (по мнению специалистов, тогда была допущена непоправимая дипломатическая ошибка), совершенно иная, чем позиция западных стран. Россия, вместе с рядом других государств – Китаем, Индией, Бразилией, Ираном, – выступают за соблюдение международного права, против иностранного давления на законное правительство Сирии, против поддержки вооруженной оппозиции. Россия добивается, чтобы международное сообщество помогло противоборствующим сторонам прекратить военные действия и мирным путем, путем переговоров решить вопросы государственного устройства страны. Россия также предлагает сторонам свои добрые услуги, посредничество и другие подобные акции.

Позиция России по Сирии является законной и целесообразной в рамках международного права. «Мы действуем на основе Устава Организации Объединенных Наций, то есть основных принципов современного международного права, в соответствии с которым тот или иной вид помощи, в том числе военной помощи, могут и должны быть предоставлены исключительно законному правительству той или иной страны, на его согласие или просьбу, или по решению Совета Безопасности Организации Объединенных Наций», сказал Путин.

«Военные поставки для борьбы с террористами ведутся с соблюдением всех формальностей и в рамках существующих контрактов между правительствами России и Сирии. Все наши контакты по линии военно-технического сотрудничества с сирийцами абсолютно законны. Россия учитывает обстановку в этом регионе и поставляем туда только то оружие, которое не может быть использовано против других стран. Поверьте мне: все, что у них есть, направлено исключительно для защиты своих границ и борьбы с террористами», продолжил президент России.

И сегодня Россия и Сирия, являясь многолетними союзниками в соответствии с Договором о дружбе и сотрудничестве

5 Хлестов О. Н. Российская доктрина международного права // Евразийский юридический журнал. 2013. № 3(58). С. 19-22.

6 Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Том. I. М., 2004. С. 77-97; Тиунов О. И., Каширкина А. А., Морозов А. Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации / Ответ. ред. О. И. Тиунов. М.: Норма, 2011. С. 11-37.

7 Tunkin G. T. International Law in the international system // Academie de droit international Recueil des Cours. 1975. Vol. 147. P. 18.

8 Ашавский Б. М. Концепции и их роль в современном международном праве // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12(79). С. 30-33.

от 8 октября 1980 года, остаются верными целям и принципам Устава ООН, в том числе принципам уважения суверенитета, национальной независимости, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела, изложенным в двустороннем договоре.

С 2000 года Башар Асад является бессменным президентом Сирии. Его отец Хафез Асад в течении около 30 лет обеспечивал порядок и благополучие народа. В 2011 году искусственно извне были организованы массовые протесты, в результате которых и возникло невиданное до сих пор чудовище, назвавшее самого себя Исламским государством.

Что касается опасений о гуманитарной катастрофе, то она уже имеет место. Банды боевиков осуществляют ежедневный террор против населения на захваченной территории, убивая сотни и тысячи людей каждый день. ИГ и их кровники занимаются грабежом природных ресурсов Сирии и Ирака, поставляя на черный рынок (в том числе на территорию Турции при попустительстве официальной Анкары) нефть на десятки и сотни миллионов долларов. Недавно террористы так называемого Исламского государства уничтожили уникальные памятники истории в Пальмире. Источником гуманитарной катастрофы является как раз ИГ.

– Что же из себя представляет так называемое Исламское государство Ирака и Леванта (сокращенно ИГ или ИГИЛ)?

– Эта крупнейшая международная террористическая организация, создана по заказу «Аль-Каиды» 15 октября 2006 года путём слияния одиннадцати радикальных исламистских группировок. С 2013 года ИГ, взявшее под свой контроль большую часть территории Сирии и Ирака, (между прочим при попустительстве некоторых арабских монархических режимов, к чему подтолкнули их, повязанных финансово, США) фактически определяют, как непризнанное квазигосударство с шариатской формой правления и штаб-квартирой в сирийском городе Ракка. 29 июня 2014 года ИГ провозгласил себя всемирным халифатом.

– Как следует оценивать это явление с позиций международного права и внутригосударственного законодательства?

– ИГ к началу российских бомбардировок насчитывал около 80 тысяч боевиков (50 тысяч из них действовали в Сирии), выходцев из стран Ближнего Востока, Европы и США, а также России и других стран СНГ. Костяк организации составляют бывшие сотрудники силовых ведомств Ирака, покинувшие службу после свержения Саддама.

Какой здравомыслящий человек не будет соглашаться с тем, что исламские боевики являются врагами цивилизации, мировой культуры, человечности. А как же иначе? Человек съедает сердце и печень солдата сирийских правительственных войск – этот содрогающий сердца всех людей эпизод прошел, пожалуй по всем телевизионным каналам. Но эти же СМИ между тем молчат, что этот людоед является, по некоторым сведениям, командиром одного из подразделений так называемой Свободной сирийской армии (ССА), воюющей бок о бок с ИГИЛ против законного правительства Сирии. Создана 29 июля 2011 г. не без поддержки Франции, между прочим, имеющей более чем два века демократических традиций.

Франция, США и некоторые страны ЕС считают «Свободную сирийскую армию» (ССА) легитимным представителем сирийского народа. Оппозиция получает денежную и во-

енную помощь, причем, не только из западных стран, а еще Катар и Саудовской Аравии – традиционными соперниками Ирана и Сирии за влияние на Ближнем Востоке. ССА Запад выдает за «умеренных» террористов. Оказывается, бывают и «умеренные» каннибалы. Это есть торжество ценностей западной демократии!?

Еще раз подтверждается то, как Запад уже давно навязывают всему миру некие «универсальные», по их мнению, либерально-демократические ценности, которые зачастую не отвечают особенностям развития различных стран и народов. Для некоторых радетелей западных ценностей и людоед может быть «хорошим террористом», защищающим «западные ценности». Им даже нипочем и то, что террористические группировки активно рекрутируют детей для ведения боевых действий – на фронтах ежедневно наравне с взрослыми террористами гибнут дети-бойцы.

Заметьте, ИГИЛ – первая в истории террористическая организация-миллиардер. Основной источник ее финансовых поступлений – грабежи, разбойные нападения, вымогательства, торговля нефтью на черном рынке, получение выкупов за заложников. Особая статья доходов – финансирование из стран Персидского залива. Террористы ИГ, например, получили, по некоторым сведениям, 4 млрд долларов от подданных Саудовской Аравии.

В сентябре 2014 года группировка громкогласно пригрозила России «освобождением» Чечни и Кавказа. В июне 2015 года в Интернете появилось видеобращение, в котором заявлялось, что все подконтрольные «Имарату Кавказ» (Кавказский эмират – исламистская террористическая организация, действующая на Северном Кавказе и ставящая своей целью создание независимого исламского государства) боевики приносят присягу «Исламскому государству».

В декабре 2014 года Верховный суд РФ признал террористическими международные организации «Исламское государство» и «Фронт ан-Нусра», запретив их деятельность на территории страны. Таким образом, был удовлетворен иск Генеральной прокуратуры России. В связи с этим любое участие в деятельности «Исламского государства» и «Фронта ан-Нусра» на территории России считается уголовным преступлением. В ряде и других стран наёмничество признаётся преступлением и подлежит уголовному преследованию.

– Главное обвинение, выдвигаемое против правительства Асада, – нарушение прав человека. А как обстоят дела с соблюдением прав человека со стороны других участников конфликта, и как эти вопросы регламентирует международное право?

– США и их союзники по НАТО усиленно внушают мировой общественности, что Башар Асад – вероятный военный преступник, начавший гражданскую войну с вооруженного подавления мирных демонстраций, использовавший бочковые бомбы и химическое оружие против гражданского населения страны... Согласитесь, сценарий тот же, что применялся и против легитимного лидера Ирака Саддама Хусейна.

Позиция России неизменна, Асад был и остается легитимным руководителем Сирии. В случае насильственного его свержения при попустительстве, а то и прямой поддержке стран НАТО и Персидского залива, страну ждет незавидная судьба Ирака, Ливии, Египта, Украины... Предоставление военной поддержки незаконным структурам противоречит принципам современного международного права и Устава Организации Объединенных Наций.

Армия Башара Асада остается единственной силой на территории Сирии, которая при помощи российской авиации реально борется с террористами.

В Сирии после того, как оппозиция начала военные действия против правительства, напомним, погибло около 250 тыс. человек. Но там внутренний, немеждународный вооруженный конфликт, когда действуют не нормы международного права о защите прав человека, предназначенные для мирного времени, а гуманитарное право. Как показывает международный опыт, обычно в подобных конфликтах все противоборствующие стороны повинны в нарушении правил ведения военных действий – гуманитарного права. То же происходит и в Сирии: вооруженная оппозиция, использующая терроризм, прежде всего, виновна в гибели мирных жителей, военнослужащих правительственных войск, полиции и других должностных лиц. А в случае победы оппозиции число жертв увеличится.

На большом Ближнем Востоке происходит массовое нарушение прав человека. Россия поддерживает линию Совета Безопасности ООН на рассмотрение и прекращение массовых нарушений прав человека как подпадающих под главу VII Устава ООН. Она также выступает за соблюдение гуманитарного права во время межгосударственных и немеждународных вооруженных конфликтов в Сирии. Вопрос о правах человека – остро-политический, часто используется некоторыми странами, в первую очередь США, как инструмент для достижения их внешнеполитических целей, противоречащих принципам и нормам международного права. Кстати, США так и не стали участником ряда таких договоров; например, Пакт об экономических и социальных правах 1966 г., Факультативный протокол 1966 г. к Пакту о политических и гражданских правах.

Россия обвиняет «Исламское государство» в многочисленных преступлениях против мира и человечности. Вопросы, связанные с защитой гражданского населения и гражданских объектов во время вооруженных конфликтов, регулируются Четвертой Женевской конвенцией и Дополнительными протоколами 1977 г. Жертвами группировки становятся целые народы (курды, езиды), и религиозные группы: христиане, шииты и другие. Их террористы истребляют методично по нацистскому сценарию. Согласно докладу правозащитной организации Amnesty International, сотни женщин и девочек, многим из которых 14 и 15 лет и даже моложе (сообщалось о жертвах 11 лет) стали жертвами групповых изнасилований и попали в сексуальное рабство. ИГ репрессирует не только людей, но и объекты культурного наследия. От рук террористов пострадали уже более 700 уникальных исторических объектов.

– Прекращение любого насилия и скорейшее мирное урегулирование кризиса самими сирийцами без иностранного вмешательства путем диалога между правительством и оппозицией было согласовано консенсусом в резолюциях СБ № 2042 и 2043 и в Женевском коммюнике «Группы действий» от 30 июня 2012 года. На Западе Башара Асада считают виновным в нарушении этих соглашений. Так ли это?

– Но именно участвующие в сирийском конфликте стороны, конфликтующие с правительством САР, и их зарубежные покровители явно или косвенно саботировали эти важнейшие документы.

В частности, в Заключительном коммюнике «Группы действий» по Сирии, принятом в Женеве 30 июня 2012 года участники «Группы действий» заявили о своей приверженности суверенитету, независимости, национальному единству и

территориальной целостности Сирии (пункт 3). Как известно, государственный суверенитет является фундаментом в регулировании международных отношений и в создании международных организаций и межгосударственных объединений. Это признано нормами международного и национального права⁹.

Стороны обязались в полном объеме осуществить план из шести пунктов и резолюции № 2042 и 2043 Совета Безопасности. В частности, заявили о том, что прекращение вооруженного конфликта должно подкрепляться незамедлительными, вызывающими доверие и зримыми действиями правительства Сирии по выполнению других положений плана из шести пунктов, а также о решимости действовать безотлагательно и активно, с тем, чтобы положить конец насилию и нарушениям прав человека и начать проводимый под руководством сирийцев политический процесс, ведущий к переходу, который отвечает законным чаяниям сирийского народа.

– Кому же выгодно перманентное военное противостояние в регионе?

– Слишком многие игроки стремятся получить свои дивиденды от полного распада Сирии как суверенного государства, чтобы не обращать внимания на страдания миллионов людей (в Сирии, напомним, погибло, по разным оценкам, около 250 тыс. людей за последние 4 года). Определенные силы и в Турции, и Саудовской Аравии, да и не только, тайно или явно рассчитывают на то, что у них хватит инструментов и ресурсов, чтобы направить полыхающий огонь на своих противников. В общем, Большой Ближний Восток по-прежнему сотрясает не только Евразию, но и весь мир.

Положения Устава ООН, относящиеся к использованию силы, сохраняют свое значение и в настоящее время. Запрет на применение силы, за исключением случаев, определенных Уставом ООН, носит характер императивной нормы международного права и не может быть легко изменен или отменен по причине даже многочисленных нарушений или на основании правовой позиции, которой придерживаются лишь одно или несколько государств, какой бы военной и экономической мощью они не располагали¹⁰.

С точки зрения международного права на охваченной войной этой, юго-западной, части Евразии, может быть восстановлен мир путем создания региональной системы коллективной безопасности. Региональные системы коллективной безопасности могут быть созданы в соответствии с п. 1 ст. 52 Устава ООН, допускающем существование региональных соглашений или органов «при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с целями и принципами Организации». Что касается Сирии, то такие региональные организации, как Лига арабских государств (ЛАГ), Организация исламского сотрудничества (ОИС) не могут обеспечить мир и безопасность в регионе. Поскольку они под давлением Саудовской Аравии и Катара заняли позицию против законного правительства Башара Асада, тайно оказывая финансовую поддержку террористическим группировкам, в массовом порядке проливающим кровь в Сирии и Ираке. А теперь уже и в Париже.

9 Ушаков Н. А. Государство в системе международно-правового регулирования. М., 1997. С. 12.

10 Вережетин В. С. О некоторых концепциях в современной доктрине международного публичного права // Материалы конференции в честь профессора кафедры международного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Л. Н. Галенской / Под ред. С. В. Бахина. – СПбГУ, 2009. С. 44.

– Сегодня говорят о кризисе ООН как многолетнего хранителя международного права. Каковы проявления и последствия снижения эффективности ООН для международного мира и безопасности?

– Ослабление роли ООН происходило все последнее десятилетие и заключалось в самом допущении того, что государство, которое ни на кого не нападает и никому не угрожает, почему-то должно быть «принудительно разоружено» в том числе и с помощью военной силы. Именно применение военной силы запрещено Уставом ООН, а отказ от применения силы, как и суверенное равенство всех субъектов международного права, входят в так называемые основополагающие принципы международного права, с которых начинаются как Устав ООН, так и все учебники международного публичного права.

Обвинения ООН в неэффективности ее механизмов, призванных сохранить мир и безопасность, в значительной мере справедливы. Дух Основных Принципов международного права, сформулированных в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права 1970 года и Хельсинкском заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, до сих пор не обеспечен буквой точных и последовательных нормативно-правовых установлений. Речь идет о таких основополагающих принципах, как неприменение силы и угрозы силой, невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, территориальная целостность государств, равноправие и самоопределение народов, разрешение международных споров мирными средствами, уважение прав человека и основных свобод. Их нарушение буквально взрывает международно-нормативную систему.

Более того, в условиях начавшегося в 2014 году нового противостояния между Западом и Востоком в результате государственного переворота в Киеве, происходит разлад устоявшейся десятилетиями после учреждения ООН международно-нормативной системы, что также способствует, я уверен, эскалации напряжения.

Все началось с 24 марта 1999 г., когда США и их союзники по НАТО, вопреки принципам и нормам международного права, Уставу ООН, совершили агрессию против Союзной Республики Югославии. Эта многодневная агрессия помимо бесчисленных жертв среди мирного населения и разрушений гражданских объектов фактически вызвала широкомасштабную экологическую катастрофу. Никакой ответственности за эти тяжкие злодеяния политические руководители США и НАТО не понесли.

Тогда впервые с момента учреждения ООН в 1945 году были игнорированы не только принципы «ялтинско-потсдамской» системы мироустройства, сложившейся после Второй мировой войны, но и вся структура международного права Нового времени, ведущая свои истоки от Вестфальского мира и провозгласившая принцип национального суверенитета.

Еще ярче проступил кризис ООН с началом агрессии против Ирака. 20 марта 2003 г. США и Великобритания вопреки Уставу ООН, принципам и нормам международного гуманитарного права, стандартам в области прав человека совершили вооруженное нападение на суверенное государство Ирак, чем продемонстрировали всему миру господство права силы в международных отношениях. Война привела к гибели десятков тысяч мирных граждан и сотням тысяч беженцев, тяжелейшим разрушениям инфраструктуры и хозяйства страны. Совет Безопасности не принял никакой резолюции, осуждающей военные действия США против этого суверенного

государства. Что сегодня, через одиннадцать лет, происходит в Ираке, фактически лишенном полноценного суверенитета, – мы все видим.

Вместо устранения опасности терроризма эта затяжная война превратила Ирак в международную «академию терроризма» и вызвала активизацию террористических организаций в других районах мира, которая может сохраниться и после прекращения войны. Устранив Ирак как самостоятельный фактор в международной политике и превратив тем самым Иран в региональный центр силы, угрожая Тегерану бомбардировками, США создали новую проблему себе и другим государствам как в регионе Ближнего Востока, так и в плане распространения оружия массового уничтожения¹¹.

США захватили Ирак, а сегодня пытаются захватить Сирию, чтобы установить контроль над его нефтяными богатствами, а не ради распространения демократии. То же самое можно сказать и о событиях, охвативших страны Ближнего Востока, арабских революциях 2011 года. Война в Ливии красноречиво тому подтверждение. Между прочим, сегодняшние кровавые события в Сирии меняют расклад сил не только в районе Персидского залива, но и на мировых рынках энергоносителей и международных инвестиций. По некоторым оценкам, объемы залежей газа и нефти в Левантийском бассейне, к которому примыкают границы Сирии, Израиля, Кипра, Ливана, составляют почти 3,5 триллионов куб. метров. Продолжающаяся почти три года гражданская война всегда считалась фактором, который ограничивал любые попытки проведения разведывательных работ на территории Сирии. Почему? Пока США не установили там свой полный контроль?

В «Декларации тысячелетия», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 8 сентября 2000 года, выражена решимость государств «повышать уважение к верховенству права в международных и внутренних делах». В 2011 г. война НАТО против Ливии происходила с грубейшими нарушениями мандата, выданного им резолюцией СБ ООН № 1973. В конечном итоге войска НАТО совершили интервенцию и фактически насильственно свергли законное правительство Муамара Каддафи. Вполне благополучная Ливийская Джамахирийская республика (жизненный уровень народа едва ли не был одним из самых высоких в Африке) вернулась во времена средневековья. Что происходит в Ливии сегодня? Народ донельзя обнищал, готов пуститься вплавь в Средиземноморье, чтобы как-то выжить.

Сирийский конфликт уже давно серьезно влияет на среду безопасности в Турции и за ее пределами, и в дальнейшем Анкара рискует безнадежно увязнуть в трясины этого кризиса подобно тому, как Саудовская Аравия уже сейчас не может найти военного выхода из конфликта в Йемене. На практике дальнейшее ослабление или даже свержение режима Асада приведет лишь к усилению позиций радикальных исламистов и активизации этно-конфессионального противостояния и хаоса в Сирии. Как следствие, вместо предполагаемого Анкарой решения сирийской проблемы в свою пользу, Турция получит усиление очага нестабильности у своих границ, который, к тому же, уже сейчас оказывает дестабилизирующее влияние на ситуацию внутри самой Турции.

Политическое руководство США и Великобритании возомнили себя неким мировым жандармом, которому позволено посредством развязывания агрессивной войны наказывать

11 Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук. М., 2007. С. 45.

лидеров других государств, элементарно попирая Устав ООН, в создании которой они принимали самое активное участие и являются постоянными членами ее главного органа – Совета Безопасности.

– Существуют ли пути умиротворения сирийского конфликта в реалиях современной системы международных отношений? Насколько своевременны и адекватны меры предпринятые в этом направлении СБ ООН, а также ведущих акторов мировой политики? Насколько конструктивна политика России по данному вопросу? Насколько актуальна проблема реформирования системы международных отношений и международной безопасности в условиях глобализации общественных отношений?

– Может ли выполнить Сирия политические решения до того, как уничтожит террористов и достигнет стабильности по всей территории страны? Вопрос не риторический.

Москва в последние месяцы настойчиво продвигала идею подключения сирийских вооруженных сил к антитеррористической коалиции, в которую входят страны региона и западные державы. В этом контексте Россия рассматривает военную помощь Дамаску как необходимую для противодействия террористической угрозе. «Инициатива президента России о противодействии ИГ включает в себя в качестве стержневого элемента необходимость бороться с терроризмом повсеместно, без попыток устанавливать градацию: где «террористы» хорошие, а где – плохие».

Кровавые революции в вышеназванных странах, названные почему-то «цветными революциями», грубо нарушая нормы международного права на евразийском пространстве в том виде, сопровождались незаконным вмешательством США и ряда других ведущих стран НАТО и ЕС в дела государств СНГ. Казалось бы, США, оставшись единственной сверхдержавой после распада СССР, должны были стать, как обещали громко, мировым гарантом стабильности. Но увы, напротив, они все чаще проявляют инициативу в возникновении вооруженных конфликтов в разных частях света.

Ни одна страна не имеет право навязывать свое превосходство другим суверенным государствам и силой заставлять подчиниться своему политическому или экономическому диктату, суверенитет является неотъемлемым свойством государства – такова позиция России. К сожалению, Запад все чаще отходит от принципа суверенного равенства государств¹².

Между тем, применение односторонних санкций недопустимо, ключевым условием для достижения стабильности в международных отношениях является верховенство права¹³.

Сегодня отчаянные попытки основательно разрушить Сирийскую Арабскую Республику продолжаются, задача – расчленив и создать на ее исторической территории ряд протекторатов, имеющих, как выяснилось недавно, громадные залежи углеводородов. Прямое вмешательство во внутренние дела вышеназванных арабских стран в ходе так называемых «цветных», а на самом деле террористических, революций, как раз и стало причиной расцвета терроризма на большом Ближнем Востоке. Разве можно было представить тот хаос и разгул терроризма в Египте при президенте Мубараке? Уверен, что невозможно было бы и крушение пассажирского лайнера А321 на Синае, повлекшее гибель россиян.

12 Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. С. 31.

13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.anderweltonline.com/>

Массовая нелегальная миграция ужаснула Европу, что стало прямым следствием вышеупомянутых, так называемых цветных революций, спровоцированных извне и практического уничтожения государственности на огромной территории Северной Африки, Ближнего Востока и Афганистана. В составе многотысячных толп мигрантов в Европу, как оказалось, и просочились профессионально обученные наемники, прошедшие «академию терроризма» в Ираке, Сирии...

Массовые потоки беженцев в Европу были спланированы. Оказывается, западные банкиры заранее знали, куда и как пойдет поток беженцев. Потому что загодя «вдруг» открыли свои филиалы там, где люди смогут удобно снимать наличные для своего долгого пути¹⁴.

Запад, исповедующий прагматические ценности, всегда стремился создать такой мировой порядок, который в максимальной степени отвечал бы его интересам, и, прежде всего, собственной безопасности. Иначе говоря, ему свойственно не подстраиваться под существующие нормы международного права, а использовать их для реализации собственной политики – отсюда практика так называемого «двойного стандарта». США стремятся формировать такой международный порядок, который сохранил бы в неприкосновенности лидерство США во всем мире права¹⁵.

В этих реалиях возникает опасность вооруженного посягательства на безопасность другого государства и угроза его политической независимости¹⁶.

В Резолюции № 2249 от 21 ноября с.г. Совет Безопасности ООН единогласно призвал в пятницу страны принять все необходимые меры в соответствии с международным правом для борьбы с «Исламским государством» и другими террористическими организациями в Ираке и Сирии, а также ликвидировать пристанище экстремистов на территории двух стран.

Россия представила текст резолюции о координации действий в борьбе с террористическими организациями в конце сентября. Документ не устроил ряд западных стран, так как призывает координировать антитеррористические усилия с властями стран, на территории которых проводятся военные операции. 18 ноября РФ предложила свой проект резолюции, который опирается на концепцию самообороны и 51 статью Устава ООН.

Справедливости ради скажем, что западная коалиция заручилась поддержкой властей Ирака в противодействии боевикам так называемого Исламского государства. А вот удары по Сирии наносятся без согласования с правительством этой страны и, еще раз подчеркнем, без резолюции СБ ООН применяется военная сила на территории суверенного государства. То есть Обама и ряд европейских лидеров откровенно нарушают международное право.

Напомним, что прекращение любого насилия и скорейшее мирное урегулирование кризиса самими сирийцами без иностранного вмешательства путем диалога между правительством и оппозицией был согласован консенсусом в резолюциях Совета Безопасности ООН № 2042 и 2043 и в Женевском коммюнике «Группы действий» от 30 июня 2012 года. Но

14 Кто спланировал потоки беженцев в Европу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-news.su/news/84241-ktosplaniroval-potoki-bezhencev-v-evropu.html>

15 Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2009. С. 17-25.

16 Черниченко С. В. Контуры международного права. М.: Научная книга, 2014. С. 511.

участвующие в сирийском конфликте антиправительственные силы и их зарубежные покровители явно или тайно саботировали эти важнейшие международно-правовые документы.

По замыслу американских политологов так называемый «управляемый хаос» призван подменить основополагающие принципы международного права, на котором основывалась с момента учреждения ООН в 1945 году вся международная система обеспечения мира и безопасности. На Большом Ближнем Востоке Запад эту задачу отводит протекторатам, кстати, в таковой практически нынче превращена и Украина¹⁷.

Это и есть достижение современного западного мировоззрения? Нет. Это есть эскалация международной напряженности, выгодной гегемонистским устремлениям США.

Необходимы коллективные меры по восстановлению долгожданного мира в Сирии. После Второй мировой войны была создана всемирная система коллективной безопасности под эгидой Организации Объединенных Наций, основная задача которой состоит в том, чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны». Система коллективных мероприятий, предусмотренная Уставом ООН, охватывает: меры по запрещению угрозы силой или ее применения в отношениях между государствами (п. 4 ст. 2); меры мирного разрешения международных споров (гл. VI); меры разоружения (ст. 11, 26, 47); меры по использованию региональных организаций безопасности (гл. VIII); временные меры по пресечению нарушений мира (ст. 40); принудительные меры безопасности без использования вооруженных сил (ст. 41) и с их использованием (ст. 42). Отступление от вышеперечисленных принципов и норм в любом случае представляет собой нарушение международного права¹⁸.

Создание и обеспечение функционирования нового экономического миропорядка требует более высокой организации мировой системы, существенного повышения степени ее управляемости. Сегодня это ключевая глобальная проблема, от ее решения зависит международно-правовое регулирование других глобальных проблем¹⁹.

Нельзя одной рукой бороться с террористами, а другой, фактически, подыгрывать им, руководствуясь конъюнктурными соображениями. Нельзя, чтобы Турция, полноправный член НАТО, вела себя как разбойник с большой дороги, отбросив все нормы международной вежливости.

Справиться с глобальным терроризмом можно только объединив усилия всего мира. «Нужно отбросить все расхождения, создать один мощный единый антитеррористический фронт, который будет действовать на основе международного права под эгидой ООН», – заявил президент РФ 3 декабря сего года.

Пойдут ли США и НАТО по этому пути - покажут ближайшие недели.

– **Уважаемый Инсур Забирович, и позвольте задать в заключение традиционный вопрос: что бы Вы хотели пожелать читателям, авторам.**

– Рад всем сообщить, что в прошлом месяце нашему изданию исполнилось восемь лет, из них почти семь лет он выходит ежемесячно. С 2009 года журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. С 1 декабря 2015 года Евразийский юридический журнал включен в перечень ВАК по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки, 08.00.00 Экономические науки, 09.00.00 Философские науки.

Считаю, что в этом прежде всего заслуга сотрудников редакции, и конечно же, наших замечательных авторов из России, а также других стран СНГ.

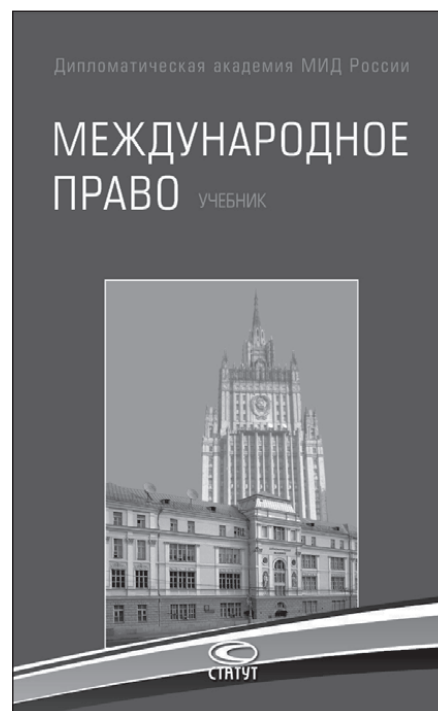
Всем им желаю новых успехов во имя процветания евразийской интеграции!

С И. З. Фархутдиновым беседовали:

П. Н. Бирюков,
д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой
международного права Воронежского
государственного университета

С. А. Бурьянов,
к.ю.н., доцент кафедры
международного права Московского
городского педагогического
университета

17 Фархутдинов И. З. Евразийская интеграция и испытание украинской государственности в системе международного права // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12. С. 15-20.

18 Черниченко С. В. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8(87). С. 21-27.

19 См.: Лукашук И. И. Мировой порядок XXI века /Международное публичное и частное право. 2002. № 1.

Шмаков Р. В.

К ВОПРОСУ О «НАДНАЦИОНАЛЬНОСТИ» ПРАВА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Статья посвящена проблеме признания за правом Евразийского экономического союза статуса наднационального права. Анализу подвергается природа, структура и правовая основа деятельности новой интеграционной международной организации. Механизм правового регулирования правоотношений нормами права Евразийского экономического союза аналогичен международному праву в классическом понимании. Наднациональность – это свойство, присущее международным организациям, которое носит политический характер, а не правовой. Сама идея существования некоего наднационального права как уникального феномена ставится под сомнение. Евразийский экономический союз создается как международная организация, и ее «наднациональность» не может повлиять на статус норм ее правовой системы, они будут применяться в рамках традиционных принципов верховенства и прямого действия.

Ключевые слова: наднациональность, наднациональное право, внутригосударственное право, право Евразийского экономического союза, интеграционные полномочия, интеграционная организация, прямое действие, принцип верховенства, правовая система, правопорядок.

Шмаков Р. В.

Shmakov R. V.

TO THE ISSUE OF "SUPERNATIONALITY" OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION LAW

This article is devoted to recognition problem of the "supernational" status of the Eurasian Economic Union law. The nature, structure and legal basis of activity of the new international integration organization are analyzed. The mechanism of legal regulation of relationships by the rules of law of the Eurasian Economic Union is similar to international law in classical representation. The supranationality is the feature inherent in the international organizations which has political character, but not legal. The idea of supranational law as unique phenomenon is called into question. The Eurasian Economic Union is created as the international organization, and its "supernationality" can't influence the status of norms of its legal system, they will be applied within the traditional principles of supremacy and direct action.

Keywords: supranationality, supranational law, internal law, law of the Euroasian Economic Union, integration powers, integration organization, direct action, supremacy, legal system, law and order.

Мировые интеграционные процессы в обществе вызывают интерес ученых-исследователей в различных областях на протяжении многих лет. Это обусловлено, прежде всего, опасениями, связанными с будущим общества и государства, их самоидентичности и независимости. Прошлый век смело можно назвать веком международного права, поскольку отношения действительно переросли традиционные рамки, и появились институты, которые не просто создаются государствами для разрешения наиболее актуальных вопросов их политики, но и способны принимать решения, обязательные для государств, в том числе и в отношениях, которые традиционно относились к категории суверенных. В свете сказанного многие государствоведы опасаются за суверенитет и порой не разделяют оптимизм политиков – идеологов интеграции, и глобализации. С 50-х годов XX в. на территории Европы действует такая крупная интеграционная организация, как Европейский союз, берет начало в Организации угля и стали, призванной решать вопросы экономического сотрудничества государств, а в настоящее время это публично-политическое объединение, которое обладает исключительной компетенцией по целому ряду внутригосударственных полномочий.

Подобные процессы требуют тщательного изучения для того, чтобы была реальная возможность их регулировать. Безусловно, экономическая интеграция имеет свои результаты на территории Европы, но вопрос о правовом и политическом поле деятельности этой организации остается открытым. Так, например, не понятно, обладает ли Евросоюз самостоятельной политической волей, каков его правовой статус, а главное, как относиться к его праву. Перечисленные вопросы, несмотря на свою теоретичность на первый взгляд, при более внима-

тельном рассмотрении оказываются принципиальными для практики.

Юристов, безусловно, интересуют проблемы применения норм права интеграционных организаций на практике, в частности, определение статуса правовой системы и юридической силы правовых норм.

29 мая 2014 г. Российская Федерация подписала с Казахстаном и Беларуссией Договор о Евразийском экономическом союзе, которым было создано принципиально новое политическое образование интеграционного характера. Ни для кого не секрет, что на эту организацию возлагаются большие надежды в области регулирования экономических отношений между странами-участницами. В свете этих событий появилась необходимость точно квалифицировать статус созданной организации, правомочия и сферу ее деятельности.

В свете сказанного представляется целесообразным выяснить природу права этой организации, форму его существования и юридическую силу его норм. На наш взгляд, целесообразно рассматривать ЕАЭС в сравнении с Европейским союзом. Дело в том, что в деятельности Евросоюза этот вопрос остается открытым практически с момента его создания, и есть опасения, что подобная ситуация может сложиться и в данном случае.

Для начала необходимо обратить внимание на статус Евразийского экономического союза. Фактически он сложился из таких образований как Таможенный союз и Единое экономическое пространство, которые в настоящее время не обладают автономией. ЕАЭС является международной организацией, о чем гласит ч. 2 ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанном 29 мая 2014 г. Необходимо отметить, что указанный договор никаких иных сведений, характеризующих данную организацию, не содержит. В работах ученых-правоведов, посвя-

ценных изучению интеграционных образований, в частности Евросоюза и Евразийского экономического союза, часто можно встретить определение их как наднациональных.

Впервые это свойство было применено в отношении ЕС, однако четкого унифицированного подхода к природе этого значения так и не выработано, сложно сказать, какие именно организации могут называться наднациональными. Но ситуация осложнена еще и тем, что в доктрине разрабатывались и идеи наднационального права, что породило немало вопросов теоретического и практического характера в связи с применением норм этого правового комплекса.

Изначально «наднациональность» бала использована применительно к деятельности международной организации, а не к праву, и основная идея сводилась к возможности этой организацией осуществлять суверенные полномочия. Справедливости ради стоит отметить, что этот подход сохраняется и до настоящего времени, хотя перечень полномочий, которые стали именоваться наднациональными, то есть находящимися в исключительной компетенции международной организации, значительно расширился. Однако это расширение не должно пониматься как ограничение суверенитета, поскольку государства сами на договорных началах передают эти полномочия, в данном контексте речь должна идти о делегировании полномочий.

Способность регулировать отношения внутригосударственного характера стала основанием для признания интеграционного характера международной организации, поскольку она унифицирует практику государств – членов международной организации в той или иной области. Например, в Европейском союзе это деятельность таможенного союза, общая торговая политика, право конкуренции, охрана биологических ресурсов морей и т.д.

Интеграционной международной организацией именуется и ЕАЭС¹. Заметим, что на современном этапе развития довольно сложно сказать, насколько широкими будут полномочия этой организации по отношению к государствам-членам.

Рассмотрим ситуацию с правовым закреплением понятия «наднациональность» в первичном праве Евразийского экономического союза. Нормы о «наднациональных институтах» содержатся в Декларации о Евразийской экономической интеграции². Безусловно, речь в данном случае должна идти о раскрытии свойства институтов данной организации через их полномочия, которые распространяются на государства, являющиеся членами организации. В этом значении использование понятия «наднациональность» вполне традиционно. Не избегает рассматриваемого понятия и Договор о Евразийском экономическом союзе³, используя его для обозначения «наднациональной компетенции», то есть пределов полномочий органов и институтов международной организации в отношении государств-членов, и «наднациональных органов» – самих подразделений организации. Необходимо отметить и тот факт, что определения «наднациональности» в рассматриваемом договоре не содержится, нет в нем и каких-либо логических указаний на содержание рас-

сматриваемого понятия. Важно учесть и то обстоятельство, что о статусе права ЕАЭС сведений не содержится.

Анализ правовых актов, направленных на регулирование евразийской интеграции, позволяет найти упоминание о так называемых наднациональных актах, а также о наднациональном уровне⁴. При этом остается открытым вопрос, дает ли это основание полагать, что существует некое правовое образование. Отметим, что из смысла данного документа не понятно, идет ли речь о принципиально новом уровне правового регулирования или это характеристика деятельности международной организации. Полагаем, что оснований говорить о самостоятельном правовом уровне недостаточно, поскольку выделить некие характерные особенности права этой организации, отличные от норм других международных образований, довольно сложно. А что касается наднациональных актов, то в данном случае уместнее было бы их расценивать как принадлежащие организации, которая обладает политическим свойством «наднациональности», в то время как наличие этого признака не влечет существенных изменений в статусе и юридической силе норм подобных правовых образований. А если принять во внимание международный характер правовых систем рассматриваемых организаций, то многие противоречия автоматически будут сняты. Например, нет необходимости объяснять принцип прямого действия норм наднационального права по отношению к внутригосударственным, он полноценно функционирует в правоприменительной практике, поскольку применяется по аналогии с международными нормами и не вступает в противоречие с этим признаком международного права, поскольку в таком случае происходит фактическое его слияние.

Представленная ситуация требует детального осмысления на теоретическом уровне, с тем, чтобы выработать унифицированный подход к пониманию статуса правовых норм ЕАЭС. Специалисты в области интеграционных образований проявляют определенный интерес к деятельности принципиально новой организации на постсоветском пространстве. Так, например, С. Ю. Кашкин указывает на то, что Таможенный союз и Единое экономическое пространство являются наднациональными образованиями. Однако он отмечает и то обстоятельство, что юридически они не являются самостоятельными организациями⁵. При этом нельзя не учитывать, что они обладают свойством интеграционности и фактически сочетают традиционные формы межправительственного сотрудничества и наднациональных элементов⁶.

Любопытно отметить, что и в российских правовых актах стало использоваться понятие «наднациональность». Так, постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 330 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие внешнеэкономической деятельности”» содержит это понятие для характеристики институтов, компетенций, органов и уровня полномочий. Обратим внимание, что в означенном правовом акте приводится конкретизация наднационального уровня, он в представленном контексте служит для обозначения полномочий. Это позволяет избежать толкования в пользу на-

1 См.: ч. 2. ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе. Астана 29 мая 2014 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 16 февраля 2015 г.).

2 См.: Декларация «О Евразийской экономической интеграции» от 18 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902321306> (дата обращения: 16 февраля 2015 г.).

3 См.: ст. 38, 103 Договора о Евразийском экономическом Союзе, Астана, 29.05.14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/default.aspx> (дата обращения: 16 февраля 2015 г.).

4 См.: Решение Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 года «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства на 2014-2015 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/499098689> (дата обращения: 16 февраля 2015 г.).

5 См.: Кашкин С. Ю. Основы правового регулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве. М.: Норма, Инфра-М, 2013. С. 18.

6 См.: Кашкин С. Ю. Там же.

национального уровня правового регулирования. А если принять во внимание международный характер организации, то это может послужить еще одним доказательством в пользу признания ее как характеристики самой организации, а не ее права.

Весьма примечательной представляется ситуация вокруг вопроса правосубъектности Евразийского экономического союза, поскольку относительно ЕС это вызывало определенные проблемы. Есть мнение, что Европейский союз обладает международной правосубъектностью⁷, однако существует группа ученых, склонных считать, что этой организации не присуща международная правосубъектность⁸. На наш взгляд, суть проблемы сводится к признанию союза международной организацией, что ставилось под сомнение. Применительно к ЕАЭС подобная ситуация не должна возникать, поскольку договор о создании Союза определил его как международную организацию, и несмотря на все характеристики, как то интеграционный характер и прочее, исходить нужно именно из правового статуса, который понимается весьма однозначно.

Проанализируем ситуацию относительно проблемы наднациональности в научных кругах. Среди исследователей встречается позиция, квалифицирующая право организации как наднациональное. Например, решения Европейской экономической комиссии, в силу их прямого действия и обязательности для исполнения субъектами, которым эти решения адресованы, должны рассматриваться «не международными договорами, а наднациональными правовыми документами, не нуждающимися в последующей ратификации или ином подтверждении органами государств-членов»⁹. На наш взгляд, такая трактовка представляется не вполне корректной. Дело в том, что в силу прямого действия, то есть отсутствия процедуры ратификации международного акта, не происходит автоматическая трансформация с международного на какой-либо другой. Кроме того, принцип прямого действия является классическим для международного права. Именно поэтому говорить о наднациональности акта только в силу прямого действия и адресованности невозможно. Важно учесть тот факт, что в ст. 3 Договора о Евразийской экономической комиссии нет прямых указаний на «наднациональность» ее актов, следовательно, наднациональность ее актов есть лишь теоретическое предположение, основанное не на правовых актах, а на научных концепциях. Примечательно, что признания за рассматриваемыми нормами международной природы вполне достаточно для реализации тех механизмов и процедур, которые прописаны в правовых актах организации Союза. Решение вопросов внутригосударственного характера еще не является поводом для признания ограничения суверенитета¹⁰. Кроме того, как показывает анализ правовых актов, относящихся к деятельности Евразийского экономического союза в целом, осуществление полномочий международной организацией происходит на добровольной основе. В силу надделения органов и институтов ЕАЭС полномочиями по регулированию подобного рода отношений, в результате их правотворческой деятельности формируется так называемое вторичное право. Оно обладает прямым действием и обязательно для участников правоотношений, причем не только в целом для государства, но и для физических и

юридических лиц. Однако не стоит рассматривать эту ситуацию как основание для признания факта трансформации нормы права в национальное законодательство, подобно тем спорам, которые велись по отношению к Европейскому союзу¹¹.

Вся правовая система Евразийского союза условно делится на два уровня: первичное и вторичное, есть основания полагать, что подобный подход был использован по аналогии с Европейским союзом. В категорию первичного права включается непосредственно Договор о Евразийском экономическом союзе, а также ряд международных договоров по вопросам функционирования организации, международные договоры Союза и третьих стран. К вторичному праву, которое является своеобразным «продуктом» правотворчества ЕАЭС, можно отнести распоряжения и решения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии¹².

Характерной чертой норм вторичного права должны выступать такие признаки, как обязательность для субъектов, которым они адресованы, нормативно-правовой характер, однако стоит отметить, что распоряжения, как правило, носят организационно-распорядительный характер и регулируют внутреннюю деятельность Союза, а рекомендации не носят обязательного характера по своей природе¹³. Но указанные особенности распоряжений и рекомендаций не дают достаточных оснований для признания за ними статуса внутригосударственного права государств – членов Союза, хотя их нельзя отнести и к классическому международному праву, однако это внутреннее право международной организации, которое создается для регулирования внутренних отношений, которые не входят в национальную юрисдикцию.

Для наиболее детального изучения вопроса необходимо проанализировать природу созданного правового образования. На наш взгляд, в данном случае вполне применимо проведение аналогии с практикой ЕС. Как гласит ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе, это международная организация, которая носит интеграционный характер. Иными словами, деятельность настоящего образования направлена на объединение и унификацию практики управления отдельными отраслями государств-членов. Само понятие «интеграция» не ново для мировой практики, оно стало использоваться еще в XIX в. и понималось как «синтетическое представление о целом, взятом в его расчленениях и связях»¹⁴. Однако до настоящего времени научной теории о региональной интеграции не выработано. Интеграцию можно рассматривать как «всемирно-исторический процесс, “мировой объединительный процесс”, объективный исторический процесс. Объектом этого процесса выступает общество, человек выступает в этом процессе не изолированно, а в составе более или менее крупных социальных групп»¹⁵. В процессе интеграции государства достигают такого качества, как целостность, при этом надо учитывать, что это относится не к государствам в целом, а к отдельным областям их взаимодействия. Как справедливо отмечают отдельные исследователи, в результате такого взаимодействия государствам становится труднее «оперировать прежними понятиями, подобными таким, как

7 Международное право: Учебник / Отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. М., 2001. С. 340.

8 Капустин А. Я. Европейский Союз: интеграция и право. М., 2000. С. 53.

9 Кашкин С. Ю. Указ. соч. С. 58

10 См.: Доронина Н. Г., Лукьянова В. Ю., Семилютин Н. Г., Тиунов О. И. Международно-правовые аспекты реализации интересов Российской Федерации в связи с формированием Единого экономического пространства. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2012. С. 24.

11 См. Хиршлер М., Циммерман Б. Западноевропейские интеграционные объединения. М., 1987. С. 78–79

12 См.: Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты. М., 2014. С. 28.

13 См.: Указ. соч. С. 44.

14 Войтович С. А. Генезис и развитие научного понятия «интеграция» // Курс международного права: В 7 т. Т. 7. М.: Наука, 1993. С. 9.

15 Усенко Е. Т. Правовые формы организации совместных производств стран – членов СЭВ. М., 1985. С. 10–49.

«международное сотрудничество» или даже «европейское сотрудничество», поскольку они не отражали суть новых явлений. Интеграция понимается, прежде всего, как выход за пределы такого сотрудничества¹⁶. Современные российские правоведы развили идею интеграционного характера международной организации на примере Европейского союза и предположили существование так называемого интеграционного права, которое, по их мнению, «представлено международными договорами, которые представляют собой его основу. Создание этих договоров осуществляется наднациональными органами, которым государства передают часть своего суверенитета... Интеграционные акты, принимаемые наднациональными институтами, становятся частью внутреннего права и обладают преимущественной силой по сравнению с национальным законодательством»¹⁷. На наш взгляд, подобный подход весьма радикален, поскольку все перечисленные свойства права рассматриваемой международной организации присущи в целом международному праву и не являются отличительными особенностями его природы от классического понимания. Особый характер интеграционных организаций неоспорим, вся их деятельность строится на принципе объединения отдельных отраслей жизни государств, но оказать влияние на право это ни в коей мере не способно, поскольку указанные признаки не могут выделить его из системы международного права. Интеграционность может рассматриваться как элемент концепции наднациональности, однако весьма сложно определиться с содержанием этой концепции и отличительными признаками, которыми должны обладать публично-правовые образования.

По нашему убеждению, «наднациональность» – это признак, который может применяться к международным организациям, как особое их качество, но не к праву этих организаций. Есть мнение, что «наднациональность – это совокупность полномочий, которыми государства наделяют определенный международный орган для целенаправленного регулирования их взаимоотношений, причем эти полномочия имеют приоритетный характер по отношению к соответствующей компетенции государств-членов, включая возможность принятия обязательных для них решений»¹⁸. Основа концепции наднациональности действительно заключается в передаче организации отдельных полномочий, это вытекает в первую очередь из так называемой декларации Шумана, в которой заложены представления об идее передачи суверенных полномочий. При этом необходимо особо отметить, что эта ситуация не может породить ограничение суверенитета. Дело в том, что делегирование отдельных полномочий происходит исключительно по воле государства, и при этом понудить его к совершению подобных действий никто не может. Весьма близкое по смыслу определение можно встретить и у М. М. Бирюкова, который полагал, что наднациональность – это «совокупность структурных, функциональных и процедурных особенностей международной организации, определяющих приоритетный характер ее компетенции в конкретных областях по отношению к соответствующей компетенции государств-членов. На первый план здесь, по-видимому, выступает возможность

принятия международным органом решений, обязательных для государств-членов»¹⁹.

В теории международного права можно встретить работы, в которых предпринимается попытка выделить целый ряд полномочий, реализуемых международными организациями в сфере интеграционных процессов. Среди таких признаков, как правило, называют следующие: внутреннее право наднациональной организации/объединения становится внутригосударственным правом его членов; внутреннее право наднациональной организации/объединения творится органом, действующим юридически неподконтрольно государствам-членам и принимающим обязательные для государств решения вне зависимости от отрицательного к ним отношения со стороны одного или нескольких государств; при этом соответствующие вопросы полностью или частично изымаются из их ведения; международные чиновники, участвующие в органах организаций наднациональных организаций/объединений, выступают в личном качестве, а не как представители государств; решения принимаются органами наднациональных организаций/объединений большинством голосов, путем пропорционального (взвешенного) голосования и без непосредственного участия заинтересованных стран²⁰. Все вышперечисленное позволяет прийти к заключению о том, что концепция наднациональности сводится именно к возможности реализации суверенных полномочий и принятия в рамках своей компетенции решений, обязательных для государств-членов. Отметим, что это остается лишь теоретической конструкцией, носящей идеалистический характер, поскольку в практике международных организаций все выглядит несколько сложнее. И несмотря на то, что концепция разрабатывалась в первую очередь применительно к Евросоюзу, ситуация находит подтверждение и относительно ЕАЭС. Так, например, государства, создавая Таможенный союз и Единое экономическое пространство, передавали полномочия этим интеграционным образованиям в том объеме, в котором это необходимо для регулирования отдельных отраслей их деятельности. И только в этих пределах Союз способен принимать решения. На наш взгляд, обеспечить обязательность решений организации возможно в том случае, если организация будет обладать политической волей, которой ни ЕАЭС, ни ЕС не обладают. Она присуща в международных отношениях только государствам, а не международным организациям, следовательно, приобретение этого качества будет означать, что международная организация становится на путь федерализации, и не только в сфере реализации отдельных полномочий, но и в юридической форме. Для того чтобы обладать политической самостоятельностью, публично-правовому образованию необходимо такое качество, как суверенитет. Полагаем, что именно это и стало поводом для разговоров о передаче суверенных полномочий и федерализации юрисдикционного пространства организации в силу выполнения ею указанных полномочий. В действительности надгосударственное регулирование традиционно внутригосударственных отношений не дает оснований говорить о наличии суверенитета как свойства особого рода. Обратим внимание и на ставшее популярным в политической и правовой науке мнение о том, что роль этого фундаментального качества государства уменьшается и постепенно сводится на нет. При этом отметим, что в современном мире просто нет образований за

16 Топорнин Б. Н. Европейское право: учебник. М.: Юристъ, 1998. С. 14.

17 Энтин М. Л. Интеграционные процессы на европейском континенте. Политико-правовые аспекты // Московский журнал международного права. 2006. № 4. С. 17.

18 Фещенко А. С. Наднациональность в деятельности международных организаций // Сов. Ежегодник междунар. права. М., 1988. С. 170.

19 См.: Бирюков М. М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. М., 2006. С. 140

20 Шумилов В. М. Международное право и Глобальная правовая система // Московский журнал международного права. 2002. № 4 С. 17–18.

исключением государств, которые могли бы обладать подобного рода качествами. Вышеперечисленное позволяет утверждать, что международная организация не обладает самостоятельностью и политической волей²¹, свободно реализуемой на территории государств-членов, она по-прежнему вторична по отношению к традиционным субъектам международного права. Необходимо учитывать, что, по мнению некоторых авторов, именно суверенитет и создает так называемые наднациональные организации, например Европейский союз²².

Правовой анализ статуса Евросоюза позволяет сделать выводы не только относительно его правосубъектности, но и относительно его политического статуса. В силу того, что организация является субъектом международного права, она связана определенными обязательствами перед государствами, для нее могут быть обязательны нормы, созданные государствами, без участия самой организации. Кроме того, Международный суд ООН определил, «что ничто в характере международных организаций не дает оснований рассматривать их как некую форму “сверхгосударства”. Организация – орган сотрудничества, а не надгосударственная власть»²³.

Говоря об ограничении суверенитета, отметим, что это понятие требует детальной проработки с учетом современных политико-правовых реалий. В научных кругах обсуждается вопрос относительно целесообразности использования понятия национального суверенитета, который может рассматриваться как полномочие нации, «ее политическая свобода, обладание реальной возможностью целиком и полностью распоряжаться своей судьбой, в первую очередь способность политически самоопределяться»²⁴. Открытым остается вопрос, как относиться к таким составляющим суверенитета, как независимость во внешних отношениях и правомочность решения внутренних вопросов государства, являющихся одними из центральных составляющих суверенитета. Условно все понятие суверенитета можно поделить на две крупные составляющие: внутренний и внешний суверенитет, таким образом автоматически происходит обособление суверенитета государственного. Он может пониматься как качество государственной власти, в рамках национальной политической и правовой систем²⁵.

Рассматриваемая концепция породила идею о существовании некоего наднационального права, однако остается крайне сложным вопрос о природе такого феномена и о его существовании. Есть несколько подходов к определению этого феномена: одна группа исследователей утверждает, что это принципиально новый правовой феномен, который порождает некий третий уровень правового регулирования, наравне с международным и национальным, другие придерживаются мнения, что по своей природе это международное право²⁶. Примечательно, что в теории бытует мнение, будто «европейское право имеет свой собственный объект регулирования – европейский интеграционный процесс, свой предмет – общественные отношения, вызванные к

жизни и связанные с развитием европейской интеграции...»²⁷. Обратим внимание, что интеграционный признак общественных отношений в действительности не влияет на их правовой статус. Они по-прежнему остаются международными, поскольку сам интеграционный процесс носит надгосударственный характер.

Обозначение рассматриваемой организации как интеграционной может породить вопрос возможности квалифицировать ее право как интеграционное. Подобная ситуация складывалась по отношению к ЕС, когда речь шла о принципе интеграции. Отметим, что интеграционный характер организации, установленный учредительным актом, фактически создает новый центр интеграции, который еще несколько лет назад аналитики не намечали в качестве возможного, речь шла о Европе, Северной Америке и Азиатско-Тихоокеанском регионе²⁸, но не о постсоветском пространстве. Объектом исследований, как правило, становилась экономическая или политическая интеграция, которая, безусловно, в деятельности международных образований стояла на первом плане, а правовая реальность, как правило, оказывается производной по отношению к первым, поскольку отражает политические реалии и регулирует в числе прочего экономические отношения. На наш взгляд, есть смысл изучать право в совокупности с экономическими и политическими отношениями²⁹, что позволит получить более полную картину природы интеграционных процессов, понять динамику права международной организации. Среди исследователей можно встретить позицию, которая признает исследуемые интеграционные процессы наднациональными, но речь в данном случае должна идти не о политическом свойстве «наднациональности», а о применении данного понятия в смысле надгосударственного уровня, поскольку можно встретить оговорку о международном характере этих отношений³⁰. При этом подобный подход вовсе не вступает в противоречия с идеями верховенства права этих организаций по отношению к внутригосударственному праву. Важно учитывать, что описываемая ситуация не порождает некой политической власти на надгосударственном уровне, способной подавлять волю государств, как первичных субъектов международных правоотношений. Возвращаясь к вопросу о возможности признания за правовыми системами «наднациональных» организаций статуса интеграционных, стоит отметить, что подобная точка зрения в научных кругах существует³¹, но применительно к ЕАЭС такой подход еще не выработан, однако есть смысл рассмотреть этот вопрос применительно к ЕС. Право тесным образом связано с интеграционными процессами на фоне консолидации и эволюции³². Такая оценка, безусловно, справедлива, однако необходимо определиться с содержанием понятия «интеграционное право», дело в том, что, несмотря на явную взаимосвязь процессов, носящих интеграционные свойства, с правом, природа этой динамики остается не раскрытой. Есть

21 Бекашев К. А. К вопросу о «наднациональности» межправительственных организаций // *Lex Russica*. 2006. С. 1032.

22 Мещерякова О. М. Наднациональные международные организации и проблема суверенитета государств-членов // *Московский журнал международного права*. М., 2010. № 2. С. 38.

23 Лукашук И. И. *Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов*. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 29.

24 Аметистов Э. М. *Современные тенденции развития права Европейских сообществ // Советское государство и право*. 1985. № 7. С. 167.

25 Аметистов Э. М. *Указ*. Соч. С. 100.

26 См., например, Клемин А. В. *Европейское право и Германия: баланс национального и наднационального. Европейское сообщество, Германия, право национальный консерватизм, коллизии и единство*. Казань, 2004. С. 59.

27 *Европейское право. Право европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека. Учебник для вузов*. / Рук. авт. колл. и отв. ред. д.ю.н., проф. Л. М. Энтин. М. Норма, 2007. С. 47.

28 См.: Костюнина Г. М. *Интеграционные объединения мира / Костюнина Г. М., Ливенцев Н. Н. // Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник*. М.: Магистр, 2008. С. 168.

29 См.: Марченко М. Н., Дерябина Е. М. *Правовая система Европейского союза / Монография*. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 66.

30 См.: Шпакович О. Н. *Наднациональность в праве международных организаций // Вестник международных организаций*. 2012. № 2(37). С. 135.

31 См.: *Европейское право. Право европейского союза и правовое обеспечение прав человека. Учебник для вузов / Под ред. Л. М. Энтина*. М., 2007. С. 44.

32 См.: Энтин Л. М. Там же.

мнение, что право, формируемое в процессе рассмотренного взаимодействия, формирует принципиально новый комплекс, который содержит совокупность элементов, отличных от всех прежних составляющих международного права, и представляющий автономное образование³³. По нашему мнению, ситуация несколько политизирована, поскольку интеграционный (объединительный) характер интеграции обеспечивается нормами права, природа которых остается прежней, несмотря на нетрадиционную сферу их применения, следовательно, изменяются лишь правоотношения, а не право, которое их регулирует, оно по-прежнему остается на уровне международной организации. «Интеграционность» права – это признак, который может характеризовать правовую систему, нормы которой направлены на регулирование процессов, именуемых интеграционными. Весьма вероятно, что интеграционность правовой нормы относительна, т.е. в том случае, если она регулирует отношения объединительного характера, то может признаваться таковой, однако не исключена ситуация, когда она будет применяться к отношениям весьма традиционным для международного права, и никаких последствий ее «интеграционный» характер для правоприменения иметь не будет. Сказанное позволяет заключить, что нормы подобного рода могут находиться в различных правовых институтах и правовых системах. Все вышперечисленное относительно интеграционного характера права международных организаций позволяет сделать вывод о том, что интеграционность – это свойство, присущее динамическим характеристикам международной организации, ее деятельности, а не правовой системе, нормы которой регулируют правоотношения, возникающие в процессе ее функционирования.

На основе проведенного нами ранее анализа³⁴ полагаем, что наднациональное право по своей природе есть не что иное, как часть международной правовой системы, просто не способная на современном этапе развиваться до некоего самостоятельного уровня правового регулирования.

Среди ученых встречается мнение, что наднациональное право возникает в условиях, «когда государства вынуждены подчиняться нормам, созданным и/или вступившим в силу без согласия государств»³⁵. Однако указанный подход не противоречит предположению о международном характере анализируемых норм. Обратим внимание, что без согласия государств нормы международных организаций не действуют, поскольку, вступая в организацию и передавая ей определенные полномочия, они признают возможность принимать правовые акты в области переданных полномочий. Но это остается волевым актом государства, так, например, Великобритания не вступила в зону евро, и это не помешало ей оставаться полноправным членом Евросоюза.

Рассмотрим вопрос относительно формы права «наднациональной» организации как правовой системы. На наш взгляд, она вполне способна в процессе функционирования сформировать правовое образование, подпадающее под определение правовой системы. Решение этого вопроса осложняется тем, что нет четкого определения данного понятия.

Проблемы квалификации правовых систем «наднациональных» организаций заключаются в том, что они не подпадают под традиционные определения национальных и международных, сложившихся в теории, поскольку вбирают в себя

элементы сразу двух типов систем³⁶, однако это не идет в противоречие предложенной гипотезе об исключительно международном характере права «наднациональных» организаций.

Концептуальное значение имеет необходимость разграничения понятий «правовая система» и «система права», поскольку это разные по своему содержанию понятия³⁷. Первое должно раскрываться как структурное представление о правовой реальности или правовой жизни, второе – это внутреннее устройство права, основанное на выделении отраслей, институтов, субинститутов и т.д. Проблема в данном случае концентрируется вокруг вопроса о рамках правовой системы, поскольку классическая теория права ограничивала это понятие границами государства, и оно получало «национальный» окрас, однако в XX в. часто стали говорить о существовании международных правовых систем, и о том, что они могут формироваться вокруг иных субъектов. Так заговорили о правовых системах международных организаций. На наш взгляд, такой подход весьма логичен и оправдан. Международное право перестало быть просто «набором» норм, принципов и правовых актов, оно формирует особый правопорядок, делится на различные отрасли внутри своей структуры, а в результате действия международных организаций создается целая правовая база регулирования правоотношений³⁸, которая по природе хоть и остается международной, но ее автономия просто бесспорна. Таким образом, и все международное право можно представить как полноценную и весьма сложную правовую систему³⁹. Как следствие сказанного отметим, что Евразийский экономический союз как полноценная организация находится в процессе формирования своей собственной правовой системы, которая будет обладать относительной автономией, но природа ее норм останется международной. Во-первых, потому что первичное право сформировано из международных договоров, а во-вторых, вторичное право организации не трансформируется в национальное законодательство, оно остается на уровне международной организации, хотя и прямо применяется во внутрисударственной правоприменительной практике. Но это не противоречит представлениям о процессе имплементации международных норм: для того, чтобы применять право на национальном уровне, вовсе нет необходимости включать его в национальное право, достаточно лишь изначально условиться о прямом характере норм, такую ситуацию мы наблюдаем и в ЕС, и в ЕАЭС.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что Евразийский экономический союз действительно обладает рядом признаков, которые квалифицируют его как наднациональную организацию. Однако стоит отметить, что наднациональность – качество в большей степени политическое, а не правовое. Дело в том, что хоть оно и закреплено в правовых актах, но четкой дефиниции они не содержат. На современном этапе существования Союза это проявляется в способности самостоятельно принимать решения в ряде вопросов, по которым государства делегировали полномочия. Сам Союз в настоящее время не может рассматриваться как объект, полностью соответствующий концепции наднациональности. Необходимо быть осторожными в суждениях относительно существования наднационального права или признака наднациональности его норм. Дело

33 См.: Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. М. Наука, 1983. С. 35.

34 См. например, Шмаков Р. В. Теоретико-правовые проблемы наднационального права // Юридическая мысль. 2013. № 3(77). С. 66

35 Шумилов В. М. Указ. соч. С. 18.

36 См.: Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Право Европейского союза. Вопросы теории и истории. Монография. М.: «Проспект», 2010. С. 68.

37 См.: Сенякин И. Н. Общая теория государства и права Академический курс в 3 томах / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М. 2010. С. 572.

38 Курс международного права: В 7 т. Т. I. М., 1989. С. 183.

39 Международное право: учебник / отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М., 1999. С. 10.

в том, что, как уже было отмечено ранее, это всего лишь часть международной правовой системы, существующая в виде права международной организации, и наднациональность может рассматриваться лишь как обозначение принадлежности к организации, обладающей политическим свойством «наднациональности», и на современном этапе говорить о каких-либо иных ее качествах просто невозможно.

Пристатейный библиографический список

1. Аметистов Э. М. Современные тенденции развития права Европейских сообществ // Советское государство и право. 1985. № 7.
2. Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе. Некоторые вопросы теории и практики. М. Наука, 1983.
3. Бежяшев К. А. К вопросу о «наднациональности» межправительственных организаций // Lex Russica. 2006.
4. Бирюков М. М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. М., 2006.
5. Войтович С. А. Генезис и развитие научного понятия «интеграция» // Курс международного права. В 7 т. Т. 7. М.: Наука, 1993.
6. Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты. М., 2014.
7. Европейское право. Право европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека. Учебник для вузов / Рук. авт. Колл. и отв. ред. д.ю.н., проф. Л. М. Энтин. М. Норма, 2007.
8. Капустин А. Я. Европейский Союз: интеграция и право. М., 2000.
9. Кашкин С. Ю. Основы правового регулирования интеграционных процессов на постсоветском пространстве. М.: Норма, Инфра-М, 2013.
10. Международное право: Учебник / отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. М., 2001..
11. Клемин А. В. Европейское право и Германия: баланс национального и наднационального. Европейское сообщество, Германия, право национальной консерватизма, коллизии и единство. Казань, 2004.
12. Костюнина Г. М. Интеграционные объединения мира / Костюнина Г. М., Ливенцев Н. Н. // Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник. М. Магистр, 2008.
13. Курс международного права: В 7 т. Т. I. М., 1989.
14. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. М.: Волтерс Клувер, 2005.
15. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Право Европейского союза. Вопросы теории и истории. Монография. М.: «Проспект», 2010.
16. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Правовая система Европейского союза / Монография. – М.: Норма, Инфра-М, 2012.
17. Международное право: учебник / отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М., 1999.
18. Международно-правовые аспекты реализации интересов Российской Федерации в связи с формированием Единого экономического пространства / Доронина Н. Г., Лукьянова В. Ю., Семилютина Н. Г., Тиунов О. И. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2012.
19. Мещерякова О. М. Наднациональные международные организации и проблема суверенитета государств-членов // Московский журнал международного права. М., 2010. № 2.
20. Сеникин И. Н. Общая теория государства и права Академический курс в 3 томах / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
21. Топорнин Б. Н. Европейское право: учебник. М.: Юристъ, 1998.
22. Усенко Е. Т. Правовые формы организации совместных производств стран – членов СЭВ. М., 1985.
23. Фещенко А. С. Наднациональность в деятельности международных организаций // Сов. Ежегодник международного права. М., 1988.
24. Хиршлер М., Циммерман Б. Западноевропейские интеграционные объединения. М., 1987.
25. Шмаков Р. В. Теоретико-правовые проблемы наднационального права // Юридическая мысль. 2013. № 3(77).
26. Шумилов В. М. Международное право и Глобальная правовая система // Московский журнал международного права. 2002. № 4.
27. Шпакович О. Н. Наднациональность в праве международных организаций // Вестник международных организаций. 2012. № 2(37).
28. Энтин М. Л. Интеграционные процессы на европейском континенте. Политико-правовые аспекты // Московский журнал международного права. 2006. № 4.

Хлгатын А. Г.

МИГРАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЕС И ЕАЭС)

В статье раскрывается взаимодействие понятий «миграция» и «интеграционные объединения», поднимаются вопросы регулирования миграции в ЕАЭС и возможность применения практики Европейского союза в разработке миграционной политики в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: миграция, интеграционные объединения, экономическая интеграция, Европейский союз, Евразийский экономический союз.

Khlgatyan A. G.

MIGRATION AND INTEGRATION ASSOCIATIONS (BY THE EXAMPLE OF THE EU AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION)

The article reveals the interplay of concepts of migration and integration associations, raises issues of migration management in the Eurasian Economic Union and the possibility of the application of the European Union practice in the development of migration policy in the framework of the Eurasian Economic Union.

Keywords: migration, integration associations, economic integration, the European Union, the Eurasian Economic Union.

Хлгатын А. Г.

Интеграция представляет собой процесс, посредством которого отдельные государства передают часть своих суверенных прав в пользу создаваемой и единой для них всех институциональной структуры с тем, чтобы обеспечить учет и реализацию их общих интересов. Интеграционные объединения в большинстве своем образуются как экономические. Экономическая интеграция проходит несколько этапов:

- создание зоны свободной торговли;
- таможенный союз;
- общий рынок;
- экономический и валютный союз.

Регулирование миграции в рамках интеграционных объединений принято относить ко второму этапу.

Вопросы экономической интеграции всегда представляли особый интерес. Наиболее результативным примером интеграционного объединения принято считать Европейский союз, который в рамках объединения регулирует ряд основных вопросов, к числу которых относятся также вопросы миграции.

Проблема экономической интеграции на постсоветском пространстве была актуальна на протяжении последних двадцати лет. В первых документах, принятых в процессе формирования Содружества Независимых Государств, были заложены основы сохранения многих элементов интеграции в сферах экономики, обороны, культуры, образования.

О формировании Экономического союза было заявлено и был подписан Договор о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 г.

Были предприняты попытки создания наднационального экономического органа в рамках СНГ – Международного экономического комитета Экономического союза. В этот период было принято решение о разноуровневой и разноскоростной интеграции, которая заключалась в сотрудничестве стран, готовых к более глубокой степени интеграции.

В 1995 г. было заявлено о создании Таможенного союза между РФ и Республикой Беларусь, а в 2000 г. образовано Евразийское экономическое сообщество.

С 1 июля 2011 г. были сняты внутренние таможенные границы в рамках трех государств – Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.

С 1 января 2012 г. вышеуказанные государства вступили на новый этап интеграции – Единое экономическое пространство. Государства – участники Таможенного союза еще в 2010 г. разработали и приняли 17 международных соглашений, которые легли в основу формирования ЕЭП. Эти соглашения были ратифицированы в течение 2011 г. и вступили в силу с 1 января 2012 г. Именно эта дата считается началом работы нового интеграционного объединения – Единого экономического пространства.

18 ноября 2011 г. была подписана Декларация о Евразийской экономической интеграции¹.

В своем сотрудничестве государства руководствовались нормами и правилами Всемирной торговой организации, а также подтверждали важность присоединения всех трех государств к ВТО.

В соответствии с Декларацией основным содержанием интеграции является полная реализация Таможенного союза и ЕЭП, совершенствование и дальнейшее развитие договорно-правовой базы, институтов и практического взаимодействия по следующим направлениям:

- обеспечение эффективного функционирования общего рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов;
  - разработка и осуществление согласованной экономической политики, переход к согласованию параметров основных макроэкономических показателей государств-членов, углубление сотрудничества в валютной сфере;
  - сотрудничество в вопросах миграционной политики и др.
- Для реализации указанных целей учреждается Евразийская экономическая комиссия².

Кодификацию международных договоров, которые составляли нормативно-правовую базу Таможенного Союза и ЕЭП, планировалось завершить к 1 января 2015 г. и на этой основе создать Евразийский экономический союз, который включал бы в себе ряд вопросов по:

1 См.: Декларация о Евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tsouz.ru/MGS/18-11-11/Documents/Декларация.pdf>

2 См.: Договор о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года // СПС Гарант. СПС КонсультантПлюс.

- сбалансированной макроэкономической, бюджетной и конкурентной политике;
- структурной реформе рынков труда, капиталов, товаров и услуг;
- созданию евразийских сетей в сфере энергетики, транспорта и телекоммуникаций.

Считается, что Евразийский экономический союз послужит центром дальнейших интеграционных процессов, будет формироваться путем постепенного слияния существующих структур – Таможенного союза, Единого экономического пространства³.

Как уже выше отмечалось в Декларации о евразийской экономической интеграции отмечено, что содержанием последующей интеграции государств-участников является полная реализация потенциала Таможенного союза и Единого экономического пространства, совершенствование и развитие договорно-правовой базы, институтов и практического взаимодействия по таким направлениям, как обеспечение эффективного функционирования общего рынка трудовых ресурсов и сотрудничество в вопросах миграционной политики.

В соответствии со ст. 3 Договора о евразийской экономической комиссии Комиссия осуществляет свою деятельность также и в сфере трудовой миграции.

Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) вступил в силу 1 января 2015 г., однако нет какого-либо международного договора или иного акта, который бы касался вопросов трудовой миграции в рамках Евразийского экономического союза.

Вопрос регулирования миграционной политики в интеграционных объединениях подробнейшим образом урегулирован в рамках Европейского союза, что может быть своего рода моделью для создания миграционной политики в ЕАЭС, которая будет основана на свободе передвижения рабочей силы в рамках государств – членов объединений.

Компоненты свободы передвижения работников должны включать следующие права:

- принимать реально сделанные предложения о трудоустройстве;
- свободно передвигаться с этой целью по территории государств-членов;
- оставаться на территории государства-члена с целью трудоустройства в соответствии с положениями, регулирующими трудоустройство граждан такого государства, и установленными законами, регламентами или административными документами;
- оставаться на территории государства-члена после окончания трудовой деятельности в этом государстве, при соблюдении условий, содержащихся в регламентах для применения этого положения.

В договорах и соглашениях по свободе передвижения лиц, как представляется, должны содержаться также и исключения из принципа свободы передвижения, в частности, возможности вводить ограничения, которые связаны с необходимостью обеспечения общественного порядка, общественной безопасности и здравоохранения, а также запрета на доступ к государственной службе.

Регулирование миграционных вопросов в рамках ЕАЭС довольно сложно, так как возникают опасения, что одни стра-

ны в рамках ЕАЭС будут в основном принимающей страной, а другие – донорами мигрантов, что в последующем может привести к демографическим проблемам.

Многие предлагают разделить регулирование трудовой миграции в этом интеграционном объединении на два блока:

- регулирование трудовой миграции работников, являющихся гражданами государств – членов такого Союза внутри него;
- регулирование трудовой миграции граждан третьих стран, работающих в государствах Союза.

В этом случае потребуется принятие соответствующих нормативно-правовых актов для обеих групп трудящихся. Учитывая цели создания Евразийского экономического союза и заявленную тесную интеграцию, для работников первого блока было бы логично применять термин «работник (трудящийся)», а для второй – «трудящийся-мигрант»⁴.

Трудящиеся-мигранты – это, прежде всего, иностранные граждане, в то время как свобода передвижения в будущем Евразийском экономическом союзе не подразумевает ограничений для граждан государств-членов.

Для трудящихся первого блока важно предусмотреть в таких актах определение термина «работник (трудящийся)».

Так как в Евразийском экономическом союзе будет осуществляться свобода передвижения рабочей силы граждан-членов, большое значение имеет урегулирование, прежде всего, трудовой миграции из государств, которые не являются его членами, т.к. с первыми сложно предвидеть какие-либо сложности в правовом плане.

В актах ЕАЭС необходимо предусмотреть положения, запрещающие дискриминацию работников из стран – членов Союза. Так, например, такие работники должны пользоваться равными правами и возможностями в отношении их труда. Данное право должно применяться ко всем гражданам государств-членов, независимо от цвета кожи, языка, религии или убеждений, политических или иных взглядов, национального, этнического или социального происхождения, гражданства, возраста, экономического, имущественного, семейного и сословного положения или по любому другому признаку. Подробно должно быть дано определение «дискриминации», также законодательство должно содержать указания на сферы общественной жизни, на которые распространяется запрет дискриминации. В структуре индекса МПРЕХ, в соответствии с принятыми международными практиками, выделяются следующие сферы: занятость, профессиональное образование, начальное и среднее образование, доступ к товарам и услугам, включая здравоохранение и жилье, а также социальная защита⁵. Примеряя антидискриминационное законодательство к мигрантам, важно отметить, что защита в этих сферах не гарантирует им абсолютной свободы действий и доступа к услугам в обозначенных сферах. Важным понятием в контексте дискриминации является не статус, а дискриминирующий признак, в качестве которого рассматриваются национальность, раса, религия, вера и гражданство.

В вопросе трудящихся-мигрантов из третьих стран, необходимо учитывать имеющиеся в международном праве стан-

3 См.: Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза: монография / К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев, С. Ю. Кашкин [и др.]; отв. ред. Е. Г. Моисеев. Москва: Проспект, 2015. С. 143.

4 См.: Бекашев Д. К. Перспективы правового регулирования трудовой миграции в Евразийском экономическом союзе // Евразийский юридический журнал. 2012. № 12 (55). С. 18–22.

5 См.: Прохорова А. В. Евразийский Союз и будущее миграционной политики России: Антидискриминационное законодательство как условие успешной евразийской интеграции // Демоскоп Weekly. № 513–514 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2012/0513/analit05.php#_FN_1

дарты в области трудовой миграции. В частности, имеются в виду нормы Международной конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., Конвенции МОТ № 97 о трудящихся-мигрантах 1949 г., Конвенции № 143 о злоупотреблениях в области миграции и обеспечения трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения 1975 г. Это единственные международные договоры по вопросам трудовой миграции, принятые на универсальном уровне. Кроме указанных универсальных конвенций принято учитывать нормы, которые приняты на региональном уровне: Конвенции Совета Европы о правовом статусе трудящихся-мигрантов 1977 г., Конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств – участников Содружества Независимых Государств 2008 г., Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей 2010 г. и Соглашения о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств 2010 г., заключенных в рамках Таможенного союза Евразийского экономического сообщества.

Евразийская экономическая комиссия, созданная в 2011 г., уделяет пристальное внимание актуальным вопросам сотрудничества государств-участников этого интеграционного объединения по вопросам трудовой миграции. Например, Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 30 августа 2012 г. № 154 утверждено Положение о Консультативном комитете по миграционной политике⁶.

Согласно Договору о Евразийской экономической комиссии 2011 г. Консультативный комитет по миграционной политике создается при Коллегии Евразийской экономической комиссии.

Основными задачами Комитета являются:

- проведение консультаций с представителями государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства;
  - выработка предложений по вопросам создания унифицированного правового режима в части трудоустройства граждан государств-членов;
  - формирование договорно-правовой базы для осуществления единой миграционной политики.
- В соответствии с Положением Комитет по миграционной политике осуществляет следующие функции⁷:
- разрабатывает предложения по гармонизации и унификации законодательства государств-членов в области трудовой миграции, по созданию общего рынка труда, обеспечению свободного передвижения граждан государств-членов внутри Единого экономического пространства;
  - подготавливает предложения по разработке международных договоров, направленных на дальнейшую интеграцию в сфере миграционной политики;
  - выработывает меры по содействию организованному набору и привлечению трудящихся-мигрантов на территории государств-членов для осуществления ими трудовой деятельности;
  - участвует в разработке совместных целевых программ и мероприятий в области миграции; выработывает предложения по совершенствованию информационного обмена в сфере

трудовой миграции между уполномоченными органами государств-членов;

выработывает предложения по совершенствованию миграционного контроля, повышению эффективности взаимодействия миграционных и иных заинтересованных органов государств-членов в обеспечении защиты прав трудящихся-мигрантов и членов их семей, предотвращении нелегального использования труда трудящихся-мигрантов;

осуществляет иные функции в пределах своей компетенции.

Свободное передвижение людей означает не только открытие границ или отмену визового режима. На практике это означает, что любой гражданин Союза может беспрепятственно перемещаться между странами – членами Союза в целях проживания, работы и учебы. Другими словами, речь идет не только об отмене виз, но также и об упразднении разрешений на пребывание и работу.

Целый ряд существующих в мировой практике договоров о свободной торговле, которыми скрепляется создание единого экономического пространства, обязательно содержат положение о свободном перемещении людей. Это положение подразумевает искоренение в странах-партнерах всех проявлений дискриминации, прежде всего по основанию гражданства.

Пристайный библиографический список

1. Бекашев Д. К. Перспективы правового регулирования трудовой миграции в Евразийском экономическом союзе // Евразийский юридический журнал. 2012. № 12 (55).
2. Декларация о Евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г.
3. Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза: монография/ К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев, С. Ю. Кашкин [и др.]; отв. ред. Е. Г. Моисеев. Москва: Проспект, 2015.
4. Прохорова А. В. Евразийский Союз и будущее миграционной политики России: Антидискриминационное законодательство как условие успешной евразийской интеграции // Демоскоп Weelky. № 513–514.

6 См.: Положение о Консультативном комитете по миграционной политике от 30 августа 2012 г. № 154 // СПС КонсультантПлюс.

7 См.: Положение о Консультативном комитете по миграционной политике от 30 августа 2012 г. № 154 // СПС КонсультантПлюс. Ст. II, п. 4.

Абашидзе А. Х., Бисултанов А. К.

ОБЩИЕ ОСОБЕННЫЕ ЧЕРТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО И КОНСУЛЬСКОГО ПРАВА СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Статья посвящена вкладу латиноамериканских государств в становление отдельных институтов дипломатического и консульского права и их специфики.

Ключевые слова: международное публичное право, дипломатическое право, консульское право, Латинская Америка, убежище.

Abashidze A. Kh., Bisultanov A. K.

GENERAL PECULIARITIES OF THE DIPLOMATIC AND CONSULAR LAW OF THE LATIN AMERICAN STATES

The article is devoted to the contribution of Latin American states to the establishment of certain institutions of diplomatic and consular law and their specificity.

Keywords: public international law, diplomatic law, consular law, Latin America, asylum.

Термин «дипломатическое право»¹ («посольское право»)² относится к нормам международного публичного права, регулирующим статус и функции дипломатических представительств, которыми обмениваются суверенные государства после установления дипломатических отношений. Термин «консульское право»³ также относится к нормам международного публичного права, регулирующим статус и функции консульских учреждений. Дипломатическое и консульское право относятся к древнейшим сферам регулирования международного публичного права⁴.

Дипломатическое и консульское право складывалось прежде всего в качестве норм международных обычаев. Заметный вклад в развитие дипломатической и консульской практики, а также в их кодификацию внесли государства Латинской Америки. Одно из объяснений этого заключается в активности латиноамериканских государств в международной жизни региона и в международном правотворчестве после достижения ими политической независимости в начале XIX в.⁵ В результате политического влияния Англии в XIX в., а затем США на латиноамериканские государства, эти государства переняли много черт внешнеполитического ведомства англо-саксонской системы, включая организацию дипломатической и консульской служб.

Привлекает внимание и тот факт, что во многих государствах Латинской Америки продолжают действовать консульские уставы, принятые еще в XIX в. В частности, положения о консульских рангах были закреплены в Консульских правилах Боливии от 4 июня 1887 г. Консульские правила в Никарагуа были приняты еще раньше — 16 октября 1880 г., а в Перу — 1 января 1898 г. В республике Гондурас 14 марта 1906 г. по данному вопросу был принят специальный закон, а в Коста-Рике был принят Органический закон о консульской службе от 1 июля 1925 г., в Венесуэле был принят Органический закон

о консульской службе от 30 июля 1925 г., в Гватемале был принят Декрет № 1780 от 1939 г.⁶

Активно разрабатываемые нормы национального законодательства, страны Латинской Америки стали первопроходцами в области кодификации права международных договоров, что способствовало выработке соответствующих международных договоров. Именно Латинская Америка дала миру первые международные конвенции в области дипломатического и консульского права. Еще в 1911 г. была принята Каракасская конвенция о консульских функциях. В 1927 г. Комитетом юристов Панамериканского союза был подготовлен проект Конвенции о консульских чиновниках. Конвенция о консульских чиновниках была принята 20 февраля 1928 г. на VI панамериканской конференции в Гаване⁷. Данная Конвенция (Гаванская) оказала значительное влияние и на европейскую практику XX в. и на работу Комиссии международного права ООН по кодификации норм консульского права.

Гаванская конвенция о консульских чиновниках 1928 г. состоит из трех основных разделов: назначение и функции консула; привилегии консулов; приостановление и окончание консульских функций.

По многим действующим консульским уставам государств Латинской Америки допускается назначение консулом иностранного гражданина при условии согласия государства пребывания. В этом случае выдача экзекватур заменяет «согласие».

Гаванская конвенция о консульских чиновниках 1928 г. предусматривает передачу властям государства пребывания

Абашидзе А. Х.

Бисултанов А. К.

1 Блищенко И. П. Дипломатическое право: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1990. С. 3.

2 См.: Сабанин А. В. Посольское и консульское право: Краткое практическое пособие. М., 1934.

3 См.: Петренко Н. И. Основы консульского права. М., 1986.

4 Дипломатическое и консульское право: учеб. пособие / А. Х. Абашидзе, И. А. Чистогодова. М.: РУДН, 2015. С. 14.

5 См.: Дипломатия развивающихся государств / Под ред. проф. д-ра ист. наук В. П. Нихамина. «Междунар. отношения», 1976. С. 277.

6 См.: Международное право и развивающиеся страны. Проблемы Латинской Америки и международного права. Книга 1 / Под ред. И. П. Блищенко, В. С. Верещетина, В. В. Вольского. М., 1995. С. 95–96.

7 Блищенко И. П. Дипломатическое право: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1990. С. 207.

дипломатическим путем патента. Патент передается самим консулом. Консул считается признанным в своем качестве на территории государства пребывания только тогда, когда им будет предоставлен свой патент и получена экзекватура от государства пребывания. Чаще всего экзекватура выдается главой государства, если патент подписан главой государства. Если он подписан министром иностранных дел, то выдается министром иностранных дел государства пребывания. В соответствии с Законом республики Гондурас от 14 марта 1906 г. экзекватура выдается правительством⁸.

Гаванской конвенцией 1928 г. подчеркивается, что при выполнении своих обязанностей консул официально сносится с властями своего округа. Если представления консула не будут удовлетворены, он имеет право сделать представление правительству государства пребывания через дипломатического агента своего государства. Прямые сношения консула с правительством государства пребывания могут иметь место только при отсутствии дипломатического агента страны в данном государстве. Если в государстве пребывания консула нет дипломатического агента государства, который назначил консула, то последний может совершать дипломатические действия. В подобном случае такое разрешается правительством пребывания консула. При условии согласия государства пребывания, одно и то же лицо, если оно должным образом уполномочено, имеет право соединять дипломатическое представительство и консульские функции, что предусматривается законодательством ряда стран, включая законодательства Аргентины и Кубы.

В случае невозможности исполнить свои обязанности (например, смерти) или отсутствия консула, Гаванской конвенцией 1928 г. предусматривается возможность замещения его должности одним из служащих. Но в этом случае важно, чтобы его официальный статус был предварительно доведен до сведения властей. В таком случае указанное лицо будет иметь полное право временно выполнять функции консула. В течение всего этого времени оно будет пользоваться всеми правами и привилегиями консула.

Таким образом, Гаванская конвенция о консульских чиновниках 1928 г. отражает тенденцию к единству дипломатической и консульской службы. Вместе с тем, учитывая нежелание ряда государств соглашаться с этим, оговаривает такое совмещение необходимостью согласия государств пребывания.

В Каракасской конвенции о консульских функциях, подписанной 18 июня 1911 г. Боливией, Венесуэлой, Колумбией, Перу и Эквадором, в ст. VI предусматривался институт, в соответствии с которым консулы каждого из указанных государств могут включить в свои функции защиту интересов лиц, являющихся гражданами другого договаривающегося государства, не имеющего консула в данном месте. Конечно же, для этого требовалось согласие государства пребывания. В Гаванской конвенции о консульских чиновниках 1928 г. нет такого положения, однако такая практика ей не противоречит и в определенных случаях может быть очень полезной. В ней также нет каких-либо ограничений в отношении пола консульского должностного лица.

Гаванская конвенция о консульских чиновниках 1928 г. не дает подробного перечня функций консула, что обычно закреп-

ляется в различных двусторонних консульских конвенциях. Она отсылает к национальному законодательству.

Статья 18 Гаванской конвенции о консульских чиновниках 1928 г. закрепляет принцип неприкосновенности служебной резиденции консула и архивов консульства. В соответствии с указанной статьей, официальная резиденция, консульские канцелярии и архивы – неприкосновенны. Местные власти не могут входить туда без разрешения консульских чиновников или просматривать под каким бы то ни было предлогом документы или предметы, которые находятся в них и налагать на них арест. Суды не имеют права предъявлять требования о предоставлении им своих официальных архивов или о даче показаний об их содержании ни одному консульскому чиновнику.

Что касается вопросов налогообложения консульских чиновников, практика стран Латинской Америки освобождает их от налогообложения на основе принципа взаимности. Граждане аккредитующего государства, которые являются консульскими чиновниками или служащими, освобождаются от налогов на оклад, награждения или оплату труда, которые они получают за консульскую службу.

Во время отсутствия консула иммунитетом и привилегиями пользуются служащие, заменяющие его в течение временного несения ими консульских обязанностей.

Заметным шагом в деле кодификации норм дипломатического права является принятие 14 латиноамериканскими государствами в 1928 г. в Гаване Конвенции о дипломатических чиновниках⁹.

Гаванская конвенция о дипломатических чиновниках 1928 г. различает обычных и чрезвычайных дипломатических чиновников, определяя первых как постоянно представляющих правительство одного государства при правительстве другого государства, а вторых – как чиновников, которым поручена специальная миссия или которые аккредитованы для представления правительства на международных конференциях, конгрессах или международных собраниях. При этом дипломатические чиновники, независимо от их ранга, обладают одними и теми же правами, прерогативами и привилегиями, за исключением вопросов, касающихся старшинства или этикета, в соответствии с общепринятыми правилами, законами и обычаями государства пребывания¹⁰.

Согласно положениям Гаванской конвенции о дипломатических чиновниках 1928 г. дипломатические представители пользуются неприкосновенностью в отношении своей личности, частной резиденции, а также имущества и служебных помещений. Неприкосновенность распространяется не только на дипломатических чиновников всех рангов, но и на весь официальный персонал представительства, членов их семей (проживающих вместе с ними), архивы, бумаги и корреспонденцию представительства.

Статья 18 Гаванской конвенции о дипломатических чиновниках 1928 г. отражает сложившуюся практику, освобождая дипломатических чиновников в стране аккредитования от всех личных налогов (общегосударственных, местных), от любых поземельных налогов на здание представительства (если здание принадлежит государству пребывания). Освобождению от всех таможенных пошлин подлежат все предметы, предназначенные для личного пользования представительства или для личного пользования дипломатического чиновника и

8 См.: Международное право и развивающиеся страны. Проблемы Латинской Америки и международного права. Книга 1 / Под ред. И. П. Блищенко, В. С. Верещетина, В. В. Вольского. М., 1995. С. 97.

9 Дипломатическое и консульское право: учеб. пособие / А. Х. Абашидзе, И. А. Чистоходова. Москва: РУДН, 2015. С. 17–18.

10 Там же. С. 18.

его семьи. Дипломатические чиновники изымаются из гражданской или уголовной юрисдикции государства пребывания. Конечно же, существуют исключения из этой установки – когда их правительство разрешает им отказаться от иммунитета добровольно. Подтверждается и возможность преследования и суда над ними в судах их собственной страны. Статья 20 Гаванской конвенции о дипломатических чиновниках 1928 г. гласит, что освобождение от юрисдикции сохраняет силу даже после прекращения выполнения дипломатическими чиновниками своих функций, если речь идет о действиях, относящихся к этим функциям. Подчеркивается, что на это освобождение нельзя ссылаться в отношении других действий.

В рассматриваемой Конвенции предусматривается возможность так называемого сложного представительства: государство поручает свое представительство в нескольких государствах одному дипломатическому чиновнику или несколько государств поручают представительство одному дипломатическому чиновнику.

В соответствии с Гаванской конвенцией о дипломатических чиновниках 1928 г. дипломатические чиновники имеют право отказаться от явки в качестве свидетеля в местные суды. Национальное законодательство стран региона подтверждает эту норму. В ст. 7 Закона Венесуэлы «Об иммунитетах и прерогативах иностранных дипломатических чиновников» от 13 августа 1945 г. установлено, что лица, которые пользуются иммунитетом от юрисдикции, могут отказаться выступать свидетелем в судах Республики¹¹.

В Гаванской конвенции о дипломатических чиновниках 1928 г. закреплены, как сказано в преамбуле, «принципы, в общем принятые всеми нациями»¹². Конвенцией регулируются вопросы, которые относятся к постоянным дипломатическим представительствам и к дипломатическим миссиям. Интересной особенностью действия этой Конвенции является то, что многие латиноамериканские государства – участники данной Конвенции также являются участниками Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. Ряд положений обеих конвенций совпадают, даже дополняют друг друга, однако существуют положения, отличающиеся друг от друга. Обе конвенции исходят из функциональной теории при определении прав и обязанностей дипломатических чиновников, что прямо подчеркнуто в их преамбулах. Однако в этом случае действует и принцип взаимности. Так, в ст. 4 Закона Венесуэлы об иммунитетах и прерогативах иностранных дипломатических чиновников 1945 г. говорится: «Дипломатические чиновники, аккредитованные перед национальным правительством, освобождаются, при условии, что венесуэльские дипломаты пользуются таким же освобождением в соответствующей стране от уплаты налогов, от прав на ввозимые предметы с целью их официального использования в миссии, или для личного использования дипломатического чиновника, в соответствии с положениями закона по этому вопросу»¹³.

В целом, Гаванская конвенция о дипломатических чиновниках 1928 г. возлагает на государство пребывания обязанность всячески облегчить дипломатическим чиновникам выполнение их функций.

Помимо двух рассмотренных выше Гаванских конвенций, участниками VI панамериканской конференции в 1928 г. была заключена и Конвенция об убежище¹⁴. В дальнейшем аналогичные конвенции были заключены в 1933 и 1939 гг. в Монтевидео и в 1954 г. в Каракасе в виде Конвенции о дипломатическом убежище, подтверждающей положения Конвенции об убежище 1928 г. Следует заметить, что каждая из указанных конвенций является действующей по настоящее время.

В соответствии с Гаванской конвенцией об убежище 1928 г. допускается предоставление убежища в дипломатических представительствах, на борту военных кораблей и самолётов, а также на территории военных баз лицам, преследуемым по политическим мотивам. Данный институт не распространяется на лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях или осуждённых за них, а также дезертирам из состава вооружённых сил¹⁵.

Возникновение собственного института дипломатического убежища в практике стран Латинской Америки следует объяснить специфическими условиями исторического развития этих государств. Речь идет о достаточно часто возникающей политической нестабильности в латиноамериканских государствах, особенно в XIX–XX вв.

Известный пример предоставления убежища в здании дипломатической миссии имел место в Перу в 1949–1951 гг. (дело Айя де ля Торре). 3 октября 1948 г. в порту столицы Перу Лимы — Кальяо началось восстание военно-морского флота, которое в тот же день было подавлено правительственными силами. Президент объявил вне закона руководившую восстанием партию «Американский народный революционный союз». Глава этой партии Айя де ла Торре был обвинен в воинском преступлении (участие в военном восстании) и подлежал аресту. 4 ноября 1948 г. власти Перу объявили о создании военных чрезвычайных судов для рассмотрения дел по обвинению в участии в военных восстаниях с правом применения смертной казни.

3 января 1949 г. Айя де ла Торре проник в здание колумбийского посольства в Лиме и попросил предоставить ему дипломатическое убежище. Посол Колумбии 4 января 1949 г. сообщил об этом правительству Перу и просил министра иностранных дел дать Айя де ла Торре «пропуск» для выезда за границу.

Правительство Перу отказалось дать просимый пропуск, так как Айя де ла Торре был уже привлечен к судебной ответственности. Возник спор, и 31 августа 1949 г. по соглашению между Перу и Колумбией он был передан на разрешение Международного Суда ООН. Колумбия просила квалифицировать природу преступления лица, ходатайствующего об убежище, и признать, что Перу обязано в данном случае предоставить необходимые гарантии с тем, чтобы Айя де ла Торре мог беспрепятственно оставить страну.

Перу в контрмеморандуме просило отказать Колумбии в изложенном ходатайстве и признать, что предоставление убежища послом Колумбии было произведено с нарушением статей 1 и 2 Гаванской конвенции 1928 г. об убежище и что, во всяком случае, продление убежища представляет собой нарушение упомянутой Конвенции.

11 Международное право и развивающиеся страны. Проблемы Латинской Америки и международного права. Книга 1 / Под ред. И. П. Блищенко, В. С. Верещетина, В. В. Вольского. М., 1995. С. 85.

12 Дипломатическое и консульское право: учеб. пособие / А. Х. Абашидзе, И. А. Чистогодова. Москва: РУДН, 2015. С. 18.

13 См.: Международное право и развивающиеся страны. Проблемы Латинской Америки и международного права. Книга 1 / Под ред. И. П. Блищенко, В. С. Верещетина, В. В. Вольского. М., 1995. С. 82.

14 См.: Дипломатический словарь. М.: Государственное издательство политической литературы. А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский, 1948.

15 Сайт УВКБ ООН. Текст Гаванской конвенции об убежище 1928 г. (Convention on Asylum (Havana, 1928)) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.refworld.org/pdfid/3ae6b37923.pdf> (дата обращения: 27.10.2015 г.).

Международный Суд ООН вынес три решения по этому делу. Анализируя эти решения, следует прийти к выводу, что Суд отнесся к факту дипломатического убежища отрицательно. При ответах на ходатайства Международный Суд ООН исходил из общих норм дипломатического права, не допускающих расширения дипломатического иммунитета, его распространения на лиц, ищущих убежище в дипломатическом здании. Было признано, что предоставление такого убежища является, по существу, злоупотреблением неприкосновенностью дипломатического представительства. Более того, в предоставлении дипломатического убежища можно усмотреть вмешательство во внутренние дела.

Международный Суд ООН дал ограничительное толкование нормам Гаванской конвенции 1928 г.: предоставление дипломатического убежища по Конвенции может быть только кратковременным и не может изымать скрывающегося гражданина из-под нормального законодательства суверена. Международный Суд ООН воздержался от решения вопроса о судьбе Айя де ла Торре, сочтя, что данный вопрос должен быть предметом специального рассмотрения между заинтересованными государствами с учетом решения Суда, и отклонил просьбу об «истолковании» решения в этой его части. Наряду с этим Суд исключал возможность для государства пребывания силой взять укрывшееся в иностранном дипломатическом представительстве лицо — подобные принудительные действия могут неблагоприятно отразиться на существовании нормальных отношений между соответствующими государствами.

Следует заметить, что Республика Перу 6 мая 1955 г. денонсировала Гаванскую конвенцию 1928 г.

В 1952—1961 гг. имели место случаи дипломатического убежища Бетанкура на Кубе, Перона в Аргентине, Фехардо и Веласкеса в Колумбии, Ибарра в Эквадоре¹⁶.

Свежим примером можно назвать ситуацию, связанную с австралийским журналистом и основателем сайта «WikiLeaks» Джулианом Ассанжем. Джулиан Пол Ассанж обнародовал на сайте «WikiLeaks», основанном в 2006 г., большое количество засекреченных материалов, касающихся военных тайн, военных преступлений, вопросов коррупции в высших эшелонах власти разных стран. С лета 2010 г. началось преследование Ассанжа шведскими властями по обвинению в изнасиловании. В декабре 2010 г. он был арестован на территории Великобритании. Впоследствии он освобожден из-под стражи под залог, однако обязан был находиться на территории Великобритании под подпиской о невыезде. 24 февраля 2011 г. Лондонский суд принял решение об экстрадиции, однако защита Ассанжа подала апелляцию. 19 июня 2012 г., находясь под подпиской о невыезде, Джулиан Ассанж укрывается на территории посольства Эквадора в Лондоне. После этого он просит у руководства Эквадора политического убежища. Власти Великобритании считают это нарушением подписки о невыезде, следовательно, в момент выхода из посольства Ассанж будет арестован. Сотрудники МВД Великобритании не имеют права войти в здание дипломатической миссии, обладающей неприкосновенностью. 16 августа 2012 г. власти Эквадора объявили об удовлетворении прошения на имя президента страны о предоставлении Ассанжу политического убежища. Власти же Великобритании ссылались на положения Закона Великобритании «О помещениях дипломатических и консульских

представительств» 1987 г., подчеркивая, что здание посольства может потерять этот статус, если оно используется не по назначению, то есть не для дипломатических и не для консульских миссий, а для укрытия преступников.

27 сентября 2012 г. Джулиан Ассанж был объявлен властями США «врагом государства»¹⁷. Заметим, что обвинения с Джулиана Ассанжа со стороны шведских властей не сняты. Более того, в июне 2015 г. представитель шведской прокуратуры отправился в Лондон с намерениями провести допрос на территории посольства Эквадора. Однако допрос сорвался, т.к. сотруднику прокуратуры не было предоставлено разрешения на проведение таких действий на территории посольства со стороны властей Эквадора¹⁸.

Пристатейный библиографический список

1. Блищенко И. П. Дипломатическое право: учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1990.
2. Дипломатическое и консульское право: учеб. пособие / А. Х. Абашидзе, И. А. Чистоходова. Москва: РУДН, 2015.
3. Дипломатия развивающихся государств / Под ред. проф. д-ра ист. наук В. П. Нихамина. М.: «Международ. отношения», 1976.
4. Лазарев М. И., Абашидзе А. Х. Казусы (международно-правовые из практики стран Америки XX века). М.: Изд-во «Современная экономика и право», 2001.
5. Международное право и развивающиеся страны. Проблемы Латинской Америки и международного права. Книга 1 / Под ред. И. П. Блищенко, В. С. Верещетина, В. В. Вольского. М., 1995.

16 См.: Лазарев М. И., Абашидзе А. Х. Казусы (международно-правовые из практики стран Америки XX века). — М.: Изд-во «Современная экономика и право», 2001.

17 США признали Джулиана Ассанжа врагом государства [Электронный ресурс] / Сайт международной информационной группы «Интерфакс». Режим доступа: <http://www.interfax.ru/russia/267878>

18 Сайт прокуратуры Королевства Швеции. The Swedish Prosecution Authority. Events concerning Julian Assange in chronological order [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aklagare.se/In-English/Media/The-Assange-Matter/The-Assange-Matter/>

Воробьев Д. В. АФРИКАНСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Настоящая статья посвящена исследованию вопроса специфики определения термина «коренной народ» применительно к Африке. Начало процесса деколонизации в 60-х годах прошлого столетия и образование новых независимых государств послужило толчком к появлению собственного видения этой проблемы. Господствующий «европейский» подход с упором на «доколониальность» по очевидным причинам не мог прижиться в Африке, что и привело к появлению своей весьма прагматичной концепции.

Ключевые слова: права человека, права коренных народов, коренные народы, Африка, Африканская комиссия по правам человека и народов.

Vorobyev D. V. AFRICAN APPROACH TO THE DEFINITION OF INDIGENOUS PEOPLES

This article describes the peculiarities of African approach to the definition of indigenous peoples. Beginning of the decolonization process in the 60s of previous century and emergence of new independent states were an impulse toward elaboration of a new vision of this issue. Dominant "European" approach with an emphasis on "precoloniality" could not satisfy Africans for obvious reasons, and it finally led to elaboration of their own pragmatic conception.

Keywords: human rights, indigenous people's rights, indigenous peoples, Africa, African Commission on Human and Peoples Rights.

Воробьев Д. В.

Африка является в высшей степени разнообразным в национальном плане континентом. Там проживает около 1/7 части всего населения Земли, а ее представители говорят на почти 1/3 всех языков мира. Африка – колыбель всего человечества.

За некоторое время до прихода европейцев в Африке произошли две значительных волны миграции, изменившие национальный состав большинства территорий: экспансия говорящих на языке Банту народов с запада континента в его южную часть; и распространение арабской культуры и языка в северной части Африки и вниз к восточным границам. Следствием таких исторических процессов стала борьба коренных народов за выживание и сохранение своей культуры, языка и традиций¹.

Впоследствии Африка подверглась европейской колонизации, принесшей с собой значительные изменения в традиционный для большинства населения уклад жизни. В разное время континент был поделён между Португалией, Испанией, Британией, Францией, Италией и Германией. Во время колонизации европейцы заняли доминирующее положение, стирая чуждую им культуру.

В начавшемся в 1960-е годы процессе деколонизации образовались новые независимые государства, большинство населения которых по основному критерию, до сих пор используемому в работе многих международных структур² – «доколониальность», относится к коренному. По понятным причинам указанный критерий неприемлем для проживающих на континенте народностей. Ведь сложно сказать, что тот или иной народ более древний, и соответственно больше подходит под указанный критерий, чем какой-либо другой. Данный аспект определения был назван «чрезмерно западным подходом к этнической принадлежности, похожим на форму неокolonизма»³. С момента начала деколонизации все африканцы считались коренными, а термин «коренной» воспринимался как «не иностранец».

Таким образом, именно элемент «доколониальности» является наиболее спорным в отношении идентификации «коренных народов»⁴.

В этой связи, а также при отсутствии в международном праве единого юридически обязательного термина «коренной народ», данное определение в отношении африканского континента имеет свою специфику. Что было подтверждено Африканской комиссией по правам человека и народов (АКПЧН)⁵ в её консультативном заключении о Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г.⁶ В нём Комиссия отметила, что в Африке термин «коренной народ» не означает «первый житель». Данная особенность отличает континент от других, где коренные сообщества были практически истреблены некоренным населением⁷. Эта позиция является очень важной с точки зрения демонстрации более широкого и прогрессивного подхода со стороны АКПЧН⁸. Мнение Комиссии таково, что любой африканец вправе определить себя в качестве «коренного» (или автохтона) по отношению к континенту, и, соответственно, колониальный аспект не важен в контексте Африки. Отходя от политических вопросов, АКПЧН пришла к выводу, что «более подходящим и конструктивным будет попытаться выявить основные характеристики, определяющие коренные народы»⁹.

Подобная прагматичная точка зрения стала во многом отражением работы Рабочей группы экспертов по правам коренных народов/сообществ АКПЧН, предложившей в одном из докладов о своей работе список «возможных критериев для определения коренных народов»¹⁰.

Одной из первых характеристик, по мнению Рабочей группы, является то, что коренные сообщества – это сообщества, сталкивающиеся с крайними формами маргинализации и дискримина-

- 1 Солнцев А. М., Воробьев Д. В. Международно-правовые аспекты сохранения традиционных знаний, генетических ресурсов и фольклора в Африке // Международно-правовые проблемы Африки: материалы круглого стола XII ежегодной Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. Москва, 11 апреля 2014 г. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева, А. М. Солнцев. М.: РУДН, 2015. С. 164–183.
- 2 Например, Совет ООН по правам человека и его вспомогательные механизмы, Постоянный форум ООН по вопросам коренных народов, Всемирный банк, Международная организация труда и др.
- 3 Kuper A. The Invention of Primitive Society: Transformations of an Illusion. Routledge, London, 1988, P. 67.

- 4 Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р., Солнцев А. М. Международно-правовые основы защиты меньшинств и коренных народов: учебник. М.: РУДН, 2015.
- 5 Солнцев А. М., Воробьев Д. В. Защита прав коренных народов в рамках африканской региональной системы защиты прав человека // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1 (68) С. 33–36.
- 6 Advisory Opinion of the African Commission on Human and Peoples' Rights on the United Nations Declaration of Indigenous Peoples, 2007.
- 7 См.: там же, para. 13.
- 8 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Юбилей африканской системы прав человека и народов // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45). С. 22–25.
- 9 Там же.
- 10 African Commission on Human and Peoples' Rights and International Working Group for Indigenous Affairs, Report of the African Commission's Working Group of Experts on Indigenous Populations/Communities, 2005

нации. Рабочая группа отметила, что «группы, считающие себя коренными, должны соответствовать следующим критериям:

а) их культура и образ жизни существенно отличается от доминирующего в обществе, в такой степени, что они находятся под угрозой исчезновения;

б) сохранение их определённого образа жизни зависит от доступа к землям и природным ресурсам;

с) они подвергаются дискриминации, поскольку рассматриваются как менее развитые, чем другие, доминирующие слои общества;

д) они зачастую живут в труднодоступных районах и географически изолированы;

е) они субъекты господства и эксплуатации в рамках существующих национальных политических и экономических структур»¹¹.

Таким образом, основным посылом Рабочей группы является контрпродуктивность использования элемента «доколониальности» при определении коренных народов в Африке, идущая вразрез с «современным аналитическим пониманием», сосредоточенным на аспектах маргинализации, культурного различия и самоосознания на международном уровне.

Вопрос определения того или иного народа в качестве «коренного» вновь стал перед африканской системой защиты прав человека при рассмотрении дела «Центр по правам меньшинств (Кения) и Международная группа по правам меньшинств от имени Совета по благосостоянию народа эндороис против Республики Кения»¹². Одним из аргументов, высказанных Правительством Кении в защиту своих интересов, было то, что эндороис сами по себе не являются коренным народом, а составляют часть более крупного этноса¹³. Делая подобное заявление, Кения, по сути, просила Комиссию определить, является ли эндороис отдельным коренным сообществом, указав при этом на критерии такого определения.

В своём решении Комиссия отметила, что не существует универсального и однозначного определения термина «коренной народ», так как ни одна из предложенных дефиниций не отражает разнообразие культур коренных народов, исторических условий и современных обстоятельств их существования¹⁴. Тем не менее, опираясь на Доклад Рабочей группы, АКПЧН заключила, что важнейшими из критериев являются:

«а) проживание и использования определенной территории;

б) добровольное сохранение культурной самобытности;

с) самоидентификация в качестве отдельной группы и признание таковой другими группами;

д) маргинализация, лишения, выселения и дискриминация»¹⁵.

Таким образом, АКПЧН настояла на существовании согласованного мнения по ряду объективных признаков, позволяющих рассматривать определенные группы людей в качестве «народов», причислив к ним: общие исторические традиции, расовую или этническую идентичность, культурную однородность, языковое единство, религиозные и идеологические сходства, территориальную связь, общность экономической жизни и прочие тождества и сходства¹⁶.

Обращая внимание на различные имеющиеся определения «коренных народов», Комиссия отметила, что общей составляющей всех «различных критериев, пытающихся определить понятие коренных народов, является то, что коренные народы обладают тесной связью с определенной территорией, землей и культурой»¹⁷.

В рассматриваемом деле АКПЧН особо отметила факт взаимосвязи культуры, религии и традиционного образа жизни Эндороис с их исконными землями.

Другим важнейшим фактором определения народа в качестве «коренного» стал фактор самоосознания себя в качестве такового. АКПЧН признала, «что самоидентификация для эндороис как представителей коренных народов и признание таковыми другими группами является одним из важнейших компонентов их

чувства идентичности»¹⁸. Интересно, что Комиссия, чтобы сделать такое заключение, обратилось к не менее уникальному делу, рассмотренному в межамериканской системе защиты прав человека – «Народ сарамака против Суринама» (*Saramaka People v. Suriname*)¹⁹, где именно фактор самоидентификации сыграл ключевую роль, ведь сарамака – потомки рабов-африканцев, привезённых европейцами в Латинскую Америку. И хотя Межамериканский суд по правам человека не признал данный народ коренным²⁰, АКПЧН в отношении эндороис сделала противоположный вывод.

Суммируя всё вышеперечисленное, важнейшими критериями для определения того или иного народа в качестве коренного АКПЧН называет следующие:

1) «отличие», что включает в себя самоидентификацию в качестве коренного народа, однако при этом испытывая маргинализацию;

2) «народность»: быть отличным от большинства народом, объединённым общей историей, культурой и религией;

3) «территориальность»: центральное место исконных земель в качестве источника духовности и культуры.

Абстрагируясь от дебатов о «доколониальности», которая в контексте африканского континента не имеет равным счётом никакого значения, АКПЧН демонстрирует решимость занять конструктивную и прагматичную позицию. Подобный подход, основанный на докладе Рабочей группы и собственном консультативном заключении, скорее всего, прекратит любые дискуссии о необходимости вернуться к вопросу выработки универсального определения термина «коренной народ», приняв позицию Комиссии как данность, по крайней мере, в Африке.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р., Солнцев А. М. Международно-правовые основы защиты меньшинств и коренных народов: учебник. М: РУДН, 2015.
2. Абашидзе А. Х. Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву. М.: «Права человека», 1996.
3. Абашидзе А. Х. Межамериканская система защиты прав человека и проблема защиты прав коренных народов // Московский журнал международного права. М.: Международные отношения, 2004. № 1.
4. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Юбилей африканской системы прав человека и народов // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45).
5. Солнцев А. М., Воробьев Д. В. Защита прав коренных народов в рамках африканской региональной системы защиты прав человека // Евразийский юридический журнал. 2014. № 1 (68).
6. Солнцев А. М., Воробьев Д. В. Международно-правовые аспекты сохранения традиционных знаний, генетических ресурсов и фольклора в Африке // Международно-правовые проблемы Африки: материалы круглого стола XII ежегодной Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. Москва, 11 апреля 2014 г. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева, А. М. Солнцева. М: РУДН, 2015.
7. Anaya S. J. Indigenous peoples in international law, 2nd edn. Oxford University Press, New York, 2004.
8. Kuper A. The Invention of Primitive Society: Transformations of an Illusion. Routledge, London, 1988.
9. The Indigenous World 2012. Edited by Cæcilie Mikkelsen. Copenhagen, 2012.
10. Viljoen F. International human rights law in Africa: 2nd edition. Oxford: Oxford University Press, 2012.

11 Advisory Opinion of the African Commission on Human and Peoples' Rights on the United Nations Declaration of Indigenous Peoples, 2007, para. 89.

12 African Commission on Human and Peoples' Rights, Centre for Minority Rights Development (Kenia) & Minority Right Group International on behalf of Endorois Welfare Council v. The Republic of Kenia, Communication No. 276/2003.

13 Там же, para. 142.

14 Там же, para. 147.

15 Там же, para. 150.

16 См.: там же, para. 151.

17 Там же, para. 154.

18 African Commission on Human and Peoples' Rights, Centre for Minority Rights Development (Kenia) & Minority Right Group International on behalf of Endorois Welfare Council v. The Republic of Kenia, Communication No. 276/2003, para. 157.

19 Case of the Saramaka People v. Suriname, Judgment, 28 November 2007, Inter-American Court on Human Rights. (Ser. C) No. 172

20 Подробнее см.: Абашидзе А. Х. Межамериканская система защиты прав человека и проблема защиты прав коренных народов // Московский журнал международного права. М.: Междунар. отношения, 2004. № 1. С. 55–75.

Вахитова Г. В.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ

В статье проводится анализ различных подходов к статусу русского языка в международном сообществе на основе географического, политического, экономического и культурного факторов. Приводятся данные о положении русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья и комплекс мероприятий, направленных на укрепление позиций русского языка на мировой арене.

Ключевые слова: статус языка, международные отношения, официальный язык, мировая держава, продвижение русского языка.

Vakhitova G. V.

THE RUSSIAN LANGUAGE AS A MEANS OF INTERSTATE COMMUNICATION

The article deals with the analysis of different approaches to the status of the Russian language in the international community on the basis of geographical, political, economic and cultural factors. Data about the position of the Russian language in the CIS and non-CIS countries and complex of measures oriented to consolidation of the Russian language at the global stage are given.

Key words: the language status, international relations, the official language, world power, promotion of the Russian language.

Вахитова Г. В.

В последнее время в глобальной сети можно найти множество статей о роли русского языка в международной сфере, о статусе русского языка в постсоветском пространстве, о перспективах русского языка в качестве языка международных коммуникаций – это связано с тем, что ученых волнует вопрос веса и влияния русского языка, так как он прямо пропорционален влиянию и весу России на международной арене. Некоторые авторы пишут о том, что русский язык неуклонно утрачивает свои позиции в мире, другие настроены более оптимистично в свете роста влияния Шанхайской организации сотрудничества и ассоциации БРИКС, членом которых является Российская Федерация.

Мы разделяем мнение многих авторов, в том числе и А. Н. Мануйлова, который приводит четыре аспекта – географический, экономический, политический и культурный, по которым можно судить о статусе языка в международных отношениях, так как в истории множество примеров того, как один язык на какой-то определённый период становился своеобразным гегемоном в международных отношениях. Языки обрели свой статус во многом благодаря тому, что народы – их носители на какой-то период занимали господствующее положение в тех или иных аспектах. Определённо, все эти страны имели или имеют огромный вес, что вызывает стремление других государств переориентировать свои внешние связи на сотрудничество с ними. И в первую очередь реализовать это при помощи языка¹.

«...В новом столетии, в отличие от прошлых веков, начинают преобладать не геополитические или идеологические, а цивилизационные, этнические, культурно-гуманитарные факторы распространения языков. Сегодня государства все больше прибегают не к “жесткой”, а к “мягкой” силе, делая ставку на собственную привлекательность, на продвижение культуры и языка... начиная с 90-х гг. прошлого века впервые в истории число владеющих русским языком за пределами Российского

государства превысило число граждан этого государства», – говорит К. И. Косачев на симпозиуме «Язык как экономический и политический фактор международных отношений» Института Латинской Америки РАН и Института Сервантеса 26 мая 2014 г.²

Проанализировав положение русского языка по четырем приведенным выше факторам, А. Н. Мануйлов приводит обоснования того, что ни один из них не складывается в пользу распространения русского языка. Географический аспект: «...через 15 лет после распада Советского Союза число владеющих в той или иной степени русским языком сократилось с 350 млн человек (на начало 1990-х) до 278 млн, из которых порядка 145 млн проживают на территории Российской Федерации». Так же как и экономический: «К сожалению, сейчас наша экономика носит сырьевой характер, что, безусловно, мало способствует распространению русского языка в системе международной торговли»³.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что русский язык занимает пятое место в мире по абсолютному числу владеющих им. Сегодня русский язык – один из официальных языков более чем двадцати международных организаций, среди которых: ООН, ЮНЕСКО, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС, ОБСЕ, ВОЗ, Таможенный союз, Международная организация по стандартизации, Международный уголовный суд, Международный олимпийский комитет, Международный валютный фонд, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и другие.

Кроме того, русский язык входит в четвёрку самых переводимых языков мира. В марте 2013 г. русский язык стал вто-

1 Мануйлов А. Н. Перспективы Русского языка в качестве языка международных коммуникаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/m/manujlow_a_n/a1-1.shtml (дата обращения: 17.10.2015).

2 Речь К. И. Косачева на симпозиуме «Язык как экономический и политический фактор международных отношений» Института Латинской Америки РАН и Института Сервантеса 26 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rs.gov.ru/sites/default/files/> (дата обращения: 17.10.2015).

3 Мануйлов А. Н. Перспективы Русского языка в качестве языка международных коммуникаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/m/manujlow_a_n/a1-1.shtml (дата обращения: 17.10.2015).

рым языком после английского, наиболее часто используемым в Интернете⁴.

«...Несмотря на то, что нынешнее руководство нашей страны принимает активные меры, направленные на развитие и распространение русского языка за рубежом, негативными последствиями для распространения русского языка обернулись последние события на Украине, что привело к возобновлению активной фазы противостояния между Россией и западными странами», – пишет А. Н. Мануйлов⁵.

Рассматривая культурный аспект распространения русского языка, А. Н. Мануйлов тоже не очень оптимистичен: «...хочется отметить по-прежнему весьма высокую значимость произведений русской классической литературы за рубежом, многие художественные произведения наших классиков являются предметом изучения в иностранных учебных заведениях. Немаловажную роль играет и расширяющиеся с каждым годом культурные связи нашей страны с иностранными государствами. Но, в последние два десятилетия наметилось отставание нашей научной сферы от общемировой, что в перспективе может поставить под угрозу статус русского языка как языка науки. Крайне медленными темпами идёт процесс интеграции нашей современной культуры в мировую... К тому же, хотя культурная сфера и является условно свободной от всех политических предрассудков, тем не менее, последние события на международной арене наложили свой отпечаток и на этот аспект, что может обернуться серьёзным ухудшением с таким трудом налаживаемых все эти годы отношений»⁶.

Мы считаем, что даже если русский язык утратил свои позиции после распада СССР, то сейчас ситуация стабилизируется, и у русского языка есть все шансы стать языком международных отношений.

После распада СССР русский язык остается государственным языком в Белоруссии, Южной Осетии, Приднестровской Молдавской Республике. На государственном уровне официальным языком русский является в Казахстане, Киргизии, Абхазии; на региональном уровне – в Молдавии, Румынии, Украине. С некоторыми ограничениями русский выполняет официальные функции в Таджикистане, при этом, согласно Конституции, русский язык является языком межнационального общения в стране. В Конституции Азербайджана также подчеркивается гарантия свободного использования и развития всех языков, в том числе, соответственно, и русского, на которых говорит население. В Узбекистане, Грузии и Армении русский язык является языком «национальных меньшинств». Русский язык активно укрепляет свои позиции на западе. Например, в американском штате Нью-Йорк, превосходящем по количеству русскоговорящего населения всю территорию США, с 2009 г. согласно действующему законодательству все документы, касающиеся избирательного процесса, дублируются на русском языке⁷. Возрастает интерес к изучению русского языка и в Европе: на данный момент русским язы-

ком владеет около 6 % населения Европы, что составляет приблизительно 30 млн человек и делает русский язык одним из самых распространенных в регионе. В Швейцарии в качестве второго иностранного русский язык выбирают более двух тысяч человек, а программы по русскому языку представлены в 45 гимназиях и 7 университетах⁸. В Германии русский как иностранный изучают около 130 тысяч школьников и 10 тысяч студентов и аспирантов⁹. Эксперты отмечают даже некоторый переизбыток носителей русского языка в Германии, что влечет за собой спад интереса к изучению русского языка у коренного населения. Росту роли русского языка в Турции способствовала интенсификация торговли. В мае 2013 г. в Посольстве РФ в Анкаре состоялась VIII конференция Координационного совета (КС) организаций российских соотечественников Турции, посвященная, в частности, вопросам преподавания русского языка в Турции¹⁰. Начиная с 2003 г. русский язык был включен в список иностранных языков, преподаваемых на факультетах с коммерческой и туристической направленностью¹¹.

Согласно отчету отдела народонаселения департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, по количеству мигрантов Россия занимает вторую строчку в мире после США – у нас проживает 11 млн мигрантов (7,7 % населения). Русский язык оказался весьма важным и просто удобным для межнационального общения большинства постсоветских государств (любопытно наблюдать, как участники разного рода конференций, даже антироссийской направленности, были вынуждены говорить между собой на языке «общего врага», поскольку он оказался единственным, которым владели на должном уровне все без исключения). В прошлом году Университет штата Флорида опубликовал на своем сайте – с целью привлечения студентов на кафедру славянских языков – «10 причин учить русский». Университет отметил значение России как региональной державы и ее «возвращение в качестве мировой державы» – например, в космической и энергетической сферах. Выделена ее роль как языка науки и технологий, распространение в мире, а также – как средства приобщения к одной из самых значительных мировых культур. Что касается Россотрудничества, то оно является единственной российской организацией, осуществляющей за рубежом на постоянной основе курсовое обучение иностранных граждан русскому языку¹². Свою практическую деятельность Россотрудничество осуществляет через сеть зарубежных представительств – Российских центров науки и культуры (РЦНК), которые организуют курсы русского языка, проводят олимпиады и конкурсы на знание русского языка, устраивают дискуссионные клубы и т.д. В настоящее время курсы действуют в 54 странах на базе

4 Английский, французский, немецкий и русский языки – самые переводимые в мире // <http://www.cybersecurity.ru> [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cybersecurity.ru/prgnoz/149230.html> (дата обращения: 17.10.2015).

5 Мануйлов А. Н. Перспективы Русского языка в качестве языка международных коммуникаций. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/m/manujlow_a_n/a1-1.shtml (дата обращения: 17.10.2015).

6 Там же.

7 Governor Paterson signs legislation to expand voting opportunities for Russian Americans//Room Eight: New York Politics. 09.09.2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.r8ny.com/node/147997> (дата обращения: 17.10.2015).

8 Русский язык в Европе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rurik.se/index.php?id=307>(дата обращения: 17.10.2015).

9 Русский язык в Германии: иностранный, родной и язык любимых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw.de/> (дата обращения: 17.10.2015).

10 Соотечественники в Турции поддерживают русский язык, ведут правовую защиту и проводят фестивали. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruvek.ru/?module=news&action=view&id=11098> (дата обращения: 17.10.2015).

11 Далкылыч Л. Ч. Роль русского языка на международной арене // Филология и литературоведение. 2014. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2014/02/672> (дата обращения: 17.10.2015).

12 Речь К. И. Косачева на симпозиуме «Язык как экономический и политический фактор международных отношений» Института Латинской Америки РАН и Института Сервантеса 26 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rs.gov.ru/sites/default/files/>(дата обращения: 17.10.2015).

60 РЦНК¹³. С 2011 г. Постановлением Правительства России Россотрудничество утверждено государственным заказчиком ФЦП «Русский язык» на 2011–2015 гг. Агентство стало одним из инициаторов проведения 6 июня 2011 г. единого Дня русского языка, приуроченного ко дню рождения А. С. Пушкина.

Активную роль в продвижении русского языка в мире выполняет фонд «Русский мир», созданный в 2007 г. Идеология фонда подтвердила важнейшие положения внешней культурной политики России, где именно контактам с соотечественниками уделяется особое значение, а русский язык и проблемы его распространения рассматриваются как первоочередные для нашей страны¹⁴. В 2005 г. был создан информационный канал Russia today, который задумывался как канал, который бы отражал российскую точку зрения на события в России и в мире. С 1929 г. ведет свое вещание радиостанция «Голос России» (Voice of Russia), формируя имидж нашей страны и презентуя российский взгляд на мировые события¹⁵.

На совещании министров образования государств – членов ШОС (г. Астана, 28 октября 2008 г.) был подписан ряд документов, отразивших общее стремление стран к созданию Университета ШОС, а также подтвердивших общее содержание концепции Университета ШОС и основные направления обучения: регионоведение, энергетика, нанотехнологии, ИТ-технологии, экология, педагогика, экономика, официальными языками которого являются русский, китайский языки и язык региона¹⁶.

В январе 2013 г. в Брюсселе в Центре российской науки и культуры прошел круглый стол «Русский как язык международного общения в Европе», посвященный проблемам и перспективам развития русского языка на территории Евросоюза¹⁷.

Актуальность изучения русского языка как языка межгосударственного общения, на наш взгляд, будет возрастать. Не в последнюю очередь это связано и с тем, что все больше студентов из-за рубежа обучается в российских вузах на основе договоров о сотрудничестве. Так, Башкирский государственный университет имеет около 20 договоров о сотрудничестве с вузами КНР, Республик Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и др.¹⁸

Пристатейный библиографический список

1. Вахитова Г. В. Гуманитарное сотрудничество стан ШОС: университет ШОС. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Роль субъектов

13 Пьянов А. Е. Статус русского языка в странах СНГ. Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3 (47). С. 55–59.

14 Фонд Русский мир. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/programs2>. (дата обращения: 17.10.2015).

15 Любич А. Язык и отношения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://legitimist.ru/sight/politics/2010/mart/yazyik-i-otnosheniya.html> (дата обращения: 17.10.2015).

16 Вахитова Г. В. Гуманитарное сотрудничество стан ШОС: университет ШОС. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Роль субъектов Российской Федерации в укреплении сотрудничества стан УАЭС и ШОС» (на примере Республики Башкортостан). г. Уфа, 14 апреля 2015 г. С. 95–96.

17 Далкылыч Л. Ч. Роль русского языка на международной арене // Филология и литературоведение. 2014. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2014/02/672> (дата обращения: 17.10.2015).

18 Нигматуллин Р. В. Развитие юридической науки и научный потенциал образовательных организаций и научных учреждений стран-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3. С. 21.

Российской Федерации в укреплении сотрудничества стан УАЭС и ШОС» (на примере Республики Башкортостан). г. Уфа, 14 апреля 2015 г.

2. Далкылыч Л. Ч. Роль русского языка на международной арене // Филология и литературоведение. 2014. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2014/02/672> (дата обращения: 17.10.2015).
3. Любич А. Язык и отношения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://legitimist.ru/sight/politics/2010/mart/yazyik-i-otnosheniya.html> (дата обращения: 17.10.2015).
4. Мануйлов А. Н. Перспективы Русского языка в качестве языка международных коммуникаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/m/manujlow_a_n/a1-1.shtml (дата обращения: 17.10.2015).
5. Нигматуллин Р. В. Развитие юридической науки и научный потенциал образовательных организаций и научных учреждений стран – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 3.
6. Пьянов А. Е. Статус русского языка в странах СНГ. Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3 (47).
7. Речь К. И. Косачева на симпозиуме «Язык как экономический и политический фактор международных отношений» Института Латинской Америки РАН и Института Сервантеса 26 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rs.gov.ru/sites/default/files/> (дата обращения: 17.10.2015).
8. Английский, французский, немецкий и русский языки – самые переводимые в мире. // <http://www.cybersecurity.ru> [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.cybersecurity.ru/prognoz/149230.html>; (дата обращения: 17.10.2015).
9. Роль языка во внешней культурной политике России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mgs.org.ru/2014/03/zherebtsova/> (дата обращения: 17.10.2015).
10. Русский язык стал вторым по популярности в интернете. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2013/03/21/strussian/> (дата обращения: 17.10.2015).
11. Русский язык в Европе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rurik.se/index.php?id=307> (дата обращения: 17.10.2015).
12. Русский язык в Германии: иностранный, родной и язык любимых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw.de/> (дата обращения: 17.10.2015).
13. Соотечественники в Турции поддерживают русский язык, ведут правовую защиту и проводят фестивали. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruvek.ru/?module=news&action=view&id=11098> (дата обращения: 17.10.2015).
14. Фонд Русский мир. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/programs2>. (дата обращения: 17.10.2015).
15. Governor Paterson signs legislation to expand voting opportunities for Russian Americans // Room Eight: New York Politics. 09.09.2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.r8ny.com/node/147997> (дата обращения: 17.10.2015).

**Абашидзе А. Х., Кебурия К. О.,
Конева А. Е., Солнцев А. М.
ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С
ГОСУДАРСТВАМИ – ЧЛЕНАМИ ЕС В РАМКАХ
РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕНЦИИ О ГРАЖДАНСКО-
ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНОГО
ПОХИЩЕНИЯ ДЕТЕЙ 1980 Г.**

В статье анализируются перспективы вступления в силу Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. в отношениях между Российской Федерацией и 15 государствами – членами ЕС, которые не сделали ранее заявления о признании присоединения РФ к этой Конвенции. С этой целью проводится анализ мнения Суда ЕС, в котором он установил, что вопрос о признании присоединения третьих государств к Конвенции относится к исключительной внешней компетенции ЕС.

Ключевые слова: международное право, права детей, Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г., признание присоединения, Европейский Союз, Суд Европейского Союза.

**Abashidze A. Kh., Keburia K. O., Koneva A. E., Solntsev A. M.
ISSUES OF COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN
FEDERATION AND EU MEMBER STATES UNDER THE
1980 CONVENTION ON THE CIVIL ASPECTS
OF INTERNATIONAL CHILD ABDUCTION**

The article determines the perspectives of the entry into force of 1980 Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction in relations between the Russian Federation and 15 EU Member States which did not make an acceptance of accession of Russia to this Convention. For this purpose an analysis of the opinion of the European Court of Justice is made, in which the Court found that the issue of acceptance of accession of third States to the Convention falls within EU exclusive competence.

Keywords: international law, children's rights, Russian Federation, 1980 Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction, acceptance of accession, European Union, European Court of Justice.

Защита прав детей является приоритетным вопросом государственной политики России, и власти государства прилагают все возможные усилия для создания благоприятных условий по выполнению данной задачи. Российская Федерация как социальное государство по Конституции 1993 г. обязано обеспечивать защиту и поддержку семьи, материнства, отцовства и детства (п. 2 ст. 7). В настоящее время в Российской Федерации реализуется Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Следует подчеркнуть, что меры, проводимые государством в целях поддержки детей, во многом обусловлены теми международными обязательствами, которые вытекают из участия России в международных договорах в области защиты прав детей. Как предусмотрено в ст. 17 Конституции России, «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Российская Федерация принимает участие во всех основных международных договорах по правам человека и осуществляет активное сотрудничество с соответствующими международными контрольными механизмами в этой сфере¹.

Важнейшим универсальным международно-правовым актом, закрепляющим права детей, является Конвенция о правах ребенка 1989 г., которую ратифицировали все государства – чле-

Абашидзе А. Х.

Кебурия К. О.

Конева А. Е.

Солнцев А. М.

ны ООН, за исключением США². Российская Федерация ратифицировала данную Конвенцию 16 августа 1990 г. К Конвенции о правах ребенка было принято три факультативных протокола: Факультативный протокол, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, 2000 г., Факультативный протокол, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, 2000 г. и Факультативный протокол, касающийся процедуры сообщений, 2011 г. Россия ратифицировала первый Протокол 24 сентября 2008 г., а второй Протокол – 24 сентября 2013 г. Однако Россия не признала юрисдикцию Комитета ООН по правам ребенка (органа, уполномоченного наблюдать за выполнением государствами обязательств, взятых ими в соответствии с Конвенцией о правах ребенка и двух протоколов к ней) принимать и рассматривать индивидуальные сообщения в соответствии с третьим Протоколом к Конвенции.

Российская Федерация регулярно представляет Комитету по правам ребенка периодические доклады о выполнении Конвенции и двух Факультативных протоколов и участвует в диалоге с Комитетом при рассмотрении ее докладов с 1992 г., когда она представила Комитету свой первоначальный доклад³. На данный момент Российская Федерация представила

1 Абашидзе А. Х., Конева А. Е. Договорные органы по правам человека. М., 2015.

2 Абашидзе А. Х. «Закон Димы Яковлева» – юридически правомерен и морально легитимен // Обозреватель - Observer. 2013. № 2. С. 6–10.

3 Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, Инфра-М, 2011.

Комитету по правам ребенка пять периодических докладов⁴. В 2014 г. Комитет принял заключительные замечания по итогам проведения конструктивного диалога с российской делегацией в рамках рассмотрения объединенных четвертого и пятого периодических докладов.

Российская Федерация является участницей Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г., которая была разработана в рамках ЮНЕСКО.

Российская Федерация также активно участвует в договорах, принятых в рамках Международной организации труда (МОТ), которые направлены на защиту прав детей в сфере труда, таких как Конвенция МОТ о минимальном возрасте для приема на работу (Конвенция 138) 1973 г. (ратифицирована 1 мая 1979 г.) и Конвенция МОТ о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (Конвенция 182) 1999 г. (ратифицирована 23 мая 2003 г.).

В рамках Совета Европы Россия участвует в Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия 2007 г. Россия подписала Европейскую конвенцию об осуществлении прав детей 1996 г., но пока не ратифицировала ее. Важнейшим договором Совета Европы, который содержит положения, закрепляющие права детей, является Европейская социальная хартия (пересмотренная) 1996 г. Российская Федерация ратифицировала данный документ 16 октября 2009 г., и он вступил в силу 1 декабря 2009 г.

На основе Европейской социальной хартии 1996 г. учрежден Европейский комитет по социальным правам, который наблюдает за выполнением государствами обязательств по Хартии⁵. Договаривающиеся стороны обязаны направлять ежегодные доклады, которые должны формировать 4-летний цикл. Суть такой системы заключается в том, что государства отчитываются не по всем, а только по некоторым положениям Хартии – по «основным» статьям, то есть тем семи, которые перечислены в ст. 20 Хартии, принятие пяти из которых позволяет стать участником Хартии (раз в два года), и по остальным «неосновным» статьям (раз в четыре года)⁶. Российская Федерация представила Комитету четыре национальных доклада – в 2011, 2012, 2013, 2014 гг.⁷ Комитет вынес заключения в отношении трех национальных докладов – в 2014 г. рассмотрел третий национальный доклад.

Помимо договоров, направленных исключительно на защиту прав детей, Россия принимает участие в тех международных соглашениях, некоторые положения которых посвящены правам детей. В этом отношении, прежде всего, следует отметить Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. и Конвенцию о правах инвалидов 2006 г.

Участие России в международных конвенциях, заключенных в рамках Гаагской конференции по международному частному праву (ГКМЧП)

Среди международных договоров по защите прав детей особое место занимают договоры, заключенные в рамках Гаагской конференции по международному частному праву (Гаагской конференции), членом которой с 13 ноября 2001 г. является Российская Федерация. Россия подписала Гаагскую конвенцию о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления от 29 мая 1993 г. и ратифицировала две конвенции: Гаагскую конвенцию о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября

1980 г. (Гаагская конвенция 1980 г.) в 2011 г. и Гаагскую конвенцию о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г. (Гаагская конвенция 1996 г.) в 2013 г.

Гаагская конвенция 1996 г. действует на территории Российской Федерации с 1 июня 2013 г. Согласно ст. 58 Гаагской конвенции 1996 г. «любое государство может присоединиться к Конвенции после того, как она вступит в силу... Такое присоединение вступает в силу только в отношении между присоединившимися государствами и теми Договаривающимися государствами, которые не заявят возражение против его присоединения». Соответственно, на данный момент Конвенция действует между РФ и всеми 28 государствами членами ЕС.

Процедура вступления в силу между договаривающимися государствами Гаагской Конвенции 1980 г. существенно отличается от аналогичной процедуры, предусмотренной большинством международных договоров, в том числе Гаагской конвенцией 1996 г.

Напомним, что Российская Федерация присоединилась к Гаагской конвенции в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2011 г. № 102-ФЗ, и Конвенция вступила в силу на территории России с 1 октября 2011 г. В соответствии со ст. 38 Конвенции 1980 г. «присоединение будет иметь силу только в отношении присоединившимся государством и теми Договаривающимися государствами, которые заявят о своем признании присоединения. Такое заявление должно быть также сделано государством-участником, ратифицирующим, принимающим или утверждающим Конвенцию после присоединения...».

На настоящий момент Конвенцию 1980 г. ратифицировали 93 государства, но Российскую Федерацию признали пока 39 государств, из них 13 государств – членов ЕС⁸. Государства – члены ЕС начали делать заявления о признании присоединения РФ практически сразу же после ее присоединения в 2011 г. Однако с 2013 г. никаких действий в этом направлении членами ЕС не предпринимается. Таким образом, 15 государств – членов ЕС до сих пор не признали Россию по Конвенции 1980 г. Безусловно, такое положение дел препятствует созданию единственного правового механизма взаимодействия указанных 15 государств – членов ЕС с Российской Федерацией для решения вопросов о возвращении детей, незаконно перемещенных или удерживаемых на ее территории либо на территории данных государств.

Чтобы выяснить причины непризнания РФ со стороны государств – членов ЕС, стоит, в первую очередь, отметить, что на территории ЕС практически все вопросы, связанные с реализацией Конвенции 1980 г. решаются единообразно в рамках положений Регламента Совета ЕС 2201 от 27 ноября 2003 г. «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по семейным вопросам и вопросам родительской ответственности» (далее – Регламент «Брюссель II»)⁹. ЕС сам по себе не является стороной Конвенции 1980 г., и не может ею быть, поскольку участниками Конвенции 1980 г. могут только договаривающиеся государства.

Регламент «Брюссель II» в целом заменил существовавшие до его принятия Конвенции между государствами – членами ЕС, относящиеся к тому же предмету регулирования. В применении между государствами – членами ЕС Регламент имеет приоритет относительно следующих международных договоров: Гаагской

4 Солнцев А. М., Конева А. Е. Международные обязательства российской федерации в сфере защиты прав детей в свете деятельности международных универсальных и региональных контрольных органов по правам человека // Евразийский юридический журнал. М: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. 2013. № 10. С. 38–42.

5 Абашидзе А. Х., Ручка О. А. Европейская социальная хартия - первоначальная и пересмотренная: состояние и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 2. С. 135–144.

6 См. Мазитова И. Р. Система контроля за соблюдением Европейской Социальной Хартии и пересмотренной Социальной Хартии. Вестник ТИСБИ. 2004. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1218958>.

7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/socialcharter/Reporting/StateReports/Reports_en.asp.

8 Эстония (дата признания: 8 сентября 2011 г.; вступила в силу с 1 декабря 2011 г.); Франция (дата признания: 5 октября 2011 г.; вступила в силу с 1 января 2012 г.); Греция (дата признания: 13 октября 2011 г.; вступила в силу с 1 января 2012 г.); Хорватия (дата признания: 13 марта 2012 г.; вступила в силу с 1 июня 2012 г.); Чешская Республика (дата признания: 14 марта 2012 г.; вступила в силу с 1 июня 2012 г.); Финляндия (дата признания: 3 октября 2012 г.; вступила в силу с 1 января 2013 г.); Словения (дата признания: 17 октября 2012 г.; вступила в силу с 1 января 2013 г.); Словакия (дата признания: 28 января 2013 г.; вступила в силу с 1 апреля 2013 г.); Испания (дата признания: 11 декабря 2012 г.; вступила в силу с 1 марта 2013 г.); Румыния (дата признания: 12 марта 2013 г.; вступила в силу с 1 июня 2013 г.); Литва (дата признания: 22 марта 2013 г.; вступила в силу с 1 июня 2013 г.); Ирландия (дата признания: 24 апреля 2013 г.; вступила в силу с 1 июля 2013 г.); Болгария (дата признания: 22 мая 2013 г.; вступила в силу с 1 августа 2013 г.).

9 Официальный текст [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32003R2201:EN:NOT>.

конвенции от 5 октября 1961 г. о компетенции властей и праве, применимом к защите несовершеннолетних; Люксембургской конвенции от 8 сентября 1967 г. о признании решений по вопросам действительности брака; Гаагской конвенции от 1 июня 1970 г. о признании разводов; Европейской конвенции от 20 мая 1980 г. о признании и исполнении решений по вопросам защиты детей; Конвенции 1980 г. (ст. 60 Регламента).

Применительно к Гаагской конвенции 1996 г. ст. 61 Регламента устанавливает, что он применяется в двух случаях: а) когда ребенок имеет место своего обычного проживания на территории государства-члена; б) в отношении признания и исполнения судебного решения, вынесенного судом государства-члена на территории другого государства-члена — даже если ребенок имеет место своего обычного проживания на территории третьего государства, если последнее участвует в Конвенции.

Стоит отметить, что изначально участниками Конвенции 1980 г. являлись преимущественно государства — члены ЕС наряду с США, Канадой, Швейцарией, Аргентиной, Израилем, Турцией и Венесуэлой. Однако в последнее время к Конвенции присоединилось немалое количество государств, в связи с чем ряд государств — членов ЕС сделали заявления о признании присоединения государств, которые стали участниками Конвенции 1980 г. позже, поскольку полагали, что ЕС не обладает исключительной компетенцией в отношении таких заявлений. Однако Европейская комиссия придерживалась иной точки зрения — что ЕС должен принимать решение о признании присоединения третьих государств к Конвенции 1980 г., а не государства-члены в одностороннем порядке. Руководствуясь данными соображениями, Европейская комиссия (далее — Комиссия) предложила Совету ЕС в 2011 г. принять восемь отдельных решений, позволяющих государствам-членам признать присоединение к Конвенции 1980 г. третьих государств, в том числе России, Албании, Марокко, Сейшельских островов, Сингапура, Габона, Армении и Андорры. Однако Совет ЕС не поддержал просьбу Комиссии, посчитав, что вопрос о признании присоединения относится к компетенции самих государств — членов ЕС.

21 июня 2013 г. Комиссия обратилась в Суд Европейского союза (далее — Суд) с просьбой вынести мнение по вышеуказанному вопросу, ссылаясь на особый порядок, изложенный в ст. 218 Договора о функционировании Европейского союза (далее — Договор), позволяющий Суду принимать решения о соответствии предполагаемого международного соглашения законодательству ЕС.

14 октября 2014 г. Суд принял мнение¹⁰ в ответ на запрос Комиссии, в соответствии со ст. 218 (11) Договора, заявив, что признание государством-членом присоединения третьего государства к Конвенции 1980 года относится к исключительной компетенции Союза.

Анализ мнения Суда ЕС 1/13 от 14 октября 2014 г.

Суд рассмотрел, прежде всего, вопрос о приемлемости запроса Комиссии. Чешское, немецкое, эстонское, греческое, французское, кипрское, латвийской, литовское, австрийское, польское и румынское правительства и Совет считали запрос неприемлемым, ввиду того, что он не соответствует условиям для инициирования институтами ЕС процедуры, предусмотренной в ст. 218 (11) Договора.

Суд постановил, что акт присоединения и заявление о признании присоединения к Конвенции 1980 г. подпадают под понятие «международное соглашение». В обоснование этого Суд сослался на ст. 2 (1) (а) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., согласно которой международный договор может содержаться как в одном документе, так и в двух или нескольких связанных между собой документах. Суд также заметил, что ст. 38 Конвенции 1980 г. фактически предусматривает два связанных между собой документа, а именно документ о присоединении и заявление о признании присоединения, и что эти два документа вместе можно рассматривать как составные части международного соглашения, как в соответствии с Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., так и в контексте права ЕС.

Суд также постановил, что не имеет никакого значения факт того, что ряд государств-членов уже признали присоединение ряда третьих государств к Конвенции 1980 г. А возмож-

ность Комиссии подать в Суд на эти государства за нарушения законодательства ЕС не остановила Комиссию от обращения к специальной юрисдикции, предусмотренной ст. 218 Договора. Таким образом, Суд признал запрос Комиссии приемлемым.

Что касается существа вопроса, 19 государств — членов ЕС и Совет высказались против позиции Комиссии о наличии исключительной внешней компетенции Союза в деле признания присоединения. В поддержку Комиссии выступили Европейский парламент и правительство Италии.

Суд отметил, что согласно ст. 216 Договора Союз обладает внешней компетенцией не только в тех случаях, когда договоры прямо это предусматривают, но и в ситуациях отсутствия прямых ссылок в договоре, если это необходимо для достижения конкретных целей, предусмотренных в соответствующем договоре.

ЕС обладает компетенцией в вопросах, связанных с реализацией Конвенции 1980 г. на том основании, что сфера ее регулирования напрямую связана с областью действия семейного права с трансграничными элементами, которая согласно ст. 81 (3) Договора относится к внутренней компетенции ЕС. ЕС реализовал данную компетенцию, приняв Регламент «Брюссель II». В такой ситуации ЕС обладает внешней компетенцией в сфере, которая составляет предмет регулирования Конвенции 1980 г.

По мнению Суда, признание присоединения третьего государства к Конвенции 1980 г. в качестве компетенции ЕС не предусмотрено ни в одном правовом акте ЕС, при этом такое признание не является необходимым в контексте осуществления ЕС его внутренней компетенции. Соответственно, в данном случае речь идет о признании исключительной компетенции ЕС по заключению международного договора в силу того, что такое заключение международного договора может оказать влияние на общие правила ЕС или изменить сферу их действия.

При этом перед Судом встал вопрос о том, предоставляется ли подобная компетенция исключительно ЕС или же она разделена с государствами-членами. Суд подтвердил, что ЕС пользуется исключительной компетенцией, как это изложено в его прецедентном праве и в ст. 3 (2) Договора, когда международный договор влияет на общие правила ЕС. В данном случае, вопросы трансграничного перемещения детей и общей родительской ответственности охватываются в значительной степени правом ЕС.

Так, возвращение незаконно перемещенного ребенка и права доступа к ребенку являются предметом регулирования Регламента 2201/2003, также как и Конвенции 1980 г. В отношении с Конвенцией 1980 г. Регламент в ст. 60 предусматривает свое преимущество по пересекающимся вопросам в отношениях между государствами — членами ЕС.

В положениях статей 8–11 Конвенции 1980 г. регулируются процедуры направления первоначального заявления в Центральный орган договаривающегося государства о возвращении ребенка, дальнейшей передачи соответствующих документов в Центральный орган договаривающегося государства, в котором предположительно находится ребенок, и рассмотрение дела судебными или административными органами этого государства. Статья 12 Конвенции определяет обстоятельства, при которых судебные или административные органы предписывают возвращение ребенка в договаривающееся государство, в котором он постоянно проживал непосредственно перед незаконным перемещением или удержанием. Статьи 13 и 20 Конвенции 1980 г. рассматривают случаи, в которых эти органы могут отказать в возвращении ребенка и принять решение по этому вопросу.

Регламент № 2201/2003 вносит дополнения и уточнения, в частности, в своей ст. 11 (2) устанавливая принцип, по которому ребенок должен быть заслушан в ходе судебного разбирательства, что предусмотрено в статьях 12 и 13 Конвенции 1980 г. Аналогичным образом ст. 11 (3) Регламента определяет период, в течение которого принимается решение о возвращении незаконно перемещенного ребенка. Кроме того, пункты 4–6 ст. 11 Регламента ограничивают юрисдикцию судов государств-членов отказывать в возвращении ребенка на основании положений Конвенции 1980 г. Статья 11 (8) Регламента № 2201/2003 в сочетании со ст. 42 устанавливает процедуру, которая облегчает возврат незаконно перемещенных детей, в дополнение к процедуре, предусмотренной Конвенцией 1980 г. В соответствии с этими положениями суд, обладающий юрисдикцией в соответствии с Регламентом 2201/2003, может, несмотря на решение о невозврате ребенка, в соответствии со ст. 13 Конвенции 1980 г., принять решение о возвращении. Данное решение признается обязательным к исполнению в государстве-члене, в котором находится ребенок, и власти этого государства не имеют права не исполнить это решение.

10 Opinion 1/13 of the European Court of Justice (Grand Chamber). 14 October 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?doclang=EN&text=&pageIndex=0&part=1&mode=DOC&docid=158600&occ=first&dir=&c id=384546>. Мнение (opinion) Суда ЕС в отличие от решения Суда ЕС не обладает обязательной юридической силой.

Что касается процедуры для обеспечения осуществления права доступа, существо которого рассматривается в ст. 21 Конвенции 1980 г., она предусматривает лишь возможность представления запроса, касающегося осуществления этих прав, в Центральные органы договаривающихся государств, и налагает на последних обязательства по содействию мирного осуществлению этих прав.

Регламент № 2201/2003 устанавливает аналогичные основные правила обеспечения осуществления прав доступа. В частности, в соответствии со статьями 55 и 57 Регламента любой родитель или опекун может представить в Центральный орган государства-члена, его или ее обычного места жительства или в Центральный орган государства-члена, в котором постоянно проживает ребенок или находится на данный момент, запрос о помощи в осуществлении права доступа.

Наконец, Конвенция 1980 г. устанавливает некоторые общие положения для разбирательств, касающихся возвращения незаконно перемещенных детей и осуществления прав доступа. Таким образом, как видно из статей 22 и 26 Конвенции 1980 г., компетентные органы для того, чтобы гарантировать оплату расходов и издержек, связанных с осуществлением судебных или административных процедур, подпадающих под сферу применения настоящей Конвенции, не требуется какого-либо залога или другого обеспечения.

В соответствии со ст. 23 Конвенции 1980 г. не требуется никакой легализации или аналогичных формальностей в контексте данных процедур. Статья 24 Конвенции определяет языки, на которых составляются запросы, связанные с применением Конвенции, и направляемые в Центральный орган запрашиваемого государства. Кроме того, в соответствии со ст. 25 Конвенции 1980 г. граждане договаривающихся государств и лица, постоянно проживающие на территории этих государств, имеют право на юридическую помощь и консультации по вопросам, связанным с применением настоящей Конвенции, в любом другом договаривающемся государстве на тех же условиях, как если бы они сами были гражданами этого государства или постоянно проживали на его территории.

Регламент 2201/2003 устанавливает аналогичные правила, которые применяются к делам о возвращении ребенка и разбирательствам по обеспечению осуществления прав доступа. В частности, в соответствии со ст. 57 (3) помощь, оказываемая Центральными органами, является бесплатной. В соответствии со ст. 41 Регламента права доступа, предоставленные решением суда, вынесенного в государстве-члене, должны быть признаны и применяться в другом государстве-члене без необходимости в обязательном порядке. Статья 42 Регламента предусматривает признание в отношении судебных решений, требующих возвращения ребенка, которые упомянуты в ст. 11 (8). В соответствии со ст. 57 (2) запросы в Центральные органы государств-членов возможно подавать на любом другом языке. Наконец, в ст. 50 Регламента оговаривается, что заявитель освобождается полностью или частично от оплаты правовой помощи и от расходов или затрат в процедурах, касающихся возвращения незаконно перемещенных детей и осуществления прав доступа, предусмотренных в статьях 41, 42 и 48 Регламента.

В свете вышеизложенного Суд постановил, что положения Регламента 2201/2003 в значительной степени охватывают две процедуры, регулируемые Конвенцией 1980 г., а именно процедуры, касающиеся возвращения незаконно перемещенных детей и порядка обеспечения реализации прав доступа. Таким образом, все вопросы, охватываемые положениями Конвенции 1980 г., должны рассматриваться как часть правил ЕС.

В обоснование своей позиции об исключительной внешней компетенции ЕС в вопросах признания присоединения третьих государств Суд ЕС указал, что единоличное признание государствами – членами ЕС присоединения к Конвенции третьих государств усложняет применение законодательства ЕС, в частности, в спорах между двумя государствами – членами ЕС и третьим государством, когда Конвенция действует в отношении только одного государства – члена ЕС и этого третьего государства, а второе государство – член ЕС не сделало признания присоединения данного третьего государства.

Как результат, для сохранения единой политики ЕС в отношении с третьими государствами по вопросам возвращения незаконно перемещенных детей и обеспечения осуществления права доступа к детям для второго родителя, а также единообразного применения Регламента 2201/2003, признание о присоединении третьего государства к Конвенции 1980 г. должно входить в исключительную внешнюю компетенцию ЕС.

Заключение

15 июня 2015 г. Совет ЕС принял решение, уполномочивающее государства – члены ЕС сделать заявление, в интересах

ЕС, о признании присоединения к Конвенции 1980 г. Андорры и Сингапура. Напомним, что именно эти два государства фигурировали в списке государств, о признании присоединения которых Комиссия в 2011 г. просила Совет ЕС принять решение. При этом в решении 2015 г. Совет ЕС обратился именно к тем государствам, которые не сделали соответствующего заявления в отношении указанных двух государств.

6 октября 2015 г. Совет ЕС принял аналогичное решение в отношении Российской Федерации¹¹. Как указывается в решении, государства – члены ЕС, не признавшие Россию, должны сделать соответствующее заявление о признании ее присоединения в течение двенадцати месяцев со дня принятия настоящего решения и уведомить об этом Комиссию и Совет ЕС и направить в Комиссию текст этого заявления в течение двух месяцев со дня принятия данного заявления.

Таким образом, как представляется, учитывая, что вопросы, связанные с сотрудничеством в ситуациях незаконного перемещения детей на пространстве ЕС решаются единообразно, и принимая во внимание, что признание присоединения третьих государств к Конвенции 1980 г. относится к исключительной внешней компетенции ЕС, вопрос о признании присоединения РФ к Конвенции 1980 г. со стороны государств – членов ЕС не связан с их недоверием к правовой системе России, т.е. лежит не в правовой плоскости. Как представляется, РФ является надежным партнером для государств – членов ЕС в различных сферах международного сотрудничества, в том числе в сфере международного похищения детей. Россия активно участвует в международных договорах по защите прав детей, регулярно отчитывается в международных контрольных механизмах в данной области. Так, Россия в конструктивном ключе сотрудничает с Комитетом ООН по правам ребенка, регулярно представляя доклады о выполнении Конвенции ООН о правах ребенка и участвуя в конструктивном диалоге с Комитетом. При этом стоит указать на существование «двойных стандартов»: США, в отношении всех государств – членов ЕС с которыми действует Конвенция 1980 г., не участвуют в данном основополагающем международном договоре по защите прав детей.

Что касается непосредственно Гаагской конвенции 1980 г., то РФ поступательно движется по пути обеспечения транспарентности процесса имплементации Конвенции 1980 г. и информирования государств – участников Гаагской конференции о шагах, принимаемых в этом направлении, путем в том числе размещения соответствующих информационных материалов на официальном сайте ГКМЧП. В этой связи стоит отметить, что Минобрнауки России подготовил Информационную справку о деятельности Минобрнауки России как ЦО РФ по Конвенции 1980 г. (т.н. «country profile») для ее последующего размещения, как предполагается в текущем году, на официальной странице ГКМЧП наряду с другими государствами – участниками Конвенции. Как представляется, это еще больше стимулирует государства-члены активнее в течение двенадцати месяцев со дня принятия решения Совета ЕС признавать присоединение России к Конвенции 1980 г.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Конева А. Е. Договорные органы по правам человека. М., 2015.
2. Абашидзе А. Х. «Закон Димы Яковлева» – юридически правомерен и морально легитимен // Обозреватель – Observer. 2013. № 2.
3. Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, Инфра-М, 2011.
4. Солнцев А. М., Конева А. Е. Международные обязательства российской федерации в сфере защиты прав детей в свете деятельности международных универсальных и региональных контрольных органов по правам человека // Евразийский юридический журнал. М.: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права. 2013. № 10.
5. Абашидзе А. Х., Ручка О. А. Европейская социальная хартия – первоначальная и пересмотренная: состояние и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 2.

11 European Union Council Decision authorising certain Member States to accept, in the interest of the European Union, the accession of the Russian Federation to the 1980 Hague Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction. Brussels, 6 October 2015. 12104/15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12104-2015-INIT/en/pdf>.

Чугунков П. И.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ АКВАТОРИИ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируется возможность применения концепции исторических прав и доктрины суверенных прав над морскими транспортными магистралями, используемых в международном морском праве, для доказательства российского суверенитета в акваториях Северного морского пути в Арктике.

Ключевые слова: Северный морской путь, акватория, суверенные права РФ, основания взимания сборов за ледокольную проводку, концепция исторических вод в международном праве.

Chugunkov P. I.

TO THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF WATER AREA OF THE NORTHEAST PASSAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the possibility of applying the concept of historical rights and the doctrine of sovereign rights over maritime traffic highways, used in international maritime law for proving Russian sovereignty in the waters of the Northeast Passage in the Arctic.

Keywords: Northeast Passage, the sovereign rights of the Russian Federation, the base for charges for the icebreaking, the conception of historical waters in international law.

Чугунков П. И.

Значительный интерес к Арктике, в том числе к транспортным магистралям в этой части, проявляет в настоящее время множество государств, а именно такие неарктические государства, как Великобритания, Германия, Польша, Китай, Япония и ряд других, а также Европейский союз в целом.

Экономические и военно-стратегические интересы ряда государств отражены в стремлении использовать Арктику для военных, транспортных целей и для добычи природных ресурсов¹. Цель Европейской морской стратегии заключается в том, чтобы определить правовой статус и использовать «все моря вокруг Европы», включая Северный Ледовитый океан, в своих интересах².

Морские пути, проходящие через Суэцкий или Панамский каналы, являются традиционными общемировыми транспортными артериями. Альтернативой им служит Северный морской путь, который значительно короче, так как расстояние от порта Мурманск до порта Иокогама (Япония) при движении судов через Суэцкий канал составляет 12840 морских миль, тогда как по Северному морскому пути оно составит только 5770 морских миль³. Поэтому многие зарубежные государства заинтересованы в том, чтобы придать СМП РФ статус международной транспортной магистрали.

Северный морской путь Российской Федерации (далее – СМП РФ), шхерный морской путь «Индрелея», действующий вдоль побережья Норвегии, Северо-Западный проход Канады являются историческими транспортными магистралями⁴.

Дальнейшему освоению Арктики способствует расширение навигации по СМП РФ, который имеет особое историческое и практическое значение для России. СМП РФ Российской Федерации – самый протяженный среди всех транспортных магистралей в Арктике. СМП РФ проходит по морям Северного Ледовитого океана, соединяя европейские и дальневосточные порты. Протяженность его от Карских Ворот до бухты Провидения – 5600 км, или 3023,76 морских миль. Северный морской путь обслуживают порты Арктики и крупных рек на севере России. Основными портами, расположенными вдоль СМП РФ, являются: Игарка, Дудинка, Диксон, Тикси, Певек, бухта Провидения.

Правовое положение акватории Северного морского пути и морей, образующих его систему, тесно взаимосвязано с правовым режимом проливов, ведущих в эти моря. Значимые проходы СМП РФ, такие как: Карские ворота, Югорский шар, проливы Шокальского, Велькицкого и другие, – перекрываются территориальными морями России. Проливы Дмитрия Ульянова и Санникова исторически принадлежат России⁵. То есть все эти проливы, как и ведущий в Гудзон залив (исторический залив Канады), проливный путь «Индрелея» и некоторые другие арктические проливы, ведут к историческим заливам и морям приарктических государств, и, кроме того, являются их историческими проливами⁶. Данные проливы находятся в стороне от путей международного судоходства и на протяжении длительного времени использовались этими прибрежными государствами для освоения Арктики и судоходства в ее водах.

Однако, по мнению некоторых западных юристов, использование международной транспортной магистрали «осложнено неправомерным перекрытием внутренними водами

1 Алхименко А. П., Цветков В. Ю. Морская геополитика: взгляды и оценки зарубежных стран // Мировой океан на пороге XXI века: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. П. Алхименко. М., 1999. С. 160.

2 European Commission to Consult on Future Maritime Policy for the Union // Oil Spill Intelligence Report. 2005. Vol. 28. Issue 11. P. 1.

3 Бразовская Я. Е. Проблемы совершенствования системы нормативно-правового регулирования плавания судов по трассам Северного морского пути // Транспортное право. 2011. № 4. С. 18 - 23.

4 Дементьева О.А. Целевые программы как инструмент экономического развития отдельных территорий (на примере Арктической зоны Российской Федерации) // Законодательство и экономика. 2014. № 12.

5 Овлащенко А. В., Покровский И. Ф. Проблемы правового режима Северного морского пути (к проведению Международного полярного года 2007 - 2008 г.г.) // Транспортное право. 2007. № 2. С. 7.

6 Барсегов Ю. Г., Корзун В. А., Могилевкин И. М. Арктика: интересы России и международные условия их реализации. М., 2002. С. 28 - 29.

России проливов международного значения»⁷. Такая позиция западных юристов не обоснована, так как опирается на геополитические, военно-политические или сугубо экономические интересы собственных государств, а не на правовые факты. Претензии мирового сообщества на использование СМП РФ обуславливают необходимость исследования его правового статуса с позиции международного и российского законодательства.

Термин «Северный морской путь» закреплен в ст. 14 Федерального закона от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации»⁸. Данная статья определяет Северный морской путь как исторически сложившуюся единую национальную транспортную коммуникацию Российской Федерации в Арктике.

В ч. 1 ст. 5 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации⁹ закреплено, что акватория СМП РФ – это «водное пространство, прилегающее к северному побережью Российской Федерации, охватывающее внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону Российской Федерации и ограниченное с востока линией разграничения морских пространств с Соединенными Штатами Америки и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, с запада меридианом мыса Желания до архипелага Новая Земля, восточной береговой линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар».

Суровые климатические условия и льды, покрывающие Арктику в течение большей части года, создают преграду для судоходства и повышенную опасность для судов, поэтому правила судоходства в Арктике имеют свои особенности. Кроме того, особую важность в исключительной экономической зоне приарктических государств имеют проблемы экологии, так как загрязнение морской среды может нанести тяжелый вред экологическому равновесию или необратимо нарушить его. Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.¹⁰ закреплен особый правовой режим в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны приарктических государств. В соответствии со ст. 234 данной Конвенции прибрежные государства имеют право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению загрязнения морской среды в покрытых льдами районах. Поэтому в законах и правилах, принимаемых приарктическими государствами, отражены особенности судоходства в Арктике, а также соблюдены требования защиты и

сохранения морской среды на основе длительного опыта освоения Арктики и полученных научных данных¹¹.

В правилах судоходства по СМП РФ содержится требование об обязательной лоцманской и ледокольной проводке судов со стороны Российской Федерации. Однако представители многих государств этим недовольны, так как считают, что данное требование нарушает правила свободы судоходства и принципа запрещения взимать какие-либо сборы в международных водах.

В приказе ФСТ России от 04.03.2014 № 46-т/2 «Об утверждении Правил применения тарифов на ледокольную проводку судов в акватории Северного морского пути»¹² закреплены правила о взимании платы за конкретные услуги, которые предоставляются российским ледокольным оператором и это соответствует международным нормам. Статья 127 Конвенции ООН по морскому праву определяет, что «транзитное движение не подлежит обложению никакими таможенными пошлинами и налогами или другими сборами, за исключением сборов, взимаемых за конкретные услуги, оказываемые в связи с таким движением».

В соответствии со ст. 5.1 КТМ РФ¹³ были приняты правила плавания в акватории СМП РФ¹⁴, закрепившие требование об обязательной ледокольной и лоцманской проводке судов в акватории СМП РФ в связи с тем, что «ледовая лоцманская проводка судов осуществляется с целью обеспечения безопасности плавания судов и предотвращения происшествий с судами, а также защиты морской среды в акватории Северного морского пути».

Интересен тот факт, что точный маршрут СМП РФ отсутствует, могут использоваться различные транспортные пути, обусловленные ледовой обстановкой. В различные периоды судоходство во льдах может продолжаться от 2 до 4 месяцев, в зависимости от климатических условий.

Таким образом, для обеспечения безопасности судоходства во льдах и особой арктической экологии, во исполнение ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982¹⁵, Российская Федерация обосновано приняла недискриминационные зако-

7 Корзун В. А. Интересы России в Мировом океане в новых геополитических условиях. М., 2005. С. 74.

8 Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3833. (ред. от 22.12.2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172556/ (дата обращения: 15.11.2015)

9 Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ // Собрание законодательства РФ», 03.05.1999, № 18, ст. 2207. (ред. от 31.12.2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173307/ (дата обращения: 15.11.2015).

10 Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.11.2015)

11 Например: Arctic Waters Pollution Prevention Act (R.S., 1985, с. A-12) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tc.gc.ca/eng/acts-regulations/acts-1985ca-12.htm#text> (дата обращения: 15.11.2015); Arctic Shipping Pollution Prevention Regulations (C.R.C., с. 353) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/C.R.C.,_c._353/ (дата обращения: 15.11.2015); Navigation Safety Regulations (SOR/2005-134) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2005-134/> (дата обращения: 15.11.2015).

12 Приказ ФСТ России от 04.03.2014 N 46-т/2 «Об утверждении Правил применения тарифов на ледокольную проводку судов в акватории Северного морского пути» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.04.2014 № 31983) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/04/25/pravila-dok.html> (дата обращения: 15.11.2015)

13 Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 N 81-ФЗ // Собрание законодательства РФ», 03.05.1999, № 18, ст. 2207. (ред. от 31.12.2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173307/ (дата обращения: 15.11.2015).

14 Приказ Минтранса России от 17.01.2013 N 7 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.04.2013 № 28120) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/19/pravila-dok.html> (дата обращения: 15.11.2015).

15 Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.11.2015).

ны и правила для всех судов, использующих акваторию СМП РФ.

Споры о свободе международного судоходства в Арктике могут возникнуть и обостриться в связи с изменением климатической обстановки в регионе. В связи с потеплением климата¹⁶ потенциально возможно «расширение прав» неарктических государств. Некоторые климатологи указывают, что за 2005 г. были отмечены самые высокие глобальные среднегодовые показатели температуры поверхности Земли более чем за столетие. Они считают, что повышение температуры стало причиной недавнего таяния ледников в Арктике и Антарктике, однако имеется множество прямо противоположных мнений относительно тенденций климатических изменений в Арктике¹⁷.

В одном из последних докладов указано, что в настоящее время ледовый покров в Северном Ледовитом океане занимает наименьшую площадь более чем за столетие¹⁸. В связи с этим отмечается, что российский СМП РФ может стать пригодным для судоходства раньше, чем другие транспортные Приарктические магистрали. Это объясняет высокую активность в изучении СМП РФ как российскими, так и зарубежными исследователями.

Позиция Канады по вопросу о юрисдикции государства в случае таяния льдов заключается в том, что «канадский суверенитет не зависит от наличия или отсутствия льдов, а основан на праве исторических вод... Канада осуществляла в отношении этих вод безусловный и постоянный суверенитет»¹⁹.

Следовательно, даже таяние льдов не повлияет на канадский суверенитет, основанный на законном статусе исторических вод, а не на факте наличия льда и праве на особое правовое регулирование приарктических государств.

Однако в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. отсутствует понимание термина «исторически сложившаяся национальная транспортная магистраль», «исторического водного пространства» или «исторических вод».

В случае таяния льдов у приарктических стран, таких как Канада или Россия, могут возникнуть некоторые проблемы с признанием прав на акваторию арктического морского пути, так как, следуя прямому толкованию, в данном случае не будут применяться положения ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В ч. 6 ст. 10 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.²⁰ упоминается только понятие «исторические заливы». Следует отметить, что понятие «исторические воды» нашло отражение в толковании международных судебных инстанций и доктрине исследователей международного права.

Авторитетным подтверждением наличия в международном праве понятий «исторические воды», «исторические

правооснования»²¹ стало решение Международного суда ООН по спору между Великобританией и Норвегией относительно правомерности установления последней удаленных в море прямых исходных линий для отсчета ширины территориальных вод, в которых иностранное рыболовство запрещено (дело о рыбных ресурсах, 1951 г.)²². В данном споре Международный суд ООН поддержал правовую позицию Норвегии относительно значения исторических правооснований в морском праве.

Состояние норм международного права, применимого к установлению исторических вод, было исследовано Секретариатом ООН. В 1962 г. Секретариат представил документ «Правовой режим исторических вод, включая исторические заливы»²³. В этом документе указано, что «теория исторических заливов» может применяться также «к иным морским пространствам». На практике применение термина «исторические заливы» чаще, чем «исторические воды», объясняется тем, «что претензии на исторической основе выдвигались чаще в отношении пространств, которые назывались или рассматривались как заливы»²⁴.

Л. Буше (L. Bouchez) определил исторические воды, как «воды, над которыми прибрежное государство, в порядке исключения из общих применимых норм международного права, эффективно, непрерывно и в течение длительного периода времени осуществляет права суверена с молчаливого согласия сообщества государств»²⁵.

Г. Жидель (G. Gidel) считает, что исторические воды – это «такие водные пространства, юридический статус которых отличен – с общего согласия других государств – от того, который эти пространства должны были бы иметь согласно общеприменимых правил»²⁶.

Поэтому концепцию исторических вод можно распространить на водную акваторию СМП РФ, над которой Российская Федерация эффективно, непрерывно и в течение длительного периода времени осуществляет права суверена с молчаливого согласия сообщества государств. Это соответствует критериям признания вод историческими в международном морском праве, хотя следует отметить, что они недостаточно четко обозначены. Так, например, остаются открытыми вопросы о наличии обычая, «существующего непрерывно в течение продолжительного времени». Не указано в течение какого именно времени. Есть мнение, что данный срок должен быть не менее 100 лет²⁷. Расплывчатыми являются критерии признания «исторических вод», а также то, как должно быть выражено несогласие.

Акватория СМП РФ в Арктике принадлежит России на основе неоспоримых фактов: русские мореплаватели открыли

16 Барсегов Ю. Г., Корзун В. А., Могилевкин И. М. Военно-морской международно-правовой справочник М., 1966. С. 340.

17 Гладкий Ю. Н. Российская Арктика в контексте мирохозяйственных связей // Морехозяйственный комплекс России: эколого-географические проблемы М., 2005. С. 50.

18 Ocean and the Law of the Sea. Report of the Secretary-General. March 2006. A/61/63 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/depts/los.html>

19 Griffiths F. Climate Change and Commercial Use of Northwest Passage / International Conference «International Energy Policy, the Arctic and the Law of the Sea» (June 23 - 26, 2004, St. Petersburg, Russian Federation).

20 Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.11.2015).

21 Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод (теория и практика государств) / под ред. А. Н. Вылегжанина. М., 2012. С. 12.

22 C. J. Reports 1951. Pleadings, Oral Arguments, Documents, Fisheries Case. 1951. Vol. III. P. 421. 23 International Court of Justice, Pleadings, Oral Arguments, Documents, Fisheries Case. 1951. Vol. III. P. 461–462.

23 Juridical regime of historic waters including historic bays [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://legal.un.org/ilc/guide/8_4.htm (дата обращения 15.11.2015)

24 Yearbook of the International Law Commission. 1962. Vol.2. P. 6 // [http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes\(e\)/ILC_1962_v2_e.pdf](http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes(e)/ILC_1962_v2_e.pdf) (дата обращения: 15.11.2015).

25 Bouchez L. J. The Regime of Bays in International Law, Sythoff, Leyden. 1964. P. 281.

26 Gidel G. Op. cit. P. 623.

27 Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод (теория и практика государств) / под ред. А. Н. Вылегжанина. М., 2012. С. 18.

его и осваивали начиная с XVII в., советские ледоколы впервые проложили сквозной маршрут от Карского моря до Берингова пролива в начале XX в. и длительное время осуществляли ледокольную навигацию по СМП РФ. Следовательно, суверенные права Российской Федерации в отношении акваторий транспортных магистралей СМП РФ существуют на основе международного обычая. В случае возникновения спора между РФ и любым государством, претендующим на использование СМП РФ, без юрисдикции России, можно сослаться именно на обычай. Однако точным подтверждением существования обычая может служить его признание в решении международного суда.

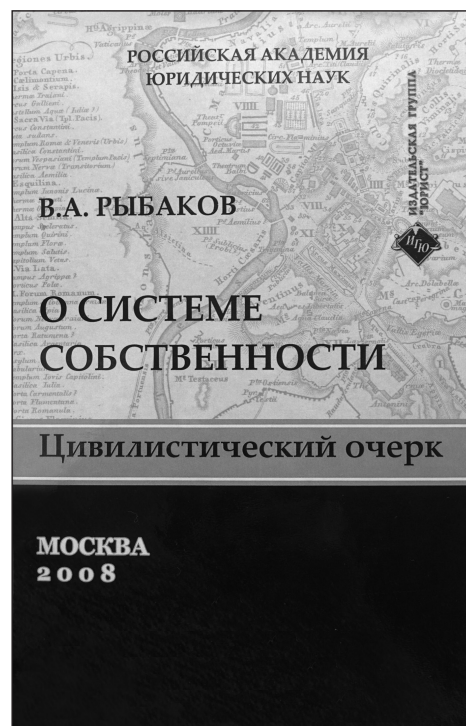
Кроме того, для защиты интересов России в Арктике в случае таяния льдов может служить ч. 5 ст. 7 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.²⁸, которая закрепляет особый метод установления прямых исходных линий: «В расчет принимаются особые экономические интересы данного района, реальность и значение которых ясно доказаны их длительным осуществлением». В данном случае Россия может распространить свой суверенитет на большие территории и признать за акваториями СМП РФ особую экономическую значимость для Российской Федерации.

Таким образом, особые суверенные права России в акватории СМП РФ подтверждаются нормами Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.; практикой решений международных судов; сложившимися международными обычаями; внутригосударственным правом Российской Федерации. В связи с тем, что в перспективе СМП РФ может стать одной из главных морских транспортных магистралей мира, Российской Федерации необходимо отстаивать свои законные интересы и суверенные права на акватории СМП РФ и добиться их международного признания.

Пристатейный библиографический список

1. Алхименко А. П., Цветков В. Ю. Морская геополитика: взгляды и оценки зарубежных стран // Мировой океан на пороге XXI века: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А. П. Алхименко. М., 1999.
2. European Commission to Consult on Future Maritime Policy for the Union // Oil Spill Intelligence Report. 2005. Vol. 28. Issue 11.
3. Бразовская Я. Е. Проблемы совершенствования системы нормативно-правового регулирования плавания судов по трассам Северного морского пути // Транспортное право. 2011. № 4.
4. Дементьева О. А. Целевые программы как инструмент экономического развития отдельных территорий (на примере Арктической зоны Российской Федерации) // Законодательство и экономика. 2014. № 12.
5. Овлащенко А. В., Покровский И. Ф. Проблемы правового режима Северного морского пути (к проведению Международного полярного года 2007–2008 г.г.) // Транспортное право. 2007. № 2.
6. Барсегов Ю. Г., Корзун В. А., Могилевкин И. М. Арктика: интересы России и международные условия их реализации. М., 2002.

7. Корзун В. А. Интересы России в Мировом океане в новых геополитических условиях. М., 2005.
8. Барсегов Ю. Г., Корзун В. А., Могилевкин И. М. Военно-морской международно-правовой справочник М., 1966.
9. Гладкий Ю. Н. Российская Арктика в контексте мирохозяйственных связей // Морехозяйственный комплекс России: эколого-географические проблемы М., 2005.
10. Griffiths F. Climate Change and Commercial Use of Northwest Passage / International Conference «International Energy Policy, the Arctic and the Law of the Sea» (June 23–26, 2004, St. Petersburg, Russian Federation).
11. Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод (теория и практика государств) / под ред. Вылекжанина А. Н. М., 2012.
12. C. J. Reports 1951. Pleadings, Oral Arguments, Documents, Fisheries Case. 1951. Vol. III. P. 421.
13. International Court of Justice, Pleadings, Oral Arguments, Documents, Fisheries Case. 1951. Vol. III.
14. Juridical regime of historic waters including historic bays [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://legal.un.org/ilc/guide/8_4.htm (дата обращения 15.11.2015).
15. Yearbook of the International Law Commission. 1962. Vol. 2. P. 6 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes\(e\)/ILC_1962_v2_e.pdf](http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes(e)/ILC_1962_v2_e.pdf) (дата обращения: 15.11.2015).
16. Bouchez L. J. The Regime of Bays in International Law, Sythoff, Leyden, 1964.

28 Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 15.11.2015).

Ямалитдинов А. А. РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

В статье рассматриваются гуманистический аспект международно-правовых актов по правам человека и их влияние на уголовно-исполнительное законодательство РФ, проблемы дальнейшего совершенствования системы учреждений и органов, осуществляющих правосудие, указывается на отдельные несоответствия международно-правовых норм и национального законодательства.

Ключевые слова: декларация, конституция, права человека, международные договоры, право, закон.

Yamalitdinov A. A. THE ROLE OF INTERNATIONAL LEGAL ACTS ON HUMAN RIGHTS IN JUSTICE IMPLEMENTATION

In this article humanistic aspect of international legal acts on human rights and their influence on the criminal and executive legislation of the Russian Federation are considered as well as the problems of further improvement of system of the establishments and bodies which carry out justice. Separate discrepancies of international legal norms and the national legislation are indicated.

Keywords: declaration, constitution, human rights, international contracts, right, law.

Ямалитдинов А. А.

Международно-правовой прототип системы норм по охране прав человека определен еще в 1945 г. Организацией Объединенных Наций. В преамбуле Устава Организации Объединенных Наций от 26 июля 1945 г. акцентировано внимание на необходимости объединения усилий для достижения цели вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в улучшение жизни при большей свободе.

В 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята Всеобщая декларация прав человека, которая предписывает, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными в этом документе. Говоря о значении Всеобщей декларации, З. Д. Еникеев определил ее как «документ эпохальной важности, играющий основополагающую роль в жизни планеты, являющийся путеводной звездой всего человечества, выступает маяком свободы, демократии и справедливости во всем мире»¹.

Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры составляют основу совокупности руководящих начал, идей, направленных на защиту прав человека от возможных незаконных ограничений. Имплементация их в национальное законодательство Российской Федерации позволяет соответствовать статусу демократического, цивилизованного государства и равноправного партнера в международных отношениях. Основу этого статуса составляют правовые гарантии свободы личности, нормативное обеспечение ее законных интересов, государственная защита в случае неправомерных ограничений.

В ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации провозглашено, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Относительно порядка их применения

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 8 от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» указал, что судам надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте о гражданских и политических правах), и международные договоры Российской Федерации являются, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, составной частью ее правовой системы. При этом судам рекомендовано иметь в виду, что положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют на территории нашего государства непосредственно.

Позже, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», к признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательство государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств.

Как указано в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в частях 1 и 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»², в ч. 2 ст. 7 Гражданского кодекса РФ³, при рассмотрении судом гражданских,

1 Еникеев З. Д. Всеобщая Декларация прав человека как первая универсальная международно-правовая основа развития российского законодательства // Вестник УЮИ МВД России. Специальный выпуск. 2008. С. 20.

2 Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 23.10.2015 г.).

3 Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим до-

уголовных или административных дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права.

Закономерное развитие значимость общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров получила в нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)⁴. Положения ст. 1 УПК РФ устанавливают порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации, который основывается на Конституции Российской Федерации, УПК РФ и является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства.

Особо выделено в уголовно-процессуальном законе положение о том, что общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. В ч. 3 ст. 1 УПК РФ установлен приоритет правил международного договора, если в нем Российской Федерацией определены иные правила, чем предусмотрены УПК РФ.

Наряду с этим ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации⁵ основой уголовного закона определяет Конституцию РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права. В этой связи целесообразной представляется имплементация отдельных положений международных нормативно-правовых актов в российское законодательство.

28 февраля 1996 г., подписав Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая была ратифицирована Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ, Россия взяла на себя обязательство соблюдать права человека. Данное обязательство предусматривает, что Российская Федерация обеспечивает каждому, находящемуся под ее юрисдикцией, права и свободы, а именно, право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, справедливое судебное разбирательство, наказание исключительно на основании закона, эффективное средство правовой защиты, уважение частной и семейной жизни. В отношении граждан, находящихся под юрисдикцией нашего государства, запрещены пытки, рабство, принудительный труд, дискриминация.

Вместе с тем ряд положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод обосновывают законное ограничение установленных правовых гарантий в исключительных случаях. Например, в ч. 2 ст. 2 Конвенции, в целом определяющей право каждого лица на жизнь, не рассматривается как правонарушение лишение жизни, которое является результатом абсолютно необходимого применения силы: 1) для защиты любого лица от противоправного насилия; 2) для осуществле-

ния законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; 3) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.

Очевидно, что действия должностных лиц против оказанного сопротивления задержанию лица, подозреваемого в совершении умышленного преступления (по уголовно-правовой категории особо тяжкого), либо его побега при этапировании, которые привели к лишению жизни этого лица, необходимо исключить из категорий уголовно-наказуемых деяний. Это предложение соответствует исключительным правоограничениям, допускаемым положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной в России.

Правовая позиция российского законодателя отличается от положений, установленных в нормативно-правовом акте международного значения. В соответствии с ч. 1 ст. 108 УК РФ до двух лет лишения свободы предусмотрено наказание за совершение убийства при превышении пределов необходимой обороны, и до трех лет — при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. В то время как судебная практика демонстрирует сложность и длительность производства по уголовному делу при определении признаков превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания.

Лишение жизни при осуществлении задержания лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении умышленного особо тяжкого преступления, равно при побеге этапированного подозреваемого (обвиняемого, подсудимого, осужденного) в совершении указанной категории преступных деяний должно исключать привлечение к уголовной ответственности. Безусловно, что при этом ограничение права на жизнь является исключительной мерой, когда другие способы и средства задержания исчерпаны.

Кроме этого, Конвенция о защите прав человека и основных свобод в ч. 1 ст. 5 предусматривает законное ограничение другого права, а именно на свободу и личную неприкосновенность, в случаях: 1) законного содержания под стражей лица, осужденного компетентным судом; 2) законного задержания или заключения под стражу (ареста) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом; 3) законного задержания или заключения под стражу лица, произведенного с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения, или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения.

Беспорным является факт, что положения Конвенции допускают задержание или заключение под стражу лица, которое не подчиняется законному решению суда или органов предварительного расследования. К тому же ч. 4 ст. 21 УПК РФ акцентирует внимание на том обстоятельстве, что требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Однако нередко должностные лица указанных органов встречаются с явным противодействием или умышленным неподчинением их законным решениям. Формы проявления противодействия уголовному судопроизводству следующие:

1) при производстве обыска, выемки в помещениях учреждений, организаций их должностные лица:

стуга: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 23.10.2015 г.).

4 Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 23.10.2015 г.).

5 Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 23.10.2015 г.).

— препятствуют доступу к местам их хранения;
 — вводят в заблуждение относительно местонахождения материально-ответственных лиц;
 — оказывают сопротивление изъятию и фиксации вещественных доказательств;

— предпринимают попытки скрыть подлежащие изъятию предметы и документы, учетные записи и т.д.

2) также должностные лица игнорируют обязательные для исполнения решения следователя, дознавателя по устранению причин, способствовавших совершению преступления;

3) граждане оказывают сопротивление проведению следственных действий и иных процессуальных действий:

— умышленно, без уважительных причин не являются по вызовам органов предварительного расследования и суда;

— предпринимают попытки скрыться;

— во время следственных действий оказывают на дознавателя, следователя, потерпевших, свидетелей от психологического давления до физического воздействия;

— препятствуют проведению законных и обоснованных следственных действий в жилище и др.

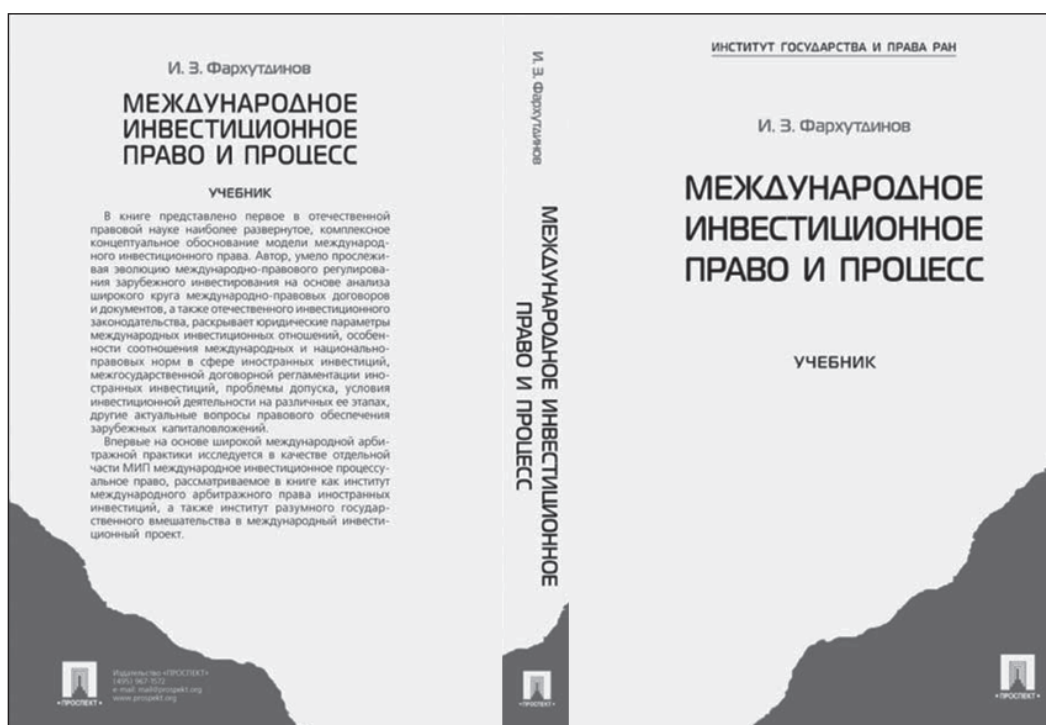
В подобных ситуациях, основываясь на приоритете международного договора Российской Федерации (положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод) и общепризнанных принципах, целесообразно применять меры уголовно-процессуального принуждения к противодействующим субъектам уголовного судопроизводства. Было бы разумно, в случае неисполнения законных требований и решений прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, к должностному лицу организации, учреждения или к гражданину применять арест сроком до 10 суток.

Данное предложение позволит развить положения общепризнанных принципов, норм международного права и международного договора в национальном законодательстве Рос-

сии; совершенствовать уголовное судопроизводство; укрепить правовой статус органов предварительного расследования и прокуратуры; прививать гражданам чувство уважения к закону и требованиям представителей органов государственной власти. В большинстве европейских стран принцип подчинения требованиям представителя полиции, прокуратуры является естественной составляющей организации жизни общества в демократическом, цивилизованном государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Еникеев З. Д. Всеобщая Декларация прав человека как первая универсальная международно-правовая основа развития российского законодательства // Вестник УЮИ МВД России. Специальный выпуск, 2008.
2. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 23.10.2015 г.).
3. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 23.10.2015 г.).
4. Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 23.10.2015 г.).
5. Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 23.10.2015 г.).

Повалов К. А.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ БРАК КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ В ПРАКТИКЕ СПЕЦИАЛЬНОГО СУДА ПО СЬЕРРА-ЛЕОНЕ

В статье рассматривается практика Специального суда по Сьерра-Леоне в части вынесения решений по обвинению в совершении преступлений против человечности в виде принудительных браков. Автором указывается, что такой вид преступлений не был прямо предусмотрен Уставом Суда и приводятся доводы в поддержку такой позиции Суда.

Ключевые слова: международное уголовное право, международное гуманитарное право, преступления против человечности, гибридные трибуналы, Сьерра-Леоне.

Povalov K. A.

FORCED MARRIAGE AS A CRIME AGAINST HUMANITY: PRACTICE OF SPECIAL COURT FOR SIERRA LEONE

The article examines the practice of the Special Court for Sierra Leone in terms of deciding on charges of crimes against humanity in the form of forced marriage. The author point out that this type of crime has not been directly provided by the Charter of the Court, present the arguments in support of this position.

Keywords: international criminal law, international humanitarian law, crimes against humanity, hybrid tribunals, Sierra Leone.

В разгаре гражданской войны в Сьерра-Леоне тысячи женщин похищались и принуждались к «вступлению в брак» со своими похитителями против своей воли. Этим женщин заставляли принимать на себя обязанности жены, но при этом они были лишены возможности приобрести права и привилегии, полагающиеся супругам в соответствии с законами и традициями. Принудительные браки подрывают и дискредитируют сам институт брака. Жертвы не просто выносили эти жуткие действия (элементы преступления) над собой – изнасилования, сексуальное рабство, принудительную беременность, порабощение и пытки, но оставались беспричинно и неотвратимо связанными «браком» с мужчинами, которые подвергали их этим мучениям.

Хотя элементы, составляющие преступление принудительного брака, ранее уже были признаны преступлениями против человечности в международном праве, принудительный брак не признавался и даже считался отдельным преступлением против человечности до 2004 г., когда Специальный суд по Сьерра-Леоне (СССЛ)¹ стал первым военным трибуналом, выдвинувшим обвинения в принуждении к браку против подсудимых по делам Объединенного Революционного Фронта (ОРФ) и Революционного Совета Вооруженных Сил (РСВС). В деле ОРФ Судебная камера СССР признала подсудимых виновными в совершении этого преступления², но в деле РСВС Судебная камера отклонила обвинение в «принудительном браке», посчитав его избыточным и входящим в состав преступления «сексуального рабства»³. Эти решения вызвали большое количество разногласий. В итоге, Апелляционная камера Суда не согласилась с решением Судебной камеры по

делу РСВС и поддержала обвинения в принудительном браке, как в отдельном преступлении против человечности⁴. Однако правильность решения Апелляционной камеры была затем поставлена под сомнение решением по делу Чарльза Тейлора 2012 г., в котором Судебная камера сделала все возможное, чтобы подтвердить свое мнение о том, что принудительный брак не является отдельным преступлением против человечности⁵.

Невозможно себе представить, что пришлось пережить жертвам принудительных браков в Сьерра-Леоне, поэтому попытка СССР наказать виновных, безусловно, заслуживает одобрения. Однако международные трибуналы должны выполнять возложенные на них функции в рамках их учредительных документов и в соответствии с международным правом⁶. Если

Повалов К. А.

1 Подробнее см.: Скуратова А. Ю. Специальный суд по Сьерра-Леоне: правовая модель и практика // Юрист-международник. 2006, № 4. С. 42–48; Марусин И. С. Специальный Суд по Сьерра-Леоне – новый орган международной уголовной юстиции // Правоведение. 2003. № 2. С. 145–156.

2 Решение, Обвинение против Сесая, Каллона и Гбао, SCSL, Судебная Камера, п. 168 (2 марта 2009 г.) (здесь и далее – Решение по делу ОРФ).

3 Решение, Обвинение против Брима, Камара и Кану, SCSL, Судебная Камера, п. 6714 (20 июня 2007 г.) (здесь и далее – Решение по делу РСВС).

4 Решение, Обвинение против Брима, Камара и Кану, SCSL, Апелляционная камера, п. 195 (22 февраля 2008 г.) (здесь и далее – Апелляционное решение по делу РСВС): на основании имеющихся доказательств Апелляционная камера пришла к заключению, что ни один трибунал не смог бы достоверно установить, что принудительный брак входит в состав преступления против человечности в виде сексуального рабства. Хотя преступление принудительного брака имеет несколько общих элементов с обращением в сексуальное рабство, как, например, вступление в половые отношения не по обоюдному согласию и лишение свободы, есть и различия. Во-первых, в случае принудительного брака преступник принуждает другое лицо с помощью силы или угрозы силой [...] к супружеской жизни, в результате причиняя жертве тяжкие страдания, или серьезный физический или психический вред. Во-вторых, в отличие от сексуального рабства, принуждение к браку подразумевает отношения исключительности между «мужем» и «женой», что может привести к дисциплинарным последствиям при нарушении этого исключительного отношения. Из этих различий следует, что принудительный брак в большинстве случаев не является преступлением на сексуальной почве.

5 Обвинение против Чарльза Ганкай Тейлора, Решение, SCSL-03-01-T, шп. 422,425, 426, 427 и 429 (18 мая 2012 г.). Тейлор не был осужден по обвинению в «принудительном браке», но Судебная камера посчитала необходимым вынести на обсуждение законность этого обвинения из-за «многочисленных показаний женщин и девочек [в ходе судебного процесса по делу Тейлора] в отношении принудительных супружеских связей, в которые они насильно вовлекались» Там же, п. 422.

6 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. 2-е изд. Монография М: РУДН, 2012. С.76.

обвинение в принудительном браке не согласуется ни с нормами международного права, ни с уставами этих трибуналов, и если это преступление невозможно выделить, как отдельное преступление против человечности, трибуналы будут вынуждены признать, что отдельное обвинение в принуждении к браку не может быть выдвинуто.

Настоящая статья посвящена изучению вопроса, насколько правомерно рассмотрение принудительного брака, как отдельного преступления против человечности, в международных уголовных трибуналах.

На фоне других преступлений, совершенных во время десятилетней гражданской войны, тысячи женщин похищались и принуждались к сексуальным отношениям со своими похитителями, после чего оставались с ними еще долгие годы⁷. Несмотря на то, что официальных браков не совершалось, эти женщины считались «женами» своих похитителей, их называли «походными женами», их принуждали силой или угрозой силы к выполнению обязанностей, которые обычно предписываются жене. Похитители и их пособники насиловали этих женщин, заставляли готовить и убирать для них, рожать и воспитывать их детей⁸. Сложно установить точное число женщин, которых «взяли в жены» в таких обстоятельствах. Лишь крайне малый процент этих «браков» получил формальное церемониальное закрепление, при этом очевидно, что те женщины, которые «выдавались замуж» за своих похитителей без официального военного объявления, были так же связаны со своими «мужьями», как и женщины, вступающие в брак на официальных церемониях. В действительности, многие «походные жены» все еще остаются со своими супругами, несмотря на то, что конфликт давно закончился⁹.

Эти принудительные браки очень далеки от брака в обычном понимании согласно законам и обычаям Сьерра-Леоне. Те немногочисленные совершенные церемонии не соответствуют ни одному признанному религиозному или гражданскому союзу; они совершались без согласия «жены» или ее семьи, в нарушение требований и форм таких браков. Принудительные браки также являются неправильными и в контексте традиционных браков. Не было согласия семьи женщины, и, в большинстве случаев, семья не принимала участия в брачных процессах и не платила «приданого», что обычно являлось важным элементом традиционного брака и считалось одним из главных оснований законности брака¹⁰. Кроме того, переход женщины из незамужнего состояния в замужнее совершался за счет одного определяющего события – объявления ее «женой» ее преступным «супругом».

Любое уголовное преследование ранее неопределенного преступления против человечности должно в первую очередь руководствоваться принципом *nullum crimen sine lege*¹¹. Действие этого принципа направлено на защиту фундаментальных прав обвиняемых не подвергаться произвольному или не-

обоснованному преследованию за действия, которые не были признаны преступлениями на момент их совершения. Для того чтобы выдвинуть обвинение в ранее не признанном преступлении против человечности, не нарушая этот принцип, необходимо изучить устоявшиеся обычаи международного права на предмет упоминания такого преступления. Если поведение обвиняемого является очевидно преступным согласно существующему обычному международному праву, можно заключить, что виновный знал о том, что его поведение является преступным, следовательно, он должен ожидать наказания за такое преступление. При этом такое поведение не обязательно должно признаваться преступным на территории государства его совершения, чтобы его можно было рассматривать как преступление против человечности на основании международного обычного права.

К принципу *nullum crimen sine lege* относится общий запрет законов, имеющих обратную силу: применение обратной силы к уголовным наказаниям за действия, которые не считались преступлениями в момент их совершения. Свобода от наказаний, имеющих обратную силу, была провозглашена во многих договорах о правах человека и была признана одним из фундаментальных прав человека. Однако это не мешает судам совершенствовать, конкретизировать или разъяснять существующие нормы и правила; также это не запрещает судьям опираться на судебные прецеденты из других правовых практик.

Все преступления, перечисленные в Уставе Специального суда по Сьерра-Леоне, полностью признают принцип *nullum crimen sine lege*¹². Перечень преступлений против человечности, включая «другие бесчеловечные деяния», был взят напрямую из практики других трибуналов – Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международного трибунала по Руанде (МТР). Таким образом, все эти преступления, влекущие индивидуальную уголовную ответственность, вошли в международное обычное право. Категория «других бесчеловечных деяний» подлежит особо строгому контролю соблюдения принципа *nullum crimen sine lege*, так как она относится к преступлениям против человечности со времен ее включения в Устав Нюрнбергского трибунала 1945 г. С момента своего появления категория «других бесчеловечных деяний» была «сборной» категорией и обеспечивала уголовное преследование тех преступлений против человечности, которые не были определены и закреплены ранее, предоставляя, таким образом, защиту от преступной изобретательности человека¹³. Концепция «других бесчеловечных деяний» крепко вошла в международное обычное право, но действия, составляющие «другие бесчеловечные деяния» по сей день намеренно остаются расплывчатыми и неопределенными¹⁴. Как признается в решениях предыдущих военных трибуналов, другие бесчеловечные деяния включают экономическую дискриминацию, конфискацию, разграбление и уничтожение еврейской собственности¹⁵, телесные наказания и бесчеловечное обращение¹⁶, а также сексуальное насилие в форме при-

7 Human Rights Watch, Human Rights Watch Report 2001: Sexual Violence within the Sierra Leone Conflict (Feb. 26, 2001) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hrw.org/background/africa/sl-bcko226.htm> (дата обращения: 01.09.2015 г.).

8 Swallow J. Reports from Sierra Leone on the Continuing Civil War, Morning Star. 2004. P. 9.

9 Четвертый Отчет Генерального Секретаря о Миссии ООН в Сьерра-Леоне, Док. ООН S/2000/455 от 19 мая 2000 г.

10 Iman Ngondo A. Pitshandenge. Marriage Law in Sub-Saharan Africa // Nuptiality in Sub-Saharan Africa: Contemporary Anthropological and Demographic Perspective. Caroline Bledsoe & Gilles Pison eds., 1994. P. 118.

11 Cassese A. International Criminal Law. Oxford University Press, 2003. P. 145.

12 Отчет Генерального Секретаря о Создании Специального Суда по Сьерра-Леоне, п. Док. ООН S/2000/915 от 4 октября 2000 г.

13 Обвинение против Купрескича, IT-95-16-T, Решение, п. 563 (14 января 2000 г.) (здесь и далее – Купрескич).

14 Там же.

15 Matthew Lippman, International Law and Human Rights Edition: Crimes against Humanity // Boston College Third World Law Journal. 1997. №17. P. 201.

16 Обвинение против Тадича, IT-94-1-T, Решение, п. 730 (7 мая 1997 г.) (здесь и далее – Тадич).

нуждения к публичному обнажению¹⁷. В недавних решениях было определено, что вынужденные свидетели пыток являются жертвами других бесчеловечных деяний¹⁸. Состав «других бесчеловечных деяний» должен определяться отдельно при рассмотрении каждого конкретного дела.

На сегодняшний день не было вынесено ни одного решения военного трибунала в отношении действия, включенного в обвинительный акт военного трибунала и признанного преступлением против человечности из категории других бесчеловечных деяний, из-за нарушения принципа *nullum crimen sine lege*. Категория «другие бесчеловечные деяния», будучи сборной категорией, не должна использоваться для уголовного преследования неясных и незначительных правонарушений. Преступления из категории «другие бесчеловечные деяния» должны быть сопоставимы с уже известными преступлениями против человечности¹⁹. Изучение прецедентов и международного обычного права является эффективным способом обеспечить признание международным сообществом сопоставимости принудительного брака с другими преступлениями против человечности, а также предотвратить любые возможные проблемы, вытекающие из принципа *nullum crimen sine lege*.

Преступление принудительного брака выдерживает проверку принципа *nullum crimen sine lege*. Предметная юрисдикция Специального суда по Сьерра-Леоне распространяется на «лиц, несущих наибольшую ответственность за серьезные нарушения международного гуманитарного права и законодательства Сьерра-Леоне...»²⁰. Во время создания МТБЮ в 1993 г. Генеральный Секретарь ограничил трибунал в применении норм, без сомнений, являющихся частью международного обычного права²¹. Затем Генеральный Секретарь ограничил применимое международное обычное право нормами Женевских конвенций, Гаагской конвенции 1907 г., Конвенциями о предупреждении преступления геноцида и наказании за него и Уставом Нюрнбергского трибунала²². Следующий трибунал, МТР, созданный в 1994 г., был наделен более широким правом применения международного права. Совет Безопасности не стал включать все перечисленные договоры и постановил, что международное обычное право охватывает международные договоры «независимо от того, считались ли они частью международного обычного права или они обычно применялись для привлечения преступников к индивидуальной уголовной ответственности»²³. Согласно более широкому подходу МТР, в международном обычном праве есть четкая позиция относи-

тельно принудительного брака – такая практика грубо нарушает давно установленные доктрины прав человека, а также ведет к подрыву института брака, в защите и сохранении которого международное сообщество глубоко заинтересовано.

Обратимся к положениям учредительного документа СССЛ. Статья 2 Устава Специального Суда по Сьерра-Леоне уполномочивает Суд осуществлять уголовное преследование преступлений против человечности. Принудительный брак не включен в перечень преступлений против человечности в Уставе. Чтобы выдвинуть законные обвинения в принуждении к браку, это преступление должно подпадать под широкую категорию «других бесчеловечных деяний». Преступления, уголовное преследование за которые можно осуществлять на основании этой категории, должны отвечать следующим признакам: преступник причинил тяжелые страдания и серьезный физический или психический ущерб, совершив бесчеловечное деяние; это деяние сопоставимо по характеру с другими преступлениями против человечности²⁴; преступник знал о фактических обстоятельствах, определивших характер деяния; преступное деяние совершалось в рамках широкомасштабных и систематических нападений, направленных против гражданского населения; преступник знал о том, что его деяние было частью, или желал, чтобы его деяние было частью широкомасштабных и систематических нападений, направленных против гражданского населения²⁵.

Эта категория преступлений против человечности служит «сборной» категорией для тех преступлений, которые не были прямо предусмотрены составителями Устава. Категория «других бесчеловечных деяний» намеренно оставлена расплывчатой, чтобы избежать уголовное преследование от ненужных ограничений в случае рассмотрения таких преступлений²⁶. Судебная Камера МТБЮ в деле «Купрескич и др.» стремилась выработать практическое определение «других бесчеловечных деяний» и постановила, что это «деяния, являющиеся при определенных обстоятельствах грубыми и серьезными нарушениями стандартных международно-признанных прав человека»²⁷. Стандартные международно-признанные права человека могут быть определены путем изучения различных международных механизмов защиты прав человека. Безусловно, принудительный брак нарушает многие права человека, закрепленные в различных международных договорах. Чтобы осуществлять уголовное преследование преступления принудительного брака, как отдельно признанного преступления против человечности, оно должно быть: источником тяжелых страданий его жертвы; быть сопоставимым по тяжести с другими признанными преступлениями против человечности и быть частью широкомасштабных и систематических нападений на гражданское население. Нет сомнений в том, что преступление принудительного брака отвечает всем этим критериям.

В контексте преступлений против человечности, попадающих под категорию других бесчеловечных деяний, «сильные страдания» оцениваются на основании стандарта

17 Обвинение против Акаесу, ICTR-96-4-T, Решение, п. 697 (2 сентября 1998 г.) (здесь и далее – Акаесу).

18 Обвинение против Каишема, ICTR-95-1-A, Решение, п. 151 (1 июня 2001 г.) (здесь и далее – Каишема).

19 Элементы преступлений, ст. 7(1)(k) (3-10 сентября 2002 г.), Док. ООН ICC-ASP/1/3.

20 Устав СССЛ ст. 1(1) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sc-sl.org/scsl-statute.html.

21 Отчет Генерального Секретаря согласно п. 2 Резолюции Совета Безопасности 808, п. 34, Док. ООН S/25704 от 3 мая 1993 г. («По мнению Генерального Секретаря, применение принципа *nullum crimen sine lege* требует того, чтобы международный трибунал применял правила международного гуманитарного права, которые, без сомнения, являются частью международного обычного права, чтобы избежать вопрос о присоединении некоторых, но не всех государств к определенным конвенциям. Это кажется особенно важным в контексте международного правосудия над лицами, ответственными за серьезные нарушения международного гуманитарного права»).

22 Там же, п. 35.

23 Отчет Генерального Секретаря согласно п. 5 Резолюции Совета Безопасности 955, п. 12, Док. ООН S/1995/134 от 13 февраля 1995 г.

24 Там же. Сюда войдут преступления против человечности: убийство, массовое уничтожение людей, порабощение, насильственное переселение, лишение свободы, пытки, изнасилование, сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, любая другая форма сексуального насилия, а также преследование по политическим, расовым, этническим и религиозным мотивам.

25 Элементы преступлений, ст. 7(1)(k).

26 Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford University Press, 2003. §4.3.10.

27 Купрескич, п. 34 выше, п. 566.

eiusdem generis; то есть страдание жертвы «другого бесчеловечного деяния» должно быть сопоставимо по силе и тяжести со страданиями жертв преступлений против человечности, закрепленных в Уставе²⁸. Также должна быть «связь» между бесчеловечным деянием и страданием жертвы²⁹. Не может быть сомнений в тяжести страданий жертв принудительных браков во время вооруженного конфликта в Сьерра-Леоне, как и во взаимосвязи между страданиями и принудительным браком.

Показания потерпевших более чем достаточно доказывают, что глубина их страданий сопоставима со страданиями других жертв преступлений против человечности. Согласно этим показаниям, женщин обычно забирали во время рейдов в деревнях, после того как им приходилось становиться свидетелями изнасилований, причинения увечий и убийства своих друзей и родственников повстанцами. Девочек, многим из которых было не больше 13 лет, похищали, и они оказывались в таких обстоятельствах, когда их похитители просто сообщали им о том, что отныне они их жены. Они подвергались неоднократным изнасилованиям. Часто эти изнасилования влекли за собой беременность или заражение заболеваниями, передающимися половым путем. «Мужья» давали женщинам наркотики, чтобы держать их в подчинении и заставлять совершать другие преступления. Похитители вырезали на телах «жен» буквы «ОРФ» и обжигали их³⁰. Женщин часто избивали и принуждали к работе на своих «мужей»³¹. Страдание женщин, подвергшихся такому обращению, бесспорно, сопоставимо со страданиями жертв других преступлений против человечности, включая изнасилование, сексуальное рабство, пытки, принудительную беременность и порабощение.

Для уголовного преследования в качестве «других бесчеловечных деяний» объективное действие или действия, определяющие преступление, должны быть сопоставимы с действиями, составляющими другие признанные преступления против человечности. Тяжесть объективных элементов преступления, *actus reus*, как и степень страдания жертв, оценивается на основании того же стандарта *eiusdem generis*³².

В отличие от убийства или пыток, принудительный брак не состоит из одного единственного *actus reus*. Напротив, он включает множество составляющих его действий: изнасилование, пытки, порабощение, сексуальное рабство и принудительную беременность. Каждое из этих действий в отдельности признано преступлением против человечности³³. Фактически некоторые составляющие действия, а именно: порабощение, пытки и, вероятно, изнасилование, доходят до уровня нарушения норм *jus cogens*³⁴. Права, защищаемые нормами *jus cogens*, являются неотъемлемыми, обязательными всегда и для всех государств, не могут быть отчуждены договором, и нарушение таких прав может повлечь уголовное преследование любого виновного лица в любое время. Отсюда следует, что, так как страдания жертв принудительных браков сопоставимы со страданиями жертв признанных преступлений против человечности, то принудительный брак достаточно схож с другими

признанными преступлениями против человечности, чтобы подпадать под категорию «других бесчеловечных деяний», так как эта категория включает другие, не признанные преступления против человечности. Невозможно предать причину, по которой сочетание этих преступлений и их неоднократное совершение или совершение этих преступлений под видом «брака» могут считаться менее тяжким или менее «грубым посягательством на человеческое достоинство»³⁵.

Широкомасштабная и систематическая природа нападения, а также факт их совершений против гражданского населения определяют преступление против человечности. Эти критерии отличают такое преступление от беспорядочных актов насилия и военных преступлений. Конкретное деяние не должно само по себе быть широкомасштабным и систематическим, чтобы отвечать этим критериям, но должно быть частью широкомасштабных и систематических нападений³⁶. Судебная Камера МТБЮ по делу «Акаесу» определила «широкомасштабный» как «массовые, частые действия широкого масштаба, совершаемые коллективно со значительной серьезностью и направленные против многочисленных жертв»³⁷, и «систематический» как «тщательно продуманный и носящий регулярный характер, основанный на общей политике с использованием значительных общественных или частных ресурсов»³⁸. Политика необязательно должна быть официальной государственной политикой, но «должно существовать нечто на подобии заранее разработанного плана или политики»³⁹.

По прошествии десяти лет после кровавой гражданской войны не может быть никаких сомнений в том, что в Сьерра-Леоне совершались широкомасштабные нападения. Из показаний потерпевших, женщин и девочек, похищенных из своих домов в ходе рейдов и принужденных к браку с повстанцами, похитившими их, также ясно следует, что принудительные браки были частью широкомасштабных нападений на гражданское население.

Таким образом, на сегодняшний день преступление принудительного брака описывалось в контексте международных обычаев и других преступлений против человечности. Его отличают от законного брака, включая договорные браки. Элементы, входящие в состав преступления, сравнивались с другими преступлениями против человечности, чтобы доказать, что принудительный брак сопоставим, как по содержанию, так и по степени страданий жертв, с другими преступлениями против человечности, перечисленными в Уставе СССЛ. Принудительный брак отличают от похожих преступлений против человечности в виде сексуального рабства и порабощения, чтобы доказать, что принудительный брак имеет достаточно отличий, чтобы стать основанием отдельного уголовного преследования. В приведенном выше анализе подробно рассмотрено, чем принудительный брак НЕ является, но чтобы обеспечить уголовное преследование преступления, необходимо определить, чем это преступление является.

В своем решении по делу РСВС от 2008 г. Апелляционная камера определила принудительный брак как ситуацию, в которой «преступник с помощью слов или соответствующего поведения или лицо, за действия которого тот отвечает, принуждает другое лицо, с помощью силы или угрозы силой, к

28 Там же.

29 Каишема, п. 39 выше, п. 146.

30 Swallow J. Reports from Sierra Leone on the Continuing Civil War, *Morning Star*. 2004. п. 20.

31 Пятый Отчет Генерального Секретаря о Миссии ООН в Сьерра-Леоне, Док. ООН S/2000/751 от 31 июля 2000 г.

32 Купрескич, п. 34 выше, п. 564.

33 Устав СССЛ, ст. 2 и Римский Статут, ст. 7.

34 Kelly D. Askin, Stefan A. Riensfeld Symposium 2002: Prosecuting Wartime Rape and Other Gender-Related Crimes under International Law: Extraordinary Advances, Enduring Obstacles // *Berkeley Journal of International Law*. 2003. № 21. P. 288.

35 Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford University Press, 2003 §4.1.1.

36 Обвинение против Кунарака, IT-96-23-T, п. 419 (22 февраля 2001 г.).

37 Акаесу, п. 38 выше, п. 580.

38 Там же.

39 Там же.

супружеской жизни в результате причинения жертве тяжких страданий или серьезного физического или психического вреда»⁴⁰. Хотя это определение раскрывает суть преступления, оно имеет некоторые недостатки. Во-первых, вероятно, во избежание повторения терминов в определении Апелляционная камера использует термин «супружеская жизнь», что не полностью отражает весь вред от извращения института брака. И, во-вторых, определение Апелляционной камеры требует доказательства тяжких страданий, чего не требуется для других преступлений против человечности, как рабство или принуждение к проституции, где страдание сопутствует статусу жертвы.

В качестве альтернативного подхода приведенный анализ указывает, что преступление «принудительного брака» следует определять с учетом следующих пяти элементов: 1) преступник угрозой силы или принуждением наделяет статусом «супруга» одно или более лиц без их личного согласия, лишив их возможности выразить настоящее согласие из-за страха применения к ним насилия, лишения свободы, удержания, психологического подавления или произвола; 2) на основании статуса «супруга» преступник принуждал свою жертву или жертв совершать акты сексуального характера, и/или вынуждал их к домашнему труду, рождению и воспитанию детей; 3) преступник лишил жертву возможности прекратить брак до момента окончания войны, когда жертва сможет обрести свободу; 4) преступные деяния совершались как часть широкомасштабных и систематических нападений на гражданское население; 5) преступник знал, что преступные деяния были частью, или желал, чтобы преступные деяния были частью широкомасштабных и систематических нападений на гражданское население.

Первый элемент преступления отличается от элементов других преступлений против человечности сексуального характера (Элементы преступлений, ст. 7 (1, a-i)). В отличие от сексуального рабства, где преступник также насильно наделяет жертву статусом, в принудительном браке статус «жены» присваивается без согласия жертвы. Элемент согласия является первым различием между порабощением и сексуальным рабством, он также отличает законный брак от принудительного. Согласие является спорным вопросом в случае рабства, так как, очевидно, что никто не может согласиться на рабство, имея неотъемлемое право личной свободы. Однако в браке согласие может быть выражено, и, как говорилось выше, именно согласие делает брак законным. Таким образом, отсутствие добровольного согласия из-за силы или принуждения является важной частью того, что делает насильственное наделение статусом брака грубым нарушением самостоятельности жертвы и чудовищным нарушением прав человека.

Также важно обратить внимание на то, что статус жертвы, присвоенный ей преступником, следует скорее рассматривать как «право брака» или «право супруга», а не как «право собственности», свойственное случаям порабощения и сексуального рабства. Во-первых, это подчеркивает тот факт, что принудительный брак является извращением защищаемого института брака, и поэтому несовместим с международным правом и обычаями. Во-вторых, возможны такие случаи, когда жертва принуждается к браку и не имеет возможности сбежать от преступного «супруга» из-за обязательств и обязанностей, которые приобретает человек в браке, но когда преступник не осуществляет в отношении жертвы права собственности. Без такого важного различия есть значительный риск того, что ви-

новные в преступлении принудительного брака смогут избежать уголовного преследования за порабощение, так как они «вступили в брак» со своими жертвами, где степень лишения свободы не соответствует степени лишения свободы в преступлении порабощения.

Второй элемент преступления, который не встречается ни в одном другом преступлении против человечности, заключается в том, что принудительный брак состоит не только из преступлений на сексуальной почве. Второй элемент построен таким образом по нескольким причинам. Включение этих действий не умаляет всей тяжести пережитого жертвой сексуального насилия, но при этом не подразумевается, что наличия только принудительных действий сексуального характера недостаточно для состава преступления, которое отвечает трем другим критериям преступления принудительного брака. Этот элемент нужен только для того, чтобы признать, что обязательства заключаются не только в половых отношениях, но включают ряд действий несексуального характера, которые также причиняют жертве тяжкие страдания. Вдобавок, эта конструкция расширяет охват преступления принудительного брака и включает такие случаи, когда преступник насильственно возложил на жертву супружеский статус, жертва обладает социальным и правовым статусом супруги, жертва принуждается к домашнему труду и воспитанию детей, но при этом отсутствует элемент сексуального насилия.

Кроме того, этот элемент преступления обращает должное внимание на все составляющие элементы принудительного брака. В признанных преступлениях против человечности элемент сексуального насилия либо вообще не входит в состав преступления, либо является единственным аспектом преступления. Но эти крайности не относятся к преступлению принудительного брака. Структура состава преступления надлежащим образом учитывает сексуальное насилие, присущее преступлению, и при этом признает, что действия сексуального характера не являются единственным элементом преступления, и что принудительный брак заключается не только в сексуальном насилии.

Стоит также отметить, что перечень действий в этом элементе не является исчерпывающим, но наглядно иллюстрирует некоторые традиционно признаваемые обязанности в браке. В разных культурах права и обязанности супругов в браке определяются по-разному. Поэтому каждую ситуацию всегда следует рассматривать в конкретном культурном контексте.

Третий элемент описывает неравенство прав «супругов» в принудительном браке и подчеркивает тот факт, что жертва преступления страдает от жестокого лишения свободы. Согласно некоторым основным международным договорам по правам человека, оба супруга должны иметь равные права в браке, как и равные права на расторжение брака. Однако в принудительном браке нет такого равенства: обычно в случае неравенства в браке, сексуального и физического насилия и принуждения к труду супруги могут прибегнуть к защите в форме расторжения брака, однако, жертвы принудительного брака лишены такой возможности, оставаясь в плену своих похитителей.

Четвертый и пятый элементы принудительного брака являются общими для всех преступлений против человечности. Четвертый элемент характеризует преступное деяние как преступление против человечности⁴¹. Преступления против человечности не включают преступления, совершенные

40 Апелляционное решение по делу РСВС, п. 3 выше, п. 196.

41 Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford University Press, 2003 §4.1.

в отношении комбатантов; такие преступления считаются военными преступлениями. Именно широкомасштабный и систематический характер преступления делает принудительный брак преступлением против человечности, что позволяет включить его в юрисдикцию Специального суда, нежели в юрисдикцию государственных судов. Для того чтобы считаться преступлением против человечности, масштаб преступления должен быть настолько большим, чтобы представлять собой нападение на человечество, а не просто случайные нападения. Пятый элемент является субъективным *mens rea*, элементом всех преступлений против человечности. Элемент умысла в преступлении шире преступного умысла (неосторожности) и подразумевает, что преступник знает, что его действия являются частью более широкой системы или политики широкомасштабного насилия. Необязательно, чтобы преступник знал о последствиях своих действий, важно только чтобы он знал о риске наступления тяжких последствий. Также необязательно, чтобы преступник знал, что его действия являются частью более широкой политики, а лишь о том, что совершается нападение на гражданское население и он принимает в этом участие. Этот элемент также помогает отличить преступления против человечности от военных преступлений.

Таким образом, можно констатировать следующее. Специальный суд по Сьерра-Леоне был уполномочен «осуществлять судебное преследование лиц, несущих наибольшую ответственность за серьезные нарушения международного гуманитарного права и законодательства Сьерра-Леоне, совершенные на территории Сьерра-Леоне с 30 ноября 1996 года»⁴². Признание принудительного брака преступлением против человечности из категории «других бесчеловечных деяний» стало важным витком развития права, который помог Специальному суду исполнить свой мандат. Во время конфликта тысячи женщин были похищены и принуждены к бракам с мужчинами, которые убивали их друзей и семьи. Они были лишены своих фундаментальных прав человека, переноса изнасилования, насилия, пытки, принудительную беременность и принуждение к труду. Преступники использовали права и привилегии защищенного института брака, чтобы привязать к себе жертв, и по сей день многие жертвы остаются «замужем» за своими похитителями. Принудительный брак является отдельным преступлением и отличается от других преступлений против человечности, которых недостаточно, чтобы охватить все элементы, входящие в состав преступления принудительного брака. Это новое преступление включает все действия, совершаемые в рамках принудительного брака, и характеризует страдания жертв. Таким образом, самый эффективный способ решить проблему этих нарушений гуманитарного и международного права заключается в признании и уголовном преследовании принудительного брака, как отдельного преступления, коим он и является.

К сожалению, преступление принудительного брака не ограничивается ситуацией в Сьерра-Леоне. Обвиняемым по Делу 002, которое в настоящее время рассматривается в Чрезвычайных Палатах в Судах Камбоджи⁴³, инкриминируется принудительный брак, как преступление против человек-

ности⁴⁴. В своем Заключительном постановлении от 2010 г. следственные судьи Камбоджийского трибунала указали, что Красные Кхмеры проводили групповые церемонии для одновременного принуждения двадцати-тридцати пар к браку со случайными партнерами под угрозой казни⁴⁵. Элементы преступления принудительного брака, выработанные выше, могут быть также использованы и в процессе Камбоджийского трибунала. В настоящей статье принудительный брак был представлен как преступление против женщин, где принужденным к браку супругом является жена. Настоящая статья рассматривает преступление принудительного брака в контексте конфликта в Сьерра-Леоне, где жертвами принужденный всегда были «жены». Но важно, чтобы принудительный брак был осужден всем мировым сообществом независимо от пола жертвы. Поэтому в контексте ситуации в Камбодже оба супруга могут считаться жертвами преступления против человечности в виде принудительного брака.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. 2-е изд. Монография. М: РУДН, 2012.
2. Каюмова А. Р. Чрезвычайные судебные палаты Камбоджи в качестве трибунала с гибридной юрисдикцией // Современное право. М.: Новый Индекс, 2009. № 2.
3. Марусин И. С. Специальный Суд по Сьерра-Леоне - новый орган международной уголовной юстиции // Правоведение. 2003. № 2.
4. Скуратова А. Ю. Специальный суд по Сьерра-Леоне: правовая модель и практика // Юрист-международник. 2006. № 4.
5. Cassese A. International Criminal Law. Oxford University Press, 2003.
6. Matthew Lippman, International Law and Human Rights Edition: Crimes against Humanity // Boston College Third World Law Journal. 1997. № 17.

42 Соглашение между ООН и Правительством Сьерра-Леоне о создании Специального Суда по Сьерра-Леоне, п. 1(1) (16 января 2002) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sc-sl.org/scsl-agreement.html>.

43 Каюмова А. Р. Чрезвычайные судебные палаты Камбоджи в качестве трибунала с гибридной юрисдикцией // Современное право. М.: Новый Индекс, 2009, № 2. С. 113–116.

44 Заключительное Постановление, Обвинение против Нуон, Йанг, Кхиеу и Йенг, ЧПСК, Следственное управление, п. 1442–1447 (15 сентября 2010 г.).

45 Там же, п. 842.

Видинеев Д. И.

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ЮНЕСКО ПО ЗАЩИТЕ КУЛЬТУРЫ И ПООЩРЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА В СЛУЧАЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

В статье рассматривается новая стратегия укрепления деятельности ЮНЕСКО в области охраны культуры и содействия культурному плюрализму в случае вооруженного конфликта, включая конкретные предложения по приоритетным мероприятиям. Особое внимание уделяется достигнутым результатам в рамках осуществления ЮНЕСКО мер по защите культуры во время вооруженных конфликтов и в переходный период путем реализации соответствующих положений различных конвенций ЮНЕСКО в области культуры и проведения ряда инициатив по реагированию на кризисные ситуации.

Ключевые слова: культура, вооруженные конфликты, миростроительство, ЮНЕСКО.

Vidineev D. I.

NEW UNESCO'S STRATEGY FOR THE PROTECTION OF CULTURE AND THE PROMOTION OF CULTURAL PLURALISM IN THE EVENT OF ARMED CONFLICT

The article deals with the new strategy on how to reinforce UNESCO's action for the protection of culture and the promotion of cultural pluralism in the event of armed conflict, including specific suggestions for priority activities. Particular attention is given to the progress achieved by UNESCO to protect culture in times of armed conflict and transition through the operationalization of the relevant provisions of the various UNESCO cultural conventions and operational activities.

Keywords: culture, armed conflicts, peacebuilding, UNESCO.

Видинеев Д. И.

За последнюю декаду с 2005 по 2015 г. увеличение числа случаев преднамеренного нападения на культурное наследие было связано со стратегией экстремистов использовать уничтожение культурных ценностей в качестве средства ведения войны для дестабилизации обстановки в различных регионах мира. Такая стратегия осуществлялась в сочетании с использованием инструментов коммуникации и новых технологий в целях достижения максимального воздействия и распространения чувства ненависти в глобальном масштабе далеко за пределы зон существующих конфликтов. Целью этих действий становится культурное разнообразие во всех его формах, а также учреждения и специалисты, деятельность которых направлена на оказание поддержки свободному мышлению и свободе мнений.

Вооруженные конфликты всегда оказывали разрушительное воздействие на культуру и наследие, в том числе в результате преднамеренного разрушения значимых маркеров самобытности. Разрушительные идеологии также не являются новым веянием в истории. Культура, однако, в последние десятилетия все чаще оказывается на передовой линии конфликтов, а насильственный экстремизм становится одним из существенных факторов. В настоящее время угрозы культурному наследию в случае вооруженного конфликта исходят от преднамеренного разрушения, сопутствующего ущербу, вынужденного пренебрежения, а также от организованного разграбления и незаконного оборота культурных ценностей, которые приняли сегодня беспрецедентные размеры и являются в некоторых случаях источником финансирования терроризма.

Между тем, нападения на объекты культуры характеризуются преднамеренным выбором в качестве мишени отдельных лиц и групп на основе их культурной, этнической или религиозной принадлежности. В сочетании с преднамеренным и систематическим разрушением культурного наследия, отрицанием культурной самобытности, включая книги и рукописи, традиции, а также места отправления культа, коллективной памяти и обучения, такие нападения можно квалифицировать как «культурную чистку». Наряду с агрессивной пропагандой эта форма различного по своим проявлениям надругательства над культурой является характерной чертой

современных войн, особенно в ходе внутригосударственных конфликтов с участием негосударственных субъектов. Деяния, подобные тем, которые были недавно совершены Исламским государством (ИГ) в Ираке и Сирии и связанными с ним группами в других странах, преследуют цель навязать сектантское видение мира и общества, уничтожить культурное разнообразие и плюрализм, вызвать отрицание культурных прав и основных свобод. Проводимая таким образом культурная чистка направлена на искоренение культурного разнообразия в определенном географическом районе и его замену простой и однородной идеологией культурного и религиозного характера.

В настоящее время наблюдаются систематический характер и масштабы нападений на объекты культуры, что подчеркивает сильную связь между культурными, гуманитарными и относящимися к безопасности аспектами конфликтов. Представляется, что сегодня защита в ходе конфликта культурного наследия и разнообразия имеет важнейшее значение, как для уменьшения уязвимости, так и для прерывания цикла насилия, в котором нападения на объекты культуры ведут к дальнейшему распространению ненависти, сектантства и к фрагментации общества, создавая питательную среду для постоянной нестабильности и конфликтов. Международным сообществом в многочисленных заявлениях и декларациях и, что особенно важно, в резолюции 2199 Совета Безопасности (СБ) Организации Объединенных Наций (ООН), принятой в феврале 2015 г., в двух пресс-релизах СБ ООН и в различных резолюциях Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН признано, что в конечном итоге нападения на культурное наследие и разнообразие – это нападения на людей, их права и безопасность¹.

Поэтому сегодня растет осознание того, что охрана культурного разнообразия и развитие культурного плюрализма посредством сохранения материального и нематериального культурного наследия общин и защита прав человека и основных свобод являются не только чрезвычайными мерами сохра-

1 См.: Резолюция СБ ООН. S/RES/2199. 12 февраля 2015г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2015/N1504031_RU.pdf (дата обращения: 25.09.2015 г.).

нения культуры². Это императив для безопасности и гуманитарной деятельности в конфликтных и переходных ситуациях и один из важнейших элементов для обеспечения устойчивого мира и развития. Участие в культурной жизни, доступ к культуре и к ее живым проявлениям, включая нематериальное наследие, могут способствовать укреплению стойкости людей и поддерживать их усилия, направленные на то, чтобы пережить и преодолеть кризис. Для активизации взаимосвязи между защитой культурного наследия и разнообразия и гуманитарной деятельностью, процессами миростроительства и политикой в области безопасности требуется новый подход как на международном, так и на национальном уровнях. При определении этого нового подхода необходимо учитывать еще один важный фактор, а именно, появление ряда новых участников на всех уровнях – правительственном и неправительственном, международном и региональном. К их числу относятся авторитетные международные организации, такие как Интерпол, Всемирная таможенная организация, ЮНОДК, ЮНИДРУА, а также ИККРОМ, ИКОМОС, ИКОМ, ИФЛА и МАС³, которые укрепили свои стратегии и программы для решения этого конкретного вопроса. В целях осуществления деятельности по защите всемирного культурного наследия⁴, которому угрожают войны и стихийные бедствия, эти организации создали в 1996 г. Международный комитет Голубого щита (МКГШ)⁵. Необходимо укрепить это многостороннее участие на основе общего видения и общих приоритетов для скоординированных действий.

Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) является основной международной организацией, осуществляющей общий мандат в области культуры⁶. ЮНЕСКО была создана после Второй мировой войны с целью «содействовать укоренению идеи защиты мира в сознании людей» и обеспечивать «сохранение и охрану мирового наследия человечества – книг, произведений искусства и памятников исторического и научного значения». В соответствии с решением 196 EX/29 под названием «Культура в зонах конфликтов: гуманитарные аспекты и вопросы безопасности. Роль и ответственность ЮНЕСКО» Исполнительный совет ЮНЕСКО «предложил Генеральному директору ЮНЕСКО продолжать и активизировать усилия по защите культуры во время вооруженных конфликтов и в переходный период, в частности, путем укрепления потенциала ЮНЕСКО в области быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации в области культуры и борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей посредством применения соответствующих положений различных конвенций ЮНЕСКО в

области культуры» (п. 13). В этом решении Исполнительный совет ЮНЕСКО «предлагает Генеральному директору укрепить роль ЮНЕСКО в системе ООН в целях надлежащего учета культурной составляющей для укрепления межкультурного диалога, обеспечив вместе с тем выполнение ЮНЕСКО ее координирующей роли» (п. 14) и «разработать в партнерстве с государствами-членами и другими соответствующими участниками стратегию укрепления деятельности ЮНЕСКО в области охраны культуры и содействия культурному плюрализму в случае вооруженного конфликта, включая конкретные предложения по приоритетным мероприятиям с указанием необходимых финансовых и людских ресурсов, и представить данную стратегию [...] на рассмотрение 197-й сессии Исполнительного совета и 38-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО» (п. 15)⁷.

18 августа 2015 г. Секретариат ЮНЕСКО представил Исполнительному совету ЮНЕСКО документ 197 EX/10 под названием «Укрепление деятельности ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта». Этот документ содержит доклад о достигнутых результатах в рамках осуществления мер, предусмотренных в указанном выше решении 196 EX/29, в частности, в пунктах 13 и 14, в соответствии с которым ЮНЕСКО провела мероприятия по защите культуры во время вооруженных конфликтов и в переходный период реализации соответствующих положений различных конвенций ЮНЕСКО в области культуры и проведения ряда инициатив по реагированию на кризисные ситуации в Йемене, Ираке, Ливии и Сирии, а также представила стратегию укрепления деятельности ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта (далее – стратегия). Эта стратегия отвечает растущим запросам об оказании помощи, поступающим от государств – членов ЮНЕСКО, затронутых конфликтами. Ее основой и руководством к действию являются общий мандат ЮНЕСКО в области культуры, а также соответствующие конвенции и рекомендации по охране культурного наследия и разнообразия и содействию культурному плюрализму.

ЮНЕСКО приобрела огромный опыт оперативной деятельности, создания сетей и применения передовой практики в деле восстановления культурного наследия после конфликтов, оказывая поддержку основным процессам восстановления и реконструкции в области культуры, например, в Камбодже, на Балканах, в Афганистане или Мали. Настоящая стратегия основана на уроках, извлеченных из такого опыта, и направлена на дальнейшее повышение актуальности, качества и результативности деятельности ЮНЕСКО по защите культуры.

В этой стратегии усилия ЮНЕСКО по защите культуры в ходе конфликта рассматриваются как неотъемлемая часть общего реагирования ООН на такие ситуации. Следовательно, все предлагаемые инициативы будут осуществляться в консультации с соответствующими партнерами ООН на глобальном и страновом уровнях или в качестве составной части процессов реагирования ООН на конфликты.

Стратегия рассчитана на шестилетний период, обеспечивая в то же время достаточную гибкость для адаптации к постоянно меняющимся обстоятельствам, и будет осуществляться до 2021 г. К этому времени ЮНЕСКО должна принять новую Среднесрочную стратегию, в которую будут интегри-

2 Абашидзе А. Х., Конева А. Е., Солнцев А. М. Международная защита экономических, социальных и культурных прав человека: программа курса. М: РУДН, 2015.

3 ЮНОДК: Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности; ЮНИДРУА: Международный институт унификации частного права; ИККРОМ: Международный центр по изучению вопросов сохранения и восстановления культурных ценностей; МАС: Международный архивный совет; ИКОМ: Международный совет музеев; ИКОМОС: Международный совет по охране памятников и исторических мест; ИФЛА: Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений.

4 Солнцев А. М. Вопросы соблюдения государствами положений Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года // Правовые проблемы охраны окружающей среды: сборник статей по материалам Юбилейной X международной научно-практической конференции. 7 июня 2012 года / под научной редакцией И. А. Соболя. СПб.: Издательство «ЛЕМА», 2012. С. 151–155.

5 Подробнее см.: Международный комитет Голубого щита [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ancbs.org/cms/en/about-us/about-icbs> (дата обращения: 25.09.2015 г.).

6 Право международных организаций / Под ред. А. Х. Абашидзе. М: ЮРАЙТ, 2016.

7 Документ Исполнительного совета ЮНЕСКО 196 EX/29 «Культура в зонах конфликтов: гуманитарные аспекты и вопросы безопасности. Роль и ответственность ЮНЕСКО» от 26 марта 2015 г., Париж. Номер по каталогу 232390 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002323/232390r.pdf> (дата обращения: 25.09.2015 г.).

рованы соответствующие приоритеты, касающиеся защиты культурного наследия в случае вооруженного конфликта.

Общей целью настоящей стратегии является уменьшение уязвимости культурного наследия и разнообразия до, в ходе и после конфликта в условиях беспрецедентных разрушений и угроз. Она основана на стандартах, технических знаниях и опыте оперативной деятельности ЮНЕСКО в области культуры, которые она стремится расширить и более активно использовать. Она направлена также на повышение потенциала деятельности ЮНЕСКО в ходе кризисов в условиях конфликтов, приобретающих все более сложный характер, когда культурное наследие и разнообразие подвергаются непосредственной угрозе.

В рамках данной стратегии перед ЮНЕСКО ставятся две следующие взаимосвязанные задачи. К первой относится укрепление способности государств – членов ЮНЕСКО предотвращать, уменьшать и ликвидировать ущерб, причиняемый культурному наследию и разнообразию в результате конфликта путем развития институционального и профессионального потенциала для усиленной защиты. ЮНЕСКО намерена оказывать поддержку национальному руководству и участию в осуществлении мер реагирования, когда культура подвергается опасности или становится объектом нападения в какой-либо конкретной стране. Используя свое сравнительное преимущество единственного специализированного учреждения системы ООН с мандатом в области культуры, ЮНЕСКО будет сотрудничать с национальными властями в целях содействия осуществлению скоординированных международных мер реагирования для достижения более эффективных результатов и воздействия. Вторая задача состоит во включении защиты культуры в гуманитарную деятельность, стратегии в области безопасности и процессы миростроительства путем взаимодействия с соответствующими заинтересованными сторонами вне сферы культуры. Это будет достигаться посредством развития нового стратегического партнерства с отдельными участниками, в частности, с другими организациями системы ООН, для создания синергии, оперативных инструментов и механизмов в целях обеспечения эффективного осуществления положений конвенций ЮНЕСКО, в особенности Гагской конвенции 1954 г. и ее Протокола 1999 г., Конвенции ЮНЕСКО 1970 г. о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, а также содействия применению гуманитарных, связанных с безопасностью и миростроительством подходов, учитывающих культурные аспекты.

ЮНЕСКО, используя свой опыт и экспертные знания, будет увеличивать и расширять свою оперативную деятельность, направленную на укрепление способности государств-членов обеспечивать лучшую защиту своего культурного наследия и разнообразия в качестве средств для развития и мира.

С учетом того, что принятие в мирное время необходимых мер для предотвращения утраты культурного наследия и разнообразия зачастую оказывалось наилучшим способом их защиты, деятельность будет строиться вокруг трех этапов любого цикла чрезвычайных действий, а именно, обеспечение готовности, незамедлительное реагирование в ходе конфликта и среднесрочное и долгосрочное восстановление/реконструкция. Важно адаптировать всеобъемлющий подход к защите культуры в ходе конфликта, включая ее правовую защиту на всех трех этапах. Одним из приоритетов этой стратегии в связи с этим является создание синергии в деле осуществления соответствующих конвенций ЮНЕСКО в области культуры, особенно Конвенции 1954 г. и двух протоколов к ней, а также

конвенций 1970 г., 1972 г., 2001 г. и 2003 г. Руководящим органам соответствующих конвенций в этом контексте будет предложено рассмотреть вопрос об укреплении оперативных руководящих принципов и процедур для дальнейшего усиления защиты культурного наследия во всех его различных формах в случае вооруженного конфликта.

Кроме того, ЮНЕСКО будет расширять свои технические мероприятия, направленные на оказание государствам-членам помощи в выявлении, смягчении и уменьшении потенциальных рисков в целях предотвращения нападений на культурное наследие и разнообразие в ходе конфликтов. Будет сделан акцент на документировании материального и нематериального – движимого и недвижимого – культурного наследия, включая оцифровывание, в частности, посредством составления всеобъемлющих перечней. В дополнение к этому, будет укреплен потенциал национальных и местных властей, включая специалистов в области культурного наследия, сотрудников правоохранительных органов, а также соответствующих участников из гражданского общества в сфере прогнозирования угроз, предотвращения незаконного оборота культурных ценностей, разработки планов действий в чрезвычайных ситуациях и осуществления защитных мер для обеспечения усиленной защиты и безопасности на объектах культурного наследия и в музеях.

Поскольку в рамках управления культурным наследием и его сохранении мероприятия, касающиеся обеспечения готовности к возможным рискам и уменьшения рисков в преддверии конфликта, пока еще носят ограниченный характер и финансируются в недостаточной мере, ЮНЕСКО продолжит и усилит на всех уровнях информационно-разъяснительную работу в целях содействия учету аспектов культуры и инвестирования в культуру в качестве неотъемлемой части стратегий предотвращения конфликтов и ведения оперативной деятельности. В такой информационно-разъяснительной работе будет обращать внимание на обязанности государств и ответственность международного сообщества за продвижение и применение в мирное время международных стандартов в области культуры, установленных в конвенциях ЮНЕСКО, в частности, в Гагской конвенции 1954 г. и в двух протоколах к ней.

В целях обеспечения полного соблюдения всеми соответствующими сторонами норм международного гуманитарного права, относящихся к защите культурного наследия в случае вооруженного конфликта, в частности, Гагской конвенции 1954 г. и двух протоколов к ней – в ходе конфликтов ЮНЕСКО будет продолжать информационно-разъяснительную деятельность. Здесь основными принципами являются недопустимость использования культурного наследия в военных целях, а также превращения объектов и памятников в мишени для нападения. ЮНЕСКО будет поддерживать усилия государств-членов по дальнейшему применению этих норм на национальном уровне.

Для борьбы с разграблением и незаконным оборотом культурных ценностей в ходе конфликтов ЮНЕСКО дополнительно укрепит сотрудничество с Интерполом, Всемирной таможенной организацией, ЮНОДК, ЮНИДРУА, специализированными подразделениями национальной полиции, ИКОМ и с другими партнерами в целях отслеживания, аутентификации, ареста, консервации и реституции похищенных и незаконно вывезенных предметов. Усилия будут сосредоточены на повышении информированности (в частности, посредством социальных сетей) туристов, молодежи, рынка искусства, музеев и частных коллекций и на развитии потенциала юристов, администраторов наследия, правоохранительных органов, гражданских служащих, участников рынка произведений искусства, полиции, таможни и финансовой сферы в

целях эффективного осуществления на национальном уровне конвенций ЮНЕСКО 1970 г. и ЮНИДРУА 1995 г., а также более конкретных мер обязательного характера, касающихся незаконного оборота, таких как запрещение трансграничной торговли культурными ценностями из Ирака и Сирии, введенных резолюцией 2199 СБ ООН. Особый акцент будет сделан на проверке происхождения и проявлении должной осмотрительности в отношении предметов культурного наследия (в частности, из Ирака, Сирии, Ливии и Йемена), поступающих на рынок произведений искусства или в коллекции таких произведений, особенно имеющих археологический характер, и на сообщении о похищенных предметах полиции и соответствующим международным учреждениям и экспертам. Особые усилия будут предприниматься также в отношении использования и эффективного применения экспортных и импортных сертификатов.

ЮНЕСКО будет продолжать участвовать в подготовке углубленных совместных оценок, таких как проводимая ООН/Всемирным банком и поддерживаемая Европейским союзом оценка потребностей в постконфликтных ситуациях (ОППС), содействуя применению всеобъемлющего и систематического подхода к восстановлению сектора культуры, который не ограничивается решением проблемы материального ущерба и разрушения и направлен на развитие национального потенциала и разработку политики возрождения сектора культуры в целом. Опираясь на свои экспертные знания и опыт в области постконфликтного восстановления и реконструкции, в том числе на Балканах и в Афганистане, ЮНЕСКО будет оказывать государствам-членам помощь в разработке стратегий и планов восстановления и реконструкции, а также содействовать формированию политики в сфере культуры.

В целях обеспечения лучшего знания и понимания норм международного гуманитарного права, касающихся защиты культурного наследия в ходе конфликта, будет расширено сотрудничество с военными, включая силы ООН по поддержанию мира. ЮНЕСКО будет использовать позитивный опыт осуществления резолюции 2100 (2013 г.) СБ ООН, учредившего Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА) (миротворческая миссия в Мали) и поручившего ей обеспечить охрану объектов культурного наследия во взаимодействии с ЮНЕСКО⁸. В частности, будет предложено включить в стандартную подготовку миротворческих сил модуль по защите культурного наследия и разнообразия. Выражается надежда, что в конечном итоге повышение информированности военных о касающихся культуры нормах международного гуманитарного права приведет к созданию в зонах конфликтов «охраняемых культурных районов», т.е. значимых объектов культурного наследия, которые четко определены и защищены от конфликта на основе взаимного соглашения между вооруженными силами, действующими в данном районе.

Будет продолжена и расширена деятельность, направленная на повышение информированности общественности, в частности молодежи, на основе достижений проводимой в социальных сетях кампании *Unite4Heritage* («Объединиться во имя наследия»). Будут подготовлены информационные и пропагандистские материалы по основным ценностям культурного разнообразия и плюрализма, а также по охране культурного наследия для противодействия пропаганде ненависти, сектантских взглядов и чрезвычайно жестокого насилия.

В 2014 г. в целях лучшего реагирования на чрезвычайные ситуации на глобальном уровне ЮНЕСКО создала

Группу мобилизационной готовности и поддержки (CLT/EPR). Эта группа будет обеспечивать общую координацию настоящей стратегии для защиты культуры и поощрения культурного плюрализма в ходе конфликтов. Группа действует в тесной координации с секретариатами конвенций ЮНЕСКО, особенно с секретариатами конвенций 1954 г., 1970 г., 1972 г. и 2003 г., в целях охвата всех аспектов защиты культуры и поощрения культурного плюрализма во время конфликта. Базисной целью создания этой группы является достижение большей согласованности мер реагирования Сектора на чрезвычайные ситуации и уделение должного внимания долгосрочным стратегиям обеспечения готовности и превентивной деятельности. Группа также оказывает помощь подразделениям ЮНЕСКО на местах, ответственным за разработку и осуществление мероприятий в области создания потенциала и технической поддержки, связанных с подготовкой к чрезвычайным ситуациям и реагированием в области культуры, обеспечивая тем самым техническое консультирование и поддержку. Она также обеспечивает общую координацию с заинтересованными сторонами, используя существующие глобальные и национальные механизмы, включая недавно созданную платформу экспертов, действующую под руководством ЮНЕСКО, особенно в отношении осуществления резолюции 2199 СБ ООН.

Ввиду того, что воздействие конфликтов на культурное наследие и разнообразие достигло беспрецедентных масштабов, государства-члены призвали ЮНЕСКО усилить и расширить ее меры реагирования. В этом контексте был разработан ряд новых инициатив: глобальные пропагандистские и координационные усилия (например, проведение кампании и создание глобальной коалиции «Объединиться во имя наследия»), оказание поддержки осуществлению резолюции 2199 СБ ООН, разработка планов действий в чрезвычайных ситуациях для охраны культурного наследия в Сирии, Ираке, Ливии и Йемене), совершенствование потенциала мониторинга и оценки, а также укрепление программ в области развития потенциала для оказания помощи государствам-членам в смягчении воздействия конфликтов на культуру.

Как было сказано выше, документ 197 EX/10 содержит доклад о достигнутых результатах в рамках осуществления ЮНЕСКО мер по защите культуры во время вооруженных конфликтов и в переходный период путем реализации соответствующих положений различных конвенций ЮНЕСКО в области культуры и проведения ряда инициатив по реагированию на кризисные ситуации. К таким мерам относятся следующие мероприятия.

В связи с осуществлением принятой 12 февраля 2015 г. резолюции 2199 СБ ООН о финансировании терроризма, запрещающей торговлю предметами культурного наследия из Ирака и Сирии, Генеральный директор ЮНЕСКО созвала 1 апреля 2015 г. в Штаб-квартире ЮНЕСКО совещание с ограниченным составом участников, на котором собрались руководители учреждений – партнеров ЮНЕСКО в целях оказания поддержки государствам – членам ООН и борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей (Группа ООН по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, Всемирная таможенная организация (ВТО), Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (ЮНОДК), Интерпол, ИКОМ и ИКОМОС). В результате этого совещания была создана платформа экспертов, составлены график и дорожная карта действий с уделением особого внимания механизмам координации в целях обмена информацией и принятия совместных мер. Были разработаны также руководящие принципы осуществления резолюции 2199 и соответствующей отчетности, которые были впоследствии доведены до сведения государств-членов циркулярным письмом от 5 мая 2015 г. Ин-

8 См.: Резолюция СБ ООН. S/RES/2100. 25 апреля 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/314/19/PDF/N1331419.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.09.2015 г.).

формацию о принятых ими мерах по выполнению резолюции 2199 представили 30 государств – членов ЮНЕСКО. Сведения о вкладе ЮНЕСКО, включая анализ докладов государств-членов, были представлены Группе ООН по наблюдению за санкциями для подготовки ее доклада о ходе работы по выполнению резолюции 2199, который планировалось опубликовать в середине июля 2015 г. Предварительная оценка принятых государствами-членами мер противодействия показывает, что приоритетное внимание уделялось двум компонентам: укреплению правовой основы и разработке мероприятий, направленных на повышение информированности общественности и наращивание потенциала. Несмотря на пока еще ограниченные масштабы непосредственных правовых мер, государства-члены активизировали свои усилия по применению на национальном уровне принципа должной осмотрительности, который требует от возможного покупателя артефакта соблюдения определенного стандарта осторожности для обеспечения легальности торговли такими предметами. Это является прямым результатом воздействия резолюции 2199. Опираясь на полученные ответы, ЮНЕСКО призывает государства-члены и далее применять ряд мер, а именно предпринимать действия в отношении рынка предметов искусства в целях выявления всей цепочки незаконного оборота в его конечной точке; содействовать ратификации и усилить осуществление Конвенции ЮНИДРУА 1995 г.; усилить ответственность за тщательное изучение происхождения предмета на основе проявления должной осторожности для обеспечения добросовестной покупки; проводить на национальном уровне кампании по просвещению и повышению информированности общественности; а также осуществлять сотрудничество с финансовым, торговым и банковским секторами с учетом высоких рисков отмывания денег и инвестиций в предметы старины.

В связи с принятием резолюции 2199 СБ ООН в качестве последующих действий 27 апреля 2015 г. в Нью-Йорке к членам СБ ООН обратились Генеральный директор ЮНЕСКО и Генеральный секретарь Интерпола по поводу «Борьбы с разрушением, контрабандой и хищением культурного наследия». Данное заседание по формуле Аррии было созвано по просьбе сопредседателей СБ ООН постоянных представительств Иордании и Франции при ООН. Генеральный директор ЮНЕСКО 28 мая 2015 г. присутствовала на пленарном заседании ГА ООН по случаю принятия резолюции «Спасение культурного наследия Ирака». Впоследствии в Париже 2 июня 2015 г. состоялось совещание на уровне министров небольшой группы глобальной коалиции по противодействию ИГ, где она получила приглашение принять в нем участие и по предложению министра иностранных дел Франции г-на Лорана Фабиуса выступила перед членами этой коалиции. Вышеуказанные мероприятия свидетельствуют о растущем осознании последствий, которые имеют для безопасности случаи нападения на объекты культуры, и о ведущей роли ЮНЕСКО в пропаганде необходимости более сильной интеграции между защитой культуры, политикой в области безопасности и процессами миростроительства.

В связи с этим в рамках 39-й сессии Комитета всемирного наследия в Бонне (Германия) 29 июня 2015 г. Генеральный директор ЮНЕСКО вместе с председателем этой сессии проф. Марией Бемер объявила о создании глобальной коалиции «Объединиться во имя наследия» в целях укрепления деятельности ЮНЕСКО по защите культуры в чрезвычайных ситуациях путем привлечения широкого круга партнеров. Усилия глобальной коалиции направлены на расширение поддержки защиты наследия посредством привлечения организаций в области обеспечения безопасности и гуманитарной деятельности, правительств, частного сектора, гражданского общества и средств информации. Созданию глобальной коалиции

непосредственно предшествовало принятие Комитетом всемирного наследия на основании консенсуса Боннской декларации, в которой осуждаются случаи нападения на объекты всемирного наследия, совершаемого ИГ, а также выражается озабоченность в отношении других объектов в Йемене и Сирии. В случае необходимости в декларации рекомендуется также включать культурный аспект в предпринимаемые ООН усилия по поддержанию мира и обеспечить координацию со стороны ЮНЕСКО международных мер реагирования в целях защиты культурного наследия в ситуациях конфликтов или стихийных бедствий.

Помимо этого, ЮНЕСКО проводила ежемесячные брифинги, представляла доклады о своей деятельности и включала информацию о культуре и наследии в ежемесячные доклады Генерального секретаря ООН о гуманитарной ситуации в Сирии в исполнение резолюций 2139, 2165 и 2191 СБ, а также о ситуации в Ливии. В докладе направленной в Ирак Миссии Центральные учреждений ООН по стратегической оценке (МСО), которая проводилась 21–29 апреля 2015 г., содержится ссылка на культурную чистку как тактику военных действий.

СБ ООН 29 июня 2015 г. единогласно принял резолюцию 2227, которая продлила мандат МИНУСМА. В ее мандате отмечалось «содействие сохранению культуры – во взаимодействии с ЮНЕСКО»⁹. ЮНЕСКО в июле 2015 г. завершила работы по восстановлению 14 мавзолеев в Тимбукту, разрушенных вооруженными группировками в 2012 г.

ЮНЕСКО также активизировала сотрудничество с Международным уголовным судом (МУС) в отношении проводимых им расследований в соответствии со ст. 8 (2) (e) (iv) его Римского статута, которая квалифицирует как военное преступление нанесение ударов по зданиям, предназначенным для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, историческим памятникам в ходе как международных, так и немеждународных вооруженных конфликтов. Сотрудничество между ЮНЕСКО и МУС в отношении Мали, начавшееся в 2012 г. после преднамеренного разрушения культурного наследия в Тимбукту, заключалось в предоставлении МУС подробной информации о культурном наследии. Оно также заложило надежную основу для дальнейшего взаимодействия, особенно в отношении тех стран, которые еще не ратифицировали соответствующие конвенции или не являются государствами – участниками МУС.

30 июня 2015 г. был подписан меморандум о взаимопонимании с ЮНОСАТ/ЮНИТАР, специализированным учреждением по дистанционному зондированию, в целях дальнейшего усиления взаимодействия между ЮНЕСКО и другими организациями системы ООН в области защиты культуры в чрезвычайных ситуациях. Тем самым это позволяет ЮНЕСКО укрепить свой потенциал мониторинга и оценки ущерба, причиненного культурному наследию, на основе использования спутниковых изображений.

Вся эта деятельность ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта финансируется в значительной мере за счет внебюджетных средств. Например, было собрано около 3 млн долл. для поддержки восстановления культурного наследия в Мали; взносы поступили от Швейцарии (1,1 млн долл.), Европейского союза (670 тыс. долл.), Норвегии (170 тыс. долл.) и Нидерландов (75 тыс. долл.). Осуществляется проект по охране культурного наследия Сирии в объеме 2,6 млн евро за счет взносов Европейского союза (2,5 млн евро) и правительства Фландрии (170 тыс. евро). Государство Кувейт финансировало

9 Резолюция СБ ООН. S/RES/2227. 29 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/201/18/PDF/N1520118.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.09.2015 г.).

международную конференцию высокого уровня по культурному наследию, подвергающемуся рискам в Ираке и Сирии, которая проводилась в ЮНЕСКО в декабре 2014 г. (100 тыс. долл.). В отношении Ирака ЮНЕСКО привлекла 1,5 млн долл. от Японии, 300 тыс. евро от Италии и 170 тыс. долл. от Норвегии для деятельности, направленной на укрепление защиты культурных ценностей и наращивание потенциала. В Ливии помощь ЮНЕСКО в этих областях финансируется Италией и правительством Ливии (по 1 млн долл. от каждой стороны).

Для настоящей стратегии ЮНЕСКО потребуются создать дополнительные должности за счет средств обычной программы, чтобы обеспечить ее устойчивое реагирование в области культуры на возникающие конфликты. В связи с этим предлагается в рамках обычной программы и бюджета выделить на поэтапной основе за весь период осуществления стратегии, т.е. в течение следующих шести лет, начиная с января 2016 г., сумму в размере 2,5 млн долл. Эти средства послужат постепенному укреплению возможностей координации стратегии на глобальном уровне, а также ее осуществлению на страновом уровне.

Опыт выполнения ЮНЕСКО планов действий в чрезвычайных ситуациях во время конфликтов показывает, что для поддержки осуществления всех приоритетных мер в недавно созданный Чрезвычайный фонд наследия, согласно оценке, потребуется внести 25 млн долл. в виде внебюджетных взносов на поэтапной основе в течение оставшихся шести лет Среднесрочной стратегии 37 С/4. Ввиду непредсказуемого характера конфликтов, связанных с этим потребностей и спроса на реагирование со стороны ЮНЕСКО эта сумма определена на основе следующих элементов: потребности, определенные в связи с защитой культуры в ходе конфликтов, в течение следующего шестилетнего периода будут оставаться очень высокими; запросы к ЮНЕСКО об оказании помощи возрастут, поскольку от ЮНЕСКО требуется увеличить и расширить свою помощь для решения, в частности, новых проблем защиты культуры в ходе конфликтов; увеличатся нормативные обязательства ЮНЕСКО в результате запросов об оказании помощи, например, в связи с ее ролью в содействии осуществлению государствами – членами резолюции 2199 СБООН.

Следует отметить, что на 2015 г. сметные расходы (персонал и мероприятия) для реагирования ЮНЕСКО на конфликты составляют 3,349 млн долл. при соотношении 1/11,5 (между средствами обычной программы и внебюджетным финансированием). Таким образом, по сравнению с расходами за 2015 г. в течение последующих шести лет общий объем финансирования настоящей стратегии увеличится на 124 %, что позволит ЮНЕСКО восполнить отмеченные в настоящей стратегии пробелы в области реагирования.

В интересах дальнейшего развития устойчивого внутриорганизационного потенциала защиты культуры в случае вооруженного конфликта критически важно улучшить сбалансированность между выделяемым на эти цели обычным бюджетом и внебюджетным финансированием. В связи с этим предлагается в течение следующих трех двухлетних периодов, начиная с января 2016 г., выделить на поэтапной основе в рамках обычной программы и бюджета сумму в объеме 5 млн долл. (по 2,5 млн долл. на персонал и мероприятия), произведя необходимые корректировки в плане работы документа 38 С/5. Это будет соответствовать 20 % от общей сметной суммы (25 млн долл.), необходимой для осуществления настоящей стратегии в течение следующих трех двухлетних периодов. Эти средства будут использованы, прежде всего, на укрепление потенциала ЮНЕСКО в осуществлении стратегии на национальном уровне в затронутых странах путем создания в рамках обычной программы должностей категории специалистов в подразделениях на местах, где в настоящее время нет

такого персонала. Предлагается также привлекать внебюджетные средства для финансирования остальной части бюджета этой стратегии, т.е. 20 млн долл. В идеальном случае внебюджетные взносы должны перечисляться в созданный ЮНЕСКО Чрезвычайный фонд наследия для укрепления согласованности действий по осуществлению стратегии и обеспечению соответствующей отчетности. Следует отметить, что такие средства будут использоваться, прежде всего, для удовлетворения неотложных потребностей и решения проблем, связанных с предотвращением утраты культурного наследия и разнообразия, подвергающихся рискам до, в ходе и непосредственно после конфликта¹⁰.

В заключение стоит отметить, что разрушение культурного наследия является не только культурной трагедией, но и проблемой безопасности, и что охрана культуры не может отделяться от гуманитарных операций и должна быть одним из ключевых компонентов любой стратегии укрепления мира. Такие разрушительные действия создают питательную среду для тревожных тенденций радикализма и экстремизма и подтверждают актуальность основного мандата ЮНЕСКО, заключающегося в том, что «в сознании людей следует укреплять идею защиты мира». Это требует обновления и укрепления всех инструментов, предназначенных для создания нравственной и интеллектуальной защиты мира. Необходимо укреплять институциональный и оперативный потенциал ЮНЕСКО для реагирования на эти угрозы в целях выполнения мандата ЮНЕСКО по прошествии 70 лет с момента ее создания и адаптировать ее к потребностям современного мира.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Конева А. Е., Солнцев А. М. Международная защита экономических, социальных и культурных прав человека: программа курса. М: РУДН, 2015.
2. Богуславский М. М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты (монография). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, Москва, 2012.
3. Нешатаева В. О. Культурные ценности. Цена и право. Серия «Исследования культуры». Нац. исслед. университет «Высшая школа экономики»: Изд. дом Высшей школы экономики; Москва; 2013.
4. Право международных организаций / Под ред. А. Х. Абашидзе. М: ЮРАЙТ, 2016.
5. Толстых В. Л. Курс международного права: учебник. М.: Волтерс Клаувер, 2009.
6. Солнцев А. М. Вопросы соблюдения государствами положений Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года // Правовые проблемы охраны окружающей среды: сборник статей по материалам Юбилейной X международной научно-практической конференции. 7 июня 2012 года / под научной редакцией И. А. Соболя. СПб.: Издательство «ЛЕМА», 2012.
7. Merryman J. H., Elsen A. E., Urice S. K. Law, Ethics and the Visual Art. 5th ed. Kluwer Law International, 2007.
8. Nafziger J. A. R., Paterson R. K., Renteln A. D. Cultural Law: International, Comparative and Indegenous. Cambridge University Press, 2014.

¹⁰ Документ Исполнительного совета ЮНЕСКО 197 EX/10 «Укрепление деятельности ЮНЕСКО по защите культуры и поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта» от 18 августа 2015 г., Париж. Номер по каталогу 234209 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002342/234209r.pdf> (дата обращения: 25.09.2015 г.).

Шляхтин И. С.

ГАРМОНИЗАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПРАВА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО РЫНКА: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Статья посвящена правовому регулированию в сфере защиты прав потребителей в условиях интеграции государств. Автором показаны концептуальные изменения взглядов на потребительское право и особенности его текущего реформирования в Европейском союзе. Внимание акцентировано на тех моментах, которые следует учесть государствам – членам Евразийского экономического союза при проведении согласованной политики в данной сфере.

Ключевые слова: защита прав потребителей, интеграция, полная гармонизация, модернизация, внутренний рынок, трансграничная дистанционная торговля, Европейский союз, Евразийский экономический союз.

Shlyakhtin I. S.

HARMONIZATION OF CONSUMER LAW AS A FACTOR OF THE SINGLE MARKET DEVELOPMENT: PRACTICE OF THE EUROPEAN UNION

The article is devoted to legal regulation in the area of consumer rights protection in view of integration of states. The author shows the conceptual changes of outlooks on consumer law and the features of its current reforming in the European Union. Attention is focused on those aspects that need to be taken into account by Member States of the Eurasian Economic Union while implementing coherent policy in this area.

Keywords: consumer rights protection, integration, full harmonization, modernization, internal market, cross-border distance trade, European Union, Eurasian Economic Union.

Шляхтин И. С.

Введение

В современных мирохозяйственных условиях права потребителей постепенно все более отчетливо приобретают статус одних из основных прав человека, а защита этих прав становится обязательным элементом социальной функции государства и неотъемлемым условием создания макрорегионального интеграционного объединения. В подтверждение этому в ст. 38 Хартии Европейского союза о фундаментальных правах провозглашено, что политика Союза должна обеспечивать высокий уровень защиты потребителей¹. В свою очередь, ст. 169 Договора о функционировании Европейского союза предусматривает, что в целях содействия интересам потребителей и обеспечения высокого уровня защиты потребителей Союз должен способствовать защите здоровья, безопасности и экономических интересов потребителей, а также развитию их права на информацию, просвещение и самоорганизацию для защиты своих интересов; и для достижения этих целей в контексте создания целостного внутреннего рынка органы Союза уполномочены принимать меры по сближению национальных законодательств².

I. Эволюция воззрений на потребительское право в ЕС

Современному потребительскому праву Европейского союза (далее – ЕС) около пятидесяти лет. В течение этого относительно короткого по историческим меркам периода воззрения на него претерпели существенные изменения трижды.

1. Происхождение потребительского права было тесно связано с возникновением государства социального благосостояния в 60–70-е гг. XX в. сначала в США, затем в государствах – членах Европейского сообщества и далее. В этот период государство принимает на себя ответственность преобразовать

пределы частных возможностей и индивидуальной автономии. Потребительское право становится неотъемлемой частью формирующегося комплекса социальной политики и понимается как механизм реализации распределительной справедливости в обществе. Придерживаясь концепции «слабого потребителя», потребительская политика осуществлялась как независимый национальный проект, обеспечивающий социальную справедливость слабым членам общества («общества потребления») и слабой стороне договора³. Этот период продолжался в Европе в течение двух десятилетий.

2. В 80–90-е гг. Европейское сообщество обретает компетенцию в сфере потребительской политики и постепенно изменяет воззрение на потребительское право. Потребительская политика и потребительское право становятся частью европейского проекта по созданию единого внутреннего рынка⁴. Ключевой парадигмой стало и остается то, что рынок – больше не социальная и распределительная справедливость. Она заменяется «доступной» справедливостью. Возобладает концепция «осведомленного и осмотрительного потребителя», который должен быть приспособленным к внутреннему рынку ЕС путем наделяния его правами в той степени, чтобы стать активным участником единого рынка⁵. Наднациональное правовое регулирование в данной сфере призвано снизить барьеры доступа на единый рынок, гарантируя потребителям базовые стандарты их защиты.

В этот период потребительское право ЕС основывается на принципе минимальной гармонизации, заключающейся в создании на наднациональном уровне общего фундамента – комплекса гарантий прав потребителей, который может быть расширен на национальном уровне. В соответствии с этим

1 Charter of fundamental rights of the European Union // OJ C 364, 18.12.2000, P. 1–22.

2 The Treaty on the Functioning of the European Union (Consolidated version) // OJ C 326, 26.10.2012, P. 47–390.

3 Howells G., Weatherill S. Consumer Protection Law. Aldershot: Dartmouth Publishing, 2005. P. 11–14.

4 Weatherill S. EU Consumer Law and Policy. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. P. 5–10.

5 Micklitz H. W. Social Justice and Access Justice in Private Law // EUI Working Papers. 2011. № 2 P. 15–21.

принципом принимаются Директива 85/577/ЕЕС о защите потребителей в отношении договоров, заключаемых вне торговых предприятий; Директива 87/102/ЕЕС о сближении национальных законодательств в отношении потребительского кредита; Директива 90/314/ЕЕС о пакетных турах; Директива 93/13/ЕЕС о несправедливых условиях в потребительских договорах; Директива 94/47/ЕЕС о таймшере; Директива 97/7/ЕЕС о защите потребителей в отношении дистанционных договоров; Директива 1999/44/ЕЕС о продаже потребительских товаров. Принимаемые директивы направлены, прежде всего, на установление обязательных информационных требований и, в предусмотренных случаях, права на возврат исполненного⁶.

Минимальная гармонизация, сохраняя за государствами-членами дискреционные полномочия, допускает правовой экспериментализм – установление на внутригосударственном уровне тех или иных дополнительных гарантий защиты в зависимости от национальных традиций, особенностей правовых систем и т.д.⁷ Это способствует конкуренции между национальными правовыми порядками в вопросе обеспечения высокого уровня защиты потребителей и позволяет рассматривать потребительское право все еще как законодательство о защите прав и интересов потребителей.

3. С середины 2000-х годов зарождается концепция «экономически эффективного потребителя», являющаяся частью идеи «нового экономического подхода», в котором смещается акцент на международную конкурентоспособность Европейского союза. Более чем когда-либо ЕС использует различные области экономического права, чтобы приспособить Европу к глобализационному процессу и обеспечить ей лидирующее место в нем. Внутренний рынок вкупе с конкурентным и потребительским правом выступают инструментом для достижения стратегической цели Европейского союза – стать самой конкурентной и динамичной в мире экономикой знаний, способной к устойчивому росту⁸. Отныне потребитель должен быть не просто осмотрительным, но и поступать экономически эффективно – пользоваться преимуществами трансграничной торговли, заказывая товары и услуги отовсюду в Европе (но не из других частей света). Европейский потребитель должен быть уверен в том, что государственные, культурные и языковые границы не имеют значения, поскольку его правовой статус будет одинаковым в пределах всего европейского пространства. Потребительское право, поставленное в подчинение высокой политической цели, призвано сгладить диспропорции в торговле на внутреннем рынке и обеспечить его международную конкурентоспособность. В нем сменяются приоритеты в пользу создания для европейского предпринимательского сообщества унифицированного режима ведения трансграничной торговли на всей территории ЕС⁹.

Принцип минимальной гармонизации не позволяет добиться поставленной цели: ранее используемый подход привел к тому, что хозяйствующие субъекты, стремящиеся осуществлять свою торговую деятельность, в том числе трансграничную дистанционную торговлю, во всех или многих

странах ЕС, сталкивались с разнообразными национальными особенностями потребительского законодательства. Это потребовало внедрения принципа полной (максимальной) гармонизации, исключающего возможность сохранения или введения на национальном уровне каких-либо дополнительных правил. Тем самым, полная гармонизация направлена не на сближение, а на унификацию потребительского законодательства в государствах – членах ЕС. Новый принцип нашел воплощение в Директиве 2002/65/ЕЕС о дистанционной реализации финансовых услуг потребителям; Директиве 2005/29/ЕЕС о недобросовестных коммерческих практиках в отношении потребителей; Директиве 2008/48/ЕЕС о потребительском кредите; Директиве 2008/122/ЕЕС о таймшере. Наиболее обсуждаемым стал проект по подготовке директивы, которая на основе принципа полной гармонизации консолидировала бы, как первоначально планировалось, положения четырех ранее принятых директив: о защите потребителей в отношении договоров, заключаемых вне торговых предприятий, о защите потребителей в отношении дистанционных договоров, о несправедливых условиях в потребительских договорах и о продаже потребительских товаров. Однако из-за поспешности в подготовке новая Директива 2011/83/ЕЕС о правах потребителей¹⁰ заменила собой только первые две из этих директив, остальные две претерпели лишь некоторые изменения¹¹.

II. Критика полной гармонизации

Принцип полной гармонизации заключает в себе опасность придания минимальному набору стандартов статуса максимальных требований, фактически уменьшающих уровень защиты потребителей. Во избежание этого Директива 2011/83/ЕЕС устанавливает весьма широкий и детальный перечень информации, подлежащей предоставлению потребителю в случае дистанционной торговли (перечень состоит более чем из двадцати информационных требований). С одной стороны, это обеспечивает потребителю потенциальную возможность обладать необходимой информацией при принятии решения о заключении договора. Но с другой стороны, крайне большой объем информации приводит к обратному эффекту – отказу потребителя от ее внимательного изучения, – особенно в ситуациях, когда обязательная информация не отделена от прочих стандартных условий договора¹².

Полная гармонизация сама по себе не означает, что установленные требования основаны на наилучшей практике, гарантирующей самый высокий уровень защиты интересов потребителей и увеличивающей уверенность потребителей. К примеру, Директива 2011/83/ЕЕС предусматривает, что, если потребитель не получил информацию о праве на возврат, это право продлевается до 12 месяцев и после их истечения прекращается. Но данное положение директивы уменьшило гарантии для потребителей некоторых стран (например, Германии), где право на возврат действовало без ограничений по

6 Weatherill S. *European Private Law and the Constitutional Dimension. In: The Institutional Framework of European Private Law.* – Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 81–87.

8 Communication from the Commission «A single market for 21st century Europe» COM(2007) 724 final, 20.11.2007 [Electronic resource] // EUR-Lex [Official website]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52007DC0724> (accessed: 01.11.2015).

9 Micklitz H.W. *The Targeted Full Harmonisation Approach: Looking Behind the Curtain.* In: *Modernising and Harmonising Consumer Contract Law.* Munich: European Law Publishers, 2009. P. 47–83.

10 Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council // OJ L 304, 22.11.2011. P. 64–88.

11 Schulte-Nolke H. *The Brave New World of EU Consumer Law – Without Consumers, or Even Without Law?* // *Journal of European Consumer and Market Law.* 2015. № 4. P. 135–139.

12 Kunnecke A. *New Standards in EU Consumer Rights Protection?* // *European Scientific Journal.* 2014. № 1. P. 426–437.

времени до тех пор, пока потребитель не получит информацию о своем праве¹³.

По сути, Директива 2011/83/ЕС привела не к единообразию и правовой определенности, как это ожидалось, а к фрагментации правового регулирования. Имплементация ее положений в национальные законодательства демонстрирует, что цели полной гармонизации все еще далеки от достижения. Так, исполняя директиву, государства-члены использовали различные варианты регулирования для уменьшения или, наоборот, расширения области применения имплементируемых положений. Например, в отличие от других государств-членов, Франция решила не исключать договоры, перечисленные в ст. 3 Директивы 2011/83/ЕС (в том числе пакетные туры), из-под действия информационных требований в случае заключения договора в торговом предприятии. Тем самым, предлагая пакетные туры в большинстве правовых систем, торговец не обязан информировать потребителей, к примеру, о своей процедуре обработки претензий и о существовании правовых гарантий, но должен сделать это, если к заключаемому договору подлежит применению французское право. В то время как потребители в некоторых государствах-членах (например, Франции и Португалии) должны быть информированы на языке своей страны, в других государствах-членах (например, Бельгии, Нидерландах, Великобритании) допускается информирование на языке страны торговца. Если предусмотренная Директивой 2011/83/ЕС информация не предоставлена, договор расторгается в Нидерландах на основе законодательства о недобросовестных коммерческих практиках, поскольку считается, что потребитель заключил договор в результате отсутствия у него такой информации. Но в большинстве других правовых систем договор может быть расторгнут, только если потребитель докажет, что отсутствие информации ввело его в заблуждение¹⁴. Эти и другие примеры показывают, что различия между национальными законодательствами государств-членов ЕС не устранены.

Немаловажным и, можно сказать, системным упущением правотворческих органов ЕС является то, что вырабатываемые ими регулятивные правила не подкрепляются соответствующими охранительными нормами. В гармонизирующих актах ЕС либо вовсе не предусмотрены правовые последствия нарушений регулятивных правил, либо отсутствует конкретное содержание таких последствий. В частности, в ст. 24 Директивы 2011/83/ЕС о правах потребителей предусмотрено лишь то, что наказания за нарушение правил должны быть «эффективными, соразмерными и сдерживающими». Та же формулировка используется и в других директивах, основанных, как это декларируется, на принципе «полной» гармонизации. Отсутствие единообразных последствий нарушения регулятивных правил не способствует реальному созданию равного правового режима на едином рынке интеграционного объединения¹⁵.

III. Перспективы потребительского права в ЕАЭС

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) ставит перед собой цели не менее амбициозные, чем Европейский союз, – повышение жизненного уровня населения, формиро-

вание единого рынка и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики (ст. 4 Договора о ЕАЭС¹⁶). Гарантируя права потребителей и защиту их интересов от недобросовестной деятельности хозяйствующих субъектов, государства – члены ЕАЭС обязуются проводить согласованную политику в сфере защиты прав потребителей (ст. 60 и ст. 61 Договора о ЕАЭС), которая включает в себя гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов ЕАЭС, в такой степени, которая необходима для достижения целей ЕАЭС (ст. 2 Договора о ЕАЭС). Исходя из этих установок, можно констатировать, что потребительское право станет неотъемлемой частью интеграционного права ЕАЭС.

На данный момент между национальными законодательствами государств – членов ЕАЭС о защите прав потребителей действительно прослеживается проблема несогласованности: от различной степени нормативной детализации до диаметрально противоположных подходов к регламентации тех или иных аспектов потребительских отношений. Эта проблема затрагивает как преддоговорные отношения, так и отношения после заключения договора. Несогласованными являются как общие положения потребительского законодательства, так и специальные положения, регламентирующие отдельные виды розничной торговли товарами и услугами. При этом, помимо гармонизации, национальные законодательства о защите прав потребителей одновременно нуждаются в значительной модернизации: они отстают от складывающихся экономических отношений на потребительском рынке, внедряемые новые коммерческие практики зачастую позволяют обходить существующие нормы либо, как минимум, делают вопрос об их применении неоднозначным, особенно это касается дистанционной торговли и торговли цифровым контентом.

Приступая к гармонизации и модернизации правового регулирования в сфере защиты прав потребителей, правотворческим органам ЕАЭС надлежит, прежде всего, выработать подход, который позволит достигнуть поставленных целей. Как показывает опыт ЕС, минимальная гармонизация не позволяет полностью обеспечить единство рынка, так как сохраняет за государствами-членами возможность введения дополнительных правил в свои национальные законодательства о защите прав потребителей. Это препятствует созданию в интеграционном пространстве единообразного режима осуществления торговой деятельности, но способствует повышению уровня правовых гарантий потребителей. Полная гармонизация в большей степени содействует формированию единого рынка, но в то же время ограничивает предел защиты потребителей теми стандартами, которым на наднациональном уровне придан статус максимальных. Кроме того, реальное достижение полной гармонизации требует от правотворческих органов интеграционного объединения целостного подхода к объекту гармонизации. Избирательный подход, концентрирующийся только на некоторых аспектах потребительского права, приведет не к единообразию, а лишь к фрагментации права.

Следует также учитывать, что между ЕС и государствами – членами ЕАЭС (кроме Беларуси) действуют соглашения о партнерстве и сотрудничестве, в которых предусмотрено

13 Luzak J. Online Consumer Contracts // Amsterdam Law School Legal Studies Research Paper. 2014. № 47. P. 8–11.

14 Loos M. Implementation of CRD (Almost) Completed, Harmonisation Achieved? // Journal of European Consumer and Market Law. 2014. № 3. P. 213–214.

15 Franceschi A. The EU Digital Single Market Strategy in Light of the Consumer Rights Directive // Journal of European Consumer and Market Law. 2015. № 4. P. 144–148.

16 Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз [Официальный сайт]. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/sites/storage0/Lists/Documents/a089f4c6-02da-4461-b033-3f5d122e0020/e57db9f2-9589-4b26-be1e-b1a43862c6ed_635375701449140007.pdf (дата обращения: 01.11.2015).

обязательство по сближению их национальных законодательств о защите прав потребителей с законодательством ЕС. Установление правового регулирования в сфере защиты прав потребителей, сходного (сопоставимого) с потребительским законодательством ЕС, снижает барьеры взаимного доступа на внутренние рынки, особенно в области дистанционной (онлайн) торговли, более всего вовлеченной в трансграничный розничный товарооборот. Это, вероятно, в большей степени будет отвечать интересам европейских предпринимателей, чьи рынки сбыта будут расширены за счет евразийских потребителей, и в меньшей степени – интересам евразийских предпринимателей, которым в силу своей относительной невысокой конкурентоспособности вряд ли удастся заинтересовать европейских потребителей и, более того, придется потесниться на рынке ЕАЭС.

Заключение

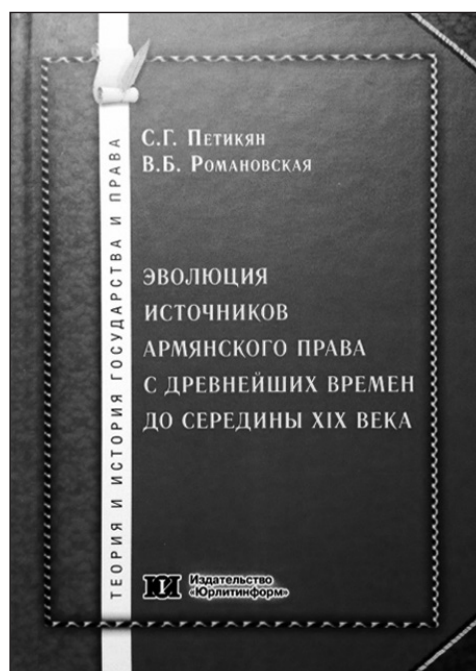
Современные мирохозяйственные отношения определяются процессами интеграции государств и глобализации экономики. Макрорегиональная интеграция обретает форму в объединении национальных экономик в единое экономическое пространство и проведении согласованной межгосударственной экономической политики. От успешности интеграционных процессов зависит место межгосударственного объединения в глобализационном процессе.

В борьбе за лидирующее место в этом процессе Европейский союз, среди прочего, мобилизует усилия в сфере потребительской политики, создавая условия для экономически эффективного поведения потребителей – повышенной вовлеченности потребителей в трансграничную торговлю с хозяйствующими субъектами из различных государств – членов ЕС. Переход от минимальной к максимальной (полной) гармонизации потребительского права призван обеспечить единообразный режим осуществления торгово-розничной деятельности, равный правовой статус потребителей во всем европейском пространстве и, в конечном счете, сгладить диспропорции и усилить единство внутреннего рынка ЕС. Вместе с тем принцип полной гармонизации заключает в себе опасность ограничения правовых гарантий защиты интересов потребителей.

Евразийскому экономическому союзу только предстоит осознать значение согласованной и взвешенной потребительской политики для процесса экономической интеграции, но первые шаги – формирование договорно-правовой основы – уже предприняты. Достижение всех поставленных перед ЕАЭС целей – повышение жизненного уровня населения, формирование единого рынка и повышение конкурентоспособности экономики – потребует выработки правильного баланса между реализацией социальной функции защиты потребителей и проведением прагматичной экономической политики.

Пристатейный библиографический список

1. Franceschi A. The EU Digital Single Market Strategy in Light of the Consumer Rights Directive // Journal of European Consumer and Market Law. 2015. № 4.
2. Howells G., Weatherill S. Consumer Protection Law. – Aldershot: Dartmouth Publishing, 2005.
3. Kunnecke A. New Standards in EU Consumer Rights Protection? // European Scientific Journal. 2014. № 1.
4. Loos M. Implementation of CRD (Almost) Completed, Harmonisation Achieved? // Journal of European Consumer and Market Law. 2014. № 3.
5. Luzak J. Online Consumer Contracts // Amsterdam Law School Legal Studies Research Paper. 2014. № 47.
6. Micklitz H.W. Social Justice and Access Justice in Private Law // EUI Working Papers. 2011. № 2
7. Micklitz H.W. The Targeted Full Harmonisation Approach: Looking Behind the Curtain. In: Modernising and Harmonising Consumer Contract Law. – Munich: European Law Publishers, 2009.
8. Schlulte-Nolke H. The Brave New World of EU Consumer Law – Without Consumers, or Even Without Law? // Journal of European Consumer and Market Law. 2015. № 4.
9. Weatherill S. EU Consumer Law and Policy. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013.
10. Weatherill S. European Private Law and the Constitutional Dimension. In: The Institutional Framework of European Private Law. Oxford: Oxford University Press, 2006.
11. Wilhelmsson T. Private Law in the EU: Harmonised or Fragmented Europeanisation? // European Review of Private Law. 2002. № 10.

Абакумова О. А.

ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье рассматривается опыт регулирования и поддержки малого и среднего предпринимательства в отдельных странах Европейского союза. Опыт подавляющего большинства зарубежных стран показывает, что государственная политика в отношении малого и среднего предпринимательства чрезвычайно важна и должна быть реализована в соответствии с основными национальными интересами, ставка на данный вид бизнеса себя оправдывает. Поэтому необходимо вычленив из зарубежного опыта те полезные меры, применение которых могло бы послужить и нашей стране.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, политика рыночных отношений, меры государственной поддержки, бизнес.

Abakumova O. A.

THE EXPERIENCE OF STATE SUPPORT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN EUROPEAN UNION COUNTRIES

The article discusses the experience of regulation and support of small and medium enterprises in several countries of the European Union. The experience of the vast majority of foreign countries shows that state policy in point of small and medium enterprises is extremely important and must be implemented in accordance with the basic national interests; the focus on this business is justified. It is therefore necessary to separate those useful measures from foreign experience, the application of which could serve our country.

Keywords: small and medium enterprises, the policy of market relations, measures of state support, business.

Абакумова О. А.

Существование и развитие малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) во многом определяются тем, насколько результативно осуществляется его поддержка государством, особенно на уровне региона.

Большинство стран Европейского союза (далее – ЕС) признают важность разработки специальной политики в отношении МСП в целях экономического роста данных субъектов, развития их международной конкурентоспособности, привлечения иностранных инвестиций, создания новых рабочих мест. Малый бизнес в ЕС составляет главную часть социально-экономического развития Европы. В ЕС существует более чем 20 млн предприятий, ведущих малый и средний бизнес, от которых приходит более половины общего оборота и добавленной стоимости. Число населения, которое занято малым бизнесом в ЕС, составляет около 70 %¹.

В соответствии с положениями ст. 288 Лиссабонского договора (договора о функционировании ЕС)², вступившего в силу 1 января 2009 г., директивы ЕС адресованы государствам-членам и требуют имплементации в национальное законодательство, являются обязательными для каждого государства-члена. При этом выбор форм и методов действия остается за государствами – участниками ЕС. В данный момент действующим документом, содержащим определение малого и среднего предприятия на уровне ЕС, является вступившая в силу с 1 января 2005 г. Рекомендация Европейской комиссии от 6 мая 2003 г.³ относительно определения микро-, малых и средних предприятий. В соответствии с п. 1 ст. 8 все акты законодательства или программы Европейского сообщества, в тексте которых употребляются термины «малые и средние

предприятия», «микрпредприятия», «малые предприятия» или «средние предприятия» или иные равнозначные термины, должны употребляться в значении, в котором они употребляются в указанной Рекомендации.

В отдельных странах Азии, а также ЕС условия ведения бизнеса являются более благоприятными, чем в России. Мировой рейтинг Doing Business-2015⁴ восьмой раз подряд возглавил Сингапур, в тройку лидеров также вошли Новая Зеландия и Дания. Россия за год поднялась с 92-го на 51-е место, показав тем самым хороший результат. Однако впереди России в рейтинге по-прежнему находятся большинство экономически развитых стран мира. Большая часть стран ЕС в данном рейтинге находятся во втором и третьем десятках. Рассмотрим в качестве примера стран ЕС Германию (15-е место в рейтинге) и Францию (27-е место в рейтинге), правовые системы которых являются классическими примерами континентального права.

Франция – очень централизованная страна. Эту же тенденцию можно отметить и в бизнесе, где все компании стремятся к объединению⁵. Тем не менее около половины предприятий относятся к малому бизнесу и играют ключевую роль в создании новых рабочих мест. Поэтому поддержка такого бизнеса является одной из приоритетных задач Правительства. У значительного количества предприятий малого бизнеса Франции присутствует характерная особенность: связи с крупными компаниями. То есть крупный бизнес в результате реорганизации выделил дочерние и независимые малые бизнесы. Также МСП выступает в качестве подрядчиков или субподрядчиков, обеспечивая крупные компании комплектующими материалами, осуществляя ремонтные работы, некоторые технические услуги. В свою очередь крупные компании помогают малым, передавая технологии, инновации, сырье, материалы. Такое взаимодействие качественно улучшило состояние МСП на

1 Новости Евросоюза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novosti-es.ru/baza-znaniy/interesnyie-stati/malyiy-biznes-v-evropeyskom-soyuze/> (дата обращения: 2.10.2015 г.).

2 Подписан в г. Лиссабоне 13.12.2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 1.10.2015 г.).

3 Рекомендации Европейской Комиссии для определения микропредприятий, малых и средних предприятий [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=128326 (дата обращения: 1.10.2015 г.).

4 Doing Business [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/rankings> (дата обращения: 3.10.15 г.).

5 Опора-кредит [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.opora-credit.ru/news/hot/detail.php?ID=9805> (дата обращения: 1.10.2015 г.).

французском рынке. Малые предприятия распространены и в сфере сервиса (небольшие магазины, кафе, закусочные).

Важную роль в поддержке малых предприятий играет «Французское инновационное агентство “OSEO”», («Oeuvre suisse d'entraide ouvrière»), охватывающее все регионы Франции посредством своей региональной сети, объединившее в 2005 г. «Французское национальное инновационное агентство “ANVAR”» («Agence nationale de valorisation de la recherche»), «Банк развития малого и среднего бизнеса “BDPME”» («Banque du Développement des PME») и «Французское общество страхования капиталов “Sofaris”».

Результатом реализации во Франции государственно-частного партнерства явилось особое Национальное агентство по созданию предприятий для помощи в создании бизнеса, а также предотвращении банкротства. Помощь оказывают и другие субъекты: органы местного самоуправления, торгово-промышленные палаты, фонды, созданные крупными корпорациями (взамен получающими налоговые льготы). Созданы гарантийные фонды, которые оказывают помощь в поиске источников финансирования начинающим предпринимателям. Есть и организация, созданная для защиты интересов бизнес-сообщества – «Движение французских предпринимателей».

Поощряется льготами, а в отдельных случаях и подъемными открытие бизнеса в экономически депрессивных зонах. В виде освобождения от налогов на три года, а также консультативной поддержки существует система поддержки безработных, решивших создать собственный бизнес. Практически все владельцы малых предприятий могут рассчитывать на получение льготных кредитов, ссуд и субсидий. По инициативе Министерства экономики и финансов создано французское общество по страхованию капиталов от риска «Sofaris», которое берет на себя гарантии – поручительства за кредиты средних и малых предприятий, выдаваемые банками.

Французская система государственной поддержки МСП, существующая более 25 лет, показала свою эффективность, принося государству не только налоговые доходы, но и снижение уровня безработицы в виде растущего количества рабочих мест, обеспечиваемых субъектами малого и среднего бизнеса.

В Германии МСП также является одним из важнейших секторов экономики, на которые приходится порядка 50 % ВВП Германии, там занято 63 % рабочей силы (более 3,7 млн)⁶.

Власти Германии поддерживают интерес населения к ведению предпринимательской деятельности, давая семейным предприятиям малого или среднего размера значительные налоговые послабления. Существуют программы по финансированию МСП, в рамках которых предоставляются кредиты, в том числе долгосрочные, под сниженные и фиксированные на длительный срок процентные ставки. Программы региональной поддержки предпринимателей включают в себя инвестиционную помощь в виде грантов или дополнительного снижения ставок по кредитам. Эти меры предусмотрены главным образом для бизнеса, расположенного в определенных регионах с неблагоприятными условиями, а также для инвестирования связанной с бизнесом инфраструктуры и туристических объектов. Отдельное внимание уделяется содействию выходу на зарубежные рынки, для этого проводится специальное консультирование, организуются ярмарки, выставки и т. д.⁷

В соответствии с национальным законодательством все германские компании, за исключением ремесленных и фермерских хозяйств, должны быть членами промышленно-торговой палаты, задачей которых является оказание всяческой поддержки и помощи МСП Германии. Льготное кредито-

вание малого бизнеса состоит в: кредитовании малых и средних предприятий, ориентированных на инновационную деятельность; кредитовании проектов, направленных на сохранение и улучшение благоприятной экологической обстановки, связанных с охраной окружающей среды; кредитовании малого бизнеса, участвующего в развитии отсталых экономических регионов Германии; кредитовании предприятий, занимающихся строительством и решением жилищных проблем; в проектном финансировании предприятий, занятых в определенных отраслях, наиболее нуждающихся в коренной модернизации производства.

В Германии существует также специализированный правительственный орган, осуществляющий поддержку МСП, имеющий достаточные ресурсные возможности и полномочия – Директорат малого и среднего бизнеса, ремесленничества, услуг и свободных профессий, который реализует специальные программы в помощь развитию МСП. Контролирует реализацию этих программ специальный государственный орган – Кредитный совет по восстановлению⁸, подчиняющийся непосредственно федеральному правительству, – он призван контролировать реализацию вышеуказанных программ и обеспечивать механизмы их выполнения. В рамках реализации федеральных программ предоставляются кредиты для бизнеса на льготных условиях. Данные условия предусматривают низкую процентную ставку (5–8 %) и длительные сроки кредитования (5–15 лет)⁹.

Безусловно, мы не должны слепо копировать зарубежный опыт, необходимо вычлнить то полезное, что могло бы послужить нашей стране, органично адаптировать к местным условиям. Но, как показывает его изучение, всесторонняя и стабильная государственная поддержка является обязательным условием для развития МСП. Несмотря на то, что в последнее время малый бизнес стал объектом внимания власти и науки, его положение в регионах РФ остается по-прежнему сложным. Конечно, перед государством стоит нелегкая задача: с одной стороны, сохранить бюджет, а с другой – обеспечить при этом поддержку предпринимателей.

Пристатейный библиографический список

1. Doing Business [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russian.doingbusiness.org/rankings> (дата обращения: 3.10.15 г.).
2. Большая надежда российского экспорта [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/eksport/2015/05/21_a_6696805.shtml (дата обращения: 2.10.2015 г.).
3. Горькаева О. Господдержка для самых маленьких // Business Guide (Финансирование среднего и малого бизнеса). Приложение. - 2012. - № 7 (138). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1906270/print> (дата обращения: 1.10.2015 г.).
4. Лиссабонский договор. Подписан в г. Лиссабоне 13.12.2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 1.10.2015 г.).
5. Новости Евросоюза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://novosti-es.ru/baza-znaniy/interesnyie-stati/malyiy-biznes-v-evropeyskom-soyuze/> (дата обращения: 2.10.2015 г.).
6. Опора-кредит. <http://www.opora-credit.ru/news/hot-detail.php?ID=9805> (дата обращения: 1.10.2015 г.).
7. Поддержка малого и среднего предпринимательства – опыт Германии и России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bujet.ru/article/241971.php> (дата обращения: 1.10.2015 г.).

6 Большая надежда российского экспорта [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/eksport/2015/05/21_a_6696805.shtml (дата обращения: 2.10.2015 г.).

7 Поддержка малого и среднего предпринимательства – опыт Германии и России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bujet.ru/article/241971.php> (дата обращения: 1.10.2015 г.).

8 Горькаева О. Господдержка для самых маленьких // Business Guide (Финансирование среднего и малого бизнеса). Приложение. 2012. № 7 (138) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1906270/print> (дата обращения: 1.10.2015 г.).

9 Там же.

Красноярова Н. И.

АКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЧАСТНОПРАВОВОЙ УНИФИКАЦИИ, СОДЕРЖАЩИЕ КОНСТРУКЦИИ ЗАЩИТЫ ПРЕРОГАТИВЫ КРЕДИТОРА

Автором на основе анализа имеющегося в науке деления актов международной частноправовой унификации предложена их классификация на четыре группы по критерию эквивалентности урегулированных ими конструкций самозащиты прав кредитора его односторонними юридическими действиями развитым системам частного права, здравым правовым идеям и сбалансированной практике международного коммерческого оборота. В первую группу отнесены конструкции Принципов: PICC, PECU, ECC, DCFR, TLR и Incoterms®2010. Сопоставление статей Типового контракта 2013 г. (Публикация МТП № 738) с конвенционными нормами и нормами Принципов УНИДРУА 2010 даёт более низкий индекс соответствия моделей защиты в проформе современному частному праву. При создании договорных моделей внесудебной защиты правовыми консультантами бизнеса активно используются слабо адаптированные к континентальному и российскому праву конструкции Книг ФИДИК и Условий поставки (монтажа) ОРГАЛИМ.

Ключевые слова: частноправовая унификация, конструкции самозащиты прав, современное частное право.

Красноярова Н. И.

Krasnoyarova N. I.

ACTS OF THE INTERNATIONAL PRIVATE-LAW UNIFICATION, COMPRISING DESIGNS OF PROTECTION OF THE CREDITOR PREROGATIVE

The author on the basis of analysis of the divisions of acts of the international private-law unification available in the science proposes their classification into four groups according to the criterion of equivalence of regulated structures of self-defense rights of the creditor by his unilateral legal action to developed systems of private law, sensible rightful ideas and to the balanced practice of international commercial turn. The first group includes the construction of the Principles: PICC, PECU, ECC, DCFR, TLR and Incoterms®2010. Comparison of articles of the ICC Model Contract, 2013 (ICC Publication №738) with conventional norms and norms of the Principles of UNIDRUА 2010 gives lower index of coincidence of models of protection in a proforma to modern private law. For creation of contractual models of extrajudicial protection of business the legal consultants actively use the designs of Books of FIDIC and Terms of delivery (installation) of ORGALIM which are poorly adapted for continental and Russian law.

Keywords: private-law unification, design of self-protection, modern private law.

Для усиления неопровержимости решения вопросов защиты своих прав в договорных обязательствах внешнего оборота кредитору необходимы различные единообразные регуляторы его односторонних юридических действий, в т. ч. международного происхождения. Учёными терминологически неоднозначно определяются деятельность международных межправительственных (ЮНСИТРАЛ, УНИДРУА) и неправительственных организаций (МТП, ФИДИК), объединений хозяйствующих субъектов (Оргалим) по разработке и функциональное назначение в трансграничном обороте Принципов, комплектов типовых контрактов в пакете с правилами, типовыми формами, иной стандартной документацией, Общих условий поставки и монтажа.

Наличие взглядов на *lex mercatoria* и «мягкое право» как на неопределённые концепции и оценка применяемых по соглашению сторон договора источников как квази- и субправовых, не свидетельствуют о кризисе в науке, которая якобы уже не в состоянии объяснить и прогнозировать новые явления в правотворчестве и юридической практике. Более продуктивным можно назвать иное правопонимание. Сторонникам континуумной концепции разнообразной нормативности в зарубежной международно-правовой литературе видится переплетение норм «жёсткого» и «мягкого» права. По уточняющему мнению отечественного учёного А. В. Дёмина, эти нормы «ассоциируются, взаимодополняют друг друга, образуя гибридные нормативные режимы, институты,

нормативно-логические конструкции»¹, которые особенно полезны на случай пробелов в праве.

Плюрализация правовых регуляторов горизонтальных отношений в международном коммерческом обороте тесно связана с подключением частных организаций к процессам правообразования. К инструментам регулирования горизонтальных отношений в рамках международных коммерческих договоров причисляются: 1) акты неофициальных кодификаций (Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА и аналогичные публикации); 2) комплект правил Типового контракта международной купли-продажи товаров Всемирной организации бизнеса, сопровождаемый Типовой формой и образцом; 3) комплекты правил Общих условий договоров международного строительного подряда и оказания инженерно-консультационных услуг Международной федерации инженеров-консультантов, сопровождаемые Типовыми формами документации (оферта, соглашение об урегулировании споров), а по наиболее сложным договорам – Типовой формой договора, включаемого в конкурсную документацию; 4) Общие условия поставки товаров торгово-промышленного объединения восемнадцати европейских стран (Orgalime S 2012); 5) Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов: Редакция 2007 г. (Публикация МТП № 600); Международная стандартная банковская практика про-

1 Дёмин А. В. Бинарный подход против относительной нормативности: к дискуссии о «мягком праве» // Закон. – 2014. № 6. – С. 105.

верки документов в соответствии с UCP 600: Редакция 2013 г. (Публикация МТП № 745Е)²; Банковское платёжное обязательство: Редакция 2013 г. (Публикация МТП № 750Е)³; 6) сборники ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, касающемуся Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров.

В сфере делового оборота сторонами через оговорки о выборе применимыми негосударственных норм или формировании на их основе условий договора активно заимствуются правовые формулировки, термины и правовые конструкции внесудебной защиты прав действительного кредитора из зарубежных и вненациональных регуляторов договоров, других документов негосударственного характера. Взаимопроникновение норм иностранного права, правовых идей и решений через их воспроизведение в заключаемых международных коммерческих договорах в науке получило название диффузии права⁴. Влияние на формирование воли национального законодателя происходит также посредством инфузивирования Принципов УНИДРУА некоторыми национальными правовыми системами⁵. Наличие инкорпорации Принципов европейского договорного права в национальное законодательство стран ЕС общеизвестно⁶.

В явлении диффузии права ценным считаем выделение унификации договорных условий через правовое взаимодействие, адаптацию и включение в договорный текст наилучших в деловом обороте юридических конструкций, оговорок и терминов. Понятие диффузии вместе с тем не охватывает всей динамики, этапов и объёма верификационной работы создателей вненациональных правовых текстов высокого уровня, применение которых в актуальной редакции, к тому же с включёнными в их состав постатейными комментариями, безусловно, снижает неопределённость трансграничных правоотношений.

Перемещение интереса международного бизнес-сообщества при регулировании трансграничных коммерческих отношений в сторону общих принципов, стандартных правил международной торговли отмечают и другие отечественные авторы⁷. Вместе с тем вряд ли можно согласиться с мнением об исключительно доктринальном содержании и назначении общих принципов договорного права, когда оговорка об их применении, вопреки подходам арбитражей, не рассматривается как выбор регулирующего договорные обязательства сторон материального права⁸. Особенно сложно, считаем, отказать в признании Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА и Принципов европейского договорного права кодифицированными источниками норм права международной торговли после подготовки комментирован-

ного издания в девяти томах Модельных правил европейского частного права в консолидированной редакции с обширными комментариями, примечаниями и примерами⁹. DCFR правомерно рассматривается возможным образцом для законотворчества заинтересованных государств¹⁰. А. В. Асосков одобряет идею о том, что применимое национальное право может выступать только субсидиарным статутом по сравнению с правилами кодифицированных Принципов УНИДРУА по аналогии с механизмом восполнения пробелов Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.¹¹.

Проблема конкурирования вненациональной системы принципов международных коммерческих договоров с конвенционными нормами материального права решается в ЕС в рамках Общеввропейского закона о продажах (Common European Sales Law – CESL)¹².

Источники *lex mercatoria* исторически основываются не на принципах договорного права, а на стандартных правилах торговых обычаев и обыкновений. Идея исключения Принципов УНИДРУА 2010 из *lex mercatoria* и определение, в связи с этим, правовой природы Принципов относится к числу спорных не только среди российских учёных¹³, но и признанных на международном уровне авторитетных экспертов и авторов в области права¹⁴.

Принципы УНИДРУА в третьей дополненной редакции 2010 г. вместе с постатейными комментариями и иллюстрирующими юридическое содержание конкретных норм примерами Комиссией ООН по праву международной торговли (далее ЮНСИТРАЛ) определены в качестве дополнения к ряду документов в области права международной торговли, включая Венскую конвенцию ООН о договорах международной купли-продажи товаров¹⁵.

М. В. Мажорина причисляет Принципы к новой форме нормотворчества, якобы конкурирующей с международным договором, содержащим унифицированные нормы материального права¹⁶. Вряд ли это означает признание их равнозначными пластами регулирования международных коммерческих договоров. Более взвешено определяет предназначение Принципов УНИДРУА 2010 А. С. Комаров. Он рассматривает их применение в качестве нормативного акта, аналогичного соответствующим источникам национального материального права¹⁷.

2 Публикация № 745 Е. // Перевод с англ. Ю. М. Козлова. – М.: ICC Russia, 2013. – 240с.

3 Uniform Rules for Bank Payment Obligations. – ICC Publication № 750 Е. – Paris France, 2013 -23 p.

4 Семилотина Н. Г. Глобализация международных хозяйственных связей, информационные технологии и выход на новый уровень диффузии в праве // Журнал российского права. – 2015. № 5. – С. 134.

5 Уруджу И. Восприятие распространённого: четыре круга распространённого, воспринятого в правовой системе Турции // Журнал зарубежного и сравнительного правоведения. – 2014. № 1.

6 Проблемы унификации международного частного права в современном мире // Журнал российского права. – 2014. № 3. – С. 138.

7 Мажорина М. В. Современные тенденции развития права международной торговли // Журнал российского права. – 2014. № 4. – С. 122.

8 Алимова Я. О. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА: нормативная природа и роль в регулировании трансграничных коммерческих отношений: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 8.

9 Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference (DCFR) – Принципы определения и модельные правила европейского частного права. Проект общей справочной схемы (DCFR).

10 Бар К., Клив Э., Варул П. Предисловие к российскому изданию // Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ. – М.: Статут, 2013. – С. 27.

11 Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. – М., 2012. – С. 335.

12 Русский перевод выполнен В. А. Беловым. – см.: Коммерческое право. – 2014. № 1. – С. 113-209.

13 Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. – М.: Статут, 2002. – С. 272; Ерпылёва Н. Ю. Международное частное право: учебник. – М., 2011. – С. 709-710.

14 Рамберг Я. Международные коммерческие транзакции. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – С. 22-23; Bergman H. J., Dasser F. J. The “New” Law Merchant and the “Old”: Sources, Content, and Legitimacy. // *Lex Mercatoria and Arbitration. A Discussion of the New Law Merchant Revised Edition*. Carbonneau T. ed. Kluwer, 1998. – P. 60.

15 Доклад Комиссии ООН по праву международной торговли, 45-я сессия (25 июня- 6 июля 2012 г.) Документ ООН A/67/17.

16 Мажорина М. В. Современные тенденции развития права международной торговли. – С. 126.

17 Комаров А. С. Принципы УНИДРУА как источник транснациональных норм права о международных коммерческих договорах

Независимая квалифицированная деятельность международных организаций по:

- проведению нетипичных сравнительно-правовых исследований;

- обобщению и пояснительному комментированию общих для национальных правовых систем Принципов договорного права, стандартных правил МТП о разделении эвентуальных рисков и расходов;

- обновлению по трансграничным торговым договорам унифицированных правил, регламентирующих условия поставки, монтажа, оплаты товаров и работ;

- пополнению системы прецедентного права по текстам ЮНСИТРАЛ год от года усиливают нормативно-правовую составляющую указанных текстов.

Не умаляя значения унифицированных конвенций и позитивного права отдельных стран, а также договорного саморегулирования (контрактualизации) сторонами своих обязательств, моделей защиты без обращения к суду (арбитражу), деятельность профессиональных объединений бизнеса для достижения единообразного правового регулирования договорных отношений Н. Г. Вилкова юридически точно именуется «частнопредварительной унификацией»¹⁸. Эта деятельность по наилучшему решению не коллизионных, а материальноправовых вопросов международных коммерческих договоров осуществляется не государствами и без государственных одобрений особым субъектом – бизнес-сообществом в целом в лице высокопрофессиональных экспертов, представителей бизнес-элиты, арбитров, членов торгово-промышленных палат и профессиональных ассоциаций, профессуры в составе комиссий, рабочих, исследовательских, координационных, проектных, руководящих групп, консультативных советов.

Целям осмысленного применения юридических конструкций внесудебной защиты прерогативы кредитора, содержащихся в воспринимаемых современным оборотом актах международной частнопредварительной унификации, отвечает научное обоснование групповых отличий этих необычных источников. При этом отметим, что все упомянутые в данной статье акты международного происхождения, имеют в своём составе защитные конструкции односторонними юридическими действиями кредитора в простом договорном обязательстве.

Представляется целесообразным с этой целью обратиться сначала к предложенным критериям классификации негосударственных форм регулирования международного коммерческого оборота. По критерию объёма регулирования К. М. Шмиттгофф выделяет три группы актов, стандартизирующих условия, на которых заключаются международные коммерческие договоры.

В первую группу «единообразных правил общего характера» по терминологии учёного отнесены международные конвенции (Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров), руководства ЮНСИТРАЛ (Правовое руководство по составлению международных контрактов на строительство промышленных объектов. 1988 г.), Общие условия поставок СЭВ в редакции 1968/1988 г., Международные правила толкования торговых терминов - Инкотермс 1990 г.

Вторая группа включает также применяемые по выбору сторон:

- « типовые (стандартные) проформы» договоров торговых ассоциаций (FOSFA, GAFTA) и других членов Британской федерации ассоциаций торговли готовыми изделиями, в том числе, Контракт GAFTA 78 «Контракт на поставку товаров, отгружаемых по железной дороге насыпью» (проформа Ассоциации торговли зерном и кормами);

- « типовые торговые контракты», разработанные Европейской экономической комиссией ООН (далее – ЕЭК): Общие условия контракта на поставку оборудования и машин для экспорта [с приложением, подлежащем заполнению контрагентом] с равно аутентичным английским, французским текстом. Документ № 188. Женева, 1953 г.¹⁹; Общие условия экспортных поставок машинного оборудования [с приложением, подлежащем заполнению контрагентом] с равно аутентичным текстом на русском, английском и французском языке. Документ № 574. Женева. 1955 г.²⁰; Общие условия экспортных поставок и монтажа машинного оборудования [с приложением, подлежащем заполнению контрагентом] с равно аутентичным текстом на русском, английском и французском языке. Документ № 574А. Женева. 1957 г.²¹;

- взаимосвязанные «руководства ЕЭК по международным договорам подряда»: Руководство по составлению договоров на сооружение промышленных объектов; Руководство по составлению международных договоров на консультативный инжиниринг, включая некоторые аспекты технического содействия; Руководство по составлению международных договоров технического обслуживания, включая обслуживание, ремонт и функционирование промышленных и иных установок²².

Третья группа – «общие условия поставки отдельных фирм экспортёров»²³.

Для определения способов разработки частнопредварительного регулирования международных контрактных отношений Н. Г. Вилкова употребляет несколько иные терминологические словосочетания:

- «своды единообразных условий», к которым ею причислены Правила МТП по использованию национальных и международных торговых терминов - Инкотермс 2010 г.,

- « типовые контракты» МТП, ФИДИК, Оргалим;

- « акты единообразного договорного регулирования», под которыми понимаются Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА в редакции 2010 г., Принципы европейского договорного права, Принципы европейского права: договоры коммерческого агентирования, франшизы и дистрибуции, Модельные правила европейского частного права²⁴.

Предложенное Н. Г. Вилковой именование Инкотермс 2010 сводом единообразных условий трансграничных договоров при их признании в отдельных странах законом и традиционным в России применении термина «свод» к собранию законодательных актов, представляется занижением их юридического уровня.

19 Текст на русском языке см.: Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Книжный мир, 2003. – С. 763-778.

20 Розенберг М. Г. Указ. раб. – С. 779-794.

21 Розенберг М. Г. Указ. раб. – С. 795-819.

22 Шмиттгофф К. М. Указ. раб. – С. 415-416.

23 Шмиттгофф К. М. Экспорт: право и практика международной торговли. – С. 46-58.

24 Трансграничный оборот и право. – С. 26.

(вступительная статья) // Принципы международных коммерческих УНИДРУА 2010 / Пер. с англ. А. С. Комарова. – М.: Статут, 2013. – С. IV.

18 Вилкова Н. Г. Саморегулирование сторонами международных контрактов своих отношений – один из элементов современного *lex mercatoria* // Трансграничный торговый оборот и право. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – С. 26.

Ретроспективный анализ сформировавшихся без влияния государств правовых текстов, содержащих конструкции защиты исключительных прав кредитора в международных коммерческих транзакциях, позволяет выделить содержательно универсальные, целесообразные, гибкие²⁵ и терминологически определенвшиеся в современном обороте, согласно наименованию профессионально авторитетных разработчиков, четыре их разновидности: 1) Принципы договорного права; 2) Типовая форма контракта международной купли-продажи в единой публикации двух частей (Особые и Общие условия) с электронной версией Образца Особых условий; 3) Условия международных строительных контрактов в единой публикации с их формами и документацией; 4) Общие условия поставки механической, электрической и электронной продукции (Orgalime S 2012), Общие условия поставки и монтажа механической, электрической и электронной продукции (Orgalime SI 2014).

При построении данной классификации во внимание принимаются:

- доктринальная основа регулятора; пространственный охват различных правопорядков; регулируемый набор защитных конструкций и их структура; степень присутствия коллизионных норм;

- своеобразии структурного построения самодостаточного текста регулятора с включением комментариев и иллюстрирующих юридическое содержание конкретных норм поясняющих примеров, определений терминов и понятий, пояснений мотивировок и толкований каждой статьи; присутствие очерков сравнительно-правового характера как составных частей издания (компаративистских заметок); последовательное либо зеркальное расположение стандартных правил; разрозненность публикации либо пакетное решение комплекта; присутствие Общих, Специальных (Особых) разделов регулятора с факультативными пунктами; способ нумерации норм; описательность языка текста регулятора; нейтральность терминологии; пределы изменения, исключения положений регулятора усмотрением сторон договора; характер требований к оформлению ссылок по их инкорпорации в договорный текст; наличие в тексте регулятора ссылок на унифицированные конвенции и национальное право отдельной страны, иные взаимосвязи актов между собой; наличие отсылки к типовой оговорке о применимом праве, форс-мажоре, формулам формирования цены, методикам расчёта договорных неустоек;

- улучшение юридического качества защитных конструкций, определённости пределов их применения; учёт при пересмотре текста важных аспектов практики; внушительность объёма регулятора; расширение сферы действия; увеличение текста в последующих изданиях; периодичность обновления редакций регулятора; чёткость вносимых поправок; сопровождение работ по пересмотру регулятора обстоятельными дискуссиями; инновационный характер и ясный характер формулировок регулятора; степень присутствия вольно толкуемых терминов; ограничение пределов отдельных юридических конструкций самозащиты прав односторонними юридическими действиями кредитора;

- число официальных языков издания и языков перевода; дата и наличие аутентичного перевода на русский язык;

- договорная практика применения регулятора по варианту opt-out (соглашение сторон о регулировании договора определённым документом); частота ссылок на регулятор международных коммерческих транзакций в трансграничных

договорах; применяемые в практике формулировки ссылок на выбор регулятора; соотношение защитных конструкций регулятора с нормами российского права; практика применения регулятора МКАС при ТПП РФ и другими регулятивными арбитражами при отсутствии прямого выбора сторон; возможность дополнения положений регулятора пунктами по усмотрению сторон; кумуляция конструкций из нескольких регуляторов;

- научные квалификации регуляторов, терминологические сдвиги новых классификаций регуляторов; проблемы адаптации к национальному праву; соотношение положений регулятора с нормами развитых правовых систем частного права, нормами российской правовой системы; установление оптимального баланса между интересами сторон, учёт регулятором интересов всех вовлечённых в контракт сторон либо оказание определённого предпочтения одной из них;

- распространение применения регулятора во внутреннем деловом обороте России и судебной практике; частота применения положений регулятора государственными судами отдельных стран; учёт положений регулятора при рекодификации национальных кодексов; применение регулятора участниками торгового оборота ЕАЭС; вовлечённость регуляторов международных коммерческих договоров в образовательный процесс РФ (учебники, комментарии по частному и международному торговому праву).

Обобщение названных показателей позволяет определить индекс эквивалентности правил регулятора трансграничного коммерческого оборота современному частному праву развитых правопорядков.

Эквивалентны развитым системам частного права нормы комментированных Принципов международных коммерческих договоров (Principles of International Commercial Contracts), подготовленные международным институтом унификации частного права (УНИДРУА), (далее – PICC) в редакции 2010 г., Принципов европейского договорного права (Principles of European Contract Law), подготовленные Комиссией по европейскому договорному праву под председательством профессора Оле Ландо (далее – PECL) в третьей редакции 2002 г., Кодекса европейского договорного права (European Contract Code) (далее – ECC), называемого также Кодексом Гандольфи по имени своего редактора (координатора) и главного разработчика – профессора университета Павии, в редакции 2002 г.²⁶, Свод принципов, правил и требований *lex mercatoria*, составленный Центром транснационального права – СЕНТРАЛ (CENTRAL LIST of *lex mercatoria* Principles, Rules and Standarts, называемый *The Trans Lex Principles*) (далее – TLP), действующий в третьей редакции 2013 г.²⁷

Безусловно, эквивалентны здравым правовым идеям и общей сбалансированной практике международного коммерческого оборота, Принципы, определения и модельные правила европейского частного права. Проект Общей справочной схемы (DCFR) в редакции 2009 г.²⁸, Общеввропейский закон о продажах 2011 г.²⁹

26 Использовался перевод документа на русский язык В. А. Белова. – см.: Белов В. А. Кодекс европейского договорного права – European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий: в 2 кн. М.: Изд-во Юрайт, 2015.

27 Перевод текста в редакции 2013 г. выполнен А. В. Беловым // См.: Коммерческое право – 2014. № 2. – С. 45-134.

28 Русский пер. с англ. – см.: Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н. Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013.

29 Выполненный В. А. Беловым русский перевод – см.: Коммерческое право – 2014. № 1. – С. 113-209.

25 Белов В. А. Международное торговое право и право ВТО. В 2 Т. Том 2. - М.: Изд-во Юрайт, 2015. – С. 10.

Индекс эквивалентности ведущим юрисдикциям глобально признанных Правил МТП по использованию национальных и международных торговых терминов возрастает с каждой новой публикацией.

Из-за редакционных расхождений отдельных статей Общих условий Типового контракта МТП международной купли-продажи (п. 11.4 о согласованном сторонами снижении цены) с нормами Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (ст. 50-51 о возможности одностороннего уменьшения цены покупателем) и отсутствия в Особых условиях Типового контракта закреплённого в Принципах УНИДРУА 2010 актуального пункта о праве сторон согласовывать отличные от национального закона сроки исковой давности, ко второй группе регуляторов с более низким индексом эквивалентности современному частному праву возможно причислить второе издание комплекта Типового контракта международной купли-продажи товаров в редакции 2013 г. (Публикация МТП № 738). Первая публикация № 556 комплекта Типового контракта МТП в РФ на русском языке появилась в 2001 г.

Третья группа регуляторов, не имеющих аутентичного перевода на русский язык, утверждённого на конференции русскоязычных членов FIDIC, представлена пятью актами *lex constructionis*, рассматриваемой в науке разновидностью *lex mercatoria*³⁰.

Наиболее сложными в третьей группе вненациональных регуляторов являются рекомендательные комплекты типовых договоров, построенные на нормах английского права, дословно поименованные: Условия контракта на поставку оборудования, проектирования и строительства 1999 г. («Жёлтая книга»), Условия контрактов для проектов типа «ИПС» (инжиниринг, прокьюремент, строительство) «под ключ» 1999 г., («Серебряная книга»), когда за содержание проекта отвечает заказчик. Они представляют научно-практический интерес из-за значительно коллидирующих с нормами российского договорного права, но более юридически совершенных, конструкций внесудебной защиты прав сторон в положении кредитора в обязательствах международного строительного подряда.

Все комплекты типовых договоров ФИДИК в целом слабо адаптированы к российской правовой системе, содержат неизвестные российскому праву либо отличные по содержанию (от предусматриваемых российским правом) термины и механизмы, хотя в них учтён баланс рисков сторон. В практике деловых отношений допускается «кумуляция отдельных условий из разных книг»³¹, даже ссылка на отдельные книги при этом необязательна. Этот приём активно используется юридическими консультантами сторон для создания договорных моделей защиты прав. Поэтому расцениваем их эквивалентными современному частному праву в несколько меньшей степени, чем Типовой контракт МТП.

В четвёртой группе, с наименьшим индексом эквивалентности современным позициям в области частного права, видятся Общие условия поставки механической, электрической и электронной продукции: Редакция 2012 г. Брюссель.

(Orgalime S 2012)³², являющихся второй англоязычной публикацией объединения ведущих союзов машиностроения, электро- и металлообрабатывающей промышленности восемнадцати европейских стран. В акте этого промышленного объединения очевидно некоторое превалирующее отражение картельных интересов европейских производителей. Оно проявлено в значительном ограничении пределов одностороннего уменьшения покупателем цены несоответствующего договору товара. Это положение идёт вразрез с прецедентными подходами арбитров при разрешении споров на основе Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, когда допускается снижение цены некачественного товара, который невозможно использовать покупателю этого товара согласно его назначению, вплоть до нуля. Аналогичный предел (не более 15% уменьшение договорной цены выполненных с дефектом работ) воспроизведен в п. 68 Общих условий поставки и монтажа механической, электрической и электронной продукции: Редакция 2014 г. Брюссель (Orgalime SI 2014)³³.

Выработка новых и сохранение более юридически развёрнутых и уточнённых структурных частей конструкций самозащиты прав кредитора, их очищение «от случайных особенностей национальных законодательств»³⁴, перенесение в единообразном виде на наднациональный уровень и улучшаемое апробирование моделей защиты односторонними действиями кредитора в договорной работе сопровождаются повышением правовой культуры юридического и коммерческого сообщества и готовности к интеллектуально-волевому взаимодействию. Даже в отношении неполностью сформировавшихся абстрактных категорий, если они необходимы будущему, наука теории права допускает возможность их действительности³⁵. Сочетание национальных и вненациональных унификационных процессов не противоречит содержанию общеправового понятия интеграция³⁶. В условиях сохраняющихся коллизий в правовой системе российского государства и иностранных кодификациях, контрагентам следует разумно оговаривать в тексте договора применение актов частноправовой унификации в части использования моделей защиты прав на основе вторичных правомочий кредитора.

30 Leguizamo F., Armando C. From *Lex mercatoria* to *Lex Constructionis* (*De Lex Mercatoria a La Lex Constructionis*) // <http://ssm.com/abstract=1492111>

31 Романова В. В. Понятие, особенности и разновидности договоров на строительство и модернизацию энергетических объектов в электроэнергетике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2010. № 2. – С. 52-53.

32 [Электронный ресурс] http://ims.vmt-gmbh.de/en/files/2012/05/ORGALIME_S_2000_RU.pdf (дата обращения: 29.01.2014).

33 [Электронный ресурс] URL: <http://www.orgalime.org/publication/si-14-general-conditions-supply-and-installation-mechanical-electrical-and-electronic> (дата обращения: 28.09.2015).

34 Слыщенко В. А. Место английского частного права в российском юридическом образовании. Рецензия на книгу В. В. Орбинского «Английское договорное право: просто о сложном» // Закон – 2015. № 8. – С. 187.

35 Пономаренко Е. В. Место и роль правового освоения в современной науке теории права // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. № 2. – С. 27.

36 Скурко Е. В. Некоторые аспекты проблемы взаимодействия правовых систем в условиях глобализации // Государство и право. – 2008. № 8. – С. 70.

Пристатейный библиографический список

1. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. – М., 2012.
2. Бар К., Клив Э., Варул П. Предисловие к российскому изданию // Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ. – М.: Статут, 2013.
3. Белов В. А. Кодекс европейского договорного права – European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий: в 2 кн. М.: Изд-во Юрайт, 2015.
4. Белов В. А. Международное торговое право и право ВТО. В 2 Т. Том 2. – М.: Изд-во Юрайт, 2015.
5. Berman H. J., Dasser F. J. The “New” Law Merchant and the “Old”: Sources, Content, and Legitimacy. // *Lex Mercatoria and Arbitration. A Discussion of the New Law Merchant Revised Edition.* Carbonneau T. ed. Kluwer, 1998.
6. Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. – М.: Статут, 2002.
7. Вилкова Н. Г. Саморегулирование сторонами международных контрактов своих отношений – один из элементов современного *lex mercatoria* // Трансграничный торговый оборот и право. – М.: Инфотропик Медиа, 2013.
8. Дёмин А. В. Бинарный подход против относительной нормативности: к дискуссии о «мягком праве» // Закон. – 2014. № 6.
9. Ерпылёва Н. Ю. Международное частное право: учебник. – М., 2011.
10. Комаров А. С. Принципы УНИДРУА как источник транснациональных норм права о международных коммерческих договорах (вступительная статья) // Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / Пер. с англ. А. С. Комарова. – М.: Статут, 2013.
11. Leguizamo F., Armando C. From *Lex mercatoria* to *Lex Constructionis* (*De Lex Mercatoria a La Lex Constructionis*) // <http://ssrn.com/abstract=1492111>
12. Мажорина М. В. Современные тенденции развития права международной торговли // Журнал российского права. – 2014. № 4.
13. Пономаренко Е. В. Место и роль правового освоения в современной науке теории права // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. № 2.
14. Рамберг Я. Международные коммерческие транзакции. – М.: Инфотропик Медиа, 2011.
15. Романова В. В. Понятие, особенности и разновидности договоров на строительство и модернизацию энергетических объектов в электроэнергетике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2010. № 2.
16. Семилютина Н. Г. Глобализация международных хозяйственных связей, информационные технологии и выход на новый уровень диффузии в праве // Журнал российского права. – 2015. № 5.
17. Скурко Е. В. Некоторые аспекты проблемы взаимодействия правовых систем в условиях глобализации // Государство и право. – 2008. № 8.
18. Уруджу И. Восприятие распространённого: четыре круга распространённого, воспринятого в правовой системе Турции // Журнал зарубежного и сравнительного правоведения. – 2014. № 1.

**Противодействие
экстремизму и терроризму
в Крымском федеральном округе:
проблемы теории и практики**

МОНОГРАФИЯ

Монография «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики»

Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общей редакцией С.А. Буткевича. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. – 328 с.

Монография посвящена анализу современных проявлений экстремизма и терроризма. Приведены законодательные и доктринальные определения экстремизма и терроризма, охарактеризованы основные формы и методы экстремистской и террористической деятельности. Определены характерные черты международного экстремизма и терроризма, разработаны предложения и рекомендации по усовершенствованию приемов и способов противодействия данным явлениям, оптимизации форм и методов деятельности субъектов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России, сотрудников правоохранительных органов и работников правозащитных организаций.

Боргояков А. С.

ГАРАНТИЯ СПРАВЕДЛИВОГО И РАВНОПРАВНОГО РЕЖИМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЯХ

Обязательство принимающего инвестиции государства обеспечить справедливое обращение с иностранными инвестициями применяется в договорной практике государств с середины XX в. В настоящее время гарантия справедливого и равноправного режима (СРР) является общепринятым стандартом защиты иностранных инвестиций в рамках международных инвестиционных соглашений.

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы толкования гарантии СРР, вызывающие дискуссию среди теоретиков и практиков, включая проблему взаимосвязанности гарантии СРР и обычных норм международного права.

Ключевые слова: иностранный инвестор, инвестиционный договор, гарантия справедливого и равноправного режима.

Borgoyakov A. S.

STANDARD OF FAIR AND EQUITABLE TREATMENT IN INTERNATIONAL INVESTMENT TREATIES

A host state's obligation to guarantee fair treatment of foreign investments appeared in treaty practice in the mid of 20th century. Now, the standard of fair and equitable treatment (FET) has become a widespread standard of protection of foreign investments under investment treaties.

This article focuses on topical problems of interpretation of the FET standard that cause debates among scholars and practitioners, including the problem of relation of the FET standard to customary international law.

Keywords: foreign investor, investment treaty, standard of fair and equitable treatment.

Боргояков А. С.

Принцип справедливого обращения с иностранными капиталовложениями традиционно рассматривается в качестве одного из фундаментальных принципов международного права по защите и поощрению иностранных инвестиций. В договорной практике государств он нашел свое отражение в гарантии справедливого и равноправного режима (далее – СРР). Типичная формулировка гарантии предполагает обязательство принимающего инвестиции государства (договаривающейся стороны) обеспечивать «на своей территории справедливый режим капиталовложениям инвесторов другой Договаривающейся Стороны в отношении управления и распоряжения ими»¹.

Наиболее ранние примеры предоставления гарантии относятся к серии американских договоров о дружбе, коммерции и навигации (далее – ДКН) середины XX в. Так, в договорах США с Францией, Грецией, Ирландией и Пакистаном стороны гарантировали частным лицам друг друга равноправный режим («equitable treatment»), а в договорах с Эфиопией, ФРГ, Оманом и Нидерландами – справедливый и равноправный режим («fair and equitable treatment»)². Типичная формулировка гарантии в договорах о ДКН предусматривала обязательство договаривающейся стороны «на постоянной основе предоставлять справедливый и равноправный режим гражданам и компаниям другой стороны, а также их собственности, пред-

приятиям и интересам» (Статья I(1.) Договора о ДКН между США и ФРГ 1954 г.).

В настоящее время гарантия получила широкое распространение. Согласно исследованиям, проведенным бывшим генеральным секретарем Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС) профессором И. Шихата, из 335 изученных двусторонних инвестиционных договоров (далее – ДИД) около 92 % содержали ссылку на СРР³. Гарантия предусмотрена также рядом многосторонних соглашений, в частности, Договором о Евразийском экономическом союзе 2014 г.⁴, Договором к Энергетической хартии 1994 г.⁵ и Североамериканским соглашением о свободной торговле 1992 г.⁶ (далее – НАФТА).

При том, что гарантия СРР является практически неотъемлемым элементом современных инвестиционных соглашений, ряд фундаментальных правовых проблем, касающихся ее толкования и применения, в течение длительного времени остаются неразрешенными. В частности, это касается вопроса о содержании гарантии и ее элементов, а также проблемы взаимосвязанности гарантии и обычных норм международного права.

Предполагается, что понятие «справедливый и равноправный режим» может по умолчанию включать в себя

1 Статья 3(1) Типового соглашения между Правительством РФ и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 456 «О заключении соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений» от 9 июня 2001 года (с учетом последующих изменений).

2 UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements: Fair and Equitable Treatment. New York and Geneva: United Nations Publication, UNCTAD/ITE/IT/11 (Vol. III), 1999. Pp. 7–8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unctad.org/en/Docs/psit-eiitd11v3.en.pdf>.

3 I.F.I. Shihata, Legal Treatment of Foreign Investment: The World Bank Guidelines. – Dordrecht: MartinusNijhoff Publishers, 1993. Pp. 233–237.

4 Пункт 68 Приложения № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе // Евразийский экономический союз [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3e9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610>.

5 Статья 10 Договора к Энергетической хартии // Энергетическая хартия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.encharter.org/fileadmin/user_upload/document/RU.pdf.

6 Article 1105 of the North American Free Trade Agreement, International Legal Materials. 1993. Vol. 32.

определенные обязательства принимающего инвестиции государства, имеющие каждое по отдельности самостоятельное правовое содержание и в совокупности формирующие единый стандарт защиты прав иностранного инвестора. К таким обязательствам, в частности, могут относиться обязательства обеспечить стабильность («stability») и прозрачность («transparency») инвестиционного режима, оправдать обоснованные ожидания инвестора относительно гарантированного ему режима инвестиций («investors' legitimate expectations»), добросовестно («good faith») соблюдать контрактные обязательства перед инвестором («compliance with contractual obligations», «pacta sunt servanda»), избегать неправомерного обращения с иностранными инвестициями («arbitrary and abusive treatment»), включая такие формы неправомерного обращения, как дискриминация («discrimination»), принуждение («coercion»), применение силы («duress»), домогательство («harassment») и отказ в правосудии («denial of justice»), а также обеспечить надлежащую правовую процедуру («due process») при разрешении споров⁷. Вопрос о правомерности отнесения вышперечисленных обязательств к гарантии СРР, равно как и вопрос о содержании каждого из них по отдельности, остается дискуссионным.

Трудности толкования гарантии обусловлены, в частности, тем фактом, что при многообразии применяемых формулировок инвестиционные соглашения, как правило, не содержат каких-либо уточнений относительно содержания понятий «справедливый» и «равноправный». Большинство договоров ограничиваются лишь упоминанием этих терминов. Так, типичная формулировка гарантии в договорах с участием Российской Федерации предусматривает следующее: «Капиталовложениям инвесторов каждой из Договаривающихся Сторон всегда предоставляется справедливый и равноправный режим [...] на территории другой Договаривающейся Стороны» (ст. 2(2) ДИД между СССР и Великобританией 1989 г.). Более сложная (подробная) формулировка гарантии приведена в ст. 10 Договора к Энергетической хартии 1994 г.: «Каждая Договаривающаяся Сторона, в соответствии с положениями настоящего Договора, поощряет и создает стабильные, равноправные, благоприятные и гласные условия Инвесторам других Договаривающихся Сторон для Осуществления Инвестиций на ее Территории. Такие условия включают обязательство предоставлять без исключения Инвестициям Инвесторов других Договаривающихся Сторон справедливый и одинаковый режим». Данная формулировка, однако, также не содержит исчерпывающих уточнений относительно содержания и объема гарантии.

В связи с этим значительный вклад в развитие концепции справедливого и равноправного режима иностранных инвестиций вносит практика разрешения споров между инвестором и государством. Так, применительно к указанной выше обязанности государства обеспечить стабильность инвестиционного режима одним из наиболее известных дел является «CMS Gas Transmission Company v Argentina», рассмотренное МЦУИС и затронувшее вопросы толкования гарантии СРР,

предусмотренной в пункте 2.а) ДИД между США и Аргентиной 1991 г. («Инвестициям в любое время предоставляется справедливый и равноправный режим [...] и не может предоставляться режим менее благоприятный, чем требуется в соответствии с международным правом»). Причиной для разбирательства послужило принятие в 2002 г. органами власти Аргентины в рамках мер по разрешению финансового кризиса закона, приравнявшего обменный курс аргентинского песо к курсу доллара США, что привело к убыткам транснациональных корпораций, осуществлявших свою деятельность на территории Аргентины. В ответ на такие действия компания «CMS» инициировала разбирательство в международном арбитраже, заявляя о нарушении ряда стандартов, включая гарантию СРР. В решении по делу было отмечено: «Стабильная правовая и хозяйственная среда является существенным элементом справедливого и равноправного режима»⁸; а также применительно к тарифам, относящимся к деятельности «CMS» в Аргентине (реальный размер которых изменился с принятием закона): «Существовавшие элементы более не присутствуют в режиме, регулирующем хозяйственные операции Истца. В ходе разбирательства было также установлено, что гарантии, предоставленные как часть правового режима, и различные его компоненты имели решающее значение при принятии инвестиционных решений»⁹.

Анализ фактических обстоятельств инвестиционных споров позволяет выявить типичные контексты, в рамках которых (подобно делу «CMS») возникают вопросы толкования гарантии СРР и ее элементов. К числу таких контекстов можно отнести: отзыв у иностранного инвестора лицензии или разрешения на работу (например, «Técnicas Medioambientales Tecmed, S.A. v. United Mexican States»¹⁰ и «Metalclad Corporation v. United Mexican States»¹¹), непоследовательные (противоречивые) действия государственных и (или) местных органов власти (например, «MTD Equity Sdn. Bhd. and MTD Chile S.A. v. Republic of Chile»¹²), изменение законодательства, регулирующего иностранные инвестиции (например, «Occidental Exploration and Production Company v. Republic of Ecuador»¹³ и «Parkerings-Compagniet AS v. Republic of Lithuania»¹⁴) и др. При этом наличие контрактных отношений между инвестором и государством возможно, но необязательно.

Принимая во внимание тот факт, что практическая значимость гарантии СРР проявляется в процессе ее толкования

7 Dolzer R., Schreuer C. Principles of International Investment Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. Pp. 145, 152, 159. Yannaca-Small C. Fair and Equitable Treatment Standard in International Investment Law // OECD Working Papers on International Investment. 2004. № 3. P. 3. UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements II: Fair and Equitable Treatment. New York and Geneva: United Nations Publication, UNCTAD/DIAE/IA/2011/5, 2012. Pp. 81–82. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://unctad.org/en/Docs/unctaddiaeia2011d5_en.pdf.

8 CMS Gas Transmission Company v Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/01/8 (Award of May 12, 2005) // ICSID Reports. 2009. Vol. 14. Para 274.

9 CMS Gas Transmission Company v Argentine Republic. Op. cit. at para 275.

10 Técnicas Medioambientales Tecmed, S.A. v. United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/00/2 (Award of May 29, 2003) // Investment Treaty Arbitration [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://italaw.com/documents/Tecnicas_001.pdf.

11 Metalclad Corporation v The United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/97/1 (Award of August 30, 2000) // Investment Treaty Arbitration [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0510.pdf>.

12 MTD Equity SdnBhd and MTD Chile SA v. Republic of Chile, ICSID Case No ARB/01/7 (Award of May 25, 2004) // Investment Treaty Arbitration [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://italaw.com/documents/MTD-Award_000.pdf

13 Occidental Exploration and Production Company v. The Republic of Ecuador, LCIA Case No. UN3467 (Award July 1, 2004) // Investment Treaty Arbitration [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0571.pdf>.

14 Parkerings-Compagniet AS v. Republic of Lithuania, ICSID Case No. ARB/05/8 (Award of September 11, 2007) // Investment Treaty Arbitration [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0619.pdf>.

и применения в рамках арбитражных разбирательств, изучение выводов, представленных в решениях международных арбитражных судов, позволяет выработать определенную позицию относительно содержания гарантии и ее элементов. Однако существуют отдельные проблемы, решение которых требует более глубокого теоретического анализа. В частности, это касается вопроса о взаимосвязи гарантии и обычных норм международного права. По данному вопросу существует три взаимоисключающие концепции: 1) гарантия является договорным обязательством, содержание которого необходимо устанавливать отдельно в каждом случае, применяя правила Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее – Венская конвенция); 2) гарантия является договорным выражением обычных норм международного права, известных как международный минимальный стандарт обращения с иностранными лицами («international minimum standard of treatment of aliens») (далее – минимальный стандарт), и, соответственно, ограничена содержанием этих норм; 3) гарантия является отдельным (самостоятельным) институтом международного обычного права, и, соответственно, может предполагать отличные (более высокие) стандарты защиты иностранных инвестиций, чем минимальный стандарт.

Как уже отмечалось выше, в международно-правовой практике гарантия СРП возникла в качестве договорной нормы. Со временем она получила настолько широкое распространение, что в настоящее время может рассматриваться в качестве неотъемлемого элемента большинства инвестиционных соглашений. Именно этот факт позволяет высказать предположение, что гарантия могла со временем трансформироваться из договорной нормы в обычную норму международного права. Оценивая возможность подобной трансформации, экс-судья Международного суда ООН С. М. Швель отмечал, что, несмотря на то, что этот процесс (трансформации) трудноуловимый и иллюзорный («subtle and elusive»), он реален и известен международному праву¹⁵. Комиссия международного права ООН описала этот процесс следующим образом: «Общепризнано, что международный договор создает нормы, обязывающие только договаривающиеся стороны на основании взаимности; однако необходимо помнить, что данные нормы становятся общими («become generalized») посредством заключения других аналогичных договоров, содержащих идентичные или схожие положения»¹⁶.

Попытки применить данную логику к гарантии СРП не приводят к однозначным выводам. Так, в деле «ADF Group Inc. v. United States of America» истец (инвестор) утверждал, что гарантия является частью международного обычного права. В решении же по делу отмечалось, что инвестор «не продемонстрировал наличие в существующем международном обычном праве общего и автономного требования [...] предоставить справедливый и равноправный режим [...] иностранным инвестициям»¹⁷. Проблема заключается в том, что наличие повторяющейся или непрерывной практики (например, прак-

тики гарантирования СРП иностранным инвесторам) само по себе «не создает презумпции в пользу существования обычной нормы международного права»¹⁸. Процесс формирования обычной нормы сложный и зависит от множества факторов, которые сводятся к двум принципиальным составляющим: объективной (практика – «usus», «consuetudo») и субъективной (признание практики в качестве юридически обязательной – «*opinio juris*») ¹⁹.

Если о наличии общей практики гарантирования иностранным инвесторам справедливого режима (посредством заключения инвестиционных соглашений) можно с определенной долей уверенности говорить, то свидетельства признания субъектами международного права такой практики в качестве обязательной во всех случаях (за пределами конкретных договорных отношений), скорее всего, нет. Утверждение о том, что гарантия СРП является обычной нормой международного права, означало бы, что государства обязаны предоставлять иностранным инвесторам соответствующий режим вне зависимости от того, имеется ли международный договор, обязывающий их это делать. Такое умозаключение едва ли могло бы считаться верным. В качестве иллюстрации уместно привести пример других распространенных инвестиционных стандартов – режима наибольшего благоприятствования и национального режима, не менее частое применение которых в договорной практике не принято рассматривать как признак появления новых международно-правовых обычаев.

Проблема взаимосвязанности гарантии СРП и норм обычного права усложняется также в связи с позицией отдельных государств, которые в своей практике целенаправленно связывают гарантию с обычными нормами международного права. Речь, в частности, идет о странах – участницах НАФТА. Так, п. 1105(1) НАФТА предусматривает, что принимающее инвестициями государство обязуется обеспечить обращение с иностранными инвестициями в соответствии с нормами международного права, включая справедливый и равноправный режим («fair and equitable treatment»), в то время как заголовок ст. 1105 – «Минимальный стандарт обращения» («Minimum Standard of Treatment»). Таким образом, при определении объема гарантированных обязательств НАФТА предлагает руководствоваться нормами международного обычного права, подпадающими под понятие «минимальный стандарт». Комментируя положения ст. 1105 НАФТА, барристер К. Томас отмечает, что государства в процессе переговоров касательно инвестиционных соглашений видели «ясную и подразумеваемую связь между [...] справедливым и равноправным режимом и международным минимальным стандартом в соответствии с международным обычным правом. Предшествующее рассматривалось как выражение последнего»²⁰.

При этом вопрос о содержании самого минимального стандарта также остается дискуссионным. Предполагается, что он включает в себя минимальный набор принципов, устанавливающих границы надлежащего обращения с иностранными лицами. Эти принципы должны соблюдаться государствами вне зависимости от особенностей их законодательства и качества обращения с собственными гражданами²¹. Клас-

15 Schwebel S. M. The Influence of Bilateral Investment Treaties on Customary International Law // Proceedings of the 98th Annual Meeting of the American Society of International Law. 2004. Vol. 98. P. 29.

16 International Law Commission, Yearbook of the International Law Commission 1960: Documents of the twelfth session including the report of the Commission to the General Assembly. New York: United Nations, 1961. Vol. II [Электронный ресурс]. P. 145 / United Nations. Режим доступа: http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes%28e%29/ILC_1960_v2_e.pdf.

17 ADF Group Inc. v. United States of America, ICSID Case No. ARB (AF) /00/1 (Award of January 9, 2003) // ICSID Review – Foreign Investment Law Journal. 2003. Vol. 18. Para 183.

18 Тункин Г. И. Теория международного права / Под общей ред. Л. Н. Шестакова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2015. С. 99.

19 Международное право: Учеб. для бакалавров / Под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: Изд-во Юрайт, 2012. С. 85.

20 Thomas J. C. Reflections on Article 1105 of NAFTA: History, State Practice and the Influence of Commentators // ICSID Review – Foreign Investment Law Journal. 2002. Vol. 17 (1). P. 50.

21 C. Yannaca-Small. Op. cit. P. 8.

сическое описание такого обращения с иностранным лицом, которое нарушало бы минимальный стандарт, было дано Комиссией по претензиям между США и Мексикой по делу «Neer&Neer v. Mexico» 1926 г. Такое обращение является «возмутительным, недобросовестным, намеренным нарушением обязательства, или недостаточность действий государства настолько ниже международных стандартов, что любое разумное и беспристрастное лицо признает недостаточность таких действий»²². Настолько пространное описание минимального стандарта неизбежно пересекается с содержанием гарантии СРР, но и не позволяет утверждать, что последнее является выражением предыдущего.

С учетом вышеизложенного разумным представляется подход, в соответствии с которым толкование гарантии должно осуществляться индивидуально в каждом отдельном случае в зависимости от ее конкретных формулировок и без учета каких-либо априорных установок (т.е. без придания гарантии заранее определенного смысла и содержания). При этом если гарантия отсылает к обычному праву, ее содержание должно быть ограничено соответственно. Если такой отсылки нет, предполагается, что она может предусматривать отличный (более высокий) уровень защиты²³. Так, в деле «Azurix Corp. v. Argentine Republic» при толковании гарантии СРР, предусмотренной в ст. II.2(а) ДИД между США и Аргентиной 1991 г., арбитры пришли к выводу, что гарантия, как она сформулирована в договоре, представляет собой более высокий стандарт защиты, чем предусмотрен общим международным правом²⁴. Данный вывод был сделан со ссылкой на ст. 31.1 Венской конвенции, которая, в частности, требует при толковании договоров руководствоваться обычным значением терминов с учетом контекста. Необходимо отметить, что формулировка гарантии в ДИД устанавливала дополнительное требование о том, что обращение с инвестициями не должно быть по качеству ниже, чем предусмотрено международным правом. Комментируя это положение, арбитры отметили: «Целью третьего предложения является установление нижнего, а не верхнего порога для того, чтобы избежать возможного толкования соответствующих стандартов ниже, чем требуется в соответствии с международным правом»²⁵. Таким образом, был сделан вывод о более высоком уровне защиты, предоставляемом гарантией СРР по сравнению с минимальным стандартом.

Принимая во внимание тот факт, что проблемы толкования гарантии, включая вопрос о ее взаимосвязи с международным обычным правом, остаются пока неразрешенными, подход арбитров в деле «Azurix», применивших принцип буквального толкования положений договора, можно считать предпочтительным, в то время как утверждение о том, что гарантия СРР является независимой нормой международного обычного права или является лишь выражением или составной частью минимального стандарта, представляется преждевременным.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что практика разрешения споров, затрагивающих вопросы толкования гарантии СРР, в настоящее время не выработала единых подходов относительно ее содержания и объема, в то время как анализ проблем, возникающих в процессе толкования

гарантии в том или ином договоре, выявляет существенные практико-теоретические трудности, связанные с невозможностью однозначного определения правовой природы гарантии, что требует ее глубокого теоретического осмысления с учетом накопленной практики разрешения споров между инвестором и государством.

Пристатейный библиографический список

1. Тункин Г. И. Теория международного права / Под общей ред. Л. Н. Шестакова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2015.
2. Международное право: Учеб. для бакалавров / под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: Изд-во Юрайт, 2012.
3. Dolzer R., Schreuer C. Principles of International Investment Law. Oxford: Oxford University Press, 2012.
4. Dugan C. F., Wallace Jr. D., Rubins N. D., Sabahi B. Investor-State Arbitration. Oxford: Oxford University Press, 2008.
5. Yannaca-Small C. Fair and Equitable Treatment Standard in International Investment Law // OECD Working Papers on International Investment. 2004. № 3.
6. Schwebel S. M. The Influence of Bilateral Investment Treaties on Customary International Law // Proceedings of the 98th Annual Meeting of the American Society of International Law. 2004. Vol. 98.
7. Thomas J. C. Reflections on Article 1105 of NAFTA: History, State Practice and the Influence of Commentators // ICSID Review — Foreign Investment Law Journal. 2002. Vol. 17 (1).
8. UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements: Fair and Equitable Treatment. — New York and Geneva: United Nations Publication, UNCTAD/ITE/IT/11 (Vol. III), 1999. 79 pp. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://unctad.org/en/Docs/psiteitd11v3_en.pdf.
9. UNCTAD Series on Issues in International Investment Agreements II: Fair and Equitable Treatment. New York and Geneva: United Nations Publication, UNCTAD/DIAE/IA/2011/5, 2012. 141 pp. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://unctad.org/en/Docs/unctadaddiaea2011d5_en.pdf.
10. International Law Commission, Yearbook of the International Law Commission 1960: Documents of the twelfth session including the report of the Commission to the General Assembly. — New York: United Nations, 1961. Vol. II [Электронный ресурс] / United Nations. Режим доступа: http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes%28e%29/ILC_1960_v2_e.pdf.
11. ADF Group Inc. v. United States of America, ICSID Case No. ARB (AF) /00/1 (Award of January 9, 2003) // ICSID Review — Foreign Investment Law Journal. 2003. Vol. 18.
12. Azurix Corp. v. Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/01/12 (Award of July 14, 2006) // ICSID Reports. 2009. Vol. 14.
13. CMS Gas Transmission Company v. Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/01/8 (Award of May 12, 2005) // ICSID Reports 2009. Vol. 14.
14. Metalclad Corporation v. The United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/97/1 (Award of August 30, 2000) // Investment Treaty Arbitration [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0510.pdf>.

22 Neer&Neer v. Mexico (Opinion of October 15, 1926) // American Journal of International Law. 1927. Vol. 21 (3). P. 556.

23 Dugan C. F., Wallace D. Jr., Rubins N. D., Sabahi B. Investor-State Arbitration. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 496.

24 Azurix Corp. v. Argentine Republic, ICSID Case No. ARB/01/12 (Award of July 14, 2006) // ICSID Reports. 2009. Vol. 14. Para 359.

25 Azurix Corp. v. Argentine Republic. Op. cit. at para 361.

15. MTD Equity SdnBhd and MTD Chile SA v. Republic of Chile, ICSID Case No ARB/01/7 (Award of May 25, 2004) // Investment Treaty Arbitration [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://italaw.com/documents/MTD-Award_000.pdf.
16. Neer&Neer v. Mexico (Opinion of October 15, 1926) // American Journal of International Law. 1927. Vol. 21 (3).
17. Occidental Exploration and Production Company v. The Republic of Ecuador, LCIA Case No. UN3467 (Award July 1, 2004) // Investment Treaty Arbitration [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0571.pdf>.
18. Parkerings-Compagniet AS v. Republic of Lithuania, ICSID Case No. ARB/05/8 (Award of September 11, 2007) // Investment Treaty Arbitration [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0619.pdf>.
19. Técnicas Medioambientales Tecmed, S.A. v. United Mexican States, ICSID Case No. ARB(AF)/00/2 (Award of May 29, 2003) // Investment Treaty Arbitration [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://italaw.com/documents/Tecnicas_001.pdf.
20. Договор к Энергетической хартии // Энергетическая хартия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.encharter.org/fileadmin/user_upload/document/RU.pdf.
21. Договор о Евразийском экономическом союзе // Евразийский экономический союз [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610>.
22. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о поощрении и взаимной защите капиталовложений // ВОИС [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/gb-ru/trt_gb_ru_001ru.pdf.
23. Типовое соглашение между Правительством РФ и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений, утвержденное Постановлением Правительства РФ № 456 «О заключении соглашений между Правительством Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений» от 9 июня 2001 года (с учетом последующих изменений).
24. North American Free Trade Agreement, International Legal Materials. 1993. Vol. 32.
25. Treaty between United States of America and the Argentine Republic concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of Investment // US Department of State [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.state.gov/documents/organization/43475.pdf>.
26. Treaty of Friendship, Commerce and Navigation between the United States of America and the Federal Republic of Germany // US Department of Commerce [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tcc.export.gov/Trade_Agreements/All_Trade_Agreements/exp_005344.asp

Бондаренко Виктор Николаевич
 доктор философских наук, профессор.
 Опубликовал более восьмидесяти научно-философских произведений, а также восемнадцать поэтических сборников. В том числе: монографии – «Из опыта философского исследования методологии и теории марксистского социализма» (Уфа, 1990); «Марксистская светская религия» (Уфа, 1994); «Методологические принципы гносеологической концепции классического марксизма» (Уфа, 1997); философские поэмы – «Диалог Сократа и Ф. Ницше» (Уфа, 2005); «Беседа Г. Гегеля и А. Шопенгауэра» (Уфа, 2006); «Книга перемён» (Уфа, 2008); «Небесные беседы с Лао-цзы» (Уфа, 2010).

В.Н. Бондаренко

Полёт над бездной

Нуруллоев А. А.

СИСТЕМА ИСТОЧНИКОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЫНОВЛЕНИЯ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

В статье проанализированы основные подходы к построению системных связей между источниками правового регулирования усыновления с иностранным элементом и предложен новый механизм взаимосвязи предмета усыновления с кругом источников права. В качестве оптимального способа автор предлагает выделять материально-правовые основы и процессуальные особенности устройства детей – граждан Российской Федерации в родительские отношения с иностранным гражданином.

Ключевые слова: усыновление, иностранное усыновление, международное усыновление, усыновление с иностранным элементом.

Nurullov A. A.

SYSTEM OF SOURCES OF LEGAL REGULATION OF ADOPTIONS WITH A FOREIGN ELEMENT

In this article basic approaches to construction of system connections between sources of legal regulation of adoption with a foreign element are analysed. The author has offered the new mechanism of interrelation of a subject of the institute of adoption with the range of sources of law. As an optimal method the author proposes material and legal bases and remedial features of arrangement of children – the citizens of the Russian Federation in parental relations with the foreign citizen.

Keywords: adoption, foreign adoption, international adoption, adoption with a foreign element.

Нуруллоев А. А.

Проблеме построения системных связей между источниками правового регулирования усыновления с иностранным элементом в современной науке уделено большое внимание. В правовой доктрине сложились целые направления, объясняющие приоритет тех или иных источников права в регламентации данного рода отношений. Однако в силу многих объективных факторов, напрямую связанных с проводимой национальными правительствами политикой в области охраны детей, сегодня вопрос соотношения тех или иных нормативно-правовых актов в области усыновления вновь приобрел свою актуальность. При этом складывающаяся международная обстановка непосредственно влияет на изменение традиционных подходов к структурным элементам системы правового регулирования усыновления с иностранным компонентом, выдвигая на первый план национальное законодательство стран – участниц различных межгосударственных соглашений в этой сфере.

Поднимая вопрос о правовых регуляторах усыновления, специалисты используют различные критерии для объединения их в определенные группы. Наиболее распространенным подходом выступает деление источников права в зависимости от уровня их принятия. В частности, нормы об усыновлении с иностранным элементом традиционно ранжируются на международно-правовые и национально-правовые¹. Отдельные авторы, апеллируя особенностями некоторых правовых систем, добавляют в указанную систему регионально-правовой уровень, что подтверждается практикой регламентации семейных правоотношений в США, ФРГ, Индии².

Собственно, территориальный аспект в данной системе нормативных документов соответствует нормативистской теории права. Согласно такому восприятию любая совокупность правовых норм, в том числе в области усыновления с иностранным элементом, имеет исторически сложившуюся иерархию пирамидального типа, во главе которой всегда находится первостепенная норма, а все остальные должны определенным образом соответствовать ей³. Применяя данную формулу к регламентации усыновления, ученые пришли к выводу, что главенствующий характер всегда должны иметь акты международного права, составляющие фундамент для развития иных правовых регуляторов семейных отношений⁴.

При этом четкого объяснения, почему именно международный уровень является высшим в системе юридического обеспечения усыновления с иностранным элементом, в большинстве случаев не наблюдается. В частности, в качестве аргумента называются положения российской Конституции, которая установила приоритет международного права над национальным⁵, в то время как значение межгосударственных соглашений Российской Федерации по поводу усыновления не велико.

Также в качестве довода в пользу приоритета международно-правовых источников выдвигаются идеи об унификации правового регулирования в области усыновления и выработке общей правовой модели семейных отношений между

1 См.: Фащевская Д. И. Усыновление в международном частном праве // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 31. С. 239.

2 См.: Кирюшина В. В., Николаев Б. В. Международное усыновление: законодательство и практика применения в России и США // В сборнике: Государство, общество, право. Межвузовский сборник научных статей / под общей редакцией Б. В. Николаева. Пенза, 2014. С. 38.

3 Курдюкова З. Н., Шишкин Е. А. Общетеоретические проблемы нормативистского правопонимания // Апробация. 2014. № 11. С. 96.

4 Пухарт А. А. Многосторонние и двусторонние международные соглашения в области усыновления // В сборнике: Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей Международной научно-практической конференции памяти профессора В. К. Пучинского. Москва, 2013. С. 169.

5 Попова Ю. В., Казанцева А. Ю. Сущность и нормативно-институциональные основы государственной политики РФ в области международного усыновления // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67). С. 196.

государствами⁶. С данным подходом трудно согласиться хотя бы в силу тех национально-территориальных особенностей, которые присутствуют в каждой стране мира относительно семейной жизни и воспитания детей. К тому же вертикальность правового регулирования в этом ракурсе представляется довольно искусственной, поскольку международные акты всегда имеют договорную основу, общим принципом которой выступают интересы каждого конкретного государства, решающего вопрос о приемлемости применения тех или иных международно-правовых норм в своей национальной правовой системе.

Как показала богатая практика построения межгосударственных отношений, соглашения самого разного содержания, в том числе по вопросам усыновления с иностранным элементом, всецело зависят от проводимой правительством политики. Международные договоры могут длительное время не подписываться, что ярко наблюдалось на примере Конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 г., а также не исполняться, причем даже на двустороннем уровне, что достаточно наглядно прослеживалось в решении вопросов усыновления между Российской Федерацией и США. Вследствие этого отдельные международные соглашения довольно быстро денонсируются, не вызывая серьезной реакции со стороны как международного сообщества, так и граждан страны.

В связи с этим в нормативистской концепции усыновления с иностранным элементом присутствует дискуссионность по целому ряду вопросов. Одним из них выступает проблема установления «главствующей нормы», в качестве которой отдельные исследователи называют вовсе не международные акты, а национальное законодательство конкретного государства⁷. Такой подход обоснован продолжительной практикой построения отношений Российской Федерации с другими странами и нестабильностью международно-правовых регуляторов в области усыновления на современном этапе. Поэтому сторонники данной точки зрения придают определяющее значение Семейному кодексу и комплексу федеральных законов, опосредующих процесс усыновления иностранными гражданами российских детей⁸. В большей степени приоритет национального права на международном в вопросах усыновления обусловлен административно-правовой природой самих отношений, которые предшествуют факту передачи ребенка иностранным усыновителям, а равно усыновления иностранного ребенка российскими гражданами. Учитывая, что значительный комплекс норм направлен на регламентацию деятельности соответствующих органов государственной власти и местного самоуправления, компетентных в решении вопросов усыновления, административно-правовой подход справедливо придает международным соглашениям факультативный характер.

6 Марышева Н. И. Международная унификация в области семейного права: вопросы усыновления // Журнал российского права. 2012. № 5 (185). С. 98.

7 Князева Е. Ю. Правовое регулирование усыновления детей – граждан Российской Федерации иностранными гражданами. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2006. С. 71, 75.

8 Абрамова С. А. Защита прав и интересов детей – граждан России при их усыновлении иностранными гражданами и лицами без гражданства по законодательству Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Российский государственный социальный институт. Москва, 2008. С. 42.

Вместе с тем доминат национального законодательства над международным правом противоречит общей идее интеграции в международное сообщество, на которой строится правовая политика многих зарубежных государств. Особенно актуальна данная проблема в странах, входящих в международные организации, занимающиеся гармонизацией и унификацией норм в этой сфере. Прежде всего, это Европейский союз, Совет Европы, Содружество Независимых Государств. Однако нельзя обойти вниманием тот факт, что на наднациональном уровне правового усыновления сложился целый комплекс соглашений, принятых на базе разных международных организаций, вследствие чего определить приоритет в системе источников международно-правового регулирования в настоящий момент довольно сложно.

Так, на базе ООН системные связи основных нормативных документов в области усыновления, в целом, соответствуют нормативистскому подходу, столь активно применяемому на национальном уровне. В частности, документы ООН ранжированы по принципу специализации содержащихся в них норм:

– Декларация прав ребенка 1959 г.⁹, признающая усыновляемых детей в качестве субъектов права и наделяющая их соответствующим правовым статусом;

– Конвенция прав ребенка 1989 г.¹⁰, содержащая основные принципы применения средств защиты прав детей в процессе их усыновления;

– Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях 1986 г.¹¹;

– Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 г.¹², которая непосредственно регламентирует правоотношения по усыновлению, в том числе устанавливает процедурные нормы.

Указанная система международных актов логична и обоснована на уровне ООН. В теории международного права данные соглашения квалифицируются как универсальные, т.е. действующие в отношении большинства стран по регулируемому вопросу¹³. В связи с этим договоры, принятые на базе Совета Европы или СНГ, принято именовать региональными в силу их ограниченного территориального действия¹⁴. Однако

9 Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. С. 385–388.

10 Конвенция о правах ребенка (Принята 20.11.1989 Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. С. 388–409.

11 Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (Принята 03.12.1986 Резолюцией 41/95 Генеральной Ассамблеи ООН) // Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на сорок первой сессии. 16 сентября – 19 декабря 1986 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Сорок первая сессия. Дополнение N 53 (A/41/53).- Организация Объединенных Наций. С. 328–330.

12 Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления (Заключена в г. Гааге 29.05.1993) // Международное частное право. Сборник документов. - М.: БЕК, 1997. С. 712–720.

13 См.: Талалаев А. Н., Шестаков Л. Н. Право международных договоров: Монография. Москва: Зерцало, 2009. С. 112–116.

14 См.: Белис Л. В. Международные договоры-конвенции как источники правового регулирования прав человека // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 31. С. 195.

в действительности никакой принципиальной разницы между данными документами не сложилось. По сложившемуся принципу, каждый международный договор требует присоединения того или иного государства к факту его подписания. Кроме политического значения, статус самой организации, на базе которой заключается соглашение, не влияет на «увеличение» или «уменьшение» юридической силы документа. Вследствие этого представляется не вполне корректным полагать, что конвенции ООН имеют какой-либо приоритет над действием договоров, подписанных на базе ЕС, СНГ, Совета Европы либо иного наднационального института.

Несмотря на этот справедливый тезис, ряд исследователей придерживаются мнения о различиях в юридической силе документов в зависимости от статуса международной организации. Не обошла данная проблема стороной и вопросы усыновления с иностранным элементом, где любая характеристика международных источников, как правило, завязана на классическом делении договоров на «универсальные» и «региональные»¹⁵. Объясняется противоречивость такого подхода весьма узкими рамками нормативистской концепции, которая весьма удачно применима в плоскости административно-правового обеспечения усыновления, но совершенно не состоятельна в части установления круга источников международно-правового регулирования. Вследствие этого многими авторами предпринимается попытка необоснованной градации международных договоров в области усыновления по юридической силе, где, в частности, документы, принимаемые СНГ, ставятся почему-то «ниже» по статусу, чем аналогичные регламенты Совета Европы и ООН.

Таким образом, уровневый подход в построении системы источников правового регулирования усыновления с иностранным элементом представляется в настоящее время устаревшим и противоречивым. При этом следует отметить, что приоритет международных или национальных норм не имеет определяющего значения, поскольку при установлении правовой базы усыновления необходимо руководствоваться всеми сложившимися нормами в комплексе. Также нормативистская концепция не объясняет случаи применения правовых обычаев к отдельным аспектам усыновления, несмотря на то, что формально данная возможность закреплена в действующем российском гражданском законодательстве. Равным образом не учитывается в рамках данного подхода обширная совокупность международных актов, направленных на упорядочение правоотношений по поводу усыновления с иностранным элементом.

Несмотря на повышенное внимание научного сообщества к проблемам установления системы источников правового регулирования усыновления, альтернативных точек зрения в отечественной правовой доктрине практически не выдвигалось. Поэтому представляется значимым в рамках проводимого исследования выдвинуть собственную позицию касательно данного вопроса с учётом реалий современных международных отношений и сложившихся особенностей национального права.

Исторический опыт регулирования вопросов усыновления в России показывает, что данный институт всегда находился в прямой зависимости от государства. Поэтому цен-

тральным критерием построения круга источников правовой регламентации этих отношений служит их отраслевая принадлежность. Однако в рамках определения правовой природы усыновления с иностранным элементом единства у ученых так же не наблюдается.

С одной стороны, усыновление выступает институтом семейного права, включающего нормы об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей. Это подтверждается наличием в Семейном кодексе Российской Федерации условий усыновления иностранными гражданами. С другой стороны, анализируемый институциональный аспект имеет комплексный характер, потому что усыновление, помимо материальных норм, регламентируется также процессуальным законодательством и нормативными актами, имеющим административно-правовую природу¹⁶. Вследствие этой особенности в юридической науке принято выделять в усыновлении с иностранным элементом два соответствующих типа правоотношений – материальные и процессуальные¹⁷.

По такому же принципу построены и международные акты, направленные на регламентацию усыновления. В этой связи можно объяснить, почему даже в рамках одной международной организации, будь то ООН или СНГ, существует несколько нормативных документов по одному и тому же вопросу. Как правило, один из них устанавливает материально-правовую основу, а другой более подробно регламентирует процедуру.

Например, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в Минске в 1993 г., содержит базовые принципы коллизионного регулирования правоотношений по усыновлению, которые детализированы в Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Кишиневе в 2002 г.

В содержательном плане можно провести аналогию и в отношении других региональных организаций, регламентирующих усыновление с иностранным элементом. Так, в рамках Совета Европы в настоящее время действует Европейская конвенция об усыновлении детей 2008 г., которая исторически является вторым специализированным актом, принятым данной организацией по вопросам усыновления. В отличие от Конвенции об усыновлении детей от 1967 г., Европейская конвенция содержит развернутый перечень норм процессуального характера, вследствие чего можно заключить, что документ 1967 г. установил материально-правовые принципы усыновления, а Конвенция 2008 г. – процессуально-правовые.

Из сказанного следует ключевой вывод о системообразующем свойстве предмета правового института усыновления с иностранным элементом. Характер правоотношений, выделяемых внутри него, предопределяет круг источников права, которые необходимо рассматривать в едином комплексе без выделения уровня их принятия. Соответственно, применительно к Российской Федерации в систему правового регулирования усыновления с иностранным элементом включаются нормативно-правовые акты, регламентирующие материально-правовые основы и процессуальные особенности устройства детей – граждан Российской Федерации в родительские отношения с иностранным гражданином.

15 См.: Бутенко А. А. К вопросу законодательного регулирования отношений по усыновлению иностранными гражданами детей, имеющих российское гражданство // В сборнике: Актуальные проблемы частного и публичного права сборник научных статей по итогам всероссийской научно-практической конференции. редкол.: А. П. Алексеев, Н. В. Котельников, Д. А. Дибиргаджиева. 2011. С. 69.

16 Шерстнева Н. С. Нормативное закрепление принципов семейного права при усыновлении детей иностранными гражданами // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2. С. 100.

17 Бородич К. Ю. Усыновление детей – граждан России иностранными гражданами. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2005. С. 58.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамова С. А. Защита прав и интересов детей – граждан России при их усыновлении иностранными гражданами и лицами без гражданства по законодательству Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2008.
2. Белис Л. В. Международные договоры-конвенции как источники правового регулирования прав человека // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 31.
3. Бородич К. Ю. Усыновление детей – граждан России иностранными гражданами: Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005.
4. Бутенко А. А. К вопросу законодательного регулирования отношений по усыновлению иностранными гражданами детей, имеющих российское гражданство // В сборнике: Актуальные проблемы частного и публичного права сборник научных статей по итогам всероссийской научно-практической конференции. редкол.: А. П. Алексеев, Н. В. Котельников, Д. А. Дибиргаджиева. 2011.
5. Кирюшина В. В., Николаев Б. В. Международное усыновление: законодательство и практика применения в России и США // В сборнике: Государство, общество, право Межвузовский сборник научных статей / под общей редакцией Б. В. Николаева. Пенза, 2014.
6. Князева Е. Ю. Правовое регулирование усыновления детей – граждан Российской Федерации иностранными гражданами. Дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.
7. Курдюкова З. Н., Шишикин Е. А. Общетеоретические проблемы нормативистского правопонимания // Апробация. 2014. № 11.
8. Марышева Н. И. Международная унификация в области семейного права: вопросы усыновления // Журнал российского права. 2012. № 5 (185).
9. Попова Ю. В., Казанцева А. Ю. Сущность и нормативно-институциональные основы государственной политики РФ в области международного усыновления // Вестник Омского университета. 2013. № 1 (67).
10. Пухарт А. А. Многосторонние и двусторонние международные соглашения в области усыновления // В сборнике: Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире. Сборник статей Международной научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского. Москва, 2013.
11. Талалаев А. Н., Шестаков Л. Н. Право международных договоров. Монография. Москва: Зерцало, 2009.
12. Фащевская Д. И. Усыновление в международном частном праве // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 31.
13. Шерстнева Н. С. Нормативное закрепление принципов семейного права при усыновлении детей иностранными гражданами // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2.

Ромашин И. В.

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФУТБОЛЬНЫХ ТРАНСФЕРОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Настоящая статья представляет собой короткий экскурс в рассмотрение вопроса о правовом регулировании трансграничных трансферных сделок в сфере футбола в отношении несовершеннолетних как особой категории субъектов – участников трансграничных частноправовых отношений.

Настоящая статья подготовлена в рамках написания кандидатской диссертации на тему «Трансграничные трансферные сделки в сфере профессионального спорта».

В статье представлен механизм регулирования подобных отношений, взяты прецеденты из практики, в том числе судебной.

Главная задача автора – проанализировать особый правовой статус несовершеннолетнего игрока, его отличие от совершеннолетнего; рассмотреть регламентацию правовых отношений с его участием.

Ключевые слова: право, МЧП, спортивное право, футбол, футбольный клуб, несовершеннолетний, правовое регулирование.

Ромашин И. В.

Romashin I. V.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL FOOTBALL TRANSFERS OF MINORS

This article is a short excursus in the consideration of issue about legal regulation of cross-border football transfer deals concerning minors as a special class of individual members of cross-border private law relations.

The article is presented as a part of legal research and legal writing of master's thesis "Cross-border transfer deals in the area of professional sport".

In the article there's information about the mechanism of legal regulation of the transfer deals concerning minors. Partly in the article were used examples of sport and court practice.

The main target of the author was to analyze special legal status of minor sport player, the difference between him and adult player; to consider regulation of legal relations with the participation of minors.

Keywords: law, international private law, sport law, football, football club, minor, legal regulation.

13 апреля 2015 года. Ньон, Швейцария.

18:00.

Футбольный стадион «Коловрэ» маленького швейцарского города Ньона буквально кипит от безумия и эмоций.

Не более как 10 минут назад прозвучал финальный свисток голландского рефери Сердара Гезюбююка, ознаменовавший окончание второго в истории футбольного турнира «Юношеская Лига УЕФА» сезона 2014/2015.

В финале украинский «Шахтер» был бит юными представителями футбольного клуба «Челси» из Великобритании. Счет на табло 2:3 в пользу лондонцев¹.

Главный приз турнира – кубок, в руках капитана «Челси» англичанина Айзайя Брауна, дважды отличившегося забитыми мячами.

Состав победителя буквально пестрит экзотическими именами и фамилиями, такими как: Ола Айна, Андреас Кристенсен, Джей Дасилва, Чарли Мусонда, Жереми Бога, уже упомянутый Айзайя Браун, Рубен Лофтус-Чик, Доминик Соланке, Тэмми Абрахам.

После прочтения вышеуказанных имен и фамилий совершенно логично возникает вопрос: «Какова национальная принадлежность молодых футболистов? Все ли из них имеют национальный паспорт Великобритании либо часть из них представляет иные национальные футбольные ассоциации?».

Проанализировав происхождение молодых футболистов «Челси», оказывается, что лишь трое из вышеперечисленных – граждане/подданные иностранных государств.

Так, защитник Андреас Кристенсен 10 апреля 1996 года рождения представляет Данию, атакующий полузащитник Чарли Мусонда 15 октября 1996 года рождения является подданным Королевства Бельгии и нападающий Жереми Бога 3 января 1997 года рождения имеет французский паспорт.

Возникает вопрос, имеют ли право футбольные клубы привлекать в юношеские академии с последующим заключением полноценного контракта несовершеннолетних представителей зарубежных футбольных академий?

Стоит, прежде всего, определиться с тем, кто ответственен за регулирование и разрешение подобных вопросов. ФИФА, УЕФА, национальные футбольные союзы?

Ответ прост – каждая футбольная ассоциация, начиная с национального футбольного союза, заканчивая ФИФА – международной футбольной ассоциацией.

ФИФА – международная футбольная ассоциация, ставящая в качестве одной из своих важнейших задач – повсеместное распространение футбола и защиту игроков от нарушения их прав, позаботилась и о молодых спортсменах, безусловно, нуждающихся в особой правовой защите ввиду множества факторов, например, возможности совмещать спортивную деятельность с одновременным получением основного полноценного образования в учебных заведениях.

Так, в 2009 г. была установлена официальная возрастная граница: несовершеннолетним признается игрок, не достиг-

¹ «В шаге от триумфа...» «Шахтер» – «Челси» - 2:3. Молодежная Лига чемпионов. Финал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.footballfox.net/ligi-chempionov/12944-v-shage-ot-triumfa-shahter-chelsi-23-molodezhnaya-liga-chempionov-final-video.html>

ший 18 лет². Также в Регламенте ФИФА дается определение понятию «академия», под которым понимается организация или независимое юридическое лицо, чьей основной долгосрочной целью является предоставление игрокам долгосрочной подготовки при предоставлении необходимых тренировочных условий и инфраструктуры. Прежде всего, футбольные академии должны предоставлять футбольные поля, тренировочные центры, лагеря, футбольные школы, но при этом не ограничиваться лишь этим. Дополнительная ответственность, в соответствии с документом ФИФА, возлагается на национальные футбольные союзы, а также футбольные клубы.

Каждый футбольный клуб, имеющий юридические, финансовые или фактические связи с футбольной академией, должен представлять регулярные отчеты обо всех несовершеннолетних игроках в ту национальную футбольную ассоциацию, на территории которой работает академия.

В свою очередь, каждая национальная ассоциация должна, во-первых, удостовериться, чтобы все футбольные академии, не имеющие связей с футбольными клубами, самостоятельно сообщали обо всех несовершеннолетних игроках, которые посещают футбольную академию с целью обучения, а во-вторых, вести учет всех несовершеннолетних игроков, информацию о которых предоставляют футбольные клубы и независимые футбольные академии.

Важно, что за нарушение вышеуказанных требований в отношении футбольных клубов, их академий, независимых футбольных академий, а также национальных ассоциаций установлены определенные санкции.

Отвечая на главный вопрос настоящей статьи: «Имеют ли право футбольные клубы или независимые академии проводить международные трансферы несовершеннолетних игроков?», ФИФА дает четкий ответ: «Нет». Такие переходы запрещены. Как постоянные, так и временные.

Однако, учитывая сегодняшнее обилие в футбольных клубах, их академиях несовершеннолетних иностранных игроков, не трудно догадаться, что из каждого правила есть исключения.

Так, в соответствии с текстом ст. 19 главы 6 Регламента по статусу и переходам футболистов ФИФА, таковыми исключениями являются:

- родители игрока переезжают в страну, где находится новый клуб, по причинам, не связанным с футболом. Так, согласно, настоящему исключению из правил, в соответствии с официальными комментариями ФИФА, термин «родитель» трактуется ассоциацией очень строго. Например, факт сожительства несовершеннолетнего игрока даже с близким родственником в стране нового клуба не является достаточным основанием для соответствия данному исключению;

- переход игрока осуществляется на территории Европейского союза (ЕС) или Европейской экономической зоны (ЕЭЗ), а возраст игрока составляет от 16 до 18 лет. В этом случае клуб должен выполнить следующие минимальные обязательства:

- он должен дать игроку адекватное футбольное образование и/или подготовку, соответствующую высочайшим национальным стандартам;

- он должен гарантировать игроку высшее и/или школьное и/или профессиональное обучение и/или подготовку, помимо его футбольного обучения и/или подготовки, что по-

зволит игроку, если он оставит профессиональный футбол, заняться другой, не связанной с футболом, карьерой;

- он должен сделать все необходимое для обеспечения надлежащего ухода за игроком (оптимальный уровень жизни в принимающей его семье или в месте проживания, предоставляемом клубом, назначение клубом наставника и пр.);

- после регистрации такого игрока он должен предоставить соответствующей ассоциации подтверждение того, что он выполняет приведенные выше обязательства;

- игрок проживает не далее 50 километров от границы государства, и клуб соседней ассоциации, в котором хочет зарегистрироваться игрок, также находится не далее, чем 50 километров от этой границы. Максимальное расстояние между местом жительства игрока и местом нахождения клуба должно составлять 100 километров. В таких случаях игрок должен жить по-прежнему дома, а две соответствующие ассоциации соседствующих государств должны ясно подтвердить свое согласие.

В новейшей редакции Регламента и его официальном толковании ФИФА подчеркивает, что несовершеннолетний игрок, переехавший в страну, гражданином которой он не является, вправе обратиться с заявлением о регистрации его как футболиста нового клуба только в случае, если его ситуация подпадает под вышеуказанные исключения из правил. В ином случае такому игроку придется ждать до достижения возраста 18 лет.

При этом несовершеннолетние, родившиеся в стране нового клуба либо прожившие значительную часть жизни в такой стране, не подпадают под действие вышеуказанного правила и с точки зрения спортивной культуры приравниваются к гражданам такого государства.

Анализ текста двух последних абзацев позволяет сделать вывод о том, что ФИФА с каждым новым годом пытается предоставить все большую защиту прав несовершеннолетних игроков, всячески исключая попытки переманивания игроков зарубежными клубами.

Подчеркивая особую политику и заботу в отношении защиты прав несовершеннолетних игроков, совершающих международный трансферный переход из одной футбольной ассоциации в другую, в соответствии с выделенными выше исключениями, ФИФА была регламентирована специальная процедура одобрения трансферной сделки с участием несовершеннолетнего игрока.

Такой переход проходит обязательную процедуру одобрения подкомитетом, специально назначенным Комитетом ФИФА по статусу игроков для рассмотрения данного вопроса, в случае нарушения которой Дисциплинарный комитет ФИФА вправе подвергнуть санкциям соответствующие лица. Российской футбольный союз, выступающий национальной ассоциацией – членом ФИФА, в Регламенте РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов полностью дублирует положения ФИФА по вопросу процедуре оформления регистрации несовершеннолетнего игрока.

Политику действующего главы ФИФА Йозефа Блаттера активно поддерживает и проводит Президент УЕФА – Мишель Платини.

Несмотря на внешнее закрепление и, казалось бы, логическую категоричность международных правовых документов, а также национальных регламентов, возвращаясь к вопросу практики их соблюдения футбольными клубами, невольно приходишь к выводу – система несовершенна, она требует доработки, что и доказывают, зачастую, возникающие и рассматриваемые международным арбитражем споры, предметом

2 Регламент по статусу и переходам футболистов ФИФА. Глава 6, ст. 19. Международные трансферы несовершеннолетних. С.9

которых являются всевозможные нерегламентированные, недопозволенные футбольные переходы с участием несовершеннолетних игроков.

Ярким примером из практики является международный спор, разразившийся между английским «Челси» и французским «Лансом»³.

По мнению французской стороны, английский клуб без уведомления французского вступил в процесс переговоров о переходе несовершеннолетнего игрока французского гражданства – Гаэля Какута.

В результате таких несогласованных с французским клубом действий английскому клубу удалось заручиться услугами молодого игрока, подписавшего трудовой договор с юношеской командой «Челси».

В качестве главного аргумента своей правоты «Ланс» ссылался на действующий на момент разрешения спора Регламент ФИФА, правила которого и были нарушены «Челси».

Арбитражный суд посчитал представленные аргументы и доказательства весомыми и привлек «Челси» к процессуальной ответственности за нарушение Регламента ФИФА.

Так, суд проявил некую форму радикализма, приговорив английский клуб к ответственности в виде максимального денежного штрафа, предусмотренного Футбольной ассоциацией Англии. Более того, решением суда «Челси» запрещено было регистрировать новых футболистов (в том числе совершеннолетних) в течение 2 трансферных окон⁴.

В апелляционной инстанции представителям английского клуба было доказано отсутствие злого умысла в своих действиях, и мера воздействия ограничилась лишь денежным штрафом⁵.

«Дело Какута» продемонстрировало и задекларировало нацеленность международного футбола бороться за защиту прав несовершеннолетних игроков и стало прецедентом, послужившим в будущем основой для аналогичных спортивных споров.

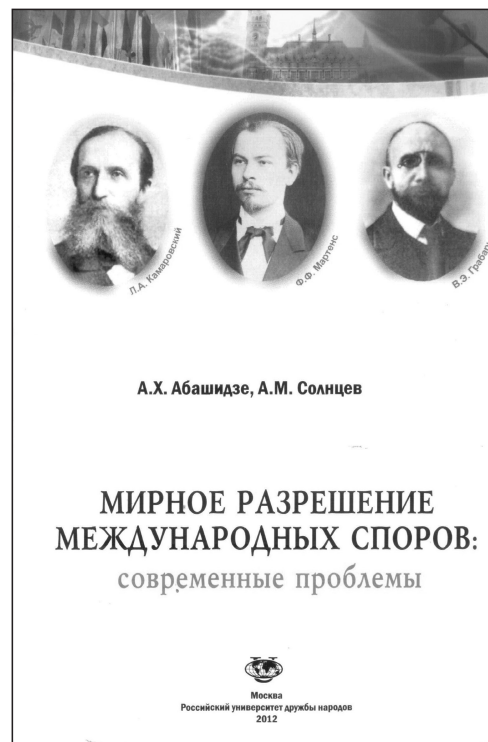
Так, именно «Дело Какута» явилось основой и действительным прецедентом для наложения санкций на испанский футбольный клуб «Барселона» за аналогичный проступок по переманиванию в свою футбольную академию несовершеннолетних зарубежных игроков, выраженных в наложении трансферного эмбарго на испанский клуб на регистрацию новых игроков в течение 14 месяцев⁶.

Из представленного выше материала, теоретической базы, а также судебной практики, несомненно одно – в настоящее время спортивный мир старается всеми силами бороться за права молодых несовершеннолетних спортсменов, всячески стараясь защитить их от нежелательных для них последствий необдуманных решений, предоставив им реальные возможности для профессионального роста и получения качественного образования, однако система защиты прав несовершеннолетних игроков при переходе из одной системы в другую

по-прежнему имеет существенные недостатки, которые несомненно будут устранены в ближайшее время.

Пристатейный библиографический список

1. «В шаге от триумфа...» «Шахтер» – «Челси» - 2:3. Молодежная Лига чемпионов. Финал» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.footballfox.net/ligi-chempionov/12944-v-shage-ot-triumfa-shahter-chelsi-23-molodezhnaya-liga-chempionov-final-video.html>
2. Регламент по статусу и переходам футболистов ФИФА. Глава 6, ст. 19. Международные трансферы несовершеннолетних.
3. «Times. Дело Какута – предупреждающий выстрел». 04 сентября 2009 года. [Электронный ресурс] // Официальный русскоязычный сайт ФК «Челси». Режим доступа: <http://www.chelsea-fc.ru/news/worldpress/20090904-1420.html>
4. «ФИФА сурово наказала «Челси». 03 сентября 2009 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fapl.ru/posts/5998/>
5. «Челси» сможет покупать игроков зимой». 06 ноября 2009 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fapl.ru/posts/6581/>
6. «ФИФА наказала «Барселону» запретом на трансферы». 02 апреля 2014 года. BBC Русская служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/sport/2014/04/140402_barca_transfer_ban

3 «Times. Дело Какута – предупреждающий выстрел». 04 сентября 2009 года. [Электронный ресурс] // Официальный русскоязычный сайт ФК «Челси». Режим доступа: <http://www.chelsea-fc.ru/news/worldpress/20090904-1420.html>

4 «ФИФА сурово наказала «Челси». 03 сентября 2009 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fapl.ru/posts/5998/>

5 «Челси» сможет покупать игроков зимой». 06 ноября 2009 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fapl.ru/posts/6581/>

6 «ФИФА наказала «Барселону» запретом на трансферы». 02 апреля 2014 года. BBC Русская служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/sport/2014/04/140402_barca_transfer_ban

Гуськов Д. Н.

РОЛЬ УКАЗА № 6102 В ФИНАНСОВОМ ОЗДОРОВЛЕНИИ ЭКОНОМИКИ США В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

Данная статья посвящена анализу одного из важнейших документов, изданных администрацией Президента Рузвельта – Указа № 6102 от 5 апреля 1933 г. и сопутствующим мерам в целях смягчения негативных социальных последствий, вызванных экономическим кризисом конца 20–30-х годов.

Ключевые слова и фразы: Великая депрессия, «Новый курс», золото, экспроприация, «законодательное президентство», «дела о золотой оговорке».

Guskov D. N.

THE ROLE OF THE DECREE № 6102 IN THE FINANCIAL RECOVERY OF THE US ECONOMY DURING THE GREAT DEPRESSION

This article analyzes the Decree № 6102 of May 5, 1933, which is one of the most important documents issued by the administration of President Roosevelt in order to mitigate the negative social consequences caused by the economic crisis of the late 20–30s.

Keywords: the Great Depression, «New Deal», gold, expropriation, «the legislative presidency», the «gold clause cases»

Гуськов Д. Н.

История периода Великой депрессии изучена довольно подробно американскими и российскими специалистами, однако существует не так много работ, в которых бы анализировались нормативные акты этого периода, способствовавшие смягчению катастрофических социальных последствий, обрушившихся на население США в период глубокого экономического кризиса.

Данная статья посвящена анализу одного из важнейших документов, изданных администрацией Президента Рузвельта – Указа № 6102 от 5 апреля 1933 г., сопутствующим мерам в целях смягчения негативных социальных последствий, вызванных экономическим кризисом конца 20–30-х годов.

Обвал на Нью-йоркской бирже 29 октября 1929 г. знаменовал наступление новой эпохи. За несколько часов Уолл-стрит потерял на падении курса акций более 10 млрд долларов. Эра беспечного благополучия закончилась, наступили суровые времена¹. Программа проводимых мероприятий была очень насыщенной, срочность и безотлагательность возникших проблем вынуждала принимать решения в сжатые сроки. Законодательная деятельность до сих пор удивляет своими объемами принимаемых решений и их скоростью. Особо интересным представляется рассмотреть качество принятых законов. Франклин Делано Рузвельт открыл новую законодательную роль президента, которую Стефан Вэйн назвал «законодательное президентство»².

В период Нового курса президент Рузвельт – по разным причинам – манипулировал ценами на золото и его обращением в государстве. Не все принимаемые меры были однозначно восприняты и до сих пор вызывают разные оценки в американском научном сообществе. В статье рассматривается, в первую очередь, Указ № 6102 от 05 апреля 1933 г. о запрете чрезмерного накопления золотых монет, золотых слитков и ценных бумаг, номинированных в золоте, а также последую-

щие акты, которые в дальнейшем вносили существенные изменения в оборот золота.

Указ распространял свое действие как на физических лиц, так и на партнерства, ассоциации, корпорации³. Все указанные лица были обязаны передать до 01 мая 1933 г. в Федеральный резервный банк или в его подразделения, филиалы или любому банку – члену Федеральной резервной системы все золотые монеты, золотые слитки или ценные бумаги, номинированные в золоте, принадлежащие им или поступающие в их собственность до 28 апреля 1933 г.⁴ В случае если лицо стало собственником золотой монеты, золотого слитка или ценной бумаги, номинированной в золоте после 28 апреля 1933 г., то в течение трех дней после его получения оно обязано было его сдать⁵.

Основной целью принимаемых мер было предотвращение накопления золота американцами, за исключением небольших сбережений⁶. Историк Бертон Фолсом также указывал на недовольство фермеров и бизнесменов, которые требовали повышения цен, пусть даже вызванного искусственно, чтобы ослабить бремя своих долгов⁷. Сам президент Рузвельт в одном из своих радиообращений, состоявшемся 7 мая 1933 г., указывал еще одну серьезную причину принять эти меры – недопущение ухода золота за рубеж. Он говорил, что «слыжилось такое положение, которое очень легко могло бы привести, во-первых, к оттоку золота в другие страны и, во-вторых, в силу этого оттого, – к «бегству» американских капиталов в виде золота из нашей страны. Можно без преувеличения ска-

3 Executive Order 6102 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_6102 (дата обращения: 10.09.2015).

4 Executive Order 6102 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_6102 (дата обращения: 10.09.2015).

5 Executive Order 6102 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_6102 (дата обращения: 10.09.2015).

6 Rauchway E. The great depression and the New Deal: a very short introduction. Oxford University Press, 2008. P. 62.

7 Фолсон Б. Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию / Пер. с англ. А. Плисецкой под науч. Ред. А. Куряева. Москва: Мысль, 2012. С. 131.

1 Уткин А. И. Рузвельт. М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. С. 91.

2 Bond R. J., Fleisher R. The president in the legislative arena. University of Chicago Press, 1990. P. 7.

зять, что в результате такого развития событий мы могли бы лишиться большей части нашего запаса. Это привело бы к такому дальнейшему ослаблению государственного и частного кредита, которое вызвало бы панику и полную остановку промышленности»⁸. Для разрешения сложившихся проблем принимались решения, в том числе был издан Указ № 6102.

Указ не предполагал полного изъятия золота у населения, в разделе втором указывались многочисленные исключения, а именно: не подлежало передаче такое количество золота, которое может потребоваться для законного и обычного использования в промышленности, профессиональной деятельности или искусстве в течение разумного времени, в том числе золота до его переработки, очистки и запасов золота в разумных количествах для обычных торговых требований владельцев, добывающих и очищающих золото, золотые монеты и слитки, предназначенные или находящиеся в доверительном управлении для признанного иностранного правительства или иностранного центрального банка или банка международных расчетов, а также золотые монеты и слитки, лицензируемые для других соответствующих сделок, включая импорт для реэкспорта или в ожидании действий по заявкам на получение экспортных лицензий⁹. Разрешалось оставить у себя 100 дол. в золотом эквиваленте на одного человека, таким образом, семья из трех человек могла оставить золотой эквивалент в 300 дол. Не многие американцы могли отложить 300 дол., учитывая бедственное положение населения и недостаток рабочих мест. До принятия Указа многие американцы, потерявшие работу, были вынуждены распродавать предметы роскоши, и в том числе запасы золота, для пропитания и оплаты долгов. Придерживаясь вышеуказанной логики, можно предположить, что золото оставалось только у особо зажиточных американцев, к которым большинство населения нельзя отнести, оттого и Указ скорее был направлен на богатое население и успешные компании.

После того, как лицо сдавало золото, ему выплачивалась эквивалентная сумма сданного золота бумажными деньгами. Золото скупалось по цене 20 долларов 67 центов за тройскую унцию, данная цена на золото существовала на протяжении 100 лет, но после начала выкупа золота была изменена. Как указывает профессор Эрих Раучвей, в дальнейшем долларовая цена выросла с предыдущей ставки в размере 20 долларов 67 центов за тройскую унцию до 30 долларов за тройскую унцию. В своей беседе с населением Рузвельт объявил: «Моя цель в принятии этого шага состоит в том, чтобы установить и поддерживать непрерывный контроль. Это политика, а не уловка! ... Таким образом, мы продолжаем двигаться в сторону управляемой валюты». В январе 1934 г. Конгресс принял Закон «О золотом резерве», согласно которому Рузвельт установил фиксированную цену на золото в размере 35 долларов за тройскую унцию¹⁰. Запас золота в Казначействе, стоивший в январе 1934 г. 4033 млрд дол., в феврале 1934 г. стал стоить 7348 млрд дол., увеличившись на 3405 млрд дол.¹¹ Учитывая вышеуказанные цифры, изъятие золота у населения оказалось выгодным для государства. Выгодным для государства оказалась и внеш-

няя реакция на повышение стоимости. Несмотря на то, что все остальные страны вышли из золотого стандарта или тоже повысили цену золота в своих валютах, увеличение долларовой цены золота спровоцировало массованный приток валюты в США. Политическая атмосфера в Европе и других регионах также способствовала скоплению золота в США¹².

В последнем разделе Указа была указана ответственность за нарушение установленного порядка, которая предусматривала ответственность только за умышленные действия. Устанавливался штраф на сумму не более десяти тысяч долларов, либо, если это было физическое лицо, оно могло быть лишено свободы на срок не более десяти лет, или применялись оба наказания одновременно. Предусматривалась ответственность и должностных лиц, директоров или агентов любой корпорации, которые сознательно участвовали в нарушении Указа и могли быть оштрафованы, либо могли быть лишены свободы, допускалось применение двух наказаний одновременно¹³. Наказания устанавливались суровые, но важно отметить, что наступали они только за намеренные и умышленные действия, что освобождало от ответственности за непреднамеренные действия. Также представляется интересным, что нижнего предела наказания не устанавливалось, а был только верхний, а именно: лишение свободы до десяти лет или штраф до десяти тысяч долларов.

Срок действия Указа не был жестко регламентирован и допускал изменения или отмену в любое время.

Президент Рузвельт был убежден, что, если закупать большие объемы золота и повысить на него цену, это приведет к росту цен на продукцию фермеров. Он доверился этой теории, так как о ее состоятельности объявили профессор Корнельского университета Джордж Уоррен и Фрэнк Пирсон в незадолго до того выпущенной книге «Цены»¹⁴.

Через несколько недель президент, как писала Нью-Йорк Таймс, «предвидел... ситуацию, возникающую среди радикальных элементов в Конгрессе, что... они могли... принять законы революционного характера», – возможно, в отношении серебряных монет. В целях предотвращения подобных радикальных мер, Рузвельт допустил, что «какой-то процент инфляции может быть полезным», возможно, даже лучше, что он предусмотрел это сам, а не оставил вопрос на усмотрение Конгресса. Стало ясно, что временный уход от золота может являть собой совершенно новую политику¹⁵.

Данные меры были восприняты неоднозначно, усугубляя положение принятый акт от 5 июня 1933 г., унифицирующий стоимость металлических и бумажных денег США с последующей отменой золотой оговорки, что продолжало выводить золото из гражданского оборота. Президента Рузвельта атаковали граждане, заключившие ранее с государством контракты с расчетами золотом, и многие другие, кто требовал защитить их право собственности на золото. Результатом этого недовольства стали процессы в Верховном суде, называвшиеся «Дела о золотой оговорке» (gold clause cases), оспаривавшие полномочия Рузвельта на принятие подобных мер. К приме-

8 Рузвельт Ф. Беседы у камина. О кризисе, олигархах и войне / Франклин Рузвельт. М.: Алгоритм, 2012. С. 23.

9 Executive Order 6102 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_6102 (дата обращения: 10.09.2015).

10 Rauchway E. The great depression and the New Deal: a very short introduction. Oxford University Press, 2008. P. 62.

11 Тимберлейк Р. Золотовалютная политика в 1930-е годы // Экономическая политика. 2008. № 4. С. 197.

12 Тимберлейк Р. Золотовалютная политика в 1930-е годы // Экономическая политика. 2008. № 4. С. 198.

13 Executive Order 6102 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_6102 (дата обращения: 10.09.2015).

14 Фолсон Б. Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию, пер. с англ. А. Плисецкой / под науч. ред. А. Куряева. Москва: Мысль, 2012. С. 132.

15 Rauchway E. The great depression and the New Deal: a very short introduction. Oxford University Press, 2008. P. 62.

ру, можно указать дело «Норт против США» (Nortz v. United States). Поводом к рассмотрению послужило применение золотой оговорки в золотых сертификатах 1928 г. выпуска, а также дело «Перри против США» (Perry v. United States) по поводу применения золотой оговорки по отношению к облигациям Свободы, выпущенным в соответствии с Законом от 24 сентября 1917 г. Адвокаты президента заявляли, что Конституция предоставляет Конгрессу право чеканить монету и регулировать ее ценность, что обеспечивало президенту Рузвельту хотя бы некоторую конституционную защиту¹⁶. Звучали оправдания, что оговорки, содержащиеся в государственных и частных долговых обязательствах и предусматривающие их оплату золотом, противоречат общественным интересам. Несмотря на неоднозначный характер рассматриваемых дел, Франклин Делано Рузвельт одержал победу в Верховном суде.

Принятые меры подрывали доверие к руководству страны и негативно отражались на экономической привлекательности работы на территории США. Анализируя судебные процессы, нельзя не отметить и неоднозначно воспринимаемые решения. Уместно указать высказывание профессора Роберта Дала, который отмечал, что рассматривать Верховный суд США строго как орган судебной власти – значит недооценивать его значение для американской политической системы. Ведь это еще и политическое учреждение, институт, отвечающий за принятие решений по спорным вопросам национальной политики¹⁷.

По мнению демократов, ни один аристократ, монарх, философ, бюрократ, ученый или религиозный лидер не вправе навязывать людям правила их повседневной жизни. Люди сами путем соответствующих процедур коллективного принятия решений должны советоваться и считаться друг с другом, а также со всеми теми, кого затрагивают их действия; но сверх этого никто не обладает законной властью указывать им, что делать¹⁸. Возможно, изъятие золота и не вписывалось в рамки формата демократического государства, тем более, не вписывалось прямое вмешательство государства в жизнь американцев, напоминающее учения британского экономиста Джона Мейнарда Кейнса, который говорил о необходимости участия государства в регулировании хозяйственной деятельности. К результатам экспроприации золотых запасов можно отнести занижение курса доллара, который сделал экспорт более выгодным, что стимулировало к работе производителей. В целях улучшения общей экономической обстановки было произведено вскрытие отдельных банковских ячеек зажиточных граждан. Данные действия можно охарактеризовать попыткой придать капитализму социалистические черты. Но в то же время нельзя упускать факт того, что быстро наращиваемые объемы золота никак не использовались, а лишь находились в хранилищах, не выполняя, к примеру, свою обычную функцию – обеспечение эмитируемых банком денег¹⁹. Если бы бан-

ки сами хранили свои резервы или имели к ним доступ через созданные ими самими расчетные палаты, то руководители банков и расчетных палат использовали бы золото в стратегических критических точках, там, где оно предотвратило бы крах здоровых банков и тотальное разрушение денежного механизма. Для того чтобы золото было эффективным, его нельзя объявлять вне закона и хоронить в подвалах, где никто не сможет до него добраться²⁰.

В заключение следует отметить, что действие Указа № 6102 от 5 апреля 1933 г. было неоднозначным. Каждой категорией населения принятые меры воспринимались по-разному. Сложившаяся тяжелая экономическая ситуация в стране вынуждала принимать серьезные решения в кратчайшие сроки, оттого и принятые меры имели первоначально положительный эффект, но постепенно проявились определенные недостатки. Однако эти меры были обоснованы и своевременны. В данном случае смелые шаги были направлены на защиту приоритетов финансово истощенного «забытого американца».

Пристатейный библиографический список

1. Даль Р. Принятие решений в демократическом обществе: Верховный суд и его влияние на политический курс государства // Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М.: Ладомир, 2006.
2. Рузвельт Ф. Беседы у камина. О кризисе, олигархах и войне / Франклин Рузвельт. М.: Алгоритм, 2012.
3. Тимберлейк Р. Золотовалютная политика в 1930-е годы // Экономическая политика. 2008. № 4.
4. Уткин А. И. Рузвельт. М.: Издательская корпорация «Логос», 2000.
5. Фолсон Б. Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию / Пер. с англ. А. Плисецкой. Под науч. ред. А. Куряева. М.: Мысль, 2012.
6. Шапиро И. Демократическое правосудие // Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М.: Ладомир, 2006.
7. Bond J. R., Fleisher R. The president in the legislative arena. University of Chicago Press, 1990.
8. Executive Order 6102 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_6102 (дата обращения: 10.09.2015).
9. Rauchway E. The great depression and the New Deal: a very short introduction. Oxford University Press, 2008.

16 Фолсон Б. Новый курс или кривая дорожка? Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию, пер. с англ. А. Плисецкой / под науч. ред. А. Куряева. Москва: Мысль, 2012. С. 134.

17 Роберт Даль. Принятие решений в демократическом обществе: Верховный суд и его влияние на политический курс государства. Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М.: Ладомир, 2006. С. 207.

18 Шапиро И. Демократическое правосудие. Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М.: Ладомир, 2006. С. 212.

19 Тимберлейк Р. Золотовалютная политика в 1930-е годы // Экономическая политика. 2008. № 4. С. 201.

20 Тимберлейк Р. Золотовалютная политика в 1930-е годы // Экономическая политика. 2008. № 4. С. 202.

Кротов А. В. ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВА НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ В США

В статье рассматривается процесс формирования права на частную жизнь в США. Отсутствие права на частную жизнь в тексте Конституции США не повлекло за собой необходимость внесения поправок в Конституцию или ограничение права на частную жизнь граждан. Сохраняя стабильность действующей Конституции, США закрепляют охрану частной жизни законом, создавая базис для развития полноценной личности.

Ключевые слова: право на частную жизнь, конституция США, права и свободы.

Krotov A. V. THE FORMATION OF THE RIGHT TO PRIVACY IN THE U.S.

In the article the process of formation of the right to privacy in the United States is considered. The absence of a right to privacy in the U.S. Constitution does not entail the need for amendments to the Constitution or restriction of the right to privacy of citizens. Maintaining the stability of the current Constitution, private life in the USA is protected by law, creating the basis for the development of an integrated personality.

Keywords: the right to privacy, the U.S. Constitution, rights and freedoms.

Кротов А. В.

В США, где в XIX в. вопрос свободы человека стоял наиболее остро из-за сложившейся там политической ситуации (война за независимость, распространение рабства), Томас Пейн не без основания замечал, что «человек не имеет права собственности на другого человека; подобным образом ни одно поколение не имеет права собственности на последующее поколение... Человек вступил в общество не затем, чтобы стать хуже, чем он был до этого, или иметь меньше прав, чем прежде, а затем, чтобы лучше обеспечить эти права»¹.

В свою очередь Томас Джефферсон писал: «Нет ничего, что нельзя было бы изменить, кроме врожденных и неотъемлемых прав человека»².

Свободе и личной неприкосновенности уже тогда уделяли внимание видные политики: «Существуют права, которые не полезно и бессмысленно передоверять правительству и которые все правительства до сих пор стремились нарушать. Это право мыслить и предавать гласности свои мысли устно и письменно, это право на личную свободу и неприкосновенность» (Право думать и действовать свободно, Письмо к Хамфрису, 1789 г., Т. Джефферсон)³.

Именно под воздействием идей отцов-основателей Америки, научных разработок в области права Т. Джефферсона, Т. Пейна и пр., формируется специфическое понятие гражданских прав в США, в том числе и права на частную жизнь.

В понимании американцев гражданские права — это идеальные нормы, воплощающие или символизирующие требования последовательного осуществления равноправия⁴. Гражданские свободы толкуются как установленная и гарантированная законом сфера автономии гражданина от

государства и других граждан. Это либо свобода определенных действий, волеизъявлений, прежде всего свобода выбора мнений, требований и суждений политического порядка, либо право гражданина на невмешательство органов власти и других граждан в сферу его личных убеждений. Противоречивость определения гражданских прав может выражаться по-разному, но она неизменно указывает на производность конституционных прав от фундаментальных прав человека и гражданина.

Реализация положений Конституции США, в свою очередь, содействует сохранению ограничения власти федерального правительства и правительств штатов над своими гражданами и является правовой основой для укрепления значения судебной власти в качестве конституционного арбитра⁵.

Но как бы ни была пронизана Конституция США на момент своего принятия самыми передовыми идеями в области прав и свобод человека, ни в Конституции США, ни в Билле о правах еще нельзя увидеть закрепления права на частную жизнь, поскольку обособление личности от государства, развитие индивидуальных свобод человека на тот момент находились в начальной стадии правового становления⁶.

Конституции штатов, входящих в США в исследуемый период, также не содержат в себе формулировки права на частную жизнь, однако с определенной долей условности можно говорить о наличии частичного регулирования частной жизни в некоторых конституциях штатов. Например, согласно ст. 14 Конституции Массачусета, принятой в 1780 г., «каждое лицо имеет право на защиту от необоснованных обысков или изъятий, посягающих на неприкосновенность его личности, жилища, документов и всей его собственности»⁷.

Основным законом в области частной жизни в США стал Закон «О частной жизни» 1974 г.

Еще за 80 лет до его принятия тогда еще молодой бостонский адвокат Л. Брандейз в соавторстве с коллегой С. Д. Уорреном опубликовал журнальную статью «Право на частную

1 Пейн Т. Права человека // Антология мировой правовой мысли в пяти томах. М., 1999. Т.3. Европа, Америка XVII—XX вв. С. 189.

2 Джефферсон Т. Письмо к Дж. Картрайту, 1824 г. // Антология мировой правовой мысли в пяти томах. М., 1999. Т.4. Россия, XI—XIX вв. С. 726.

3 Согрин В. В. Джефферсон: Человек, мыслитель, политик / Отв. ред. член-корр. АН СССР Н. Н. Болховитинов. Академия наук СССР. М.: Наука, 1989.

4 Никифорова М. А. Гражданские права и свободы в США: судебная доктрина и практика / М. А. Никифорова. М., 1991. С. 25

5 Henkin L. The rights of man today. Boulder (Colo.). 1978. P. 36.

6 Banks J. The U.S. Constitution. Philadelphia, 2001.

7 Соединенные штаты Америки: Конституция и законодательные акты. перевод с английского / Сост. В. И. Лафитский; под редакцией и со вступ. словом О. А. Жидкова. М., 1993. С. 53.

сферу» («Right of privacy»), в которой было заявлено о праве человека «быть оставленным в покое» («the right to be left alone»). Авторы статьи, в частности, писали: «Напряженность и сложность жизни, присущие развивающейся цивилизации, приводят к необходимости иметь убежище от внешнего мира, так что уединение и приватность становятся для человека более значимыми; однако современное предпринимательство и технические нововведения, вторгаясь в его частную жизнь, причиняют ему душевную боль и страдания, гораздо более серьезные, нежели те, которые могут быть причинены простым физическим насилием»⁸.

Это был, несомненно, революционный шаг, поскольку в XIX в. гражданское право защищало только «типичные», имущественные, интересы и не склонно было признавать категорию морального вреда, то есть вреда, который не может быть исчислен в денежном выражении. Теперь же перед гражданским правом стояла новая задача: «помимо охраны человека... в его типичных интересах, дать охрану конкретной личности во всем богатстве ее своеобразных особенностей...». Так определил эту задачу известный русский правовед начала века И. А. Покровский⁹.

Постепенно эта теоретическая идея внедрялась в сознание судей и законодателей.

Большое влияние на содержание и применение законодательства, регулирующего частную жизнь, оказали судьи Верховного суда США. Своими решениями и мнениями они задали направление развитию законодательства в данной области.

Так, член Верховного суда США Уильям Дуглас утверждал, что в американском варианте демократии «отправным пунктом всегда был индивид, а не государство»¹⁰ Рассматривая упрочение индивидуальной свободы в качестве цели демократического правления, У. Дуглас интерпретировал текст федеральной конституции в качестве мандата судам для реализации закрепленного в ней механизма и процедур ограничения государственной власти. Широко трактуя понятие прайвеси (от англ. «privacy» — частная жизнь), Уильям Дуглас пришел к выводу, что сохранение индивидуальной автономии является специальной задачей судебной власти. Личные права американских граждан он трактовал в полном соответствии с индивидуалистической естественно-правовой концепцией принципов взаимоотношения гражданина и государства. Широко трактуя конституционный текст и исходя из наличия у каждого человека естественных и неотъемлемых прав, судья отстаивал идею конституционного права на прайвеси (например, особое мнение судьи У. Дугласа по делу «Доу против Болтона»). В свою очередь, судья Верховного суда США Г. Блэк считал, что укрепление индивидуальных свобод — это краеугольный камень договора, лежащего в основе американской государственной и правовой систем — Конституции США. Конституцию Блэк считал основной хартией индивидуальной свободы¹¹.

В 1965 г., то есть еще до принятия Закона о частной жизни в США, Верховный суд США признал право на частную жизнь незыблемой основой американского образа жизни, вытекающей из духа Конституции. Известный американский исследователь проблемы прайвеси А. Вестин определил это решение

Верховного суда США как «первый шаг к созданию новой конституционной доктрины прайвеси».

Что же такое право «быть оставленным в покое», или прайвеси, в законодательстве США?

Какие права входят в субинститут права на частную жизнь в США?

Согласно информации, содержащейся в словаре английского языка, термин прайвеси обозначает некое качество жизни, определяемое реальной возможностью человека осуществлять автономию и свободу в той сфере жизни, которая может быть названа частной¹².

Данный термин употребляется и для выражения права человека на автономию и свободу в частной жизни, права на защиту от вторжения в нее других людей, органов власти или каких-либо общественных и государственных организаций.

Субинститут права на частную жизнь в США реализует принцип свободы индивида. Так как ни в Конституции США, ни в Билле о правах самостоятельно право на частную жизнь не закреплено, американские юристы выводят его четвертой поправки к Конституции США: «Право народа на гарантии неприкосновенности личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться, и никакие ордера не должны выдаваться иначе как при достаточных к тому основаниях, подтвержденных присягой либо заявлением, и с подробным описанием места, подлежащего обыску, и лиц или предметов, подлежащих аресту». А также девятой поправки: «Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых за народом»¹³.

В настоящее время субинститут права на частную жизнь в США состоит из четырех основных фундаментальных прав.

1. Право на уединение. Это право запрещает вторжение в уединение другого лица (например, изучение окон другой квартиры с биноклем в руках, постоянные телефонные звонки без согласия человека и пр.). В то же время такое вторжение, в силу сложившейся судебной практики США, только тогда будет попадать под охрану норм института права на частную жизнь, когда предварительно субъект не был извещен о том, что происходит вторжение в его частную жизнь. То есть, если, например, о регистрации телефонного разговора оба участника уведомлены прежде, чем начинается разговор, то регистрация такой беседы не является нарушением частной жизни. Реализация права на уединение часто конфликтует с иными правами и свободами, например, с правом на жизнь, на личную неприкосновенность. Так в 1979 г. Т. Торман подала иск городским властям за неказание помощи по многочисленным жалобам на мужа, который систематически ее избивал. Полиция штата свои отказы в помощи Т. Торман обосновывала необходимостью соблюдения принципа невмешательства в частную жизнь граждан. В соответствии с принятым судебным решением, за отказ в оказании помощи городу пришлось выплатить 2,8 млн долларов. Спустя некоторое время был принят закон, направленный на предотвращение насилия в семье. На его основании полиции разрешено вторгаться в семейные дела, причем наличие жалобы жены не обязательно. После поступившего сигнала полицейский обязан:

а) визуально оценить, есть ли следы побоев, достаточно красноты от пощечины, чтобы зафиксировать факт насилия;

8 Хужокова И. М. Право на частную жизнь в юридической доктрине США // Закон и право. 2007. № 8. С. 109—111.

9 Лаппа-Старженецкая Е. А. Памяти И. А. Покровского // Дела и дни. 1920. Вып. 1. С. 604.

10 Brown M. The Black Douglasses. East Linton, 1998.

11 Westin A. F. Privacy and freedom. N.Y., 1970.

12 Oxford English Dictionary / ed. by J. Simpson and E. Weiner. Clarendon Press, 1989.

13 United States Constitution [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.loc.gov/rr/program/bib/ourdocs/Constitution.html>

- б) опросить конфликтующие стороны;
- в) получить показания соседей;
- г) установить, не было ли раньше аналогичных случаев.

И если полицейский убедится, что насилие над женой было, он обязан тут же арестовать мужа. Даже если жена будет доказывать, что ничего не было, или просить, чтобы мужа не арестовывали, полицейский обязан доставить мужчину в полицейский участок. На следующий день судья решает, заключить ли правонарушителя в тюрьму (если не первый случай или побои серьезные), либо обязать его посещать лекции по семейной этике в специальном центре¹⁴.

2. Право на распоряжение собственным именем и изображением. По общему правилу, запрещается без согласия человека использование его имени или изображения. При этом различается публичное и частное использование. Публичное использование призвано регулировать коммерческое использование имени или изображения человека. Деление на публичное и частное использование предполагает, что в судебной практике публичные люди подают иск, исходя из права на публичное использование, а обычные граждане пользуются защитой права частного использования.

3. Право на тайну частных фактов. Данным правом предполагается запрет на публикацию частных фактов (например, данных подоходного налога, сексуальных отношений, семейных ссор, фотографий человека в его доме, лечения и пр.). Другими словами, здесь содержится положение об охране информации о частной жизни.

4. Право на защиту от клеветуемой информации. Запрещается публикация в отношении человека клеветуемой информации, то есть информации, которая создает ложное впечатление о человеке (но такая информация не обязательно является ложью). В данном случае с позиции права США необходимо различать защиту от диффамации, то есть от сообщения ложных сведений, умаляющих честь и достоинство, или от оскорблений, от защиты от клеветуемой информации, которая производится на основании норм института права на частную жизнь. Защита от клеветуемой информации на основании прайвеси осуществляется, в случае если информация имеет достаточные основания и относительно достоверна, но создает ложное впечатление о человеке. В противном случае, если человек считает, что его права были нарушены, он обращается с целью защиты своего права к иным правовым нормам.

Хотя Закон «О частной жизни» 1974 г. и регулирует основную массу правоотношений, складывающихся относительно частной жизни в США, но также многие нормы содержатся и в иных нормативно-правовых актах. Например, это Закон «О защите частной жизни водителей» (Driver's Privacy Protection Act¹⁵) который запрещает штатам раскрывать информацию о водительских удостоверениях.

Отраслевым законодательством и судебной практикой США были определены следующие специальные права, относящиеся к частной жизни:

- 1) право на охрану частной жизни (информации о ней) при использовании почтовой связи (например, содержание писем защищается правом на частную жизнь);
- 2) право на тайну телефонных переговоров, сообщений телеграфа или электронных сообщений;

- 3) право на тайну содержания радиосообщений;
- 4) право на конфиденциальность студенческих отчетов;
- 5) право на конфиденциальность отчетов по продажам или аренде видеолент;
- 6) право на конфиденциальность отчетов банка;
- 7) право на конфиденциальность отчетов библиотек.
- 8) специальная ответственность предусмотрена за тайный перехват бесед в доме (офисе) или гостиничном номере¹⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Джефферсон Т. Письмо к Дж. Картрайту, 1824 г. // Антология мировой правовой мысли в пяти томах. М., 1999. Т. 4. Россия, XI-XIX вв.
2. Лаппа-Старженецкая Е. А. Памяти И. А. Покровского // Дела и дни. 1920. Вып. 1.
3. Никифорова М. А. Гражданские права и свободы в США: судебная доктрина и практика. М., 1991.
4. Пейн Т. Права человека // Антология мировой правовой мысли в пяти томах. М., 1999. Т. 3. Европа, Америка XVII-XX вв.
5. Согрин В. В. Джефферсон: Человек, мыслитель, политик / Отв. ред. член-корр. АН СССР Н. Н. Болховитинов. Академия наук СССР. — М.: Наука, 1989.
6. Соединенные штаты Америки: Конституция и законодательные акты. перевод с английского / Сост. В.И. Лафитский; под редакцией и со вступ. словом О.А. Жидкова. М., 1993.
7. Феофанов Ю. Любовные серенады в американских тюрьмах // Известия. 1995.
8. Хужокова И. М. Право на частную жизнь в юридической доктрине США // Закон и право. 2007. № 8.
9. Banks J. The U.S. Constitution. Philadelphia, 2001.
10. Brown M. The Black Douglasses. East Linton, 1998.
11. Henkin L. The rights of man today. Boulder (Colo.). 1978.
12. Karras A. R. The Constitutionality of the Driver's Privacy Protection Act: A Fork in the Information Access Road. L.J., 1999.
13. Krebs v. Rutgers, 797 // F. Supp. 1246 (D.N.J. 1991).
14. Oxford English Dictionary / ed. by J. Simpson and E. Weiner. Clarendon Press, 1989.
15. United States Constitution [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.loc.gov/tr/program/bib/ourdocs/Constitution.html>
16. Westin A. F. Privacy and freedom. N.Y., 1970.

14 Феофанов Ю. Любовные серенады в американских тюрьмах // Известия. 1995.

15 Karras A. R. The Constitutionality of the Driver's Privacy Protection Act: A Fork in the Information Access Road. L.J., 1999.

16 Krebs v. Rutgers, 797 // F.Supp. 1246 (D.N.J. 1991).

Недилько Ю. В. ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА В ГЕРМАНИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Статья исследует особенности применения и толкования права в Германии. Автор обращает внимание на тот факт, что в основе правил интерпретации в Германии лежат как теоретические разработки, так и практическое правоприменение. Взаимодействие теоретического и практического начал в правоприменительной деятельности, возможность ссылки на доктринальные источники в судебных решениях являются положительными аспектами немецкой правоприменительной практики. Автором поднимается вопрос о необходимости учета намерений законодателя при толковании и правоприменении и показывается его практическое разрешение немецкими высшими судебными органами.

Ключевые слова: толкование права, доктринальное толкование, телеологическое толкование, намерения законодателя, Федеральный Конституционный суд Германии.

Nedilko Yu. V. FEATURES OF INTERPRETATION OF LAW IN GERMANY: INTERACTION OF THE THEORY AND PRACTICE

This article investigates features of application and interpretation of the law in Germany. The author pays attention to the fact that the rules of interpretation in Germany were developed on the basis of theoretical development and practical law application. Theoretical and practical interaction in law-enforcement activity, possibility of the reference to doctrinal sources in judgments are positive aspects of the German law-enforcement practice. The author raises a question related to the need of consideration of the legislator's intentions during interpretation and law enforcement and shows its practical resolution by the German supreme judicial authorities.

Keywords: interpretation of law, doctrinal interpretation, teleological interpretation, intentions of the legislator, Federal Constitutional Court of Germany.

Необходимость толкования права признается юридической теорией и практикой вследствие абстрактности правовых норм и необходимости их конкретизации, которая воспринимается как цель интерпретации и необходимый элемент правоприменения. В немецкой юридической науке толкование понимается как «экспликация» (т.е. «объяснение», «уточнение»), развитие или расширение понятия и объяснение содержащегося в тексте, но еще скрытого смысла. Таким образом, данный термин обозначает активный процесс, в результате которого проясняется и уточняется смысл текста, и он становится доступным для понимания¹.

Термин «интерпретация» в немецкой юриспруденции используется: 1) как обозначение процесса интерпретации с целью конкретизации норм права, а также результата этого действия, т.е. для обозначения конкретного вывода, появившегося в результате интерпретации, о том, как следует понимать конкретную норму²; 2) для обозначения различных способов толкования; 3) для обозначения так называемого «первого уровня правоприменения», т.е. использования государственного опубликованного правового предписания, в отличие от «второго уровня правоприменения», под которым понимается применение усовершенствованной или вновь сформированной в судебном порядке нормы права (т.е. использование прецедентной нормы)³.

Европейская теория интерпретации, в отличие от английской, пытается отдельно рассматривать природу толкования права от тех правил, которые осуществляются на практике. В соответствии с этим выделяется теоретическая и практическая (юридическая, судебная) интерпретация. Юридической наукой также разработаны собственные каноны интерпретации,

1 Engisch K. Die Idee der Konkretisierung in Recht und Rechtswissenschaft unserer Zeit. Heidelberg, 1968. S. 23.

2 Canaris C.-W., Larenz K. Methodenlehre und Rechtswissenschaft. Berlin, 1999. Kap. 4.

3 Rütters B., Fischer C., Birk A. Rechtstheorie mit Methodenlehre. München, 2011. Rn. 698.

Недилько Ю. В.

и они применяются на практике. Поэтому для объективности результатов необходимо изучение теоретической и практической интерпретации в комплексе.

Выбор правоприменителем правильной интерпретации зависит от ряда факторов, в том числе от требований справедливости, намерений законодателя и т.д. В любом случае однозначно ответить на вопрос, какая из возможных разумных интерпретаций будет являться верной, невозможно, но последнее слово остается за судьей⁴. При этом судебная деятельность не должна вторгаться в компетенцию законодателя, согласно принципу разделения властей.

На это обстоятельство обращено внимание в решении Федерального Конституционного суда Германии по конституционной жалобе от 14 февраля 1973 г. Пункт 1 раздела IV данного решения говорит о том, что подчинение судей только закону является неотъемлемым элементом принципа разделения властей. Однако там же отмечается, что понятия права и закона не тождественны, право – это не только совокупность писанных нормативных актов. Напротив, позитивные установления государственной власти могут, смотря по обстоятельствам, быть конкретнее закона и являться источником конституционного правопорядка, иметь конкретизирующий и корректирующий законы характер. Такие положения можно найти в правореализационных решениях, что и является задачей судопроизводства, как и восполнение пробелов на основе «практического разума» и представлений о всеобщей справедливости. Под вопросом оказываются только границы судебного усмотрения при толковании применения права, которые должны отвечать требованиям единообразия, но не должны быть абсолютно одинаковыми в различных отраслях права.

Пункт 3 вышеуказанного решения показывает, что при обосновании своего вывода суд ссылается на существующую юридическую доктрину. То же видно при изучении раздела

4 Zippelius R. Juristische Methodenlehre. München, 2012. §§ 9–10.

IV указанного решения Федерального Конституционного суда Германии. Однако п. 6 решения обуславливается, что ссылки на интерпретации являются недопустимыми при предъявлении претензий⁵.

Изучение немецкой правоприменительной практики показывает, что цитирование правоведов судьями является характерным для Германии, о чем также неоднократно писали и европейские исследователи⁶. Методология толкования современных немецких законов строится на учении Савиньи⁷, но, тем не менее, есть и некоторые отклонения от него. Они, в частности, касаются толкования цели (которая теперь определяется исходя не из «национального духа», а из намерения законодателя), а также средств толкования (телеологическому отдается предпочтение перед логическим способом толкования). Однако интерпретация источников конституционного права строится на правовой доктрине Фридриха Мюллера.

Отметим, что официально Федеральный Конституционный суд Германии не связан ни одной из методологий интерпретаций, однако его практика показывает, что он по своему усмотрению прибегает к методологии Мюллера, телеологическому способу, оценке исторической перспективы действия закона и не обращается к Савиньи. Это четко прослеживается в решении Федерального Конституционного суда от 19 сентября 1982 г. по заявлению правительств земель Баден-Вюртемберг, Нижней Саксонии, Рейнланд-Пфальц и др., определяющем персональную ответственность государственных должностных лиц. Данное решение интересно тем, что оно избивает ссылками на доктринальные источники толкования⁸.

Проблема цели, которая стоит перед интерпретатором, также является одной из наиболее обсуждаемой в американской и европейской литературе, и Германия здесь не стала исключением. Относительно данного вопроса можно привести несколько точек зрения.

1. Субъективная теория (она же «теория воли») исходит из необходимости определения «историко-психологической» воли законодателя. На основании данной теории в основе любого закона лежит воля субъекта правотворчества. Закон создается людьми и для людей. Поэтому правильное определение смысла закона невозможно без выявления намерений законодателя.

2. Объективная теория (она же имманентная теория толкования) говорит о том, что закон сам по себе обладает смыслом, доступным для выявления. Согласно объективной теории, законы созданы для разнообразных и постоянно ме-

няющихся жизненных обстоятельств, т.е. их действие распространяется на продолжительное время. Законодатель, чаще всего, на момент принятия нормы права изменения в обществе доподлинно предсказать не может. Но при этом отправной точкой объективной теории является то, что текст закона в состоянии дать ответы на все вопросы и должен включить в себя то, что законодателю еще не известно. В этой связи объективная теория не связывает толкование права с непременным выявлением намерений законодателя, а говорит о том, что интерпретацию закона следует осуществлять, исходя из условий времени его применения⁹.

Как видно, обе теории построены на вполне разумных доводах. Аргументом субъективной теории является наличие правовых гарантий защиты со стороны законодателя и принципа разделения властей. Аргументом объективной теории – идея справедливости. Однако критики объективной теории высказывают опасение, что реализация ее идей на практике может повлечь за собой произвол правоприменителей¹⁰. Противники же субъективной теории высказывают мнение, что смысл нормы, заложенный в нее первоначальным законодателем, будет меняться под влиянием обстоятельств¹¹.

В любом случае, правоприменительная практика всегда идет по тому пути, который стоит в основе официальной правовой политики государства. Германская юридическая практика показывает, что Федеральный Конституционный суд, как правило, склоняется к объективной теории: «Интерпретация законодательного положения основывается на объективированном намерении законодательной власти, которое следует из формулировки закона и его контекста. Однако субъективное восприятие учреждений, участвующих в законодательном процессе, и их отдельных членов, важности не представляет. История принятия правового предписания значима для толкования только в той степени, когда выводы, полученные в результате интерпретации, вызывают сомнения, которые не могут быть подтверждены или развеяны иным способом». Данная формулировка изложена в решении Федерального Конституционного суда Германии от 21 мая 1952 г., являющемся результатом рассмотрения спора между правительством земли Бавария и Правительством ФРГ по поводу распределения средств их федерального бюджета в 1951 г.¹²

Подобной позиции придерживается и Федеральный Верховный суд Германии, который указал, что при создании закона субъект правотворчества не ограничивает его действие конкретными, заранее планируемыми случаями, потому что нормативный акт является не «мертвой буквой», а «живым развивающимся духом», приспособляющимся к жизненным условиям, и эта адаптация является полезной до тех пор, пока не выходит за рамки закона¹³. Помимо этого, Федеральным Верховным судом подчеркивается, что решающей для интерпретации законодательных положений является ярко выраженная в них воля. Для ее объективного определения следует обратиться к различным методам толкования, которые будут дополнять друг друга при исследовании формулировки нормы, ее контекста, цели, а также законодательных матери-

5 Die Rechtsprechung der Zivilgerichte, wonach bei schweren Verletzungen des allgemeinen Persönlichkeitsrechts Ersatz in Geld auch für immaterielle Schäden beansprucht werden kann, ist mit dem Grundgesetz vereinbar. Beschluß des Ersten Senats vom 14. Februar 1973. URL: <http://www.servat.unibe.ch/dfr/bvo34269.html#Rno39> (дата обращения: 01.11.2015).

6 Beverly-Smith K., Lucas-Schloetter A. Privacy, Property and Personality. Civils Law Prospectives on Commercial Appropriation. Cambridge, 2005. P. 95.

7 Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1960.

8 Urteil des Zweiten Senats vom 19. Oktober 1982 auf die mündliche Verhandlung vom 22. Juni 1982 -- 2 BvF 1/81 -- in dem Verfahren über den Antrag zu prüfen, ob das Staatshaftungsgesetz vom 26. Juni 1981 (BGBl. I S. 553) mit dem Grundgesetz vereinbar ist - Antragsteller: 1. Regierung des Landes Baden-Württemberg, vertreten durch den Ministerpräsidenten, Richard-Wagner-Straße 15, Stuttgart 1, 2. Bayerische Staatsregierung, vertreten durch den Ministerpräsidenten, Prinzregentenstraße 7, München 22, 3. Niedersächsische Landesregierung, vertreten durch den Ministerpräsidenten, Planckstraße 2, Hannover, 4. Regierung des Landes Rheinland-Pfalz, vertreten durch den Ministerpräsidenten, Peter-Altmeier-Allee 1, Mainz, 5. Regierung des Landes Schleswig-Holstein, vertreten durch den Ministerpräsidenten, Landeshaus, Kiel, - Bevollmächtigter zu 1, 2, 4, 5: Professor Dr. Peter Lerche, Junkerstraße 13, Gauting, - Bevollmächtigter zu 3: Professor Dr. Hans Hugo Klein, Mitglied des Deutschen Bundestages, Kolberger Straß 8, Bovenden // BVert GE. Band 61. S. 175.

9 Canaris C.-W., Larenz K. Methodenlehre und Rechtswissenschaft. Berlin, 1999. Kap. 4.

10 Rüthers B. Die unbegrenzte Auslegung. Zum Wandel der Privatrechtsordnung im Nationalsozialismus. Tübingen, 2005.

11 Stein E. Lehrbuch des Staatsrechts. Mohr, 19. Aufl. 2004. S. 56.

12 Urteil Zweiten Senats vom 21. Mai 1952 2 BvH 2/52- in dem Verfassungsrechtsstreit betreffend die Verteilung von 91 Millionen DM aus Mitteln des Bundeshaushalts 1951 für den Wohnungsbau in den Ländern; - Antragsteller: für das Land Bayern die Bayerische Staatsregierung, Antragsgegner: für die Bundesrepublik Deutschland die Bundesregierung. URL: <http://www.servat.unibe.ch/dfr/bvo01299.html#> (дата обращения: 01.06.2015).

13 BGHSt. Band 10. S. 159.

алов и истории принятия. При этом, как правило, первоначально необходимо обратиться к буквальному толкованию¹⁴.

Однако конкретное соотношение различных приемов и методов интерпретации в немецкой юридической науке на определено, хотя это обстоятельство, по мнению германских исследователей, не означает, что толкование должно быть произвольным. Когда различные аргументы толкования конкурируют, нужно отдавать предпочтение тем, которые приводят к выводам, удовлетворяющим основному содержанию закона и требованиям справедливости. Ими, главным образом, являются цели и задачи, стоящие перед правом¹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что в Германии телеологическое толкование является решающим фактором в устранении сомнений при толковании права.

Немаловажным при изучении толкования права является и вопрос о том, насколько интерпретацией изменен смысл нормы. В этой связи европейскими исследователями толкования права выделяются две доминирующие позиции: скептическая, согласно которой интерпретатор и определяет сущность нормы, и формальная, склоняющаяся к тому, что задачей интерпретатора является скрупулезный поиск истинного смысла нормы, заложенного в ней законодателем¹⁶. Последний подход предполагает, что смысл нормы возник до ее толкования, и вскрывается лишь с правильной интерпретацией.

В отличие от современных английских исследователей толкования, европейские авторы не считают интерпретацию простой «демонстрацией» сущности объекта¹⁷. Свою точку зрения они аргументируют тем, что любое лицо, интерпретируя правовую норму, будет основываться на собственных рассуждениях о ней, и, следовательно, его взгляды будут субъективны. Это вполне естественно, поскольку вглядеться на проблему глазами законодателя и полностью абстрагироваться от собственных мыслей невозможно. Поэтому одни и те же положения могут иметь для законодателя и интерпретатора различный смысл. В идеале понимание мотивов законодателя и точная интерпретация осуществляется лишь в том случае, если правоприменитель разделяет взгляды и мысли субъекта правотворчества¹⁸.

Естественным тогда выглядит вывод о том, что никто не в состоянии дать лучшую интерпретацию, чем сам субъект правотворчества в отношении принятого им нормативного акта. Однако отметим, что европейские государства по-разному относятся к аутентичному толкованию. Так, в § 8 Генерального Гражданского кодекса Австрии декларирует правило, согласно которому только разъяснение закона, данное законодательной властью, имеет общеобязательный характер. Такое толкование должно находить применение во всех решениях по судебным делам, если законодатель не указывает, что его толкование не касается определенных предметов или правоотношений¹⁹.

Германия признает юридическую силу аутентичной интерпретации, но рассматривает ее скорее как «декларацию» о намерениях законодателя. При этом установлено, что аутентичное толкование, признающее или уточняющее правовые отношения, существовавшие до принятия толкуемого акта (т.е. имеющее «декларативный характер»), имеет обратную силу. Обратная сила аутентичного толкования не имеет «кон-

структивного характера», т.е. неприменима к тем объектам, которые попали в сферу правового регулирования после осуществления данного толкования. Эти правила прямо изложены в решении Федерального Конституционного суда Германии от 21 июля 2010 г. об обратной силе немецкого Закона «Об иностранных пенсиях»²⁰.

Облегчению задачи интерпретатора по выявлению намерений законодателя способствует обращение к обсуждениям данного акта, вне зависимости от конечного результата дебатов по поводу его принятия.

Однако в европейской судебной практике (в частности, немецкой) признается, что интерпретация правовой нормы не всегда совпадает со временем ее принятия: между правотворчеством, применением и толкованием конкретной нормы может произойти большой временной разрыв. В данном случае выходом представляется расширение границ толкования, позволяющее адаптировать норму к современной ситуации (разд. IV п. 2 Решения Федерального Конституционного суда Германии по конституционной жалобе от 14 февраля 1973 г.)²¹. Следовательно, судья уже не обязан ориентироваться на намерение законодателя, когда-то принявшего спорную норму, а должен исходить из требований современных ему реалий.

Судейское толкование права в Германии основывается на принципе, что ни один судья не может быть принужден к применению закона, противоречащего праву. Если он считает закон неконституционным, то обязан заявить об этом в Федеральный Конституционный суд. Однако в этот период не возбраняется обращение к иным источникам, регулирующим спорные правоотношения. Если толкование и применение закона приводит к абсурдным, противоправным или противоречивым результатам, судья может в порядке исключения самостоятельно «исправить право», т.е. фактически создать прецедент. Но здесь он ограничен общими правилами толкования. Фундаментальные решения должны приниматься только законодательным органом, о чем неоднократно указывал в своих решениях Федеральный Конституционный суд (решение от 27 января 1976 г. по жалобе господина А., представленной Герхардом Хербле на решение Высшего административного суда земли Райнланд-Пфальц²²; решение от 18 июля 1972 г., вынесенное в порядке конституционной экспертизы § 17 Закона о Гамбургском университете от 25 апреля 1969 г.)²³.

20 Beschluss des Ersten Senats vom 21. Juli 2010 - 1 BvR 2530/05 - 1 BvL 11/06 - 1 BvL 12/06 -- 1 BvL 13/06 - § 22b Abs. 1 Satz 1 Fremdretenngesetz in der Fassung des Gesetzes zur Sicherung der nachhaltigen Finanzierungsgrundlagen der gesetzlichen Rentenversicherung (RV-Nachhaltigkeitgesetz - RVNG) vom 21. Juli 2004 (BGBl I S. 1791) und dessen rückwirkende Inkraftsetzung zum 7. Mai 1996 sind mit dem Grundgesetz vereinbar, soweit hierdurch die Höhe solcher Hinterbliebenenrenten beschränkt wird, die allein auf Zeiten nach dem Fremdretenngesetz beruhen und die ohne die in § 22b Abs. 1 Satz 1 Fremdretenngesetz in der Fassung des RV-Nachhaltigkeitgesetzes vorgesehene Beschränkung noch nicht bestandskräftig gewährt worden sind. URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/entscheidungen/rs20100721_1bvr253005.html#abs73 (дата обращения: 01.06.2015).

21 Die Rechtsprechung der Zivilgerichte, wonach bei schweren Verletzungen des allgemeinen Persönlichkeitsrechts Ersatz in Geld auch für immaterielle Schäden beansprucht werden kann, ist mit dem Grundgesetz vereinbar. Beschluß des Ersten Senats vom 14. Februar 1973. URL: <http://www.servat.unibe.ch/dfr/bvo34269.html#Rno39> (дата обращения: 01.06.2015).

22 Beschluß des Ersten Senats vom 27. Januar 1976 -- 1 BvR 2325/73 -- in dem Verfahren über die Verfassungsbeschwerde des Herrn A ... - Bevollmächtigte: Rechtsanwälte Dr. Gerhard Härdle, Eberhard Kempf, Heidelberg 1, Bergheimer Straße 74 - gegen a) das Urteil des Oberverwaltungsgerichts Rheinland-Pfalz vom 9. Mai 1973 - 2 A 74/72 -, b) den Beschluß des Bundesverwaltungsgerichts vom 9. November 1973 - BVerwG VII B 62.73 // BVerfGE. Band 33. S. 303.

23 Urteil des Ersten Senats vom 18. Juli 1972 auf die mündliche Verhandlung vom 3. Mai 1972 -- 1 BvL 32/70 und 25/71 -- in den Verfahren 1. wegen verfassungsrechtlicher Prüfung des § 17 des Gesetzes über die Universität Hamburg (Universitätsgesetz - UniG) vom 25. April 1969

14 BGHZ. Band 46. S. 76.

15 Zippelius R. Juristische Methodenlehre. München, 2012. S. 725.

16 Carpentier M. Autorité, intention, innovation Joseph Raz et la théorie de l'interprétation // Klesis. Revue philosophique, 2011: 21 – Philosophie analytique du droit. P. 159.

17 Marmor A Interpretation and Legal Theory, 2nde édition, Portland, Hart Publishing, 2005. P. 12.

18 Carpentier M. Autorité, intention, innovation Joseph Raz et la théorie de l'interprétation // Klesis. Revue philosophique, 2011: 21 – Philosophie analytique du droit. P. 161.

19 Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch. 1. Jänner 1812. Letzte Änderung: 30. Juli 2015// BGBl. I Nr. 87/2015

Подводя итог, отметим, что Германия пошла по оптимальному пути, используя в правоприменении правила толкования, выработанные и теорией, и практикой. Они дополняют и корректируют друг друга, что позволяет обеспечить максимальную эффективность правовой системы. Но вместе с тем сформированные правила работают лишь в отношении случаев, более или менее типичных и часто встречающихся. Если случай редкий или сложный, применение существующих интерпретационных правил может не сработать. В таком случае вся надежда в достижении необходимого результата возлагается на усмотрение судьи²⁴. Причины, по которым он прибегнул к толкованию, и должны рассматриваться как основание для выбора его типа. Таким образом, решение вопроса о преимуществе выбора способов или целей интерпретации обуславливается обстоятельствами и условиями, в которых судья к ним прибегнул.

Возможно, и стоило бы согласиться с теми исследователями, которые считают, что толкование должно рассматриваться как свободная, независимая деятельность, «раскрывающая» интерпретатора и независимая от другой деятельности²⁵. Однако отметим, что такой подход возможен лишь в теории. Чрезмерная свобода интерпретации в процессе применения права может привести к тому, что толкуемая норма изменит или утратит свой смысл. Хотя нельзя забывать, что ситуации, к которым применяется одна и та же норма, отличаются между собой, следовательно, результат применения и толкования данной нормы будет в той или иной мере отличаться от случая к случаю.

Пристатейный библиографический список

- Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch. 1. Jänner 1812. Letzte Änderung: 30. Juli 2015// BGBl. I Nr. 87/2015.
- Beschluß des Ersten Senats vom 27. Januar 1976 - 1 BvR 2325/73 - in dem Verfahren über die Verfassungsbeschwerde des Herrn A ... - Bevollmächtigte: Rechtsanwälte Dr. Gerhard Härdle, Eberhard Kempf, Heidelberg 1, Berghheimer Straße 74 - gegen a) das Urteil des Oberverwaltungsgerichts Rheinland-Pfalz vom 9. Mai 1973 - 2 A 74/72 -, b) den Beschluß des Bundesverwaltungsgerichts vom 9. November 1973 - BVerwG VII B 62.73 // BVert GE. Band 33.
- Beschluss des Ersten Senats vom 21. Juli 2010 - 1 BvR 2530/05 - 1 BvL 11/06 - 1 BvL 12/06 - 1 BvL 13/06 - § 22b Abs. 1 Satz 1 Fremdrengengesetz in der Fassung des Gesetzes zur Sicherung der nachhaltigen Finanzierungsgrundlagen der gesetzlichen Rentenversicherung (RV-Nachhaltigkeitsgesetz - RVNG) vom 21. Juli 2004 (BGBl I S. 1791) und dessen rückwirkende Inkraftsetzung zum 7. Mai 1996 sind mit dem Grundgesetz vereinbar, soweit hierdurch die Höhe solcher Hinterbliebenenrenten beschränkt wird, die allein auf Zeiten nach dem Fremdrengengesetz beruhen und die ohne die in § 22b Abs. 1 Satz 1 Fremdrengengesetz in der Fassung des RV-Nachhaltigkeitsgesetzes vorgesehene Beschränkung noch nicht bestandskräftig gewährt worden sind. URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/entscheidungen/rs20100721_1bvr253005.html#abs73 (дата обращения: 01.06.2015).
- (GVBL. S. 61), Vorlagebeschluß des Verwaltungsgerichts Hamburg vom 21. August 1970 (IV VG 615/70) - 1 BvL 32/70 -; 2. wegen verfassungsrechtlicher Prüfung des Art. 4 des Gesetzes über die Zulassung zu den bayerischen Hochschulen vom 8. Juli 1970 (GVBL. S. 273), Vorlagebeschluß des Bayerischen Verwaltungsgerichts München vom 26. April 1971 (3006/71) - 1 BvL 25/71// BVert GE. Band 26.
- Hart H. L. A. Le Concept de droit, trad. M. van de Kerchove, Publications des Presses Universitaires de Saint-Louis, 2005. P. 145
- Carpentier M. Autorité, intention, innovation Joseph Raz et la théorie de l'interprétation // Klesis. Revue philosophique, 2011: 21 – Philosophie analytique du droit. P. C. 162.
- Beverly-Smith K., Lucas-Schloetter A. Privacy, Property and Personality. Civils Law Prospectives on Commercial Appropriation. – Cambridge, 2005.
- BGHSt. Band 10, 46.
- Canaris C.-W., Larenz K. Methodenlehre und Rechtswissenschaft. – Berlin, 1999.
- Die Rechtsprechung der Zivilgerichte, wonach bei schweren Verletzungen des allgemeinen Persönlichkeitsrechts Ersatz in Geld auch für immaterielle Schäden beansprucht werden kann, ist mit dem Grundgesetz vereinbar. Beschluß des Ersten Senats vom 14. Februar 1973. URL: <http://www.servat.unibe.ch/dfr/bv034269.html#Rn039> (дата обращения: 01.06.2015).
- Engisch K. Die Idee der Konkretisierung in Recht und Rechtswissenschaft unserer Zeit. – Heidelberg, 1968.
- Hart H. L. A. Le Concept de droit, trad. M. van de Kerchove, Bruxelles, Publications des Presses Universitaires de Saint-Louis, 2005.
- Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. – Heidelberg, 1960.
- Marmor A. Interpretation and Legal Theory, 2nde edition. – Portland, Hart Publishing, 2005.
- Carpentier M. Autorité, intention, innovation Joseph Raz et la théorie de l'interprétation // Klesis. Revue philosophique, 2011: 21 – Philosophie analytique du droit.
- Rüters B., Fischer C., Birk A. Rechtstheorie mit Methodenlehre. – München, 2011.
- Urteil Zweiten Senats vom 21. Mai 1952 2 BvH 2/52 - in dem Verfassungsrechtsstreit betreffend die Verteilung von 91 Millionen DM aus Mitteln des Bundeshaushalts 1951 für den Wohnungsbau in den Ländern; - Antragsteller: für das Land Bayern die Bayerische Staatsregierung, Ant ragsgegner: für die Bundesrepublik Deutschland die Bundesregierung. URL: <http://www.servat.unibe.ch/dfr/bv001299.html#> (дата обращения: 01.06.2015).
- Urteil des Ersten Senats vom 18. Juli 1972 auf die mündliche Verhandlung vom 3. Mai 1972 - 1 BvL 32/70 und 25/71 - in den Verfahren 1. wegen verfassungsrechtlicher Prüfung des § 17 des Gesetzes über die Universität Hamburg (Universitätsgesetz - UniG) vom 25. April 1969 (GVBL. S. 61), Vorlagebeschluß des Verwaltungsgerichts Hamburg vom 21. August 1970 (IV VG 615/70) - 1 BvL 32/70 -; 2. wegen verfassungsrechtlicher Prüfung des Art. 4 des Gesetzes über die Zulassung zu den bayerischen Hochschulen vom 8. Juli 1970 (GVBL. S. 273), Vorlagebeschluß des Bayerischen Verwaltungsgerichts München vom 26. April 1971 (3006/71) - 1 BvL 25/71// BVert GE. Band 26.
- Urteil des Zweiten Senats vom 19. Oktober 1982 auf die mündliche Verhandlung vom 22. Juni 1982 - 2 BvF 1/81 - in dem Verfahren über den Antrag zu prüfen, ob das Staatshaftungsgesetz vom 26. Juni 1981 (BGBl. I S. 553) mit dem Grundgesetz vereinbar ist - Antragsteller: 1. Regierung des Landes Baden-Württemberg, vertreten durch den Ministerpräsidenten, Richard-Wagner-Straße 15, Stuttgart 1, 2. Bayerische Staatsregierung, vertreten durch den Ministerpräsidenten, Prinzregentenstraße 7, München 22, 3. Niedersächsische Landesregierung, vertreten durch den Ministerpräsidenten, Planckstraße 2, Hannover, 4. Regierung des Landes Rheinland-Pfalz, vertreten durch den Ministerpräsidenten, Peter-Altmeier-Allee 1, Mainz, 5. Regierung des Landes Schleswig-Holstein, vertreten durch den Ministerpräsidenten, Landeshaus, Kiel, - Bevollmächtigter zu 1, 2, 4, 5: Professor Dr. Peter Lerche, Junkerstraße 13, Gauting, - Bevollmächtigter zu 3: Professor Dr. Hans Hugo Klein, Mitglied des Deutschen Bundestages, Kolberger Straße 8, Bovenden // BVert GE. Band 61.
- Zippelius R. Juristische Methodenlehre. – München, 2012.

Азизова В. Т.

ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью данной статьи является исследование аксиологического аспекта правового пространства государства. Основными методами достижения результатов являются формально-юридический, системный, сравнительно-правовой, отдельные логические приемы. Статья носит теоретический характер и исследует отдельные аспекты аксиологической составляющей правового пространства. Теоретическая значимость состоит в определении аксиологического значения правового пространства, которое заключается в установлении для субъектов правового пространства пределов (границ) правового регулирования, в закреплении баланса между различными правовыми ценностями, в концентрации оптимальных правовых средств, присущих правовым системам развитых демократических стран.

Ключевые слова: ценность права, правовое пространство, правовая система, правовая ценность, аксиология.

Azizova V. T.

LEGAL SPACE AS AN OBJECT OF AXIOLOGICAL RESEARCH

The purpose of this article is to research axiological aspect of legal space of the state. The main methods for achievement of results are legalistic, system, comparative and legal, separate logical technics. The article has theoretical character and researches separate aspects of an axiological component of legal space. The theoretical importance is in determination of axiological value of legal space which is in establishment for subjects of legal space of limits (borders) of legal regulation, in ensuring of balance between various legal values, in concentration of the optimum legal means inherent in systems of law of the developed democratic countries.

Keywords: right value, legal space, system of law, legal value, axiology.

В условиях правового плюрализма, охватывающего все сферы правовой жизни государства, неизбежно возникает вопрос о многоуровневости и многообразии подходов к различным правовым явлениям. Нынешняя ситуация такова, что в рамках современных правовых исследований переплетаются как четко структурированные и доступные для понимания схемы анализа правовых явлений, так и максимально абстрактные, не связанные с реальной правовой действительностью подходы. Такое положение в современной юриспруденции обусловлено, прежде всего, различными подходами в понимании, что неизбежно влечет разнообразие подходов ко всем правовым дефинициям и явлениям.

Правовой плюрализм способствует разностороннему анализу правовых явлений, одним из которых является правовое пространство. Данное понятие является достаточно новым в рамках правотворческой юридической техники и нормотворческой деятельности, что влечет необходимость не только исследования указанного понятия, но и анализа его в рамках методологического разнообразия и различных аспектах.

Правовая природа дефиниции «правовое пространство» в условиях современного государства носит преимущественно позитивистский характер, поскольку обеспечение единого правового пространства РФ, являясь одной из основных задач государства в сфере сохранения территориальной целостности и суверенитета, представляет собой определенный процесс, имеющий целью упорядочение российского законодательства на различных уровнях правового регулирования. Закрепление указанной задачи в форме приоритетной на современном этапе развития российской государственности осуществляется на базе не законодательного, а подзаконного регулирования, в частности, на основе указов, приказов, распоряжений и т.п.

Активное развитие культурологических исследований правовых явлений свидетельствует о том, что создание конструкции правового пространства неизбежно должно основываться в том числе на научных изысканиях в сфере аксиологии права. Актуализация аксиологического аспекта правового пространства наиболее четко проявляется в моменты стагнации системы законодательства, в рамках которой на конкрет-

ный момент исторического развития государства урегулированы основные общественные отношения. В указанной ситуации приоритетными становятся поисковые исследования и применение к предмету изучения ранее не применяемых способов и подходов.

Для целостного понимания феномена правового пространства в современной правовой действительности следует исходить из сплава (конгломерата) нормативистского, естественно-правового и аксиологического подходов. Как справедливо отмечает Ю. А. Гаврилова, совместить различные подходы к смыслу права можно терминологически, используя понятие «концепт», структурно включающее как правовые нормы, так и правовые ценности, при этом ценности преимущественно представляются как абстрактные идеи и воображаемые предметы¹. Следует согласиться с Г. А. Головченко, что ценностями права «могут быть лишь те ценности, которые имеют место в действительности или могут быть в реальном будущем, необходимость нормативного закрепления которых обусловлена социальным опытом»². Ценности, как основополагающая основа (основной структурный элемент) аксиологии, представлены и реализуются путем разнообразных культурологических механизмов, к которым можно отнести и правила поведения, воплощенные в нормах права. Закрепленные нормами права ценности трансформируются в элементы государственно-правовой политики, социокультурные, смысловые параметры правового развития общества и смысловые регулятивы поведения и деятельности личности в правовом пространстве.

Н. С. Цинцадзе, анализируя многоаспектность аксиологических подходов к исследованию правовых явлений, утверждает сложность точного определения содержания аксиосферы права, отмечая отсутствие единого общепризнанного теорети-

1 Гаврилова Ю. А. Нормативно-ценностные основания смысла права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2010. № 2 (13). С. 24.

2 Головченко Г. А. Ценность и ценность права: от общего к частному // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2014. № 13. С. 12.

ко-методологического подхода и концептуальной платформы для обобщенного исследования правовых проблем³.

Правовой аксиологией право рассматривается как ценность и ценности права⁴. Одной из особенностей правового пространства в рассматриваемом нами аспекте является такой его признак, как нормативность, которая, в свою очередь, является ценностной категорией.

Применительно к понятию правового пространства в аксиологическом аспекте можно говорить, на наш взгляд, только о его широком динамическом понимании, поскольку узкое статическое понимание правового пространства реализуется в рамках юридического позитивизма⁵. В широком смысле правовое пространство связано с определением единых по характеру не только правовых предписаний, но и социальных условий единых ценностей для их реализации в рамках определенной территории (пространства). В этом – широком – смысле оно тесно связано с механизмом правового регулирования, с социально-политическими, экономическими, организационными и другими условиями реализации права. К ним необходимо отнести меры по выравниванию социально-экономического положения субъектов и других территориальных образований, повсеместному улучшению социально-экономических условий жизни народа, обеспечению условий для духовно-культурного развития с учетом национальных особенностей, по интеграции российского общества в общемировое пространство, развитию информационных технологий и т.д.

На современном этапе развития российской государственности преимущественно решаются задачи, связанные с обеспечением единого правового пространства в узком (позитивистском) смысле, т.е. с созданием единого по сути, не противоречащего Конституции РФ законодательства. Обеспечение единого правового пространства в широком (аксиологическом) смысле – задача более масштабная и сравнительно трудная.

Правовое пространство представляет собой ту сферу социального пространства, на которую распространяется действие норм права, составляющего «ценностно-нормативную систему, влияющую на поведение участников социальных отношений в обществе, которые вследствие этого стали одновременно и правовыми отношениями»⁶. Ценностный аспект правовых явлений в целом и правового пространства в частности, определяется достаточной и необходимой свободой выбора человеком своего поведения в процессе достижения конкретных целей.

Правовое пространство как правовую категорию можно представить как концепт, включающий интерпретацию, сохранение, воспроизведение, передачу и иные действия по отношению к конкретной правовой действительности (в рамках конкретного государственного образования), которая необходима для удовлетворения стремления человека к

свободе, благополучию, счастью⁷. Индивидуальные субъекты права в условиях современной государственности опираются в своей деятельности на собственные ценностные ориентиры и добровольно реализуют только те нормы, которые приобрели для них ценностное значение, поэтому законодатель в процессе совершенствования правового пространства заинтересован в том, чтобы правовые нормы становились необходимой правовой ценностью каждого индивида. В этом плане проблемным вопросом выступает возможность единой оценки поведения, заключенной в правовой норме, поскольку «оценка поведения и правовых ценностей различается у разных людей и разных групп»⁸. Кроме того, в зависимости от конкретной государственно-политической ситуации, определенного политического режима и уровня правовой культуры может эволюционировать и система ценностей.

Очевидно, что понятие правовой системы шире понятия правового пространства. По мнению Е. Н. Мороз, «правовая система представляет собой пирамиду, вершину которой составляют нормативные предписания, взятые из источников права, в широком основании же ее находятся традиции, конвенциализация и ценности»⁹. Ч. Варга включает ценностный элемент в правовую систему, обосновывая тем самым аксиологический фундамент правового регулирования.

История России характеризуется неоднородностью правовых регламентаций в различных регионах. Так, в жестко унифицированной правовой системе при всей ее гомогенности в принципиальных вопросах определенными отличиями обладали правовые системы прежних советских республик. Эти различия были обусловлены учетом традиций народов и этнических групп, особенностями культурного и экономического развития. Если право не в полной мере учитывало традиции и обычаи народов, то эти традиции все равно оказывали свое воздействие на всю общественную жизнь этих регионов. Тем не менее такие элементы чуждых правовых систем не нарушали целостности единого правового пространства государства.

Воздействие национальной правовой системы на обеспечение единого правового пространства невозможно оценить однозначно. Влияние национальной правовой системы на обеспечение единого правового пространства можно признать позитивным в случае совпадения территориальных пределов функционирования единого правового пространства и правовой системы, при этом последняя не должна включать в себя другие правовые системы. В наибольшей степени это характерно для унитарных государств, так как в этом случае влияние правовой системы проявляется в создании и фиксации норм права, которые, очевидно, будут едиными и по сути, и по юридической форме. Кроме того, национальная правовая система обладает дополнительным механизмом по обеспечению единого правового пространства не только через единую систему государственных органов, но и с помощью правосознания и правовой культуры, а также характеризуется определенным единством правовых ценностей. Однако национальная правовая система может быть и дестабилизирующим фактором и оказывать негативное воздействие на обеспечение единого правового пространства. Эта ситуация была реализо-

3 Цинцадзе Н. С. Концептуальные аспекты аксиологической теории права // Вестник ТГУ. 2013. Выпуск 5 (121). С. 252.

4 Заморская Л. И. Ценностно-нормативная характеристика права: концептуальный подход // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 38.

5 Азизова В. Т. «Правовое пространство» с точки зрения юридического позитивизма. К вопросу о подходах к данному понятию // Закон и право. 2012. № 12. С. 20–21.

6 Заморская Л. И. Ценностно-нормативная характеристика права: концептуальный подход // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22). С. 38.

7 Гаврилова Ю. А. Нормативно-ценностные основания смысла права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2010. № 2 (13). С. 26.

8 Мороз Е. Н. Правовые нормы и ценности как элементы правовой системы // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 19.

9 Там же. С. 20.

вана в Российской Федерации в начале 90-х гг., когда не только возникли правовые системы субъектов Федерации, но и отдельные правовые системы были осознаны субъектами как национальные.

Таким образом, аксиологическая составляющая правового пространства может быть рассмотрена через следующие аспекты:

– правовые ценности структурируют правовое пространство как по вертикали (с учетом иерархии законодательства федеративного государства), так и по горизонтали (по предмету правового регулирования);

– правовое пространство, будучи достаточно четко структурированным и имеющим императивный характер, закрепляет систему правовых ценностей, которая, в свою очередь, преимущественно диспозитивна;

– правовое пространство закрепляет модель поведения, обязательную для всех субъектов права, при этом с позиции ценности данная модель не может рассматриваться как идеал или высшая форма ценностного регулирования, в то время как ценность, принятая индивидуальным субъектом в качестве собственной, адаптированной, представляет собой наиболее предпочтительную модель поведения;

– правовое пространство и правовая ценность в определенных условиях могут представляться как форма и содержание, при этом содержание составляют «цели и смысл человеческой деятельности в сфере права»¹⁰, а форма – способы и средства ее осуществления.

Правовое пространство в аксиологическом аспекте представляется как структурированный инструмент фик-

сации правил поведения, которые формально закреплены, признаются обществом ценными, полезными и важными. Ценность правового пространства государства содержательно определяется ценностью закона, отсутствием внутренних противоречий в рамках правового регулирования, противостоит режиму произвола и незаконности, содержит конструктивный потенциал специфического социокультурного регулятора.

Пристайный библиографический список

1. Азизова В. Т. «Правовое пространство» с точки зрения юридического позитивизма. К вопросу о подходах к данному понятию // Закон и право. 2012. № 12.
2. Гаврилова Ю. А. Нормативно-ценностные основания смысла права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2010. № 2 (13).
3. Головченко Г. А. Ценность и ценность права: от общего к частному // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2014. № 13.
4. Заморская Л. И. Ценностно-нормативная характеристика права: концептуальный подход // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2013. № 1 (22).
5. Мороз Е. Н. Правовые нормы и ценности как элементы правовой системы // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55).
6. Цинцадзе Н. С. Концептуальные аспекты аксиологической теории права // Вестник ТГУ. 2013. Выпуск 5 (121).

¹⁰ Мороз Е. Н. Правовые нормы и ценности как элементы правовой системы // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 22.

Двусторонние природоохранные соглашения – договоры об охране окружающей среды, рациональном использовании ее ресурсов, сотрудничестве в этой области, заключенные в письменной форме между уполномоченными лицами двух государств.
(основное значение термина)

ИНТЕРЭКОПРАВО

Е. А. Выхоробец, Р. И. Долгих
E. A. Wychorobets, R. Ig. Dolgikh

ДВУСТОРОННИЕ ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ

BILATERAL ENVIRONMENTAL AGREEMENTS OF RUSSIA

ИНТЕРЕКОЛАВ

Е. А. Выхоробец, Р. И. Долгих
ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ
ДВУСТОРОННИЕ

Магомедова Р. М.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОРМ ПРАВА И МОРАЛИ

В данной статье проведен анализ проблем, связанных с правом и моралью. Для этого ставятся задачи по исследованию понятия права и понятия морали. Так, право и мораль призваны регулировать общественные отношения, этот вопрос всегда был актуальным.

Ключевые слова: право, мораль, охранительная и регулятивная функции права и морали.

Magomedova R. M.

SOME ASPECTS OF THE INTERACTION BETWEEN LAW AND MORALITY

The purpose of this work - is to study and analyse the issues related to law and morality. To do this, the task to study the concept of law and the concept of morality was set. Since law and morality are designed to regulate social relations, this issue has always been of relevance.

Keywords: law, morality, security and regulatory function of law and morality.

Магомедова Р. М.

Каждое исторически конкретное общество требует строго определенной меры социального регулирования общественных отношений. Регулирование общественных отношений осуществляется путем реализации определенных социальных норм: норм права, норм морали, норм, установленных общественными организациями, норм обычаев, норм традиций, норм ритуалов и т.д. В общем плане социальные нормы – это правила поведения общественного характера, регулирующие взаимоотношения людей и деятельность организаций в процессе их взаимодействия. Особое место в формировании духовного мира личности, ее сознания и культуры, активной жизненной позиции, принадлежит праву и морали, которые являются важнейшими социальными регуляторами, включенными в систему общественных отношений, целенаправленно взаимодействующими на преобразование сознания личности.

Шершеневич Г. Ф. например, считал, что нравственность представляет не требования человека к самому себе, а требования общества к человеку. Не человек определяет, как он должен относиться к другому человеку. Не отдельный индивид оценивает свое поведение как хорошее или плохое, а общество. Оно может признать поступок нравственно хорошим, хотя он не хорош для индивида, и оно может считать поступок недостойным с нравственной стороны, хотя он вполне одобряем с индивидуальной точки зрения.¹

Проблемой соотношения права и морали издавна занимались многие мыслители, данная тема была объектом многочисленных философских, правовых, социологических исследований. Вопрос о взаимосвязи морали и права получил определенное освещение уже во многих трудах философов древности (Сократ, Платон, Аристотель), которые, разрабатывая правовую идеологию, пытались связать этику с законодательством. Например, римскими юристами был сформулирован постулат, гласящий: «право рекомендует то, что одобрено обычаем» т. е. продиктовано нравственностью.

Социальные нормы образуют право догосударственной организации. Оно формируется из обычаев, табу, которые преобразуются, отбираются, приспособляются к новым социальным отношениям, основанным на частной собственности, социальном и классовом расслоении общества. Однако эти представления совершенно не исчерпывают всей многозначности этого юридического феномена. «Юристы всё ещё

ищут определение права,» – писал Кант около 200 лет тому назад, обобщая более чем двухтысячелетнюю историю постижения природы этого явления².

Естественное право присуще людям как сознательным, моральным и социальным созданиям. Существует один стандарт истины и справедливости для всех людей, он естественен, и все одинаково знают его.

Позитивное право необходимо, чтобы помешать людям делать зло и обеспечить мир. Если позитивное право, введенное сувереном, противоречит естественному праву и разуму, оно не законно и является искажением права. Только в данном случае Аквинат признавал правомерным выступление народа против монарха.

Идеальной формой правления Аквинат, вслед за Аристотелем и Цицероном, считал смешанную из «чистых форм», при которой монарх олицетворяет единство, аристократия – преобладание надлежащих заслуг, народ служит гарантий мира и согласия. Право государства должно быть санкционировано знатью и народом³. Регулятивная динамическая функция права направлена на оформление движения общественных отношений в форме правоотношений. При этом определяется порядок возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Эта функция проявляется в системе норм обязательного права (отношения купли-продажи, подряда, перевозки, финансовые), трудового, процессуального. Она сводится к закреплению, фиксации существующих общественных отношений в их статике: фиксируются формы собственности, круг субъектов права, их правоспособность, структура государственных органов, круг прав и обязанностей граждан. Охранительная функция права направлена на охрану регулируемых правом отношений, на охрану основополагающих ценностей, признанных в обществе (жизнь, честь, свобода личности, собственность, институты демократии и т.д.). В рамках этой функции устанавливаются различные виды юридической ответственности за действия, посягающие на указанные ценности, и предупредительно-охранительные меры иного характера⁴.

1 Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Учебное пособие. М., 1910. С. 200.

2 Скакун О. Ф. Теория государства и права. Харьков, 2000. С. 98.

3 Теория государства и права «Курс лекций». Под ред. Матузова Н. И. и Малько Л. В. М. 2000. С. 109.

4 Хропанюк В. Н. Теория государства и права. Хрестоматия. М., 1999. С. 123.

Таким образом, право, как регулятор, призвано служить людям, обществу, обеспечивать его нормальную жизнь.

Мораль является одним из способов нормативного регулирования поведения человека, особой формой общественного сознания и видом общественных отношений. Есть ряд определений морали, в которых оттеняются те или иные ее существенные свойства, это один из способов регулирования поведения людей в обществе. Она представляет собой систему принципов и норм, определяющих характер отношений между людьми в соответствии с принятыми в данном обществе понятиями о добре и зле, справедливом и несправедливом, достойном и недостойном. Соблюдение требований морали обеспечивается силой духовного воздействия, общественным мнением, внутренним убеждением, совестью человека. Особенностью морали является то, что она регулирует поведение и сознание людей во всех сферах жизни.

Мораль воспитывает, участвует в формировании человеческой личности, ее самосознания, способствует становлению взглядов на цель и смысл жизни, осознанию человеком своего достоинства, долга перед другими людьми и обществом, необходимости уважения к правам, личности, достоинству других. Эту функцию принято характеризовать, как гуманистическую. Она оказывает влияние на регулятивную и другие функции морали. Эта особая форма общественного сознания, и как вид общественных отношений, и как действующие в обществе нормы поведения, регулирующие деятельность человека – нравственную деятельность. Нравственное сознание является одним из элементов морали, представляющим собой ее идеальную, субъективную сторону, предписывает людям определенное поведение и поступки в качестве их долга. Оно дает оценку разным явлениям социальной действительности с точки зрения соответствия моральным требованиям. Эта оценка выражается в одобрении или осуждении, похвале или порицании, симпатии и неприязни, любви и ненависти. Нравственное сознание – форма общественного сознания и одновременно область индивидуального сознания личности.

Один из философов – А. А. Гусейнов так определяет особенности морали: она характеризует способность человека жить сообща и представляет собой форму отношений между людьми; мораль не подчинена закону причинности и принципу полезности; моральный закон не допускает разведение субъекта и объекта; это тяжелый груз, который человек добровольно взваливает на себя. Мораль – это такая игра, в которой человек ставит на кон самого себя. Сократ был принужден выпить яд, Джордано Бруно был сожжен, Ганди был убит. Таковы ставки в этой игре⁵.

Особенностью взаимосвязи и взаимодействия права и морали является то, что некоторые нравственные нормы могут превращаться в правовые, когда они юридически оформляются государственной властью, а правовые нормы все в большей степени наполняются этическим содержанием; отдельные юридические статьи становятся нравственными нормами, традициями, нормы, содержащиеся ранее лишь в законах, превращаются в общие правила поведения, соблюдение которых становится добровольным и обеспечивается воздействием общественного мнения.

Без нормального духовно-нравственного развития людей нет правильной политико-правовой государственной жизни. В настоящее время критерием любого закона должно быть признано его соответствие положениям международного права, которое, в свою очередь, все больше и больше отражает

общечеловеческие ценности гуманизм, справедливость, милосердие, уважение естественных прав человека, его гражданских и политических свобод.

Анализируя соотношение права и морали, можно заключить, что выполнение правовых норм в значительной мере обуславливаются тем, в какой мере они соответствуют требованиям морали. Нормы права не должны противоречить положительным устоям общества. Вместе с тем требования общественной морали непременно учитываются государственными органами при разработке нормативных актов государства.

Пристатейный список литературы

1. Гусейнов А. А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995.
2. Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974.
3. Малько А. В. Экзамен по теории государства и права «100 ответов на 100 возможных вопросов». Учебно-методическое пособие. М., 1996.
4. Скаун О. Ф. Теория государства и права. Харьков, 2000
5. Теория государства и права «Курс лекций». Под ред. Матузова Н. И. и Малько Л. В. М., 2000
6. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. Хрестоматия. М., 1999.
7. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Учебное пособие. М., 1910.

Российский университет дружбы народов
Кафедра международного права
XIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
БЛИЩЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

April 11, 2015 Moscow

Peoples' Friendship University of Russia
Department of International Law
International Congress commemorating
Professor I. Blischenko

5 Гусейнов А. А. Великие моралисты – М.: Республика, 1995. С. 45.

Дидикин А. Б.

КОНЦЕПЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА ДЖ. ФИННИСА

В статье представлено исследование теоретической концепции «материального естественного права», сформулированной в трудах Дж. Финниса. Исследование базируется на положениях известных работ Финниса, которые используются как в оригинале, так и в переводах на русский язык. Обосновывается позиция о том, что Дж. Финнис рассматривает право как способ обеспечения «общего блага» в обществе, позволяет гражданам использовать правовые нормы для достижения жизненно важных целей с точки зрения принципа практической рациональности.

Ключевые слова: естественное право, правовая норма, общее благо, практическая рациональность, политическое сообщество.

Didikin A. B.

MATERIAL NATURAL LAW THEORY OF J. FINNIS

The paper contains the study of material natural law theory formulated in scientific papers of John Finnis. The study is based on the provisions of the famous works by J. Finnis used both in the original and in translation into Russian. Author justifies the position that J. Finnis considers law as a tool to obtain common good in society and allow citizens to use legal rules and attain vital issues from practical rationality principle.

Keywords: natural law, legal norm, common good, practical rationality, political community.

Дидикин А. Б.

Для современной юриспруденции традиционным является противопоставление аргументов представителей теории естественного права и юридического позитивизма. Очень часто в дискуссиях о сущности и содержании права обе указанные традиции сводятся к тому, что позитивистская интерпретация права предполагает существование эмпирически наблюдаемых способов внешнего отражения правовых норм (источников права), а их юридическая действительность определяется соблюдением легальных процедур и морально нейтральных интерпретаций юридических терминов. В теории естественного права, напротив, право рассматривается в широком морально-этическом контексте как регулятор поведения людей с точки зрения их представлений о должном, справедливом и морально оправданном поведении, которое не может не оказывать влияния на содержание правовых норм и практику правоприменения. Такое понимание, однако, не раскрывает глубину проблемы объективности правовой реальности, границ судебного усмотрения при применении правовых норм, допустимости расширения сферы правового регулирования. Известный в аналитической юриспруденции пример обсуждения в Великобритании конца 50-х гг. XX в. «комиссией Волфендена» вопроса о том, может и должно ли право налагать не только юридические, но и моральные обязанности, остается актуальным и в настоящее время¹.

Теория естественного права в своем развитии прошла долгую эволюцию от представлений о естественном праве как объективном отражении «законов природы» (Аристотель) и разумной природы человека (Г. Гроций, И. Кант и др.) до современного восприятия естественного права как средства достижения «общего блага» в обществе². Право и мораль – разные регуляторы поведения человека, но при анализе конкретных действий и правовые и моральные обязательства в равной степени могут быть основанием для квалифицированной оценки. Поэтому в аналитической юриспруденции второй половины XX в. естественное право приобретает инструментальный характер и рассматривается как неотъемлемая черта позитивного права, средство совершенствования законодательства и принятия рациональных решений. Такое понимание естественного права наиболее ярко отражено в концепциях Л. Фуллера и Дж. Финниса.

В основе такого типа правопонимания лежит представление о том, что несправедливые законы даже при сохранении

юридической силы в силу соблюдения процедур их принятия не создают моральных обязательств и не выполняют свои функции³. Кроме того, право базируется на определенных моральных стандартах поведения и социальных ценностях, которые, несмотря на историческую изменчивость, признаются обществом и мотивируют людей к поведению на основе таких правил. Дж. Финнис выстраивает аргументацию о функциях естественного права на основе принципа практической рациональности, когда право выступает способом координации поведения людей в обществе, направленной на достижение жизненно важных целей. И если в юридическом позитивизме рациональность основывается на аргументах теории игр (координация усилий рационально мыслящих игроков), то в теории естественного права учитывается морально-этический контекст целей такого поведения, оценки допустимости средств реализации личных интересов людей⁴.

Практическая рациональность позволяет обосновать конкретные формы проявления общего блага в обществе. Естественное право, по мнению Дж. Финниса, представляет собой «множество фундаментальных практических принципов, указывающих на основные формы человеческого процветания как на виды блага, к которым нужно стремиться»⁵. Тем самым общее благо – это не абстрактная цель, определенная государством в законодательстве и государственной политике, а обобщенная характеристика универсальных основных благ, к которым не может не стремиться человек, формулируя рациональный «план жизни». Практические принципы в данном случае информируют о возможностях участия в обеспечении основных благ, а практическая рациональность позволяет определить, какие действия являются реальным участием в обеспечении одного или нескольких основных благ⁶. Отсюда следует, что моральные стандарты поведения имеют объективную осно-

1 См.: Finnis J. H.L.A. Hart: a Twentieth-Century Oxford Political Philosopher // Oxford Legal Studies Research Paper. 2009. № 30. P. 2; Харт Г. Понятие права. СПб, 2007 (главы 5, 9).

2 См.: Дидикин А. Б., Оглезнев В. В. Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция. Новосибирск, 2012. С. 23–24.

3 Этот вопрос также затрагивает проблему легитимности правовых предписаний в контексте легитимности де-юре и легитимности де-факто. Подробнее см. Невважай И. Д. Правовая философия: от рациональности de facto к рациональности de jure // Мир человека: нормативное измерение – 3. Рациональность и легитимность. Сб. трудов. Саратов, 2013. С. 94–95.

4 См.: Finnis J. Law as Co-ordination // Ratio Juris. 1989. Vol. 2. № 1. P. 102–103.

5 Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 43.

6 Практические принципы в интерпретации Дж. Финниса – это совокупность основных методологических требований практической рациональности, которая разделяет логичное практическое мышление от несостоятельного, и предоставляет критерии различия «между морально правильными или морально ошибочными способами поведения, – и, таким образом, позволяет

ву, поскольку формулируются исходя из понимания природы практической рациональности и сущности основных благ.

Дж. Финнис допускает различие мнений о том, какие способы достижения основных благ допустимы с юридической точки зрения, в обществе всегда существует гибкость в понимании того, какие вопросы требуют общественной дискуссии, а какие имеют однозначное решение. Тем не менее в собственной универсальной трактовке перечня основных благ его аргументация строится на «методе самоочевидности», сформулированном в трудах Ф. Аквинского.

В концепции Дж. Финниса существует семь основных благ, в получении которых заинтересован каждый член общества: жизнь, знание, игра, эстетический опыт, социальность (дружба, общение), практическая рациональность и религия⁷. Этот перечень основных благ является самоочевидным и может быть реализован каждым человеком в обществе. Указанные основные блага и составляют содержание того, что традиционно именуется общим благом. Исследователи, в частности М. Мерфи, отмечают, что общее благо при этом складывается из «целостного ансамбля материальных и иных условий», включает в себя сохранение определенных общественных институтов (например, института брака), формирование благоприятной моральной среды, необходимой для достижения жизненных целей людей⁸. Однако моральная среда выступает лишь условием достижения основных благ, в то время как естественное право – юридическая форма моральных обязательств и инструмент достижения общего блага. При этом ни одно из семи основных благ не может быть аналитически сведено к другим благам и не может служить средством получения других основных благ. Перечень основных благ не зависит от моральной оценки этих благ и является универсальным, блага незаменимы и необходимы с точки зрения практической рациональности.

Естественно-правовая концепция Дж. Финниса формулируется на основе определенных онтологических представлений о праве. Поскольку инструментальный характер права как средства достижения общего блага аргументируется как самоочевидный набор основных благ для каждого рационально мыслящего человека, практическая рациональность позволяет обобщать общие моральные правила⁹. В то же время принципы практической рациональности как основного блага и одновременно метода познания основываются на следующих методологических требованиях:

- определение «ясного плана жизни»;
- недопустимость произвольных предпочтений одних основных благ другим;
- соблюдение моральных правил по отношению к другим людям;
- беспристрастность в оценке благ и равнодушие к людям;
- внимание к собственным поступкам и недопустимость действий против одного или нескольких основных благ;
- признание существования общего блага и активное участие в его обеспечении;
- согласие со своей совестью и осознанность поведения.

Дж. Финнис воспринимает как иррациональный способ поведения, например, требования утилитаризма, поскольку лучше следовать представлениям о справедливости, которой он именует силу характера (постоянная забота о людях) и состоя-

ние дел (порядок, где отношения людей способствуют благу)¹⁰. В его концепции проявляется влияние этики И. Канта. В частности, обосновывая способы рациональных действий, Дж. Финнис полагает, что любой осознанный выбор должен соотноситься с волей всех людей. В этом смысле справедливое действие – это действие, которое не ограничивает отношение другого человека к основным благам¹¹.

Другой важный аспект его концепции – критика известного в теории естественного права принципа *lex injusta non est lex* («несправедливый закон не является»). Несправедливый закон, по мнению Дж. Финниса, всегда является юридически действительным и действующим, если введен в действие с соблюдением формальных правотворческих процедур, однако он не может дать морального обоснования государственному принуждению, а значит не обладает полностью обязательной силой для граждан¹². В этом смысле несправедливый закон в процессе правоприменения не реализует социальные цели, связанные с обеспечением общего блага в обществе.

Таким образом, естественно-правовая концепция Дж. Финниса не исключает признания состоятельными отдельными положениями юридического позитивизма, в частности, сохраняет различия между правом и моралью как разными регуляторами поведения. Юридическое объяснение на основе правовых норм не может заменить моральное обоснование суждений об общем благе. Сформулированные им требования практической рациональности характеризуют право как инструмент построения справедливого общества, где граждане совместными усилиями могут достигать жизненных целей и удовлетворять потребности в основных благах.

Пристатейный библиографический список

1. Архипов В. В. Лон Фуллер о соотношении права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 6.
2. Дидикин А. Б., Оглезнев В. В. Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция. Новосибирск, Издательство Новосибирского государственного университета, 2012.
3. Невважай И. Д. Правовая философия: от рациональности *de facto* к рациональности *de jure* // Мир человека: нормативное измерение – 3. Рациональность и легитимность. Сб. трудов. Саратов, 2013.
4. Остапович И. Ю. Судебный конституционный контроль и нормотворчество: проблемы соотношения: Учебное пособие. М., 2015. Сер. Магистратура.
5. Остапович И. Ю. Конституционный совет Республики Казахстан: вопросы теории и практики. посвящается двадцатилетию Конституции Республики Казахстан: Монография. 2-е изд., доп. и перераб. Усть-Каменогорск, 2015.
6. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., ИРИСЭН, Мысль, 2012.
7. Харт Г. Понятие права. Пер. с англ. Е.В. Афонасина, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева. СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
8. Gardner J. Finnis on Justice // Oxford Legal Research Paper Series. 2012. № 29.
9. Murphy M.C. The Common Good // The Review of Metaphysics. 2005. Vol. 59. No. 1.
10. Finnis J. H.L.A. Hart: a Twentieth-Century Oxford Political Philosopher // Oxford Legal Studies Research Paper. 2009. № 30.
11. Finnis J. Law as Co-ordination // Ratio Juris. 1989. Vol. 2. № 1.
12. Finnis J. Natural Law and Legal Reasoning // Natural Law Theory. Contemporary Essays. Oxford, 1994.
13. Finnis J. Philosophy of Law. Collected Essays. Vol. IV. Oxford, 2011.
14. Finnis J. The Truth in Legal Positivism // The Autonomy of Law. Essays on Legal Positivism. Oxford, 1999.

сформулировать некое множество общих моральных стандартов» (Финнис Дж. Естественное право и естественные права. С. 43).

7 В трактовке знания как блага Дж. Финнис фактически выступает против процедурного подхода Л. Фуллера о знании как средстве достижения целей, считая знание самоценным, а получение знания – самоочевидным (Финнис Дж. Естественное право и естественные права. С. 93). См. также Архипов В. В. Лон Фуллер о соотношении права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 6. С. 145–152.

8 См.: Murphy M.C. The Common Good // The Review of Metaphysics. 2005. Vol. 59. No. 1. P. 139.

9 Отсюда важное утверждение Финниса с точки зрения естественно-правовой традиции: «содержание любого позитивного права должно быть дедуцировано из моральных принципов любым, кто может осознать обстоятельства и их моральные следствия во всей их полноте» (Finnis J. The Truth in Legal Positivism // The Autonomy of Law. Essays on Legal Positivism. Oxford, 1999. P. 197).

10 См.: Gardner J. Finnis on Justice // Oxford Legal Research Paper Series. 2012. № 29. P. 2–3.

11 См.: Finnis J. Natural Law and Legal Reasoning // Natural Law Theory. Contemporary Essays. Oxford, 1994. P. 137.

12 См.: Finnis J. Positivism and Authority // Finnis J. Philosophy of Law. Collected Essays. Vol. IV. Oxford, 2011. P. 74–89.

Сидорова А. В. ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПО РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИМ ДОГОВОРАМ

В статье рассматривается понятие «правонарушение» в Древней Руси X в. Исследуется сущность, субъекты, объекты и виды правонарушений по русско-византийским договорам 911 г. и 944 г.

Ключевые слова: правонарушение, «Закон Русский», источник права, русско-византийские договоры, Киевская Русь.

Sidorova A. V. OFFENCES UNDER RUSSIAN-BYZANTINE TREATIES

The article discusses the concept of offence in Ancient Rus of X century. The author studies the essence, subjects, objects, and types of offences in the Russian-Byzantine treaties of 911 and 944.

Keywords: offence, "the Russian Law", the source of law, the Russian-Byzantine treaties, Kievan Rus.

Сидорова А. В.

Понятие правонарушения является одним из центральных в науке теории государства и права. В общей теории права правонарушение рассматривается как «антипод правомерного поведения индивида, наносящее ущерб личности человека, и, кроме того, обществу и государству»¹. Поскольку различные правонарушения затрагивают установленный правом порядок, понятие «правонарушение» является стержневым понятием в любой правовой системе. Необходимо отметить, что данное понятие не всегда закрепляется на законодательном уровне. Как отмечает Н. Н. Вопленко, правонарушение, являясь антиподом правомерного поведения, по своим социальным истокам, ровесник государства и права². Традиционно в теории государства и права правонарушение понимается как общественно вредное, виновное, противоправное деяние дееспособного лица, как правило, влекущее юридическую ответственность³. В современной юридической литературе общепризнанным является мнение, согласно которому критерием разграничения правонарушений на преступления и проступки является характер и степень общественной опасности деяния⁴. Являясь правовым феноменом, правонарушение не могло и не может одинаково восприниматься различными правовыми системами, а тем более в различные исторические периоды развития права. Существующие ныне в российском праве представления о правонарушениях возникли не случайно, а сложились под влиянием разнообразных исторических факторов и поэтому современная наука, и в том числе теория государства и права, не может обойтись без исторической основы. Следовательно, одной из важнейших задач является изучение и анализ факторов, способствующих формированию понятия «правонарушение», его признаков, критериев диф-

ференциации в исторической ретроспективе. Как указывает Р. Л. Хачатуров, «ретроспективный взгляд на исторический процесс представляет собой существенный момент в определении смысла современного переходного периода России и перспектив его развития»⁵.

Об эволюции правовых понятий можно судить исходя из анализа источников права. Исследованию источников права посвящено большое количество исследований как общетеоретических, так и межотраслевых⁶. Для анализа понятия «правонарушение» в праве Руси X в. мы обратимся к русско-византийским договорам, как к одним из немногих сохранившихся писанных источников права рассматриваемого нами исторического периода. Необходимо отметить, что славяне вступили в соприкосновение с Восточной Римской империей, когда у них еще не сложилось классовое общество⁷. Первые контакты славян с Византией начались еще в V в., о чем упоминали в своих трудах такие греческие историки, как Прокопий Кесарийский, Псевдо-Маврикий, Иоанн Эфесский, Менаандр Протиктор⁸. В. Т. Пашуто пишет: «Установлению межгосударственных договорных отношений Руси с Византией предшествовали вековые связи с империей отдельных земель восточнославянской конфедерации»⁹. Экономические предпосылки этих отношений окрепли с VII в., когда князья отдельных земель восточнославянской конфедерации уже имели какие-то договоры

1 Ревина С. Н., Сидорова А. В. Эволюция понятия правонарушения в правовой науке XX века // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5 (84). С. 120.
2 Вопленко Н. Н. Правонарушение и юридическая ответственность: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 16.
3 См., например: Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: Учебник. М., 1998. С. 340; Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1999. С. 528.
4 Сидорова А. В. Актуальные проблемы разграничения правонарушений // Наука XXI века: актуальные направления развития: материалы Международной заочной научно-практической конференции. Самара: Изд-во Самар.гос.экон.ун-та, 2014. С. 642.

5 Хачатуров Р. Л. Русская правда: Монография. Тольятти. 2002. С. 3.
6 Ревина С. Н. Источники права в сфере экономики // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2004. Специальный выпуск: Актуальные проблемы экономики и права. С. 283–288; Минникес И. В. Источники российского права: исторический экскурс // Академический юридический журнал. 2007. № 4(30). С. 10–13; Болгова О. С. Основные источники права // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 48–50; Яхьяев А. Т. Судебный прецедент как источник финансового права // Общество и цивилизация в XXI веке: Тенденции и перспективы развития, 2014. № 4(8). С. 63–68.
7 Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. С. 40.
8 История Византии. М., 1967. Т. 2; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 1; Левченко М. В. Очерки истории русско-византийских отношений. М., 1956; Сахаров А. Н. Кий: Легенда и реальность // Вопросы истории. 1975. № 10.
9 Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 57.

с Византией касательно торговли и войны¹⁰. Так, Г. М. Барац склонен полагать, что договорные отношения между Русью и Византией существовали с давних времен, в подтверждении чего он приводит свидетельства византийских историков о существовании договора в IX в.¹¹ Но сам документ не дошёл до нас.

В 911 г. великим князем Олегом и византийским императором Львом был подписан мирный договор, его текст приводится в «Повести временных лет». Спустя 34 года в 944 г. был подписан договор между князем Игорем и греческими императорами Леоном и Александром. Договор 944 г. был составлен по аналогии с договором 911 г., но более подробно¹². Кроме того, в научной литературе упоминаются договоры Руси с Византией 907 г. (данный договор дошел до нас только в пересказе летописца), заключенный Олегом с царями Леоном и Александром, и договор 971 г., заключенный Святославом. Договоры 907 и 971 гг. являются одними из древнейших исторических источников, но поскольку в них не содержатся правовые нормы, то они не будут рассматриваться нами в данном исследовании. Необходимо упомянуть об одной из особенностей вышеуказанных русско-византийских договоров. Эти мирные договоры были заключены между двумя государствами, одно из которых существовало уже много веков и являлось развитым, а второе недавно возникло и бурно развивается.

С. П. Обнорский, на основании исследований оригиналов обоих договоров, утверждает, что они были написаны изначально на греческом языке, но впоследствии их тексты были переведены на русский язык¹³, и, следовательно, составители «Повести временных лет» использовали при составлении летописи договоры, уже переведенные на русский язык. Другие ученые, в том числе И. И. Срезневский, полагали, что договоры были написаны на греческом языке, а затем переведены на древнеболгарский язык.

Данное утверждение опровергается наличием большого количества русских слов, используемых в текстах (месячина – «месячное содержание», слобное – «посольское», гости – «купцы», за ся – «назад, домой»); наличием в текстах форм причастий, свойственных только русскому языку (приходячи, хотячи, поидучи). Так, согласно договору 907 г. читаем: «да приходячи Русь слобное емлють, елико хотячи, а иже приходячи гости да емлють месячное на 6 месяць. хлеб [и] вино и мясо и рыбы и овощь. И да творять им мовь. елико хотять. Поидучи же Роусь домови за ся, да емлють у цесаря вашего [на путь] брашно и якори и ужа и пре и елико надобе»¹⁴. Согласно данной статье, приехав в Византию, русские послы должны были получать посольские дары (содержание), сколько захотят взять, а приехавшие русские купцы – получать месячное содержание на шесть месяцев, состоящее из хлеба, вина, мяса, рыбы и плодов. И баню им нужно было топить столько раз, сколько они захотят. А когда они будут отправляться назад на Русь, то должны были получать у цесаря на путь еду, якоря, снасти и паруса, сколько им надо.

По мнению И. С. Улуханова, обилие грамматических форм и простота синтаксической структуры языка договоров

свидетельствуют о том, что мы имеем дело с записями устных договоров дипломатов Руси и Византии (по крайней мере, в значительной их части, исходящей от русских), а не с переводом греческого текста и не с древнеболгарским языком¹⁵. А послы киевского князя естественно говорили на том языке, который употреблялся в повседневной жизни Древнерусского государства. Данное мнение подтверждается преобладанием в текстах договоров слов и форм, свойственных русскому языку, наличием русских форм причастий и тем, что из славянизмов употреблены лишь те, которые вошли в разговорную речь (овощи, брашно).

Отечественные ученые-правоведы уделяли не слишком пристальное внимание договорам 911 и 945 гг., и до сих пор данные источники права остаются недостаточно исследованными. Дореволюционными учеными и учеными советского периода русско-византийские договоры рассматривались исключительно как торговые договоры. С такой точкой зрения согласиться нельзя. Несомненно, в договорах одно из важных мест занимают нормы, регулирующие торговлю между двумя странами, но содержание договоров этим не исчерпывается. Составители включили в договоры нормы, регулирующие не только торговлю, но и другие многочисленные вопросы, такие например, как: восстановление мирных отношений; нормы о преступлениях против жизни, личности и имущества; об ответственности за правонарушения; о выдаче преступников и др. Следует согласиться с мнением Р. Л. Хачатурова, который указывает, что в основу договоров были положены нормы международного права, обычаи и законы Киевской Руси и нормы греческого права. По его мнению, русско-византийские договоры – плод совместной работы договаривающихся сторон, в которых отразилось как русское, так и греческое право¹⁶. В русско-византийском договоре 911 г. составители неоднократно используют такие юридические термины, как «закон Русский» (статьи 1, 4, 5, 15), «покон» (ст. 15). В договоре 944 г., в отличие от договора 911 г., помимо термина «закон Русский» (статьи 9, 14) упоминается и иной термин – «устав» (ст. 6). Ссылки в договорах на «Закон Русский», «закон», «покон», «устав» доказывают, что нормы эти были заимствованы из национального русского законодательства и приспособлены к международным договорам.

Право Древней Руси (X в.) имеет отличительную особенность. Она заключается в том, что в этот период одновременно на территории молодого государства действовали нормы обычного права, княжеских уставов и «Закона Русского».

В ст. 3 договора 911 г. указано: «А о главах, иижеся ключить проказа, урядим сице: да елико яве будет показании явленными. Да имеют верное о тацех явлении, а ему же начнут не яти веры, да кленеться часть та, иже ищеть ненятью веры; да егда кленеться по вере своеи, будеть казнь, якоже явиться согрешень»¹⁷. С. В. Юшков предложил следующий перевод данного отрывка: «Что касается преступлений, если случится злодеяние, договоримся так: пусть обвинение, содержащееся в публично представленных (вещественных) доказательствах, будет признано доказанным; если же кому-либо (доказательству) не станут верить, то пусть присягнет та сторона, которая домогается, чтобы ему (доказательству) не доверяли; и когда присягнет, согласно своей вере, пусть наказание будет соот-

10 Там же.

11 Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910. С. 45.

12 Владимировский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. СПб., 1907. С. 90–94.

13 Обнорский С. П. О языке договоров русских с греками // Язык и мышление. Л., 1936. Т. 6–7. С. 102.

14 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 64.

15 Улуханов И. С. «О языке древней Руси». М.: Наука. 1972 // www.gramota.ru.

16 Хачатуров Р. Л. Толкование норм международного права // Вестник ТГУ. 2010. № 2 (2). С. 173.

17 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 7.

ветствовать характеру преступления»¹⁸. При переводе текстов русско-византийских договоров он переводит термин «проказа» как пагуба, несчастье, преступление.

В. А. Томсинов, сопоставив термины «проказа» и «обида», уточняет, что под «обидой» в древнерусских текстах подразумевается оскорбление, действия, причинившие смерть или материальный ущерб, а термин «проказа» употребляется для обозначения замышляемого в голове злодеяния. Термин «проказа», по мнению В. А. Томсинова, является церковнославянским. По его мнению, существовало две системы терминологии – церковнославянская и делового русского языка, существующие с самого своего начала в тесном взаимодействии. По его мнению, в древней Руси церковнославянские термины стали утверждаться в сфере русского делового языка, в том числе и в систему светской юридической терминологии, уже в X в.¹⁹

С данным мнением нельзя согласиться, поскольку термин «обида» в рассматриваемых нами русско-византийских договорах не используется. Что же касается распространения христианства на Руси, то в X в. оно еще не носило повсеместный характер и поэтому не могло оказывать влияние на формирование древнерусской юридической терминологии. По нашему мнению, высказанное Томсиновым В.А. предположение применимо для законодательства более позднего периода, а именно для законодательства Московского государства.

Термин «проказа» так же встречается и в договоре 944 г. Так согласно ст.12: «Ци аще ключится проказа некака от Грек, сущих под властью цесарьства нашего, да не имать власти казнити я, но повеленьем цесарьства нашего да примет, якоже будет створил»²⁰. Согласно данной статьи если же будет совершено какое-либо злодеяние греками, подданными нашего царского величества, то (Вы) не имеете права их (самовольно) наказывать, но согласно повелению нашего царского величества пусть получают (они наказание) в меру своих поступков²¹.

Слово проказа – древнерусское слово. Так, в словаре А. Х. Востокова – «проказа... проказы... вредные козни»²². У И. И. Срезневского в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» проказа – «зло, вред, злодеяние»²³. Согласно Этимологическому словарю П. Черных глагол «проказити» означал «погубить, повредить, извести»²⁴. М. А. Исаев в своей работе дает следующие определение термину проказа: «Проказа – неприятность в общем смысле, обозначение любого значительного ущерба, либо преступления, грабежа, разбоя, нападения»²⁵. Толковый словарь В. И. Даля и областные словари²⁶ подтверждают факт использования и в XIX в. слова «проказити» в смысле «красть, лукавить, хитрить, обманывать и т.п.», то есть в том же понимании, что и в древ-

нерусском языке. Следовательно, можно предположить, что именно термин «проказа», используемый в русско-византийских договорах, является наиболее близким к современному понятию «правонарушение». Кроме того, являясь общим понятием, он соединял в себе различные противоправные деяния.

Большое количество статей рассматриваемых нами договоров относятся к уголовному праву в современном его понимании (статьи 4, 5, 6, 7, 8, 12 договора 911 г.; статьи 5, 6, 9, 13 ф, 14 договора 945 г.). В них устанавливается ответственность за различные правонарушения (преступления), такие как: кража, грабеж, нанесение ран мечом или другими предметами, убийство.

Преступления, указанные в русско-византийских договорах, можно подразделить на следующие категории:

- преступления против жизни;
- преступления против собственности;
- преступления против личности.

Преступления против личности в свою очередь можно подразделить на преступления против жизни и преступления против здоровья.

В рассматриваемых договорах имеется ряд норм о преступлениях против жизни. Так, в договоре 911 г. говорится: «Аще кто убьеть Христьяна Русин или Христьян Русина, да оумреть, идеже аще сотворит убиство. Аще ли убежит сотворивый убиство, аще есть имовит, да часть его, сиречь, иже его будет по закону, да возметь ближний убьенаго, а и жена убившаго да имеет, толицем же пребудеть по закону. Аще ли есть неимовит сотворивый убои и убежав, да держитесь тяжи, дондеже обрящется, яко да умереть»²⁷. Данная статья вошла в текст договора 944 г., но с изменениями: «Аще убьеть Хрестьянин Русина или Русин Хрестьянина, да держим будет створивый убиство от ближних убьенаго, да убьють и. Аще ли ускочить створивый убои аще будет имовит, да возьмутъ именье его ближний убьенаго. Аще ли есть неимовит и ускочить же, да ищють его, дондеже обрящется; аще ли обрящется, да убиен будет»²⁸.

Законодатель того времени особо выделил убийство человека с потерпевшей крушение ладьи: «Аще ли ключится кому лодьи убьену быти от нас, Руси... да повинни будутъ то створшии прежереченною епитимьею» (ст. 8 договора 911 г.)²⁹. Аналогичная норма включена в договор 944 г.: «И о томъ, аще обрящють Русь кубару Гречьскую, въвержену на коем любо месте, да не преобидятъ; аще ли от нея возьметъ кто что, ли человека поработитъ, или убьеть, да будетъ повиненъ закону Руску и Гречьску»³⁰.

Следует отметить, что преступления, посягающие на жизнь, законодателем не разделялись на категории. Все преступные деяния (правонарушения), завершавшиеся смертью потерпевшего, именовались убийством. Непосредственным объектом данного противоправного деяния является жизнь человека. Что интересно, такое деяние могло иметь только форму действия, а вот бездействие, приведшее к смерти потерпевшего, не признавалось основанием для уголовного преследования. Последствие такого деяния должно было заключать-

18 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С.11.

19 Томсинов В. А. Развитие юриспруденции в Московском государстве (XIV–XVI вв.). Статья третья // Законодательство. № 6, июнь 2005 г. // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/57854521/#ixzz3pTGolyRo>.

20 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 33.

21 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 39.

22 Востоков А. Х. Словарь церковно-славянского языка. 1858. Т. 1.

23 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. 1902. Стлб. 1534.

24 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. М.: Из-во Русский язык, 1999. С. 70.

25 Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. М.: Спарк, 2001. С. 85.

26 Опыт областного великорусского словаря. Изд. АН, 1852; Дополнение к Опыт областного великорусского словаря. Изд. 2-е. СПб., 1858.

27 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 7.

28 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 34.

29 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 8.

30 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 33.

ся в смерти потерпевшего. Причинная связь между деянием и его последствиями предполагалась, а отсутствие такой связи должен был доказывать обвиняемый в убийстве. Отметим, что не имело значения, намеренно ли преступник лишил жизни человека или случайно, главное, что человек мертв, а следовательно, должна наступить и ответственность за это.

Следующий вид преступлений, указанный в русско-византийских договорах – преступления против личности. Данные нормы содержатся как в договоре 911 г. так и в договоре 944 г. Нормы эти очень сходны, но имеют и существенные различия. Так, в ст. 5 договора 911 г. говорится: «Аще ли ударить мечем, или бьеть кацем любо сосудом, за то ударение или бьенье, да вдасть литр 5 серебра, по закону Рускому. Аще ли неимовит тако сотворивый, да вдасть елико может, да соиметсь себя и ты самыя порты, в них же ходить, а о проче да роте ходить своею верою, яко никако же иному помощи ему, да пребываеть тяжа отоле не взыскаема»³¹. В договор 944 г. была включена аналогичная норма, но с изменениями: «Ци аще ударить мечем или копьем, или кацем любо оружием Русин Гръчина или Гръчин Русина, да того дея греха заплайти серебра литр 5 по закону Рускому» (ст. 14)³². Поскольку удар мечем, копьем или каким-либо сосудом (удар мечем, копьем или каким-либо оружием по договору 944 г.) мог привести к серьезнейшим травмам, следовательно, объектом данного правонарушения являлось здоровье человека. Кроме того, такие действия могли причинить не только вред здоровью, но и моральный вред. И независимо от силы удара наказание предусматривалось одно и то же – 5 литр серебра. Для признания человека виновным в данном случае, во-первых, необходимо, чтобы преступник совершил определенные действия, а именно: ударил бы жертву мечем или копьем, а также бил бы ее каким-нибудь бытовым предметом. И, во-вторых, необходимо, что бы в результате такого противоправного деяния потерпевшему был причинен физический ущерб и возможно моральный. Так же как и в случае с убийством форма вины для признания деяния преступлением и размера назначаемого наказания не имела значения.

Древнерусское право различало несколько форм преступлений против имущества: кража, грабеж, разбой.

Под кражей понималось тайное хищение чужого имущества. Так в договоре 911 г. устанавливалось: «Аще украдеть Русин что любо у Христиана или паки Хръстьян у Русина, и ят будет в том часе итати, егда татбу сътворити от погубившаго что любо, аще приготвиться тать творяи, и уьен будет, да не взищеться смерть его ни от Хръстьян, ни от Руси, но паче убо да возметь свое, иже погубил. Аще даструце свои украдыи, да ят будет тем же, у негоже будет украдено, и связан будеть, отдасть то, еже сместворити, и сотворит триичи»³³. В договор 944 г. включена аналогичная статья, но видоизмененная: «Аще ли ключити украсти Русину от Грек что, или Гръчину от Руси, достойно есть възвратити не точью едино, но и цену его; аще украденное обрящеться продаваемо, да вдасть цену его сугобо, и топокажен будет по закону Гръчьскому по уставу, и по закону Рускому»³⁴. Здесь видно, что законодатель внес изменения, смягчив наказание за хищение.

Составителями договоров особо выделены две разновидности кражи: кража с потерпевшего крушение судна и кража челяди. Что касается кражи с потерпевшего крушения судна, то согласно в ст. 8 договора 911 г.: «Аще ли ключити кому от лоды уьену быти от нас, Руси, или възяту быти чему любо, да повинни будут то створшии прежереченною епитимьею»³⁵. Договор 944 г. добавляет, что «аще ли от нея возметь кто что ... да будеть повинен закону Руску и Гръчьску» (ст. 9)³⁶. Объективная сторона правонарушения заключается в совершении кражи в отсутствие собственников или незаметно от них. В том случае если «тать» (вор) будет замечен и окажет сопротивление, то его деяние будет уже квалифицироваться, как грабеж.

Статья 12 договора 911 г. содержит нормы о краже, бегстве и насильственной продаже челяди «...Аще украден будеть челядин Руский, или ускочити, или по нужи продан будет, и жаловати начнуть русь, покажетсь таковое от челядина, да поимуть Русь; но и гостие, погубиша челядин, и жалують, да ищуть, обретаемое, да поимуть е... Аще ли кто ускушенья сего не даст створити местник, да погубити правду свою»³⁷. Следует обратить внимание на следующую особенность, согласно данной статье византийские чиновники обязаны были принимать участие в розыске бежавших или украденных русских рабов. Статья 3 договора 944 г. содержала аналогичные нормы, однако в ней отсутствовало указание на обязанность византийских чиновников производить розыск беглых русских рабов. В отличие от договора 911 г. в договор 944 г. включена статья, устанавливающая вознаграждение за поимку и возвращение беглого раба вместе с похищенным им имуществом хозяина (ст. 4). Кроме того, в статье установлен и размер вознаграждения – «два золотника».

Исходя из анализа текстов русско-византийских договоров можно сделать вывод, что законодательство Древней Руси Х в. различало собственно кражу и кражу, переходящую в грабеж.

Субъективная сторона кражи характеризуется виной в форме прямого умысла. Предметом кражи могло выступать любое имущество, находящееся в собственности свободных граждан. Что касаясь кражи, переросшей в грабеж, то вор изначально рассчитывал остаться незамеченным, но его заметили. С этого момента он уже грабитель, а если он еще и оказывал сопротивление, опасное для жизни и здоровья собственника, то это уже квалифицируется законодателем как разбой. Субъективная сторона грабежа аналогична субъективной стороной кражи.

Проанализировав статьи, посвященные краже и грабежу, можно утверждать, что законодатель выделяет покушение на данные преступления и оконченные преступления, при этом момент окончания определен продажей похищенного имущества. Так, ст. 6 договора 911 г. предусматривала наказание за покушение на кражу (если вор был застигнут потерпевшим на месте совершения кражи). В ст. 5 договора 944 г. говорится и о покушении на грабеж «если кто из русских попытается (самовольно) взять что-либо у людей нашего царского величества» и о грабеже как об оконченном преступлении «если же (он) уже возьмет (что-либо)»³⁸.

31 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 7.

32 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 34.

33 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 7–8.

34 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 32–33.

35 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 8.

36 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 33.

37 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 9.

38 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 38.

Однако это не имело никакого значения на практике, поскольку в случае если преступник был застигнут на месте преступления, и независимо от того, окончено или не окончено преступление, он мог быть убит собственником имущества и при этом последний не считался бы виновным.

Следующий вид преступления, который можно выделить в договоре 911 г. – разбой: «Аще кто или Русин Хрестьяну или хрестьян Русину мученья образом искус творити, и насилье яве возьмет что либо дружне, да въспятитъ триичи»³⁹. Договор 944 г. аналогичной нормы не содержит. Исходя из текста договора следует, что в Древней Руси разбой понимался как двухобъектное преступление, поскольку, во-первых, оно посягало на конкретное имущество, находящееся в собственности, а во-вторых, посягало на здоровье лица, которое подверглось нападению. Отметим, что современное уголовное право сохранило разбой как двухобъектное преступление. В Древней Руси противоправное деяние могло быть признано разбоем только при одновременном наличии следующих условий: имущество должно быть изъято и при этом потерпевшему причинены «мученья». Субъективная сторона разбоя в X в. заключалась в том, что разбойник совершает определенные действия по присвоению чужой собственности, которые носят насильственный характер и при этом собственнику могут быть причинены «мученья», то есть физические страдания. Из смысла текста следует, что разбойник поддавался искушению («мученья образом искус творити»), а следовательно, он осознавал преступный характер своего деяния, желая наступления общественно-опасных последствий и делая для этого все возможное.

Субъектом противоправных деяний по русско-византийским договорам являлся подданный Великого князя Киевского и подданный императора Византийского, в случаях, оговоренных в договорах. Следовательно, субъектом могло быть только физическое лицо. Анализируя тексты рассматриваемых нами договоров, можно сделать вывод, что в дохристианскую эпоху не имело значения, кто совершил противоправное деяние – подросток или взрослый человек, мужчина или женщина, ответственность наступала для всех в одинаковой степени. В. В. Момотовым высказано предположение, что «большую роль в определении дееспособности и правоспособности лиц играл возраст. По общему правилу, дееспособность наступала в период с 15 до 20 лет»⁴⁰. Однако с таким предположением согласиться нельзя, поскольку в рассматриваемых договорах отсутствуют указания на различие в правоспособности свободных граждан в зависимости от возраста и пола.

Но все же существовали некоторые различия в уголовной правосубъектности лиц. Различия эти основывались на уровне материальной обеспеченности правонарушителя. Так, зажиточный человек в некоторых случаях мог откупиться принадлежащим ему имуществом от смерти, а человек неимущий был лишен такой возможности. Так, согласно ст. 4 договора 911 г., если убийца убежит, но окажется имущим, то причитающуюся ему часть имущества возьмет родственник убитого, а если преступник окажется неимущим и при этом он бежал, то он должен был находиться под судом до тех пор пока его не найдут, а когда он будет найден, он должен быть убит⁴¹. Аналогичное наказание предусматривала и ст. 13а договора 944 г.

39 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 8.

40 Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.: Монография. М.: ИКД «ЗЕРЦАЛО-М», 2003. С. 141.

41 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 11.

Отдельно следует сказать о челяди. В X в. на Руси челядин – раб. Главнейшим источником рабства в древнерусском государстве являлся плен. Челядин (раб) не являлся субъектом права, а был объектом правонарушения. Так, согласно ст. 12 договора 911 г. «если русский челядин будет украден или убежит или будет насильно продан; ... так же если и купцы потеряют челядина и заявят об этом, то пусть производят розыск и, найдя его, заберут ...»⁴². Статья 3 договора 944 г. повторяла в общей форме ст. 12 договора 911 г. А следовательно челядин не обладал правосубъектностью.

Анализ текстов договоров показывает, что объектами правонарушений X в. являлись: жизнь, здоровье и имущество, принадлежащее свободным гражданам Киевской Руси и Византии. Необходимо еще раз отметить, что челядь, упоминаемую в договорах, следует отнести к имуществу. Высказанной С. Н. Ревинной мнение о том, что «институт права собственности является центральным элементом правовой системы...»⁴³, можно отнести и к правовой системе Киевской Руси.

Что же касается вопроса о пределах действия норм, содержащихся в договорах, то в данном вопросе у ученых нет единого мнения. Высказываются различные точки зрения. Одни ученые считают, что нормы русско-византийских договоров применялись как в Византии так и на Руси. Такого мнения придерживался Ф. Г. Эверс, но при этом он уточнял, что «оба народа строго придерживались своих законов». Такой видный ученый, как В. И. Сергеевич, отмечал, что из взаимных отношений договаривающихся сторон и из некоторых выражений договоров надо заключить, что составители их, определяя частное право греков и Руси, имели в виду только греков и Русь, находящихся в пределах греческой территории. В этом вопросе В. И. Сергеевича поддержал М. Дьяконов, указав: «Обыкновенно думают, что договоры применялись на территориях договаривающихся сторон и что русский закон, естественно, господствовал на русской территории. Но когда представлялись случаи применять к отношениям между греками и Русью нормы договорного права на русской территории? Греки к нам приезжали вообще редко, а по торговым делам и вовсе не допускались. Значит, нормы договорного права имели применение почти исключительно в пределах Византии». Однако исследования ученых последних лет свидетельствуют о том, что в русских городах в XI в. работали греческие мастерские, и, кроме того, древнерусское государство посещали греческие купцы. Кроме того, в мирных договорах имеются статьи, действия которых ограничивалось территорией одного государства (ст. 13 договора 911 г.; статьи 3, 4 договора 944 г.). В данных статьях четко определены границы их действия, следовательно, все остальные нормы, не имеющие таких ограничений, распространяли свое действие на территориях двух стран.

Таким образом, можно утверждать, что русско-византийские договоры 911 и 945 г. представляют собой запись реально действовавших правовых норм Древней Руси и Византии. При составлении договоров для описания противоправных деяний использовались разнообразные, но уже устоявшиеся в законодательстве того времени юридические понятия и термины. Например, «убийство», «убой», «татба» (кража), «казнь» (в смысле наказания), «закон», «покон», «устав» и т.д. Что же касается понятия «правонарушение», то в терминологии древ-

42 Памятники Русского права / Под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 13.

43 Ревина С. Н. О собственности как правовой и экономической категории // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4 (18). С. 422.

нерусского права X в. оно имеет наиболее близкий аналог в понятии «проказа». Противоправные деяния рассматривались как нарушение частного права. Право Руси не знало четкого разграничения правонарушений (противоправных деяний) на виды. Следует отметить, что в рассматриваемых договорах отсутствует специальный термин, обозначающий различные преступления, однако законодатель четко выделяет группы противоправных деяний, которые могут быть отнесены с современной категорией «преступление».

Субъектами правонарушений являлись только свободные граждане Киевской Руси и Византии, независимо от возраста и пола. Но все же существовали некоторые различия в уголовной правосубъектности лиц. Различия эти зависели от уровня материальной обеспеченности правонарушителя.

Необходимо отметить, что все противоправные действия могли иметь только форму действия, форма вины для признания деяния преступлением и размера назначаемого наказания не имела значения.

Следует согласиться с высказыванием В. А. Томсинова о том, что «зарождавшаяся русская юриспруденция имела в те времена прочный фундамент для развития в качестве самостоятельного явления – явления исконно русского как по своему содержанию так и по форме»⁴⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910.
2. Болгова О. С. Основные источники права // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92.
3. Владимировский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. СПб., 1907.
4. Вопленко Н. Н. Правонарушение и юридическая ответственность: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.
5. Востоков А. Х. Словарь церковно-славянского языка. Т. 1. 1858.
6. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Изд. 2-е. СПб., 1858.
7. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. М.: Спарк, 2001.
8. История Византии. Т. 2. М., 1967.
9. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1966.
10. Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958.
11. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: Учебник. М., 1998.
12. Левченко М. В. Очерки истории русско-византийских отношений. М., 1956.
13. Минникес И. В. Источники российского права: исторический экскурс // Академический юридический журнал. 2007. № 4(30).
14. Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.: Монография. М.: ИКД «ЗЕРЦАЛО-М», 2003.

15. Обнорский С. П. О языке договоров русских с греками // Язык и мышление. Т.6-7. Л., 1936.
16. Опыт областного великорусского словаря. Изд. АН., 1852.
17. Памятники Русского права / под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952.
18. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
19. Ревина С. Н. Источники права в сфере экономики // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2004. Специальный выпуск: Актуальные проблемы экономики и права.
20. Ревина С. Н. О собственности как правовой и экономической категории // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4 (18).
21. Ревина С. Н., Сидорова А. В. Эволюция понятия правонарушения в правовой науке XX века // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5 (84).
22. Сахаров А. Н. Кий: Легенда и реальность // Вопросы истории. 1975. № 10.
23. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. 1902. Стлб. 1534.
24. Сидорова А. В. Актуальные проблемы разграничения правонарушений // Наука XXI века: актуальные направления развития: материалы Международной заочной научно-практической конференции. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2014.
25. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1999.
26. Хачатуров Р. Л. Толкование норм международного права // Вестник ТГУ. 2010. № 2 (2).
27. Хачатуров Р. Л. Русская правда: Монография. Тольятти, 2002.
28. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. М.: Из-во Русский язык, 1999.
29. Яхьяев А. Т. Судебный прецедент как источник финансового права // Общество и цивилизация в XXI веке: Тенденции и перспективы развития. 2014. № 4(8).

⁴⁴ Томсинов В. А. Развитие юриспруденции в Московском государстве (XIV–XVI вв.). Статья третья // Законодательство, № 6, июнь 2005 г. // Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/57854521/#ixzz3pTGolyRo>.

Троценко О. С. ОСОБЕННОСТИ СДЕЛОК О НАЙМЕ ТРУДА С КАБАЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ НА РУСИ

В статье дается историко-правовой анализ сделок о найме труда на Руси с кабальными людьми. Наниматели в таких сделках старались удержать рабочую силу в экономической зависимости пожизненно. Рабочая сила прикреплялась не только к земле, но и к хозяину-нанимателю и становилась его собственностью.

Ключевые слова: кабала, кабальные люди, кабаловладельцы, кабальные сделки о найме труда, заем.

Trotsenko O. S. FEATURES OF DEALS ON HIRING LABOUR WITH ENSLAVING PEOPLE IN RUSSIA

The article gives a historical and legal analysis of transactions on hiring labour with enslaving people in Russia. In such transactions the employers tried to keep labour in economic dependence for life. The labour force was attached not only to the land but also to the host employer and becomes his own.

Keywords: bondage, enslaving people, slaveholders, enslaving deal on hiring labour, loan.

Троценко О. С.

Кабала на Руси, как показывают исторические факты, являлась самостоятельной формой экономической зависимости людей и превращала их в рабов. В таких отношениях «по долгам» возникали, как правило, негативные последствия для должников перед кредиторами.

Исторический опыт принуждения рабочей силы на Руси показывает, что эксплуатация чужого труда не ограничивалась военной узурпацией, утилизацией и превращением рабочей силы в вещь. Постоянный дефицит рабочей силы вынуждал феодалов-землевладельцев отыскивать новые способы прикрепления рабочей силы, ее использования и превращения ее в собственность хозяина. Таким способом явилась кабала.

Кабала означает состояние экономической зависимости одного человека от другого – слабого от сильного, голодного от сытого, бедного от имущего. В этих отношениях одна сторона всегда испытывает какой-то дефицит ресурсов, какую-то нужду и по этой причине лишается своей воли, самостоятельности и свободы. Такие отношения стали возникать с появлением денег и сделок по ним – ссуды, займа, залога. Люди на Руси были убогие, нищие, бедные в своем образе жизни. Это были нестоящие пауперы. Поэтому по таким денежным обязательственным отношениям между кредиторами и дебиторами сразу же стали появляться долги. Появились несостоятельные дебиторы, люди-банкроты, люди-должники. Жесткие обычаи и сделки на условиях кредитора привели к известному результату, который быстро стал обычаем на Руси для рабочей силы. Вместо денег и имущества по долгам люди стали предлагать живой труд, свою рабочую силу.

У людей-должников появилась возможность отработать свои денежные долги. Однако цена рабочей силы была очень низкая, а долги высокие, они постоянно возрастали за счет процентов или произвольного увеличения их кредиторами. Поэтому рабочая сила отработывала свои долги всю свою жизнь.

Отношения по использованию труда закупов, наймитов и приказных людей – это отношения кредитора со своими должниками, в которых рисковал деньгами и имуществом только кредитор, так как сделки о найме труда в большинстве своем заключались в устной форме. Обычаи на Руси мало помогали кредитору, так как первая рабочая сила в своем поведении была лишена какой-либо самостоятельности и какого-либо смысла. Произвол кредиторов и их безмерные притязания к должникам также оказывали давление на рабочую силу. В сделках о найме труда на определенном этапе, на рубеже XIV–

XV вв. появляется постоянная письменная форма. На ее основе появляются кабальные люди и кабаловладельцы.

Слово «кабала», как правило, историки выводят из арабского или татарского языков. Оно переводится как «договор купли-продажи», возникающий на основе расписки (записи). Отношения, близкие к кабальным, возникают на Руси уже в XIII в. Социальными предками кабальных людей считают закупов Киевской Руси. В русском языке слово «кабала» появилось на рубеже XIV–XV вв. и имело значение заемной записки, письменного обязательства.

В разряд кабальных людей, когда человек лишался свободы, вынужден был подчиняться во всем другому человеку и таким способом попадал во временное рабство, попадали в первую очередь люди, не имеющие средств к существованию. Они скитались, едва не умирали с голоду, не находили себе работы и промысла. Одним словом, в кабалу шли люди от нужды. Поэтому кабала притягивала бедного к богатому, человека без хлеба к человеку с хлебом, человека без собственности и без работы к человеку с достаточной собственностью, который мог дать и работу. В группу кабальных людей входили также холопы (полные, докладные, купленные, старинные) и приказные люди. Право на владение такими людьми утверждалось или в актах продажи, или в полных грамотах и крепостях, или же самим фактом.

Государственный порядок требовал, чтобы все крестьяне, сидевшие на земле, были подвластны кому-нибудь (к кому-нибудь тянулись, кого-нибудь слушали), то есть находились в безусловном подчинении. Они должны знать, что они повинны только работе на своего господина, чтобы его слушали во всем, пашню на него пахали и доход вотчинникам платили. Таким единственным способом можно было удержать на земле рабочую силу, извлекать из земли доход и выполнять службу по наряду. Ведь всякая работа на помещика предполагает непременно наряд, надзор и принуждение. Пользуясь властью, господин должен распоряжаться трудом человека, управлять его личностью, употреблять его для своих хозяйственных целей, давать ему суд и расправу. Владелец земли привыкал смотреть на крестьянина как на свою принадлежность, не думая о том, чтобы выяснить самому себе свое право на человека и установить этому праву определенные границы.

Кабальные люди стали появляться в XV в. на основе получения от кабаловладельцев денежного займа, который обеспечивался личной свободой, когда должник не мог представить другого обеспечения. Отсюда происходит особый вид кабальных записей о денежном займе: ростовой, закладной,

служилый. Это обеспечение займа свободой, по общему праву, должно было прекращаться с уплатой долга. Но бедному человеку, отдавшему себя за долг, в большинстве случаев было весьма трудно приобрести денежную сумму, необходимую для выкупа на волю. А чтобы сделать выкуп и вовсе невозможным, займодавцы специально писали кабалы на большую сумму или увеличивали прежний заем.

Отряд кабальных людей резко возрастает с конца XV в. в московском княжестве. Государство подсчитало, что обычные холопы остаются как бы свободными людьми и поэтому решило в законодательном порядке ввести такие ограничения для них, чтобы они не смогли освободиться от неволи, рабства и кабалы никогда¹. Появляются кабальные холопы – русские рабы в кабальном море. По своему происхождению, это кабальное холопство из займа². Должник личной службой во дворе кредитора-кабаловладельца (рабовладельца) погашал проценты на занятый капитал. Это определялось особым документом – служилой кабалой. Такая зависимость юридически прекращалась уплатой долга, но фактически уплатить долг было невозможно, так как весь труд должника шел на уплату только процентов по займу. Новый же заем, для уплаты старого долга, вел лишь к перемене кредитора, но никак не улучшал положение должника, которое становилось угрожающим его существованию. Отсюда ясно значение выражений – «попасть в кабалу», «выбиться из кабалы» – указывающее на трудность экономического положения закабаленного человека. В большинстве случаев кабала была пожизненной.

На это указывают предсмертные распоряжения рабовладельцев первой половины XVI в., которые прощали долги своим кабальным людям и тем самым освобождали их от зависимости. Без такого распоряжения кабальные люди поступали в зависимость к наследникам своих кредиторов. Кредиторы-завещатели отпускали кабальных людей на волю «по душе» вместе с полными холопами. Это значит, что они считали своих кабальных людей холопами, хотя эта неволя не получила законодательной санкции до принятия Указа «О кабальных холопах» 1586 г.

Вообще указы довольно долго молчали о людях кабальной зависимости. Впервые лишь Судебник царский 1550 г. упоминает о служилых кабалах и устанавливает некоторые ограничения в практику кабального «права». Согласно Судебнику запрещено:

- 1) выдавать служилые кабалы на сумму свыше 15 рублей;
- 2) превращать простую процентную (ростовую) кабалу в служилую. Вслед затем в 1559 г. запрещалось брать служилые кабалы на лиц моложе 15 лет. Все эти незначительные ограничения не изменили характера кабальной зависимости. В служилых кабалах обозначались сумма займа, срок его и обязательство служить за рост во дворе кредитора. В случае неуплаты долга в срок заемщик обязывался служить во дворе пожизненно.

Существенное изменение в положение кабальных людей вносит Указ «О кабальных холопах» 1586 г., на основании которого, по примеру полного холопства, вводится доклад и для служилой кабалы. Это означает, что все вновь составляемые кабалы должны писаться под контролем правительственных учреждений и заноситься в особые книги. Таким докладным кабальным людям предписывается от господ не отходить, денег по кабалам не брать, а отдавать в службу до смерти господ. С этих пор докладные кабальные люди юридически стали невольными и стали называться холопами на официальном языке.

Правила Указа «О кабальных холопах» 1586 г. о докладных кабальных людях распространились Указом «Об урочных

летах» 1597 г. на всех, кто составил группу кабальных холопов. Прежняя пожизненная зависимость по кабале перешла в личное холопство кредитора-кабаловладельца. После смерти господина кабальный холоп становился вольным человеком, без уплаты долга. Указ «Об урочных летах» 1597 г. по этому поводу прямо записал, что жене и детям умершего до кабалы, людей его дела нет, и денег по тем кабалам не указывать. Соответственно личному характеру кабальной неволи, права господина над кабальными холопами оказались ограниченными: ему принадлежало право пользования рабочей силой холопов, без права распоряжения их личностями. Указ «Об урочных летах» 1597 г. внес еще одно новое положение в институт кабального холопства, узаконив новый способ его установления: добровольная служба во дворе без всякого предварительного займа. Если она продолжалась более полугода, добровольный слуга превращался в кабального холопа. Указ предписывал выдавать кабалы на таких добровольных холопов и против их воли, потому что «тот человек того добровольного холопа кормил и обувал и одевал». Новая кабала – за получение пропитания!

Позднейшими мерами этот личный характер кабального холопства еще более ограничивается. Так, Указом 1606 г. запрещалось выдавать кабалы на одних и тех же лиц одновременно двум господам, даже отцу с сыном, брату с братом. Для устранения злоупотреблений было запрещено господам брать на имя своих детей новые кабалы от холопов без предоставления на них отпусковых. Кабальный холоп, таким образом, мог выдать на себя новую кабалу, только сделавшись вольным человеком.

Указ сократил полугодовой срок до трех месяцев. Дети, родившиеся от подобных людей, по достижении пятнадцати лет также обязаны были дать на себя служилые кабалы в силу давности безкабальной службы. Когда, с одной стороны, кабальное холопство из службы за рост превратилось как бы в службу за самый долг без права его уплаты, а с другой – в кабальное холопство можно было попасть без всякого займа. Старая форма кабалы потеряла свой первоначальный реальный смысл, хотя долгое время оставалась господствующей.

С половины XVII в. возникает новая форма кабалы, где просто обозначалось, что такой-то бьет челом во дворе такому-то и служилую кабалу на себя дает, служить у господина по его живот. Новый тип кабального холопства, закрепленный Указами 1586 и 1597 гг., получает окончательную обработку, где занимает особое место по сравнению со старым, постепенно вытесняемым полным холопством.

Согласно Указам, на вольных людей, поступающих в холопство, можно было выдавать только служилые кабалы, а не полные грамоты. Права господина-кабаловладельца над кабальным холопом оказываются еще очень широкими. Господин не может только распорядиться личностью холопа, продать его, подарить, завещать, от произвола господина по закону ограждены также жизнь и здоровье холопов. При возвращении беглых холопов у их господ берется запись, что они тех выданных холопов не убьют и не изуечат. Господа обязаны, наконец, кормить своих холопов. Им запрещено ссылать их со двора для прокормления без отпусковых, иначе таким холопам выдавались отпусковые из холопского приказа.

Имущественные права холопов по-прежнему оставались ничем не гарантированными. Узы прямо запрещают холопам покупать и принимать в заклад вотчины, в городах дворы и лавки. Указы запрещают давать суд по челобитьям холопов, предъявлять иски к наследникам умерших их господ «в животах или грабежах», то есть в присвоении или насильственном отнятии принадлежащего рабам имущества. Следовательно, отпуск на волю из кабалы после смерти кабаловладельцев имел место без наделения кабальных людей каким-либо имуществом. Это зависело только от милости и доброй воли господина. Кабальное холопство просуществовало до петров-

1 Дьяконов И. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: 1908. С. 274.

2 Кулишер И. М. История русского народного хозяйства: 2-е изд. Челябинск: Социум, 2004. С. 296–301.

ских указов о ревизии, когда холопы и крепостные крестьяне составили одну общую массу.

В целом, отряд кабальных холопов следует оценить как рабов и крепостных, принадлежащих кабаловладельцам. Сами по себе, кабальные люди, ничего не имели, кроме кабалы, поэтому они были ничем. Законы, которые регулируют жизнь людей, для кабального человека не имели никакого значения. Различные указы и уложения следует рассматривать как красивые фикции, которые кабаловладельцы на практике никогда не исполняли. Зато в случаях бегства кабальных холопов, другого средства защиты они не имели, их разыскивали специальные сыщики. Был создан специальный розыскной суд, следствие проводилось по процедурам татебных и разбойных дел. Побег кабального холопа определялся в качестве преступления, за которое следовало наказание – битие кнутом!

Состояние кабалы на Руси изначально проявляло себя в односторонних приказных сделках работодателя с рабочей силой, в которых вся выгода по ним была на стороне имущей стороны. Этот обычай послужил основой для формирования экономической кабальной зависимости людей. Кредиторы на Руси постоянно рисковали по денежным сделкам, т.к. другая сторона была абсолютно неимущая, т.е. изначально не способная исполнить сделку и вернуть деньги (имущество) по ней в срок. Поэтому главным способом защиты кредитора становится ростовщичество, а для должника – пожизненное состояние погашения долга. На Руси появились люди, которых стали покупать за деньги. Кабальные люди «добровольно», под давлением тяжелых экономических, бытовых и семейных обстоятельств, вынуждены были отдавать свою рабочую силу в бессрочную зависимость и собственность – по жизни кредитора, владельца, работодателя

С кабальными людьми возникали сделки о найме чужого труда ультимативного свойства. Они были основаны на обычаях, обмане, заблуждении и хитрости господина. Выигрыш в таких сделках о найме труда был у одной стороны – кабаловладельца, причем за счет неимущих, которые в сделках всегда оказывались проигравшей стороной и от того попадали в кабалу, зависимость. Такой зависимый несвободный работник становится личной собственностью землевладельца. Власть кредитора оставляла кабальным людям одну печальную возможность – страдать, терпеть и приспосабливаться.

Правовые нормы о долгах и защите должников отсутствовали, поэтому судьбу должников решали персональные действия кабаловладельцев. Судебник Ивана IV 1550 г. в ст. 82 предусматривал оформление сделок о займе и указывал кредитору право требовать от должника совершение определенных действий по сделке. Статья 82, являясь новой, отграничивает договор займа от договора личного найма. Как отмечает В. М. Панеях, уже в 30-х годах XV в. встречаются кабалы, в которых взамен условия выплаты процентов включено условие да рост служить, за рост косити, за рост пахати, то есть зарождается новая форма холопства по служилой кабале³. В Судебнике формулируется прогрессивное для своего времени понимание обязательства как права на **действие** лица, а не как на **само** лицо. В соответствии с этим статья предписывает, что взявший деньги займы обязан лишь выплачивать проценты, которые составляли во времена Ивана Грозного 20 на 100, а кредитор, заставлявший должника работать на себя, нарушал тем самым договор займа и терял право на возмещение убытков, принесящих ему побегом должника. Смысл этой статьи заключается в усилении института служилой кабалы, независимо от того, вовлекает ли она социальные низы или охватывает более широкий круг населения, в частности, детей боярских. Данная норма, как справедливо отмечает А. Г. Поляк, является отра-

жением развития товарно-денежных отношений в Русском государстве XVI в.⁴

Однако кредитор на Руси не обращал никакого внимания на эти ограничения. Он, при помощи экономической и физической силы, присваивал себе и право на само лицо должника. Этот обычай вводился для того, чтобы рабочая сила постоянно испытывала кабальную зависимость от кредитора. Кабальная зависимость рабочей силы от кредитора-работодателя явилась концентрированной социальной силой негативного свойства, которая содействовала появлению крепостной зависимости людей в России, поголовного рабства людей. Таким образом, в основе кабальных сделок лежит зависимое фактическое поведение кабальных людей на основе ультиматумов кабаловладельцев и под их контролем. Воля кабальных людей самостоятельного значения не имеет. Проявить себя она не может, ей остается только иногда, по мелочи что-то просить своего хозяина. У нее другая функция – исполнять фактические действия в пользу и в интересах своего нанимателя.

Выводы

1. Состояние кабалы на Руси изначально проявляло себя в односторонних приказных сделках работодателя с рабочей силой, в которой выгода по ним была на стороне имущей стороны. Этот обычай послужил основой для формирования экономической кабальной зависимости людей. Кредиторы на Руси постоянно рисковали по денежным сделкам, так как другая сторона была абсолютно неимущая, то есть изначально не способная исполнить сделку и вернуть долги по ней в срок. Поэтому главным способом защиты кредитора становится ростовщичество, а для должника – пожизненное состояние погашения долга. Так на Руси появились люди, которых стали покупать за деньги. Кабальные люди добровольно, под давлением тяжелых экономических обстоятельств вынуждены были отдавать свою рабочую силу в бессрочную зависимость и собственность.

2. С кабальными людьми возникали сделки о найме чужого труда ультимативного свойства, выгоду по которым получали исключительно кабаловладельцы за счет неимущей стороны, которая заведомо оказывалась проигравшей стороной.

3. Правовые нормы о долгах и защите должников отсутствовали, поэтому судьбу должников решали персональные действия кабаловладельцев. В Судебнике Ивана IV 1550 г. предусмотрено оформление сделок о займе и указывается на право кредитора требовать от должника совершение определенных действий по сделке. Однако кредитор на Руси не обращал какого-либо внимания на эти ограничения.

Кабальная зависимость рабочей силы от кредитора-работодателя явилась концентрированной социальной силой негативного характера, которая содействовала появлению крепостной зависимости людей в России.

Пристайный библиографический список

1. Дьяконов И. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908.
2. Кулишер И. М. История русского народного хозяйства: 2-е изд. Челябинск: Социум, 2004.
3. Панеях В. М. Кобальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967.
4. Поляк А. Г. Судебник 1550 года: комментарии в кн. / Памятники русского права, вып. 4; под. ред. Л. В. Черепнина. М., 1956.

3 Панеях В. М. Кобальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967. С. 305.

4 Поляк А. Г. Судебник 1550 года: комментарии в кн. / Памятники русского права, вып. 4; под. ред. Л. В. Черепнина. М., 1956. С. 190.

Пирова Р. Н.

ПЫТКА КАК НОРМА СУДОПРОИЗВОДСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ

Статья посвящена исследованию вопроса о правовой регламентации и практике применения пытки как нормы судопроизводства в средневековой России. В статье оговариваются моменты касательно пыток как универсального инструмента судебного и сыскного процесса, чрезвычайно распространенного в России XVII—XVIII вв.

Ключевые слова: Российская империя, средневековье, судопроизводство, процессуальные нормы, пытки, реформы.

Pirova R. N.

TORTURE AS A NORM OF JUSTICE IN MEDIEVAL RUSSIA

The article is devoted to the study of legal regulation and practice of torture as a norm of justice in medieval Russia. The article discussed the points concerning torture as a universal tool of forensic and detective process, extremely popular in Russia of XVII—XVIII centuries.

Keywords: Russian Empire, Middle Ages, proceedings, procedural law, torture, reform.

Пирова Р. Н.

Во второй половине XVII в. в России развивается тенденция перехода от сословно представительной монархии к монархии абсолютной. В стране усиливается власть царя.

Суд и администрация вновь слились в один орган. Некоторые категории дел полностью были изъяты из общей судебной системы и были отданы в ведение других административных органов (Синоду, приказам и другим). На Украине, в Прибалтике и в мусульманских областях существовали особые судебные системы.

Особенностью развития процессуального законодательства и судебной практики в России являлась замена состязательного принципа принципом следственным, который обуславливался обострением классовой борьбы.

Эпоха Петра Великого (1672–1725) ознаменовалась окончательным утверждением в России абсолютной монархии, в социальном плане представлявшей диктатуру дворян-крепостников. С утверждением абсолютизма крепостное право обрело поистине изуверские формы. Проявлением протеста стали побег крестьян, бунты и народные восстания. На фоне Северной войны (1700–1721) эти события способствовали радикализации и ужесточению петровских реформ, в том числе реформы судопроизводства.

Говоря о развитии процессуального права при Петре I, необходимо отметить бесплановость, сумбурность реформ в сфере судостроительства и судопроизводства. Существовало три закона процессуального законодательства конца XVII — начала XVIII в. Одним из них был Указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных роспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», главным содержанием которого являлась полная замена суда розыском. Этим указом Петр заменил состязательный процесс, преобладавший в российском судопроизводстве, на следственный или инквизиционный процесс, что соответствовало тенденции укрепления самодержавия в России. Отныне суд стал орудием в руках государства для пресечения любых посяганий на господствующий политический режим. От суда требовалось не столько стремление к выявлению истины, сколько к устрашению подданных. Абсолютистской власти важнее было покарать невиновного, чем вообще никого не покарать.

В апреле 1715 г. вышло «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (одним томом вместе с Артикулом воинским). «Краткое изображение» являлось военно-процессуальным кодексом, устанавливало общие принципы розыскного процесса. В нем закреплялась система судебных органов, а также состав и порядок формирования суда. В «Кратком изображении» содержатся процессуальные нормы; дается определение судебного процесса, квалифицируются его виды; дается определение новым институтам процесса того времени (салфкондукт, утверждение ответа); определяется система доказательств; устанавливается порядок составления оглашения и обжалования приговора; систематизируются нормы о пытках.

Пытка, как универсальный инструмент судебного и сыскного процесса, была чрезвычайно распространена в России XVII—XVIII вв. Запечных дел мастера, орудия пытки и застенки были во всех центральных и местных учреждениях. По закону от пытки освобождались дворяне, «служители высоких рангов», люди старше семидесяти лет, дети, подростки и беременные женщины. В уголовных процессах так это и было, но в политических делах эта правовая норма практически не соблюдалась. В сыском ведомстве пытали всех без разбору, и столько, сколько было нужно. Пытки и казни детей закон, в принципе, не запрещал. Тем не менее, из документов видно, что детей и подростков щадили. Цель убить пытаемого перед запечным мастером не ставилась. Напротив, ему следовало поступать так, чтобы пытка была мучительной, но после нее жертва оставалась жива — по крайней мере, до того, пока не даст нужных показаний. Тяжесть пытки зависела от социального положения пытаемого: дворяне и знатные колодники получали при пытках заметно меньшее число ударов, чем крестьяне и посадские. Формально все колодники были равны и, как люди, побывавшие в руках палача, считались обесчещенными. Попав в застенки, вчера еще уважаемый судья Стрелецкого приказа Федор Шаковитый становится «вором Федькой», а старик архиепископ Тамбовский Игнатий — «растригой Ивашкой».

Отказ от смертной казни в царствование императрицы Елизаветы Петровны заметно повлиял на уменьшение применения пыток. Однако только реформы Екатерины II защитили благородное сословие от руки палача. Тем не менее, несмотря

на наметившуюся позитивную тенденцию, пытка в екатерининское царствование не была отменена официально, а весьма глубокая, противоречившая всему средневековому праву, мысль императрицы о том, что признание, добытое с помощью истязания, не может быть абсолютным доказательством виновности, так и не была закреплена законодательно. В исторической повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» автор так описывает процесс пыток: *«Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалующих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые»*¹.

Именно при Екатерине II, под влиянием идей Просвещения и благодаря значительному смягчению нравов вообще, заметно стремление пересмотреть отношение к пытке в России. Впрочем, по этому пути двигалась и Европа: пытку в Пруссии отменили в 1754 г., в Австрии — в 1787 г. Во Франции пытка была отменена в 1789 г. вместе с лютыми средневековыми казнями (последнее в истории колесование произошло в 1788 г.). Жестокость обращения с людьми в политическом сыске отражает особенность политического строя страны, степень развитости судебной системы и гражданского общества. В тех странах, где действовал институт присяжных, где сложились традиции публичного суда, существовала адвокатура, там пытки исчезли рано. В Англии и Швеции их не было уже в XVI в. (исключая, естественно, процессы о ведьмах).

В конечном счете, в России в течение всего XVIII в. и юридическим, и фактическим вендом следствия считалось личное признание обвиняемого, и поэтому пытка, как вернейшее средство достижения этого признания, оставалась в арсенале правосудия. Пытка в екатерининское царствование оставалась в ходу еще и потому, что добиться признания без истязания мог только высококлассный специалист, знаток человеческих душ, а таковых были единицы. Кроме того, мнение о неадекватности и негуманности пытки разделяли с Екатериной еще может быть пять — десять просвещенных людей из высшего общества. В дворянско-чиновничьей среде по-прежнему царил убеждение, что только с помощью истязания можно заставить человека говорить правду. Пытка в России была формально отменена только указом 27 сентября 1801 г. после скандального дела в Казани. Там казнили человека, признавшего под пыткой свою вину. Уже после казни выяснилось, что он был невиновен. Однако этот указ скорее оставался одним из благих пожеланий либерального начала царствования Александра I. В той же повести есть строки, и у нас нет основания им не доверять: *«Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожидаясь до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия»*².

До тех пор, пока в России существовали телесные наказания, крепостное право, палочная дисциплина в армии, говорить об отмене пыток было невозможно. Лишь с 1861 г., с освобождением крестьян и началом судебных реформ, применение пытки стало затруднительным, однако изобретательные следователи жандармских управлений и местных органов власти находили немало способов заменить пытки кнутом и другими истязаниями.

Пристайный библиографический список

1. Линовский В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001.
2. Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990.
3. Соловьев С. М. Об истории новой России. М.: Просвещение, 1993.
4. Соловьёв С. М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989.
5. Хрусталева Л. А. Пытка как институт процессуального права России начала XVIII века по «Краткому изображению процессов и судебных тяжб» от 30 марта 1716 г. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. Вып. 3.

1 Пушкин А. С. Капитанская дочка. Издательство: ИГ Лениздат, 2014. Серия: Лениздат-классика. С. 227.
 2 Пушкин А. С. Капитанская дочка. Издательство: ИГ Лениздат, 2014. Серия: Лениздат-классика. С. 227.

Миненко С. В.

ПРАВОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ ПОЛЬСКОГО КАТОЛИЧЕСКОГО ДВОРЯНСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX ВЕКА

Дворянство, в том числе и польское, в России принадлежало к привилегированному сословию, что не помогло ему избежать значительных ущемлений своих прав после польских восстаний 1831 и 1863 гг., причем правовой дискриминации подверглись только дворяне католического вероисповедания, считавшиеся зачинщиками польских волнений.

Ключевые слова: дворянское сословие, разряды дворянского сословия, льготы дворянству, польское католическое дворянство Западных губерний, воинская повинность.

Minenko S. V.

LEGAL DISCRIMINATION OF THE POLISH CATHOLIC NOBILITY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX CENTURY

The nobility, including Polish, in Russia belonged to the privileged social class, that did not help it to avoid the significant abuses of their rights after the Polish uprisings in 1831 and 1863 and legal discrimination affected the nobles of the Catholic religion only, which were considered the instigators of the Polish unrest.

Keywords: nobility, bits of nobility, privlges for nobility, the Polish Catholic nobility of the Western provinces, the conscription.

Миненко С. В.

Первые упоминания о дворянстве относятся к XII веку. Являясь низшей частью военно-служилого сословия, составлявшего двор князя или крупного боярина, дворяне принимались на службу князем для выполнения различных административных, судебных и иных поручений.

Иван IV после первого Земского собора (1549 г.) взял курс на построение в России системы управления, основанной на максимальной концентрации власти в руках царя – самодержавия, основной опорой государства и монархии в котором и должно было стать нарождающееся сословие, которое одновременно противопоставлялось достаточно самостоятельному и независимому от царской власти боярству.

С отменой местничества в 1682 г. наступил «золотой век» русского дворянства: карьерный рост, ранее зависевший от знатности происхождения рода, теперь стал зависеть от личных способностей и таланта служилого.

Петр I видел в дворянстве силу, способную осуществить задуманные им преобразования, стать подлинной опорой монарха и сословием, посвятившим себя служению Отечеству как на военном, так и на гражданском поприще. В 1714 году указом «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» он уравнивает в правах поместье и вотчину, в 1718 году освобождает дворянство от уплаты подушной подати, а в 1722 году принимает знаменитый «Табель о рангах», установивший чрезвычайно эффективную систему карьерного роста как для дворянства, так и для лиц других сословий, позволивший пополнить дворянство наиболее грамотными и способными людьми из низов.

«Жалованная грамота дворянству» (1785 г.) Екатерины II закрепила привилегии дворянству и кодифицировала их, предоставила им право самоуправления на местах. Дворянство стало главным столпом самодержавия, они занимали высшие государственные и военные должности. «Дворянство находилось с Монархией в полном единении. Оно приняло и вело ту же культурную миссию, какую повела Монархия начиная с Петра Великого. Дворянство глубоко и сознательно вошло в эту миссию... Влияние его было огромно»¹.

Таким образом, по российскому законодательству самым привилегированным сословием в стране являлось дворянство, делившееся на потомственное и личное². Прав и привилегий у потомственного дворянства было больше: только принадлежность к потомственному дворянству давало возможность передавать свои сословные права и привилегии по наследству, владеть землей и крепостными на правах собственности. Согласно закону, потомственное дворянство имело шесть разрядов: дворянство жалованное, военное, дворянство восьмиклассное, иностранного рода, титулованное, древнейшее³. Приобреталось потомственное дворянство тремя способами: высочайшим пожалованием, чинами в службе и в случае награждения российским орденом⁴.

Въезд в страну иностранного дворянства осуществлялся по проезжим грамотам, позже – паспортам⁵. Дворяне-иностранцы были лишены возможности использовать свое дворянское достоинство для приобретения равных с российским дворянством прав без выполнения законодательно установленных процедур. Иностранцы свое дворянское происхождение должны были доказать соответствующими дипломами, которые подлежали утверждению императором, подтверждавшим дворянское достоинство иностранца своей грамотой⁶. Кроме этого иностранцы, принявшие подданство, «производятся в российское дворянство не иначе, как по заслугам, оказанным Российскому Государю или государству, или по достижении чинов, присвоющих сие звание коренным подданным»⁷. После приобретения прав российского дворянства на них распространялись все льготы, связанные с этим привилегированным состоянием, в том числе и право приобретать и продавать имущества вместе с крепостными крестьянами⁸.

2 СЗ. 1832. Законы о состояниях. Кн. 1. О разных родах состояний, и различии прав им присвоенных. Ст.14.

3 Там же. Ст.15.

4 Там же. Ст.16.

5 РГАДА. Ф.127. Оп.2. Д.6. Л.1.

6 ПСЗ-1. - Т. 28. № 21657. ПСЗ-2. - Т. 3. № 2005.

7 СЗ. 1832. Законы о состояниях. Кн. 1. О разных родах состояний, и различии прав им присвоенных. Ст. 22.

8 Там же. Ст. 908.

1 Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: Айрис-Пресс, 2006. – С. 325.

Но это требование относилось не ко всем: «дворяне царства Польского и Великого княжества Финляндского признаются наравне с дворянами российскими, хотя бы они никогда в российской службе не состояли»⁹.

В соответствии с законами о состояниях, все причисленные к дворянству российские подданные обладали следующими правами¹⁰:

1) имели право вступать в военную или гражданскую службу (ст. 134);

2) были освобождены от личных податей и рекрутской повинности, а помещичьи дома в деревнях – от постоя (ст. 143, 144, 146);

3) потомственные дворяне имели право приобретать как движимое, так и недвижимое имущество, землю, как с крепостными, так и без них (личные дворяне этого права были лишены) – ст. 151, 153, 154;

4) продавать, дарить и завещать свое имущество (ст. 158),

5) пользоваться правом винокурения (ст. 150),

6) без записи в купеческие гильдии (т.е. без внесения ежегодных платежей) допускались к подрядам и поставкам, могли в своих имениях строить заводы и фабрики, продукцией с которых торговать оптом беспощинно (ст. 147–149);

7) устраивать в своих имениях торги и ярмарки (ст. 155);

8) дворянин без суда не мог быть лишен ни жизни, ни чести, ни имущества, причем приговор не мог быть приведен в исполнение без его утверждения императором (ст. 141);

9) дворянин был свободен от телесного наказания, как по суду, так и во время содержания под стражей, к нему запрещено было применять особые меры для предотвращения побега – бритья половины головы и заковывания в кандалы (ст. 142).

К лишению дворянства вели совершение уголовных преступлений и «преступления, разрушающие основания дворянского достоинства», к которым законодатель относил нарушение клятвы, измену, лживые поступки (ст. 167, 168).

Дворянство, как оплот русского самодержавия, принадлежало к государственной религии – православию, так же, как и российский государь. Однако, с включением в состав империи Западных губерний, оказались территории с населением, принадлежащим к католическому и униатскому вероисповеданиям¹¹. Польское дворянство практически полностью исповедовало католичество. После подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. российское правительство приняло ряд законодательных мер дискриминационного характера.

Указом от 22 апреля 1836 был введен запрет на наследование имений мятежниками¹². Согласно принятому закону, родители участвовавших в восстании дворян продолжали владеть своими имениями и дальше, однако после их смерти данные имения отходили в казну. Указ от 29 мая 1842 года уточнял, что подобная конфискация может проводиться не ранее вынесения судом решения о виновности обвиняемых¹³.

Дворянство трех западных губерний – Киевской, Подольской и Волынской были лишены сословного права на избрание в уездные суды своих представителей, вместо которых российское правительство присылало своих чиновников¹⁴.

Ужесточилась проверка документов польской шляхты на принадлежность ее к дворянству. Тем из них, кто не мог подтвердить своего дворянского звания, или чьи представленные документы вызвали сомнение, предлагалось записываться в купеческое или мещанское состояние¹⁵.

В отличие от дворянства российского, на польскую шляхту была распространена воинская повинность. Альтернативой ей стала равная по продолжительности (10 лет) гражданская служба. По указам от 12 октября 1835 г. и 22 мая 1842 г. дворяне губерний Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Белостокской области, не прослужившие десяти лет в военной или гражданской службе, не имели права быть избранными на места, «выбору дворянства предоставленные», т.е. не могли участвовать в органах дворянского самоуправления¹⁶.

Указ от 23 января 1837 года «О поступлении в службу молодых людей из дворян» предписывал властям первые три года российских дворян «не определять прямо в департаменты и канцелярии министерств и отдельных управлений», т.е. в С-Петербург. Это правило было значительно ужесточено для дворян-католиков Западных губерний, для которых срок службы в губерниях великороссийских устанавливался в пять лет: «...уроженцев Западных губерний, кроме ...исповедующих грекороссийскую веру и греко-униатов, для доставления им большей удобства обучаться русскому языку, не определять в министерства и главные управления и по присутственным местам С-Петербургской губернии, доколе они не прослужат пяти лет в губерниях великороссийских»¹⁷. Этот запрет действовал для поляков-католиков и после указанного срока, поэтому возможность службы в С-Петербурге допускалась только с личного соизволения царя. Такой же почти невозможной оказывалась и дальнейшая служба в родном Западном крае¹⁸.

Вышедший 13 июля того же 1837 г. указ касался обучения за казенный счет и дальнейшей гражданской службы «бедных детей благородного звания», согласно которому лица из Западных губерний «...не принадлежавшие к греко-российскому и греко-униатскому вероисповеданию обязаны служить по гражданскому ведомству восемь лет; первые пять лет в присутственных местах великороссийских губерний, а последние три года в тех губерниях, на счет коих они воспитывались»¹⁹.

Уже на следующий год после восстания 1863 г. правительством были введены десятипроцентные квоты на поступление в российские университеты поляков.

Особое беспокойство у российского правительства вызывали зажиточные польские дворяне, которые, являясь экономически независимыми от имперских властей, оставались оплотом сепаратизма. Поэтому 21 апреля (3 мая) 1852 г. вышел именной указ, данный сенату «О высылке на службу сыновей дворян неправославных помещиков Западных губерний»²⁰. В нем правительство выражало свою обеспокоенность тем, что «...большая ...часть молодых дворян, принадлежащих к зажиточнейшим семействам, пребывают в праздности, чуждаясь всякой службы». Указ предписывал всех сыновей дворян неправославных помещиков семи Западных губерний (Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подоль-

9 Там же. Ст. 21.

10 СЗ. 1832. Законы о состояниях. Кн. 1. О разных родах состояний, и различии прав им присвоенных.

11 Романовская Л. Р. Иноверцы в Российской империи: Дис...кандидата юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. – С.48

12 ПСЗ-2. – Т.11, Ч.1. - № 9095.

13 ПСЗ-2. – Т.17, Ч.1. - № 15697.

14 ПСЗ-2. – Т.25, Ч.2. - № 24607.

15 ПСЗ-2. – Т.25, Ч.1. - № 24315.

16 ПСЗ-2. – Т.10, Ч.2. - № 8463; - Т.17, Ч.1. - № 15673.

17 ПСЗ-2. – Т.12, Ч.1. - № 9894.

18 Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX вв). М.: Индрик, 1999. – С.46.

19 ПСЗ-2. – Т.12, Ч.1. - № 10452.

20 ПСЗ-2. – Т.27, Ч.1. - № 26190.

ской и Киевской), имеющих не менее 100 душ крестьян, по достижении ими 18 летнего возраста «высылать на службу». Освобождаться от несения службы лишь не годные к ней по состоянию здоровья и единственные сыновья в семействах.

Вскоре, 5 июня того же года, было принято и «Высочайшее Положение о дворянах Западных губерний, которые по достижении 18 лет поступают в военную службу на основании Высочайшего указа 21 апреля (3 мая) 1852 года»²¹. Данное Положение поощряло поступление на военную службу добровольно, начиная с 16-17 лет, что позволяло молодому дворянину самостоятельно выбирать для себя воинскую часть, в отличие от призванных на службу, которых распределял Инспекторский департамент (II, §-10), а также возможность увольнения со службы через пять лет, в отличие от призванных на службу, минимальный срок которой для них составлял десять лет (II, §-30).

Прибывшие к месту службы дворяне обязаны были представить «аттестаты об окончании курса наук в гимназиях» или выдержать экзамен на месте. Все представившие аттестаты и успешно прошедшие войсковую экзаменационную комиссию, зачислялись на службу унтер-офицерами, не выдержавшие – рядовыми (II, §-12, 13). Последние имели право по истечении 6 месяцев службы «по приобретении твердого знания в фронтовой службе» (II, §-26) быть произведенными в унтер-офицеры.

Через два года службы унтер-офицеры допускались к экзаменам на приобретение офицерского звания, которые проходили по соответствующим Правилам (12 августа 1849 г.)²² и Программе (26 марта 1843 г.)²³. Все не выдержавшие экзамена, и «умеющие только читать и писать под диктовку», относились к категории «унтер-офицеров второго разряда», которых запрещалось производить в офицеры и которым лишь назначались оклады в одну треть «прапорщичьего или корнетского жалованья».

Выдержавшие испытания относились к «унтер-офицерам первого разряда» с правом присвоения им офицерского звания. Программа испытаний в себя включала: 1) краткий катехизис, 2) правильное чтение печатных книг и рукописей, 3) умение писать по правилам грамматики и четко по диктовке, 4) умение оформлять служебную документацию субалтерн-офицера, 5) арифметику до тройного правила включительно. Сверх того они должны были знать Воинский устав, а также гарнизонную, лагерную и форпостовую службы.

Не обошли своим вниманием власти и остальную часть дворянства, для которой вслед за зажиточной его частью было предложено также поступать на военную службу – указы от 20 августа 1852 г. «О приеме в военную службу бедных дворян Западных губерний»²⁴ и от 7 января 1853 г. «О бедных дворянах семи Западных губерний, желающих поступить в военную службу»²⁵. Чуть позже были приняты еще два уточняющих указа – все от 23 октября 1854 г.: «О правилах поступления в военную службу бедных дворян семи Западных губерний» и «О документах, представляемых при поступлении на военную службу бедными дворянами семи Западных губерний»²⁶. Последний указ весьма любезно разрешал писать заявления на прием в службу на гербовой бумаге, оплату за которую дозволялось истребовать из последующего жалованья.

Желание заставить служить дворянство Западных губерний, с чем связывались надежды на искоренение польского национализма и католичества, привело к тому, что в действующей армии опасно возрос процент поляков-католиков. Начальству Первой армии, в которой более трети офицерского корпуса теперь составляли католики, было предписано прекратить все назначения поляков на офицерские должности, переводить в другие части или увольнять тех, чья благонадежность вызывала опасения.

После польского восстания 1863 г., в котором участвовали и офицеры польского происхождения, репрессии ужесточили: было запрещено полякам проходить военную службу на территории Варшавского военного округа, введена 20% процентная квота во всех частях, с 1864 года запретили полякам поступать в академию Генерального штаба и Военно-юридическую академию. Прием в Михайловскую артиллерийскую и Николаевскую академии сократили до одного человека в год²⁷.

Таким образом, ограничение прав польских дворян-католиков российские власти предприняли вскоре после восстаний в Польше 1830-1831 и 1863 гг. Дискриминация правового положения поляков католического вероисповедания российским законодательством осуществлялась как на военной, так и на гражданской службе: им значительно осложнили замещение вышестоящих должностей и приобретение офицерских званий, служба в родных местах фактически исключалась, доступ к высшему образованию был также затруднен введенными российским правительством квотами. Правовая дискриминация была направлена именно на католиков, избежать ее можно было только переходом в православие, государственную религию Российской империи.

Пристатейный библиографический список

1. Свод законов Российской империи, 1832. Законы о состоянии
2. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX - начало XX вв.). М.: Индрик, 1999.
3. Полное собрание законов Российской империи, 1,2 собрание
4. Романовская Л. Р. Иноверцы в Российской империи: дисс... кандидата юридических наук. Н. Новгород, 2006
5. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: Айрис-Пресс, 2006

21 ПСЗ-2. – Т.27, Ч.1. - № 26340.

22 ПСЗ-2. - Т.24, Ч.2. - № 23448.

23 ПСЗ-2. - Т.18, Ч1. - № 16654.

24 ПСЗ-2. Т.27, Ч.1. - № 26538.

25 ПСЗ-2. Т.28, Ч.1. - № 26918.

26 ПСЗ-2. Т.29, Ч.1. - № 28660, 28661.

27 Горизонтов Л. Е. Указ. соч. – С. 48.

Бекишиев А. А. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 Г. КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РЕФОРМ 60-Х ГОДОВ

В статье рассматривается судебная реформа 1864 г. как составная часть реформ 60-х годов Российской империи. Раскрывается сущность данной реформы.

Ключевые слова: Правление Александра II, Земская и Судебная реформы 1864, порядок судопроизводства, контрреформы.

Bekishiev A. A. JUDICIAL REFORM OF 1864 AS A PART OF REFORMS OF 60S

The article considers the judicial reform of 1864 as a part of reforms of 60s of the Russian Empire. The essence of this reform.

Keywords: the Reign of Alexander II, Zemstvo and Judicial reform of 1864, the order of proceedings, counter-reform.

Бекишиев А. А.

Правление Александра II ознаменовалось беспрецедентными по масштабу реформами, получившими в дореволюционной литературе название «великих реформ». Основными из которых явились земская и судебная реформы (1864).

Данные преобразования решили ряд давно наболевших социально-экономических проблем, расчистили дорогу для развития капитализма в России, расширили границы гражданского общества и правового государства, однако доведены до конца не были.

К концу царствования Александра II под влиянием консерваторов некоторые реформы (судебная, земская) были ограничены. Контрреформы, развёрнутые его преемником Александром III, затронули также положения крестьянской реформы и реформы городского самоуправления.

20 ноября 1864 г., после рассмотрения в Государственном совете, царь утвердил судебные уставы. Всего было введено в действие четыре акта:

- 1) Учреждения судебных установлений;
- 2) Устав уголовного судопроизводства;
- 3) Устав гражданского судопроизводства;
- 4) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Сам порядок судопроизводства был перестроен на основе следующих принципов равенства всех перед законом и судом, отделения суда от администрации и осуществления правосудия только судом, создания всесословного суда, состязательности, несменяемости судей и следователей, гласности, устности, непосредственности, права обвиняемого на защиту, прокурорского надзора, выборности (мировых судей и присяжных заседателей). Введена оценка доказательств по внутреннему судейскому убеждению вместо системы формальных доказательств.

Судебные уставы предусматривали создание бессловесных судебных учреждений двух типов – общих судов и мировых судов.

Мировые суды учреждались для рассмотрения мелких уголовных и гражданских дел. Дела решались мировыми судьями единолично в порядке упрощенного судопроизводства. Мировые судьи, а их было несколько в каждом уезде и городе, избирались уездными земскими собраниями из лиц, имевших высшее или среднее образование, высокий имущественный ценз, который несколько снижался только для отставных офицеров.

Приговор или решение мирового судьи можно было обжаловать в уездный съезд мировых судей (в апелляционном порядке), и, наконец, в кассационном порядке в Сенат.

Система общих судов состояла из окружных судов и судебных палат. Первой инстанцией системы общих судов был окружной суд. Их было учреждено 70. Обычно судебный округ совпадал с территорией губернии. Именно в окружном суде рассматривалась основная масса судебных дел, как уголовных, так и гражданских.

Те уголовные дела, по которым подсудимым грозили наказания, связанные с лишением или ограничением гражданских прав, рассматривались с участием присяжных заседателей. Заседание окружного суда с участием присяжных заседателей происходило следующим образом – судебным заседанием руководил председатель коллегии коронных судей (судебных чиновников). Он же по окончании судебного заседания делал заключение и ставил вопрос перед присяжными. Присяжные, удалившись в совещательную комнату, выносили вердикт – виновен или невиновен подсудимый, если виновен, то заслуживает ли снисхождения. Иными словами, вопрос о виновности присяжные решали самостоятельно, независимо от коронных судей. Затем коронные судьи уже без участия присяжных определяли меру наказания и выносили приговор. Приговоры суда, вынесенные с участием присяжных заседателей, не подлежали апелляции, а могли быть обжалованы лишь в Сенат в кассационном порядке по признаку формального нарушения процессуального закона.

Имущественный ценз, необходимый для включения в состав присяжных, был сравнительно высок. В присяжные допускались крестьяне, занимавшие должности в крестьянском самоуправлении – сельские старосты, волостные старшины и т.д. Но присяжные не избирались, а назначались. Порядок подбора присяжных был такой: специальные комиссии в уездах под председательством уездных предводителей дворянства составляли списки лиц, могущих быть присяжными. Эти списки передавались председателям окружных судов, а те уже составляли списки присяжных: годовые, месячные и на конкретные заседания. Следовательно, решающую роль в подборе присяжных играли предводители дворянства и председатели судов, то есть представители сословия дворян.

Второй инстанцией по всем уголовным и гражданским делам (за исключением уголовных дел, решаемых с участием

присяжных) выступали судебные палаты. Их было всего 14, каждая из них направляла деятельность 8–10 окружных судов. Вместе с тем судебная палата рассматривала в качестве первой инстанции дела по обвинению в преступлениях государственных должностных и некоторых иных. Эти дела судебная палата рассматривала с участием сословных представителей: губернского и одного из уездных предводителей дворянства, городского головы губернского города и одного из волостных старшин по жребию. Сословные представители заседали в одной коллегии с коронными судьями (чиновниками), что фактически сводило к нулю роль этих представителей.

Высшей судебной инстанцией стал Сенат, в котором были созданы кассационные департаменты. Кроме того, при Сенате 1872 г. было учреждено Особое присутствие Сената для рассмотрения особо важных политических дел. Наконец, дела высших должностных лиц и особо важные дела могли рассматриваться в Верховном уголовном суде, состав которого по каждому конкретному делу назначался императором. Предварительное следствие было изъято из полиции и передано вновь учрежденному институту судебных следователей, действовавших под общим надзором прокуратуры, но не входивших в ее состав, а причисленных к окружным судам и пользовавшихся правом несменяемости.

Реорганизовывалась прокуратура. Ее главной задачей стало поддержание государственного обвинения в суде, надзор за деятельностью судебных следователей, полиции, судов и мест заключения. Особое внимание уделялось подбору судебных и прокурорских кадров. Для назначения членом суда, судебным следователем или на прокурорскую должность надо было иметь высшее юридическое образование, стаж работы в правоохранительных органах не менее 5 лет и отличаться «благопристойным поведением». Выпускники юридических факультетов университетов обычно стажировались при судах не менее 5 лет в качестве кандидатов на судебные должности. Одновременно учреждалась адвокатура. Адвокаты делились на две категории: присяжных поверенных, выступавших защитниками в судах всех видов, и частных поверенных, имевших право выступать лишь в мировых судах по разрешению суда и по доверенности одной из сторон (этот институт был учрежден в 1874 г. в связи с нехваткой присяжных поверенных).

Присяжные поверенные должны были иметь высшее юридическое образование и стаж работы в качестве помощника присяжного поверенного не менее 5 лет, после чего обязаны были сдать экзамен на право самостоятельного ведения дел.

Судебная реформа была наиболее последовательной буржуазной реформой по сравнению с другими. Но и она сохраняла серьезные пережитки феодальных порядков. Отделение суда от администрации было непоследовательным: Сенат, высший судебный орган страны, одновременно был и административным учреждением. Местные суды фактически контролировались губернаторами

Принцип несменяемости судей и судебных следователей правительство также обходило. Например, широко практиковалось назначение исполняющих обязанности судебных следователей, которых годами не утверждали в должности, поскольку в этом случае на них не распространялся принцип несменяемости. Бессловные по принципам организации мировые и общие суды почти полностью состояли из дворян, так как высшее образование и необходимый имущественный ценз в те времена имели преимущественно дворяне. Сохранены были и чисто сословные суды – духовные, которые кроме дел духовенства, рассматривали и некоторые дела светских

(например, бракоразводные дела), крестьянские волостные суды, разбиравшие мелкие тяжбы между крестьянами.

Со второй половины 60-х годов правительство начинает наступление на новые судебные уставы, стремясь ликвидировать тип несменяемости судей и ограничить компетенцию суда присяжных. В 1866 г. из окружных судов в судебные палаты передаются дела о преступлениях в печати, в 1878 г. – дела о неповиновении властям, оскорблении властей, насильственных действиях в отношении должностных лиц. Присяжные отстранялись от решения этих категорий дел. Следствие по политическим делам передается жандармским управлениям.

Судебная реформа Александра II – комплексная реформа судостроительства и судопроизводства, разработанная в 1861–1863 годах, утвержденная в 1864 году и проведенная в 1866–1899 годах. Реформа предусматривала полное изменение судостроительства, с созданием двух ветвей судов – мировых и общих судебных установлений, каждая из которых имела по две инстанции (мировые судьи и мировые съезды; окружные суды и судебные палаты) и Кассационных департаментов Сената как общей третьей инстанции. Реформа существенно изменила принципы и процедуры судопроизводства: суд стал гласным, открытым и устным, с состязательным процессом, при котором стороны получили равные права на предоставление и опровержение доказательств; в уголовный процесс было введено судебное следствие, на котором проверялись данные предварительного следствия. Был создан институт присяжных, созывавшихся для суда над обвиняемым и в тяжких уголовных преступлениях. Рассмотрение дела в судах было ограничено двумя инстанциями (первой и апелляционной), для суда присяжных – одной инстанцией, и для всех дел – одной кассационной инстанцией. Судебная власть была полностью отделена от административной; судебное следствие было отделено от полицейского и стало процессуально независимым. Судьи общих судов стали несменяемыми, а мировые судьи – выборными на срок. Кроме непосредственно суда были реформированы судебное следствие, прокуратура, нотариат, создано сословие присяжных поверенных (адвокатура).

Реформа сопровождалась заменой персонала судебных учреждений, приведшей к существенному повышению квалификации судебных чинов и искоренению коррупции. Основными документами реформы были Судебные уставы 1864 года (Учреждение судебных мест, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями).

Пристатейный библиографический список

1. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной российской правовой системы // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6. С. 148.
2. Орлов А. С. История России. М., 2004.
3. Рогов В. А. История государства и права России IX – начала XX веков. М, 2006.
4. Титов П. Ю. История государства и права России. М, 2001.

Крайнова А. Е.

ВЛИЯНИЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В. НА МАССОВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН В УФИМСКУЮ И ОРЕНБУРГСКУЮ ГУБЕРНИИ

В статье раскрывается проблематика реализации аграрной реформы в начале XX в. в регионах России (на примере Уфимской и Оренбургской губерний). Особое внимание уделяется вопросу переселения крестьян на новые местности и дальнейшей колонизации башкирского края.

Ключевые слова: аграрная реформа, миграция населения, малоземелье, разрушение общины, колонизация.

Kraynova A. E.

INFLUENCE OF AGRARIAN REFORM IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF 20TH CENTURY ON THE MASS RESETTLEMENT OF PEASANTS TO UFA AND ORENBURG PROVINCES

The article reveals the problems of agrarian reform implementation in the beginning of 20th century in the regions of Russia (on the example of the Ufa and Orenburg provinces). Special attention is given to the problem of resettlement of peasants into new areas and further colonization of the Bashkir region.

Keywords: agrarian reform, migration, shortage of arable land, the destruction of communities, colonization.

Крайнова А. Е.

В истории любой страны одно из важнейших мест занимает миграция населения. В начале XX в. переселение в России имело свою специфику, что выделяло ее среди других стран. Так, по сравнению с миграцией в Западной Европе, она была гораздо меньших размеров. Кроме того, жители западноевропейских стран, в большинстве случаев, покидали границы своих государств, то есть происходила внешняя миграция или эмиграция. Основное отличие российского переселения – оно осуществлялось, в основном, внутри страны, имело характер перехода из одних мест жительства в другие, сохраняя при этом связь с центральной властью.

Необходимо сказать, что миграционная политика российских властей не всегда была последовательной. Правительство то разрешало, то запрещало переселение. Во многом это объяснялось проблемами устройства на новых территориях. Так, в 1901 г. съезд надзирателей за казенными землями и оборочными статьями Оренбургской и Уфимской губерний запретил переселение на данные местности. Основными причинами послужили отсутствие подходящих для обработки земель, перенаселение этих земель и желание сохранить участки для уже существующих пользователей.

Вышеназванные противоречия в действиях правительства оказали влияние на количество перемещавшихся: мощность переселенческих потоков то увеличивалась, то уменьшалась. Так, по официальным данным, через Челябинский переселенческий пункт прошло: в 1897 г. – 67653 человека, 1898 г. – 14423, 1899 г. – 163596, 1900 г. – 161457, 1901 г. – 83319 человека¹.

Следует отметить, что приоритетным направлением миграционной политики царского правительства вплоть до начала подготовки столыпинской аграрной реформы оставались сибирские районы. Эта особенность отражалась в действовавшем в те годы законодательстве.

Так, согласно закону от 8 июня 1901 г. «Об отводе частным лицам казенных земель в Сибири» продажа земли предполагалась лицам разных сословий. Обязательным условием была покупка земли крупными участками – до 3000 десятин, такая возможность была только у состоятельных людей.

В конце XIX в. покупка земли осуществлялась крестьянами через Крестьянский поземельный банк. В начале XX в. Банком были повышены цены на землю почти в 2 раза, что еще более усугубило положение желающих приобрести участок. Так, в 1904 г. цены на землю составили 108 рублей за десятину, в то время как с 1882 г. по 1903 г. – 52 рубля². Все это препятствовало широкому развитию купли-продажи земли, хотя земельный запас Крестьянского банка превышал размеры предъявляемого спроса. В связи с вышеуказанными обстоятельствами переселенческое движение усилилось в те края, где предоставлялись более выгодные условия покупки земли.

В соответствии с действующим в тот период законодательством кроме покупки земли предусматривалась льготная аренда, которая разрешалась только дворянам на срок 99 лет с последующим выкупом земельных участков с рассрочкой платежей на 37 лет. Для дворянских хозяйств предполагалось использование запасных участков, которые должны были чередоваться с переселенческими и старожильческими наделами. По мнению правительства, такое чередование, учитывая недостаточность земли у старожилов и переселенцев, должно было заставить их арендовать земельные наделы у частных землевладельцев за отработку. В то же время частные землевладения обеспечивались, таким образом, наемной силой. Данный закон обладал рядом недостатков. Во-первых, его внедрение привело бы к резкому сокращению государственных земель, которые нужны были переселенцам, а также для устройства старожильского населения. Во-вторых, для больших земледельческих хозяйств необходимо было массовое применение сельскохозяйственных машин, требовавших квалифицированных работников, которых в Сибири не было, кроме того, для приобретения машин нужны были денежные средства.

¹ Молощенков А. Н. Миграция украинского населения на Южный Урал в первой четверти XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). История. Выпуск 33. С. 26–32.

² Там же.

В начале XX в. аграрный вопрос оставался одним из самых острых в числе других важнейших задач внутренней политики правительства. Малоземелье, повышение закупочных и арендных цен на землю – все это вынуждало крестьян перемещаться в восточные районы страны, приобретая земельные наделы на новых территориях. По мнению А. А. Кауфмана, причина перемещения людей, как из среднерусских, так и из восточных, заволжских, районов – это результат относительного, при данной системе хозяйства и полеводства, переселения и прорастающего из него малоземелья и кризиса существующей в той или иной местности хозяйства и полеводства³.

Несмотря на непоследовательность правительства относительно миграции населения, поток желающих переселиться на восток не уменьшался. Так, А. А. Кауфман в работе «Переселение и колонизация» отмечает, что 1894 г. стал последним годом действия запретительного циркуляра от 6 марта 1892 г. Самовольные переселенцы в этом году составляли больше 75 % всего переселенческого движения. В 1895 г. процент самовольных переселений резко снизился, достигнув немногим более 25 %, но в следующем году он сильно возрос и за все последующее восьмилетие только однажды, в 1900 г., опустился до 30 %, в остальные годы колебался между 40 и 50 % всего переселенческого движения⁴.

Стремясь урегулировать миграционные потоки и освоение новых земель, правительство приняло меры по разрушению крестьянской общины, переселению крестьян на неосвоенные земли Сибири, в казахские, заволжские степи и в другие губернии, в том числе в Оренбургскую и Уфимскую.

Рассмотрим более подробно экономическое положение Оренбургской и Уфимской губерний. Развитие здесь шло неравномерно, наиболее экономически развитыми были районы в относительной близости к городам, горнозаводским предприятиям, железной дороге и земли Оренбургского и Уральского казачьих войск. В крае имелись большие площади малоосвоенных земель. Приращение земельного населения происходило за счет переселенцев, заселялись они, в основном, в западных, северо-западных и центральных уездах. Из «Материалов по истории Башкирской АССР» следует, что в 1794 г. на Бугульминский, Бузулукский, Бугурусланский, Сергиевский, Мензелинский, Бирский, Белебеевский и Уфимский уезды приходится 88,11 % всех посевов в губернии. На юге и юго-востоке хлеб сеяли мало. Исключение составлял Челябинский уезд, который заселялся земледельческим населением еще раньше, в XVIII в. К 1850 г. посевные площади в Оренбургской губернии составляли 3201277 десятин и распределялись следующим образом: во владении государственных крестьян находилось 1409 тыс. десятин, удельным крестьянам принадлежало 104 тыс., помещичьим – 651 тыс., отставным солдатам – 3,5 тыс., башкирам и мишарям – 678 тыс., тептярям и бобылям – 349 тыс. десятин. В пользовании государственных крестьян Оренбургской губернии в 60-е годы XIX в. находилось 2,6 млн десятин земли или в среднем по 12 десятин на душу мужского пола. Наибольшие наделы имели крестьяне-собственники, в среднем на душу до 19,1 десятин. При этом земельная обеспеченность пришлого населения была неравномерной. Так, например, в Оренбургском и Челябинском уездах размеры наделов доходили до 15 десятин, а в густонаселенном Мензе-

линском уезде он составлял всего 7,1 десятину⁵. Несмотря на большой приток переселенцев, рабочих рук для обеспечения помещичьих хозяйств не хватало, этим, во многом, объясняется их слабость в экономическом отношении. Свободные крестьяне стремились расширить собственную запашку путем аренды дешевых башкирских земель, а обедневшая часть местного и пришлого населения предпочитала работу по найму в городе на промышленных предприятиях или занималась отхожими промыслами. Другой причиной слабости дворянских хозяйств было нежелание многих помещиков вести хозяйство по-новому, предпочитавших сдавать свои земли в аренду или же прибегавших к отработкам.

В начале 1902 г. по инициативе министра финансов С. Ю. Витте было создано «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», которое попыталось наметить новые перспективы в крестьянском вопросе. Главная роль отводилась переселению части крестьян на окраины или в другие слабо населенные губернии Российской империи. Основным районом переселения становится башкирский край.

Из исследований Х. Ф. Усманова следует, что в период с 70-х по 90-е гг. XIX в. у башкир было куплено переселенцами и приобретено государством 2433 тыс. десятин земли, в том числе в Уфимской губернии – 1813 тыс. десятин, Оренбургской – 620 тыс. десятин. Кроме того, к 1890 г. переселенцами было арендовано в башкирских дачах в Уфимской губернии 543 тыс. десятин, Оренбургской – 2529 тыс. десятин, всего 3072 тыс. десятин⁶.

Для рассмотрения на совещании Государственного совета «Особое совещание» выделило следующие моменты: освободить переселение крестьян от административной опеки государства; создать крестьянам благоприятные условия и оказывать покровительство переселенческому движению. Все это означало, что государство будет вести активную крестьянскую колонизацию.

Итоги работы «Особого совещания» легли в основу нового закона о переселенцах, который был принят 6 июня 1904 г. под названием «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев». Этот законодательный акт в корне отличался от предыдущих своими положениями: отменялась круговая порука и разрешалась продажа земельных наделов на местах выхода. Также в законе от 6 июня 1904 г. говорится о добровольном переселении. М. Никитин в своей работе «Основные моменты колонизации Башкирии» отмечал, что в 1904 г. переселение признавалось юридически свободным, но закон еще подразделял самих переселенцев на поощряемых и не поощряемых, относя к первым только малоземельных или вовсе безземельных. Согласно закону содействия заслуживают крестьяне из губерний, «добровольное переселение из коих признается вследствие особо неблагоприятных хозяйственных условий желательным и направляющимся в районы, заселение которых вызывается видами правительства⁷. Это положение относилось, в основном, к крестьянам из малоземельных черноземных губерний, где наиболее остро стоял аграрный вопрос. Похожая ситуация

3 Кауфман А. А. К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. М.: Книга по требованию, 2012. С. 90–93.

4 Кауфман А. А. Переселение и колонизация. М.: Нобель Пресс, 2012. С. 75–77.

5 Материалы по истории Башкирской АССР: в 5 т. / сост. Н. Ф. Демидова. – М.:Л.: Академия наук СССР, 1936–1960. Т. 5: Башкирия в последней четверти XVIII в. 1960. С. 462–467.

6 Усманов Х. Ф. Развитие российского капитализма вширь и социальная эволюция башкирского крестьянства // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. С. 79–86.

7 Никитин Н. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 6-7. С. 73–85.

складывалась и в других губерниях. В результате нарушалось соотношение количества принадлежащей крестьянскому двору земли и его рабочей способностью, складывался фонд лишних рабочих рук, приводивший к сдаче малоземельными хозяйствами своей земли в аренду и уход на отхожие промыслы. Частыми становятся случаи, когда из-за убыточности ведения мелкого хозяйства, крестьяне забрасывали свои земельные наделы. Таким образом, мероприятия, принятые правительством в 80-90-е гг. XIX в. по организации переселенческого вопроса, оказались недостаточными. Экономические проблемы русской деревни так и остались неразрешенными. Быстрое развитие капиталистических отношений в деревне привело к обезземеливанию и обнищанию крестьян. Переселив часть крестьян, можно было только на время снять остроту сложившейся ситуации. Действительно, если в 60-е гг. в Европейской России средний размер надела на душу мужского пола составлял 4,8 десятины, то в 80-х – 3,5, в 90-х – 2,6, т.е. крестьянский надел уменьшился в 1,8 раза. Как указывает Х. Ф. Усманов, зажиточные хозяева снимали землю «оптом» по более выгодным для себя ценам⁸. Сложившийся механизм распределения земель привел к сложению чересполосицы и длинноземелья в хозяйстве крестьян. Всё это не позволяло применять более совершенные формы полеводства, что вело к снижению урожайности. Кроме того, чересполосица вызывала большие потери пахотных земель; в Европейской России под межами терялось до 1200 тыс. десятин.

Также после принятия закона от 6 июня 1904 г. упростился механизм получения разрешения на переселение, вводились дополнительные поощрительные меры. Особенным в новой политике было то, что правительство делало акцент на необходимости русификации окраин российского государства, переселении лиц русского происхождения и православного вероисповедания. В целях упорядочения переселений, как и в ранее принятых законах, предполагалось право льготного передвижения на железнодорожном и водном транспорте. Получение льготы предполагало предварительную высылку ходоков в места возможного заселения для оформления проходного свидетельства. Ходоки должны были предъявить в старое общество приемный приговор, в котором указывались закрепленные за ними участки на новом месте жительства. Оставленным участком распоряжалось общество, но только с согласия семьи, при этом отъезжающей семье предусматривалась компенсация в виде вознаграждения, размер которой определялся по обоюдному согласию. При активном участии С. Ю. Витте в новый закон вносились прогрессивные положения о выборе переселенцами формы землевладения на новом месте. Крестьяне-переселенцы, как отдельные домохозяева, имели право затребовать причитающуюся им часть земли и заняться как индивидуальной, так и хуторской формами землевладения. Это отвечало стремлениям С. Ю. Витте ликвидировать крестьянскую общину, и было важной составной частью его аграрной программы. Он писал: «Общинное владение – есть стадия только известного момента жития народов, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм – в индивидуальную собственность; если же этот процесс задерживается, и в особенности искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреют»⁹.

8 Усманов Х. Ф. Указ. соч.

9 Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 2: Царствование Николая II. 1960. С. 492–493.

В соответствии с законом, с переселенцев списывались недоимки в казенных сборах, на новом месте они освобождались от государственных и земских платежей на пятилетний срок, а в последующие 5 лет пользовались пятидесятипроцентными льготами. Также переселенцам выдавались ссуды как путевые, так и на домообзаведение, а для хозяйственных нужд строительный лес отпускался безвозмездно.

Помимо Закона от 6 июня 1904 г. итогом работы «Особого совещания» стало опубликование Правил образования переселенческих участков в юго-восточных губерниях Европейской России от 7 июня 1904 г. В них указывалось, что создаваемые переселенческие участки в первые два года предназначались только для переселения местных безземельных и малоземельных крестьян, а в последующие – для переселенцев из других губерний. В Оренбургской губернии было создан 131 переселенческий участок, а в Уфимской губернии образование переселенческих участков развития не получило. Созданные комиссии, по итогам размежевания башкирских земель в 1905 г., определили в Уфимской и Оренбургской губерниях излишние, выделенные в запас, свободные башкирские земли в количестве 1 млн 300 тыс. десятин. Помимо этого, создавался фонд казенных земель, в основном в Челябинском и Оренбургском уездах Оренбургской губернии, где выделялось 72530 десятин¹⁰. Также предполагалось наделение землей под селения на каждую мужскую душу в Самарской губернии: в Самарском и Ставропольском уездах – по четыре десятины удобной земли на ревизскую душу, в других местностях этой губернии, а также в Уфимской и Оренбургской губерниях – по пять десятин. В особо неблагоприятных в сельскохозяйственном отношении местностях Новокузнецкого и Николаевского уездов Самарской губернии – до семи десятин.

Правила предусматривали заселение участков селениями или хуторами (ст. 8). Статья 9 поясняла, что земли под селения «должны быть разбиваемые на участки небольшого размера». В ст. 10, посвященной хуторским участкам, подчеркивалось, что на этих землях не должны образовываться селения. Конкретизировалось и то, что хуторские отруба отводились по установленному для данной местности размеру душевого надела: на четыре души мужского пола (ст. 11). Зачисление душевых долей и хуторских отрубов за ходоками и само их поселение осуществлялось земскими начальниками (ст. 20), которые затем информировали о состоявшемся поселении управление земледелия и госимущества¹¹.

Таким образом, закон от 6 июня 1904 г., а также Правила образования переселенческих участков в юго-восточных губерниях Европейской России от 7 июня 1904 г. обозначили новую веху в переселенческом вопросе. В них были сосредоточены положения с учетом новых экономических и внутриполитических изменений в государстве, но некоторые пункты были переиначены из законоположений предыдущих лет.

В связи с осложнениями во внешней политике Российской империи, начавшейся русско-японской войной, внедрение нового курса в переселении крестьян несколько задерживалось. Практическое претворение закона началось в 1906 г. Однако, крестьянские волнения, охватившие в период первой русской революции 1905 г. практически все губернии центральной России, заставили правительство внести в закон до-

10 Утягулов М. М. Переселенческая политика царизма в Башкирии во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02; Башкирский государственный университет. Уфа, 2005. С. 126–136.

11 Там же.

полнения от 7 марта 1906 г., расширив, таким образом, сферу его действия. Кроме того, для разрешения аграрного вопроса правительством был принят указ от 4 марта 1906 г. об учреждении уездных и губернских землеустроительных комиссий, на которые возлагались следующие задачи:

- помощь Крестьянскому банку в продаже банковских земель;
- продажа и сдача в аренду крестьянам казенных земель;
- содействие переселению крестьян на казенные земли;
- содействие сельским обществам в улучшении условий землевладения и порядка землепользования;
- посредничество между крестьянами и частными землевладельцами в разверстании чересполосных угодий, общих и частных владений.

В состав уездных землеустроительных комиссий входили: уездный предводитель дворянства (председатель комиссии); председатель земской управы; член комиссии, назначенный главным управлением землеустройства и земледелия; уездный член окружного суда или председатель съезда мировых судей; член от удельного ведомства; податный инспектор; земский начальник; три члена уездного земского собрания и трое представителей от крестьян, которые назначались по жребию из числа кандидатов, избираемых волостными сходами уезда.

10 марта 1906 г. было опубликовано Положение о порядке применения закона от 6 июня 1904 г., по которому внутреннее переселение крестьян признавалось совершенно свободным. Также преследовалась цель – снятие социальной напряженности в российской деревне, вызванной первой русской революцией. «Что касается переселений, – писал В. И. Ленин, – то революция 1905 г., показавшая помещикам политическое пробуждение крестьянства, заставила их немножечко приоткрыть клапан и, вместо прежних помех переселениям, постараться разрядить атмосферу в России, постараться сбить побольше беспокойных крестьян в Сибирь»¹².

С 9 ноября 1906 г. правительство страны во главе с премьер-министром П. А. Столыпиным начало реализацию мероприятий, направленных на изменение взаимоотношений внутри аграрного сектора. Крестьяне получали новые права и возможности для занятия земледелием. Реформа позволила им свободно выходить из общины, получать в частную собственность имевшиеся наделы, создавать хутора и отруба, т. е. вести единоличное хозяйство. Определенная роль отводилась Крестьянскому поземельному банку, который занимался выдачей льготных кредитов для покупки земли. Важное место в этом процессе отводилось переселению людей в Сибирь. Крестьяне, отправлявшиеся туда, получали не только участок земли, но и определенные льготы, в том числе налоговые, и денежную помощь от государства.

Основная задача столыпинской реформы состояла в активном переселении беднейших слоев крестьянства на окраины России для ослабления остроты малоземелья в центре и разрядения критической ситуации в деревне. Переселение крестьян готовилось экономически и организационно. В районы переселения предварительно направлялись научные экспедиции, которые обследовали районы возможного переселения. Подготовительными работами по переселению занималось созданное в 1896 г. при Министерстве внутренних дел специальное переселенческое управление. Подобная комиссия была создана и при Государственной Думе, которая из-

учала передвижение переселенцев и разрабатывала меры по улучшению переселенческого дела. В некоторых губерниях, например в Харьковской, после состоявшегося земского съезда была создана областная земская переселенческая организация, объединившая Полтавскую, Харьковскую, Воронежскую и ряд других губерний. Эта организация имела своих агентов, которые изучали места заселения и сообщали о подходящих участках. Переселенческая организация помогала ходокам из малоземельных районов отыскивать лучшие места, занималась распределением свободных участков между переселенцами. В некоторых земских управах существовали самостоятельные губернские переселенческие организации, которые оказывали помощь переселенцам на местах выхода, наблюдали за передвижением ходоков и переселенцев по железной дороге и оказывали им содействие.

Принятые законодательные акты были направлены преимущественно на организацию переселения крестьянства в Сибирь, а также в губернии Европейской России, в частности в Оренбургскую и Уфимскую. Существующие правила переселения от 13 июля 1889 г. и 15 апреля 1896 г. частично сняли ограничения, но прекратить нарастающий самовольный уход крестьян на новые земли не удалось. Аграрный кризис и крестьянское движение 1902–1903 гг. вынудило правительство с помощью закона от 6 июня 1904 г. придать переселению крестьянства свободный характер. Государство оказывало помощь переселенцам, применяя правило поощряемого переселения, а при непоощряемом способе крестьянин полагался только на свои собственные силы. В первом случае крестьянин мог поселиться в любой из губерний, куда разрешено переселение, а во втором случае разрешалось переселение только в четыре сибирские губернии (Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую и в Степное генерал-губернаторство). Таким образом, для большинства поощряемых и незначительной части непоощряемых переселенцев одним из основных районов заселения становились Оренбургская и Уфимская губернии. В Министерстве внутренних дел и Переселенческом управлении сложилось мнение, что после окончания размежевания башкирских дач должны остаться значительные пространства, на коих можно будет поселить выходцев из других местностей. По своим естественным условиям башкирские земли являются наиболее пригодными для выходцев из степных районов, к коим будет, в первое время, принадлежать главный контингент переселенцев¹³.

Основное место в землеустроительных работах с 1907 г. заняли задачи переселенческого движения. Произошло объединение землеотводного и землеустроительного дела под эгидой Переселенческого управления. В новых условиях правительство ускорило поземельное устройство старожилов, упростив съемочные работы, увеличив кредиты и штат отрядов, изменив окончание поземельного устройства, которое было приурочено не к выдаче отводных записей, а к их утверждению. В своей деятельности поземельно-устроительные партии руководствовались временными инструкциями. Дополнения значительно упростили порядок выдачи разрешений на переселение. Этим вопросом ведали уездные начальники. Льготы были распространены на всех желающих переселиться. Они предоставлялись в виде бесплатного проезда и ходокам, и переселенцам. Но эти льготы не распространялись на переселенцев из губерний, где не ощущался недостаток земли.

В феврале 1909 г. Государственная Дума приняла закон «Об установлении правил по выдаче ссуд на общественно по-

12 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание 5: в 55 т. / В. И. Ленин. М.: Политиздат, 1967–1975. Т. 17: Март 1908 - июнь 1909. 1968. С. 83–112.

13 Усманов Х. Ф. Указ. соч.

лезные надобности», который ускорил и увеличил строительство школ, больниц, церквей во вновь образованных населенных пунктах. Все эти законодательные акты, а также усиленная агитация и реклама переселения увеличили поток новых переселенцев.

Принятие дополнений к закону 1904 г. ознаменовало собой начало нового этапа в переселенческой политике. Правительство полностью отказалось от регламентаций в вопросе переселения крестьян, что положило начало новой государственной аграрной программе, вошедшей в историю под названием столыпинской аграрной реформы.

Для обустройства крестьян-переселенцев на новых землях создается специальная комиссия, которая должна была выявить свободные башкирские земли под переселенческие участки. Всего было определено 1 млн 300 тыс. десятин свободной земли, в том числе в Оренбургской губернии – 600 тыс., в Уфимской – 700 тыс. десятин. Опираясь на данные комиссии, правительство планировало создание в этих губерниях крупного переселенческого фонда. В Уфимской губернии переселенческих участков было мало, на 1574 души мужского пола было отведено всего 8294 десятины казенной земли. По данным 1910 г. в Оренбургской губернии был создан 131 переселенческий участок. Вновь прибывшим крестьянам отводилось 72530 десятин земли из казенного фонда. Необходимо отметить, что переселение шло, в основном, в Оренбургский и Челябинский уезды. Н. В. Карабанов отмечает, что в Челябинском и Троицком уездах Оренбургской губернии только за последние 4 года переселенцев заселилось более четверти миллиона¹⁴.

Районами выхода крестьян были Нечерноземная полоса, «благословенная» Украина, Польша, Белоруссия, северо-западные губернии. Для более четкой организации составлялись справочные книжки для ходоков и переселенцев, в которых указывалось расписание очередей отправки крестьян. Например, в справочной книжке на 1911 г., изданной Переселенческим управлением, указано расписание отправки переселенцев по губерниям выхода. Расписание делится на две части. В первой части только 18 губерний (Подольская, Киевская, Волынская, Екатеринославская, Черниговская, Новороссийская, Полтавская, Бессарабская, Харьковская; из Поволжья – Казанская, Оренбургская, Курская, Тульская, Могилевская, Минская, Витебская, Виленская, Гродненская), во второй – все остальные¹⁵.

Согласно проведенному опросу крестьян-переселенцев выясняется, что более трети домохозяев совсем не имеют или имеют меньше одной десятины земли на двор. Половина владеют наделом от 1 до 3 десятин, остальные – свыше 3 и до 7 десятин. Крестьяне указывают на подорожание земли. Так, в среднем стоимость одной десятины земли выглядит следующим образом: в Волынской и прибалтийских губерниях за десятину запрашивают 300–350 руб., Киевской – 300–400 руб., Подольской – 400–450 руб. Запредельная цена была установлена в Виленской губернии – одна десятина земли стоила до 700 руб. Для сравнения отметим, что стоимость одной десятины земли в Оренбургской губернии колебалась от 29 до 105 руб., но, в то же время, вотчинная земля башкир продавалась по баснословно низкой цене – от 50 коп. до 3 руб. за десятину¹⁶.

14 Карабанов Н. В. Переселение и расселение крестьян [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003791513/viewer.html (дата посещения: 28.10.2015 г.).

15 Утягулов М. М. Указ. соч. С. 171–180.

16 Там же.

Правительство стремилось создать в Уфимской и Оренбургской губерниях достаточно большой переселенческий фонд. К этому времени потребность в земельных наделах резко возрастает и среди крестьян края. Дело в том, что царская администрация по-прежнему в основу земельного обеспечения закладывала данные X ревизии (1859 г.). К концу XIX в. существенно изменилась демографическая ситуация, означавшая увеличение численности населения. Так, за неполные 40 лет рост численности только башкирского населения составил примерно 700 тыс. чел., что повлекло за собой увеличение количества безземельных и малоземельных крестьян. Для обеспечения минимальным земельным наделом безземельных и малоземельных крестьян требовалось большое количество земельных площадей, которых в крае фактически не было. В этих условиях правительство решает вопрос землеустройства вновь за счет вотчинных земель башкирского населения, отчуждение которых означало дальнейшую колонизацию края. Для скорейшего разрешения земельного вопроса в пользу пришлого населения необходимо было закончить размежевание башкирских земель. При этом государству необходимо было соблюдать условия защиты интересов коренного населения, чему должны были содействовать положения указа от 20 апреля 1898 г., ограничивавшие вмешательство чиновников в земельные отношения внутри башкирской общины и продажу вотчинных владений башкир. Но после отмежевания земельных наделов у вотчинников оставались сверх душевого надела земли, которые обычно распределялись между жителями сельской общины. При этом считалось, что община становится полноправным хозяином земель, но с определенными ограничениями. Например, земля могла быть продана или сдана в аренду только при наличии особого приговора; для совершения различных сделок требовалось наличие соответствующего удостоверения, выданного Межевой комиссией; земли могли быть проданы или сданы в аренду только казне и сельским обывателям, а также существующим и вновь образующимся сельским обществам, при этом приобретаемой земли могло быть не более 15 десятин на душу мужского пола, арендуемой – не более 30 десятин на душу. Эти ограничения не действовали при продаже свободных земель под разработку ископаемых и постройку горных заводов.

В результате межевания башкирских земель формируется казенный фонд внутри башкирских дач. Он пополнялся за счет покупки государством земельных участков в тех случаях, если за башкирами-вотчинниками числилось много недоимок. Казенный фонд становится в дальнейшем основным источником наделения переселенцев земельными участками.

Таким образом, башкирский край становится одной из самых заселяемых территорий Европейской России. Так, только за 10 лет, с 1904 по 1914 гг., в Уфимскую и Оренбургскую губернии прибыло 109459 переселенцев и ходоков: в Уфимскую – 43885 душ, в Оренбургскую – 65574 души¹⁷.

Очевидно, что эти цифры не отражают реального числа переселенцев, прибывших в башкирский край, т.к. показывают только официально зарегистрированных переселенцев. Некоторая часть крестьян, в особенности из ближайших губерний – Самарской, Казанской и Пермской, переселялась, зачастую, минуя регистрационные пункты. Другой группой неучтенных переселенцев становились крестьяне, имеющие документы на переселение в Сибирь и временно остановивши-

17 Молощенков А. Н. Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2010. С. 76–95.

еся в Оренбургской и Уфимской губерниях, но не желающие по разным причинам следовать дальше. В этот период активно работали Уфимское и Оренбургское отделения Крестьянского поземельного банка, которые были заинтересованы в продаже земель вновь прибывшим переселенцам, приобретенных у башкир, дворян и помещиков. При продаже устанавливались высокие цены на земельные участки. Для большинства переселившихся крестьян это становилось серьезным препятствием в приобретении земельных участков в собственность. Так, за 1906–1915 гг. продано крестьянам частновладельческой земли по Уфимской губернии 341944 десятины, по Оренбургской — 156528 десятин¹⁸.

Переселение крестьянства в Уфимскую и Оренбургскую губернии, как и в Сибирь, шло неравномерно. Наибольшее количество переселенцев в Башкирию приходится на 1909–1911 гг., но в то же время по России пик переселенческого движения приходится на 1907–1909 гг. Объясняется это тем, что наслышанные об относительно низких ценах на землю переселенцы, направлявшиеся в Сибирь, к 1909–1911 гг. предпочитали оставаться в башкирском крае. Но основной причиной нежелания крестьян следовать в Сибирь оставалась неорганизованность и непродуманность столыпинской реформы. На местах выхода крестьян местные органы власти в целях скорейшего избавления от малоземельных и безземельных крестьян часто отправляли их на новые места жительства, обнадеживая о подготовленности участков и благополучности переезда. Проходные свидетельства, выдаваемые на земельный участок, часто игнорировались или были недействительными, так как к моменту прибытия переселенцев эти земли могли быть уже проданы. По этой причине многие крестьяне-переселенцы самостоятельно занимались поиском земельных участков и в большинстве случаев временно арендовали их у башкирского населения, нанимались на работу к старожилам или жилищным крестьянам. Нередко они возвращались к родным местам. Так, за 10 лет, с 1904 по 1914 гг., в среднем из Уфимской губернии вернулись обратно 9251 чел, или 21,3 %, а из Оренбургской — 21649 чел., т.е. 33 % к общему числу переселившихся в губернию крестьян. В последующие годы происходил рост числа обратных переселенцев, и достигло своего максимума к 1912 г. составив соответственно по Уфимской губернии 50,2 %, а по Оренбургской 53,5 % всех переселившихся крестьян¹⁹.

Таким образом, аграрная реформа первой четверти XX в. способствовала массовой миграции населения из западных и центральных районов страны на территорию Уфимской и Оренбургской губерний. Переселенческая политика, проводимая царским правительством после отмены крепостного права вплоть до 1917 г., окончательно не решила земельный вопрос в Российской империи. Вместо полного обеспечения земель за счет свободных окраин, произошло массовое обезземеливание и разорение не только переселенцев, но и местных крестьян, и коренного населения.

Пристатейный библиографический список

1. Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Т. 2: Царствование Николая II. 1960.
2. Карабанов Н. В. Переселение и расселение крестьян [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003791513/viewer.html (дата посещения: 28.10.2015 г.).
3. Кауфман А. А. К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. М.: Книга по требованию, 2012.
4. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. М.: Нобель Пресс, 2012.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание 5: в 55 т. / В. И. Ленин. М.: Политиздат, 1967–1975. Т. 17: Март 1908 – июнь 1909. 1968.
6. Материалы по истории Башкирской АССР: в 5 т. / сост. Н.Ф. Демидова. М.: Академия наук СССР, 1936–1960. Т. 5: Башкирия в последней четверти XVIII в. 1960.
7. Молощенков А. Н. Миграция украинского населения на Южный Урал в первой четверти XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). История. Выпуск 33.
8. Молощенков А. Н. Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Молощенков Антон Николаевич; Оренбургский государственный аграрный университет. Оренбург, 2010.
9. Никитин Н. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 6-7.
10. Усманов Х. Ф. Развитие российского капитализма вширь и социальная эволюция башкирского крестьянства // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982.
11. Утягулов М. М. Переселенческая политика царизма в Башкирии во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Утягулов Марат Мирсаитович; Башкирский государственный университет. Уфа, 2005.

18 Усманов Х. Ф. Указ. соч.

19 Молощенков А. Н. Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург, 2010. С. 76–95.

Хабибуллин И. З.

РАЗВИТИЕ КАЗАЧЬЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН И ЕГО ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ В XIX И XXI ВЕКАХ

В статье рассматриваются проблемы развития казачьего образования в Республике Башкортостан как в дореволюционный период, так и на современном этапе. Приводится анализ нормативной базы. Поясняется, какие меры предпринимаются сегодня в крае для решения этой задачи.

Ключевые слова: казаки, башкиры, Неплюевский кадетский корпус, казачьи классы, казачий кадетский корпус.

Khabibullin I. Z.

DEVELOPMENT OF THE COSSACK EDUCATION IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN 19TH AND 21ST CENTURIES

The article deals with the problems of the Cossack education development in the Republic of Bashkortostan both in the prerevolutionary period and at the present stage. The analysis of a regulatory base is given. It is explained what measures are taken nowadays in the territory.

Keywords: the Cossack, Bashkirs, Neplyuevsk cadet corps, the Cossack classes, Cossack cadet corps.

Хабибуллин И. З.

В XVIII в. военные силы Оренбургского края – Оренбургский отдельный корпус, казачьи войска (Башкиро-мещерякское, Уральское, Оренбургское, Калмыцкое), гарнизоны городов и крепостей остро нуждались в образованных людях.

Отсюда – забота властей о создании различных школ для их нужд. Гарнизонные школы для солдатских и казачьих детей, действовавшие с конца XVIII в., в конце 20-х гг. XIX в. переименовались в батальоны военных кантонистов, дававшие начальное образование и военную подготовку.

В 1850 г. к ним относились Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий батальоны, а также Звериноголовская рота и войсковое училище Уральского казачьего войска. Во всех них обучалось 1530 учеников. Среди кантонистов были и башкирские мальчишки. В 20-х гг. в Оренбургском казачьем войске открылись 18 станичных начальных школ ланкастерского типа. В середине века были 72 такие школы с охватом 2244 детей¹.

2 января 1825 г. в Оренбурге властями было открыто Неплюевское военное училище, преобразованное в 1844 г. в Неплюевский кадетский корпус. В декабре 1840 г. Указом императора Николая I было утверждено Положение Оренбургского Неплюевского военного училища.

Он существовал на денежные пожертвования сословий, в числе которых были и башкиры. Корпус состоял из европейского и азиатского отделений. Срок обучения составлял 8 лет. Башкиры и мишари обучались на азиатском отделении. В последнем изучались русский, арабский, персидский, татарский (тюрки) языки, всеобщая и русская история, всеобщая и русская география, арифметика. Важное место занимали рисование, фехтование, военная подготовка. Восточные языки преподавали выпускники этого корпуса – башкиры Мирсалих Бикчурин и Салимьян Кукляшев. В 40-х гг. XIX в. в нем училось 198 человек. В подготовке кадров для края кадетский корпус сыграл значительную роль. В 1831–1907 гг. его окончило 70 башкир и мишарей.

Летом 1844 г. было одобрено предложение о создании на базе училища кадетского корпуса на 200 учащихся, в том числе 30 мест выделялось для детей киргизских султанов, старшин и беев. На содержание корпуса выделялось казной 22800 рублей. В ходе военных реформ в 1863 г. кадетский корпус был преобразован в военную гимназию. В 1882 г. корпус вновь был восстановлен и действовал до 1918 г. В 1887 г. открылся 2-й Оренбургский корпус со специальным подготовительным классом. С декабря 1867 г. в Оренбурге действовало казачье юнкерское училище.

К концу XIX в. казачье образование получило основательное развитие. В 1894 г. в Оренбурге функционировало два кадетских корпуса: первый – Оренбургский Неплюевский и 2-й Оренбургский и казачье юнкерское училище.

Кроме того, в середине XIX в. почти все казачьи войска имели вакансии за счет своих средств в университетах, медико-хирургической академии, училище правоведения, в лесном и медицинском институтах, в горном корпусе, строительном училище, Московском коммерческом училище, кадетских корпусах и военных училищах, в гимназии, фельдшерских школах. Система вакансий и резервирования мест для детей казаков в лучших учебных заведениях страны во многом способствовала формированию казачьей интеллигенции².

Башкирские казаки также направлялись для получения соответствующего образования в высшие учебные заведения Российской империи, о чем поясняется в именном императорском Указе, объявленном военным министром 8 октября 1848 г.: «Военный совет, рассмотрев представление Департамента военных поселений, согласно с ходатайством командира отдельного Оренбургского корпуса и заключением общего присутствия Департамента, положил:

1) Для снабжения башкиро-мещерякского войска собственными землемерными чертежниками, избрать из сословия его и отправить для обучения в отделение генерального штаба отдельного Оренбургского корпуса, сверх находящихся уже там двух, еще восемь способных малолетков.

2) Для обучения их практической съемке и черчению назначить пятилетний срок...

Государь император, таковое положение военного совета в 8 день сентября, соизволил высочайше утвердить³.

В 1852–1860 гг. в Неплюевском кадетском корпусе обучался М. И. Уметбаев – крупный башкирский поэт-просветитель, ученый-энциклопедист. О чем поясняется в Свидетельстве Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, выданном «воспитаннику среднего класса 2-го эскадрона Мухамед-Селиму Уметбаеву в том, что он поступил в сей корпус 1852 года ноября 24-го и, как из документов видно, сын есаула башкирского войска, родился 1841 года августа 22-го, верноподданный магометанского»⁴.

2 История казачества Урала / Под общ. ред. д-ра исторических наук, профессора В. Ф. Мамонова: Учеб. пособие для казачьих воскресных школ. Челябинск: Изд. «Транспорт», 1992. С. 176.

3 Хрестоматия по истории Башкортостана. Часть первая. Документы и материалы с древнейших времен до 1917 г.: Учеб. пособие / Сост. Ф. Х. Гумеров. 2-ое изд. Уфа: Китап, 2005. С. 229.

4 Там же. С. 226.

1 Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа: Китап, 2005. С. 56.

Казачье образование в Оренбургском войске поставлено было лучше, чем в других войсковых казачьих обществах. Так, например, в 1883 г. в войске Донском приводилось одно учебное заведение на 4460 душ, в Кубанском – на 3393, Терском – на 2204, Уральском – на 2161, а в Оренбургском – на 750 душ. В начале XX в. грамотные в общем составе Оренбургского войскового населения составляли 59,8 %, в Уральском войске – 34,1 % (для сравнения, в Донском – 36,8 %). В Оренбургском войске был наивысший показатель среди всех 11 казачьих войск. Уральское войско было на 4-м месте. В целом же образовательный уровень среди казаков был значительно выше, чем средний по стране⁵.

С 1917 г. советская власть с её коммунистическим тоталитарным режимом начала проводить политику откровенного геноцида по отношению к казакам. В частности, коммунистический режим активно осуществлял политику «расказачивания» – в места компактного проживания казаков направлялись карательные красноармейские отряды, творившие повсюду настоящие зверства. Казачье население насильно изгонялось, вывозилось под конвоем вооруженных красноармейцев с мест постоянного проживания и поселялось в совершенно необжитых местах страны, где казачьи семьи вымирали от голода и холода. Любые сведения о казаках не могли быть опубликованы в советской прессе. Само слово «казак» при советской власти исчезло из русского языка: находилось под официальным запретом. Казачество никогда уже не возродится.

В 1991 г. в новой России был принят Закон «О реабилитации репрессированных народов», где была подвергнута жесточайшей критике политика советской власти по отношению к народам, которые подвергались геноциду и клеветническим нападкам.

Именно с этого времени и начинается возрождение российского казачества на территории нашего государства.

В период с 1991 г. по сегодняшний день развивалась и развивается, усовершенствовалась и усовершенствуется нормативная база казачества РФ.

Сегодня одна из важнейших задач, которая стоит перед государством – это воспитание патриота России. Российское казачество в этом вопросе принимает активное участие.

В своем интервью «О современном этапе развития казачества» от 26 мая 2010 г. заместитель руководителя Администрации Президента России Александр Беглов пояснил, что «казачья молодежь выделяется среди сверстников нравственным и физическим здоровьем, особой активностью. Сейчас действует 24 казачьих кадетских корпуса. Открыты классы с казачьим компонентом в общеобразовательных учреждениях. Если бы казачатам все это было неинтересно, кто бы там учился?».

Однако, что касается функционирования казачьих классов, военно-патриотических казачьих клубов, а тем более кадетского казачьего корпуса на территории Республики Башкортостан, оно остается неутешительным.

Согласно ответу на обращение ХКО «Бельское казачество» МНО РБ № 16-05/40 от 11.03.2014 г. следует, что казачьи кадетские корпуса открываются на основании Федерального закона «Об образовании», Закона Республики Башкортостан «Об образовании».

17 августа 2011 г. в Минюсте РФ (рег. № 21644) был зарегистрирован Приказ Министерства образования и науки РФ от 5 августа 2011 г. № 2190 «Об утверждении Типового положения об общеобразовательных учреждениях – казачьих кадетских корпусах»⁶. Согласно данному Типовому положению основными целями деятельности казачьего кадетского корпуса являются интеллектуальное, культурное, физическое и духовно-нравственное развитие несовершеннолетних граждан РФ, создание основы для их подготовки к несению государственной или иной службы. Казачий кадетский корпус в своей деятельности руководствуется федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, решениями соответствующего государственного

и муниципального органа, осуществляющего управление в сфере образования, настоящим Типовым положением, Типовым положением об общеобразовательном учреждении, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 19 марта 2001 г. № 196. Учредителем казачьего кадетского корпуса могут быть Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, а также муниципальные образования.

Сегодня в России работают 24 специализированных казачьих кадетских корпуса и около тысячи казачьих классов в общеобразовательных школах. Всего в них учатся более 40 тысяч воспитанников⁷.

На наш взгляд, перспектива в вопросе развития казачьего образования на территории Республики Башкортостан тоже есть.

В этом должна проследиваться как поддержка государственных и муниципальных органов на местах, так и их совместная деятельность с реестровыми казачьими организациями на территории РБ.

Сегодня на территории Республики функционируют более десятка общественных организаций, с 2013 г. реестровое ХКО «Бельское казачество» г. Уфы РБ СЗКО ВВКО, с 2015 г. Мелеузовское ХКО г. Мелеуза РБ.

К сожалению, на сегодня нет информации о деятельности казачьих классов в школах Республики Башкортостан.

9 сентября 2015 г. на базе Республиканского экономического лицея-интерната торжественно был открыт казачий военно-патриотический клуб «Яугир-воин». При открытии клуба присутствовали почетные гости – представители Законодательного Собрания РБ, МНО РБ, Башвоенкомата, казаки ХКО «Бельское казачество» г. Уфы РБ СЗКО ВВКО и др.

Клуб «Яугир-воин» был открыт при поддержке администрации РЭЛ-И. Между РЭЛ-И и ХКО «Бельское казачество» г. Уфы РБ СЗКО ВВКО подписан договор о взаимосотрудничестве. Учащиеся клуба занимаются по особой программе ВПК, утвержденной атаманами ХКО «Бельское казачество» г. Уфы РБ сотником Е. А. Кривошеевым и согласованной военным комиссаром республики полковником А. Е. Балтинским.

Занятия с учащимися ведут казаки ХКО «Бельское казачество» г. Уфы РБ, имеющие соответствующее образование и прошедшие службу в вооруженных силах Российской Федерации. ХКО «Бельское казачество» г. Уфы РБ откликнется на сотрудничество с другими ВПК.

Именно казаки ВПК РБ могут стать одной из основ для открытия казачьего кадетского корпуса на территории Республики Башкортостан.

Надо отметить и тот факт, что сегодня на территории РБ в г. Мелеуз плодотворно функционирует Башкирский институт технологий и управления (филиал) ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ)», г. Мелеуз. На базе этого учебного заведения с 2015 г. при поддержке директора филиала А. Н. Мамацева функционирует реестровое казачье общество, атаманом которого является кадровый офицер А. С. Шалютков.

Конкретно здесь, на базе Башкирского института технологий и управления (филиал) ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ)», г. Мелеуз, могут проводиться семинары по развитию казачества края и казачьего образования в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа: Китап, 2005.
2. История казачества Урала / Под общей ред. доктора исторических наук, проф. В. Ф. Мамонова: Учеб. пособие для казачьих воскресных школ. Челябинск: Изд. «Транспорт», 1992.
3. Хрестоматия по истории Башкортостана. Ч. I. Документы и материалы с древнейших времен до 1917 г.: Учеб. пособие / Сост. Ф. Х. Гумеров. 2-е изд. Уфа: Китап, 2005.
4. Педагогика казачества в образовательном пространстве школы. Сборник научно-методических материалов. Саратов: Изд. «Влад-Принт», 2013.

5 История казачества Урала / Под общ. ред. д-ра исторических наук профессора В. Ф. Мамонова: Учеб. пособие для казачьих воскресных школ. Челябинск: Изд. «Транспорт», 1992. С. 177.

6 Педагогика казачества в образовательном пространстве школы. Сборник научно-методических материалов. Саратов: Изд. «Влад-Принт», 2013. С. 36.

7 Газета «Парламентский Вестник Дона» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vestnikdona.ru/>

Курманов А. С.

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ОБЪЕКТЫ ЖИВОТНОГО МИРА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Статья посвящена вопросам уголовной ответственности за посягательства на животный мир по законодательству советского периода с первых декретов РСФСР до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор показал взаимосвязь изменений уголовно-правовых норм на протяжении того периода с современной редакцией уголовного закона об ответственности за браконьерство.

Ключевые слова: уголовная ответственность за браконьерство, охрана животного мира, генезис уголовного законодательства.

Kurmanov A. S.

CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA ON THE LIABILITY FOR ENCROACHMENT ON THE WILDLIFE IN THE SOVIET PERIOD

The article deals with the criminal liability for encroachment on the wildlife according to the legislation of the Soviet period, from the first decrees of the RSFSR until the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation. The author showed the relationship of changes in criminal law during that period with a modern edition of the criminal law on responsibility for poaching.

Keywords: criminal liability for poaching, the wildlife, the genesis of the criminal law.

Курманов А. С.

Охота, как вид человеческой деятельности, возникает и начинает развиваться вместе с самим человеком. Не случайно это был один из первых способов добычи пищи и одежды. Насколько важную роль она играла в быту людей, мы можем судить хотя бы потому, что одним из основных памятников, наиболее часто находимых при раскопках даже самых древних поселений человечества, являются предметы быта охотников. Однако с развитием человеческого общества охота стала постепенно из способа добывания пищи превращаться в доходный бизнес или дорогостоящее увлечение. Сегодня ежегодный ущерб от браконьерских действий оценивается более чем в 19 млрд рублей¹. Поэтому для науки уголовного права важно постоянно искать пути совершенствования действующих уголовно-правовых норм, с целью повышения эффективности уголовного закона и профилактики хищнического истребления животного мира. Важным направлением в этой работе является изучение истории развития и становления уголовного законодательства, поскольку нельзя познать новое без оценки и учета опыта и ошибок прошлого.

В рамках данной статьи автор предпринял попытку осветить вопросы уголовной ответственности за посягательства на объекты животного мира в советский период.

После революции 1917 г. новая власть сразу встаёт на защиту природы. Принимаются декреты: «О земле»², «О лесах»³, «Об охоте»⁴. Декрет «О земле» устанавливал ряд принципиально новых положений в области регулирования и использования всех важнейших природных ресурсов страны.

Декрет отменил частную собственность на землю, объявил её общенародным достоянием, что имело определяющее значение для пользования другими, связанными с землёй природными ресурсами – недрами, лесами, водами, животным миром, находящимися в естественном состоянии. Так, первоначально

в сферу уголовно-правовой охраны попали те ресурсы, которые в условиях гражданской войны и разрухи стали объектом наиболее интенсивного разграбления: леса и животный мир.

19 февраля 1918 г. в развитие декрета «О земле» Всероссийский исполнительный комитет принял Декрет «О социализации земли»⁵, в котором делалась оговорка, что порядок пользования недрами, водами, лесами и животным миром будет установлен специальными законами. Согласно ст. 5 Декрета право распоряжения недрами, лесами, водами и живыми силами природы предоставлялось в зависимости от их назначения уездной, губернской, областной и федеральной советской власти под контролем последней.

Уголовная ответственность за браконьерство наступала согласно декрету СНК «О сроках охоты и праве на охотничьи оружия» и декрету «Об охоте», принятых в 1919 г. В этом же году для охраны водоплавающей птицы, птичьих колоний, мест нереста был создан Астраханский заповедник. А в мае 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет об организации на территории Челябинской области Ильменского заповедника.

Управление охотничьим хозяйством осуществлял Наркомат земледелия, на который декретом «Об охоте» были возложены:

- организация и ведение охотничьего хозяйства, включая разведение и охрану охотничьих животных;
- направление и согласование деятельности местных органов управления охотой;
- организация снабжения охотников орудиями производства, припасами и спецодеждой.

Процессу создания и развития уголовного законодательства об охране природы были присущи все противоречия становления советского законодательства в этот период: неустойчивость возникающих отношений, отсутствие опыта законодательной деятельности, отсутствие общих теоретических представлений о путях развития права в условиях ломки до-революционного законодательства.

В тот период отмечалось, что охрана природной среды ведётся малоэффективными методами. В одной из докладных записок «О нуждах охраны природы в РСФСР» Государствен-

1 Минприроды России разработает механизм вознаграждения для граждан за помощь в борьбе с браконьерами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=134944> (дата обращения: 10.08.2015).

2 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3.

3 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 42. Ст. 522.

4 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1920. № 65. Ст. 297.

5 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 25. Ст. 1346.

ного комитета по охране памятников природы, направленной в ВЦИК, подчёркивалось, что «дело охраны природы в РСФСР находится в самом критическом положении»⁶. Причинами являлись: общее кризисное состояние экономики, нехватка продуктов питания и других средств первой необходимости, низкое экологическое правосознание населения.

В 1922 г. принимается первый Уголовный кодекс РСФСР, который в первоначальной редакции в ст. 99 предусматривал ответственность за охоту в недозволенное время, в недозволенных местах, недозволенными способами и приёмами. Кроме того, данная статья устанавливала ответственность за несоблюдение законов, принятых в целях сбережения лесов и разработку недр. Интересно, что ст. 99 была помещена в главу о государственных преступлениях. Объясняется это тем, что к государственным преступлениям УК РСФСР 1922 г. относил все преступления против порядка управления. Вслед за принятием УК РСФСР 1922 г. был издан ряд нормативных актов, целью которых было усиление борьбы с браконьерством. Например, в Циркуляре НКВД по Центральному административному управлению от 22 октября 1923 г. № 353 говорилось, что в связи с имеющимися в НКВД сведениями об истреблении животных населением и, усматривая в этом недостаточно серьёзное отношение к борьбе с этим злом сотрудников милиции, НКВД предлагает: 1) принять самые решительные и строгие меры к искоренению этого зла, вменив это в обязанности работников милиции; 2) при выявлении виновных, привлекать к уголовной ответственности по ст. 99 УК РСФСР⁷.

Наличие уголовного закона, предусматривающего конкретное наказание за браконьерство, играло положительную роль, т.к. после революции 1917 г. у народа, особенно в сельской местности, создалось убеждение о том, что в связи с отменой всех старых законов никаких норм, регулирующих охотничий промысел, нет и быть не может. Однако отметим, что борьба с браконьерством претерпевала определённые колебания. Так, 16 октября 1924 г. на второй сессии ВЦИК 11 созыва было принято постановление «О дополнениях и изменениях УК РСФСР», согласно которому из ст. 99 УК были исключены деяния за исключением лесонарушений. За незаконную охоту была установлена административная ответственность. По мнению Б. Н. Звонкова, такое решение вопроса свидетельствовало о явной недооценке общественной опасности браконьерства, тем более что браконьерством занималась значительная часть населения, живущего в лесных районах страны⁸. По данным Всероссийского охотничьего союза в 1924 г. за незаконную охоту было привлечено к ответственности около 10 000 человек.

Осознавая, что такая ситуация может привести к выходу браконьерства из-под контроля государства, 5 декабря 1925 г. декретом ВЦИК и СНК Уголовный кодекс РСФСР был дополнен ст. 99-а, устанавливающей ответственность за производство рыбного и других водных добывающих промыслов. Однако незаконная охота продолжала относиться к административным проступкам.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. также закрепил в ст. 86 ответственность только за незаконное занятие рыбным промыслом. Первоначально в УК не было статьи, предусматривающей ответственность за незаконную охоту. И лишь на второй сессии ВЦИК 6 апреля 1928 г. УК РСФСР был дополнен ст. 86 (1) следующего содержания: «Производство охоты в запрещённых местах, в запрещённые сроки и запрещёнными способами и орудиями». Однако ст. 86 (1) не стала эффективным средством борьбы с преступными нарушениями правил охоты. Причина в том, что санкция этой статьи предусматривала наказание в виде лишения свободы, или исправительных работ на срок до 6 месяцев, или штраф до 300 руб. В соответствии

со ст. 28 УК, лишение свободы устанавливалось на срок свыше одного года. Это привело к тому, что штраф стал основной мерой наказания даже за злостное браконьерство, что явно не отвечало требованиям существующей обстановки. Данная статья просуществовала до принятия в 1960 г. нового УК РСФСР.

Уголовная ответственность за незаконную охоту по УК РСФСР 1960 г. предусматривалась в ст. 166, которая была отнесена к главе «Хозяйственные преступления». Согласно ч. 1 ст. 166 УК «незаконной» признавалась охота без надлежащего на то разрешения или в запрещённых местах, либо в запрещённые сроки, запрещёнными орудиями и способами, если эти действия совершены после применения мер административного воздействия за такое же нарушение. По ч. 2 ст. 166 УК ответственность была предусмотрена за охоту на зверей и птиц, охотиться на которых полностью запрещено, или незаконную охоту, причинившую крупный ущерб, или охоту на территории государственного заповедника, либо с применением автоматотранспортных средств. Борьба с браконьерством в этот период по линии милиции, согласно специальному указанию № 340-с от 21 января 1965 г. (МООП РСФСР), отмечена как неудовлетворительная.

Правда, в некоторые годы того периода органы милиции проявляли активность в борьбе с браконьерством. В специально изданном по этому поводу Указании № 99 от 21 июля 1975 г. МВД СССР потребовало от участковых инспекторов милиции усиления работы по выявлению браконьеров, своевременному пресечению их деятельности и привлечению к ответственности, а от начальников РОВД – навести порядок в деле своевременного реагирования на сигналы о браконьерстве, проверки, дознания и привлечения браконьеров к ответственности.

Вместе с тем оставались вопросы законодательного характера об отнесении данной статьи к хозяйственным преступлениям, об обоснованности административной преюдиции, использовании иных механических средств (в том числе воздушных и водных судов); расширения организованной групповой преступности; всё более широкого использования новейших достижений техники (вертолётов, механических транспортных средств, оптических приборов, приборов ночного видения, взрывчатых и химических веществ и др.), используемых для массового уничтожения животного мира. Эти вопросы законодатель попытался решить, усовершенствовав диспозицию ст. 258 («Незаконная охота») в УК РФ, вступившем в действие с 1 января 1997 г.

Пристайный библиографический список

1. Бюллетень НКВД. 1923. 5 ноября. № 25.
2. Звонков Б. Н. Уголовно-правовая борьба с браконьерством в СССР: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1967.
3. Минприроды России разработает механизм вознаграждения для граждан за помощь в борьбе с браконьерами // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=134944> (дата обращения: 10.01.2014).
4. Природа. 1981. № 9.
5. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 42. Ст. 522.
7. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1920. № 65. Ст. 297.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 25. Ст. 1346.

6 Природа. 1981. № 9. С. 14.

7 Бюллетень НКВД. 1923. 5 ноября. № 25.

8 Звонков Б. Н. Уголовно-правовая борьба с браконьерством в СССР: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1967. С. 31.

Мамлеева Д. Р.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИЦИИ

Статья посвящена рассмотрению вопросов устройства, задач и полномочий транспортной полиции, а также основным способам обеспечения правопорядка на транспортных магистралях России. Автор анализирует нормативную базу организации и деятельности транспортной полиции во второй половине XIX в.

Ключевые слова: жандармские полицейские управления, железнодорожная полиция, речная полиция, портовая полиция, полицейские железнодорожные правила, Корпус жандармов.

Mamleeva D. R.

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION AND ACTIVITIES OF THE TRANSPORT POLICE

The article is devoted to consideration of issues of organization, tasks and powers of the transport police, as well as the main ways of securing law and order on the roads of Russia. The author analyses the normative framework of the organization and activities of the transport police in the second half of the nineteenth century.

Keywords: gendarmerie, police departments, railroad police, river police, port police, railroad police regulations, the Corps of gendarmes.

Мамлеева Д. Р.

Вторая половина XIX в. характеризовалась наиболее частыми изменениями в структуре и компетенции полиции. В 50–80-е годы исследуемого столетия была осуществлена реорганизация всей системы полицейских органов: 1) назначение полицейских чиновников со стороны правительства; 2) соединение городской полиции с уездной; 3) отделение от полиции следственной, судебной и хозяйственной частей¹. После проведения реформы полиции в нормативных актах подробно излагались права и обязанности всех звеньев полицейского аппарата по обеспечению безопасности и правопорядка в общественных местах. Образовывались новые полицейские органы, учреждались вновь создаваемые должности, предлагалось множество проектов по реформированию всей полицейской системы Империи. Утвержден постоянный штат управления С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции, изменены и дополнены действующие законы о С.-Петербургской полиции и её учреждениях, организована конно-полицейская стража, преобразована Московская городская полиция, расширилась компетенция водной полиции и железнодорожной жандармерии. На железных дорогах были созданы специализированные полицейские управления, которые укомплектовывались жандармами. Ранее действовавшие жандармские эскадроны и жандармские команды были преобразованы в управления. В 1863 г. на С.-Петербургско-Варшавской и Рижско-Динабургской железных дорогах был введен особый полицейский надзор. Определен штат полицейского управления Николаевской железной дороги (Санкт-Петербург – Москва).

С расширением сети железных дорог, развитием движения и увеличением перевозок пассажиров и грузов, формированием новых структурных подразделений полицейских органов возникла потребность в более четком нормативном определении круга их обязанностей. 27 июля 1861 г. было введено в действие Высочайше утвержденное «Положение о жандармских полицейских управлениях Санкт-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог», целью которого являлось учреждение жандармской полиции на железных дорогах². В Положении более детально регулировались обязанности транспортной полиции по сохранению правопорядка

на станциях, задачи, решаемые жандармами до этого времени, были значительно расширены. Например, функции общей полиции по надзору за строительством железных дорог были дополнены рядом обязанностей, связанных с обеспечением порядка на станциях между проезжающими и строителями, а также с рассмотрением жалоб рабочих, подрядчиков, служащих и проезжающих. В обязанности чинов жандармских полицейских управлений вменялась функция контроля за исполнением подрядчиками правил о порядке строительства железнодорожного полотна. Согласно положению, созданное «особое полицейское управление» комплектовалось чинами Корпуса жандармов. Штат офицеров формировался по согласованию шефа жандармов с главноуправляющим путями сообщений, нижние чины назначались по распоряжению Штаба Корпуса жандармов.

С 60-х годов XIX в. полицейские управления на железных дорогах, а позднее жандармские полицейские управления на железных дорогах функционировали практически на всей поверхности земли, отчужденной под железные дороги, со всеми «прилегающими» постройками и сооружениями. В январе 1867 г. последовало высочайшее распоряжение о передаче подразделений жандармской полиции на железных дорогах в подчинение Корпуса жандармов³. Тем самым, железнодорожные полицейские управления были изъяты из ведения министра путей сообщения и переданы в жандармское ведомство. С этого момента железнодорожная полиция сформировалась как государственный правоохранительный орган на железнодорожном транспорте, орган транспортной полиции.

Одним из основных нормативных актов, подтвердивших передачу жандармских полицейских управлений железных дорог из министерства путей сообщения в подчинение шефа корпуса, был Указ императора «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог». В соответствии с ним на данные управления, помимо задач общей полиции, в полном объеме возлагались наблюдательные функции. Так как жандармская железнодорожная полиция являлась структурным подразделением Корпуса жандармов, то вполне естественно, что на нее распространялись соответствующие его приказы. В частности, согласно данному Указу чины транспортной полиции при исполнении своих обязанностей должны были строго следовать инструкциям и указаниям, предназначенным для всего Корпуса.

1 Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк (репринтное издание). – М., 2002. – С. 126.

2 Мамлеева Д. Р. Правовое регулирование организации и деятельности транспортной полиции во второй половине XIX века // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 36. – С. 144–148.

3 Воронцов С. А. Спецслужбы России. – Ростов н/Д, 2006. – С. 144–145.

В последующие годы все принимаемые нормативные акты, регулирующие деятельность личного состава Корпуса жандармов, содержали отдельный раздел, конкретизирующий особые полномочия чинов транспортной полиции – жандармских полицейских управлений на железных дорогах.

Существенное значение в изменении организационно-правового положения железнодорожной жандармерии сыграл утвержденный 16 марта 1867 г. особый правовой акт – «Порядок учреждения жандармского надзора на вновь проводимых железных дорогах», согласно которому в ведении каждого жандармско-полицейского управления находился участок дороги протяженностью 2 тысячи верст. В свою очередь это расстояние делилось на отдельные участки по 200 верст. Причем на каждые 200 верст выделялся один участковый офицер. В состав каждого управления входили: начальник управления, участковые офицеры и нижние чины в унтер-офицерском звании – на каждую станцию по два человека⁴. Однако соблюдение столь конкретизированные нормы оказывалось весьма сложным, так как строительство новых железнодорожных веток продолжало развиваться достаточно быстрыми темпами.

Следующим шагом в коренном преобразовании жандармерии явилось создание проекта «Общего положения о Корпусе жандармов» – инструкции–предписания губернским жандармским начальникам, а впоследствии и принятие 9 сентября 1867 г. «Положения о Корпусе жандармов». Новое Положение законодательно закрепило организационно-структурные изменения Корпуса относительно устройства транспортной полиции. К началу 70-х г. были утверждены штаты Балтийского, Виленского, Воронежского, Минского, Митаво-Риго-Орловского, Московско-Киевского, Московско-Ярославского, Московско-Воронежского, Киевско-Одесского, Финляндского, Харьковского жандармских полицейских управлений железных дорог.

Учрежденные Положением полицейские управления на железных дорогах выполняли те же функции, что и другие звенья структуры Корпуса жандармов, а именно: 1) розыск воров, беглых, кочевников, преследование преступников; 2) пресечение массовых беспорядков; 3) сопровождение опасных преступников, арестантов; 4) несение патрульно-постовой службы на вверенной им территории при проведении различных городских мероприятий.

Немаловажное значение в организации и деятельности транспортной полиции в рассматриваемый период имели утвержденные императором «Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» (19 мая 1871 г.). Данный нормативно-правовой акт регламентировал уголовно-процессуальную деятельность транспортной полиции, предоставив ей право производства дознаний по государственным и уголовным преступлениям, причем жандармам вменялось в обязанность содействовать прокуратуре и общей полиции в раскрытии уголовных преступлений. Особый раздел Правил определял порядок действий чинов жандармских полицейских управлений железных дорог, в ходе которых служащим транспортной полиции, в частности жандармам, проходящим службу на отчужденных для железных дорог территориях, предоставлялись все права и возлагались все обязанности общей полиции, а именно в отношении расследования преступлений в районе их действий.

Вместе с тем Штабом Корпуса жандармов были разработаны инструкции для служебной деятельности железнодорожной полиции. Одной из них была «Инструкция для чинов жандармской и общей полиции на железных дорогах» (29 сентября 1873 г.). В ней перечислялись примеры практических действий в различных ситуациях. Например, в целях обеспечения общественного порядка и безопасности во время прибытия или отправления поездов, на железнодорожных станциях в специально предусмотренных наблюдательных постах размещалось установленное число жандармских офицеров и унтер-офицеров. При этом жандармы как лица, наделенные законом судебно-полицейскими функциями на железнодорожной территории, обязаны были сами производить все необходимые процессуальные действия. К инструкции также прилагался до-

кумент, регламентирующий основные обязанности офицера железнодорожной жандармерии, предусмотренные специфической деятельностью транспортной полиции: «Особые права для офицеров жандармского и полицейского». Согласно данному документу офицер железнодорожной полиции должен был до прибытия или отправления пассажирских поездов распределить подчиненных нижних чинов по постам: у билетных касс, в залах ожидания, на платформе и в других местах в пределах станции. В случае невыполнения либо выявления нарушений установленных правил порядка поведения, жандармский офицер должен был принять соответствующие меры к виновным, с последующей фиксацией совершенного проступка в протоколе.

Аналогичные условия организации и деятельности были предусмотрены для водной полиции, специально сформированной в целях обеспечения безопасности на речном и морском транспорте. Данные подразделения представляли собой особый полицейский орган, деятельность которого связывалась с выполнением обязанностей, как на воде, так и в портовых сооружениях. На транспортную полицию помимо сугубо полицейских функций возлагались и обязанности по спасению на водах. В частности, в зимнее время чинам водной полиции предписывалось ограждать полыньи, охранять стоянки судов от бродяг, осуществлять контроль за состоянием санных путей и катков, проложенных на речном льду, а также за спусками к рекам и каналам⁵.

До конца 60-х годов XIX в. водные пространства г. Санкт-Петербурга состояли в ведении многих ведомств, а именно в полицейском отношении водами столицы заведовали чины наружной полиции (за исключением районов, относящихся к ведению Морского министерства, коменданта Петропавловской крепости, Окружного Артиллерийского управления). Кроме того, общий судоводный надзор на реке Неве и ее притоках состоял в ведении Министерства путей сообщения, в частности, обязанности освидетельствования перевозочных судов и пассажирских пароходов лежали на управлении корабельной верфи, состоявшей при Министерстве финансов, и на ежегодно назначаемой пароходной комиссии⁶. Вследствие такого распределения судоводного надзора судоводство на Санкт-Петербургских водах, возраставшее по мере развития столицы и торговли, из-за отсутствия особого специального органа для наблюдения за столичными водами встречало все больше и больше затруднений из-за постоянных массовых беспорядков на судах при их следовании. В этой связи возникло предложение об устройстве речной полиции.

В 1866 г. была учреждена особая комиссия под председательством Санкт-Петербургского генерал-губернатора для разработки проекта об учреждении специальной речной полиции. 27 июня 1867 г., согласно заключению этой комиссии, последовало Высочайшее повеление об устройстве речной полиции как структурного подразделения столичного полицейского управления, в ведении которого находились все реки и каналы в черте Санкт-Петербурга⁷. Речная полиция состояла из управляющего, 3 его помощников, необходимого числа нижних чинов по штату и команды матросов и морских унтер-офицеров сверхсрочной службы, ежегодно назначаемых Морским министерством за счет сумм, отпускаемых на её содержание. Чины в основном были из бывших морских офицеров, по тем или иным причинам оставивших службу на флоте.

7 мая 1891 г. было утверждено «Положение об административном заведывании портовыми мореходством и о полиции в приморских торговых портах». Применительно к этому положению составлены штаты портовых управлений в Риге (1893 г.), Одессе (1893 и 1894 гг.), Санкт-Петербурге (1895 г.). Расширены штаты речной полиции в Петербурге (1885 г.), Ниж-

⁴ Тимофеев Л. Справочная книга для чинов жандармских полицейских управлений железных дорог. – СПб., 1908. – С. 3.

⁵ Пиотровский В., Кудрявцев В., Очкур Р. Полиция Российской империи. – СПб., 2005. – С. 88.

⁶ Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 1. Устав Путей Сообщения. – СПб., 1877.

⁷ Захаренков В. В., Сальников А. А. На страже магистралей. Очерки истории транспортной милиции России. – М., 2002. – С. 15–16.

нем Новгороде (1882 и 1900 гг.) и Рыбинске (1885 г.). Затем был организован полицейский надзор на Рижском побережье⁸.

В 1894 г. было принято «Положение о портовой полиции в военных портах Империи», согласно которому для охраны адмиралтейств, верфей, гаваней, а равно всех других зданий и сооружений в военных портах Империи учреждалась особая портовая полиция, состоящая из портовых надзирателей, портовых старшин и портовых полицейских. Портовая полиция находилась в ведении начальников или командиров портов, а также в непосредственном распоряжении заведующих портовыми учреждениями, помощников капитанов и командиров. В Положении также устанавливались требования для чинов портовой полиции, практически схожие с требованиями, предъявляемыми к чинам железнодорожной полиции. Так, чины портовой полиции определялись капитанами над портами, по принадлежности из лиц, достигших 25-летнего возраста и состоящих в русском подданстве, грамотных всех сословий, преимущественно же: портовые надзиратели из отставных офицеров морского ведомства, а портовые старшины и портовые полицейские из лиц, состоявших на службе в портовой полиции⁹.

К Положению была приложена инструкция, описывающая основные полномочия транспортной полиции непосредственно в портах Империи. В соответствии с инструкцией чины портовой полиции несли охранную службу каждый в пределах своей компетенции, точно определенной ближайшим портовым начальством: относительно чистоты и порядка определенных участков порта; обеспечения безопасности и сохранности всего казенного и частного имущества, находящегося во вверенной им территории. Чины портовой полиции вправе были производить дознание об усмотренных им в адмиралтействе или гавани преступлениях и проступках, руководствуясь статьями Военно-морского судебного устава. В завершение дознания ими составлялся протокол, где непосредственно указывалось время и место составления, кем и когда обнаружено нарушение, количество и ценность предметов, составляющих предмет преступления и проступка, имя, отчество, фамилия, место жительства обвиняемого, понятия и свидетели, если таковые были.

Вместе с тем «Временное положение об управлении Одесским портом и о портовой полиции» также называло основные задачи водной полиции, которые практически совпадали с обязанностями железнодорожной полиции. В главе III Положения регламентировались предметы ведения, права и обязанности чинов портовой полиции. В частности, в компетенции чинов портовой полиции выделялись следующие обязанности:

- 1) надзор за точным исполнением узаконений и распоряжений правительства;
- 2) принятие необходимых мер как к исполнению установленных узаконений и распоряжений, так и к пресечению, предупреждению и раскрытию преступлений и иных правонарушений;
- 3) наложение в административном порядке взысканий за правонарушения;
- 4) разрешение гражданских споров по торговому мореходству и морским промыслам в соответствии с нормами данного Положения;
- 5) наблюдение за благоустройством и благочинием в гаванях, на рейде, набережных и в иных местах, занимаемых портом и портовыми сооружениями;
- 6) наблюдение как за содержанием исправности рейдов гаваней и портовых сооружений со всеми находящимися при них приспособлениями, так и за правомерным использованием ими;
- 7) принятие необходимых мер по спасению людей, судов и груза при кораблекрушениях;
- 8) принятие необходимых мер по предупреждению пожаров;
- 9) контроль и надзор за отдельной категорией лиц, нанимающихся мореходством и морскими промыслами (проверка паспортов, судовых экипажей и пассажиров);

10) производство осмотра, измерений и освидетельствований судов и их механизмов;

11) оказание содействия таможенным и другим учреждениям по исполнению ими своих обязанностей¹⁰.

В дальнейшем, в целях повышения эффективности деятельности транспортной полиции, издавались отдельные распоряжения по речной полиции, утверждающие особые правила деятельности чинов водной полиции.

Вместе с тем деятельность транспортной полиции регламентировалась нормами «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., предусматривающего более суровые меры наказания за преступления, совершенные на территории, подведомственной железнодорожной и водной полиции. Отделение 3 гл. 1 рассматривало преступления, совершенные чинами полиции; гл. 10 – нарушения правил, установленных для охраны путей сообщения; отделение 5 главы 11 – нарушения постановлений о мерах, общих для безопасности мореплавания и др. Вместе с тем раздел 10 уложения содержал нормы, предусматривающие наказание за преступления против жизни, здоровья, свободы и чести, собственности и имущества граждан, подлежащие расследованию как чинами общей, так и транспортной полиции. Отдельные статьи Уложения подробно рассматривали соответствующие меры наказания за преступления, связанные с умышленным повреждением водных сооружений и железных дорог, что впоследствии могло подвергнуть опасности жизни сотни людей. Например, в случае умышленного кораблекрушения, с целью кражи имущества судна, преступник приговаривался к ссылке на каторжную работу от десяти до двенадцати лет.

Наряду с общими для всего Отдельного корпуса жандармов функциями чины транспортной полиции выполняли целый ряд характерных только для них служебных обязанностей. При этом вся деятельность регламентировалась огромным количеством нормативно-правовых актов, которые структурно можно подразделить на несколько групп: царские указы и законы Российской империи; ведомственные акты, постановления Военного ведомства; нормативные акты Министерства внутренних дел; ведомственные акты Министерства путей сообщения; приказы по Корпусу жандармов, начальника штаба корпуса жандармов; инструкции и циркулярные распоряжения Департамента полиции и штаба Отдельного корпуса жандармов. Несмотря на многочисленность источников законодательства о деятельности транспортной полиции, все они были направлены на совершенствование, конкретизацию, расширение функций транспортной полиции как правоохранительного органа, обеспечивающего безопасность на особых объектах обслуживания.

Пристатейный библиографический список

1. Воронцов С. А. Спецслужбы России. – Ростов н/Д, 2006.
2. Временное Положение об управлении Одесским портом и о портовой полиции. – Одесса, 1890.
3. Захаренков В. В., Сальников А. А. На страже магистралей. Очерки истории транспортной милиции России. – М., 2002.
4. Мамлеева Д. Р. Правовое регулирование организации и деятельности транспортной полиции во второй половине XIX века // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 36.
5. Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк (репринтное издание). – М., 2002.
6. Пиотровский В., Кудрявцев В., Очкур Р. Полиция Российской империи. – СПб., 2005.
7. Свод законов Российской империи. – Т. 12. Ч. 1. Устав Путей Сообщения. – СПб., 1877.
8. Тимофеев Л. Справочная книга для чинов жандармских полицейских управлений железных дорог. – СПб., 1908.
9. Устав торговый. – 1893. – Т. XI. – Ч. 2.

8 Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк (репринтное издание). – М., 2002. – С. 134.

9 Устав торговый. – 1893. – Т. XI. – Ч. 2.

10 См.: Временное Положение об управлении Одесским портом и о портовой полиции. – Одесса, 1890. – С. 6–8.

Иликеева Ю. А.

РАЗДЕЛ ОБЩЕСЕМЕЙНОГО ИМУЩЕСТВА И НАСЛЕДОВАНИЕ ДОЧЕРЬМИ В ТРАДИЦИОННОМ БАШКИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье раскрываются наследственные права мусульманок при разделе общесемейного имущества в традиционном башкирском обществе, которые регулировались в общих рамках трех сосуществующих Прав – мусульманского, обычного и официального. Внимание уделяется также различным вариантам наследственных разделов, роль в которых играет обычай минората.

Ключевые слова: обычное право, шариат, фарз, асаба (гасаба), минорат.

Ilikeeva Y. A.

TOTAL FAMILY PROPERTY DIVISION AND INHERITANCE BY DAUGHTERS IN THE TRADITIONAL BASHKIR SOCIETY

The article reveals the hereditary rights of Muslim women in the process of division of the total family property in the traditional Bashkir society. The rights were regulated in the general framework of the three coexisting Rights - Muslim, customary and formal. Attention is paid to different variants of hereditary division in which the custom of ultimogeniture plays a role.

Key words: customary law, Sharia, Fars, Asaba (Kasaba), .

Иликеева Ю. А.

Среди имущественных прав женщины обозначены и ее наследственные права. Порядок наследования в башкирском обществе определялся мусульманским правом и нормами обычного права. Российское законодательство практически не регламентировало семейно-бытовые отношения башкир. В «Положении о башкирах» от 14 мая 1863 г. говорится: «В порядке наследования имуществом предоставляется башкирам руководствоваться местными обычаями».

Порядок наследования у башкир (раздел имущества неразделенной семьи осуществляется после смерти её главы), в случаях, когда возникали разногласия, которые наследники не могли решить по доброй воле, совершался, в большинстве случаев, по правилам шариата. Еще в 1788 г. было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание в Уфе. К компетенции духовного собрания относились: регулирование вопросов брака, разводов и наследования, регистрации рождения и смерти среди мусульманского населения России. Тем самым, с одной стороны, царская администрация как бы непосредственно не вмешивалась во внутрисемейный и бытовой уклад башкир и ряда других народов. С другой стороны, создание Оренбургского магометанского духовного собрания означало появление достаточно влиятельного учреждения, через которое царское правительство могло контролировать, а при необходимости и регулировать имущественно-правовые отношения, дела гражданского состояния у мусульман. Важным рычагом в этом являлась регламентация полномочий и сферы деятельности духовного собрания¹.

Весьма примечательны в этом плане закон Государственного Совета «О праве магометанского духовенства ... о разделе частной собственности между наследниками» от 18 июня 1836 г., «Правила ... для руководства приходским муллам при разделах наследственных имуществ умерших магометан от 22 мая 1893 г. Данные документы строго оговаривают, что мулла может осуществлять раздел наследства только «по просьбе кого-либо из наследников» или по поручению духовного собрания, иначе же он «по своей воле, без поручения начальства и без просьбы наследников, не должен вмешиваться в дела о разделе имущества». В семейные разделы, согласно закону и правилам, «муллы вовсе не должны вмешиваться, они не должны были принимать на себя производство семейных разделов на самостоятельные хозяйства, не разделяли бы усадебных участков, строений и того движимого имущества, который составляет принадлежности крестьянского хозяйства, как то: земледельческих орудий, скота и т.п., такие разделы должны производиться на сельских сходах, на основании особых правил ...»².

Приступая к разделу наследства, мулла был обязан выяснить, все ли претенденты согласны на то, чтобы раздел был произведен им. Если не был согласен хотя бы один из них, мулле предписывалось отказаться от раздела и предложить заинтересованным лицам обратиться в гражданский суд. Могли обращаться в гражданский суд или Духовное собрание и в тех случаях, если кто-либо из наследников был недоволен произведенным разделом. Мулле запрещалось также составлять описание наследственного имущества, совершать передачу наследникам назначенной им части наследства: все это наследники должны были делать или сами по взаимному согласию, или через гражданскую администрацию.

И мусульманское духовенство, и гражданский суд должны были руководствоваться правилами шариата, правда, в тех пределах, когда имелось согласие на это всех до единого претендентов. На деле, конечно, все обстояло иначе.

По шариату могут быть три вида случаев разделения наследства:

- 1) когда все наследство умершего распределяется только определенными долями (фардан);
- 2) когда наследство умершего делится определенными частями (фардан) и затем оставшееся делится как конечное деление без определенной доли (тагсый-бан);
- 3) когда все наследство умершего делится без определенной доли (тагсыйбан)

Наследники делятся на две большие категории: фарз и асаб (гасаб). К наследникам фарз относились те, чьи доли определены самим законом, независимо от числа других наследников. Асаб (гасаб) – это конечный получатель, т.е. человек, который получает наследство без определенной доли по конечному делению. Наследники по асабу получали то, что оставалось после раздела наследства в первой группе.

Само наследство, т.е. оставшееся за вычетом долгов и прочих выплат часть делится на шесть долей: половина, одна четвертая, одна треть, одна шестая, одна восьмая, две трети. Наследников из числа женщин может быть десять, это: Дочь (и только!) (дети дочери уже никогда не являются наследниками), дочь сына; мать, бабушка со стороны матери, бабушка со стороны отца, жена, родная сестра (от одного отца и одной матери), сестра со стороны отца, сестра со стороны матери, освободившая раба. Остановимся на тех долях наследства, которые при определенных условиях могли получить женщины. Половину могли наследовать родная дочь, дочь сына (внучка), родная сестра, а также сестра со стороны отца. Дочь могла получить половину наследства при соблюдении двух условий: если отсутствовали конечные получатели: родные братья и отсутствовали тети (родная сестра отца и сестра со стороны отца). Дочь сына (внучка) могла получить половину наследства при выполнении трех условий: должны были отсутствовать дети у

1 Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир в XIX –XX вв. М.: Наука, 1991. С. 136. С. 137.

2 Законы о башкирах, мишарях, тештарях и бобылях. /Под ред. Ф.Х. Гумерова. Уфа: Китап, 1999. С. 367; Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского Магометанского Ду-

ховного собрания 1836–1903. Уфа, 1905. С. 54, 92 – 94; Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Указ. соч. С. 137.

умершего, конечные получатели у этой наследницы (внучки): ее брат, двоюродный брат со стороны отца, или находящиеся по уровню родства ниже ее сыновья ее брата - племянники, если она для получения наследства нуждается в них), тети и двоюродные сестры у этой наследницы, т.е. необходимо чтобы она на своем уровне была только одна. Сестры умершего – при четырех и пяти условиях соответственно.

Четвертая часть – жене или женам, если у умершего не осталось детей. Одна треть полагалась матери, если у умершего или умершей не было детей, а также братьев и сестер. Одна шестая выделялась в следующих случаях: матери при наличии у умершего детей или родных и единокровных братьев и сестер; сестре, допущенной к разделу наследства, а также бабке, если не было матери; внучке при единственной дочери наследодателя», единокровной сестре, одной или несколькими, когда после умершего оставалась лишь одна сестра (но это если не было наследников по мужской линии). Одна восьмая выделялась жене или женам умершего, если после него оставались дети. Две трети выделялось двум и более дочерям, двум и более родным или единокровным сестрам, двум и более внукам от сына³.

Из всех перечисленных лиц женского пола лишь жены и матери имели право на свои доли, даже при наличии других наследников.

Имущество целиком могли наследовать лишь сыновья, остальные же категории наследников по шариату могли претендовать только на положенные им части. Даже если у умершего осталось несколько дочерей, они наследовали положенные им две трети, а остальное переходило к асабитам, а если таковых не оказывалось, считалось выморочным⁴.

В практике наследования у башкир почти не было разграничения наследников на асабов и фарзгаров. Как мы уже отметили только вотчинников башкиры называли асаба, в отличие от припущенников - еберелмеш. Закреплению за термином такого значения, по мнению Н.В. Бикбулатова, способствовало то обстоятельство, что право на вотчинное владение землей в башкирских волостях передавалось по наследству, главным образом по мужской линии, т.е. по линии асабов. Асаба означало, таким образом, «потомственный владелец земли», что вполне соответствовало русскому слову «вотчинник».

И наследование по шариату у башкир сводилось к весьма ограниченному кругу ближайших родственников: пережившему супругу, сыновьям и дочерям, родителям (особенно в случае отсутствия сыновей).

Кроме того, в сложившихся конкретно-исторических условиях башкирского общества, мусульманское право соседствовало с местными обычаями. Мусульманское духовенство, также в значительной массе формировалось из местного населения, воспитанных на традициях своего народа. Например, башкиры соблюдали обычай минората⁵. Так, житель деревни Муртазино Стерлитамакского уезда Габдулла Худайбердин в прошении жаловался на неправильный раздел имущества имамом. После смерти отца просителя, остались помимо него, его мать, младший брат и две сестры. Младший его брат Габдулхалик пригласил для раздела имущества указанного мулду Кузякаева из дер. Калкашево. Кузякаев разделит имущество (мукомольная мельница, хлеба восемь телег, сена 2 стога, одна кобыла, одна асабенная изба и прочее) следующим образом: Габдулхалику отдал мукомольную мельницу, хлеб, сено и лошадь; матери (мачехе) – избу, а прочее имение по 1/8 части досталось мачехе, Габдулле и двум сестрам. При этом Габдулла пишет, что мулла ему заявил, что из данного брату и мачехе имения ему никакой части к выделу не принадлежит. Исход тяжбы нам не известен, сказано лишь, что стороны примирились полюбовно⁶. Не понятно, также, женаты ли сыновья, живут ли они вместе или раздельно в момент составления завещания. Можно предположить, что вероятнее всего они женаты и имеют свои отдельные хозяйства, так как дом остался у мачехи, никто не претендовал на него. Однако, очевидно, что шариатные принципы в отношении наследования сыновьями были полностью проигнорированы. Мулла руководствовался преимущественно нормами обычного права, по которому младший сын являлся основным наследником движимого имущества отца. По шариату же имущественные права сыновей равны, т.е. по праву после положенных долей

вдове (1/8), сыновьям даются по две доли каждому, а дочерям по одной. «... мужчине (при разделении наследства дается) - доля двух женщин...» (Женщины. 11). Этот аят указывает на то, что если женщина (или женщины) получают наследство вместе с мужчиной (или мужчинами), то доля мужчины превосходит долю женщины в два раза. Преимущество младшего сына прослеживается и в другом примере. Еще в 1723 г. башкирка Дуванейской волости Ишкая Султангильдина оставила запись о том, что в прошлые года она отделила 5 сыновей и сама жила с младшим (шестым) сыном. Она просила. Что в случае претензии 5 выделенных сыновей на имущество младшего их брата после её смерти считать её недействительной⁷. Претензии действительно могли быть, нередко младшие сыновья, считая себя основными наследниками отцовского имущества пытались присвоить его в единоличную собственность, исключая даже не только других братьев, но и мать⁸. Раздел наследства между братьями мог проводиться и по шариату. Два женатых брата Шагиахметовы после смерти отца в 1849 г. продолжали жить в братской семье. И в 1861 г. они при имаме и одноульцах «полюбовно разделили между собою наследное имение». Когда старший из них захватил имущество младшего, кантонный начальник еще раз разделил по шариату наследство в равных долях между братьями⁹.

Дочери свою долю наследства обычно получали при жизни отца – в виде приданого. Кроме того, они выступали как наследники личного имущества матери. Никто не имел претендовать на выделенное наследство, как сыновей, так и на приданное дочерей даже, например, при описании имения их отца местными властями¹⁰.

Условно приданое девушки можно разделить на две части: первая давалась при самом замужестве, а вторая – при посещении ею в первый раз своих родителей.

Вот как описывает этот обычай (первая поездка в гости) Н.В. Бикбулатов. После переезда невесты в дом мужа, через некоторое время (обычно от двух-трех месяцев до года и более), молодые ездили в гости к родителям невесты. Собирали гостей, которые, каждый по состоянию, одаривали молодых. Перед отъездом отец девушки выдавал скот, выделенный им в приданое дочери, - инсе мал. Отвозил скот старший брат невестки, которого встречали со всеми почестями и ублажали несколько дней¹¹. Подобный обычай (инчи) был распространен также среди казахов и киргизов¹².

По шариату дочь наследовала половину доли сына. В одном из дел духовного собрания приводится пример подобно-го выдела. После смерти башкира Худайберды Ахметова из дер. Муртазино Стерлитамакского уезда остались жена (вдова), двое сыновей и двое дочерей. Дочери, как и мать получили по 1/8 части отцовского имущества¹³.

Если отец при жизни не успевал женить или отделить сыновей, то семью возглавлял старший взрослый сын. Тогда на него ложилась забота о женитьбе братьев. Незамужнюю дочь также вменялось в обязанность выдать замуж, устроить свадьбу и справиться ей приданое.

Если дети оставались сиротами, то опекунов над ними учреждалось по нормам шариата. Вот что говорится об этом в документе за 1861 г.: «По смерти родителей тотчас юртовой старшина (управляя группой ясел) собирает стариков, муллу и составляет в присутствии их опись имущества, если осталось несколько сирот, то муллы по шариату разделяют каждому сироте имущество, потом избирается обществом из благонадежных родственников умершего или из посторонних опекуна, сдается ему имущество и земли по описи, затем юртовой старшина оную опись с распиской опекуна в принятии имущества представляет кантонному начальнику и по удостоверению им утверждает опекуна в той должности. Благонадежный опекуна о прибыли, убыли и состоянии имущества два раза в год предоставляет отчет юртовому старшине»¹⁴. Еще 29 марта 1843 г. Государственный утвердил положение, по которому «доходы с имения употреблять опекуну на содержание малолетних, с раз-

3 Идрис Галаятдин Наследство. Islamhouse. 1430-2009.

4 Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Указ. соч. С. 160.

5 Бикбулатов Н.В. Минорат. Проблема происхождения и исторического места в системе социальных институтов // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 12 – 48.

6 ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1769. Л. 1 – 1 об., 12.

7 Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. М.:Л.: Наука, 1949. № 272. С. 202.

8 ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1836. Л. 1 – 2 об.

9 Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 1997. С. 77.

10 ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1783. Л. 1.

11 Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Указ. соч. С. 79.

12 Кисляков Н.А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. С. 35 – 36, 45.

13 ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1769. Л. 1 – 1 об.

14 Асфандияров А.З. Башкирская семья ... С. 77.

Саидова М. З.

РЕИСЛАМИЗАЦИЯ И ПОПЫТКА ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН В КОНЦЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В данной статье предпринята попытка проследить события, произошедшие в Дагестане в последнее десятилетие XX в., когда после перестроечного периода не только в республике, но и в целом на Северном Кавказе возросла роль ислама, как всемирного политического фактора, появилось множество религиозных организаций. Религиозное возрождение, или реисламизация, обострило актуальность ислама, его ценности. Одновременно, в силу целого ряда внутренних и внешних причин и факторов, с конца 90-х гг. XX в. стал явно повышаться градус радикализации некоторых исламистских группировок, адепты которых стали носителями экстремистской идеологии и привели к трагическим событиям 1998–1999 гг.

Ключевые слова: реисламизация, ваххабитский анклав, Карамахинская зона, экстремизм, боевики, спецоперации.

Saidova M. Z.

RE-ISLAMIZATION AND AN ATTEMPT TO CHANGE THE CONSTITUTIONAL ORDER OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN IN THE LATE 90S OF XX CENTURY

This article attempts to trace the events in Dagestan in the last decade of the twentieth century, when after the perestroika period not only in the Republic but in the North Caucasus taken as a whole the role of Islam as a global political factor increased, a lot of religious organizations appeared. The religious revival, or reislamization, has heightened the relevance of Islam, its values. At the same time, due to a series of internal and external causes and factors, from the end of the 90s of XX century the degree of radicalization of some Islamist groups was clearly enhanced, the adherents of which become carriers of extremist ideology and led to the tragic events of 1998–1999.

Keywords: reislamization, Wahhabi enclave, Karachinsky area, extremism, the militants, special operation.

Крах социалистической системы в стране, распад СССР на суверенные государства, расформирование Советов и создание новых органов самоуправления совпало с усилением роли религиозного фактора в жизни бывшего советского общества.

5 мая 1991 г. в Дагестане впервые был принят Закон «О свободе совести и религиозных организациях», сыгравший огромную роль в освобождении от партийно-советского наследия дагестанского общества, в котором религия и религиозные организации вынуждены были существовать в режиме нажима, диктата и преследования¹.

Закон способствовал воссозданию обширной инфраструктуры, восстановлению и открытию новых мечетей, церквей и молитвенных домов, возрождению традиционного паломничества дагестанских верующих мусульман в святые места ислама в Саудовской Аравии, проникновению религиозных организаций в сферу образования, культуры.

Наряду с позитивными моментами, принятие Закона 1991 г. имело и ряд негативных последствий, связанных с тем, что в соответствии со ст. 20 Закон способствовал отстранению властных государственных структур от контроля за характером деятельности религиозных организаций и религиозных процессов в республике.

17 октября 1991 г. появилось сообщение в прессе о регистрации в Махачкале «Исламского центра Дагестана». В числе целей организации ее учредители провозгласили «...возрождение народов Дагестана, распространение ислама путем организации медресе кружков, проведение симпозиумов и диспутов, создание миссионерских обществ, развитие связей с зарубежными мусульманскими духовными заведениями»².

Активизация исламских деятелей происходит на фоне резкого обострения политической ситуации в Дагестане и

Саидова М. З.

создания национальных и религиозных движений. Внутри мусульман постепенно назревал конфликт между деятелями традиционного тарикатского ислама, преваляровавшими в ДУМД, и новыми деятелями так называемого радикального – «ваххабитского» ислама, главным центром которого стал джамаат в Кизилюрте, возглавляемый Багавудином Кебековым.

Конечная цель центра была одна – исламизация, под которой подразумевалась, прежде всего, шариатизация общества и власти, введение «закона Аллаха», создание на территории Северного Кавказа независимого исламского государства («от моря до моря»).

Управляющий делами ДУМД Г. Гамзатов по данному поводу отмечал: «...Дело в том, что ваххабизм – крайне экстремистское религиозно-политическое течение в суннитском исламе – стало новым явлением в религиозной жизни Дагестана. Это учение проникло в республику в последние годы. Как нам представляется, главным и успешно действующим каналом распространения и внедрения ваххабизма в Дагестане является бесконтрольная долларовая экспансия, совершаемая ваххабитскими центрами в Саудовской Аравии и других странах мира...»³.

Не последнюю роль в возрождении и радикализации ислама в республике сыграли исламские миссионеры и благотворительные арабские организации.

Религиозный раскол между ваххабитами и тарикатистами затронул не только отдельных исламских интеллектуалов с обеих сторон, но и государственные структуры, а также большую часть населения республики. Поскольку обращение в ваххабизм требовало отказа от многих традиционных для дагестанцев обычаев (поклонение могилам, чтение молитв на могилах близких, пользование четками, амулетами, раздачу милостыни – садака у могил святых, празднование мавлида –

1 Закон ДАССР «О свободе совести и религиозных организациях» // Дагестанская правда. 1991. 14 мая.

2 Исламский центр Дагестана // Дагестанская правда. 1991. 17 октября.

3 Гамзатов Г. Возрождение ислама в Дагестане // Дагестанская правда. 1996. 12 октября.

дня рождения пророка Мухаммада, посещение мазаров (зияратов), и т. д.), раскол доходил до разрыва личных отношений между близкими родственниками.

При непосредственной поддержке таких международных исламских организаций, как «ал-Харамейн», «ал-Игаса ал-Исламийа», «Тайба» и т.д. дагестанские исламисты создают лагерь по подготовке дагестанцев к «джихаду». Крупнейший из них функционировал с 1994 г. в Кадарской зоне (селения: Кадар, Чабанмахи, Карамахи), где была создана крупная горная община радикалов.

По словам участников противостояния с одной из сторон, все население Карамахи разделилось на две вооруженные враждующие стороны.

Ваххабитский анклав также стал действовать в сел. Губден. Группы радикалов появились в Хасавюртовском, Казбековском, Гунибском, Карабудахкентском, Дербентском районах, в поселках Хушет, Ленинкент под Махачкалой.

В 1995 г. была запрещена деятельность Исламской партии Возрождения в Дагестане. Но противостояние на религиозной почве, в конечном счете, с 1995 г. переросло в кровавые столкновения. В июле 1996 г. вновь вспыхнул конфликт в Карамахи, когда встал вопрос об избрании кадия Карамахинской мечети. Этот вопрос – кому быть кадием? – оказался тогда ключевым, поскольку определял, чей авторитет будет санкционировать местная духовная власть. События вновь обострились в сентябре 1996 г. и одновременно резкое противостояние складывалось и в селках Кадар и Чабанмахи.

С целью предотвращения массовых столкновений и кровопролития к месту событий были подтянуты личный состав милиции со всего района и города Буйнакса, а затем и из числа сотрудников аппарата МВД республики с техникой и вооружением. Карамахинская зона была полностью заблокирована милицией и ОМОНОм.

Представители государственных органов и депутаты парламента стремились путем переговоров и соглашений выработать единую формулу сохранения мира и стабильности в данной зоне и в целом в Дагестане. Результатом переговоров явилось заключение «Мирного соглашения» с ваххабитами и снятия блокады с селений «Карамахинской зоны».

«Мирное соглашение» не решило проблему противостояния между тарикатистами и ваххабитами, но свидетельствовало, что ваххабиты добились своей легализации у республиканских властей⁴.

Карамахинский анклав, на протяжении более чем пяти лет просуществовал без вмешательства органов государственной власти: объявил себя независимой зоной шариата, сверг светские институты власти, наращивал милитаристский арсенал и потому вполне естественно не вписывался в систему устоявшихся правил, ценностей и политической культуры республики и страны.

22 мая 1998 г. в окрестностях Карамахи, Чабанмахи и Кадар вооруженные местные жители блокировали все подходы к селам. В Дагестане возник анклав, в котором были установлены законы шариата. 5 июля в Карамахи был проведен «Съезд военного и политического руководства Центрального фронта по освобождению Дагестана», на который собралось около 700 человек. Были представлены ваххабиты кадарского джамаата, из Кизилюртовского района, из Кудали Гунибского, Губден Карабудахкентского районов, из ряда селений Хасавюртовского, Унцукульского районов, городов Махачкала, Каспийск, Буйнакск, Кизилюрт, Кизляр, а также Чечни. Съезд про-

демонстрировал существование оппозиции, враждебно настроенной по отношению к официальной власти. Поскольку решительных действий со стороны республиканских властей не последовало, в августе ваххабиты установили блокпосты и контроль за транспортом, проходящим мимо их селений, по автодороге в обоих направлениях – в горы и на равнину.

19 августа 1998 г. состоялось чрезвычайное совместное заседание Государственного совета, Народного собрания (парламента) и Правительства Дагестана для обсуждения создавшейся ситуации. После бурного обсуждения было принято постановление «О мерах по нормализации ситуации» и ультимативное обращение «К гражданам Дагестана и жителям с. Карамахи и Чабанмахи»⁵. Однако власти не планировали силовыми методами решать проблему, а лишь провести масштабную антиваххабитскую кампанию среди населения республики. Видные деятели республики встречались с общественностью, выезжали в сельские районы с целью разъяснения угрозы религиозного экстремизма.

В ответ на пропагандистскую работу против ваххабитов органов власти и местного самоуправления 21 августа 1998 г. во время пятничной молитвы во дворе центральной мечети в Махачкале в результате теракта был убит муфтий Дагестана Саидмухаммад-хаджи Абубакаров.

Гибель муфтия вызвала широкий общественный резонанс. 25 августа 1998 г. в Хасавюрте собрался большой митинг, участники которого потребовали от имени образовавшегося тогда же Координационного Совета Северного региона Дагестана отставки Госсовета и Правительства РД, изменения кадровой политики и проведения всенародных выборов нового главы республики.

1 сентября 1998 г. в Буйнакске состоялась встреча делегаций руководства республики с представителями джамаатов селений Карамахи и Чабанмахи. Делегацию официальных республиканских властей возглавлял председатель Госсовета М. Магомедов. Итогом встречи было подписание «протокола согласия», согласно которому в Карамахинской зоне, по сути, была установлена легализованная властью «шариатская республика»⁶.

Вслед за произошедшими событиями активизировался Кудалинский центр. 5 сентября 1998 г. в с. Кудали Гунибского района состоялся съезд мусульман. Делегаты от десятка общин горного и равнинного Дагестана, 585 исламских активистов от ваххабитских и тарикатских групп избрали нового председателя общества «Аль-Ислами», которым стал Сиражудин Рамазанов, родственник А. Ахтаева. Был создан свой Совет алимов и установлена главная цель: «постепенно, эволюционным путем вводить в джамаатах исламские законы»⁷.

Пример Карамахинской шариатской республики для радикальных исламистов служил сильным аргументом в пользу решительных действий, которые, в конечном счете, привели к военным событиям 1999 г. В июле 1999 г. религиозно-политические экстремисты во главе с М. Курамагомедовым и Б. Магомедовым заявили о создании в селках Эчеда, Хвайниколо, Сильди, Гакко Цумадинского района территории с шариатской формой правления по Карамахинскому варианту.

Глава республики Магомедали Магомедов, подчеркивая экстремистский характер Карамахинского анклава, указывал, что они «...хотели повторить на земле Дагестана трагический опыт Афганистана, Таджикистана, других стран, некоторых

4 Амирова З. М., Магомеддадаев А. М. Политический ислам на Северном Кавказе: роль внешнего влияния. Махачкала, 2003. С. 18.

5 Обращение «К гражданам Дагестана и жителям с. Карамахи и Чабанмахи» // Дагестанская правда. 1998. 20 августа.

6 «Протокол согласия» // Дагестанская правда. 1998. 2 сентября.

7 Еще один съезд мусульман // «Новое дело». 1998. № 38. С. 23.

наших соседей по Кавказу, которые прошли через братоубийственные войны и сегодня еще продолжают пожирать их горькие плоды. Они хотели навязать дагестанцам, которые никогда не воевали друг с другом, десятилетия горя и слез, повторить на нашем народе кровавые уроки борьбы за так называемую независимость и “чистоту веры”⁸.

4 августа 1999 г. 102-я бригада Внутренних войск МВД перебазировалась в Цумадинский район после того как 150 боевиков атаковали райцентр Агвали, но боевики понесли потери и были отброшены обратно в Чечню.

7 августа около 2 тысяч боевиков, руководимы, известными террористами Ш. Басаевым и Э. Хаттабом, вошли в Ботлихский район Дагестана. Ими было захвачено 7 населенных пунктов Ботлихского района – Ансалта, Рахата, Ашино, Шодрода, Тандо, Зибирхали и Беледи. Консолидирующим фактором явилось в тот момент обращение дагестанских властей к руководству МВД и Военному Комиссару и народу республики. Повсеместно, начиная от Махачкалы до далеких Агульского и Цунтинского районов, были созданы штабы по набору и направлению в зону боевых действий добровольцев, формированию отрядов ополчения.

Получив достойный отпор и потеряв более 500 человек убитыми, 24 августа 1999 г. бандформирования были вынуждены оставить Ботлихский район.

27 августа 1999 г. Госсовет РД выдвинул ультиматум, потребовав от Карамахинских ваххабитов прекратить самоуправство и разоружиться. Ввиду отказа экстремистов разоружиться и распустить незаконные вооруженные формирования, на следующий день органами правопорядка был задействован план антитеррористической операции по наведению конституционного порядка.

4 сентября 1999 г., в разгар проведения спецоперации против религиозных экстремистов в Карамахинской зоне, в г. Буйнакске был осуществлен террористический акт. На ул. Леваневского около пятиэтажного дома № 3 было приведено в действие взрывное устройство большой мощности. В результате были разрушены 2 подъезда, погибло 64 и было ранено более 80 человек.

Уже через несколько часов после взрыва, утром 5 сентября 1999 г., в Новолакский район из Чечни с целью отвлечения федеральных сил от Карамахинской зон вошли бандформирования Ш. Басаева, общей численностью до 2 тыс. человек. Были захвачены села Ахар, Гамиях, Новолакское и Тухчар. В тот же день 5 сентября в 11 часов со стороны ЧРИ на территорию Казбековского района прорвалась большая группа боевиков. У населенного пункта Калининаул Казбековского района личный состав РОВД вступил в бой. Образовался новый очаг войны в непосредственной близости от Хасавюрта.

Однако стоит отметить, что указанные действия никоим образом не могли качественно изменить сложившиеся тенденции. 14 сентября 1999 г. была завершена спецоперация в Карамахинской зоне, отряды спецназа МВД водрузили флаг РФ над зданиями бывших администраций селений Карамахи и Чабанмахи и приступили к зачистке⁹.

Завершение спецоперации в Кадарской зоне привело к ликвидации шариатской республики и восстановлению деятельности органов самоуправления.

17 сентября 1999 г. от боевиков были освобождены все ранее захваченные ими населенные пункты в Новолакском районе.

Разгром и выдворение бандформирований из Дагестана, поддерживаемых международными террористическими центрами, получили высокую оценку Президента страны В. В. Путина.

29 декабря 2000 г. на приеме в Кремле, устроенном для дагестанской делегации, В. В. Путин отметил: «Дагестанскому руководству удалось так сбалансировать ситуацию в республике, что после этого Российской Федерации в целом стало легче возрождаться. Начало возвращения государственности, авторитета страны пошло из Дагестана... Дагестанцы проявили истинный патриотизм. Бандиты использовали не только силу, но и пытались спекулировать на религиозных ценностях, и здесь им не удалось вас обмануть. В крови дагестанцев – мудрость жизни. На земле Дагестана живет свыше ста народностей, и это – колоссальный опыт для многонационального государства. Ваши действия в целом помогли сплотить общество в республике и в стране»¹⁰.

Трагические события 1998–1999 гг. в Дагестане явились логическим итогом всех тех деформаций в области религиозной политики, которые были допущены властями Дагестана в XX в. и воочию обнаружили в процессе реисламизации. Переход властных структур республики от одной крайности – государственного диктата и контроля над религиозной жизнью республики в 20–80-х годах, к политике невмешательства и соглашательства в 90-е годы позволил экстремистам посчитать возможной замену конституционного правительства республики. Административная граница Дагестана почти по всему ее периметру была в огне. Расчет экстремистов на поддержку их действий населением не оправдался. Более того, население Дагестана не только негативно отнеслось к акциям экстремистов, но и активно подключилось к борьбе с бандформированиями.

Пристайный библиографический список

1. Амирова З. М., Магомеддаев А. М. Политический ислам на Северном Кавказе: роль внешнего влияния. Махачкала, 2003.
2. В крови дагестанцев – мудрость жизни // Дагестанская правда. 2009. 21 октября.
3. Гамзатов Г. Возрождение ислама в Дагестане // Дагестанская правда. 1996. 12 октября.
4. Закон ДАССР «О свободе совести и религиозных организациях» // Дагестанская правда. 1991. 14 мая.
5. Заявление Магомедова М. М. // «Дагестанская правда». 1999. 26 августа.
6. Еще один съезд мусульман // «Новое дело». 1998. № 38. С. 23.
7. Исламский цент Дагестана // Дагестанская правда. 1991. 17 октября.
8. Обращение «К гражданам Дагестана и жителям с. Карамахи и Чабанмахи» // Дагестанская правда. 1998. 20 августа.
9. «Протокол согласия» // Дагестанская правда. 1998. 2 сентября.
10. Ханбабаев К. М. История и уроки // Дагестанская правда 2009. 15 сентября.

8 Заявление Магомедова М. М. // «Дагестанская правда». 1999. 26 августа.

9 Ханбабаев К. М. История и уроки // Дагестанская правда 2009. 15 сентября.

10 В крови дагестанцев – мудрость жизни // Дагестанская правда. 2009. 21 октября.

Абдулазизова П. Г., Омарова З. Н.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию принципа взаимосвязи муниципальной службы и государственной гражданской службы Российской Федерации. В статье анализируется взаимосвязь муниципальной службы и государственной гражданской службы, являющихся видами публичной службы, которая выражается прежде всего в едином подходе в определении основных элементов статуса муниципального служащего и государственного гражданского служащего.

Ключевые слова: муниципальная служба, принцип взаимосвязи государственной гражданской и муниципальной службы, единство основных квалификационных требований, должности муниципальной службы, местное самоуправление.

Abdulazizova P. G., Omarova Z. N.

THE RELATIONSHIP OF THE MUNICIPAL SERVICES AND THE STATE CIVIL SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the study of the principle of interrelation of municipal service and the state civil service of the Russian Federation. The article analyzes the interrelation of municipal service and the state civil service, which is kind of a public service that is primarily expressed in a unified approach in identifying the main elements of the status of municipal and state civil servant.

Keywords: municipal service, the principle of interrelation between the state civil and municipal service, the unity of the basic qualifying requirements, municipal service posts, local government.

В Федеральном законе от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» впервые был закреплен принцип взаимосвязи двух видов публичной службы, который получил дальнейшее развитие в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации».

Из смысла п. 1 ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» вытекает, что единство основных квалификационных требований, предъявляемых к должностям гражданской и должностям муниципальной службы, является одним из важнейших принципов, обеспечивающих взаимосвязь государственной гражданской и муниципальной службы¹.

Для реализации данного принципа необходим единый подход в определении основных элементов статуса муниципального служащего для всех субъектов Российской Федерации, что невозможно было осуществить на базе Федерального закона № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации»². Взаимосвязь муниципальной службы и государственной гражданской службы Российской Федерации в современных условиях проявляется в обеспечении:

- единства основных квалификационных требований к должностям муниципальной службы и должностям государственной гражданской службы;
- единства ограничений и обязательств при прохождении муниципальной службы и государственной гражданской службы;
- единства требований к подготовке, переподготовке и повышению квалификации муниципальных служащих и государственных гражданских служащих;

– учета стажа муниципальной службы при исчислении стажа государственной гражданской службы и стажа государственной гражданской службы при исчислении стажа муниципальной службы;

– соотносительности основных условий оплаты труда и социальных гарантий муниципальных служащих и государственных гражданских служащих;

– соотносительности основных условий государственного пенсионного обеспечения граждан, проходивших муниципальную службу, и граждан, проходивших государственную гражданскую службу, а также членов их семей в случае потери кормильца³.

Надо отметить, что необходимость принятия нового Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ назрела уже давно, поскольку Федеральный закон «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» от 8 января 1998 г. № 8-ФЗ вступал в противоречие по многим положениям с Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. и Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации».

Так, указанный закон предоставлял субъектам Федерации широкие полномочия в законодательном регулировании муниципальной службы, что привело к различиям в статусе муниципальных служащих. В связи с этим возникла необходимость упорядочить систему муниципальной службы, унифицировать требования к аппарату муниципальных служащих. В результате был принят новый Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», который несколько ужесточил правовое регулирование муниципальной службы и сузил степень усмотрения в

1 См.: Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» / Под общ. ред. доктора юрид. наук, профессора, члена-корреспондента РАН Г. В. Мальцева, доктора юрид. наук, профессора И. Н. Барцица. М., 2005. С. 192–193.

2 Мокрый В. С. Развитие федерального законодательства о муниципальной службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 2. С. 39.

3 См.: Статья 5 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 7 марта.

данном вопросе со стороны субъектов Федерации и, соответственно, самих органов местного самоуправления⁴.

Единство ограничений и обязательств при прохождении гражданской службы и муниципальной службы является важным критерием, определяющим их взаимосвязь. Так, взаимосвязь гражданской и муниципальной службы проявляется в учете стажа муниципальной службы при исчислении стажа гражданской службы и стажа гражданской службы при исчислении стажа муниципальной службы. Как отмечает Е. Ю. Киреева, в этом проявляется не только институциональное единство публичной службы, составной частью и самостоятельным видом которой является муниципальная служба, но и непрерывный характер осуществления последней⁵.

Федеральным законом от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ в целях обеспечения условий для успешного прохождения муниципальной службы также предусмотрены в ст. 23 гарантии для муниципального служащего, которые в основном совпадают с гарантиями, предусмотренными для государственных гражданских служащих.

В. В. Еремян подчеркивает, что гарантии (и их соотношение друг с другом) призваны обеспечить правовую и социальную защищенность гражданских и муниципальных служащих, повысить мотивацию эффективного исполнения ими своих должностных обязанностей, укрепить стабильность профессионального кадрового состава гражданской службы и муниципальной службы соответственно⁶.

Кроме гарантий для муниципальных служащих, закрепленных в вышеуказанной статье, законами субъекта Федерации и уставом муниципального образования могут быть предусмотрены дополнительные гарантии для муниципальных служащих.

Как полагает Е. Ю. Киреева, если следовать принципу взаимосвязи государственной и муниципальной службы, должностные оклады муниципальных служащих и их предельные размеры должны устанавливаться субъектами Федерации в привязке к окладам государственных гражданских служащих. Если провозглашать самостоятельность органов местного самоуправления в определении размеров оплаты труда, то кратности должностных окладов муниципальных служащих окладам государственных гражданских служащих субъекта Федерации быть не должно, равно как и установление каких-либо ограничений неправомерно⁷.

Вместе с тем указанный закон предусматривает возможность самостоятельного регламентирования субъектами РФ отдельных вопросов муниципальной службы, учитывая их исторические и иные местные традиции. Так, субъекты Федерации должны утвердить реестр должностей муниципальной службы, установить соотношение должностей государственной гражданской службы субъекта РФ и должностей муниципальной службы, типовой контракт с главой местной администрации, типовое положение о проведении аттестации муниципальных служащих.

Таким образом, принятие Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ стало одним из результатов реформирования местного самоуправления, который позволит повысить эффективность работы органов местного самоуправления и результативность профессиональной деятельности муниципальных служащих, обеспечить взаимосвязь муниципальной службы с государственной гражданской службой Российской Федерации⁸. Представляется, что реализация данного принципа взаимосвязи государственной гражданской и муниципальной службы будет способствовать повышению статуса последней, заниматься муниципальной службой будет также престижно и стабильно, как и государственной гражданской службой⁹.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 7 марта.
2. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» / Под общ. ред. доктора юрид. наук, профессора, члена – корреспондента РАН Г. В. Мальцева, доктора юрид. наук, профессора И. Н. Барцица. М., 2005.
3. Абдулазизова П. Г. Местная администрация муниципального образования: организационно правовые аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008
4. Борзунова О. А., Краснов Ю. К. Комментарий к Федеральному закону «О муниципальной службе в Российской Федерации» (постатейный). М.: ЗАО Юстицинформ, 2007.
5. Еремян В. В. Взаимосвязь государственной гражданской и муниципальной службы как двух видов публичной службы и профессиональной деятельности (к постановке проблемы) // Право и политика. 2006. № 5.
6. Каллагов Т. Э. Правовая природа местного самоуправления и функции муниципальной службы // Новый юридический журнал. 2014. № 2.
7. Киреева Е. Ю. О некоторых проблемах в регулировании вопросов денежного содержания муниципальных служащих // Административное и муниципальное право. 2010. № 9.
8. Киреева Е. Ю. Муниципальная служба: проблемы теории и практики: Монография. М.: Изд-во РАГС, 2007.

4 См.: Каллагов Т. Э. Правовая природа местного самоуправления и функции муниципальной службы // Новый юридический журнал. 2014. № 2. С. 34.

5 См.: Киреева Е. Ю. Муниципальная служба: проблемы теории и практики: Монография. М.: Изд-во РАГС, 2007. С. 25.

6 См.: Еремян В. В. Взаимосвязь государственной гражданской и муниципальной службы как двух видов публичной службы и профессиональной деятельности (к постановке проблемы) // Право и политика. 2006. № 5. С. 62.

7 См.: Киреева Е. Ю. О некоторых проблемах в регулировании вопросов денежного содержания муниципальных служащих // Административное и муниципальное право. 2010. № 9. С. 45–47.

8 Борзунова О. А., Краснов Ю. К. Комментарий к Федеральному закону «О муниципальной службе в Российской Федерации» (постатейный). М.: ЗАО Юстицинформ, 2007. С. 16.

9 Абдулазизова П. Г. Местная администрация муниципального образования: организационно правовые аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 181.

Бышков П. А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕМ СОХРАННОСТИ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В настоящей статье автором рассматривается модель муниципального законодательства, регулирующая контроль за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения. Разбираются вопросы, связанные с предметом, порядком проведения, правами и обязанностями должностных лиц муниципальных образований, осуществляющих контроль за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения.

Ключевые слова: муниципальный контроль, контроль за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения, местное самоуправление.

Byshkov P. A. LEGAL REGULATION OF MUNICIPAL CONTROL OVER ENSURING THE SAFETY OF LOCAL ROADS

In this article the author considers the model of municipal legislation governing supervision over ensuring safety of local roads. The issues are considered related to the subject, the procedure, the rights and duties of officials of municipalities which supervise the safety of local roads.

Keywords: municipal control, supervision over ensuring the safety of local roads, self-government.

Бышков П. А.

Проблема построения концептуальной теоретически обоснованной, эффективно действующей модели муниципального контроля в настоящее время приобрела первостепенное значение. Задачу разработать законопроект о государственном и муниципальном контроле в целях повышения качества контроля и надзора, снижения давления на бизнес и минимизации рисков для безопасности граждан и государства поставил Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному собранию РФ в 2014 г.¹

В соответствии с Поручением Президента РФ от 04.01.2015 № 13 Правительству РФ необходимо учесть в законопроекте вопрос о разграничении контроля и надзора с оформлением им отдельного статуса на разных уровнях власти.

Концепция законопроекта о государственном и муниципальном контроле (надзоре) была подготовлена Минэкономразвития РФ в 2014 г. и дорабатывается в настоящее время.

Важно отметить, что сущность местного самоуправления основывается на ч. 2 ст. 3 Конституции РФ: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»². Президент РФ В. В. Путин в ходе Послания Федеральному собранию РФ в 2003 г. отмечал, что одной из существенных причин неразвитости местного самоуправления в Российской Федерации является «нечеткость в разграничении полномочий с региональными органами власти, а также неопределенность, за что именно должны отвечать государственные органы, а за что – органы местного самоуправления»³.

Поэтому на доктринальном уровне представляется важным установить и изучить специфику муниципального контроля как самостоятельного вида контрольной деятельности

на уровне местного самоуправления, основанного на Конституции РФ и федеральном законодательстве.

Контроль за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения подразумевает обеспечение соблюдения требований законодательства и профилактику правонарушений в области обеспечения сохранности автомобильных дорог местного значения в границах муниципального образования. Данный вид муниципального контроля осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴, Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»⁵, Федеральным законом от 08 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ и Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»⁷. Следует отметить, что в данную систему источников также входят постановления и регламенты муниципалитетов, регулирующие порядок организации и осуществления контроля за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения.

1 Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: 2014 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 09.10.2015).

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).

3 Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: 2003 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> (дата обращения: 09.10.2015).

4 Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

5 Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

6 Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.11.2007. № 46. Ст. 5553.

7 Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. 11.12.1995. № 50. Ст. 4873.

В состав предмета муниципального контроля за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения могут входить несколько элементов. Как правило, органы местного самоуправления осуществляют проверку соблюдения юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями требований технических условий по размещению объектов, предназначенных для осуществления дорожной деятельности, объектов дорожного сервиса, рекламных конструкций и других объектов в полосе отвода и придорожной полосе автомобильных дорог, а также соблюдения пользователями автомобильных дорог правил использования полос отвода и придорожных полос. Кроме того, немаловажным аспектом контроля является использование автомобильных дорог в части недопущения повреждения автомобильных дорог и их элементов, проверка соблюдения пользователями автомобильных дорог, лицами, осуществляющими деятельность в пределах полос отвода и придорожных полос, правил использования полос отвода и придорожных полос, а также обязанностей при использовании автомобильных дорог местного значения в части недопущения повреждения автомобильных дорог и их элементов. Дополнительно к этому, органы местного самоуправления могут осуществлять проверку соблюдения весовых и габаритных параметров транспортных средств при движении по автомобильным дорогам местного значения, включая периоды временного ограничения движения транспортных средств.

Следует особо отметить, что объектами муниципального контроля за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения являются автомобильные дороги общего и необщего пользования в границах населенных пунктов, за исключением автомобильных дорог федерального, регионального или межмуниципального значения, частных автомобильных дорог, здания, сооружения и иные объекты дорожного сервиса, расположенных на придорожных полосах автомобильных дорог местного значения, рекламных конструкций, расположенных в полосе отвода и придорожных полосах автомобильных дорог, полос отвода и придорожных полос, автомобильных дорог местного значения.

Субъектами проверки являются юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие работы в полосе отвода автомобильных дорог и придорожной полосе, владельцы объектов дорожного сервиса, пользователи автомобильных дорог.

Формами контроля в сфере обеспечения сохранности автомобильных дорог местного значения чаще всего являются плановые и внеплановые документарные и выездные проверки соблюдения законодательства.

Юридическим фактом, являющимся основанием для начала проведения документарной проверки, является получение специалистом, ответственным за проведение проверки, распоряжения о проведении документарной проверки от главы муниципального образования.

Предметом документарной проверки будут являться сведения, содержащиеся в документах юридического лица, индивидуального предпринимателя, устанавливающие их организационно-правовую форму, права и обязанности, документы, используемые при осуществлении их деятельности и связанные с исполнением ими обязательных требований и требований, установленных муниципальными правовыми актами, а также с исполнением предписаний и постановлений уполномоченных органов муниципального контроля.

Специалист, ответственный за проведение проверки, рассматривает документы юридического лица, индивидуального предпринимателя, имеющиеся в распоряжении муниципального образования, в том числе уведомления о начале осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности, акты уже проведенных проверок, материалы рассмотрения дел об административных правонарушениях и иные документы о результатах осуществленного в отношении юридического

лица или индивидуального предпринимателя муниципального контроля.

Юридическим фактом, являющимся основанием для начала проведения выездной проверки, является получение специалистом, ответственным за проведение проверки, распоряжения о проведении плановой выездной проверки от главы муниципального образования, а в случае внеплановой выездной проверки – решения прокурора или его заместителя о согласовании проведения внеплановой выездной проверки.

Специалист, ответственный за проведение проверки, выезжает по месту нахождения юридического лица, месту осуществления деятельности индивидуального предпринимателя и (или) по месту фактического осуществления их деятельности.

Должностные лица уполномоченного органа местного самоуправления, осуществляющие муниципальный контроль за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения, в пределах предоставленных полномочий имеют право:

- осуществлять проверки соблюдения законодательства об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности;

- пресекать и предотвращать нарушения законодательства об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в установленном порядке;

- составлять по результатам проверок акты и представлять их для ознакомления гражданам, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, являющимися владельцами, пользователями автомобильной дороги местного значения, объектами дорожного сервиса;

- предъявлять гражданам, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям требования об устранении выявленных в результате проверок нарушений;

- получать от юридических лиц, граждан, индивидуальных предпринимателей сведения и материалы о состоянии автомобильных дорог местного значения, объектов дорожного сервиса, в том числе документы, удостоверяющие право на различные формы владения, пользования, иные сведения и документы, необходимые для осуществления муниципального контроля;

- посещать в порядке, установленном законодательством, автомобильные дороги местного значения, объекты дорожного сервиса, в отношении которых осуществляется муниципальный контроль, расположенные на них здания и сооружения;

- обращаться в органы внутренних дел за содействием в предотвращении или пресечении действий, являющихся нарушением законодательства об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности и иных нормативных правовых актов либо препятствующих осуществлению муниципального контроля, а также в установлении личности граждан, в чьих действиях имеются признаки нарушения законодательства в данной сфере.

Должностные лица уполномоченного органа местного самоуправления, осуществляющие муниципальный контроль за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения, при проведении мероприятий по контролю обязаны:

- руководствоваться законодательством Российской Федерации, региональным законодательством, уставами муниципальных образований и иными муниципальными правовыми актами;

- соблюдать действующее законодательство, права и законные интересы юридических лиц, граждан и индивидуальных предпринимателей;

- принимать меры по предотвращению и устранению последствий выявленных нарушений законодательства об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в установленном порядке;

– проводить профилактическую работу по устранению причин и обстоятельств, способствующих совершению правонарушений в области законодательства в данной сфере деятельности.

При исполнении функции контролирующие органы местного самоуправления взаимодействуют с государственной властью, а именно:

– органами прокуратуры по вопросам согласования проведения проверок;

– органами внутренних дел для оказания содействия при проведении проверок.

В случае выявления при проведении проверки нарушений юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем требований федеральных законов, законов субъекта РФ и муниципальных правовых актов по вопросам обеспечения сохранности автомобильных дорог должностные лица, проводившие проверку, в пределах предусмотренных полномочий обязаны:

– выдать предписание юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю об устранении выявленных нарушений с указанием сроков их устранения и (или) о проведении мероприятий по предотвращению причинения вреда жизни, здоровью людей, вреда животным, растениям, окружающей среде, безопасности государства, имуществу физических и юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, предупреждению возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также других мероприятий, предусмотренных федеральными законами;

– принять меры по контролю за устранением выявленных нарушений, их предупреждению, предотвращению возможного причинения вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям, окружающей среде, обеспечению безопасности государства, предупреждению возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также меры по привлечению лиц, допустивших выявленные нарушения, к юридической ответственности.

Составами административных правонарушений, выявленных при осуществлении муниципального контроля за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения, будут являться, например:

– нарушение правил движения тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства согласно ст. 12.21.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ;

– нарушение правил использования полосы отвода и придорожных полос автомобильной дороги согласно ст. 11.21 Кодекса об административных правонарушениях РФ⁸.

Необходимо заметить, что муниципальный контроль за обеспечением сохранности автомобильных дорог местного значения осуществляется в пределах установленных полномочий органов местного самоуправления. Он направлен на предупреждение, выявление и пресечение нарушений гражданами и организациями, их руководителями и иными должностными лицами, их уполномоченными представителями обязательных требований, принятие предусмотренных законодательством РФ мер по пресечению выявленных нарушений, а также деятельность уполномоченных органов и организаций по анализу и прогнозированию состояния исполнения обязательных требований при осуществлении деятельности организациями и гражданами.

Исследование практики местного самоуправления показало, что на данный момент выделяют три основных направления данного вида муниципального контроля. Во-первых, это проверка соблюдения требований технических условий по размещению объектов, предназначенных для осуществле-

ния дорожной деятельности, объектов дорожного сервиса, рекламных конструкций и других объектов в полосе отвода и придорожной полосе автомобильных дорог местного значения. Во-вторых, проверка соблюдения пользователями автомобильных дорог, лицами, осуществляющими деятельность в пределах полос отвода и придорожных полос, правил использования полос отвода и придорожных полос, а также обязанностей при использовании автомобильных дорог местного значения в части недопущения повреждения автомобильных дорог и их элементов. В-третьих, проверка соблюдения весовых и габаритных параметров транспортных средств при движении по автомобильным дорогам местного значения, включая периоды временного ограничения движения транспортных средств.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства РФ. 11.12.1995. № 50. Ст. 4873.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.
5. Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.11.2007. № 46. Ст. 5553.
6. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
7. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: 2003 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> (дата обращения: 09.10.2015).
8. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ: 2014 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 09.10.2015).

8 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Абдулазизова П. Г.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА И КОМПЕТЕНТНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Законодательно установленный принцип профессионализма и компетентности муниципальных служащих, который отражает сущность муниципальной службы, является основой формирования кадрового состава муниципальной службы. В данной статье анализируются проблемы реализации данного принципа в условиях дотационности многих муниципальных образований.

Ключевые слова: муниципальная служба, профессионализм и компетентность муниципальных служащих, органы местного самоуправления, профессиональная подготовка.

Abdulazizova P. G.

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF PROFESSIONALISM AND COMPETENCE OF MUNICIPAL EMPLOYEES

Legally established principle of professionalism and competence of municipal employees, which reflects the essence of the municipal service, is the basis for the formation of the staff of the municipal service. This article analyzes the problems of the implementation of this principle in terms of subsidization of many municipalities.

Keywords: community service, professionalism and competence of municipal employees, local authorities, professional training.

Абдулазизова П. Г.

Муниципальная служба является одним из важнейших институтов местного самоуправления. Эффективная деятельность органов местного самоуправления немыслима без муниципальной службы¹.

Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе» дает следующее определение муниципальной службы: муниципальная служба – профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта). Таким образом, муниципальная служба является профессиональной деятельностью, требующей для своего осуществления специальных знаний и навыков.

Как видно, требование профессионализма муниципальных служащих вытекает из самого определения муниципальной службы, которое характеризует ее, прежде всего, как профессиональную деятельность. Основой формирования кадрового состава муниципальной службы является законодательно установленный принцип профессионализма и компетентности муниципальных служащих, который отражает сущность муниципальной службы.

В соответствии с требованиями Европейской хартии местного самоуправления «статус персонала органов местного самоуправления должен обеспечивать подбор высококвалифицированных кадров, основанный на принципах учета личных достоинств и компетентности; для этого необходимо обеспечить соответствующие условия профессиональной подготовки, оплаты труда и продвижения по службе» (ст. 6).

Реализации данного принципа должны способствовать закрепляемые нормативно-правовыми актами требования, предъявляемые к уровню и виду образования, профессиональному стажу, знаниям и навыкам лиц, претендующих на занятие должности муниципальной службы. На повышение профессионализма и компетенции муниципальных служа-

щих направлены профессиональная переподготовка, повышение квалификации и стажировка служащих.

В настоящее время большое внимание уделяется процессу профессионализации, т.е. усилению управленческого характера содержания труда; приобретению профессиональных знаний, умений, навыков, способствующих повышению претензий на улучшение правового и социального статуса². Нельзя не согласиться с мнением В. С. Мокрого, который отмечает, что «эффективность органов местного самоуправления по оказанию публичных услуг населению во многом зависит от того, насколько грамотно и профессионально будет действовать управленческий аппарат»³. От тех, кто руководит государственными и муниципальными органами, очень многое зависит. Ведь то, что «кадры решают все», как и «влияние личности на ход истории», признают все реально мыслящие. Однако с кадрами в стране дела обстоят пока неблагоприятно⁴.

В современных условиях муниципальные служащие оказались слабо подготовленными для работы в органах местного самоуправления, образовался дефицит компетентных кадров, обладающих современными научными знаниями и профессионально подготовленных к осуществлению целей и функций как государства, так и местных муниципальных сообществ в своей практической деятельности.

Профессиональная деятельность предполагает определенный уровень квалификации для решения задач, стоящих перед органами местного самоуправления, поэтому к муниципальному служащему предъявляются определенные требования к уровню профессиональной подготовки, образования, в некоторых случаях квалификации и опыту работы⁵.

² Там же. С. 16.

³ Мокрый В. С. Развитие федерального законодательства о муниципальной службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 2. С. 40.

⁴ Пылин В. В. Некоторые аспекты реформирования муниципальной службы // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 7. С. 32.

⁵ Муниципальное право России: Учебник / под ред. А. Н. Костюкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. С. 230.

¹ Бородин В. В. Муниципальная служба как институт муниципального права // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 5. С. 15.

Положения Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», касающиеся аттестации муниципальных служащих, направлены на создание условий для обеспечения органов местного самоуправления квалифицированными кадрами, для решения вопросов, связанных с присвоением муниципальным служащим очередных и внеочередных квалификационных разрядов, и для определения уровня профессиональной подготовки и соответствия того или иного муниципального служащего занимаемой должности проводится аттестация.

Поддержание соответствующего уровня квалификации и профессиональной подготовки является одной из основных обязанностей муниципального служащего, которой корреспондирует право на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации за счет средств местного бюджета. Согласно п. 7 ч. 1 ст. 11 указанного Закона муниципальный служащий имеет право на повышение квалификации в соответствии с муниципальным правовым актом за счет средств местного бюджета. Таким образом, данный вопрос отдан на откуп муниципальным властям. Вместе с тем очень немногие муниципальные образования могут себе позволить финансирование обучения, подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих за счет средств местного бюджета по причине постоянного дефицита местных бюджетов и высокой стоимости обучения.

Необходимо отметить, что п. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», предусматривающий полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, дополнен подпунктом 63, который предусматривает участие в обеспечении подготовки, переподготовки и повышения квалификации лиц, замещающих выборные муниципальные должности, а также профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих и работников муниципальных учреждений. Данный подпункт введен Федеральным законом от 18 октября 2007 г. № 230-ФЗ, которым одновременно в ч. 1 ст. 17 Закона об организации местного самоуправления включен п. 8.1, предусматривающий, что в полномочия органов местного самоуправления поселений, муниципальных районов и городских округов по решению вопросов местного значения входит организация подготовки, переподготовки и повышения квалификации выборных должностных лиц местного самоуправления, членов выборных органов местного самоуправления, депутатов представительных органов муниципальных образований, а также профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих и работников муниципальных учреждений.

Как свидетельствует международный опыт, в таких странах, как Греция, Испания, Люксембург, подготовку муниципальных служащих берет на себя центральное правительство, а в скандинавских странах, в Швейцарии и Великобритании, подготовка служащих осуществляется национальными союзами местных органов власти или же этими союзами принима-

ется активное участие в системе подготовки муниципальных служащих⁷. Нельзя не согласиться с мнением, что без профессионального управленческого аппарата в муниципальных органах невозможно решать проблемы социальных, экономических и организационных нововведений, в связи с чем задача формирования, подготовки и переподготовки муниципальных служащих выходит за рамки локальной и становится в ряд общегосударственных проблем⁸.

Потребность в высококвалифицированных кадрах муниципальных служащих детерминирует необходимость организации эффективной системы обучения, подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих. Финансирование этой работы требует серьезных затрат и в условиях дотационности многих муниципальных образований должно осуществляться, с учетом международного опыта и в силу общегосударственного значения данной проблемы, за счет средств федерального бюджета и региональных бюджетов.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».
2. Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».
3. Бородин В. В. Муниципальная служба как институт муниципального права // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 5.
4. Мокрый В. С. Развитие федерального законодательства о муниципальной службе // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 2.
5. Пылин В. В. Некоторые аспекты реформирования муниципальной службы // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 7.
6. Муниципальное право России: Учебник / Под ред. А. Н. Костюкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007.
7. Сикингер И. Вопросы кадровой политики в местных органах управления западноевропейских стран // Государственная служба. Кадровая политика. Зарубежный опыт. М., 1995.
8. Михеева Т. Н. Местное самоуправление и государственная власть в России: проблемы взаимоотношений и разграничения полномочий: Автореф. дис. ... д-ра юрид.наук. М., 2003.

6 Собрание законодательства Российской Федерации. 18.10.1999. № 42. Ст. 5005.

7 Сикингер И. Вопросы кадровой политики в местных органах управления западноевропейских стран // Государственная служба. Кадровая политика. Зарубежный опыт. М., 1995. С. 59–70.

8 Михеева Т. Н. Местное самоуправление и государственная власть в России: проблемы взаимоотношений и разграничения полномочий: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 18.

Морозова Н. А.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ, КАК ОСОБОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА*

В статье специфика правового положения лица, совершившего административное правонарушение, рассматривается с позиций правового режима в реалистическом понимании. Автор приходит к выводам о том, что к основным характеристикам такого правового положения относятся: возникновение обязанности понести наказание с момента совершения административного правонарушения; переход правоотношения административной ответственности из статической стадии в динамическую; исполнение наказания в момент фактической реализации ответственности притом, что правоотношение административной ответственности не прекращается; включение в правовой режим кроме правил, вытекающих непосредственно из КоАП РФ, и иных правовых последствий, установленных другими законами.

Ключевые слова: административное правонарушение, административное наказание, административная ответственность, правовое положение, правовой режим.

Морозова Н. А.

Morozova N. A.

LEGAL STATUS OF A PERSON WHO HAS COMMITTED AN ADMINISTRATIVE OFFENSE AS A SPECIAL LEGAL REGIME

The article analyzes particular characteristics of legal status of a person who has committed an administrative offense in the context of realistic approach to legal regime concept. The author comes to the conclusions that such legal status could be described by the following features – a person is obliged to sustain punishment from the very moment when an administrative offense is committed; legal relations of administrative responsibility are transformed from the static stage to the dynamic one; factual performance of responsibility takes place when the punishment is executed but legal relations of administrative offense continue to exist afterwards; except for the rules set in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation this legal regime also creates additional legal consequences provided by other laws.

Keywords: administrative offense, administrative punishment, administrative responsibility, legal status, legal regime.

Можно считать относительно устоявшимся в отечественном правоведении понимание правового режима как особого порядка правового регулирования конкретной области общественных отношений, состоящего из совокупности юридических средств и отличающегося определенным их сочетанием¹.

В. Ю. Панченко, И. В. Пикулева подчеркивают, что правовой режим как явление находится не только в сфере возможного, но и в сфере действительного, относится к реальной правовой деятельности, юридической практике, правовой жизни, а как понятие отражает реальное состояние, положение и значение действующих правовых институтов² не только в нормах права, но и в их практическом действии. Правовой режим в его реалистическом понимании отражает не только нормативные ограничения или льготы, но и состояние реальной возможности или невозможности пользования правами, что и свидетельствует о благоприятности или неблагоприятности правового режима³.

Вышеприведенное реалистическое понимание правового режима оказывается как нельзя более подходящим для описания правового положения лица, совершившего правонарушение, и, по сути, является особым правовым режимом, для характеристики которого важным является описание не только

норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), но и того, как реально эти нормы действуют, а так же того, каким образом данный факт влияет на иные общественные отношения, где данное лицо участвует.

С момента совершения административного правонарушения лицо вступает в правоотношение с государством, характеризующееся следующими взаимными обязанностями: у лица, совершившего административное правонарушение, возникает обязанность претерпеть негативные последствия своего деяния, а у государства в лице его уполномоченных органов – обязанность выявить правонарушение, дать ему верную квалификацию и привлечь лицо к ответственности, то есть обеспечить вынесение компетентным органом в установленный законом срок законного акта, определяющего вид и размер наказания⁴.

4 Ответственность как правоотношение характеризовал, например, И. С. Самощенко. Он писал, что юридическая ответственность есть особое, предусмотренное и урегулированное нормами права отношение между нарушителем требований права и государством в лице его определенных органов (См.: Теория государства и права: учебное пособие для юридических институтов и факультетов / под ред. А. И. Денисова. М., 1972. С. 500).

Однако в науке есть и иные подходы к определению понятия и сути ответственности (см., например: Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М.: Юридическая литература, 1976; Зеленцов А. Б. Понятие и виды споров об административной ответственности // Административное право. 2007. № 3. С. 36; Матвеев Т. Г. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юридическая литература, 1970; Попондопуло В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961; Самощенко И. С., Фарукшин М. Х. Ответствен-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-33-01354.

1 См., напр.: Косак А. В., Малько А. В. Основы теории правовых режимов // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты / под ред. А. В. Малько, И. С. Барзиловой. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 8.

2 См.: Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: Вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 17–18.

3 См.: Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7.

Правовое положение лица, совершившего административное правонарушение, при этом характеризуется следующими чертами.

Лицо с момента совершения правонарушения обязано понести наказание. При этом указанная обязанность понести наказание может не наступить – в силу того, что правонарушение останется не выявленным, истечет срок привлечения лица к ответственности, лицо, совершившее правонарушение, умрет или будет ликвидировано либо по иным причинам (ст. 24.5 КоАП РФ).

Исходя из положений ст. 1.5 КоАП РФ, обязанность понести наказание может считаться установленной только после вступления в законную силу постановления суда, органа, должностного лица, рассмотревших дело. До этого момента лицо не может быть названо правонарушителем, а является лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Первое время после совершения правонарушения охранительное правоотношение юридической ответственности может находиться в статичном состоянии (государственное принуждение пребывает в состоянии потенциальной угрозы правонарушителю)⁶ – до выявления совершения правонарушения органом, уполномоченным возбуждать производство по делу о совершенном административном правонарушении.

После выявления правонарушения компетентным органом правоотношение административной ответственности переходит в активную (динамическую) стадию. С этого момента у лица, совершившего административное правонарушение, возникают процессуальные права и обязанности. У органа (должностного лица), осуществляющего производство, также имеется ряд процессуальных прав и обязанностей, которые должны осуществляться им в строгом соответствии с законом.

В ходе производства дело об административном правонарушении проходит несколько стадий – возбуждения дела, составления протокола, проведения административного расследования, передачи дела на рассмотрение, подготовки дела к рассмотрению, рассмотрения дела, изготовления постановления и вручения (направления) его лицу, в отношении которого велось производство, подачи и рассмотрения жалобы, обращения постановления (решения) к исполнению, решения вопросов, связанных с исполнением постановления⁷.

ность по советскому законодательству. М.: Юридическая литература, 1971; Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 73).

5 Здесь и далее доступ к текстам нормативных правовых актов и материалам судебной практики из справ.-правовой системы «Консультант-плюс».

6 Кинсбургская В. А. Ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах. М.: Юстиц-информ, 2013.

7 Данный перечень стадий не является ни абсолютно точным хронологически, ни исчерпывающим, а приведен на основании КоАП РФ. В научной литературе встречаются и иные наименования и определения содержания стадий охранительного правоотношения юридической ответственности (так, например, Б. Т. Базылев выделял три стадии (см.: Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С. 95–96)). О. Э. Лейст полагал, что штрафная, карательная ответственность имеет пять стадий (Общая теория государства и права: Академический курс: учебник для вузов / под ред. М. Н. Марченко. Т. 2. С. 604–605 / Цит. по Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012), Бутнев В. В. выделял три стадии (Бутнев В. В. Реализация юридической ответственности в гражданском процессе.

С момента вступления постановления органа (должностного лица) или решения суда в законную силу обязанность понести административное наказание обретает для правонарушителя фактические, реальные формы – лицо должно исполнить наказание, то есть претерпеть негативные последствия своих проступков.

Вступление постановления о назначении административного наказания (решения о назначении наказания) в законную силу означает обязательность исполнения постановления по делу об административном правонарушении всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, гражданами и их объединениями, юридическими лицами (ст. 31.2 КоАП РФ).

Обязательность исполнения административного наказания обеспечивается мерами государственного принуждения (ст. 20.25 КоАП РФ, Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). Однако эта обязанность имеет ограничение во времени – в силу ст. 31.9 КоАП РФ постановление о назначении административного наказания не подлежит исполнению в случае, если это постановление не было приведено в исполнение в течение двух лет со дня его вступления в законную силу.

Момент (период) исполнения административного наказания может считаться этапом фактической реализации административной ответственности.

В момент фактической реализации ответственности происходит исполнение наказания, но правоотношение административной ответственности не прекращается, поскольку законодательство предусматривает ряд последствий, возникающих у лица в связи с привлечением его к административной ответственности.

Лицо, привлеченное к административной ответственности, пребывает в состоянии административной наказанности, суть которого составляет «юридическая память о совершенном преступлении»⁸ (правонарушения, в данном случае).

Срок данного состояния определен в ст. 4.6 КоАП РФ: оно начинается со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания и продолжается до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления⁹.

В случае совершения однородного административного правонарушения в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию за совершение однородного административного правонарушения, новое правонарушение считается повторным и его совершение само по себе является обстоятельством, отягчающим административную ответственность (п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ). Сам факт того, что ранее лицо привлекалось к ответственности, делает невозможным назначение ему наказания в виде предупреждения даже в случае, если санкция статьи предусматривает такую возможность (ст. 3.4 КоАП РФ).

Поскольку «наказание всегда выражает отрицательную оценку государством совершенного правонарушения, про-

Ярославль, 1985. С. 42–43 / Цит. по Нохрин Д. Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009).

8 Коган В. М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. Алма-Ата, 1966. С. 22.

9 См. также п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ».

изведенную официально и гласно»¹⁰, одним из последствий можно считать длящийся эффект общественного порицания и морального осуждения правонарушителя.

Следует согласиться с К. В. Фатеевым, С. С. Харитоновым, С. В. Шанхаевым в том, что любой элемент государственно-принудительной административной ответственности (осуждение, наказание, состояние наказанности) обладает восстановительными началами, поскольку принуждает правонарушителя к правомерному поведению¹¹.

Кроме вышеуказанных правил, установленных непосредственно КоАП РФ, в правовой режим, содержащий ограничения для лица, совершившего правонарушение, входят и иные правовые последствия, установленные другими законами.

Например, сведения о лице, совершившем правонарушение, вносятся полицией в специальный банк данных (п. 8 ч. 3 ст. 17 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»). Следует добавить, что нормативное установление срока хранения таких данных отсутствует, судебная практика исходит из того, что наличие спорных сведений в базе данных не нарушает прав и интересов указанных там лиц¹².

Как видно, указанные последствия выходят за пределы временного промежутка, определенного КоАП РФ. Не касаясь вопроса о справедливости и целесообразности этих ограничений¹³, следует указать, что в теории и законодательстве нет системного подхода к их установлению.

Для того чтобы охватить и описать все указанные отношения, связанные с привлечением к административной ответственности лица за совершение административного правонарушения, как было сказано ранее, подходит понятие «правового режима», который применительно к рассматриваемому вопросу можно охарактеризовать как особый порядок регулирования отношений, связанных с обязанностью правонарушителя понести административное наказание за совершенное административное правонарушение, возникающих с момента совершения правонарушения до выявления административного правонарушения, в процессе рассмотрения дела и исполнения административного наказания, и после исполнения наказания и характеризующих весь спектр негативных последствий совершенного проступка.

Если исходить из того, что сразу после совершения административного правонарушения лицо попадает под действие особого правового режима, то можно рассматривать все отношения – до выявления правонарушения, в процессе рассмотрения дела и исполнения административного наказания, и после исполнения наказания – как единый комплекс общественных отношений, что позволит более полно и точно определить баланс интересов участников общественных отношений, учесть приоритет защиты прав лица, в отношении

которого применяются меры государственного принуждения, и в конечном итоге сделать применение мер государственного принуждения в связи с совершением лицом административного правонарушения более последовательным.

Пристатейный библиографический список

1. Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (Теоретические вопросы). Красноярск, 1985.
2. Кинбурская В. А. Ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах. М.: Юстицинформ, 2013.
3. Коган В. М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. Алма-Ата, 1966.
4. Косак А. В., Малько А. В. Основы теории правовых режимов // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты / под ред. А. В. Малько, И. С. Барзиловой. М.: Юрлит-информ, 2012.
5. Кравчук Е. В. Фиктивность (преднамеренность) банкротства в России. М.: Юстиц-информ, 2013.
6. Максимов И. В. Административные наказания. М.: Норма, 2009.
7. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: Вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1.
8. Общая теория государства и права: Академический курс: учебник для вузов / под ред. М. Н. Марченко. Т. 2. / Цит. по Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012.
9. Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7.
10. Фатеев К. В., Харитонов С. С., Шанхаев С. В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика // За права военнослужащих. 2011. Вып. 122.

¹⁰ Кравчук Е. В. Фиктивность (преднамеренность) банкротства в России. М.: Юстицинформ, 2013.

¹¹ Фатеев К. В., Харитонов С. С., Шанхаев С. В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика // За права военнослужащих. 2011. Вып. 122.

¹² См., например: Апелляционное определение Челябинского областного суда от 17.09.2013 по делу № 11-9312/2013; Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 12.11.2014 № 33-10781/2014.

¹³ В оценке того, что иногда негативные последствия значительно превосходят по степени отрицательного влияния само административное наказание, следует согласиться с И. В. Максимовым (См.: Максимов И. В. Административные наказания. М.: Норма, 2009).

Ибрагимова Х. А.

СИСТЕМА МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Статья посвящена необходимости выработки системы мер по профилактике и предупреждению злоупотреблений должностными полномочиями с привлечением широкого круга слоев населения, средств и способов, имеющихся в обществе.

Ключевые слова: профилактика, предупреждение, персональная ответственность должностных лиц, антикоррупционная программа, Этический кодекс госслужащего.

Ibragimova Kh. A.

THE SYSTEM OF MEASURES TO PREVENT ABUSE OF POWER

The article is devoted to the need to develop a system of measures for prevention of the abuse of power involving a wide range of sectors of the population, the means and methods available in the community.

Keywords: prevention, personal responsibility of officials, anti-corruption program, the Code of Ethics of civil servants.

Проблемы, связанные с преступностью лиц, облеченных властью и, в частности, борьбой с ней интересовали еще древних философов. Аристотель считал, что борьба с должностными преступлениями – необходимое условие обеспечения государственной стабильности: «Самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться»¹. «Только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными»². Отклонения же от справедливости в государственном строе он считал главной причиной крушения государств³. «Правонарушения прокрадываются в государственную жизнь незаметно, подобно тому, как небольшой расход, часто повторяясь, ведет к потере больших состояний»⁴.

Под предупреждением преступности следует понимать предохранение людей, общества, государства от преступлений. В криминологической литературе под «предупреждением преступности» понимают многоуровневую систему мер и их субъектов, направленных: а) на выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию причин преступности, отдельных ее видов, а также способствующих им условий; б) на выявление и устранение ситуаций на определенных территориях и в определенной среде, непосредственно мотивирующих или провоцирующих совершение преступлений; в) на выявление в структуре населения групп повышенного криминального риска и снижение этого риска; г) на выявление лиц, поведение которых указывает на реальную возможность совершения преступлений, и оказание на них сдерживающего и корректирующего воздействия, а в случае необходимости – и на их ближайшее окружение»⁵.

В криминологии считается незыблемым тезис об определяющем, базисном характере подсистемы общесоциального предупреждения в ряду всех мер упреждающего противодействия преступности. Общесоциальное предупреждение осуществляется через всю совокупность крупномасштабных мероприятий, обеспечивающих прогрессивное развитие об-

щества, отношения людей в экономической, политической, духовной, семейно-бытовой и других сферах. Эти мероприятия преследуют гораздо более широкие цели, но как бы «попутно» ограничивают поле для его возникновения.

Признание того, что преступность является уже прямой и очень серьезной угрозой национальной безопасности, актуализирует значение и роль данного вида предупредительной деятельности. Более того, по мнению А. И. Алексеева, в нынешней российской действительности проявляются дополнительные (в принципе не новые, но основательно забытые) возможности противостояния преступности на общесоциальном уровне, например, связанные с позитивными сторонами рыночных преобразований или нравственными ценностями религиозных конфессий.

По мнению В. В. Караваева, эффективным средством предупреждения преступлений является система предварительного анализа и прогнозирования таких правонарушений. «Это позволяет выявить имеющиеся проблемы при осуществлении должностных полномочий, недостатки служащих, предпосылки злоупотреблений служебным положением»⁶.

Среди общих мер борьбы можно выделить необходимость создания системы действенного контроля за доходами граждан, препятствующей их незаконному обогащению. Следует отметить, что шаги в этом направлении законодателем были сделаны, однако в систему действенного контроля не вошли.

Так, в 1992 г. был обнародован Указ Президента Российской Федерации «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы». Однако он оказался одним из самых игнорируемых. Его нормы, запрещающие чиновникам заниматься предпринимательской деятельностью, не выполняются до сих пор. Понятно, что возможность безбоязненно совмещать государственную службу с коммерческой деятельностью – это не только широко открытая дверь для массовых злоупотреблений, но и особый стимул для занятия государственной должности исключительно с целью незаконного обогащения. Кроме того, нормы, обязывающие чиновников представлять декларацию о доходах и имуществе, начали реализовываться только через пять лет, после выхода дополнительного Указа 1997 г., отдельные положения которого не выдерживают никакой критики.

1 Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинение: В 4 т. М., 1983. Т.4. С. 547.

2 Указ. соч. С.456.

3 Там же. С. 542.

4 Там же. С. 544.

5 Криминология: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М., 1999. С. 280.

6 Караваев В. В. Методы профилактики и противодействия коррупции // Общество и право, 2011.

Серьезной преградой в рамках исполнительной системы для злоупотреблений могло бы стать:

- повышение прозрачности в планах, решениях и действиях властей. Интересно, что в проекте «Выводов и рекомендаций по совершенствованию предупреждения коррупции и борьбы с ней», который был выработан на международной научно-практической конференции «Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы» в одном из тезисов указывалось, что нарушение установленного порядка открытости принятия должностными лицами решения должно рассматриваться в качестве коррупционного деяния. Целью данного тезиса, по мнению разработчиков, должно было стать налаживание общественного контроля за властью. Представляется правильным положение, согласно которому возможность населения получать информацию должна обеспечиваться законодательно предусмотренной обязанностью властей предоставлять эту информацию и санкциями за нарушения этих обязанностей;

- введение персональной ответственности должностных лиц в сфере распоряжения средствами и имуществом;
- избавление от внебюджетных фондов, осуществляющих выплаты чиновникам. Бюджетное недофинансирование органов исполнительной власти заставляет их создавать внебюджетные фонды, пополняемые за счет отчислений, связанных, как правило, с выполнением ведомством своих функций — платежей, штрафов и т.п. Внебюджетные фонды контролируются гораздо слабее, что может рождать злоупотребления⁷. Общеизвестно, во многом злоупотребления должностными полномочиями становятся следствием мизерности заработной платы государственных служащих, и их задержек. Нередко заработная плата должностных лиц оказывается настолько низкой, что последние вынуждены существовать за чертой бедности. В этой связи в рамках реформы государственной службы необходимо, прежде всего, подумать о существенном увеличении денежного содержания государственных служащих (что особенно важно для низшего и среднего звеньев). На законодательном уровне в этом направлении размеры индексации ставок заработной платы работников бюджетной сферы необходимо определять не только в зависимости от темпов роста потребительских цен, но и с учетом динамики заработной платы во внебюджетном секторе экономики.

В Сингапуре, успешно реализовавшем антикоррупционную программу, постепенное повышение заработной платы началось задолго до начала экономического процветания страны в условиях крайне распространенной коррупции⁸.

Серьезной мерой в борьбе с должностными преступлениями может стать выработка мер по борьбе с так называемыми «неприкасаемыми» должностными лицами. Для бескомпромиссной борьбы с коррупцией государственных должностных лиц категории «А» необходимо создать специальное учреждение (независимую комиссию или реально независимого прокурора) с особой процедурой назначения и снятия его руководителей. Руководство независимой структуры должно быть надежно защищено в течение срока пребывания в должности. Увольнение его должно происходить не по решению органа власти, а в соответствии с установленной законом процедурой. О реальных достижениях в борьбе с преступностью высокопоставленных должностных лиц свидетельствует опыт многих стран (независимый прокурор в США, независимая комиссия

в Гонконге — ныне провинция КНР — Сянган, в Сингапуре, Малайзии, Тайване и др.).

Еще великие просветители XVIII в. Монтескье и Беккариа отмечали, что предупреждение преступности должно осуществляться прежде всего в русле улучшения нравов. Потому мы считаем, что одним из основных направлений в борьбе с должностными преступлениями должно стать укоренение этических традиций. Многие страны, например, шли по пути внедрения Этического кодекса государственного служащего. Потому-то, наверное, «борьба с госчиновничеством — любимое занятие американцев»⁹ и далее, «американский чиновник обставлен со всех сторон строгими законами и правилами поведения, в которых декларация о доходах занимает далеко не самое главное место. В любом случае он, как любой налогоплательщик, должен без утайки объявить налоговой службе обо всех своих финансах. Иначе он может совершить один из самых тяжелых грехов в Америке — уклонение от уплаты налогов, что, естественно, включает в себя и занижение. Еще Линдон Джонсон три десятка лет назад подписал указ о том, что даже «видимость» нарушения федеральными сотрудниками этических норм, не говоря уже о законе, является достаточным основанием для «оргвыводов»».

В этой связи интересен пример Японии, где накоплен некоторый положительный опыт противодействия этим негативным тенденциям. Наиболее примечательным среди мер противодействия известному социальному феномену можно считать этический кодекс полицейского. При составлении этого кодекса были учтены национальные традиции. Самураи (японские рыцари), их понятия о чести и беззаветное служение родине вызывают уважение и даже преклонение практически всех японцев. Самурайский кодекс чести «Бусидо» был положен в основу кодекса чести японского полицейского. Таким образом, японский опыт показал, что идеологические меры могут эффективно противодействовать преступности чиновников.

Очевидно, что принятие Этического кодекса государственных служащих могло бы способствовать формированию здоровой моральной обстановки на государственной службе и в Российской Федерации. Предложения такого рода уже звучали с высоких трибун. Так, в проекте Выводов и рекомендаций по совершенствованию предупреждения коррупции и борьбы с ней упомянутой конференции отмечалось, что вместо Федерального закона «Об основах государственной службы РФ» (1995), который распространяется только на обслуживающий персонал (государственные должности категорий «Б» и «В») и указов Президента РФ по аналогичным вопросам, которые практически не выполняются, необходимо предусмотреть разработку Федерального кодекса поведения и этических правил государственных служащих, их прав и обязанностей. Некоторые ученые предлагают даже кодексу чести придать нормативный характер¹⁰. Об этом же говорится с самых высоких трибун. Еще на принятой резолюции 40/34 Генеральной ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. была принята Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления власти, в которой среди прочего отмечалось, что государствам следует принимать усилия «по содействию соблюдению кодексов поведения и этических норм, в частности международных стандартов, государственных служа-

7 Сатаров Г. А., Левин М. И., Цирик М. Л. Россия и коррупция: кто кого? // Рос. газ. 1998. 19 февраля.

8 Там же. С.13.

9 Русаков Е. Почему мафиози Америки завидуют своим российским братьям // Рабочая трибуна. 1997. 10 июня. С. 7.

10 Жеребцов А. Кодексу чести судьи придать нормативный характер // Рос. юстиция, 1997. № 3.

щими, включая сотрудников правоохранительных органов, исправительных учреждений, медицинский персонал, работников системы социального обеспечения и военнослужащих, а также персонал экономических предприятий»¹¹.

Далее следует признать заслуживающими внимания предложение некоторых авторов внедрить в систему государственной службы систему тестирования лиц, поступающих на государственную службу. В статье А. Ваксяна «Есть противопоказания для занятия должности» читаем следующее: «Если мы не хотим столкнуться с ситуацией, когда в высокие кресла «пожизненно» заберутся «злые психопаты» или лица с невысоким интеллектом, или те, кому «показано» трудиться лишь художественным редактором (тут автор статьи имеет в виду себя), пора изменить официальное отношение к процессу и результатам тестирования. Настало время, возможно, хотя бы в порядке эксперимента, узаконить систему тестирования в процессе отбора кандидатов, и не только в судьи»¹². Автор данной статьи предлагает внедрить, таким образом, систему тестирования на службу по следующим параметрам: на интеллект; психологический тест; тест на личность; тест на склонности. Представляется, что такого рода тесты позволили бы иметь более или менее четкое представление о принимаемых на службу лицах с тем, чтобы воспрепятствовать проникновению на должности лиц, склонных к отклоняющемуся поведению. Мы согласны с мнением Г. А. Сатарова и М. И. Левина, которые считают, что успешная борьба с преступностью должностных лиц может быть достигнута за счет поддержки институтов гражданского общества. Мы также считаем, что демократические начала предупреждения преступности

должны проявляться в широком участии в профилактической деятельности как общественных и религиозных организаций, так и населения в целом; во включении в систему предупредительной деятельности мер по выработке солидарной позиции общественного мнения и т.д. По нашему мнению, победить коррупцию можно только с привлечением институтов гражданского общества, поскольку именно оно более всего заинтересовано в такой победе, и это тем более важно в условиях серьезного отчуждения власти от общества.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Н. Г. Иванов. М.: Издательство «Экзамен» 2013.
2. Криминология: Учебник для бакалавров под редакцией Ю. М. Антонян. М., 2012.
3. Криминология: Учебник / Коробейников Б. В. М. 2011.
4. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинение: В 4 т. М., 1983. Т.4.
5. Ваксян А. Есть противопоказания для занятия должности // Рос. юстиция. 1996. № 12.
6. Жеребцов А. Кодексу чести судьи придать нормативный характер // Рос. юстиция, 1997. № 3.
7. Караваев В. В. Методы профилактики и противодействия коррупции // Общество и право, 2011.
8. Русаков Е. Почему мафиози Америки завидуют своим российским братьям // Рабочая трибуна. 1997. 10 июня.
9. Сатаров Г. А., Левин М. И., Цирик М. Л. Россия и коррупция: кто кого? // Рос. газ. 1998. 19 февраля.

11 96-е пленарное заседание от 29 ноября 1985 года.

12 Ваксян А. Есть противопоказания для занятия должности // Рос. юстиция. 1996. № 12.

Дазмарова Т. Н., Зверев А. В.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА
ТЕРРИТОРИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье исследованы правовые основы, регламентирующие порядок создания и функционирования режимных территорий учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: режим, режимная территория, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, сотрудники УИС.

Dazmarova T. N., Zverev A. V.
SOME ASPECTS OF THE ADMINISTRATIVE LEGAL REGIME OF TERRITORIES
OF THE ESTABLISHMENTS EXECUTING CRIMINAL PENALTIES IN THE FORM
OF IMPRISONMENT

In article the legal bases regulating an order of creation and functioning of regime territories of the establishments executing criminal penalties in the form of imprisonment are investigated.

Keywords: mode, regime territory, correctional facilities, criminal and executive system, employees of UIS.

Действующее уголовно-исполнительное и иное законодательство Российской Федерации, а также принятые на их основе ведомственные нормативно-правовые акты определяют вопросы создания и функционирования режимных территорий исправительных учреждений, а также регламентируют механизм охраны правового режима, установленного в границах таких территорий. Исследование проблем правового режима территории становилось предметом научных исследований многих ученых. Правовые нормы, которые регулируют общественные отношения в данной сфере формируют отдельный институт, а именно институт специальных административно-правовых режимов.

Режим в энциклопедическом словаре (от лат. *regimen* - управление) означает совокупность правил, мероприятий, норм для достижения какой-либо цели.

Правовую основу установления «специального» правового режима на территории, прилегающей к учреждению, исполняющему уголовные наказания составляют:

– Конституция Российской Федерации, согласно статьи 55 «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹.

– Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». В статье 7 говорится, что территориальные органы уголовно-исполнительной системы по согласованию с органами местного самоуправления муниципальных районов либо органами местного самоуправления городских округов определяют границы территорий, прилегающих к подведомственным учреждениям, на которых федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере

1 См.: Конституция Российской Федерации: [от 12 декабря 1993 г.] : [официальный текст] : [в ред. ФЗ от 21.07.2014 г. № 11-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

Дазмарова Т. Н.

Зверев А. В.

исполнения уголовных наказаний, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации устанавливаются режимные требования².

«Положение о Федеральной службе исполнения наказаний», утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 закрепляет обязанность ФСИН России по обеспечению безопасности объектов уголовно-исполнительной системы, а также исполнению режимных требований в учреждениях. В целях обеспечения безопасности, правопорядка и законности администрация учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы наделяется правом осуществлять контроль за соблюдением режимных требований на объектах учреждений и территориях, прилегающих к ним³.

– Приказ Минюста России от 3 сентября 2007 г. № 178 «Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы» определяет порядок образования и функционирования режимной территории. В соответствии с данным правовым актом территориальный орган уголовно-исполнительной системы по согласованию с органом местного самоуправления муниципального района либо органом местного самоуправления городского округа определяет границу территории, на которой устанавливаются режимные требования, прилегаю-

2 См.: Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Рос. Федерации: [от 21 июля 1993 г. № 5473-1] // Ведомости Совета народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.

3 См.: Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: указ Президента Рос. Федерации: [от 13 окт. 2004 г. № 1314] // Рос. газ. – 2004. – 19 окт.

шей к учреждению, подведомственному территориальному органу (далее - режимная территория)⁴.

Режимная территория определяется на плане-схеме, которая составляется с учетом генерального плана учреждения, с соблюдением масштаба, указанием расстояний и размеров. План-схема составляется в трех экземплярах-оригиналах. Росписи должностных лиц согласующей и утверждающей план-схему сторон заверяются печатью с изображением Государственного герба Российской Федерации. Один экземпляр передается в подведомственное учреждение. Граница режимной территории ограждается (тип и вид ограждения, возможность его установления определяется территориальным органом уголовно-исполнительной системы) и обозначается предупредительными знаками, а на внешней от основного ограждения учреждения линии границы прилегающей территории устанавливается и оборудуется контрольно-пропускной пункт.

По согласованию с органами Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации при подъезде к режимной территории учреждения могут устанавливаться соответствующие дорожные знаки.

На режимной территории осуществляется патрулирование сотрудниками учреждения. По согласованию с органами внутренних дел может осуществляться совместное патрулирование с сотрудниками полиции. При патрулировании допускается использование служебных собак.

В соответствии с п. 5 Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы на режимной территории запрещается:

- без разрешения руководства учреждения находиться и передвигаться посторонним лицам;
- производить без специального разрешения начальника учреждения земляные, строительные, взрывные, технические и изыскательские работы;
- осуществлять без соответствующего допуска руководства учреждения ремонт инженерно-коммуникационных, энергетических сетей, средств связи, установку оборудования;
- проводить без согласования с администрацией учреждения линии электропередач;
- устанавливать гаражи, тенты-укрытия для автотранспорта и другие сооружения;
- размещать торговые точки и осуществлять торговлю (в том числе с рук, лотков и автомашин);
- проводить митинги, демонстрации, собрания, шествия и другие массовые мероприятия;
- осуществлять кино-, фото- и видеосъемки, звукозаписи;
- вести переговоры через ограждение с лицами, находящимися в учреждении;
- передавать либо пытаться передать через ограждение на территорию учреждения любые вещи и предметы, продукты питания;
- размещать и оставлять свертки, сумки, иные вещи и предметы;
- загрязнять территорию, а также осуществлять на ней выпас, выгул скота и других животных;

- заниматься огородничеством, садоводством, рыбной ловлей;

- разводить огонь, а также производить салюты и фейерверки.

В целях недопущения нарушений перечисленных запретов информация о действующих режимных требованиях помещается в доступных для граждан местах (на контрольно-пропускном пункте, установленных щитах и т. д.).

Кроме того, на режимных территориях с целью соблюдения режимных требований администрация учреждений вправе:

- временно ограничивать или запрещать движение транспорта, не допускать граждан на режимную территорию или обязывать их там остаться либо покинуть ее;

- осуществлять досмотр и обыск лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы, перечень которых устанавливается законодательством Российской Федерации и Правилами внутреннего распорядка учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы;

- составлять протоколы об административных правонарушениях, осуществлять административное задержание и применять другие предусмотренные законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях меры;

- применять физическую силу, специальные средства, газовое и огнестрельное оружие в порядке и в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Таким образом, в данной статье исследованы правовая основа установления «специального» правового режима на территории, прилегающей к учреждению, исполняющему уголовные наказания в виде лишения свободы, а также сфера общественных отношений, возникающих между персоналом учреждений и лицами, в них содержащимися, и иными гражданами.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: [от 12 декабря 1993 г.]: [офиц. текст]: [в ред. ФЗ от 21.07.2014 г. № 11-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Рос. Федерации: [от 21 июля 1993 г. № 5473-1] // Ведомости Совета народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.
3. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: указ Президента Рос. Федерации: [от 13 окт. 2004 г. № 1314] // Рос. газ. – 2004. – 19 окт.
4. Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста Рос. Федерации: [от 03 сен. 2007 г. № 178] // Рос. газ. – 2007. – 12 сен.

⁴ См.: Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста Рос. Федерации: [от 03 сен. 2007 г. № 178] // Рос. газ. – 2007. – 12 сен.

Галеева Н. Н.

ПОРЯДОК ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ЦЕЛЕЙ ДЕЛОВОГО ХАРАКТЕРА ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРНОЙ РАБОТЫ

В настоящей статье описан разработанный автором внутренний документ, направленный на определение и достижение целей делового характера в договорной работе организации.

Ключевые слова: деловая цель, стадии жизненного цикла, юридическая цель, сделка, налоговое законодательство, арбитражная практика, гражданско-правовой договор.

Galeeva N. N.

THE PROCEDURE FOR DOCUMENTING BUSINESS PURPOSES IN THE ORGANIZATION OF CONTRACTUAL WORK

In the article the internal document developed by the author is characterized which is focused on definition and achievement of the objectives of business purposes in contractual work of the organization.

Keywords: business purpose, stages of life cycle, legal purpose, transaction, tax law, arbitration practice, civil contract.

Галеева Н. Н.

Сложившаяся судебная практика, начиная с 2004 г., показывает, что с каждым годом увеличивается число спорных дел, связанных с выявлением налоговыми органами целей делового характера в деятельности налогоплательщиков, что является актуальным и сегодня.

Суть доктрины «деловая цель» состоит в том, что сделка, направленная исключительно на уменьшение налогов, но не имеющая под собой разумной и экономически обоснованной цели, может быть признана в налоговых целях недействительной.

Однако, как показывает анализ арбитражной практики, под экономически обоснованной целью налоговые органы зачастую видят только одну цель – получение прибыли, и если она не достигнута, выдвигают ряд претензий. Но если обратиться к определению понятия «цели делового характера», мы увидим, что получение прибыли – это лишь одна из целей, а следовательно, наличие других деловых целей в хозяйственной и коммерческой деятельности налогоплательщика также может являться экономически обоснованным.

Но поскольку механизм применения доктрины деловой цели четко не регламентирован и не прописан на законодательном уровне, в настоящее время остаются проблемы теоретического обоснования, порядка выявления и применения деловых целей, а также их документального оформления и подтверждения. В этих условиях они разработаны не в полной мере и требуют дальнейшего изучения.

Тема «деловой цели» уже давно присутствует в правоприменительной практике: достаточно упомянуть только Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».

Можно предположить, что деловой целью является юридическая цель самой гражданско-правовой сделки. Однако такое понимание деловой цели сделки слишком узко и не отражает социально-экономического фактора деятельности субъектов, их предпринимательскую цель, а главное – направленность действий.

Таким образом, для того чтобы налогоплательщику иметь обоснованную доказательную базу против претензий налоговых органов, им необходимо четко определять деловые цели каждой более или менее крупной сделки либо коммерческого проекта, имеющих льготные налоговые последствия.

Ввиду того, что механизм применения доктрины деловой цели четко не регламентирован, возникает необходимость разработки внутренних документов организации, направленных на определение и достижение целей делового характера при заключении гражданско-правовых договоров.

Первым шагом на пути к разработке документального оформления является выявление и определение деловых целей, а также их ранжирование в зависимости от стадии жизненного цикла организации.

Необходимо отметить, что не всегда предназначением организации является только извлечение прибыли, ее деятельность может быть направлена и на достижение других целей, таких как цели делового характера, направленные на рационализацию коммерческой деятельности.

На разных стадиях жизненного цикла предприятия одни и те же направления деятельности, а следовательно, и цели делового характера, имеют разную силу влияния, поэтому следует дифференцировать деловые цели в зависимости от этих стадий в соответствии со стратегическими целями предприятия.

Каждое предприятие имеет определенный жизненный цикл. Тем не менее характер кривой для всех предприятий одинаковый. Условно можно выделить следующие этапы:

- зарождение предприятия (юность);
- рост деловой активности и финансово-экономической стабильности предприятия (расцвет);
- зрелость;
- спад (старость).

Определить стадию жизненного цикла можно по общеизвестным характерным признакам.

В свою очередь, каждая стадия жизненного цикла организации обусловлена конкретными стратегическими целями, которые оказывают самое непосредственное влияние практически на все компоненты деятельности организации.

Такому развитию способствуют и цели делового характера, достижение которых приведет к эффективности не только заключаемых договоров, принятых решений, но и деятельности организации в целом.

Итак, к целям делового характера можно отнести следующие:

- 1) приближение к рынку сырья и/или рабочей силы;
- 2) повышение производительности (эффективности) труда работников;
- 3) рост рыночной стоимости организации;
- 4) высвобождение денежных средств;
- 5) снижение расходов;
- 6) оправданные скидки;
- 7) совершение бесприбыльной сделки;
- 8) благотворительная деятельность в интересах третьих лиц, обусловленная требованиями социального, природоохранного и прочего законодательства.

Рассмотрим некоторые выявленные цели с позиции определения автора.

Приближение производства к рынку сырья и/или рабочей силы – означает, что основное производство целесообразно размещать как можно ближе к рынку сырья или рабочей силы, это приведет к снижению производственных затрат, например транспортных расходов, или позволит уменьшить время разработки новой продукции.

Повышение производительности (эффективности) труда работников – данная цель направлена на увеличение объемов производства (товаров, работ, услуг) за счет повышения производительности труда работников.

Высвобождение денежных средств – означает, что в распоряжении руководителей предприятия остается больше собственных денежных средств, которые они могут направить на развитие своего бизнеса. И, как следствие, из этой деловой цели вытекает снижение стоимости заемного капитала – слишком большое привлечение заемных средств уменьшает финансовую устойчивость предприятия.

Снижение расходов – означает, что, снижая расходы при осуществлении одной сделки, предприятие экономит денежные средства, которые в свою очередь может направить на финансирование другой сделки или договора. Таким образом, предприятию не нужно дожидаться положительного результата от выполнения первой сделки с целью получения прибыли и финансирования за счет нее второй сделки. Это частично позволяет сделать экономленные средства.

Оправданные скидки – скидка, пожалуй, самый распространенный на сегодня способ привлечь внимание потенциальных покупателей к товару. Получается, что из-за скидки часть товаров достанется покупателю бесплатно? Если это так, то у продавца появится обязанность заплатить со скидки НДС (п. 1 ст. 146 НК РФ), а у покупателя – включить ее в доход и обложить налогом на прибыль (п. 8 ст. 250 НК РФ). При неправильном оформлении скидки она будет расцениваться как безвозмездная передача, а не достижение целей делового характера. Таким образом, скидки необходимо не только оправдать, но и правильно документально оформить. К оправданным можно отнести скидки, вызванные:

- сезонными колебаниями;
- потерей товарами качества и иных потребительских свойств;
- истечением срока годности или реализации товаров;
- маркетинговой политикой.

Совершение бесприбыльной сделки – это право экономического субъекта. Целями бесприбыльной сделки могут выступать:

- 1) завоевание доверия покупателей, путем создания имиджа компании, заботящейся о нуждах общества;
- 2) повышение уровня привлекательности торговых марок с целью увеличения спроса;
- 3) сохранение существующей доли компании на рынке.

Таким образом, определив выявленные цели делового характера, можно сделать вывод о том, что все перечисленные цели направлены на повышение эффективности деятельности организации и, как следствие, извлечение прибыли. Однако не все цели делового характера при их достижении будут приносить максимальный эффект на каждой стадии жизненного цикла организации. Для этого их необходимо дифференцировать в зависимости от выбранной стратегии, которой придерживается организация на каждой стадии своего развития. Достижения целей делового характера, организация приближается к достижению стратегических целей, а следовательно, приближается к следующей, более высокой стадии развития.

Определение и применение целей делового характера в деятельности организации – это лишь первый шаг на пути их достижения. Для того чтобы организация добилась желаемого результата, необходимо установить непрерывное наблюдение, а также контроль за процессом достижения деловых целей. Данные мероприятия, по мнению автора, должны быть отражены в соответствующем внутреннем документе «Регламент организации в части установления целей делового характера» (далее – Регламент организации).

Как и любой другой официальный документ, Регламент организации имеет четкую структуру и подразделяется на следующие разделы:

- I. Общие положения.
  - II. Порядок определения и применения целей делового характера в деятельности организации.
  - III. Контроль за достижением целей делового характера. Ответственность должностных лиц.
  - IV. Ответственность должностных лиц организации за достижение целей делового характера.
- Рассмотрим указанные разделы более подробно.

Общие положения Регламента организации раскрывают цели создания Регламента, а также определяют значение целей делового характера и результат их внедрения в деятельность организации.

Итак, внутренний Регламент организации в части установления целей делового характера разработан в целях:

- выбора приоритетных направлений деятельности организации;
- рационализации коммерческой и хозяйственной деятельности организации;
- определения сроков достижения деловых целей и последовательности действий должностных лиц организации.

Далее раскрывается понятие и структура целей делового характера.

Цели делового характера – это разумные экономические или иные причины в действиях налогоплательщика, намерение получить экономический эффект в результате предпринимательской или иной экономической деятельности.

После определения целей делового характера необходимо изучить их структуру. Структура целей делового характера состоит из следующих элементов:

1. Экономический аспект.
2. Финансовый аспект.
3. Правовой аспект.

Далее необходимо установить должностные лица, которые будут определять деловые цели.

По мнению автора, определять деловые цели должен Генеральный директор организации, поскольку именно он несет ответственность за эффективную экономическую и финансовую политику организации, за ее результаты, обеспечивает выполнение решений общих собраний акционеров и Совета директоров.

Следующим шагом в разработке Регламента организации является установление перечня нормативно-правовых актов, указывающих на наличие целей делового характера в деятельности организаций.

И закончить первый раздел Регламента целесообразно, указав на результат от внедрения целей делового характера в деятельность организации. Достижение деловых целей проверяется конечным результатом заключаемых гражданско-правовых договоров. Если конечным результатом является планируемый экономический эффект, то деловая цель достигнута.

Второй раздел Регламента устанавливает общие требования к порядку определения и внедрения целей делового характера, а также сроки достижения деловых целей.

Цели делового характера определяются в зависимости от выбранной стратегии развития организации, которая формируется на каждой стадии жизненного цикла организации. Стратегия дополняется целями делового характера, которые достигаются путем заключения организацией соответствующих необходимых договоров.

Совет директоров на основании предложенных Генеральным директором деловых целей вырабатывает стратегию экономической политики организации, вплоть до заключаемых договоров. На общем собрании акционеров рассматривается предложенная Советом директоров стратегия экономической политики организации и путем голосования данная стратегия принимается либо отклоняется.

Каждая деловая цель достигается при исполнении заключенных договоров. Сроки достижения целей делового характера определяются (устанавливаются) при заключении договоров.

Третий раздел Регламента устанавливает контроль за достижением целей делового характера и отчетность должностных лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ, часть вторая.
2. Галева Н. Н. Совершенствование использования инструментария налогового менеджмента в управлении финансовыми потоками организаций: дисс. ... канд. экон. наук, 2007.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы».

Кунбутаев Т. Н.-И.

СЕМЬЯ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Социальные институты (от лат. *institutum* – установление, учреждение) – это исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной деятельности людей. Термин «социальный институт» употребляется в самых разнообразных значениях. Важнейшими социальными институтами являются политические институты, обеспечивающие установление и поддержание политической власти, а также институты экономические, обеспечивающие процессы производства и распределения благ и услуг. Актуальность изучения семьи как социального института обусловлена тем, что важным социальным институтом общества является именно семья, деятельность которой (отношения между родителями, родителями и детьми, методы воспитания и т.д.) определяется системой правовых и социальных норм.

Ключевые слова: общество, социум, социальный институт, семья, брак, воспроизводство населения.

Kunbutayev T. N.-I.

THE FAMILY AS ONE OF THE BASIC SOCIAL AND LEGAL INSTITUTIONS OF MODERN SOCIETY

Social institutions (lat. institutum – establishment, formation) is a historically established stable forms of organization of joint activity of people. The term “social institution” is used in a wide variety of definitions. The most important social institutions are political institutions that ensure the establishment and maintenance of political power and economic institutions that support the processes of production and distribution of goods and services. The relevance of studying the family as a social institution is driven by the fact that the family is an important social institution of society, the activity of which (the relationship between parents, parents and children, parenting techniques, etc.) is determined by the system of legal and social norms.

Keywords: society, community, social institution, family, marriage, reproduction of the population.

Процесс модернизации, динамизм современных социальных изменений определяют актуальность переосмысления значения семьи как одного из основных социальных институтов, обеспечивающего воспроизводство общественной жизни. Из всех общественных институтов семья неизменно остается регулятором социальных отношений, константой их гармонизации, специфически соединяя различные сферы жизнедеятельности общества. В соответствии со своей основной функцией деторождения и обеспечения преемственности в развитии она относится к фундаментальному социальному институту. Данная мысль подтверждается высказыванием польского социолога Я. Щепаньского: «Из всех социальных институтов семья является единственным социальным организмом, “разрастающимся изнутри”».

В настоящее время российское общество переживает преобразования социальных отношений, следствием которых является ослабление института семьи, характеризующееся увеличением количества разводов, внебрачных рождений, развитием альтернативных форм семьи, уменьшением количества деторождений в семьях. На фоне снижения уровня жизни, изменения привычной социальной среды происходит искусственное поощрение государством современного семейного образа жизни граждан. Подавляющее большинство специалистов, исследующих проблемы семьи, сходятся во мнении, что на современном этапе исторического развития института семьи последний переживает затяжной кризис. В статье «Кризис современной семьи» П. Сорокин отмечает, что семья «переживает острый перелом, старые и отчасти современные ее формы мало-помалу исчезают, уступая место новым формам, известным пока в общих чертах». По этому поводу Ле Пле писал: «Для того чтобы понять общество, необходимо понять семью». Именно в семье закладываются все особенности общества, семена его устойчивости или нестабильности. Трансфор-

Кунбутаев Т. Н.-И.

мация традиционной семьи оценивается как прогрессивная эволюция, неизбежная под влиянием объективных факторов. По этому поводу Ю. Р. Вишневецкий отмечает, что «трансформация семьи осуществляется в рамках процесса модернизации, смена традиционного типа семьи современным типом». Он утверждает, что сегодня семья свободна в выборе, однако интересы семьи оказались сильнее демографических интересов общества.

Под воздействием новой социально-экономической, политической ситуации и трансформации ценностных ориентаций основных агентов социализации в семье – родителей и старшего поколения – произошла переоценка жизненных ценностей молодого поколения. Наблюдается существенная деформация внутрисемейных взаимоотношений, отчуждение детей и родителей, равнодушие и неуважение друг к другу. Табачная, наркотическая, алкогольная, экранная, компьютерная и другие зависимости свидетельствуют о деградации духовной и эмоциональной сферы личности ребенка. С целью выявления факторов, оказывающих влияние на институт российской семьи, в 2013 г. авторами был проведен анкетный опрос населения г. Тюмени (384 человека) и экспертный опрос специалистов в области социальной поддержки семьи и семейного воспитания. В качестве экспертов выступили представители законодательной и исполнительной власти, педагоги образовательных учреждений, работники организаций социальной сферы, общественных фондов, детских клубов, секций, кружков (всего 94 эксперта). Ответы экспертов относительно возможностей укрепления института семьи в современных социально-экономических условиях в России показали их оптимистическую настроенность – более половины респондентов ответили положительно (54,2 %), «скорее нет, чем да» – 30,9 %, «нет» – 8,5 %, затруднились с ответом – 6,4 %. К факторам укрепления института семьи население г. Тюмени отнесло преимущественно

щественно внутренние факторы, а именно взаимопонимание, теплые взаимоотношения (62,2 %), любовь (55,7 %), наличие детей (53,1 %), искренность, честность во взаимоотношениях (44,8 %). Материальный достаток (18,2 %), сдерживание, контроль (15,6%), самостоятельность всех членов семьи (11,2 %) отметили незначительное число респондентов. Многие из родителей считают, что материальные и финансовые проблемы оказывают самое непосредственное влияние на их отношение к детям. В ходе исследования это подтвердили 83,7 % респондентов. Иначе складывается ситуация у 10 % респондентов. Это слой более или менее обеспеченных сограждан, которые живут без оглядки на семейный бюджет, и их дети могут рассчитывать на удовлетворение своих потребностей без нанесения ущерба тем, кто за них в ответе. При этом отмечен и такой характерный факт. Далеко не все опрошенные усматривают связь между своим материальным положением и числом детей в семье. Ее подчеркнули чуть больше половины (53,5 %) респондентов. Однако 27,3 % считают, что на самом деле этой связи не существует.

При всем изложенном, современная демографическая ситуация в России оценивается как кризисная, во многом это определяется крайне низким уровнем рождаемости. Особое внимание в авторском исследовании уделено проблемам оказания помощи семье, в том числе и со стороны государственных властных структур. На вопрос, нуждается ли современная российская семья в помощи со стороны государства, мнения экспертов разделились: 54,2 % утвердительно ответили на этот вопрос, 39,4 % считает, что семья в помощи не нуждается. Распределение мнений экспертов на вопрос «Нуждается ли российская семья в помощи со стороны государства», респонденты, отвечая на вопрос о необходимых формах поддержки семьи со стороны государства, неоднозначно ответило о своих потребностях. Так, более трети респондентов ответили да скорее да, чем нет скорее нет, чем да нет затрудняюсь с ответом указали на отсутствие необходимости в помощи государства. Примерно столько же отметили потребность в материальной помощи (34,9 %). Остальные виды государственной помощи менее востребованы. Примечательно, что некоторые виды государственной поддержки, относящиеся к первоочередным задачам государства и гарантированные Конституцией РФ, тем не менее, не оказываются в должном объеме, в частности предоставление мест в дошкольных учреждениях. своим отрицательно (61,4 %), нейтрально (22,7 %), затруднились с ответом (11,5 %) и только 4,4 % скорее положительно. Эксперты высоко оценили деятельность органов властей в данной сфере – 14,9 % дали положительную оценку. Удивительно, что 40,4 % экспертов и 22,7 % населения охарактеризовали деятельность властей как «нейтральную», что позволяет сделать вывод об отсутствии ярко выраженных преобразований в области поддержки семьи. Экспертная оценка деятельности властей в области поддержки семьи.

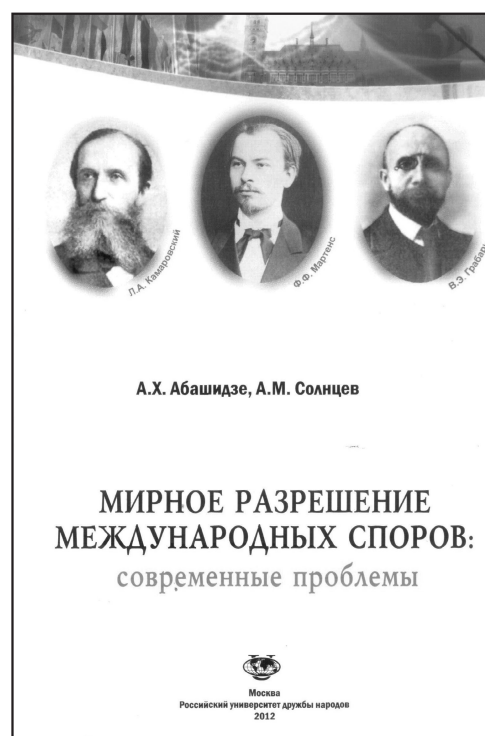
Фактически по всем направлениям, по которым органы власти оказывают помощь семье, респонденты в своих оценках в той или иной степени высказались негативно. Особенно это касается поддержки образовательной и воспитательной сети (48,2 %), организации медицинского обслуживания (46,9 %), сети бюджетных кружков и секций (40,9 %), принятия законов о семье (39,1 %), улучшения жилищных условий (31,8 %)¹. В оценках эффективности господдержки эксперты фактически солидарны с респондентами. В дополнение к перечислен-

ными направлениями господдержки, по их мнению, необходима помощь семье в сфере улучшения жилищных условий, выделения материальной помощи, создании центров консультирования поддержки населения. В рамках исследования респондентам было предложено в открытой форме сформулировать предложения по совершенствованию государственной поддержки семьи в процессе воспитания детей.

В заключение необходимо отметить, что укрепление института семьи, проявляющееся в повышении престижа брака, ответственного родительства и многодетности, должно стать первоочередной государственной задачей. Для ее решения требуются новые принципы управления и взаимодействия гражданского общества и государства в интересах семей, родителей и детей, основанные на возможности непосредственного влияния семейных и родительских сообществ на принятие решений на всех уровнях власти.

Пристатейный библиографический список

1. Вишневский Ю. Р., Другова Ю. Л. О проблемах молодежи Урала // Социологические исследования. 1997. № 10.
2. Гурко Т. А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 5.
3. Осипова Л. Б., Устинова О. В. Репродуктивная функция семьи как фактор воспроизводства населения. Тюмень: Тюм ГАСУ, 2014.
4. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
5. Щепанский Л. Элементарные понятия социологии. М., 1969.

1 Осипова Л. Б., Устинова О. В. Репродуктивная функция семьи как фактор воспроизводства населения. Тюмень: Тюм ГАСУ, 2014. С. 110–113.

Джаби Г. З.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье затрагивается проблематика конституционного регулирования права интеллектуальной собственности и конституционное содержание права интеллектуальной собственности как одного из основных прав человека и гражданина. Проанализированы различия между правом интеллектуальной собственности и интеллектуальной собственностью.

Ключевые слова: Конституция Азербайджанской Республики, права человека, право интеллектуальной собственности, интеллектуальная собственность, философия интеллектуальной собственности.

Jabi G. Z.

CONSTITUTIONAL CONCEPT AND VALUE OF INTELLECTUAL PROPERTY

The article touches on the problems of constitutional regulation of intellectual property law and constitutional nature of intellectual property law as one of the main rights of man and citizen. The difference between the intellectual property law and intellectual property are analyzed.

Keywords: Constitution of the Republic of Azerbaijan, human rights, intellectual property law, intellectual property, philosophy of intellectual property.

Одной из главных особенностей современных демократических и правовых государств является признание государством прав и свобод человека, обеспечение их государственной защитой.

Право интеллектуальной собственности, будучи правом человека, закрепленным на конституционном уровне, имеет способность регулироваться в соответствии с правилами, касающимися различных аспектов права в связи с широким содержанием и разновидностью. Итак, право интеллектуальной собственности исследуется конституционным правом, гражданским правом, информационным правом и другими отраслями права.

Во время исследования наукой вопросов, касающихся прав интеллектуальной собственности, уточнения места права интеллектуальной собственности в системе основных прав и свобод человека, в первую очередь необходимо уточнить такие понятия, как «интеллектуальная собственность», «права интеллектуальной собственности» как в научно-теоретическом аспекте, так и с точки зрения законодательства.

В наше время границы философии интеллектуальной собственности формируются единством моральной и политической философии, философии права и экономической философии. Для уточнения характера и содержания интеллектуальной собственности нельзя не принимать во внимание философские концепции¹.

При использовании результатов интеллектуальной собственности для формирования правовых отношений помимо других прав и свобод исключительные права на результаты интеллектуального творчества тоже занимают важное место. В целях выражения этих прав в законодательных актах ряд государств используется термин «интеллектуальная собственность». Интеллектуальная собственность в соответствии с нормами закона известна с исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности человека, или на эквивалентные продукты, выполняемые виды работ и услуг (название компании, торговая марка и другие).

Развитые страны в современном мире обращают особое внимание на признание и защиту прав интеллектуальной собственности, придавая большое значение вопросам интеллектуальной собственности, потому что защита интеллектуальной собственности помогает экономическому росту, поощряет инициативу технологических инноваций и в то же время

способствует созданию новых рабочих мест для граждан страны, создавая инвестиционные возможности².

Понятие «интеллект» происходит от латинского слова «intellectus», которое означает ум, разум. Под интеллектом понимается специфика способности мышления, рационального восприятия, анализа существующего знания, ментальные функции, создающие условия для критического подхода (сравнение, формирование концепций, абстракция, выдвижение соображений, получения результатов и т.д.)³. Интеллект – это рациональное восприятие и познавательная способность⁴.

Творческая деятельность отличается как особый вид интеллектуальной деятельности. Если интеллектуальная деятельность в целом является использованием возможностей рационального понимания, то творческая деятельность является приобретением новых форм и результатов по качеству, с использованием преимуществ рационального понимания. В связи с этим творческая деятельность, являясь творческой, независимой интеллектуальной деятельностью, существует в различных областях жизни и воплощается в получении человеком качественно новых результатов.

На наш взгляд, право интеллектуальной собственности и свобода творчества являются правами, тесно связанными между собой. Поэтому в Конституции многих стран, в том числе Азербайджанской Республики, право интеллектуальной собственности и свобода творчества⁵, идентифицированные как права человека, могут действовать как элементы системы единого процесса интеллектуальной деятельности.

Каждый человек может заниматься творческой деятельностью, будь то на профессиональном или любительском уровне, высокого или низкого качества. Независимо от того, является ли человек, который занимается этой деятельностью, профессионалом или любителем, государственное обеспечение авторских прав и смежных прав, прав интеллектуальной собственности, свободы распоряжаться результатами своего труда и других прав, в том числе для других прав и свобод, имеет равный уровень.

Помимо того, что термин «интеллектуальная собственность» предусматривается в Конституции разных стран (Украина, Грузия, Таджикистан, Молдова и др.), он нашел свое отражение в международных актах, конвенциях (Конвенция от

2 Focus on Intellectual Property Rights; U.S. Department of State, 2006. P. 2.

3 Современный словарь иностранных слов. М., 1992, С. 240.

4 Словарь философских понятий, Баку-1994. С. 27.

5 Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.president.az/azerbaijan/constitution> (стр. 30, ст. 51).

1 Intellectual Property: Incentives, Rights and Duties. An Introduction to New Frontiers in the Philosophy of Intellectual Property, Cambridge University Press, 2012. P. 1.

14 июля 1967 г., создавшая Всемирную организацию интеллектуальной собственности, Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1986 г., Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1983 г. и т.д.).

Термин «интеллектуальная собственность» впервые использовали в Конвенции от 1967 г., учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности⁶.

Во юридической литературе часто отмечается, что когда речь идет об «интеллектуальной собственности», понимается любой продукт человеческого интеллекта и защита от несанкционированного использования другими лицами этого продукта гарантируется законом. Интеллектуальная собственность традиционно состоит из 4 категорий: патент, авторское право, товарный знак, торговая марка⁷.

В соответствии со ст. 2.8. составной Конвенции Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), различаются объекты интеллектуальной собственности двух групп⁸:

1. Авторское право – примеры литературного и художественного творчества, фильмы, музыкальные произведения, картинки, рисунки, скульптура, а также примеры искусства, такие как архитектурные сооружения;

2. Промышленная собственность – изобретения (патенты), товарные знаки, промышленные образцы и географические указания.

По другим источникам, основными формами интеллектуальной собственности являются патент, авторское право, товарные знаки и коммерческая тайна. Интеллектуальная собственность имеет характеристики недвижимого и движимого имущества и может рассматриваться как актив, который имеет возможность продажи, покупки, сдачи в аренду, безвозмездного дарения. Нормы законодательства об интеллектуальной собственности признают право распоряжения своими правами автора, изобретателя, творческой личности⁹.

В наше время понятие интеллектуальной собственности вошло в правовую доктрину и используется как в национальных законодательных актах, так и в международных соглашениях. Несмотря на то, что право интеллектуальной собственности также известно как одно из конституционных прав и свобод, отсутствие единого правового понятия термина «интеллектуальная собственность» в законодательстве, помимо недостатков, допускает различные подходы. Например, в зарубежной юридической литературе можно наблюдать, что ряд авторов вместо термина «интеллектуальная собственность» предлагают термин «интеллектуальные права»¹⁰, другие авторы выдвигают соображения¹¹ о существовании взаимосвязи между интеллектуальной и частной собственностью, а иные авторы вообще относятся к фразе «интеллектуальная собственность» как к условной концепции «интеллектуальной собственности»¹².

На наш взгляд, если принять во внимание актуальность интеллектуальной собственности, динамичное развитие отношений в этой области, многообразие, можно подумать, что отсутствие четкого правового понимания на законодательном уровне приведет к недоразумениям и спорам в правоведении и в процессе реализации или защиты права интеллектуальной собственности. По этой причине мы считаем, что необходимо единое определение правового понятия интеллектуальной собственности на уровне законодательства.

6 Энциклопедический юридический словарь, Баку, 1994. С. 190.

7 Intellectual property [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.law.cornell.edu/wex/intellectual_property

8 Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283807

9 Focus on Intellectual Property Rights; U.S. Department of State, 2006. P. 4.

10 Мерзликина-Квернадзе Р. А. Результаты интеллектуальной деятельности и права на них // Законодательство. 2002. № 4. С. 15.

11 Гальперин Л. Б., Михайлова Л. А. Интеллектуальная собственность: сущность и правовая природа. Новосибирск, 1992. С. 15.

12 Калятин В. О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права): Учеб. для вузов. М., 2000.

По нашему мнению, интеллектуальная собственность – это нематериальный продукт интеллектуальной деятельности, осуществляемый на профессиональном или любительском уровне в соответствии с человеческими умственными и индивидуальными творческими способностями. Несмотря на то, что результаты интеллектуальной деятельности, как правило, имеют нематериальный характер, для реализации в процессе государственных и общественных отношений, признания на уровне правовых норм, защиты с механизмами правовой обороны необходимо в установленном законодательством порядке их материально сформировать или же выразить в материальной форме.

Считаем, что субъект интеллектуальной собственности является продуктом интеллекта физического лица, а объект человеческого интеллекта.

На наш взгляд, права имеющийся в интеллектуальной собственности и право интеллектуальной собственности должны отличаться. Так, каждый человек, используя свои естественные права в интеллектуальной собственности, для преобразования объекта интеллектуальной собственности в объект прав интеллектуальной собственности может преобразовать его в форму, которая требуется законодательством, и таким образом использовать права интеллектуальной собственности или же не использовать, не преобразуя объект интеллектуальной собственности в объект прав интеллектуальной собственности с осуществлением права распоряжаться интеллектуальной собственностью.

Считаем, что если интеллектуальная собственность непосредственно тесно связана с идеями и творческой свободой, то право интеллектуальной собственности тесно связано со свободой мысли и выражения, свободой творчества. Например, во время формирования интеллектуальной собственности как результата интеллектуальной деятельности в интеллекте человека могут возникнуть идеи, произволения и т.д., пробуждающие расовую, национальную, религиозную и социальную рознь и враждебность, но для преобразования в объект права интеллектуальной собственности интеллектуальная собственность должна перейти в форму, установленную законодательством, и при этом не допускается пропаганда и агитация, пробуждающие расовую, национальную, религиозную и социальную рознь и враждебность. Если интеллектуальная собственность – неограниченная возможность на свободу в интеллектуальной деятельности человека, то право интеллектуальной собственности реализует принцип «право каждого заканчивается там, где начинается право другого».

Если обладателем интеллектуальной собственности может быть только физическое лицо, то владельцем права интеллектуальной собственности может быть и физическое, и юридическое лицо. Создателем интеллектуальной собственности в любом случае является физическое лицо, использующее человеческий интеллект.

Пристайный библиографический список

1. Гальперин Л. Б., Михайлова Л. А. Интеллектуальная собственность: сущность и правовая природа. Новосибирск, 1992.
2. Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права): Учеб. для вузов. М., 2000.
3. Мерзликина-Квернадзе Р. А. Результаты интеллектуальной деятельности и права на них. Законодательство, 2002.
4. Словарь философских понятий. Баку, 1994.
5. Современный словарь иностранных слов. М., 1992.
6. Энциклопедический юридический словарь. Баку, 1994.
7. Focus on Intellectual Property Rights; U.S. Department of State, 2006.
8. Intellectual Property: Incentives, Rights and Duties. An Introduction to New Frontiers in the Philosophy of Intellectual Property, Cambridge University Press, 2012.
9. Cornell Law School [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.law.cornell.edu
10. Azərbaycan Respublikası Prezidentinin rəsmi internet saytı [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.president.az
11. WIPO [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.wipo.int

Попов К. Г., Шамсутдинов Р. Р.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АВТОРСКОГО ПРАВА И СМЕЖНОГО ПРАВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Целью исследования является анализ положений законодательства РФ об авторском праве, а также праве, смежном с авторским, сравнение этих положений. Соответственно, предмет исследования – положения законодательства РФ об авторском праве и смежном праве.

В результате исследования было определено, что авторские права на какое-либо произведение в РФ защищаются при объективном существовании данного произведения, обязательно являющегося результатом творческой деятельности, смежные – аналогично, но при объективном существовании исполнения в определенный момент времени. Личные неимущественные права всегда сохраняются за авторами (исполнителями), а исключительные права могут быть переданы. Исключительным правом на служебное произведение (исполнение) обладает работодатель, на совместное – соавторы (исполнители) совместно. При условии правомерного использования исходного объекта интеллектуальной собственности исключительным правом на составной или производный объект авторского (смежного) права обладает автор (производитель) составного или производного объекта авторского (смежного) права. Законодательство об авторских и смежных правах в РФ обеспечивает высокий уровень их защиты.

Ключевые слова: авторское право, смежное право, автор, исполнитель, произведение, исполнение, Российская Федерация.

Popov K. G., Shamsutdinov R. R.
COMPARATIVE ANALYSIS OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN THE RUSSIAN
FEDERATION

The purpose of the study is to analyze the provisions of the Russian legislation on copyright and related rights, the comparison of these provisions. Accordingly, the object of study is the provisions of Russian legislation on copyright and related rights.

The study determined that the copyright for any piece of work in Russia is protected in the context of objective existence of this piece of work, which is necessarily the result of creative activity, related rights are similarly protected, but provided to the objective existence of performance at a specific time. Moral rights are always reserved by the authors (artists) and exclusive rights may be transferred. The employer possess the exclusive rights to the work (performance) made for hire, and the authors (performers) possess rights to the joint one. Subject to fair use of the original object of intellectual property the author (producer) of the composite or derived object has the exclusive right to the composite or derived object of copyright (related) rights. Law on copyright and related rights in the Russian Federation provides high level of their protection.

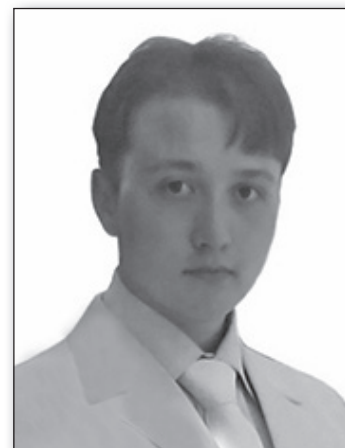
Keywords: copyright, related rights, author, performer, work, performance, Russian Federation.

Актуальность исследуемого вопроса обуславливается необходимостью понимания сущности авторского права и смежного права, а также их сходств и различий для обеспечения правомерности использования продуктов интеллектуальной творческой деятельности, соблюдения прав авторов и исполнителей, определения условий их правомерных взаимоотношений с целью предотвращения нарушений прав вышеуказанных субъектов права, путаницы, и, в некоторых случаях, судебных разбирательств.

Авторское право на территории Российской Федерации регулируется как международными договорами, так и национальным законодательством. Авторские права, согласно ст. 1255 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), представляют собой «права авторов на произведения науки, литературы и искусства»¹ как на результаты интеллектуальной деятельности, включают в себя личные неимущественные (права на авторство и защиту репутации автора) и

Попов К. Г.

Шамсутдинов Р. Р.

исключительные права (права на использование результата интеллектуальной деятельности по своему усмотрению, в том числе в коммерческих целях). Стоит обратить внимание, что права собственности на материальный носитель, в котором воплощен результат интеллектуальной деятельности, с авторскими правами на этот результат интеллектуальной деятельности не отождествляются.

Смежное право, по аналогии с авторским правом, на территории Российской Федерации регулируется как международными договорами, так и национальным законодательством. Смежные права представляют собой права исполнителей на созданные ими исполнения, включают в себя личные неимущественные (права на исполнительство и защиту репутации исполнителя) и исключительные права (права на использование результата творческой деятельности по своему усмотрению, в том числе в коммерческих целях). Обратим внимание, что, по аналогии с авторским правом, права собственности на материальный носитель, в котором размещено исполнение, со смежными правами на это исполнение не отождествляются.

Субъектами авторского права являются: авторы, их наследники и работодатели, правопреемники, а также издатели

1 Гражданский Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/> (дата обращения: 23.12.2014).

некоторых видов произведений. Объектами – воплощенные на материальном носителе различные литературные произведения, в том числе программы для ЭВМ, а также произведения художественного, публицистического и прикладного характера, научные и научно-технические произведения, произведения изобразительного искусства, архитектуры, фотографические, картографические, визуальные и аудиовизуальные произведения², а также базы данных, представляющие собой результат творческой деятельности по подбору и расположению данных.

Субъектами смежного права являются: исполнители, производители фонограмм³, инвестиционных баз данных, аудиовизуальных и визуальных исполнений, организаторы радиовещания, публикаторы посмертных произведений, а также наследники и работодатели исполнителей. К объектам смежного права относят исполнения, фонограммы, инвестиционные базы данных, отличающиеся от обычных баз данных заменой творческого критерия на инвестиционный, посмертные произведения и передачи организаций вещания.

Авторские права на какое-либо произведение защищаются при объективном существовании данного произведения, обязательно являющегося результатом творческой деятельности⁴, при условии соблюдения прав правообладателей всех объектов, использованных при создании данного произведения.

Смежные права, аналогично, защищаются при объективном существовании исполнения в некоторый момент времени, то есть в отличие от условий охраны авторских прав для защиты исполнения достаточно его существования хотя бы в некоторый момент времени. Охраняемые объекты смежного права, по аналогии с охраняемыми объектами авторского права, должны обязательно являться результатом творческой деятельности (инвестиционные базы данных являются исключением). Для объектов смежного права также обязательным условием охраны является условие соблюдения прав правообладателей всех объектов, использованных при создании данного исполнения. Необходимо учитывать, что условие правомерности создания объекта смежных прав, согласно ст. 1303 ГК РФ, включает в себя также соблюдение «авторских прав на произведения науки, литературы и искусства, использованные при создании объекта смежных прав»⁵.

Рассмотрим основные типы соответствующих объектов авторских и смежных прав, таких как служебные, составные, совместные, производные произведения и исполнения.

Служебное произведение (исполнение) – произведение (исполнение) созданное его автором (исполнителем) в результате выполнения своих трудовых обязанностей или в связи с заданием работодателя. Личное неимущественное право на такое произведение (исполнение) сохраняется за автором (исполнителем), а исключительное право на данный результат творческой деятельности переходит к работодателю, если договором с автором (исполнителем) не предусмотрено иное. Автор (исполнитель) имеет право на дополнительное вознаграждение за служебное произведение (исполнение) при усло-

вии получения работодателем, обладающим 100 % исключительных прав на данное произведение (исполнение), прибыли от его использования. Ни автор, ни исполнитель служебного произведения или исполнения соответственно, не вправе препятствовать обнародованию работодателем произведения или исполнения. Согласно ст. 1295 ГК РФ, исключительное право на служебное произведение или исполнение возвращается его автору или исполнителю соответственно, если работодатель в течение трех лет не начал использование данного произведения (исполнения), не передал исключительное право на него другому лицу и не сообщил автору (исполнителю) о сохранении произведения (исполнения) в тайне⁶.

Совместные произведения и исполнения представляют собой произведения или исполнения, созданные несколькими авторами или исполнителями соответственно, подразделяются на делимые и неделимые объекты интеллектуальной собственности. К делимым относят объекты, представляющие собой совокупность нескольких частей, имеющих самостоятельное значение, к неделимым – представляющие собой одно неразрывное произведение (исполнение).

Личные неимущественные права на совместные произведения (исполнения) принадлежат авторам (исполнителям) совместно. Каждый автор или исполнитель делимого совместного произведения или исполнения вправе использовать созданную или исполненную им часть по своему усмотрению, если договором с соавторами или исполнителями соответственно не предусмотрено иное. Право на использование совместного произведения или исполнения принадлежит авторам или исполнителям совместно. Ни один из соавторов или исполнителей совместного произведения или исполнения не вправе без достаточных на то оснований препятствовать использованию произведения или исполнения. Не признаются ни соавторами, ни исполнителями лица, не внесшие творческого труда в созданное произведение или исполнение, а лишь оказавшие материальную, техническую, консультационную, организационную или иную помощь или содействие⁷.

Составной объект авторских или смежных прав – объект соответствующего права, включающий в себя другие объекты авторского или смежного права соответственно, а также их части⁸, представляющий собой результат творческой деятельности, отраженной в выборе состава и порядка размещения объектов авторского или смежного права. И автор составного произведения, и производитель составного объекта смежного права могут обладать соответствующими правами на данные продукты интеллектуальной деятельности при условии правомерного использования всех произведений и исполнений, включенных в состав составного объекта авторских или смежных прав. Правообладатели произведений или исполнений, включенных в составной объект интеллектуальной собственности, вправе использовать свои произведения или исполнения по своему усмотрению, если договором с составителем (производителем) не предусмотрено иное. Права составителей или производителей составных объектов авторских или смежных прав не препятствуют другим лицам использовать те же произведения или исполнения для создания иных составных объектов авторских или смежных прав. Составные произведения

2 Там же.

3 Смежные права [Электронный ресурс] // Википедия: Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Смежные_права (дата обращения: 23.12.2014).

4 Авторское право [Электронный ресурс] // Кодекс. Режим доступа: <http://www.kodeks.ru/1109.html> (дата обращения: 23.12.2014).

5 Гражданский Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/> (дата обращения: 23.12.2014).

6 Там же.

7 Азизян В. Г., Журавленко Н. И. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности: учебное пособие / В. Г. Азизян, Н. И. Журавленко // Общие положения четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 17.

8 Судариков С. А. Основы авторского права // Авторское право на составные произведения. Минск: Амалфея, 2000. С. 148.

или объекты смежных прав охраняются независимо от того, являются ли охраняемыми произведения или исполнения, включенные в состав составного. Необходимо отметить, что издателям энциклопедий, энциклопедических словарей, а также периодических изданий принадлежат права на использование таких изданий.

Производный объект авторского или смежного права – объект соответствующего права, представляющий собой результат переработки другого объекта соответствующего права. Охрана производных произведений или производных объектов смежных прав возникает при условиях правомерности использования перерабатываемого объекта, наличия творческого вклада, внесенного в процессе переработки. Авторы и исполнители производных произведений или исполнений не вправе препятствовать использованию другими лицами тех же исходных произведений (исполнений) для создания иных производных произведений (исполнений). Производные объекты авторских и смежных прав охраняются независимо от того, являются ли охраняемыми исходные произведения и исполнения.

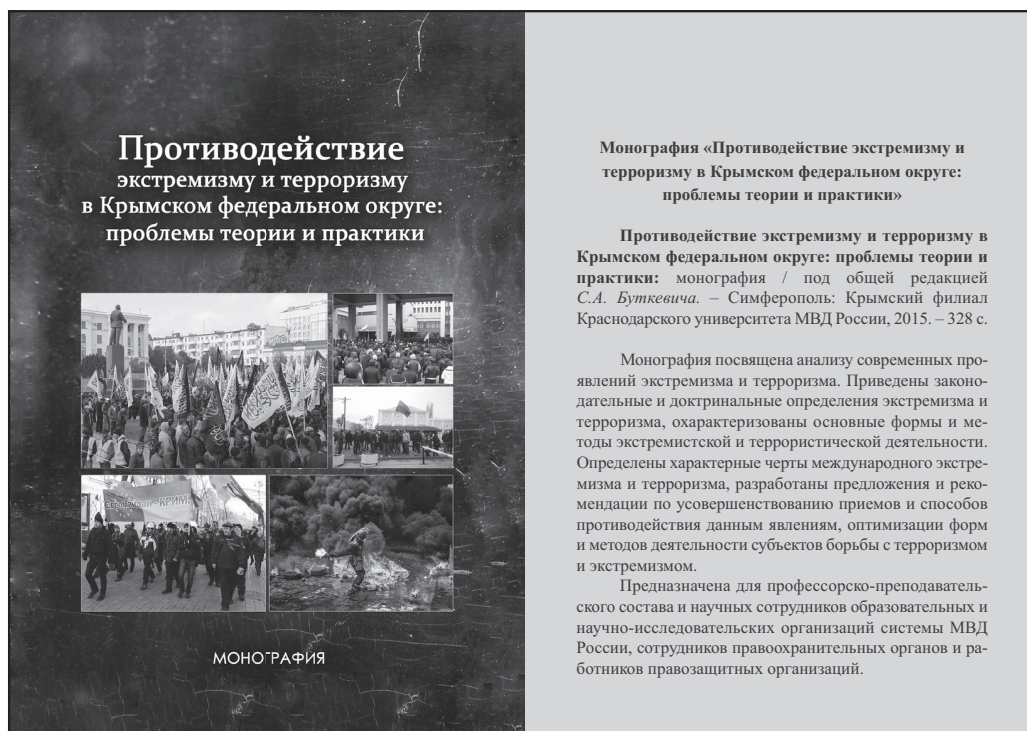
Посредством анализа правовых норм защиты объектов авторских и смежных прав, в том числе совместных, служебных, составных, производных произведений и исполнений в Российской Федерации, были выявлены особенности и определены условия их охраны. Эти условия и особенности правовой защиты описанных типов объектов авторского права почти полностью аналогичны особенностям и условиям такой защиты соответствующих типов объектов смежного права. Таким образом, между защитой авторских прав и прав, смежных с авторскими, на территории Российской Федерации существует некая параллель, устанавливающая некоторую аналогию между ними относительно условий и особенностей их охраны,

конечно, аналогия эта не является абсолютной, но она сильно приближена к абсолютному своему значению. Основные отличия между авторским правом и правом, смежным с авторским, заключаются в объектах и субъектах права.

Выявленные особенности и условия охраны авторских и смежных прав в Российской Федерации охватывают, поясняют и разрешают почти все возможные нюансы, спорные моменты, касающиеся обеспечения правовой защиты рассматриваемых объектов интеллектуальной собственности, обеспечивают высокий уровень их защиты.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/> (дата обращения: 23.12.2014).
2. Азизян В. Г., Журавленко Н. И. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности: учебное пособие / В. Г. Азизян, Н. И. Журавленко // Общие положения четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.
3. Судариков С. А. Основы авторского права // Авторское право на составные произведения. Минск: Амалфея, 2000.
4. Авторское право [Электронный ресурс] // Кодекс. Режим доступа: <http://www.kodeks.ru/1109.html> (дата обращения: 23.12.2014).
5. Смежные права [Электронный ресурс] // Википедия: Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Смежные_права (дата обращения: 23.12.2014).

Монография «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики»

Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общей редакцией С.А. Буткевича. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. – 328 с.

Монография посвящена анализу современных проявлений экстремизма и терроризма. Приведены законодательные и доктринальные определения экстремизма и терроризма, охарактеризованы основные формы и методы экстремистской и террористической деятельности. Определены характерные черты международного экстремизма и терроризма, разработаны предложения и рекомендации по усовершенствованию приемов и способов противодействия данным явлениям, оптимизации форм и методов деятельности субъектов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России, сотрудников правоохранительных органов и работников правозащитных организаций.

Ромашин Э. С.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ АВТОРОВ И ИНЫХ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ ПРИ СОЗДАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье анализируются проблемы, связанные с поиском баланса интересов авторов и иных правообладателей, участвующих в создании аудиовизуального произведения. Автором предлагаются и обосновываются изменения существующего законодательного регулирования вопросов перехода исключительного права.

Ключевые слова: авторское право, автор, аудиовизуальные произведения, законодательство об авторском праве

Romashin E. S.

THE BALANCE OF THE INTERESTS OF AUTHORS AND OTHER COPYRIGHT HOLDERS DURING THE CREATION AND USE OF AN AUDIOVISUAL WORK

The article analyzes the problems associated with the search for balance between the interests of authors and other copyright holders involved in the creation of an audiovisual work. The author proposed and justified change to the existing legal regulation of transfer of the exclusive rights.

Keywords: copyright, author, audiovisual work, copyright law.

Ромашин Э. С.

Профессор И. А. Близнец выделяет три основные цели, достижению которых должно способствовать современное право интеллектуальной собственности: «Сохранение культурного наследия, содействие максимально широкому распространению культурных ценностей в обществе и создание условий, способствующих появлению новых результатов творческой деятельности»¹. Указанные цели требуют достижения разумного компромисса между интересами всех участников складывающихся правоотношений, прежде всего между интересами правообладателей и пользователей.

Вместе с тем достижение отвечающего современным требованиям компромисса необходимо также при решении вопросов правового регулирования отношений между различными категориями правообладателей, в числе которых могут быть выделены, с одной стороны, авторы как субъекты творческой деятельности и их наследники, и с другой стороны, правообладатели, не являющиеся авторами результатов интеллектуальной деятельности, правами на которые они распоряжаются.

Неразрывная связь, существующая между произведением и личностью автора, в результате творческой деятельности которого возникает произведение, отмечалась уже в первых законодательных актах, посвященных вопросам авторского права. Так, в преамбуле к закону штата Массачусетс от 17 марта 1789 г. говорилось о том, что «нет иной собственности, принадлежащей человеку в большей мере, чем та, что является результатом его умственного труда»². Авторское право было охарактеризовано как «наиболее священная, самая личная собственность из всех видов собственности»³ в докладе депутата Ле Шапелье, с которым он выступал при принятии в 1791 г. декретов об охране авторских прав Учредительным собранием Франции.

Однако распространение в современном мире сложных, комплексных результатов интеллектуальной деятельности, для создания которых требуется, как правило, привлечение значительного числа авторов, вынуждает законодателей искать компромиссные варианты правового регулирования, учитывающие интересы участников таких творческих коллективов и лиц, организующих их работу.

В соответствии с п. 1 ст. 1270 ГК РФ признается, что автору произведения принадлежит исключительное право использовать произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом, однако исключительное право может переходить к правопреемникам автора по договору или на основании установленных законодательством презумпций при наличии трудовых правоотношений (ст. 1295 ГК РФ), участии в создании сложных объектов (ст. 1240 ГК РФ), создании результатов творческой деятельности по заказу (ст. 1296 ГК РФ) и по иным основаниям. Однако не все из предусматриваемых законодательством презумпций и ограничений представляются в полной мере оправданными.

Аудиовизуальное произведение представляет собой сложный объект, включающий в себя множество результатов интеллектуальной деятельности, совместно используемых в составе аудиовизуального произведения в качестве единого комплекса. В то же время отдельные результаты интеллектуальной деятельности, входящие в аудиовизуальное произведение, как правило, могут использоваться самостоятельно, например, на основании сценария может быть выпущена книга или серия комиксов, музыка может использоваться отдельно от аудиовизуального произведения любыми известными способами и т.д.

Как свидетельствует зарубежный опыт, приобретение исключительного права в полном объеме в отношении любых возможных способов использования включаемых в фильм произведений, как правило, практикуется только в исключительных случаях. Исключения составляли в основном наиболее крупные киностудии США, способные обеспечить широкое продвижение производных произведений и персонажей, лицензирование выпуска сопутствующих товаров.

Исключение ситуации, в которой отдельные авторы могли бы заблокировать использование аудиовизуального произведе-

1 См.: Близнец И. А., Леонтьев К. Б. Право интеллектуальной собственности: цели и средства // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. М., 2003. № 2. С. 3.

2 Цит. по: Липщик Д. Авторское право и смежные права / Пер. с фр.; предисловие М. Федотова. М.: Ладомир; Издательство ЮНЕСКО, 2002. С. 20.

3 Там же.

ния, может быть достигнуто за счет минимального ограничения прав авторов, состоящего в исключении возможности для автора или иного правообладателя, предоставившего согласие на использование результата творческой деятельности для создания аудиовизуального произведения, запрещать в дальнейшем его использование в составе аудиовизуального произведения.

Данный подход в наибольшей степени будет соответствовать положениям Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, подпунктом (b) п. 2 ст. 14bis которой предусматривается, что авторы кинематографического произведения, обязавшиеся внести вклад в его создание, не вправе возражать против основных видов его использования. Данная презумпция является опровержимой, то есть подлежит применению только при отсутствии соглашений с авторами об ином, и предусматривается только в отношении авторов, признаваемых авторами аудиовизуального произведения.

Последнее обстоятельство, как представляется, во многом обусловлено спецификой создания аудиовизуальных произведений в прошлом, когда к работе над ними привлекался ограниченный круг авторов, многие из которых являлись работниками киностудий.

В настоящее время аудиовизуальные произведения могут создаваться с использованием значительно большего числа результатов творческой деятельности и распределением работы между различными привлекаемыми компаниями, специализирующимися на отдельных составляющих творческого процесса, в том числе дизайн-студиями, разработчиками компьютерных спецэффектов и др., в связи с чем резко возрастает риск ошибок при оформлении договорных отношений. Для исключения упомянутых выше ситуаций, в которых один или несколько авторов могут препятствовать использованию аудиовизуального произведения, в работе над которым они согласились участвовать или для создания которого они разрешили в той или иной форме использовать созданное ими произведение, необходимо распространить принцип недопустимости запрета использования аудиовизуального произведения со стороны авторов, произведения которых использовались с их согласия, независимо от оформления такого согласия и полноты определения условий использования.

При этом представляется важным отказаться от приравнивания положений о недопустимости запрета использования результата творческой деятельности к случаю предоставления простой (неисключительной) лицензии на использование такого результата. Само по себе отсутствие запрета препятствует только изъятию из доступного для членов общества культурного пространства аудиовизуального произведения, являющегося комплексным результатом объединения творческих усилий значительного числа авторов. Вопрос об условиях лицензии на использование соответствующего произведения, в том числе о размере выплачиваемого вознаграждения, должен решаться сторонами самостоятельно, а при недостижении согласия может рассматриваться судом по аналогии с положениями ст. 1295 ГК РФ об определении размера вознаграждения автору служебного произведения. Автор, предоставивший в той или иной форме согласие на использование его результата творческой деятельности в составе аудиовизуального произведения, не должен необоснованным образом лишаться права на получение вознаграждения за такое использование.

В случае закрепления предлагаемого подхода права авторов, участвующих в создании аудиовизуального произведения или предоставляющих свои ранее созданные произведения для использования при создании нового аудиовизуального произведения, будут ограничены правом на предъявление требования о выплате согласованного или определяемого су-

дом вознаграждения без права предъявления требования о запрете использования аудиовизуального произведения.

Предложенный подход не исключает возможности применения презумпций перехода исключительного права от автора к другому лицу (работодателю, заказчику), предусмотренных ст. 1295 ГК РФ в отношении служебных произведений и ст. 1296 ГК РФ в отношении произведений, созданных по заказу. Обе указанные презумпции являются оспоримыми и вытекают непосредственно из особенностей отношений, возникающих между автором и работодателем или, соответственно, между автором и заказчиком.

Важным представляется также обеспечить разграничение права на использование результатов интеллектуальной деятельности в составе аудиовизуального произведения и права на использование результатов интеллектуальной деятельности, вошедших в состав аудиовизуального произведения, отдельно от использования такого аудиовизуального произведения в целом. Оптимальный подход, как представляется, мог бы основываться на следующих базовых положениях диспозитивного характера, применяемых при отсутствии соглашения сторон об ином:

1) авторы и иные правообладатели произведений, вошедших в состав аудиовизуального произведения, созданных как при его создании, так независимо от создания аудиовизуального произведения, сохраняют исключительное право каждый на созданное им произведение и могут использовать такое произведение и разрешать его использование другим лицам отдельно от аудиовизуального произведения по собственному усмотрению, если договором с изготовителем аудиовизуального произведения (продюсером) не предусмотрено иное;

2) авторы и правообладатели произведений, вошедших в аудиовизуальное произведение с их согласия, в том числе как произведений, созданных для включения в аудиовизуальное произведение, так и любых иных включенных в него произведений, не вправе запрещать использование их произведений в составе аудиовизуального произведения (при использовании аудиовизуального произведения), если иное не установлено договором с изготовителем аудиовизуального произведения (продюсером).

Подтверждением необходимости применения предлагаемого подхода может служить то, что права на аудиовизуальное произведение и права на использованные в них произведения, даже возникающие одновременно и принадлежащие одному лицу – изготовителю аудиовизуального произведения, в соответствии с широко распространенной практикой⁴ рассматриваются отдельно друг от друга, что хорошо иллюстрируется примерами, связанными со сроками охраны произведений. Так, несмотря на общий законодательно установленный срок охраны аудиовизуального произведения, в отношении вошедших в него литературных, музыкальных и иных произведений будут применяться сроки охраны, установленные для таких произведений.

Пристатейный библиографический список

1. Блинец И. А., Леонтьев К. Б. Право интеллектуальной собственности: цели и средства // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. М., 2003. № 2.
2. Липчик Д. Авторское право и смежные права / Пер. с фр.; предисловие М. Федотова. М.: Ладомир; Издательство ЮНЕСКО, 2002.

⁴ См.: Липчик Д. Авторское право и смежные права / Пер. с фр.; предисловие М. Федотова. М.: Ладомир; Издательство ЮНЕСКО, 2002. С. 221.

Абукарова М. У. ИСТОЧНИКИ И ПРИНЦИПЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

В данной статье определены понятия источников и принципов экологического права, и требования к ним, приведена классификация источников по различным основаниям, а также рассмотрены наиболее важные российские источники экологического права.

Указанные вопросы проанализированы на основе действующего законодательства Российской Федерации, специальной литературы по данной проблеме, а также опубликованной практики.

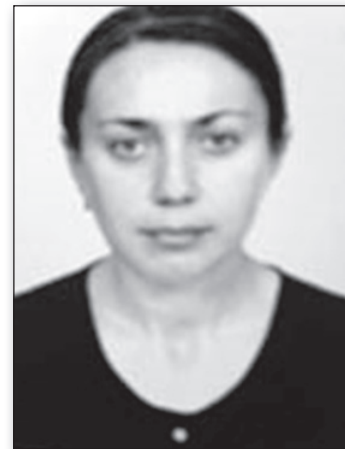
Ключевые слова: Конституция РФ, отрасль права, источники и принципы экологического права, Закона «Об охране окружающей природной среды».

Abukarova M. U. SOURCES AND PRINCIPLES OF ENVIRONMENTAL LAW

This article defines the concepts of sources and principles of environmental law, and requirements to them, a classification of the sources for various reasons, and the most important sources of Russian ecological law are considered.

These issues are analyzed on the basis of current legislation of the Russian Federation, the special literature on this problem, and published practices.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, branch of law, sources and principles of environmental law, the Law "On protection of the natural environment".

Абукарова М. У.

Важной предпосылкой формирования и становления экологического права в качестве самостоятельной отрасли российского права с точки зрения общей теории права является наличие обширного и кодифицированного экологического законодательства, системы его источников. Она включает многочисленные нормативные акты, которые регулируют использование и охрану окружающей природной среды.

Для того чтобы объяснить понятие экологического права вообще и экологического в частности, следует показать возможность их разнообразия и видов в различных странах и в России для того, чтобы более осмысленно осуществлять эколого-правовые нормы, полноценнее пользоваться своими правами, осознавать свое место в реализации правовых установлений.

В правовом государстве не может рассматриваться в качестве источника права, в частности экологического, ненормативный акт. Кроме того, поскольку он содержит эколого-правовые предписания, противоречащие закону, он является по своей сути неправовым. По решению суда такой акт не может применяться.

Источники права окружающей среды имеют ряд особенностей. Так, с учетом того, что земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах и об охране окружающей среды отнесено Конституцией РФ к предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов, эколого-правовые нормы устанавливаются на обоих уровнях. Еще одна наиболее существенная особенность предопределена характером самой отрасли как комплексной в системе российского права. Правовые нормы данной отрасли имеют «прописку» в разных отраслях права. Наряду со специальным законодательством об окружающей среде, природоресурсным законодательством, они содержатся в актах гражданского, конституционного, предпринимательского, уголовного и иного законодательства.

Необходимо научиться находить эколого-правовые нормы в нормативно-правовых актах. Речь идет о так называемых экологизированных нормативных актах. Противоречия между

эколого-правовой нормой и ее носителем – нормативно-правовым актом обусловлены и потребностями юридической техники, в соответствии с которыми конструируются нормативно-правовые акты. Так, гипотеза подавляющего числа норм Особенной части всех природно-ресурсных нормативных актов, указывающая на то, кто может быть природопользователем, отделена от диспозиций и закреплена в Общей части, чем обеспечена текстовая экономия всего нормативного акта, так как одна статья «обслуживает» десятки статей Особенной части.

Кроме того, эколого-правовая норма может быть выражена и «молчанием» нормативно-правового акта. Например, в ст. 46 Водного кодекса РФ в числе оснований прекращения права водопользования не была названа реорганизация предприятия водопользователя, и поскольку перечень оснований прекращения водопользования определен в данной статье исчерпывающе, расширительному толкованию не подлежит, то в ст. 46 ВК РФ молчанием было выражено правило: «Реорганизация предприятия не является основанием расторжения права водопользования».

В целом можно выделить три основные группы признаков, по которым правовые нормы не совпадают с их носителями – источниками экологического права: 1) по форме выражения; 2) по структуре отраслей; 3) по структуре первичных элементов, составляющих норму права и нормативный акт.

Как известно, для того, чтобы та или иная совокупность правовых норм была признана самостоятельной отраслью права, она должна отвечать определенным требованиям. В качестве таковых выступают наличие предмета права, то есть комплекса однородных общественных отношений, регулируемых данной совокупностью норм; метода правового регулирования; развитой нормативно-правовой базы.

Принципы права представляют собой руководящие положения, в соответствии с которыми строится вся отрасль права, основные начала выражающие его сущность и социальное назначение. Принципы экологического права отражают объективные закономерности и потребности общества, каждого

человека в экологически благоприятной окружающей природной среде. Основные принципы экологического права закреплены в ст. 3 Закона «Об охране окружающей природной среды».

Отраслевые принципы экологического права обусловлены особым характером регулируемых экологических общественных отношений, которые, в свою очередь, определены особой спецификой регулируемого объекта – экологической системой страны, состоящей из совокупности природных объектов.

Принципы можно подразделить на две части: относящиеся к общей части экологического права, относящиеся к особенной части.

Принципы, относящиеся к общей части экологического права

Принцип собственности как неотъемлемого достояния. Земля, её недра, воды, растительный и животный мир в их естественном состоянии являются неотъемлемым достоянием народов проживающих на данной территории и предоставляются для использования гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям.

В соответствии с земельным законодательством РФ наряду с государственной собственностью на землю, введены колхозно-кооперативная, частная или коллективно-долевая формы собственности граждан (ст. 9 Конституции РФ – частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности). Этот принцип изъял природные объекты из товарно-денежных отношений, а поэтому сделки с указанными объектами признаются антисоциальными со взысканием полученного по сделкам в доход государства при наличии умысла у сторон.

Вводит применительно к одному из важнейших природных объектов – земле новые титулы: право индивидуальной и коллективно-долевой собственности граждан на землю, пожизненное наследуемое владение землёй, землевладение, землепользование и аренда земли.

Принцип общегосударственного управления экологопользованием, устраняющий возобладание ведомственных интересов над общегосударственными.

Принцип строго целевого использования природных объектов, выражающийся в том, что цели экологопользования точно predeterminedены государством – собственником природных объектов в зависимости от природных особенностей и общественной значимости объекта.

Принцип рационального и эффективного использования природных объектов отражает возведённую в закон экономическую сторону экологопользования, выражающуюся в том, чтобы с минимальными затратами получать наибольший эффект от хозяйственной эксплуатации природных объектов, не нанося при этом экономического и экологического вреда ему.

Принцип приоритета охранительных мероприятий в использовании природных объектов обусловлен тем, что все природные объекты подвергнуты возможным отрицательным последствиям от их хозяйственной эксплуатации.

Принцип комплексного подхода в экологопользовании, выражается в том, что при использовании данного природного объекта необходимо учитывать все его экосвязи с другими природными объектами и с окружающей природной средой в целом.

Принцип устойчивости экологопользования обусловлен потребностью того, что каждый экологопользователь должен быть уверен в стабильности своего положения и мог бы производить все необходимые работы при эксплуатации им природного объекта.

Принцип платности экологопользования вытекает из того, что в России землевладение и землепользование являются платными. Плата взимается в форме земельного налога или арендной платы, определяемых в зависимости от качества и местонахождения земельного участка.

Принцип плавности экологопользования, вытекающий из того, что экологопользование представляет собой одну из разновидностей исторически обусловленных производственных отношений, осуществляемых в сфере народного хозяйства республик, которое всё ещё функционирует на основе соответствующих планов.

Принципы, относящиеся к особенной части экологического права

Приоритет земель сельскохозяйственного назначения, это земли пригодные по своим природным качествам для использования в сельском хозяйстве, должны в первую очередь отводиться для этих нужд, а для несельскохозяйственных целей – отводиться непригодные для этих целей земли.

Приоритет вод питьевого и бытового назначения – это водные объекты предоставляются в пользование прежде всего для питьевых и бытовых нужд населения.

Приоритет использования недр для разработки полезных ископаемых.

Приоритет условий существования животных в состоянии естественной свободы. Так не допускается пользование животным миром в научных, культурных, просветительских целях, если это сопряжено с изъятием животных из природной среды или наносит вред среде обитания; не допускается использование животного мира с изъятием среды их обитания и с нарушением этой среды и т.п.

Приоритет лесов защитного значения, в силу того, что леса, имеющие водо-охранное, защитное, климаторегулирующее значение, относятся к лесам первой группы и находятся под повышенной охраной закона.

Перечисленные принципы, представляют собой «микросхему» экологического права, не являются чем-то раз и навсегда установленным. Могут быть изменены с изменением исторических, политических, экономических и др. условий.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.
2. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в ред. от 29 декабря 2004 г.
3. Абукарова М. У., Азизова П. М. Утилизации твёрдых бытовых отходов: эколого-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5. С. 294-295.
4. Абукарова М. У., Мусаева А. Г. Экологическая политика Индии и Китая в фокусе научных воззрений // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6. С. 221.
5. Абукарова М. У. Генно-инженерная деятельность сквозь призму эколого-правового аспекта // Евразийский Юридический Журнал. 2015. № 6. С. 222.
6. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной российской правовой системы // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6. С. 148.
7. Гайсина Л.М. Архитектура социальных приоритетов в российских компаниях нефтегазового комплекса // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». - 2011. - № 6.- С. 54-60.
8. Кузнецова Н. В. Экологическое право: Учебное пособие. – М.: Юриспруденция, 2000.
9. Теория государства и права. / Под ред. В. К. Бабаева. М., 1999.

Клюканова Л. Г. О СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

В статье исследуется проблематика социальной ценности российского экологического права и выявляется его гуманистическая направленность. Обосновывается необходимость не только правового, но и философско-мировоззренческого осмысления ценности экологического права как социального регулятора общественных отношений в сфере природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности для личности и общества.

Ключевые слова: экологическое право, экологическая безопасность, экологический правопорядок, устойчивое развитие, социальные нормы, ценности права.

Klyukanova L. G. ON THE SOCIAL VALUE OF MODERN RUSSIAN ENVIRONMENTAL LAW

The article investigates the problems of the social value of Russian environmental law and identifies its humanistic orientation. It justifies the necessity of both the legal and philosophical and ideological understanding of the value of environmental law as a social regulator of social relations in the sphere of environmental management, environmental protection and environmental safety for the personality and society.

Keywords: environmental law, environmental safety, environmental legal order, sustainable development, social norms, the values of the law.

Клюканова Л. Г.

Российское экологическое право представляет собой сложное социальное явление, возникновение которого обусловлено сформировавшейся в социуме потребностью ввести формальную определенность, нормативные начала и упорядоченность в общественные отношения в сфере использования и охраны окружающей среды и природных объектов, а также обеспечения экологической безопасности личности и общества в целом.

Современное экологическое право является универсальной, комплексной, динамично развивающейся «суперотраслью»¹ российской правовой системы, регулирующей огромный объем общественных отношений. Это особый вид социальных норм, призванных к действенному ответу на вызовы современности, связанные с экологическими нестабильностью, рисками и угрозами эпохи глобализационных изменений в окружающей человека среде.

Ценность экологического права носит не только собственно правовой, но и политический, и культурный, и социальный характер, поскольку экологическое правосознание, формирующееся под влиянием экологического права (сначала профессиональное, а затем и обыденное), несомненно, способствует выработке экологически ориентированного мировоззрения и формированию эколого-правовой культуры в обществе.

Право само по себе обладает высочайшей институционально-нормативной ценностью в системе социальных норм, и порождает иерархию правовых ценностей – особых ценностных феноменов во всем возможном объеме их содержательных характеристик² – абсолютных (справедливости, свободы, равенства, соблюдения прав и свобод человека и проч.³) и специ-

альных. Поэтому проблема ценности права вызывает серьезный научный интерес для теории права, для юридической аксиологии, а также и для исследований отраслевой направленности. При этом отмечается практическая невозможность выявить базовую ценность – единую и универсальную для всего современного права, в связи с качественной разнородностью его отраслей, и, таким образом, для каждой из них существует необходимость учитывать культурные, исторические и ситуационные условия, поскольку решение проблематики о ценностях в контексте соответствующей отрасли имеет сугубо специфическое решение, отличное от общетеоретического⁴.

Экологическое право как средство социального регулирования, как самостоятельная отрасль, ценно постольку, поскольку именно оно обеспечивает реализацию и защиту наиболее значимых для личности и общества ценностей – экологическую безопасность, благоприятную окружающую среду, соблюдение экологических прав граждан, экологический правопорядок, справедливый доступ к природным ресурсам – конституционно гарантированной основе жизни и благополучия ныне живущих и будущих поколений людей, устойчивое управление природными ресурсами.

Социальная ценность экологического права отмечалась отечественными исследователями не единожды⁵. В первую очередь, она заключается в том, что экологическое право способствует развитию тех общественных отношений, в которых заинтересованы как отдельные индивиды, так и государство, и общество в целом – это те общественные отношения, которые складываются, в первую очередь, в сфере обеспечения: экологической безопасности, экологического правопорядка и благоприятной окружающей среды. Собственно, и сама благоприятная окружающая среда воспринимается всеми

1 Колбасов О. С. Завещание экологам // Экологическое право. 2001. № 3. С. 11.

2 Правовые ценности могут быть определены как «обобщенные правовые цели и правовые средства их достижения, выполняющие роль правовых норм» / Михайлов С. В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект: Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.01., Ростов-на-Дону, 2011. С. 8–9.

3 Бабенко А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью. Автореф. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2002. С. 25.; Михайлов С. В. Иерархия правовых ценностей // Современные гуманитарные исследования. М.: Изд-во «Компания Спутник+». 2010. № 4. С. 139–145.

4 Лановая Г. М. Базовые ценности современного права // История государства и права. 2014. № 20. С. 24–25.

5 См., например: Бринчук М. М. Экологическое право в правовой системе // Астраханский вестник экологического образования. 2013. № 1 (23). С. 12.; Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды. М.: ИНФРА-М, 2014. СПС Гарант; Васильева М. И. О соотношении интереса и субъективного права в экологических правоотношениях // Экологическое право. 2012 № 4. С. 26–32.

индивидами, социальными группами и государством как несомненная ценность, как общее благо. Это ценность, разделяемая на всех уровнях социального и культурного развития, на всех этапах цивилизационного развития человечества (ретроспективно и перспективно) – во всех странах и на глобальном общепланетарном уровне.

Несомненная социальная ценность экологического права заключается в том, что оно служит средством упорядочения общественных отношений, складывающихся в соответствующей сфере – охраны и использования окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Экологическое право можно рассматривать и в качестве прогрессивного фактора развития таких отношений – и в этом также содержится его социальная ценность.

Очевидная социальная ценность экологического права связана с формированием и реализацией механизмов обеспечения экологического правопорядка⁶, предупреждения и пресечения экологически вредной и опасной деятельности, а также и привлечения к юридической ответственности в необходимых случаях.

Бесспорная социальная ценность выражается в том, что экологическое право призвано решать не только локальные, региональные, но и глобальные экологические задачи и проблемы.

Явственная социальная ценность экологического права заключается и в том, что оно выступает средством удовлетворения общественных потребностей и интересов личности, государства и общества в целом в природных благах, включая жизнеобеспечивающий, экономический и культурный аспекты.

Неоспорима социальная ценность экологического права как механизма, формирующего мотивации и побуждающая граждан, юридических лиц и публичных образований к законопослушному экологически ориентированному поведению во имя обеспечения экологического правопорядка.

Кроме того, следует признать несомненную социальную ценность экологического права и в формировании позитивной социальной ответственности современного общества, государства и личности за сохранение природной среды и природных богатств для будущих поколений людей (как пока не существующего, но перспективно реального и значимого объекта экологических правоотношений⁷).

Такие социальные ценности интегрируются правом, и становятся базисом для формирования и развития эколого-правовых ценностей – уже не только положительных значимостей, но и общественно полезных, нормативно закрепленных и

6 Экологический правопорядок (или «правопорядок в области охраны окружающей среды» – в преамбуле Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета от 12 января 2002 г.) в основном рассматривается как система экологических правоотношений по реализации требований экологического законодательства (Боголюбов С. А. Экономико-правовые проблемы охраны окружающей среды // Законодательство и экономика 2009. № 7. С. 79–81.), В ряде случаев экологический правопорядок трактуется как фактическая реальность взаимоотношений природы и общества, как фактическое и правовое условие жизни и деятельности нынешнего и будущих поколений людей. См.: Духно Н. А. Теоретические проблемы обеспечения экологического правопорядка: Дисс. ... д-ра юрид. наук. 12.00.06. М., 2000. С. 10–30; или же как «состояние системы межсубъектных отношений субъектно-объектных связей в сфере взаимодействия общества и природы, осуществляемых в заданных правом параметрах, призванных обеспечить способность окружающей природной среды выступать материальной основой существования социосферы» / Ращупкина Л. В. Экологический правопорядок: Общетеоретический анализ: дисс. ... кандидата юрид. наук: 12.00.01 Владимир, 2006. С. 5.

7 См. об этом: Никишин В. В. Доступ к природным ресурсам: концепции правового регулирования. // Петербургский юрист. 2014. № 3. С. 56–63.

обеспечиваемых государством, отражающих баланс общезначимых интересов⁸.

В настоящее время целый ряд исследователей справедливо отмечают не только социальную, но даже и гуманистическую направленность развития экологического права⁹. Более того, такая категория, как «гуманность», рассматривается в качестве фундаментальной основы современного российского экологического права¹⁰, безусловно сориентированного на сохранение и восстановление природных богатств во благо ныне живущих и будущих поколений людей, в том числе и как среды существования личности и общества.

Стабильность, экономическая, социальная и политическая целесообразность и устойчивость общественных отношений в сфере природопользования и охраны окружающей среды могут быть гарантированы только эффективно действующими нормами экологического права и их грамотным правоприменением.

Наконец, следует признать, что несомненная ценность экологического права заключается в том, что оно является важным социальным ресурсом высокоэтического мировоззренческого и научного развития личности, общества и государства.

Отечественная гуманитарная наука стремится рассмотреть окружающую человека природную среду, в том числе и как среду, подверженную, помимо прочего, внебиологической ценностно ориентированной человеческой деятельности – так, еще в XX в. были разработаны: концепция ноосферного развития¹¹, концепция универсального эволюционизма¹², концепция экологии культуры¹³; в настоящее время развиваются такие научные направления, как: философия экологии¹⁴, экологическая этика¹⁵ и проч.

Наиболее востребованной для всего мирового сообщества, вырабатывающего подход к единообразному решению экологических проблем (во всем их многообразии – практическом и теоретическом – и масштабности) в рамках глобализационного процесса стала концепция устойчивого развития¹⁶. При том, что разработано множество подходов к пониманию

8 Осипова М. В. Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации: Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2011. С. 20.

9 Бринчук М. М. Экологическое право в правовой системе // Астраханский вестник экологического образования. 2013. № 1 (23). С. 12.; Гирусов Э. В. Гуманизм экологического права // Экологическое право России. Сборник материалов научно-практических конференций. 1995–2004. Юбилейный выпуск. Т. III. М., 2004. С. 311–312; Гирусов Э. В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // Философия и общество. 2009. № 4. С. 74–92.

10 Бринчук М. М. Особое место и особая роль экологического права в российской правовой системе // Экологическое право, 2010. № 5. С. 2–11.

11 Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. № 18. Вып. 2. С. 113–120; Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012.

12 Моисеев Н. Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 52–66.; Моисеев Н. Н. Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI века // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 131–139.

13 Лихачев Д. С. Экология культуры // Памятники Отечества. М., 1980. № 2. С. 10–16.

14 См.: Кобылянский В. А. Философия экологии: краткий курс. Учебное пособие для вузов. М.: Академпроект, 2010.

15 См.: Экологическая этика: учебное пособие / А. А. Сычев, Е. А. Коваль, А. Ю. Гусева. СПб.: «Эйдос», 2014.

16 См.: Декларация ООН по окружающей среде и развитию 14.06.1992 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. М., Бек. 1996. С. 132–135.; см. также: Колбасов О. С. Конференция ООН по окружающей среде и развитию // Государство и право 1992. № 11. С. 85–91.; Бринчук М. М. Концепция устойчивого развития: потребности совершенствования в интересах цивилизационного развития // Экологическое право. 2015. № 2. С. 10–16.

устойчивого развития, и их количество неизменно увеличивается, концепция устойчивого развития в наиболее обобщенном виде представляет собой концепцию гармоничного экономического, политического, культурного и социального развития личности и общества в условиях благоприятной окружающей среды, реализуемую мировым сообществом, предполагающую возможность выработки общей ценностно ориентированной и юридически апробированной модели решения глобальных вызовов современности.

Концепция устойчивого развития имеет, прежде всего, общесоциальное значение и охватывает буквально все сферы человеческой жизни, она сориентирована на ноосферное развитие и является формой регулирования социальной ответственности современного общества и личности во имя сохранения природных благ, создания условий не только для ныне живущих, но и для будущих поколений людей в процессе взаимодействия с природой.

В XXI в. глобализационные процессы являются доминирующими цивилизационными процессами современности, характеризующимися не только беспрецедентными по своему объему масштабами, но и ценностно-культурной целенаправленностью. Содержание термина «глобализация», вероятно, можно рассматривать как всемирный исторический процесс, направленный на выработку универсального (в том числе и экологически ориентированного) ответственного человеческого сознания, предполагающий прохождение этапов в первую очередь экономической, а также политической, социальной и культурной интеграции и унификации¹⁷ в единую социокультурную целостную систему с общими правилами и нормами экономического, политического и культурного поведения, что распространяется и на окружающую среду и на ее высокий стандарт качества – благоприятную окружающую среду и глобальную экологическую безопасность для общества и личности.

Таким образом, объективация проблематики социальной ценности экологического права в решении глобальных цивилизационных задач XXI в. носит многоаспектный характер и требует не только правового, но и философско-мировоззренческого аксиологического осмысления. Ценность самого экологического права как комплексной универсальной отрасли определяется воплощенными в его нормах правовыми, социальными, политическими и культурными ценностями, что еще раз подчеркивает его высокое гуманистическое значение в динамично развивающейся современной российской правовой системе.

Пристатейный библиографический список

1. Бабенко А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью. Автореф. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 2002.
2. Боголюбов С. А. Экономико-правовые проблемы охраны окружающей среды // Законодательство и экономика 2009. № 7.
3. Бринчук М. М. Концепция устойчивого развития: потребности совершенствования в интересах цивилизационного развития // Экологическое право. 2015. № 2.
4. Бринчук М. М. Особое место и особая роль экологического права в российской правовой системе // Экологическое право, 2010. № 5.

5. Бринчук М. М. Экологическое право в правовой системе // Астраханский вестник экологического образования. 2013. № 1 (23).
6. Васильева М. И. О соотношении интереса и субъективного права в экологических правоотношениях. // Экологическое право. 2012 № 4.
7. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012.
8. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944 г. № 18., Вып. 2.
9. Гирусов Э. В. Гуманизм экологического права // Экологическое право России. Сборник материалов научно-практических конференций. 1995-2004. Юбилейный выпуск. Т. III. М., 2004.
10. Гирусов Э. В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // Философия и общество. 2009. № 4.
11. Духно Н. А. Теоретические проблемы обеспечения экологического правопорядка. Дисс. ... д-ра юрид. наук. 12.00.06. М., 2000.
12. Кобылянский В. А. Философия экологии: краткий курс. Учеб. пособие для вузов. М.: Академпроект, 2010.
13. Колбасов О. С. Завещание экологам // Экологическое право. 2001. № 3.
14. Колбасов О. С. Конференция ООН по окружающей среде и развитию. // Государство и право. 1992. № 11.
15. Лановая Г. М. Базовые ценности современного права // История государства и права. 2014. № 20.
16. Лановая Г. М. Глобализация как тенденция развития современного права: миф или реальность? // История государства и права. 2012. № 11.
17. Лихачев Д. С. Экология культуры // Памятники Отечества. М., 1980. № 2.
18. Михайлов С. В. Иерархия правовых ценностей // Современные гуманитарные исследования. М.: Изд-во «Компания Спутник+». 2010. № 4.
19. Михайлов С. В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект. Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов-на-Дону, 2011.
20. Моисеев Н. Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность. // Вопросы философии. 1989. № 8.
21. Моисеев Н. Н. Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI века // Общественные науки и современность. 1994. № 6.
22. Никишин В. В. Доступ к природным ресурсам: концепции правового регулирования. // Петербургский юрист. 2014. № 3.
23. Осипова М. В. Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации. Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2011.
24. Ращупкина Л. В. Экологический правопорядок: общетеоретический анализ. Автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 Владимир, 2006.
25. Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды. М., ИНФРА-М, 2014 // СПС Гарант.
26. Экологическая этика: учебное пособие. / А. А. Сычев, Е. А. Коваль, А. Ю. Гусева. СПб.: «Эйдос», 2014.

¹⁷ Возможные перспективы признания такого явления как «правовая глобализация» также обсуждаются научным сообществом, причем, скорее, в негативном оценочном контексте, – но единого мнения по данному вопросу в настоящее время не выработано. См., например: Лановая Г. М. Глобализация как тенденция развития современного права: миф или реальность? // История государства и права. 2012. № 11. С.15–18.

Сафина Р. Р., Мухаметьянова А. Р.
МОДЕЛИ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ НАД ДОЧЕРНИМИ И ЗАВИСИМЫМИ ОБЩЕСТВАМИ В СОСТАВЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРУКТУР И ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ИХ ВЫБОР

В статье рассмотрены различные модели корпоративного контроля, подходы к оценке параметров при выборе степени контроля над дочерними и зависимыми обществами, предложена корпоративная карта контроля над дочерними и зависимыми обществами.

Ключевые слова: корпоративный контроль, дочерние и зависимые общества, корпоративное управление, модели контроля.

Safina R. R., Mukhametyanova A. R.
MODELS OF CORPORATE CONTROL OVER AFFILIATED AND DEPENDENT SOCIETIES AS A PART OF INTEGRATION STRUCTURES AND THE FACTORS DEFINING THEIR CHOICE

In the article various models of corporate control, approaches to the assessment of parameters for choosing the extent of control over affiliated and dependent societies are considered, the corporate map of control by affiliated and dependent societies is proposed.

Keywords: corporate control, affiliated and dependent societies, corporate management, control models.

Закон масштаба производства, который в своей сущности предполагает положительный эффект роста производства при росте издержек, не превышающий темпа роста объема производства, объясняет возрастающую направленность бизнеса к созданию всевозможных предпринимательских объединений (интегрированные структуры).

Данные интегрированные структуры предполагают тесную взаимосвязь компаний, координацию деятельности и оперативное регулирование. Степень взаимосвязи зависит от самой интегрированной структуры.

Горизонтальное слияние предполагает консолидацию предприятий преимущественно одной отрасли, имеющих схожие характеристики и функции. Данная форма объединения направлена на расширение рынка сбыта.

В вертикальной интеграции объединяются предприятия, связанные технологическим процессом, включающие все этапы жизненного цикла продукта.

Наряду с крупными вертикально и горизонтально интегрированными структурами существует множество относительно небольших групп взаимосвязанных компаний. Оснований для создания дочерних и зависимых обществ (далее – ДЗО) множество: это и снижение рисков, в том числе финансовых и налоговых, и диверсификация производства, и обособление определенных видов деятельности, которые подпадают под лицензирование, и оптимизация структуры управления, реализация специальных функций и другие причины.

Если рассмотреть российскую действительность, то тренд на интеграцию различных хозяйственных структур сохраняется, но механизмы интеграции различны.

В современных условиях смены форм собственности в целях выживания российский бизнес нуждается в модернизации корпоративного управления. При динамичности развития малого и среднего бизнеса в России именно крупный бизнес в форме корпораций, холдингов, концернов определяет экономическую ситуацию в стране. В связи с чем вопрос выбора формы корпоративного контроля над дочерними и зависимыми обществами является крайне актуальным.

Конкуренция сегодня требует от собственников нового подхода к управлению бизнесом, разработки такой хозяйственной стратегии, которая позволит поддерживать свои конкурентные преимущества, а также минимизировать всевозможные риски деятельности.

Если говорить о проблемах управления бизнесом в форме интегрированных структур в России, то преобладающую роль в методах и стратегии управления бизнесом сыграл кризис 90-х годов. В этот период в России происходил процесс смены собственности, собственники стремились укрупнить свои активы, образовывались монопольные структуры.

В российской деловой практике механизм формирования интегрированных структур носит не целевой, а либо эволюционный, либо спонтанный характер. Примером сочетания спонтанного и эволюционного механизмов являются современные региональные холдинги. Анализ форм и видов интеграционных процессов показывает, что эти виды можно сгруппировать по мотивации собственников в несколько групп, к которым относятся:

- использование эффекта комплексного развития бизнеса, включающее присоединение или контроль деятельности логически и производственно связанных между собой бизнес-единиц;
- использование эффекта специализации, для чего непрофильные активы выделяются в отдельные бизнес-единицы, ориентированные на внутренних и внешних потребителей;
- реализация налоговых льгот, региональных преференций, возможностей роста деловой репутации за социально ответственное рыночное поведение; наличие на рынке доступного актива, способного интегрироваться в холдинг на условиях собственника;

Сафина Р. Р.

Мухаметьянова А. Р.

Таблица 1 – Модели корпоративного контроля и их описание

Финансовый холдинг	Стратегический архитектор	Стратегический контролер	Оператор
– приобретение недооцененных компаний и их реструктуризация; – вмешательство в деятельность подразделений в виде исключения, только для того, чтобы добиться поставленной цели; – продажа приобретенных ранее компаний при достижении оптимального соотношения цена/время	– разработка и уточнение стратегической концепции, в рамках которой бизнес-единицы развивают собственные инициативы; – вмешательство в деятельность подразделений в целях проверки бизнес-логики и предложения дополнительных инициатив	– использование первоклассных функциональных знаний и навыков при проверке стратегий, разработанных функциональными отделами бизнес-единиц; – вмешательство в деятельность подразделений в целях координации взаимодействия /реализации эффекта синергии	– выдвижение инициатив по реализации основных инвестиционных и модернизационных программ, а также руководство этими программами; – вмешательство в деятельность подразделений осуществляется в форме ежемесячной проверки всех финансовых и операционных параметров, а также принятия основных решений

Таблица 2 – Корпоративная карта контроля ДЗО

Оператор (все политики и стандарты)	Стратегический контролер (все политики и ключевые стандарты)	Стратегический архитектор (все политики)	Финансовый контролер (ключевые политики)
Существует высокая технологическая зависимость между головной компанией и ДЗО	ДЗО осуществляет посредническую деятельность и/или имеется рыночная зависимость (безальтернативное питание, транспорт, медицинские услуги и др.), а также ДЗО находится в стадии высокой организационной зрелости	Производственный профильный актив	ДЗО имеет непрофильные активы и/или находится в стадии временной консервации и/или активы неэффективны

– реализация возможности получения дополнительных эффектов за счет инновационного развития (пионерного эффекта) путем репрофилирования действующих производств или организации нового бизнеса на действующем предприятии;

– инвестирование или соинвестирование в венчурные проекты, способные принести в будущем ощутимые прибыли, а также с целью закрепить за собой существенные сегменты новых рынков¹.

Вопрос о роли материнской/управляющей/головной компании в данном случае стоит ребром, но поскольку собственник для всех зависимых и дочерних бизнес-единиц один и тот же, то он самостоятельно должен определить свою роль. Основанием при выборе модели корпоративного контроля является создание и увеличение дополнительной стоимости для собственника.

McKinsey&Companу, изучив корпоративное управление в России, выделили функции управляющей компании:

- формирование корпоративного бизнес портфеля;
- повышение эффективности и отдачи от корпоративного портфеля;
- правление стоимостью и источниками финансирования;
- формирование отношений с внешней средой (государством, партнерами, клиентами и т.д.).

На основании данных функций эксперты McKinsey&Companу выделили модели корпоративного центра (контроля), представленные на рисунке 1.

1 Исупова О.А. Многопрофильный холдинг – региональный тип интегрированной структуры // Российское предпринимательство. – 2011. – № 1 (1). – С. 150-155.

Используя данную классификацию, выделим модели корпоративного контроля над дочерними и зависимыми обществами в разрезе групп компаний: оператор (все политики и стандарты), стратегический контролер (все политики и ключевые стандарты), стратегический архитектор (все политики), финансовый контролер (ключевые политики).

В зависимости от модели корпоративного контроля, выбирается степень контроля ДЗО, где определяющими параметрами для контроля являются:

- технологическая зависимость и интеграция;
- возможность получения синергетического эффекта от взаимодействия;
- организационная зрелость;
- эффективность;
- степень продуктовой диверсификации.

Оценка параметров при выборе степени контроля ДЗО (внедрение политик и стандартов) представлена на рис. 2.

Но так как в группе компаний могут быть объединены различные типы хозяйственных обществ, следует также придерживаться следующего принципа выбора, основываясь на типе ДЗО (табл. 1):

Таким образом, чтобы определиться с выбором модели корпоративного контроля, в первую очередь необходимо:

- проанализировать финансовое состояние ДЗО и отнести к группе ДЗО с положительным финансовым результатом (прибыльные) либо к отрицательным (убыточные ДЗО);
- рассмотреть деятельность ДЗО по отношению к головной компании: профильные активы (производственный профильный актив, вспомогательный профильный актив) либо непрофильные активы (непрофильный производственный ак-

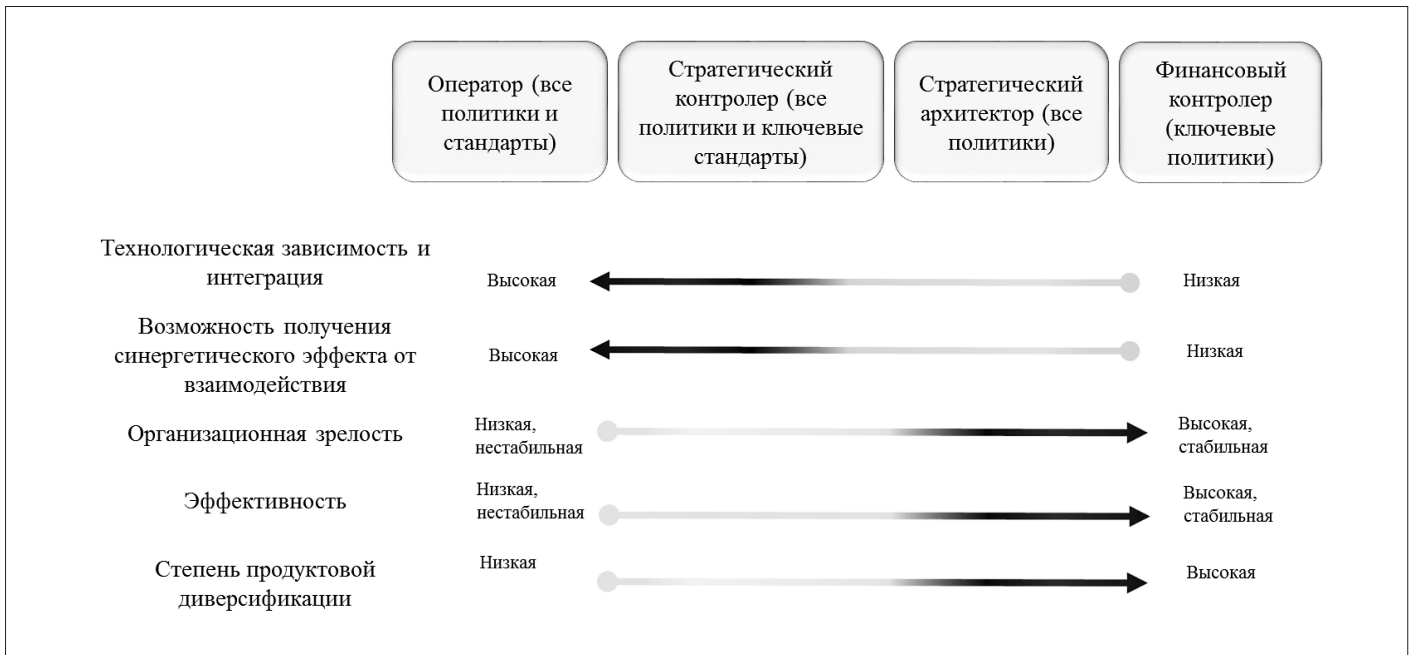

Рис. 1 – Выбор степени контроля ДЗО

тив, непрофильный вспомогательный актив, непрофильный социальный актив и т.д.).

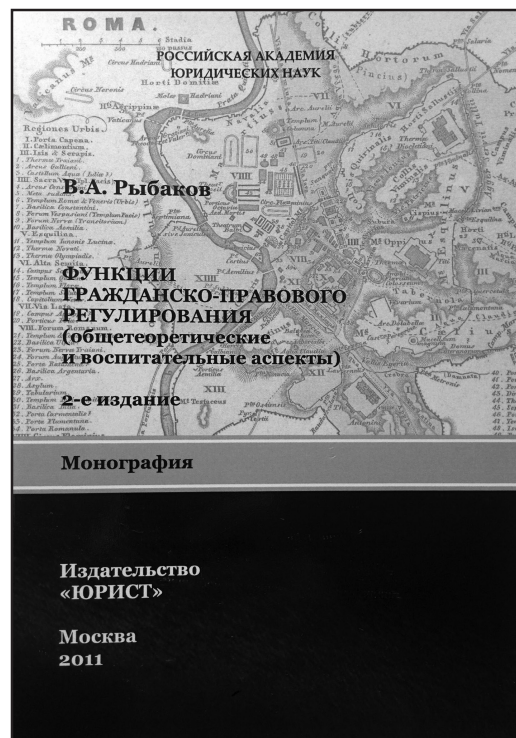
Выбор модели корпоративного контроля над ДЗО также зависит от специфики интегрированной структуры, общих условий ведения бизнеса, условий ведения бизнеса каждого ДЗО. Определить степень контроля является достаточно сложной задачей, так как необходимо учесть все факторы, влияющие как на ДЗО, так и на головную компанию, а также учесть цели участников интегрированной структуры.

Сами же модели корпоративного контроля преимущественно имеют отличие в количестве контролируемых показателей деятельности ДЗО, а также уровне ожидаемого эффекта синергии, то есть уровня взаимосвязанности дочерних предприятий.

Таким образом, правильно выбранная модель корпоративного контроля над дочерними и зависимыми обществами определяет особую значимость вопросов корпоративного управления в бизнесе, а также влияет на результат деятельности всей интеграционной структуры, и может принести как благо, создав дополнительную стоимость бизнесу, так и отрицательно сказаться в виде убытков деятельности, в случае неверно принятых решений.

Пристатейный библиографический список

1. Исупова О. А. Многопрофильный холдинг – региональный тип интегрированной структуры // Российское предпринимательство. 2011. № 1.
2. Натаниэль Фут, Дэвид Хенсли, Макс Лэндсберг, Роджер Моррисон. Роль корпоративного центра // Вестник McKinsey. Теория и практика управления. 2003. № 1.

Арутюнян М. С.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Статья посвящена рассмотрению теоретических и практических аспектов совершенствования механизма удовлетворения жилищных потребностей сотрудников полиции посредством получения единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения. В работе исследуются последние законодательные изменения в данной сфере отношений, выявляются проблемные аспекты, оценивается их значимость и эффективность.

Ключевые слова: единовременная социальная выплата, улучшение жилищных условий, жилое помещение, сотрудник полиции.

Arutyunyan M. S.

ON IMPROVEMENT OF IMPLEMENTATION PRACTICE OF POLICE OFFICERS' HOUSING RIGHTS

The article is devoted to theoretical and practical aspects of improving mechanism for addressing the housing needs of the police officers by receiving a lump sum of social payment for acquisition or construction of residential premises. The paper examines recent legislative changes in this sphere of relations, identifies problematic aspects, evaluates their relevance and effectiveness.

Keywords: one-time social payment, improvement of living conditions, living accommodation, police officer.

Арутюнян М. С.

Объективная необходимость совершенствования правового регулирования отношений, возникающих в сфере реализации прав на жилищное обеспечение, обуславливает принятие правовых актов, касающихся отдельных способов удовлетворения жилищных потребностей сотрудников полиции. Федеральный закон № 3-ФЗ от 07 февраля 2011 г. «О полиции» в ст. 44 устанавливает, что обеспечение сотрудника полиции жилым помещением осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета посредством предоставления ему служебного жилого помещения¹ или жилого помещения в собственность либо единовременной социальной выплаты на его приобретение². Отметим, что некоторые вопросы правового регулирования и реализации данной социальной гарантии сотрудников уже являлись предметом нашего рассмотрения³.

Отдельные изменения и дополнения, принятые Постановлением Правительства РФ от 11 июня 2015 г. № 581 «О внесении изменений в Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации»⁴, могут быть расценены неоднозначно.

Так, п. 4 Правил дополнен подпунктом 4(1), согласно которому «... в целях учета особенностей профессиональной и служебной деятельности сотрудников и повышения мотивации эффективного исполнения ими своих должностных обязанностей допускается по решению руководителя феде-

рального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, руководителя иного федерального органа исполнительной власти, в котором проходят службу сотрудники, предоставление единовременной выплаты без учета условий, указанных в частях 2 и 7 ст. 4 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», сотрудникам, замещающим в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти должности высшего начальствующего состава.

Предоставление единовременной выплаты таким сотрудникам осуществляется в соответствии с настоящими Правилами, за исключением пунктов 8 и 9, подпункта «б» пункта 19, пунктов 29 и 31...».

Данное положение позволяет сотрудникам, замещающим должности высшего начальствующего состава в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти, получить единовременную социальную выплату без учета условий ее получения, необходимых для остальных сотрудников.

В то же время, по общему правилу, право сотрудника органов внутренних дел на предоставление единовременной социальной выплаты возникает при одновременном наличии нескольких условий. Одним из условий, устанавливаемых при принятии сотрудника на учет, является его нуждаемость в жилом помещении, определяемая исходя из обстоятельств, названных в пп. 1–7 ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ. К таковым относится отсутствие у сотрудника или членов его семьи жилого помещения в собственности или во владении и пользовании на условиях договора социального найма, то обстоятельство, что у сотрудника нет права пользования помещениями как у члена семьи собственника или нанимателя жилого помещения, либо обеспеченность его и членов его семьи такими помещениями ниже предусмотренного законом уровня. При этом определение уровня обеспеченности общей площадью жилого помещения осуществляется исходя из суммарной площади всех жилых помещений, имеющих в собственности или в пользовании на основании договора социального найма у сотрудника и проживающих совместно с ним членов его семьи.

1 См. например: Игбаева Г. Р. Перспективы развития обязательно-имущественного страхования частного жилого фонда // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9. С. 200–203.

2 Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.02.2014) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 900.

3 См. например: Хисматуллин О. Ю., Арутюнян М. С. Отдельные аспекты совершенствования законодательства о предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам полиции // Черные дыры в Российском законодательстве. 2015. № 2. С. 48–51.

4 О внесении изменений в Правила предоставления единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 11.06.2015 № 581 [Электронный ресурс] / Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 16.06.2015.

Вторым условием, устанавливаемым при принятии сотрудника на учет для получения единовременной выплаты, является несовершенство им или членами его семьи намеренных действий, повлекших ухудшение жилищных условий, то есть действий, приведших к искусственному созданию нуждаемости в жилье и, соответственно, возникновению оснований претендовать на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения.

Как уже было отмечено, нуждаемость в улучшении жилищных условий сотрудника определяется исходя из совокупности жилых помещений, имеющих в собственности или в пользовании на основании договора социального найма у сотрудника и проживающих совместно с ним членов его семьи. Частью 1 ст. 31 Жилищного кодекса Российской Федерации определено, что к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи.

В этой связи обеспеченность сотрудника должна определяться исходя из суммарной площади всех жилых помещений, имеющих в собственности или в пользовании на основании договора социального найма у лиц, вселенных в жилое помещение, в котором зарегистрирован заявитель. Такой порядок определения нуждаемости подтверждается и судебной практикой. В частности, определение Верховного Суда РФ от 10 августа 2015 г. № 32-КГ15-9 указывает на такой порядок расчета нуждаемости. Однако в понимании семейного законодательства из факта регистрации по месту жительства в одном жилом помещении лица не приобретают статус членов семьи.

Исследуя порядок определения нуждаемости, необходимо отметить положение, содержащееся в определении Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 670-О, в соответствии с которым расчет размера социальной выплаты должен производиться с учетом наличия в собственности всей площади жилого помещения, занимаемого по договору социального найма в коммунальной квартире, независимо от размеров занимаемого жилого помещения (частей коммунальной квартиры). Отметим, что ч. 4 ст. 11 Закона города Москвы от 27 января 2010 г. № 2 «Основы жилищной политики города Москвы» определяет, что коммунальная квартира – квартира, обеспечивающая возможность прямого доступа к помещениям общего пользования в многоквартирном доме и помещениям общего пользования в квартире, состоящая из нескольких жилых помещений (комнат), в которой проживают два и более пользователя и (или) собственника, не являющихся членами одной семьи, на основании отдельных договоров социального найма, найма, безвозмездного пользования, заключенных с городом Москвой в установленном порядке в отношении отдельных жилых помещений в квартире (комнат), или на основании права собственности на отдельные жилые помещения в квартире (комнаты). В части 5 указанной статьи содержится понятие комнаты как части жилого дома или квартиры, в том числе коммунальной, предназначенной для использования в качестве места непосредственного проживания граждан в жилом доме или квартире⁵.

В то же время в соответствии с п. 27 постановления Правительства РФ расчет размера единовременной выплаты осуществляется исходя из нормы предоставления площади жилого помещения, установленной ст. 7 Федерального закона «О

социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Указанная статья определяет норму предоставления площади жилого помещения в собственность или по договору социального найма исходя из состава семьи (в понимании семейного законодательства) сотрудника.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации⁶ указывает, что отношения, связанные с обеспечением сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации жилыми помещениями, а также с предоставлением им иных социальных гарантий, регулируются положениями Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с ч. 2 ст. 1 указанного Закона членами семьи сотрудника и гражданина Российской Федерации, уволенного со службы в органах внутренних дел, и лицами, находящимися (находившимися) на их иждивении, на которых распространяется действие настоящего Федерального закона, считаются: 1) супруга (супруг), состоящие (состоявшие) в зарегистрированном браке с сотрудником; 2) несовершеннолетние дети, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения; 3) лица, находящиеся (находившиеся) на полном содержании сотрудника (гражданина Российской Федерации, уволенного со службы в органах внутренних дел) или получающие (получавшие) от него помощь, которая является (являлась) для них постоянным и основным источником средств к существованию, а также иные лица, признанные иждивенцами в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Полагаем, такой подход свидетельствует об отсутствии единообразия понимания состава семьи сотрудника: нуждаемость определяется исходя из жилищных условий лиц, зарегистрированных в жилом помещении совместно с сотрудником, а размер выплаты определяется исходя из иного состава семьи.

Изменения, внесенные постановлением Правительства РФ от 11 июня 2015 г. № 581, позволяют получить единовременную социальную выплату лицам, замещающим должности высшего начальствующего состава в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти без учета площади жилых помещений, принадлежащих ему и (или) членам его семьи на праве собственности и (или) занимаемые им и (или) членами его семьи по договору социального найма. Кроме того, для данной категории сотрудников единовременная выплата предоставляется во внеочередном порядке. Отметим, что такое исключительное положение лиц, замещающих должности высшего начальствующего состава в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти, легально обосновано целью учета особенностей профессиональной и служебной деятельности этих сотрудников и повышения мотивации эффективного исполнения ими своих должностных обязанностей.

Пристатейный библиографический список

1. Игбаева Г. Р. Перспективы развития обязательного имущественного страхования частного жилого фонда // Евразийский юридический журнал. 2014. С. 200-203. № 9 (76).
2. Хисматуллин О. Ю., Арутюнян М. С. Отдельные аспекты совершенствования законодательства о предоставлении единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения сотрудникам полиции // Черные дыры в Российском законодательстве. 2015. № 2.

5 Определение Верховного Суда РФ от 21.08.2013 № 5-АПГ13-27 об оставлении без изменения решения Московского городского суда от 18.04.2013, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании не действующими ч. 4 ст. 11, ч. 5 ст. 11 (в части слов «в том числе коммунальной»), ч. 6 ст. 11 Закона от 27.01.2010 № 2 «Основы жилищной политики города Москвы».

6 Определение Верховного Суда РФ от 01.03.2015 № 18-КГ14-201 по требованию об оспаривании решения жилищной комиссии ГУ МВД.

Абакарова Р. Ш.

ОПТИМИЗАЦИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ – ЛЕГАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ НА НАЛОГАХ

Каждая организация, независимо от вида деятельности и формы собственности, сталкивается с необходимостью платить налоги, и при неграмотном подходе и системных ошибках возникают лишние затраты и проблемы с законом. Поэтому необходимо проводить оптимизацию налогообложения предприятия, что сделает доходы максимальными, а налоги минимальными, не вступая в противоречие с законодательством.

Правильная оптимизация налогообложения и прогнозирование возможных рисков оказывает значительную помощь в создании стабильного положения предприятия, поскольку позволяет избежать крупных убытков в процессе хозяйственной деятельности.

Большое значение имеет также концептуальное развитие представлений о механизме оптимизации налогообложения, заключенном в разрешении экономического противоречия между фискальной направленностью налоговой системы и необходимостью усиления стимулирующей и регулирующей функции налогов по отношению к предпринимательскому сектору.

В статье раскрывается содержание налоговой оптимизации как законного способа защиты прав налогоплательщика.

Ключевые слова: оптимизация налогообложения, минимизация налогового бремени, законный способ.

Abakarova R. Sh.

OPTIMIZATION OF TAXATION – LEGAL SAVING ON TAXES

Every organization, regardless of the type of activity and form of ownership, faces with the need to pay taxes, and inexperienced approach and system errors cause extra costs and troubles with the law. It is therefore necessary to optimize taxation of enterprises, making the maximum profits and minimum taxes without coming into conflict with law.

Proper optimization of taxation and forecasting of possible risks is of great help in creating a stable situation of the company, as make it possible to avoid major losses during the economic activity.

Conceptual development of the vision of tax optimization mechanism involving economic contradictions between fiscal orientation of the tax system and the need to strengthen the incentive and tax regulative function with respect to the business sector is also of great importance.

The article reveals the tax optimization as a legitimate way to protect the rights of the taxpayer.

Keywords: tax optimization, minimizing the tax burden, legal way.

Процесс реформирования налоговой системы России, продолжающийся в XXI в., выявил значительные противоречия между государством, предприятиями и физическими лицами. Каждая сторона налоговых правоотношений ищет свои собственные интересы, зачастую никак не совмещающиеся с интересами других сторон. Так, государство заинтересовано в справедливом и полном контроле за уплатой налогов в бюджетную систему, предприятия и физические лица стремятся минимизировать налоговые платежи и снизить уровень налогового бремени, применяя при этом как официальные, так и неофициальные средства. Поэтому государство обязано применять особые меры налогового воздействия на налогоплательщиков, побуждая последних добросовестно относиться к исполнению своих обязанностей. Однако иногда государство не учитывает долгосрочных интересов общества. Это приводит к снижению налоговых поступлений. Многие налогоплательщики из-за низкой налоговой культуры и дисциплины в Российской Федерации просто не понимают того факта, что своевременной уплатой налогов они становятся социально ответственными налогоплательщиками, так как за счет их собственных средств «финансируются» незащищенные слои общества, а также и сам бизнес-сектор¹.

Естественное стремление снизить налоговое бремя послужило причиной возникновения такого явления, как оптимизация налогообложения.

Активное использование «пробелов» и законодательных коллизий требует от организации сугубо индивидуального подхода, являясь самой рискованной частью оптимизации налогообложения.

В настоящее время практически каждый налогоплательщик ставит перед собой цель – формирование эффективной модели налогового планирования и прогнозирования. Это определяется рядом причин. К объективным можно отнести: вариативность – у налогоплательщика существует возможность выбора налогового режима, потребность контроля и планирования финансовых потоков. Субъективной причиной является желание налогоплательщика оптимизировать (минимизировать) налоговые платежи. Следовательно, можно утверждать, что налоговое планирование и прогнозирование – составная часть финансового управления.

Существующие сегодня способы оптимизации налогообложения различны по своей природе. Это связано, прежде всего, с техническими целями, которые ставит перед собой организация, планируя налоговую оптимизацию.

Среди наиболее востребованных сегодня схем оптимизации выделяют: метод замены отношений, метод разделения отношений, метод прямого сокращения объекта налогообложения, метод применения законных льгот и преференций, метод смены юрисдикции.

Перечисленные методы сепаративны (не взаимодействуют в комплексе друг с другом) и краткосрочны. Эффективным является такое сочетание методов, которое позволяет предприятию достичь поставленных целей в наиболее короткий

Абакарова Р. Ш.

1 Залибекова Д. З. Налоговый механизм в обеспечении социальной ответственности бизнеса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-3. С. 67–69.

промежуток времени с наименьшими затратами с учетом долговременной перспективы экономического роста.

Практика налоговой оптимизации показывает, что данный перечень не исчерпывает всех путей возможной минимизации налоговых выплат. Совершенствование законодательства ведет к развитию и внедрению новых методов. Однако всегда существует риск того, что активная поведенческая деятельность налогоплательщика в той или иной степени будет незаконной и повлечет за собой нежелательные последствия. Стоит всегда ориентироваться на ключевой показатель легитимности – добросовестность налогоплательщика.

Понимание государством процесса налогового планирования сегодня должно строиться на том, что оно, являясь законным и справедливым интересом налогоплательщика, не представляет собой механическую минимизацию налогов. Этот процесс способствует эффективному управлению организацией для принятия стратегических решений по развитию предпринимательской деятельности. За счет облегчения налогового бремени путем изыскания наиболее рациональных способов снижения налоговых обязательств организации получают дополнительные возможности для максимального увеличения доходности финансово-хозяйственной деятельности и для дальнейшего эффективного развития производства, результатом которых будет повышенная уплата налоговых платежей за счет увеличения объектов налогообложения.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что любое предприятие, стремящееся к максимизации прибыли, обязано вести налоговое планирование и разрабатывать и внедрять методы налоговой оптимизации. Ведь незнание правовых норм, а в частности норм налогового и гражданского законодательства, приводит к тому, что предприятие в условиях жесткой конкуренции не сможет приспособиться к текущим условиям хозяйствования и уступит место на рынке.

Законные методы сокращения налогов складываются в схемы оптимизации налогообложения, позволяющие достигнуть увеличения прибыли. При этом любая используемая схема должна отвечать критериям разумности, эффективности, автономности, законности, надежности и безопасности.

В отличие от уклонения от уплаты налогов, избежание налогов – допустимые, законные попытки уменьшения (смягчения) налогового бремени за счет так называемого налогового планирования.

Следует понимать, что схема оптимизации налогообложения не может быть универсальной. Она всего лишь шаблон, идея. При разработке же готового плана оптимизации можно рассматривать ее как основу, учитывая реальные условия, в которых находится экономический субъект.

Результатом оптимизации налогообложения должно стать увеличение реальных возможностей экономического субъекта для дальнейшего развития и повышения эффективности его деятельности.

Следует отметить, что необходимость использования налогоплательщиком в РФ таких механизмов оптимизации налогообложения противоречит принципу эффективности налогообложения, согласно которому налоги не должны оказывать влияние на принятие экономических решений или это влияние должно быть минимальным. Мы же наблюдаем обратное, когда налогоплательщик вынужден «подстраивать» виды и формы своей деятельности под существующий порядок уплаты тех или иных налогов с целью достижения минимизации налоговых платежей².

Таким образом, теоретически осмысленная оптимизация налогообложения с помощью разрешенных законом методов, а также оценка возможных рисков помогают компании развиваться, быть стабильной и эффективной. Оптимизации

налогообложения предприятия помогает уменьшить издержки и предотвратить убытки в процессе деятельности предприятия.

Налоговая оптимизация – конкретный инструмент в рамках общенаучного метода оптимизации, позволяющий планировать финансовые результаты налогоплательщика.

Государство требует финансирования своих расходов от частных собственников, поскольку налоговые поступления составляют основную часть доходов государственного бюджета. Налогоплательщики пытаются всеми способами защитить свои доходы и имущество от посягательства государства и стремятся по возможности снизить свое налоговое бремя.

Посредством таких управленческих инструментов, как налоговое планирование, налоговое регулирование и самостоятельный внутренний налоговый контроль, достигается оптимизация налогообложения плательщика.

При всем многообразии существующих методов минимизации налоговых платежей можно выделить схемы, которые в настоящее время активно используются в практике налогового планирования многими предприятиями, однако связаны с существенными рисками и трудностями, так как вызывают повышенный интерес налоговых органов.

Налоговая оптимизация доказывает свою эффективность как инструмент планирования финансовых результатов. Но любой метод оптимизации имеет свои преимущества и недостатки.

Положительный эффект от использования способов минимизации налоговых платежей может быть нивелирован за счет штрафных санкций.

Принципиальным моментом, по мнению авторов, является то, что применению любой схемы должен предшествовать тщательный анализ последствий – позитивных и негативных; необходимо определить, насколько целесообразно будет претворять в жизнь данный способ в конкретных условиях, так как налоговая оптимизация ситуативна, а универсальных ее механизмов нет.

Но основным недостатком, относящимся скорее к системе налогообложения предприятий в целом, а не к отдельным методам налогового планирования, является несовершенство законодательства. В существующих нормативно-правовых актах отсутствует понятие налоговой оптимизации и нет списка четко определенных легальных и нелегальных способов.

Если это упущение устранить принятием соответствующих законов, положительный эффект ощутят и организации, и государство. Предоставление регламентированных законом и подробно прописанных методов оптимизации налогообложения позволит предприятиям грамотно и честно применять их на практике, не опасаясь штрафных санкций.

Законное снижение налогового бремени станет для налогоплательщиков более привлекательным, чем уклонение от уплаты налогов или использование полудесятичных схем. Это, в свою очередь, приведет к увеличению налоговых поступлений в бюджет, причем без увеличения налоговой нагрузки на налогоплательщиков³.

Совершенствование системы налогообложения является одной из жизненно важных задач любого государства. Поскольку от эффективности организации налогообложения во многом зависит не только экономический потенциал страны, обеспечивающий на должном уровне решение ее важнейших стратегических задач, но и степень доверия и позитивного взаимодействия различных хозяйствующих субъектов, граждан с основными институтами государства.

2 Сунцева П. В. Законные способы оптимизации налогообложения // Вестник пермского университета. 2011. № 4(14). С. 36–44.

3 Митрофанова И. А., Тлисов А. Б., Яценко Г. А. Оптимизация налогообложения как инструмент планирования финансовых результатов деятельности организации // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 28 (322). С. 34–43.

В этой связи особый интерес представляет характеристика пределов законно допустимой (возможной) «оптимизации» налогообложения предприятий и организаций, которую активно используют практически все хозяйствующие субъекты.

Актуальность вопроса налоговой оптимизации обусловлена вполне естественным стремлением: налогоплательщиков – уменьшить налоговую нагрузку, а государства – разработать эффективные механизмы, предупреждающие возможность злоупотребления данным правом со стороны налогоплательщиков.

Органы, осуществляющие контроль над точным исчислением и своевременной уплатой налогов, пытаются противостоять нарастающему валу «оптимизационных схем», вносятся отдельные изменения в налоговое законодательство, ликвидирующие отдельные пробелы права, использование которых предоставляло возможности уклонения от уплаты налогов.

Вместе с тем, несмотря на все предпринимаемые меры, злоупотребление правом на налоговую оптимизацию было и остается весьма актуальным.

Отдельные хозяйствующие субъекты под видом реализации различных оптимизационных схем и механизмов активно пытаются уйти от уплаты налогов. Это причиняет существенный ущерб налоговой, финансовой безопасности государства, препятствуют плановому поступлению налогов в бюджет, чем подрывают нормальное функционирование государственной экономики в целом.

При том что законная оптимизация налогообложения направлена, прежде всего, на повышение экономической эффективности предприятия, ее сущность заключается в использовании налогоплательщиком допустимых законом способов для максимального уменьшения своих налоговых обязательств.

Поиск ответа на вопрос о законности использования схем оптимизации налогообложения и уплаты налогов в целом следует начать с определения критериев правомерности действий налогоплательщиков, которые помогут четко определить ту тонкую грань между механизмами легальной оптимизации и фактическим уклонением от уплаты налогов. Понятно, что при подобном противоречии во взглядах правоприменителям и, в частности, подразделениям ЭБиПК все сложнее определить границы, за которыми «оптимизация» превращается в преступление. Необходима выработка четких признаков и критериев, позволяющих с абсолютной уверенностью определить действия налогоплательщиков, которые могли бы признаваться противоправными в применении тех или иных «оптимизационных схем».

В настоящее время выделение данных критериев представляется сложной задачей ввиду того, что в российском законодательстве нет понятия «налоговая оптимизация». И, как следствие, закон не устанавливает правила, определяющие пределы дозволенного при оптимизации налогообложения. В этой ситуации многие налогоплательщики руководствуются принципом: «все, что в Налоговом кодексе не запрещено, значит — разрешено» и считают налоги неизбежными потерями, которые надо всеми силами минимизировать.

В целях выработки критериев, позволяющих установить границы между оптимизацией и уклонением, необходимо обратиться к анализу нормативных актов, содержащих в себе те или иные признаки действий налогоплательщиков, направленные на уменьшение налогооблагаемой базы или на неуплату налога в целом.

Кроме того, в выработке критериев определения незаконных оптимизационных схем следует активно использовать и общие критерии необычных сделок, определенных в приказе Росфинмониторинга № 103.

К их числу относятся, в частности:

1) запутанный или необычный характер сделки, не имеющей очевидного экономического смысла или очевидной законной цели;

2) неоднократное совершение операций или сделок, характер которых дает основание полагать, что целью их осуществления является уклонение от процедур обязательного контроля, предусмотренных Федеральным законом.

Ввиду того, что действия, направленные на неправомерную оптимизацию, внешне преподносятся как естественная хозяйственная операция, истинное их предназначение (цели) с помощью традиционных средств выявить крайне затруднительно. Наиболее сложным здесь будет являться определение умысла, направленного на получение личной выгоды, фактически подтверждающегося реальными действиями должностных лиц организаций, оптимизирующих свою налоговую базу⁴.

На сегодняшний день существует много недостатков при налогообложении предпринимательской деятельности в РФ. Среди них: сложность, внутренние противоречия, несогласованность и преимущественно фискальная направленность действующей налоговой системы администрирования налогов и сборов, которое ставит в неравные условия налогоплательщиков и контролирующие органы. Это приводит к оттоку предприятий в «теневую» сферу, то есть проведению нелегальной деятельности и полному уклонению от уплаты налогов, нарушению налогового законодательства и уменьшению суммы налогов, которую необходимо перечислить в бюджет.

В настоящее время существует много проблем в сфере налогообложения предприятий. Пути преодоления этих проблем являются: применение методов налоговой оптимизации на самих предприятиях, а также совершенствование действующей системы налогообложения со стороны государства с помощью упрощения ведения учета на предприятиях⁵.

Пристатейный библиографический список

1. Залибекова Д. З. Налоговый механизм в обеспечении социальной ответственности бизнеса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-3.
  2. Кондратенко Ю. В. К вопросу о разграничении понятия оптимизация налогообложения и уклонения от уплаты налогов в деятельности подразделений ЭБиПК России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1.
  3. Местоев М. Б. Оптимизация налогообложения как фактор эффективного развития налоговой системы // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 5.
  4. Митрофанова И. А., Тисов А. Б., Яценко Г. А. Оптимизация налогообложения как инструмент планирования финансовых результатов деятельности организации // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 28 (322).
  5. Сунцева П. В. Законные способы оптимизации налогообложения // Вестник пермского университета. 2011. № 4(14).
  6. Шурдумова Э. Г., Ульбашева М. Р. Современные основы налоговой оптимизации на предприятиях // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2013. № 5.
- 4 Кондратенко Ю. В. К вопросу о разграничении понятия оптимизация налогообложения и уклонения от уплаты налогов в деятельности подразделений ЭБиПК России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1. С. 275–279.
- 5 Шурдумова Э. Г., Ульбашева М. Р. Современные основы налоговой оптимизации на предприятиях // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2013. № 5. С. 180–185.

Абукарова М. У., Залибекова Д. З.
ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЛОГОВЫХ АГЕНТОВ В РФ

В данной статье авторами проведено исследование, изучение и анализ правового статуса и деятельности налоговых агентов, изучено понятие налогового агента в рамках правового статуса, проведен анализ специфики правосубъектности налоговых агентов, исследование обязанностей налоговых агентов.

Ключевые слова: новый Налоговый кодекс РФ, налоговый агент, лицо в российском налоговом законодательстве, на которое возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджет.

Abukarova M. U., Zalibekova D. Z.
THE LEGAL STATUS OF TAX AGENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

In this article, the authors conducted research, study and analysis of the legal status and activities of tax agents, examined the concept of tax agent within their legal status, the analysis of the specificity of legal status of tax agents, the study of duties of tax agents.

Keywords: New Tax code, a tax agent, a person in the Russian tax legislation, which is responsible to calculate, withhold from the taxpayer and transfer of taxes to the budget.

Новый Налоговый кодекс РФ впервые ввел на законодательном уровне определения многих терминов, которые ранее трактовались лишь правовыми дисциплинами. Это был важный шаг на пути устранения неопределенностей в толковании различных понятий, который, безусловно, будет способствовать формированию единого понятийного аппарата.

В частности, Кодексом раскрыто понятие «налоговый агент». Долгое время регламентация правового статуса налогового агента сводилась лишь к закреплению отдельных обязанностей последнего. Целостного регулирования, подразумевающего установление прав, особенностей его правового положения, не было. Теперь положение изменилось, и НК РФ в ст. 24 устанавливает, что налоговыми агентами признаются лица, на которых «возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд) налогов».

Налоговых агентов следует отличать от сборщиков налогов, которыми являются государственные органы, органы местного самоуправления, другие уполномоченные органы и должностные лица в случаях, когда в соответствии с НК РФ они могут принимать от налогоплательщиков и (или) плательщиков сборов средства в уплату налогов и (или) сборов и перечислять их в бюджет.

Не следует также путать налоговых агентов с организациями или физическими лицами, от которых налогоплательщик получает доход, т. е. с «источниками выплаты доходов налогоплательщику» (абз.11 п.2 ст. 11 НК РФ). Сам по себе статус источника выплаты доходов налогоплательщику не предполагает наличия у него обязанности удержать и перечислить в бюджет налог. И лишь в ряде случаев в силу возложения на него такой обязанности законом источник выплаты доходов признается налоговым агентом.

Налоговый агент — лицо в российском налоговом законодательстве, на которое возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджет. В отличие от налогоплательщика, на налогового агента формально не возложена обязанность по уплате налога с его собственных доходов и за счёт его собственных средств. Налоговый агент лишь обязан исчислить (рассчитать) сумму налога, подлежащего уплате при осуществлении определённой операции, удержать её (то есть не выплачивать) при выплате денежных средств, причитающихся какому-либо лицу, а также перечислить указанную сумму в бюджет.

Раскрытие правового статуса налогового агента предполагает, как минимум, установление его прав, обязанностей, а также оснований для применения к нему мер принудительного характера. Однако если в отношении содержания его прав все более или менее ясно, то об обязанностях налогового агента следует сказать особо, ибо они имеют определяющее значение для выяснения его правового статуса и применения к нему мер принудительного характера за их неисполнение.

Основной обязанностью налогового агента является необходимость «правильно и своевременно исчислять, удерживать из средств, выплачиваемых налогоплательщикам, и перечислять в бюджеты (внебюджетные фонды) соответствующие налоги» (подп. 1 п. 3 ст. 24 НК РФ). Любопытно, что в соответствии с Федеральным законом от 9 июля 1999 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» из формулировки данной обязанности была исключена ссылка на денежный характер средств, за счет которых налоговые агенты должны исполнять свою обязанность. Представляется, что такое изменение текста не повлекло изменения смысла статьи и не привело к установлению обязанности налогового агента удерживать налог из неденежных средств хотя бы потому, что удержание должно происходить из «выплачиваемых» средств, что предполагает их денежный характер. Кроме того, удерживать необходимо не сами средства, а налог за счет этих средств, т. е., согласно ст. 8 НК РФ, «платеж, взимаемый: в форме отчуждения: денежных средств».

Следовательно, несмотря на изменения, внесенные в ст. 24 НК РФ, необходимо признать актуальность разъяснения, данного в абз. 2 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ

Абукарова М. У.

Залибекова Д. З.

и Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. N 41/9 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации» [1] (далее – Постановление N 41/9). В соответствии с этим разъяснением в случаях, «когда доход, подлежащий обложению налогом у налогового агента, получен налогоплательщиком в натуральной форме и денежными выплатами в данном налоговом периоде налогоплательщику не производилось, у налогового агента отсутствует обязанность удержания налога с плательщика».

При невозможности удержать налог налоговый агент обязан письменно сообщить об этом в течение одного месяца в налоговый орган по месту своего учета. Необходимо также указать сумму задолженности налогоплательщика (подп. 3 п. 2 ст. 24 НК РФ). В связи с установлением в НК РФ данной обязанности следует обратить внимание на некоторую недостаточность определения налогового агента. Напомню, что налоговыми агентами признаются лица, на которых возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд) налогов.

Данное определение, на мой взгляд, необходимо дополнить условием о том, что налоговыми агентами признаются также лица, на которых возложена обязанность информировать налоговый орган о получении налогоплательщиком дохода в натуральной форме. Иначе возникает очевидная неувязка: с одной стороны, лицо, не имеющее ни возможности, ни обязанности удержать и перечислить в бюджет налог из дохода, полученного в натуральной форме, в качестве налогового агента обязано сообщить о факте получения дохода в налоговые органы. С другой стороны, при получении дохода в натуральной форме обязанность удерживать и перечислять налог отсутствует, о чем сказано в п. 10 Постановления N 41/9. Следовательно, лицо, передающее налогоплательщику доход, по определению не может считаться налоговым агентом, и, значит, у него отсутствует обязанность сообщать что-либо в налоговый орган.

Среди других обязанностей налоговых агентов, перечисленных в п. 2 ст. 24 НК РФ, следует отметить обязанность вести учет выплаченных налогоплательщикам доходов, удержанных и перечисленных налогов, а также обязанность представлять в налоговый орган документы, необходимые для осуществления контроля за правильностью исчисления, удержания и перечисления налогов.

Вопрос об ответственности налоговых агентов должен решаться с учетом того, что любой вид ответственности применяется к лицам в связи с совершением ими каких-либо правонарушений. Правонарушение имеет место при неисполнении или ненадлежащем исполнении участником правоотношений возложенных на него в соответствии с законодательством обязанностей. Налоговые агенты прямо поименованы в НК РФ как участники налоговых отношений (подп. 2 ст. 9 НК РФ), и их обязанности определяются в соответствии с налоговым законодательством. В данном материале мы рассмотрим вопрос об ответственности налоговых агентов.

Налоговыми агентами признаются лица, на которых в соответствии с НК РФ возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд) налогов (п. 1 ст. 24 НК РФ).

Налоговые агенты наделены теми же правами, что и налогоплательщики (п. 2 ст. 24 НК РФ), однако несут отличные от их обязанности. Данный момент принципиален, поскольку правонарушения предполагают неисполнение или ненадле-

жащее исполнение обязанностей. Следовательно, ответственность налоговых агентов может наступать лишь при нарушении ими обязанностей, возлагаемых именно на них, а не на налогоплательщиков (круг обязанностей налогоплательщиков шире).

Обязанности налоговых агентов включают в себя (п. 3 ст. 24 НК РФ):

– правильное и своевременное исчисление, удержание из средств, выплачиваемых налогоплательщикам, и перечисление в бюджеты (внебюджетные фонды) соответствующих налогов; письменные сообщения в течение одного месяца в налоговый орган по месту своего учета о невозможности удержать налог у налогоплательщика и о сумме его задолженности; ведение учета выплаченных налогоплательщикам доходов, удержанных и перечисленных в бюджеты (внебюджетные фонды) налогов, в том числе персонально по каждому налогоплательщику;

– представление в налоговый орган по месту своего учета документов, необходимых для осуществления контроля за правильностью исчисления, удержания и перечисления налогов.

– НК РФ особо указывает, что за неисполнение или ненадлежащее исполнение вышеперечисленных обязанностей налоговые агенты несут ответственность в соответствии с законодательством РФ (п. 5 ст. 24 НК РФ). Важной особенностью правового статуса налогового агента является отсутствие оговорки (допущенной в отношении обязанностей налогоплательщика и приведенной в подп. 9 п. 1 ст. 23 НК РФ) о том, что на него возлагаются и иные обязанности, предусмотренные налоговым законодательством. По этой причине ответственность налогового агента ни при каких обстоятельствах не может быть увязана с выполнением им каких-либо иных функций.

В целом правовые статусы налогового агента и налогоплательщика неидентичны, и полагать, что режим ответственности для них идентичен, было бы неверным. На них возлагаются различные по своему содержанию и объему обязанности, в связи с чем совершаемые ими правонарушения имеют разные составы и зачастую влекут применение несовпадающих мер ответственности.

Ответственность налоговых агентов за совершение правонарушений объективируется в применении к ним санкций в виде штрафов. Различия в обязанностях, возлагаемых на налогоплательщика и налогового агента, предопределили формулирование как общих для обеих категорий участников, так и специфических составов наказуемых деяний.

Составы правонарушений и меры ответственности, предусмотренные ст. 116, 117 (нарушение сроков и уклонение от постановки на учет), 118 (нарушение сроков представления сведений об открытии и закрытии счета в банке), 119 (непредставление налоговой декларации) НК РФ, применяются к налогоплательщику и не имеют отношения к выполнению обязанностей налогового агента. Ответственность налогового агента прямо установлена ст. 123 (невыполнение налоговым агентом обязанности по удержанию и (или) перечислению налогов) и 126 (непредставление налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля) НК РФ.

Ряд статей, предусматривающих ответственность за неисполнение налоговых обязанностей, не имеет указания на субъект правонарушения. Так, вопрос о применении к налоговому агенту нормы ст. 120 НК РФ (грубое нарушение правил учета доходов и расходов и объектов налогообложения), по нашему мнению, должен решаться положительно, поскольку учет до-

ходов и расходов налогоплательщика является самостоятельной обязанностью налогового агента, нарушение которой не охватывается ст. 123 и 126 НК РФ.

Что же касается ст. 122 НК РФ (неуплата или неполная уплата сумм налога), то она не подлежит применению к налоговым агентам, поскольку для таких случаев предусмотрена специальная норма ст. 123 НК РФ. Так, по одному из дел суд признал необоснованным применение мер ответственности по ст. 122 НК РФ, поскольку налоговый орган дал неверную квалификацию действиям по уклонению от перечисления налоговым агентом НДС и НДС/Л.

Таким образом, ответственность налогового агента в каждом конкретном случае определяется двумя факторами: кругом обязанностей, возлагаемых на него в соответствии с налоговым законодательством; конкретными мерами принудительного воздействия на налогового агента за совершение правонарушения.

Как уже указывалось, на налоговых агентов возлагается обязанность по удержанию и перечислению в соответствующий бюджет сумм налогов. Разумеется, возможны ситуации, когда налоговый агент в принципе не может удержать сумму налога в связи с отсутствием фактического перечисления от него налогоплательщику каких-либо денежных сумм. Судебной практикой было выработано правило: в случае невозможности удержания у налогоплательщика сумм налогов налоговый агент не может быть привлечен к налоговой ответственности.

В заключение отметим, что меры ответственности могут применяться лишь при наличии состава правонарушения. При этом необходимо четко руководствоваться действующим законодательством, чтобы выяснить, действительно ли имело место невыполнение налоговым агентом своих обязанностей. Так, по одному из дел судом было установлено, что иностранная организация по соглашению об избежании двойного налогообложения освобождалась от уплаты налога на прибыль.

Налогоплательщик в надлежащем порядке представил налоговому агенту документы, подтверждающие его постоянное местонахождение в государстве, с которым РФ имеет соответствующее соглашение. При таких обстоятельствах у налогового агента отсутствовала обязанность по удержанию налога и соответственно привлечение его к ответственности по ст. 123 НК РФ, как указал суд, было неправомерным.

Пристатейный библиографический список

1. Азизова П. М. Понятие правоспособности граждан (физических лиц) на современном этапе // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 177-178.
2. Бабаева С. А. Административный порядок обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц // Эпиграф. 2003. Февр. (№ 7). С. 5.
3. Балабин В. И. Статус налоговых агентов. М.: Книжн. мир, 2004. 143 с.
4. Бекишиев А. А. Истоки развития предпринимательского права // Евразийский Юридический Журнал. 2015. № 8. С. 150-151.
5. Залибекова Д. З. Проблемы ответственности за нарушение бюджетного законодательства // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 205-206.
6. Костина Г. Налоговый агент: права, обязанности, ответственность // Бух. учет. 2003. № 10. С. 37-46.
7. Морозов А. С. Правовой статус налогового агента // Законодательство. 2004. № 7. С. 44-48.
8. Мусаева А. Г. Азизова П. М. Граждане (физические лица) как субъекты гражданского права // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 179-180.
9. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной российской правовой системы // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6. С. 148.

Двусторонние природоохранные соглашения – договоры об охране окружающей среды, рациональном использовании ее ресурсов, сотрудничестве в этой области, заключенные в письменной форме между уполномоченными лицами двух государств.
(основное значение термина)

ИНТЕРЭКОПРАВО

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
E. A. Wystorobets, R. Ig. Dolgikh

ДВУСТОРОННИЕ ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ

BILATERAL ENVIRONMENTAL AGREEMENTS OF RUSSIA

ИНТЕРЕКОЛАВ

Е. А. Высторобец, Р. И. Долгих
 ПРИРОДООХРАННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ РОССИИ
 ДВУСТОРОННИЕ

Кунбутаев Т. Н.-И. ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ НАЛОГА И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ

В статье рассмотрены и проанализированы некоторые проблемы правового механизма налога и его элементов. Основная мысль, на которой акцентирует внимание автор, состоит в том, что рассматриваемое определение является совокупностью способов и правил налоговых отношений, с помощью которых обеспечиваются достижения целей налоговой политики государства.

Ключевые слова: налоги, государство, основной источник средств для содержания органов государственной власти и материального обеспечения его функций.

Kunbutayev T. N.-I. THE LEGAL MECHANISM OF TAX AND ITS ELEMENTS

The author considers and analyzes some problems of the legal mechanism of tax and its elements. The basic idea, which is emphasized by the author, is that the definition under consideration is a set of methods and rules of tax relations which ensure that the objectives of the tax policy of the state are achieved.

Keywords: taxes, state, the main source of funds for the maintenance of public authorities and financial security of its functions.

Налоги — одно из древнейших изобретений человечества. Они появились вместе с государством и использовались им как основной источник средств для содержания органов государственной власти и материального обеспечения его функций. С тех пор в мире многое изменилось, задачи и функции государства приобрели новые черты. Однако главное назначение налогов как источника средств, обеспечивающих деятельность государства, сохранилось, хотя их роль стала многозначной. В концентрированном виде исключительную значимость налогов можно выразить словами К. Маркса: «Налог — это материнская грудь, кормящая правительство. Налог — это пятый бог рядом с собственностью, семьей, порядком и религией. ...В налогах воплощено экономически выраженное существование государства».

Ни одно государство не может нормально существовать без взимания налогов; с другой стороны, налоги — один из признаков государства. Тесная взаимосвязь и взаимообусловленность обязательных платежей и государства придают налогу комплексное содержание. В основе налогов лежат экономические и юридические понятия, соотношение которых зависит от политических процессов, происходящих в государстве. Относительно комплексной структуры термина «налог» русский экономист М. М. Алексеенко еще в XIX в. отмечал: «С одной стороны, налог — один из элементов распределения, одна из составных частей цены, с анализа которой (т. е. цены) собственно и началась экономическая наука. С другой — установление, распределение, взимание и употребление налогов составляет одну из функций государства».

Налоговая политика реализуется через налоговый механизм.

Налоговый механизм — это совокупность способов и правил налоговых отношений, с помощью которых обеспечиваются достижения целей налоговой политики.

Внутреннее содержание налоговой политики формируется в соответствии с сущностью налогов, паритетом двух функций: фискальной и регулирующей, предполагающих равновесие между общегосударственными, корпоративными и личными интересами.

Кунбутаев Т. Н.-И.

Элементы налогового механизма — планирование, регулирование, контроль.

Налоговое планирование — экономически обоснованная система прогнозов налоговых поступлений с учетом реальных экономических условий. В зависимости от периода различают планирование: оперативное; текущее; долгосрочное; стратегическое.

Основная задача налогового планирования — обеспечить качественные и количественные показатели программ социально-экономического развития страны на базе действующих налоговых законов.

На государственном уровне роль налогового планирования определяет анализ поступления налогов, тенденций и факторов роста налогооблагаемой базы и на этой основе — расчет объемов налоговых поступлений в бюджеты.

Налоговое регулирование — система экономических мер оперативного вмешательства в ход воспроизводственных процессов.

Принципы налогового регулирования: экономическая обоснованность; финансовая целесообразность; сбалансированность интересов.

Основные задачи налогового регулирования — создать общий налоговый климат для внутренней и внешней деятельности организаций, обеспечить преференциальные налоговые условия для стимулирования приоритетных отраслевых и региональных направлений движения капитала.

Налоговое регулирование осуществляется разными способами и методами:

способы — льготы и санкции; методы — инвестиционный налоговый кредит, отсрочка, рассрочка, трансферты и др.

Важное средство осуществления политики государства в области регулирования доходов — налоговая ставка. Она определяет процент налоговой базы или ее части, денежная оценка которой является величиной налога. Изменяя ее, правительство может, не изменяя всего массива налогового законодательства, а лишь корректируя установленные ставки, проводить налоговое регулирование.

Существенный эффект налоговой политики достигается за счет дифференциации налоговых ставок для некоторых ка-

тегорий налогоплательщиков в отдельных регионах, отдельных отраслей и организаций. Ставка налога обеспечивает относительную мобильность финансового законодательства, позволяет правительству быстро и эффективно сменить приоритеты в политике регулирования доходов. Роль налоговой ставки для осуществления государственной политики состоит в возможности использования разных ставок налогов: пропорциональных, прогрессивных и регрессивных. Особое значение имеют прогрессивные и регрессивные ставки, с помощью которых регулируется не только уровень доходов разных категорий налогоплательщиков, но и формирование доходов бюджетов разных уровней.

Благодаря налоговым ставкам централизованная единая налоговая система имеет достаточную гибкость, что обеспечивается ежегодным уточнением ставок налогов и приведением налоговой политики в соответствие реальной экономической конъюнктуре.

Наряду с налоговой ставкой эффективным средством реализации налоговой политики служат налоговые льготы. Это связано с тем, что физическим и юридическим лицам, отвечающим установленным требованиям, может быть предоставлено полное или частичное освобождение от налогообложения.

Налоговые льготы, применяемые в мировой практике налогообложения, трудно систематизировать, поскольку они могут быть установлены в любых случаях, когда есть заинтересованность государства в развитии предпринимательской деятельности и оно готово стимулировать или, наоборот, не стимулировать определенные отрасли экономики, регионы, виды предпринимательской деятельности.

Предоставляя налогоплательщикам те или иные налоговые льготы, государство прежде всего активизирует воздействие налогового регулятора на экономические процессы. Формы и способы предоставления льгот в любом государстве постоянно развиваются. К наиболее типичным формам налоговых льгот относятся, в частности: полное или частичное освобождение прибыли, дохода или другого объекта от налогообложения; отнесение убытков на доходы будущих периодов; применение уменьшенной налоговой ставки; освобождение от налога (полное или частичное) определенного вида деятельности или дохода от такой деятельности; освобождение от налога отдельных социальных групп; отсрочка или рассрочка налоговых платежей.

Чаще всего объектом налогового стимулирования становится инвестиционная деятельность. Во многих государствах (в России — до 2002 г.) полностью или частично освобождается от налогообложения прибыль, направляемая на эти цели. С помощью налоговых льгот во многих странах поощряются создание малых предприятий, привлечение иностранного капитала, научно-технические разработки, имеющие фундаментальное значение для дальнейшего развития экономики, экологические проекты; стимулируется создание новых высокотехнологичных импортозамещающих производств, способствующих выпуску конкурентоспособной продукции для мирового рынка. Применение отдельных налоговых льгот преследует цель смягчить последствия экономических и финансовых кризисов. Для поощрения концентрации капитала, обновления производственных фондов, стимулирования внешнеэкономической деятельности государство использует такие виды налоговой льготы, как отсрочка платежа или освобождение от уплаты налога.

При взимании налога на доходы или прибыль в ряде стран практикуется отнесение убытков текущего года на прибыль либо на доходы следующего года или следующих лет. В некоторых странах осуществляется налогообложение консо-

лидированных налогоплательщиков, что позволяет в рамках их баланса производить взаимозачет убытков и прибылей. Нередко используются налоговые скидки в виде возврата корпорациям налогов, ранее уплаченных государству, налоговые льготы первым покупателям новых выпусков акций компаний и др. В ряде зарубежных стран предоставляются льготы в зависимости от формы собственности. Например, зачастую объекты, находящиеся в государственной собственности, освобождаются от уплаты земельного налога, устанавливается льготное налогообложение прибыли государственной корпорации. Иногда налоговые льготы предоставляются в зависимости от гражданства в целях стимулирования иностранных инвестиций. Важным элементом налогового механизма являются налоговые санкции. Они, с одной стороны, служат в руках государства инструментом, с помощью которого обеспечивается безусловное выполнение налогоплательщиком налоговых обязательств, с другой стороны, нацеливают налогоплательщика на использование более эффективных форм хозяйствования. Налоговые санкции представляют собой косвенную форму использования налогового механизма, они непосредственно не воздействуют на эффективность хозяйствования. Кроме того, их действенность определяется эффективностью работы контролирующих органов.

Принципиальные подходы к регулированию налоговых правоотношений во многих странах определяются основным налоговым законом — Налоговым кодексом.

Конечная цель налогового регулирования — уравновесить интересы трех субъектов: государства, хозяйствующих субъектов и граждан.

Налоговый контроль — комплекс мероприятий по анализу причин отклонений от запланированной величины налоговых поступлений в целях принятия решений о проведении корректирующих мероприятий в области налогообложения, направленных на приближение фактического исполнения к запланированному. Правильно сформированная налоговая политика и достаточно отлаженный налоговый механизм, учитывающий требования к его построению и функционированию, — это необходимое условие эффективного налогообложения.

Пристатейный библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 7.
2. Залибекова Д. З., Касимова Д. М. Налоговое регулирование инвестиционной и инновационной деятельности за рубежом // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8.
3. Кунбутаев Т. Н-И. Преступления в сфере экономической деятельности // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8.
4. Кучеров И. И. Налоговое право России: Курс лекций. М., 2001.
5. Мусаева А. Г. Характерные отличия государства (публично-правового образования) от иных субъектов права // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8.
6. Налоговое право: Учеб. пособие / Под ред. С. Г. Пепеляева. М., 2000.
7. Пепеляев С. Г. Законы о налогах: элементы структуры. М., 1995.
8. Разгильдиева М. Б. Правовое регулирование налогообложения имущества физических лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998.

Халикова Э. А., Гиниятуллина Д. Р.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В СФЕРЕ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассмотрены правовые аспекты возникновения конфликтов в налоговой сфере как разновидность экономического конфликта, а также представлен анализ налоговых споров по отдельным видам налогов на основе арбитражной практики.

Ключевые слова: налоговое законодательство, налоговый конфликт, коллизии норм, арбитражная практика, налоговые споры, администрирование налога на добавленную стоимость, налог на прибыль организаций, налог на доходы физических лиц.

Halikova E. A., Giniyatullina D. R.

LEGAL ASPECTS OF THE RISK OF CONFLICTS IN THE SPHERE OF TAX RELATIONS

The article considers the legal aspects of the conflicts in the tax sphere as a form of economic conflict, presents an analysis of tax disputes for several types of taxes according to arbitration practice.

Keywords: tax laws, tax conflict, conflict of laws, arbitration cases, tax disputes, administration of value added tax, tax on profit of organizations, individual income.

Халикова Э. А.

Нормы налогового законодательства не всегда трактуются однозначно, вследствие этого возникает недопонимание со стороны субъектов налоговых отношений. Содержащаяся в п. 6 ст. 3 НК РФ¹ правовая норма (акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги и сборы, когда и в каком порядке он должен платить) включает в себя один из принципов налогового права – принцип формальной определенности норм налогового законодательства. Этот принцип является целью правового регулирования налоговых отношений.

Нормы должны быть точными для того, чтобы обеспечить их правильное толкование и понимание. Если правовые нормы будут неточными, то это может привести к конфликту между участниками налоговых отношений, к коллизии норм права.

Налоговое законодательство динамично, постоянно вводятся новые нормы, из-за чего налогоплательщики постоянно адаптируются к этим изменениям. Также Минфин России дает рекомендации по ведению учета, однако иногда эти рекомендации противоречат нормам налогового законодательства. В результате возникает конфликт интересов между государством и налогоплательщиком.

Как отмечено в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2001 г. № 2-П, «неопределенность налоговых норм может приводить как к нарушению прав граждан, так и к уклонению от исполнения конституционной обязанности по уплате налога»². Налогоплательщик должен иметь полное представление о своих налоговых обязательствах перед бюджетом. Данная цель будет достигнута, если акты законодательства о налогах и сборах будут понятны каждому субъекту налоговых правоотношений.

Качество налоговых законов определяется уровнем юридической техники, которым владеет законодатель. Юридическая техника – совокупная связь определенных приемов, применяемых как при разработке содержания и структуры правовых предписаний государства, так и при их реализации. Поэтому именно на этапе разработки актов законодательства о налогах и сборах требуется обращать особое внимание на содержание будущих правовых норм. Различное понимание налоговых норм налогоплательщиками (плательщиками сборов, налоговыми агентами) и налоговыми (финансовыми) органами – показатель

низкого качества налогового законодательства³.

Если возникают спорные ситуации, налогоплательщик может попросить дать письменные разъяснения от финансового или налогового органа по вопросам применения законодательства о налогах и сборах (пп. 2 п. 1 ст. 21 НК РФ). Налоговые органы, в свою очередь, обязаны предоставить налогоплательщику бесплатную информацию, в том числе в письменной форме, о действующих налогах и сборах, налоговом законодательстве, порядке исчисления и уплаты налогов и сборов, правах и обязанностях налогоплательщиков и налоговых органов (пп. 1 п. 1 ст. 21 НК РФ).

Письменные разъяснения помогут налогоплательщику разобраться с возникшими у него вопросами, но не всегда они отвечают его интересам.

Однако разъяснения, данные финансовыми органами, не всегда соответствуют закону и сложившейся судебной-арбитражной практике. Данный вывод вытекает из следующего. Согласно пп. 3 п. 1 ст. 111 НК РФ выполнение налогоплательщиком письменных разъяснений о порядке исчисления, уплаты налога (сбора) или по иным вопросам применения законодательства о налогах и сборах, данных ему либо неопределенному кругу лиц финансовым, налоговым или другим уполномоченным органом государственной власти (уполномоченным должностным лицом этого органа) в пределах его компетенции, является одним из обстоятельств, исключающих вину налогоплательщика в совершении налогового правонарушения. Указанные обстоятельства устанавливаются при наличии соответствующего документа этого органа, по смыслу и содержанию относящегося к налоговым периодам, в которых совершено налоговое правонарушение, независимо от даты издания такого документа.

Таким образом, законодатель, устанавливая правило в пп. 3 п. 1 ст. 111 НК РФ, признает, что должностные лица уполномоченных органов могут допустить ошибку, разъясняя законодательство о налогах и сборах.

Гиниятуллина Д. Р.

1 Налоговый кодекс Российской Федерации (действующая редакция от 13.07.2015).

2 Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 30.01.2001 № 2-П.

3 Смирнова А. В. Неясности и противоречия законодательства о налогах и сборах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sdo.rea.ru/cde/conference/5/viewFiles.php>

Таблица 1 – Определения термина «конфликт»

Автор	Определение
Г. Зиммель	конфликт есть способ достижения своеобразного единства, даже если оно достигается ценой уничтожения одной из сторон, участвующих в конфликте;
М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури	конфликт – это несогласие между двумя и более сторонами, когда каждая сторона старается сделать так, чтобы были приняты именно ее цели;
В. Р. Веснин	конфликт – столкновение противоположно направленных тенденций в психике отдельного человека, во взаимоотношениях людей и их формальных и неформальных объединений, обусловленное различием взглядов, позиций и интересов.

Помимо всего прочего, разъяснения налогового законодательства не обязательны к применению для налогоплательщика. Они выражают позицию государственных органов по конкретному вопросу в налоговой сфере. Налогоплательщик должен сам решить, воспользоваться данными разъяснениями или нет. При этом разъяснения, имеющие нормативный характер, могут быть обжалованы налогоплательщиком в ВАС РФ, который уполномочен рассматривать такие дела в качестве суда первой инстанции (п. 1 ч. 2 ст. 34 АПК РФ)⁴.

Толкование налогового законодательства является одним из способов устранения неясностей, противоречий, сомнений, в ходе которого разъясняется смысл правовых предписаний, раскрывается суть законодательных актов и правила их применения. Толкование норм права – деятельность государственных органов, различных организаций и отдельных граждан, направленная на уяснение и разъяснение смысла общеобязательной воли законодателя, выраженной в нормах права, имеет своей целью правильное применение содержащихся в них предписаний к конкретным случаям жизни.

Необходимо учитывать, что толкование правовой нормы финансовым (налоговым) органом не имеет юридической силы и не является обязательным для налогоплательщика. Налогоплательщик может по-своему понимать ее смысл.

При несогласии с толкованием норм государством и возникает конфликт между участниками налоговых правоотношений.

Категорию конфликта невозможно оценить однозначно как положительный или отрицательный фактор воздействия на общество. Изначально конфликт воспринимается как негативное явление. В обыденном понятии само существование конфликта воспринимается как нестабильность взаимоотношений в социуме, вызванная действиями субъекта отношений или группы лиц. Такие конфликты в социологии называются дисфункциональными. Противоположностью такого рода конфликтов являются функциональные конфликты, приводящие к развитию общества. Функциональным конфликтам присуще оптимальное разрешение⁵.

Существует множество определений термина «конфликт». В таблице 1 представлены дефиниции, которые наиболее полно отражают сущность конфликта.

Существует немало число конфликтов, которые возникают и развиваются вне правовой сферы и лишь в процессе формирования приобретают юридические признаки, носящие переходный, смешанный характер (это значит, что первоначальная мотивация таких конфликтов лежит вне юридической сферы и связана с экономическими, национальными или личными интересами)⁶.

Понятие «экономический конфликт» не имеет четкого определения. Причина затруднений при попытке дать однозначное определение экономического конфликта кроется в сложности отношений собственности.

В экономическом конфликте ценности и моральные нормы задействованы не меньше, чем стремление максимизировать полезность.

Экономические конфликты не ограничиваются привычными границами экономики, они возникают также и там, где для оценки человеческих отношений используют финансовую и материальную составляющую.

Экономический конфликт, как всякий другой, имеет свою собственную логику, неумолимо подчиняющую себе вступившие в противоборство стороны. Однако совершенствование методов его разрешения невозможно без изучения того, как оценивается риск и полезность конфликтных действий, как различные субъекты конфликта соизмеряют ценность «бесценного» — нематериальных и нефинансовых видов капитала.

Происхождение экономических конфликтов, которые требуют тем больше затрат и риска, чем крупнее участвующие в них субъекты, является той угрозой, которая заставляет искать мирные пути решения споров, стимулирует накопление социального капитала. Вместе с тем они неизбежны и необходимы, поскольку устанавливают баланс интересов там, где нормативные санкции не действуют⁷.

Одним из направлений экономической конфликтологии является налоговый конфликт. Понятие «налоговый конфликт» ввел А. К. Саркисов, который считает, что оно по своему содержанию шире понятия юридического конфликта. Налоговое законодательство содержит понятийный аппарат, используемый в сфере налоговой конфликтологии, но не дает определение понятию «налоговый конфликт». Именно поэтому А. К. Саркисов определяет налоговые конфликты как организационно-управленческие отношения, необходимые для реализации принудительных мер обеспечения для пополнения доходной части бюджета с целью финансирования социально-экономических потребностей общества и стимулирования роста российской экономики⁸.

Конфликт интересов в налогообложении – это сложный институт, так как бизнес заинтересован в развитии производства, роста продаж и вместе с тем в снижении налогового бремени, а интерес государства заключается в том, чтобы пополнить бюджет за счет налоговых отчислений⁹.

В большинстве случаев налоговый конфликт возникает из-за разного прочтения налогового законодательства. Приведем примеры арбитражной судебной практики. На сегодняшний день нет ни одного налога, по которому не возник бы спор. На первом месте стоят споры по администрированию налога на добавленную стоимость. Споры возникают в части применения налоговых вычетов и налоговых льгот по НДС.

Так, например, предприятие представило в налоговую инспекцию уточненную декларацию по НДС за один из кварталов предыдущего года. В ней предприятие увеличило сумму вычета по НДС. Вычет не был отражен своевременно из-за ошибки бухгалтера. Однако налоговики отказали в вычете налога на основании того, что работы, при приобретении которых был предъявлен поставщиком НДС, не были отражены на счетах бухгалтерского учета.

Налоговый орган потребовал, чтобы «входной» НДС был учтен в составе расходов на приобретение работ в качестве убытков прошлых лет.

4 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (действующая редакция от 29.06.2015).

5 Халикова Э. А., Гиниятуллина Д. Р. Анализ современных теорий конфликтологии в экономической сфере // Вестник экономики и менеджмента. 2015. № 1. С. 72–80.

6 Бойков О. В., Варламова Н. Н., Дмитриев А. В. Юридическая конфликтология / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1995. С. 14.

7 Тихомиров Б. И. Теоретические основы конфликтологии: учебное пособие. СПб.: ОЦЭиМ, 2004.

8 Саркисов А. К. Конфликты в сфере налоговых отношений: теория и практика правового разрешения. М.: Изд-во Общественного фонда содействия совершенствованию налоговой системы, 2006.

9 Шестакова Е. Государство и налогоплательщики. Конфликт интересов в налогообложении // Финансовая газета. 2014. № 36, октябрь.

Предприятие обратилось в суд. Суды трех инстанций удовлетворили иск предприятия. Право на применение вычета по НДС возникает у налогоплательщика при наличии следующих условий: наличие счета-фактуры от поставщика и документов, подтверждающих принятие на учет приобретенных товаров, оприходованный товар должен быть использован в операциях, облагаемых НДС.

Стоимость работ действительно своевременно не была учтена в бухгалтерской отчетности из-за ошибки бухгалтера, которая была исправлена в следующем году. Неучтенный счет-фактура был внесен в дополнительный лист книги покупок за период, в котором работы были фактически произведены. В подтверждение права на вычет предприятием были представлены необходимые документы: контракт, платежные поручения, акт приема-передачи, счет-фактура, акт о получении на ответственное хранение материалов по результатам выполнения НИОКР, дополнительный лист книги покупок и прочие документы.

В решении апелляционного суда указано: «Допущенные ошибки в ведении учета хозяйственных операций на бухгалтерских счетах должны порождать также и обязательство по их исправлению и отнесению к тому периоду, которым датирован первичный документ, положенный в основу для осуществления бухгалтерской записи на том или ином счете».

Поскольку несвоевременное отражение указанных работ в учете объясняется ошибкой бухгалтера, отражать данную сумму в качестве убытков прошлых лет, учитываемых в отчетном периоде, не нужно (постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 15 января 2014 г. по делу № А46-5583/2013)¹⁰.

В качестве примера налогового спора рассмотрен пример в части администрирования налога на прибыль организаций. При проведении проверки в части исчисления, налоговые органы часто используют такие субъективно-оценочные понятия, как «экономическая целесообразность», «наличие результата». Ясно, что изначально любое предприятие планирует развитие и высокие экономические результаты, но в итоге достигнутый результат может быть далек от ожидаемых первоначально показателей. Отсутствие экономической целесообразности часто является причиной возникновения налоговых споров. С одной стороны, в письме Минфина России от 29 июля 2013 г. № 03-03-06/2/30016¹¹ указано, что обоснованность расходов должна оцениваться с учетом намерений налогоплательщика получить экономический эффект в результате реальной предпринимательской деятельности. При этом критерии целесообразности, рациональности и эффективности полученного результата не могут применяться при оценке обоснованности расходов. В силу принципа свободы экономической деятельности (ст. 8 ч. 1 Конституции РФ)¹² налогоплательщик осуществляет ее самостоятельно и вправе единолично оценивать ее эффективность и целесообразность. Но, с другой стороны, налоговые органы часто предъявляют претензии в обоснованности расходов.

Приведем пример конфликта интересов, когда судьи могут встать как на сторону налогоплательщика, так и на сторону налогового органа. Предприятию необходимо привлечь специалиста извне, например, юрист предприятия не осуществляет представительство в суде, а специализируется только на договорах, или же необходимо привлечь бухгалтера для сдачи бухгалтерской и налоговой отчетности, ввиду отсутствия в штате профессионального бухгалтера. В данной ситуации судебная практика неоднозначна. Так, в постановлении ФАС Поволжского округа от 04 октября 2012 г. № А65-21503/2011¹³ суд сделал вывод о том, что расходы могут рассматриваться как экономически обоснованные, только если работы (услуги), выполняемые по гражданско-правовому договору, не дублируют обязанности штатного подразделения или обязанности

контрагентов, с которыми ранее были заключены договоры, а в постановлении ФАС Московского округа от 09 ноября 2012 г. № А40-14280/12-107-69¹⁴ суд указал, что налоговый орган не вправе оценивать целесообразность расходов предприятия.

Приведем пример налогового спора по налогу на доходы физических лиц. ФНС России в письме от 03 сентября 2012 г. № ОА-4-13/14633¹⁵ указала, что компенсация (оплата) физическому лицу-исполнителю по гражданско-правовому договору стоимости проезда, проживания и прочих расходов не облагается НДФЛ. Однако в письме Минфина России от 19 июля 2013 г. № 03-03-06/1/28379¹⁶ по тому же вопросу разъясняется, что если организация оплачивает физическим лицам-исполнителям по гражданско-правовым договорам расходы на проживание и питание в их интересах (в том числе если такая оплата является частью вознаграждения за выполненные работы, оказанные услуги), то у данных лиц возникает доход в натуральной форме. В таком случае эти суммы облагаются НДФЛ.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что причинами конфликта интересов в налоговой сфере являются наличие нескольких позиций по одному и тому же вопросу, нестабильность судебной практики, отсутствие единообразия в толковании норм права. Также конфликт интересов может возникнуть из-за отсутствия правовых механизмов.

Для разрешения конфликта интересов между государством и налогоплательщиком в налоговой сфере необходимо подходить с нескольких сторон: устранить неточности законодательства и его двоякое прочтение, проводить мероприятия для повышения уровня налоговой культуры общества, создать экономически выгодные условия для налогоплательщиков, которые в то же время не ущемляли бы интересы государства.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (действующая редакция от 13.07.2015).
2. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 30.01.2001 № 2-П.
3. Смирнова А. В. Неясности и противоречия законодательства о налогах и сборах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sdo.ru/cde/conference/5/viewFiles.php>.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (действующая редакция от 29.06.2015).
5. Халикова Э. А., Гиниятуллина Д. Р. Анализ современных теорий конфликтологии в экономической сфере // Вестник экономики и менеджмента. 2015. № 1.
6. Бойков О. В., Варламова Н. Н., Дмитриев А. В. Юридическая конфликтология / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1995.
7. Тихомиров Б. И. Теоретические основы конфликтологии: учебное пособие. СПб.: ОЦЭиМ, 2004.
8. Саркисов А. К. Конфликты в сфере налоговых отношений: Теория и практика правового разрешения. М.: Изд-во Общественного фонда содействия совершенствованию налоговой системы, 2006.
9. Шестакова Е. Государство и налогоплательщики. Конфликт интересов в налогообложении // Финансовая газета. 2014. № 36.
10. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 15 января 2014 г. по делу № А46-5583/2013.
11. Письмо Минфина России от 29.07.13 г. № 03-03-06/2/30016.
12. Постановлении ФАС Поволжского округа от 04.10.2012 г. № А65-21503/2011.
13. Постановление ФАС Московского округа от 09.11.2012 г. № А40-14280/12-107-69.
14. Письмо ФНС России от 03.09.2012 г. № ОА-4-13/14633.
15. Письмо Минфина России от 19.07.2013 г. № 03-03-06/1/28379.

10 Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 15 января 2014 г. по делу № А46-5583/2013

11 Письмо Минфина России от 29.07.13 г. № 03-03-06/2/30016.

12 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

13 Постановлении ФАС Поволжского округа от 04.10.2012 г. № А65-21503/2011.

14 Постановление ФАС Московского округа от 09.11.2012 г. № А4014280/12-107-69.

15 Письмо ФНС России от 03.09.2012 г. № ОА-4-13/14633.

16 Письмо Минфина России от 19.07.2013 г. № 03-03-06/1/28379.

Струков К. В. ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ КОНТРОЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена исследованию вопроса об актуальности рассмотрения виртуального пространства в качестве самостоятельного объекта контрольной функции современного российского государства. В ходе исследования делается вывод, что расширение контрольной функции российского государства за счет отправления контрольных полномочий за виртуальным пространством следует считать свершившимся фактом, который необходимо учитывать при выстраивании государственной политики.

Ключевые слова: информационное общество, контрольная функция государства, виртуальное пространство, электронное правительство.

Strukov K. V. VIRTUAL SPACE AS THE OBJECT OF THE CONTROL FUNCTION OF THE RUSSIAN STATE

The article is devoted to the study of the question of the relevance of consideration of virtual space as an autonomous object of control function of the modern Russian state. The study concludes that the extension of the control function of the Russian state at the expense of the administration of supervisory powers over the virtual space should be considered a done deal that must be considered when building a state policy.

Keywords: the information society, the control function of the state, virtual space, e-government.

Струков К. В.

Современные реалии позволяют утверждать, что по числу интернет-пользователей Российская Федерация занимает высокие рейтинги в сравнении с другими государствами. Согласно статистическим данным сайта Internet World Stats по состоянию на июнь 2015 г., общее количество пользователей глобальной сети Интернет в Российской Федерации достигло более 103 млн человек, что является шестым показателем в мире, при этом степень его распространения среди россиян составила более 70 % от общего числа населения¹.

Приведенная выше статистика свидетельствует о том, что значительное число россиян активно пользуется Интернетом. К сожалению, интенсивный рост числа интернет-пользователей сопровождается высокими показателями уровня правонарушений, совершаемых с использованием сети Интернет. Согласно данным, собранным командой «Лаборатории Касперского» за 2014 г. на основе показателей срабатывания веб-антивируса, вирусным атакам в Российской Федерации подвергся 53,81 % от общего числа российских интернет-пользователей². Стоит также отметить, что помимо вирусных и хакерских угроз, как обоснованно отмечают некоторые исследователи, значительное количество информации, содержащейся в сети Интернет, представляет угрозу психическому, интеллектуальному и нравственному развитию человека, одновременно способствуя подрыву фундаментальных основ общественно-государственной жизни³. К сожалению, статистика по распространению такого рода информации не ведется.

Указанные факты свидетельствуют о важности и возрастающей роли общественных отношений, разворачивающихся в сети Интернет, что позволяет нам говорить о появлении нового направления государственного контроля (надзора) применительно к современному российскому государству, а именно:

контрольной функции российского государства за виртуальным пространством.

Сущность феномена «виртуального пространства» является неоднозначной. Не вдаваясь в философские диспуты об истинной природе виртуального пространства как самостоятельного уровня инобытия, что не может являться предметом юридического исследования, позволим себе уточнить, в каком значении мы будем понимать термин «виртуальное пространство» для целей настоящей работы, а именно: как совокупность информации и информационных отношений, имеющих место в сети Интернет.

Говоря о существенных признаках контрольной функции российского государства за виртуальным пространством, следует привести примеры их практической реализации⁴:

1. Устойчиво сложившаяся предметная деятельность государства в важнейших сферах жизни общества. Не вызывает сомнения, что применительно к виртуальному пространству деятельность российского государства можно охарактеризовать как отвечающую всем последним мировым тенденциям в области государственного управления. В соответствии с Концепцией формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года⁵ значительная часть информации о деятельности органов государственной власти, а также возможность взаимодействия с ними путем подачи различных обращений и получения государственных услуг, перемещена в область виртуального пространства. При этом степень взаимодействия российского государства и общества в сфере виртуального пространства будет только возрастать, о чем свидетельствуют данные Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации⁶, согласно которым к 2015 г. не менее 80 % сельских и городских поселений страны должны получить доступ к открытым государственным ресурсам. Виртуальное пространство становится неотчуждаемой сферой жизни российского государ-

1 Официальный сайт Internet World Stats [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/top20.htm>

2 См. Kaspersky security bulletin 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://securelist.ru/files/2014/12/Kaspersky-Security-Bulletin-2014-RU.pdf>

3 Бородин К. В. Правовое регулирование распространения информации в сети Интернет в условиях информационной войны // Право и кибербезопасность. 2014. № 1.

4 Подробнее о признаках функций государства см.: Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник / 5-е изд., перераб. и доп. Изво Норма. 2013. С. 464.

5 См. СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/193274/>

6 См. СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/92762/>

ственно организованного общества, непосредственно и сильно влияющей на его функционирование, а связи «Государство-Интернет-Общество» приобрели постоянный характер⁷.

2. Непосредственная связь между сущностью государства и его социальным назначением, которая реализуется в функционировании государства. По нашему мнению, в качестве основного социального назначения современного российского государства следует считать: поддержание общественного порядка, обеспечение материального и духовно-нравственного благополучия российских граждан, нивелирование социальных противоречий внутри российского общества. С учетом указанного социального назначения российского государства, раскрывающего его сущностные особенности, государственный контроль за виртуальным пространством, в условиях огромной роли Интернета в жизни российского общества, а также наличия значительного числа правонарушений, совершаемых с использованием всемирной компьютерной сети, представляется более чем оправданным, применительно к реалиям XXI в.

3. Направленность деятельности государства на выполнение крупных задач и достижение целей, встающих на каждом историческом этапе. В данном контексте, применительно к России в XXI в., следует отметить, что информация, информационные услуги и все отрасли экономики, связанные с их производством, постепенно занимают все более прочные позиции в экономической жизни сильных государств, что говорит о переходе к информационному обществу, в котором важнейшим ресурсом выступает информация. В этой связи перед Российской Федерацией, как и перед другими сильными государствами современного мира, стоит вопрос регулирования информационных отношений, осуществления контроля над ними, что также актуально применительно к сфере виртуального пространства как неотъемлемой и важнейшей части современного информационного мира⁸.

4. Особые формы реализации функций государства (правовые и организационные), обусловленные применением специфических методов управления, в том числе властно-принудительных. Законодательство Российской Федерации, подобно законодательству других технологически развитых государств, содержит значительное количество правовых норм, прямо или косвенно направленных на обеспечение правового регулирования безопасности сети Интернет в Российской Федерации. Основообразующим в данном контексте является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁹, который регламентирует некоторые ключевые аспекты распространения информации в сети Интернет, де-факто пытаясь поставить их под контроль российского государства. В частности, указанным Федеральным законом регламентированы такие вопросы, как: порядок ограничения доступа к отдельным видам информации в сети Интернет, обязанности организатора распространения информации в сети Интернет, государственное регулирование в сфере информационных технологий, особенности распространения блогером общедоступной информации, а также ряд других вопросов, связанных с отправлением контрольной функции российского государства за виртуальным пространством. В данном контексте важно отметить, что характерная особенность российского законодателя заключается в том, что он стремится не распылять законодательство, регламентирующее вопросы отправления государственного контроля за виртуальным пространством, по значительному числу нормативных правовых актов, а наоборот, стремится собрать их воедино в указанном федеральном законе, периодически внося в него изменения с

учетом особенностей текущего положения дел в информационной сфере общественно-государственной жизни. Касательно организационных форм реализации контрольной функции государства за виртуальным пространством следует сказать о непосредственном отнесении данного вопроса к компетенции некоторых органов государственной власти Российской Федерации и их структурных подразделений. В первую очередь речь идет о Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, которое в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 2 июня 2008 г. № 418 «О Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации» определено в качестве федерального органа исполнительной власти, ответственного за осуществление функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий, включая сеть Интернет¹⁰. При данном федеральном органе государственной власти непосредственные полномочия по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, а также за средствами электронных, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи возложены на Федеральную службу по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций, что следует из Постановления Правительства РФ от 16 марта 2009 г. № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций»¹¹. Кроме того, непосредственное выявление и пресечение ряда преступлений в сфере виртуального пространства возложено в Российской Федерации на Бюро специальных технических мероприятий МВД России – секретное подразделение Министерства внутренних дел России, отвечающее за борьбу с преступлениями в области компьютерных технологий¹².

Вышеизложенное свидетельствует, по нашему мнению, о том, что расширение контрольной функции российского государства за счет отправления контрольных полномочий за виртуальным пространством следует считать свершившимся фактом, который необходимо учитывать при выстраивании государственной политики.

Пристатейный библиографический список

1. Бачило И. Л. Правовая платформа построения электронного государства // Информационное право. 2008. № 4.
2. Бородин К. В. Правовое регулирование распространения информации в сети Интернет в условиях информационной войны // Право и кибербезопасность. 2014. № 1.
3. Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8.
4. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник / 5-е изд., перераб. и доп. Из-во Норма. 2013. С. 464.
5. Ноздрачев А. Ф. Контроль: правовые новеллы и нерешенные проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6.
6. Правовое регулирование государственного контроля: монография / Отв. ред.: Ноздрачев А. Ф. М.: Анкил, Институт зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2012.
7. Серго А. Г. Интернет и право. Из-во М.: «Бестселлер». 2003.
8. Телешина Н. Н. Виртуальное пространство как объект контрольной деятельности государства: Автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Владимир, 2011.

10 См. СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/193369/>

11 См. СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/195117/>

12 См. [Электронный ресурс] Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Режим доступа: https://mvd.ru/mvd/structure1/Upravlenija/Upravlenie_K_MVD_Rossii

7 Бачило И. Л. Правовая платформа построения электронного государства // Информационное право. 2008. № 4.

8 Серго А. Г. Интернет и право. М.: Из-во «Бестселлер». 2003. С. 272.

9 См. СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/12148555/>

Титова Т. В.
**СУЩНОСТЬ ГУМАНИЗМА КАК ОБЩЕПРИЗНАННОГО ПРИНЦИПА ПРАВА,
ЕГО НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ**

В статье анализируется сущность гуманизма как общепризнанного принципа права. Отражается закрепление принципа гуманизма в международных правовых актах и отечественном праве, дается оценка нравственной составляющей принципа гуманизма.

Ключевые слова: принцип гуманизма, нравственность, международные акты в области прав человека.

Titova T. V.
**THE ESSENCE OF HUMANISM AS A GENERALLY RECOGNIZED PRINCIPLE OF LAW,
ITS MORAL ASPECT**

The article analyzes the essence of the principle of humanism as a recognized principle of law. The author describes the enactment of the principle of humanism in international and domestic law and assesses its moral component as well.

Key words: principle of humanism, morality, international laws on human rights.

Титова Т. В.

В результате анализа и синтеза дефиниций к понятиям «принцип»¹ и «гуманизм»² мы приходим к выводу о том, что принцип гуманизма – это доктринальный принцип, составляющий мировоззренческую основу юридического толкования, основанный на признании высшей ценности человека как личности.

Несмотря на то, что зарождение гуманистических начал в гражданском обществе наблюдалось еще с древних времен, в трудах античных философов и римских юристов, территориально нормативно-правовое закрепление принцип гуманизма получил в Англии, когда в Великой Хартии вольностей (Magna Carta) впервые нашли отражение нормы, направленные на защиту человека от произвола чиновников. Принятые там же позднее Петиция о праве английского парламента (Petition of right) и Билль о правах гарантировали свободу слова, недопустимость незаконного ареста и несоразмерной жесткости наказания, ограничивали власть короля и пр.

Принятие общих актов в области прав человека продемонстрировало международное признание мировым сообществом необходимости неукоснительного соблюдения фундаментального принципа гуманизма. Первым международным актом в этой сфере, формально закрепившим принцип гуманизма, является Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Одобрение данного документа стало настоящим феноменом, поскольку его разработчики, противостоящие друг другу по своим теоретическим воззрениям, все-таки смогли прийти к практическому согласию относительно сводного перечня прав человека³. В де-

кларации впервые были изложены фундаментальные права и свободы человека, что создало некий вид общего «основания», неписаного закона в точке практического пересечения предельно различных теоретических идеологий и духовных традиций⁴. Позднее, в 1966 г., появились Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

В целом указанные международные правовые акты принято считать каталогом прав человека, состоящим из пяти групп прав: гражданских, политических, экономических, социальных и культурных. Основные положения указанных документов заимствованы практически во всех существующих в настоящее время конституциях стран мира. В результате международного признания принципа гуманизма права и свободы человека и гражданина провозглашены высшей ценностью в различных странах мира, а самой главной ценностью признано право на жизнь, абсолютный характер которой предопределяет приоритет принципа гуманизма среди остальных общепризнанных принципов права.

Всеобщая декларация прав человека послужила базой для других документов в области прав человека, таких как: Конвенция о статусе беженцев (1951 г.), определяющая их права, принимаемая во внимание принцип, согласно которому все люди должны пользоваться основными правами и свободами без какой бы то ни было в этом отношении дискриминации; Декларация прав ребенка (1959 г.), направленная на обеспечение счастливого детства; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1966 г.), предлагающая отказаться от ограничений и предпочтений, основанных на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), ориентированная на признание равных и неотъемлемых прав всех членов семьи, вытекающих из достоинства, присущего человеческой личности, и повышение эффективности борьбы против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания во всем мире.

1 Исследовались определения, данные В. Соловьевым (См.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: в 86 т. М., 1994. Т. 25. С. 238), С. И. Ожеговым (См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 594), В. И. Далем (См.: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. 3. М., 1907. С. 566), С. С. Алексеевым (См.: Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 145) и другими авторами.

2 См.: Словарь иностранных слов. М., 1990. С. 148; Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 320; Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1983. С. 349; Новейший философский словарь. Минск, 2003. С. 271; Этика / под ред. А. А. Гусейнова и Е. Л. Дубко. М., 2007. С. 342.

3 Маритен Ж. Человек и государство / пер. с англ. Т. Лифинцевой. М., 2000. С. 75.

4 См.: Там же. С. 76.

С опорой на положения международных правовых актов в области прав человека и в связи с назревшей необходимостью придания ему императивной формы, облачения его в законный статус, принцип гуманизма получил закрепление и в национальном праве. Действующие в настоящее время нормативные правовые акты, начиная с Конституции РФ и заканчивая актами органов местного самоуправления, содержат нормы гуманистической направленности. Данные нормы права, с одной стороны, направлены на гарантирование прав человека с акцентом на саму ценность индивида и неотъемлемость его неотчуждаемых прав, а с другой стороны, предписывают соответствующим органам соблюдать эти права, обеспечивать их реализацию, защищать и отстаивать.

Формальное закрепление принцип гуманизма получил в нормах кодифицированных актов отраслей российского права, что порождает необходимость его фактической реализации. В этой связи правовая политика любого государства должна быть направлена на обеспечение прав и свобод человека, удовлетворение его потребностей, на охрану жизни, чести, достоинства каждого человека независимо от расы, пола, религиозных убеждений, – гуманизм должен превалировать над социокультурными аспектами человеческого бытия.

Фундаментальность и общепризнанность принципа гуманизма обусловлена системой его императивов и субимперативов, его структурных компонентов. При рассмотрении формальных и практических аспектов реализации принципа гуманизма мы неизбежно сталкиваемся с проблемой его полиструктурности, т.к. реализация данного принципа затрагивает необходимость реализации его составляющих.

Одним из компонентов, на наш взгляд, является состояние уровня нравственности общества, достижение наивысшего развития общества напрямую связано с уровнем развития члена такого общества, гражданина, должностного лица и т.д. В обществе с высоким уровнем нравственности и морали не имеет значения, формализованы эти права или нет, т.к. реализация прав человека в таком обществе представляется естественной.

Так, по мнению Ч. Х. Кули, человек не существует вне социального порядка, и только на его основе он может совершенствовать свою личность, причем лишь в той степени, в какой сам этот порядок совершенен⁵. Далее автор отмечает, что любой человек в любой период своей жизни свободен или несвободен сообразно тому, окажется он или нет в условиях, способствующих полному и гармоничному развитию его личности⁶. П. И. Новгородцев, в свою очередь, заметил, что новые задачи правового государства более чем какие-либо иные требуют укрепления и поддержки со стороны факторов нравственных, средств воспитания и всяких способов общественного воздействия на умы и характеры людей, долженствующими свободными усилиями общества создавать более совершенное общество⁷. Б. Н. Чичерин в своих трудах пишет о том, что всякое действие происходит под влиянием известного внутреннего или внешнего побуждения или ввиду достижения известной цели⁸. Далее автор подчеркивает, что когда согласное с юридическим законом действие внушено не

страхом внешнего наказания, а сознанием долга, оно получает нравственный характер⁹.

Принимая во внимание позицию отечественных и зарубежных ученых, представляется крайне необходимым формирование внутреннего побуждения и нравственного целеполагания любого действия индивида. Общественная идеология должна быть направлена на укрепление общности, патриотизма, стремления к взаимопомощи, гуманному отношению к окружающему миру. Не следует забывать о том, что нормы закона, основанные на гуманизме, нравственны.

Принцип гуманизма является общепризнанным и, на наш взгляд, учитывая современные реалии, должен быть поставлен во главу других общепризнанных принципов, т.к. исключительно гуманным путем, при условии соблюдения прав и интересов индивида, возможно создание правового общества с реализованным верховенством права. Ориентиром правовой политики должно стать повышение уровня духовности, нравственности, статуса человека, обеспечение достойной жизни, творчества, самореализации, формирование иерархии ценностей.

Вместе с тем разработка общепризнанных норм права в области прав человека сопряжена с проблемами имплементации таких норм в различных странах мира, отличающихся своей уникальной культурой и исторически сложившимися традициями. Так, на сегодняшний день исламская концепция прав человека не предусматривает отмену или ограничение применения смертной казни. Более того, смертная казнь остается главным видом наказания в исламских государствах (Саудовская Аравия, Иран и т.д.)¹⁰. В этой связи указанные международные акты в области прав человека не являются окончательными, что подтверждается непрерывным поиском правоведов в данном направлении.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Теория права. М., 1995.
2. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
3. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 25. СПб., 1994.
4. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. М., 2000.
5. Маритен Ж. Человек и государство / пер. с англ. Т. Лифинцевой. М., 2000.
6. Насер А. А. Защита прав и свобод человека в арабских странах: монография. М., 2015.
7. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909.
8. Новейший философский словарь. Минск, 2003.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.
10. Словарь иностранных слов. М., 1990.
11. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1983.
12. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. Т. 3. М., 1907.
13. Философия права Б. Чичерина. М., 1900.
14. Этика / под ред. А. А. Гусейнова и Е. Л. Дубко. М., 2007.

5 См.: Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. М., 2000. С. 301.

6 См.: Там же. С. 302.

7 См.: Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 370.

8 См.: Философия права Б. Чичерина. М., 1900. С. 37.

9 См.: Там же. С. 172.

10 См.: Насер А. А. Защита прав и свобод человека в арабских странах: монография. М., 2015. С. 26.

Киреева О. А.

ДЕТСКИЕ ПОСОБИЯ: ПРАВОВОЙ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В данной статье автором проанализированы правовые и методические аспекты начисления отдельных пособий, связанных с материнством и детством. На основе анализа законодательных норм сделан вывод о неэффективной государственной политике в области преодоления демографического кризиса в России.

Ключевые слова: демографический кризис, детские пособия, максимальный и минимальный размер пособия, государственная политика.

Kireeva O. A.

CHILDREN'S GRANTS: LEGAL, METHODOLOGICAL AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS

In this article the author analyzed legal and methodical aspects of charge of the separate grants connected with motherhood and the childhood. On the basis of the analysis of legislative norms the conclusion is drawn on an inefficient state policy in the field of overcoming of demographic crisis in Russia.

Keywords: children's grants, demographic crisis, minimal and maximum amount of payment, state policy.

Киреева О. А.

В последнее десятилетие демографическая ситуация в стране характеризуется стабильным сокращением численности населения. Это обусловлено тем, что в большей части регионов России уровень смертности превышает уровень рождаемости. Такое положение неблагоприятно сказывается на развитии экономики страны, поскольку влечет за собой рост доли граждан пожилого возраста, необеспеченность трудовыми ресурсами и другие негативные последствия.

В 2013–2014 г. произошел незначительный естественный прирост населения России. Однако по прогнозам экономический кризис, начавшийся в 2014 г., может привести к росту смертности. Подтверждением этого являются статистические данные:

- количество умерших за 9 месяцев 2015 г. увеличилось по сравнению с тем же периодом 2014 г. на 12,2 тыс. человек;
- количество родившихся уменьшилось на 8,2 тыс. человек;
- прирост населения за январь – сентябрь 2015 г. составил 6,8 тыс. человек, что составляет 25,1 % к уровню аналогичного периода 2014 г.¹

С преодолением негативных тенденций демографического развития страны тесно связана государственная политика по социальной поддержке семьи и детей, в том числе в части выплаты детских пособий.

К нормативно-правовым документам, регулирующим порядок назначения и выплаты детских пособий, относятся документы, представленные в таблице 1.

В России установлены следующие виды государственных пособий и выплат:

- пособие по беременности и родам;
- единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в ранние сроки беременности;
- единовременное пособие при рождении ребенка;
- ежемесячное пособие по уходу за ребенком;
- ежемесячное пособие на ребенка;
- единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью;
- единовременное пособие жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву;
- материнский (семейный) капитал на второго и последующих детей.

Рассмотрим порядок исчисления отдельных видов пособий.

Расчетным периодом для исчисления пособия по беременности и родам, а также по уходу за ребенком до полутора лет являются два полных года, предшествующих году начала отпуска по беременности и родам или году предоставления отпуска по уходу за ребенком. При расчете пособия по беременности и родам заработок за расчетный период делится на количество календарных дней в расчетном периоде (730 или 731, если в расчетный период попадает високосный год). В расчет включаются выплаты, на которые начисляются взносы в ФСС РФ.

Пособие по беременности и родам ограничивается максимальной и минимальной величиной. Максимальная сумма пособия по беременности и родам ограничивается устанавливаемой ежегодно предельной величиной выплат, на которые начисляются страховые взносы в ФСС и учитываемых при исчислении пособия. Максимальная сумма заработка, учитываемая при расчете пособий, составляет:

- за 2013 г. – 568 000 руб.; за 2014 г. – 624000 руб.; за 2015 г. – 670000 руб.

При расчете пособия в 2015 г. в расчет берутся предельные величины за 2013–2014 гг., соответственно, в 2016 г. – за 2014–2015 гг. Таким образом, для пособия по беременности и родам максимальный размер дневного пособия в 2015 г. составляет 1632,88 руб., в 2016 г. составит 1772,60 руб.

Ежемесячное пособие по уходу за ребенком до полутора лет осуществляется в размере 40 % от среднемесячного заработка за последние два года. Для его определения выплаты за два года, на которые начислялись страховые взносы, делятся на 730, и 40 % от этой величины умножаются на 30,4. Таким образом, максимальный размер ежемесячного пособия по уходу за ребенком до полутора лет составляет в 2015 г. 19855,82 руб. (1632,88×40%×30,4). В 2016 г. максимальная сумма ежемесячного пособия составит 21554,82 руб. За счет ежегодного увеличения предельной величины выплат, на которые начисляются страховые взносы, предельные размеры декретных пособий и пособий по уходу за ребенком увеличатся в 2016 г. на 8,6 %.

Если стаж работницы ко дню начала отпуска по беременности и родам меньше 6 месяцев, пособие по беременности и родам выплачивается в размере установленного минимального размера оплаты труда (МРОТ) за полный календарный месяц. В 2015 г. эта сумма составляет 5 965 руб. Также исходя из МРОТ начисляется пособие, если средний заработок работницы в расчете за каждый месяц расчетного периода меньше МРОТ или если у работницы не было зарплаты в расчетном периоде. Таким образом, в указанных случаях женщинам выплачиваются за целый месяц декретные в сумме максимально-го размера пособия за 3,6 дня.

Минимальный размер ежемесячного пособия по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет составляет:

- при уходе за первым ребенком – 2818,34 руб.;
- при уходе за вторым и последующими детьми – 5436,67 руб.

В таблице 2 приведен сравнительный анализ максимального и минимального размера пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет со средней зарплатой в целом по экономике в РФ. Для сравнения взята среднемесячная номинальная начисленная зарплата работников в целом по экономике РФ в 2014 г. по данным Федеральной службы государственной статистики².

Из представленных в таблице 2 сведений следует, что даже максимальный размер пособия по уходу за ребенком

1 Население России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_России.

2 Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru.

Таблица 1. Перечень нормативно-правовых документов, регулирующих порядок назначения и выплаты пособий гражданам, имеющим детей

Наименование документа	Реквизиты документа	Сфера регулирования
Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»	От 19.05.95 г. № 81-ФЗ	Устанавливает единую систему государственных пособий гражданам, имеющим детей, в связи с их рождением и воспитанием.
Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»	От 29.12.06 г. № 255-ФЗ	Регулирует правоотношения в системе обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности в связи с материнством. Определяет круг лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, и виды предоставляемого им обязательного страхового обеспечения. Устанавливает права и обязанности субъектов обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Определяет условия, размеры и порядок обеспечения пособиями по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячным пособием по уходу за ребенком.
Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»	От 29.12.06 г. № 256-ФЗ	Устанавливает дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей, в целях создания условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь.
Постановление Правительства «Об утверждении Положения об особенностях порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»	От 15.06.07 г. № 375	Определяет особенности порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.
Постановление Правительства «Об утверждении Порядка назначения и выплаты ежемесячных компенсационных выплат отдельным категориям граждан»	От 03.11.94 г. № 1206	Устанавливает ежемесячные компенсационные выплаты в размере 50 руб. находящимся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет.

Таблица 2. Максимальный и минимальный размер пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет в 2015 г. в РФ

Наименование пособия	Максимальный размер пособия		Минимальный размер пособия	
	в руб. за месяц	в % к среднемесячной зарплате работников целом по экономике РФ	в руб. за месяц	в % к среднемесячной зарплате работников целом по экономике РФ
Пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет: – при уходе за первым ребенком	19855,82	61,1	2818,34	8,7
- при уходе за вторым и последующими детьми	19855,82	61,1	5436,67	16,7

«не дотягивает» до среднемесячного заработка по РФ, минимальный же размер пособия несопоставим с уровнем среднего заработка.

Единовременное пособие при рождении ребенка ежегодно индексируется, его размер в 2015 г. составляет 14497,80 руб., что составляет 44,6 % от среднемесячной зарплаты по России.

Постановлением Правительства от 03.11.94 г. № 1206 установлены ежемесячные компенсационные выплаты находящимся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет. Размер указанной компенсации ни разу не индексировался за более чем десять лет и составляет 50 руб. в месяц. Вызывает недоумение, как можно назвать пособием выплату в размере меньше 1 евро, что эквивалентно стоимости пяти самых дешевых детских памперсов.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что снижение рождаемости свидетельствует о недостаточной гибкой государственной политике по социальной поддержке семьи и детей, в том числе в части выплаты детских пособий. Преодоление негативных тенденций демографического развития требует создания целостной и действенной системы помощи семьям с детьми. Думается, что для достижения поставленных целей давно назрела необходимость пересмотреть размеры пособий, связанных с материнством и детством.

Пристатейный библиографический список

1. Население России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_России.
2. Федеральный закон от 19.05.95 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».
3. Федеральный закон от 29.12.06 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством».
4. Федеральный закон от 29.12.06 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».
5. Постановление Правительства от 15.06.07 г. № 375 «Об утверждении Положения об особенностях порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством».
6. Постановление Правительства от 03.11.94 г. № 1206 «Об утверждении Порядка назначения и выплаты ежемесячных компенсационных выплат отдельным категориям граждан».
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru.

Бейбутова А. М.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ КОНСУЛЬТАЦИЙ ПО ОХРАНЕ ПРАВ ЖЕНЩИН: МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

В статье исследовано российское законодательство в сфере оказания медико-социальной и правовой помощи женщинам в женской консультации. Проанализированы отдельные законодательные нормы в области реализации прав женщин в вопросах охраны материнства и детства. Отмечена важность организации оказания правовой помощи путем функционирования социально-правовых кабинетов в женских консультациях.

Ключевые слова: женская консультация, права, льготы, гарантии женщинам, охрана здоровья, медико-социальная помощь, правовая помощь.

Beibutova A. M.

THE WORK OF PRENATAL CLINICS ON THE PROTECTION OF WOMEN RIGHTS: MEDICAL, SOCIAL AND LEGAL ASPECTS

In the article the Russian legislation in the sphere of health and social and legal assistance to women in a prenatal clinic is investigated. Separate legislative norms in the field of realization of women's rights in the protection of motherhood and childhood are analyzed. The importance of organization of legal assistance provision through the operation of social and legal offices in prenatal clinics is noticed.

Keywords: prenatal clinic, rights, privileges, guarantees to women, health protection, medical and social assistance, legal assistance.

Бейбутова А. М.

Одной из приоритетных задач государственной политики в сфере здравоохранения является охрана здоровья матери и ребенка, снижение смертности, повышение уровня и продолжительности жизни и др. В последние годы мы наблюдали повышение материального и культурного уровня жизни населения, а также усиление контроля государства по осуществлению эффективной демографической политики, посредством улучшения материально-технической базы, обеспеченности амбулаторно-поликлинического звена и родовспомогательных учреждений, что позволило снизить уровень смертности.

Государство законодательно регулирует здоровье женщин (работающих и неработающих, одиноких и состоящих в браке, многодетных и не имеющих детей и т.д.) посредством оказания амбулаторно-поликлинической помощи. Амбулаторно-поликлиническая помощь акушерско-гинекологического профиля женщинам оказывается в женской консультации. Приказ Минздрава России от 01 ноября 2012 г. № 572н (ред. от 11 июня 2015 г.) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю “акушерство и гинекология (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)”»¹ определяет женскую консультацию как самостоятельную медицинскую организацию или как структурное подразделение медицинской организации для оказания первичной медико-санитарной акушерско-гинекологической помощи женщинам в амбулаторных условиях.

Деятельность медицинских учреждений (женской консультации) регулируется Конституцией РФ (статьи 38, 41)², Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с измене-

ниями и дополнениями)³, Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»⁴ (с изменениями и дополнениями) и другими нормативно-правовыми актами Минздрава РФ и субъектов Российской Федерации, а также стандартами оказания медицинской помощи.

Конституция РФ (ст. 41) закрепляет за каждым гражданином право на бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов и других поступлений. При этом гарантированный объем бесплатной медицинской помощи определяется в соответствии с Программой государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной медицинской помощи⁵.

Доступность, качество лечебно-профилактической, медико-социальной, правовой помощи, являются основными показателями эффективности деятельности женских консультаций. Вопрос качества оказания медицинской помощи всегда стоял остро. Так, с целью повышения качества оказания медицинских услуг по сопровождению беременности и родовспоможению с 1 января 2006 г. введены родовые сертификаты. Правовое регулирование отношений по предоставлению родовых сертификатов таково, что главное его предназначение – повышение материальной обеспеченности медицинских уч-

1 Приказ Минздрава России от 01.11.2012 № 572н (ред. от 11.06.2015) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю “акушерство и гинекология” (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.04.2013 № 27960).

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.)

3 Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 23.11.2011 г. Федеральный выпуск № 5639.

4 Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

5 Постановление Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2014 г. № 1273 г. Москва «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» Опубликовано: 5 декабря 2014 г. на интернет-портале «Российской Газеты»

реждений при оказании медицинских услуг по беременности и родам⁶.

Однако, по мнению Т. С. Гусевой⁷, это не оказывает какого-либо ощутимого воздействия на качество медицинских услуг, но создает условия для злоупотребления, так как женщина не имеет права отказа в передаче сертификата медицинскому учреждению, даже при неудовлетворительном качестве медицинских услуг.

Организационные гарантии конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь предусматривают функционирование трех систем здравоохранения в Российской Федерации: государственной, муниципальной, частной.

Причем государственные муниципальные медицинские учреждения оказывают как бесплатные, так и платные медицинские услуги. Однако на практике мы сталкиваемся с тем, что отдельные медицинские услуги оказываются некачественно и за плату.

По мнению Т. С. Гусевой⁸, повышение спроса на платные медицинские услуги в частных медицинских учреждениях связано с неудовлетворительным качеством оказания или отсутствием доступа к медицинской помощи в государственных и муниципальных ЛПУ. Соглашаясь с этим, стоит добавить о высоком уровне материально-технической оснащенности, возможности консультаций у конкретного специалиста, а также сервисе по принципу «все на месте и в удобное время».

При реализации прав женщины законодательно закрепляется возможность привлечения к ответственности медицинских учреждений и медицинских работников за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью⁹.

В случае нарушения прав граждан в области охраны здоровья, объем и порядок возмещения ущерба регламентируются в соответствии с Гражданским кодексом РФ¹⁰. Так, согласно ст. 1095 ГК РФ при причинении вреда жизни и здоровью пациента при оказании медицинской помощи по ОМС (обязательному медицинскому страхованию) наступает внедоговорная ответственность и виновное лицо должно возместить вред. В случае ДМС (добровольного медицинского страхования) возникает сочетание внедоговорной и договорной ответственности, и виновное лицо наряду с возмещением вреда должно возместить убытки и неустойку, предусмотренные договором¹¹.

Гарантии и льготы, предоставляемые женщинам в связи с материнством, направлены на улучшение условий труда работающих женщин, семейного отдыха, бытового и культурного обслуживания. Еще в Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и на период до 1990 года предполагалось введение частично опла-

чиваемого отпуска по уходу за ребенком до 1 года, неполного рабочего дня для женщин с малолетними детьми, расширение сети детских учреждений и т.д. Такие же льготы, установленные трудовым законодательством, в настоящее время имеют и отцы, воспитывающие детей без матерей, а также опекуны (попечители) несовершеннолетних (ст. 264).

Согласно ТК РФ¹² ограничено применение труда женщин на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, запрещается применение труда женщин на работах, связанных с подъемом тяжестей выше установленной нормы (ст. 253), привлечение беременных женщин к работе в ночное время, в сверхурочным работам, направление в служебные командировки (ст. 259). В соответствии с медицинским заключением и по их заявлению беременным женщинам снижаются нормы выработки или же они переводятся на другую работу, исключая воздействие неблагоприятных факторов с сохранением прежнего заработка (ст. 254). На период отпуска по уходу за ребенком согласно ст. 256 ТК РФ за работником сохраняется место работы и должность, а также общий и непрерывный трудовой стаж и др.

Стоит отметить, что нарушение женщинами нормативно установленных ограничений относительно тяжести выполняемых работ, неполноценное и некачественное обеспечение питанием беременных женщин, кормящих матерей, а также детей в возрасте до трех лет, низкое качество медицинской помощи на начальном звене приводит к снижению показателей репродуктивного здоровья женщин, уровня и качества жизни данной группы населения, способствует повышению смертности, преждевременных родов, осложнений беременности, родов и послеродового периода и т.д. Так, в период с 2000 по 2007 г. в России увеличилось число преждевременных родов на 8,3 %, осложнений беременности и родов – на 27,1 %. Но в последнее время наметилась тенденция улучшения демографических показателей, что связано с доступностью квалифицированной медицинской помощи для жителей сельской местности, ранней выявляемости патологии и др. показателями. По данным Минздрава РФ¹³, в 3,6 раза увеличилось число регионов, в которых показатель младенческой смертности ниже 6,0. Стабильно снижается младенческая смертность и в сельской местности. Так, с 2011 по 2014 г. разница в показателях младенческой смертности между городом и селом сократилась на 15 %: с 38 % до 23 %.

Таким образом, для оказания действенной помощи в вопросах охраны прав женщин и детей, оказания социально-правовой помощи по вопросам, связанным с брачно-семейными конфликтами, улучшением жилищных условий, охраной труда женщин, получением государственной социальной поддержки, пенсий и пособий необходимо организовать, согласно Приказу Минздравсоцразвития от 1 июня 2017 г. № 389¹⁴, кабинет медико-социальной помощи женской консультации. Основными функциями кабинета медико-социальной помощи являются:

6 Гаджиев Р. С., Бейбутова А. М. Качество медико-социальной помощи беременным в городских женских консультациях // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. М., 2011. № 3.

7 Гусева Т. С. Правовое регулирование медицинской помощи в связи с материнством и детством // Известия ПГПУ им. Белинского. 2012. № 28. С. 10–104.

8 Там же.

9 Медведева М. А., Воронкова Н. В., Хакимов Ф. М. Реализация прав беременных женщин на медицинскую помощь // Science Time. 2015. № 1 (13) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prav-beremennyh-zhenschin-na-meditsinskuyu-pomosch>

10 Гражданский кодекс РФ.

11 Пашинян Г. А., Ромодановский П. О., Беляева Е. В., Добровольская Н. Е. Права пациентов и ответственность медицинских работников в рамках гражданско-правовых отношений при оказании медицинской помощи // Здравоохранение. 2008. № 8.

12 Трудовой кодекс РФ.

13 Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gosminzdrav.ru>

14 Приказ Минздравсоцразвития РФ от 01.06.2007 № 389 «О мерах по совершенствованию организации медико-социальной помощи в женских консультациях» (вместе с положениями «Об организации деятельности кабинета медико-социальной помощи женской консультации», «Об организации деятельности социального работника кабинета медико-социальной помощи женской консультации»).

– медико-социальный патронаж беременных, находящихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в медико-социальной защите и поддержке, выявление факторов социального риска у женщин для благополучного завершения беременности;

– оказание медико-психологической помощи женщинам и членам их семей на основе индивидуального подхода с учетом особенностей личности;

– осуществление мероприятий по предупреждению аборт, проведение консультаций по вопросам социальной защиты женщин, обращающихся по поводу прерывания нежеланной беременности, формирование у женщины сознания необходимости вынашивания беременности и дальнейшая поддержка в период беременности;

– социально-психологическая помощь несовершеннолетним, направленная на сохранение и укрепление репродуктивного здоровья, подготовка к семейной жизни, ориентация на здоровую семью;

– медико-психологическая и социальная помощь женщинам-инвалидам, особенно в части формирования репродуктивного поведения;

– социальная помощь бездетным супружеским парам;

– профилактика насилия в семье: консультативно-психологическая и медико-социальная помощь женщинам, пострадавшим от сексуального насилия.

Стоит отметить, что такие кабинеты активно функционируют в городах Санкт-Петербурге, Москве, Нижнекамске, Волгоградской, Омской, Пензенской области и т.д.

Полноценно, своевременно и качественно оказанная медико-социальная и правовая помощь может способствовать уменьшению числа социальных проблем, снижению смертности, росту рождаемости, сохранению репродуктивного здоровья женщин в Российской Федерации, повышению качества жизни населения.

Пристатейный библиографический список

1. Гаджиев Р. С., Бейбутова А. М. Качество медико-социальной помощи беременным в городских женских консультациях // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. М., 2011. № 3.
2. Гусева Т. С. Правовое регулирование медицинской помощи в связи с материнством и детством // Известия ПГПУ им. Белинского. 2012. № 28.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.).
4. Медведева М. А., Воронкова Н. В., Хакимов Ф. М. Реализация прав беременных женщин на медицинскую помощь // Science Time. 2015. № 1 (13) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prav-beremennyh-zhenschin-na-meditsinskuyu-pomosch>
5. Пашинян Г. А., Ромодановский П. О., Беляева Е. В., Добровольская Н. Е. Права пациентов и ответственность медицинских работников в рамках гражданско-правовых отношений при оказании медицинской помощи // Здравоохранение. 2008. № 8.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2014 г. № 1273 г. Москва «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» Опубликовано:

5 декабря 2014 г. на Интернет-портале «Российской Газеты».

7. Приказ Минздрава России от 01.11.2012 №572н (ред. от 11.06.2015) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология» (за исключением использования вспомогательных репродуктивных технологий)» (Зарегистрировано в Минюсте России 02.04.2013 № 27960).
8. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 01.06.2007 n 389 «О мерах по совершенствованию организации медико-социальной помощи в женских консультациях» (вместе с положениями «Об организации деятельности кабинета медико-социальной помощи женской консультации», «Об организации деятельности социального работника кабинета медико-социальной помощи женской консультации»).
9. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 23.11. 2011 г. Федеральный выпуск № 5639.
10. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

Анбрехт Т. А.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ИНВАЛИДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье исследованы основные направления развития законодательства о социальной защите инвалидов. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, приняла на себя обязательства по соблюдению международных стандартов прав инвалидов, что потребовало изменения законодательного регулирования отношений в области защиты прав инвалидов.

Ключевые слова: права инвалидов, социальная защита инвалидов, законодательство о социальной защите инвалидов.

Anbrekht T. A.

SOCIAL PROTECTION OF PERSONS WITH DISABILITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: TENDENCIES OF LEGISLATION DEVELOPMENT

The article investigated the basic directions of development of the legislation on social protection of persons with disabilities. The Russian Federation has ratified the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, has an obligation to comply with international standards of the rights of persons with disabilities that require change of legal regulation of relations in the sphere of protection of the rights of persons with disabilities.

Keywords: rights of persons with disabilities, social protection of persons with disabilities, the legislation on social protection of persons with disabilities.

Анбрехт Т. А.

В Российской Федерации в настоящее время насчитывается около 13 млн инвалидов, что составляет около 8,8 % населения страны, и более 40 млн маломобильных граждан – 59 % населения. Следует отметить, что 51,8 % инвалидов в возрасте от 15 лет и старше среди опрашиваемых респондентов отметили наличие способности вести активный образ жизни наравне с остальными гражданами¹. В связи с чем приоритетным направлением социальной политики государства является формирование доступной среды, обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов к объектам и услугам в основных сферах жизнедеятельности.

Вопросы защиты прав инвалидов неоднократно являлись предметом рассмотрения международного сообщества. К наиболее ранним международным актам относится Декларация социального прогресса и развития (принята резолюцией 2542 (XXIV) Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1969 г.), закрепившая обязательства государств по принятию надлежащих мер по восстановлению трудоспособности лиц с умственными или физическими недостатками². Декларация о правах умственно отсталых лиц (принята резолюцией 2856 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1971 г.) выступила основой для разработки международного и национально-законодательства для оказания умственно отсталым лицам помощи в различных областях деятельности³. В Декларации о правах инвалидов (принята резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1975 г.) особо подчеркивается необходимость оказания инвалидам содействия в развитии их способностей в самых различных областях деятельности, а также признания за инвалидами всех прав без каких бы то ни

было исключений и дискриминации⁴. Всемирная программа действий в отношении инвалидов (принята резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1982 г.) содержит рекомендации для государств по реализации принципа «равных прав» и «полного участия» инвалидов в социальной жизни⁵. Стандартные правила обеспечения равных возможностей (приняты резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 г.) были разработаны на основе опыта, приобретенного в ходе проведения Организацией Объединенных Наций Десятилетия инвалидов (1983–1992 гг.). Стандартные правила, не являясь обязательными, предлагают государствам мероприятия, направленные на обеспечение равенства возможностей инвалидов в различных системах общества и окружающей среды (обслуживание, трудовая деятельность, информация) и устранения препятствий для полного участия инвалидов в жизни общества⁶. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г.), основываясь на принципах Всемирной программы действий в отношении инвалидов и Стандартных правил обеспечения равных возможностей, принята с целью разработки стратегий, планов, программ и мероприятий на международном, национальном, региональном уровнях для дальнейшего обеспечения инвалидам равных возможностей. Разработчиками Конвенции был предложен новый подход к определению инвалидности. В частности, инвалидность рассматривается как эволюционирующее понятие, являющееся результатом взаимодействия, которое происходит между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими

1 Положение инвалидов в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities (дата обращения: 30.10.2015 г.).

2 Декларация социального прогресса и развития [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/socdev.shtml (дата обращения: 30.10.2015 г.).

3 Декларация о правах умственно отсталых лиц [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/retarded.shtml (дата обращения: 30.10.2015 г.).

4 Декларация о правах инвалидов [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения: 30.10.2015 г.).

5 Всемирная программа действий в отношении инвалидов [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog1.shtml (дата обращения 30.10.2015 г.).

6 Стандартные правила обеспечения равных возможностей [Электронный ресурс] // Организация Объединенных наций. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog3.shtml (дата обращения: 30.10.2015 г.).

и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими⁷.

Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию о правах инвалидов, приняла на себя обязательства по соблюдению международных стандартов прав инвалидов⁸. Важно отметить, что в социальной сфере существовало значительное число областей, где вопросы защиты прав инвалидов находились за пределами правового регулирования. Вступающий в силу с 1 января 2016 г. Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов» призван устранить существующие пробелы⁹. В соответствии с положениями ст. 2 Конвенции о правах инвалидов в Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» была включена ст. 3.1 о недопустимости дискриминации по признаку инвалидности. Важно подчеркнуть, что под дискриминацией по признаку инвалидности понимается любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью либо результатом которых является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех гарантированных в Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области¹⁰.

Согласно ст. 26 Конвенции о правах инвалидов значительная роль в расширении возможностей инвалидов для достижения и сохранения максимальной независимости, полных физических, умственных, социальных и профессиональных способностей и полного включения и вовлечения во все аспекты жизни, отводится реализации государствами комплексных абилитационных и реабилитационных услуг и программ¹¹. Российское законодательство о социальной защите инвалидов не содержало норм, регулирующих отношения в сфере абилитации инвалидов. Следует отметить, что законодателем данный пробел устранен. Так, в ст. 9 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» включено понятие абилитации инвалида, представляющей систему и процесс формирования отсутствовавших у инвалидов способностей к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности. Таким образом, комплексная реализация реабилитационных и абилитационных услуг позволяет устранить либо достичь более полной компенсации ограничений жизнедеятельности инвалидов в целях их социальной адаптации, включая достижение ими материальной независимости и интеграцию в общество¹².

Для гражданина, признанного инвалидом, разрабатывается индивидуальная программа реабилитации или абилитации, содержащая комплекс оптимальных для инвалида реабилитационных мероприятий, включающий в себя отдельные виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации медицинских, профессиональных и других реабилитационных мер, направленных на восстановление, компенсацию нарушенных функций организма, формирование, восстановление, компенсацию способностей инвалида к выполнению определенных видов деятельности¹³. Индивидуальная программа реабили-

тации или абилитации инвалида является обязательной для исполнения соответствующими органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности.

Реализация основных направлений реабилитации, абилитации инвалидов предусматривает использование инвалидами технических средств реабилитации, создание необходимых условий для беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, инженерной, транспортной инфраструктур и пользования средствами транспорта, связи и информации, а также обеспечение инвалидов и членов их семей информацией по вопросам реабилитации, абилитации инвалидов.

Статья 9 Конвенции о правах инвалидов, закрепляя право инвалидов на доступность, возлагает на государства обязанность принимать надлежащие меры для обеспечения инвалидам наравне с другими гражданами доступа к физическому окружению, транспорту, информации и связи, включая информационно-коммуникационные технологии и системы, а также другим объектам и услугам, открытым или предоставляемым населению¹⁴. Обеспечение доступности является основным из необходимых условий интеграции инвалидов в общество. В соответствии со ст. 15 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления (в сфере установленных полномочий), организации независимо от их организационно-правовых форм обеспечивают инвалидам (включая инвалидов, использующих кресла-коляски и собак-проводников) условия для беспрепятственного доступа к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур (жилым, общественным и производственным зданиям, строениям и сооружениям, включая те, в которых расположены физкультурно-спортивные организации, организации культуры и другие организации), к местам отдыха и к предоставляемым в них услугам, а также условия для беспрепятственного пользования железнодорожным, воздушным, водным транспортом, автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в городском, пригородном, междугородном сообщении, средствами связи и информации (включая средства, обеспечивающие дублирование звуковыми сигналами световых сигналов светофоров и устройств, регулирующих движение пешеходов через транспортные коммуникации).

Для инвалидов создаются условия, позволяющие самостоятельно передвигаться по территории, на которой расположены объекты социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, входа в такие объекты и выхода из них, посадки в транспортное средство и высадки из него, в том числе с использованием кресла-коляски, инвалидам, имеющим стойкие расстройства функции зрения и самостоятельного передвижения, обеспечивается сопровождение и оказание помощи.

С учетом ограничений жизнедеятельности инвалидов на территории, где расположены объекты социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, размещается оборудование, позволяющее обеспечить беспрепятственный доступ, осуществляется допуск сурдопереводчика и тифлосурдопереводчика, а также дублирование необходимой для инвалидов звуковой и зрительной информации, надписей, знаков и иной текстовой и графической информации знаками, выполненными рельефно-точечным шрифтом Брайля, допуск сурдопереводчика и тифлосурдопереводчика.

разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм» (Зарегистрировано в Минюсте России 21 августа 2015 года № 38624) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 24.08.2015.

14 Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability (дата обращения 30.10.2015 г.).

7 Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability (дата обращения: 30.10.2015 г.).

8 Федеральный закон от 3 мая 2012 года № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2280.

9 СЗ РФ. 2014. № 49 (Ч. VI). Ст. 6928.

10 СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

11 Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability (дата обращения: 30.10.2015 г.).

12 Ст. 9 Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» вступает в силу с 1 января 2016 года // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

13 Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 июля 2015 года № 528н «Об утверждении Порядка

Для получения услуг наравне с другими лицами работники организаций, предоставляющих такие услуги, оказывают инвалидам помощь в преодолении возникающих барьеров¹⁵.

Кроме того, на объекты социальной, инженерной и транспортной инфраструктур разрешается допуск собаки-проводника при наличии документа, подтверждающего ее специальное обучение¹⁶.

Представляют особую значимость положения Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов» в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов¹⁷, направленные на обеспечение доступности в таких сферах, как образование, культура, библиотечное обслуживание и др.

Так, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет право на инклюзивное образование, обеспечивающее равный доступ к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей. На образовательные организации возлагается обязанность создать специальные условия для получения образования лицами с ограниченными возможностями и инвалидами¹⁷.

Доступные условия для обучения с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов к 2014 г. были созданы в 5961 общеобразовательной организации, таким образом, число таких организаций увеличилось с 2,5 % до 12,5 %¹⁸.

Определяя права особых пользователей библиотек, ст. 8 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» слепым, слабовидящим предоставляет право на библиотечное обслуживание и получение экземпляров документов в специальных доступных форматах на различных носителях информации в специальных государственных библиотеках и других общедоступных библиотеках. В соответствии с законодательством о социальной защите инвалидов обеспечивается доступность библиотек и библиотечного обслуживания, а также культурных ценностей и благ, объектов культурного наследия¹⁹.

Кроме того, согласно п. 24 ст. 26.3 Федерального закона от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнитель-

ных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»²⁰ и ст. 5 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» органы государственной власти субъектов Российской Федерации участвуют в реализации государственной политики в отношении инвалидов на территориях субъектов Российской Федерации. Поэтому обеспечение права инвалидов на доступную среду требует системных мер со стороны как федеральных органов исполнительной власти, так и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В связи с этим федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленных сферах деятельности, предстоит разработать порядок обеспечения условий доступности для инвалидов объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и предоставляемых услуг, а также оказания им при этом необходимой помощи²¹. Субъектам Российской Федерации в целях реализации Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов» необходимо внести изменения в нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сферах социальной защиты, занятости, образования, здравоохранения, культуры, транспорта, связи и информации, физической культуры и спорта, градостроительной деятельности и жилищно-коммунального хозяйства, торговли, бытового обслуживания, общественного питания, а также разработать «дорожные карты» поэтапного создания в регионах безбарьерной среды²². В целом совершенствование правового регулирования отношений в области формирования доступной среды будет способствовать созданию условий по обеспечению равного доступа инвалидов к объектам и услугам.

Пристатейный библиографический список

1. Положение инвалидов в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities (дата обращения: 30.10.2015 г.).
2. Лекарев Г. Около 20 млрд. рублей планируется направить на софинансирование региональных программ «Доступная среда» на 2016-2020 годы [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/social/invalid-defence/275>. (дата обращения: 30.10.2015 г.).
3. Топилин М. Все регионы должны разработать «дорожные карты» по созданию доступной среды для инвалидов [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/social/invalid-defence/282/> (дата обращения: 30.10.2015 г.).

15 В соответствии со ст. 26 Федерального закона от 1 декабря 2014 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов» положения ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в части обеспечения доступности для инвалидов объектов связи, социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, транспортных средств применяются с 1 июля 2016 г. исключительно ко вновь вводимым в эксплуатацию или прошедшим реконструкцию, модернизацию указанным объектам и средствам // СЗ РФ. 2014. № 49 (Ч. VI). Ст. 6928.

16 Приказ Минтруда России от 22 июня 2015 г. № 386н «Об утверждении формы документа, подтверждающего специальное обучение собаки-проводника, и порядка его выдачи» (зарегистрировано в Минюсте России 21.07.2015 № 38115) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 24.07.2015.

17 См.: ст. 79 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

18 Лекарев Г. Около 20 млрд рублей планируется направить на софинансирование региональных программ «Доступная среда» на 2016-2020 годы [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/social/invalid-defence/275>. Дата обращения (30.10.2015 г.).

19 См.: ст. 12, 15 Федерального закона от 29 декабря 1994 года № 78-ФЗ «О библиотечном деле» // СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 2; статьи 30, 37, 39 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» утв. ВС РФ 09.10.1992 №3612-1// Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615; ст. 9, ст. 9.2, ст. 9.3 Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.

20 СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

21 В частности, Приказом Минтруда России от 30.07.2015 г. № 527н утвержден Порядок обеспечения условий доступности для инвалидов объектов и предоставляемых услуг в сфере труда, занятости и социальной защиты населения, а также оказания им при этом необходимой помощи» (зарегистрировано в Минюсте России 17.09.2015 №38897) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 18.09.2015; Приказом МВД России от 30.07.2015 г. № 809 утвержден Порядок обеспечения условий доступности объектов системы МВД России и предоставляемых услуг для инвалидов, а также оказания им при этом необходимой помощи (зарегистрировано в Минюсте России 28.08.2015 № 38736) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 01.09.2015 и др.

22 Топилин М. Все регионы должны разработать «дорожные карты» по созданию доступной среды для инвалидов [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/social/invalid-defence/282/>. (дата обращения: 30.10.2015 г.).

Пирова Р. Н., Бекишиев А. А.
МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Статья посвящена изучению вопросов, напрямую связанных с мусульманским законодательством — фикхом. В ней исследованы особенности и специфика мусульманского права, а также рассмотрены историческое развитие, природа и источники мусульманского права. Раскрыты особенности структуры права и юридической техники в мусульманском праве.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, мусульманское законодательство, фикх, иджтихад, мазхаб.

Pirova R. N., Bekishiev A. A.
ISLAMIC LAW IN THE MODERN WORLD

The article is devoted to the study of issues directly related to Muslim law — *fiqh*. The peculiarities and specifics of Islamic law are considered as well as historical development, nature and sources of Islamic law. The features of the structure of law and legal technique in Islamic law are revealed.

Keywords: Islam, Muslim, Muslim law, *fiqh*, *ijtihad*, *madhhab*.

Вплоть до XIX в. мусульманскому праву принадлежало центральное место в правовых системах исламских стран, где оно выполняло роль основного регулятора брачно-семейных, имущественных и даже уголовно-правовых отношений, применялось при решении ряда административно-финансовых и государственно-правовых вопросов. Однако со второй половины прошлого столетия в положении мусульманского права произошли серьезные изменения, в результате которых сфера его действия в наиболее развитых странах стала ограничиваться главным образом регулированием отношений личного статуса (брачно-семейные вопросы, завещание, наследование, опека, попечительство, правовой режим вакуфного имущества и т. д.).

В наши дни ни в одной из них мусульманское право не является единственно действующим. Более того, в большинстве случаев оно уже не выступает центральным элементом правовой системы. В то же время мусульманское право не утратило здесь полностью своей роли комплекса действующих норм, хотя и в модифицированном виде.

Мусульманское право является самостоятельной правовой системой (семьей), специфика которой заключается, прежде всего, в сложном сочетании религиозного и собственно юридических начал. Своеобразным соотношением религиозного и юридического начал объясняется и тот факт, что в мусульманском праве в собственном смысле основное внимание уделяется внешнему поведению человека, а не его внутренним мотивам. Вместе с тем осуществление его норм на протяжении веков опиралось главным образом на религиозную совесть мусульман и их восприятие данных норм как религиозных. Не случайно в мусульманско-правовой теории активно развивались как концепция «интереса», учитывающая прежде всего религиозно-этические ценности ислама, так и учение о юридических стратагемах, принимающее во внимание лишь формальное соответствие поступков или сделок установленным правилам. В целом, однако, эффективность механизма действия мусульманского права во многом объясняется близостью, а нередко и слитностью правосознания с нормами, готовностью мусульман соблюдать последние без вмешательства государства и особого аппарата принуждения.

На протяжении веков мусульманское право развивалось в традиционной форме доктрины (фикха) различных школ — толков (мазхабов), которые порой остро соперничали друг с другом.

Роль иджтихада ограничивалась развитием фикха внутри этих мазхабов. В ориентации на определенный толк заключалась сила мусульманского права (фикха) — единая логика и стройность, которые, правда, нарушались несовпадением взглядов внутри каждой школы и не всегда отвечали строгим юридическим критериям. В современных правовых системах мусульманское право сравнительно

редко выступает в традиционной форме доктрины, которая остается ведущим его источником в немногих странах и лишь применительно к отдельным отраслям. В большинстве случаев его нормы закрепляются в принимаемом государством законодательстве. В итоге доктрина (фикх) в качестве основного источника мусульманского права уступает место законодательству, а отличающиеся плюрализмом взгляды различных школ заменяются точными однозначными и абстрактными нормами, которые очень часто не сводятся к одному определенному толку и исходят из иного понимания иджтихада. В правовых системах отдельных стран (например, Саудовской Аравии, Судана, Йемена или Ирана) мусульманское право продолжает оставаться ведущим элементом, определяющим их основополагающие начала и общую направленность. Такие системы в целом сохраняют мусульманско-правовой характер. Не случайно мусульманское право продолжает здесь наиболее широко применяться в традиционной форме доктрины.

Кроме того, в отдельных странах (в частности, в Объединенных Арабских Эмиратах) судам официально предписано применять прежде всего мусульманское право, а к другим источникам разрешается обращаться только в случае, если они ему не противоречат. Поэтому действующее в указанных странах законодательство, которое прямо закрепляет институты и ведущие принципы мусульманского права, можно считать источником (внешней формой) последнего. Однако в большинстве исламских стран, где мусульманское право не занимает центрального места в правовой системе, ситуация

Пирова Р. Н.

Бекишиев А. А.

иная. Как правило, здесь его нормы и институты действуют в форме законодательства. Значение последнего для самого мусульманского права различно. Например, отношения личного статуса в этих странах мусульманское право на протяжении веков регулировало в традиционном виде доктрины. Теперь все основные ее выводы, касающиеся данной отрасли, закрепились нормативно-правовыми актами. Причем предусматривается, что в случае их молчания судья обращается к выводам определенного фикха. Учитывая это, данное законодательство следует рассматривать в качестве самостоятельной формы мусульманского права. При этом необходимо также учитывать такой важный социально-психологический фактор, как отношение к указанным нормативно-правовым актам мусульманских юристов, которые, как правило, считают их формой систематизации самого мусульманского права. Анализ современных правовых систем мусульманских стран дает основания для вывода о формировании в настоящее время своего рода «современного» мусульманского права, которое отличается от традиционного рядом существенных особенностей. Принятие законодательства, закрепляющего положения шариата и ориентирующегося на его общие принципы, ведет к существенным изменениям технико-юридического содержания мусульманского права, характера его норм и соотношения их с религиозными правилами поведения. Традиционно эти нормы в большинстве случаев носили казуальный характер, представляли собой индивидуальные решения конкретных споров и выражались в противоречивых выводах доктрины. В результате отмеченной трансформации предписания «современного» мусульманского права приобретают привычный для законодательства вид единообразных общих правил поведения.

Кодификация фикха или включение мусульманско-правовых принципов, норм и отдельных институтов в основанное на заимствовании европейских правовых образцов законодательство — яркий пример современного взаимодействия исламской и европейской правовых культур. Отметим в этой связи, что для шариата всегда было характерно взаимодействие и сосуществование с другими правовыми системами. Он никогда не был единственным действующим правом в мусульманском мире. Например, в арабских странах наряду с шариатом на протяжении веков применялись иные правовые нормы — правила немусульманских конфессий по брачно-семейным вопросам, акты государственных органов (часто отходившие от шариата), иностранное право (в том числе в силу режима капитуляций), местные обычаи, которым придавалось правовое значение. Восприятие в XIX в. наиболее развитыми арабскими странами европейских правовых образцов, которым мусульманское право уступило центральное место в правовых системах, было подготовлено всей предшествующей историей правового развития арабского мира, а также объяснялось особенностями самого мусульманского права как системы, открытой к восприятию чужого опыта.

Исламские и европейские правовые институты и правовые культуры в целом еще более активно взаимодействуют в современных правовых системах арабских стран, прежде всего на уровне норм законодательства и правосознания. Важно иметь в виду, что само современное мусульманское право сложилось и эволюционирует главным образом под решающим влиянием европейских правовых моделей. Теоретический аспект проблемы соотношения мусульманского права с европейской правовой культурой разрабатывается в концепции «верховенства» и «претворения» шариата, а ее практическая сторона выходит на первый план при толковании и применении положений конституций, которые признают шариат или

его принципы основным (главным, приоритетным) источником законодательства. Следует отметить и тот факт, что профессиональное правосознание в большинстве арабских стран очевидно тяготеет к европейской правовой культуре, а массовое продолжает в целом ориентироваться на традиционные исламские ценности.

Расширение исламоведческих знаний государственных служащих становится все более востребованным в Российской Федерации.

В настоящее время в России проживает более 16 млн мусульман. За немногим исключением все они принадлежат к суннитскому направлению в исламе. Основные регионы компактного расселения мусульман приходятся на Поволжье и Приуралье, а также Северный Кавказ. Эти регионы, хотя и в разной степени, не обойдены событиями, свойственными всему мусульманскому миру. Речь идет о движении за возврат «к фундаментальным ценностям ислама», которое делится на ряд направлений. На разных флангах находятся сторонники тотальной реставрации раннеисламских форм жизни и те реформаторы, которые сочетают опору на духовно-нравственные достояния мусульманской культуры со стремлением идти в ногу с современностью.

Экстремистам, пытающимся достичь своих политических целей методами террора и насилия, противостоят силы, связывающие будущее мусульман с общемировым прогрессом.

Проблема соотношения духовно-нравственных ценностей мусульманской и иных цивилизаций актуальна и чрезвычайно значима для устранения напряженности в мировом сообществе, в отдельных регионах и государствах. Важно выявить те элементы различных правовых культур, которые способны стать опорой для поддержания мира во всем мире, для установления гражданского, в том числе межнационального и межконфессионального, согласия, для развития социального партнерства в отдельных странах. Мусульманское право всегда отличала особенно тесная привязанность к этике ислама, установления которой и в настоящее время воспринимаются верующими мусульманами в качестве своеобразного эталона «исламской справедливости» в ее нормативно-правовом воплощении.

Пристатейный библиографический список

1. Барковская Е. Ю. Мусульманское право и правовая культура. М., 2001.
2. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986.
3. Боголюбов А. С. Пресечение и наказание в мусульманском праве VIII-IX вв. // Ислам Религия, общество, государство. М., 1984.
4. Грязневич П. А. Ислам и государство (К истории государственно-политической идеологии раннего ислама) // Ислам: Религия, общество, государство. М., 1984.
5. Ибрагим Т. Ислам: вероучение и обряды // Ислам и мусульмане в России. М., 1999.
6. Ионова А. И. Судебная практика и арбитраж в исламе // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 1995. № 1.

Аль-Баити М. А. А.

МОТИВ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН

В статье рассматривается один из обязательных признаков субъективной стороны преступления – мотив преступления. Раскрывается смысловая составляющая мотива, как факультативного элемента состава преступления, и его сочетание с различными видами умысла. Приводится сравнение влияния мотива на наказание по закону и по шариату.

Ключевые слова: мотив преступления, значение мотива, влияние мотива на направленность умысла, мотив в неосторожных преступлениях, непризнание мотива преступления в шариате.

Albaiti M. A. A.

MOTIVE AS A CHARACTERISTIC OF THE SUBJECTIVE ASPECT OF CRIME IN THE CRIMINAL LAW OF MUSLIM COUNTRIES

The article discusses one of obligatory characteristics of the subjective aspect of a crime which is the motive of the crime. The semantic component of the motive as an optional element of the crime is revealed as well as its combination with different kinds of intent. A comparison of the influence of motive on the punishment according to the law and according to Sharia is provided.

Keywords: motive, motive value, motive influence on the direction of intent, motive in careless crimes, failing to recognize the motive of the crime in the Sharia.

Аль-Баити М. А. А.

Любое осознанное поведение человека считается мотивированным и направлено на достижение конкретной цели. Правильную юридическую оценку содеянного невозможно сделать, не учитывая его мотивы и цели.

В мусульманском уголовном праве понятие «мотив» имеет несколько определений: это фактор, побуждающий к действию; это психологический фактор, побуждающий к размышлению о преступлении¹; это удовлетворение потребности или субъективной деятельности, связанной с целью². Также мотив определяют как субъективную силу, направляющую волю преступника к совершению преступления³.

Мотив – это осознанное или неосознанное побуждение внутреннего характера, которое движет человеком и побуждает его к совершению какого-либо деяния. Выясняя содержание мотива преступления и определяя его соотношение с другими признаками в общественно опасном деянии, нужно брать за основу особенности поведения человека.

Мотивы к преступлению могут быть разными. Они различаются в зависимости от вида преступления. Более того, могут различаться внутри одного и того же вида преступления в зависимости от личности субъекта. Например, при краже: один человек может украсть для того, чтобы прокормить детей, т. е. сам мотив к краже является смягчающим; другой же может совершить данное преступление в силу своей алчности, несмотря на то, что не беден. Такой мотив является отягчающим. Также мотив может быть осознанным самим преступником, а может быть скрытым, неосознанным; может быть соотношенным с деянием или не соотношенным⁴.

Итак, мотив имеет отношение к смысловой составляющей преступления, а не к составу преступления, наличие которого необходимо по закону. Поэтому он рассматривается в рамках преступного умысла как элемент, не прописанный в тексте закона, и, как правило, не имеющий значения в преступном умысле, как то, о чем не говорится в тексте закона. Однако это не является абсолютным положением (основой) в современном законодательстве. Важную роль мотив играет в случае, когда судья использует свои полномочия при назначении наказания, т. к. он выявляет степень опасности, которую представляет личность преступника.

Следует обратить внимание на то, что поведение человека – явление весьма сложное и многоплановое. Но главное, чем оно отличается от других явлений, это то, что оно имеет целенаправленный характер. Человек, как правило, старается избирать поведение, больше соответствовавшее его влечениям, которые занимают значимое место в структуре его личности⁵.

Мотив является признаком поведения, и вне конкретной деятельности существовать не может. Он определяет деятельность и сам ею определяется. И чем сложнее деятельность, тем сложнее побуждения, которые вызвали эту деятельность. Другими словами, о мотиве следует говорить только в связи с определенной деятельностью, поведением человека. Если мотив представляет собой побуждение, которым руководствовался человек при совершении того или иного действия, то о нем можно говорить лишь относительно конкретной цели или действия.

Необходимо обратить внимание на то, что любые человеческие мотивы, даже те, которые представлены в виде целостных и многоуровневых программ, как то: идеалы, убеждения, установки, склонности и т.д., только тогда смогут выступать как побудительные факторы (мотивы), а также стать источниками волевого акта, когда, преломляясь в сознании человека,

1 Абд Аль-Мухейман Бакар Салим. Уголовное право в Египетском и сравнительном законодательстве: дис. канд. наук. Каир, 1997 (на араб. языке). С. 5.

2 Махмуд Наджиб Хусни. Общая теория преступного умысла. Каир, 1998 (на араб. языке). С. 186.

3 Абд ар-Рахман бен Сулейман. Комментарии к Уголовному кодексу Йемена. Адан, 2003 (на араб. языке). С. 40.

4 Абд Аль-Мухейман Бакар Салим. Уголовное право в Египетском и сравнительном законодательстве: дис. канд. наук. Каир, 1997 (на араб. языке). С. 277.

5 Волков Б. С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Издательство Казанского университета. 1982. С. 5.

пробуждают у него осознанное стремление достигнуть конкретной цели, так как нет воли без цели. То, что современные правоведы не относят мотив и цель к составляющим умысла, не значит, что они не имеют правового значения. В некоторых случаях мотив имеет правовое значение, которое прописано в законе и которое выражается в наличии преступления, так как в виде исключения считается элементом умысла. Также мотив учитывается при определении размера наказания в зависимости от того, является ли умысел добрым или злым. Мотив может быть как добрым, так и злым. Однако это не влияет на наличие преступного умысла, но имеет значение в случае, когда судья использует свои полномочия при определении размера наказания. Этим руководствуются законы Франции и Египта.

Разница между шариатом и составленными законами (позитивное право) состоит в том, что шариат не признает мотив и не считает, что он влияет на степень опасности преступления, которое представляет опасность для общества и для его порядка, и это преступление – худуд и кисас. Что касается того, чтобы покинуть место преступления, то шариат не признает мотивом теоретическую сторону, если только она не является запрещенной судьей, который определяет мотив, вытекающий из практической стороны. Большинство законов пренебрегают мотивом и не признают его теоретическую сторону. Однако это не запрещает судье, который определяет мотив, уравнивать преступления легкой степени тяжести и особо тяжкие. И путь шариата представляется наиболее мирным и лучшим, потому что он ставит интересы (выгоды) общества при особо тяжких преступлениях выше любой реабилитации (реституции) и не разрешает судье выбирать между общим благом и выгодой преступника, а также опираться на общественное благо, эмоции и свое усмотрение.

Как было сказано выше, поведение людей в своей социально-психологической основе – это явление очень непростое и разноплановое. И такое поведение, конечно, определяется мотивом, но обязательно в соотношении и в тесной связи с целью, результатами, которых хочет добиться лицо, со способностями их достижения и, к тому же, с теми социальными нормами, которые сформировались по отношению к подобному рода поведению. Отсюда следует, что мотив преступления – это созданное побуждение, возникающее вследствие желания достичь поставленной цели ради удовлетворения мотива («снятия побуждения»)⁶.

Мотив как один из элементов психики человека напрямую связан с миром, окружающим его, так как факторы, побуждающие человека к действию, по своей сути есть социально-биологическая реальность, диалектически отраженная и преломленная в личности. Иначе говоря, это генетическая связь мотива с внешним миром. Мотивы бывают такими, каким предстает мир.

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод о том, что мотив в человеческом поведении выполняет самые разные функции, две из которых являются важнейшими, определяющими – это побудительная (иногда ее называют динамизирующей) и смыслообразующая функции⁷.

Побудительная сторона мотива – это, говоря иными словами, источник, от которого зависит проявление воли человека и который стимулирует это проявление в процессе психи-

ческой деятельности. В связи с этим мотив считается основной побудительной силой, направленной на совершение действия.

Значение смыслообразующей роли мотива очень велико, а сама смыслообразующая функция, безусловно, сложна, ибо данный этап психической деятельности связан с появлением цели, т. е. происходит как бы «опредмечивание» побуждений, а также оценка этих побуждений с учетом, во-первых, социальных критериев и, во-вторых, личных. Кроме того, устанавливается их значимость для личности человека. Но и это еще не все. Во время «опредмечивания» побуждения осуществляются выбор и оценка со всех сторон тех предметов, которые способны удовлетворить возникшее побуждение.

Итак, благодаря смыслообразующей функции мотива, исследователи могут определить его социальные свойства, выявить факторы, помогающие отграничить один мотив от другого, а в рамках одного и того же мотива установить его виды⁸.

Представляется очевидным, что, опираясь на смыслообразующую функцию мотива, можно не только отграничивать один мотив от другого мотива, но и распределить их по группам, другими словами, создать классификацию мотивов преступления⁹.

Не следует судить о значении рассматриваемых функций мотива, ограничиваясь только названными направлениями. В результате все они предназначены для решения более важного вопроса – вопроса о субъективном вменении, т. е. о том, что и в каких пределах может быть предъявлено человеку, совершившему противоправное деяние. Сюда относится установление объекта посягательства, выявление характера деяния, степени его общественной опасности и последствий, выяснение психического и физиологического состояния личности, а также обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность, и уже в соответствии с выявленными факторами предъявление соответствующего обвинения, определение вида наказания и его размера в границах уголовно-правовой нормы.

Мотив следует понимать как психолого-юридическое явление, которое может носить как осознанный, так и неосознанный характер. При рассмотрении процесса образования желания в нем выделяют ряд этапов, в частности: ощущение определенной потребности; превращение этой потребности в побуждение к действию, другими словами, в мотив; постановка цели, достижение которой должно удовлетворить эту потребность или стать средством для ее удовлетворения; желание достижения поставленной цели.

В данном ряду этапов можно проследить взаимосвязь всех субъективных признаков преступления. Надо сказать, что субъективная сторона включает обязательный элемент – вину и факультативные – мотив, цель, эмоции. Мы исходим из понимания субъективной стороны преступления, т. е. из того, как она трактуется в российском уголовном праве, следующим образом: субъективная сторона преступления – это совокупность психологических и интеллектуальных элементов, состоящая из воли, мотива, цели и эмоций, отражающаяся в совершенном преступлении. Это и характеризует поведение лица, совершающего наказуемые проступки, запрещенные религиозными канонами.

В частности, мотив зарождается из потребностей и в некоторой степени содействует образованию цели, а цель совмест-

6 Волков Б. С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Издательство Казанского университета. 1982. С. 11.

7 Там же.

8 Криминология / под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М.: Юрид лит., 1988. С. 133–136.

9 Криминальная мотивация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М., 1986. С. 802.

но с мотивом порождает стремление любыми способами достичь желаемого результата¹⁰.

Мотив преступления учитывают, решая вопрос о квалификации содеянного, а также о назначении вида и размера наказания. На квалификацию оказывают влияние мотивы, являющиеся обязательными признаками субъективной стороны того или иного вида преступления. Назначая наказание, решая вопрос о привлечении или освобождении от уголовной ответственности, обязательно нужно учитывать мотивы, отнесенные к обстоятельствам, смягчающим или отягчающим ответственность¹¹.

Подчеркнем, что мотив преступления, которое имеет формальный состав, указывает на то, что это преступное деяние может быть совершено лишь с прямым умыслом.

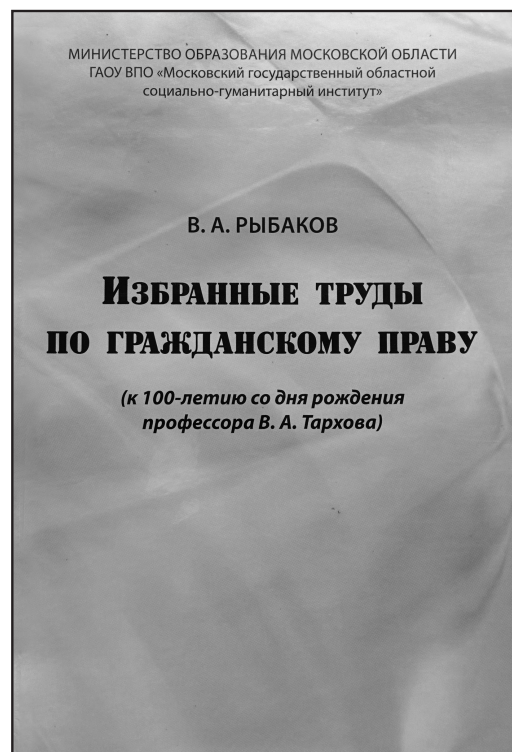
Однако нет однозначности в решении вопроса о видах умысла при совершении преступлений с материальным составом с указанным в законе мотивом. Специальные мотивы, которые перечислены в законе, при совершении преступлений, имеющих материальный состав, могут сочетаться и с прямым, и с косвенным умыслом. Так, сочетать определенный мотив с неконкретизированным косвенным умыслом можно совершая убийство или причинение вреда здоровью из хулиганского побуждения, убийство в связи с осуществлением человеком служебной деятельности или выполнением им общественного долга и пр. Надо сказать, что совершение преступления с материальным составом по специальному мотиву при любом виде умысла не касается преступлений, совершаемых из корыстных побуждений. В данном случае «потребность», которая лежит в основе мотива, возможно удовлетворить, только получив материальные выгоды (прямые или косвенные) в результате смерти человека и лишь после того, как она наступит. Иначе совершением преступления по корыстным мотивам всегда преследуется цель извлечь материальную выгоду или избавиться от материальных затрат¹². Однако данное мнение разделяют не все ученые.

Надо подчеркнуть, что характер корыстного мотива и способ его утоления указывают на то, что, к примеру, убийство из корысти совершается только с прямым умыслом и его целью является получение материальной выгоды.

Таким образом, можно сказать, что специальные мотивы, которые указаны в диспозиции нормы уголовного права, можно сочетать лишь с прямым умыслом в преступлениях, которые имеют формальный состав, и с любым видом умысла в преступлениях, которые имеют материальный состав. Мотивированность в неосторожных преступлениях никогда не распространяется на общественно опасные последствия, т. к. они не являются средством удовлетворения потребностей, которые лежат в основе неосмотрительного поведения. Тогда как мотивы неосмотрительного поведения находятся за границами состава неосторожного преступления, потому законодатель их никогда не вводит в состав неосторожных преступлений, и их нельзя считать преступными мотивами.

Пристатейный библиографический список

1. Абд Аль-Мухейман Бакр Салим. Уголовное право в Египетском и сравнительном законодательстве: Дис. канд. наук. Каир, 1997 (на араб. языке).
2. Абд ар-Рахман бен Сулейман. Комментарии к Уголовному кодексу Йемена. Адан, 2003 (на араб. языке).
3. Волков Б. С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование). Издательство Казанского университета, 1982.
4. Криминология / под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М.: Юрид лит., 1988.
5. Криминальная мотивация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1986.
6. Махмуд Наджиб Хусни. Общая теория преступного умысла. Каир, 1998 (на араб. языке).
7. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М.: Профобразование, 2001.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г., ст. 61, 63 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.11.2015).

10 Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М.: Профобразование, 2001. С. 64.

11 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г., ст. 61, 63 Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 06.11.2015).

12 Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М.: Профобразование, 2001. С. 65.

Магомедова Р. М., Нурмагомедов И. Г.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА

Исследование посвящено некоторым аспектам норм мусульманского права и реализации их на практике в странах арабского мира. Внимание уделено особенностям этой правовой системы, которая исходит из религиозной книги – Корана.

Ключевые слова: Коран, ислам, мусульманское право, преступление, наказание.

Magomedova R. M., Nurmagomedov I. G.
SOME ASPECTS OF ISLAMIC LAW DEVELOPMENT IN THE ARAB EAST

Research is devoted to some aspects of the provisions of Islamic law and their implementation in practice in the Arab world. The attention is paid to the peculiarities of the legal system, which comes from a religious book – the Quran.

Keywords: Quran, Islam, Islamic law, crime, punishment.

Магомедова Р. М.

Формирование правовой системы в странах арабского мира обусловлено тем, что там распространена одна из великих мировых религий – ислам. Нормы шариата, исходящие из Корана и Сунны, являются источниками нормативно-правовой системы государств Востока.

Религия оказала сильное влияние на развитие всех сфер жизни общества, вплоть до того, что действует система наказания шариатских судов.

Мусульманское право – сложное социальное явление, которое имеет долгую историю развития. Оно возникло в период разложения родоплеменного строя и становления раннефеодального государства на западе Аравийского полуострова.

Одним из наиболее крупных явлений в средневековой цивилизации на Востоке стало мусульманское право (шариат). Эта правовая система, которая со временем приобрела мировое значение, возникла и оформилась в рамках Арабского халифата. Процесс ее развития был тесно связан с эволюцией арабской государственности от небольшой патриархально-религиозной общины в начале VII в. (при Пророке Мухаммаде (с.а.с.)) до одной из крупнейших империй VIII–X вв. при династиях Омейядов и Аббасидов¹.

После падения Арабского халифата мусульманское право не только не потеряло свое былое значение, но приобрело как бы «вторую жизнь» (подобно римскому праву в средневековой Европе) и стало действующим правом в целом ряде средневековых стран Азии и Африки, принявших в той или иной степени ислам (Египет, Индия, Османская империя и т.д.)².

Ислам исходит из того, что существующее право произошло от Аллаха, который в определенный момент истории открыл его человеку через своего пророка Мухаммеда. Оно охватывает все сферы социальной жизни, а не только те, которые подлежат правовому регулированию. Право Аллаха дано человеку раз и навсегда, но божественные открытия нуждаются в разъяснениях и толкованиях.

Самая молодая из трех мировых религий ислам, но имеет очень широкое распространение. Эта религия содержит теологию, которая устанавливает догмы и уточняет, во что мусульманин должен верить (шариат), т.е. предписания верующим: что они должны делать и чего не должны. Шариат означает в переводе на русский язык «путь следования» и составляет то, что называется мусульманским правом. Это право указывает, как мусульманин должен вести себя, не различая обязательств по отношению к себе подобным и по отноше-

нию к Богу. Иными словами, шариат основан на идее обязанности, возложенных на человека, а не на правах, которые он может иметь. Последствием невыполнения обязанностей является грех того, кто их нарушает, поэтому мусульманское право не уделяет много внимания санкциям, установленным самими нормами. Оно регулирует отношения только между мусульманами. В исламе государство играет роль служителя религии. Мусульманские общины имеются более чем в 120 странах и объединяют, по различным данным, от 1,2 до 1,5 млрд человек. В 35 странах мусульманами является большая часть населения, а в 29 странах последователи ислама представляют собой влиятельные меньшинства. В 28 странах ислам признан государственной или официальной религией. Только 18 % мусульман живут в арабских странах. Ислам является второй по численности религией в мире (после христианства).

Правовые системы 45 афро-азиатских государств (от Марокко до Индонезии) относятся к мусульманской правовой системе. Наиболее мусульманскими считаются 33 страны. Здесь более 80 % населения является мусульманами, а ислам провозглашен в конституциях государственной религией³.

Можно предложить следующую классификацию современных правовых систем стран Востока, взяв за основу масштабы применения норм мусульманского права и степень их влияния на действующее законодательство.

В одних странах – Саудовской Аравии и Иране – мусульманское право и по сей день применяется максимально широко. В первую очередь, его нормы и принципы влияют на конституционное законодательство и действующую здесь форму правления. К примеру, Конституция Ирана закрепляет положение об обязательном соответствии шариату всех принимаемых законов. Для исполнения данного положения в этом государстве изданы законы, которые закрепляют в своих статьях общие принципы и конкретные нормы той или иной школы мусульманского права.

Нурмагомедов И. Г.

1 Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. Москва, 1966. С. 163.

2 Там же. С. 200.

3 Артимова В. Мусульманское право. Исторический очерк // Российская юстиция. 1997. № 10. С. 59.

Более того, следует отметить, что в Иране и Саудовской Аравии действуют специальные учреждения мусульманского контроля и инспекции, которые могут наложить мусульманское наказание за отклонение от правил торговли, общественного порядка или норм морали.

Во всех перечисленных странах данной группы мусульманское право и по сей день продолжает регулировать отношения личного статуса, здесь сохранились мусульманские суды.

Еще одна многочисленная группа – это правовые системы следующих арабских стран: Египта, Сирии, Ирака, Ливана и ряда стран Африки (Сомали, Мавритании) и Азии (Афганистан).

В этих странах конституционное право закрепляет особые положения мусульманского права и ислама. А конституции многих из них говорят, что только мусульманин может стать главой государства, а мусульманское право выступает источником законодательства. Но в некоторых из этих стран (Ирак, Сирия) происходит определенная демократизация мусульманско-правовых положений в части семейного законодательства.

Особое положение занимают правовые положения Народно-Демократической республики Йемен и Туниса. Брачно-семейные законодательства данных государств отказываются от ряда основополагающих институтов мусульманского права: например, в Тунисе законодательство запрещает полигамию, а Семейный кодекс НДРЙ в 1974 г. наделил женщину в семейных отношениях равными правами с мужчинами⁴.

Шариат («прямой, правильный путь») — многозначный термин: свод Божественных повелений и запретов; Божественный Закон, основанный на аятах Корана и Сунне; религиозные предписания, относящиеся к практической деятельности мусульман; религия в целом. Источники Шариата — Коран, Сунна, иджма, кьяс и иджтихад.

Основная тенденция шариата направлена на оценку различных жизненных обстоятельств с точки зрения религии. Поэтому не случайно, что одной из особенностей норм, составляющих шариат, является то, что они применяются только к мусульманам и в отношениях между мусульманами. Кодекс шариата подразделяется на три основные части: ибадат (обязанности, относящиеся к религиозному культу), муамалат (чисто юридические нормы) и укубат (система наказаний).

В Саудовской Аравии действует одна из наиболее жестких систем наказания в мире. Конституция страны и Уголовный кодекс продиктованы нормами шариата. Саудовская Аравия остается единственной страной, где казнь осуществляется в том числе путем отсечения головы.

Уголовное право основано на шариате. Законом запрещены устные или письменные обсуждения существующего политического строя. В стране строго запрещены употребление и оборот алкоголя и наркотиков. За воровство полагается отсечение кисти. Внебрачные половые отношения караются плетью. За убийство, богохульство и «колдовство» (предсказание будущего, гадание) полагается смертная казнь.

Кроме обезглавливания мечом (самый распространенный вид казни) применяется также побивание камнями и (редко) расстрел. В особых случаях встречаются даже случаи распятия обезглавленного тела. Большинство казней проходит публично, чаще всего на центральной городской площади.

В Саудовской Аравии существует должность государственного палача. В 2002 г. было казнено 47 человек (45 мужчин, 2 женщины), в 2003 г. — 53 (52 мужчины, 1 женщина), в 2004 — 36 (35 мужчин, 1 женщина), в 2005 г. — 90 (88 мужчин, 2 женщины), в 2006 г. — 39 человек (35 мужчин, 4 женщины). К преступлениям, предусматривающим в Саудовской Аравии смертную казнь, относятся: умышленное убийство; гомосексуализм; вооруженное ограбление; прелюбодеяние, изнасилование; религиозное отступничество; контрабанда, торговля,

хранение и употребление наркотиков; организация оппозиционных властям группировок (политические партии вообще не существуют)⁵.

Смертные казни в Саудовской Аравии происходят, в среднем, более чем дважды в неделю. Так, по пятницам на площади Справедливости в центре Эр-Рияда, напротив главной мечети города, собирается много людей.

Одобрено право саудовских женщин голосовать.

Король Саудовской Аравии принял решение, что отныне саудовские женщины смогут голосовать на выборах. Но управлять автомобилем им по-прежнему запрещено.

«В Саудовской Аравии королевский суд приговорил женщину к 10 ударам плетью за управление автомобилем. Гражданские законы ничего не имеют против водительниц, садиться за руль женщинам запрещает религия. Это первый вердикт подобного рода: ранее женщин за рулем задерживали на несколько дней, но потом отпускали».

В стране действует религиозная полиция (муттава). Солдаты Шариатской гвардии постоянно патрулируют улицы и общественные заведения с целью пресечения попыток нарушения канонов ислама. В случае обнаружения нарушения виновный несет соответствующее наказание (от штрафа до отсечения головы).

В Иране за убийство полагается смертная казнь. Однако по желанию родственников убитого допускается принятие выкупа (дия). Первоначально выкуп за кровь определялся в 100 верблюдов за смерть мусульманина и 50 за смерть мусульманки. В настоящее время выкуп определяется в денежном выражении. За эти преступления могут назначаться и телесные наказания, и лишение свободы, и штраф, и устное порицание. Так, в Саудовской Аравии водитель, нарушивший правила безопасности движения, наказывается 10 ударами плети, а организатор автомобильных гонок на улицах столицы — 50 ударами⁶.

Следует иметь в виду, что не все школы мусульманского права одинаково решили вопросы ответственности за преступления этой категории, что в значительной мере объясняется отсутствием четко регламентированного законодательства, в частности уголовных кодексов.

Для приспособления мусульманского права к современной действительности используются: соглашения, законодательство, обычаи, не противоречащие ему. В странах с мусульманским правом конституция не считается основным законом, а эту роль играет Коран, Сунна, принципы консенсуса (Иджма) и аналогии (Кьяс).

В ряде стран был взят курс на конкретизацию норм мусульманского права и их закрепление в действующем законодательстве. Так в Иране, Пакистане, Ливии, Судане сфера его действия охватывает не только «личный статус», но и уголовное право и процесс, отдельные виды финансово-экономических отношений и даже институты государственного права. Подобная практика развития правовых систем ряда стран в последние годы вносит известные коррективы и в структуру действующего здесь мусульманского права, отдельные нормы и институты которого, ранее вытесненные законодательством, заимствующим западные правовые модели, вновь возрождаются и начинают применяться на практике.

Пристатейный библиографический список

1. Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье Москва, 1966.
2. Артимов В. Мусульманское право. Исторический очерк. Российская юстиция. 1997. № 10.
3. Мурамцев Г. И. Источники права в развивающихся странах Азии и Африки (система и влияние традиции) М., 1967.
4. Зубарев А. Правосудие по-саудовски // Красная звезда. 1996.

4 Мурамцев Г. И. Источники права в развивающихся странах Азии и Африки (система и влияние традиции). М., 1967. С. 75.

5 Зубарев А. Правосудие по-саудовски // Красная звезда. 1996. С. 97.
6 Там же. С. 132.

Азизова П. М.

ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАНИНА

Вопрос о понятии исполнимости решения в литературе является спорным. Одни авторы трактуют исполнимость как способность к принудительному исполнению, присущую только решениям суда о присуждении. Другие, как нам представляется, более правильно вкладывают в данное свойство широкий смысл — не только возможность прямого воздействия на обязанное лицо (принудительное исполнение), но и реализацию всех судебных постановлений для достижения целей, которые преследовало лицо, обращаясь в суд.

Ключевые слова: исполнение решения об ограничении дееспособности гражданина.

Azizova P. M.

THE EXECUTION OF THE DECISION ON RESTRICTION OF LEGAL CAPACITY OF A CITIZEN

The question of the concept of deliverability of the solution in the literature is controversial. Some authors interpret the enforceability as the ability to enforce which is unique to decisions of the court on the award. Others, we believe, more correctly put this property in a wide sense — not only the direct impact on the person under obligation (subject-compulsory execution), but also the implementation of all judicial decisions to achieve the goals pursued by the person addressing the court.

Keywords: enforcement of a decision on restriction of legal capacity of a citizen.

Азизова П. М.

Вступившее в законную силу решение суда об ограничении дееспособности, как и все судебные решения, обладает свойством исполнимости.

Вопрос о понятии исполнимости решения в литературе является спорным. Одни авторы трактуют исполнимость как способность к принудительному исполнению, присущую только решениям суда о присуждении. Другие, как нам представляется, более правильно вкладывают в данное свойство широкий смысл — не только возможность прямого воздействия на обязанное лицо (принудительное исполнение), но и реализацию всех судебных постановлений для достижения целей, которые преследовало лицо, обращаясь в суд. Исполнимость как свойство законной силы всех судебных решений проявляется по-разному в зависимости от видов решений (о признании, о присуждении, по делам неисковых производств). Способы защиты прав и охраняемых законом интересов в этих решениях различны, различными являются и способы исполнения решений. Смещение их, когда, например, для исполнения решения по делу особого производства применяются нормы, регулирующие принудительное исполнение решений о присуждении, приводит к судебным ошибкам.

Судебное решение об ограничении дееспособности гражданина является основанием для назначения над ним попечительства (ст. 262 ГПК).

Судебное решение будет реализовано только тогда, когда соответствующие лица исполнят обязанности, вытекающие из данного решения (орган опеки и попечительства должен оформить попечительство, попечитель обязан контролировать действия подопечного по распоряжению имуществом, бухгалтерия предприятия или органы социального обеспечения не вправе выдавать зарплату или пенсию лично подопечному, если попечитель возражает против этого и т. д.). Граждане, желающие вступить в гражданско-правовые отношения с лицом, ограниченным в дееспособности, обязаны считаться с его правовым положением, установленным судом, под страхом признания недействительными сделок по распоряжению имуществом, совершенных им без согласия попечителя.

Как уже отмечалось, в последние годы правило об ограничении дееспособности получило практическое применение. Поэтому актуальной представляется задача выявить эффективность норм об ограничении дееспособности граждан, т. е. сопоставить фактически достигнутые результаты ограничения дееспособности с той социальной целью, которую ставил перед собой законодатель. Для этого можно использовать материалы, получаемые с помощью различных социологических методов исследования:

- а) обобщения гражданских дел об ограничении дееспособности граждан;
- б) статистического анализа этих дел и данных органов опеки и попечительства;
- в) выборочного опроса ограниченно дееспособных и членов их семей;
- г) анализа сведений медвытрезвителей за период после решения суда;
- д) проверки поведения этих лиц на производстве.

Изучение этих материалов показывает, что в большинстве случаев ограничение в дееспособности дает положительные результаты (65—70%); частичный успех (материальное положение семьи улучшилось, но случаи пьянства еще продолжают) был достигнут в 15—20% случаев; по остальным делам применение указанной меры не привело к желаемым результатам. Последнее, однако, не говорит о бесполезности исследуемой нормы. Пьянство — сложное социальное зло, складывавшееся веками. Нельзя отменить те или иные элементы общественного сознания, запретить традиции, обычаи, привычки людей. Поэтому в борьбе с пьянством надо исходить из реального представления трудностей перестройки психологии людей.

При выявлении эффективности ст. 30 ГК нельзя также забывать, что ограничение дееспособности — гражданско-правовая санкция, по диспозиции же — это норма семейного права и задача ее — защита имущественных интересов семьи. Если применением ст. 30 ГК эта цель достигнута, то можно говорить об эффективности данной нормы.

Однако некоторые исследователи упускают это из виду и оценивают результаты применения ст. 30 ГК только с точки зрения эффективности ее как средства борьбы с пьянством: перестал ли гражданин злоупотреблять спиртными напитками или нет и каков процент исправившихся.

В беседах с лицами, признанными ограниченно дееспособными, и с их женами, выяснилось, что заработную плату получают, как правило, жены. Пьянство в большинстве случаев прекратилось. В доме появился материальный достаток. Изменилась и моральная обстановка в семье.

Граждане по-разному относятся к ограничению дееспособности. Одни высказывают удовлетворение решением суда и сами считают, что еще рано снимать это ограничение, так как, если они будут иметь деньги, сразу появятся «дружки-собутельники», и они не устоят перед соблазном. Для таких слабовольных людей ограничение дееспособности — действенное средство. Другие хотели бы снять ограничение дееспособности, потому, что стыдятся своего положения и готовы, по их словам, вести трезвый образ жизни без принуждения. Таким образом, судебное решение оказывает на этих лиц сильное моральное воздействие, способствует пробуждению в них чувства собственного достоинства.

Почему же судебное решение не всегда приводит к желаемым результатам? Можно назвать несколько причин: 1) неправильный выбор гражданско-правового средства; 2) применение только одной меры без сочетания с другими средствами борьбы с пьянством; 3) недостаточный контроль (или его отсутствие) со стороны соответствующих государственных организаций.

Основной причиной неисполнения решения суда является, на наш взгляд, недостаточный контроль за поведением ограниченно дееспособных или его полное отсутствие со стороны соответствующих государственных и общественных организаций. Это происходит, в частности, потому, что попечительство далеко не во всех случаях назначается официально и осуществляется должным образом. Как отмечается в Обзоре судебной практики по делам об ограничении дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками, а также следует из анализа местной практики, суды не всегда сообщают о вынесенных решениях в органы здравоохранения, ограничиваясь иногда выдачей копий решений заявителям — членам семьи ограниченно дееспособного. Из анализа местной практики следует, что только в 68% изученных дел имеются сведения о направлении сообщения в орган опеки и попечительства, причем из них в установленный срок — 35% дел. В остальных делах такие сведения отсутствовали.

В результате органы опеки и попечительства не могут осуществлять возложенные на них функции попечительства над лицами, ограниченными в дееспособности судом. Общественные организации также лишены возможности оказывать воспитательное воздействие на этих лиц, поскольку не осведомлены о решении суда.

В свою очередь органы опеки и попечительства, получив сообщения суда, не прикладывают должных усилий по назначению попечительства.

Отсутствие контроля со стороны суда за своевременностью исполнения своего решения, бездействие органов опеки и попечительства снижают эффективность применения закона о борьбе с пьянством и в ряде случаев приводят к тяжелым последствиям.

Органы здравоохранения неохотно занимаются ведением попечительских дел над ограниченно дееспособными. Объясняется это в известной мере тем, что для перевоспитания без-

ответственных, опустившихся пьяниц, защиты материальных интересов их семей скорее нужна сила общественного воздействия, чем усилия медицины. Долг психиатрической службы в данном случае. — обеспечить лечение хронических алкоголиков. Проверку же поведения ограниченно дееспособного в быту, на производстве, материального положения его семьи эта служба осуществлять не в состоянии.

В настоящее время основная тяжесть выполнения решения суда ложится на попечителей, как правило жен, родителей. Но ведь эти лица потому и обратились за помощью к государственным органам — в милицию, прокуратуру, суд, что они своими усилиями не могут справиться с пьяницами. Только постоянный контроль за поведением ограниченно дееспособного со стороны органов опеки и попечительства, общественных организаций, прокуратуры может дать положительные результаты.

Есть примеры, когда ограниченно дееспособные, чтобы избежать ответственности за свое поведение перед коллективом и уклониться от исполнения решения суда, увольняются с предприятия по собственному желанию. В подобных случаях администрация предприятия должна сообщать об увольнении ограниченно дееспособного органам опеки и попечительства. Прием на другую работу ограниченно дееспособных целесообразно осуществлять через бюро по трудоустройству. Хотя исполнение решения об ограничении дееспособности связано с компетенцией других органов, суды не должны устраняться от проведения в жизнь своих решений, от контроля за их реализацией. Они должны прежде всего проверить, получил ли орган опеки и попечительства сообщение о решении суда, а также состоялось ли решение исполкома о назначении попечителя над ограниченно дееспособным. Думается, только по получении судом копии этого решения гражданское дело может быть направлено в архив. Полезным было бы введение контрольного производства в суде за поведением ограниченно дееспособного. Судебное решение об ограничении дееспособности только тогда выполнит свою задачу по защите действительных интересов этого гражданина и нарушенных материальных прав его семьи, когда оно будет реально осуществлено. Борьба с пьянством — дело трудное, требующее длительного времени, и достичь положительных результатов можно только согласованными действиями государственных и общественных органов и комплексным применением различных средств.

Пристатейный библиографический список

1. Азизова П. М. Понятие правоспособности граждан (физических лиц) на современном этапе // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 177-178.
2. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной российской правовой системы // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6. С. 148.
3. Бунич Г. А., Гончаров А. А. Гражданское право. М.: Дашков и К°, 2002.
4. Корнеева И. Л. Гражданское право Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 2006.
5. Мусаева А. Г. Азизова П. М. Граждане (физические лица) как субъекты гражданского права // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 179-180.
6. Мусаева А. Г. Характерные отличия государства (публично-правового образования) от иных субъектов права // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 138-139.

Мусаева А. Г.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАН, ЗЛОУПОТРЕБЛЯЮЩИХ СПИРТНЫМИ НАПИТКАМИ ИЛИ НАРКОТИЧЕСКИМИ ВЕЩЕСТВАМИ

Статья посвящена вопросам, связанным с юридическими основаниями ограничения дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами.

Ключевые слова: РФ, ГК РФ, гражданин, правоспособность, дееспособность, гражданское законодательство, участие в имущественных отношениях.

Musaeva A. G.

THE LEGAL BASIS OF LIMITATION OF LEGAL CAPACITY OF CITIZENS, ABUSING ALCOHOLIC DRINKS OR NARCOTIC SUBSTANCES

The article is devoted to the issues of legal grounds for limiting legal capacity of citizens, abusing spirits or narcotic substances.

Keywords: the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, the citizen, the legal capacity, capability, civil law, participation in property relations.

Мусаева А. Г.

Гражданское право Российской Федерации основывается на частноправовых принципах: дозволительной направленности гражданско-правового регулирования; равенства правового режима для всех субъектов гражданского права; недопустимости произвольного вмешательства в частные дела; неприкосновенности собственности; свободы договора; свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на территории Российской Федерации.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

В ст. 22 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) установлено, что никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе, как в случаях и в порядке, предусмотренных законом. Ограничение дееспособности допускается в отношении гражданина, который вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами ставит свою семью в тяжелое материальное положение (ст. 30 ГК РФ). По общему правилу, установленному ч. 1 ст. 21 Гражданского кодекса РФ, гражданская дееспособность, то есть способность осуществлять гражданские права и исполнять гражданские обязанности, возникает у гражданина с наступлением восемнадцатилетнего возраста.

В тоже время иногда возникают ситуации, когда в силу возраста, травмы или психического заболевания человек утрачивает связь с реальностью и перестает адекватно относиться к окружающим его людям и происходящим событиям. Такой гражданин, не отдавая отчет своим действиям, может совершить себе во вред гражданско-правовые сделки (дарение, купля-продажа), которые никогда бы не совершил, если бы был здоров. Рядом с таким человеком нередко оказываются недобросовестные граждане, которые пытаются воспользоваться его болезненным состоянием, чтобы завладеть его недвижимым имуществом. В результате общения с ними, больной человек может остаться без жилья и оказаться на улице.

Для того чтобы защитить интересы пожилых людей, а также лиц, страдающих психиатрическими заболеваниями, гражданским законодательством предусмотрена возможность

лишения гражданина дееспособности. Законом также предусмотрена процедура ограничения дееспособности. Она применяется к гражданам, которые вследствие злоупотребления наркотиками или спиртными напитками, а также пристрастия к азартным играм, ставят свою семью в тяжелое материальное положение.

Единственная причина, при наличии которой гражданин может быть признан недееспособным, определена ч. 1 ст. 29 Гражданского кодекса РФ. Признать гражданина недееспособным возможно только при наличии у него психического расстройства, вследствие которого он не может понимать значения своих действий или руководить ими. Над гражданином, лишенным дееспособности, устанавливается опека.

Признание психически больных людей недееспособными происходит исключительно в судебном порядке. В соответствии ч. 1 ст. 22 Гражданского кодекса РФ лишение или ограничение дееспособности гражданина в ином порядке не допускается. Факт наличия у гражданина психического расстройства, которое может стать основанием для лишения его дееспособности, может быть установлен только проведенной по назначению суда судебно-психиатрической экспертизой.

Установление в законодательстве нормы о судебном порядке ограничения дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами, явилось объективной необходимостью. Российское государство всемерно способствует развитию свободы личности. Однако чем шире рамки свободы личности, тем больший груз ответственности возлагается на нее. Использование гражданином прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других лиц. Нарушение правовых, моральных и иных норм поведения людей, игнорирование общественных интересов и другие факты безответственного поведения отдельных лиц являются прямым покушением на свободу других членов общества. Некоторые лица искаженно понимают гуманные принципы нашего общества. При таких обстоятельствах устанавливаемые государством ограничения в правах с применением в необходимых случаях принуждения — объективно необходимы, являются конкретным проявлением заботы общества о свободе каждого его члена.

Современный период характеризуется особенно остро такими глобальными социальными явлениями, как пьянство, алкоголизм и наркомания. Опыт борьбы с этими бедствиями, накопленный в условиях советской правовой системы, показал заведомую неэффективность таких мер, как принудительное лечение от алкоголизма или наркомании, запрет продажи и употребления спиртных напитков, снижение их производства. В отечественной криминологии отрицается необходимость установления уголовной ответственности за употребление наркотическими средствами.

Процесс расширения судебной сферы защиты гражданских, семейных, трудовых и иных прав российских граждан идет по нескольким направлениям: путем отнесения к судебной подведомственности категорий гражданских дел, в том числе за счет дел, рассматриваемых ранее исключительно в административном или ином порядке, и путем установления судебного контроля за действиями административных органов. В частности, Основами гражданского судопроизводства Союза ССР 1961 г., Гражданским процессуальным кодексом РСФСР, Гражданским кодексом РСФСР 1964 г., Гражданским кодексом РФ 1994 г. были введены категории судебных дел — об ограничении дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами, о гражданско-правовой защите чести и достоинства гражданина; отнесены к ведению суда дела, ранее рассматривавшиеся в административном порядке: о признании гражданина недееспособным, о признании имущества бесхозяйным, признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении его умершим и др.

Особое значение приобретает проблема расширения судебной формы защиты права и в связи с принятием Конституции РФ, в которой право на судебную защиту возведено в ранг одного из основных конституционных прав российских граждан. В ст. 46 Конституции закреплено, что «каждому гарантируется судебная защита прав и свобод». Во всех тех случаях, когда применение правовых норм влечет за собой применение санкций или ведет к ограничению или лишению определенных субъективных прав, наиболее эффективным, как справедливо считают российские ученые-юристы, является использование методов правосудия. Так, исключительно судебный порядок установлен для случаев ограничения или лишения дееспособности гражданина, т. е. способности лично, своими действиями приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности. Судебные гарантии от необоснованного ограничения правоспособности и дееспособности граждан являются одним из важнейших элементов конституционного права на неприкосновенность личности. Представляется вполне обоснованным широкое толкование конституционного права на неприкосновенность личности, которое гарантирует не только телесную, нравственную и социальную, но и правовую неприкосновенность личности.

В ст. 22 Гражданского кодекса РФ установлено, что никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе, как в случаях и в порядке, предусмотренных законом. Согласно ГК (ст. 29) признать гражданина недееспособным, т. е. полностью лишить дееспособности, можно только в том случае, если он вследствие душевной болезни или слабоумия не может понимать значения своих действий или руководить ими. Ограничение дееспособности допускается в отношении гражданина, который вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами ставит свою семью в тяжелое материальное положение (ст. 30 ГК).

Вместе с тем в настоящее время масштабы названных социальных проблем требуют скорейшего и безотлагательного их решения, в том числе совершенствования правового воздействия на граждан. При этом нельзя категорически отрицать неудавшиеся ранее попытки, а следует обосновать и применить комплексный подход в решении этих проблем. Для формирования такого комплексного подхода необходимо в первую очередь определить задачи предпринимаемых государством и обществом мер, установить, какой интерес подлежит приоритетной охране — интерес общественный или личный. Установление приоритетности названных интересов тесно связано с разработкой и совершенствованием правового учения о статусе личности. В настоящее время положения этого учения, к сожалению, развиваются только представителями науки конституционного права. В результате в настоящее время практически не анализируется влияние гражданско-правовых категорий «правоспособность» и «дееспособность» на общеправовой статус личности и их обратная взаимосвязь. Представляется, что наука гражданского права в недостаточной степени учитывает и значение теории «общерегулятивных» правоотношений, поддерживаемой рядом ученых.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 2003.
2. Азизова П. М. Понятие правоспособности граждан (физических лиц) на современном этапе // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 177-178.
3. Бунич Г. А., Гончаров А. А. Гражданское право. М.: Дашков и К°, 2002.
4. Гув А. Н. Гражданское право. М.: Экзамен, 2006
5. Зенин И. А. Гражданское право. М.: Высшее образование, 2007.
6. Корнеева И. Л. Гражданское право Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 2006.
7. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Н. И. Матузова. М.: Юрист, 2005.
8. Мусаева А. Г., Азизова П. М. Граждане (физические лица) как субъекты гражданского права // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 179-180.
9. Мусаева А. Г. Структура современной российской правовой системы // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6. С. 148.
10. Мусаева А. Г. Характерные отличия государства (публично-правового образования) от иных субъектов права // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 138-139.

Нугуманов А. Р., Агзамов И. М.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КАСАЮЩИХСЯ
ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА И УЧАСТИЯ В НЕМ

В настоящей работе рассматриваются вопросы обусловленности появления и квалификации состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем, а также выявляются признаки, позволяющие разграничить указанный состав с организацией террористической организации.

Ключевые слова и фразы: терроризм, террористическое сообщество, террористическая организация.

Nugumanov A. R., Agzamov I. M.
SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES RELATED TO THE
ORGANIZATION OF A TERRORIST COMMUNITY AND PARTICIPATION IN IT

In this paper the authors consider the conditionality of the emergence and qualification of the offence which provides for criminal liability for organizing of terrorist community and participation in it, and identify the signs, allowing differentiating the crime components pointed out with the organization of a terrorist organization.

Keywords: terrorism, terrorist groups, terrorist organization.

Российскому государству в современную эпоху приходится решать немало проблем, в том числе касающихся обеспечения национальной безопасности. С сожалением можно констатировать, что к числу теперь уже традиционных вопросов указанной сферы можно причислить не только проявления экстремизма и терроризма, но и расширение сферы применения гражданско-правовых механизмов в возмещении вреда от данных действий¹. Анализ геополитической обстановки в современном мире позволяет говорить о том, что вместо совместной и, как следствие, эффективной борьбы с перечисленными проблемами развитые страны (США, Канада, страны Евросоюза) прибегают к эгоцентризму, обеспечению своих интересов, зачастую противоположенных общемировым.

Ключевым элементом в механизме противодействия преступному элементу являются правовые средства. В нашем понимании к таковым следует отнести нормы Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). При этом если для уголовно-правовой борьбы с экстремизмом, с учетом принятия Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ, уже сложилась определенная судебная практика, то при квалификации преступлений террористической направленности обоснованно возникают спорные вопросы². Тем более что в целях повышения эффективности их применения в соответствующие нормы УК РФ периодически вносятся изменения, причем с завидной регулярностью. В этой связи уместно вспомнить Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ, направленный на усиление борьбы с преступлениями террористической направленности³. Данным законодательным актом УК РФ был дополнен нормами, предусматривающими ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ), за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205⁴ УК РФ) и за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205⁵ УК РФ).

Детальное изучение перечисленных норм позволяет говорить о некоторых проблемах, которые требуют своего решения.

1 Игбаева Г. Р. Личное страхование туристов, выезжающих за рубеж // Туризм: право и экономика. 2006. № 5. С. 30–31.

2 См.: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4008.

3 См.: Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 44. Ст. 5641.

Сравнивая уголовно-правовые средства борьбы с экстремизмом и терроризмом, следует сказать, что дополнение УК РФ ст. 205⁴ УК РФ связано с установлением уголовной ответственности за организацию террористического сообщества и участие в нем, тем более что уголовный закон содержит «зеркальную» норму, предусматривая ответственность за организацию экстремистского сообщества. Статья 205⁴ УК РФ своевременна и актуальна, поскольку первоначально подобные действия (организация террористического сообщества) квалифицировались по ст. 210 УК РФ. В последующем Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ исключил возможность привлечения к уголовной ответственности за указанные действия при условии, если они совершены в целях осуществления террористической деятельности, сформулировав ч. 4 ст. 35 УК РФ в следующей редакции: «Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды»⁴. Очевидно, что законодатель существенно ограничил правоприменителя в использовании положений, предусмотренных ч. 4 ст. 35 УК РФ, сузив понятие преступного сообщества путем закрепления специальной цели в виде получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. В результате возникли сложности (до появления ст. 205⁴ УК РФ) при квалификации действий преступных сообществ (преступных организаций), целью которых является осуществление террористической деятельности. При этом еще раз отметим, что уголовная ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем до принятия вышеуказанного Федерального закона от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ полностью охватывалась ст. 210 УК РФ. Существен-

но в настоящее время ст. 210 УК РФ применяется только в отношении преступных сообществ, целью которых является осуществление террористической деятельности. При этом еще раз отметим, что уголовная ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем до принятия вышеуказанного Федерального закона от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ полностью охватывалась ст. 210 УК РФ. Существен-

4 См.: Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 45. Ст. 5263.

Нугуманов А. Р.

Агзамов И. М.

ных сложностей при квалификации таких действий у судов не возникало.

В развитие вышеизложенных суждений мы обратили внимание на то, что после принятия Федерального закона от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ стало возможным четкое разграничение таких понятий, как преступное сообщество (ч. 4 ст. 35 УК РФ) и террористическое сообщество. В частности, при квалификации по ст. 210 УК РФ необходимо учитывать положения ч. 4 ст. 35 УК РФ относительно признаков преступного сообщества. Последнее, как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы, более сложной внутренней структурой, наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, а также возможностью объединения двух или более организованных групп с той же целью⁵. Такой признак преступного сообщества, как специальная цель в виде финансовой или иной материальной выгоды (ч. 4 ст. 35 УК РФ), не приемлет для террористического сообщества. Ранее мы уже обратили внимание на то, что субъект осуществления террористической деятельности преследует совершенно иные цели преступления – дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций либо воздействовать на принятие ими решений. Представляется закономерным вывод о том, что террористическое сообщество не является разновидностью преступного сообщества.

Очередной вопрос возникает при анализе диспозиции ст. 205⁴ УК РФ, в которой, по сути, формулируется понятие террористического сообщества. При этом перечисляются составы преступлений, для подготовки или совершения которых объединяется преступный элемент. В то же время не поддается логическому объяснению отсутствие в этом перечне ст. 205 УК РФ. Ориентируясь на Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», уместно вспомнить, что законодатель счел необходимым включить в понятие «террористическая деятельность» действия по реализации террористического акта (п. 2 ст. 3)⁶. Вместе с тем диспозиция ст. 205⁴ УК РФ предполагает, что террористическое сообщество создается для совершения самых разнообразных преступлений, включая даже такие, как незаконное обращение с ядерными материалами, однако ссылка на основной состав преступления террористической направленности – террористический акт (ст. 205 УК РФ) – здесь отсутствует. Заметим, что в перечне, сформулированном в ч. 1 ст. 205⁴ УК РФ, содержатся составы статей 205¹, 205² УК РФ, содержание которых охватывается понятием «террористическая деятельность». На данную проблему законодательного характера обращается внимание и в научной литературе⁷.

Таким образом, в связи с вышеизложенными суждениями представляется целесообразным дополнить ч. 1 ст. 205⁴ УК РФ составом преступления, предусмотренным ст. 205 УК РФ, изложив диспозицию в соответствующей редакции.

В рамках представленной публикации хотелось бы обратить внимание еще на один аспект исследуемой проблемы, а именно на отсутствие конкретных разъяснений со стороны Верховного Суда РФ о понятии и признаках террористического сообщества. Схожие разъяснения имеются применительно к ст. 282¹ УК РФ (по вопросам квалификации преступлений экстремистской направленности)⁸. Ориентируясь на них, объективную сторону организации деятельности террористической организации можно рассматривать как действия орга-

низационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной террористической организации, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением террористической деятельности⁹.

В соответствии с Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35 «О противодействии терроризму» террористической организацией также признается террористическое сообщество в случае вступления в законную силу обвинительного приговора в отношении лица за руководство либо создание сообщества, предусмотренного ст. 205⁴ УК РФ¹⁰.

Для признания террористического сообщества террористической организацией необходимо решение суда по заявлению Генерального прокурора РФ о признании данного обстоятельства. Одним из поводов для подобного заявления может служить наличие приговора в отношении лица за создание сообщества, предусмотренного ст. 205⁴ УК РФ, за руководство этим сообществом.

Итак, признаком, позволяющим разграничивать рассматриваемые составы преступлений (ст. 205⁴ и ст. 205⁵ УК РФ), является наличие судебного решения о ликвидации или запрете деятельности террористической организации. Организация деятельности террористической организации, одним из видов которой может быть террористическое сообщество, в нарушение судебного запрета служит основанием для привлечения к уголовной ответственности по ст. 204⁵ УК РФ.

Таким образом, обозначенные нами проблемные аспекты, касающиеся применения норм, предусмотренных статьями 205³-205⁵ УК РФ, требуют дальнейшего исследования признаков указанных составов преступлений с целью исключения ошибок в квалификации.

Пристайный библиографический список

1. Федеральный закон от 6 марта 2006 № 11-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
2. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4008.
3. Федеральный закон от 3 ноября 2009 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 45. Ст. 5263.
4. Федеральный закон от 2 ноября 2013 № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 44. Ст. 5641.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.
6. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.
7. Агапов П. В. Новейшее антитеррористическое законодательство: проблемы социально-криминологической обусловленности // Общество и право. 2014. № 1 (47). С. 76.
8. Игбаева Г. Р. Личное страхование туристов, выезжающих за рубеж // Туризм: право и экономика. 2006. № 5.

5 См.: Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

6 См.: Федеральный закон от 6 марта 2006 № 11-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

7 См.: Агапов П. В. Новейшее антитеррористическое законодательство: проблемы социально-криминологической обусловленности // Общество и право. 2014. № 1 (47). С. 76.

8 См.: Пункт 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

9 См.: Указ п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11.

10 См.: Федеральный закон от 6 марта 2006 № 11-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

Килимбаев Р. В.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В статье рассматривается проблема основания уголовной ответственности за неоконченное преступление. Анализируются законодательные дефиниции оконченного и неоконченного преступления и приводятся авторские определения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, оконченное преступление, неоконченное преступление, приготовление к преступлению, покушение на преступление.

Kilimbaev R. V.

TO THE ISSUE OF THE BASIS OF CRIMINAL LIABILITY FOR UNCOMPLETED CRIME

The article addresses the problem of the criminal liability for uncompleted crime. The legal definitions of completed and uncompleted crime are analyzed and the author's definitions are given.

Keywords: criminal liability, completed crime, uncompleted crime, preparation of a crime, attempted crime.

Килимбаев Р. В.

В действующем Уголовном кодексе РФ, как и в уголовном законодательстве РСФСР, институт неоконченного преступления вызывал и вызывает немало вопросов, что негативным образом отражается на практике применения норм данного института правоохранными органами. К числу таких вопросов относится определение основания уголовной ответственности за неоконченное преступление, которое вследствие несовершенства ряда норм не вполне точно регламентировано в Уголовном кодексе РФ.

Так, ст. 8 УК РФ представляет собой принцип, согласно которому основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ. Наряду с этим в ч. 1 ст. 29 УК РФ дается определение оконченного преступления, в соответствии с которым преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления. Таким образом, вполне логично сделать вывод о том, что в неоконченном преступлении, соответственно, всех признаков состава преступления не содержится, а раз так, то нет и основания уголовной ответственности.

Рассмотрим подробно неоконченное преступление. Так, ч. 2 ст. 29 УК РФ признает приготовление к преступлению и покушение на преступление – неоконченными преступлениями. В соответствии с ч. 3 ст. 30 УК РФ: «Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам». Как видно из определения, при покушении преступление не доведено до конца, что ставит под вопрос содержание в покушении всех признаков состава преступления.

Далее рассмотрим дефиницию приготовления к преступлению. В соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ: «Приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, стговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам». Таким образом, приготовление

направлено лишь на создание условий для совершения преступления, поэтому оно не содержит состава преступления вообще, оно характеризуется признаками, указанными в ч. 1 ст. 30 УК РФ.

Таким образом, вполне обоснованно утверждать, что основание уголовной ответственности за приготовление к преступлению и покушение на преступление формально отсутствует, так как согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Да и положение, содержащееся в ч. 1 ст. 29 УК РФ, регламентирует, что все признаки состава преступления содержатся только в оконченном преступлении. И все же положение ч. 3 ст. 29 УК РФ констатирует о наличии уголовной ответственности за неоконченное преступление.

Аналогичная ситуация просматривается и в отношении института соучастия в преступлении. Так, содеянное организатором, пособником и подстрекателем не образует состава преступления, поскольку данные лица не выполняют объективную сторону преступления и не являются, как приведено в ч. 4 ст. 34 УК РФ, субъектами преступления. Однако указанная норма УК РФ все же предусматривает уголовную ответственность за соучастие в совершении преступления.

Мы полагаем, что вышеуказанное является следствием неточности в формулировке положения ст. 8 УК РФ. Как видно, уголовная ответственность зачастую имеет место быть и в случаях, когда в содеянном формально не содержится всех признаков состава преступления. Кроме того, неточность действующей редакции ст. 8 УК РФ видится нам и в том, что она содержит следующие слова: «предусмотренного настоящим Кодексом». Все же уголовная ответственность в ряде случаев может наступать по нормам, не предусмотренным действующим УК РФ. Так, исходя из положений ч. 1 ст. 10 УК РФ, уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет. Таким образом, если действующее на данный момент законодательство ухудшает положение лица, совершившего преступление, и это преступление было совершено до вступления в силу действующего законодательства, то уголовная ответственность наступает по ранее действующему законодательству.

В целях устранения всех вышеперечисленных противоречий и неточностей предлагаем исключить из текста ст. 8 УК РФ слова «предусмотренного настоящим Кодексом» и заменить их следующими: «если иное не предусмотрено настоящим Кодексом». Такая формулировка обусловит уголовную ответственность за неоконченное преступление, а также уголовную ответственность организатора, пособника и подстрекателя к совершению преступления. С учетом этого предлагаем изложить ст. 8 УК РФ в следующей редакции: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом».

Далее необходимо сказать несколько слов об определении оконченого преступления, приведенном в части 1 ст. 29 УК РФ: «Преступление признается окончанным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». В указанном определении, на наш взгляд, недостает признака «доведенности до конца». Так, в совершенном лицом деянии могут содержаться все признаки состава преступления, но при этом преступление может быть еще не доведено до конца. К примеру, совершение убийства одного человека при направленности умысла на убийство двух. В покушении на убийство также формально могут содержаться признаки умышленного причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Учитывая вышеуказанное, мы разработали следующее определение: «Оконченным преступлением признается содеянное, доведенное лицом до конца и содержащее все признаки деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ».

Что же касается неоконченного преступления, то согласно ч. 2 ст. 29 УК РФ: «Неоконченным преступлением призна-

ются приготовление к преступлению и покушение на преступление». Все же это нельзя назвать определением, поскольку определение должно отражать признаки понятия или явления, которое оно описывает. Таким образом, глава 6 УК РФ, имеющая названием «неоконченное преступление», указанного понятия и его признаков не раскрывает, хотя при этом содержит определение оконченого преступления. Часть 2 ст. 29 УК РФ лишь перечисляет виды неоконченного преступления. С учетом вышесказанного предлагаем следующую формулировку: «Неоконченным преступлением признается содеянное, непосредственно или опосредованно направленное на совершение деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, но не доведенное до конца по независящим от лица обстоятельствам».

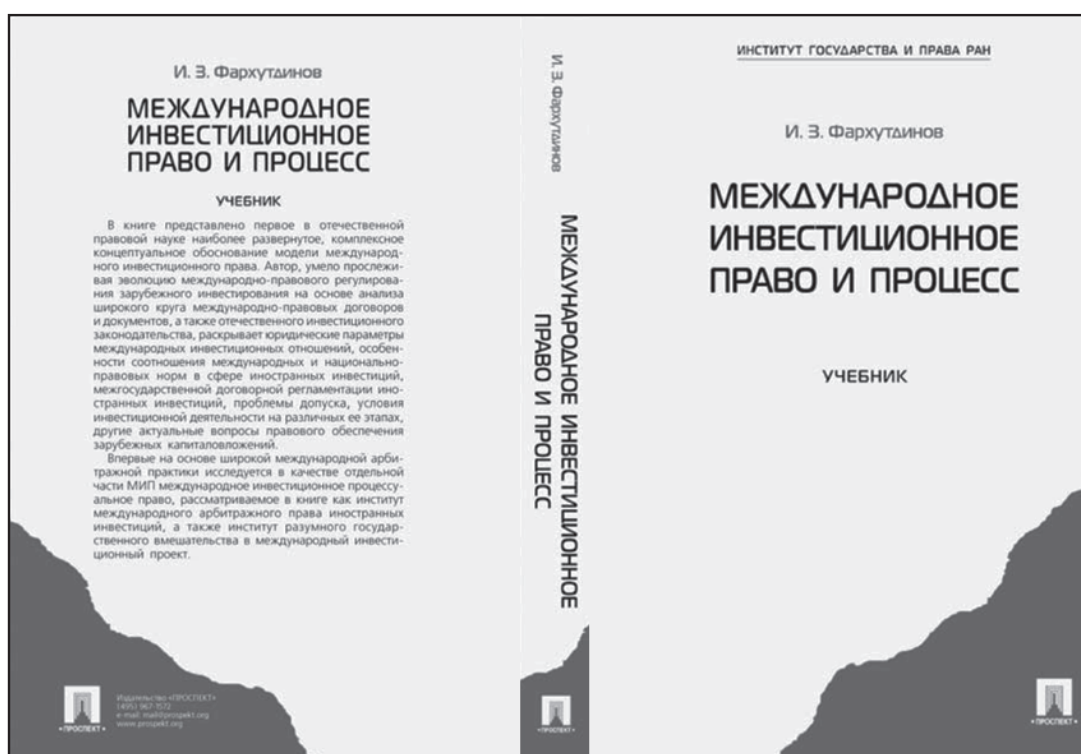
Таким образом, с учетом всех приведенных определений предлагаем изложить ст. 29 УК РФ в следующей редакции:

«1. Оконченным преступлением признается содеянное, доведенное лицом до конца и содержащее все признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса.

2. Неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление.

3. Неоконченным преступлением признается содеянное, непосредственно или опосредованно направленное на совершение деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но не доведенное до конца по независящим от лица обстоятельствам.

4. Уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за оконченое преступление, со ссылкой на статью 30 настоящего Кодекса».

Зайдова М. У.

ЭКССЕСС ИСПОЛНИТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

В уголовном праве России существуют ситуации, когда исполнитель преступления совершает деяние, которое не охватывалось умыслом других соучастников. В статье рассматриваются актуальные вопросы законодательной регламентации института эксцесса исполнителя преступления.

Ключевые слова: эксцесс исполнителя преступления, соучастие, преступление, наука уголовного права, умысел.

Zaidova M. U.

EXCESSIVE ACT IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

In the criminal law of Russia, there are situations where the perpetrator commits the act, which is not covered by intent of other parties to an offense. This article discusses the current issues of legislative regulation of the institute of excessive act of the perpetrator.

Keywords: excess of the perpetrator, accomplice, crime, science of criminal law, intention.

Зайдова М. У.

Проблема верной квалификации деяний, при которых один из соучастников совершает преступление, не охватываемое умыслом других соучастников, существует в науке уголовного права давно.

Статья 36 Уголовного кодекса Российской Федерации гласит, что эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватываемого умыслом других соучастников. Эксцесс исполнителя в переводе с латинского означает – крайнее проявление чего-либо, нарушение нормального хода процесса.

Суть института эксцесса исполнителя преступления состоит в решении вопроса об ответственности соучастников. И в определении эксцесса исполнителя акцент сделан именно на субъективном признаке.

В науке уголовного права имеют место разные точки зрения относительно института эксцесса исполнителя. Так, П. Ф. Тельнов отмечал, что поведение соучастников «утрачивает причинную и виновную связь с преступлением, совершаемым в условиях эксцесса, что и исключает ответственность за него остальных соучастников»¹. Аналогичного мнения придерживается В. А. Григорьев². Противоположную позицию высказывает В. С. Прохоров, который полагает, что «...эксцесс исполнителя имеется лишь тогда, когда деяние, совершенное им, находится в причинной связи с действиями соучастников. Отсутствие этой связи означает отсутствие эксцесса исполнителя»³.

Следует отметить, что эксцесс исполнителя возможен при любой из предусмотренных УК РФ форм соучастия. При эксцессе исполнителя он самостоятельно выходит за рамки ранее согласованного с другими соучастниками и совершает более тяжкое преступление. Выделяются эксцесс качественный и количественный. При качественном эксцессе исполнитель совершает преступление, выходящее за пределы его сговора с другими соучастниками, и это пре-

ступление неоднородное с тем, что планировалось к совершению. Такого вида преступление совершается либо в дополнение к планировавшемуся и совершенному, либо взамен планировавшегося. При этом если при эксцессе исполнителя иное преступление совершается в дополнение к планировавшемуся и статья Особенной части УК, предусматривающая ответственность за его совершение, содержит квалифицирующий признак совершения преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, соучастнику, ответственному за эксцесс, данный квалифицирующий признак вменению не подлежит. А если же за эксцесс ответственны два и более соучастника, то в зависимости от степени спонтанности их действий им может вменено либо совершение преступления группой лиц, либо группой лиц по предварительному сговору. Количественный эксцесс характеризуется отклонением исполнителя от первоначального намеченного к совершению преступления в части его тяжести. В таком случае соучастники несут ответственность за охватывавшееся их умыслом оконченное преступление.

Следует иметь в виду, что нет эксцесса исполнителя тогда, когда, например, исполнитель меняет способ, время, место совершения преступления, однако в результате совершает задуманное. В данном случае речь идет, если указанное обстоятельство не меняет квалификацию содеянного, как, допустим, особая жестокость при убийстве.

Особой разновидностью эксцесса является совершение исполнителем преступления, отягченного тем или иным квалифицирующим признаком. Соответствующий квалифицирующий признак может быть вменен иным соучастникам лишь при условии осознания ими его наличия.

Традиционно считается, что отклонение деятельности исполнителя от того, к чему его склонили организатор или подстрекатель, либо чему оказывал содействие пособник, возможно лишь в части объекта или объективной стороны состава преступления, т.е. эксцесс исполнителя затрагивает лишь объективную сферу. Однако эксцесс исполнителя преступления возможен и в субъективной сфере (например, изменение мотивов и целей совершения преступления). Так, к убийству, подготовленному всеми соучастниками преступления, добавляются корыстные

1 Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юрид. лит., 1974. 208 с. 2.

2 Григорьев В.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: Учеб. пособие. Уфа: УВШ МВД РФ, 1995. 75 с.

3 Прохоров В.С. Соучастие в преступлении // Курс советского уголовного права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. Т. 1. С. 584–643.

побуждения исполнителя. При этом подобные отклонения в субъективной сфере должны иметь уголовно-правовое значение и влечь уголовно-правовые последствия.

Корчагин А. Ю., сравнивая понятие «эксцесс исполнителя» с таким явлением, как соучастие, пришел к выводу о том, что некоторые признаки соучастия могут быть одновременно признаками эксцесса, и выделяет такие признаки, как множественность субъектов; продолжение первоначально запланированной преступной деятельности без действий, направленных на поддержание преступления-эксцесса, со стороны, по крайней мере, одного соучастника; совместность действий на стадии приготовления или покушения на совершение преступления или при совершении «базового» преступления, выполняемого всеми соучастниками⁴.

Эксцессом исполнителя преступления могут быть названы следующие случаи: 1) случаи, когда исполнитель посягает не на тот объект, который охватывался умыслом соучастников. Например, умысел соучастников был направлен на совершение кражи, а исполнитель совершил изнасилование. В этом случае ответственность соучастников за совершенное исполнителем изнасилование (эксцесс) устраняется. Однако организатор, подстрекатель и пособник должны привлекаться к ответственности по правилам о стадиях совершения преступления – за приготовление к преступлению (если это наказуемо по закону – ч. 2, 3 ст. 158 УК РФ). Исполнитель будет нести ответственность только за изнасилование, ответственность за приготовление к краже устраняется в связи с добровольным отказом от преступления; 2) случаи, когда исполнитель выходит за пределы умысла соучастников и совершает более тяжкое однородное преступление, нежели было задумано соучастниками. Например, умысел соучастников был направлен на совершение кражи, а исполнитель совершил разбойное нападение. Такое возможно при совершении так называемых замещающих действий. Если, действие при помощи которого лицо рассчитывало добиться осуществления своей цели, является нереальным, оно выполняет иные действия, могущие привести к той же цели⁵.

Но здесь возникает вопрос, эксцесс возможен только со стороны исполнителя или он возможен и со стороны организатора, подстрекателя и пособника, т. е. других соучастников преступления? В науке уголовного права нет однозначного ответа на этот вопрос. Так, по мнению Аветисяна, эксцесс возможен не только со стороны исполнителя, но и со стороны других соучастников⁶. Однако в литературе наблюдаются и противоположные точки зрения на данную проблему. А. Ф. Ананьин в опровержение возможности эксцесса пособника преступления отмечает, что, во-первых, если исполнитель одного преступления склоняет пособника совершить другое преступление для облегчения исполнения первого, то их роли меняются – исполнитель превращается в подстрекателя, а пособник – в исполнителя. Выход последнего за пределы совместно задуманного деяния является эксцессом исполнителя. Во-вторых, если исполнитель, обращаясь к пособнику, просит его достать какие-либо предметы или выполнить действия, облегчающие совершение «собственного» пре-

ступления, не предполагая, что тот в процессе выполнения поручения по собственной инициативе совершит иное самостоятельное преступное деяние, то пособник и в такой ситуации превращается в исполнителя этого иного преступления⁷.

При эксцессе исполнителя, когда он выходит за пределы договоренности, отпадает вопрос об уголовной ответственности других соучастников за совершение исполнителем деяние, так как они, как следует из закона, не предвидели неизбежности или возможности наступления преступных последствий от действий исполнителя и не желали и даже сознательно не допускали их наступления, а также, потому что между их действиями и действиями исполнителя нет причинной связи.

Пристатейный библиографический список

1. Аветисян С. С. Эксцесс исполнителя в преступлениях со специальным составом // Право в вооруженных силах. – 2003. – № 12. – С. 19.
2. Ананьин А. Ф. Особенности эксцесса в преступлениях, совершаемых группой лиц // Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права: Межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: УРГУ, 1980. – С. 93-98.
3. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. М., 2000. С.97.
4. Григорьев В. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: Учеб. пособие. Уфа: УВШ МВД РФ, 1995. 75 с.
5. Корчагина А. Ю. Эксцесс исполнителя преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 23 с.
6. Прохоров В. С. Соучастие в преступлении // Курс советского уголовного права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. Т. 1. С. 584-643.
7. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юрид. лит., 1974. 208 с.

4 Корчагина А. Ю. Эксцесс исполнителя преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 23 с.

5 Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. М., 2000. С. 97.

6 Аветисян С. С. Эксцесс исполнителя в преступлениях со специальным составом // Право в вооруженных силах. – 2003. – № 12. – С. 19.

7 Ананьин А. Ф. Особенности эксцесса в преступлениях, совершаемых группой лиц // Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права: Межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск: УРГУ, 1980. – С. 93-98.

Абдулмуслимова Л. Г., Ибрагимова Х. А. К ВОПРОСУ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ОТ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена необходимости усиления виктимологической защиты, предотвращения возможного причинения вреда и наступления опасных последствий от насильственных преступлений, совершенствования мер физической и психологической самозащиты личности и общества.

Ключевые слова: опасная ситуация, личная безопасность, предвидение опасных последствий, индивидуальная виктимность, потенциальная опасность, виктимное поведение, психодиагностика.

Abdulmuslimova L. G., Ibragimova Kh. A. TO THE ISSUE OF VICTIMOLOGIC PROTECTION FROM VIOLENT CRIME

The article is devoted to the need to enhance victimologic protection, prevention of the possible harm and hazardous consequences of violent crime, improving measures of physical and psychological self-defense of person and society.

Keywords: dangerous situation, personal safety, foreseeing the dangerous consequences, individual victimization, potential danger, victimization behavior, psychological testing.

Как показывает практика, ситуация убийства и причинения вреда здоровью человека чаще всего развивается из ситуации общения будущего потерпевшего и преступника, основным элементом всех рекомендаций всегда будет необходимость избегания действий, провоцирующих преступника на совершение насилия. Независимо от специфики отдельных преступлений такого рода указанный императив поведения особенно важен применительно к развитию конфликтов на бытовой почве.

Разумеется, для каждой из ситуаций такие рекомендации, на первый взгляд, чрезвычайно просты, но они исходят из опыта криминалистов, учета психики и психологии преступников и, конечно, базируются на элементарном здравом смысле, который, к сожалению, чаще всего игнорируется.

Применительно к сфере «бытовых» убийств, например, такого рода рекомендации практических работников основаны прежде всего на соображениях психологического и нравственного характера. Важно, например, чтобы обе стороны домашних конфликтов постарались понять друг друга, посмотреть на ситуацию глазами противоположной стороны, правильно ее понять и оценить, признать ошибочность своих претензий и действий. И уж тем более избегать подавления и унижения друг друга, что никак не способствует разрешению семейных конфликтов. Учитывая, что в случаях убийств на бытовой почве важным фактором развития криминальной ситуации является алкоголизм, первостепенное значение приобретает наркологическое лечение и обращение к специалистам-психологам и психиатрам. Жизнь подтверждает эффективность таких мер.

Реальная оценка вероятной криминальной ситуации позволяет не только правильно действовать при неблагоприятном развитии событий, но и делает граждан более осторожными и предотвращает возможное причинение вреда и наступления тяжких последствий.

Объективно для большинства людей характерной является способность ощущения черты, за которой развитие ситуации становится чреватой реальной опасностью, и потому они стараются ее не переходить. Их психика устроена так, чтобы автоматически, интуитивно оценивать последствия таких опасных ситуаций и способность их избежать или нейтрализовать. Этот психический механизм оценки последствий, описанный видным психологом Е. Г. Самовичевым, является осно-

вой поведения человека в конфликте и сохранения его личной безопасности¹.

Однако указанная способность предвидения опасных последствий у разных людей с разными психическими механизмами, разумеется, не может быть одинаковой. Недостаточность такой способности образует один из основных элементов индивидуальной виктимности и потому нуждается в развитии с целью предупреждения виктимизации. На это и направлена пропаганда методов самозащиты, воспитания, обучения людей формам оптимального поведения в опасных ситуациях. И хотя предусмотреть все многообразие опасных ситуаций, в которых может оказаться человек, практически невозможно, тем не менее, важно выработать к таким ситуациям отношение и реакции, помогающие сохранить трезвую оценку потенциальной опасности, сохранить самообладание и способность к осмысленным действиям. Ибо знание собственных недостатков, определяющих вероятность виктимного поведения, собственной предрасположенности к включению (вовлечению) в конфликтные или же в криминальные ситуации по существу и представляет собой психологическое орудие самозащиты потенциальных потерпевших.

Независимо от того, осознает человек или нет, в каждый момент своей жизни он объективно является включенным в определенную систему отношений и, следовательно, в определенный социально-психологический контекст. Поэтому неформальные социальные нормы, бытующие в его микроокружении, оказывают значительное влияние на поведение человека, они отражают условия жизни, нравы, обычаи и сложившиеся традиции окружающей его среды. Резкие различия в такого рода неформальных традициях нередко сами по себе являются источником возникновения опасных ситуаций и потому требуют соответствующего отношения и выбора вариантов поведения. В современных условиях социальной жизни проблема личной безопасности и поиска оптимальных мер самозащиты становится как никогда актуальной. Поэтому так важно знание психологических механизмов взаимоотношений между людьми, тщательное осмысление своих позиций и действий с тем, чтобы не допустить неблагоприятного развития все более частых опасных ситуаций и наступления

1 См. Самовичев Е. Г. Ваше тайное оружие – знак психологии. В кн.: Защити себя сам. М., 1997. С. 442–446.

вредных последствий. Важным инструментом здесь является психодиагностика, навыки которой позволяют достаточно точно определить психологическую дистанцию, соблюдение которой может обеспечить потенциальным потерпевшим адекватную реакцию и безопасную позицию.

Значимость воспитательной работы по совершенствованию мер физической и психологической самозащиты граждан ни в коей мере не подменяет собственно виктимологическую индивидуальную профилактику. Наоборот, она является важным компонентом этой профилактической деятельности, дополняет последнюю, ориентирует людей на самостоятельный выбор адекватного поведения с целью предотвращения неблагоприятных последствий виктимного поведения, чреватого провоцированием насилия и агрессии со стороны лиц, имеющих преступные намерения.

Полезным в плане виктимологической профилактики следует признать и определенное информирование граждан о поводах к развитию конфликтов, а также о признаках лиц, имеющих повышенную склонность к конфликтам. Например, психологи установили, что, поддерживая слишком длительный зрительный контакт с определенным лицом, человек может произвести на него впечатление излишней самоуверенности, и это может быть истолковано даже как вызывающее поведение.

Виктимность населения начинает возрастать по мере превышения среднего уровня доходности. Очень богатым лицам не удается снизить высокий уровень виктимности, несмотря на значительные меры предосторожности. Не существует таких методик охраны, которые бы гарантировали стопроцентную защищенность от преступных посягательств. В этом смысле оптимальный образ жизни, избежание излишеств и опасных сфер деятельности могут быть наиболее надежными защитниками.

Виктимологический аспект профилактики преступлений включает в себя и предотвращение «инверсионных убийств и причинения вреда здоровью человека», т.е. таких преступлений, при совершении которых происходит смена ролей преступника и потерпевшего, когда потерпевший причиняет уголовно наказуемый вред преступнику.

Меры виктимологической профилактики в таких случаях должны в равной степени направляться как на потенциального потерпевшего, так и на потенциального преступника. При этом меры традиционной криминологической профилактики, применяемые в отношении лица, замысливающего или подготавливающего исходное преступление, дополняются виктимологическим содержанием, а меры виктимологической профилактики в отношении потенциальной жертвы от исходного преступления насыщаются содержанием традиционной криминологической профилактики.

Применительно к потенциальным потерпевшим «агрессивного» и «корыстного» типов желательно проводить индивидуальную профилактику. Такие люди – это столь же вероятные кандидаты в потерпевшие, как и в преступники. В силу этого к таким людям необходимо применять меры воспитательного, а при наличии предусмотренных законом оснований – и принудительного характера. Для воздействия на такое лицо используется весь арсенал профилактических средств и методов: профилактические беседы, установление шефства, использование помощи родственников, соседей, знакомых.

При этом следует учитывать и субъективные признаки: такие черты личности, как грубость, дерзость, агрессивность, склонность к вспышкам гнева и аффектам, озлоблению, мстительность, циничность, порочные потребности (пьянство, нар-

комания, разврат и др.) и неразборчивость в средствах к их удовлетворению, специфические болезненные состояния (расстройство сексуальных влечений, токсикомания, алкоголизм).

Л. В. Франк считал, что при проведении индивидуальной профилактики вмешательство в кризисные состояния и ситуации должно быть тактичным и осуществляться хорошо подготовленными в виктимологическом отношении авторитетными людьми (педагогами, психологами, наркологами, сексопатологами, юристами и др.)².

Указанный подход к субъектному составу индивидуальной виктимологической профилактики правонарушений не бесспорен, поскольку за его пределами остается такой важный субъект, как служба профилактики органов внутренних дел, сотрудники которой должны быть организаторами названной деятельности. Для ее проведения они привлекают внештатных сотрудников полиции, представителей советов профилактики трудовых коллективов, пунктов охраны порядка и их структурных звеньев.

Необходимо постоянно осуществлять воспитательное воздействие на виктимологически опасного потерпевшего путем проведения бесед, обсуждений антиобщественного поведения профилакируемого по месту его работы или жительства, а также установления индивидуального или группового шефства. При проведении беседы можно не только передать профилакируемому определенный минимум необходимой общественно полезной информации, но и получить от него нужные сведения о нем самом.

Представляется, что на беседы нужно приглашать представителей администрации и общественных организаций по месту работы воспитуемого, психологов, педагогов, людей, пользующихся его уважением и способных положительно на него воздействовать. При обсуждении противоправного поведения профилакируемого на заседаниях общественных организаций необходимо убедить такое лицо во вредности его агрессивных действий; предупредить о правовой ответственности за них. Сотрудники профилактической службы должны своевременно реагировать на все сигналы об агрессивном поведении профилакируемого, а также об угрозах убийством; принимать меры к недопущению и пресечению таких действий или меры административного либо общественного воздействия.

Учет всех этих факторов весьма важен для криминологической диагностики, прогнозирования возможности совершения конкретными лицами насильственного преступления и определения методов индивидуальной профилактики. К числу последних относятся: убеждение и переубеждение, оказание необходимой помощи, нейтрализация негативных влияний окружающей среды, контроль и надзор, меры гражданско-правового, административно-правового и уголовно-правового воздействия.

Серьезное внимание следует уделить проблеме уголовно-правовой профилактики убийства и причинения вреда здоровью человека, например, возможности использования в борьбе с ними отдельных уголовно-правовых норм и институтов с непосредственно выраженной профилактической направленностью. Это прежде всего нормы Общей части уголовного законодательства, предусматривающие необходимую оборону, задержание преступника, крайнюю необходимость,

2 Франк Л. В. Виктимологические аспекты социального контроля и профилактика правонарушений // Профилактика правонарушений. Проблемы социального контроля и профилактика правонарушений. М., 1977. Вып. 5. – С. 71.

а также нормы, стимулирующие добровольный отказ от преступления, деятельное раскаяние.

Важную профилактическую роль играют нормы Особенной части уголовного законодательства с так называемой двойной превенцией. Это нормы об уголовной ответственности за деяния, осуществление которых создает условия и непосредственную обстановку для совершения других более тяжких преступлений. Речь идет именно о двойной превенции, двойном профилактическом воздействии таких норм – против деяний, для борьбы с которыми они непосредственно предназначены, и против тяжких преступлений, для которых создается благоприятная почва, если указанные деяния остаются без реагирования.

Серьезное внимание надо обратить также на возможности информационной системы «лечебное учреждение – правоохранительный орган». Ее использование в значительной степени могло бы способствовать снижению уровня латентности телесных повреждений. Руководители лечебно-медицинских учреждений в соответствии с требованиями нормативных актов обязаны сообщить в милицию обо всех травмах криминального характера. Однако обязанности эти на практике выполняются недостаточно полно. Поэтому надо обеспечить тщательный учет лиц, поступающих с такими повреждениями в лечебные учреждения, и фиксацию информации о них в книге заявлений и сообщений о преступлениях дежурными частями органов внутренних дел.

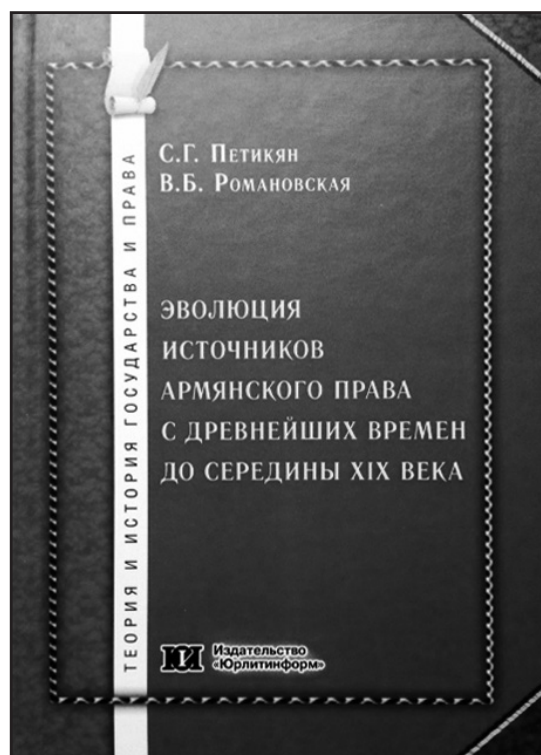
На основе изложенного можно сделать вывод о необходимости скорейшего принятия Основ государственной политики борьбы с преступностью. Главными концептуальными идеями антикриминальной политики государства должны стать: новая государственная идеология бескомпромиссной борьбы с преступностью, основанная на принципе приоритета предупреждения при строгом соблюдении прав человека, законности и правопорядка; системный учет условий и перспектив развития социально-экономических, политических и культурных процессов, традиций Российского государства и его субъектов; комплексный характер планирования предупредительной деятельности на основе координации действий в области правотворчества и правоприменения; четкое распределение функций между федеральными органами и субъектами федерации.

Разумеется, возможности виктимологической профилактики не «всемогущи», они не могут немедленно, сразу и кардинально изменить криминальную ситуацию в сторону улучшения.

Все изложенное приводит к выводам не только об актуальности виктимологической профилактики, необходимости вовлечения в ее субъектный состав институтов гражданского общества (общественные организации, школа, семья, социальное окружение, средства массовой информации), но и о привлечении внимания государства к проблемам жертвы преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Н. Г. Иванов. М.: Издательство «Экзамен» 2013.
2. Криминология: учебник для бакалавров / под редакцией Ю. М. Антонян. М., 2012.
3. Криминология. Курс лекций / По ред. З. А. Астемирова. Махачкала, 2002.
4. Самовичев Е. Г. Ваше тайное оружие – знак психологии. В кн.: Защити себя сам. М. 1997.
5. Франк Л. В. Виктимологические аспекты социального контроля и профилактика правонарушений // Профилактика правонарушений. Проблемы социального контроля и профилактика правонарушений. М., 1977. Вып. 5.

Абдулмуслимова Л. Г.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена виктимологической профилактике преступлений против жизни и здоровья человека и необходимости создания самых разнообразных способов и форм усиления профилактики в данном направлении в целях усиления самозащиты от насильственных преступлений.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика, пассивная и активная защита, гражданская самозащита, профессиональная помощь, криминологическое просвещение.

Abdulmuslimova L. G.

INDIVIDUAL VICTIMOLOGIC PROPHYLAXIS OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH

The article is devoted to victimologic prevention of crimes against life and health and the need for creating a wide variety of ways and forms of strengthening of prevention in this area in order to strengthen self-protection from violent crime.

Keywords: victimologic prophylaxis, passive and active protection, civil defense, professional help, criminology education.

Индивидуальная виктимологическая профилактика – это «процесс приобщения человека к социальному опыту, формирования положительных качеств его личности, поднятия уровня его сознания до высоты общественного в целях снижения индивидуальной виктимности»¹.

Индивидуальную виктимологическую профилактику, на наш взгляд, следует рассматривать как динамическую систему, состоящую из определенных взаимосвязанных элементов, основными из которых являются:

- а) субъекты, то есть управляющая подсистема воспитательного воздействия;
- б) объекты, то есть управляемая подсистема, охватывающая конкретную категорию виктимологически виновных потерпевших;
- в) цели и задачи, а также информационное обеспечение и планирование;
- г) формы, методы и средства воспитательно-профилактического воздействия на виновных потерпевших.

Для проведения индивидуальной виктимологической профилактики рассматриваемых правонарушений необходимо четко определить ее цели и задачи. Представляется, что такая деятельность должна быть направлена на устранение вероятности совершения преступления в отношении потерпевшего путем разрешения конфликтной ситуации правомерным способом. В этой связи задачами индивидуальной виктимологической профилактики, например семейно-бытовых правонарушений, являются: выявление и учет всех агрессивных потерпевших, поведение которых носит провокационный характер; выбор форм, методов и средств профилактического воздействия, осуществление повседневного контроля за виктимологически опасными потерпевшими; устранение ситуаций, чреватых причинением вреда.

Виктимологи разработали концепции пассивной и активной защиты. К пассивной защите относятся использование бронированных автомобилей, строительство домов, похожих на крепости, наем телохранителей, которые служат живым щитом, ношение бронежилетов и т. п. Под активной понимают самозащиту и защиту, осуществляемую другими людьми (пресечение нападения). Виктимологи рекомендуют делать свою жизнь менее прогнозируемой – это может затруднить подготовку нападения².

Важным направлением индивидуальной виктимологической профилактики является гражданская самозащита.

По мнению отдельных ученых средства гражданской самозащиты в рамках криминологической теории предупреждения преступности должны рассматриваться в качестве самостоятельного вида предупредительной деятельности, который обслуживается виктимологией – учением о потенциальной

жертве преступления, ставшим основой для выработки рекомендаций по оптимизации поведения личности с целью снижения вероятности стать жертвой преступления³.

По результатам социологических исследований, синдром «тревожности» населения из года в год растет. Практически каждый второй гражданин России опасается за свою безопасность и безопасность своих близких, 91 % опрошенных испытывают чувство неуверенности, страха за свою жизнь и жизнь своих близких. В этой связи мы предлагаем принять законы, усиливающие защиту граждан от преступных посягательств: существенно пересмотреть принципы необходимой обороны, переориентировать население на активную самозащиту, расширить права граждан на применение технических средств самозащиты и охраны имущества.

Угроза расправы, психологический, а зачастую и физический террор свидетелей и потерпевших, их детей или близких – повседневные реалии современной жизни. С обострением криминогенной ситуации в республике, особенно с распространением организованной преступности, «нейтрализация» свидетелей принимает все более дерзкие и изощренные формы, что резко осложняет задачи органов юстиции по обеспечению базы доказательств для раскрытия таких преступлений и наказания виновных.

В этих условиях стимулировать помощь граждан в борьбе с преступностью способно лишь создание атмосферы уверенности в безопасности и защите свидетелей преступлений. Важно отметить, что сотрудники подразделений по борьбе с преступностью МВД РД должны проходить специальную подготовку, позволяющую им, помимо всего прочего, выступать в роли социальных работников и консультантов психологов, с тем, чтобы способствовать поддержанию нормальных условий жизни и душевного равновесия свидетелей, вынужденных жить в изоляции и новом окружении.

Исходным при этом служит положение о том, что каждый потенциальный потерпевший от убийства и причинения вреда здоровью человека в принципе способен предвидеть возможность неблагоприятного исхода криминальной ситуации и предпринимать необходимые действия, чтобы ее избежать. Поэтому готовность к принятию мер самозащиты от преступных насильственных посягательств, в том числе от убийства и причинения вреда здоровью, должна стать таким же элементом цивилизованного существования человека, как и защита от болезней или, например, от воздействия природных сил. Задача состоит в том, чтобы каждый человек мог дать правильную оценку возможной криминальной опасности и на этой основе строил тактику своего поведения. Причем имеется в виду не только личная безопасность гражданина, но и его детей и близких.

С другой стороны, индивидуальная виктимологическая профилактика – это деятельность службы профилактики и об-

1 Полубинский В. И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. М., 1980. С. 65.

2 Иншаков С. М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 215.

3 Меркурьев В. В. Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. М., 2006. С.198.

ществленности, предусматривающая своевременное выявление лиц, которые своим неправомерным поведением провоцирующего характера создают конфликтные ситуации и оказываются в результате их развития жертвами преступников; постановку потерпевших на профилактический учет⁴. Данный вид профилактики как процесс, совершающийся в пространстве и во времени, состоит из ряда стадий: выявление виктимологически опасных потерпевших, их изучение; постановка таких лиц на профилактический учет; планирование и осуществление профилактических мероприятий; оценка достигнутых результатов.

Индивидуальная виктимологическая профилактика в отношении лиц с негативным, но не противоправным поведением, а также в отношении потенциальных жертв, чье поведение характеризуется как нейтральное или даже положительное, имеет свои особенности. Ее цель состоит в том, чтобы, подкрепляя принимаемые меры безопасности, превратить потенциальных потерпевших в активно действующий элемент противодействия преступникам.

Важно, далее, иметь в виду, что конечной целью индивидуальной виктимологической профилактики – независимо от характера поведения потенциальных жертв насилия – должны стать позитивные изменения личности с тем, чтобы ее поведение в опасной ситуации нейтрализовало или значительно уменьшило вероятность и тяжесть вредных последствий. Именно этой цели служат все многочисленные рекомендации, адресованные потенциальным жертвам насилия и направленные на то, чтобы избежать неблагоприятного исхода опасных ситуаций и причинения вреда – независимо от того, касаются ли они неосмотрительного поведения на улице, на транспорте, в сфере досуга, межличностных конфликтов и т. д.

В отличие от общей виктимологической профилактики индивидуальное профилактическое воздействие с целью нейтрализации опасной ситуации опирается на позитивные изменения поведения лица (компонента ситуации), которому грозит опасность, а эти изменения планируются и реализуются в ходе индивидуальной воспитательной работы.

Наконец, для индивидуальной профилактики убийства и причинения вреда здоровью человека важное значение имеет дифференциация отношения потенциальных потерпевших к поведению в криминологических ситуациях и к возможным последствиям своего поведения. Такая дифференциация определяет тактику предупредительной работы и в отношении потенциальных преступников, и в отношении потенциальных потерпевших. Она особенно важна для предотвращения преступлений со сменой ролей «преступник-жертва», где, как отмечает Д. В. Ривман, возможны самые различные комбинации неосторожной вины с различным сочетанием ее форм – самонадеянности и небрежности – для каждой из сторон.

Индивидуальная профилактическая работа предполагает необходимость предвидения поведения отдельных лиц в наиболее типичных опасных ситуациях и, следовательно, предвидение виктимизации на индивидуальном или групповом уровне. Здесь индивидуальная виктимологическая профилактика вплотную подходит к потребностям индивидуального прогнозирования поведения личности. «Индивидуальное прогнозирование, – отмечает Г. А. Аванесов, – есть процесс предвидения будущего поведения отдельного человека, а индивидуальный прогноз – научно обоснованная информация, содержащая количественно-качественную характеристику будущего поведения личности»⁵.

В свете проблематики организации виктимологической работы заслуживают пристального внимания предложения о непосредственном и более широком включении виктимологического аспекта в общую концепцию совершенствования профилактического законодательства. В этой связи особый интерес представляет проект российского Федерального Закона «Об основах предупреждения преступлений», где основным разделом, по мнению разработчиков проекта, должны быть нормы и институты индивидуального предупреждения преступлений и где должны быть раскрыты не только перечень, но и содержание мер индивидуального предупреждения⁶.

К числу таких же мер предлагается отнести постановку на профилактический учет, профилактическую беседу, официальное предостережение, профилактическую помощь, а также применение мер гражданско-правовой, административной и в необходимых случаях уголовной ответственности. Логика такого подхода предлагает, что индивидуальная профилактика не может проводиться без решения вопроса об обязанностях лиц, в отношении которых она осуществляется. К числу таких обязанностей следует отнести явку по вызову или приглашению в орган, осуществляющий индивидуальное профилактическое воздействие, для беседы или вынесения официального предостережения; подчинение требованиям, вытекающим из реализации в порядке и по основаниям, предусмотренным законом, мер гражданско-правового, семейно-правового, уголовно-правового и уголовно-процессуального характера. При этом неоднократное нарушение требований соответствующих органов «индивидуального» воздействия должно влечь ответственность в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях, если иные меры ответственности не предусмотрены действующим законодательством.

При осуществлении индивидуальной виктимологической профилактики сотрудники службы профилактики должны проявлять большой такт, особенно при выяснении причин возникновения конфликта, его глубины, психологической и иной несовместимости враждующих сторон; искать правильные пути устранения конфликта, ставя перед собой задачу обязательно примирить конфликтующих; иметь надежную информацию о поведении профилактируемого в быту; немедленно проверять сигналы о противоправном поведении виктимологически опасного потерпевшего, поставленного на профилактический учет, учитывая, что неправильное или неадекватное реагирование на жалобу может стать поводом обострения конфликта, чреватого совершением преступления. Словом, сотрудникам службы профилактики нужно проявлять максимум умения, терпения и настойчивости, этому же надо учить и общественных помощников.

Что касается организации работы сотрудников милиции, то здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на методы обращения с жертвами. Их учат сочувствию, чуткости при ведении опроса людей, находящихся в состоянии стресса, уважительному и внимательному отношению к жертвам. Желательно было бы создать непосредственно в самих органах милиции специальные отделы по работе с жертвами. Во многих штатах США уже давно существуют и успешно функционируют подобные учреждения. Как правило, их сотрудники – женщины с «большим опытом работы и навыками психологии». Они встречаются с потерпевшими сразу же, как только становится известно о преступлении.

Методы индивидуального предупреждения виктимизации от убийства и причинения вреда здоровью человека – это способы оказания лицу необходимой социальной помощи, воспитательная работа с ним, разработка практических рекомендаций, которые могут служить криминологическому просвещению граждан в целях их самозащиты от насильственных посягательств в целом, и от убийства и причинения вреда в частности.

Приставленный библиографический список

1. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Н. Г. Иванов. М.: Издательство «Экзамен», 2013.
2. Криминология: учебник для бакалавров / под ред. Ю. М. Антонян. М., 2012.
3. Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975.
4. Зубкова В. И. Виктимологические меры предупреждения // Вестник МГУ. 1990. № 3.
5. Иншаков С. М. Зарубежная криминология. М., 1997.
6. Миньковский Г. М., Ревин В. П., Баринин Л. В. Концепция проекта Федерального Закона «Об основах предупреждения преступлений» Государство и право. 1998. № 3.
7. Меркурьев В. В. Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. М., 2006.
8. Полубинский В. И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. М., 1980.

4 Зубкова В. И. Виктимологические меры предупреждения // Вестник МГУ. 1990. № 3. С. 55. Сер.11 «Право».

5 См.: Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький, 1975.

6 См.: Миньковский Г. М., Ревин В. П., Баринин Л. В. Концепция проекта Федерального Закона «Об основах предупреждения пре-

Лягина Е. В. АНАЛИЗ ВОИНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Статья посвящена проблемам воинской преступности. На основании официальных и неофициальных источников дается ее анализ, предлагается комплекс мер по предупреждению воинских преступлений, через выявление их причин и ряда превентивных мер.

Ключевые слова: вооруженные силы, дисциплина, воинская обязанность, военная служба, противоправность, преступление, предупреждение, уголовная ответственность.

Lyagina E. V. ANALYSIS OF MILITARY CRIME IN THE RUSSIAN ARMY AND ITS PREVENTION

The article is dedicated to the problems of military crime. Based upon official and unaccredited sources it presents crime analysis, suggests a package of measures on military crimes prevention through determination of their cause and a range of prevention measures.

Keywords: armed forces, discipline, military duty, military service, illegality, crime, prevention, criminal responsibility.

Лягина Е. В.

Необходимость снижения уровня воинской преступности является одним из условий эффективности реформ Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, вызванных целым рядом внутренних и внешних факторов, в том числе таких, как угроза национальной безопасности Российской Федерации и особенности ее геополитического положения.

Понятие преступлений против военной службы приведено в ст. 331 УК РФ. В соответствии с указанной нормой преступлениями против военной службы признаются предусмотренные главой 33 УК РФ преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Порядок прохождения военной службы регламентируется Конституцией РФ¹, Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»², Федеральным законом от 23 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»³ (в ред. от 11 марта 2010 г.), Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»⁴ (в ред. от 25 декабря 2009 г.) и общевоинскими уставами.

Общественная опасность преступлений против военной службы проявляется в причинении или создании угрозы причинения вреда военной безопасности государства. Общественную опасность, в первую очередь, представляют вредные последствия нарушения установленного порядка прохождения военной службы.

Анализ официальной статистики позволяет сделать вывод о том, что на фоне общего снижения количества рассматриваемых по первой инстанции дел о преступлениях военнослужащих (с 9403 в 2010 г. до 5901 дел в 2014 г.)⁵ по отдельным составам данных преступных деяний наблюдается неуклонный рост.

Настораживает рост общего количества лиц, осужденных военными судами, за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Так, если в 2010 г. было осуждено по делам указанной категории 286 военнослужащих, то к 2014 г. этот показатель увеличился до 518 человек, т.е. на 81 %⁶.

Сумма ущерба от преступлений военнослужащих, определенная судебными актами, настолько велика, что вполне оправданно здесь будет указать ее за последние годы: 2010 г. – 1 031 240 тыс. руб., 2011 г. – 1 064 015 тыс. руб., 2012 г. – 930 494 тыс. руб., 2013 г. – 993 694 тыс. руб. И если в 2014 г. она уменьшилась до 522 474 тыс. руб., то уже за первое полугодие текущего года составила 534 549 тыс. руб.⁷

Охарактеризовать уровень воинской преступности в армии в период 2010–2015 гг. можно также и по косвенной информации, поступающей из пресс-релизов Главной военной прокуратуры и Главного военного следственного управления, сообщений в СМИ и судебной практики.

В интервью «Российской газете» руководитель Главного военного следственного управления генерал-полковник юстиции Александр Сорочкин сообщил, что за 2013 г. «возросло количество зарегистрированных преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, против порядка несения специальных видов военной службы, в том числе нарушение правил несения пограничной службы и уставных правил караульной службы. На 13 процентов увеличилось число краж, на 12 процентов — мошенничества... На 3 процента — в сфере безопасности движения и эксплуатации транспор-

1 Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

2 Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 12.02.2015) «Об обороне» // Собрание законодательства РФ. 03.06.1996. № 23. Ст. 2750.

3 Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 30.03.1998. № 13. Ст. 1475.

4 Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. № 22. 01.06.1998. Ст. 2331.

5 Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 02.09.2015).

6 Там же.

7 Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 02.09.2015).

та. От нарушений уставных правил взаимоотношений и рукоприкладства пострадали свыше 2,3 тысяч военнослужащих. Возросло количество погибших, а также граждан, которым в результате преступления причинен тяжкий вред здоровью. ... военные следователи расследовали целый ряд преступлений, вызвавших большой общественный резонанс. Здесь и уголовные дела в отношении должностных лиц военного ведомства и лиц, выполнявших управленческие функции в акционерных обществах «Оборонсервис», «Славянка», дело по заключению и исполнению госконтракта по перемещению фондов Центрального военно-морского музея Минобороны России»⁸.

В пресс-релизе за 2011 г. без уточняющих численных данных указывается, что «особую тревогу у военных прокуроров Южного военного округа вызывает то обстоятельство, что не удается искоренить такую форму работы отдельных офицеров с подчиненными, как рукоприкладства, уровень которых возрос почти на треть»⁹.

Военная прокуратура Восточного военного округа также в 2011 г. сообщила: «В текущем году военными прокурорами округа выявлено свыше 2,6 тыс. нарушений законов о сохранности жизни и здоровья военнослужащих. По требованию военных прокуроров свыше 400 воинских должностных лиц привлечено к дисциплинарной ответственности, 84 – предостережены о недопустимости нарушения закона. По материалам прокурорских проверок возбуждено более 470 уголовных дел данной категории»¹⁰.

«Российский солдат-срочник Валерий Пермяков, расстрелявший армянскую семью в Гюмри, задержан у армяно-турецкой границы. По его словам, он пошел погулять по Гюмри, захотел пить, а затем убил шесть человек», – подобным образом в 2015 г. в СМИ фиксируется проблема преступности с участием военнослужащих»¹¹.

Анализ судебной практики и изучение судебных решений показало, что часто встречающимися воинскими преступлениями в российской армии в 2010–2015 гг. являются указанные в статьях УК РФ»¹² – «Самовольное оставление части или места службы» (ст. 337), «Дезертирство» (ст. 338), «Насильственные действия в отношении начальника» (ст. 334), «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности» (ст. 335), «Нарушение уставных правил караульной службы» (ст. 342), реже – «Сопrotивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы» (ст. 333), «Утрата военного имущества» (ст. 348).

8 Интервью «Российской газете» руководителя Главного военного следственного управления А. Сорочкин // официальный сайт Главного военного следственного управления Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gvsu.gov.ru/?p=3035> (дата обращения: 02.10.2015).

9 Пресс-релиз «В военной прокуратуре Южного военного округа обозначены состояние работы по пресечению насильственных преступлений» от 04.10.2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gvp.gov.ru> (дата обращения: 23.10.2015).

10 Пресс-релиз «Военные прокуроры Восточного военного округа обновили состояние работы по пресечению насильственных преступлений» от 06.10.2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gvp.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2015).

11 В Гюмри убита семья 12 января 2015: 6 человек расстрелял российский солдат [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.topnews.ru/news_id_74442.html (дата обращения: 24.10.2015).

12 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

Значительная часть правонарушений в армии в настоящее время связана с неуставными формами выяснений отношений между военнослужащими (статьи 333–336), неуставными формами распоряжения военным имуществом (статьи 346–348), дезертирством и самовольным уходом из части. Субъектами правонарушений чаще всего являются военнослужащие в званиях от рядовых до старшин. Однако за последние годы возросла доля преступлений, совершенных офицерами, которая, например, в 2013 г. составила почти треть от общего числа преступлений¹³.

При вынесении судебных решений судьи учитывают личные характеристики военнослужащих, смягчая, как правило, наказания, с их учетом.

Военнослужащий Данилов, находясь на службе, в отсутствие бережного обращения с вверенными ему боеприпасами в виде магазина автомата АК47 и 30 патронов к нему, утратил снаряженный магазин с патронами. Розыск пропавшего магазина не дал результатов. Решением суда Данилов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 348 УК РФ, ему назначено наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части на срок 6 (шесть) месяцев. В соответствии с ч. 3.1 ст. 73 УК РФ суд решил считать назначенное Данилову наказание условным, с испытательным сроком 1 (один) месяц 18 дней.

Младший сержант Куликов и рядовые Матвеев и Березовский, находясь на службе, осуществляли действия насильственного характера по отношению к сослуживцам: били, в том числе за ненадлежащее исполнение потерпевшими обязанностей военной службы; заставляли танцевать; петь, используя в качестве муляжа микрофона туалетный ершик, бывший в употреблении; вымогали денежные средства. Объектами нападок стали как старшие по званию, так и находящиеся в подчинении военнослужащие. По решению суда Куликову, признанному виновным по ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», назначено окончательное наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года 8 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима; Матвееву (признанному виновным по ст. 163 «Вымогательство» и ст. 335 УК РФ) – лишение свободы на 2 года 6 (шесть) месяцев; Березовскому (признанному виновным по ст. 163, ст. 334 и ст. 335 УК РФ) – лишение свободы на 4 года.

Основные причины, порождающие воинскую преступность, обусловлены экономическим и политическим местом страны в мире, а также отсутствием идеологического воспитания подрастающего в стране молодого поколения граждан. У воинской преступности есть также психологические, бытовые и т.п. предпосылки. Основными причинами воинской преступности в 2010–2015 гг. в российской армии являются такие качества личности, как лень, глупость, жадность, а также отсутствие разумности в действиях и ответственности за поступки и принятые решения.

Например, как низкий достаток в семьях будущих военнослужащих, так и вседозволенность, декларируемая родителями, могут привести к проявлению неуставных отношений с целью самоутверждения. Отсутствие культуры и идеологии в воспитании будущего воина может привести его к действиям по умышленной растрате вверенного ему вооружения. Созда-

13 Интервью «Российской газете» руководителя Главного военного следственного управления А. Сорочкин // официальный сайт Главного военного следственного управления Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gvsu.gov.ru/?p=3035> (дата обращения 02.10.2015).

ние в армии хороших бытовых условий для военнослужащих на фоне понижения общевойсковой дисциплины, особенно в частях, дислоцированных вдали от государственной границы, также способствуют нарушению военнослужащими воинского Устава, и как следствие, возникновению преступных проявлений.

Основным методом для предупреждения воинской преступности является ранняя и непрерывная по времени идеологическая работа, направленная на воспитание в каждом гражданине России чувства любви к Родине. Данная работа должна проводиться в образовательных учреждениях страны и в семейном кругу старшими родственниками.

Кроме указанной повсеместной меры раннего предупреждения преступности целесообразно усилить в действующей армии институт младшего командующего состава – корпуса сержантов с целью укрепления воинской дисциплины, предупреждения воинской преступности, адаптации новобранцев к особенностям службы.

Также необходимо жестче применять положения Дисциплинарного устава ВС РФ, как с целью поощрения, так и наказания военнослужащих в зависимости от их действий.

Представляется, что следует предусмотреть систему мер, позволяющих увольнять из армии офицеров, замеченных в грубом нарушении этических норм, что позволит пресекать возможность копирования неэтичного поведения подчиненными, и, как следствие, успешно бороться с фактами различных правонарушений на самой ранней стадии. При этом этические нормы должны быть четко описаны и закреплены нормативно-правовыми актами. Офицеры российской армии должны быть образцами для подражания как для военнослужащих, так и для гражданских лиц.

Для укрепления правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах РФ в 2011 г. создано Главное управление военной полиции Министерства обороны РФ. В законе «Об обороне» определены функции, полномочия и направления деятельности органов военной полиции. В числе прочих на военную полицию возложены функции раннего выявления и предупреждения преступлений в ВС РФ, а также обеспечение правопорядка и воинской дисциплины, проведение разбирательства по дисциплинарным проступкам, установление местонахождения военнослужащих, находящихся в розыске, осуществление функции органа дознания. Указом Президента РФ от 25.03.2015 № 161 утвержден Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации¹⁴. Учитывая наделение органов военной полиции соответствующими процессуальными полномочиями, представляется, что следует ожидать повышения качества работы органов дознания по наведению уставного порядка в воинских коллективах.

Воинская преступность неизбежна, так как является порождением комплекса внешних и внутренних факторов негативного характера, сгенерированных социумом, в котором находится в различные периоды своей жизни военнослужащий. Уменьшить воинскую преступность до некоего неснижаемого минимального уровня можно путем внедрения комплекса мер по предупреждению преступности, предполагающего в первую очередь развитие каждого гражданина страны как человека, любящего свою Родину, работу по постоянному при-

ведению нормативных документов в состоянии, соответствующее современным требованиям, и постоянный контроль за правоприменительной практикой с оценкой критерия уровня воинской преступности как интегрально, так по каждой отдельной статье.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.
2. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 12.02.2015) «Об обороне» // Собрание законодательства РФ. 03.06.1996. № 23. Ст. 2750.
3. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 30.03.1998. № 13. Ст. 1475.
4. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. № 22. 01.06.1998. Ст. 2331.
5. Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sdep.ru/> (дата обращения: 02.09.2015).
6. Интервью «Российской газете» руководителя Главного военного следственного управления А. Сорочкин // Официальный сайт Главного военного следственного управления Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gvsu.gov.ru/?p=3035> (дата обращения 02.10.2015).
7. Пресс-релиз «В военной прокуратуре Южного военного округа озабочены состоянием правопорядка в офицерской среде», 04.10.2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gvp.gov.ru> (дата обращения: 23.10.2015).
8. Пресс-релиз «Военные прокуроры Восточного военного округа обсудили состояние работы по пресечению насильственных преступлений» от 06.10.2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gvp.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2015).
9. В Гюмри убита семья 12 января 2015: 6 человек расстрелял российский солдат [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.topnews.ru/news_id_74442.html (дата обращения: 24.10.2015).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
11. Указ Президента РФ от 25.03.2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.03.2015. № 13. Ст. 1909.

¹⁴ Указ Президента РФ от 25.03.2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.03.2015. № 13. Ст. 1909.

Крюков В. В. УСТРАШЕНИЕ КАК АСПЕКТ ОБЩЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В данной статье ставится задача рассмотреть процесс устрашения как один из аспектов общего предупреждения. Рассматриваются субъекты, распространяющие массовые страхи как элементы механизма устрашения. Особое внимание уделяется страху, его использованию в целях достижения общей превенции, а также положительным и негативным последствиям применения устрашения. Делается вывод о необходимости правильной интерпретации страха, а также о положительном эффекте отложенной реакции последнего для общего предупреждения. Примечательно, что в работе устанавливаются пределы использования страха в целях уголовного наказания.

Ключевые слова: наказание, цель уголовного наказания, пенология, устрашение, общее предупреждение, превенция.

Krukov V. V. DETERRENCE AS AN ASPECT OF GENERAL PREVENTION

This article seeks to review the process of deterrence as an aspect of general prevention. We consider the subjects that distribute massive fears as the elements of the mechanism of deterrence. Special attention is given to fear, its use in order to achieve general prevention, as well as the positive and negative effects of the use of deterrence. Conclusion is made about the need for a correct interpretation of fear, as well as the positive effect of the delayed reaction of the latter for general prevention. Noteworthy that the limits are set in order to use the fear for criminal punishment.

Keywords: punishment, the purpose of criminal punishment, penology, deterrence, general prevention, prevention.

Для современной науки не являются редкостью междисциплинарные исследования. Взаимное проникновение различных отраслей знаний позволяет на основании уже полученной информации получать новые данные. Общая превенция реализуется, в том числе, через угрозу наказания. Последняя, в силу своих свойств, вполне в состоянии вызвать страх перед карательным воздействием, которому подвергается лицо, совершившее преступление. Таким образом, страх, изучаемый психологами, может помочь в достижении цели уголовного наказания, исследуемой учёными-юристами. Поэтому мы полностью согласны с мнением О. Д. Ситковской, которая обосновывает социально обусловленную потребность в использовании результатов психологических исследований в уголовно-правовой науке¹, и готовы использовать указанные результаты для исследования общепредупредительного воздействия.

Г. Лебон высказывал мысль о том, что идея может достигаться до человека, только если она переведена на язык эмоций, а страх, как известно, одна из самых сильных эмоций², активно изучаемая психологами.

Уголовное наказание по своей сути представляет собой ограничение (или лишение) прав и свобод лица, совершившего преступление, что причиняет ему страдания или, по крайней мере, неудобства. Это обстоятельство сближает наказание с естественными активаторами страха³.

Страх изначально является биологической категорией, стремлением к самосохранению⁴. Однако, читая определение

1 Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М.: Норма, 1998. С. 8–15.

2 Полякова В. С. Использование страха как социально-коммуникативного феномена в убеждающей массовой коммуникации: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2003. С. 35–36.

3 Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание понятие, цели и механизмы действия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 215.

4 Полякова В. С. Использование страха как социально-коммуникативного феномена в убеждающей массовой коммуникации: Дисс.

Крюков В. В.

М. Г. Ярославского, который пишет, что страх – это эмоция, которая возникает в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направлена на источник действительной или воображаемой опасности⁵, нельзя не заметить, что учёный отмечает наравне с его биологической и социальную составляющую.

Наказание, как обязательное последствие действий лица, не всегда предстаёт перед его глазами непосредственно перед совершением преступления, однако это вовсе не означает, что оно не может вызвать страха. А в связи с этим интересно определение страха, даваемое А. С. Ребером, который под ним понимает эмоциональное состояние, возникающее в присутствии или предвосхищении опасного или вредного стимула⁶. Из приведённого видно, что далеко не обязательно, чтобы источник угрозы находился в непосредственной близости, чтобы вызвать рассматриваемую негативную эмоцию. Достаточно вероятности возникновения негативных последствий в будущем, и вот человек уже боится этого явления.

Как пишет В. С. Полякова, культурная ипостась страха состоит в трансляции необходимого в обществе поведения. Феномен страха – это часть массовой коммуникации, целью которой является изменение поведения и мышления. Таким образом, социальный смысл страха состоит в его упорядочивающей силе.

Не стоит думать, что методы устрашения – это древние и бесчеловечные меры. На самом деле, они развиваются, переходят «от насилия в сферу духа», а значит, становятся гуманнее. В. С. Полякова утверждает, что сейчас «феномен страха стал намного сложнее физического запугивания, он вместо внешнего стал внутренним, процессы воздействия стали более тон-

канд. юрид. наук. М., 2003. С. 33.

5 Чернавский А. Ф. Системное исследование страха: Дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 17.

6 Ребер А. С. Большой толковый психологический словарь. В 2-х томах. Т. 2. / А. С. Ребер. М.: Вече, АСТ, 2000. С. 322.

кими, незаметными и не вызывающими отторжения»⁷. Тем более, далеко не все люди должны и, самое главное, будут подвержены устрашающему воздействию наказания. Ведь, как это отмечает Э. Т. Каримов, многие граждане соблюдают закон не из-за страха, а ввиду моральных убеждений⁸. И действительно, зачем бояться костра, когда не собираешься доставать из него угли?

Субъектами, которые производят и распространяют массовые страхи, являются политические деятели, писатели, преподаватели, журналисты, в общем, все те, кто формируют общественное мнение или могут влиять на него. Получатели (граждане, на которых непосредственно направлено устрашающее воздействие) или, как их называет В. С. Полякова, реципиенты получают его либо из первых рук, т.е. из своего личного опыта или из опыта близких, либо из вторых рук, т.е. из средств массовой информации, произведений искусства, объектов массовой культуры.

Для достижения общепредупредительного эффекта нужно правильно интерпретировать страх, желательно сделать так, чтобы в глазах народа уголовное наказание как бы стало защитником от греха перед Богом или обществом⁹. То есть, максимальное приближение норм уголовного права к нормам морали и религии оказывает благоприятное воздействие на достижение цели общего предупреждения.

Как указывает Д. Ф. Фишер, страх требует того, чтобы объект, представляющий опасность, чётко осознавался¹⁰. Это относится к качеству нормотворчества. Если закон размыт, если объективная сторона преступлений запутана, а людям не известно или не понятно, каким образом исполняются наказания, устрашающее воздействие не будет иметь места.

К. Н. Сыч полагает, что страх должен быть постоянным контрмотивом, чтобы удержать лицо от совершения противоправного деяния. Таким образом, человек должен быть постоянно охвачен страхом сделать (или не сделать) что-то не так¹¹. На наш взгляд, такая позиция не может быть оправдана. Наказание не должно стать тормозом общественного развития. Тем более, у страха есть свойство со временем притупляться, т.е. если человек чего-то боится, то с течением времени он привыкает, и казавшееся вчера ужасным сегодня просто тревожит его, а завтра может стать и вовсе обыденным. Выходом из этой проблемы может стать использование эмоциональной установки. Так, Я. Рейковский под ней понимает склонность человека реагировать определёнными эмоциями на некоторые раздражители (объекты или ситуации)¹². Если в момент, благоприятный по криминогенным условиям, у человека, склонного к совершению преступного деяния, будет возникать чувство страха, а в остальное время, когда он не думает о совершении преступления, он его ощущать не будет – это станет огромной победой для уголовного права и психологии.

7 Полякова В. С. Использование страха как социально-коммуникативного феномена в убеждающей массовой коммуникации: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2003. С. 3, 34, 46.

8 Каримов Э. Т. Общая и специальная превенция как цель наказания // Вектор науки ТГУ. 2012. № 3. С. 159.

9 Полякова В. С. Использование страха как социально-коммуникативного феномена в убеждающей массовой коммуникации: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2003. С. 41–42, 78.

10 Чернавский А. Ф. Системное исследование страха: Дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 18.

11 Рагимов И. М. Преступность и наказание. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. С. 101.

12 Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: 1979. С. 57.

Страх обладает одной важной особенностью, которую можно использовать для достижения неотвратимости наказания. Бывает так, что он проявляется после того, как опасность миновала, в качестве отложенной реакции¹³. Мы полагаем, что под давлением этой негативной эмоции преступник может прийти в органы предварительного расследования с явкой с повинной. Это, конечно, в лучшем случае. Но даже если этого не случится, всё же он будет ощущать психологический дискомфорт, из-за которого он с высокой вероятностью, если, конечно, речь идёт не об опытным нарушителе порядка, может совершить ошибку, которая к нему приведёт следователей, или, по крайней мере, послужит ему хоть и не уголовным, но нравственным наказанием.

К сожалению, со страхом всё не так просто, и его использование имеет и ряд побочных действий. Когда он охватывает человека, тот теряет способность логично мыслить и адекватно действовать, пишут В. С. Полякова¹⁴ и Ю. В. Щербатых¹⁵. Он парализует мораль, инициативу – лучшие проявления человеческой природы¹⁶. Страх, в свою очередь, отмечает Б. М. Теплов, ослабляет физические и умственные силы человека¹⁷. Настолько сильны его негативные проявления. Поэтому мы хотим ограничить устрашающее воздействие наказания исключительно сферой умышленных общеуголовных преступлений, к которым относятся известные с древних времён абсолютно всем народам противоправные посяательства, такие как убийства, кражи, разбои¹⁸. Исключением должны стать неосторожные общеуголовные преступления, которые совершены в состоянии какого-либо опьянения. Это следует сделать ввиду огромного числа преступлений, совершаемых в таком состоянии (по данным МВД РФ за январь – июль 2015 г. только в состоянии алкогольного опьянения совершается 30,3 % от общего числа преступлений)¹⁹, с одной стороны, и вследствие того, что сам факт употребления одурманивающих веществ находится в полной власти субъекта, с другой.

Конечно, люди преодолевают свои страхи. Есть два механизма преодоления страха. Первый состоит в отрицании. Человек старается представить, что опасности вовсе не существует. Второй состоит в подборе логических аргументов в пользу благоприятного, не вызывающего страха варианта развития событий, при этом человеком избираются псевдоразумные объяснения явления, которого он боится. В результате использования этих механизмов то, чего он боится, уже не кажется ему настолько опасным и страшным²⁰, но теперь уже нельзя сказать, что он воспринимает мир полностью таким, какой он

13 Чернавский А. Ф. Системное исследование страха: Дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 25.

14 Полякова В. С. Использование страха как социально-коммуникативного феномена в убеждающей массовой коммуникации: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2003. С. 36.

15 Щербатых Ю. В. Психология страха. Популярная энциклопедия. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 224.

16 Полякова В. С. Использование страха как социально-коммуникативного феномена в убеждающей массовой коммуникации: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2003. С. 57.

17 Чернавский А. Ф. Системное исследование страха: Дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 24.

18 Клеймёнов М. П., Розенкевич М. А., Юрьев В. С. Общеуголовная нераскрытая // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 4. С. 172.

19 См.: Состояние преступности в России за январь – июль 2015 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6350811/> (дата обращения: 26.10.2015).

20 Полякова В. С. Использование страха как социально-коммуникативного феномена в убеждающей массовой коммуникации: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2003. С. 39.

есть, а следовательно, и его решения могут оказаться не адекватными сложившейся обстановке.

Почему мы не хотим устрашать лиц, потенциально способных совершить необщественные преступления? И как мы предлагаем воздействовать на них в рамках механизма общего предупреждения?

Выше мы привели негативные факторы, связанные со страхом. Злоупотребление таким острым оружием может затормозить развитие общества. Нам крайне не хотелось бы, чтобы из-за устрашающего воздействия предприниматели потеряли инициативность, а водитель, попавший в сложную ситуацию, потерял возможность логично мыслить и действовать, и вместо того, чтобы предотвращать аварию, был скован страхом неминуемого наказания. Это лишь два примера, которые отлично иллюстрируют нашу позицию. Для политических преступлений есть ещё один момент. Люди обычно хотят избавиться не только от страха, но и от его причины. Рано или поздно страх становится невыносим, а там, где подходят к концу страх и терпение, начинается революция²¹.

Что касается второго вопроса, то мы готовы предложить иной способ воздействия, связанный с рациональным отношением к негативным последствиям от наказания, но этот аспект общепредупредительного воздействия остаётся за пределами этой статьи.

Также стоит заметить, что устрашающее воздействие, как одна из составляющих общей превенции, сильно зависит от социально-экономических условий общества. Так Ю. В. Баранов указывает на то, что страх перед наказанием начинает терять свою силу ввиду увеличения числа техногенных катастроф, усложнения систем общества, процессов глобализации и многого другого, что делает нашу жизнь всё опаснее саму по себе. В частности, люди перестают бояться лишения свободы, чему способствует широкое распространение этого вида наказания, общая деградация общества, происходящая из-за распространения наркотиков и иных одурманивающих веществ, увеличение числа бедных, которые на воле живут также или даже хуже, чем преступники за решёткой, и, кроме того, служба в армии и в некоторых других структурах по жёсткости напоминает этот вид наказания²².

Таким образом, устрашение как аспект общей превенции является актуальной темой для взаимных исследований психологии и уголовного права. Мы искренне надеемся, что результатом дальнейших изысканий обеих наук станет информация, способная значительно повысить эффективность общепредупредительного воздействия.

²¹ Там же. С. 40.

²² Баранов Ю. В. Стадии ресоциализации осуждённых в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 80, 88.

Пристатейный библиографический список

1. Баранов Ю. В. Стадии ресоциализации осуждённых в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
2. Каримов Э. Т. Общая и специальная превенция как цель наказания // Вектор науки ТГУ. 2012. № 3.
3. Клеймёнов М. П., Розеенкевич М. А., Юрьев В. С. Общеуголовная нераскрытая преступность // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 4.
4. Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание понятие, цели и механизмы действия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
5. Полякова В. С. Использование страха как социально-коммуникативного феномена в убеждающей массовой коммуникации: Дисс. канд. юрид. наук. М., 2003.
6. Рагимов И. М. Преступность и наказание. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012.
7. Ребер А. С. Большой толковый психологический словарь. В 2-х томах. Т. 2. М.: Вече, АСТ, 2000.
8. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: 1979.
9. Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М.: Норма, 1998.
10. Чернавский А. Ф. Системное исследование страха: Дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
11. Щербатых Ю. В. Психология страха. Популярная энциклопедия. М.: Эксмо-Пресс, 2002.

Газимуллин И. Ю.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Данная статья посвящена актуальной проблеме предупреждения преступлений сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних и малолетних детей, поиску возможных эффективных путей преодоления негативных факторов, способствующих их совершению.

Ключевые слова: преступление, несовершеннолетний, сексуальный, характер, личность, преступник, угроза, насилие, жестокость, олигофрен.

Gazimullin I. Yu.

SOME ISSUES ON PREVENTION OF VIOLENT CRIMES OF SEXUAL CHARACTER COMMITTED AGAINST MINORS

This article is devoted to the actual problem of the prevention of crimes of sexual character committed against minors and juveniles, to the search of possible effective ways of overcoming of negative factors promoting their commission.

Keywords: crime, minor, sexual, character, person, criminal, threat, violence, cruelty, oligophrenic person.

Газимуллин И. Ю.

На протяжении всей истории человечества насилие всегда привлекало внимание в первую очередь по той причине, что люди постоянно прибегали к нему для решения самых различных проблем, от духовных до политических¹.

Защита детей от различных преступных посягательств и вовлечения в противоправную деятельность является одним из наиболее приоритетных направлений внутренней политики Российской Федерации. Так, 7 мая 2013 г. Федеральным законом № 76-ФЗ Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, заключенную в городе Лансароте 25 октября 2007 г.

Преступления сексуального характера, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних, представляют собой один из наиболее опасных видов преступных посягательств против личности.

Действующее российское законодательство относит к преступлениям сексуального характера, совершаемым в отношении несовершеннолетних, следующие деяния: изнасилование несовершеннолетних (п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ); насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних (п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ); понуждение к действиям сексуального характера (ч. 2 ст. 133 УК РФ); половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ), развратные действия (ст. 135 УК РФ). Однако спектр совершаемых в отношении несовершеннолетних преступлений на сексуальной почве гораздо шире и может включать в себя такие составы, как: убийство несовершеннолетнего (пп. «в», «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью несовершеннолетнему (п. «б» ч. 2, ч. 4 ст. 111 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 122 УК РФ), вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 240 УК РФ) и ряд других составов преступлений.

С точки зрения комплексной (оперативно-розыскной, криминологической, криминалистической) характеристики можно выделить основные признаки сексуальных преступлений против несовершеннолетних:

- мотивированная направленность умысла на совершение действий сексуального характера исключительно или предпочтительно с несовершеннолетними;
- неоднократность, серийность, многоэпизодность посягательств;
- наличие у значительной части преступников психических отклонений, различных форм девиантного поведения;
- преобладание среди преступников лиц мужского пола;
- совершение преступления в одиночку;
- тщательное утаивание преступником фактов своей преступной деятельности;
- высокий уровень латентности, обусловленный неочевидностью совершения, а также особенностями как жертвы, так и преступника, деликатностью сферы нарушаемых отношений.

В свою очередь из общей характеристики целесообразно выделить частные признаки, характерные при совершении преступления, когда жертва и преступник не знакомы:

- насильственный характер действий преступника с преобладанием физического насилия или угрозы его применения;
- отсутствие непосредственной связи (контактов) между преступником и жертвой до совершения преступления (видят друг друга впервые, либо имело место одностороннее скрытое наблюдение преступника за жертвой);
- заманивание жертвы преступником;
- многоэпизодность посягательств, притом что повторное совершение посягательства в отношении одного и того же лица крайне редко;
- предварительная подготовка или планирование алгоритма преступных действий;
- удовлетворение сексуальной потребности одним способом либо комбинированием в определенной системе;

1 Антонян Ю. М. Особо опасный преступник. М., Проспект, 2013. С. 3.

- высокая доля среди преступников лиц, имеющих психические отклонения и нарушения сексуального предпочтения;
- сокрытие преступных действий (убийство, запугивание, уничтожение следов);
- усиление изощренности и тяжести преступных действий по мере продолжения преступной деятельности.

Исходя из сказанного, учитывая, что совершение преступлений этого вида сопровождается нанесением не только тяжелого ущерба физическому здоровью, но и неизгладимым моральным потрясением жертвы, можно прийти к выводу, что предупреждение насильственных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних является самым приоритетным направлением органов внутренних дел Российской Федерации.

Главным фактором совершения преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних является наличие лиц, которые в силу своих личностных и психофизиологических особенностей рассматривают сексуальные контакты с несовершеннолетними как наиболее эффективный способ удовлетворения своих сексуальных потребностей.

Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению должна включать в себя в первую очередь:

- выявление лиц, склонных к совершению преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних;
- осуществление проверки их образа жизни, с целью установления наличия замыслов, намерений сексуальных посягательств против несовершеннолетних, подготовительных действий к их совершению;
- проведение в отношении выявленных лиц мер индивидуальной профилактики;
- выявление фактов уже совершенных сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних и принятие установленных законом мер реагирования.

Наиболее целесообразным представляется осуществление поиска таких лиц среди определенных социальных групп населения, таких как:

1. *Лица, ранее совершавшие преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних.* Лица, ранее судимые за совершение сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних, как правило, стремятся к попытке их повторения. В основе сексуального влечения к несовершеннолетним лежит задержка психосексуального развития и нарушение контактов со старшими лицами противоположного пола. Как правило, стремление к удовлетворению полового влечения с несовершеннолетними связано с ситуацией, когда контакт со взрослыми партнерами не приносит удовлетворения и является психотравмирующим².

2. *Лица, ранее совершавшие преступления сексуального характера в отношении совершеннолетних.* Стоит отметить, что большая часть лиц, ранее совершавших преступления сексуального характера в отношении взрослых, имеют проблемы в сфере сексуальной жизни, и для таких преступников ребенок как сексуальный объект является источником меньших угроз, чем взрослый партнер. Причина заключается в доступности поиска объекта, быстром установлении контакта, большей степени сохранения факта сексуального контакта в тайне от

окружающих в силу специфических особенностей возраста жертвы.

3. *Лица, страдающие психическими заболеваниями (расстройствами).* Совершение сексуальных преступлений со стороны данных лиц объясняется их психическими и интеллектуальными расстройствами. В доминирующем большинстве склонность к совершению такого вида преступлений проявляют лица, страдающие олигофренией. Олигофрения (от греч. oligos – малый, phren – ум) – патологические состояния, обусловленные поражением мозга во время родов или на первом году жизни, расстройствами метаболизма, врожденными уродствами, а также хромосомными аномалиями, в клинике которых проявляется синдром относительно стабильного интеллектуального недоразвития, ведущий к большим затруднениям в социально-трудовой адаптации, в том числе установления здоровых половых отношений со взрослым партнером противоположного пола³.

4. *Лица, злоупотребляющие алкогольными напитками, употребляющие наркотические средства и психотропные вещества.* В большинстве своем у данной категории лиц, как правило, отсутствуют четко выраженные, стабильные парafilии, в том числе педофильные наклонности, но стойкая зависимость от приема алкоголя или наркотиков вызывает морально-этическую деградацию, результатом которой является ослабление механизмов самоконтроля, вследствие чего данные лица готовы вступить в сексуальные отношения с любым объектом. При этом основное значение имеет его доступность и неспособность оказать активного сопротивления

5. *Лица, работающие с детьми.* К указанной категории лиц можно отнести: учителей, преподавателей, воспитателей, тренеров, руководителей различных кружков, секций, технический персонал и т.п. Внимание к этой профессиональной группе обусловлено тем, что часть лиц, изначально имеющих сексуальное влечение к несовершеннолетним, выбирают профессию, позволяющую им на легальных основаниях постоянно находиться в окружении несовершеннолетних, не вызывая подозрений в преступных намерениях.

В первую очередь, осуществляя работу с представителями указанных социальных групп, необходимо выявлять факты проявления подозрительного интереса к несовершеннолетним, которые могут выражаться: в посещении места жительства несовершеннолетнего; регулярном появлении без видимых на то причин вблизи детских образовательных, медицинских учреждений; распитии спиртных напитков с несовершеннолетними и совместном проведении досуга; заинтересованности детской порнографией, продукцией эротического содержания; трудоустройстве на работу, облегчающую контакты с несовершеннолетними, отсутствии интереса к взрослым женщинам. Указанные факты можно рассматривать как индикаторы, возможно свидетельствующие о наличии у выявленного лица замысла на совершение преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетнего.

Говоря о профилактике, необходимо отметить, что практически половина потерпевших детей воспитывалась в неблагополучных либо неполных семьях. В ряде случаев преступники пользовались беспомощным состоянием родителей (вызванным алкогольным либо наркотическим опьянением), явно выраженным небрежным отношением к детям (использование детей для бродяжничества, попрошайничества и т.п.) и систематическим пьянством родителей, вынуждающих де-

2 Никитина М. А. Некоторые аспекты оперативно-розыскного противодействия преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних // Научный журнал № 3. М., 2013. С. 36-39

3 Жариков Н. М., Морозов Г. В., Хритин Д. Ф. Судебная психиатрия. Учебник. М., 2001. С. 351.

тей уходить из дома из-за постоянных побоев и голода. Такие дети все чаще вовлекаются в различные асоциальные действия – систематическое употребление спиртных напитков, наркотиков, преступную деятельность, а также в занятия проституцией, сексуальную активность взрослых.

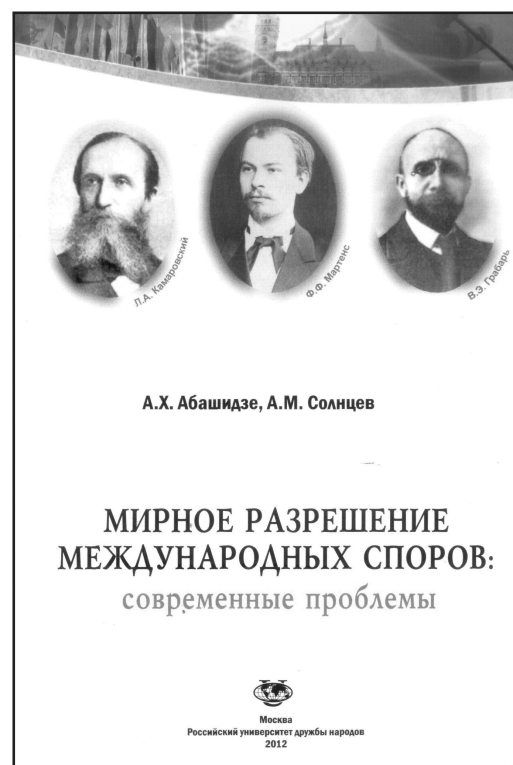
В то же время наблюдается тенденция к росту потерпевших из благополучных семей. Дети в таких семьях в основном заняты какой-либо творческой, спортивной деятельностью и вынуждены часто самостоятельно отлучаться из дома либо учебного заведения без сопровождения родителей и, как следствие, становятся абсолютно уязвимыми со стороны преступников. Дети, воспитываемые в атмосфере нормальной социальной среды, не ожидают от взрослых агрессивных поступков. Привыкшие к адекватным социальным отношениям, дети не видят ничего предосудительного в общении с посторонним взрослым человеком. Наоборот, воспитанные в духе сострадания к другим, немедленного оказания помощи в случае поступления просьбы, они становятся жертвами психологических ловушек, созданных преступниками.

Знание особенностей посттравматического развития детей имеет ориентирующее значение в профилактической деятельности правоохранительных органов. Дети, пережившие сексуальное насилие, отстают в физическом и особенно психическом развитии. У них развивается своеобразный комплекс нервно-психических и поведенческих отклонений, нарушений в эмоциональной сфере, они становятся «трудными» и даже нередко опасными для окружающих. Перенесшие сексуальное насилие дети часто не способны наладить нормальные взаимоотношения со сверстниками. Насилие, особенно если оно было совершено лицом, которому ребенок доверял, глубоко переживается им как предательство. В результате ребенок замыкается в себе и не идет на близкие и доверительные отношения с другими. Кроме того, чувство вины и стыда, обычно возникающее у детей – жертв сексуального насилия, мешает установлению дружеских отношений, ведет к изолированности. Многие жертвы не умеют уважать права других людей, у них не формируется адекватное представление о нормах допустимого поведения. Нередко их попытки избавиться от чувства собственной беспомощности и обрести уверенность в себе принимают форму агрессии и даже сексуальной эксплуатации других.

В заключение хотелось бы отметить, что в последнее десятилетие обеспечение благополучного и защищенного детства стало одним из основных национальных приоритетов России. Принят ряд важнейших законодательных актов, направленных на предупреждение наиболее серьезных угроз осуществлению прав детей, созданы новые государственные и общественные институты, проводятся широкомасштабные информационные кампании. Вместе с тем проблемы, связанные с созданием комфортной и доброжелательной для жизни детей среды, сохраняют свою остроту и далеки от окончательного решения.

Постатейный библиографический список

1. Прокофьев В. В. Анализ серийных преступлений против личности, совершенных на сексуальной почве // Оперативно-разыскная работа. 1998. № 1.
2. Гребельский Д. В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984.
3. Бемурзин М. С., Дамов Ю. В. Некоторые особенности совершения половых преступлений и последующих за ними умышленных убийств несовершеннолетних // Актуальные проблемы организации и тактики борьбы с преступностью несовершеннолетних: труды академии. М., 1998.
4. Никитина М. А. Некоторые аспекты оперативно-розыскного противодействия преступлениям сексуального характера в отношении несовершеннолетних // Научный журнал. 2013. № 3.
5. Жариков Н. М., Морозов Г. В., Хритин Д. Ф. Судебная психиатрия: Учебник. М., 2001.
6. Антонян Ю. М. Особо опасный преступник. М.: Проспект, 2013.

Чикирева И. П.

ПРОБЛЕМЫ МОРАЛЬНОГО ОСУЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ И КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

В статье раскрывается проблематика правового регулирования морального осуждения государственных служащих за нарушение требований служебного поведения и коррупционные правонарушения. Обосновывается необходимость определения правового статуса морального осуждения, а также формы его вынесения, пределов, срока действия и правовых последствий.

Ключевые слова: противодействие коррупции, правовое регулирование, обязанности государственных служащих, моральное осуждение государственных служащих, психологическое преследование на работе (моббинг).

Chikireva I. P.

PROBLEMS OF MORAL CONDEMNATION OF CIVIL SERVANTS FOR VIOLATION OF REQUIREMENTS OF OFFICE BEHAVIOUR AND CORRUPTION OFFENCES

The article is devoted to the problems of legal regulation of moral condemnation of civil servants for violations of office behaviour and corruption offences. The necessity to define legal status of moral condemnation is substantiated, as well as its forms, limits, validity period and legal consequences.

Keywords: anti-corruption, legal regulation, duties of civil servants, moral condemnation of civil servants, psychological harassment at work (mobbing).

Чикирева И. П.

В Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (2003 г.) отмечено, что целью правового регулирования противодействия коррупции является содействие принятию и укреплению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней¹.

Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 годы направлен на обеспечение исполнения законодательных актов и управленческих решений в области противодействия коррупции². В научных исследованиях отмечается роль прокуратуры Российской Федерации в сфере противодействия коррупции³.

Внимания заслуживает проблема применения морального осуждения за нарушение государственным служащим положений Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, предусматривающего обязанности соблюдения не только правил этики и служебного поведения, но и противодействия коррупции. В п. 29 данного Типового кодекса этики и служебного поведения предусмотрено, что нарушение государственным служащим положений Типового кодекса подлежит моральному осуждению на заседании соответствующей комиссии по соблюдению требований к служеб-

ному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов⁴.

Возникает вопрос о том, какой правовой статус имеет моральное осуждение? Статьей 59.1. Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусмотрено, что за неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, налагаются замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии⁵.

В п. 4 ст. 6 и п. 3 ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции» содержится положение о применении иных мер юридической ответственности в отношении лица, замещающего должность государственной или муниципальной службы⁶. Но нарушение Типового кодекса этики и служебного поведения не упомянуто в качестве основания привлечения к иным мерам юридической ответственности. Можно ли вообще к ним относить моральное осуждение? Или это особый способ воздействия на государственного служащего?

Само наименование «моральное осуждение» не может не вызывать дискуссий. Значение термина в словаре С. И. Ожегова «моральный» – внутренний, душевный, в словаре Ушакова – «относящийся к нравственным, душевным переживаниям человека»⁷.

1 Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru>

2 Указ Президента Российской Федерации 11 апреля 2014 г. № 226 «О национальном плане Противодействия коррупции на 2014–2015 годы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 11.04.2014; Собрание законодательства РФ. 14.04.2014. № 15. Ст. 1729.

3 Чечко О. Л. Ведомственное регулирование противодействия коррупции прокуратурой Российской Федерации // Евразийский юридический журнал 8 (87) 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eurasialaw.ru>

4 Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons> // Официальные документы в образовании. 2011. № 36, декабрь.

5 Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: по сост. на 05.10.2015 // Собрание законодательства РФ. 02.08.2004. № 31. Ст. 3215.

6 Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: по сост. на 05.10.2015 // Российская газета. 30.12.2008. № 266.

7 Словарь Ушакова, толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovarslov.ru/slovar/ushakov/m/>

Слово «осуждение», по новому словарю русского языка Т. Ф. Ефремовой, имеет значение «неодобрение, порицание, признание виновности подсудимого, вынесение ему обвинительного приговора»⁸. Значение слова «осуждение» по словарю Ушакова: «строгое неодобрение, порицание, обвинительный судебный приговор кому-нибудь». Таким образом, «осуждение» происходит от слова «суд», что несет соответствующую смысловую нагрузку и, возможно, свидетельствует о необходимости замены термина на «порицание».

Внимание следует обратить и на то, что моральное осуждение влечет за собой негативные правовые последствия, так как в п. 29 Типового кодекса этики и служебного поведения указано, что соблюдение государственным служащими положений данного Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации учитывается при проведении аттестаций, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности, а также при наложении дисциплинарных взысканий.

Таким образом, моральное осуждение является законодательно неопределенной, но в то же время допустимой мерой воздействия на государственных служащих за нарушение положений Типового кодекса этики и служебного поведения. Возникают вопросы о правовом статусе нормативного акта, который его вводит – Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренный решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21). В какой форме может быть вынесено моральное осуждение (устной или письменной), можно ли его оспорить? Каковы его пределы, последствия, срок действия?

В качестве способа борьбы с коррупцией моральное осуждение вряд ли приемлемо, так как к ответственности не относится, а коррупционный проступок должен повлечь за собой привлечение виновного к ответственности. В качестве меры воздействия за нарушение правил этики и служебного поведения моральное осуждение является неопределенным с точки зрения правового регулирования, что может порождать негативные последствия.

На международном уровне особое внимание уделяется защите от психологического насилия на работе – «моббинга». В ст. 26 Европейской социальной хартии от 03 мая 1996 г. в целях реализации данного права предписано содействовать предотвращению явно враждебных и оскорбительных действий, направленных против отдельных работников на их рабочем месте или в связи с их работой⁹.

В п. 26 Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих отмечено, что в служебном поведении государственный служащий воздерживается от грубости, проявлений пренебрежительного тона, заносчивости, предвзятых замечаний.

В то же время моральное осуждение на заседании соответствующей комиссии по соблюдению требований к слу-

жебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов носит характер публичного осуждения и может приводить к возникновению у работника стресса, психологической подавленности. Следовательно, законодательное разрешение морального осуждения в условиях его правовой неопределенности может привести к увеличению запрещенного международным законодательством психологического насилия на работе (моббинга).

Таким образом, в Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих целесообразно предусмотреть, что моральное осуждение применяется с учетом требований указанного кодекса этики. Правовая неопределенность морального осуждения свидетельствует о необходимости совершенствования правового регулирования, определения его правового статуса, а также формы вынесения, пределов, срока действия и правовых последствий.

Пристатейный библиографический список

1. Европейская социальная хартия, от 03 мая 1996 г. (пересмотренная) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru>
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.efremova.info/word/osuzhdenie.html>
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru>
4. Словарь Ушакова, толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovarslov.ru/slovar/ushakov/m/moralnyj.html>
5. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) // Официальные документы в образовании. 2011. № 36, декабрь.
6. Указ Президента Российской Федерации 11 апреля 2014 года № 226 «О национальном плане Противодействия коррупции на 2014–2015 годы» // Собрание законодательства РФ. 14.04.2014. № 15. Ст. 1729.
7. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: по сост. на 05.10.2015 // Российская газета. 30.12.2008. № 266.
8. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: по сост. на 05.10.2015 // Собрание законодательства РФ. 02.08.2004. № 31. Ст. 3215.
9. Чечко О. Л. Ведомственное регулирование противодействия коррупции прокуратурой Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8 (87).

moralnyj.html; Словарь Ожегова, толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovarslov.ru/slovar/ojegov/m/moralnyj.html>

8 Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.efremova.info/word/osuzhdenie.html>

9 Европейская социальная хартия, от 03 мая 1996 г. (пересмотренная) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru>

Шахбанова Х. М.

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

В статье рассматривается система принципов уголовно-исполнительного права. Безусловным является факт, что принципы имеют важное, главенствующее положение в процессе регулирования уголовно-исполнительных правоотношений. Различные ученые по-своему подходят к их определению. На сегодняшний день в Уголовно-исполнительном кодексе четко перечисляются все принципы.

Ключевые слова: принципы, уголовно-исполнительная политика, законность, равенство осужденных.

Shakhbanova Kh. M.

SYSTEM OF THE PRINCIPLES OF THE CRIMINAL AND EXECUTIVE LAW

In the article the system of the principles of the criminal and executive law is considered. It is the peremptory fact that the principles have the important, predominating value in process of regulation of criminal and executive legal relationship. Various scientists in own way approach their definition. Today all principles are accurately listed in the Criminal and Executive Code.

Keywords: principles, criminal and executive policy, legality, equality of the condemned.

Под принципами права в общем смысле следует понимать основные идеи, руководящие положения, являющиеся базовыми при регулировании общественных отношений.

Под принципом права понимается «базовое начало теории, которое воплощается в содержании данного учения и характеризует его сущность» Принципы права имеют как фундаментальное, так и техническое значение, определяющее направление соответствующего законодательства и его применения. При этом правоприменение «не может использоваться не в целях, которые определены государственной правовой системой» то есть, уголовно-исполнительной политикой, которая согласно п. «о» ст. 71 Конституции РФ отнесена к компетенции федеральных органов государственной власти.

В содержании уголовно-исполнительной политики входят наряду со стратегией, целями, задачами, основными направлениями, формами и методами, принципы правового регулирования исполнения наказаний и принципы организации и деятельности уголовно-исполнительных органов. Таким образом, само право в меньшей степени влияет на формирование принципов, а первенство принадлежит политике.

Вместе с тем в принципах уголовно-исполнительного права нормативную значимость приобретает доктринальная составляющая, заключающаяся в научно обоснованных представлениях и взглядах, правовых воззрениях. Иными словами, «принципы политики, выраженные в правовых нормах, становятся принципами права. Отсюда следует, что принципы уголовно-исполнительного законодательства являются основными положениями уголовно-исполнительной политики». Закрепленная в УИК система принципов уголовно-исполнительного права не отражает все особенности уголовно-исполнительного права, международных принципов, правового регулирования исполнения отдельных уголовных наказаний и применения мер исправления. В ст. 8 УИК РФ указаны лишь общие принципы уголовно-исполнительного законодательства, которые одновременно выступают общими принципами уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного права.

В научной и учебной литературе раскрывается сущность принципов и дается их толкование, однако нет единого мнения о принципах уголовно-исполнительного права, их системе и соотношении с принципами уголовно-исполнительной политики. В науке уголовно-исполнительного права

предпринимались и предпринимаются попытки исследования принципов, предлагались и предлагаются различные их комбинации и перечни, являющиеся спорными. Принципы, предлагаемые учеными, выступают как доктринальные идеи, в основном отражающие субъективную позицию или субъективный фактор. Учитывая объективную необходимость дальнейшей разработки и совершенствования системы принципов уголовно-исполнительного права, можно проанализировать некоторые имеющиеся в уголовно-исполнительном законодательстве нормы, выполняющие функции принципов, а также научные идеи, претендующие на роль принципов. Система принципов уголовно-исполнительного права выступает, прежде всего, научной категорией, составляющей основу доктрины уголовно-исполнительного права. Россия имеет отличную уголовно-исполнительную науку, доставшуюся ей в наследство от царской пенитенциарной и советской исправительно-трудовой науки. Первый советский ИТК РСФСР 1924 г. является шедевром и классикой уголовно-исполнительного законодательства, мало чем уступая современному Уголовно-исполнительному кодексу и в первую очередь благодаря тому, что его разрабатывали в первую очередь представители науки, многие из которых совмещали науку с практической деятельностью. В целях эффективного противодействия преступности нами предложен принцип декриминализации уголовно-исполнительных органов и территорий. Такой подход основан на нескольких существенных факторах, свойственных России и не свойственных европейским странам. Россия имеет огромную территорию, в разы большую, чем все европейские государства вместе взятые, что не позволяет равномерно иметь полный набор уголовно-исполнительных органов. Места лишения свободы в условиях мегаполисов и других крупных городов представляют повышенную криминогенную опасность для окружающей среды. На уголовно-исполнительные органы оказывается давление со стороны организованной преступности такого региона. Преступные сообщества угрожают персоналу исправительных учреждений, вовлекают их в криминальные связи, терроризируют сотрудников и их семьи.

Система принципов уголовно-исполнительного права представляет собой единую совокупность всех присущих ему принципов, расположенных в определенном порядке и выражающих его сущность и характерные особенности. В нее вхо-

дят не только специфические отраслевые, но и ряд общеправовых и межотраслевых принципов.

До принятия действующего УИК РФ принципы на уровне закона не закреплялись. Они носили исключительно доктринальный характер. Мнения известных ученых-юристов по поводу доктринальных принципов были весьма различны. Б. С. Утевский предлагал урегулировать следующие принципы¹:

- единство задач всех государственных органов, в том числе исправительно-трудовых учреждений и общественных учреждений, участвующих в борьбе за сокращение и последующее полное искоренение преступности;

- предупреждение преступлений как основная задача этих органов и общественных учреждений;

- возможность и необходимость новых важных шагов по пути «от тюрем к воспитательным учреждениям» и др. Какая-либо классификация предлагаемых принципов Б. С. Утевским не предусматривалась. К тому же ряд принципов носил явно политизированный и утопический характер, как, например, «полное искоренение преступности».

Новизна такой постановки вопроса состояла в том, что Б. С. Утевский впервые предложил урегулировать принципы на уровне закона.

А. Е. Наташев считал, что систему основополагающих идей советского исправительно-трудового права составляют принципы демократизма, законности, гуманизма, исправления и перевоспитания осужденных, соединения наказания с мерами исправительно-трудового воздействия, индивидуализации исправительно-трудового воздействия, общественно полезного труда².

Следует отметить, что А. Е. Наташев смешивал принципы всей отрасли права и принципы отдельных институтов. Общественно полезный труд осужденных, развитие полезной инициативы к принципам всей отрасли законодательства не относятся, а являются принципами института лишения свободы.

Критикуя состояние разработки принципов исправительно-трудового права, Н. А. Стручков обоснованно указывал, что из-за недостаточной разработанности проблем принципов права в целом и принципов исправительно-трудового права в частности допускается смешение принципов и основных средств исправительно-трудового воздействия, закрепляемых в нормах исправительно-трудового права. Система принципов предполагает их взаимосвязь и взаимообусловленность, а их изучение помогает правильно применить нормы уголовно-исполнительного права, понять его сущность и назначение³.

Учеными на различных этапах становления и развития уголовно-исполнительного права выделялась различная система, и приводились различные перечни принципов уголовно-исполнительного права.

Однако все ученые признавали, что существуют три группы принципов:

1. Общеправовые принципы – это принципы, которые присущи всем отраслям права;

2. Межотраслевые принципы – это принципы, которые присущи смежным отраслям права: уголовному, уголовно-процессуальному, уголовно-исполнительному;

3. Отраслевые принципы присущи только данной отрасли права, отражают ее характерные особенности, ее сущность.

В. Н. Кудрявцев полагает, что «общеправовые принципы действуют через отраслевые, а специфические отраслевые принципы являются не чем иным, как своеобразным преломлением общеправовых принципов»⁴.

Так, Н. А. Стручков, к общеправовым принципам, относил такие принципы, как принцип «социалистического гуманизма», принцип «социалистического демократизма», отнесен также принцип сочетания убеждения и принуждения⁵.

Рассмотрев некоторые исторические аспекты нашей темы необходимо обратить внимание на закрепленную в действующем законодательстве систему принципов уголовно-исполнительного права. Так в ст. 8 Уголовно-исполнительного Кодекса РФ⁶ закреплена система принципов уголовно-исполнительного законодательства, в которую входят:

- принцип законности;

- принцип гуманизма;

- принцип демократизма;

- принцип равенства осужденных перед законом;

- принцип дифференциации;

- индивидуализации исполнения наказаний;

- принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения;

- принцип соединения наказания с исправительным воздействием.

Анализ перечисленных принципов показывает, что в них находят выражение общие принципы права, принципы смежных отраслей права, а также принципы политики государства в сфере исполнения наказания, которые образуют систему принципов уголовно-исполнительного законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 13.07.2015)
2. Кудрявцев В. Н., Келина С. Г. Принципы советского уголовного права. М., 1988.
3. Наташев А. Е. Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1963.
4. Советское исправительно-трудовое право / Утевский Б. С., Ширвиндт Е. Г. М.: Госюриздат, 1957.
5. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. М.: Юрлит., 1983.

1 Советское исправительно-трудовое право / Утевский Б. С., Ширвиндт Е. Г. М.: Госюриздат, 1957.

2 Наташев А. Е. Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1963. С. 55.

3 Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1963. С. 55.

4 Кудрявцев В. Н., Келина С. Г. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 61–62.

5 Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. М.: Юрлит. 1983. С. 19.

6 Уголовно-исполнительный кодекс РФ.

Алиев Х. О., Шахбанова Х. М.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ БЕЗ КОНВОЯ ИЛИ СОПРОВОЖДЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ПООЩРИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Данная статья посвящена передвижению осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения как один из поощрительных институтов уголовно-исполнительного права. Реформирование уголовно-исполнительной системы России, широкое применение принципа гуманизма при исполнении наказаний, повышение роли стимулирующих средств в исправлении осужденных создали объективные условия для дальнейшего развития в уголовно-исполнительном праве поощрительных институтов, применяемых к осужденным к лишению свободы. Выполняя роль позитивного стимула, они эффективно влияют на мотивацию правопослушного поведения осужденных, обеспечивают необходимый простор для социально активной деятельности по ресоциализации и реабилитации после освобождения.

Ключевые слова: осужденный, конвой, сопровождение, мера поощрения.

Aliev Kh. O., Shakhbanova Kh. M.

MOVEMENT OF CONDEMNED TO IMPRISONMENT WITHOUT CONVOY OR ESCORT AS ONE OF INCENTIVE INSTITUTES OF PENAL LAW

This article is devoted to movement of condemned to imprisonment without convoy or escort as one of incentive institutes of penal law. Reforming of penal system of Russia, broad application of the principle of humanity in execution of punishments, increase of a role of incentive measures in correction of the condemned created objective conditions for further development in penal law of the incentive institutes applied to condemned to imprisonment. Carrying out a role of positive incentive, they effectively influence the law obedient behavior of condemned, provide a necessary opportunity for socially active work on resocialization and rehabilitation after release.

Keywords: condemned, convoy, escort, incentive measure.

Одной из важных теоретических проблем является вопрос о месте предоставления осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения в системе мер стимулирования правопослушного поведения осужденных к лишению свободы.

Данная проблема возникает из-за разделившегося мнения ученых-пенитенциаристов по поводу того, является ли право передвижения осужденного за пределами исправительного учреждения без конвоя поощрительным институтом уголовно-исполнительного права.

Первая группа ученых (В. И. Курилов, С. А. Иванов, Р. З. Лившиц, А. Г. Бережнов¹) высказывает мнение, что к стимулирующим нормам относятся только позитивные средства: поощрения, льготы, преимущества или создание так называемых правовых последствий. Данная точка зрения представляется нам несколько неполной, так как к мерам стимулирования поведения осужденных, помимо мер поощрения, относятся и другие правовые институты уголовно-исполнительного права.

Вторая группа ученых-пенитенциаристов (А. Д. Глоточкин, В. Ф. Пирожков, А. С. Севрюгин, Н. А. Стручков) придерживается точки зрения, что к стимулирующим нормам относятся не только меры поощрения, льготы и другие позитивные средства воздействия на поведение осужденных, но и меры принуждения: взыскания, запреты наказания. Данная точка зрения представляется нам также не вполне полной, так как, на наш взгляд, помимо мер поощрения и взыскания, существуют еще правовые меры и нормы по стимулированию поведения осужденных.

Третья группа ученых к стимулирующим (поощрительным) институтам относит не только меры поощрения и взыскания, но и иные правовые институты уголовно-исполнительного права, которые побуждают осужденных к правопослушному поведению. Так, В. Н. Кудрявцев отмечает, что

«стимулирующее действие права выражается в юридическом признании, обеспечении и защите правомерных поступков, полезных для общества»². Также данной позиции придерживается А. Ф. Сизый, говоря, что «такая позиция толкования вопросов стимулирования является перспективной. Она составляет основу создания нового, все расширяющегося в науке уголовно-исполнительного права направления, каким является юридическое стимулирование»³.

Следуя данной точке зрения, можно сделать вывод, что они относят к поощрительным институтам, помимо мер поощрения и взыскания, другие позитивные институты, в частности – предоставление осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения. Данная точка зрения, на наш взгляд, правомерна: предоставление осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения является в какой-то мере поощрением для осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, так как позволяет им самостоятельно и свободно передвигаться за пределами исправительного учреждения, реализуя ограниченное конституционное право на свободу передвижения.

Однако, рассматривая институт передвижения без конвоя в рамках поощрительного института уголовно-исполнительного права, можно отметить, что законодатель придерживается несколько иной позиции в ст. 96 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, говоря, что данное право предоставляется осужденным не для побуждения их к каким-либо действиям, а в связи с необходимостью выполняемой осужденными работы.

Таким образом, исходя из положений действующего уголовно-исполнительного законодательства, можно сделать вывод, что институт предоставления осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения не является поощ-

1 Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991. С. 24.

2 Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 2010. С. 32.

3 Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права (проблемы теории и практики): монография. Рязань: РВШ МВД РФ, 2004. С. 13.

рительным и стимулирующим институтом уголовно-исполнительного права.

Однако считаем, что передвижение осужденных без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения не только является поощрительным институтом уголовно-исполнительного права, но и может считаться одним из видов мер поощрения.

Так, А. Н. Михайлов отмечает, что бесконвойное передвижение осужденных способствует повышению уровня свободы и мотивации просоциальных изменений. Он отмечает, что право бесконвойного передвижения предоставляется положительно характеризующимся осужденным и способствует позитивным личностным изменениям⁴.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в разделе об основных направлениях развития уголовно-исполнительной системы закрепляет положение о дополнении системы поощрений осужденных иными стимулами к правопослушному поведению и активной ресоциализации. Также Концепция предусматривает разработку новых мер поощрения, применяемых к осужденным, а также к подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в следственных изоляторах⁵.

Также Концепция развития УИС в РФ относит институты условно-досрочного освобождения, изменение условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения к мерам поощрения или взыскания, применяемых к осужденному.

4 Михайлов А. Н. К вопросу о трансформации личности осужденных молодежного возраста при реализации ими права передвижения без конвоя за пределами ИУ (на примере колонии строгого режима) // Вестник Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний: преступление, наказание, исправление. Вологда, 2011. № 13. С. 58–63.

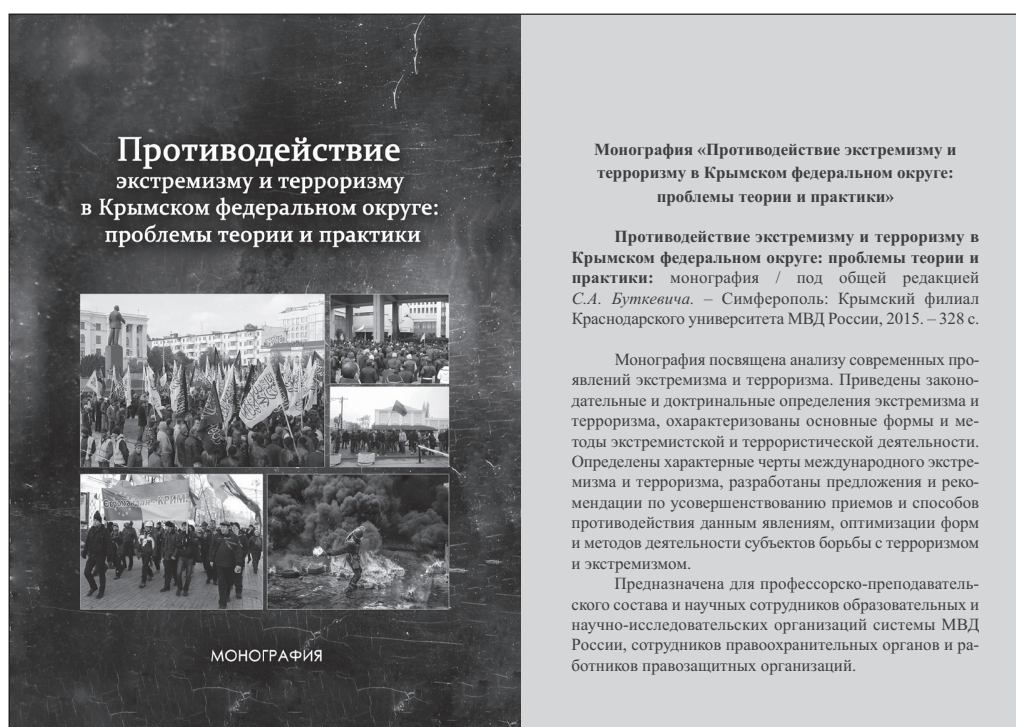
5 Собрание законодательства РФ. 2010. 25 октября. № 43. Ст. 5544.

Так как передвижение без конвоя или сопровождения, на наш взгляд, оказывает стимулирующее воздействие на осужденных аналогично мерам поощрения, то считаем целесообразным на законодательном уровне закрепить предоставление осужденным права передвижения без конвоя или сопровождения в качестве меры поощрения⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Собрание законодательства РФ. 2010. 25 октября. № 43. Ст. 5544.
2. Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991.
3. Горбань Д. В. Передвижение осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения как один из поощрительных институтов уголовно-исполнительного права // Право. 2013. № 2.
4. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 2010.
5. Михайлов А. Н. К вопросу о трансформации личности осужденных молодежного возраста при реализации ими права передвижения без конвоя за пределами ИУ (на примере колонии строгого режима) // Вестник Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний: преступление, наказание, исправление. Вологда, 2011. № 13.
6. Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права (проблемы теории и практики): монография. Рязань: РВШ МВД РФ, 2004.

6 Горбань Д. В. Передвижение осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения как один из поощрительных институтов уголовно-исполнительного права // Право. 2013. № 2. С. 23.

Монография «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики»

Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общей редакцией С.А. Буткевича. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. – 328 с.

Монография посвящена анализу современных проявлений экстремизма и терроризма. Приведены законодательные и доктринальные определения экстремизма и терроризма, охарактеризованы основные формы и методы экстремистской и террористической деятельности. Определены характерные черты международного экстремизма и терроризма, разработаны предложения и рекомендации по усовершенствованию приемов и способов противодействия данным явлениям, оптимизации форм и методов деятельности субъектов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России, сотрудников правоохранительных органов и работников правозащитных организаций.

Епифанов О. С.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ К НАКАЗАНИЯМ И МЕРАМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются правовые основы и направления психологической работы психологов уголовно-исполнительных инспекций с осужденными к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества в отдельных регионах страны.

Ключевые слова: психологическая работа, осужденные к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, психолог уголовно-исполнительной инспекции.

Epifanov O. S.

LEGAL FRAMEWORK AND PRACTICE OF PSYCHOLOGICAL WORK WITH PRISONERS SENTENCED TO PUNISHMENTS AND MEASURES OF CRIMINAL AND LEGAL NATURE WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

The article discusses the legal bases and directions of psychological work of psychologists of criminal-executive inspections with sentenced to punishments and measures of criminal and legal nature without isolation from society in certain regions of the country.

Keywords: psychological work, persons sentenced to punishments and measures of criminal and legal nature without isolation from society, the psychologist of the criminal-executive inspection.

Епифанов О. С.

В современный период особого внимания требует правовое регулирование организации и практики психологического обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

Как отмечает М. Г. Дебольский, совершенствование нормативно-правовой базы и оргштатной структуры психологической службы УИС предполагает, в том числе, создание психологической службы в уголовно-исполнительной инспекции и других подразделениях исполнения наказания, не связанных с лишением свободы¹.

На основании приказа Минюста России от 25 июля 2005 г. № 113 «Об утверждении перечней должностей начальствующего состава, замещаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы в уголовно-исполнительных инспекциях, и соответствующих этим должностям специальных званий» в штаты межрайонных уголовно-исполнительных инспекций (МРУИИ) были введены должности старших психологов (психологов).

По данным на начало 2009 г., в 414 межрайонных уголовно-исполнительных инспекциях введены 353 должности психологов, из них были укомплектованы 350².

В настоящее время приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 23 января 2012 г. № 24 «Об утверждении типовых структуры и штатного расписания уголовно-исполнительной инспекции» утверждены типовые структура и штатное расписание уголовно-исполнительной инспекции и ее филиалов. Согласно данному приказу в уголовно-исполнительной инспекции территориального органа УИС создается отделение (группа) психологического обеспечения, количество должностей психологов, отнесенных к категории началь-

ствующего состава, а также служащих устанавливается в пределах утвержденных УИИ лимитов численности персонала и бюджетных ассигнований с учетом нагрузки на одну должность психолога не менее 300 единиц среднегодовой численности осужденных, состоящих на учете.

Деятельность психологической службы уголовно-исполнительных инспекций, так же как и других психологических служб УИС, осуществляется на основании приказа Минюста России от 12 декабря 2005 г. № 238 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы».

К числу основных видов деятельности или функций, которые возлагаются на психологическую службу УИС, в том числе психологическую службу уголовно-исполнительных инспекций, относятся: диагностическая; консультативная; психокоррекционная; прогностическая и психопрофилактическая; просветительская; исследовательская.

Исходя из примерной должностной инструкции психолога уголовно-исполнительной инспекции, разработанной научными сотрудниками НИИ ФСИН России, основными видами деятельности психолога уголовно-исполнительной инспекции по работе с осужденными являются:

1. Изучение индивидуально-психологических особенностей личности осужденных, выяснение социально-психологических причин совершения преступления, криминально значимых свойств личности и определение ближайших и отдаленных перспектив развития.

2. Контроль за состоянием развития социально-психологических процессов в ближайшем окружении (семья, круг друзей), определение ближайших и отдаленных перспектив, выделение и осознание различных систем ценностей, формирование просоциальных установок в процессе адаптации к социальной среде.

3. Выявление лиц, относящихся к «группе риска» (имеющих психические отклонения, склонных к агрессии и различным видам деструктивного поведения, с высоким уровнем риска совершения преступления), постановка их на профи-

1 См.: Дебольский М. Г. Организация и функционирование психологической службы в уголовно-исполнительной системе: Лекция. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2005. С. 14, 29.

2 См.: Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2008 году: Обзор ФСИН России от 12 марта 2009 г. № 10/1–856. С. 14.

лактический учет, разработка рекомендаций, программ по работе с ними.

4. Осуществление индивидуального психологического консультирования по вопросам, требующим участия специалиста: оказание психологической помощи осужденным в преодолении кризисных и стрессовых ситуаций; оказание психологической помощи в вопросах профориентации, оптимизации межличностных отношений в быту, на производстве; консультирование родственников осужденных.

5. Выявление лиц, которые в первую очередь нуждаются в психологическом сопровождении: несовершеннолетние, женщины. Их углубленное изучение и оказание психологической помощи.

6. Привлечение к психологической работе с осужденными специалистов других ведомств и организаций.

Психологическое обеспечение осужденных включает в себя: изучение индивидуально-психологических особенностей личности и их динамики; изучение микросреды осужденных и ее влияния на их поведение; психологическую помощь в вопросах личных, семейного консультирования, профориентации и устранения психологических трудностей при трудоустройстве, преодолении кризисных и стрессовых ситуаций³.

Первичная психодиагностика позволяет составить общее представление об индивидуально-психологических особенностях человека. Она, как правило, включает в себя беседу, анализ документов личного дела и независимых характеристик (с места работы, учебы, отзывы членов семьи), результаты тестирования. Затем в течение месяца составляется программа личностного развития и ресоциализации, включая психокоррекционную и психопрофилактическую работу. При этом немаловажно изучение социальной микросреды осужденного, то есть его ближайшего окружения (семья, друзья, коллеги по работе), которое оказывает не менее сильное влияние на его поведение, нежели личностные качества. Организовать психокоррекционную работу с осужденными, требующую установления доверительных отношений на добровольной основе, зачастую бывает весьма трудно. В столь не простых условиях специфика деятельности УИИ, связанная с проживанием осужденных по месту жительства, нередко заставляет психологов делать ставку на экспресс-методы и индивидуальную работу. Однако, как показывает практика, только обдуманное сочетание индивидуальных и групповых форм психологического воздействия позволяет добиться реальных положительных результатов⁴.

По данным исследования И. Н. Смирновой, несмотря на большую значимость индивидуальных психокоррекционных программ, психологи не всегда их используют. Так указывают 31,6 % начальников МРУИИ, ссылаясь на большую загруженность психологов. При этом подавляющее большинство респондентов (61,5 %) не смогли даже назвать используемые психокоррекционные программы. По ее мнению, этот факт

позволяет утверждать об определенном формализме в работе как психологов, так и начальников МРУИИ⁵.

Однако имеются и другие примеры. Так, в уголовно-исполнительных инспекциях УФСИН России по Воронежской области особое внимание уделяется психокоррекции криминального поведения осужденных. С этой целью с осужденными проводится как групповая, так и индивидуальная работа по программам, направленным на формирование социальной направленности, профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество.

Ряд применяемых УИИ программ направлен для использования в практической деятельности сотрудников. Однако в своей деятельности психологи используют и самостоятельно подобранные, адаптированные программы психотерапевтической коррекции и социально-психологические тренинги, такие как: «Снижение уровня агрессивности осужденных»; «Я и мой жизненный путь» (для осужденных с аддиктивным поведением); Программа когнитивно-поведенческого тренинга с осужденными за сексуальные преступления; Тренинг уверенного поведения «Умей сказать “нет!”» и др.

За 9 месяцев 2013 г. с осужденными, состоящими на учетах в УИИ Воронежской области, проведено 1160 психокоррекционных мероприятий (АППГ – 1025), из них групповых – 410 (АППГ – 305), индивидуальных – 750 (АППГ – 720), в которых приняли участие 3448 человек (АППГ – 2990).

Психологами УИИ региона разработаны и приняты к исполнению ряд Соглашений о сотрудничестве с государственными, общественными, некоммерческими и иными организациями по оказанию адресной социальной и психологической помощи, направленные на профилактику повторной преступности среди осужденных без изоляции от общества. На сегодняшний день в тех районах, где имеются Соглашения о сотрудничестве с районными психологическими службами, суды Воронежской области по инициативе УИИ стали назначать дополнительные обязанности «пройти курс психологической коррекции».

О результативности применения психокоррекционных программ можно судить по следующим показателям. Из числа осужденных, состоящих в динамической «группе риска» (около 80 % от состоящих на учетах): у 18,2 % осужденных – выработалось стойкое негативное отношение к совершенному преступлению; 14,9 % – в полном объеме исполняли обязанности, возложенные по приговору суда; у 9,4 % – появилось стремление к трудовой занятости и повышению образовательного уровня; 92,2 % – не совершили повторного преступления в период отбывания наказания⁶.

В ряде регионов также накоплен значительный положительный опыт организации психологической службы и психологической работы с осужденными без изоляции от общества. В частности, по данным на 2008 г. во всех межрайонных УИИ Рязанской области для психологов были выделены отдельные кабинеты. Все осужденные при постановке на учет проходили обязательное тестирование, в личных делах имелись психологические портреты и рекомендации. Периодически

3 См.: Смирнова И. Н. Методологические, организационные и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний не связанных с изоляцией осужденных от общества: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Псков, Псковский юрид. ин-т ФСИН России, 2010. С. 19; Она же. Организационно-правовые проблемы психологического обеспечения уголовно-исполнительных инспекций // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. С. 25.

4 См.: Некрылова С. Психологическое обеспечение осужденных к наказаниям и иным уголовно-правовым мерам, не связанным с лишением свободы // Ведомости УИС. 2008. № 3. С. 17.

5 См.: Смирнова И. Н. Организационно-правовые проблемы психологического обеспечения... С. 27.

6 См.: Боброва С. Я. Повторная преступность осужденных без изоляции от общества. Методы и формы профилактики и предупреждения повторной преступности // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. тез. выступлений участников мероприятий форума (Рязань, 5–6 декабря, 2013 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2013. С. 17–18.

осужденные проходили повторное тестирование с использованием различных методик⁷. Во всех межрайонных УИИ Новосибирской области должности психологов были введены еще за полгода до соответствующего указания ФСИН России. Значительная роль в организации психологического обеспечения осужденных без лишения свободы принадлежала отделу психологической службы ГУФСИН России по Новосибирской области и межрегиональной психологической лаборатории, где психологи инспекций регулярно проходили обучение на курсах повышения квалификации, получали необходимые методические пособия. Психологи межрайонных УИИ Чувашской Республики взаимодействуют с психологом следственного изолятора, где содержатся несовершеннолетние подозреваемые. В целях коррекции поведения несовершеннолетних условно осужденных организована акция «Письмо другу», в ходе которой подростки, содержащиеся в СИЗО, пишут письма несовершеннолетним подучетным УИИ, где нередко подробно обсуждают проблему неотвратимости наказания. Широкое распространение в республике получили выезды психологов межрайонных УИИ в филиалы для проведения психодиагностического тестирования подростков и разработки психокоррекционных рекомендаций. Ощутимый эффект в работе с подростками дает кинотренинг с показом созданного психологами видеофильма «Выбор за тобой». В результате этой работы в 2006 г. в республике не совершил повторных преступлений ни один условно осужденный несовершеннолетний⁸. С положительной стороны можно отметить работу психологов МРУИИ Владимирской области, где с участием психолога МУ «Молодежный центр» проводятся психодиагностические обследования несовершеннолетних осужденных по методикам Г. Айзенка. В мае 2009 г. проведен первый блок психокоррекционных тренингов: «Оценка уверенности в себе» и «Управление негативными эмоциями»⁹.

Следует заметить, что ведомственная Инструкция по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы в основных видах работ, выполняемых сотрудниками психологической службы с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, указывает главным образом на виды работ, проводимых в условиях исправительных учреждений и следственных изоляторов, а специфика работы с осужденными в уголовно-исполнительных инспекциях в них практически не отражена. То же самое касается нормативов времени на выполнение психологом отдельных видов работ с осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми и их родственниками, разновидностей психологической документации (журналов), которые относятся в основном к осужденным к лишению свободы и лицам, содержащимся под стражей.

Как справедливо указывает И. Н. Смирнова, нормальное функционирование психологической службы невозможно без адекватного нормативно-правового регулирования ее деятельности. По данным проведенного опроса начальников межрайонных УИИ, в числе его основных направлений такие, как конкретизация квалификационных требований к психологу – 63,8 %; должностного статуса психолога – 18,1 %; нормы нагрузки

– 44,6 %; системы отчетности – 14,5 %; порядка взаимодействия с другими службами – 43,4 %¹⁰.

В этой связи, по нашему мнению, назрела необходимость принятия самостоятельного ведомственного нормативного акта, который бы регулировал деятельность психологической службы (психолога) уголовно-исполнительной инспекции (или, более широко, всех учреждений и органов, исполняющих наказания и меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией от общества, входящих в уголовно-исполнительную систему).

Также, с нашей точки зрения, необходима систематизация имеющейся правоприменительной практики психологического обеспечения осужденных к наказаниям и мерам без изоляции от общества, разработка на ведомственном уровне (ФСИН России) основных типовых методик (программ) психологического обеспечения (психодиагностического, психокоррекционного и др.) данной категории осужденных, внедрение положительного опыта психологического сопровождения осужденных без изоляции от общества отдельных регионов в деятельность уголовно-исполнительных инспекций большинства регионов страны.

Пристатейный библиографический список

1. Боброва С. Я. Повторная преступность осужденных без изоляции от общества. Методы и формы профилактики и предупреждения повторной преступности // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. тез. выступлений участников мероприятий форума (Рязань, 5–6 декабря, 2013 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2013.
2. Дебольский М. Г. Организация и функционирование психологической службы в уголовно-исполнительной системе: Лекция. Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2005.
3. Некрылова С. Психологическое обеспечение осужденных к наказаниям и иным уголовно-правовым мерам, не связанным с лишением свободы // Ведомости УИС. 2008. № 3.
4. Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2008 году: Обзор ФСИН России от 12 марта 2009 г. № 10/1–856.
5. Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в I полугодии 2009 г.: Обзор ФСИН России от 31 июля 2009 г. № 10/19–235.
6. Смирнова И. Н. Методологические, организационные и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний не связанных с изоляцией осужденных от общества: Автореф дисс. ... д-ра юрид. наук. Псков, Псковский юрид. ин-т ФСИН России, 2010.
7. Смирнова И. Н. Организационно-правовые проблемы психологического обеспечения уголовно-исполнительных инспекций // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2.

7 См.: Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2008 году... С. 14.

8 См.: Некрылова С. Указ. работа. С. 18.

9 См.: Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в I полугодии 2009 г.: Обзор ФСИН России от 31 июля 2009 г. № 10/19–235. С. 8.

10 См.: Смирнова И. Н. Организационно-правовые проблемы психологического обеспечения ... С. 27

Давлетшина Л. С.

ТАКТИКА ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ВИДЕОФИКСАЦИИ

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся использования приемов и методов видеофиксации при производстве некоторых следственных действий.

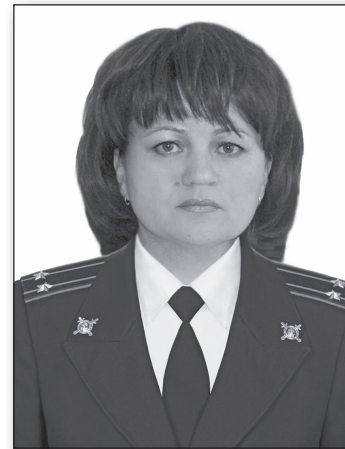
Ключевые слова: специалист, видеофиксация, видеозапись, следственные действия, протокол.

Davletshina L. S.

TACTICS OF INVESTIGATIVE ACTIONS WITH USE OF MEANS OF VIDEO RECORDING

This article describes the issues that relate to the use of video cameras during the production of certain investigative actions.

Keywords: specialist, video recording, video tape record, investigative act, protocol.

Давлетшина Л. С.

Технические достижения на современном этапе позволяют на более высоком уровне решать вопросы организации и деятельности следственного и судебного аппарата, вооружить следователей новыми средствами обнаружения и фиксации доказательств.

В качестве преимущества применения технических средств, в частности средств видеофиксации, хочется отметить, что доказательственная информация, полученная с их помощью, отличается объективностью, наглядностью, отсутствием искажений под воздействием времени и многократного воспроизведения.

Рассматривая положительные стороны применения средств видеофиксации, необходимо отметить недостаточное их использование в практике расследования преступлений в силу следующих причин: имеет место недостаточное обеспечение подразделений органов внутренних дел средствами видеофиксации (особенно это касается подразделений, удаленных от города); отсутствие навыков применения средств видеофиксации (именно при проведении следственных действий); психологическое напряжение, возникающее перед работающей видеокамерой у участников следственных действий и др.

Криминалистическое значение применения видеозаписи состоит в том, что она позволяет:

– объективно фиксировать само следственное действие, его участников, последовательность его производства;

– передать ту информацию, которую невозможно «выразить словами», например: тон голоса, жесты, эмоции человека и т.д.;

– объективно фиксировать те данные, которые могли быть не замечены при проведении следственного действия и составлении протокола, и не зафиксированы в нем, что в последующем даст возможность добыть доказательства;

– обоснованно сослаться при составлении обвинительного заключения на сведения, которые допрашиваемый сообщил, проговорившись и не желая впоследствии подписывать протокол, в котором они изложены;

– кроме того, следует отметить также, что с помощью специального принтера можно получить фотоизображение с того или иного кадра видеозаписи в черно-белом или цветном варианте и др.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотрение приемов и методов использования средств видеофиксации при проведении некоторых следственных действий.

При принятии решения об использовании средств видеофиксации при производстве следственных действий следователю необходимо решить организационные вопросы, такие как: кто будет ее производить, какие технические средства будут использованы для просмотра видеозаписи в рамках следственного действия всеми участниками. Кроме того, следователь должен определиться с целью использования видеокamеры, объектами видеосъемки и тактикой ее использования.

Осмотр места происшествия. Видеофиксация непосредственно самого осмотра места происшествия начинается с производства ориентирующей и обзорной видеосъемки. Иными словами, запечатляется место, где произошло преступление, с окружающей обстановкой («привязка» места происшествия к местности, подходы к нему) и само место происшествия крупным планом. Одновременно записывается звуковое сопровождение, содержащее описание соответствующих объектов.

После этого проводится обзорная съемка, осуществляемая плавным переходом к съемке непосредственно места происшествия (средний план). Аналогичным образом осуществляется переход к узловой съемке, далее детальной.

Так, например, при обнаружении трупа видеосъемка производится с разных сторон с использованием методов панорамной съемки, наезда, отъезда и т.д. Видеосъемка должна производиться таким образом, чтобы можно было в последующем восстановить взаиморасположение обнаруженных объектов и следов.

Необходимость применения видеозаписи при производстве данного следственного действия наиболее обоснована в случаях, когда:

– следственное действие проводится без понятых, в соответствии с Федеральным законом от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ст. 170 УПК РФ), исключающим требование об обязательном участии понятых при производстве ряда следственных действий;

– осмотр начат до окончания фиксируемого события (например, пожар, когда изменения в обстановке продолжаются);

– необходимо устранить последствия происшествия, что влечет за собой изменение первоначальной обстановки, особенно по делам о ДТП¹;

– обнаружение следов преступления, вещественных доказательств, связано с изменением обстановки;

– следственное действие проводится в неблагоприятных метеоусловиях (снегопад, дождь и т.д.);

– осмотру подлежат значительные по размерам места происшествий (крушения транспорта, катастрофы и т.д.);

– для отображения сложной динамики обстановки, при использовании специальной терминологии, которую затруднительно описать в протоколе осмотра места происшествия.

Допрос. Выделим ситуации, когда при проведении допроса с точки зрения криминалистической тактики целесообразно применение видеозаписи. Так, видеозапись применяется при допросе:

– лиц, признавших свою вину, а также явившихся с повинной (чтобы лицо не отказалось от показаний в последующем);

– лиц с участием переводчика (чтобы не встал вопрос о неправильности перевода переводчиком);

– лиц – участников ОПГ (для использования при допросе других участников ОПГ);

– лиц с психическими и физическими отклонениями;

– лиц, излагающих научной, специальной терминологией (в случае необходимости, у следователя будет возможность обращения к специалисту за разъяснениями).

При производстве видеозаписи допроса необходимо запечатлеть всех участников допроса, причем иногда рекомендуется осуществлять съемку крупным планом, для того чтобы можно было видеть реакцию допрашиваемого лица на вопрос.

Предъявление для опознания. Использование видеозаписи при предъявлении для опознания наиболее целесообразно, когда есть основания полагать, что кто-либо из заинтересованных лиц попытается поставить под сомнение результаты следственного действия. Видеозапись рекомендуется начинать с объявления самого следственного действия, времени его начала, места проведения. Далее происходит видеосъемка участников, причем рекомендуется запечатлеть крупным планом статистов вместе с лицом, которое будет предъявлено для опознания, с целью убеждения сходства между собой по внешним признакам (в случае опознания лица). Кроме того, необходимо зафиксировать момент, когда следователь дает указание пригласить в кабинет опознающего². Из слов следователя должно быть ясно, что опознающий до начала предъявления для опознания находился в изолированном помещении и не мог видеть участников предстоящего следственного действия. Видеосъемка должна сопровождаться комментариями следователя.

Следственный эксперимент. Применение видеосъемки целесообразно при любом сложном следственном эксперименте, так как повторный просмотр записи нередко позволяет выявить незафиксированные в протоколе обстоятельства, имеющие важное значение для дела. Особенности видеосъемки

будут заключаться в том, что специалист следует за группой, производя видеозапись, либо располагается рядом с водителем, если съемка осуществляется из автомашины, либо с разрешения следователя перед группой, производя съемку в анфас. Лицо, показания которого проверяются, указывает при этом путь движения, следователь при необходимости задает уточняющие и конкретизирующие вопросы. Далее видеозапись ведется с таким расчетом, чтобы лицо, показания которого проверяются, все время находилось в кадре, поскольку проверка показаний занимает ключевое место в этом следственном действии. В момент, когда ведется рассказ, целесообразно вести видеосъемку крупным планом, чтобы можно было видеть выражение его лица и мимику, а когда происходит показ или демонстрация каких-либо действий, средним и общим планом. Видеосъемка должна производиться таким образом, чтобы были зафиксированы основные моменты исследуемого события на фоне окружающих объектов. В тех случаях, когда проверка проводится с разными лицами в одном и том же месте, должны быть запечатлены одни и те же ориентиры с одних и тех же точек съемок. Делать перерывы в видеозаписи не рекомендуется. Смысл применения видеозаписи заключается именно в том, чтобы показать все происходящее в динамике, с максимальной полнотой и наглядностью.

Таким образом, достоинства видеозаписи при проведении следственных действий проявляются в большей степени при применении следующего комплекса тактических приемов:

1) на подготовительной стадии:

– выбор видеокамеры и типа носителя цифровой информации;

– обеспечение работоспособности видеокамеры;

2) на рабочей стадии:

– выбор места расположения видеокамеры;

– определение последовательности осуществления видеオフィкации;

3) на стадии фиксации:

– процессуальное оформление результатов применения видеозаписи с указанием типа видеозаписывающего устройства, носителя информации, формата записи и дальнейшее их использование в расследовании преступлений;

4) на стадии оценки результатов:

– определение условий относимости, допустимости и достоверности, путем установления места, времени, субъекта и обстоятельств изготовления видеозаписи;

– принятие решения об использовании результатов видеозаписи при расследовании преступления, путем определения соотносимости полученной информации и планирования проведения дальнейших следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Пристатейный библиографический список

1. Судебная фотография и видеозапись: учебник / В. Г. Булгаков, В. А. Зотчев, А. А. Курин. Волгоград: ВА МВД России, 2005.
2. Тхакумачев Б. Ю. Тактико-организационные особенности участия специалиста при производстве следственных действий: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс; Криминалистика и судебная экспертиза; Оперативно-розыскная деятельность. Нальчик, 2005.

1 Судебная фотография и видеозапись: учебник / В. Г. Булгаков, В. А. Зотчев, А. А. Курин. Волгоград: ВА МВД России, 2005. С. 316.

2 Тхакумачев Б. Ю. Тактико-организационные особенности участия специалиста при производстве следственных действий: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Нальчик, 2005. С. 9.

Дибиргазиева Р., Юсупкадиева С. Н.

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ В НИХ

В своей статье авторы раскрывают типичные следственные ситуации, складывающиеся при раскрытии и расследовании убийств, и определяют направления расследования в них.

Ключевые слова: типичные следственные ситуации, алгоритм действий следователя, раскрытие и расследование убийств, следственные действия.

Dibirgazieva R., Yusupkadiyeva S.N.

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AND THE MAIN DIRECTIONS OF RESEARCH IN THEM

In their article, the authors reveal typical investigative situations developing in disclosure and investigation of murders, and identify areas for investigation.

Keywords: typical investigative situations, the algorithm of actions of the investigator, disclosure and investigation of murders, investigations.

После возбуждения уголовного дела в соответствии с уголовно-процессуальным законом следователь принимает решение о начале следствия и приступает к производству следственных действий. В момент принятия такого решения следователь оценивает создавшуюся следственную ситуацию с учетом существующей обстановки расследования. Наиболее часто в следственной практике расследования убийств встречаются несколько типичных следственных ситуаций. Хотелось бы рассмотреть их в порядке нарастания сложности расследования.

Ситуация 1. Личность убитого человека известна, личность убийцы известна, и он задержан. Основные обстоятельства совершения убийства хорошо устанавливаются по следам на месте происшествия и показаниям свидетелей. Внимание следствия должно быть сосредоточено на формировании системы доказательств.

Ситуация 2. Личность убитого человека известна, личность убийцы известна, но он скрылся и его необходимо задержать. Основные обстоятельства совершения убийства хорошо устанавливаются по следам на месте происшествия и показаниям свидетелей. Внимание следствия должно быть сосредоточено в первую очередь на розыске и задержании убийцы и на формировании системы доказательств.

Ситуация 3. Личность убитого человека известна, личность убийцы неизвестна, и он скрылся, но основные обстоятельства совершения убийства хорошо устанавливаются по следам на месте происшествия и показаниям свидетелей. Внимание следствия должно быть сосредоточено в первую очередь на установлении личности преступника, что может быть осуществлено следственным, оперативным или экспертным способом или совместными усилиями следствия, оперативных работников и экспертов. Параллельно должны проводиться следственные действия, направленные на формирование доказательственной базы.

Ситуация 4. Личность убитого человека известна, личность убийцы неизвестна, он скрылся, и основные обстоятельства совершения убийства не могут быть установлены по следам на месте происшествия, свидетельская база отсутствует. В первую очередь следует озаботиться установлением обстоятельств совершения убийства. После этого станет возможно направить усилия на установление личности убийцы и его розыск. Параллельно должны проводиться следственные действия, направленные на формирование доказательственной базы.

Ситуация 5. Личность убитого человека неизвестна, личность убийцы неизвестна и основные обстоятельства совершения убийства не могут быть установлены по следам на месте

происшествия, свидетельская база отсутствует. В первую очередь следует уделить внимание установлению личности погибшего человека. После этого можно будет попытаться установить основные обстоятельства убийства, а далее перейти к установлению личности убийцы и его розыску.

Ситуация 6. На момент обнаружения трупа человека неизвестен сам факт совершения убийства. Личность умершего неизвестна, и соответственно все остальные данные следствию тоже неизвестны. В такой ситуации на этапе возбуждения уголовного дела необходимо тщательно проанализировать все обстоятельства случая смерти человека, чтобы установить сам факт убийства. Начинать при этом следует с тщательного осмотра места обнаружения трупа человека и тщательного судебно-медицинского исследования трупа в морге. После этого в первую очередь следует уделить внимание установлению личности погибшего человека. Потом можно будет попытаться установить основные обстоятельства убийства, а далее перейти к установлению личности убийцы и его розыску.

Можно выделить следующий алгоритм действий следователя в типичных следственных ситуациях, возникающих по делам об убийствах в зависимости от того, задержан убийца или нет:

Ситуация 1 – убийство очевидное (открытое), убийца задержан в момент совершения убийства или сразу после него. Иногда в начале расследования бывают неясными подлинные цель и мотив, а иногда и форма вины. Могут быть не установленными и соучастники. Бывает, что неясно сначала, являются ли действия, причинившие смерть, противоправными (например, при необходимой обороне).

В данной ситуации необходимо провести следующие следственные и оперативно-розыскные мероприятия: определение места совершения убийства: если место обнаружения трупа не является местом убийства, это можно установить при его осмотре по отсутствию тех следов, которые должны быть, например, обильных потеков и луж крови, и по наличию таких следов, которых не должно быть – следы влочения трупа, следы грязи на обуви трупа, которой нет на месте обнаружения трупа, наличие трупных пятен там, где их не должно быть при данной позе трупа, и т.д. Труднее установить место, где произошло убийство, если труп с него перемещен на значительное расстояние. Однако эта задача разрешима путем фиксации при наружном осмотре трупа следов и микроследов (грязь, пыль, волокна одежды, частицы и т.д.), которые позволяют впоследствии установить место убийства и осмотреть его; установление лиц, находившихся (могущих находиться) на месте убийства или поблизости: решение этой задачи необ-

ходимо не только для ограничения и сужения круга подозреваемых, но и для поиска свидетелей, видевших или слышавших что-либо, относящееся к убийству, а возможно, видевших и убийцу незадолго до убийства или вскоре после него. Способ действия – изучение следов на месте происшествия и обстановки вокруг места происшествия, проведение розыскных мероприятий в окружающем районе; выяснение мотивов и целей убийства: путем анализа всех установленных обстоятельств дела необходимо сделать вывод о том, было ли убийство умышленным или неосторожным, а также каковы цель и мотив убийства. Определить цель и мотив убийства помогают ответы на вопросы: кому смерть жертвы была необходима или выгодна и почему; какие близкие и отдаленные события могли бы наступить при жизни жертвы и какие последствия могут наступить после ее смерти и другие.

Ситуация 2 – совершенно тайное убийство, без сокрытия трупа, без инсценировки, обнаруженное сразу или вскоре после убийства. Благоприятные возможности для поиска и изъятия следов, фиксации свидетельских показаний, т.е. все необходимое для успешного расследования. Убийца неизвестен. Есть возможности для организации розыскных действий по преследованию и задержанию убийцы. Поэтому типовые версии в подобной ситуации – это версии о личности убийцы (или о круге подозреваемых), версии о возможных мотивах и розыскные версии о местонахождении скрывающегося преступника.

В данной ситуации необходимо провести следующие следственные и оперативно-розыскные мероприятия: установление убийцы или его признаков: качественный осмотр трупа и места происшествия часто дает основания для выдвижения версии, указывающей на круг людей, ограниченный достоверными данными о поле, росте, возрасте, физическом развитии, привычках и навыках, некоторых чертах внешности, группе крови и другими данными об убийце; установление лиц, находившихся (могущих находиться) на месте убийства или поблизости. Решение этой задачи необходимо не только для ограничения и сужения круга подозреваемых, но и для поиска свидетелей, видевших или слышавших что-либо, относящееся к убийству, а возможно, видевших и убийцу незадолго до убийства или вскоре после него. Способ действия – изучение следов на месте происшествия и обстановки вокруг места происшествия, проведение розыскных мероприятий в окружающем районе; выяснение мотивов и целей убийства. Путем анализа всех установленных обстоятельств дела необходимо сделать вывод о том, было ли убийство умышленным или неосторожным, а также, каковы цель и мотив убийства. В решении этого вопроса имеет решающее значение исследование взаимосвязей и взаимоотношений между убийцей и жертвой. Определить цель и мотив убийства помогают ответы на вопросы: кому смерть жертвы была необходима или выгодна и почему; какие близкие и отдаленные события могли бы наступить при жизни жертвы и какие последствия могут наступить после ее смерти и другие¹.

Ситуация 3 – убийство тайное, недавнее, но неясен его механизм. Труп обнаружен, личность жертвы установлена. Имеются данные, указывающие на самоубийство (или несчастный случай, или смерть от естественных причин), но имеются подозрения о возможной инсценировке для сокрытия убийства. Данная ситуация налицо и тогда, когда предполагаемая инсценировка предпринята не для сокрытия убийства, а для сокрытия его подлинного мотива и, следовательно, подлинного убийцы. В подобной ситуации строятся версии о механизме расследуемого события. После подтверждения версии убийства выдвигаются версии о мотиве и о личности убийцы.

В данной ситуации проводятся следующие следственные и оперативно-розыскные мероприятия: выяснение механизма действий преступника, т.е. установление, как и чем была причинена смерть, а также способа подготовки убийства и способа сокрытия его следов. Для этого исследуется либо весь крест следов, либо та его часть, которая в данное время доступна для изучения. Учитывая возможность инсценировки, необходимо специально искать и фиксировать такие факты, которые противоречат инсценированной обстановке происшествия (негативные обстоятельства). Подобными фактами могут быть, например, чистая обувь на ногах висящего в петле трупа при обильной грязи вокруг; наличие на трупе «самоубийцы» ран, которые он не мог сам себе нанести; несоответствие расположения волокон веревки и частиц древесины на балке, через которую переброшена веревка; отсутствие подставки рядом с висящим в петле трупом и др. Большое значение в решении данной задачи имеют полученные объяснения близких и знакомых убитого о его поведении, намерениях, его встречах и других контактах перед происшествием, а также изучение содержания записных и телефонных книжек, дневников, писем потерпевшего и писем к нему; установление изменений на месте происшествия: изменения на месте происшествия (следы) можно разделить на две большие группы: следы, образовавшиеся в результате взаимодействия убийц(ы) и жертвы, следы их действий, отразившиеся на месте происшествия, и следы действий лиц, непричастных к расследуемому событию. С первых шагов расследования важно сразу отделить следы первой группы от второй. Для этого до начала осмотра должен быть проведен опрос очевидцев и всех иных лиц, находившихся на месте происшествия к моменту начала осмотра по поводу того, изменялась или нет обстановка этого места, с последующим допросом этих лиц при необходимости, и другие.

Ситуация 4 – тайное убийство, в результате которого дело возбуждено по факту обнаружения неопознанного трупа. Повреждения на трупе указывают на убийство, но труп обезображен настолько, что опознание его по признакам внешности затруднительно. В подобных ситуациях, прежде всего, строятся и проверяются версии о личности жертвы. В данной ситуации в первую очередь проводится атрибуция трупа – установление личности погибшего, когда личность жертвы не установлена, труп не опознан, но лицо трупа не слишком обезображено или имеются иные основания надеяться на установление личности потерпевшего. Для этого описываются признаки внешности при осмотре трупа и при судебно-медицинском его исследовании по системе словесного портрета, фиксируются фотосъемкой, а также изготовлением гипсовых масок лица, кистей руки и ступней ног. Фиксируются особые приметы, татуировки. Описывается состояние зубов и делаются слепки челюстей. Изготавливается дактилокарта. Определяются возраст, рост, расовые признаки, наличие заболеваний, группа крови, следы алкоголя, наркотика, снотворных препаратов, ядов. Изымается подногтевое содержимое, делаются смывы в ушах, в иных местах, исследуются остатки пищи в желудке. Особо отмечаются следы, указывающие на род занятий, профессию, место жительства, привычки. Осматриваются одежда, обувь, личные вещи и направляются на экспертное исследование. Фиксируются и исследуются микрочастицы (волокна чужой одежды, пыль в карманах, грязь и частицы растений на брюках, носках, обуви). Запечатываются фабричные знаки, метки, следы ремонта. Заполняется карта неопознанного трупа и направляется для проверки по учету без вести пропавших лиц. Одновременно выясняется, не было ли заявлений об исчезновении кого-либо. Допросами свидетелей и розыскными мерами с использованием изображений внешности потерпевшего выясняется, как неизвестный появился в этом районе и когда, как вел себя, с кем общался, кто его видел или мог видеть. Собираются данные в гостиницах, общежитиях, у частных лиц, в учебных, медицинских и иных учреждениях о том, не было ли отмечено

1 Торвальд Ю. Криминалистика сегодня. Книга об искусстве разоблачений. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. С. 382.

исчезновения жильцов, пациентов, не было ли случаев невяки прибывших на учебу, лечение или в командировку. На вокзалах, в отделениях связи выясняется, не было ли фактов неостребования багажа из камер хранения или почты до востребования. С помощью СМИ передается обращение с просьбой оказать помощь в установлении личности неизвестного с использованием изображений или описаний его внешности. Если «туалет трупа» не дает нужного результата, то необходимо произвести реставрацию головы и лица – восстановление элементов внешности, которая может быть выполнена только высококвалифицированными специалистами². Когда реставрация невозможна, то применяется реконструкция лица по костям черепа. В дальнейшем может применяться метод фотосовмещения диапозитивов с изображением черепа и прижизненными изображениями предполагаемой жертвы.

Ситуация 5 – убийство тайное и давнее, но предположительно, ибо обнаружены останки – череп и кости с остатками одежды, причина смерти неизвестна (в начале расследования), и можно предполагать как убийство, так и иные причины смерти. Личность жертвы также чаще не известна, и поэтому в начале расследования строятся и проверяются версии о личности потерпевшего и о сущности события³.

Ситуация 6 – тайное убийство, сопровождавшееся расчленением трупа на части и сокрытием этих частей. Из всех элементов преступления известны лишь способ сокрытия убийства и место обнаружения частей трупа. Прежде всего, конструируются и проверяются версии о «механизме» убийства и о личности жертвы. При установлении личности жертвы изучаются версии о лицах, которым было необходимо не только совершить убийство, но и скрыть его, опасаясь неминуемого разоблачения. В данной ситуации рекомендуется следующий порядок решения частных задач: осуществляется целенаправленный поиск других частей трупа. Одновременно проводятся следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия для выявления лиц, пропавших без вести, но еще не взятых на соответствующий учет. При обнаружении каждой новой части трупа производится осмотр места происшествия и части трупа, после чего она передается в судебно-медицинское учреждение для исследования и консервации. При этом важно выяснить как, когда, откуда и кем доставлена часть трупа на место ее обнаружения, тщательно зафиксировать особенности ее упаковки и те признаки трупа, которые важны для отождествления личности. Задача для судебно-медицинской экспертизы – установить, принадлежат ли все найденные части трупа одному лицу, какие части тела и органы отсутствуют; каковы пол, возраст, раса и национальность умершего; какова причина и давность смерти; имеются ли прижизненные повреждения, их характер, расположение и происхождение; какова группа крови; каким орудием произведено расчленение трупа и есть ли признаки профессионального умения это делать; какую пищу убитый ел перед смертью, а также выясняется вопрос о наличии следов алкоголя, ядов и наркотиков. Собранные таким образом данные позволяют установить способ убийства и строить версии о времени и о возможных местах совершения убийства и местах расчленения трупа. Строятся и проверяются версии о личности убийцы, которым в данной ситуации чаще всего оказывается родственник или близкий знакомый. Версии проверяются осмотрами и обысками для обнаружения следов убийства и расчленения трупа.

Ситуация 7 – исчезновение человека. Убийство тайное, давнее, но лишь предполагаемое, так как труп не обнаружен. Личность предполагаемой жертвы известна, но все остальное неизвестно. Типовые первоначальные версии о причинах исчезновения: убит, покончил с собой, скрылся от родственни-

ков, совершил преступление и скрылся от правосудия, умер или лежит в больнице под чужим именем и т.д. Когда версия убийства находит подтверждение, а остальные обоснованно отпадают, изучение личности, образа жизни, характера взаимоотношений исчезнувшего с другими людьми позволяет строить версии о цели и мотиве, о времени и месте убийства и, наконец, о личности убийцы.

В данной ситуации необходимо решить следующие частные задачи: собрать детальную информацию о личности исчезнувшего, признаках его внешности, образе его жизни, взаимоотношениях с родственниками и знакомыми, наличии или отсутствии серьезных конфликтов в семье, планах на ближайшее будущее, намерении уехать или уйти из дома, приятельских и недружелюбных отношениях, интимных связях, адресах его родственников и знакомых, местах отдыха и командировок в последние годы, наличии заболеваний, которые могли бы привести к скоропостижной смерти, потере памяти или ориентировки в пространстве. Получить фото исчезнувшего, образцы его почерка, следов его пальцев. Установить время исчезновения: в какое время, где, при каких обстоятельствах исчезнувшего видели в последний раз, какие события этому предшествовали в его личной, семейной жизни и на работе, какие одежда, вещи, документы, ценности были при нем, а какие остались в жилище и по месту работы. Провести розыскные действия: проверить имеющиеся данные по учету неопознанных трупов и поставить исчезнувшего на учет пропавших без вести. Установить, нет ли исчезнувшего в больницах, моргах, следственных изоляторах, не уволился ли он с места работы (или взял отпуск) и выписался ли с места жительства. Проверить, что известно об исчезнувшем по всем адресам его родственников и знакомых. Выяснить, не было ли в период исчезновения транспортных и иных катастроф, стихийных бедствий, массовых драк и беспорядков и т.п. в тех местах, где мог находиться исчезнувший, есть ли сведения о наличии преступных связей исчезнувшего, угроз в его адрес и т.п. Искать следы убийства или его сокрытия в жилище исчезнувшего или местах, где его видели последний раз, в предполагаемых местах совершения преступления путем производства осмотров и обысков.

Ситуация 8 – обнаружение трупа новорожденного. Убийство может быть совершено как матерью ребенка, так и иными близкими ей лицами. Первая задача – определить механизм наступления смерти, т.е. родился ли ребенок живым и какова причина смерти. В дальнейшем необходимо организовать поиск матери ребенка. Она – ключевая фигура в расследовании дел подобного рода⁴.

Таким образом, определив вид следственной ситуации, можно планировать расследование преступления и определить перечень необходимых следственных действий и совокупность сил и средств, необходимых для проведения эффективного расследования преступления.

Разумеется, в каждой из названных типичных ситуаций первоначального этапа расследования убийств перечень следственных действий и их последовательность могут корректироваться в зависимости от конкретных обстоятельств расследуемого преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Полегенько А. Г. Расследование «старого» убийства // Следственная практика. М.: Юр. лит., 2009. Вып. 93.
2. Справочная книга криминалиста / Отв. ред. Н. А. Селиванов. М.: Норма, Инфра-М, 2010.
3. Торвальд Ю. Криминалистика сегодня. Книга об искусстве разоблачений. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
4. Яблоков Н. П. Криминалистика: Учебник для вузов. М.: ЛексЭст, 2015.

2 Справочная книга криминалиста / Отв. ред. Н. А. Селиванов. М.: Норма, Инфра-М, 2010. С. 285.

3 Полегенько А. Г. Расследование «старого» убийства // Следственная практика. М.: Юр. лит., 2009. Вып. 93. С. 64.

4 Яблоков Н. П. Криминалистика: Учебник для вузов. М.: ЛексЭст, 2015. С. 211.

Мамлеев Р. Р.

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В представленной статье рассматриваются особенности организации оперативно-розыскной профилактики как одной из форм организации оперативно-розыскных мероприятий по выявлению лиц и фактов, представляющих оперативный интерес в блогах, сайтах, виртуальных досках объявлений и спам-рассылках.

Ключевые слова: экстремизм, оперативно-розыскная деятельность, выявление преступлений, Интернет.

Mamleev R. R.

FEATURES OF OPERATIONAL SEARCH PREVENTION OF EXTREMISM MANIFESTATIONS IN THE INTERNET NETWORK

In proposed article the organization features of the operational search prevention as one of the organization forms of operational search measures for revealing persons and facts representing operative interest in blogs, sites, virtual bulletin boards and spams-dispatches are considered.

Keywords: extremism, operational search activity, revealing of crimes, Internet.

Неуклонное развитие информационных технологий объективно вызвано необходимостью разрешения противоречий между возрастающими объемами знаний и социальными потребностями в их использовании. В телекоммуникационной среде происходит постоянный процесс обмена различными данными, сообщениями, формируются коммуникативные связи. Современные телекоммуникационные технологии позволяют не только формализовать разносторонние знания в информационные ресурсы, аккумулированные в телекоммуникационной среде, но и способствуют их широкому, порой неконтролируемому распространению и репродуцированию. При должном внимании государственных, общественных и технических «регуляторов» к качеству информационной составляющей – коммуникация способствует преодолению непонимания, достижению согласия, в противном случае она становится удобной средой для подготовки, проведения и обеспечения противоправных действий, причем такие действия могут производиться удаленно, как в пределах, так и за пределами национальных границ. Особенную опасность такие действия могут представлять в случае их использования против органов власти и государственного управления.

Первый случай реализации подобного сценария произошел 17 января 2001 г., во время процесса, направленного на смещение филиппинского президента Джозефа, когда за два часа после объявления результатов голосования тысячи филиппинцев стеклись к центру Манилы. Манифестации были организованы посредством СМС-рассылки. Это событие стало первым в продолжающейся череде инцидентов применения телекоммуникационных технологий с целью дестабилизации политической ситуации в различных странах. С появлением социальных сетей ситуация стала более напряженной, так, появилось даже такое понятие, как «твиттер-революция» (примеры реализации подобных точек напряженности мы наблюдали в Молдове, государствах арабского мира и т.д.).

Согласно американской военной доктрине ведения сетевых войн сетевые технологии обмена информацией, обладая известной долей анонимности, позволяют достичь т.н. «самосинхронизации», «когда группы, отдельные личности, движения, не сговариваясь, дают общий отклик на некое событие. Те, кто первые откликаются на событие – задают тон

Мамлеев Р. Р.

или название, на этом их роль заканчивается, остальные... проводят свои акции в общем ключе и освещают их в общем информационном тоне, оставаясь безымянными. Инициативность позволяет спланировать и провести акцию в удобном формате и в удобное время, где главная цель – это общая позиция в отношении предмета акции – «намерение командира» – финальный замысел операции, нежели строгое следование буквальной стороне приказа».

Так же действует и стратегия ведения кибервойн или «твиттер-революций»: «Центральной задачей ведения всех «сетевых войн» является проведение «операции базовых эффектов» (effects-based operations – EBO). EBO определяются как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны»¹.

С учетом сказанного телекоммуникационная среда одновременно является «специфическим криминогенным объектом, что подтверждается присутствием в ней значительных объемов оперативно значимой информации, функционированием каналов обмена информацией между участниками преступных групп, совершением... латентных преступлений, концентрацией вокруг них лиц с криминальной направленностью»² и средой для масштабных информационных войн экстремистской направленности.

Особое внимание заслуживает и тот факт, что правонарушителю в Интернете не нужно находиться где-то рядом с местом преступления. Нападающий может сидеть за компьютером в любой точке доступа к сети. Такое положение вещей порождает определенные трудности для осуществления судебного преследования в пространстве и времени.

Добавим в число угроз сетевого экстремизма и высокую степень репродуктивности информационных вбросов. Здесь под репродуктивностью информационных атак мы понимаем легкость, с которой контент распространяется в самых раз-

1 Арзуманян Р. В. Теория и принципы сетевых войн и операций // 21 век. 2008. № 2 (8). С. 66.

2 Мамлеев Р. Р., Даянов И. С. Технологии поддержки принятия решений в оперативно-розыском сопровождении расследования инцидентов в сфере компьютерных технологий: монография. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2009.

личных сетевых приложениях. Интернет представляет собой совершенную среду для распространения удачных приемов ведения информационной войны, контент, который однажды выпущен в свет, уже не поддается контролю.

Так, по крайней мере, не одна сотня сайтов (российского сегмента) сети позволяет загрузить заметки (посты), инструменты для оформления ссылок на «дружественные» сети имеются в наборе практически всех социальных сетей. Ту же картину мы видим в блогосфере.

Взаимопроникновение технологий стирает видовые различия технических устройств, что позволяет свободно обмениваться данными как между персональными компьютерами, так и между переносными компьютерными устройствами, сотовыми телефонами и так далее, что создает предпосылки для широких социальных коммуникаций нового типа, несущих не только качественное преобразование сферы услуг, но и возможность широкого неконтролируемого распространения запрещенного контента в компьютерные системы, даже формально не входящие в состав сетей общего пользования.

Представляется, что изучение и учет лиц, участвующих в деструктивной сетевой деятельности, является одной из главных профилактических мер по снижению как уровня компьютерной преступности, так и снижения рисков возникновения «оранжевых революций» и им подобных инцидентов экстремистского или националистического толка. Важно понимать, что технология получения сведений о любом пользователе сети Интернет при существующих протоколах и стандартах так или иначе технологически предусмотрена и реализована.

Так, например, сбор подобной информации может осуществляться:

- во время ознакомления с содержимым информационных ресурсов – веб-сайтов (на пример, с помощью технологии cookies);
- при обработке содержания лог-файлов, которые всегда ведутся при работе серверов в сети Интернет и подробно описывают информационный обмен с ними;
- при обработке содержания лог-файлов провайдера, которые предназначены для протоколирования работы пользователей;
- при использовании электронной почты (по заголовкам электронных писем);
- при организации соединения с модемным пулом провайдера (когда может быть осуществлено сканирование портов пользовательского компьютера третьими лицами) и т. д.

Мы намеренно не упоминаем о возможности пассивного получения информации о пользователе путем мониторинга параметров сеанса доступа пользователя к информационным ресурсам (или другой КС) сети Интернет, так как такие действия требуют, как правило, наличия постановлений следователя или судебного решения, но рассматриваемый нами, в данном случае, этап не предполагает наличия заведенного уголовного дела.

Впрочем, для решения задач профилактики и предупреждения фактов подготовки или проведения актов проявления экстремизма или терроризма – объем информации, которую могут получить субъекты ОРД, вполне отвечает целям проведения различных оперативно-разыскных мероприятий, таких как:

- наблюдение;
- оперативная установка;
- разведывательный опрос;
- негласная идентификация личности;
- сбор образцов для сравнительного исследования, и т. п.

А особенности функционирования сетевых коммуникаций позволяют в полной мере реализовать следующие задачи:

- установления новых и проверки известных фактов;
- обнаружения фактов совершения преступлений;
- обнаружения, предупреждения, пресечения преступлений;
- выявления условий, способствующих совершению преступлений;
- документирования преступных действий разрабатываемых;
- установления и проверки лиц, представляющих оперативный интерес;
- обнаружения сообществ, преступных элементов и мест размещения информационных ресурсов, добытых преступным путем;
- выявления очевидцев преступной деятельности и иных лиц, могущих быть свидетелями по уголовному делу³.

Данный метод работы фактически предполагает проведение выборки информации из открытых источников и проверку полученной (первичной) информации о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес. Для его успешной реализации поиск должен охватить все программно-аппаратные средства, присутствующие в скомпрометированной КС, и учитывать всех лиц, задействованных в информационном обмене, а также анализ фактов совершения аналогичных преступлений и прогнозируемую оценку их проявления в будущем. Все это требует не только системного подхода к планированию и организации поисковой работы, но и новаторских решений в тактике и методике осуществления оперативно-разыскной деятельности.

Объектами системы этого поиска могут быть: факты преступлений; лица, их совершившие; разыскиваемые уголовные элементы; причины и условия, способствующие совершению преступления; лица, замыслившие противоправные деяния и готовые их реализовать; лица, от которых можно ожидать совершения преступления.

Для эффективного выявления признаков подготовки или совершения правонарушений в сфере компьютерной информации необходимо использовать специальные формы розыскных мер, прежде всего, по выявлению лиц и фактов, представляющих оперативный интерес в открытой печати, виртуальных досках объявлений, блогах, сайтах и спам-рассылках. Для проведения этой работы наличие специализированного штата сотрудников представляется недостаточным, поэтому весьма актуальным представляется вопрос привлечения к сотрудничеству анонимных пользователей интернет-сервисами, создание сайтов-приманок, предназначенных для документирования злонамеренных действий, а также привлечение к сотрудничеству штатных служб информационной безопасности предприятий.

Открытость среды разработки и внедрения сетевых компьютерных технологий, наряду с возрастающей распространенностью, помимо расследования компьютерных преступлений предоставляет возможность организации мероприятий по сбору оперативно-разыскной информации любой направленности.

Однако, чтобы успешно контролировать сетевой трафик, необходимо понимание особенностей сетевой коммуникации. Кроме этого, у оперативных сотрудников должны быть

3 Винниченко Н. А. Правовая регламентация использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / под общ. ред. В. Н. Сальникова. СПб., 2004.

соответствующие программные средства сетевого судебного расследования (которое часто называют “forensic net’s tool”), которые требуются для подтверждения достоверности полученных фактов незаконной, неавторизованной или неприемлемой активности злоумышленников. Хотя для решения поисковых оперативно-розыскных задач (обнаружения первичных признаков подготовки или совершения преступления) достаточно наличия штатных средств операционной системы или бесплатных утилит, которые автоматизируют этот процесс обнаружения.

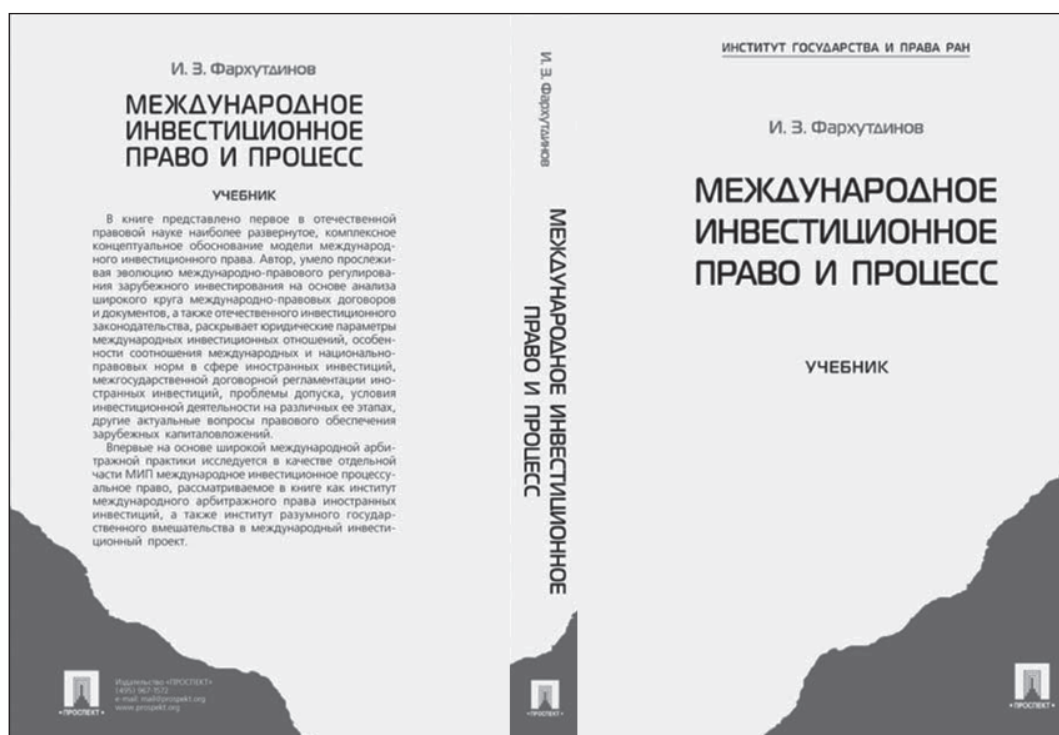
Организация поиска, систематизации и отслеживания оперативной обстановки может быть улучшена за счет создания разветвленной автоматизированной системы приема, регистрации и анализа информации обо всех элементах оперативной обстановки и концентрации всей получаемой информации в единой базе, например на платформе единого Федерального реестра. В этой связи, и в силу многообразия источников и субъектов оперативно-розыскной деятельности, в сети Интернет важное место в организации этой работы занимает обеспечение взаимодействия всех ее участников. Необходимость во взаимодействии возникает между сотрудниками и подразделениями органов дознания и следствия, предприятиями связи, средствами массовой информации, общественными организациями и с правоохранительными органами других государств.

Учитывая общественную опасность, выраженную латентность, сложность раскрытия информации экстремистской направленности, а также имеющийся мировой опыт успешного

применения сетевых технологий для организации «оранжевых революций», сегодня как никогда ранее необходимо уделять особое внимание вопросам предупреждения и профилактики данного вида преступлений. Не менее важно исследовать обстоятельства как способствующие совершению подобного вида преступлений, так и затрудняющие выявление уже совершенных преступлений, что поможет конкретизации предупредительных мер. Для этого необходим постоянный активный процесс разработки действенных мер, направленных на правовое, организационное, включая криминалистическое и техническое, обеспечение борьбы с преступлениями в сфере экстремизма, а также совершенствование методики их предупреждения и раскрытия.

Пристатейный библиографический список

1. Арзуманян Р. В. Теория и принципы сетецентричных войн и операций // 21 век. 2008. № 2 (8).
2. Мамлеев Р. Р., Даянов И. С. Технологии поддержки принятия решений в оперативно-розыском сопровождении расследования инцидентов в сфере компьютерных технологий: монография. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2009.
3. Винниченко Н. А. Правовая регламентация использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / под общ. ред. В. Н. Сальникова. СПб., 2004.

Курбанова Д. Н. ОТДЕЛЬНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ

Статья посвящена проблеме террористических актов, совершенных женщинами; приводится социальный портрет женщины-смертницы, анализируются мнения экспертов в этом вопросе. Отдельное внимание уделено комплексу причин, по которым женщины встают на путь террористок-смертниц.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, женская преступность, террористка-смертница, джихад.

Kurbanova D. N. SOME CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF TERRORIST ACTS COMMITTED BY WOMEN

The article is devoted to the problem of terrorist acts committed by women; it provides a social portrait of female suicide bombers, analyzes the opinions of experts in this matter. Special attention is given to the complex reasons why women take the path of suicide bombers.

Keywords: terrorism, terrorist act, female crime, suicide bomber, Jihad.

Курбанова Д. Н.

Целая серия громких террористических актов очень прочно вошла в жизнь российских граждан. На сегодняшний день терроризм стоит на первом месте среди проблем, с которыми столкнулась наша страна в последнее десятилетие.

Планируя террористические акты, террористы рассчитывают прежде всего на психологический эффект, и он становится значительно выше, если смертник – женщина. В этом одна из причин, почему в последнее время все чаще в роли террористов-смертников выступают женщины. Кроме того, в условиях ужесточения мер безопасности во многих государствах мира женщине значительно проще проникнуть в места массового скопления людей для свершения теракта.

Для нас большой загадкой остаются женщины, участвующие в террористических актах. Подавляющее большинство террористических актов, совершённых в России, также произвели девушки.

По данным исследователей, в настоящее время 17 террористических организаций в 14 странах мира прибегают к использованию террористов-смертников. Эта форма терроризма считается наиболее эффективной. За период 1980–2001 гг. лишь 2 % терактов были совершены смертниками, однако на их счету – 50 % всех жертв, причем это – без учета погибших в трагедии 11 сентября 2001 г. в США¹.

Социальный портрет террористки-смертницы слишком противоречив. Он формируется под воздействием множества политических и социальных, культурных и религиозных факторов, и поэтому в разных регионах мира различен. Специалисты объясняют молодость смертников теми настроениями, которые господствуют у разных возрастных групп. Так, положительное отношение к политическому насилию преобладает у 14,5 % молодых людей в возрасте до 17 лет. Этот процент у следующей группы – в возрасте до 24 лет – составляет 14,9 %, а затем начинает снижаться, достигая 6 % у людей в возрасте 64 лет.

По уровню образования смертников вряд ли можно охарактеризовать как людей забитых и безграмотных. 8,3 % смертников успели получить лишь начальное образование, в то время, как 12,8 % из них имели дипломы о высшем образовании.

Смертницы, как и их соратники-мужчины, молоды. Средний возраст смертниц, например, в Турции составляет 21,5 года, в Ливане – 23 года. Социальная среда, из которой выходят смертницы, разнообразна. Среди них есть безработные и преуспевающие профессионалы, бедные и обеспеченные, студентки и безграмотные. Чаще это – незамужние женщины сложной судьбы. У многих погибли или пропали без вести члены семьи и близкие. Выбор пути смертницы делается как

под влиянием каких-либо трагических событий в личной жизни, так и сознательно, в силу идеологических убеждений.

Вербовкой кандидатов и их подготовкой в специальных лагерях смертников занимается разветвленная сеть вербовочных центров и лагерей. В любом случае, вербовка считается тем эффективнее, чем раньше она проведена. В лагерях организации «Тигры освобождения Тамил Элама» для выполнения терактов мобилизуются дети и подростки, чаще всего сироты, которые подвергаются усиленному «промыыванию мозгов», жесткой психологической обработке.

По опыту событий в Чечне известно, что методов вербовки в ряды смертниц существует огромное количество. Среди них – «продажа» девушек боевикам, «накачивание» их наркотиками, изнасилования с последующим шантажом и принуждением согласиться выполнить «очистительную» миссию.

О том, какими путями женщины попадают в сети террористов, поведала судьба чеченки Заремы Мужжихоевой. Она попала в руки следствия, когда 11 июля 2003 г. оставленная ею сумка с полутора килограммами взрывчатого вещества не взорвалась. Гласности была предана судьба этой неудавшейся «шахидки». Ее муж погиб еще в период так называемой первой чеченской войны 1994–1996 гг. В то время она была беременна и вскоре родила дочь. Подруга Мужжихоевой согласилась помочь ей: заплатить долги, дать деньги родителям, обеспечить всем необходимым дочь. Взамен, правда, она потребовала, чтобы Зарема выбрала «истинную дорогу к Аллаху». Что это за дорога, женщина вскоре узнала. Ее взяли с собой боевики и увели в горы. В течение месяца она готовила и обстирывала боевиков, молилась и слушала рассказы о «преступлениях русских солдат в Чечне». Получив заряд ненависти, Зарему доставили в Москву, где разместили в одной из конспиративных квартир. Вместе с ней проживали две другие молодые чеченки, которые 5 июля 2003 г. взорвали себя на рок-концерте в Москве. Тогда погибло 15 и получило ранения 60 жителей и гостей Москвы. Теракт, порученный Зареме Мужжихоевой, сорвался, однако при разминировании бомбы погиб один из сотрудников российских спецслужб². Неудавшаяся террористка активно сотрудничала со следствием, и все же была осуждена на пожизненное заключение.

Анализируя причины участия девушек в террористических актах, специалисты различных научных направлений – психологи, политологи, криминологи, занимающиеся этой проблемой, выделяют следующие причины, по которым девушки вступают в террористическую деятельность.

1 Малащенко А. В. Почему боятся ислама? // Исламская альтернатива и исламистский проект. 2006. С. 123.

2 Интервью сокамерницы террористки-смертницы Заремы Мужжихоевой // Известия. 2004. 20 апреля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/life/article82576>.

1. Мечь. Обусловлена желанием отомстить правоохранительным органам за любимого человека, близкого родственника. Айза Газуева 21 ноября 2001 г. взорвала себя возле коменданта города Урус-Мартане Гейдара Гаджиева. О её жизни нам известно от её отца Ваха Газуева. Она мстила за своего ни в чём не повинного мужа Алихана. Комендант Урус-Мартановского района Гейдар Гаджиев славился своими безжалостными «зачистками» в поисках вооруженных ваххабитов. Но на этот раз он ошибся, забрав Алихана из дома и все же не стал его отпускать. Его жестоко избили, затем приказали вызвать супругу Алихана в комендатуру, на её глазах Гаджиев вспорол живот Алихану и, схватив Айзу за волосы, мокнул в распоротое тело. Спустя четыре месяца произошёл теракт³.

2 Борьба за национальное освобождение. Некоторые женщины, выбирая самоубийственный терроризм, мотивируют это тем, что участвуют борьбе за национальное освобождение. Данная причина всегда вдохновляла людей положить свою жизнь на алтарь свободы. В интервью, взятом российской телекомпанией НТВ, одна из девушек-террористок заявила, что для них безразлично, где они умрут. Они же выбрали смерть в Москве и возьмут души неверных с собой⁴.

3 Искушение вины. Для девушек терроризм является основным и единственным способом искупить свою вину перед родными, мужем, страной⁵. На самоубийство преимущественно идут те женщины, которые, согласно шариату, совершили непрощительные проступки. С этой точки зрения выбор роли смертницы — это лишь смена статуса опозоренной женщины на высокоценный статус мученицы. У многих женщин, потерявших честь, есть шанс «умереть с достоинством», путём совершения джихада против неверных. Такой шанс выпал и неудавшейся террористке Зареме Мужахоевой, которая не смогла подорвать себя возле «Mon Café» в Москве. По её словам, на совершение теракта её толкнула опозоренная честь семьи. Она, для того чтобы вывезти забранную семьей мужа дочь из страны, совершила кражу драгоценностей у своей семьи, а затем не смогла взорвать автобус с русскими солдатами, что тоже легло позором на её семью⁶.

4. Материальная компенсация. Ради больших денежных вознаграждений, которые получит семья террористки после совершения теракта, девушки идут на убийство невинных людей и себя. Так, например, на «Норд-Осте» присутствовали и те, кого родные продали за 300000 \$. По прошествии нескольких месяцев после теракта Хеда Хаджиева уехала в Баку, где получила обещанный гонорар за поход дочерей в Москву⁷.

5 Религиозная причина. Сегодня большое значение имеет широкое распространение религиозной нетерпимости или религиозный фанатизм. Д. В. Ольшанский в своей книге «Психология терроризма» говорит, что террор фанатичен истовой верой⁸. Основывается религиозный фанатизм на истинной вере: после расправы над «неверными» убийца попадет в рай. Верующие слышат об этом с детства, начиная с семьи и заканчивая в мечетях. Неудивительно как решительно идут на смерть и убийство «невесты Аллаха».

Оказывается, что большая часть террористических актов, совершённых в России женщинами, по показаниям экспертизы были совершены под воздействием психотропных веществ. Девушку необходимо было изъять из семьи и поместить в психологически комфортное место, где на неё бы воздействовало чтение Корана, песни, постоянные молитвы с определённым речитативом и длительные беседы. Затем индивидуальный подход к каждой из будущих террористок заключался в запугивании, побоях или же сексуальном насилии. И вот террористка с надломленной психикой готова на совершение джихада⁹.

В недавнем прошлом сам факт использования женщин в качестве смертниц считался несовместимым с нормами и принципами религиозного учения ислама. Ситуация, по мнению исследователей, изменилась с началом чеченской кампании и появлением в Чечне террористок-смертниц. Перед исламистскими фундаменталистами встала задача религиозного обоснования такого явления, ибо Коран строго запрещает самоубийство. Такое обоснование было найдено в формуле, гласящей, что женщины-смертницы свершают не акт самоубийства, а акт мученичества, а к мученикам Аллах благоволяет. И все же в исламском мире нет единства подходов к этой проблеме. Так, Саудовская Аравия, например, первоначально отказалась признавать действия женщин-смертниц в качестве акта мученичества. Однако в августе 2001 г. Высший исламский совет Саудовской Аравии выступил в поддержку того, чтобы палестинские женщины вступали в ряды смертниц¹⁰.

Даже такая радикальная террористическая организация как Хамас вплоть до января 2004 г. воздерживалась от использования женщин в качестве смертниц. Его лидеры исходили из того положения, что женщины могут идти на войну только тогда, когда ряды мужчин полностью истощатся¹¹. Теперь духовные вожди Хамас объясняют свой отказ от этого принципа тем, что в определенных условиях женщины могут более успешно и эффективно выполнить боевую задачу. Пока считается, что наиболее опасная террористическая организация в мире - Аль-Каида - пока воздерживается по определенным причинам религиозно-этического плана от использования женщин-смертниц в качестве исполнителей терактов. Им отводятся пока только вспомогательные роли в операциях Аль-Каиды. Однако, по оценкам специалистов, такое отношение может быстро поменяться. Не случайно, как заявляют представители спецслужб, в последнее время Аль-Каида ведет активную вербовку в свои ряды женщин.

Пристатейный библиографический список

1. Артюшкина А. В. «Невесты аллаха»: кто они? // Мир и согласие. 2006. № 1.
2. Григорьева М. А. Гендерный аспект политического терроризма // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5.
3. Дронзина Т. А. Террористки-смертницы // Вестник Евразии. 2005. № 1.
4. Интервью сокамерницы террористки-смертницы Заремы Мужахоевой // Известия. 2004. 20 апреля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/life/article82576>.
5. Малашенко А. В. Почему боятся ислама? // Исламская альтернатива и исламистский проект. 2006.
6. Ольшанский Д. В. Психология террора. М.: Академический проект, 2002.
7. Попов И. М. У терроризма... женское лицо. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.milresource.ru/>
8. Розин В. М. Мусульманка и её мир // Россия и мусульманский мир. 2005. № 9 (159).
9. Юзик Ю. В. Невесты Аллаха [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rusa.ec/b/327620/read>.
10. Якупов М. Т. Современный джихад (социально-философский анализ) // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 2.

3 Якупов М. Т. Современный джихад (социально-философский анализ) // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 2. С. 580.

4 Артюшкина А. В. «Невесты аллаха»: кто они? // Мир и согласие. 2006. № 1. С. 130.

5 Дронзина Т. А. Террористки-смертницы // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 162.

6 Откровения террористки: «Я догадывалась, что должна совершить теракт путём самоубийства». // Известия. 2004. 3 февраля.

7 Якупов М. Т. Современный джихад (социально-философский анализ) // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 2. С. 579—584.

8 Ольшанский Д. В. Психология террора. М.: Академический проект, 2002.

9 Григорьева М. А. Гендерный аспект политического терроризма // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 135—138.

10 Основные тенденции и особенности развития женского терроризма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/>

11 Попов И. М. У терроризма... женское лицо [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.milresource.ru/>

Мельник С. В., Надтачаев П. В. **ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ**

Независимая судебная власть является неотъемлемым условием справедливого общества, поэтому с самого начала проводимой судебной реформы встал вопрос о повышении нравственных начал в судебной деятельности.

В статье освещаются проблемы современной концепции соотношения правовых и нравственных требований, предъявляемых различными правовыми нормами и Кодексом судейской этики к профессиональному поведению судей.

Ключевые слова: судебная власть, сообщество судей, судья, нравственность, нравственные начала, Кодекс судейской этики, правила поведения судей, требования, предъявляемые к судьям, профессиональная деятельность судьи.

Melnik S. V., Nadtachaev P. V. **FACTORS OF INCREASE OF EFFICIENCY OF JUSTICE**

Independent judicial authority is the integral condition of fair society therefore from the very beginning of the carried-out judicial reform there was a question of increase of the moral foundations in judicial activity.

In the article problems of the modern concept of the legal and moral requirements ratio imposed by various precepts of law and the Code of Judicial Ethics to professional behavior of judges are covered.

Keywords: judicial authority, community of judges, judge, moral, moral foundations, Code of Judicial Ethics, rules of conduct of judges, requirements imposed to judges, professional activity of the judge.

Влияние на формирование стандартов профессиональной этики судьи имеют ключевые принципы процессуального права, такие как независимость суда, объективность и беспристрастность, равенство всех перед законом и судом.

Суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции РФ и закону¹. Независимость судебной власти является конституционным принципом, закрепленным в ст. 120 Конституции РФ.²

Принцип независимости в профессиональной деятельности судьи проявляется в следующем:

- реализация полномочий происходит в строгом соответствии с требованиями нормативно-правовых актов;
- при рассмотрении и разрешении гражданского дела судья должен сохранять нейтралитет в отношении всех участников гражданского судопроизводства, его позиция должна быть беспристрастной и независимой;
- при осуществлении полномочий судья должен опираться только на внутреннее убеждение, исходить исключительно из оценки обстоятельств гражданского дела (правовых и фактических), не поддаваясь влиянию кого бы то ни было, уважать процессуальные права сторон и иных участвующих в деле лиц;
- критические высказывания в адрес судьи, а также публичное обсуждение его деятельности не могут влиять на обоснованность и законность выносимых судебных постановлений;
- в случае оказания прямого или косвенного давления на суд с целью влияния на исход рассматриваемого гражданского

дела, судья обязан известить об этом председателя суда и уведомить о сложившейся ситуации правоохранительных органы.

– о любых обращениях (устных и письменных), не носящих процессуальный характер и поступивших судье в связи с рассмотрением гражданского дела, а также об обстоятельствах, которые могут создать конфликт интересов, судье следует уведомить лиц, участвующих в деле.

Обязательными условиями осуществления правосудия по гражданским делам являются принципы объективности и беспристрастности. Судья в процессе разбирательства по делу должен вести себя таким образом, чтобы его поведение не вызвало сомнений у участников процесса в беспристрастности и объективности судебных органов.

В целях беспристрастного разрешения спора, при исполнении своих служебных обязанностей судья должен стремиться к исключению каких-либо сомнений в его объективности, не должен иметь каких-либо предубеждений и предпочтений. Судье необходимо воздерживаться от совершения таких поступков, которые в дальнейшем могут послужить конфликту интересов или явиться иным основанием для исключения его участия в разбирательстве по гражданскому делу.

Законодатель закрепляет положение о том, что наличие информации о внепроцессуальном обращении, поступившем судье по гражданскому делу, находящемуся в его производстве, само по себе не может рассматриваться в качестве основания для отвода судьи. Также наличие информации о поступившем в арбитражный суд внепроцессуальном обращении по делу, находящемуся в производстве судьи арбитражного суда, само по себе не может рассматриваться в качестве основания для отвода судьи арбитражного суда.

Мельник С. В.

Надтачаев П. В.

1 Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 06.01. № 3.

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

Вместе с тем ст. 9 Кодекса судейской этики³ содержит положения, в соответствии с которыми основания для отвода судьи могут возникнуть при конфликте интересов либо в случае возникновения ситуации, ставящей под сомнение беспристрастность судьи, в следующих случаях:

а) супруг(а) судьи или лицо, являющееся близким родственником одного из них, является лицом, участвующим в деле, или иным участником процесса в данном судебном производстве;

б) судья или его супруг(а), или лицо, являющееся близким родственником одного из них, имеет заинтересованность в рассматриваемом деле, может существенно повлиять на ход судебного производства, или работает в организации, являющейся участником процесса, или решение суда может существенно затрагивать их интересы;

в) судья располагает сведениями, согласно которым он может стать свидетелем по существу данного спора;

г) на судью или членов его семьи оказывается давление, высказываются угрозы или оказывается иное постороннее воздействие, ставящие под сомнение возможность вынесения судьей объективного судебного акта по делу. При этом судья может отказаться от рассмотрения дела в целях обеспечения личной безопасности и безопасности своих близких в случае, если он принял все зависящие от него меры по обеспечению организации своей безопасности и безопасности своих близких и если соответствующие меры безопасности не были осуществлены компетентными органами в разумный срок.

Таким образом, можно говорить, о некоторых расхождении норм процессуального права и положений Кодекса о судейской этике в вопросах оснований отвода и самоотвода судьи при рассмотрении гражданских дел.

Правосудие по гражданским делам должно осуществляться на основе принципа равенства, который является неотъемлемым условием беспристрастного и объективного осуществления правосудия, справедливого разбирательства дела, посредством реализации которого обеспечивается равное отношение ко всем участвующим в деле лицам.

В процессе осуществления своей профессиональной деятельности судья должен обеспечить каждой из сторон спора равные возможности, не проявлять каких-либо предпочтений или дискриминации участников судопроизводства вне зависимости от их имущественного и должностного положения, принадлежности к общественным объединениям, национальности, пола, происхождения, расы, языка, места жительства, отношения к религии, убеждений, а также иных обстоятельств.

Судья должен избегать конфликтных ситуаций, которые могут нанести ущерб его репутации, поставить под сомнение авторитет судебной власти.

Эффективность любой деятельности зависит от наличия к ней общественного доверия, служебная деятельность судьи не является исключением, и от должного понимания обществом правовых мотивов принятых судом решений зависит доверие к судебной системе в целом.

Детальный анализ законодательства, судебной практики и положений Кодекса судейской этики позволяет говорить о следующих требованиях, предъявляемых к судье в сфере взаимодействия со средствами массовой информации.

В целях формирования правосознания граждан, укрепления доверия и повышения авторитета судебных органов судья

должен оказывать содействие профессиональному освещению в средствах массовой информации (далее по тексту – СМИ) работы суда и судей.

При освещении профессиональной деятельности в СМИ судья должен быть осмотровым, не комментировать по существу рассматриваемые гражданские дела, производство по которым не окончено. Вместе с тем это не лишает судью права давать информацию о процессуальных стадиях рассмотрения дела. Судья вправе по уже рассмотренному гражданскому делу разъяснить принятый судебный акт (в устной или письменной форме), а также высказывать свое мнение о сложившейся практике применения норм процессуального и (или) материального права.

Судья обязан быть корректным и сдержанным при комментировании решений своих коллег. В целях устранения недостатков в сфере гражданского судопроизводства, устранения нарушений и предупреждения международно-правовых и конституционных принципов гласности (публичности) судопроизводства, в среде судейского сообщества судья может выражать несогласие с поведением коллег.

Если в СМИ профессиональная деятельность судьи освещается таким образом, что о работе судебных органов может сложиться искаженное представление, каждый судья самостоятельно принимает решение о форме реагирования на такие выступления СМИ, на основе тех законных средств, которыми он обладает как гражданин.

Обращение судьи с целью защиты чести и достоинства в правоохранительные органы или в СМИ для публичного ответа на критику возможно в случае, когда исчерпаны иные способы реагирования, или прибегнуть к ним не представляется возможным. Судья обязан проявлять осмотрительность и сдержанность отвечая на публичную критику.

Если в результате необоснованной критики действий судебных органов в СМИ может пострадать авторитет правосудия, предпочтительным является ответ на критику в виде публикации в СМИ комментария пресс-службы суда и (или) органа Судебного департамента, а также органа судейского сообщества.

Таким образом, к числу основополагающих принципов и категорий нравственно-этического характера, на которых базируется правосудие по гражданским делам, относятся, прежде всего, независимость судебной власти и суда, беспристрастность, состязательность, объективность, уважение чести и достоинства человека и гражданина, равенства всех перед законом и судом. То, что большая часть указанных положений закреплена в нормах права, не меняет их морально-нравственной ориентации и значимости.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 №1-ФКЗ (ред. от 05.02.2014) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 06.01.1997. № 3.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
3. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2, февраль.

3 Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2, февраль.

Мусаева А. Г., Азизова П. М.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО ЗАЯВЛЕНИЮ О ПРИЗНАНИИ ГРАЖДАНИНА НЕДЕЕСПОСОБНЫМ

В данной статье описаны особенности процедуры судебного разбирательства по заявлению о признании гражданина недееспособным, дано определено понятие гражданской правосубъектности, правоспособности и дееспособности граждан и очерчены их границы в рамках действующего гражданского законодательства РФ.

Ключевые слова: Российская Федерация, гражданская правосубъективность, правоспособность и дееспособность граждан, гражданское законодательство, особенность процедуры судебного разбирательства, заявление о признании гражданина недееспособным.

Musaeva A. G., Azizova P. M.

PECULIARITIES OF LEGAL PROCEEDINGS ON AN APPLICATION FOR RECOGNITION OF A CITIZEN INCAPABLE

This article describes the features of legal proceedings on an application for recognition of a citizen incapable, defined is given to the notion of the civil legal personality, legal capacity and dispositive capacity of citizens and defined their boundaries under the current civil legislation of the Russian Federation.

Keywords: Russian Federation, the civil legal personality, legal capacity and dispositive capacity of citizens and defined their boundaries within the framework of existing civil law, peculiarities of legal proceedings on an application for recognition of a citizen incapable.

Гражданское право Российской Федерации основывается на частноправовых принципах: дозвоительной направленности гражданско-правового регулирования; равенства правового режима для всех субъектов гражданского права; недопустимости произвольного вмешательства в частные дела; неприкосновенности собственности; свободы договора; свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на территории Российской Федерации.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

Статьи, подобные этой, есть в конституциях многих стран, преимущественно развитых. Человеческое общество и государство прошли немалый исторический путь, чтобы прийти к осознанию, а тем более воплощению в жизнь принципа первостепенного значения прав и свобод гражданина, человека. Глядя с позиций сегодняшнего дня на исторический опыт взаимоотношений человека и государства, можно выделить два основных принципа их взаимоотношений:

1. Человек ради государства: в этом случае мы встречаемся с полным пренебрежением правами и свободами человека со стороны государства.

2. Государство для человека: во взаимоотношениях человека и государства главенствует защита прав и свобод граждан, государство имеет социальную направленность.

В наше время наблюдаются заметные перемены в оценке многих основополагающих дефиниций. Однако понятия «правоспособность» и «дееспособность» не претерпели серьезных изменений, трактуются одинаково, как в прежние, уже далекие 20-е годы, так и сейчас. Так, энциклопедия государства и права 1925 г. рассматривает правоспособность лишь как способность быть «субъектом права». Принципиально ничего нового на этот счет не появилось в последующих исследованиях теоретического права, в работах по цивилистике. Тоже самое надо сказать о дееспособности, понимаемой как способность

гражданина приобретать своими действиями гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности. Между тем можно и нужно попытаться несколько по-иному посмотреть на то и другое понятие, вникнуть в существо отличающих их друг от друга способное.

В соответствии с частями 2 и 4 статьи 281 Гражданского процессуального кодекса РФ, судебное дело о признании гражданина недееспособным принимается к рассмотрению только по заявлению его близких родственников, медицинских организаций и органов опеки. По общему правилу, признание гражданина недееспособным рассматривается в суде по месту жительства гражданина, чья дееспособность подвергается сомнению. В случае, если он помещён в медицинское стационарное учреждение, дело рассматривается в суде по месту нахождения этой организации.

Заявление об ограничении гражданина в дееспособности, о признании гражданина недееспособным, об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами подается в суд по месту жительства данного гражданина, а если гражданин помещен в психиатрическое или психоневрологическое учреждение, по месту нахождения этого учреждения. Дела указанной категории подведомственны судам общей юрисдикции. Таким образом, действующим гражданско-процессуальным законодательством четко определен круг лиц, которые могут обратиться в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным, несоблюдение этого положения является основанием для возвращения (п. 4 ст. 135 ГПК РФ) либо, если заявление принято к производству суда – для оставления его без рассмотрения (ст. 222 ГПК РФ).

Дело о лишении дееспособности рассматривается судом в порядке особого производства с обязательным участием за-

Мусаева А. Г.

Азизова П. М.

явителя, прокурора, представителя органа опеки и попечительства, а также самого гражданина, который должен иметь возможность изложить свою позицию. Если гражданин при личном участии в судебном заседании о признании его недееспособным может причинить вред себе или другим, то дело рассматривается судом в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. Для обращения в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным к нему необходимо приложить заверенные копии следующих документов: документы, подтверждающие близкие родственные отношения. Таким документом может являться свидетельство о рождении, свидетельство о заключении брака, общегражданский паспорт и иные документы. Документы, подтверждающие наличие у гражданина психических заболеваний. Такими документами могут быть справки о нахождении на учете в психоневрологическом диспансере, справки об инвалидности, выписки из истории болезни, а также документы, свидетельствующие об отклонениях от нормального поведения. Копии подаваемого заявления о признании гражданина недееспособным со всеми приложениями для иных участников судебного процесса (прокурора, органов опеки и попечительства и самого гражданина). Чек-ордер (квитанция) об оплате государственной пошлины, которая уплачивается в размере, предусмотренном пунктом 8 части 1 статьей 333.36 Налогового кодекса РФ для заявлений по делам особого производства. На момент написания данной статьи госпошлина составляла 300 рублей.

В соответствии со статьей 29 Гражданского кодекса Российской Федерации гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается опека. Порядок рассмотрения и разрешения дел по обобщаемой категории установлен главой 31 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Указанная категория дел рассматривается в порядке особого производства. Согласно статье 281 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации дело о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства может быть возбуждено в суде на основании заявления членов его семьи, близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер) независимо от совместного с ним проживания, органа опеки и попечительства, психиатрического или психоневрологического учреждения.

В соответствии со статьей 282 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в заявлении о признании гражданина недееспособным должны быть изложены обстоятельства, свидетельствующие о наличии у гражданина психического расстройства, вследствие чего он не может понимать значение своих действий или руководить ими. Заявление о принудительной госпитализации должно также соответствовать требованиям, предъявляемым ст. 131 и ст. 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, и к заявлениям, рассматриваемым в порядке особого производства, в нем должно быть обязательно указано, для какой цели заявителю необходимо признать лицо недееспособным. В соответствии со ст. 283 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации судья в порядке подготовки к судебному разбирательству дела о признании гражданина недееспособным при наличии достаточных данных о психическом расстройстве гражданина назначает для определения его психического состояния судебно-психиатрическую экспертизу.

При явном уклонении гражданина, в отношении которого возбуждено дело, от прохождения экспертизы суд в судебном заседании с участием прокурора и психиатра может вынести определение о принудительном направлении гражданина на судебно-психиатрическую экспертизу.

В силу ст. 284 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации заявление об ограничении дееспособности гражданина, о признании гражданина недееспособным, об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своим заработком, стипендией или иными доходами суд рассматривает с участием самого гражданина, заявителя, прокурора, представителя органа опеки и попечительства. В соответствии с частью 2 статьи 284 ГПК РФ заявитель освобождается от уплаты издержек, связанных с рассмотрением заявления об ограничении гражданина в дееспособности, о признании гражданина недееспособным, об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами. Заявитель оплачивает лишь государственную пошлину. Органы опеки и попечительства в соответствии со ст. 46 ГПК РФ освобождены от уплаты судебных расходов. Однако в случае злоупотребления своими процессуальными правами законом предусматривается санкция в отношении недобросовестных заявителей: суд, установив, что лицо, подавшее заявление, действовало недобросовестно в целях заведомо необоснованного ограничения или лишения дееспособности гражданина, взыскивает с такого лица все издержки, связанные с рассмотрением дела.

Пристатейный библиографический список

1. Азизова П. М. Понятие правоспособности граждан (физических лиц) на современном этапе // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 177-178.
2. Мусаева А. Г. Азизова П. М. Граждане (физические лица) как субъекты гражданского права // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 179-180.
3. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной российской правовой системы // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6. С. 148.
4. Мусаева А. Г. Характерные отличия государства (публично-правового образования) от иных субъектов права // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8. С. 138-139.
5. Мусаева А. Г., Атаева П. А. Право и мораль важнейшие социальные регуляторы дагестанского общества // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7 (86). С. 118-119.

Никурадзе Н. О.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЕГО ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР

Статья посвящена исследованию вопроса о правовой природе гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Исследуются доктринальные подходы к отраслевой принадлежности гражданского иска как правового института, а также пробелы современного уголовно-процессуального законодательства в его регламентации. Предлагаются пути решения выявленных в исследовании проблем.

Ключевые слова: гражданский иск, потерпевший, доступ к правосудию, моральный и материальный вред, правовой институт, уголовный процесс.

Nikuradze N. O.

THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF CIVIL ACTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: ITS DUAL NATURE

The article investigates the issue of the legal nature of a civil action in criminal proceedings. The authors study the doctrinal approaches to the sector affiliation of a civil action as a legal institution, as well as gaps of modern criminal procedure legislation in its regulation. The ways of solving the problems identified in the study are proposed.

Keywords: civil action, victim, access to justice, material and moral damages, legal institute, criminal proceedings.

Никурадзе Н. О.

Современная Россия как правовое государство стремится к совершенствованию механизма защиты прав человека, в этой связи проблема соблюдения гарантий их реализации, в том числе в уголовном судопроизводстве, приобретает особую значимость. В результате судебной реформы 90-х годов и принятия УПК РФ содержание уголовно-процессуальной деятельности изменилось с акцентом на приоритет прав и свобод человека и гражданина, которые, исходя из норм международного права, являются высшей ценностью в правовом государстве.

Во исполнение указанных норм российское государство согласно ст. 52 Конституции РФ обязано создавать все необходимые условия для обеспечения доступа к правосудию потерпевшему и восстановления социальной справедливости, не только посредством наказания виновных, но и возмещения причиненного преступлением морального и (или) материального вреда.

Для этого в уголовно-процессуальном законодательстве действует институт гражданского иска, правовая природа которого порождает в доктрине уголовного процесса оживленные дискуссии и в настоящее время. Вопрос о принадлежности гражданского иска исключительно к цивилистике или, напротив, к публичному по характеру уголовному процессу во все времена волновал ученых-юристов и не утрачивает своей актуальности сегодня. Актуальность данного вопроса обусловлена появлением нового витка в развитии института гражданского иска в уголовном судопроизводстве, в связи с множеством перемен, произошедших в области гражданского и гражданско-процессуального законодательства, так или иначе влияющих на его применение в рамках производства по уголовному делу. Кроме того, в теории уголовно-процессуального права часты дискуссии по вопросу применения гражданского иска в уголовном процессе, все чаще высказываются мнения о необходимости его исключения из публичной сферы, с целью максимально четкой дифференциации отраслей российского права.

Рассуждая о правовой природе института гражданского иска в уголовном процессе, стоит отметить, что как уголовно-процессуальный институт он довольно слабо разработан и по-

рождает множество споров в доктрине. В теории уголовного процесса относительного данного вопроса позиции ученых разделились на два противостоящих друг другу блока: одни утверждают, что институт гражданского иска наделен всеми чертами цивилистики и абсолютно не свойственен уголовному судопроизводству¹, другие, напротив, высказываются о его комплексном характере, не препятствующем применению в рамках уголовного процесса и способствующем эффективной защите прав потерпевших².

Ученые-юристы, рассматривающие гражданский иск как институт, правовая природа которого определена гражданским правом, обосновывая свою позицию, указывают на его диспозитивный характер, где превалирующее значение имеет усмотрение сторон, абсолютно несвойственное императивным нормам уголовного процесса. Кроме того, по их мнению, существование данного института в уголовном процессе существенно осложняет предварительное расследование, так как бремя доказывания заявленных исковых требований лежит на органах, осуществляющих уголовное преследование.

По нашему мнению, согласиться с данной точкой зрения довольно сложно, поскольку рассматриваемый институт, хотя является диспозитивным началом в уголовном процессе, однако имеет своей целью защиту прав и законных интересов потерпевших, то есть направлен на достижение назначения уголовного судопроизводства. Что же касается осложнения предварительного расследования, то устранить этот недоста-

1 Петрухин И. Л. Вправе ли кассационная инстанция изменить сумму гражданского иска по уголовному делу? // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 149; Бозров В. М. Гражданский иск в уголовном процессе неуместен // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 29–30.

2 Лившиц Ю., Тимошенко А. Назначение института гражданского иска в уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 6. С. 43–45; Горобец В. Гражданский иск в уголовном процессе // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 25–26; Милицин С., Пошкова Е. Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 46–48; Сысоев В., Храмцов К. Так ли уж неуместен гражданский иск в уголовном процессе? // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 67–68.

ток довольно легко, достаточно выдержать ту меру удовлетворения исковых требований, которая не выходит за рамки расследуемого уголовного дела.

О. А. Тарнавский рассматривает гражданский иск в уголовном процессе как особый институт, сочетающий в себе уголовно-процессуальные, гражданско-процессуальные, а также гражданско-правовые черты и признаки³. И. В. Жеребятьев в своем исследовании указывает на двойственный характер института гражданского иска в уголовном процессе, ввиду комплексности его правовой регламентации⁴.

Гражданский иск в уголовном процессе носит двойственный характер, так как наряду с уголовно-процессуальными нормами применяются положения гражданско-процессуального законодательства. Уголовное судопроизводство при рассмотрении и разрешении гражданского иска нуждается в применении норм ГПК РФ, регламентирующих, например, вопросы, связанные с заменой ненадлежащей стороны, основаниями прекращения производства по делу, формой и содержанием искового заявления, определением объема полномочий представителей, изменением размера исковых требований, а также предметом доказывания по гражданскому иску, и другие⁵.

Правоприменители и теоретики все чаще поднимают вопрос о необходимости включения в УПК РФ нормы, которая легализовала бы сложившуюся практику применения норм ГПК РФ и, как следствие, устранила споры среди специалистов. При этом важно понимать, что речь не идет о включении в УПК РФ гражданско-процессуальных норм. Это невозможно, так как гражданский иск, в случае его предъявления в рамках уголовного судопроизводства, наделяется целым рядом специфических черт. Так, например, гражданский иск в уголовном судопроизводстве подлежит доказыванию в порядке, предусмотренном УПК РФ, бремя доказывания возложено на органы, осуществляющие уголовное преследование. Подсудность гражданского иска находится в прямой зависимости от определения подсудности совершенного преступления. Заявление гражданского иска при производстве по уголовному делу освобождает гражданского истца, одновременно фигурирующего в деле в качестве потерпевшего, и гражданского ответчика от уплаты государственной пошлины. При рассмотрении гражданского иска в уголовном судопроизводстве не применимы такие гражданско-процессуальные институты, как уступка требования по иску другим лицам, подача встречного иска (исключение составляет объединение в одном уголовном деле встречных жалоб по делам частного обвинения).

По нашему мнению, для определения правовой природы гражданского иска в уголовном судопроизводстве необходимо на законодательном уровне закрепить его понятие и пределы применения норм ГПК РФ при рассмотрении и разрешении исковых требований гражданского истца. Предлагаем в УПК РФ консолидировать нормы, регламентирующие рассматриваемый институт, в отдельную статью, закрепив понятие гражданского иска: «Гражданский иск представляет собой требование гражданского истца к гражданскому ответчику о возмещении материального или морального вреда, при-

чиненного преступлением, разрешаемое судом совместно с уголовным делом»; а также пределы применения норм ГПК РФ: «При рассмотрении и разрешении гражданского иска по существу нормы гражданского и гражданско-процессуального законодательства применяются в части, дополняющей положения настоящего Кодекса и не противоречащей принципам уголовного судопроизводства».

Проведенное в данной работе исследование позволяет сделать вывод о том, что гражданский иск в уголовном процессе стоит рассматривать как правовой институт, носящий материально-процессуальный характер, где именно материальная сторона определяет природу заявленного гражданского иска. Его существование в уголовном судопроизводстве заключается в создании всех необходимых условий для полного и быстрого разрешения гражданского иска, установления виновных и возмещения ущерба или компенсации гражданскому истцу причиненного преступлением вреда.

Пристатейный библиографический список

1. Бадалян Г. Л. Преимущества рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1.
2. Бозров В. М. Гражданский иск в уголовном процессе неуместен // Российская юстиция. 2001. № 5.
3. Горобец В. Гражданский иск в уголовном процессе // Российская юстиция. 2000. № 9.
4. Жеребятьев И. В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: монография / Под ред. И. В. Жеребятьева. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004.
5. Лившиц Ю., Тимошенко А. Назначение института гражданского иска в уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 6.
6. Милицин С., Попкова Е. Уголовное дело и гражданский иск: вместе или порознь? // Российская юстиция. 2001. № 7.
7. Петрухин И. Л. Вправе ли кассационная инстанция изменить сумму гражданского иска по уголовному делу? // Советское государство и право. 1966. № 10.
8. Сысоев В., Храмцов К. Так ли уж не уместен гражданский иск в уголовном процессе? // Российская юстиция. 2001. № 10.
9. Тарнавский О. А. Гражданский иск в уголовном процессе: учебное пособие / Под общ. ред. А. П. Гуськовой. Оренбург: Издательство «ОГАУ», 2000.

3 Тарнавский О. А. Гражданский иск в уголовном процессе: учебное пособие / под общ. ред. А. П. Гуськовой. Оренбург: Издательство «ОГАУ», 2000. С. 83.

4 Жеребятьев И. В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: монография / под ред. И. В. Жеребятьева. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. С. 104.

5 Бадалян Г. Л. Преимущества рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1. С. 13.

Гусейнов А. А.

ЗАЩИТА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

В данной статье приведен обзор технических средств защиты участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: технические средства, государственная защита, уголовное судопроизводство

Huseynov A. A.

PROTECTION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS: TECHNICAL MEANS

This article provides an overview of technical means of protection of participants in criminal legal proceedings.

Keywords: technical means, state protection, criminal legal proceedings.

Гусейнов А. А.

При обращении к вопросу о технических средствах, используемых при защите участников уголовного судопроизводства, можно обнаружить, что в федеральных законах Российской Федерации № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹ (от 20 августа 2004 г.) и № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»² (от 20 апреля 1995 г.) о них [технических средствах] говорится следующим образом: «занимаемое защищаемым лицом жилище и его имущество могут быть оборудованы техническими средствами наблюдения, а также противопожарной и охранной сигнализацией», а также «органы, осуществляющие меры безопасности, могут выдавать защищаемому лицу специальные средства индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности», «виды выдаваемых защищаемому лицу специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности, а также порядок их выдачи устанавливаются Правительством Российской Федерации». Однако более развернутых сведений в тексте законов мы не находим.

Несколько раскрывают данный вопрос комментарии³ к законам. В них мы находим указание на: электрошоковые устрой-

ства и искровые разрядники отечественного производства, имеющие выходные параметры, соответствующие требованиям технических регламентов и нормам Минздравсоцразвития России; радиомаяки, радиостанции, сотовые и радиотелефоны, квартирные средства охранной сигнализации, «тревожные кнопки» и т.д. (например, средства тревожной сигнализации типа «Радиокнопка», «Кукла», «Миникредит-Л», «Клипса», «Браслет-Л», ИО 101-3 (ПФ-1), ИО 102-1/А, ИО102-2 (КНФ-1), извещатель охранный ручной электроконтактный «ТРК-1С», извещатель охранный ручной точечный электроконтактный ИО101-5/1 «Черепашка-1», радиопередающее устройство «Радиокукла», стационарное радиоприемное устройство РПУ «Астра-Р», стационарное радиопередающее устройство РПД «Астра-Р»).

Обратившись к существующим информационным ресурсам, мы выясняем, что на сегодняшний день в практике обеспечения безопасности лиц, нуждающихся в государственной защите, используется немало и других технических средств. Так, для того чтобы исключить визуальное наблюдение за защищаемым других участников судебного разбирательства, кроме судьи, применяют следующие способы допроса⁴:

– за ширмой со звуковым процессором эффектов, изменяющим голос до неузнаваемости;

– с использованием видеоконференцсвязи (через сеть Интернет с веб-камерами и при необходимости со звуковым процессором эффектов), при этом монитор компьютера должен быть обращен к судье таким образом, чтобы другие участники процесса только слышали, а не видели свидетеля;

– по телефону с использованием функции спикерфона (громкой связи).

Особенно успешным для использования видится мобильное переговорное устройство⁵. Оно состоит из усилителей,

1 Федеральный закон Российской Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/08/25/zakon-zashita.html> (дата обращения: 11.10.2015).

2 Федеральный закон Российской Федерации от 20 апреля 1995 г. №45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/10104593/> (дата обращения: 11.10.2015).

3 См.: Китрова Е. В., Кузьмин В. А. Комментарий к Федеральному закону от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (постатейный) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/commlaw/559> (дата обращения: 25.10.2015). См. также: Брусницын Л. В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/l_v_brusnitsyn/kommentariyi_zakonodatelstva_ob_obespech/read_online.html (дата обращения: 11.10.2015); Кобцова Т. С., Кобцов П. В., Смушкин А. Б. Комментарий к Федеральному закону от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного

судопроизводства» (постатейный) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/commlaw/1215> (дата обращения: 25.10.2015).

4 См. подробнее: <http://livelawyer.ru/ugolovnyj-protsess/zashchita?start=42> (дата обращения: 16.10.2015).

5 См. также: Куликов В. Допрос по секрету: Специальная аппаратура замаскирует свидетелей в суде [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/01/19/svidetel.html> (дата обращения: 12.10.2015); Мобильный комплекс защиты свидетелей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/infografika/20110127/327022881.html> (дата обращения: 12.10.2015);

микрофонов, наушников, громкоговорителей и устройств для передачи видеоизображения. Данное устройство позволяет искажать голос и передавать его (а также видеоизображение для судьи) на расстояние до 40 м по проводным каналам связи в одну или обе стороны. При этом свидетель может находиться как непосредственно в здании суда (в другом помещении), так и вне его (например, в автомобиле с тонированными стеклами, припаркованном рядом со зданием суда). Для того чтобы избежать подмены свидетеля, изображение транслируется на индивидуальный монитор судьи. К подобным техническим средствам относятся, к примеру, мультимедийный комплекс «АСТРЕЯ», IS Mechanics SRS Femida (Voice Changer)⁶. Как отмечают разработчики «Фемиды», аппаратная система искажения речи работает в реальном времени. При искажении голоса меняются только тембровые и звуковысотные составляющие речевого сигнала. Смысловая (текстовая) составляющая остается без изменения. Тембровые и звуковысотные характеристики, полученные в результате обработки (искажения) речевого сигнала, будут зависеть не от характеристик исходного сигнала, а от случайной функции и/или предустановленного речевого образца. При этом никакие шумы или импульсные помехи, как это сделано в аналогичных программных реализациях, к сигналу не добавляются, что предотвращает понижение разборчивости.

С целью осуществления более простой и удобной работы, а также предотвращения случайного отключения функций изменения голоса свидетеля в ходе судебного процесса – в системе отсутствует режим трансляции голоса без искажений.

Особое внимание разработчиков IS Mechanics SRS Voice Changer уделено разборчивости речи после изменений. В ходе опытной эксплуатации подсистемы экспертами установлено, что разборчивость речи не теряется и не изменяется.

Далее отметим, что федеральные суды общей юрисдикции оснащены системами контроля доступа, охранно-пожарной сигнализацией. А залы судебных заседаний и кабинеты судей – кнопки тревожной сигнализации. Судьям выдаются мобильные брелоки. Здания судов оборудуются системами наружного и внутреннего видеонаблюдения, позволяющими не только контролировать ситуацию в помещениях суда и на прилегающей территории, но и фиксировать действия правонарушителей⁷.

Все вышеперечисленное, конечно же, не исчерпывает всего спектра технических средств, применяемых в российской судебной практике. Но указывает на то, что проблема материально-технического обеспечения суда при государственной защите участников уголовного судопроизводства постепенно разрешается по сравнению с тем, как обстояли дела ранее⁸.

Плахотнюк Ю. И. Проблемы, возникающие при обеспечении безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном процессе, рекомендации и пути решения // Право: история, теория, практика: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2013 г.). СПб.: Реноме, 2013. С. 109–114.

6 Протоколирование и техническая фиксация судебных процессов IS Mechanics SRS Femida [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.femida.inforser.ru/golos/> (дата обращения: 12.10.2015).

7 Обеспечение безопасности судебной деятельности и личной безопасности судей: актуальные проблемы и вопросы реализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/action/conference/288511/> (дата обращения: 12.10.2015).

8 Крюкова Н. И. Проблемы обеспечения защиты свидетелей // Российская юстиция. 2012. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/m1100.html> (дата обращения: 12.10.2015); Нешитая О. Н., Марковичева Е. В. Актуальные проблемы государственной защиты свидетелей // Актуальные вопросы юридических наук: материалы II междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2015. С. 127–129.

Пристатейный библиографический список

1. Брусницын А. В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/l_v_brusnicyn/kommentariyi_zakonodatelstva_ob_obespech/read_online.html (дата обращения: 11.10.2015).
2. Китрова Е. В., Кузьмин В. А. Комментарий к Федеральному закону от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (постатейный) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/commlaw/559> (дата обращения: 25.10.2015).
3. Кобцова Т. С., Кобцов П. В., Смушкин А. Б. Комментарий к Федеральному закону от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (постатейный) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/commlaw/1215> (дата обращения: 25.10.2015).
4. Крюкова Н. И. Проблемы обеспечения защиты свидетелей // Российская юстиция. 2012. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/m1100.html> (дата обращения: 12.10.2015).
5. Куликов В. Допрос по секрету: Специальная аппаратура маскирует свидетелей в суде [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/01/19/svidetel.html> (дата обращения: 12.10.2015).
6. Мобильный комплекс защиты свидетелей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/infografika/201110127/327022881.html> (дата обращения: 12.10.2015).
7. Нешитая О. Н., Марковичева Е. В. Актуальные проблемы государственной защиты свидетелей // Актуальные вопросы юридических наук: материалы II междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2015.
8. Обеспечение безопасности судебной деятельности и личной безопасности судей: актуальные проблемы и вопросы реализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/action/conference/288511/> (дата обращения: 12.10.2015).
9. Плахотнюк Ю. И. Проблемы, возникающие при обеспечении безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном процессе, рекомендации и пути решения // Право: история, теория, практика: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2013 г.). – СПб.: Реноме, 2013.
10. Протоколирование и техническая фиксация судебных процессов IS Mechanics SRS Femida [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.femida.inforser.ru/golos/> (дата обращения: 12.10.2015).
11. Федеральный закон Российской Федерации от 20 августа 2004 г. №119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/08/25/zakon-zashita.html> (дата обращения: 11.10.2015).
12. Федеральный закон Российской Федерации от 20 апреля 1995 г. №45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/10104593/> (дата обращения: 11.10.2015).

Питецкий В. В.

ПОНЯТИЕ УКЛОНЕНИЯ ОТ СЛЕДСТВИЯ ИЛИ СУДА В СВЕТЕ ТОЛКОВАНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Большинство преступлений имеют определенные законом сроки давности (ст. 78 УК РФ). Истечение этих сроков влечет освобождение от уголовной ответственности. Исключением из этого предписания являются случаи, когда преступник уклоняется от следствия или суда. В статье рассматривается понятие уклонения от следствия или суда, а также его толкование Верховным Судом Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, уклонение от следствия или суда.

Pitetskiy V. V.

CONCEPT OF EVASION OF INVESTIGATION OR COURT IN THE LIGHT OF THE INTERPRETATION OF PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Most of the crimes have periods of limitation prescribed by law (Art. 78 of the Criminal Code). The expiration of these limits implies the exemption from criminal liability. The exceptions from this rule are the situations when the offender evades the investigation or trial. The concept of evading investigation or trial, its interpretation by the Supreme Court of the Russian Federation is stated in the article.

Keywords: criminal liability, exemption from criminal liability, evading investigation or trial.

Возможность применения уголовно-правовых последствий при совершении преступления ограничивается определенным временным промежутком, который в уголовном праве получил название сроков давности. В ч. 1 ст. 78 УК РФ закрепляется положение, в соответствии с которым лицо освобождается от уголовной ответственности, если с момента совершения им преступления истекли календарные сроки, определяемые видом и категорией преступления. В ее основе, прежде всего, лежит реализация принципа гуманизма, в соответствии с которым применение мер уголовно-правового воздействия является допустимым только тогда, когда достижим предполагаемый правовой результат. В силу большого временного разрыва между преступлением и ответственностью достижение целей восстановления социальной справедливости, исправления и предупреждения совершения новых преступлений может оказаться лишеным практического смысла либо просто невыполнимым. Кроме того, со временем утрачивает опасность для общества и лицо, совершившее конкретное преступление, если оно не продолжает дальнейших противоправных действий, направленных на уклонение от следствия или суда.

В ч. 3 ст. 78 УК РФ закреплена норма о том, что течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда. По своей юридической природе данное положение следует признать санкцией (негативным правовым последствием) за несоблюдение нормативного предписания – обязанности лица не препятствовать реализации уголовной ответственности в форме уклонения от следствия или суда. Несмотря на то, что рассматриваемая норма (ст. 78 УК РФ) выполняет важнейшую роль в уголовно-правовом регулировании и действует в каждом случае совершения преступления, единого понимания уклонения от следствия или суда ни в теории, ни на практике не сложилось. На наш взгляд, это связано с тем, что, будучи понятием материального права, его содержание, в силу бланкетности нормы, имеет явно уголовно-процессуальные корни. Уголовный закон использует понятия «следствие» и «суд», что предполагает для лица, совершившего преступление, необходимость находиться под следствием и быть привлеченным к уголовной ответственности судом. Вопросы применения

Питецкий В. В.

норм главы 11 УК РФ стали предметом рассмотрения Пленума Верховного Суда РФ, которым 27 июня 2013 г. было принято постановление «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» № 19 (далее – Постановление).

В теории уголовного права сложилось два основных подхода к пониманию уклонения от следствия или суда.

В соответствии с первой точкой зрения, уклонением от следствия или суда следует признавать любые действия виновного в совершении преступления лица, чтобы избежать уголовной ответственности, что ставит органы расследования перед необходимостью принятия специальных мер розыска¹, то есть активное негативное постпреступное поведение лица, совершившего преступление. К типичным способам уклонения при этом относят: заметание следов преступления, хранение «обета молчания» о совершенном преступлении, намеренная перемена места жительства, проживание без прописки, по чужим или поддельным документам, изменение фамилии, пластические операции с целью изменения внешнего вида². Некоторые исследователи при этом прямо указывают на то, что уклонение от следствия или суда возможно как в тех случаях, когда орган следствия или суд уже осуществили определенные процессуальные действия (избрана мера пресечения, предъявлено обвинение и др.), так и тогда, когда лицо скрывается в целях уклонения от уголовной ответственности, не будучи еще известным органам правопорядка и правосудия³. Следует обратить внимание на то, что, говоря об уклонении от следствия или суда как признаке ч. 3 ст. 78 УК РФ, фактически имеют в виду любое проявление уклонения от уголовной ответственности. Возможность уклонения от уголовной ответственности появляется с момента совершения преступления, когда воз-

- 1 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 256.
- 2 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ / под ред. В. В. Мозякова. М.: Экзамен, 2002. С. 136; Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 89.
- 3 Уголовное право России. Часть Общая. Учебник для вузов. 2-е изд. / под ред. Л. Л. Кругликова. М.: Востерс Клубер, 2005. С. 232.

никает материальное уголовное правоотношение. Подобная позиция прослеживается в некоторых решениях судов. Так, Верховный Суд РФ признал уклонением от следствия действия С., которые выразились в том, что он покинул место совершения преступления, выехал для проживания в другое государство, сменил фамилию и ограничил контакты со своими родственниками и ближним окружением. Все это, по мнению суда, указывает на его стремление уклониться от уголовного преследования и избежать уголовной ответственности за совершенные преступления. Ссылка осужденного на то, что он, уехав, скрывался не от правоохранительных органов, а от членов банды, была признана необоснованной, поскольку к тому времени деятельность банды уже была прекращена⁴. Однако такой широкий подход был подвергнут справедливой критике. Это связано с тем, что в нем фактически отождествляются разные социально-правовые явления – уклонение от следствия или суда и уклонение от уголовной ответственности. В этом смысле любые действия, не связанные с явкой с повинной непосредственно после совершения преступления (оставление места совершения преступления, перемещение в пространстве и др.), следует признавать неправомерными и влекущими, в соответствии с ч. 3 ст. 78 УК РФ, приостановление сроков давности. По нашему мнению, в таком случае существование нормы о сроках давности совершения преступления теряет всякий практический смысл. Кроме того, обозначенная позиция входит в противоречие с принципом презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ). В материально-правовом смысле на лиц, которые официально не признаются совершавшими преступления, не могут налагаться обязанности, связанные с совершением ими преступления. Поэтому отсутствие явки с повинной, в том числе и лица, который в последующем официально признан совершившим преступление, не должно влечь никаких отрицательных правовых последствий. Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 Постановления справедливо указал, что «отсутствие явки с повинной лица в случае, когда преступление не выявлено и не раскрыто, не является уклонением от следствия и суда».

Указанные обстоятельства привели к появлению иного подхода при определении уклонения от следствия или суда. Не может считаться скрывающимся от следствия и суда лицо, «которое не было установлено в качестве подозреваемого органами дознания или следователем и которому не было предъявлено обвинение в совершении конкретного преступления, даже если оно меняет место жительства, изменяет фамилию, внешность, живет по подложным документам и совершает иные действия с целью избежать уголовной ответственности»⁵. Под лицом, уклоняющимся от следствия или суда, следует подразумевать только обвиняемого (подсудимого), который, с целью избежать уголовной ответственности, умышленно скрывает от органов дознания, предварительного следствия или суда место своего нахождения. Не могут рассматриваться как уклоняющиеся от следствия и суда лица, которые хотя и скрываются после совершения преступления, но органам предварительного расследования о них неизвестно как о лицах, совершивших преступление⁶.

По мнению А. Н. Тарбагаева, следует различать фактическое и юридическое уклонение от следствия и суда. Фактическое уклонение – это правомерные действия, направленные на то, чтобы избежать уголовной ответственности и наказания. Например, в российском законодательстве отсутствует обязан-

ность лиц, совершивших преступления, являться в правоохранительные органы и заявлять о себе как о преступнике. Юридическим (юридически значимым) уклонением от следствия и суда являются неправомерные умышленные действия, выраженные в невыполнении ранее уже возникшей юридической обязанности предстать перед следствием и судом⁷. В целом поддерживая позицию о том, что не любые действия, направленные на уклонение от уголовной ответственности и наказания, приостанавливают течение сроков давности в смысле ч. 3 ст. 78 УК РФ, деление уклонения от следствия или суда на фактическое и юридическое представляется не совсем корректным. Дело в том, что «уклонение от следствия или суда» представляет собой фиксированный в законе признак правовой нормы, при наличии которого наступает правовое последствие – сроки давности совершения преступления приостанавливаются. В этом смысле любое уклонение от следствия или суда, если оно состоялось фактически, будет юридически значимым. Другое дело, что не любые фактические действия, направленные на уклонение от уголовной ответственности, будут являться уклонением от следствия или суда. Поэтому, полагаем, что в данном случае правильнее говорить об уклонении от уголовной ответственности, необходимость реализации которой порождает возникшее в связи с совершением преступления уголовное правоотношение.

Рассматриваемый подход к определению лица, уклоняющегося от следствия или суда, нашел отражение в п. 19 Постановления Пленума, где говорится, что «под уклонением лица от следствия и суда следует понимать такие действия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, которые направлены на то, чтобы избежать задержания и привлечения к уголовной ответственности (например, намеренное изменение места жительства, нарушение подозреваемым, обвиняемым, подсудимым избранной в отношении его меры пресечения, в том числе побег из-под стражи)». Таким образом, Верховный Суд связал понятие уклонения с наличием определенного уголовно-процессуального статуса. Уголовно-процессуальный статус представляет собой совокупность взаимосвязанных прав и обязанностей лица, которые возникают по различным основаниям (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель и т.д.) и предусматриваются уголовно-процессуальным законом. Статус подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления определяется системой норм УПК РФ, основные из которых закреплены в главе 7 «Участники уголовного судопроизводства со стороны защиты». В статьях 46 «Подозреваемый» и 47 «Обвиняемый» УПК РФ определяются основания, по которым возникает данный статус, а также права, которыми наделяются лица в связи с возникновением этого статуса (право пользоваться помощью защитника, право представлять доказательства и др.). Решение вопроса реализации названных прав находится в исключительной компетенции соответствующего субъекта, поэтому очевидно, что отказ от его реализации не может признаваться какой-либо формой уклонения от следствия или суда. Другое дело – неисполнение процессуальных обязанностей и правоограничений, которые также определяют содержание правового статуса. Полагаем, что любое нарушение обязанностей подозреваемого и обвиняемого будет направлено на воспрепятствование проведению расследования и судопроизводства. Однако формы такого воспрепятствования могут быть различны – как образующие уклонение от следствия или суда, так и не образующие. Это обстоятельство требует более подробного рассмотрения обязанностей подозреваемого и обвиняемого. Непосредственно в главе 7 УПК РФ обязанности указанных лиц не прописаны, однако могут быть выявлены путем анализа иных норм и ин-

4 Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18 февраля 2014 г. № 11-АПУ14-3 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Спарк, 2000. С. 381.

6 Аликиперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Законность. 1999. № 8. С. 12.

7 Тарбагаев А. Н. Что считать уклонением от следствия и суда, приостанавливающим течение срока давности, предусмотренного ст. 78 УК? // Уголовное право. 2008. № 4. С. 51.

ституты процессуального законодательства. Основные обязанности названных субъектов можно свести к двум группам.

К первой группе следует отнести обязанности, связанные с соблюдением правил примененной меры пресечения или иной меры процессуального принуждения:

- обязанность являться по вызову дознавателя, следователя или суда (ч. 2 ст. 102, ч. 2 ст. 112, ст. 188 УПК РФ и др.), которая заключается в необходимости прибыть в указанное время и место к соответствующему адресату, а также иметь при себе документы, подтверждающие личность. Нарушением указанной обязанности следует признавать неявку подозреваемого, обвиняемого в установленное место и время без уважительных причин.

- обязанность подозреваемого, обвиняемого не менять постоянного или временного места жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда при подписке о невыезде (ч. 1 ст. 102 УПК РФ). Убытие с постоянного или временного места жительства в другое постоянное или временное место жительства без уважительных причин будет ее нарушением.

- обязанность находиться в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля (ст. 107 УПК РФ). Нарушение ограничений, связанное с самовольным оставлением пределов жилого помещения, следует признавать неисполнением соответствующей обязанности.

- обязанность находиться под стражей в условиях изоляции от общества в соответствии с условиями, определенными Федеральным законом РФ от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Нарушение указанной обязанности будет выражаться в незаконном оставлении места содержания под стражей либо конвоирования в случае нахождения в органах расследования или суде.

Ко второй группе относятся обязанности не препятствовать каким-либо образом производству по уголовному делу. Их соблюдение способствует всестороннему и полному рассмотрению дела в минимально необходимый срок:

- обязанность не разглашать данные предварительного расследования, судебного заседания (ст. 161 УПК РФ), представляющие собой сведения о доказательствах по делу, участников уголовного судопроизводства и др. Нарушение указанной обязанности может повлечь уголовную ответственность в соответствии со ст. 310 УК РФ.

- обязанность соблюдать правила досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с положениями главы 40.1 УПК РФ. Содержание досудебного соглашения определяется конкретными обстоятельствами дела (ст. 317.1, 317.3 УПК РФ), а в случае его нарушения к лицу применяются правила назначения наказания, предусмотренные ст. 63.1 УК РФ.

- обязанность обвиняемого участвовать в судебном заседании (ст. 247 УПК РФ), которая предполагает необходимость лично предстать перед судом и дать свои объяснения по существу выдвинутого против него обвинения. В случае ее неисполнения суд вправе подвергнуть подсудимого, не явившегося без уважительных причин, приводу, а равно применить к нему или изменить ему меру пресечения.

- обязанность обвиняемого соблюдать порядок судебного заседания, подчиняться распоряжениям председательствующего или судебного пристава. При нарушении этого требования к лицу применяются меры воздействия в виде денежного взыскания (ч. 2 ст. 258 УПК РФ), удаления из зала судебного заседания (ч. 3 ст. 258 УПК РФ), привлечения нарушителя к административной ответственности (ч. 1 ст. 17.3 КоАП РФ).

Существенное отличие названных типов обязанностей подозреваемого и обвиняемого заключается в том, что первая

часть из них направлена на обеспечение нахождения лица в сфере уголовно-процессуального воздействия, как необходимого условия осуществления расследования и дальнейшего осуждения. Поэтому их нарушение следует признавать в качестве правового последствия ч. 3 ст. 78 УК РФ – уклонением от следствия или суда. Вторая группа обязанностей распространяется на подозреваемых и обвиняемых, которые находятся в сфере процессуального воздействия на них, поэтому нарушение данных обязанностей само по себе не может повлечь приостановление течения срока давности, а, как было показано выше, влечет самостоятельные процессуальные или материальные последствия.

Исходя из представленного понимания правовой природы уклонения от следствия или суда, следует решить вопрос о том, какие действия могут образовать такое уклонение. Пленум Верховного Суда в п. 19 Постановления указывает на примерные и наиболее типичные способы уклонения подозреваемого и обвиняемого: «намеренное изменение места жительства, нарушение подозреваемым, обвиняемым, подсудимым избранной в отношении его меры пресечения, в том числе побег из-под стражи». Намеренное изменение места жительства, безусловно, затрудняет процесс расследования и изблечения лица, совершившего преступление, ставит перед необходимостью проведения дополнительных следственных и оперативных действий. Однако такая деятельность должна признаваться уклонением не сама по себе, а во взаимосвязи с другими положениями законодательства, обязывающими находиться и не менять определенного места жительства, то есть раскрывающими содержание соответствующей меры пресечения или принуждения. Как верно отмечает А. Н. Тарбагаев, «если лицо, совершившее преступление, используя конституционное право на свободу передвижения, уедет из данной местности, нельзя считать, что оно скрывается от следствия и суда»⁸. Побег из-под стражи также не имеет самостоятельного значения, так как относится к нарушению меры пресечения.

Не образуют уклонения от следствия или суда различные формы процессуального или непроцессуального противодействия подозреваемого и обвиняемого следствию, если они не связаны с нарушением мер принуждения, при которых лицо не выбывает из-под влияния правоохранительных органов. В силу действия презумпции невиновности подозреваемого (п. 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ) и обвиняемому (п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) закон позволяет защищаться всеми средствами и способами, которые прямо не запрещены. Поэтому уклонением не являются выделяемые в теории «заметание следов» преступления, отказ от дачи показаний, дача ложных показаний, намеренное членовредительство, симуляция физического либо психического заболевания⁹.

В свете сказанного можно предложить следующую редакцию Постановления: «Под уклонением лица от следствия и суда следует понимать такие умышленные действия подозреваемого или обвиняемого, которые направлены на то, чтобы избежать задержания и привлечения к уголовной ответственности, выразившиеся в нарушении избранной в отношении его меры пресечения или иной меры процессуального принуждения (например, уклонение от явки в органы дознания, следствия или суда, намеренное оставление или изменение места жительства, побег из-под стражи)».

8 Тарбагаев А. Н. Что считать уклонением от следствия и суда, приостанавливающим течение срока давности, предусмотренного ст. 78 УК? // Уголовное право. 2008. № 4. С. 51.

9 Некоторые исследователи симуляцию физического либо психического заболевания относят к разновидности уклонения от следствия или суда. См., напр.: Богова И. А. Проблемы совершенствования института предотвращения уклонения обвиняемого от следствия и суда: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 10.

Не нашло однозначного понимания в науке и положение Постановления о том, что правоприменитель должен «проверить доводы лица о том, что оно не уклонялось от следствия и суда, в том числе и тогда, когда в отношении его объявлялся розыск». А. Кибальник справедливо ставит вопрос: вправе ли мы обязывать лицо доказывать, что оно не скрывалось от следствия и суда¹⁰? Полагаем, что на него следует ответить отрицательно. Срок давности совершения преступления предоставляется государству для возможности его выявить и раскрыть, что характеризует публичность возникшего правоотношения, соответственно и обязанность доказать нарушение срока (уклонение от следствия или суда) возлагается на органы государства. Хорошо известно, что доказать свою невиновность, как и отсутствие факта уклонения, в большинстве случаев просто не представляется возможным. В противном случае мы имели бы дело с презумпцией уклонения лица от следствия или суда, что, как показано было выше, стирает всякий смысл положений ст. 78 УК РФ. Однако, как нам видится, данное положение Постановления может иметь несколько иное прочтение. В нем говорится о применении положений ч. 3 ст. 78 УК РФ в случае уклонения лица, совершившего преступление, от следствия или суда (выделено нами – В. П.). Речь идет о том, что факт уклонения (нарушения подозреваемым, обвиняемым соответствующей обязанности), по мнению органов, является установленным. Мало того, этот факт может не оспариваться и самим уклоняющимся. Проверять доводы лица, в отношении которого нет подозрения в уклонении, лишено смысла. Однако для приостановления течения сроков давности следует выяснить причины нарушения процессуальной обязанности предстать перед следствием или судом, которые могут быть различными и, соответственно, иметь различное правовое значение, а для этого необходимо услышать доводы соответствующих лиц. По нашему мнению, на этом акцентирует внимание Пленум. Иными словами, не любое нарушение обязанности влечет правовое последствие. Например, нарушение обязанности в силу крайней необходимости, влияния стихийного бедствия, обострения заболевания, исполнения иной обязанности, совершения в отношении подозреваемого, обвиняемого преступления и иных случаев, когда воля и возможности субъекта существенным образом ограничиваются (в том числе, предстать перед следствием или судом), по нашему мнению, нельзя признавать достаточным для приостановления сроков давности совершения преступления. Объявление в отношении лица розыска по тем же причинам не влечет с неизбежностью признание его уклоняющимся и приостановление сроков давности. Достаточно типичными являются случаи, когда органами расследования действительное место нахождения лица установить не удается, через какое-то время в отношении его объявляется розыск, а впоследствии выясняется, что человек находится под стражей или отбывает наказание по другому уголовному делу. Суды в таких ситуациях справедливо уклонения от следствия или суда не признают. Так, президиум Московского городского суда отменил приговор Бутырского районного суда г. Москвы от 28 января 2009 г. в отношении К. в части осуждения по п. «а» ч. 2 ст. 116 УК РФ, производство по делу прекратил на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности. При этом суд указал, что К. не уклонялся от следствия и суда, а был задержан и арестован за совершение нового преступления, за которое отбывал наказание в виде лишения свободы, что не приостанавливает течения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, которые по каждому преступлению исчисляются самостоятельно¹¹. По другому

делу Волжский городской суд Волгоградской области постановил освободить Ф. от уголовной ответственности в связи с тем, что на момент объявления Ф. в розыск последний был задержан и содержался в следственном изоляторе, а следовательно, не мог скрываться от суда и являться по требованию суда самостоятельно. Доводы прокурора, что из общего срока давности должен быть исключен период нахождения Ф. в розыске, суд не может признать обоснованными, поскольку Ф. был объявлен розыск по уголовному делу, в связи с исполнением приговора суда, вступившим в законную силу¹².

С учетом изложенного, названное положение постановления Пленума следует признать прогрессивным, так как оно дает возможность подозреваемому и обвиняемому обосновать свою правовую позицию, возможный вынужденный характер неисполненной обязанности. В свете сказанного, более удачной могла бы быть следующая редакция Постановления: «При применении положений части 3 статьи 78 УК РФ о приостановлении сроков давности необходимо проверять доводы подозреваемого, обвиняемого о том, что его действия, направленные на то, чтобы избежать задержания и привлечения к уголовной ответственности, были вынуждены или стали следствием непреодолимой силы. Объявление лица в розыск само по себе не является достаточным основанием для признания лица уклоняющимся от следствия или суда».

Пристатейный библиографический список

1. Аликперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Законность. 1999. № 8.
2. Богова И. А. Проблемы совершенствования института предотвращения уклонения обвиняемого от следствия и суда: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998.
3. Кибальник А. Понимание Пленумом Верховного Суда освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2014. № 1.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ / под ред. В. В. Мозякова. М.: Экзамен, 2002.
6. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Спарк, 2000.
7. Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Журнал российского права. 2000. № 2.
8. Тарбагаев А. Н. Что считать уклонением от следствия и суда, приостанавливающим течение срока давности, предусмотренного ст. 78 УК ? // Уголовное право. 2008. № 4.
9. Уголовное право России. Часть Общая. Учебник для вузов. 2-е изд. / под ред. Л. Л. Кругликова. М.: Востерс Клувер, 2005.

gorsud.ru/inf/infunk/?id=e8342060-5f47-4e0f-81b2-7dabbe30e1f7 (дата обращения: 10.06.2015).

12 Постановление Волжского городского суда Волгоградской области по делу № 1-1110\10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-volzhsckij-gorodskoj-sud-volgogradskaya-oblast-s/act-101309095> (дата обращения: 10.06.2015).

10 Кибальник А. Понимание Пленумом Верховного Суда освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2014. № 1. С. 40.

11 Постановление президиума Московского городского суда № 44у-312/09 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mos>

Морин А. В.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В
СФЕРЕ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Статья посвящена отдельным пробелам в Федеральном законе от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка». Автор обращает внимание на необходимость дополнительной законодательной регламентации вопросов, связанных с: материальным стимулированием народных дружинников, требованиями к материальной оснащённости помещений дружин, единой символикой дружин и вопросами компенсации вреда, причиненного дружинникам.

Ключевые слова: участие граждан в охране общественного порядка, народный дружинник, общественный порядок, компенсация вреда, символика.

Morin A. V.
SOME ASPECTS OF IMPROVING LEGISLATION IN THE SPHERE OF CITIZENS'
PARTICIPATION IN PUBLIC ORDER PROTECTION

The article is devoted to certain gaps in the Federal Law of April 2, 2014 № 44-FZ «On Participation of Citizens in Protection of Public Order». The author draws attention to the need for further legislative regulation of issues related to: financial incentives for people's militia, the requirements for the material equipment of militia's facilities, uniform militia's symbols and issues of compensation for damage caused to people's militia.

Keywords: participation of citizens in the protection of public order, people's militia, public order, compensation for the harm, symbols.

Морин А. В.

Последние несколько лет характеризуются повышенным вниманием со стороны ученых, практиков и политических деятелей к вопросам взаимодействия общества и государства в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Причинами тому послужили определенные коррективы внутренней и внешней политики государства, связанные с событиями в Украине, падением цен на нефть и наличием ряда ограничительных мер, применяемых к России Евросоюзом, США и другими странами.

В этой связи система обеспечения национальной безопасности как совокупность государственных и общественных институтов, действующих в интересах достижения необходимого уровня защищенности личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности подверглась серьезным коррективам.

Режим экономии расходов госструктур ориентировал законодателя на поиск дополнительных путей и способов обеспечения общественного порядка и общественной безопасности минимальными средствами с максимальной эффективностью.

Одним из наиболее значимых и перспективных видится активное привлечение общественности к охране общественного порядка. В этих целях Федеральным законом № 44-ФЗ от 02 апреля 2014 г.¹ были созданы правовые условия для добровольного участия граждан Российской Федерации в охране общественного порядка.

Рассматриваемый Федеральный закон достаточно подробно определил принципы и основные формы участия граждан в охране общественного порядка и поиске лиц, пропавших без вести, особенности создания и деятельности общественных объединений правоохранительной направленности (целью которых является участие в охране общественного

порядка), порядок и особенности создания и деятельности народных дружин, а также правовой статус самих народных дружинников.

Обращает на себя внимание тот факт, что, будучи лишёнными органов муниципальной милиции, органы местного самоуправления в соответствии с вышеуказанным Федеральным законом № 44-ФЗ создают условия для деятельности добровольных народных дружин (далее – ДНД). Органы же государственной власти в целях обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности в соответствии с наделёнными полномочиями оказывают поддержку гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка.

В целом рассматриваемый закон предусматривает 5 основных форм участия граждан в охране общественного порядка:

- содействие правоохранительным органам (предусматривается возможность участия граждан в охране общественного порядка, в том числе при проведении массовых мероприятий) и информирование полиции о правонарушениях и угрозах общественному порядку;
- помощь правоохранительным органам в поиске пропавших без вести;
- работа в качестве внештатных сотрудников полиции (при соблюдении ряда предъявляемых законом требований);
- участие в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности по охране общественного порядка, предупреждению и пресечению правонарушений, распространению правовых знаний;
- участие граждан в охране общественного порядка в качестве добровольных народных дружинников.

Именно последней форме участия граждан в охране общественного порядка и следует уделить пристальное внимание. С ней связаны определенные перспективы улучшения ситуации в области предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений на территории Российской Федерации.

1 Об участии граждан в охране общественного порядка: федеральный закон от 02 апреля 2014 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 14. – Ст. 1536.

Так, в законе прописан порядок создания и деятельности ДНД, особенности приема в них граждан. Определены и некоторые полномочия дружинников, к которым необходимо отнести право требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных деяний, а также право применять физическую силу в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. Членство в ДНД предусматривает необходимость получения удостоверений, отличительной символики и формы, прохождение дружинниками специальной подготовки.

Рассматриваемым законом предусмотрен ряд правовых и социальных гарантий, а также мер поощрения для внештатных сотрудников полиции и народных дружинников. Значимым представляется особое указание в тексте закона на запрет участия граждан в охране общественного порядка, если подобное участие заведомо предполагает угрозу их жизни и здоровью.

Законодательство субъектов Российской Федерации в ряде случаев конкретизирует положения рассматриваемого закона в части, касающейся вопросов материального стимулирования, предоставления льгот и компенсаций народным дружинникам, а также материально-технического обеспечения деятельности добровольных народных дружин.

Вместе с тем, несмотря на достаточно подробную законодательную регламентацию вопросов организации и деятельности ДНД, существует ряд аспектов деятельности, нуждающихся в дополнительном осмыслении и возможной доработке с учетом богатого исторического опыта, накопленного в результате деятельности дружин еще в советский период.

Прежде всего, несмотря на определенную финансовую обособленность и самостоятельность муниципалитетов, необходимым видится установление более четких границ материального стимулирования народных дружинников (посредством выплат разовых вознаграждений или «зарботных плат») за осуществление ими предусмотренной законом деятельности.

Особое внимание необходимо уделить единству требований к материальному оснащению предоставляемых дружинам органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления помещений, требований к техническим и иным материальным средствам, которые необходимы для организации и деятельности дружин. Необходимо на федеральном уровне установить единые требования и к отличительной символике ДНД, а также к выдаваемой дружинникам форме, дабы создать единый образ дружинника, за исключением образа дружинника из числа членов казачьих обществ.

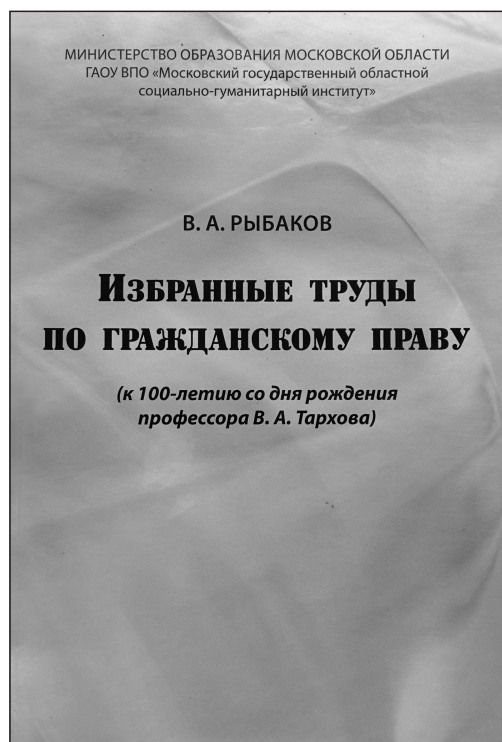
Дискуссионным представляется и вопрос, связанный с необходимостью организации сдачи удостоверений народных дружинников на хранение в штаб дружины после несения ими службы с целью исключения возможных фактов злоупотребления ими «служебным положением». Альтернативой видится лишь установление ответственности добровольных дружинников за подобного рода действия, что, на наш взгляд, контрпродуктивно.

Интересными видятся возможности института страхования в обеспечении прав добровольных дружинников² и досудебных процедур при урегулировании споров с их участием³.

Предоставление же компенсаций членам семьи народного дружинника в случае его гибели (смерти) вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в период участия в проводимых органами внутренних дел (полицией) или иными правоохранительными органами мероприятиях по охране общественного порядка, должно осуществляться не по соответствующим заявлениям заинтересованных лиц, а посредством одностороннего, обязательного (или безусловного) волеизъявления соответствующих органов государственной власти. Причем процессуальный порядок сбора необходимых в подобных случаях документов, подтверждающих факт получения увечья или повреждения, должен быть детально регламентирован и возлагаться на соответствующие компетентные органы. Подобная процедура, как представляется, необходима в целях недопущения изменения формируемого положительного общественного мнения об организации и деятельности ДНД на всей территории Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Игбаева Г. Р. Гражданско-правовая характеристика договора страхования // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 9.
2. Игбаева Г. Р., Шакирова З. Р. Досудебные неюрисдикционные процедуры урегулирования споров и медиация // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 1 (80).

2 Игбаева Г. Р. Гражданско-правовая характеристика договора страхования // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 9. – С. 15–18.

3 Игбаева Г. Р., Шакирова З. Р. Досудебные неюрисдикционные процедуры урегулирования споров и медиация // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 1 (80). – С. 185–186.

Рагулина И. Т.
ИНСТИТУТЫ ПОМОЩНИКА АДВОКАТА И СТАЖЕРА АДВОКАТА
В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье на основе детального ретроспективного анализа рассматривается развитие институтов стажера адвоката и помощника адвоката в российском праве.

Ключевые слова: стажер адвоката, помощник адвоката, адвокат, адвокатура.

Ragulina I. T.
INSTITUTES OF THE PARALEGAL ASSISTANT AND ADVOCATE'S TRAINEE
IN RUSSIAN LAW: RETROSPECTIVE ANALYSIS

Based on the detailed retrospective analysis the author of the article considers the development of institutes of the advocate's trainee and paralegal assistant in Russian law.

Keywords: advocate's trainee, paralegal assistant, attorney, legal profession.

Рагулина И. Т.

Институты помощника адвоката и стажера адвоката являются значимыми звеньями в структуре российской адвокатуры, поскольку стажеры и помощники адвоката не только содействуют осуществлению адвокатской деятельности, но и представляют собой будущее поколение отечественных адвокатов¹.

Актуальность исследования вопросов правового статуса помощника и стажера адвоката² обуславливает и необходимость проведения детального ретроспективного анализа данной научной проблемы, поскольку, по обоснованному мнению Ю. Ф. Лубшева, исторический взгляд на становление и развитие адвокатуры в России позволяет видеть ее не только в статике, но и в динамике, прошлое адвокатуры раскрывает многие важные свойства ее современного положения. Используя метод конкретно-исторического подхода к социальному явлению, можно объективно разобраться в сути адвокатуры во всей ее полноте и сложности, поэтому знание истории является надежным способом понимания современной адвокатуры³.

Первое упоминание о лицах, содействующих правозащитной деятельности, в действующих на территории Российской империи нормативных актах встречается в Польской Конституции 1678 г., согласно которой выделялись два типа судебных представителей. Первоначально патроном (защитником) и его помощником (депендентом) могли быть исключительно дворяне (шляхтичи).

Конституция 1764 г. несколько смягчила это правило, допустив к судебному представительству (за исключением представительства в Коронном Трибунале) лиц разного социального положения. Согласно нормативным предписаниям помощник патрона для приобретения права самостоятельно осуществлять деятельность по судебному представительству должен был находиться в статусе депендента в течение четырех лет: в первый год помощник только слушал речи адвокатов, упорядочивал документы в канцелярии, а в последующие годы по поручению патрона он уже был вправе делать самостоятельные выписки из материалов дела, готовить и редактировать иски, заявления, жалобы, ходатайства. По завершении

четырёхлетней подготовки помощник принимал присягу, после чего он сам вправе был становиться патроном⁴.

Таким образом, институт помощника лиц, осуществляющих правозащитную деятельность, впервые появился на территории Российской империи в связи с присоединением к ней в начале XIX в. частей Королевства Польского и Великого княжества Литовского, где этот институт существовал начиная с середины XVI в., при этом он основывался на нормативно-правовой базе этих государств (Польских конституций и Литовском статуте) и действовал до ее полной отмены, произошедшей в 1840 г.

В результате проведения судебно-правовой реформы 1864 г. наряду с сословием присяжных поверенных был учрежден институт помощников присяжных поверенных, хотя следует признать, что в ст. 354 УСУ этот институт упоминался лишь косвенно.

Нормативная регламентация деятельности помощников присяжных поверенных фактически оказалась в зачаточном состоянии, а организационно-правовые основы института помощничества не были единообразны и имели свои особенности в пределах конкретного судебного округа.

В большинстве регионов России было установлено, что помощниками принимаются лица, получившие высшее юридическое образование и представившие дипломы, аттестаты или удостоверения об окончании курса юридических наук в высших учебных заведениях или о том, что они выдержали экзамен в высших учебных заведениях. Помощниками присяжных поверенных не могли быть лица, не соответствующие требованиям УСУ к личности присяжного поверенного. Следует отметить, что в число присяжных поверенных и их помощников не допускались государственные служащие, а также лица женского пола.

Деятельность помощников присяжных поверенных в Российской империи осуществлялась в следующих формах: участие в теоретических занятиях; судебное представительство; участие в работе юридических консультаций; оказание помощи присяжным поверенным при работе по делам, находившимся у них в производстве.

Помощники присяжного поверенного, при их участии в уголовных делах, ввиду того, что они фактически осуществляли функции присяжных поверенных, а в положениях УСУ не имелось каких-либо ограничений на этот счет, в полной мере пользовались правами защитника, такими же, как и присяжные поверенные. Для ведения гражданских дел в судах, помощники присяжного поверенного фактически были вынуждены становиться частными поверенными, что создавало

1 Рагулин А. В., Шайхуллин М. С. Современные проблемы и тенденции профессионального развития адвоката // Евразийская адвокатура. 2013. № 5(6). С. 42–57.

2 Кантюкова И. Т. Проблемы определения функционального назначения деятельности помощника и стажера адвоката и пути их решения // Адвокатская практика. 2014. № 2. С. 30–34.

3 Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России: учебник. 2-е изд. М.: Профобразование, 2002. С. 66.

4 Синеокий О. В. Адвокатура как институт правовой помощи и защиты. Х.: Право, 2008. С. 56–59.

неясности в правовом статусе помощников и в определении конкретного содержания их прав и обязанностей, при том, что права и обязанности этих лиц, как уже ранее упоминалось, не имели под собой нормативно-правовой основы.

Занятие юридической практикой для последующего приобретения помощником присяжного поверенного статуса присяжного поверенного являлось обязательным.

Задача выработки правил, регламентирующих деятельность помощников присяжных поверенных, которые бы устраивали и их, и присяжных поверенных во главе с Советами в XIX в. так и не была решена. В XX в., на фоне политической борьбы, обострившей внутренние противоречия как в государстве, так и в адвокатуре, эта задача и вовсе отошла на второй план. Несмотря на то, что Советы присяжных поверенных Санкт-Петербургского и Московского округов, где рост численности помощников присяжных поверенных был наиболее интенсивным, первыми активно занялись решением вопроса, касающегося статуса помощников, оптимальная модель института помощничества так и не была найдена, хотя разработка проектов правил о помощниках присяжных поверенных и их обсуждение продолжались вплоть до 1917 г. Все попытки самой адвокатуры упорядочить организацию помощников присяжных поверенных были неудачными ввиду отсутствия законодательного основания для установления над ними власти советов присяжных поверенных.

В итоге к началу XX в. в российской адвокатуре сложились два сообщества: присяжные поверенные, возглавляемые советами, и помощники присяжных поверенных, возглавляемые комитетами и комиссиями, которые постепенно начали проводить собственные общие собрания, и нередко высказывали идеи об отсутствии необходимости подчиняться указаниям Советов присяжных поверенных.

На основании изложенного выше представляется необходимым отметить, что в Судебных уставах 1864 г. не были прямо закреплены нормы о правовом статусе помощников присяжных поверенных, не были обозначены организационные формы этого института, не содержались правила получения статуса помощника присяжного поверенного и не был предусмотрен круг их функциональных обязанностей и иные характеристики, однако в результате проведения судебно-правовой реформы 1864 г. была сформирована минимально необходимая на тот момент времени нормативная база для формирования института помощников присяжных поверенных.

Основанные на этой базе действия и решения Советов присяжных поверенных привели к институционализации сословия помощников присяжных поверенных.

Анализ значения института помощников присяжных поверенных для развития отечественной правозащитной деятельности показывает, что он выполнил свою главную задачу – способствовал принятию в адвокатскую корпорацию лиц, отвечающих формальным цензам и приобретших за годы помощничества и надзора за ними со стороны присяжных поверенных-патронов и Советов присяжных поверенных достаточный опыт практической деятельности.

Анализ содержания нормативно-правовой базы, регламентирующей вопросы организации адвокатуры и адвокатской деятельности, показывает, что после ликвидации дореволюционной присяжной адвокатуры, вопросы законодательной регламентации правового положения лиц, содействующих осуществлению адвокатской деятельности, не возникали и не были отражены в каких-либо нормативных актах.

В Положении «О коллегии защитников» от 5 июля 1922 г. институт стажировки не предусматривался, но ввиду необходимости формирования кадрового состава адвокатуры данный институт фактически существовал на ненормативной основе, при этом фактически стажеры были приравнены к членам коллегии защитников и пользовались всеми правами, предоставленными защитникам, по положению о судеустройстве, и несли дисциплинарную ответственность наравне с членами коллегии защитников.

Институт стажера адвоката впервые получил свое нормативное закрепление в Постановлении Совета народных комиссаров СССР от 16 августа 1939 г. № 1219 «Об утверждении Положения об адвокатуре СССР», а организационные аспекты деятельности стажера адвоката получили нормативное закрепление в Инструкции Народного комиссариата юстиции СССР от 23 апреля 1940 г. № 47 «О порядке прохождения стажерами практики в юридических консультациях коллегий адвокатов».

В последующем была сохранена двухуровневая система регулирования правового положения стажеров адвокатов посредством положений об адвокатуре, принимаемых республиками, входившими в состав СССР, и инструкций Министерства юстиции СССР.

Изначально вопросы прикрепления в качестве стажеров получили поверхностную правовую регламентацию (Инструкция 1940 г.), однако в последующем было введено направление на стажировку через Министерство юстиции (Инструкция 1950 г.), что существенно сократило возможности приема в адвокатуру всех желающих лиц. С принятием Инструкции 1973 г. спектр лиц, принимаемых в число стажеров, был расширен за счет лиц, освобожденных от государственного распределения и иных лиц, подавших заявления (п. 2.1). Данное правило было сохранено и в Инструкции 1986 г.

Целью прохождения стажировки определялась подготовка стажеров к самостоятельной адвокатской работе (Инструкция 1940 г.). В Инструкции 1950 г. определена аналогичная по смыслу цель, но речь уже велась не об адвокатской работе, а о самостоятельной адвокатской деятельности. Эта формулировка по своему смысловому содержанию в большей степени соответствовала особенностям предназначения адвокатуры. В Инструкции 1973 г. цель стажировки определялась аналогичным образом. В Инструкции 1986 г. цели стажировки были определены более развернуто: приобретение теоретических и практических навыков для выполнения обязанностей адвоката, углубленное изучение специфики работы адвоката, ее научной организации, разносторонней деятельности президиумов коллегий, выявление качеств специалиста в целях его наиболее целесообразного и эффективного использования в коллегии адвокатов.

Первоначально единственным юридически закрепленным требованием к стажерам было наличие юридического образования (Инструкция 1940 г.), а также отсутствие лишения избирательных прав, судимости и ненахождение кандидатов в стажеры на государственной службе или под следствием или судом (Положение об адвокатуре СССР 1939 г.). В последующем требования к уровню образования стажеров были увеличены до необходимости наличия высшего юридического образования (Положение об адвокатуре 1962 г., Инструкция 1973 г., Положение об адвокатуре 1980 г., Инструкция 1986 г.).

Срок стажировки первоначально устанавливался длительностью до одного года, с возможностью его сокращения в случае успешного прохождения стажировки (Инструкция 1940 г.), а затем получил более детальную правовую регламентацию в зависимости от уровня образования стажера: шесть месяцев (высшее юридическое образование) или один год (среднее юридическое образование). При этом Министерству юстиции союзной республики предоставлялось право, по ходатайству Президиума коллегии адвокатов, сокращать срок стажировки (Инструкция 1950 г.). Затем срок стажировки был установлен менее конкретно: не менее шести месяцев (Положение об адвокатуре 1962 г.), но к завершению настоящего периода он стал относительно определенным: от шести месяцев до одного года (Положение об адвокатуре 1980 г., Инструкция 1986 г.), при этом для достижения целей стажировки было введено правило, согласно которому в срок стажировки не засчитывалось длительное отсутствие стажера по причинам болезни, отпуска по беременности и родам, призыва на военные сборы и иным обстоятельствам (Инструкция 1986 г.).

Единая типовая программа стажировки была введена лишь с принятием Инструкции 1986 г., в которой предусма-

тривалось, что она должна была дополняться индивидуальными планами, разработанными непосредственно руководителями стажировки и утверждаемыми Президиумом коллегии адвокатов. До этого определение программы стажировки нормативно не регламентировалось, а ее составление производилось индивидуально для каждого стажера.

Функциональное назначение деятельности стажеров изначально в большей части было определено опосредованно, через перечисление круга обязанностей руководителя стажировки. Прямые указания содержались лишь относительно необходимости предоставления отчетов, участия в производственных совещаниях и конференциях, а также иных мероприятиях, проводимых Президиумом коллегий адвокатов (Инструкция 1940 г.). В Инструкции 1950 г. функциональное назначение деятельности стажеров уже было определено методологически верно, поскольку в ней перечислялся перечень действий, которые должны были быть выполнены стажером на различных этапах стажировки, причем этот перечень был расширен. Основным нововведением явились предоставление стажеру права самостоятельного ведения дел и обязанности прохождения процедуры обсуждения его выступлений по делам и рецензирования его документов, а также ведения дневника стажировки. Инструкцией 1973 г. осуществлено введение указания на необходимость изучения стажером методики оказания правовой помощи предприятиям, учреждениям, колхозам и другим организациям, а также обязанность соблюдения правил внутреннего распорядка коллегии адвокатов, добросовестного выполнения поручений Президиума коллегии, заведующего юридической консультации и руководителя стажировки. Данный круг прав и обязанностей сохранен и в Инструкции 1986 г.,

Совершенствовались и подходы к определению порядка начисления заработной платы стажеров. Изначально было установлено, что заработная плата стажеров составляет от 350 до 500 рублей в месяц, при этом поступающая в юридические консультации оплата за работу, выполняемую стажерами, должна была перечисляться консультациями в специальный фонд Президиумов коллегий адвокатов (Инструкция 1940 г.). В Инструкции 1950 г. при сохранении того же объема фиксированной заработной платы стажер был вправе претендовать на ее увеличение до максимального размера в сумме 500 рублей за счет средств, получаемых от самостоятельного ведения дел. Денежные средства, превышающие эту сумму, поступали в специальный фонд Президиумов коллегий адвокатов. Впоследствии произошел отказ от жесткой нормативной регламентации размера оплаты труда стажеров, и было установлено, что заработная плата стажерам выплачивается в размере, который специально определялся общим собранием коллегии адвокатов (Инструкция 1973 г., Инструкция 1986 г.).

В Инструкции 1986 г. предусматривалось важное с точки зрения социальной защиты стажера адвоката правило, согласно которому стажеры в отношении условий труда, стажа работы, рабочего времени, отпуска и пособия по социальному страхованию пользуются правами, установленными для членов коллегий адвокатов.

Совершенствовался и порядок рассмотрения вопросов о принятии лиц, прошедших стажировку, в члены коллегии адвокатов. По Инструкции 1940 г. существовала двухступенчатая система зачисления стажеров в состав коллегий адвокатов: заключение заведующего юридической консультацией – решение Президиума коллегии адвокатов. В Инструкции 1950 г. эта система была усложнена и фактически введена пятиступенчатая система зачисления стажеров в состав коллегий адвокатов: заключение руководителя стажировки – решение производственного совещания юридической консультации – решение заведующего консультацией – решение кадровой комиссии при Президиуме коллегии адвокатов – решение Президиума коллегии. В итоге, согласно Инструкции 1986 г. из данной системы было исключено решение производственного совещания юридической консультации, а также было произведено нормативное закрепление статуса и полномочий комиссии по стажерам, действующей при Президиуме коллегии адвокатов.

Порядок отчисления стажеров из коллегий адвокатов также постепенно совершенствовался в целях усиления защиты прав стажеров и сохранения кадров в рядах адвокатуры. Если по Инструкции 1940 г. Президиум коллегии адвокатов фактически был вправе по истечении 6 месяцев стажировки отчислить стажера, то по Инструкции 1950 г. было предписано представлять дополнительный трехмесячный срок стажировки, а окончательное решение об отчислении стажера из коллегии принималось Министерством юстиции союзной республики (применительно к стажерам, имеющим среднее юридическое образование) или Министерством юстиции СССР (относительно стажеров, имеющих высшее образование). В Инструкции 1973 г. необходимость согласования отчисления была установлена только в тех случаях, когда стажер был направлен Министерством юстиции. В Инструкции 1986 г. была введена возможность обжалования отчисления стажера из коллегии адвокатов в судебном порядке.

Первоначально ответственность за надлежащее прохождение стажировки возлагалась на заведующих юридическими консультациями (Инструкция 1940г.), а затем она вполне обоснованно была возложена на лиц, непосредственно руководивших стажировкой, а заведующим предписывалось осуществлять контроль за выполнением плана стажировки и создавать для этого необходимые условия. (Инструкция 1950 г., Инструкция 1973 г., Инструкция 1986 г.).

Инструкцией 1950 г., по сравнению с Инструкцией 1940 г., сокращалось количество отчетов стажеров перед юридической консультацией (с ежемесячного до одного раза в два месяца) и коллегией адвокатов (с двух раз до одного раза при наличии в коллегии более десяти стажеров). В Инструкции 1986 г. была введена обязанность стажера готовить письменный отчет о результатах стажировки.

С течением времени увеличивались и требования к руководителям стажировки: первоначально к ним предъявлялось лишь требование наличия опыта работы (Инструкция 1940 г.). Затем были введены требования к уровню их образования, которые со временем повышались: по Рекомендациям 1944 г. требовалось высшее или среднее образование, по Инструкции 1950 г. – высшее образование.

Какое-либо стимулирование деятельности руководителей стажировки первоначально не предусматривалось (Инструкция 1940 г.). Затем было введено нематериальное стимулирование в виде освобождения адвокатов-руководителей стажировки от иных общественных поручений, существующих в конкретной коллегии адвокатов (Рекомендации 1944 г.), а в более поздний период было введено материальное стимулирование деятельности руководителей стажировки за счет средств коллегии адвокатов (Инструкция 1973 г.), которое было сохранено до конца рассматриваемого периода (Инструкция 1986 г.).

Нормативная регламентация правового статуса стажера адвоката, установленная Положением об адвокатуре 1980 г. и Инструкцией 1986 г., и правовой вакуум относительно статуса помощника адвоката просуществовали вплоть до принятия в 2002 г. Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Пристайный библиографический список

1. Кантюкова И. Т. Проблемы определения функционального назначения деятельности помощника и стажера адвоката и пути их решения // Адвокатская практика. 2014. № 2.
2. Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России: учебник. 2-е изд. М.: Профобразование, 2002.
3. Рагулин А. В., Шайхуллин М. С. Современные проблемы и тенденции профессионального развития адвоката // Евразийская адвокатура. 2013. № 5(6).
4. Синеокий О. В. Адвокатура как институт правовой помощи и защиты. Х.: Право, 2008.

Нурмухаметова И. Ф.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ*

В статье рассматривается вопрос об изучении социальных и психологических проблем молодежи в полиэтнической среде. Дается краткий анализ изученности вопроса в сфере предупреждения и преодоления межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Делается акцент на возможных социальных и психологических проблемах молодежи, находящихся в полиэтнической среде, на необходимости их выявления с целью разработки экспериментально обоснованных действенных способов и технологий научного прогнозирования, предупреждения и преодоления межнациональных и межконфессиональных конфликтов в молодежной среде.

Ключевые слова: психологическая проблема, социальная проблема, конфликты, ксенофобия, этнос, межличностные отношения, полиэтническая среда.

Nurmukhametova I. F.

TO THE QUESTION ABOUT THE NECESSITY OF STUDYING THE PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL PROBLEMS OF YOUTH IN A MULTI-ETHNIC COMMUNITY

The article discusses the study of social and psychological problems of youth in the multiethnic environment. A brief analysis of the state of knowledge in the field of preventing and overcoming ethnic and religious conflicts is given. The focus is made on the possible social and psychological problems of youth in the multiethnic environment, the need to identify them with the aim of developing effective and experimentally justified methods and techniques of scientific forecasting, preventing and overcoming ethnic and religious conflicts in the youth environment.

Keywords: psychological problem, social problem, conflict, xenophobia, ethnicity, interpersonal relations, multi-ethnic environment.

Нурмухаметова И. Ф.

Проблематика межнациональных и межконфессиональных отношений всегда являлась актуальной для России и ее регионов в силу многонационального состава населения, национально-культурного, языкового и конфессионального многообразия. Значимость анализа состояния и прогноза межнациональных отношений, причин возникновения конфликтов в полиэтнической среде особенно возросла в последние десятилетия развития российского общества, т. к. многонациональная среда представляет собой определенный образ существования, деятельности и коммуникации лиц разной национальности и народностей в четко означенных исторических, общественных отношениях. Полиэтническая среда вбирает в себя ту общность людей, которая имеет место быть вокруг человека, такая среда представляет собой совокупность сущности и жизни человека и нации, материальных и духовных аспектов жизнедеятельности лиц разных народов в четко обозначенном социальном пространстве и времени, в определенных географических и исторических рамках, что формируют человека как субъекта этнического самосознания и культуры, через которую идет процесс присвоения общечеловеческой культуры. Специфический оттенок в плане этноса имеет и поведение человека в социуме. Множество общественных связей человека в полиэтнической среде отражается на его социальном положении, статусе, вероисповедании и т. д.

В этой связи следует отметить такую злободневную проблему, как межэтнические и межконфессиональные конфликты, ксенофобии относительно представителей других этнических групп, национальностей и религий. Этнический конфликт зачастую являет собой феномен политический,

так как даже если трансформация ситуации предполагается лишь в культурно-языковой либо социально-экономической областях, достигнуть намеченного возможно только за счет обретения власти, под которой чаще всего понимается умение и возможность конкретной группы лиц делать те или иные распоряжения в адрес других¹.

Предпосылками этнических конфликтов и конфликтных ситуаций как в многонациональной республике, так и в стране в целом могут быть неравноправие в разных социальных аспектах жизнедеятельности человека; с точки зрения представителей этнических меньшинств в малой степени задействие их языка и культурных символов в общественной жизни; несовпадение государственных или административных границ с границами расселения народов, конфессиональных границ, включая различия в уровне религиозности населения; опасность краха привычного образа жизни, духовной культуры и пр. В целом все вышеозначенное пробуждает у человека определенной этнической общности защитные механизмы. Например, отречение от обыкновенных ценностей подразумевает под собой факт преобладания ценностей господствующего этноса, влечет за собой чувство второсортности, представления о национальном неравенстве². История исследования этнических конфликтов сравнительно молода, в то время как сами этносы изучаются давно и проявили себя как многоаспектное явление, требующее комплексного и междисциплинарного подхода, обращения к широкому кругу разнообразных источников³.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-00142 «Изучение социальных и психологических проблем молодежи в полиэтнической среде и разработка способов предупреждения и преодоления межнациональных и межконфессиональных конфликтов»).

- 1 Кутявина Е. Е. Причины этнических конфликтов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1. С. 241–248.
- 2 Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М.: Аспект Пресс, 1996.
- 3 Гуриева С. Д. Современные способы урегулирования межэтнических конфликтов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 1. С. 16–29.

Проблемами конфликтов в межэтническом взаимодействии занимались такие известные отечественные и зарубежные ученые, как А. В. Глухова, А. Г. Здравомыслов, Б. В. Коваленко, В. А. Кременюк, М. М. Лебедева, А. И. Пирогов, О. А. Рыжов, Д. М. Фельдман, П. А. Цыганков, Л. А. Козер, У. Фольц и др.

Идеи, представляющие конфликт как позитивный фактор социокультурного развития, отражены в работах таких ученых, как Р. К. Болдинг, Р. Дарендорф, М. Дойч, Г. Зиммель, Л. А. Козер.

Разработкой оснований для последующей типологизации этнических конфликтов занимались В. А. Авксентьев, Л. М. Дробижева, Д. Б. Малышева, З. В. Сикевич, Г. Хофстед, Я. Этингер.

Конструктивистский, инструменталистский и релятивистский подходы к интерпретации феномена этнокультурной идентичности реализованы в исследованиях Б. Андерсона, Ф. Барта, К. Вердери, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, С. Хантингтона и других зарубежных исследователей, впоследствии получив развитие в контексте российского этнологического дискурса, прежде всего в работах Р. Абдулатипова, А. Г. Здравомыслова, В. Малахова, В. А. Тишкова, С. В. Чешко и других авторов.

Теоретический анализ данной проблемы показал, что в проведенных исследованиях, посвященных межэтническим и межконфессиональным конфликтам, не уделялось должного внимания таким возможным причинам их возникновения, как социальные и психологические проблемы молодежи в полиэтнической среде. Современное молодое поколение россиян сформировалось в новых общественных условиях, его система ценностей имеет развитые этнокультурный и этнорелигиозный компоненты. Именно молодые люди сегодняшнего дня составляют особую группу, определяющую настоящее и будущее российского общества. В то же время молодежь является «группой риска», обладающей латентным конфликтным потенциалом, который при неблагоприятных социально-экономических и политических условиях способен трансформироваться в конфликтные действия⁴.

Как известно, в ситуации активного взаимодействия культур в полиэтническом сообществе происходит взаимопроникновение «социокультурных систем координат» социальных общностей. Вместе с тем процессы межкультурной коммуникации в полиэтническом сообществе имеют и негативные социальные последствия, особенно в молодежной среде, отличающейся склонностью к категоричности суждений и «крайним» взглядам на решение межэтнических и социальных проблем. Республика Башкортостан, имея многонациональный состав населения, относится к регионам России с благоприятными межнациональными и межконфессиональными отношениями. Она может являться площадкой для отработки технологии выявления, анализа и предотвращения конфликтов в молодежной среде, возникающих на межнациональной и межконфессиональной почве.

Данное исследование, проводимое в рамках научного проекта «Изучение социальных и психологических проблем молодежи в полиэтнической среде и разработка способов предупреждения и преодоления межнациональных и межконфессиональных конфликтов», направлено на изучение и выявление социальных и психологических проблем молодежи, находящихся в полиэтнической среде с целью разработки экспериментально обоснованных действенных способов и технологий научного прогнозирования, предупреждения и преодоления межнациональных и межконфессиональных конфликтов в молодежной среде⁵.

Научная значимость решения предложенной проблемы заключается в выявлении наиболее острых социальных и психологических проблем молодежи в полиэтнической среде, которые могут стать причиной межнациональных и межконфессиональных конфликтов; в определении доминирующих факторов возникновения социальных и психологических проблем с учетом социально-политических особенностей России и ее регионов; в раскрытии психологических и социально-политических механизмов воздействия на молодежную среду с целью предупреждения межэтнических конфликтов; в выделении общих и специфических проявлений конфликтов в молодежной среде полиэтнических сообществ на примере регионов России. Научная новизна поставленной задачи заключается в выявлении факторов, показателей социальных и психологических проблем молодежи в полиэтнической среде, как возможных причин возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов в условиях многонациональной страны, а также в определении социальных и психологических механизмов прогнозирования и преодоления конфликтов в молодежной среде полиэтнических сообществ.

Таким образом, проблематика межнациональных и межконфессиональных отношений всегда являлась актуальной для России и ее регионов в силу многонационального состава населения, национально-культурного, языкового и конфессионального многообразия. При этом необходимо отметить, что значимость анализа состояния и прогноза межнациональных отношений, определения причин возникновения конфликтов в полиэтнической среде особенно возросла в последние десятилетия развития российского общества: наблюдается рост национального самосознания народов, сопровождающийся повышением интереса к национальным языкам, культуре, обычаям, традициям и религии своего этноса, при этом снизилась степень этнической и религиозной толерантности, конфликтный потенциал этнического фактора в общественной и частно-бытовой жизни увеличился. Ни одна страна в истории своего развития не могла избежать межэтнических конфликтов. Но любой конфликт легче предупредить, чем разрешать и преодолевать.

Поэтому, на наш взгляд, прогнозирование и профилактика конфликтов, в том числе межэтнических и межконфессиональных, являются значимыми в сложившейся противоречивой ситуации, которая воздействует на состояние национальных и межконфессиональных отношений как в многонациональной стране, так и в ее отдельных регионах.

Пристатейный библиографический список

1. Кутявина Е. Е. Причины этнических конфликтов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1.
2. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М.: Аспект Пресс, 1996.
3. Гуриева С. Д. Современные способы урегулирования межэтнических конфликтов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 1.
4. Васильева Д. А. Социокультурное пространство взаимодействия в контексте изучения организации культурных различий // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 1.
5. Регуш Л. А., Алексеева Е. В., Орлова А. В., Пежемская Ю. С. Психологические проблемы подростков: стандартизированная методика: Научно-методические материалы. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2012.

4 Васильева Д. А. Социокультурное пространство взаимодействия в контексте изучения организации культурных различий // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 12. 2009. Вып. 1. С. 75–80.

5 Регуш Л. А., Алексеева Е. В., Орлова А. В., Пежемская Ю. С. Психологические проблемы подростков: стандартизированная методика: Научно-методические материалы. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 34.

Атаева П. А.

ВЛИЯНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ ОБЩЕСТВА

В данной статье проведен анализ процесса формирования гражданских отношений и правовых норм в дагестанском обществе и влияния педагогической науки на правовую культуру общества. Ведь развитое гражданское общество выступает исторической предпосылкой становления правового государства. Без зрелого гражданского общества невозможно построение демократической политической системы. Только сознательные, свободные и политически активные граждане способны создавать наиболее рациональные формы коллективной жизни. С другой стороны, государство призвано обеспечивать условия для реализации прав и свобод личностей и групп. Воспитание гражданина – одна из краеугольных задач образовательного учреждения.

Ключевые слова: дагестанское общество, социальные институты, гражданские отношения, правовые нормы, анализ процесса формирования гражданских отношений и правовых норм в дагестанском обществе и влияния педагогической науки на правовую культуру общества.

Атаева P.A.

THE IMPACT OF PEDAGOGICAL SCIENCE ON THE LEGAL CULTURE OF SOCIETY

This article analyzes the process of formation of civil relations and legal norms in the Dagestani society and the impact of pedagogical science on the legal culture of society. A developed civil society is the historical background for the formation of a legal state. Without a mature civil society it is impossible to build a democratic political system. Only the conscious, free and politically active citizens capable of creating the most rational form of collective life. On the other hand, the state is to provide conditions for the realization of the rights and freedoms of individuals and groups. Citizen education is one of the critical objectives of an educational institution. Solving a problem of civil education of pupils, the school is primarily focusing its efforts on shaping the student of the valuable relation to the phenomena of social life.

Keywords: Dagestani society, social institutions, civil relations, legal norms, analysis of the process of formation of civil relations and legal norms in the Dagestani society and the impact of pedagogical science on the legal culture of society.

Гражданское общество характеризует всю совокупность разнообразных форм социальной активности населения, не обусловленную деятельностью государственных органов и воплощающую реальный уровень самоорганизации социума.

Кажется само собой разумеющимся, что средством подготовки людей к жизни в гражданском обществе является гражданское воспитание. Воспитание нечасто связывается с идеей формирования гражданского общества. Гражданское воспитание можно рассматривать как средство подготовки к жизни в подлинно демократическом обществе.

Воспитание гражданина – одна из краеугольных задач образовательного учреждения. Решая проблему гражданского воспитания учащихся, школа, прежде всего, сосредотачивает свои усилия на формировании у школьника ценностного отношения к явлениям общественной жизни. Гражданское воспитание предполагает формирование у учащихся знаний и представлений о достижениях нашей страны в области науки, техники и культуры. Основная цель гражданского воспитания состоит в формировании гражданственности как интегративного качества личности, заключающего в себе внутреннюю свободу и уважение к государственной власти, любовь к Родине и стремление к миру, чувство собственного достоинства и дисциплинированность, гармоническое проявление патриотических чувств и культуры межнационального общения. Становление гражданственности как качества личности определяется как субъективными усилиями педагогов, родителей, общественных организаций, так и объективными условиями функционирования общества – особенностями государственного устройства, уровнем правовой, политической, нравственной культуры общества.

В российской педагогике цели и задачи гражданского воспитания нашли отражение в трудах А. Н. Радищева, В. Г. Бе-

Атаева П. А.

линского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена и др. Идея народности в воспитании, сформулированная К. Д. Ушинским, основывалась на учете особенностей русского менталитета, развитии национального самосознания, воспитании гражданина.

Советская педагогика рассматривала вопросы гражданского воспитания в аспекте общественной направленности личности, приобретения опыта коллективной деятельности. В известной книге В. А. Сухомлинского «Воспитание гражданина» в определенной мере обобщен и систематизирован теоретический и практический опыт деятельности советской школы по гражданскому воспитанию. Особое место в этой работе уделялось формированию гражданской позиции ребенка, влиянию школы, семьи, детских общественных организаций на воспитание гражданственности.

В общественные процессы каждый человек включается с раннего детства. Поэтому и гражданское воспитание начинается в юном возрасте. Чувство социальной ответственности вырабатывается несколько позже – в школе второй ступени. На всех этапах формирования социальных качеств надо заботиться о соответствии преподаваемых знаний возрасту и уровню развития учеников. Уже в школе первой ступени дети легко усваивают такие понятия, как «конституция», «власть», «авторитет», «закон», «ответственность», «правительство» и другие, если их формирование осуществляется на конкретных примерах, тут же подтверждается практикой и закрепляется. Школа второй и третьей ступени закрепляет, развивает необходимые понятия, воспитывает убеждения, формирует гражданские качества, привлекая воспитанников к реальным социальным процессам.

Важную роль в правовом воспитании играет организация работы по изучению государственных символов Россий-

ской Федерации: герба, флага, гимна, символики других стран. Большую роль играют предметы гуманитарного и естественнонаучного циклов. Прежде всего это достижения в процессе обучения, отбора содержания образовательного процесса. Изучение природы родного края, его исторического прошлого эмоционально переживается ребенком, укрепляет и развивает чувство любви к Родине.

Формированию культуры межнационального общения способствует изучение иностранных языков, раскрывающих историю, культуру стран изучаемого языка, традиции и обычаи народов этих стран.

Задачи правового воспитания заключается в том, чтобы доведенные до сознания учеников требования приобрели для них личностный смысл, получили внутреннюю санкцию, стали руководством в повседневном поведении.

Что касается, в частности, Республики Дагестан, то в Дагестане издавна функционирует социальный институт формирования гражданских отношений и правовых норм, создаваемых самим народом. Так, сельский джамаат, действуя на основе им же самим созданных прав и моральных установок, осуждал и осуждает насилие, национализм, национальную рознь, пропаганду исключительности и превосходства одной нации над другой. Этот социальный институт в условиях нашей республики выступал и выступает как механизм регулирования многих острых вопросов.

В Дагестане существовал также суд по маслихату, т.е. по примирению. Он искусно примерял враждующих, сеял добро, преодолевая конфликты и кровопролития.

Тот моральный вакуум, который сегодня так болезненно чувствуется, мог быть заполнен основными моральными ценностями наших народов, унаследованными от предыдущих поколений. Сложность состоит в том, как совместить их с изменившимися условиями современного мира. Думается, что и здесь можно найти выход. Чем-то, конечно, придется поступиться. Ведь массовый отход людей от моральных ценностей произошел, скорее всего, из-за недооценки этих ценностей. К сожалению, не превратились они в убеждения, не стали повседневным жизненным ориентиром подавляющего большинства граждан. Добиться же этого можно, если относиться к традиционному горским моральным ценностям уважительно, как к основам общедагестанского единства. Но здесь есть свои проблемы. Известно, что начиная с конца 80-х годов XX в. государство, средства массовой информации стали пропагандировать не общероссийские нравственные ценности, созвучные общечеловеческим ценностям, а культ насилия, жестокости и др., разрушающие положительные ценности.

Национальное согласие и стабильность в республике осуществляется в непростой общественно-политической ситуации. Реальную угрозу национальному согласию представляют активное проникновение радикализма, утверждение нетрадиционных для Северного Кавказа искаженных норм ислама, на почве которых нередко вспыхивает мусульманское межконфессиональное противостояние.

«События последних лет в Дагестане показали, что радикализм с его агрессивно-агитационными установками и претензиями на монополизацию священной истины – это путь к хаосу и распаду под привлекательными лозунгами борьбы за чистоту веры, – справедливо отмечает профессор А. К. Апиев. – В то же время нельзя упускать из виду, что радикализм как оппозиционное движение может аккумулировать в себе протестные, социально-направленные идеи. При отсутствии в Дагестане грамотной, цивилизационной политической оппозиции многие отчаявшиеся люди, особенно молодежь, могут

связывать с радикализмом возможность прямого социального протеста».

В связи с этой опасностью старейшины Северного Кавказа в марте 1998 г. обратились к народам Северного Кавказа с призывом объединить «наши усилия и волю, чтобы никто не смог нас разъединить по национальному или религиозному признакам, создающим угрозу вековому укладу жизни на Северном Кавказе».

События, происходящие в нашей стране, убедительно свидетельствуют о том, что сфера межэтнических отношений чрезвычайно чувствительна к политическим и экономическим изменениям, особенно радикального характера.

Исторический опыт нашей республики в области регулирования межэтнических отношений, сохранения мира и межэтнического согласия, на наш взгляд, имеет не только локально ограниченное, сутобо дагестанское значение, он может быть использован и в других национально напряженных регионах.

Опыт нашей республики в сохранении национального мира и согласия уникален уже тем, что в ней главенствующее значение отводится совокупности общезначимых принципов, понятных гражданам Дагестана и проверенных на их историческом опыте. Это мир, толерантность, осознание принадлежности к общему дому – Дагестану. Сам этот исторический опыт нашей республики, позволивший в истории и позволяющий в современности избегать межэтнических драм и трагедий, может и, возможно, должен быть использован другими народами, регионами в тех же целях.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулатипов Р. Г. Концепция государственной национальной политики Республики Дагестан. Проект // Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития. М., 1998.
2. Агаев А. Г., Магомедов Р. М. Дагестанское единство. История и современность. Махачкала, 1995.
3. Крившенко Л. П. Педагогика: Учебник / Л. П. Крившенко, М. Е. Вайндорф-Сысоева и др.; Под ред. Л. П. Крившенко. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
4. Магомедов М. М. Дагестанское единство: история и современность. Махачкала. 1995.

Абрамова С. Р., Сафин Ф. Г.

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОВЕРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ И ФЕДЕРАЛЬНЫМ ОРГАНАМ ВЛАСТИ (ПО ДАННЫМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН)

В данной статье предпринята попытка изучения эволюции и динамики отношения населения Башкортостана к федеральным и республиканским органам власти.

Ключевые слова: этносоциологические исследования, Государственное Собрание Республики Башкортостан, Верховной Суд Российской Федерации, федеральные органы власти, политические лидеры.

Abramova S. R., Safin F. G.

ETHNIC ASPECTS OF TRUST TO REGIONAL AND FEDERAL AUTHORITIES (ACCORDING TO ETHNO-SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

This article attempts to investigate the evolution and dynamics of the attitude of Bashkortostan population to the federal and republican authorities.

Keywords: ethno-sociological research, the National Assembly of the Republic of Bashkortostan, the Supreme Court of the Russian Federation, federal authorities, political leaders.

Становление политико-управленческой элиты постсоветской России, как на федеральном, так и на региональном уровне, в 1990—2000-е гг. протекало в рамках бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры. Заметное положение среди руководителей высшего звена занимали бывшие хозяйственные руководители и специалисты – директора крупных заводов и объединений. В период перестройки, когда роль и влияние партии стремительно падала, региональные элиты на авансцену выдвигали руководителей из когорты хозяйственного корпуса. Одним из таких лидеров в период перестройки, возглавившим один из сильных регионов Советского Союза, экономической потенциал которого опережал многие союзные республики, стал Муртаза Рахимов, избранный Председателем Президиума Верховного Совета Башкирской Автономной Республики, бывший директор Уфимского нефтеперерабатывающего завода имени XXII партсъезда, депутат Верховного Совета СССР. Спустя три года, в 1993 г. М. Рахимов был избран Президентом Республики Башкортостан и оставался на этой должности до июля 2010 г., фактически правя республикой 20 лет. Несмотря на высокий рейтинг доверия населения к республиканским органам власти, в 1990-е гг. степень доверия руководителям федеральных органов оставалась низкой. Отношение к федеральным и республиканским органам власти и их руководителям в разрезе этнических групп внутри республики также заметно различалось.

В советское время и в период перестройки, несмотря на определенные клиентелистские отношения элиты, этнический фактор в них особо не проявлялся. Этническая составляющая в электоральном поведении доверия и недоверия политическим лидерам республики ярко проявилась в ходе предвыборных кампаний в Государственную Думу РФ в 1995 г. и на должность президента Республики Башкортостан в 1998 и 2003 г.

Низкий уровень доверия федеральным властям в республике объясняется, видимо, тем, что в республиканской прессе шла постоянная атака на неэффективное управление процессами реформ федеральными органами власти. Сам М. Рахимов неоднократно заявлял, что некоторые высокопоставленные руководители страны «не знают реальной жизни»¹.

Как выяснилось в ходе этносоциологического опроса, все респонденты без исключения национальной принадлежности выразили низкий уровень доверия федеральным органам власти, хотя вариация ответов между титульным этносом и русскими составила почти 2 раза, а представителями иных национальностей и того больше. Башкиры республиканским органам власти (Аппарату Президента и Правительству) доверяли больше, чем русские и татары, но при этом 71,4 % башкир, 65,0 % татар, 58,6 % русских и 60,2 % представителей других национальностей выразили свое недоверие федеральным органам власти

в лице Аппарата Президента Российской Федерации. В то же время значительная доля респондентов не смогла определиться своей позицией в данном, весьма затруднительном вопросе.

Однако в самом Башкортостане межнациональные различия в отношении его граждан к своему Президенту были весьма чувствительны. Положительное отношение к нему среди татар было в 2 раза, среди русских в 2,7 раза, среди инонациональностей в 1,5 раза меньше, чем среди башкир, а отрицательное, напротив, среди нетитульного населения больше, чем среди титульного², что также ярко проявилось в ходе предвыборной кампании летом и осенью 2003 г. Свое отрицательное отношение к Президенту Российской Федерации Б. Ельцину выразили 61,0 % респондентов башкирской, 52,9 % татарской, 43,1 % русской и 58,0 % иных национальностей. Образ Президента Российской Федерации, олицетворяющий гарант Конституции страны, населением республики представлялся в отрицательном свете, формированию которого в немалой степени оказывали республиканские средства массовой информации, которые негативно освещали деятельность федеральных органов власти.

Правовое поле, которое формировалось в постсоветский период в республике, как и в остальных национальных республиках, в определенной степени способствовало усилению позиций титульных этносов. Практически в ряде республиках складывались этнократические режимы, которые в той или иной степени ущемляли русское и русскоязычное население. Оно коснулось ограничений, прежде всего, в политических, социально-экономических и культурных сферах. Но самое яркое проявление ущемленности нетитульных этносов, прежде всего, наблюдалось в сфере языковой политики, связанной принудительным введением в учебные программы изучения языка титульных этносов в республиках.

Признаки интолерантности вместе с ощущением некоторого дискомфорта порождали среди определенной части нетитульного населения чувство пессимизма и страха за свое будущее. Не случайно, как выяснилось в ходе этносоциологического опроса 2002 г., среди башкир около 70 % смотрели в будущее с надеждой, оптимизмом, спокойно, в то время как среди татар доля этой категории лиц на 11,3 % меньше, чем среди башкир³. Башкирское население,

Абрамова С. Р.

Сафин Ф. Г.

1 Ельцин и Гайдар не знают реальной жизни. Независимая газета, 1992. 10 апреля.

2 Ресурсы мобилизованной этничности. М.-Уфа, 1997. С.318-321.

3 См. более подробно: Губогло М. Н. Русский язык и толерантность. М., 2003. С. 261.

рассматривая перспективу жизни для русских в Башкортостане, в своем большинстве (56,8 %) считало необходимым, чтобы русские изучали башкирский язык, осваивали башкирскую культуру. Сами же русские предпочитали, оставаясь в республике, добиваться права на сохранение русского языка и культуры (78,4 %)⁴.

Накануне очередных выборов Президента республики в средствах массовой информации снова началось «раскручивание» имиджа М. Рахимова. Появились статьи и сообщения, которые явно носили заказной, видимо, «проплаченный» характер. Как пишет республиканская газета «Кызыл тан», по данным Ассоциации менеджеров России была проведена экспертная оценка профессиональной деятельности глав региональных администраций страны. Особое внимание было уделено созданию благоприятных условий для экономического развития региона. Экспертами выступали уважаемые предприниматели крупных компаний. В публикации отмечается, что по данным экспертных оценок с 411,86 баллами Республика Башкортостан, после Ханты-Мансийского автономного округа (426,24 баллов), заняла второе место. После Республики Башкортостан идут Москва (399,95 баллов), Ленинградская обл. (391,05), Санкт-Петербург (390,05), Самарская обл. (388,76), Саха (Якутия) – (387,14), Саратовская обл. (381,71). Примечательно то, что в первую десятку регионов также вошли три региона из Приволжского федерального округа. Среди руководителей регионов с большим отрывом первое место занимает Президент Республики Башкортостан М. Г. Рахимов с 435,86 баллами. Значение этого показателя особенно заметно в сравнении с результатами руководителей других регионов: Ю. М. Лужков (Москва) – 411,14 баллов, В. А. Яковлев (Санкт-Петербург) – 404,57, А. Г. Тулеев (Кемеровская обл.) – 416,17, К. А. Титов (Самарская обл.) – 416,43, Д. Ф. Аяцков (Саратовская обл.) – 401,57, Б. В. Громов (Московская обл.) – 380,43, А. Г. Хлопонин (Красноярский край) – 367,14 баллов.⁵

Такие данные явно носили заказной характер накануне выборов президента Республики Башкортостан, назначенных на декабрь 2003 г.

Например, в республиканских СМИ прошла информация, что Председатель правления Международного комитета защиты прав человека Игорь Данилов в своем письме сообщает, что Президент РБ М. Рахимов награжден высшей наградой комитета, золотой звездой «Честь и достоинство» за заслуги перед международным сообществом и личный вклад в дело защиты прав человека и укрепления международных связей. Отмечается, что первыми лауреатами стали Президент Украины Л. Кучма, Президент РФ В. Путин, и Чрезвычайный и полномочный посол РФ в Украине В. Черномырдин⁶. Тем самым рейтинг и заслуги М. Рахимова ставились в один ряд с государственными деятелями самого высокого ранга.

Значительная часть электората из западных и северо-западных регионов республики, с преимущественным татарским и татароязычным населением, во время выборов Президента РБ в декабре 2003 г. проголосовала за «своего» кандидата Ралифа Сафина, уроженца этого региона. Перед вторым туром выборов действующий Президент республики М. Рахимов выступил с обращением к татарской части электората, что в случае победы он обратится к парламенту республики с законодательной инициативой о придании татарскому языку государственного статуса. Так была разыграна «национальная татарская карта», что позволило М. Рахимову победить во втором туре.

Итоги этносоциологического опроса по проекту «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России» выявили, что башкиры несколько меньше, чем все остальное население республики, доверяют общероссийскому руководству, в т.ч. и администрации Президента и Правительству России. В то же время башкиры в два и более раза, чем все остальные национальности, доверяли руководству (и Президенту и Правительству) своей республики. Одновременно все взрослое население Башкортостана в целом – и титульные башкиры, и все остальное население, включая татар, русских и инациональности, республиканскому руководству доверяло больше, чем общероссийскому⁷.

Уровень доверительного отношения к Президенту Российской Федерации В. Путину в республике еще до начала Крымских событий был весьма высоким. Свое одобрение В. Путину выразили более 60 % населения республики (январь 2014 г.). Поддержка, доверие и одобрение деятельности Президента РФ В. Путина в Республике Башкортостан за эти годы достигли значительно высокого уровня, чего не скажешь о периоде президентства Б. Ельцина (см. табл.2.). Такой стабильно высокий уровень одобрения и доверия Президенту В. Путину объясняется, видимо, и тем, что с приходом к власти Р. Хамитова практически на страницах республиканской масс-медиа прекратились критические заметки в адрес федерального центра. Федеральные органы власти представлялись как центр оказания финансовой и экономической помощи в решении насущных проблем социально-экономического развития республики. В республиканских СМИ больше стали уделять внимание взаимодействию республиканских и федеральных органов власти.

Уровень поддержки, положительного и доверительного отношения к своему республиканскому президенту был всегда выше, чем руководителей федерального уровня.

В ходе этносоциологического опроса по исследовательскому проекту «Современные этнические процессы в Башкортостане: этничность, идентичность и толерантность», проведенного за несколько месяцев до выборов президента республики, нами изучались электоральные предпочтения жителей республики. В «Вопросник» были включены 16 фамилий известных политиков республиканского и федерального уровня, уроженцев Башкортостана, контактирующих в своей политической деятельности с республикой. Из всех кандидатов независимо от этнической принадлежности, за исключением представителей иных национальностей, около 10 % респондентов готовы были голосовать за Э. Набиуллину, председателя Центробанка России. За бывшего президента республики М. Рахимова готовы были проголосовать 21,9 % респондентов башкир, 11,0 % татар и всего лишь 7,8 % русских и иных национальностей.

В числе фаворитов также числился Ралиф Сафин, за которого готовы были отдать свои голоса 19,8 % респондентов татар, тогда как среди башкир, русских и иных национальностей рейтинг Р. Сафина не превышал 7 %.

Вместе с тем данные этносоциологического опроса выявили высокую степень одобрения деятельности Рустама Хамитова на посту Президента Республики Башкортостан. Как выяснилось в ходе опроса 73,5 % респондентов татарской, 70,3 % башкирской, 66,7 % русской и 72,6 % других национальностей полностью одобрили деятельность Р. Хамитова на посту руководителя республики.

Таким образом, анализ деятельности федеральных и республиканских органов власти в полиэтничном регионе имеет свои особенности, связанные с этническими предпочтениями его жителей. Поэтому политическим лидерам и органам власти для оптимизации этнополитической ситуации в регионах следует учитывать этнический фактор при проведении этносоциальной и этнокультурной политики.

Пристатейный библиографический список

1. Байрамов М. Башкортостан – снова на вершине! // Кызыл тан. 2003. 4 июня. (на тат.яз.). Башкортостан. 2003. 4 июня. на башк.яз.
2. Губогло М. Н. Русский язык и толерантность. М., 2003. С. 261–262.
3. Джасов В. Слухи о нестабильности в республике – очередной миф // Республика Башкортостан. 2003. 2 декабря.
4. Из хроники этнической мобилизации. Республика Башкортостан. Том 2. Автор-составитель Ф. Г. Сафин / Отв. ред. М. Н. Губогло. М.: ЦИМО, 1999. С. 21.
5. Известия. 2014. 27 января.
6. Республика Башкортостан. 2003. 4 октября.
7. Ресурсы мобилизованной этничности. М.-Уфа, 1997. С. 317.
8. Сафин Ф. Г. Национальные отношения в Башкортостане в 1990-е годы (по данным этносоциологических исследований). М.: ЦИМО, 2000. С. 12-13.
9. Шайрахманов Т. Прав ли я? Некоторые комментарии к итогам выборов 14 июня 1998 г. Вместе. 1998. Ноябрь. № 36.

4 Сафин Ф. Г. Национальные отношения в Башкортостане в 1990-е годы (по данным этносоциологических исследований). М.: ЦИМО, 2000. С. 12-13.

5 Байрамов М. Башкортостан – снова на вершине! // Кызыл тан. 2003. 4 июня. (на тат.яз.). Башкортостан. 2003. 4 июня. на башк.яз.

6 Республика Башкортостан. 2003. 4 октября.

7 Ресурсы мобилизованной этничности. М.-Уфа, 1997. С. 317.

Атаева П. А.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье рассматривается понятие и роль социальной нормы в социальном развитии гражданского общества, дана характеристика места и роли права среди социальных норм, озвучены социальные и технические нормы, рассмотрены их отличия друг от друга.

Ключевые слова: деятельность, социализация, социальная норма, усвоение и присвоение, ценности, ценностные ориентации.

Ataeva P. A.

DEFINITION OF THE CONCEPT OF SOCIAL NORM IN MODERN SOCIETY

This article discusses the concept and role of social norms in the social development of civil society, the characteristic of the place and role of law among social norms, points out social and technical standards, examines their differences from each other.

Keywords: activities, socialization, social norm, the assimilation and appropriation of values, value orientations.

Атаева П. А.

Социальные нормы – общепризнанные правила, образцы поведения, стандарты деятельности, призванные обеспечивать упорядоченность, устойчивость и стабильность социального взаимодействия индивидов и социальных групп. Совокупность норм, действующих в том или ином сообществе, составляет целостную систему, различные элементы которой взаимообусловлены.

Социальные нормы общества в своем комплексе нормативно регулируют все общественные отношения и через преобразующую деятельность людей активно воздействуют на процесс становления материальных и духовных ценностей.

В системе социальных норм общества важнейшее место занимает право – необходимый государственный регулятор общественных отношений. В процессе осуществления своей регулирующей роли право тесно взаимодействует с другими социальными нормами, в том числе с традициями и обычаями, являющимися составными частями социальных норм общества.

Неукоснительное соблюдение правовых норм и других правил, принятых в обществе, партия считает основой нормальной жизни общества, важным фактором развития социалистической демократии и укрепления общественного порядка в стране, непременным условием формирования нового человека.

В системе социальных норм и общественных отношений все более заметную роль начинают играть традиции и обычаи. Они являются действенными социальными регуляторами многих сторон общественной и личной жизни людей.

Все это говорит о том, что необходимо обстоятельное научное исследование проблемы традиций и обычаев, выяснение роли в жизни общества, характера и форм их взаимосвязи между собой и с другими социальными нормами, в том числе правовыми. Казалось бы, что эти вопросы давно должны были привлечь внимание ученых-представителей различных отраслей общественных наук.

Общество – это сложный, социальный организм. Наиболее характерными его чертами являются упорядоченность и организованность. Такое состояние общества можно достичь только с помощью регулирования. Выделяются два вида регу-

лирования общественных отношений: нормативное и ненормативное.

Ненормативное регулирование выражается в различных естественных нормах, которые существуют в виде знаний о нормальном, естественном состоянии объекта, определяемом его природой.

Но все-таки наиболее важное значение для упорядочения поведения людей в обществе имеет нормативное регулирование. Основным средством нормативного регулирования являются социальные нормы.

Хотя нельзя забывать и о технических нормах, которые регулируют отношения между людьми и внешним миром, природой и техникой. Среди технических норм выделяют особый вид норм – технико-юридические. Их главное отличие заключается в том, что их исполнение обеспечивается государством и они содержатся в различных нормативно-правовых актах. На основании наличия у нормативно-технических норм санкций их иногда относят к подвиду социальных норм. Хотя данная точка зрения является спорной.

Говоря о социальных нормах, мы выделяем в особую группу типы социальных норм:

Групповые привычки – нормы малых групп. Появляются и продолжают существовать только в малых группах (семьях, спортивных командах, дружеских компаниях).

Общие правила – нормы больших групп (общества в целом). Это манеры поведения, традиции, этикет. Каждая социальная группа обладает своими обычаями, правилами поведения, традициями. Существуют манеры поведения пожилых людей, национальные обычаи.

Нормативность социального поведения напрямую связана с ролевыми функциями человека в обществе в целом, социальной группе. Эти функции определены его статусом в такой группе. Социальная норма, прививаемая человеку, группе и обществу, диктует поведение, которое будет ожидаемо. Формируются стереотипы, виденье человеком своего должного поведения.

Что же касается функции социальных норм, то их задачей является:

– интегрирование индивидов в группы, а группы в общество;

- регулирование общего хода социализации;
- контролирование девиантного поведения;
- формирование моделей, эталонов поведения.

Достижение этого при помощи социальных норм происходит следующим образом:

Социальные нормы — это обязанности одного человека по отношению к другому или другим людям. Ограничение учеников общаться с директором школы чаще, чем со своими учителями, обязывает каждого ученика выполнять требуемые нормы поведения, определённые обязательства с другими учениками, учителями и директором школы. Следовательно, социальные нормы определяют формирование сети социальных отношений группы, общества.

Социальные нормы — это ожидания малой группы, большой группы, общества в целом. От каждого человека, соблюдающего социальные нормы, окружающие ждут определённого поведения. Когда пассажиры общественного транспорта сначала выходят из него, а лишь затем другие входят, появляется организованное взаимодействие. При нарушении нормы возникают столкновения и беспорядок. Следовательно, социальные нормы определяют формирование системы социального взаимодействия, которая включает мотивы, цели, направленность субъектов действия, действие, ожидание, оценку и средства.

Социальные нормы выполняют собственные функции в зависимости от того, в каком качестве они себя проявляют:

- как стандарты поведения (правила, требования, обязанности);
- как ожидания поведения (стереотипы, реакция других людей).

Социальные нормы имеют всеобщий характер. Социальная норма, фиксируя какое-либо правило поведения, влияет не на конкретного индивида, а на всех людей, находящихся в аналогичных ситуациях.

Для социальных норм характерны:

- неопределённость адресата (тому, кто находится в конкретном качестве, в конкретных условиях, предусмотренных социальными нормами);
- универсальность применения (в актах общественных отношений, производства, обмена, взаимодействия индивидов);
- многократная повторяемость (критерий исторического процесса, обозначающий закономерность развития).

Социальная норма фиксирует акт деятельности, который на практике утвердился в жизни. Следовательно, совершённые поступки становятся негласным правилом. Социальная норма определяет формирование целенаправленной деятельности каждого индивида, которая определена объективными факторами. Эти факторы придают социальным нормам так называемую «объективную властность».

Социальные нормы предполагают и относительную свободу человеческого поведения, которую каждый человек ощущает, когда поступает в соответствии с социальными правилами, хотя мог бы и пренебречь ими. В то же время, когда человек нарушает правила поведения, он должен быть готов подвергнуться определённому рода санкциям, применяя которые, общество обеспечивает уважительное отношение индивидов к общественным правилам.

При помощи социальных норм общество стремится обеспечить осуществление определённых общественных функций. Осуществление этих функций представляет общественный интерес. Этот общественный интерес не обязательно является, в полном смысле слова, интересом преобладающей части общества. Однако он является общественным в

том смысле, что при помощи социальных норм обеспечивает координацию и согласование действий индивидов для того, чтобы успешно разворачивался, прежде всего, процесс общественного производства, обеспечивающий существование общества на данной ступени его развития.

Социальные нормы в разной степени отражают закономерности общественного развития, но сами таковыми не являются. Объективные законы, по которым развивается история, не есть нормы. Последние привносятся в жизнь общества людьми, социальной практикой. Одни из них со временем отпадают, другие — возникают, видоизменяются, третьи — навязываются определёнными классами, группами или властью. Иначе говоря, процесс становления, формирования социальных норм — фактор субъективный. Вырабатываются они людьми. Другое дело, что нужда в них диктуется объективной необходимостью.

Право сложилось намного позже других нормативных систем и главным образом на их основе. Оно стало более жестко и целенаправленно регулировать экономические и иные отношения. Равно как и вместо прежней общественной власти появилась публичная власть, уже не совпадающая с интересами всего общества и опирающаяся на особый аппарат, готовый за нарушение официально установленных и строго обязательных норм применить принуждение.

Появление социальных норм и сознательного нормативного регулирования связано с переходом от животной стадности людей к человеческому обществу, с процессом социализации отношений, с поведением человека как особого природно-биологического и общественного существа¹. Этот переход был длительным и постепенным, эволюция заняла несколько миллионов лет.

Таков генезис социальных норм, в том числе правовых. «Исторически право возникает как бы для компенсации «недостаточности» морали, которая обнаруживается с возникновением частной собственности и политической власти»². В последующем нормы права и морали тесно переплелись, взаимодействуя с другими средствами социальной регуляции.

Пристайный библиографический список

1. Атаева П. А. Влияние педагогической науки на правовую культуру общества // Евразийский юридический журнал. 2015. № 8(87). С. 118-119.
2. Лазарева Т. А. Отражение социальной нормы в ценностных ориентациях подростка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Выпуск № 102.
3. Мусаева А. Г. Особенности общественного развития Дагестана в XIX-начале XX веков // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1639.
4. Мусаева А. Г. Правовые реформы в Дагестане во второй половине XIX века // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1619.
5. Мусаева А. Г., Атаева П. А. Право и мораль важнейшие социальные регуляторы дагестанского общества // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7 (86). С. 118-119.

Аливердиева М. Э.

УПРОЩЕННЫЙ ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПОРОВ

Данная научная статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме упрощенного порядка рассмотрения экономических споров. Автором рассмотрены имеющие место в российском законодательстве формы альтернативного разрешения гражданско-правовых споров как важнейшие направления развития современного процессуального законодательства.

Ключевые слова: Российская Федерация, рыночные отношения, экономические споры, третейское разбирательство, международный коммерческий арбитраж, посредничество (медиация).

Aliverdieva M. E.

SIMPLIFIED PROCEDURE OF CONSIDERATION OF ECONOMIC DISPUTES

This scientific article is devoted to the topical issue of simplified procedure of consideration of economic disputes. The author considers the Russian legislation in the form of alternative resolution of civil disputes as an important direction of development of modern procedural law.

Keywords: Russian Federation, market relations, economic disputes, arbitration, international commercial arbitration, mediation.

Аливердиева М. Э.

Стремительное развитие в России рыночных отношений сопровождается большим количеством корпоративных и иных экономических споров. В условиях недостаточно эффективной судебной системы разрешение возникающих в бизнес-среде конфликтов сопряжено со значительными временными и финансовыми расходами. До последнего времени для разрешения экономических споров (экономические споры — это неурегулированные разногласия между субъектами экономических (хозяйственных) отношений по поводу их прав и обязанностей. — прим. авт.) в нашей стране применялись юрисдикционные формы защиты, к которым мы традиционно причисляем судебный порядок урегулирования спора, административный и иной порядок, при условии его установления на уровне федеральных законов. Ведь в соответствии с Конституцией РФ каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), гарантируется государственная защита прав и свобод (ч. 1 ст. 45), в том числе судебная защита (ч. 1 ст. 46). Но, как показывает практика, арбитражные суды в настоящее время сталкиваются со множеством проблем, вызванных недостаточной разработанностью института упрощенного производства, а также отсутствием единообразия в вопросах толкования норм, регламентирующих упрощенный порядок рассмотрения дел. Нормативное регулирование упрощенного производства в арбитражном процессе далеко от идеального и требует существенных изменений.

И потому все более актуальной становится тема упрощенного порядка рассмотрения экономических споров — альтернативного разрешения гражданско-правовых споров и, как следствие этого, важнейшими направлениями развития современного процессуального законодательства становятся повышение доступности правосудия, оптимизация, ускорение и упрощение судопроизводства. Данная тенденция отчетливо прослеживается не только в России, но и за рубежом. Поиск альтернатив государственным судам для разрешения споров обусловлен рядом факторов, которые дифференцируются в зависимости от развития конкретного общества, государства, культуры, законодательства, устройства судебной системы, эффективности ее работы, степени развития и сложности экономических и иных отношений и

других обстоятельств. Этому способствует недостаточная эффективность работы судебной системы при рассмотрении отдельных категорий дел, которая может заключаться в перегруженности судов, длительности судебного разбирательства, некачественном рассмотрении дел, а также других недостатках, присутствующих в судебной системе того или иного государства.

Механизм правового регулирования совершенствуется, учитывая необходимость поиска наиболее оптимальных способов воздействия на правоотношения, а также максимально эффективных методов устранения правовых конфликтов. Именно отсюда стремление законодателя придать динамизм процессу защиты субъективных прав и восстановления правопорядка.

Процесс взаимной интеграции российской и мировой экономики, создание условий для повышения доступности правосудия, а также уровня правовой защищенности субъектов экономического оборота требуют использования новых подходов к разрешению споров и урегулированию правовых конфликтов. Способы альтернативного разрешения споров: *третейское разбирательство, международный коммерческий арбитраж, посредничество (медиация) и др.*

В своей статье «Альтернативные способы разрешения споров» Павел Штепан, вице-президент Санкт-Петербургского Международного коммерческого арбитража, председатель Судебной палаты по спорам в сфере недвижимости и оценки, председатель Совета директоров консалтинговой группы «Юринформ-центр» в Российской Федерации к основным альтернативным формам также относит:

1. **переговоры** (negotiation), представляющие собой урегулирование спора непосредственно сторонами без участия иных лиц;

2. **посредничество** (mediation), означающее урегулирование спора с помощью независимого, нейтрального посредника, который содействует сторонам в достижении соглашения;

3. **третейский суд** (arbitration) — разрешение спора с помощью независимого, нейтрального лица — арбитра (или группы арбитров), который уполномочен вынести обязательное для сторон решение.

Критериями для такого деления является участие в урегулировании разногласий третьего лица или его полномочия. Элементы этих трех «чистых» видов входят составной частью во многие другие процедуры. Так, переговоры почти всегда имеют место в любой другой альтернативной форме, а посредничество часто используется как предварительная процедура до начала судебного разбирательства.

Кроме этого, он связывает компоненты основных видов, смешивает их друг с другом, образуя совершенно новые комбинированные формы. Например, такие как:

посредничество – третейский суд (mediation—arbitration—med-arb), означающее урегулирование спора с помощью посредника-арбитра, который в случае недостижения сторонами соглашения уполномочен разрешить спор в порядке арбитража;

«**мини-суд**» (mini-trial), широко применяемый способ для урегулирования коммерческих споров, получивший название от внешнего сходства с судебной процедурой и представляющий собой урегулирование спора с участием руководителей корпораций, юристов и третьего независимого лица, возглавляющего слушание дела;

независимая экспертиза по установлению фактических обстоятельств дела (neutral expert fact-finding) – процедура достижения сторонами соглашения на основе заключения квалифицированного специалиста, изучившего дело с точки зрения фактического состава;

омбудсмен (ombudsman) – урегулирование споров, связанных с недостатками в деятельности правительственных агентств и частных организаций официально уполномоченным лицом, расследующим обстоятельства дела по жалобам заинтересованных лиц;

частная судебная система (private court system) или судья «напрокат» (rent-a-judge), обеспечивающая разрешение споров с помощью судей, ушедших в отставку, за достаточно высокую плату, которые имеют полномочия не только примирить стороны, но и вынести обязательное для них решение.

Поиск компромисса в работе юриста, поиск компромисса в хорошем смысле, в цивилизованной форме – вот существенность альтернативных форм и методов разрешения правовых конфликтов.

Самый распространенный способ разрешения споров с позиции интересов для упрощенного порядка рассмотрения экономических споров – сформировавшееся и продолжающее совершенствоваться законодательство о третейских судах. Что такое третейский суд? Третейский суд – один из негосударственных органов, осуществляющих защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав. Негосударственный механизм разрешения экономического спора имеет ряд преимуществ по сравнению с арбитражными судами: а) специализация в вопросах, касающихся фактических взаимоотношений сторон; б) быстрота и экономичность процесса; в) отсутствие публичности в деятельности третейского суда; г) удобство для сторон в выборе места и времени разрешения спора и целый ряд других. В настоящее время специализированным нормативным актом, относящимся к деятельности третейских судов, является Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров, утвержденное постановлением Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 г. Дела в третейских судах возбуждаются после подачи искового заявления. Обязательным условием принятия дела к производству является наличие соглашения о передаче дела на разрешение третейского суда. Если третейский суд признает отсутствие или

недействительность соглашения сторон, он отказывает в возбуждении дела, и спор может быть передан на разрешение арбитражного суда. В общем виде требования, предъявляемые к форме и содержанию искового заявления, сформулированы в ст. 13 Положения, дополнительные условия содержатся в Правилах постоянно действующих третейских судов. В Положении содержатся требования принципиального характера, предъявляемые к решениям, выносимым третейскими судами, в частности, относительно применяемого законодательства. При разрешении споров третейские суды обязаны руководствоваться законами РФ и иными законодательными актами, действующими на территории РФ, законодательными актами республик в составе РФ, другими нормативными актами, межгосударственными соглашениями и международными договорами. Третейский суд вправе применять нормы права других государств в случаях, предусмотренных законодательством или соглашением сторон. При отсутствии законодательства, регулирующего спорное правоотношение, третейский суд вправе применить законодательство, регулирующее сходное правоотношение. Решение третейского суда принимается большинством всех членов третейского суда и обязательно в письменной форме и подписывается всеми членами третейского суда.

К неоспоримым достоинствам третейского разбирательства следует отнести его оперативность, возможность включить в его состав специалистов (не только юристов) в той или иной сфере хозяйственных отношений.

Процедура разрешения споров достаточно упрощена, так как третейский суд не связан правилами судопроизводства, изложенными в процессуальных нормах законодательства РФ. Простая процедура позволяет разрешать споры в короткие сроки, что делает третейский суд быстрым и результативным. Третейское разбирательство проходит без посторонних наблюдателей, то есть отсутствует публичность, что также упрощает процедуру и обеспечивает конфиденциальность. Спорящие стороны добровольно обращаются в третейский суд и участвуют в выборе судей.

Говоря о значимости упрощенного порядка разрешения экономических споров, Г. В. Севастьянов, член правления Российского центра содействия третейскому разбирательству, главный редактор журнала «Третейский суд», выступая на прошедшей 13–14 ноября 2008 г. в Санкт-Петербурге Первой Всероссийской (международной) конференции «Альтернативное разрешение споров в программах высшего и дополнительного профессионального образования», в своем докладе подчеркнул, что «за пятнадцатилетний период развитие способов альтернативного разрешения споров (третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража, посредничества (медиации) и др.) в современной России достигло значительного уровня. Однако вряд ли следует утверждать, что в настоящее время уже задействован весь позитивный потенциал, заложенный в данных институтах саморегулирования гражданского общества, который может и должен быть востребован для достижения важных социальных целей, в том числе связанных с формированием правовой культуры нашего общества в цивилизованном разрешении споров и урегулировании конфликтов. Рост доверия к способам альтернативного разрешения споров (способам АРС), а значит, и более активное их применение в конфликтных ситуациях напрямую связаны с пониманием правовой специфики способов АРС, имеющих существенные особенности. В этой связи, на наш взгляд, определяющим для дальнейшего развития способов АРС в нашей стране становится изучение проблематики альтерна-

тивного разрешения споров в системе высшего юридического образования».

Альтернативное разрешение споров становится неотъемлемой частью юридической профессии. Одним из критериев оценки профессионального уровня современного юриста является способность к использованию в практической деятельности способов альтернативного разрешения споров до обращения в государственные органы (во внесудебном порядке).

С учетом этого в последние годы все большую роль в разрешении экономических споров начинают играть институты альтернативного разрешения споров, среди которых особо следует отметить медиацию (посредничество).

В странах, где медиация используется достаточно широко, утвердилось мнение, что она является одним из способов, обеспечивающих доступ к правосудию.

Россия находится в начальной стадии использования альтернативных методов разрешения споров, в том числе и медиации. Внедрение медиации может активно и позитивным образом повлиять на существующую практику по разрешению споров в различных областях права. Как известно, сама медиация напрямую сопряжена с правом, покоится на действующем праве. Однако в отличие от судебных способов разрешения споров, которые представляют собой прямое правоприменение, медиация представляет собой скорее использование права для разрешения споров на основе справедливости, с учетом интересов обеих сторон. Для простого российского обывателя такой метод разрешения конфликта все еще остается малознакомым способом урегулирования конфликтов. Для ликвидации такого рода безграмотности специально по заказу силовых структур на канале НТВ демонстрируется сериал «До суда», где задача главных героев сериала — оказать помощь в разрешении конфликта до передачи дела в суд. Сотрудники службы досудебного урегулирования выступают в роли посредников — нейтральной и беспристрастной стороны. Их задача — примирить участников конфликта и убедить их решить проблему без обращения в суд. Их задача

— убедить каждую из сторон пойти на процедуру примирения путем медиации.

С 1 января 2011 г. вступил в силу Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г.). Несомненно, что широкое распространение медиации не может не влиять на всю систему разрешения споров, в том числе и в сфере осуществления правосудия. Медиация — это составной элемент примирительной процедуры.

Таким образом, общим объединяющим для всех обозначенных видов является то, что процесс разрешения и урегулирования правового спора во внесудебном порядке определяется не арбитражной процессуальной формой, а самими спорящими субъектами, а также иными лицами, принимающими участие в разрешении и урегулировании спора.

Признание и поддержка Президентом Российской Федерации институтов саморегулирования гражданского общества подтверждает высокое социальное значение способов альтернативного разрешения споров в создании дополнительных гарантий правовой защищенности субъектов гражданского оборота, а также снижении нагрузки на государственные суды.

Развитие альтернативного разрешения споров определено в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики и в сфере противодействия коррупции.

Пристайный библиографический список

1. Арбитражный процесс. Конспект лекций. Досудебный (претензионный) порядок регулирования экономических споров. Арбитражный процесс [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://referatwork.ru/arbitrazh_process/section-4.html
2. Штепан П. Альтернативные способы разрешения споров.// Клиническое юридическое образование [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawclinic.ru/library.phtml?m=1&p=12>

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Баранов В.А., к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Бунова А.В., к.ю.н., доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Волкова Н.С., к.ю.н., ученый секретарь Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

Еремина О.Ю., научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

Петюкова О.И., д.ю.н., доцент, профессор кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Путило Н.В., к.ю.н., заведующая отделом социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

Райлян А.И., к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Середа А.В.

BUSINESS COURT   ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ежемесячное пособие на ребенка

Материнский (семейный) капитал

Условия и порядок предоставления жилья

Особенности предоставления земельных участков многодетным семьям

Правоприменительная практика

Зарубежный опыт

BUSINESS COURT
ООО «ДЕЛОВОЙ ДВОР»
119571, г. Москва,
ул. 26 Бакинских Комиссаров, 9
Тел./факс (499) 749-77-16
www.del-dvor.ru
del_dvor@bk.ru

9 785915 501583

Гареева З. А., Князева О. В.
РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИЙ КОНТРОЛЯ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ
КОНСОЛИДИРОВАННОЙ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ В РАМКАХ
РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО НОРМАТИВНОГО ПОЛЯ

В статье приводится обобщение российских и международных нормативных и методических основ формирования консолидированной отчетности компании с целью реализации ее контрольной функции.

Ключевые слова: консолидированная отчетность, МСФО, консолидированная группа, стандарты бухгалтерского учета, материнское предприятие, дочернее предприятие, контроль.

Gareeva Z. A., Knyazeva O. V.
IMPLEMENTATION OF CONTROL FUNCTIONS IN THE PREPARATION OF THE CON-
SOLIDATED FINANCIAL STATEMENTS UNDER THE RUSSIAN AND INTERNATIONAL
REGULATORY FRAMEWORK

The article presents a synthesis of Russian and international regulatory and methodical bases of formation of the consolidated financial statements of the company to implement its control function.

Keywords: consolidated reporting, IFRS, consolidated group accounting standards, parent company, subsidiary control.

На основе анализа содержания основных российских и международных нормативных актов по консолидированной финансовой отчетности¹ рассмотрим основные положения составления консолидированной финансовой отчетности группы предприятий.

Группа предприятий (ГП) создается для увеличения эффективного функционирования имеющегося имущества (ресурсов), получения экономических выгод от групповой деятельности, например, расширения рыночных сфер, достижения оптимального размера производства, получения дохода, прибыли, другого экономического эффекта, большего, чем они могут получить, действуя самостоятельно. Для обеспечения таких целей используются элементы управления: концентрация, консолидация, централизация и тому подобное. Для руководства группой предприятий образуется соответствующий орган управления. Предприятия, вошедшие в состав группы, сохраняют свою юридическую независимость, в то же время автономность предприятий идет рядом с увеличением вклада каждого участника группы в общее дело.

Создание группы предприятий происходит тогда, когда одно предприятие (материнское) контролирует другое предприятие (дочернее). Это возможно:

– в случае приобретения материнским предприятием более половины акций (долей) в уставном капитале дочернего предприятия;

– в случае получения контроля (решающего влияния на финансовую и хозяйственную политику дочернего предприятия) иным способом.

На основании предполагаемого влияния материнской компании на деятельность подконтрольных компаний последние в МСФО делятся на ассоциированные, дочерние и совместные.

Материнское предприятие (МП), которое контролирует один или несколько субъектов хозяйствования, проявляет инициативу в управлении бизнесом, имеет право на переменные результаты объекта инвестирования, сознательно несет определенные риски за себя и за дочерние предприятия (ДП), обязано влиять эти результаты благодаря своим властным полномочиям. МП приобретает властные полномочия и использует их во имя достижения групповых задач, в частности определяет значимые (существенные) для группы виды деятельности, то есть такие, ко-

1 Аминев А. А., Гареева З. А. Российские и международные нормы формирования консолидированной отчетности компании // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9 (88). С. 263–265.

Гареева З. А.

Князева О. В.

торые оказывают большое влияние на результаты деятельности, управляет ими, проводит финансовую, инвестиционную, коммерческую политику группы, осуществляет контроль над ее реализацией и за деятельностью дочерних предприятий. МП распоряжается контролируемой долей участия, то есть собственным капиталом МП и контролируемой долей участия ГП. МП в процессах консолидации выступает как инвестор, который контролирует объект инвестирования. Как правило, МП не только не сдерживает рост независимости ГП, но и всячески поддерживает их развитие. МП составляет и представляет индивидуальную финансовую отчетность по собственной деятельности. С целью составления консолидированной финансовой отчетности группы МП, исходя из понимания требований единой экономической единицы (единого экономического субъекта хозяйствования), сообщает дочерним предприятиям о своевременном и полном получении от них должной информации для подготовки МП консолидированной финансовой отчетности группы. В состав такой информации входит обязательное соблюдение всеми членами группы единой учетной политики предприятий группы; альтернативой могут стать требования МП подготовить (переформатировать) финансовую отчетность ГП под требования учетной политики МП именно для составления консолидированной финансовой отчетности. Информация в финансовой отчетности раскрывается путем заполнения МП форм консолидированной финансовой отчетности о деятельности группы за отчетный период и примечаний к финансовой отчетности.

Дочернее предприятие (ДП), которое находится под контролем материнского (холдингового) предприятия, сознательно идет на участие в составе группы, преследуя свои интересы, осуществляет подконтрольную МП деятельность, имея приоритетом значимые (существенные) для всей группы виды деятельности, находится под контролем МП, но оставляет за собой неконтролируемую долю участия. ГП может быть зарубежной хозяйственной единицей группы. ГП составляет и представляет индивидуальную финансовую отчетность по собственной деятельности. В то же время ГП обязано предоставлять МП надлежащую информацию для подготовки МП консолидированной финансовой отчетности группы.

Стандартами учета предусмотрено значительное влияние юридических, правовых аспектов консолидации. За пределами стандартов учета остались правовые аспекты консолидации, принятые в юридической практике: проект консолидации (чаще всего это инвестиционный проект), органы управления группой, кодекс корпоративного управления, отчетность органа управления о деятельности группы, органы контроля группой и тому подобное.

В МСФО 10² и в Положении по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации³ задекларировано определение контроля.

Согласно МСФО 10 «Консолидированная финансовая отчетность» контроль объекта инвестирования (англ. control of an investee) предусматривает, что инвестор контролирует объект инвестирования, если инвестор имеет право на переменные результаты деятельности объекта и способен влиять на эти результаты через свои собственные полномочия по объекту инвестирования.

Согласно МСФО 10 контроль – решающее влияние на финансовую, хозяйственную и коммерческую политику предприятия или предпринимательства с целью получения выгод от его деятельности.

По сути стандартов, «контроль» доминирует, становится императивом и основой консолидации. Стандартами установлены исключительные требования к контролю, которым подчиняются властные полномочия, результаты и учетные требования. Итак, инвестор контролирует объект инвестирования тогда и только тогда, когда инвестор реально имеет все из перечисленных условий: властные полномочия в отношении объекта инвестирования; претерпевает риски или имеет права на переменные результаты деятельности объекта инвестирования и способен использовать свои властные полномочия в отношении объекта инвестирования с целью влияния на результаты инвестора. Кроме того, стандартами МСФО рассматривается возможность потери контроля и последствия такого события на учет и отчетность. Стандарт предусматривает также постоянную (даже непрерывную) оценку наличия контроля. При потере контроля соответствующая консолидированная финансовая отчетность не составляется. Ограничение среды контроля группы предприятий контролем объекта инвестирования обусловлено тем, что реальное орудие воздействия на объект имеет форму инвестиций, кроме того, сейчас имеется соответствующая правовая и учетная базы проведения инвестиционной деятельности предприятий.

Дополненными российскими стандартами директивно устанавливается приоритет исключительно контроля при консолидации: наличие прав защиты интересов инвестора не является признаком контроля⁴, инвестор, который владеет только правами защиты интересов инвесторов, не имеет властных полномочий относительно объекта инвестирования и, соответственно, не контролирует объект инвестиций⁵.

Согласно ФЗ № 208-ФЗ⁶ критериями, необходимыми для представления консолидированной финансовой отчетности материнским предприятием, являются:

- 1) наличие контроля над дочерним предприятием;
- 2) экономическая совместимость, которая предусматривает, что деятельность дочернего предприятия связана или подобна деятельности головной компании.

Дочернее предприятие считается контролируемым со стороны материнского предприятия при наличии некоторых условий, определенных Федеральным законом № 402-ФЗ⁷:

– в случае, если дочернее предприятие перестает быть контролируемым, материнское предприятие: а) не включает показатели такого дочернего предприятия к консолидированной финансовой отчетности; б) признает финансовые инвестиции в дочернее предприятие по справедливой стоимости и отражает их, а также любую дебиторскую задолженность и обязательства в расчетах с дочерним предприятием согласно соответствующим положениям Федерального закона № 402-ФЗ; в) прекращает признавать другой совокупный доход, связанный с таким дочерним предприятием; г) признает доходы и расходы, связанные с потерей контроля;

– финансовая отчетность материнского предприятия и его дочерних предприятий, используемая в процессе составления консолидированной финансовой отчетности, составляется за тот же отчетный период и на ту же дату.

– консолидированная финансовая отчетность составляется по финансовой отчетности группы предприятий с использованием единой учетной политики для подобных операций. Если учетная политика одного из дочерних предприятий отличается от политики, которая используется для составления консолидированной отчетности, то к объединению такой отчетности материнского предприятия она согласуется с учетной политикой, используемой для составления консолидированной финансовой отчетности.

Следует отметить, что положения ФЗ № 402-ФЗ являются следствием реализации программы реформирования российского бухгалтерского учета в соответствии с МСФО и основаны на ряде международных норм, рассмотренных авторами раньше⁸.

Представление консолидированной отчетности может быть следующим⁹:

- КО готовит и подает материнское предприятие;
- в КО включают показатели финансовой отчетности всех дочерних предприятий, за исключением показателей финансовой отчетности тех дочерних предприятий, которые не включаются по определенным причинам;
- материнское предприятие не подает КО при наличии определенных условий.

Пристатейный библиографический список

1. Аминова А. А., Гареева З. А. Российские и международные нормы формирования консолидированной отчетности компании // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9(88). 2015.
2. Гайсина Л.М. Архитектура социальных приоритетов в российских компаниях нефтегазового комплекса // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». - 2011. - № 6.- С. 54-60.
3. International financial reporting standard 10 «Consolidated financial statements» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eifrs.ifrs.org/eifrs/bnstandards/en/2013/ifrs10.pdf>
4. Бахтизин Р.Н. Состояние и перспективы развития системы менеджмента Уфимского государственного нефтяного технического университета // Новые технологии газовой, нефтяной промышленности, энергетики и связи. Материалы XXII Международного конгресса. Сб. тр. Т.22. – М., 2015. – С.277-282.
5. Федеральный закон от 27.07.2010 № 208-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О консолидированной финансовой отчетности».
6. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О бухгалтерском учете».
7. Гареева З. А., Гиззатулина Э. Р. Законодательные основы организации системы внутреннего контроля // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (85).
7. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О бухгалтерском учете».
8. Гареева З. А., Гиззатулина Э. Р. Законодательные основы организации системы внутреннего контроля // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (85). С. 316–317.
9. Овчаренко В. Основные принципы, методика и проблемы составления консолидированной финансовой отчетности по МСФО // Вестник МСФО. 04.08.2015. № 17.

2 International financial reporting standard 10 «Consolidated financial statements» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eifrs.ifrs.org/eifrs/bnstandards/en/2013/ifrs10.pdf>

3 Приказ Минфина РФ от 29.07.1998 № 34н (ред. от 24.12.2010) «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте РФ 27.08.1998 № 1598).

4 Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации: Утверждено приказом Минфина России от 29.07.1998 № 34н, с последующими изменениями.

5 International financial reporting standard 10 «Consolidated financial statements» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eifrs.ifrs.org/eifrs/bnstandards/en/2013/ifrs10.pdf>

6 Федеральный закон от 27.07.2010 № 208-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О консолидированной финансовой отчетности».

Гизатова Р. Р.
ОБОСНОВАНИЕ И ВЫБОР ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОГО ВАРИАНТА
ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА НЕФТЕГАЗОВОЙ КОМПАНИИ

В статье рассмотрены прикладные аспекты выбора наиболее предпочтительного варианта инвестиционного проекта нефтегазовой компании в условиях ограниченности финансовых ресурсов и нестабильности экономической ситуации в стране.

Ключевые слова: инвестиционный проект, проектное финансирование, инвестиционные затраты, операционные затраты, эффективность, чистый дисконтированный доход, внутренняя норма доходности, денежные потоки, нефтегазовая компания, месторождение.

Gizatova R. R.
RATIONALE AND SELECTION OF PREFERABLE EMBODIMENT OF INVESTMENT
PROJECT OF OIL AND GAS COMPANY

The article deals with practical aspects of selecting the most preferred embodiment of the investment project of oil and gas company under conditions of limited financial resources and unstable economic situation in the country.

Keywords: investment projects, project financing, investment costs, operating costs, efficiency, net present value, internal rate of return, cash flow, oil and gas company, mine.

Гизатова Р. Р.

В условиях экономической и политической неопределенности страны перед многими нефтегазовыми компаниями стоит проблема экономического обоснования и выбора предпочтительного варианта инвестиционного проекта к его реализации. Немаловажное значение при этом имеет выбор форм финансирования инвестиционного проекта, среди которых приоритетной в настоящее время является проектное финансирование.

К основным преимуществам проектного финансирования можно отнести следующие:

- 1) значительные объемы финансирования;
- 2) длительные сроки кредитования;
- 3) возможность получения отсрочки в погашении основного долга на инвестиционной стадии развития проекта;
- 4) консультационная поддержка со стороны банка на всех этапах реализации проекта;
- 5) возможность погашения текущей задолженности по кредитам других банков, выданных на цели проектного финансирования;
- 6) источником возврата вложенных кредитных ресурсов в бизнес-проект является прибыль от реализации инвестиционного проекта, обособленная от финансовых результатов текущей деятельности предприятия¹.

Проблемы обоснования и выбора предпочтительного варианта инвестиционного проекта порождают необходимость формирования инвестиционного обеспечения инновационных процессов, сопровождающих реализацию проекта. Как отмечает Т. Б. Лейберт, «инвестиционное обеспечение инновационных процессов представляет собой совокупность методов и моделей инвестирования, комплекс инвестиционных ресурсов для реализации стратегических целей и задач внутреннего и внешнего инновационного развития предприятия, заключающихся в получении доходов, приращении активов в будущем или достижении иного положительного эффекта»²;

методический подход к организации мониторинга функционирования системы инвестиционного обеспечения предполагает определение объемов инвестирования для реализации очередного этапа инвестиционной стратегии³.

В качестве оценки инвестиционного проекта используются такие показатели, как чистый дисконтированный доход, внутренняя норма доходности проекта, индекс доходности.

В качестве универсального критерия выбора предпочтительного варианта инвестиционного проекта нефтегазовой компании выступает чистый дисконтированный доход, характеризующий эффективность проекта в целом и приемлемый как для разрабатываемых месторождений, так и для вновь вводимых.

Величина чистого дисконтированного дохода определяется по следующей формуле⁴:

$$NPV = \sum_{i=1}^n \frac{\dot{A}_i}{(1+r)^i} - \sum_{i=0}^n \frac{\dot{E}_i}{(1+r)^i}, \quad (1)$$

где NPV – дисконтированный поток денежной наличности;

i – номер частного периода в расчетном периоде времени n (i=1, 2, ..., n);

n – жизненный цикл инвестиционного проекта;

$\dot{A}_i$ – денежный поток (отток) денежных средств или доход;

r – норма (ставка) дисконта;

$\dot{K}_i$ – сумма инвестиций в i-м периоде.

1 Лейберт Т. Б., Халикова Э. А. Формирование финансовой модели бизнес-проекта с использованием инструментов проектного финансирования // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 6. С. 123–129.
 2 Лейберт Т. Б. Концепция формирования и использования системы инвестиционного обеспечения инновационных процессов на

предприятиях // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 5. С. 282–289.

3 Лейберт Т. Б. Повышение эффективности функционирования системы инвестиционного обеспечения развития экономических систем промышленных комплексов // Инновации и инвестиции. 2009. № 2. С. 44–49.

4 Лейберт Т. Б., Халикова Э. А. Методический инструментальный оценки инвестиционного проекта технического перевооружения производства строительной продукции // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 3. С. 83–88.

Как правило, при разработке нового месторождения составляются несколько вариантов инвестиционных проектов: базовый, пессимистичный и оптимистичный. При базовом варианте разрабатываются единые сценарные условия на 40 лет, включая учет макроэкономических показателей. Так, например, при разработке базового варианта инвестиционного проекта, связанного с разработкой месторождения, одной из крупнейших нефтегазовых компаний в проекте были учтены рост цены на нефть марки BFO DTD и марки Urals MOM, а также рост номинального курса национальной валюты.

Средняя цена на нефть марки Urals MOM на мировом рынке за 2015–2044 год принята на уровне 152,5 долл./баррель. В доходную часть входит реализация нефтяного газа, цена реализации газа на мировом рынке составляет за 2015 г. 2663 руб./тыс. м³.

Величина налоговых отчислений и платежей, а также платежей в бюджетные и во внебюджетные фонды определялась в соответствии с действующим в 2015 г. в Российской Федерации Налоговым кодексом. Согласно Федеральному Закону от 26.11.2008 г. № 224-ФЗ продлевается срок действия специфической ставки налога на добычу полезных ископаемых при добыче нефти. Налоговая ставка согласно Федеральному Закону составит 6430 руб./т.

Размер экспортной пошлины также дифференцирован в зависимости от уровня цены на нефть на внешнем рынке. Согласно тому же Федеральному Закону от 07.05.2004 г. № 33-ФЗ изменена шкала экспортной пошлины на нефть: при цене нефти выше 25 долл./барр. – ставка равна 29,2 долл./т плюс 65 % от разницы между ценой «Юралс» в долларах за 1 тонну и 182,5 долларов (где 182,5 – цена «Юралс» в долларах за 1 тонну, как 25 долл./барр.×7,3). Таким образом, размер экспортной пошлины составил 358,8 долл./т, то есть примерно 12737,4 руб./т.

Согласно действующему Налоговому кодексу РФ в составе эксплуатационных затрат учитываются налоги и отчисления, относимые на себестоимость продукции. Кроме налогов и отчислений, включаемых в состав эксплуатационных затрат, учитываются налоги, относящиеся на финансовые результаты или уплачиваемые в счет уменьшения прибыли предприятия. Все эти виды налогов формируются при расчете показателей коммерческой и бюджетной эффективности эксплуатации месторождения, сумма всех налогов составляет доход государства от проекта.

Определение эксплуатационных затрат осуществляется с использованием удельных затрат, которые формируются на основе фактической калькуляции затрат за базовый период, выбранный для проведения расчетов эффективности. После

определения капитальных и текущих затрат с учетом налогов и иных отчислений осуществляется расчет показателей, характеризующих экономическую эффективность инвестиционного проекта.

Выбор наиболее рационального варианта разработки месторождения, позволяющего достичь максимальный коэффициент нефтеотдачи пласта, определяется исходя их положительного потока денежной наличности.

К капитальным вложениям были отнесены затраты, необходимые для осуществления поисковых работ, пробной эксплуатации скважин и месторождения, разработки, строительства и обустройства скважин при бурении, затраты на поверхностное обустройство.

Кроме того, в состав капитальных затрат входят прочие затраты и затраты на природоохранные мероприятия (в процентном отношении к общей сумме капитальных затрат). Оценка капитальных вложений проводилась по вариантам разработки отдельных эксплуатационных объектов и в целом по месторождению. Стоимостные показатели по капитальным вложениям, необходимые для обустройства месторождения, приведены в таблице 1 в соответствии с динамикой ввода объектов, представленной в технологической части инвестиционного проекта.

Как видно из таблицы 1, за период освоения месторождения и проведения геологоразведочных работ 2004–2015 гг. объем инвестиционных расходов составит 22,9 млрд руб., а за период проведения операционной деятельности объем инвестиционных затрат, связанных с обустройством месторождения, составит 3 млрд руб.

При определении эксплуатационных затрат были использованы данные калькуляции себестоимости добычи нефти на месторождении, а также принимались во внимание технологические показатели вариантов разработки эксплуатационных объектов и месторождения в целом.

Оценка эксплуатационных расходов была выполнена в соответствии с текущими удельными затратами с учетом проектируемых показателей по добыче нефти, среднедействующего фонда скважин и закачки воды по следующим элементам затрат:

- обслуживание добывающих и нагнетательных скважин;
- затраты на электроэнергию; сбор и транспорт нефти;
- затраты на подготовку нефти; амортизация скважин и прочих основных фондов;
- затраты на проведение мероприятий по повышению нефтеотдачи пластов;
- налоги и платежи, включаемые в себестоимость нефти.

Таблица 1 – Инвестиционные затраты по проекту по разработке месторождения за планируемый период, млн руб.

Вид инвестиционных затрат	Величина затрат за 2004–2044 годы	Величина затрат за 2015–2044 годы
Бурение скважин	15 064,1	201,3
Оборудование, не входящее в сметы строок	1 523,7	883,0
Строительство, всего	6 148,6	2 015,9
в том числе:		
ПИР	327,7	100,8
оборудование	2 023,0	806,4
оборудование (передача в монтаж)	1 211,6	806,4
СМР	3 481,3	1 007,9
прочие расходы (строительство)	316,6	100,8
Всего инвестиционные расходы	22 918,6	3 100,2

Таблица 2 – Операционные затраты по инвестиционному проекту за планируемый период, млн руб.

Вид операционных затрат на добычу нефти	Величина затрат за 2004–2044 годы	Величина затрат за 2015–2044 годы
Эксплуатационные затраты (без налогов и амортизации), всего	34 707,8	26 314,5
Расходы на подготовку и освоение производства	313,1	201,8
Расходы по добыче нефти и газа, сбор газа попутного	17 259,9	13 911,8
Расходы по искусственному воздействию на пласт	7 158,7	6 044,3
Расходы по транспортировке нефтесодержащей жидкости и газа	686,8	447,3
Расходы по технологической подготовке нефти	1 626,4	1 054,5
Расходы по транспортировке нефти и газа	234,8	33,4
Общепроизводственные расходы	5 306,2	3 813,0
Прочие производственные расходы	478,1	463,5
Внепроизводственные расходы	1 643,7	344,9

Таблица 3 – Исходные технические данные для расчета экономических показателей по инвестиционному проекту

Показатель	За 2004–2044 годы	За 2015–2044 годы
Добыча углеводородного сырья, всего, тыс. ТУТ	22 550	10 603
в том числе:		
добыча нефти, тыс. т	17 692	8 185
использование нефтяного газа, млн. м ³	4 859	2 418
Товарные углеводороды, тыс. ТУТ	22 290	10 603
в том числе:		
товарная нефть, тыс. т	17 669	8 185
товарный нефтяной газ, млн. м ³	4 621	2 418

Таблица 4 – Результаты определения денежного потока по инвестиционному проекту в базовом варианте

Показатель	За 2015–2044 годы	За 2015–2024 годы
Добыча углеводородного сырья, тыс. т	10603	8450
Выручка от продажи продукции, млн руб.	134 595	96 632
Операционные расходы с учетом инфляции, млн руб.	38442	15938
Налоги и платежи (НДПИ, налог на имущество, налог на прибыль), млн руб.	63021	49774
Инвестиционные затраты с учетом инфляции, млн руб.	4748	1456
Денежный поток от операционной деятельности, млн руб.	28788	–
Денежный поток от инвестиционной деятельности, млн руб.	4748	–
Чистый денежный поток, млн руб.	24039	24769
Денежный поток с учетом вероятности, млн долл.	720	656

Состав операционных затрат на добычу нефти и их значение за период инвестиционного планирования по месторождению представлен в таблице 2.

По данным таблицы 2 видно, что общая величина операционных затрат на добычу нефти за 2004–2015 год составляет 34,7 млрд руб., а за 2015–2044 годы – 26,3 млрд руб. соответственно.

По прогнозным оценкам запасов в качестве технологических данных по проекту выступают прогнозные объемы добычи нефти и газа за период действия лицензионного участка. Исходные технологические данные для расчета экономических показателей эффективности инвестиционного проекта по разработке месторождения приведены в таблице 3.

Как видно из таблицы 3, за период 2004–2015 годы прогнозный объем углеводородного сырья составит 22 550 тыс. ТУТ, а за 2015–2044 годы – 10 603 тыс. ТУТ. Объем товарных углеводородов за 2004–2015 годы на 1,15 % меньше, что объясняется технологическими потерями.

На основе данных о технических показателях, инвестиционных и операционных затратах по инвестиционному проекту рассчитывается денежный поток от инвестиционной и операционной деятельности и суммарный денежный поток. При этом данный показатель рассчитывают с учетом дисконтирования и без дисконтирования. Результаты определения денежного потока по инвестиционному проекту в базовом варианте представлены в таблице 4.

Таблица 5 – Оценка эффективности инвестиционного проекта по разработке месторождения

Показатель	Срок планирования проекта	
	2015–2044	2004–2044
Добыча углеводородного сырья, тыс. т	10603	22550
Добыча нефти, тыс. т	8185	17692
Добыча нефтяного газа, тыс. м ³	2418	4859
Операционные расходы, млн руб.	38 442	46 836
Инвестиционные расходы, млн руб.	4 748	24 567
Год начала проекта		2004
NPV (чистый приведенный доход), млн долл.	470	294
IRR (внутренняя норма доходности)	500	240
Экономически обоснованный срок окупаемости, лет	17	
NPV (чистый приведенный доход), млн долл.	474	
IRR (внутренняя норма доходности), %	500	

Как видно из таблицы 4, при базовом варианте инвестиционного проекта суммарный чистый денежный поток от инвестиционной и операционной деятельности за период 2015–2044 гг. составит 24 млрд руб. с учетом благополучного сценария макроэкономической ситуации в стране.

Оценка экономической эффективности инвестиционного проекта месторождения представлена в таблице 5.

Как видно из таблицы 5, по инвестиционному проекту в базовом варианте наблюдается положительное значение чистого приведенного дохода, который составил за срок реализации проекта (2015–2044 гг.) 470 млн долл., внутренняя норма доходности составляет больше 100%, экономически обоснованный срок окупаемости проекта составляет 17 лет.

Приведенные выше расчеты и их анализ показывает, что даже в отношении единичного инвестиционного проекта решение о его принятии не всегда очевидно, поскольку выбор нужного критерия может при определенных условиях помочь обосновать то или иное решение. Это связано с тем, что на предприятии первоочередным считают базовый вариант инвестиционного проекта с учетом заданных единых сценарных макроэкономических условий с положительной их динамикой. Очевидно, что ситуация резко может усложниться, если приходится оценивать несколько проектов, причем находящихся в различных отношениях взаимозависимости. Однако даже на интуитивном уровне можно предположить, что такие расхождения могут возникнуть и внутри группы однородных критериев.

Взаимосвязи между критериями, основанными на дисконтированных оценках, несколько более сложны. В частности, существенную роль играет то обстоятельство, идет ли речь о единичном проекте или инвестиционном портфеле, в котором могут быть как независимые, так и взаимоисключающие проекты. Единичный проект является частным случаем портфеля независимых проектов. В этом случае критерии чистый дисконтируемый доход (ЧДД), индекс доходности дисконтируемых затрат (ИДДЗ) и внутренняя норма доходности (ВНД) дают одинаковые рекомендации по поводу принятия или игнорирования проекта. Иными словами, проект, приемлемый по одному из этих критериев, будет приемлем и по другим. Причина такого «единодушия» состоит в том, что между показателями ЧДД, ИДДЗ, ВНД, норма дисконтирования (Е) имеются очевидные взаимосвязи:

если $ЧДД > 0$, то одновременно $ВНД > E$ и $ИДДЗ > 1$;
если $ЧДД < 0$, то одновременно $ВНД < E$ и $ИДДЗ < 1$;
если $ЧДД = 0$, то одновременно $ВНД = E$ и $ИДДЗ = 1$.

Однако независимыми проектами не исчерпывается все многообразие доступных вариантов инвестирования средств. Например, в условиях исследуемой нефтегазовой компании имеет место ситуация, когда необходимо сделать выбор из нескольких возможных для реализации инвестиционных проектов. Причины могут быть разными, в том числе и ограниченность доступных финансовых ресурсов, означающая, что некоторые из приемлемых в принципе проектов придется отвергнуть или отложить на будущее. Возможна и такая ситуация, когда величина источников средств и их доступность заранее точно не определены или меняются с течением времени. В этом случае требуется, по крайней мере, ранжировать проекты по степени приоритетности независимо от того, являются они независимыми или взаимоисключающими. Может поменяться политико-экономическая ситуация в стране, которая приведет к ухудшению единых сценарных условий.

Оказывается, что во всех приведенных ситуациях сделать однозначный вывод не всегда возможно. Рассмотрим этот вопрос на примере первичного инвестиционного портфеля, включающего различные варианты инвестиционных проектов по разработке участка месторождения. В таблице 6 приведены исходные данные и аналитические коэффициенты по нескольким проектам (ставка дисконтирования составляет 20%). Требуется оценить целесообразность выбора одного из них.

Результаты выполненных расчетов подтверждают сделанный ранее вывод о том, что возможна различная упорядоченность проектов по приоритетности выбора в зависимости от используемого критерия. Прежде всего, необходимо еще раз подчеркнуть, что методы, основанные на дисконтированных оценках, с теоретической точки зрения являются более обоснованными, поскольку учитывают временную компоненту денежных потоков. Вместе с тем они относительно более трудоемки в вычислительном плане.

Таким образом, основной вывод состоит в том, что из всех рассмотренных критериев наиболее приемлемыми для принятия решений инвестиционного характера являются критерии ИДДЗ, ЧДД, ВНД и дисконтируемый срок окупаемости (ДСО).

Таблица 6 – Выбор предпочтительных вариантов инвестиционных проектов по разработке месторождения (структур), млн руб.

Год	Денежные потоки инвестиционных проектов			
	Проект 1	Проект 2	Проект 3	Проект 4
1	-160	-227	-156	-940
2	95	215	112	258
3	177	258	276	362
4	220	220	241	534
5	198	207	–	577
6	112	181	–	556
7	56	125	–	452
8	39	34	–	362
9	–	–	–	211
10	–	–	–	125
ЧДД, млн. руб.	600	832	609	1824
Индекс доходности	1,65	1,60	1,55	1,49
ВНД, %	77	87	90	33
Срок окупа- емости, год	2,4	2,1	2,2	3,8

Несмотря на отмеченную взаимосвязь между этими показателями, при оценке инвестиционных проектов проблема выбора критерия все же остается.

Основная причина кроется в том, что ЧДД – абсолютный показатель, а ИДДЗ и ВНД – относительные показатели.

При выборе наиболее предпочтительного варианта инвестиционного проекта необходимо руководствоваться следующими соображениями.

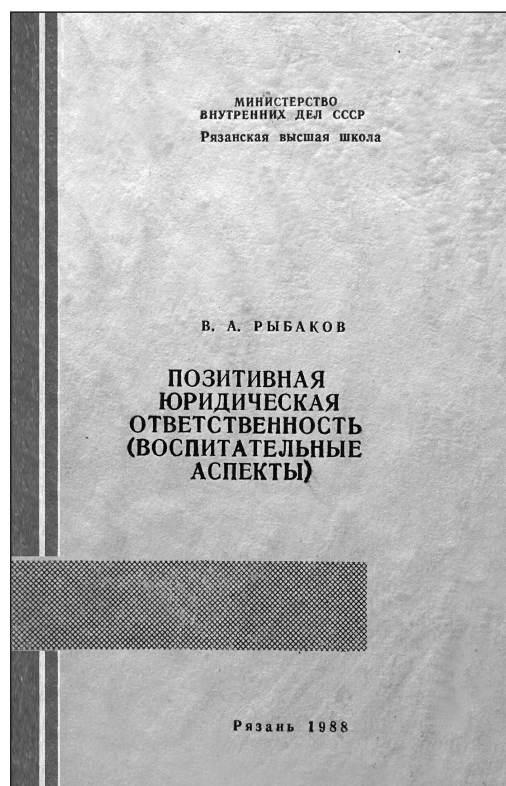
Рекомендуется выбирать вариант с большим значением ИДДЗ.

Поскольку объем инвестиций в отношении любого проекта может быть сколь угодно малым (по крайней мере теоретически), максимальный суммарный эффект может быть достигнут при наибольшей эффективности использования вложенных средств, то есть речь идет о максимизации отдачи на инвестированный капитал.

2. При одинаковых значениях ИДДЗ нескольких проектов, рекомендуется выбирать вариант с большим ЧДД, поскольку этот показатель характеризует возможный прирост экономического потенциала предприятия, наращивание экономической мощи компании является одной из наиболее приоритетных целевых установок.

Пристатейный библиографический список

1. Лейберт Т. Б. Концепция формирования и использования системы инвестиционного обеспечения инновационных процессов на предприятиях // Аудит и финансовый анализ. 2009. № 5. С. 282–289.
2. Лейберт Т. Б. Повышение эффективности функционирования системы инвестиционного обеспечения развития экономических систем промышленных комплексов // Инновации и инвестиции. 2009. № 2. С. 44–49.
3. Лейберт Т. Б., Халикова Э. А. Методический инструмент оценки инвестиционного проекта технического перевооружения производства строительной продукции // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 3. С. 83–88.
4. Лейберт Т. Б., Халикова Э. А. Формирование финансовой модели бизнес-проекта с использованием инструментов проектного финансирования // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 6. С. 123–129.

Кадырова Г. Ф., Гиндуллин Н. Ф., Даллакян Г. Р.
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье раскрывается сущность и место социального конфликта в современном обществе. Показывается производственный конфликт как необходимый элемент рыночной экономики.

Ключевые слова: конфликт, социальный конфликт, производственный конфликт, социальное противоречие, рыночная экономика, столкновение, деструктивные функции, конструктивные последствия, конфликтология.

Kadyrova G. F., Gindullin N. F., Dallakyan G. R.
INDUSTRIAL DISPUTES AS AN INTEGRAL COMPONENT OF MODERN SOCIETY

The article reveals the essence and place of social conflict in modern society. Industrial dispute as an essential element of the market economy is revealed.

Keywords: conflict, social conflict, industrial conflict, social contradiction, market economy, collision, destructive functions, constructive consequences, conflict.

Преобразование современного общества со всей очевидностью ставит сознание философов и социологов перед неумолимым фактом, заключающимся в том, что именно конфликтным, занимающим периферийное место в тоталитарном обществе, процессам, прежде вторичным и легко вытесняемым, удается перехватить инициативу и навязывать современному российскому обществу конфликтную парадигму социального обустройства, часто соразмерную с иррациональными порывами.

Конфликты имеют ряд позитивных функций и в определенной мере способствуют интеграции общества, в то же время конфликт имеет деструктивные функции, которые весьма опасны и в крайней форме могут угрожать любому социальному организму потрясениями. Дальнейшее игнорирование таких сложных явлений действительности как производственные конфликты, при росте их количества и в ситуации отсутствия методологии и технологии их изучения и регулирования, будет содействовать разрушительным процессам, затрагивающим не только отдельные производства, но и все наше общество. Сегодня объективно требуется поиск теоретических и практических средств конструктивного регулирования производственных конфликтов.

Социально-философский и социологический подходы к исследованию конфликтов требуют определения необходимых и достаточных методологических оснований, опираясь на которые можно было бы проследить причины возникновения и динамику развития конфликта как естественного, неотъемлемого атрибута общества, характерные черты, а также закономерности развития современной конфликтологии.

За время своего существования конфликтология приобрела исключительную универсальность и превратилась и в специфическую область практического управления, и в методический инструментарий оптимизации управления, ее и в самостоятельную отрасль социологического знания, представленную исследовательскими и прикладными теориями и практиками. Очевидно, этим объясняется значительное многообразие определений конфликта, предложенных в зарубежной и отечественной философской и социологической литературе.

Прежде чем перейти к анализу понятия производственного конфликта, представляется необходимым отметить общее требование, реализация которого может обеспечить не-

обходимость, эвристичность и практическую значимость предпринимаемого анализа. Речь идет о том, что в условиях интенсивных преобразований социальных отношений в направлении к их демократизации происходит смена парадигмы в конфликтологических исследованиях¹.

Это выражается, во-первых, в признании и обосновании значения социальных конфликтов в качестве неотъемлемого атрибута общественной жизни, во-вторых, в признании и обосновании не только негативных функций конфликтов, но и конструктивных, позитивных функции конфликта в общественном развитии, в-третьих, в саморефлексивности конфликтной деятельности, что связано прежде всего, с интенсивными процессами использования конфликта, конфликтной ситуации не только в качестве предмета исследования,

Кадырова Г. Ф.

Гиндуллин Н. Ф.

Даллакян Г. Р.

¹ Громова О. Н. Конфликтология: учебное пособие для студентов специальностей: экономика и управление машиностроением М., 1993. С. 20; Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы. М., 1996. С. 43. Подобной точки зрения придерживаются и другие авторы: Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев С. В. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993. С. 11–13; Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт. Ростов, 1992. С. 54; Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 1: методологические, общетеоретические, технологические подходы. М., 1991. С. 27.

но и в качестве эффективного средства разрешения проблем в обществе.

Философский и социологический анализ производственного конфликта отличается онтологическим подходом, в соответствии с которым конфликт есть свойство производственных систем, обусловленное самой природой и организационным пространством его проявления. Понятие «производственный конфликт», несомненно, включает в себя разрушительное начало, однако конфликт вызывает также интегративный эффект, усиливая внутриорганизационное единство, облегчая согласие в понимании и способов решения возникающих проблем, повышает инновационный потенциал производственной организации в целом.

Дискуссия по вопросу, что же такое производственный конфликт и каковы основные характеристики, а также причины и факторы его возникновения, идет и в среде психологов, и в среде социологов, и в зарождающейся среде конфликтологов. Термин «производственный конфликт» стал довольно часто появляться как на страницах специальной научной литературы, так и в материалах прессы и телевидения. Но, несмотря на сравнительно частое употребление этого термина, существует довольно широкий диапазон в его трактовке и объяснении всего комплекса явлений с ним связанных².

Однако отметим, что в литературе по данной проблеме понятия «производственный конфликт» и «индустриальный конфликт» часто используются как смысловые синонимы. Очевидно, что более широкое понятие «социальный конфликт» применительно к экономической сфере общества преобразуется в «индустриальный конфликт» или «производственный конфликт». В силу недостаточной разработанности в социологии теории производственного конфликта, это понятие практически не используется в нашей литературе и практике. Широкое распространение получило понятие «трудовой конфликт», привнесенное из юриспруденции. Далее следует отметить, что в литературе наряду с «трудовым конфликтом» используются также такие синонимичные понятия как «социальный конфликт на предприятии», «конфликты в трудовых коллективах», «конфликты в социально-трудовой сфере».

На наш взгляд, применяемое нами понятие производственного конфликта более предпочтительно, потому что оно наиболее адекватно описывает характер преобразований, вызванных со спецификой экономики переходного периода, и охватывает весь спектр отношений не только трудовых, но и отношений, складывающихся в сферах обмена, распределения, потребления. Если трудовой конфликт охватывает только социально-трудовую сферу, то сфера распространения производственного конфликта включает не только трудовую, но и весь спектр производственных отношений, складывающихся в условиях рыночной экономики.

На наш взгляд, в качестве системообразующего критерия может выступать понятие социального противоречия, являющееся одновременно родовым признаком конфликта. Большинство авторов исследований по проблеме конфликтов

вообще и производственных, в частности, под конфликтом понимает категорию, отражающую определенную стадию развития противоречия. Как отмечает Е. И. Степанов, «социальный конфликт может быть определен как активное противоречие, противоборство самоопределяющихся субъектов»³. При этом необходимым моментом является то, что социальный конфликт представляет собой противоречие, которое так или иначе осознано и оценено конфликтующими субъектами. Таким образом, социальный конфликт возникает в случае, если:

- а) противоречия отражают взаимоисключающие позиции субъектов;
- б) степень противоречия достаточно высока;
- в) противоречия осознаются индивидами или группами;
- г) противоречия возникают мгновенно, неожиданно или довольно долго накапливаются, прежде чем возникнут какие-то столкновения.

Таким образом, подведение понятия конфликта под категорию социального противоречия является первым важным методологическим основанием исследования социальных конфликтов.

Анализ конфликта через противоречие влечет за собой важные следствия. Поскольку противоречие разрешимо, конфликт определяется не просто как противоречие, а как разрешаемое конфликтующими сторонами противоречие. Разрешимость конфликта органически укладывается в рамки субъектно-деятельностного подхода. Поэтому можно сказать, что субъектно-деятельностный подход является вторым методологическим основанием для анализа производственного конфликта.

Вычленением субъектно-деятельной стороны конфликта, с одной стороны, преодолевается прежде характерный для отечественных наук объективистский подход к анализу социальной реальности. С другой стороны, конфликтная ситуация описывается не извне, а изнутри, а именно «через трансформацию ценностных ориентаций и мотивационной сферы конфликтующих субъектов»⁴.

Таким образом, социальный конфликт как один из этапов эволюции социального противоречия характеризуется следующими основными признаками:

- 1) это тип социального взаимодействия между различными социальными субъектами;
- 2) это взаимодействие, основанное на различии интересов, целей и ценностей;
- 3) это взаимодействие предполагает намерение, готовность и фактическое действие, направленные на улучшение своей позиции за счет ухудшения положения соперничающей стороны;
- 4) это такое взаимодействие, которое угрожает стабильности структуры или системы, в которой оно сформировалось⁵.

Опираясь на выделенные критерии для определения понятия конфликта, можно дать следующее его общее опреде-

2 Бойко В. В., Ковалев А. Г. Конфликты в трудовом коллективе и пути их разрешения // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 3; Бородкин Ф. К., Коряк Н. М. Внимание, конфликт. Новосибирск, 1989; Бухаркин И. В., Гибианский Л. Я. Первые шаги конфликта // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5; Каримова З. Социальные конфликты на производстве // Конфликты и консенсус. 1993. № 1; Филиппов А. В., Липинский В. К., Князев В. Н. Производственная социология, психология и педагогика. М., 1989; Платонов Ю. В. Социальные конфликты на производстве // Социол. исследования. 1991. № 11.

3 Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы. М., 1996. С. 43. (Подобной точки зрения придерживаются и другие авторы: Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев С. В. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993. С. 11–13; Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт. Ростов, 1992. С. 54; Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 1: методологические, общетеоретические, технологические подходы. М., 1991. С. 27).

4 Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1994. С. 100–103.

5 Авксентьев В. А. Этническая конфликтология. Ставрополь. Изд-во СГУ, 1996. С. 21.

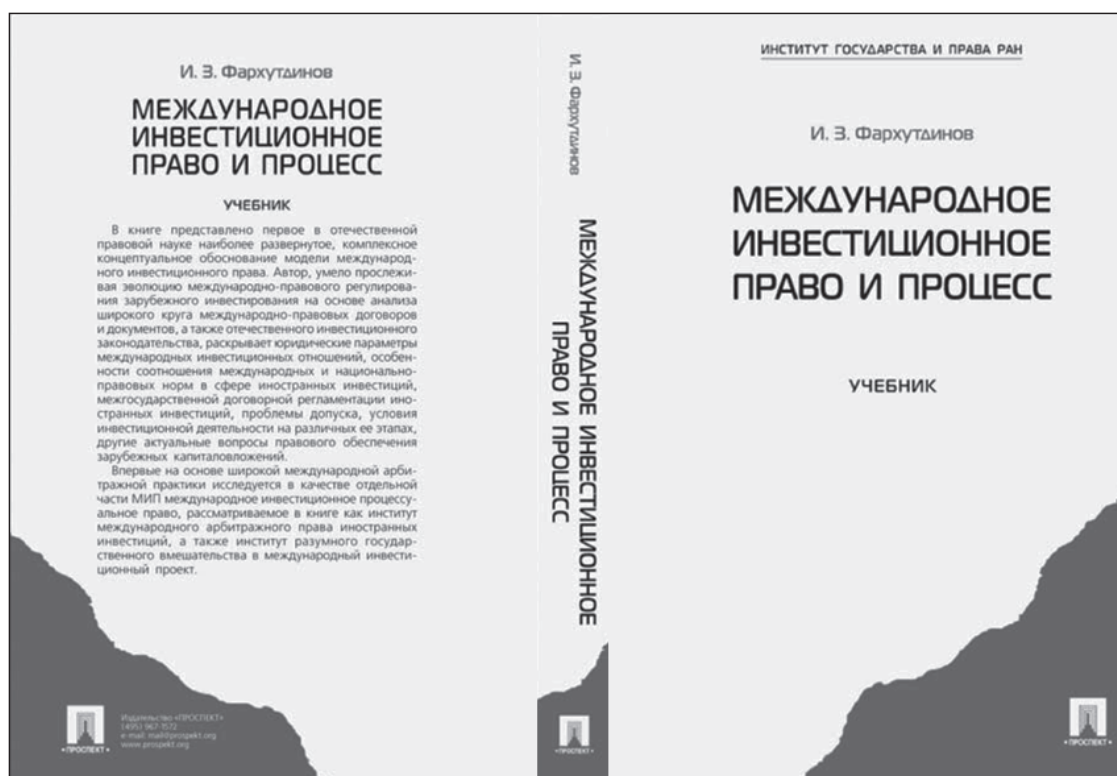
ление: социальный конфликт есть система, представляющая собой этап развития социального противоречия, обусловленного различием интересов, целей и ценностей взаимодействующих сторон. Итак, с учетом этого родового понятия конфликта мы можем дать следующее определение производственного конфликта: производственным конфликтом следует признать любой конфликт, в котором столкновение связано с производственными отношениями сторон, и, следовательно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают социально-производственными признаками, а конфликт влечет экономические последствия. Для переходного периода общественного развития производственный конфликт нередко выступает детерминантой и составной частью других конфликтов.

В таком понимании производственный конфликт выступает в качестве сложного явления, проявляющегося в двух аспектах — как неотъемлемый атрибут производственной сферы общества и как элемент реформируемой производственной системы и производственной деятельности.

Производственный конфликт является одним из проявлений общей конфликтности в обществе и не может рассматриваться вне исторического и социального контекста. Особая значимость и устойчивость производственных конфликтов объясняется, на наш взгляд, не столько спецификой самого производственного конфликта, сколько спецификой производственных отношений и производственной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Авксентьев В. А. Этническая конфликтология. Ставрополь. Изд-во СГУ, 1996.
2. Бойко В. В., Ковалев А. Г. Конфликты в трудовом коллективе и пути их разрешения // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 3.
3. Бородин Ф. К., Коряк Н. М. Внимание, конфликт. Новосибирск, 1989.
4. Громова О. Н. Конфликтология: учебное пособие для студентов специальностей: экономика и управление машиностроением М., 1993.
5. Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев С. В. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.
6. Дмитриев А. В., Кудрявцев В. Н., Кудрявцев С. В. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.
7. Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт. Ростов, 1992.
8. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1994.
9. Каримова З. Социальные конфликты на производстве // Конфликты и консенсус. 1993. № 1.
10. Платонов Ю. В. Социальные конфликты на производстве // Социол. исследования. 1991. № 11.
11. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 1: методологические, общетеоретические, технологические подходы. М., 1991.
12. Степанов Е. И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы. М., 1996.
13. Филиппов А. В., Липинский В. К., Князев В. Н. Производственная социология, психология и педагогика. М., 1989.

Сафина Р. Р., Харитонов А. П.
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И КОНТРОЛЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

В статье рассмотрена необходимость создания системы контроля реализации инвестиционной деятельности, рассмотрена структура управления инвестиционной деятельностью промышленного предприятия, определены цели реализации механизма контроля инвестиционной деятельности для промышленного предприятия.

Ключевые слова: контроль, инвестиционная деятельность, инвестиционный проект, управление, стратегия.

Safina R. R., Kharitonov A. P.
STRATEGIC MANAGEMENT AND CONTROL OF THE INVESTMENT ACTIVITY AT THE INDUSTRIAL ENTERPRISES

The need of creation of the monitoring system for implementation of investment activity is considered in the article, the structure of investment activity management of industrial enterprise is determined, the purposes of realization of the investment activity control mechanism for an industrial enterprise are defined.

Keywords: control, investment activity, management, strategy.

В современных условиях организации сталкиваются с рядом проблем, связанных с постоянно меняющимися условиями ведения хозяйственной деятельности¹.

Одним из условий сохранения лидирующих позиций промышленного предприятия на рынке является активная инвестиционная деятельность. Особенностью инвестиционной деятельности промышленных предприятий является симбиоз управленческих, технических и коммерческих решений, нацеленных на повышение эффективности предприятия, что позволяет достичь реализации инвестиционной программы и отдельных проектов².

Механизм управления инвестиционной деятельностью на промышленном предприятии, как правило, включает следующие элементы:

- научно-технические;
- информационные;
- социально-экономические;
- организационно управленческие;
- производственные;
- нормативно-правовые.

Вышеперечисленные элементы в совокупности должны обеспечивать достижение определенных стратегических и тактических результатов, в том числе параметров эффективности, обеспечивающих преимущество предприятия перед конкурентами.

Инвестиционная деятельность промышленного предприятия включает целый ряд инвестиционных проектов, не ограничиваясь единственным проектом.

Оценка и выбор инвестиционных проектов является важнейшим элементом стратегического управления инвестиционной деятельностью промышленного предприятия, которое в обязательном порядке должно включать в себя следующие этапы:

I этап. Анализ и отбор инвестиционных проектов, позволяющий исключить заведомо нерентабельные проекты, а так-

же проекты, не соответствующие концепции развития промышленного предприятия или, иными словами, стратегии развития.

II этап. Анализ внешних факторов и технико-экономическое обоснование. Предполагает расчет показателей эффективности, планирование бюджета проекта и финансовых потоков, разработку критериев риска и их контроля.

III этап. Утверждение проектов, выбор программы развития и набора инвестиционных проектов с целью получения максимальной эффективности в рамках доступного бюджета, направляемого на инвестиционную деятельность промышленного предприятия.

IV этап. Контроль инвестиционной деятельности промышленного предприятия через контроль реализации отдельных инвестиционных проектов и влияния внешних факторов на стратегию развития.

V этап. Корректировка стратегии развития, т.е. принятие управленческих решений, необходимых для достижения эффективности инвестиционной деятельности в случае воздействия внешних факторов.

Для достижения преимущества перед конкурентами в рыночных отношениях промышленному предприятию необходимо постоянное совершенствование, которое зависит от качества и эффективности реализации инвестиционных проектов и в целом стратегии развития промышленного предприятия.

В современных условиях многие руководители промышленных предприятий определяют риски инвестиционной деятельности как наиболее приоритетные. В результате исследования компании «Ernst & Young» около 80 % опрошенных руководителей средних и крупных компаний указали, что риски, связанные с реализацией инвестиционных программ и проектов, являются наиболее значимыми в сравнении с иными³.

Сафина Р. Р.

Харитонов А. П.

1 Бутусов Е. В., Сафина Р. Р. Методика оценки непрерывности деятельности организации, основанная на риск-ориентированном подходе // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2013. № 6. С. 102–107.

2 Харитонов А. П. Инвестиционная деятельность, как реализация стратегии развития промышленного предприятия // Проблемы и тенденции развития инновационной экономики: международный опыт и российская практика материалы III Междунар. науч.-практ. конф./ редкол.: Л. И. Ванчухина и др.; под общ. ред. проф. Л. И. Ванчухиной. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2015. С. 268–270.

3 Теплова Т. Управление инвестиционным процессом компании в условиях неопределенности // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 7. С. 93–104.

Однако, несмотря на высокую значимость инвестиционной деятельности и понимание этого руководством компаний, имеет место недооценка инвестиционных рисков, но скорее это связано с определенной неспособностью выявить и своевременно отреагировать на возникающие проблемы в ходе реализации стратегии развития, а не с нежеланием контролировать и принимать управленческие решения, связанные с инвестиционной деятельностью на всех этапах жизненных циклов инвестиционных проектов.

Более 60 % руководителей в рамках указанного выше исследования сообщили о неэффективности предпринимаемых ими усилий в сфере усовершенствования системы контроля инвестиционной деятельности⁴. Практический опыт свидетельствует о том, что риски, связанные с инвестиционной деятельностью, влияют на все сферы деятельности промышленного предприятия и могут воздействовать как на персонал, так и на технологические процессы, повлиять на инвестиционную привлекательность предприятия для независимых инвесторов.

Для минимизации негативного воздействия промышленное предприятие должно иметь систему контроля реализации инвестиционной деятельности, включающую как сбор статистических данных для сравнительного анализа, так и аналитическую систему для прогнозирования и выявления тенденций развития. В рамках прогнозирования необходимо исследование внешних и внутренних факторов, влияющих на деятельность предприятия.

Следует также иметь в виду, что под контролем и управлением инвестиционной деятельностью необходимо понимать регулярный аудит, связанный с изучением и анализом отступлений от стратегии развития, как для внешних, так и для внутренних аспектов с постоянной инициацией корректировок.

Реализация механизма контроля инвестиционной деятельности позволит разработать и реализовать оптимальную стратегию развития промышленного предприятия, а также разработать оптимальные схемы привлечения финансовых ресурсов для реализации инвестиционных проектов.

Независимо от стадии реализации инвестиционного проекта или стратегии в целом, оценка рисков должна быть построена на регулярной основе, что позволяет обеспечить своевременные корректировки и принятие эффективных управленческих решений, что в дальнейшем положительно влияет на реализацию программы и достижение желаемого результата.

Идентификация рисков на этапе их формирования позволяет не только принять нужные решения для устранения рисков, но и выбрать из ряда возможных вариантов без ущерба для всего процесса, а в случае выявления ряда рисков, выполнить их ранжирование и обеспечить принятие управленческих решений исходя из минимизации и комплексной оценки воздействия на промышленное предприятие в целом.

Сегодня промышленные предприятия широко внедряют в организационную структуру направления по управлению инвестиционными рисками, что позволяет своевременно выявлять и проводить их анализ, разрабатывая методы решения. Это позволяет руководству уделить должное внимание решению стратегических задач, а не заниматься обыденными проблемами. Учитывая важность инновационного развития, для реализации стратегии должна быть организована структура контроля, как часть системы эффективного управления, целью данной структуры должна быть разработка различных вариаций управленческих решений и их аналитическая оценка⁵.

В целом задачи данной структуры можно разделить на следующие процессы:

- инвестиционное планирование и координация;
- реализация инвестиционных проектов;
- инвестиционный контроль.

Инвестиционное планирование и координация предполагает обеспечение информацией инвестиционных решений

и координации информационных потоков, а также разработку системы оценки эффективности инвестиционных проектов.

В ходе реализации инвестиционных проектов проводится анализ графиков реализации совместно с финансовым планом и бюджетом инвестиционных проектов, определяется влияние изменений внутренних и внешних факторов на процесс реализации, предлагаются корректирующие мероприятия.

И в данном случае под инвестиционным контролем подразумевается контроль бюджетов и сроков проектов, анализ их отклонений от плановых значений, влияние на показатели эффективности, выявление причин отклонений и разработка мероприятий по их устранению.

Необходимо отметить, что в период сложной экономической ситуации, когда современный рынок диктует условия каждой отдельно взятой в нем отрасли промышленного производства и для менеджмента компаний жизненно важным является своевременное реагирование и адаптация к новым условиям, через инвестиционную деятельность необходимо вносить конструктивные изменения в решение фундаментальных проблем.

Анализ современных форм и механизмов управления инвестиционной деятельностью промышленных предприятий наглядно указывает на необходимость их совершенствования, разработку особого подхода через реализацию стратегии развития.

Достижение эффективности в реализации программ развития невозможно без совершенствования методов анализа, планирования и отчетности инвестиционной деятельности через контроль реализации проектов, входящих в стратегию развития промышленного предприятия.

Подход к эффективной реализации стратегии развития, и, как следствие, инвестиционной деятельности через реализацию и контроль каждого отдельно взятого проекта программы развития позволяет реагировать на изменения внешних и внутренних факторов, связанных с коммерческой и промышленной деятельностью, оптимизируя пути достижения конечной цели и получение максимума отдачи, как в моменте времени, так и в будущем.

Понимание специфики управления и контроля инвестиционной деятельности промышленного предприятия и отражения ее в организационной структуре позволяет избирать качество управления процессом. По причине все более увеличивающегося количества различных факторов, влияющих на положение промышленного предприятия, и их сложную взаимосвязь с внешними факторами, наличие структуры контроля инвестиционной деятельности должно быть обязательным в современных условиях.

В целом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что реализовать стратегический подход к управлению инвестиционной деятельностью на промышленных предприятиях можно лишь путем надлежащего сочетания обоснованных целевых установок, качественных управленческих решений по их воплощению, а также создания и эффективного функционирования надлежащей инфраструктурной управленческой среды.

Пристатейный библиографический список

1. Бутусов Е. В., Сафина Р. Р. Методика оценки непрерывности деятельности организации, основанная на риск-ориентированном подходе // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2013. № 6.
2. Харитонов А. П. Инвестиционная деятельность, как реализация стратегии развития промышленного предприятия // Проблемы и тенденции развития инновационной экономики: международный опыт и российская практика материалы III Междунар. науч.-практ. конф./ редкол.: Л. И. Ванчухина и др.; под общ. ред. проф. Л. И. Ванчухиной. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2015.
3. Теплова Т. Управление инвестиционным процессом компании в условиях неопределенности // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 7.
4. Кудрин В., Железняк Р. Угрожение рисков // Управление компанией. 2008. № 3.

⁴ Там же.

⁵ Кудрин В., Железняк Р. Угрожение рисков // Управление компанией. 2008. № 3. С. 66–70.

Магомедрасулова Р. Б.
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССАХ МОДЕРНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ
ОБЩЕСТВОМ

Статья посвящена роли государства в процессах модернизации и управления обществом. В статье проведен анализ роли государства как субъекта модернизации и управления обществом, а также выявлена роль государства как субъекта модернизации. Рассмотрена система государственного управления и отношения, существующие в рамках этой системы.

Ключевые слова: государство модернизация субъект управления, общество, государственное управление занимает особое место, государственная власть.

Magomedrasulova R. B.
THE ROLE OF THE STATE IN THE PROCESSES OF MODERNIZATION
AND SOCIAL CONTROL

The article focuses on the role of the state in the processes of modernization and management of the society. In the article the analysis of role of the state as subject of modernization and management of the society, and the role of the state as subject of modernization is conducted. The system of public administration and the relations that exist within this system are considered.

Keywords: modernization of the subject of management state, society, public administration has a special place, the power of the state.

Каждое государство располагает определенными природными ресурсами, финансовым капиталом, интеллектуальным потенциалом, и от того, каким образом организовано управление, зависит уровень социально-экономического развития государства. Управление – это практическое, организующее и регулирующее воздействие государства на общественную жизнедеятельность людей в целях её упорядочения, сохранения или преобразования, опирающееся на его властную силу.

Проблема роли государства в процессах модернизации и управления обществом в настоящее время, несомненно, относится к числу наиболее актуальных для социогуманитарных наук. Это подтверждается наличием множества точек зрения на этот вопрос (в диапазоне от крайнего либерализма до этатизма) и непрекращающейся дискуссией среди их сторонников. Быстро меняющийся современный мир заставляет искать способы приспособляться к его изменениям, и в этом контексте государство, как наиболее эффективный механизм управления обществом, способный в кратчайшие сроки мобилизовывать ресурсы и осуществлять экономические, технологические и т.п. прорывы, необходимые для успешного развития в современных условиях, вызывает к себе повышенный интерес со стороны представителей разных отраслей научного знания. В силу вышеперечисленных факторов, степень научной разработанности данной проблемы, естественно, достаточно высока: весьма значительное место вопрос о государстве как субъекте модернизации и управления обществом занимает в работах С. А. Панкратова, В. А. Кобзаненко, О. Н. Опрятной, О. В. Гаман-Голутвиной и многих других представителей современной науки.

Среди всех видов управления – государственное управление занимает особое место, что обусловлено наличием мощной государственной власти, распространяющейся на все общество, устанавливающей правовые нормы и использующей механизмы принуждения для обеспечения соблюдения всеми объектами управления установленных правил поведения. В широком смысле организация управления включает государственное устройство, состав всех действующих социальных институтов, органы государственной власти, территориальное устройство. Современное управление

Магомедрасулова Р. Б.

территориями основано на концепции активного участия в нем государства не только как государства-регулятора, устанавливающего «правила игры» и реализующего механизм регулирования, но и как государства-собственника в рыночной экономике, его субъекта.

Государственное управление – исполнительная деятельность по непосредственной практической организации общественных процессов в обществе. Исполнительной деятельностью управление является потому, что направлено на исполнение, претворение в жизнь законов и др. нормативных актов. В процессе осуществления управления его субъекты используют предоставленные распорядительные полномочия, права по принятию односторонних властных актов, которые обязательны к исполнению и охраняются мерами государственного принуждения.

Государственное управление как вид социального управления характеризуется рядом особенностей. Если рассматривать государственное управление в широком смысле слова (буквально как управление делами государства), то его осуществляют все органы государства. Это управление реализуется в следующих формах (видах) деятельности:

- законодательная деятельность, осуществляемая представительными органами государственной власти;
  - исполнительная деятельность, осуществляемая органами исполнительной власти;
  - правосудие, осуществляемое системой судебной власти.
- Все эти формы деятельности направлены на осуществление единых целей и задач государства

Тем более, что ее необходимость на данный момент очевидна, потому что многие важнейшие институты общества не отражены в ней или имеют двойственный характер.

В Конституции закреплены следующие положения:

1. В структуры административно-территориальных единиц введены федеральные округа с их реструктуризацией для повышения эффективности управления. Подобная система может повысить эффективность существования федеральных округов как структур взаимодействия центра и регионов.
2. Определены формы существования административно-территориальных единиц в РФ: республики, края, области.

Таким образом, в России структура административно-территориального деления будет выглядеть так: федеральные округа, состоящие из республик, краев, областей. С возможным изменением формы устройства субъекта.

Особое место уделено развитию теории краевого устройства.

Край – административно-территориальная единица, которая должна создаваться на основе многонациональных регионов, для возможности реализации прав национальных меньшинств. Для этого в объединенных регионах, ставшими краями, должны быть созданы двухпалатные парламенты с представителями национальных меньшинств, которые защищали бы интересы своего народа.

В таком делении соблюдены права национальных меньшинств, сохранив республики и развивая теорию краевого устройства. В Конституции должны даны четкие определения всех указанных категорий с определением правомочий.

Система государственного управления, в отличие от социального, частью которого она является, формируется и функционирует целерационально: на основе определенных идей и ценностей (монархических, либерально-демократических, социалистических, религиозных и др.). В зависимости от того, на какой идейно-ценностной базе строится политическая система в данном обществе, таково и духовное основание системы государственного управления как ее подсистемы. Каков тип политической системы и ее ядра – государства, таков и характер государственного управления.

Специфика системы государственного управления заключается также в том, что реализация ее функций, наряду с решением собственно управленческих задач, служит обеспечению государственной политической власти, поскольку именно она обладает монополией на издание законов и применение легитимного принуждения, без чего государственное управление невозможно.

Функциональные взаимосвязи органов управления подразделяются на вертикальные и горизонтальные. Первые означают следование одних органов предписаниям других: местного самоуправления – региональным органам управления, а региональных – правительству страны. Это – связи соподчинения. Централизация государственного управления всегда базируется на вертикальных связях. Вторые (горизонтальные связи) характеризуются взаимодействием управленческих органов как относительно самостоятельных и равноправных по своим полномочиям в рамках установленных законом предметов ведения. Это – связи координации и сотрудничества. Вертикальные связи имеют тенденцию к доминированию над горизонтальными, поскольку государственной власти присуще свойство централизации и концентрации. Такая тенденция встречает противодействие со стороны территориальных органов управления. Системные взаимосвязи субъектов управления динамичны; они реализуются и воспроизводятся в виде живых противоречий, регулируемых и разрешаемых в рамках конституционных норм путем усовершенствования схемы распределения полномочий и предметов ведения.

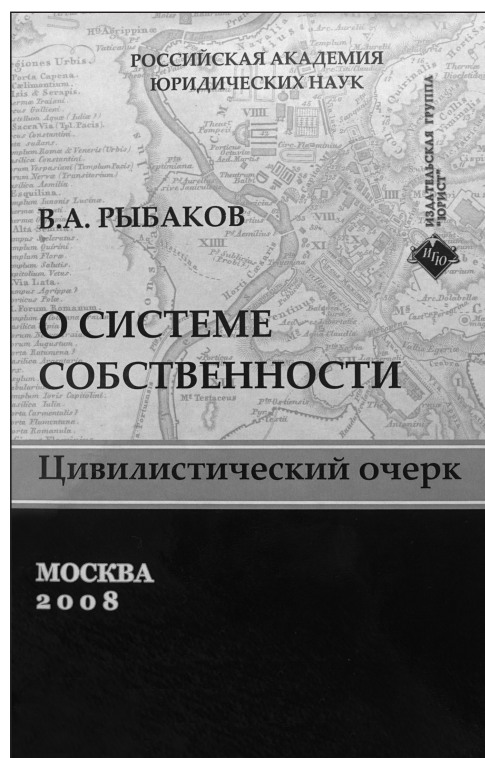
Управленческие статусы субъектов различных уровней связаны с распределением политического пространства. Субъект высшего уровня функционирует в границах всего политического пространства. Региональный субъект действует в пределах региона; субъект местного самоуправления – в административно очерченных рамках местного сообщества. Дифференциация субъектов (органов управления) проявляется в структуре управляемого объекта. Сфера жизнедеятельности общества, связанная с общенациональными интересами,

– объект центральных органов управления; сфера трудовой, политической и социокультурной деятельности, составляющая круг специфических, региональных интересов, – объект заботы региональных институтов; то, что связано исключительно с удовлетворением интересов местного сообщества, – предмет ведения органов самоуправления.

Системные взаимосвязи органов управления, поскольку они иерархизированы, образуют структуру в виде пирамиды, основание которой составляет множество органов местного самоуправления, а вершину – центральные институты власти и управления. Вертикаль власти «снизу» «доверху» – стержень такой структуры. Она может быть выражена жестко или мягко (пунктиром) в зависимости от типа политического режима.

Пристатейный библиографический список

1. Артоболевский С. С., Вендина О. И., Гонтмахер Е. Ш., Зубаревич Н. В., Кынев А. В. Объединение регионов России: за и против. М., 2010. 175 с.
2. Магомедрасулова Р. Б. Развитие гражданского права конца 20-х годов – 1941 г. // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7. С. 122-123.
3. Мусаева А. Г. Правовые и этически-нравственные способы самоочищения в дагестанском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-2. С. 75-77.
4. Азизова П. М., Мусаева А. Г. Структура современной российской правовой системы // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6. С. 148.
5. Новостной канал об объединении регионов информационного агентства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://w.vvw.regnum.ru/dossier/57.html/>

Коженко Я. В., Агафонова Т. П.
СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА*

В статье исследуется содержание и принципы государственно-частного партнерства, выявляются актуальные проблемы формирования отечественной модели ГЧП, к которым авторский коллектив относит отсутствие общенациональной стратегии по развитию ГЧП в РФ; недостаточный уровень развития нормативно-правовой регламентации; коррупционную составляющую при проведении конкурсов; отсутствие унификации и согласованности федерального, регионального и муниципального законодательства; чрезмерную бюрократизацию механизма правового регулирования; отсутствие конкуренции в сфере ГЧП и МЧП.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство, государственное управление, сервисное государство, публичный субъект, частный субъект, государственная услуга.

Kozhenko Ya. V., Agafonova T. P.
THE ESSENCE AND FORMATION PRINCIPLES OF DOMESTIC PUBLIC AND PRIVATE
PARTNERSHIP MODEL

The article investigates the essence and the principles of public and private partnership, reveals the topical issues of formation of domestic public and private partnership model, which are the absence of national strategy of public and private partnership development in the RF, insufficient development level of normative and legal regulation, corruption element during holding the competitions, lack of unification and coordination of federal, regional and municipal legislation; excessive bureaucratization of legal regulation mechanism, lack of competition in the field of PPP and MPP.

Keywords: state and private partnership, municipal and private partnership, state administration, service state, public subject, private subject, state service.

Освоение сервисных технологий и форм взаимодействия власти и общества способно обеспечить не только быстрые и эффективные темпы модернизации системы государственно-го управления, но и развитие научно-технического прогресса, торговли, инфраструктуры, повышение уровня жизни населения за счет улучшения социальной среды обитания. Однако отсутствие опыта и апробированных правовых форм организации государственно-частного взаимодействия повышают риски и снижают рейтинг инвестиционной привлекательности Российской Федерации. Очевидно, что на современном этапе государственного строительства мы нуждаемся в долгосрочной стратегии развития государственно-частного взаимодействия власти и общества, принятии ряда необходимых нормативно-правовых актов и систематизации уже имеющегося законодательства. Анализ современного состояния достижений юридической и экономической науки в области государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), а также фактического состояния его нормативно-правовой регламентации в России показывает не только на отсутствие национальной стратегии развития ГЧП в системе государственного управления, но и на наличие серьезных разногласий среди ученых, политической элиты, руководителей органов государственной власти и местного самоуправления в понимании как самой сущности вышеуказанного института, так и его функций, задач, форм и механизмов. Нельзя обойти вниманием мнение А. В. Белицкой¹, которая предлагает рассматривать ГЧП как

юридически оформленное на определенный срок взаимовыгодное сотрудничество органов и организаций публичной власти и субъектов частного предпринимательства в отношении объектов, находящихся в сфере непосредственного государственного интереса и контроля, предполагающее определение ресурсов и распределение рисков между партнерами, осуществляемое в целях наиболее эффективной реализации проектов, имеющих важное государственное и общественное значение. По мнению политологов, ГЧП может выражаться в формах консультации представителей власти и бизнеса в рамках ассоциаций предпринимателей, независимой экспертизы проектов нормативных правовых актов органов государственной власти; государственной поддержки экспертов; информационного обеспечения власти и ассоциаций, объединений предпринимателей; совместного правотворчества и т.д. В свою очередь юристы классифицируют формы ГЧП: по праву собственности на объект; по механизму распределения рисков, по сроку заключения контракта; по форме управления проектом и т.д. Существенный вклад в исследование форм ГЧП внесли отечественные экономисты, такие как: В. Г. Варнавский, М. В. Вилисов, С. В. Грицай, С. Ю. Глазьев, Л. С. Демидова, В. А. Кабашкин, А. К. Казанцев, А. Я. Кеслер, В. В. Кнаус, В. И. Митрохин и др. Так, В. Г. Варнавский понимает публично-частное партнерство в широком смысле, в связи с чем относит к нему широкий круг всевозможных отношений: на выполнение работ и оказание услуг; на управление, на поставку товаров

Коженко Я. В.

Агафонова Т. П.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского государственного научного фонда (РГНФ) № 15-33-0121. «Государственно-частное партнерство в России: проблемы институционального развития и противодействия злоупотреблениям властью».

1 Белицкая А. В. Правовое определение государственно-частного партнерства в России: проблемы становления // Законодательство. 2009. № 8. С.42.

для государственных нужд; контракты технической помощи; арендные отношения; соглашения о разделе продукции; государственно-частные предприятия; концессии. Необходимо отметить, что экономисты, в отличие от юристов, выделяют в качестве базовых признаков отличия правовых форм ГЧП такие, как: капитальные инвестиции, поддержка и эксплуатация, инструменты развития, инструменты управления. В целом, считаем, что данная широкая трактовка форм ГЧП неприемлема, поскольку нельзя относить к формам ГЧП любые формы взаимодействия частных и публичных субъектов. Так, например институт лоббизма представляет собой процесс влияния организаций, общественных объединений, корпораций, отдельных граждан на органы государственной власти и органы местного самоуправления с целью принятия последними решений, отвечающих интересам лоббистов². Лоббизм может быть основой для взаимодействия власти и бизнеса, однако не может рассматриваться как форма ГЧП. Тем не менее в процессе подготовки проектов ГЧП на стадии инициирования могут быть использованы механизмы цивилизованного лоббизма (консультации, переговоры, запросы, экспертизы и т. д.). Обобщая достижения юридического и экономического научного познания в исследовании вышеуказанных дефиниций, считаем необходимым сделать следующие выводы. Представляется что такие определения, как «форма ГЧП» и «вид ГЧП», по своему содержанию тождественны. Однако понятия «модель ГЧП» и «форма ГЧП» соотносятся как часть и целое. Считаем, что понятие «модель ГЧП» шире по сравнению с «формой ГЧП». Используя методологию макро- и микросравнения, диахронного и синхронного сравнения в исследовании процессов развития, функционирования и зарождения института ГЧП в различных правовых системах, можно сделать вывод о том, что «модель ГЧП» определяется особенностями национальной правовой системы или спецификой правовой семьи. Именно набор базовых признаков правовой системы, формирующей модель ГЧП, может характеризовать степень допустимости или недопустимости применения отдельных видов форм ГЧП в рамках конкретной правовой системы. В этой связи модель ГЧП в каждом конкретном государстве может зависеть от уровня развития правосознания, правовой идеологии, источников права, уровня аксиологии права, юридической герменевтики, политического режима, уровня развития юридической техники, отражения состава юридических явлений. Именно поэтому при выборе и законодательном закреплении в правовой системе РФ новых зарубежных форм ГЧП необходимо провести мониторинг и задуматься о согласовании заимствованных форм с отечественной правовой системой в целом и национальной концепцией ГЧП в частности. А поскольку в настоящее время уровень нормативно-правовой регламентации ГЧП свидетельствует о том, что в России отсутствует национальная концепция ГЧП (как стратегия и модель развития ГЧП), следовательно, нет единого понимания о том, какая модель ГЧП реализуется в РФ. Хаотичное, бессистемное заимствование иностранных форм ГЧП не только вводит в заблуждение инвесторов, но и представляет угрозу национальной безопасности. Итак, поскольку модель ГЧП определяет форму ГЧП, актуальным становится исследование вопроса о том, какая модель и формы ГЧП характерна для России и какова динамика и перспективы ее раз-

вития? Процесс реформирования системы государственного управления в России обусловлен поиском путей эффективной модернизации управленческих процессов взаимодействия между государством и обществом, отвечающих потребностям и вызовам современной социальной и правовой действительности. В середине июня 2009 г. на заседании Комиссии по модернизации экономики Д. А. Медведев отметил, что теоретически значимыми являются проблемы формирования нового качества экономических отношений, поскольку результатов не принесли ни маленькие фирмы, ни создаваемые технопарки, ни венчурные компании, ни другие механизмы. Так, в процессе модернизации системы государственного управления наметилась тенденция использования «сервисного подхода» предопределяющего переход от «обязывающей» к «предоставляющей» парадигме государственного управления, которая основывается на предоставлении и развитии системы публичных услуг. В этой связи институт ГЧП органично вписывается в сервисную модель государственного управления. Думается, что сервисный подход к системе государственного управления и сетевая методология совершенствования управленческой деятельности в сфере ГЧП способны исправить недостатки бюрократического стиля управления, ликвидировать коррупционные системные пороки и латентные проблемы взаимодействия государства и общества. ГЧП рассматривается как форма оптимизации управленческой деятельности, позволяющая существенно снизить издержки традиционной политико-правовой регламентации общественных процессов, обеспечить более мобильное взаимодействие государства с общественными и финансовыми институтами и структурами.

В июле 2015 г. был принят Федеральный закон № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который полностью не оправдал всех ожиданий, поскольку его нормативное содержание не позволяет ликвидировать возникшие проблемы и ограничения развития в сфере государственно-частного взаимодействия. В связи с этим ключевыми проблемами и ограничениями развития ГЧП являются: отсутствие общенациональной стратегии по развитию ГЧП и МЧП в РФ; недостаточный уровень развития нормативно-правовой регламентации в сфере ГЧП; коррупционная составляющая при проведении конкурсов ГЧП; отсутствие комплексной системы государственного управления сферой ГЧП; отсутствие унификации и согласованности федерального, регионального и муниципального законодательства; недостаточный уровень развития правовых, бюджетных и финансовых механизмов реализации проектов ГЧП; чрезмерная бюрократизация механизма; отсутствие конкуренции в сфере ГЧП и муниципально-частного партнерства (МЧП); проблемы приватизации и передела собственности; отсутствие единой методики оценки эффективности проектов ГЧП; проблемы нормативно-правовой регламентации и механизма распределения рисков и юридической ответственности³ среди субъектов ГЧП. Анализируя действующее законодательство, можно сделать вывод, что в качестве перспектив, базовых задач и направлений, связанных с развитием ГЧП, большая часть экспертов отмечают необходимость: 1) повышения эффективности прогнозирования развития социальной инфраструктуры на федеральном, региональном и местном уровне; 2) совершенствование и развитие нормативно-правовой регламентации институцио-

2 Коженко Я. В. Институционально-правовые формы лоббистской деятельности в современной России (на примере Общественной палаты Российской Федерации): дис.... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону. 2007. С. 25.

3 Портал «ГЧП в России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pppinrussia.ru/>

нального развития ГЧП; 3) создание системы государственно-управления сферой ГЧП на федеральном, региональном и местном уровне; 4) создание механизма, стимулирующего регионы и муниципальные образования в проектах ГЧП и МЧП использовать напрямую бюджетное финансирование. Международная практика, связанная с расширением роли внебюджетных фондов при финансировании проектов ГЧП в России, представляется весьма преждевременной, поскольку может быть применена достаточно избирательно, так как может затрагивать вопросы национальной безопасности.

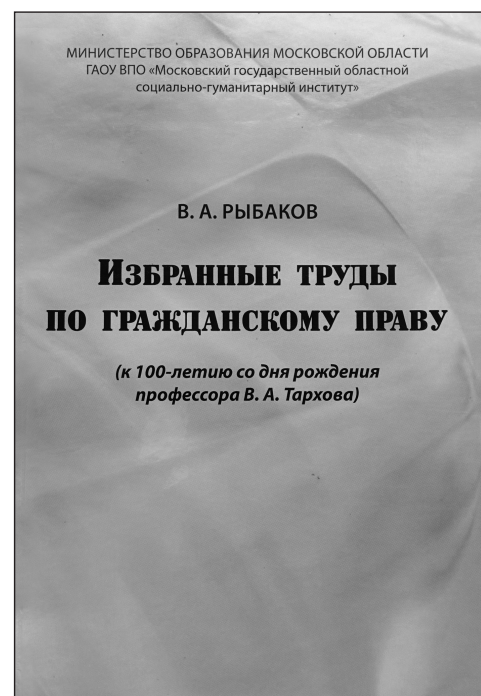
Серьезным остается вопрос о государственных гарантиях по привлекаемому финансированию в проекты ГЧП, которые чаще всего обеспечиваются посредством политической и экономической стабильности. В условиях сложной экономической и политической ситуации в России долгосрочные проекты ГЧП у частных инвесторов вызывают серьезные опасения. В связи с этим специалисты Центра по развитию государственно-частного партнерства в России предлагают создать специализированное инфраструктурное кредитное агентство, которое выполняло бы функцию экономического гаранта⁴. Еще одним шагом является повышение экономической мотивации инвесторов, которая может быть связана с последующей возможностью приватизировать построенный объект. К сожалению, действующее законодательство в полной мере не дает ответы на выявленные проблемы и не содержит исчерпывающих ответов по механизму совершенствования и развития ГЧП, поэтому можно лишь строить гипотезы и приводить аргументы.

Развитие рынка конкуренции в ГЧП. Анализируя мировые практики и стадии развития рынков ГЧП, можно сделать вывод, что в целом на его создание уходит 10 лет, поэтому даже самые оптимистичные прогнозы и политические решения не могут за весьма короткий по социально-экономическим меркам период совершить чудо. Так, критики проектов развития ГЧП в России называют конкуренцию на рынке ГЧП «кукольной», т.е. достаточно условной по ряду объективных экономических и политических причин. Безусловно, развитие конкуренции позволило бы решить ряд застарелых проблем, связанных с качеством и результативностью объектов ГЧП, проблем монополизации отдельных отраслей и понизить стоимость и повысить качество ряда услуг. Поэтому введение моратория на изменение налогового и иного законодательства, негативно влияющее на долгосрочные инфраструктурные проекты, реализуемые на принципах ГЧП, рассматривается как объективная необходимость для современной России. Еще одним важным моментом в развитии конкуренции является расширение легальных форм и видов ГЧП и МЧП на примере применения контрактов жизненного цикла, концессионных соглашений и т.д. Стоит особо подчеркнуть, что многообразие форм и видов ГЧП представляют собой достаточно мобильный и гибкий инструментарий, который с юридической точки зрения можно достаточно эффективно использовать для достижения конкретных федеральных, региональных и муниципальных задач. Особенно острою необходимость в новых формах и видах ГЧП и МЧП испытывают отраслевые инфраструктурные проекты. Таким образом, в рамках существующих в юридическом познании традиций, обобщая имеющиеся место исследовательские позиции, можно констатировать, что в нормативно-правовой регламентации ГЧП назрела необходимость устранения отраслевых ограничений для применения ряда форм, видов и механизмов. Как емко подметил Авицен-

на, «все в мире яд, и все лекарство, разница только в дозировке», безусловно, и в нашем вопросе наличие имеющихся проблем правопонимания и правового регулирования не должно быть основанием для отказа от использования привлекательных возможностей ГЧП в России. Так, к преимуществам ГЧП как взаимовыгодного союза публичного и частного партнера целесообразно отнести: повышение доступности, улучшение качества услуг; обеспечение соответствия между целями проекта, запросами потребителей и выполняемыми работами (услугами); снижение коррупции; развитие инфраструктуры, создание эффективной системы производства обще социальных благ. Очевидно, институт ГЧП может стать прекрасным юридическим и экономическим инструментом модернизации РФ, однако для этого необходимо, как минимум, унифицировать действующее законодательство, внося в его содержание вышеуказанные коррективы.

Пристатейный библиографический список

1. Белицкая А. В. Правовое определение государственно-частного партнерства в России: проблемы становления // Законодательство. 2009. №8.
2. Коженко Я. В. Институционально-правовые формы лоббистской деятельности в современной России (на примере Общественной палаты Российской Федерации): дис... Канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007.
3. Пашковский П. В. Политико-правовое обеспечение региональной безопасности России: проблемы и стратегии // Философия права. 2008. № 6.
4. Портал «ГЧП в России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pppinrussia.ru/>
5. Центр развития государственно-частного партнерства в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pppcenter.ru/>.

⁴ Центр развития государственно-частного партнерства в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pppcenter.ru/>

Коженко Я. В.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СЕРВИСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНЫХ ПАРТНЕРСТВ В РОССИИ*

В статье рассматриваются нормативно-правовые основы регулирования правовых отношений в сфере реализации проектов государственно-частного партнерства. Особое внимание уделяется необходимости развития механизмов общественного контроля в области разработки и реализации проектов государственно-частного партнерства. Автор выявляет особенности нормативно-правовой регламентации отдельных форм и видов государственно-частного партнерства в действующем законодательстве Российской Федерации, характеризуя их достоинства и недостатки.

Ключевые слова: коррупция, государственно-частное партнерство, общественный контроль.

Kozhenko Ya. V.
LEGAL BASIS OF SERVICE ACTIVITIES OF PUBLIC AND PRIVATE PARTNERSHIPS
IN RUSSIA

In the article the legal basis for regulating legal relations in the field of realization of public and private partnership projects are considered. Particular attention is paid to the need to develop mechanisms of public control in the development and implementation of public and private partnership projects. The author reveals the peculiarities of the legal regulation of certain forms and types of public and private partnership in the current legislation of the Russian Federation, describing their advantages and disadvantages.

Keywords: corruption, public and private partnerships, public control.

Коженко Я. В.

Развитие государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) как формы правового сервиса в системе государственного управления, по предварительным оценкам, позволит сократить затраты нерационального расходования бюджетных средств, повысить качество оказания публичных услуг населению, автоматизировать организационные и управленческие процессы и добиться повышения уровня инвестиционной привлекательности РФ. Таким образом, необходимо констатировать, что использование форм ГЧП для достижения задач государственного управления обусловлено не только геополитическими вызовами, связанными с попыткой экономической изоляции, но и прежде всего внутрисистемными потребностями государственного аппарата. Развитие сервисных управленческих инноваций в контексте использования института ГЧП обосновывается в некоторых базовых нормативно-правовых и концептуальных документах в отрасли государственного строительства Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»; Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (с изменениями и дополнениями от 6 апреля 2015 г.); Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и др. В целом принятие Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-

но-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ознаменовало возможность использования институтов ГЧП и МЧП (муниципально-частного партнерства) для оказания государственных и муниципальных услуг. Сама формулировка ст. 1 вышеуказанного закона возлагает на институт ГЧП большие надежды не только в расширении возможных сфер оказания государственных услуг, но и в повышении их качества. В целом общественный законодатель связывает с развитием ГЧП создание новых правовых условий для привлечения инвестиций в экономику РФ и повышения качества товаров, работ, услуг, организация обеспечения которыми потребителей относится к вопросам ведения органов государственной власти, органов местного самоуправления. В настоящее время остается актуальной задача по разработке критериев оценки эффективности (основания эффективности и неэффективности) проектов ГЧП в сфере оказания услуг, в связи с этим особое значение отводится проведению мониторинга по использованию наиболее результативных форм ГЧП проектов в регионах. Анализируя многообразие экспертных суждений по данному вопросу, можно констатировать выделение двух подходов. Так, первый подход основан на количественном показателе заключенных проектов и общей стоимости проектов. Второй подход основан на том, что маркеры эффективности развития ГЧП в регионах должны быть основаны на отраслевой специфике (у каждой отрасли имеются свои критерии оценки, у каждой услуги свой административный регламент), в этой связи процесс синхронного сравнения регионов на предмет развития ГЧП должен осуществляться по отраслевому признаку. Безусловно, второй подход (поскольку учитывает микроэкономические и отраслевые показатели эффективности) может дать не только объективную картину развития ГЧП, создать эффективный юридический механизм сотрудничества публичного и частного партнеров, но и способствовать разработке нормативной базы развития ГЧП, учитывающей специфику (экономические, географические, климатические факторы, близость к го-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского государственного научного фонда (РГНФ) № 15-33-0121. «Государственно-частное партнерство в России: проблемы институционального развития и противодействия злоупотреблениям властью».

сударственно границе и т.д.) отдельных регионов. Недостаток данного подхода заключается лишь в том, что на его реализацию (по европейским меркам) уходит в среднем десять лет. В результате мы наблюдаем попытки нашего высшего государственного руководства форсировать события посредством расширения практики особых экономических зон, предоставления дополнительных налоговых льгот и каникул, создания особых юридических и экономических условий для развития отдельных проектов ГЧП. Анализируя статистические данные сфер развития ГЧП в России, представленные Центром развития ГЧП РФ¹, можно сделать вывод о том, что в качестве приоритетных направлений использования технологий ГЧП по оказанию государственных услуг выступают такие сферы, как образование, социальное обслуживание населения, развитие ОЭЗ туристско-рекреационного типа, ЖКХ, жилищное строительство и реконструкция инженерных сетей, транспортная инфраструктура, энергетика, отрасли промышленности, агропромышленный комплекс. В связи с этим, останавливаясь на вопросе качества государственных услуг, отметим ряд необходимых параметров, обуславливающих их высокий уровень, который должен учитываться и проектами ГЧП. Среди таких параметров следует выделить систему объективной оценки уровня эффективности функционирования органов государственной власти (публичного субъекта ГЧП). Сама же эффективность деятельности органов государственной власти складывается из экономических издержек управления и качества оказания обществу публичных услуг. Таким образом, оценка эффективности публичного субъекта предполагает наличие общественного контроля, посредством которого легитимируется государственная власть и достигается критическая оценка деятельности государственного аппарата. Законодательные попытки дифференцировать систему оценки качества проектов ГЧП в сфере оказания государственных услуг предпринимаются и в России. В связи с этим считаем в качестве критериев оценки качества оказания услуг выделить такие, как: качество взаимодействия с поставщиком государственной услуги; удовлетворенность процедурой получения государственной услуги граждан; качество параметров инфраструктуры, связанной с получением государственной услуги; качество параметров электронного интерфейса оказания государственной услуги. Считаем необходимым выделить и негативные факторы, оказывающие влияние на качество государственных услуг. Во-первых, высокий численный состав государственных служащих (публичного субъекта) на единицу обслуживаемого ими населения является признаком неэффективной организации работы ГЧП в сфере оказания государственных услуг. Во-вторых, коэффициент информационной прозрачности (доступности государственной услуги посредством ГЧП) госучреждений определяет степень их подотчетности обществу, т.е. конечному потребителю публичных услуг. В-третьих, индекс коррупции публичного субъекта формирует представления о степени вовлеченности кадрового состава госаппарата в теневую деятельность в процессе действия ГЧП проекта. В-четвертых, коэффициент привлечения человеческого капитала в систему оказания государственных услуг посредством ГЧП и степень «интернетизации» и автоматизации процесса оказания государственных услуг посредством ГЧП. В-пятых, индекс оперативности предоставления государственной услуги посредством ГЧП (возможно в сравнении с аналогичными видами услуг МФЦ), индекс экономической обоснованности

платной государственной услуги и индекс обоснованности непредставления государственной услуги ГЧП проекта. В-шестых, коэффициент законности при реализации государственных услуг определяет, насколько соблюдается действующее законодательство в процессе предоставления государственных услуг (ГЧП проекта). Процедура определения качества оказания государственных услуг посредством ГЧП также должна быть полностью независима и выведена из системы формальных показателей, предоставляемых органами государственной власти². Построение независимой системы индикации качества предоставляемых государственных услуг посредством ГЧП должно учитывать следующие принципы: субъектом оценки качества государственной услуги посредством ГЧП должен выступать конечный потребитель, который не заинтересован в искажении объективных данных; результаты общественной оценки качества государственных услуг должны быть общедоступны, что делает данные оценки эффективной технологией по противодействию коррупции и бюрократизации; индикаторы качества государственных услуг должны определяться административными регламентами; система мониторинга качества государственных услуг посредством ГЧП должна получить статус элемента национальной безопасности; низкая оценка эффективности (публичных и частных субъектов ГЧП в процессе оказания государственных услуг) обществом должна являться безусловным основанием к административным мерам по восстановлению эффективного режима предоставления услуги или расторжению соглашения ГЧП; определение конкретных параметров индикаторов качества оказания государственных услуг посредством ГЧП должно носить научный характер и подлежать общественному обсуждению, подтверждено социологическими данными. В целом оказание государственных услуг посредством института государственно-частного партнерства должно основываться на ряде принципов, среди которых следует выделить: открытость и доступность информации о государственно-частном партнерстве; обеспечение конкуренции; отсутствие дискриминации, равноправие сторон соглашения и равенство их перед законом; добросовестное исполнение сторонами соглашения обязательств по соглашению; справедливое распределение рисков и обязательств между сторонами соглашения; свобода заключения соглашения. Из указанных выше принципов вытекает ряд выводов. Во-первых, очевидно, наиболее эффективным будет являться общественный контроль за качеством публичных услуг. Такая форма контроля предполагает использование рыночных механизмов конкуренции, благодаря которым стимулирование работы поставщика публичной услуги осуществляется за счет числа обращений к ним граждан. В ситуации отсутствия монополии на публичную услугу ее потребитель всегда предпочтет наиболее оптимальное соотношение цены и качества. В этих условиях для частного субъекта предоставление некачественных государственных услуг будет означать неликвидность, а для государственных и муниципальных организаций – падение легитимности, ухудшение статистических показателей, основание для принятия управленческих решений по расторжению контрактов ГЧП. Очевидно, что данная сервисная технология осуществима только в условиях конкурентной среды, в условиях же есте-

1 Центр развития государственно-частного партнерства в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pppcenter.ru/>.

2 Коженко Я. В. Причины реформирования государственной службы в России как способа устранения управленческих аномалий // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 1039.

ственных монополий, как пишет А. В. Белицкая³, общественный контроль будет неэффективен. Следовательно, естественная монополия полностью нейтрализует преимущества проектов ГЧП и позволяет искусственно поддерживать индикаторы эффективности, поскольку у граждан отсутствуют альтернативы. Во-вторых, механизм ценообразования на оказание государственных услуг посредством ГЧП должен быть прозрачным. В связи с этим очевидно, что цены на платные услуги, оказываемые государственными органами, не должны быть ниже, чем на оказываемые государственные услуги посредством ГЧП на той же территории. В-третьих, должен быть осуществлен контроль со стороны государственных органов за соблюдением законодательства о государственно-частном партнерстве (с целью предотвращения возможности расширения перечня допустимых услуг посредством ГЧП, выходящих за рамки, определенные законодательством). В целом анализ государственной политики показывает, что в новых геополитических условиях Россия ищет свою оптимальную модель развития ГЧП, возлагая на нее надежды не только по решению ряда внутригосударственных задач и функций, но и как возможность стабилизировать свой экономический и политический курс на международной арене, показать инвестиционную привлекательность и обеспечить юридические гарантии стабильности и защиты от рисков государства и бизнеса. Безусловно, построение эффективной системы оценки качества публичных услуг, оказываемых посредством ГЧП, обеспечит объективную оценку деятельности отдельных форм и видов ГЧП, будет стимулировать развитие системы общественного контроля, позволит совершенствовать систему государственного управления и рационального расходования бюджетных средств.

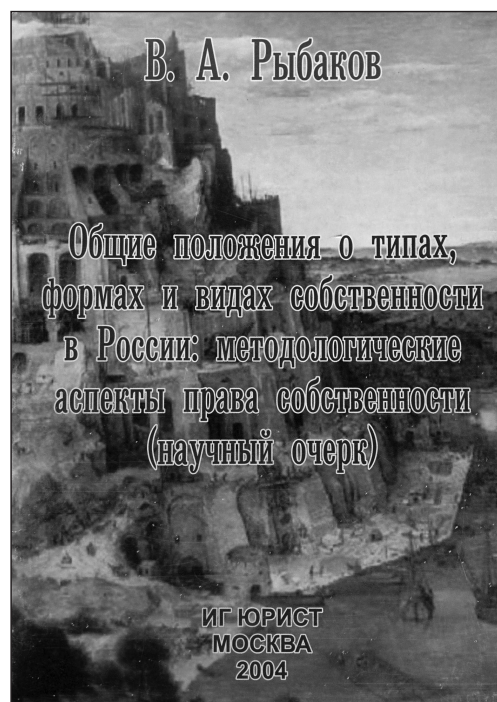
Проблематику слабых сторон и несовершенство отечественной модели хорошо демонстрирует судебная практика. Так, анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что самыми распространенными исками в сфере ГЧП являются иски о признании конкурса недействительным; иски о досрочном расторжении концессионного соглашения; иски об оспаривании отказа органов Федеральной регистрационной службы зарегистрировать концессионное соглашение; оспаривание сделок, заключенных в отношении объекта концессионного соглашения. В этой связи очевидной становится проблема неэффективности и несовершенства механизма проведения конкурсов в сфере ГЧП, отсутствие отлаженных юридических механизмов реализации проектов. Так же немало дел об оспаривании решений, предписаний ФАС, взыскании задолженности по концессионным платежам, продолжают оставаться актуальными в залах суда и тарифные споры.

Итак, характеризуя модель ГЧП в России, необходимо отметить, что в каждой отдельной правовой форме используется набор специальных правовых средств, как частно-правового, так и публично-правового характера. Обобщая различные концептуальные наработки, можно отметить, что «сервисное государство» – это особая политическая форма организации публичной власти, располагающая специальным аппаратом управления, направленным на оказание публичных услуг индивидам, группам лиц, а также система социально-правовых гарантий достойного жизнеобеспечения человека, его прав и свобод. Так, современная концепция сервисного государства исходит из того, что государство существует как система го-

сударственности, система отношений, в которой главным является отношение публичной власти и объектов, государства и гражданского общества, развивающаяся в рамках оказания публичных услуг. В этой связи под сервисным государством понимается эффективное государство, способное решать поставленные задачи (в том числе и посредством ГЧП). Необходимо, чтобы действующие формы ГЧП учитывали такие важные компоненты правового регулирования, как механизм распределения рисков и защиты инвестиций частного партнера, а также средства, обеспечивающие достижение цели ГЧП (которые стратегически важны для публичного партнера), и предполагали необходимость изменения всей совокупности регулирующих и регламентирующих институтов, формирования нового подхода к пониманию государственных услуг и государственных функций, определению прав собственности и перераспределению функций управления между органами государственной власти и частными субъектами.

Пристатейный библиографический список

1. Белицкая А. В. Правовое определение государственно-частного партнерства в России: проблемы становления // Законодательство. 2009. № 8.
2. Коженко Я. В. Причины реформирования государственной службы в России как способа устранения управленческих аномалий // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.
3. Центр развития государственно-частного партнерства в России [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://pppcenter.ru/>

³ Белицкая А. В. Правовое определение государственно-частного партнерства в России: проблемы становления // Законодательство. 2009. № 8. С. 42.

Гелеранский П. С.

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ПОЛИТИЧЕСКУЮ СТАБИЛЬНОСТЬ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье автор анализирует региональный политический процесс. Рассматривая его особенности в республиках Северного Кавказа, автор обращает особое внимание на этнический фактор, который оказывает влияние как на региональный политический процесс, так и на политическую стабильность не только Северного Кавказа, но и Российской Федерации в целом.

Ключевые слова: этнос, нация, этнический фактор, национальная политика, федеративные отношения, субъект Российской Федерации, региональный политический процесс, политическая стабильность, государственная власть, эффективность, Северный Кавказ.

Geleranskiy P. S.

THE IMPACT OF THE ETHNIC FACTOR ON THE REGIONAL POLITICAL PROCESS AND POLITICAL STABILITY IN THE NORTH CAUCASUS

The author analyzes in the article the regional political process. Considering its features in the republics of the North Caucasus, the author focuses on the ethnic factor, which affects both the regional political process and political stability not only of the North Caucasus, but also of the Russian Federation as a whole.

Keywords: ethnic group, nation, ethnic factor, national policy, federal relations, the subject of the Russian Federation, the regional political process, political stability, state power, effectiveness, the North Caucasus.

Гелеранский П. С.

Как известно, многоуровневая функциональность государства невозможна без поддержания стабильности, в том числе в межэтнической сфере. Для обеспечения стабильности необходимо безукоризненное следование основными элементами политической системы обусловленных ограничений, несмотря на возможные влияния среды¹. На сегодняшний день существует немало методов поддержания этнополитической устойчивости на принципах государственно-территориального единства. Федеративный способ территориальной организации государства является оптимальным в современных условиях. Кроме этого, задача государственного центра заключается в пропорциональном распределении полномочий в регионе между группами по национальному признаку. Также методами обеспечения стабильности служат формы ограниченного экономического самоопределения собственной позиции этнических регионов, институт национально-культурной автономии этнических групп.

Современные реалии этнополитической стабильности на территории стран бывшего СССР далеки от идеала. Чечня, Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Приднестровье – это далеко не полный список напряженных регионов, где наблюдаются этнополитические конфликты.

Исследователи отмечают, что для поддержания стабильности в полиэтничном обществе необходимо создание политических институтов на демократических принципах, где каждая этническая группа будет иметь своего представителя, отстаивать собственные интересы и предупреждать возможные конфликты законными методами. В условиях недостаточного развития институтов повышается неустойчивость многонационального общества, что влечет за собой напряженную обстановку, и, как результат, этнический конфликт².

Анализ структуры социальных отношений показывает, что на Северном Кавказе сосредоточено наибольшее число верующих людей, причем они не формально принадлежат к определенной религии, а активно проповедуют религию и проводят религиозные церемонии. В 90-х годах прошлого столетия в России начали появляться мусульманские общественно-политические организации. Однако выборы в Государственную Думу в 1999 и 2003 гг. ознаменовали тенденцию к снижению влияния конфессиональных объединений в принятии политических решений страны. Опыт показывает, что в Российской Федерации политические объединения, сформированные по этническому или религиозному признаку, обречены на провал³.

На политическую стабильность в национальных республиках существенное влияние оказывает нахождение представителей этнических и субэтнических групп в структуре власти и поддержание определенного баланса между ними.

Консолидация власти в многонациональных республиках и структура их населения напрямую связаны с уровнем репрезентативности этнических и субэтнических групп и сохранением баланса между ними в каждой отдельно взятой федеративной единице.

Наиболее актуальным этот фактор является для жителей Дагестана. Общий уровень баланса в правительстве республики на текущий момент признается удовлетворительным, однако до идеального ему по-прежнему далеко. Новоиспеченный глава дагестанцев является представителем второго по численности этноса края – даргинцев, вместе с этим пост премьер-министра занимает аварец – представитель самой крупной этнической ветви.

Среди заместителей главы правительства аварец, даргинец и кумык, причем последний ранее занимал ключевой пост в республике. Другие этнические группы, такие как лезгины, лакцы и русские, также представлены в верхах. Таким образом, все национальности имеют приблизительно равные шансы в процессе отстаивания собственных интересов. Исключение составляют лишь табасаранцы.

диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2006. С. 11.

3 Тузов Н. В. Этнический и религиозный факторы политической стабильности Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2008.

1 Медведев Н. П. Политический консенсус: теория и практика. М., 1999. С. 63; Медведев Н. П. Российский политический процесс: теория и практика // Вопросы политологии. 2013. № 2; Медведев Н. П. Региональная политика современного государства: теория и практика // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2; Медведев Н. П. Региональное развитие в условиях открытости государства: европейский и российский опыт // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2014. № 1; Бекбосынов М. Б. Влияние этноконфессионального фактора на политическую стабильность в России // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2013. № 1.

2 Архипова Г. Г. Этнический фактор в формировании органов государственной власти в полиэтничных государствах: автореферат

Большинство экспертов склонны воспринимать подобный баланс лишь в качестве весьма условного равенства, поскольку каждый член правительства индивидуален и может иметь неформальный статус различного уровня среди представителей родственной ему этнической группы. Яркий пример – премьер-министр аварец, не имевший отношения к жизни политической элиты республики на протяжении многих лет. Чиновник не имеет тесных связей с политической и бизнес-элитой Дагестана и выступает в качестве фигуры внешнего характера, что некоторым образом является сдерживающим фактором для повышения уровня репрезентативности аварского этноса.

Примером удачно сбалансированной ситуации в правительстве по праву может считаться положение в исполнительных кругах власти Кабардино-Балкарии. Главный правительственный пост занимает русский, за кабардинцем закреплено кресло премьер-министра, еще два ключевых поста вице-премьеров также заняты кабардинцем и балкарцем, представитель последнего этноса также возглавляет законодательную ветвь власти. Вместе с этим нельзя не учесть тот факт, что председатель правительства республики А. Меркулов выступает в роли «внешней» фигуры, несмотря на наличие неплохого опыта работы в регионе в недалеком прошлом.

Одной из самых нестабильных в плане политического баланса до недавних пор считалась и без того проблемная Карачаево-Черкесия. После появления во властных кругах Б. Эбзеева пост председателя правительства был отдан В. Кайшеву, занявшему традиционное для черкесов кресло. Новый глава республики является этническим греком, и длительный период времени был занят работой вне республики. Несмотря на то, что пост главы парламента был отдан черкесу, впервые русские перестали входить в структуры высшей власти республики.

После назначения русского чиновника на пост спикера активно обсуждается будущее назначение главы правительства, при этом наибольшие шансы имеет представитель черкесов. Уровень баланса внутри правительства имеет несколько более привлекательный характер, два министерских кресла и пост вице-преьера отданы карачаевцам, черкес занимает должность первого вице-преьера, представители этой этнической группы также имеют в своем активе два министерских кресла и пост председателя одного из государственных комитетов.

Среди русских членов правительства три министра и один вице-премьер, помимо этого еще одно кресло вице-преьера отдано ногайцу, а две других ключевых должности (глава комитета и вице-премьер) занимают абазинцы.

В Северной Осетии о наличии элементов этнического баланса свидетельствует передача поста премьер-министра русскому. По тому же принципу организована исполнительная власть в Ингушетии, хотя в населении региона доля русских очень мала (продвижение там русских скорее свидетельствовало об особенностях кадровой политики Ю. Евкурова, его стремлении сформировать новую команду, опираясь на федеральную поддержку). Русские в Ингушетии занимают сейчас посты главы правительства и главы президентской администрации.

Если говорить об исполнительной власти в Чечне, здесь этнический баланс не наблюдается. Правительственные должности принадлежат исключительно выходцам из Чечни, что характеризует регион монолитностью. Всеми известный О. Байсултанов, возглавлявший правительство в 2010 г., является недалеким родственником Р. Кадырова.

Констатируя этот факт, стоит отметить, что на сегодняшний день правительство Северного Кавказа, кроме Чечни, носит коалиционный характер с позиции этнического представительства. Сегодня подобная ситуация считается нормой, хотя некоторое время назад в Ингушетии к этому не было никак предпосылок. Однако угодить абсолютно всем невозможно, и в настоящий момент ситуация с представительством в исполнительной власти Карачаево-Черкесии и Дагестана куда сложнее. Неудовольствие среди этнических групп усиливается все сильнее. Стоит помнить, что политический консенсус среди народностей на Северном Кавказе достигается с большим трудом. Существующие противоречия внутри этниче-

ских групп и клановая борьба всегда были неотъемлемой составляющей. Именно поэтому распределение должностных полномочий по этическому принципу носит скорее условный характер. Опыт совместной работы и межличностные отношения являются ключевым фактором, способствующим более сплоченной работе региональной власти.

Партийную структуру исполнительной власти вряд ли можно назвать разноплановой, зачастую она носит однообразный характер. Подавляющее большинство ключевых должностей в регионах занимают представители «Единой России». Существенная часть чиновничьего аппарата остается беспартийной. Ожидать каких-либо подвижек в сторону формирования партийной коалиции не приходится.

Пожалуй, одной из главных проблем Северного Кавказа является напряженная обстановка и недопонимание между представителями власти и общественности. Наблюдается довольно высокий уровень контроля в электоральном процессе и в поддержании существующей идеологии. Исключением является Северная Осетия, где протестами удается достичь определенного снижения электорального контроля, однако в целом он довольно высокий.

Электоральные результаты – это не единственная проблема Северо-Кавказского региона, помимо них существует ряд косвенных трудностей. В первую очередь, это неэффективная работа политиков с населением, недостаточная информационная открытость, слабо налаженный процесс обратной связи между чиновниками и общественностью. Население республик Северного Кавказа, как ни странно, за исключением Чечни, обеспокоено неудовлетворительной обстановкой общественного порядка, и стремится разными способами предъявить претензии представителям власти.

В итоге скрытое недовольство среди населения региона постоянно возрастает. Особенно сложная ситуация в Северной Осетии, где властям предъявляются более высокие требования и очевидны откровенные претензии к выполнению их обязанностей. Несколько ниже уровень недовольства в Чечне и Кабардино-Балкарии. Нестабильная ситуация в отношениях между чиновниками и обществом в Ингушетии, Дагестане и Карачаево-Черкесии. Все же сложившаяся проблема является единой для всех регионов, и относительно нее будут выстраиваться политические процессы⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Архипова Г. Г. Этнический фактор в формировании органов государственной власти в полиэтнических государствах: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2006.
2. Бекбосынов М. Б. Влияние этноконфессионального фактора на политическую стабильность в России // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2013. № 1.
3. Медведев Н. П. Политический консенсус: теория и практика. М., 1999.
4. Медведев Н. П. Российский политический процесс: теория и практика // Вопросы политологии. 2013. № 2.
5. Медведев Н. П. Региональная политика современного государства: теория и практика // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2.
6. Медведев Н. П. Региональное развитие в условиях открытости государства: европейский и российский опыт // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2014. № 1.
7. Тузов Н. В. Этнический и религиозный факторы политической стабильности Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2008.
8. Туровский Р. Аналитический доклад «Республики Северного Кавказа: эффективность и консолидация власти» // Центр Политических Технологий. М., 2010.

⁴ Туровский Р. Аналитический доклад «Республики Северного Кавказа: эффективность и консолидация власти» // Центр Политических Технологий. М., 2010.

Ахметшин Р. А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ БАШКИРИИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена рассмотрению особенностей деятельности правоохранительных органов Башкирии по реализации новой экономической политики. Раскрываются предпринятые действенные меры правоохранительных органов Башкирии по охране продовольствия в период новой экономической политики, а также выработанные эффективные методы борьбы с преступностью в продовольственном секторе.

Ключевые слова: правоохранительные органы, новая экономическая политика, Башкирия.

Akhmetshin R. A. ACTIVITY OF LAW ENFORCEMENT BODIES OF BASHKIRIA IN IMPLEMENTATION OF THE NEW ECONOMIC POLICY

The article considers the peculiarities of the activity of law enforcement agencies of Bashkiria in implementation of the new economic policy. Effective measures taken by the law enforcement authorities of Bashkortostan for the protection of food in the new economic policy period, as well as effective methods developed for combating crime in the food sector are disclosed.

Keywords: law enforcement agencies, the New Economic Policy, Bashkiria.

Ахметшин Р. А.

Развитие новых экономических отношений в Башкирии потребовало от органов советской власти республики решительных мер по совершенствованию правовой системы и разграничению компетенции между звеньями государственного механизма. Так, в 20-е годы XX в. постепенно начала складываться «новая» система органов государственной власти, «было систематизировано и кодифицировано законодательство»¹. В результате были приняты Гражданский, Уголовный, Земельный, Гражданский процессуальный, Уголовный процессуальный кодексы, Кодекс законов о труде, Положения «О прокурорском надзоре»², «О судостроительстве РСФСР»³, «О Верховном Суде СССР»⁴ и др. Безусловно, вступление в действие указанных нормативных актов еще не означало утверждения законности в деятельности советских органов как в центре, так и на местах. Реальное исполнение принятых законодательных норм сдерживалось негативным отношением к праву, характерным для менталитета основной массы населения России периода нэпа (право и закон навязывались государством и в силу этого отторгались большинством населения)⁵; происходили отрицание всякой законности и подмена ее «революционной целесообразностью», утвердившейся в годы революции и Гражданской войны. То есть начало новой экономической политики обозначало реорганизацию всей советской системы, в том числе и правоохранительной.

На момент введения в действие нормативно-правовых актов, ознаменовавших переход к нэпу, отсутствовала общая концепция развития экономики⁶ и, в частности, продовольственной политики, что в конечном счете наложило серьезный отпечаток на деятельность органов правопорядка. Функции наркомата внутренних дел расширились, а структура осложнялась за счет введения в состав НКВД основной части ВЧК, также в ведение НКВД вошли все исправительно-трудовые учреждения. Все это определило наркомат как ведомство с

широкими полномочиями. Так, одной из значимых функций правоохранительных органов стала их непосредственная деятельность по реализации новой продовольственной политики. Таким образом, основной задачей всех исполнительных органов советской власти стала реализация основных постулатов новой экономической политики. Утверждение нэпа и создание большой нормативной системы требовали корректировки работы правоохранительных органов, основной функцией которых должна была стать защита прав граждан. Участие правоохранительных органов в реализации нэпа было разно-сторонним, но их деятельность была направлена на решение общих задач. Так, «по сути, все вопросы административно-хозяйственного строительства и кадровой политики находились под контролем НКВД»⁷. Что касается Башкирии, то Совет народных комиссаров Башкирской АССР в постановлении от 30 марта 1921 г. предлагал НКВД обратить особое внимание на структуру отделов Управления на местах⁸.

Следует выделить работу башкирской милиции по реализации новой экономической политики. Главными задачами милиции Башкирии были борьба с преступностью, охрана предприятий и складов, обеспечение сохранности продовольствия и предотвращение расхищения сырья.

В годы нэпа милиция оказала всемерное содействие государственным органам в проведении мероприятий по взиманию продналога. Организовывалась охрана железнодорожных составов, вывозивших хлеб в голодающие районы страны⁹, а также наблюдалось расширение обязанностей милиции, связанных с оказанием содействия органам власти в осуществлении возложенных на них задач в сфере благоустройства городов и организации торговли, в решении жилищных вопросов, проблем сбора налогов и выполнении приговоров суда. Именно в период становления новой экономической политики государства в Башкирии местные органы милиции организовывали порядок и неуклонное выполнение распоряжений партийных органов по реализации политики государства в сфере продовольствия.

В период нэпа шла ожесточенная борьба с бандитизмом. В милицию поступали сообщения о ночных выстрелах, со-

1 Камалова Г. Т. Правоохранительные органы Урала в годы новой экономической политики: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2009. С. 8.

2 СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

3 СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

4 Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 10. Ст. 311.

5 Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социально-культурная динамика России): в 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1997. С. 165.

6 Игбаева Г. Р., Валитова А. Р. Развитие отношений собственности в России в 90-х годах XX века // Правовое поле современной экономики. 2012. № 9. С. 14–17.

7 Абдрахманов А. И. НКВД Башкирии в годы новой экономической политики: монография. Уфа, 2003. С. 31.

8 Габидуллин И. Ф. Организационно-правовые основы становления и формирования милиции Башкирии в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 8.

9 Там же. С. 19.

рванных замках в амбарах, ограбленных складах продовольствия. Бандитизм того периода времени ознаменовался нападениями и грабежами людей, с угрозой применения оружия отбирали скот, одежду и домашний скраб.

Об успешной борьбе сотрудников башкирской милиции с бандитами свидетельствуют данные архивных документов. Так, в докладе о проделанной работе НКВД республики с 1 октября 1922 по 1 ноября 1923 г. приводились факты удачных действий сотрудников милиции. На территории Башкирии участились случаи формирования банд уголовников, главными целями которых были налеты и опустошение складов с продовольствием, однако они были ликвидированы отрядами, «высланными из резерва Главмилиции»¹⁰.

Одним из направлений деятельности башкирской милиции была борьба с самогонварением. Работа по предупреждению и профилактике самогонварения получила особую значимость в условиях продовольственного кризиса и «зерновой проблемы». В декабре 1923 г. Башкирский Народный комиссариат внутренних дел был вынужден обратиться за помощью к своему населению: «...в последнее время среди населения Республики вновь начинает развиваться пьянство и тайное кумышкварение, которое в связи с наступающими рождественскими праздниками вызовет еще большее усиление. Вред, приносимый этим злом, как экономическому состоянию республики, так и народному здоровью, чрезвычайно велик и борьба с этим злом есть настоящая государственная необходимость»¹¹.

В условиях динамично развивающегося самогонварения НКВД Башкирии начал организовывать мероприятия по борьбе с этим преступлением и призывать башкирское население предоставить работникам милиции поддержку при расследовании и выявлении притонов «самогонщицы» и пьянства. Одновременно НКВД республики предупреждал башкирское население об ответственности за изготовление суррогатных спиртных и спиртосодержащих напитков, а также сообщал, что в соответствии с законом карались все формы пьянства, нахождение в общественных местах и на улицах в нетрезвом состоянии, равно также распитие спиртных напитков вышеуказанной законом крепости в ресторанах, кафе, столовых, общественных местах, публичное распитие спиртных напитков установленной крепости. Заслуживает внимания и циркуляр НКЮ РСФСР № 113 от 14 июня 1923 г. «О мероприятиях по борьбе с самогоном»¹², определивший конкретные меры по борьбе с изготовлением, хранением продажей самогона. Так, например, НКЮ РСФСР постановил, что дела о самогоне (ст.ст. 140, 140 а, 140 б УК РСФСР) назначались в срочном порядке и должны были быть организованы показательные процессы по данным делам. Принятие новой экономической политики наиболее полно сказалось на работе башкирской милиции при расследовании преступлений в сфере народного хозяйства и экономики. Приходилось перестраивать поставленную работу в соответствии с динамично принимавшимися нормативными документами и особенностями новой политики.

Таким образом, милиция в эти годы активно занималась охраной народного достояния, борьбой с любыми посягательствами на социалистическую собственность. Предписания советской власти, касающиеся продовольственного налога, возлагались на милицию. В практической деятельности это выражалось в работе по разоблачению кулаков и других лиц, уклоняющихся от продовольственного налога. На милицию также были возложены обязанности по борьбе со злоупотреблениями при заготовке, вывозе, охране в пути следования грузов с солью, на которую была объявлена государственная монополия, а также по охране ценных отправок при транспортировании по гужевым дорогам. Органы правопорядка также оказывали помощь организованным Наркоматом юстиции особым продналоговым сессиям народных судов и революционным трибуналам, охраняли склады и ссыпные пункты. Для этого в распоряжение местных продовольственных орга-

нов выделялись специальные отряды милиции, которые действовали в тесной связи с местными территориальными органами милиции. Представитель Наркомата продовольствия на IV сессии ВЦИК отмечал: «Мы имеем в своем распоряжении для охраны складов, ссыпных пунктов и принятия ряда необходимых мер вооруженные силы... К нашим услугам, кроме того, вся местная милиция»¹³. Примером тому, что милиция участвовала в процессе реализации продовольственной безопасности, служит и тот факт, что к функциям милиции в период нэпа относились и проведение и участие в качестве надзорного органа в ходе взимания продовольственного налога.

В Башкирии, после окончания Гражданской войны, происходит формирование судебной системы, которая была полностью подчинена и подконтрольна «Центру». Это было обусловлено желанием органов советской власти действительно увеличить эффективность судебных органов в условиях войны и «стремлением государства к тотальному контролю»¹⁴.

В соответствии с декретом ВЦИК РСФСР от 23 июня 1921 г. «Об объединении всех революционных трибуналов Республики»¹⁵ в регионе был образован Башединревтрибунал. К его подсудности в период реализации нэпа были отнесены преступления, связанные с нарушением обязанностей продовольственных работников по хранению и доставке семенного материала, а также заготовке продовольствия, сдаче умышленно испорченных продуктов. В их непосредственной компетенции были дела по расхищению, порче и задержке семенного материала в места прямого назначения.

Сфера юрисдикции судов в Башкирии отличалась тем, что первостепенное значение имели дела, связанные с неуплатой продовольственного налога, несоблюдением сухого закона и дезертирством. Обвиняемыми по уголовным делам в основном были крестьяне, это было связано с сущностью проводимой органами советской власти новой экономической политики и диктатуры пролетариата¹⁶. Также отметили, что на деятельность судов большое влияние оказывали партийные комитеты. Так, п. 5 постановления Башглавсуда определял народному суду «принимать активное участие в проведении в жизнь постановлений ноябрьского Пленума ЦК ВКП (б) о ликвидации карточной системы на хлеб и некоторые другие продукты»¹⁷. По мнению А. А. Шороховой, суды были нужны советской власти как «органы власти, безоговорочно выполняющие волю парткомов и требования партийных директив»¹⁸. Помимо этого, на работу судов и Наркомюста оказывали влияние сотрудники БашЧК. Так, народные суды были предупреждены о том, что если они будут действовать вразрез с интересами «чекистов», их ожидает арест.

Одновременно решалась задача приспособить к нуждам нэпа и реорганизовать систему местного управления и создать институт прокуратуры. Так, с 13 по 15 декабря 1921 г. на совещании руководителей юстиции Башкирии был затронут вопрос о роли и значении советской юстиции по реализации основных задач в условиях новой экономической политики. На данном совещании было провозглашено, что органам юстиции должно было быть предоставлено право надзора за соблюдением правильности применения декретов советской власти населением и всеми местными органами советской власти, а также переданы функции надзора за правильностью претворения в жизнь основных начал нэпа¹⁹. Народный комиссариат юстиции Башкирии в своей деятельности, обозначенной на совещании, сразу же столкнулся с нежела-

13 Советская милиция: история и современность (1917–1987). М., 1987. С. 135.

14 Шорохова А. А. Становление и развитие Советского суда в Башкирии (1917–1927 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 25.

15 СУ РСФСР. 1921. № 51. Ст. 294.

16 Маликов М. К. История становления государственно правовых учреждений Башкирии (1917–1924 гг.). Уфа, 1989. С. 49.

17 Шорохова А. А. Становление и развитие Советского суда в Башкирии (1917–1927 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2007. С. 125.

18 ам же. С. 126.

19 Зинуров Р. Н. Правовой статус прокуратуры Башкортостана как субъекта Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 13–14.

10 ЦГИА РБ. Р-629. Оп. 1. Д. 769. Л. 75.

11 ЦГИА РБ. Р-933. Оп. 1. Д. 180. Лл. 65–66.

12 СУ БАССР. 1923. № 12. Ст. 208.

нием исполнять его предписания со стороны органов советской власти, имевших «особый» правовой статус, таких как БашЧК и местных органов Наркомпрода. Невыполнение требований органов юстиции о соблюдении законности также прослеживалось со стороны НКВД Башкирии и местных партийных органов. Данные обстоятельства были обусловлены прежде всего тем, что во время утверждения «продовольственной диктатуры» на вышеперечисленные органы возлагались «боевые задачи» и одновременно они наделялись «чрезвычайными» правами и полномочиями. С переходом к нэпу, предусматривающему «правовой» характер проведения продовольственной политики, назрела необходимость нормативного закрепления надзорных функций за органами юстиции по обеспечению законности в рамках реализации новой политики. «Сосредоточение» надзорных функций в руках специального государственного надзорного органа происходило на территории всей страны, в том числе и в Башкирии.

Таким образом, введение новой экономической политики обусловило легальную деятельность частного капитала, во многом предопределив работу Башнаркомюста, который начал отслеживать коммерческие сделки предпринимателей и других участников утверждавшихся в стране новых хозяйственных отношений²⁰. Постановлением ВЦИК от 28.05.1922 г. «Положение о прокурорском надзоре» была учреждена прокуратура, объединившая в себе все надзорные и координационные функции²¹. Декрет БашЦИК от 12.08.1922 г. «О введении института прокуратуры и адвокатуры на территории Башреспублики»²² постановил ввести институт прокуратуры и адвокатуры на территории Башкирии с 1 сентября 1922 г. Во Временной инструкции Народного комиссариата юстиции и положении «О прокурорском надзоре» от 28 мая 1922 г. утверждалось, что прокуратура создается «в интересах правильной постановки вопросов в борьбе с преступностью», «прокуратура вправе периодически созывать совещания по вопросам о борьбе с преступностью, в целях объединения усилий всех органов в борьбе с преступностью обсуждать вопрос о правильности действий исправительно-трудовых учреждений, уголовного розыска и милиции»²³.

Анализируя деятельность органов прокуратуры Башкирии в период новой экономической политики, стоит отметить, что многие сотрудники прокуратуры не совсем правильно понимали свои обязанности и задачи по реализации нэпа. Так, помощники прокурора в различных кантонах Башкирии подменяли свои прямые обязанности по надзору за законностью, осуществляя документальную ревизию хозяйственной деятельности башкирских учреждений и организаций²⁴. Например, в декабре 1925 г. помощником прокурора Башкирии по Стерлитамакскому кантону была проведена ревизия Кальчир-Табынского сельскохозяйственного кредитного общества²⁵.

В целом изменения в экономическом курсе страны, систематизация законодательства, реформирование правоохранительных органов обусловили формирование сугубо индивидуального государственно-правового статуса каждого правоохранительного органа. Милиция Башкирии продолжала оставаться одним из основных исполнительных органов местных органов советской власти по охране правопорядка, безопасности граждан, защите личного и государственного имущества, продовольственных складов. Башкирская милиция играла одну из ключевых ролей в реализации задач новой экономической политики, так как именно

милиция обеспечивала выполнение продовольственного налога, милиция в рамках новой политики и перехода к рыночным отношениям организовывала базары, рынки, охраняла склады и амбары, наполненные продовольственными товарами. Именно в это время на милицию были возложены обязанности по охране продовольственных грузов, следовавших по водным и железнодорожным путям сообщения. Все это предопределило важнейшую роль башкирской милиции в реализации новой экономической политики государства на местах. В частности, башкирская милиция принимала непосредственное участие в создании продовольственного задела путем участия и организации по охране взятого продналога, столь необходимого для реализации новой экономической политики. На органы прокуратуры и суда выпала задача соблюдения законности и претворения в жизнь директив партийных организаций. Их деятельность была направлена на неукоснительное привлечение к ответственности лиц, уклоняющихся от продналога, нарушающих законы в сфере продовольственного обеспечения.

Таким образом, правоохранительными органами Башкирии в период новой экономической политики были приняты действенные меры по охране продовольствия и выработаны эффективные методы борьбы с преступностью в продовольственном секторе.

Пристатейный библиографический список

1. Абдрахманов А. И. НКВД Башкирии в годы новой экономической политики: монография. Уфа, 2003.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социально-культурная динамика России): в 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1997.
3. Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 10. Ст. 311.
4. Габидуллин И. Ф. Организационно-правовые основы становления и формирования милиции Башкирии в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
5. Жуков В. В. Становление и функционирование советской судебной-правовой системы в Башкирской АССР (1919–1929 годы) // Известия российского Государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 85.
6. Зинуров Р. Н. Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (тенденции и закономерности): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Уфа, 2003.
7. Зинуров Р. Н. Правовой статус прокуратуры Башкортостана как субъекта Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
8. Игбаева Г. Р., Валитова А. Р. Развитие отношений собственности в России в 90-х годах XX века // Правовое поле современной экономики. 2012. № 9.
9. Камалова Г. Т. Правоохранительные органы Урала в годы новой экономической политики: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2009.
10. Маликов М. К. История становления государственно-правовых учреждений Башкирии (1917–1924 гг.). Уфа, 1989.
11. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. VII том. 1923–1926 гг. Уфа, 2006.
12. Советская милиция: история и современность (1917–1987). М., 1987.
13. СУ БАССР. 1923. № 12. Ст. 208.
14. СУ РСФСР. 1921. № 51. Ст. 294.
15. СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424; № 69. Ст. 902.
16. ЦГИА РБ. Р-629. Оп. 1. Д. 769. Л. 75; Р-933. Оп. 1. Д. 180. Лл. 65–66.
17. Шорохова А. А. Становление и развитие Советского суда в Башкирии (1917–1927 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.
18. Шорохова А. А. Становление и развитие Советского суда в Башкирии (1917–1927 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2007.

20 Жуков В. В. Становление и функционирование советской судебной-правовой системы в Башкирской АССР (1919–1929 годы) // Известия российского Государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 85. С. 329.

21 Там же. С. 330.

22 Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. VII том. 1923–1926 гг. Уфа, 2006. С. 159.

23 Зинуров Р. Н. Концептуальные основы и научно-практические проблемы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (тенденции и закономерности): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Уфа, 2003. С. 11.

24 Зинуров Р. Н. Правовой статус прокуратуры Башкортостана как субъекта Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. С. 28.

25 Там же.

Алгушаева В. Р. РЕЛИГИОЗНЫЙ РАДИКАЛИЗМ В СРЕДЕ МОЛОДЕЖИ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

В статье освещаются проблемы радикализации молодежи под влиянием информационно-психологического воздействия интернет-ресурсов. Особое внимание уделяется социально-психологическим причинам радикализации определенной части молодежи. В современных условиях информационная безопасность становится важнейшим базовым элементом всей системы национальной безопасности.

Ключевые слова: религиозный радикализм, информационно-психологическое воздействие, психологическая безопасность молодежи.

Algushaeva V. R. THE RELIGIOUS RADICALISM AMONG YOUNG PEOPLE AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY

The article highlights the reasons for the radicalization of young people influenced by information and psychological impact of the Internet resources. Special attention is paid to socio-psychological reasons of the radicalization of a certain part of youth. Today the information security is the most important basic element of the whole system of the national security.

Keywords: religious radicalization, information and psychological impact, psychological safety of young people.

Алгушаева В. Р.

Как отмечается в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации, к числу наибольшей опасности в сфере духовной жизни населения относятся нарушения общественной стабильности, нанесение вреда здоровью и жизни граждан вследствие деятельности религиозных объединений, проповедующих религиозный фундаментализм, а также тоталитарных религиозных сект¹.

В последние годы эксперты отмечают, что общемировым явлением становится политизация ислама, превращение его в важную составляющую политического и социально-экономического процессов в странах с мусульманским населением. При этом происходит активизация радикальных течений в исламе. Эти тенденции проявляются и в России. Экстремистские идеи распространяются сторонниками радикальных исламских разновидностей – ваххабизма и салафизма и т.д.

По разным оценкам, на стороне исламских радикалов уже воюют от пяти до семи тысяч выходцев из России и других стран СНГ. Об этом В. В. Путин сообщил в ходе своего выступления на заседании Совета глав государств – участников СНГ 16 октября 2015 г. в Казахстане. Очевидно, что это результат активного информационно-психологического воздействия – «воздействия информации на психику отдельного человека и группы людей, осуществляемого в целях изменения идеологических и психологических структур их сознания и под-сознания, трансформации эмоциональных состояний, стимулирования определенных типов поведения»². В частности, по данным Госдепартамента США, только в «Твиттере» ИГ делает в сутки около 90 тысяч публикаций.

Однако, как считает Жан-Люк Марре, директор французского Института стратегических исследований, невозможно найти однозначную причину радикализации молодежи: «Можно назвать политические, исторические, этнические, се-

мейные причины – все они дадут слишком упрощенную картину действительности»³.

Наиболее часто упоминаются исследователями:

- социально-экономические и демографические причины (бедность, нищета, неустроенность, безработица среди молодежи, отсутствие перспектив для молодого поколения);
- углубление разрыва между экономически развитыми странами мира и бедными странами, в которых в значительной мере проживает мусульманское население;
- негативное влияние глобализации на традиционное мусульманское общество (наступление на исламский образ жизни западных образцов массовой культуры, стандартов жизнеустройства, потребительской идеологии и т.д.);
- наступательная внешняя политика западных стран в исламском мире и война с «исламским» терроризмом, проводимая США и их союзниками, которая многими молодыми мусульманами воспринимается как очередной виток оккупации исламских земель под надуманными предлогами;
- исламофобская, а иногда и откровенно провокационная политика некоторых СМИ, агрессивная пропаганда и искажение имиджа ислама, изображение его как отсталой и темной религии, а мусульман и их лидеров – как варваров и дикарей (например, карикатурный скандал с журналом «Шарли Эбдо»);
- ощущение многими мусульманами, проживающими в немусульманских странах Запада, собственной отторгнутости обществом и государством, своей второсортности, невостребованности, ненужности, униженности, ощущение себя изгоями в собственных странах;
- религиозная дискриминация мусульман немусульманским обществом и властями, препятствование им в разворачивании исламской активности, строительстве мечетей, исламских центров и институтов, запрещение свободной исламской проповеди, подозрительность к мусульманам, неоправданные аресты, незаконные задержания и силовые акции;
- появление большого числа джихадистов из числа моджахедов, участвовавших в военных действиях в Афганистане, в Чечне, в Ираке и др. которые разносят идеи всемирного джихада по другим странам, передают свой боевой и организационный опыт мусульманской молодежи, продолжают

* Статья подготовлена в рамках научного проекта, поддержанного Российским научным фондом (№ 15-18-00142).

1 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г. № Пр-1895.

2 Караяни А., Зинченко Ю. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика. М.: МГУ, 2007.

3 Власти Франции обеспокоены ростом радикальных настроений среди новообращенных мусульман, ИНТЕРФАКС, 17.01. 2006 г.

создавать сетевые организационные структуры партизанской, диверсионной войны и террористической активности⁴.

В число многих других причин, на наш взгляд, входит достаточно глубокая социально-психологическая составляющая. С появлением Интернета террористические идеологи получили мощный инструмент для информационно-пропагандистского воздействия на как можно более широкие слои населения. И именно молодежь чаще всего становится мишенью информационно-психологического воздействия.

Известно, что личность формируется под воздействием внешних обстоятельств и условий в экономической, социальной, политической, нравственной, идеологической сферах отношений.

Благодаря исследованиям в области возрастной психологии, было замечено, что характерные особенности для каждого возрастного периода оказывают огромное влияние на личность и на развитие её религиозной направленности. В частности этими особенностями являются новообразования и кризисы в юношеском возрасте⁵.

Например, в юности формируются такие новообразования: профессиональное и личностное самоопределение, становление устойчивого образа «Я», формирование самосознания, мировоззрения, открытие своего внутреннего мира, поиск смысла жизни.

В поиске «себя», смысла в жизни молодой человек может прибегнуть к нетрадиционной (радикальной) религии.

Привлекательность того или иного религиозного учения может быть связана с тем, что здесь молодой человек надеется наполнить свою жизнь смыслом, избавиться от чувства неуверенности. Молодежи может импонировать вызов обществу, категорическое осуждение мирских пороков. На фоне социального конформизма традиционных верований подобные осуждения порой воспринимаются как проявление искреннего желания изменить мир к лучшему.

Но исследователи также отмечают, что для этого возраста характерен кризис, который возникает на основе противоречий идеальных представлений человека о жизни и реальной действительности. Кризис в этом возрасте возникает из-за переживаний личности, связанных со страхом бесцельности существования в прошлом или ощущением беспросветности будущего. Здесь также оказывают большое влияние такие факторы, как физические изменения и психологические (осознание несбыточности юношеских мечтаний). Разрешение кризиса возможно либо в принятии ситуации и снижения уровня притязаний, либо в нахождении новых ресурсов, возможностей и мотивов для реализации поставленных целей.

Таким образом, изменения в личности различного характера и переломные кризисные ситуации в разные возрастные периоды жизни являются благоприятной основой для начала поиска себя в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и в религии. Из готовности узнать что-то неизвестное, получить новые впечатления рождается своеобразная психологическая легкость, позволяющая обратиться без долгих колебаний к новым впечатлениям.

В обществе, где традиционные религии исповедуют многие поколения народов данной страны, региона, нации большинство людей постигают религию благодаря воспитанию. Верующие люди из одного сообщества имеют примерно одни и те же представления о мире, поскольку склонны доверять опыту предков, как прошлому (традиция), так и настоящему. При этом приобщение к вере происходит постепенно – через семейное воспитание, культурные и национальные традиции, образование. В более широком плане приобщение к традиционным религиям выступает как составная часть социализации

личности, включения человека в многообразные связи и отношения⁶.

В обществе, где нарушены традиционные межпоколенные связи, когда большинство семей характеризуются, прежде всего, общим снижением ценностного статуса морали, размытостью нравственных ориентиров, упадком социального авторитета традиционных ценностей, приобщение к новым религиозным движениям происходит не постепенно, эволюционно, а внезапно, сопровождаясь резким изменением взглядов, поведения, отношения к родителям. Внезапность, с помощью которой люди становятся приверженцами новых религиозных движений, заставляет сомневаться в истинности их религиозных переживаний и предположить, что такое обращение возможно лишь в результате воздействия на сознание молодых людей. Несомненно, новообращенные в радикальные религии молодые люди – это жертвы информационно-психологического воздействия, умелой пропаганды, грамотной «промывки мозгов».

В современных условиях информационная безопасность становится важнейшим базовым элементом всей системы национальной безопасности.

Для этого должна быть сформулирована действенная государственная политика в области обеспечения информационно-психологической безопасности, которая должна быть направлена на:

- установление необходимого баланса между потребностью в свободном обмене информацией и допустимыми ограничениями ее распространения;
- обеспечение сохранения единого информационного и духовного пространства России, традиционных устоев общества и общественной нравственности;
- организацию системы международного сотрудничества в области обеспечения информационно-психологической безопасности.

Необходимо сформировать единую систему обеспечения информационно-психологической безопасности личности и общества. Она должна быть направлена на совершенствование законодательства РФ в области обеспечения информационно-психологической безопасности⁷.

Пристатейный библиографический список

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г. № Пр-1895.
2. Караяни А., Зинченко Ю. Информационно-психологическое противоборство в войне: история, методология, практика. М.: МГУ, 2007.
3. «Власти Франции обеспокоены ростом радикальных настроений среди новообращенных мусульман», ИНТЕРФАКС, 17.01.2006 г.
4. Курбанов Р. В. Ислам и радикализм. Узловая причина радикализации мусульман в современном мире // Религия и политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.i-r.ru>
5. Филип Райс, Ким Долджин. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2010.
6. Кантеров И. Я. Новые религиозные движения: состояние и перспективы // Новые религии в России: двадцать лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 14 декабря 2012 г. Москва, 2013. .
7. Сапожникова С. Информационно-психологическая безопасность России: состояние и тенденции // Власть. 2010. № 2.

4 Курбанов Р. В. Ислам и радикализм. Узловая причина радикализации мусульман в современном мире // Религия и политика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.i-r.ru>.

5 Филип Райс, Ким Долджин. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2010.

6 Кантеров И. Я. Новые религиозные движения: состояние и перспективы // Новые религии в России: двадцать лет спустя. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 14 декабря 2012 г. — Москва, 2013; Сапожникова С. Информационно-психологическая безопасность России: состояние и тенденции // Власть. 2010. № 2. С. 8—14.

7 Сапожникова С. Информационно-психологическая безопасность России: состояние и тенденции // Власть. 2010. № 2. С. 8—14.

Фархутдинов Р. Д. К ВОПРОСУ О НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматривается вопрос эффективности правового регулирования строительной деятельности при переходе к ее саморегулированию. В статье предлагаются для обсуждения критерии оценки эффективности в строительной сфере, а также затронут вопрос новой концепции правового регулирования в данной отрасли.

Ключевые слова: строительная деятельность, эффективность правового регулирования, концепция саморегулирования в строительстве.

Farkhutdinov R. D. TO THE ISSUE OF THE NEW CONCEPT OF SELF-REGULATION IN CONSTRUCTION

The article discusses the effectiveness of legal regulation of construction activities during the transition to its self-regulation. The article proposes to discuss the criteria for evaluating the efficiency in the construction industry, and also discussed the new concept of legal regulation in this industry.

Keywords: building activity, efficiency of legal regulation, the concept of self-regulation in construction.

Фархутдинов Р. Д.

Прежде всего, позвольте выразить огромную благодарность за помощь в исследовании саморегулирования в строительной отрасли и непосредственно в подготовке данной статьи доценту, заведующему кафедрой гражданского права КФ ФБГОУ «РГУП» К. В. Егорову.

В рамках изучения правового регулирования предпринимательской деятельности в области строительства, в условиях саморегулирования невозможно не затронуть проблему оценки эффективности этого института.

На тему целесообразности, необходимости перехода строительной сферы к саморегулированию сказано и написано достаточно. Кратко, не приводя полярных доводов, отметим лишь некоторые.

По мнению отдельных практиков, «лицензирование – это хорошая “кормушка”, и стоимость лицензии в общей сумме 1,4 тыс. руб., которая поступает в бюджет. При этом переход к СРО необходим – ведь в результате отказа от лицензирования с рынка уйдут “фирмы-однодневки”»¹.

«Путь от лицензирования к саморегулированию был непростым, у идеи саморегулирования были противники, которыми остро поставлен вопрос о сокращении перечня видов особо опасных работ. Между тем, сокращение данного перечня негативно скажется на безопасности проведения строительно-монтажных работ»².

Эти приведенные мнения не отрицают и наличие противников такого перехода. Но в данном исследовании мы, с учетом проведенного за 2009–2015 гг. анализа, ставим задачу определить именно эффективность такого правового перехода к саморегулированию.

В 2010 г. мы пришли к выводу о невысокой эффективности перехода от лицензирования к саморегулированию, обосновывая это тем, что:

– на строительном рынке исчезли организации малого и среднего бизнеса, произошло поглощение и переход к монополизации³;

– вопрос ответственности за счет средств компенсационного фонда СРО остался только на бумаге, реальных судебных споров по вопросу ответственности средствами компенсационного фонда СРО за некачественно выполненные строительные работы на сегодняшний день в арбитражных судах не имеется.

Более того, исходя из информации самих руководителей СРО, у них отсутствует правовая возможность для фактической проверки каждого участника на предмет качества работ и квалификации сотрудников⁴.

В действующем законодательстве, регулирующем саморегулирование в строительстве, отсутствует как право, так и обязанность проверки вступающих в СРО членов.

Между тем, правовая возможность использования таких электронных систем, как «Контр фокус», «Картотека+» и «Сбис», позволяет на практике исключить вероятность приема в члены СРО недобросовестного претендента.

Также целесообразно указать, что государством, посредством перехода к СРО, предлагает правовым регулированием экономических процессов выйти на принципиально иной уровень, что свидетельствует о качественном изменении правового регулирования институтов⁵.

В указанной связи мы предложили возможность выстроить саморегулирование как развивающуюся правовую систему, позволяющую достичь баланса соотношения публично-правовых и частноправовых интересов, в рамках достижения таких целей, как качество выполненных работ, их безопасность, исполнение обязательств перед потенциальными кредиторами в случае выполнения некачественных и небезопасных работ.

О значимости затронутой нами темы говорит факт ряда законодательных инициатив на международном уровне. В частности, Правительством Республики Казахстан 19 июня 2015 г. на 4-й сессии 5 созыва в Мажилис Парламента Республики Казахстан направлен законопроект № 168 «О саморегулировании».

1 Анатолий Васильев. Строительство – лицензирование + СРО = катастрофа? // 31.01.2009.

2 Басин Е. Выступление Президента НОСТРОЙ Е.В. Басина на III Всероссийском съезде СРО в строительстве 04.10.2010

3 Российская Бизнес-газета // № 740 от 2 марта 2010 г.

4 Портал «Саморегулирование» // Обывск в НОСТРОЙ демонстрирует критический уровень коммерциализации СРО, а также Аппарата и Совета объединения // 30.03.2015.

5 Фархутдинов Р. Д. Эффективность перехода строительной отрасли от лицензирования к саморегулированию // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3.

По нашему мнению, основными критериями, определяющими эффективность механизма правового регулирования предпринимательской деятельности в области строительства в условиях саморегулирования, выступают:

- соблюдение нормативно-правовых и локально-правовых требований качества выполненных работ в строительной деятельности;

- соблюдение нормативно-правовых и локально-правовых требований безопасности при выполнении строительных работ, так и в дальнейшем при эксплуатации объекта капитального строительства;

- гарантия прав потенциальных кредиторов в сфере строительства в результате выполнения некачественных и небезопасных работ⁶.

В результате мы пришли, с учетом выработанных ранее 3 критериев оценки эффективности, к следующим выводам:

1. Правовой процесс перехода от лицензирования строительной деятельности к саморегулированию направлен на достижение баланса соотношения публично-правового и частноправового механизма регулирования в целях повышения эффективности правового регулирования.

Основываясь на анализе гражданского и градостроительного законодательства в сфере саморегулирования, следует, что соотношение публично-правового и частноправового регулирования направлено на сокращение публично-правовых норм, за исключением основополагающих императивных элементов.

Механизмы частноправового и публично-правового регулирования в строительной области в условиях саморегулирования должны быть согласованными, непротиворечивыми, взаимодополняющими.

2. Правовое регулирование строительной деятельности в условиях саморегулирования, в результате перехода указанной области от лицензирования к саморегулированию, будет эффективней в случае увеличения гарантий прав кредиторов строительных организаций.

3. Гарантии прав кредиторов в строительной деятельности как критерий эффективности правового регулирования обеспечиваются посредством создания обязательного компенсационного фонда СРО, несущего восстановительно-компенсационную функцию.

4. В случае выполнения некачественных и небезопасных работ строительной организацией, компенсационный фонд будет использован самой СРО для компенсации имущественных издержек, то есть фактически применен, как закреплено в действующем законодательстве.

При этом нельзя не затронуть мнение специалистов в данной области, а именно в Сети на портале «Саморегулирование» обсуждался вопрос текущей ситуации в строительной сфере после перехода ее в условия саморегулирования.

«Российской системе саморегулирования крайне необходима коренная реформа», полагает Л. М. Каплан, вице-президент, директор «Союзплетростроя» (д.э.н., профессор, заслуженный экономист РФ, Почетный член РАН), «в том виде, в котором она существует, эта система не соответствует ФЗ № 315, ибо она не решает вопросы самоуправления, самореализации и стандартизации деятельности компаний. Необходимо изменение регулирования отрасли за счет активизации

роли саморегулирования» (А. В. Пышкин, председатель СНП «Центр развития саморегулирования ОНП «ГЛАВСОЮЗ»).

Наше мнение солидарно с мнением И. И. Константинова, председателя совета директоров ЕСТП, который, говоря о «совершенствовании саморегулирования», полагает, что сперва необходимо разрешить обнаруженные проблемные моменты, что позволит системе совершенствоваться, и только затем переходить к разговорам о расширении полномочий.

Разделяем точку зрения В. И. Юсупджанова (профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета), который утверждает, что лицензирование – это уже прошедший этап. Поэтому и появилось саморегулирование. Для чего в саморегулировании должны быть определены две подцели: качество и безопасность.

Между тем, нельзя не затронуть идею новой концепции, в рамках подготовки которой Минэкономки выявило ряд проблем: низкое качество стандартов, недостаточность контроля за членами СРО, невысокая ответственность (выплаты из компенсационных фондов происходят крайне редко). Законопроект предусматривает установление единого подхода к деятельности СРО и ограничение отраслевых особенностей их работы. Разработчики предлагают установить солидарную ответственность членов СРО и расширить перечень оснований для обращения к взысканию средств компенсационных фондов⁷.

Разработчики законопроекта одной из целей продекларировали совершенствование механизма обеспечения имущественной ответственности СРО.

Кроме того, немаловажные цели, прежде всего:

- повышение эффективности осуществления проверки претендентов и в дальнейшем контроля СРО за предпринимательской и профессиональной деятельностью своих членов, а также принятие комплекса мер, направленных на усиление ответственности СРО в случае нарушения предъявляемых к ним обязательных требований;

- расширение сферы ответственности;

- введение ответственности за «слияния», либо умышленную ликвидацию организаций-членов СРО.

Так, прежде всего актуальным остается вопрос нормативного закрепления механизма имущественной ответственности за счет компенсационного фонда СРО в случае выполнения членами СРО некачественных работ, без которого, как показывает малочисленная судебная практика в РФ, эффективность наличия такого института, как компенсационный фонд, сведена к нулю, а членские взносы и взносы в компенсационный фонд являются «платой» за выдачу допуска к работам.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев А. Строительство – лицензирование + СРО = катастрофа? Статья // 31.01.2009.
2. Басин Е. Выступление Президента НОСТРОЙ Е.В. Басина на III Всероссийском съезде СРО в строительстве, 04.10.2010.
3. Фархутдинов Р. Д. Эффективность перехода строительной отрасли от лицензирования к саморегулированию // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3.
4. Фархутдинов Р. Д. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в строительстве и его эффективность в условиях саморегулирования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

⁶ Фархутдинов Р. Д. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в строительстве и его эффективность в условиях саморегулирования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2013.

⁷ Правительство одобрило концепцию развития саморегулирования // Москва // 30 января 2015 г.

Чупанова А. Ч., Азизова В. Т.

О ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

В данной статье обосновывается особый статус молодежи как объекта социолого-правовых исследований, и анализируются результаты социологического опроса, выявляющего уровень знания молодыми людьми своих прав, оценку причин нарушения и отсутствия реализации большей части прав граждан, степень влияния местных обычаев, традиций, религии на состояние правового сознания молодежи (на материалах опроса молодежи в Республике Дагестан).

Ключевые слова: правосознание молодежи, право, права и свободы, адаты, обычаи, традиции, социологический опрос

Chupanova A. Ch., Azizova V. T.

ON THE LEGAL PERCEPTIONS OF TODAY'S YOUTH (ON MATERIALS OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

This article explains the special status of young people as an object of sociological and legal research and analyzes the results of a poll that reveals the level of knowledge of young people of their rights, assess of the causes of violations and the lack of implementation of most of the rights of citizens, the degree of influence of local customs, traditions and religion on the state of legal consciousness of youth (on materials of survey of young people in the Republic of Dagestan).

Keywords: legal consciousness of youth, law, human rights and freedoms, adat, customs, traditions, social survey.

Условия формирования и развития российской государственности свидетельствуют о том, что обеспечение законности, правопорядка в обществе невозможно не только без государственно-властного признания и защиты политических, экономических и социальных прав человека, но и без правомерного использования субъективных прав конкретным лицом и исполнения им обязанностей перед социумом, в котором становится реальностью осуществление свободного и всестороннего развития человеческой личности. Эффективное функционирование современного российского государства невозможно без высокого уровня правосознания и правовой культуры, воспитания у каждого гражданина глубокого уважения к закону. Можно согласиться с точкой зрения о том, что «эффективность преобразований в социально-экономической и социально-политической сферах жизнедеятельности общества во многом зависит от того, насколько осознанно, а следовательно, активно, будут участвовать в данном процессе все социальные группы, в том числе и молодежь – самая динамичная и энергичная часть общества – которая представляет особую социально-демографическую группу»¹.

Современная правовая наука неоднократно обращалась к исследованию правового поведения молодежи как определенной социально-демографической группы, ее роли в общественном воспроизводстве, положения в социальной структуре, взаимодействия с другими общественными группами, особенностей ее сознания в целом и правосознания в частности.

Как справедливо считают В. А. Когляров и А. П. Михайлов, «либерализация и ослабление традиционных механизмов институциональной регуляции, отказ от унифицированных образцов формирования поведения молодого поколения посредством целенаправленного воздействия на него методами воспитания и, напротив, усиление спонтанности в освоении молодежью социальной действительности заметно повлияли на изменение механизма правовой социализации молодежи»². Правосознание молодежи – один из важнейших факторов, определяющих перспективы политического развития общества и формирования правового государства. В сложившейся ситуации в обществе проблема правосознания молодежи требует пристального

внимания и анализа. Для своевременного решения проблем молодежи необходим постоянный мониторинг правосознания молодежи, результаты которого должны быть проанализированы и представлены для законодательного и практического решения органам государственной власти и всем заинтересованным субъектам.

Анализируя отношение современной молодежи к правовым нормам, следует отметить, что это отношение носит динамичный характер, содержательная сторона которого изменяема в той же мере, в которой подвижно мировосприятие молодежи, формируемое под воздействием ряда факторов, включающих и ценностный, и информационный регуляторы. В этой ситуации очевидно, что «оценка и переоценка окружающего мира порождает новые смыслы и значения, которыми определяется как символическое, так и реальное социокультурное пространство молодежи»³.

С целью выявления состояния и определения перспектив развития правосознания молодежи нами по специально разработанной анкете проводился социологический опрос молодежи Республики Дагестан. Опрос проводился в январе – апреле 2015 г. среди школьников города Махачкалы (100 чел.), студентов государственных вузов республики (300 чел.), работников правоохранительных органов и государственных учреждений (100 чел.). В общей сложности было опрошено 500 человек.

Проводя опрос, мы ставили перед собой следующие цели и задачи:

1. Выяснить, насколько хорошо осведомлена молодежь о своих основных правах, гарантированных им законодательством РФ.

2. Определить причины нарушения и отсутствия реализации большей части прав граждан.

3. Выяснить, как влияют местные обычаи, традиции, религия на состояние правового сознания молодежи.

По итогам исследования предполагалось получить результаты, свидетельствующие о том, что уровень правосознания и правовой культуры молодежи в целом невысок, скорее всего, даже низок, на его состояние недостаточно влияют полезные с точки зрения общества адаты, обычаи и традиции. Чтобы доказать или опровергнуть это утверждение, нами был проведен этот опрос.

Подведем некоторые выборочные итоги опроса среди студентов – юристов дневной формы обучения. Полученные результаты по данной категории опрошенных представляют интерес и в плане профессиональной ориентации обучаю-

1 Новикова С. В. Правосознание молодежи как «зеркало правовой действительности» в современном обществе // Законность и правопорядок в современном обществе. М., 2014. С. 45–47.

2 Когляров В. А., Михайлов А. П. Правовое поведение молодежи как предмет социологического анализа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1.

3 Там же.

щихся сегодня на факультете будущих юристов. В данной статье мы постараемся осветить те положения опроса, которые свидетельствуют об уровне и качестве правовых знаний студентов и о роли других социальных регуляторов, в частности, обычаев, адатов, традиций в правосознании молодежи.

Выборочная совокупность составила 127 человек. Средний возраст респондентов, принимавших участие в опросе – от 16 до 20 лет. Социальный состав – студенты. При анализе ответов гендерный состав отдельно не выделялся.

Нами были заданы следующие вопросы и получены ответы:

Приходится ли Вам встречаться в своей жизни с правовыми вопросами? Из 127 опрошенных утвердительно на этот вопрос ответили 109 студентов (почти 86 %), 18 (почти 14 %) – ответили отрицательно. Ответ более чем странный, тем более что на последующие вопросы, где необходимо было участие в правовых ситуациях, те же респонденты давали утвердительный ответ, подтверждающий то, что с правовыми вопросами им в жизни встречаться все же приходилось. Отрицательный же ответ на этот вопрос – результат скорее незнания тех норм, регламентирующих ситуации, в которых оказывались респонденты.

Под правом понимают законы, указы, постановления и другие акты, издаваемые государством – 29 % опрошиваемых; права человека, принадлежащие ему от рождения – 45 %; то, что в жизни можно и нужно делать – 24 %; затруднились ответить – почти 2 % опрошенных.

Можно сделать вывод о доминировании у студентов естественно-правовых представлений о праве, позитивистское же понимание права гораздо ниже. Интересна связь между ответами на предыдущий проанализированный нами вопрос. Те из 14 % отвечавших, которые в своей жизни не встречались с правовыми вопросами, ответили следующим образом: позитивистское представление о праве характерно для 44 % отвечавших, естественно-правовое – почти 39 %. Таким образом, в сознании даже тех, кто считает невозможными для себя правовые ситуации, господствует позитивистское представление о праве.

Как Вы считаете, знаете ли вы свои права? На этот вопрос утвердительно ответили почти 52 % респондентов, отрицательно – 22 %, иной ответ дали – 25 % (неполно, не так хорошо, как надо бы, основные, плохо и т.д.). Половина тех респондентов, которые считают, что им не приходилось в своей жизни встречаться с правовыми вопросами, тем не менее, дали положительный ответ о знании своих прав.

Если связать ответы на этот вопрос с вопросом о том, сколько раз читали опрошиваемые Конституцию РФ, то картина выглядит следующим образом. Не читали вообще – 23 %, один раз – 24 %, два раза – 13 %, три и более раз – 15 %, иное – 20 % (т.е. читали отдельные статьи, не всю Конституцию и т.д.), были студенты, которые вообще игнорировали этот вопрос – 5 %. Количество студентов, знающих свои права, равно числу тех, кто читал Конституцию один, два, три и более раз – 52 %. Примерно равное соотношение между теми, кто не знает свои права (22 %), и теми, кто не знаком с содержанием Конституции (23 %). Таким образом, можно сделать вполне закономерный вывод о прямой зависимости между ответами на вышеуказанные вопросы – знают свои права те, кто читал Конституцию.

Логически связаны представления о Конституции как о документе – основополагающем источнике прав человека и гражданина в РФ со знанием самого текста Конституции, которую в качестве такового указали 56 % респондентов, т.е., примерно такое число опрошиваемых читали этот документ (52 %). Остальные варианты ответов распределились следующим образом: Уголовный кодекс – почти 2 %, Гражданский кодекс – 28 %, Федеральные законы – 3 %, указы президента – 5 %, затруднились ответить – 4 %, иной ответ дали – 2 % респондентов.

Следующий блок вопросов касался знания содержания адатов, обычаев, традиций как важнейших социальных регуляторов и их роли в выработке положительного или отрицательного отношения к праву, государству.

81 % респондентов считают, что под влиянием адатов, обычаев, традиций вырабатывается положительное отношение к праву. У 15 % респондентов противоположное мнение и лишь 3 % никак не смогли ответить на этот вопрос. При общей положительной оценке адатов, обычаев, традиций назвать, какие из них наиболее способствуют положительному отношению к праву, государству не смогли 40 % респондентов – они не назвали ни одного варианта ответа. Уважение к старшим – 47 % респондентов назвали этот обычай или в качестве единственного, или в сочетании с почитанием родителей. Отдельно уважение к родителям назвали 6 % респондентов. Маслиат как адат назвали всего 3 % опрошиваемых, из них всего один раскрыл содержание названного адата как способа разрешения конфликтных ситуаций.

Остальные варианты ответов показывают в целом общую картину незнания как содержания, так и названия адатов, обычаев, традиций. При таком положении вряд ли можно рассчитывать на положительную регулятивную и охранительную роль этих социальных норм и отражение их в содержании правосознания.

Вызывает тревогу тот факт, что даже среди тех, кто написал о положительной роли адатов, обычаев, традиций в формировании позитивного отношения к государству и праву достаточно большое количество респондентов, которые могут пойти на совершение умышленного преступления для достижения каких-либо своих целей. В этом случае напрашивается вывод о неискреннем отношении при ответе на вопросы или об искаженном представлении относительно способов достижения целей. К сожалению, в социальной действительности слишком много отрицательных примеров, которые оказываются более наглядными, чем пропаганда нужных и полезных с точки зрения общества обычаев и традиций.

Подводя отдельные итоги социологического опроса, можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Уровень и качество правовых знаний студентов первого курса недостаточно высоки, представления о праве неоднородны, присутствуют как позитивистские, так и естественно-правовые начала.
2. На содержание представлений о праве незначительное влияние оказывают ценностные ориентиры, выраженные (применительно к Республике Дагестан) в форме адатов, обычаев, традиций.
3. Необходима систематическая эффективная работа по внедрению в сознание молодежи как правовых, так и обычно-правовых представлений. Если необходимость правовоспитательной работы среди молодежи не вызывает никакого сомнения, то, учитывая активную урбанизацию молодежи в последнее время, просветительская работа по ознакомлению с полезными для общества адатами, обычаями и традициями народов Дагестана представляется своевременной, так как на содержание правосознания активно влияют ментальные факторы, одними из которых и являются вышеперечисленные социальные регуляторы.

Пристатейный библиографический список

1. Котляров В. А., Михайлов А. П. Правовое поведение молодежи как предмет социологического анализа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 1.
2. Новикова С. В. Правосознание молодежи как «зеркало правовой действительности» в современном обществе // Законность и правопорядок в современном обществе. М., 2014.

Бенина Л. И.
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье анализируется взаимосвязь между стилем и традициями политического мышления, идеологией преобладающих политических сил и характером эволюции российского общества.

Ключевые слова: политическое сознание, политическая идеология, идейно-политические течения, стиль политического мышления.

Benina L. I.
POLITICAL AND IDEOLOGICAL TRADITIONS AS THE FACTOR OF EVOLUTION
OF RUSSIAN SOCIETY

The article reveals the interconnection between the style and traditions of the political thinking, the concepts of predominant political forces and the character of the evolution of Russian society.

Keywords: political mentality, political ideology, political and ideological directions, style of the political thinking.

Бенина Л. И.

Противоречивость политического сознания российского общества, острое противоборство непримиримых идейных течений, так ярко проявившиеся в конце XX – начале XXI вв. в условиях глубокой системной трансформации российской государственности, во многом являются продолжением спора двух идейно-политических тенденций, берущих начало в первой четверти XIX в. в период создания декабристами проектов переустройства государства российского. Н. М. Муравьев и П. И. Пестель предложили два пути социально-политических преобразований на основе противоположных конституционных принципов. Программа Северного общества, разработанная Н. М. Муравьевым, сложилась под влиянием западноевропейских либеральных идей и исходила из принципов конституционализма, федерализма, разделения властей, прав человека и парламентской демократии. Автор программы Южного общества декабристов «Русская правда» П. И. Пестель был сторонником радикальных идей, позаимствованных из якобинской конституции Франции 1793 г. Он стремился к социальной революции, установлению диктатуры, подобной власти Наполеона. Именно П. И. Пестель стал первым выразителем авторитарных настроений в русской политической мысли, идейно обосновал революционную тенденцию в российской политике, вскоре взявшую верх над либеральной, реформаторской политической традицией.

В чём же причина победы радикального стиля политического мышления и поведения, ставшего в XX в. определяющим в российской политике? Ответ на этот вопрос следует искать в особенностях российского государства, постоянно ставившего народ в ситуацию борьбы за выживание. Российская интеллигенция, чутко реагирующая на несправедливость власти, как губка, впитывала западные идеи, направленные на освобождение угнетённого народа, но зачастую воспринимала их весьма своеобразно. Н. А. Бердяев в труде «Истоки и смысл русского коммунизма» осуществил глубокий анализ предпосылок антагонизма в российском политическом сознании. По его мнению, в царской России «невозможность политической деятельности привела к тому, что политика была перенесена в мысль и в литературу». Жёсткое давление со стороны власти породило «тип человека, единственной специальностью которого была революция...». По мнению философа, «русские обладают исключительной способностью к усвоению запад-

ных идей и учений и к их своеобразной переработке». Н. А. Бердяев отмечал догматический характер усвоения российской интеллигенцией западных идей: «Русские всё склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей. Это есть недостаток, приводящий к смешениям и подменам, но это также достоинство и указывает на религиозную целостность русской души». В связи с этим «тоталитарно и догматически были восприняты и пережиты русской интеллигенцией сен-симонизм, фурьеризм, тегельянство, материализм, марксизм в особенности»¹.

Догматичностью политического мышления значительной части российской интеллигенции можно объяснить и начавшийся в XIX в. и продолжающийся до наших дней спор славянофилов (сегодня их именуют «почвенниками») и западников. Первые считали Россию особой цивилизацией, не нуждающейся в каких-либо заимствованиях у Запада. «Они видели образ русского народа освобождённым от искажений, которые они приписывали западному рационализму и государственному абсолютизму»². Согласно мнению славянофилов, Западная Европа враждебна по отношению к России, видит в ней постоянную угрозу и в силу этого стремится к её ослаблению. Особенно ярко эта точка зрения выражена Н. Я. Данилевским в труде «Россия и Европа». Философ отмечал, что не существует единого социально-политического эталона, который можно было бы реализовать в любой стране. Тем не менее, Запад постоянно стремится навязывать свои идеологические и политические стандарты остальному миру. Данилевский считал, что любые преобразования в России будут безуспешными, и даже разрушительными, если они осуществляются вопреки национальным интересам и традициям, под влиянием внешнего давления с использованием чуждых заимствований³.

Западники во многом некритически восприняли европейские социальные теории. Представители этого идейно-политического течения были увлечены идеями переустройства

1 Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: «Наука», 1990. С. 18–19.

2 Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 25.

3 См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. СПб: Изд-во СПб университета, изд-во «Глагол», 1995.

общества на основе либеральных принципов. Как отмечал Н. О. Лосский в труде «История русской философии», западники были убеждены, что Россия должна учиться у Европы и пройти вслед за ней те же этапы развития, включая стадию промышленной революции. Они хотели, чтобы Россия усвоила европейскую науку и плоды векового просвещения. В политической сфере между ними не было единомыслия: «Одни из них более всего ценили политическую свободу, а другие являлись сторонниками социализма в той или иной форме»⁴. То есть в данном направлении русской социально-политической мысли мы видим две «ветви» – либеральную и социалистическую. К либеральному крылу западничества можно отнести П. Я. Чаадаева, Н. В. Станкевича, К. Д. Кавелина, которые полагали, что для России не существует никакого другого пути развития, кроме западноевропейского. Сторонниками социализма в различной интерпретации были В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский. Как отмечал Н. А. Бердяев, «Герцен и русские народники-социалисты верили в особые пути России, в её призвание осуществить лучше и раньше Запада социальную правду, верили в возможность для России избежать ужасов капитализма»⁵. Наиболее радикальная тенденция представлена в творчестве В. Г. Белинского, в частности, в его письмах. «Неистовый Виссарион» писал: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнём и мечом истребил бы остальную»⁶. Впоследствии российские революционеры взяли на вооружение именно радикальный метод социально-политических преобразований, стремясь осчастливить пролетариат, «уничтожив как класс» буржуазию, дворянство и духовенство, попутно раскулачив мелкобуржуазные крестьянские слои. Взгляд на народ как на объект своих коммунистических экспериментов был характерен для данного направления политической мысли в России конца XIX – начала XX вв. Подобное отношение к массам сохранилось и у большевистских «экспериментаторов». В результате революционных событий 1917 г. в стране возникла аномия, экономическая и политическая разруха, а народ оказался в тяжелейшей ситуации, которая, как ни парадоксально, сыграла на руку большевикам, сумевшим внедрить уравнилельно-коммунистические идеи в массовое сознание. Дело здесь не столько в успешной пропаганде данных идей, сколько в тяжёлом экономическом положении населения.

Взаимосвязь между условиями жизни и состоянием политического сознания народа проследил Питирим Сорокин в статье «Голод и идеология общества», опубликованной в 1922 г. Автор стремился доказать наличие функциональной связи «между колебанием кривой питания общества и варьированием его идеологии». Он отмечал, что «в эпохи Голода это изменение сказывается в усиленной и успешной прививке членам общества такой идеологии, которая при данных условиях благоприятствует насыщению голодного общественного желудка, и в падении успеха идеологий... мешающих этому насыщению. Обратное происходит в эпохи перехода общества от голодного к сытому состоянию»⁷. Анализируя социально-экономическую ситуацию в стране после гражданской войны, П. А. Сорокин пришёл к выводу о наличии в России в условиях послевоенной разрухи и массового голода широкой социальной

базы для распространения уравнилельно-коммунистических идей. Исходя из материалистической аксиомы о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, автор подчёркивает, что «...голод у голодных... должен вызывать появление, развитие и успешную прививку коммунистически-социалистической идеологии». Для обездоленных людей, по мнению П. А. Сорокина, важно лишь то, «чтобы идеология благословляла на акты захвата, раздела, порабощения, чтобы она... их одобряла. <...> Для успеха таких идеологий необходимы два основных условия: 1) резкий значительный рост дефицитного или сравнительного голодания масс, при невозможности утоления голода иными путями; 2) наличие имущественной дифференциации в стране. Чем резче будут оба условия, тем подъём успеха коммунистически-социалистической идеологии будет быстрее и сильнее, тем легче она будет прививаться к голодным...»⁸.

Подобная ситуация сложилась в России как в начале, так и в конце XX в. Поэтому рассуждения П. А. Сорокина можно применить и к анализу причин радикализации общественного сознания в ходе проведения рыночных реформ 1990-х годов. В этот период произошла резкая дифференциация доходов, падение уровня жизни широких слоёв населения, что стало основной предпосылкой для массового недовольства властью и поляризации политических взглядов. Поскольку основная масса граждан в указанный период утратила привычный уровень благосостояния и социальные гарантии со стороны государства, она стала благодатной средой для распространения коммунистической идеологии, а также экстремистских и популистских настроений. Рост влияния КПРФ и ЛДПР продемонстрировали результаты выборов депутатов Государственной думы в 1993 и 1995 гг. Меньшинство благополучных граждан, как и предсказывал в своих «теоремах» П. А. Сорокин, предпочли поддержать реформаторов – партию «Демократический выбор России». Соотношение голосов, поданных за «левых» и «правых», продемонстрировало масштабы обездоленности большинства и удельный вес «сытых» и довольных реформами. Резкая имущественная дифференциация, то есть «сравнительный голод», толкнул людей, обездоленных «шоковой терапией» (а таких в конце 1995 г. было 30 млн человек) на путь конфронтации с либерально настроенными реформаторами государства.

В период экономической стабилизации и последующего роста 2001–2007 гг. и соответствующего повышения уровня благосостояния значительной части общества, в политическом сознании произошли заметные изменения. Поправившие свои дела граждане, ранее бывшие адептами коммунистической идеологии либо популистских течений, постепенно стали избирать для себя умеренные взгляды. Появилась тенденция к распространению центристских настроений, что проявилось в победе на парламентских выборах 2007 и 2011 гг. Единой России как партии Центра. Однако во время экономического кризиса 2008–2010 гг. наблюдался очередной всплеск политического радикализма и естественного недовольства властью, не способной эффективно решать обусловленные кризисом социально-экономические проблемы. Кризисные явления 2014–2015 гг., вызванные как ухудшением состояния мировой экономики, падением цен на энергоресурсы, так и антироссийскими санкциями западных стран в связи с событиями в Украине, снова влекут за собой усиление идейного противостояния в обществе. Если большинство граждан, в целом, одобряет политику главы государства (рейтинг президента В. В.

4 Лосский Н. О. История русской философии. М.: «Высшая школа», 1991. С. 67.

5 Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 30.

6 Цит. По: Лосский Н. О. Указ. соч. С. 77.

7 Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: «Наука», 1994. С. 367.

8 Там же. С. 368–369.

Путин в 2014 г. после «Крымской весны» был высок как никогда), то часть либерально настроенной интеллигенции резко критикует его действия по отношению к Украине, возвращение Крыма в состав России, активную поддержку ДНР и ЛНР. Продолжается давняя негативная традиция отсутствия взаимопонимания между народом и интеллигенцией, противоположных оценок ими одних и тех же политических событий. При этом очевидно, что либералы, ставящие свои прозападные убеждения выше национальных интересов, оказываются в явном меньшинстве, их позиция осуждается большинством общества как действия «агентов иностранного влияния».

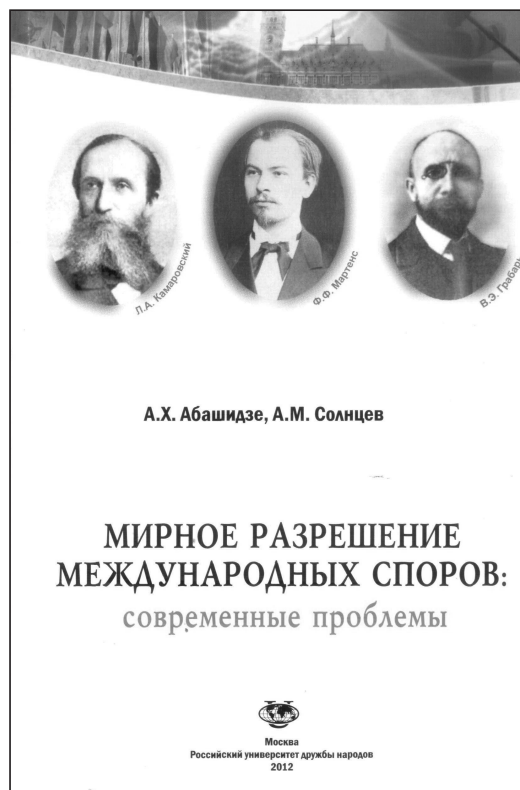
Очевидно, что динамика политического сознания и ценностных ориентаций населения в значительной степени обусловлена изменением экономической ситуации в обществе и уровня жизни всех социальных слоёв. Вместе с тем в современном обществе важную роль играет и то, насколько граждане чувствуют себя свободными и защищёнными, оценивают ли они политику своего государства как справедливую, направленную на обеспечение их безопасности. Однако в российском обществе, находящемся на стадии структурирования, ещё не сложились условия для полного и адекватного осознания всеми его слоями и группами собственных интересов. Поэтому характер политической культуры нельзя упрощённо вывести лишь из уровня материального благосостояния людей и степени их адаптации к жизни в условиях рыночной экономики. Партийная система как средство выражения всего спектра политических интересов до сих пор находится на стадии формирования и пока не является серьёзным фактором развития демократических моделей политического мышления и поведения. В большей степени это касается политически пассивной малообразованной и малообеспеченной части общества, ностальгирующей по советским временам, которые ею идеализируются и воспринимаются, как эпоха социального равенства и справедливости. Данной группе населения гораздо ближе идеи современных почвенников, противящихся процессу модернизации России, критикующих развитие рыночных отношений и внедрение в политику чуждых им либерально-демократических стандартов, чем цели либеральных реформаторов, которых они считают апологетами интересов Запада. По этой причине в массовом политическом сознании сохраняются стереотипы мышления, сопротивляющиеся демократическим преобразованиям.

Эти стереотипы сознания Э. Бёрк называл политическими предрассудками, которые, по его мнению, являются скрытой мудростью народа, своеобразным коллективным разумом общества, передаваемым из поколения в поколение. Политические предрассудки, то есть устойчивые мнения и стереотипы сознания, не являющиеся объектом осмысления и осознанного выбора их носителей, являются своеобразным «фильтром», через который субъект политического действия пропускает доводимую до него информацию, политические лозунги и программы. Идеи, противоречащие традиционным представлениям и предрассудкам, как бы убедительно они не были аргументированы, чаще отторгаются или воспринимаются искажённо, адаптируясь к стереотипам мышления субъекта. И напротив – тезис, близкий «чаяниям народа», либо политическому выбору интеллектуала, воспринимается с восторгом, даже если с точки зрения здравого смысла он утопичен. Массовое сознание предпочитает принимать желаемое за действительное, как в политике, так и в других сферах общественной жизни. Следовательно, в области политической культуры далеко не всё можно объяснить с позиции разума, важно учитывать и влияние подсознания. Общественные настроения,

современные политические мифы, иллюзии и предрассудки, наряду с идейно-политическими традициями, доставшимися обществу от прошлых поколений, являются существенным фактором формирования отношения граждан к государству и перспективам его развития.

Пристатейный библиографический список

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: «Наука», 1990.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. СПб: Изд-во С.-Пб университета, изд-во «Глаголь», 1995.
3. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991.
4. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: «Наука», 1994.

Вильданов Р. Р.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА РОЛИ И МЕСТА ПАРЛАМЕНТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВА

В статье раскрывается история возникновения представительных учреждений в Европе, анализируются различные подходы к определению термина «парламент», отмечается общее и особенное.

Ключевые слова: парламент, функции парламента, парламентаризм.

Vildanov R. R.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF ANALYSIS OF THE PARLIAMENT'S ROLE AND PLACE IN THE STATE POLITICAL SYSTEM

The article reveals the history of the rise of representative institutions in Europe, the various approaches to the definition of the parliament, general and special in them.

Keywords: parliament, functions of the parliament, parliamentarism.

Вильданов Р. Р.

Латинское слово «parliamentum» в XII–XIII вв. (период, когда парламенты как органы сословного представительства появлялись на территории Западной Европы) означало послеобеденную беседу монахов. В Англии слово parliament появилось вначале для обозначения любого обсуждения. При Плантагенетах этим словом обозначали «великие советы». Вестминстерский статус 1275 г. впервые использует французское слово «parlement» для названия «Великого совета Англии». Дословным переводом этого термина является «говорильня»¹. Сегодня парламент как собственно наименование для обозначения представительного учреждения применяется в большинстве развитых стран. В США и ряде стран Латинской Америки он называется Конгрессом, в Швеции — Риксдагом, в Финляндии — Сеймом, в Норвегии — Стортингом, в Украине — Верховной Радой, в России — Федеральным Собранием.

Парламент как институт государственной власти известен истории довольно давно: сведения о наиболее старом парламенте — исландском альтинг — датируются 930 годом. Один из законодателей «парламентской моды» — британский парламент начинает свою историю с 1265 г. В целом в XIII–XVII вв. почти во всех странах Западной и Центральной Европы существовали сословные парламенты, являющиеся неотъемлемой частью государственного механизма управления. Институт избрания представителей возник в средние века, когда, как отмечает Т. П. Лебедева, «монархи, чтобы взимать налоги, собирать армию, принимать законы, захотели заручиться поддержкой аристократии, высшего духовенства, так сказать, не самых простых представителей простонародья из числа жителей крупных городов»². В истории России также можно найти примеры существования выборных представительных учреждений, в частности, земские соборы, Уложенная комиссия Екатерины II (1767–1771 гг.), земства (местный уровень власти).

Однако в России эти прообразы народного представительства не получили широкого распространения: земские соборы прекратили свое существование уже в XVII в., Уложенная комиссия была распущена самой императрицей, а земства, представлявшие местное самоуправление, были существенно ограничены в своей компетенции после контрреформ

Александра III. В большинстве европейских стран к концу XVI — середине XVII в. сословные парламенты также пришли в упадок, наступил расцвет абсолютизма. Исключение представлял лишь парламент Великобритании, для которого было характерно дальнейшее усиление представительного начала. Возрождение традиции представительства сословий в Европе наблюдается с конца XVIII — начала XIX в., что было связано с экономическим развитием, появлением нового класса — буржуазии, претендовавшего кроме экономического господства и на политическое. Вместе с возрождением парламента в европейской общественной мысли появляется и развивается такое понятие, как парламентаризм. Огромную роль в этом сыграли такие мыслители, как Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и многие другие, пропагандировавшие идеи свободы и равенства человека, теории естественных прав и договорного происхождения государства. В частности, Дж. Локк утверждал, что люди по своей природе свободны, равны и независимы, и «никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного согласия»³. Согласно его теории, каждый человек, заключающий договор, уполномочивает общество в виде законодательной власти, создавать для него законы, отвечающие требованиям общественного блага, что переводит людей из естественного состояния в государство. Таким образом, законным, или легитимным, по мысли Дж. Локка, может считаться лишь то государство, которое образуется в результате согласия большинства свободных людей. Отсюда, по мысли английских просветителей XVII в., следует верховенство парламента как законодательной власти. «Ведь то, что может создавать законы для других, необходимо должно быть выше их, а поскольку законодательная власть является законодательной властью в обществе лишь потому, что она обладает правом создавать законы... для каждого члена общества... постольку законодательная власть по необходимости должна быть верховной, а все остальные власти в лице каких-либо членов или частей общества проистекают из нее и подчиняются ей», — писал автор концепции разделения властей Дж. Локк⁴.

1 Гомеров И. Н. Государство и государственная власть. М., 2002. С. 536.
2 Лебедева Т. П. Парламентаризм // Политология. Лексикон. М.: РОССПЭН, 2007. С. 292–293.

3 Локк Дж. Сочинения. Т. 3. М., 1988. С. 317.

4 Локк Дж. Избранные философские произведения. В 2-х т. Т. II. М., 1960. С. 75.

Этой точки зрения придерживаются и некоторые современные исследователи. Так, профессор Хагенского университета У. фон Алеманн утверждает: «Если народное представительство не играет центральную роль в политике, то можно говорить об “авторитарном” и даже “тоталитарном” парламентаризме»⁵. Эти идеи стали основой для формулирования принципа разделения властей, естественно-правовое мышление представителей классического либерализма привело к возникновению общности современного типа – демократического конституционно-правового государства, где были определены границы свободы человека, которые никому не позволено переступить, а также позволило появиться такому феномену, как парламентаризм⁶. Современный парламентаризм – явление сложное и многоплановое. Справедливо утверждение о том, что парламентаризм – это представительный характер правления обществом, при этом парламент – основная структура народного представительства, которое является обязательным формальным компонентом легитимного правления. Однако отметим, что отождествлять «парламент» и «парламентаризм» неправомерно: формальное наличие и функционирование парламента, и это убедительно доказывает история, не означает существование парламентаризма. В целом история парламента показывает, что как государственный институт он претерпел к сегодняшнему дню существенную эволюцию с точки зрения своих основных функций и роли в политической системе государства: от сословного учреждения, призванного поддержать верховную власть, через борьбу с абсолютизмом к представительному учреждению с функцией контроля за исполнительной властью.

В научной литературе можно встретить достаточное количество определений термина «парламент»:

– «высшее представительное учреждение, которое осуществляет законодательную деятельность и контроль за органами исполнительной власти и гарантирует защиту интересов как большинства, так и меньшинства граждан» (И. П. Рыбкин);

– «выразитель интересов и воли народа (нации), то есть всей совокупности граждан данного государства» (А. М. Осавелюк);

– «высший общенациональный представительный орган государственной власти, правомочный выполнять в конституционно заданных параметрах законодательную, представительскую, финансово-бюджетную и контрольную функции» (И. Р. Калимуллина);

– «народное представительство, созданное для выполнения воли народа (в качестве высшей представительной власти) и контроля за властью исполнительной» (С. П. Обухов);

– «парламент — это специально оплачиваемая налогоплательщиками “говорильня”, где рождаются, апробируются и утверждаются (или выбраковываются) новые общественные идеи. Парламент — это общенациональная выставка мозгов, ярмарка политических женихов, добывающихся благосклонности довольно разборчивой дамы – голосующей общности. Парламент — важнейший “аттрактор” гражданского общества, притягивающий и селектирующий политиков, должных быть достаточно амбициозными, чтобы предлагать себя обществу, но и достаточно привлекательными, чтобы их купили...» (А. Кара-Мурза)⁷ и др.

5 Алеманн У. фон. Парламентаризм / Политология. Вып. 3. М., 1993. С. 22.

6 Лебедева Т. П. Указ. Соч. С. 293.

7 Кара-Мурза А. А. В темноте все кошки серы: Размышления о российском парламентаризме / Как возможна Россия? Статьи и выступления разных лет. М., 1999. С. 87.

В большинстве определений акцент сделан на представительной природе парламента и описании его основных функций. В первую очередь исследователями подчеркиваются функции представительства и контроля, а также законодательная функция. Среди основных функций парламента называются и такие, как легитимация, рекрутирование и социализация элиты.

Представительная функция парламента отражает саму сущность этого учреждения. Смысл данной функции состоит в том, чтобы в парламенте были представители от всех основных слоев и групп населения, чтобы они могли отстаивать свои интересы в принимаемых законах и других нормативно-правовых актах. Таким образом, депутаты парламента — это представители, делегированные народом в результате проведения равных, тайных и прямых выборов, а сам парламент является представителем нации как сообщества граждан, выступая как один из важнейших демократических символов.

Представительная демократия означает передачу народом полномочий на законотворчество и принятие важных политических решений парламенту (реализация законодательной функции парламента). Дж. Ст. Милль особое внимание в своей концепции представительного правления уделил проблемам законодательной власти, так как её недостатки, по его мнению, в большей степени влияют на недостатки формы правления в целом. Сущность законодательной власти он видел в том, что весь народ или значительная его доля посредством своих представителей, избираемых периодически, держит в своих руках высшую власть контроля⁸. По мнению Дж. Ст. Милля, главными принципами формирования и функционирования законодательной власти являются пропорциональное представительство всех избирателей, компетентность носителей законодательной власти, открытое голосование и ответственность депутатов перед избирателями.

Одной из важнейших политической функцией современного парламента является рекрутирование и социализация элиты. Парламент является своеобразной школой, готовящей политиков для занятия высших постов в исполнительной власти, служит каналом социализации его членов, приобщения их к политической культуре элиты.

Также важной функцией парламента является воздействие на исполнительную власть и контроль над ней. Инструментами парламента при этом могут служить формальные дебаты, работа в комитетах над законопроектами, парламентские запросы и расследования, резолюции, вотум недоверия правительству. Кроме того, прерогативой парламента является утверждение бюджета государства, в результате чего он имеет надежные рычаги влияния на финансово-экономическую политику страны, а также контроль над бюджетной политикой. В конституциях многих стран закреплено право контроля за деятельностью исполнительной власти. В парламентских республиках, где парламент фактически формирует правительство на основе «принципа большинства» и несет за него ответственность, он вполне правомерно получает право контроля за деятельностью исполнительной власти. Но и в Конституции президентской республики США в разделе 3 ст. II записано: «Президент периодически представляет Конгрессу сведения о состоянии Союза и предлагает на его усмотрение такие меры, которые сочтет необходимыми и полезными»⁹.

Функция легитимации режима имманентно присуща всем без исключения парламентам, поскольку даже в случае,

8 Милль Дж. Ст. Представительное правление. СПб., 1907. С. 84.

9 Лебедева Т. П. Парламентаризм // Политология. Лексикон. С. 295.

когда исполнительная власть берет на себя законодательную инициативу и правит посредством различных декретов, она все же нуждается в одобрении «народных избранников». Парламент, являясь высшим представительным органом, непосредственно выражающим «волю народа» и придающим форму и силу закона важнейшим политическим решениям, играет значительную роль в легитимации режима. По мнению Н. И. Бирюкова и В. М. Сергеева, «легитимность демократической политической системы неразрывно связана с эффективностью деятельности её представительных институтов. Неэффективный парламент, теряя роль символа, одновременно подрывает и легитимность той политической системы, в рамках которой он функционирует»¹⁰.

Можно отметить, что и само возникновение парламента связано, как правило, с кризисом легитимности политической власти. Политологи, связывающие кризис легитимности режима с дестабилизацией политической власти и правления, называют в качестве таких критериев следующие факторы:

- органы власти не могут осуществлять свои функции или в политическом пространстве присутствует нелегитимное насилие (Ф. Били);
- наличие военных конфликтов и гражданских войн (Д. Яворски);
- органы власти не могут адаптироваться к изменяющимся условиям (Э. Циммерман);
- разрушение конституционного порядка (С. Хантингтон);
- отсутствие структурных изменений системы государственного управления или снижение эффективности выполнения правительством своих главных задач – составления бюджета и распределения политических функций среди элиты¹¹.

10 Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004. С. 15.

11 Цит. По Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учеб. для студентов вузов. М., 2008. С. 79–80.

Таким образом, зачастую исторически парламент является уступкой исполнительной власти общественному мнению, вынужденной мерой в условиях кризиса, сделанной для стабилизации своего положения. Так, в отечественной истории возникновение парламента происходило именно в результате кризиса легитимности, как уступка исполнительной власти общественному мнению на волне революции 1905–1907 гг. или в ходе серьезного политического кризиса 1993 г. Поэтому, как представляется, историческое и политическое значение парламента заключается именно в легитимации существующих режимов.

Пристатейный библиографический список

1. Алеманн У. фон. Парламентаризм / Политология. Вып. 3. М., 1993.
2. Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.
3. Гомеров И. Н. Государство и государственная власть. М., 2002.
4. Кара-Мурза А. А. В темноте все кошки серы: Размышления о российском парламентаризме / Как возможна Россия? Статьи и выступления разных лет. М., 1999.
5. Лебедева Т. П. Парламентаризм // Политология. Лексикон. М.: РОССПЭН, 2007.
6. Локк Дж. Избранные философские произведения. В 2-х т. Т. II. М., 1960.
7. Локк Дж. Сочинения. Т. 3. М., 1988.
8. Милль Дж. Ст. Представительное правление. СПб., 1907.
9. Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учеб. для студентов вузов. М., 2008.

<p>АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ</p> <p>Баранов В.А., к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Буянова А.В., к.ю.н., доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Волкова Н.С., к.ю.н., ученый секретарь Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Бремина О.Ю., научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Петюкова О.Н., д.ю.н., доцент, профессор кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Путило Н.В., к.ю.н., заведующая отделом социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Райлян А.И., к.ю.н., доцент, доцент кафедры «Гражданский и арбитражный процесс» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;</p> <p>Серета А.В.</p>	<p>Создание сайта: Ольга Савиных; оформление макета: правовое регулирование</p>	<p>BUSINES COURT ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</p> <p>СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СЕМЬИ</p> <p>СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ</p> <p>Ежемесячное пособие на ребенка</p> <p>Материнский (семейный) капитал</p> <p>Условия и порядок предоставления жилья</p> <p>Особенности предоставления земельных участков многодетным семьям</p> <p>Правоприменительная практика</p> <p>Зарубежный опыт</p>
<p>BUSINES COURT ООО «ДЕЛОВОЙ ДВОРЬ» 119571, г. Москва, ул. 26 Бакинских Комиссаров, 9 Тел./факс: (499) 749-77-16 www.del-dvor.ru del_dvor@bk.ru</p> <p>9 785915 501583</p>		

Мусина Л. М.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследуются актуальные вопросы геополитики современной России, выделяется понимание необходимых или выгодных для ее развития глобальных условий. Рассматривается роль и место России в новой геополитической конфигурации мира, а также степень ее влияния на направленность цивилизационных процессов.

Ключевые слова: геополитика, экономика, современная Россия, цивилизационные процессы.

Musina L. M.

TOPICAL QUESTIONS OF GEOPOLITICS IN MODERN RUSSIA

The author examines the new geopolitics of modern Russia, emphasizes the understanding of the necessary or favorable conditions for its development in the global environment. The role and place of Russia in the new geopolitical configuration of the world, as well as degree of its influence on the direction of civilization processes are considered.

Keywords: geopolitics, economics, contemporary Russia, civilizational processes.

Мусина Л. М.

Современная Россия в своей новой роли в трансформирующемся мире требует определения ее долгосрочных стратегических интересов, выбора ближайших и отдаленных приоритетов, формирования систем «обратной связи», регистрирующих направление движения страны. На сегодняшний день существует Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, рассчитанная на длительное время, на первую четверть XXI в.

Огромная территория современной России – это богатство, которое способствует ее самосохранению как определенной культурно-исторической общности. На протяжении всей истории именно площадь территории не раз спасала Россию и обрекала на поражение врага. Природные богатства дают возможность независимого политического и экономического развития современной России, что является положительным фактором в геополитике с точки зрения ее государственной безопасности.

Но у территориального фактора есть и свои негативные стороны. Прежде всего, это резкая диспропорция между масштабами подлежащих освоению территорий и наличие человеческих ресурсов для выполнения этой задачи. На сегодняшний день по средней плотности населения современная Россия остается одной из наиболее «пустынных» стран мира.

Масштабы российской территории требуют повышенного удельного расхода всех видов ресурсов на цели хозяйственного и социального освоения этой территории и социально-экономического развития страны. Так, практически все сельскохозяйственные угодья в Российской Федерации требуют проведения мелиоративных и других мер по коренному улучшению их продуктивности. Более 26 % угодий, в т.ч. 20 % пашни, расположены на почвах с повышенной кислотностью. Свыше 26 % угодий, из них 17 % пашни, подвержены в разной степени ветровой и водной эрозии, 10 % нуждаются в удалении кустарников, кочек и камней. Почва во многих регионах современной России не содержит необходимых микроэлементов в достаточном количестве, и это сказывается на здоровье людей, продолжительности жизни и их поведенческих реакциях¹.

При анализе современной политической карты мира, рассматриваемой в рамках геополитической парадигмы, представляется целесообразным исходить из признания важности устойчивых, неповторимых особенностей культурно-генетических кодов и архетипов. С точки зрения лингвистической корректности о России необходимо говорить как о полиэтничной, а не многонациональной стране².

Ими определяются образ мышления, чувства и поведение людей, понимание и осознание того, что не существует об-

щих, единых для всех народов закономерностей. Кроме того, следует обратить внимание на особенности и самобытность региональных систем мирового сообщества, которые являют собой духовно-исторические типы, великие мировые религии и культуры, образуя ядро цивилизаций.

Точка зрения, представленная в работах С. Хантингтона, В. Л. Цымбурского, А. Г. Дугина, А. С. Панарина, И. А. Василенко, И. Ф. Кефели, В. А. Дергачева, С. Г. Киселева и других исследователей, позволяет в формате научной цивилизационной программы геополитики выйти за рамки географического и экономического детерминизма, значительно расширить спектр базисных факторов, которые определяют место и роль государств в системе международных отношений.

Государства, которые остаются основными акторами мировой политики, могут быть сгруппированы в семь-восемь мировых цивилизаций. Самуэль Хантингтон выделил на современной геополитической карте мира следующие цивилизации: 1) западную; 2) конфуцианскую (китайскую); 3) исламскую; 4) православно-славянскую; 5) японскую; 6) индустриальную; 7) латиноамериканскую; 8) африканскую³.

В свою очередь, В. Л. Цымбурский при изложении своего видения новой геополитической реальности не разделяет точку зрения С. Хантингтона. Так, С. Хантингтон, опираясь на аксиому столкновения, рассматривает современную глобальную политику только с точки зрения противостояния цивилизаций, исходит из неизбежности «битв на «цивилизационных разломах»», порожденную историческими, политическими различиями в развитии цивилизаций и различием культур. В. Л. Цымбурский формулирует ряд положений о необходимости «различения для каждой цивилизации этнического и геополитического ядра и периферии» и предлагает концепцию Великого Лимитрофа, т.е. периферийного пространства любой цивилизации, в котором проживают «межцивилизационные народы», тогда как в «ядре» цивилизации живет «основное человечество» на «основной земле». Взаимодействие цивилизационных ядер и периферий, утверждает он, «оказывается не менее важным, чем относительно редкие случаи лобового столкновения цивилизаций»⁴.

В рамках цивилизационной научной программы представляется целесообразным обозначить ее исходные положения, которые определяются следующим образом:

- государство – политическая структура, появляющаяся в процессе развития первичных ячеек древних цивилизаций;
- человек – один из географических факторов;
- пространство – потенциал развития государства;
- противоречия, существующие между государствами хартленда и римленда, разрешимы;

1 Мазун Л. С. Специфика российской геополитики и политический риск // Власть. 2013. № 3. С. 95.

2 Дорожкин Ю. Н., Фролова И. В., Даминдарова Ф. В. Государственная национальная политика России: политологические размышления о «сущем» и «должном» // Власть. 2013. № 8. С. 009–013.

3 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Величьева, Ю. Новикова. М., 2003. С. 54.

4 Геополитика: ант. М., 2006. С. 710–711.

– могущество государства определяется его географическим положением, наличием коммуникаций и особенностями территории;

– месторазвитие представляет собой единство географической среды и человеческого общества и обеспечивает устойчивое развитие человеческого общества;

– геоэкономика государств определяется их принадлежностью к внутриконтинентальному или морскому притяжению;

– акторами глобальной геополитики выступают не только государства, но и их объединения в виде мировых цивилизаций;

– мир многополярен;

– мировые цивилизации определяют мировой порядок;

– столкновение цивилизаций обусловлено в первую очередь социокультурными противоречиями⁵.

Новым в геополитике России является понимание необходимых или выгодных для ее развития глобальных условий. Новые геополитические интересы России включают в себя, во-первых, ее типы в глобальном устройстве, в соответствии с которыми строится мировое сообщество, во-вторых желание современной России лидировать в геополитическом мире, в-третьих, роль и место России в геополитической конфигурации мира и степень ее влияния на цивилизационные процессы.

Современная Россия заинтересована в создании мира, базирующегося на таких основных принципах, как единство духовной основы, которое состоит в том, что в основе строительства всех отношений между цивилизациями и государствами лежит принцип приоритета интересов развития сообщества в целом, а не отдельных стран, когда учитываются интересы всех стран и народов без ущемления прав и возможностей развития каких-либо из них ради выгоды других, а также сохранение безопасности среды обитания.

Безграничность цивилизационного развития состоит в том, что каждая цивилизация и государство не ограничивается в направленности своего совершенствования путем «привязки» к какой-либо функции в рамках мирового разделения труда.

Взаимная безопасность цивилизационного развития заключается в том, что в своем развитии различные цивилизации и государства не допускают ущемление возможностей развития других стран сообщества и исключают создание им каких-либо угроз.

Современная Россия в геополитической конфигурации определяется таким вариантом расстановки геополитических центров силы, их группированием по геополитическим союзам, их экономическому, духовному и военному потенциалу и уровню влияния на развитие духовной и экономической сферы жизни цивилизации в целом, а также на состояние ее безопасности, в создании которого современная Россия заинтересована.

Роль и место России в новой геополитической конфигурации мира, а также степень ее влияния на направленность цивилизационных процессов определяется следующими положениями: во-первых, Россия заинтересована сохранить себя как Евразийский геополитический центр силы, в духовном, экономическом, территориальном и военном отношении. Во-вторых, Россия заинтересована в формировании цивилизационного союза, как противовеса Западу, с объединением вокруг России как Евразийского центра, являющихся ее геополитическими союзниками.

В динамично изменяющейся ситуации на геополитической арене государство должно использовать определенные методы сохранения и поддержания своей независимости, законности, национальных черт, традиций, общества и функционировать максимально выгодно для своих граждан.

Россия на данный момент, безусловно, является одним из крупнейших и значимых игроков на современном мировом геополитическом поле, который не только влияет на его формирование, но имеет возможности изменения направлений развития, представляя альтернативные сложившимся ранее путям. Данный потенциал, который до недавнего времени считался утерянным, необходимо укреплять, расширять и поддерживать, т.к. это позволит сложить новую многополярную геополитическую систему и тем самым создать гармоничные условия существования многих государств.

Важным инструментом в геополитической стратегии России, как и любого государства, является внешняя политика. В

последнее время внешнеполитические силы России нацелены на достижение множества целей, таких как:

– изменение отрицательного отношения к нашей стране ряда игроков и перевод его в положительную плоскость или хотя бы нейтральную;

– сближение со странами азиатского региона – Китай, Индия, КНДР, Казахстан, а также усиление взаимодействия на базе ШОС;

– военно-стратегический потенциал как внутри страны, так и за ее пределами;

– стабилизация контроля над пограничными территориями, а также арктическим шельфом и прилегающими областями;

– развитие инфраструктурного потенциала во всех направлениях;

– модернизация системы «экспорт-импорт», путем ее диверсификации и смещение приоритетов с сырьевого импорта;

– стабилизация финансовой системы⁶.

Укрепление патриотической и идеологической составляющих развития общества. Важным являются и геокультурные элементы России, которые сформировались в результате специфического развития страны как многонационального, многоконфессионального и поликультурного государства. С этой точки зрения Россия является цивилизацией, которая сформирована с православным ядром, но по сравнению с другими цивилизациями – западной, конфуцианской, мусульманской, японской, латиноамериканской, африканской, ее геокультурная структура имеет мультинациональную информационно-коммуникационную площадку и данный факт необходимо использовать как преимущество в своей геополитической стратегии. В современных условиях государство, планируя геополитическую стратегию, руководствуется в своих действиях, прежде всего, следующими целями:

– протекционизм во всех сферах жизни своих граждан, который обуславливает определенный уровень безопасности жизни, личности, прав и свобод;

– обеспечение мирного взаимодействия членов общества во внутренней социально-экономической, политической и территориальной системах;

– сохранение и культивирование моральных и духовных ценностей, традиционного уклада, а также реализация таких социально важных направлений, как медицина, образование, экология и т.п.⁷

Современная геополитика формирует множество факторов, изменяющих внешнею политику государства, которые затрагивают географическую среду в тесной взаимосвязи с политической. Большинство исторически сложившихся и описанных в литературе способов классификации социальных групп сформировались в условиях практически неограниченных ресурсов планеты.

Таким образом, специфика России состоит в том, что геополитика постоянно генерирует высокий уровень политического риска. Это своего рода генетическая характеристика страны. Политические акторы могут как увеличивать своими действиями этот генетически обусловленный уровень политического риска, так и сохранять его на более или менее безопасном уровне, проявляя рациональный подход к российской геополитике.

Пристатейный библиографический список

1. Р.Н.Бахтизин, А.А.Вассерман. Евразийская трубопроводная геополитика: сила созидания против силы разрушения // "Нефтегазовое дело. - 2015. - Том 13. - №1. - С. 86-89.
2. Буткевич С. К. Россия в современной геополитике // Научный альманах. 2015. № 6 (8).
3. Васильев С. В. Парадигма геополитического подхода в современной геополитике // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. Т. 88. № 1.
4. Геополитика: ант. М., 2006.
5. Дорожкин Ю. Н., Фролова И. В., Даминдарова Ф. В. Государственная национальная политика России: политологические размышления о «сущем» и «должном» // Власть. 2013. № 8.
6. Мазун Л. С. Специфика российской геополитики и политический риск // Власть. 2013. № 3.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003.

5 Васильев С. В. Парадигма геополитического подхода в современной геополитике // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. Т. 88. № 1. С. 91–92.

6 Буткевич С. К. Россия в современной геополитике // Научный альманах. 2015. № 6 (8). С. 230.

7 См. Буткевич С. К. Россия в современной геополитике. С. 231.

Рабинович Е. И. ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ И МЕНТАЛЬНОСТЬ

В статье предпринята попытка показать на примере российской истории, как в ходе исторического развития складываются и развиваются ментальные представления, как соотносятся они с историческими событиями, с историей общества.

Ключевые слова: ментальность, менталитет, социальный менталитет, национальный менталитет, социальная психология, культурно-психологическая установка, власть, Россия, русские, великороссы.

Rabinovich E. I. POLITICS, HISTORY AND MENTALITY

The article attempts to show through the example of Russian history how in the course of historical development the mental images are formed and developed, how they relate to historical events and the history of society.

Keywords: mentality, mindset, social mentality, national mentality, social psychology, cultural and psychological orientation, authority, Russia, Russians, Great Russians.

Рабинович Е. И.

Ныне достаточно широко распространен взгляд, что ментальность определяет многое в отношениях, оценках, взглядах, действиях людей. Ментальность возникает не вдруг, а в длительном процессе предшествующей жизни, исторической жизни предыдущих поколений, передающих посредством социокультурного наследования свои убеждения, взгляды последующим поколениям. Представляет поэтому интерес рассмотрение того, как складываются и развиваются, эволюционируют ментальные представления, ментальная «подкладка» в ходе исторического развития, как соотносится она с реальными историческими событиями, с историей общества. Мы пытаемся здесь рассмотреть ход ментального развития на материале российской истории. Работа предпринята в рамках исследовательского проекта «Историческая перспектива формирования и современная структура российского менталитета», поддерживаемого грантом РФФИ [14-06-00314\(2014-2016 гг.](#), руководитель В. А. Шилова).

Не вдаваясь в обсуждение понятий менталитета, ментальности¹, укажем только, что понимается под этими терминами в данном тексте. Менталитет – особая доминантная социально-психологическая характеристика общественного и индивидуального мышления, сознания, включающая представления, мировосприятие, образ мыслей, умственный настрой, культурно-психологическую установку людей, отношение их к жизни, окружающему миру, прошлому и будущему, их эмоции по этому поводу и характер поведения². Менталитет (или ментальность) индивидуального человека – совокупность его представлений, переживаний, жизненных установок, определяющая его видение мира и его поведение. Социальный менталитет – совокупность представлений, переживаний, жизненных установок общества, этноса, которая определяет их общее видение мира. Менталитет многомерен. Он складывается под воздействием множества факторов и включает множество черт. Конкретная конфигурация этих черт, своя для каждого

общества, эпохи, для каждого этноса, образует ментальное поле этого общества, эпохи, этого этноса. Под воздействием менталитета складывается характерная для данного общества культура («менталитет – дух культуры») и индивидуальная ментальность людей («проекция ментального поля культуры на психику» человека). Индивидуальная ментальность не тождественна социальной ментальности, но у большинства членов данного общества, этноса соответствует ей³.

Ниже мы останавливаемся только на двух факторах формирования ментальности – историческом и культурном (культурно-историческом).

Вопросы эти привлекали внимание еще в XIX в.: Н. М. Карамзин «Записка о древней и новой России», П. Я. Чаадаев «Философические письма», работы идеологов «западничества» и «славянофилов». В. О. Ключевский посвятил им отдельную лекцию в своем «Курсе русской истории». С открытием возможности обсуждения общественных вопросов, в последнюю четверть века появились новые исследования об исторических путях развития России, характере культуры и менталитета⁴.

Менталитет – исторически обусловленный феномен. История этноса, исторический путь народа – один из важнейших факторов формирования менталитета. Менталитет формируется под воздействием всех условий и обстоятельств исторической жизни этноса, и чтобы нарисовать ментальное лицо народа, нужно про-

1 Различные определения менталитета см.: Академик [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ethnopsychology.academic.ru/190/> (дата обращения: 10.11.2015).

2 Данное определение исходит преимущественно из трактовки, предложенной в статьях под рубрикой «Ментальность», в труде: 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М.: Прогресс, Пайо, 1989. С. 454–463.

3 Менталитет, ментальность и культура [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/dir/cat6/subj325/file9798/view94047.html> (дата обращения 10.11.2015).

4 См.: Сикевич З. В. Национальное самосознание русских (Социол. очерк). М.: Механик, 1996; Хорос В. Г. Русская история в сравнительном изложении. М.: Aspectpress, 1996; Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1-2. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1998; Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое изд-во, 2005; Чубайс И. Б. Разгаданная Россия (Опыт философской публицистики). М.: АйФ Принт, Столица-Принт, 2005; Яковенко И. Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-Традиция, 2006; Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое. Отв. ред. И. Г. Яковенко. М.: Наука, 2007; Яковенко И., Музыкантский А. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Рус. путь, 2011; Куда ведет кризис культуры? Под общ. ред. И. М. Клямкина. М.: Нов. изд-во, 2011; и др.

следить его историю⁵. Социальные преобразования и развитие культуры ведут к изменениям в менталитете. Но его изменение – медленный процесс. В отличие от кратковременных, изменчивых настроений, колебаний общественного мнения и эмоциональных порывов, которые могут охватывать большие массы людей, менталитет устойчив и консервативен. Он сохраняется почти неизменным в разные исторические эпохи. Изменения в менталитете происходят лишь вследствие значительных культурно-исторических трансформаций.

Занимаясь историческими факторами формирования и изменения менталитета, мы здесь рассматриваем только общеэтнические качества менталитета русского народа как государствообразующего этноса России, создавшего российское государство и определяющего, в силу своего количественного преобладания в стране, его развитие, не касаясь никаких социально-групповых особенностей или частных аспектов.

Что в истории и культуре повлияло на формирование менталитета, и как менталитет, в свою очередь, мог повлиять на ход исторического развития и культуру?

Древние предки славян обитали в регионе северных отрогов Карпат – верховьях Днестра, Южного Буга, Вислы, на Волыни, в зоне гарантированного земледелия. В первой половине I тыс. н.э. пахотное земледелие становится у славян основным способом жизнеобеспечения. Складываются соответствующие трудовые навыки, образ жизни, социальная организация и ментальные черты – психический склад, характер (психотип), отношение к труду. Успех зависит от трудовых усилий: хорошо поработаешь – соберешь хороший урожай. На этой основе создается определенная уверенность – усилия не напрасны, жизнь может быть достаточно стабильной, будущее относительно предсказуемо, катастрофы не произойдет. Родается ровное настроение, более или менее ровное отношение к окружающему, к людям, определенное спокойствие, уравновешенность характера.

В VI–VII вв. часть славянских племен распространяется на восток (между Днестром и Днепром), преимущественно в полосе лесостепи, оставаясь в основном в привычных для себя экологических условиях, позволяющих сохранять земледелие как основу жизнеобеспечения с присущими ему социальными и психоментальными чертами. Некоторая часть этих переселенцев в VIII – первой половине IX вв. проникает по речным долинам за Днепр и на север, в области обитания финских и балтских племен скотоводов и охотников по преимуществу (первичная славянская колонизация). Славянская колонизация центральных и северных лесных районов Восточно-Европейской равнины (занятие новой территории) и ее следствие, смешение с финнами и балтами (литовскими племенами), становятся начальным фактором формирования великорусского этноса и сложения его сущностных этнических черт.

Вследствие давления степных кочевников и столкновений с западными соседями позднее усиливается поток переселенцев из южных и юго-западных княжеств Руси на северо-восток (вторичная славянская колонизация). Южные переселенцы-земледельцы (жители зоны гарантированного земледелия) оказываются в иной экологической среде, в северной лесной (с суровым сравнительно с карпатским и среднеднепровским климатом) зоне рискованного земледелия. В результате смешения с автохтонными финскими племенами скотоводов-охотников и иного характера среды обитания происходит расплывание общеславянского генетического и социокуль-

турного наследия, ломка устоявшихся и формирование новых хозяйственно-трудовых навыков, образа жизни и психологии (менталитета). Принесенное с юга – юго-запада привычное пахотное земледелие остается основой жизнеобеспечения (промыслы играют подсобную роль). Но в условиях более суровой природы и рискованного земледелия складываются новые навыки жизни и труда, иной взгляд на мир и отношение к жизни. Успех в новых условиях мало зависит от трудовых усилий. Сколько ни трудись, сколько ни «горбись» на пашне, можешь ничего не собрать – бесснежная, морозная зима поубьет всходы, сухое, знойное лето не даст налиться зерну, дождливое лето – и весь урожай и сено сгниют, не будет ни хлеба, ни корма скотине. В таких хозяйственных условиях складывается психология неуверенности, пренебрежения к труду, небрежности вообще, ощущение бренности жизни и ее бессмысленности – чрезмерные усилия напрасны, будущее неизвестно. В таких условиях остается только покорно терпеть и надеяться на бога, да на доброго барина, который не даст умереть с голода, отсрочит подать, поможет хлебом.

Рассялаясь по территории Восточно-Европейской равнины, восточные славяне оказываются на пересечении контактов разнородных культур: восточного христианства (Византии), кочевников-скотоводов евразийских степей (авары, печенеги, хазары, булгары, половцы, с XIII в. – монголо-татары), финских и балтских племен Восточной Европы и Балтии, норманнов Скандинавии, западнославянского и германского мира Центральной и Западной Европы. Разнохарактерностью их перекрестных влияний объясняется сложность процессов этногенеза и аккультурации восточных славян⁶.

Связанное с географической близостью культурно-идеологическое преобладание византийского влияния приводит к христианизации Руси по восточному обряду (988–989). Культурно-идеологические и психоментальные последствия этого – распространение в восточнославянском мире представлений, ценностных ориентаций и установок православия: изначальная «треховность человека», «бренность земной жизни» и самоценность жизни потусторонней, единственной, обладающей абсолютной ценностью, перед которой временная земная жизнь не более, чем приуготовление к «жизни вечной»; отсюда – второзначность материальных условий, качества земной жизни и безусловный приоритет так называемой «духовности» (в религиозном понимании) над материальным; приоритет «общности» («соборность») и пренебрежение личностно-индивидуальным; консерватизм, отрицательное отношение к инакомыслию вообще и абсолютное отрицание свободомыслия в религиозной сфере; пренебрежительное и даже отрицательное отношение к светскости, секулярности, к «мирскому», к безрелигиозности в жизни и культуре. Первоиерарх РПЦ недавно так определил христианский подход к человеку, духовно-нравственный, ценностный идеал православия: «жалость, сострадание, участие в человеческой судьбе, отказ от законнического осуждения человеческой личности, тихая, ненавязчивая красота добродетели»⁷, – в этом «наборе» ценностей нет ни одной активной черты характера. Главное в жизни не сама жизнь, а покаяние. Вот те черты, которые вносились церковью в становление русской ментальности. Важнейшее значение в положении и деятельности самой церкви, в направлении и ха-

6 О положении России между Западом и Востоком и значении этого для формирования ментальности см.: Глузман С. А. Ментальное пространство России. СПб.: Алетей, 2010.

7 Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред. кол.: М. П. Мчедлов (отв. ред.), Ю. А. Гаврилов, В. В. Горбунов и др. М.: Культурная революция, 2007. С. 211.

5 Глузман С. А. Ментальное пространство России. СПб.: Алетей, 2010. С. 313–330.

рактуре ее проповеди, т.е. ее пропагандистского воздействия на «паству» (людское стадо) – это подчиненность самой церкви государственной власти (византийское наследие). Наряду с принципиально неизменяемыми природно-экологическими условиями, «православизация» сыграла важную роль в сложении великорусского менталитета. Принятие восточного христианства и раскол церкви (XI в.) создали серьезную идеологическую преграду связям Руси с Западной Европой, по существу послужили первой по времени возникновению причиной отчуждения от Запада и западной культуры, а как следствие этого, когда Запад резко опередил другие регионы мира в развитии, – причиной перманентного отставания во многих, если не во всех сферах жизни.

Монголо-татарская зависимость и борьба с ней вызывают определенные социокультурные, политические, идеологические, даже этногенетические и социально-психологические, ментальные последствия: формирование психологии рабской покорности и бунта, стремление к освобождению, требующему консолидации внутренних усилий, централизации власти и управления. Необходимость мобилизации и консолидации материальных средств ведет к усилению экономической эксплуатации трудовых слоев населения и росту его правовой зависимости. Жесткость отношений порождает жестокость нравов. Зависимость от монгольской империи, затем от Золотой Орды, являясь дополнительным фактором ослабления связей с Европой, ведет к технологическому отставанию (уже в XV в. потребовалось приглашение в Москву итальянских архитекторов-строителей).

Процесс разделения восточнославянской этнической общности и образования новых, современных этносов – русских (великороссов), белорусов, украинцев – происходит в результате расселения на большой экологически разнородной территории, природных преград, ограничивающих контакты, политического, экономического и культурного дробления древней (раннесредневековой) Руси и внешнеполитических условий – зависимости от разных внешних факторов (Монгольской империи/Золотой Орды, Литвы, Польши; XII–XV вв.).

Во второй половине XV в. завершается формирование великорусского этноса и складываются его социально-психологические, ментальные черты, вытекающие из этнокультурного наследия, особенностей природы, господствующей идеологии, социально-политических условий: неизбалованность и непритязательность, привычка к опасностям, терпеливость в невзгодах и лишениях, пренебрежение жизненными удобствами, да и самой жизнью, выносливость и отважность (игра в удачу, надежда на авось – либо пан, либо пропал, то, что позже назвали «русская рулетка»), покорность, принятие зависимости, подневольного положения как нормального состояния и бунтарство, приметливость и сметливость, «изворотливость в мелких затруднениях», привычка к «чрезмерному кратковременному напряжению», к усиленному труду на короткое время и к «продолжительному осеннему и зимнему безделью», «непривычка к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду»⁸. «Жизнь удаленными друг от друга уединенными деревнями при недостатке общения, естественно, не могла приучать великоросса действовать большими союзами, дружными массами. Великоросс работал не на открытом поле, на глазах у всех, подобно обитателю южной Руси: он боролся с природой в одиночку, в глуши леса с топором в руке. То была молчаливая черная работа над внешней природой, над лесом

или диким полем»⁹. Само слово «деревня»¹⁰ говорит о тяжелой, черной работе «в глуши леса с топором в руке», а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношениями к людям. «Потому великоросс [...] с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен [...] вечно себе на уме, необщителен [...] Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии [...] Невозможность рассчитать наперед, заранее сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразилась на складе ума великоросса, на манере его мышления. Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед [...]. Это умение и есть то, что мы называем задним умом [...]. Своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни великоросс часто производит впечатление непрямоты, неискренности. Великоросс часто думает надвое, и это кажется двоедушием. Он всегда идет к прямой цели, хотя часто и недостаточно обдуманной [...]. Природа и судьба великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? [...] Так сказало действие природы Великороссии на хозяйственном быте и племенном характере великоросса»¹¹.

С завершением формирования этноса не завершается формирование менталитета (как и эволюция самого этноса). Социальное, политическое и культурное развитие, крупные политические и иные события «качественной» значимости отражаются в характере менталитета, стабилизируют или изменяют его. Но изменение ментальности медленный процесс. Менталитет консервативен, может не изменяться на протяжении ряда исторических эпох, остается устойчивым и при преобразовании общественной и государственной организации, политического режима, идеологии. Его изменение происходит и становится заметным лишь в ходе вековых исторических перемен. В свою очередь, сложившийся менталитет – один из важнейших, наряду с другими, факторов общественного развития, в огромной мере определяет ход и характер исторических изменений, течения событий, их остроту или умеренность, скорость перемен, взвешенность требований сторон общественного взаимодействия, способность к пониманию интересов другой стороны, готовность к компромиссам, к воздержанности и т.д.

С объединением русских (великорусских) земель в едином государстве складывается несколько направлений, тенденций социального развития и государственной политики. В их формировании, наряду с ситуативными факторами, важнейшую роль играют факторы ментального порядка. Ниже, в рамках этих трендов, сложившихся в период формирования нации и государства, рассматриваются некоторые важнейшие

⁹ Там же.

¹⁰ Собственно русское слово *деревня* (небольшое сельское крестьянское поселение) «в современном значении [...] засвидетельствовано с 14 в. Более раннее значение – «земля, пашня». «Деревня» восходит через слово «дерево» к глаголам «драть, деру», т.е. деревня – место, «очищенное от леса», «расчищенное от деревьев», откуда пни, корневища после выжигания деревьев выдернуты, выдраны (Шанский Н. М. [и др.]. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1975. С. 123, 132).

¹¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 325–326.

⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 321, 324–325. Лекция 17.

явления истории русского (великорусского) этноса и российского государства, происходившие после завершения этнической консолидации и образования единого национального государства, причина и/или характер которых определялись или в значительной мере зависели от характера национальной ментальности, а также события, которые влияли на ее развитие и изменение.

Падение Византии (1453) и освобождение от подчинения Золотой Орде (1480) ведут к определенному идеологическому сплочению социально-политической элиты великороссов, возникновению этно-государственного (национального) самосознания, этнополитической идеологии, содержанием которой становится богоизбранность и национально-государственная исключительность. Москва, Московия – единственная независимая православная держава, осознающая свою роль в судьбе православия, которое есть единственно истинное христианство. Идея «Москва – третий Рим» становится русской национальной государственно-политической доктриной. Государь женится (1472) на племяннице последнего императора Византии, что позволяет ему считать себя приемником власти византийского монарха и поднимает его престиж в Европе. Московия провозглашается царством (1547). Титул «царь», происходящий из римского «цезарь», а в Средние века ставший синонимом титула «император», приравнивал главу русского государства к римскому императору, а в западноевропейской ситуации XVI в. к императору Священной Римской империи (все остальные государи Западной Европы были рангом, а то и двумя, ниже). Этим актом не только подчеркивалось особо высокое положение Московского государства в Европе, но и указывалось на преемство Москвой власти Византийской империи в православном мире. Вопреки мнению константинопольского патриарха, провозглашается фактическая автокефалия русской церкви (1448 и 1459), а позднее от Константинополя добиваются и установления в Москве патриаршества (1589)¹². Возвеличение царя, высших должностных лиц, властей, чиновничества – всех внешних атрибутов власти и государства вообще отныне и навсегда приобретает в России исключительное значение. Меняются политические режимы, организация власти, но авторитарное правление, почитание «первого лица» любого уровня, покорность перед высшими, большими и малыми начальниками, чиновничество, всевластие чиновной бюрократии остается и продолжается. Насмешливым обобщением этого стало народное выражение: «ты начальник – я дурак».

Усиление государственной власти, «закручивание гаек» – постоянный тренд правительственной политики. В руках самодержавного правителя, как бы он ни именовался, в любую политическую эпоху сосредотачивается вся верховная власть, формально или фактически, с неограниченными или почти неограниченными полномочиями. В старой России верховная власть принадлежала всецело монарху-автократору (самодержцу), который издавал законы, назначал чиновников, бесконтрольно распоряжался государственной казной; все это без какого бы то ни было участия народных представителей в законодательной деятельности и в контроле за управлением (до 1907 г.). Власть генеральных секретарей большевиков ограничивалась только законами природы. Столь же неограниченными полномочиями обладала партбюрократия на территориях и в отраслях хозяйства. Власть президента в современной Российской Федерации (в 2008 г. срок легислатуры был еще

увеличен с четырех до шести лет) превышает президентские полномочия в США, стране классической формы президентского правления, а произвол современных чиновников не уступает царским временам. Возникающие время от времени попытки изменить положение (об этом ниже) либо терпят неудачу, либо, после непродолжительного успеха, происходит полный или частичный откат назад. Реальные и закрепившиеся перемены к лучшему наступают медленно и остаются ограниченными.

Всевластие и произвол бюрократии сопровождалось и сопровождается на всех уровнях коррупцией. Воровство, мздоимство, казнокрадство тянутся из глубины веков и пышно цветут в наши дни. Воровство и взятки – повседневное, поистине ментальное явление. Получение государственных, муниципальных услуг не мыслится без «отката» чиновнику.

Основным средством поддержания неограниченного и бесконтрольного самовластья служили, выражаясь «новоязом» XX–XXI вв., «правоохранительные органы», которые по содержанию и характеру их деятельности следовало бы называть репрессивными, правонарушительными. Длинная вереница структур политической охраны тянется в наше время из глубины веков: опричнина Ивана Грозного (1565–1572), тайная канцелярия (1718–1726), тайная розыскных дел канцелярия (1731–1762), тайная экспедиция (1762–1801), корпус жандармов (1817 – март 1917), третье отделение императорской канцелярии (1826–1880) и большевистские ЧК (1917–1922) – ГПУ (1922–1923) – ОГПУ (1923–1934) – ГУГБ (Главное управление госбезопасности НКВД, 1934–1941) – НКГБ (1941, 1943–1946) – МГБ (1946–1953) – МВД (1946–1954) – КГБ (1954–1991), и, наконец, ГУЛАГ¹³. Все эти «органы», с их методами надзора, репрессий и устрашения, всегда остававшиеся неправыми, несправедливыми (сталинские «тройки») и жестокими в отношении своих жертв, унижали весь народ, всех граждан, в том числе и тех, кто прямо не попал в их лапы. Положение не меняется и в новейшей России: изуверские издевательства и гибель людей в камерах милиции-полиции, в предварительном следствии и в тюрьмах, ставшие известными в последние годы (2010–2012) о том свидетельствуют. Людям постоянно и «наглядно», на протяжении многих веков и с применением насилия демонстрируется и внушается непререкаемость власти, необходимость бездумного и покорного подчинения ей – в полном соответствии с исторически сложившейся ментальностью.

Неограниченному самовластию было необходимо идеологическое обоснование-оправдание. И оно явилось еще во времена Грозного в его собственных письмах (Курбскому), в которых самодержавие объявлялось установленным самим богом, как и право царя распоряжаться жизнью и смертью подданных. Все это уже тогда, тем же автором оправдывалось необходимостью сохранения единства государства и его внутреннего спокойствия перед лицом внешнего врага. Идеологическая поддержка власти и позднее была важной частью официальной и официозной политической пропаганды: записка Карамзина «О древней и новой России» и его промонархическая «История», оценка которой дана поэтом («В его «Истории» изящность, простота / Доказывают нам, без всякого пристрастия, / Необходимость самовластья / И прелести кнута»; эпиграмма приписывается Пушкину), уваровское «православие, самодержавие, народность», «твердое» руководство Победоносцева и леонтьевское «подморажива-

12 Никольский Н. М. История русской церкви. Изд.4-е. М.: Политиздат, 1988. С. 110.

13 ГУЛАГ [Электронный ресурс] / Википедия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/ГУЛАГ> (дата обращения: 10.11.2015).

ние» России, сталинский Краткий курс истории ВКП(б), хрущевская «программа построения коммунизма» (к 1980 году!), президентская «комиссия по борьбе с фальсификацией истории в ущерб интересам России» и антилиберальные эскапады разномастных защитников «державы» в СМИ. Пропагандисты деспотических режимов были изобретательны на различные ухищрения. В хождение пускались выражения и лозунги типа «обожяемый монарх», «любимый вождь и учитель», «родные партия и правительство», «советский суд – самый демократический суд в мире» и т.п. Тем же целям служило и служит возвеличение государства, которое в княжеско-царский период превозносилось как богоопекаемое, в коммунистический как самое передовое, справедливое, постоянно заботящееся о благополучии «трудящихся», «народа» (и в те времена, когда рабство в форме крепостничества существовало официально, и когда в тюрьмах и лагерях сидели миллионы безвинных людей). Содержание текстов, форма, техника распространения с веками менялись, но цели оставались общими – оправдание политики высшей власти, внушение покорности, «промывание мозгов», «зомбирование» с помощью современных СМИ, т.е. прямое воздействие на менталитет.

С мотивом величия страны и государства ментально связана внешняя политика. «Собирание земель» и защита от набегов степных кочевников переросли в стремление к расширению владений, к территориальной экспансии, официально – для защиты уже присоединенных территорий или помощи соседям, «братским народам» в борьбе с их врагами. Но «защищаемые соседи» после такой «братской помощи» вскоре оказывались внутри Российской империи. Иногда, впрочем, не прибегали к камуфляжу, прямо говоря о стратегических или экономических интересах: «необходимость выхода к морю», «к незамерзающим морям».

Внешнеполитические успехи вели к усилению самодержавной, диктаторской власти внутри страны. Военные победы и завоевания использовались все для того же возвеличения государства и власти, т.е. укладывались в прокрустово ложе сложившегося менталитета и служили его поддержанию. С поражениями было сложнее: несменяемая власть должна была как-то объяснить неудачи, оправдаться в неподготовленности к войне, в недостатках военного командования. Здесь в ход шли обвинения противника в хитрости и вероломстве, несоблюдении взятых обязательств. Вместо победных фанфар говорили о мужественном сопротивлении врагу.

Географическая удаленность страны от главных мировых торговых путей (Средиземноморья, Атлантики), идеологический (церковно-конфессиональный) конфликт со странами Западной Европы, вызывающий даже до сего дня боязнь Запада у значительной части общества, более чем двухсотлетнее отсутствие самостоятельной внешней политики (XIII – середина XV вв., время зависимости от Монгольской империи и Золотой Орды), долговременные военно-политические конфликты с ближайшими западными соседями (Литва, Польша, Ливония, Швеция) в XIII–XVIII вв. приводили к изоляции страны от быстро развивавшегося западного мира и отставания от него в технико-экономическом, научном, образовательном, культурном отношении. Положение усугублялось тем, что жесткая внутренняя власть, консервирование ею сложившихся социальных отношений (крепостное право, просуществовавшее до середины XIX в.) и политических порядков (самодержавие) не допускали никакой частной или общественной инициативы, не давали стране развиваться. Отставание от западных соседей стало постоянным явлением с XIII–XIV вв. Между тем, Россия была непосредственным соседом западного мира, не могла от-

сидеться в стороне и довольно рано стала ощущать это свое отставание, много раньше, чем те страны, которые были отделены от Европы морями и океанами. Это видели и наиболее дальновидные правители и некоторые люди, причастные к власти. Они пытались поправить положение, не изменяя сущностной организации общества и государства, то есть убрать негативные последствия, не затрагивая их причин. Приглашение иностранных мастеров, посылка небольшого числа молодых людей на обучение за границей имели место уже в конце XV в., в неизмеримо большем масштабе это происходило в петровскую эпоху.

Петровские реформы во многом по-новому, чем предшествующее развитие, ставят вопрос о менталитете и связанные с ним, но возникшие в России именно в это время, вопросы о культурно-цивилизационной парадигме и путях развития страны, но также о месте, роли реформ, и не только в политическом, но и в ментальном процессе. Противоречия в подсистемах культуры: несоответствие внешне-, внутривнутриполитических и технико-экономических задач, с одной стороны, и социальных отношений, системы управления и уровня культуры, с другой; усиление социального и культурного разрыва между господствующими верхами и трудовыми низами требовали изменений в организации общества и государства. Реформы в России всегда носили вынужденный характер, проводились по инициативе сверху и только тогда, когда власть чувствовала, что без изменений уже не обойтись, что сохранение в неизменном виде старых порядков чревато большой бедой. Ограниченные реформы были для правящей элиты полем возможного маневра. Реформы проводились так, чтобы частные, частичные изменения в технологии власти и управления, приводя к временному (исторически) разрешению проблемы, не затрагивали интересов властной элиты и государственной бюрократии, сохраняя и укрепляя их положение и усиливая центральную власть и сложившиеся властно-государственные политические тенденции. В целом служа дополнением силовой политики сдерживания и подавления, реформы имели двойственный характер, приоткрывая иногда ограниченные возможности для развития. Особенно это касается петровских преобразований и позднейших «великих реформ» Александра II, отвечавших нуждам страны и создававших некоторые возможности для проявления общественной инициативы. Однако их ограниченность, незавершенность не снимают главных противоречий, но даже обостряют их и рождают новые.

Петровские реформы, вызванные острой внешней необходимостью, ориентировавшиеся и заимствовавшие западные образцы (а иных образцов и не было), вовлекли Россию в сферу западноевропейской цивилизации (тенденции европеизации прослеживаются и ранее). Произошла трансформация культурно-цивилизационной парадигмы. Западноевропейская цивилизация, в то время когда Россия становилась ее частью, сама не только имела давнюю историю, но уже трансформировалась из средневекового конфессионального состояния в цивилизацию нового светского, секулярного типа, опиравшегося не на сакральные тексты, сковывавшие возможности творческого поиска; ее доминантами стали рационализм в теории и прагматизм на практике. Произошло снижение роли церкви и церковной идеологии во всех областях жизни, открывшее возможности свободного научного исследования и творчества. Заимствование западноевропейских культурных образцов в повседневной жизни, поведении, интересах и мотивации, организации жизненного пространства, знакомство с высокими образцами западноевропейской культуры, философии и литературы, науки и техники, государственной орга-

низации и управления открывали и для русского человека, и русского общества широкие возможности творчества, которые принесли свои плоды позднее, в XIX и XX вв., когда о русской литературе, музыке, театре, архитектуре, изобразительном искусстве, вообще о русской культуре, по их характеру, стилю, художественному языку, настроениям и ощущениям можно говорить как о европейской (западной) культуре и искусстве. Особенность состоит в том, что новое западное культурно-цивилизационное поле, частью которого Россия становится, парадоксальным образом сочетается со старыми ментальными чертами, возникшими в иных условиях и обстоятельствах, в иной культурной традиции. С усвоением западных культурных образцов создаются определенные предпосылки для изменения, обновления национального менталитета. Однако новое мышление формируется медленно и лишь в узком, ограниченном круге населения. Да и сами новые культурные образцы распространяются изначально в весьма узком кругу. Они охватывают только высшие и частично средний слои дворянства. Сначала усваиваются лишь внешние формы, некоторые поведенческие образцы, да и те первоначально навязываются силой (новый внешний облик людей, европейская одежда, новые формы досуга). Распространение европейских культурных образцов жизни на средние, разночинные слои происходит лишь в XIX в., а проникновение в широкие народные массы начинается с отменой крепостного права, переселением многих сельских жителей в города, втягиванием их в городскую жизнь и опять-таки сначала лишь внешне, неглубоко. Петровские преобразования изменили формы организации общества, но не изменили его социальных и политических основ: сохранялось крепостничество, оставалась старая элита, лишь слегка разбавленная «новыми людьми», которые видели свое будущее в слиянии со старой аристократией и дворянством; власть чиновничества возросла. Все это не способствовало изменениям ментальности ни «вверху», ни «внизу».

Отмеченные выше негативные тенденции и направления социального развития и государственной политики продолжали существовать и в послепетровское время, а с ними и экономическое, политико-правовое, административное, культурное, научное отставание. Постоянно существует необходимость его преодоления, необходимость модернизации, говоря современным языком. Проявлением противоречий культурно-цивилизационной трансформации и процесса модернизации, отразившихся и продолжающих отражаться в социальном сознании (менталитете), являются два направления общественной оценки модернизации, смены культурной парадигмы и определения будущего пути развития страны, сложившиеся в русском обществе: «западничество» (либералы – демократы – левые) и «славянофильство» («почвенники» – черносотенцы – «евразийцы» – национал-патриоты). Лучшими умами всегда чувствовалась перманентная отсталость и перманентная необходимость реформ, которые начинаются, как будто бы все время идут и никогда не кончаются, так как никогда не доводятся до конца, глушатся теми, кто их должен проводить, государственной чиновной бюрократией на всех ее уровнях. Задачи модернизации стоят постоянно, не сходят с «повестки дня» уже несколько веков. В то же время другой частью общества владеет идеология консерватизма, отрицания западной культуры, нежелание вписываться в то движение, развитие, которым охвачен мир. Таким образом, можно говорить о раздвоенности общественного сознания, расколотости менталитета российского общества, его разнонаправленности, что является большим препятствием поступательному движению страны, ее социальному, культурному, государственно-

политическому, правовому благоустройству, общественному прогрессу. Ход реформ в России – это всегда два шага вперед, один шаг назад.

Отмена крепостного права и другие реформы 1860–1870 гг. открывали некоторые возможности для социальной и экономико-технологической модернизации «снизу», т.е. иницируемой обществом. Однако реформы не были завершены: политическая организация государства на верхнем уровне власти и управления осталась авторитарно-самодержавной, общество по-прежнему не имело голоса в делах государственного управления, в вопросах организации власти, не имело возможности влиять на определение направлений политики.

В истории России существовали представительные институты, хотя и ограниченно отражавшие интересы некоторых слоев населения. Существовало территориальное (в основном местное и в меньшей мере региональное) самоуправление. В ранние исторические эпохи, в родоплеменном обществе и в пору формирования государства самоуправление возникало спонтанно, «снизу», из недр самого общества (крестьянские и посадские общины, вече); в последующие эпохи учреждалось преимущественно «сверху», государственной властью, хотя продолжали существовать и некоторые, прежде возникшие, спонтанные его формы (крестьянская община, сход). Для крестьянской общины, мира, особенно характерно ее длительное историческое существование как института самоуправления, пережившего крепостническую эпоху. С середины XVI в. стали собираться земские соборы, сословно-представительные органы власти, однако они собирались нерегулярно и просуществовали менее полутора веков. Само существование представительных учреждений и самоуправления было неустойчивым: тенденция их возникновения и расширения сменялась сужением (приказно-воеводская система управления XVII в., контрреформы 1880-х годов, ликвидация самоуправления большевиками).

Для институтов представительства и самоуправления российского общества в целом характерны прерывность существования, ограниченность территории и неполнота сферы применения, ограниченность полномочий и ограниченность участия населения, сословный характер, подчиненность и зависимость от государственно-властных бюрократических структур управления, переходящие иногда в переплетение с ними. В целом можно говорить о слабом развитии и неустоявшихся традициях народного представительства и самоуправления в российском обществе, они были несамостоятельными (кроме ранних эпох) и бессильными¹⁴.

Реформы 1860–1870-х годов позволили стране продвигаться по пути технико-экономического развития, но состояние государственного устройства и управления, правовое положение населения, сохранявшееся сословное неравенство («средневековые пути») препятствовали развитию.

Задачи модернизации, социальной и государственно-политической, в сферах власти и управления, всегда, во все эпохи решались лишь частично, никогда не доводились до завершения, даже для отдельных периодов и эпох. Попытки модернизации в XVIII–XIX вв., попытки их проведения посредством частичных реформ сверху при сохранении традиционной, лишь слегка подновленной, средневековой социальной структуры и самодержавия не решали проблем, стоявших перед страной. Недореформированность и сохранение самодержавной власти потенциально и реально обостряли социальные противо-

14 Подробнее см.: Рабинович Е. И. Местное самоуправление в России: становление и развитие. М.: Изд-во ИС РАН, 1999. С. 6–18.

речия и подготавливали почву для социально-политического взрыва.

Одной из важнейших причин медленности или отсутствия позитивных изменений в жизни и постоянного отставания от развитых стран – невозможность проявления частной или общественной инициативы. Не только участие в управлении, отсутствовала сама возможность легитимного, легально-выражения интересов населения, обсуждения общественных вопросов, даже простого предъявления мнения людей властям. Возможности выражения настроений, мнений населения, обсуждения общественных проблем ограничивались цензурой. История цензуры в России тесно связана с изменениями социально-политической ситуации в стране. За 300 лет цензура то ослаблялась (в «либеральные» эпохи «оттепели»), то вновь ужесточалась (в периоды «заморожков»), и это не зависело напрямую от политического режима – цензурные комиссии (1796), комитеты (1804), Главный цензурный комитет (1828), тайный так называемый Бутурлинский комитет «эпохи цензурного террора» (1848–1855), Главное управление по делам печати МВД (1865–1917), большевистский «Главлит» (1922–1991). При коммунистах «классические» формы цензуры дополнялись новыми: глушение иностранных радиопередач, контроль информации, передаваемой иностранными корреспондентами из СССР, создание т.н. «спецхрана» или изъятие материалов из библиотек и музеев¹⁵. Постоянно велась беспощадная борьба даже с мало-мальски независимым направлением мысли, с малейшими проявлениями критики и свободомыслия.

Цензура и цензурная политика оказывали непосредственное воздействие на менталитет. Авторы, которые хотели донести до публики свою точку зрения, отличную от «видов правительства», вынуждены были прибегать к эзопову языку, иносказательной форме изложения (то, что Ключевский называл «изворотливостью в затруднениях»), а читатель причулся читать между строк, выискивать скрытый смысл (проявлял «приметливость и сметливость»). Людям приходилось скрывать свои мысли и чувства, опасаясь доноса и репрессии (великоросс «вообще замкнут и осторожен», «вечно себе на уме, необщителен», Ключевский). Цензура правительственная, внешняя порождает «внутреннюю цензуру», самоцензуру автора, который скрывал свои мысли, был неискренен с читателем, писал и говорил не то, что думал, а «применительно к подлости» власти вообще, а нередко и конкретного чиновника.

Невозможность легального выражения общественных интересов и отсутствие легитимной возможности для общества повлиять на политику власти приводили к действиям нелегитимным. Отсюда общественное ожесточение, стихийные движения снизу, революционаризм и инсургентство российского общества: народные бунты, мятежи и восстания, крестьянские войны, самосожжения раскольников и дворцовые перевороты, революционные смуты (в XVII в., гражданская война XX в.), антибольшевистские выступления и восстания 1918 и 1920–1921 гг. (массовый митинг рабочих в Петрограде в защиту Учредительного собрания, восстание матросов в Кронштадте, крестьянское восстание в Тамбовской губернии, восстания башкир), стихийные выступления в Новочеркасске, в лагерях ГУЛАГа, движение диссидентов-правозащитников

1960–1980 гг., массовые антикоммунистические митинги конца 1980-х – начала 1990-х годов. Общественная реакция на действия власти колеблется в диапазоне: «народ безмолвствует» – «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». В предельном случае, как сказал поэт, «самовластие в России ограничивается удавкой». Недовольство в той или иной форме и степени проявляется практически в каждом новом поколении.

Помимо спонтанных бунтарских процессов, развивается и осознанная критика политики властей со стороны интеллектуальной элиты. Возникает и развивается оппозиционная и революционная идеология как реакция на консервативную политику, исключавшую возможность необходимых обществу глубоких структурных политических и социальных преобразований: осуждающие самовластие письма Курбского, книга Радищева, статьи Н. Новикова, теоретико-идеологические и публицистические труды декабристов, Герцена, шестидесятников XIX в., народников, идеологов революционного движения различной политической ориентации конца XIX – начала XX вв., публикации диссидентов-правозащитников 1960–80 гг. («самиздат» и «тамиздат»), выступления оппозиционных политиков, политологов и журналистов в наше время.

Недовольство правительственной политикой в либеральных и демократических общественных кругах, отсутствие возможностей (механизма) удовлетворения общественных требований (решения объективных исторических задач) и средств их легального выражения, укоренившееся в обществе неуважение к власти и закону толкают часть интеллигенции к крайнему радикализму в теории и экстремизму в действиях: нигилисты, терроризм народовольцев и эсеров, «пролетарская диктатура» большевиков. Правительство своей ограничительной, репрессивной политикой не оставляло недовольным, оппозиции ничего, как только «звать к топору» (прокламация Чернышевского «Барским крестьянам...»). Как реакция на леворадикальные движения возникает экстремизм правого толка (черносотенно-монархический), берущий начало в «почвенничестве» и антизападничестве. Происходит поляризация общественной жизни. Слабая, колеблющаяся между демократией и монархизмом, религиозно-гуманистическая идеология не находит широкой поддержки.

Первая мировая война обостряет социальные и политические противоречия, вызывает кризис самодержавия, неспособного разрешить стоящие перед страной объективные исторические проблемы, и приводит к революционному взрыву. Озлобление, невежество и доверчивость народных масс, неопытность политиков либеральной и демократической ориентации, демагогическая агитация и разжигание ненависти позволяют представителям крайнего леворадикального движения захватить власть (октябрь 1917 г.). Революция – это плата власти за ее нежелание соответствовать требованиям времени. И вот кульминация: «Мы добрых граждан позабавим / И у позорного столпа / Кишкой последнего попа / Последнего царя удавим» (вольный перевод Пушкина из Дидро) – реализовалось почти буквально.

Октябрьский переворот, поставивший у власти иные социальные силы, не изменил направленности и характера основных тенденций/трендов развития общества: централистки-административный («командно-административный») характер власти и управления во всех сферах жизни, многократно усугубленный тоталитарным политическим режимом: неконтролируемая обществом диктаторская власть верхушки партбюрократии, этатизация экономики, фактическое прикрепление крестьян к земле, создание разветвленной системы государственных карательных «органов» надзора, насилия и

¹⁵ Цензура в СССР [Электронный ресурс] / Википедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Цензура_в_СССР (дата обращения: 10.11.2015); Главное управление по делам литературы и издательств [Электронный ресурс] / Википедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Главное_управление_по_делам_литературы_и_издательств (дата обращения: 10.11.2015).

террора (административные аресты и высылки, внесудебные «тройки», ГУЛАГ, массовые депортации неудобных социальных слоев и целых народов). В повседневной жизни запрет любых форм подлинного общественного самопроявления и инакомыслия, идеологическая монополия «единственно верного учения» в его ленинско-сталинском варианте, диктат в области культуры, науки, практическая невозможность какого-либо карьерного роста вне членства в партии (абсолютная невозможность – в сферах государственной, военной, внешнеполитической деятельности и идеологии), навязывание «идеалов» повседневной жизни, поведения, простого времяпровождения («советский человек» должен был мыслить, чувствовать и говорить по предписанию «партии и правительства»), воспрепятствование и обрушение всех возможных личных зарубежных контактов. Хотя главным средством управления всегда было устрашение, оно дополнялось политической и социальной демагогией, пропагандой (провозглашение союза якобы «равноправных республик», «дружба народов», «сталинская конституция – самая демократическая конституция в мире», «строительство социализма и коммунизма», воспитание «нового человека коммунистического общества» и т.п.).

Внешняя политика, после революционного большевистского лозунга «поражения собственного правительства в империалистической войне» и распада империи в 1918 г., вернулась к царской политике экспансии: восстановление империи в форме т.н. «союза социалистических советских республик», возобновление политики территориальных захватов (по договорам с нацистской Германией) и создание коммунистической империи от Центральной Европы до Дальнего Востока после Второй мировой войны, вторжение в Афганистан.

Тоталитаризм большевистско-советского образца, т.е. реальный коммунизм, каким он был в России, вырос на русской почве (с ее ментальными чертами) из западноевропейского марксизма (с его абсолютизацией классового начала, социальной вражды и революции). Антилиберализм, диктат т.н. «партии» (не нормальной политической организации, а особой государственно-политической властной структуры, которую, впрочем, сами ее идеологи называли «партией нового типа» и сравнивали со средневековым монашеским орденом), тотальный контроль государства над обществом и всеми сферами жизни, воинствующий антииндивидуализм и преследования, вплоть до физического уничтожения инакомыслящих – его самые характерные черты. Рассматривая людские массы как объект для своих социально-политических экспериментов, большевики, установив тоталитарную диктатуру и ликвидировав своих политических и идеологических противников, пытались реализовать коммунистическую экономическую и социальную доктрину-утопию, но через три четверти века, изнасиловав и искорежив страну, извратив ее исторический путь, терпят крах. Революционная эйфория «строительства нового общества» сменяется у новых поколений, включая и многих членов компартии, трезво прагматическим подходом к жизни.

Последующие десять лет (1990-е годы) кардинально изменили социальную структуру, государственно-политическую организацию, идеологическую и культурную ситуацию в стране, но не изменили общего глубинного ментально-психологического склада людей и состояния общества. Именно этим, в значительной мере, можно объяснить замедление темпов движения в сторону либерализации и демократизации общества, которое стало наблюдаться с середины 1990-х, после бурного всплеска политической и социальной активности конца 1980-х – начала 1990-х годов прошлого века. Равным образом не

меняется, но только подтверждается характер общественного менталитета в последующий, еще продолжающийся, период развития (2000-е годы), но это уже выходит за пределы исторического времени, представляя собой пока еще современную политику, и поэтому остается за пределами рассмотрения.

Пристатейный библиографический список

1. Академик [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ethnopsychology.academic.ru/190/Менталитет_национальный (дата обращения: 10.11.2015).
2. Ментальность // 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М.: Прогресс, Пайо, 1989.
3. Глузман С. А. Ментальное пространство России. СПб.: Алетей, 2010.
4. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред. кол.: М. П. Мчедлов (отв. ред.), Ю. А. Гаврилов, В. В. Горбунов и др. М.: Культурная революция, 2007.
5. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Соцгиз, 1937.
6. Рабинович Е. И. Местное самоуправление в России: становление и развитие. М.: Изд-во ИС РАН, 1999.

Иванова К. А.

РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНИЦИАТИВ ГРАЖДАН В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

В статье раскрываются проблематика модернизации института общественных инициатив граждан, проблемы развития данного института, приводится статистика его практической реализации.

Ключевые слова: общественные инициативы, демократия, народовластие.

Ivanova K. A.

DEVELOPMENT AND MODERNIZATION OF THE INSTITUTION OF CITIZENS' PUBLIC INITIATIVES IN THE LIGHT OF CURRENT POLITICAL TRENDS

The article deals with the problems of modernization of the institute of citizens' public initiatives, the author reveals problems of this institution developing, gives the statistics of its practical implementation.

Keywords: public initiatives, democracy, citizens' public power.

Иванова К. А.

Проблема взаимоотношений и взаимосвязи гражданина с властью всегда была чрезвычайно актуальна. В последнее время о демократии говорят очень часто в силу политической природы этого явления, однако известно, что «политическая анатомия цивилизованного общества так или иначе оформляется правом»¹. Демократия, как абстрактный принцип, закрепленный в Конституции России, находит свое выражение в конкретных формах проявления, в том числе и в реализации субъективного права гражданина на участие в общественных инициативах и в их создании.

Конституционное развитие российской государственности, ориентированное на апробацию новых форм общественных инициатив граждан и поддержание классических институтов прямой демократии, объективно детерминирует исследование в области правового регулирования и реализации общественных инициатив.

С точки зрения системного подхода институт общественных инициатив граждан является одной из возможностей участия граждан в управлении делами государства и фактически является совокупностью находящихся в правовом поле способов воздействия граждан на осуществление общегосударственных дел, таких как законотворческая и правотворческая инициативы, инициирование отзыва высшего должностного лица субъекта РФ и отзыва депутата представительного органа муниципального образования, обращения граждан.

Институт общественных инициатив граждан представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с возникновением и реализацией самостоятельных, активных, общественно значимых, целенаправленных, конструктивных и добровольных действий, а также закрепляющих формы и механизмы реализации права граждан на общественную инициативу.

При этом институт общественных инициатив граждан предусматривает значительное количество механизмов реализации права граждан на общественную инициативу. Механизмы реализации права граждан на общественную инициативу обеспечивают возможность влияния общества на государство и включают в себя элементы, методы и способы, посредством которых граждане могут выдвигать свои инициативы. Так, на собрании граждан может быть принято обращение в органы местного самоуправления, на митинге может быть признана необходимость выдвижения законотворческой инициативы.

Механизм реализации права граждан на общественную инициативу – самостоятельные, активные действия, реализуемые гражданами индивидуально и (или) коллективно, направ-

ленные на организацию и проведение законных публичных мероприятий, таких как митинги, шествия, демонстрации, пикетирования, собрания граждан, конференции граждан, и других, одной из целей которых является выдвижение общественных инициатив. Перечень этих механизмов реализации не является и не может являться закрытым.

В современных российских реалиях институт общественной инициативы только начинает формироваться. Общественные инициативы в настоящее время стали важным регулятором жизни людей во всем мире, тогда как в России взаимодействие институтов гражданского общества и органов власти носит эпизодический характер и касается в основном принятия отдельных решений. Вместе с тем обнаруживаются новые способы выражения населением своего мнения, в частности образование «ситуационных объединений» (например, групповые образования в социальных сетях).

Следует отметить, что результатом проводимых в Российской Федерации реформ государственного управления стало возникновение модернизированных форм общественных инициатив, а именно – электронных. Так, в настоящее время у граждан Российской Федерации есть возможность представить предложения и законопроекты (проекты муниципальных правовых актов) посредством сети Интернет на сайт «Российская общественная инициатива». Вместе с тем существенным прогрессом в доступности общественных инициатив стала возможность подачи обращений в органы государственной власти и органы местного самоуправления в электронной форме.

Указанные нововведения увеличивают степень вовлеченности граждан Российской Федерации в общественную и политическую жизнь страны, способствуют повышению активности граждан при их участии в общественных инициативах и в конечном итоге способствуют налаживанию конструктивного диалога между властью и обществом.

В то же время можно повысить активность участия граждан Российской Федерации в деятельности исполнительной и законодательной власти путем совершенствования таких форм общественных инициатив, как отзыв высшего должностного лица субъекта РФ и отзыв депутата представительного органа местного самоуправления. Отрешение от должности лиц, деятельность которых вызывает неудовлетворенность населения, позволяет наладить эффективный диалог между властью и обществом, а также создать полноценный механизм обратной связи, что в конечном счете вызывает доверие граждан к органам публичной власти.

Существенным направлением в реализации конституционно гарантированной возможности участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства является активность граждан в нормотворческой деятельности. Известно, что закон, как ведущий регулятор общественных отноше-

1 Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 26.

ний, призван отражать объективные потребности общественного развития и выражать единую волю народа. Одним из основных факторов достижения этого, условием повышения качества и эффективности закона в современных условиях развития гражданского общества и правового государства является возможность привлечения граждан к нормотворческому процессу.

Маловостребованными в классическом варианте в настоящее время являются законодательская и правотворческая инициативы. Изучение нормативно закреплённого порядка реализации законодательской инициативы позволяет сделать вывод о целесообразности законодательного закрепления электронных форм участия граждан в управлении делами государства в сфере правотворчества, как наиболее востребованных в век развития информационных технологий.

Институт общественных инициатив получил свое развитие в законодательстве Российской Федерации сравнительно недавно. Проведенный анализ выявил отдельные недостатки правового регулирования и практики применения рассмотренных форм общественных инициатив, при этом в настоящее время в Российской Федерации общественные инициативы активно развиваются, внедряются инновационные формы участия граждан в публичной жизни.

На местном уровне также отмечается рост общественных инициатив. Всероссийский совет местного самоуправления провел социологическое исследование на тему «Развитие гражданской инициативы и общественного контроля на местном уровне»², результаты которого выявили, что участие граждан в осуществлении местного самоуправления имеет, как правило, ситуативный, несистемный характер. В основном преследуются утилитарные цели: решение отдельной острой проблемы в сфере местного самоуправления или в конкретной социальной сфере. Системного, созидательного участия не прослеживается. В органы местного самоуправления поступает мало инициатив по вопросам долгосрочного стратегического развития муниципальных образований. Вместе с тем высок уровень участия граждан в разработке стратегии социально-экономического развития муниципальных образований, разработке программ развития отдельных сфер общественной жизни и оценке эффективности работы органов местного самоуправления.

Можно сделать вывод, что далеко не все предусмотренные законодательством механизмы гражданского участия в общественно-политической жизни в полной мере используются на практике.

Общими недостатками регулирования общественных отношений, связанных с реализацией общественных инициатив в Российской Федерации, являются:

1) разброс норм, регулирующих порядок рассмотрения гражданских инициатив, по различным нормативным правовым актам, что затрудняет реализацию таких инициатив. В частности, в муниципальные правовые акты включаются положения, ограничивающие круг инициаторов публичных слушаний по вопросам градостроительной деятельности, исключительно главами местных администраций;

2) слабое урегулирование гражданской законодательской инициативы в федеральном законодательстве. Лишь муниципальный уровень инициатив получил подробную регламентацию;

3) низкий уровень информированности граждан о существующих формах и механизмах реализации права граждан на общественную инициативу. Несмотря на законодательно закреплённую обязанность органов государственной власти и местного самоуправления предоставлять гражданам информацию о деятельности этих органов, по-прежнему сохраняется низкий уровень знакомства населения с имеющимися

возможностями активного участия в публичной жизни, в том числе посредством создания общественных инициатив. Требуется принятие правовых решений, направленных на информирование граждан не только о непосредственной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, но и об имеющихся возможностях, а также о деятельности активных граждан. При этом необходимо использовать такие инструменты, как проведение публичных слушаний, исследование общественного мнения, изучение предложения заинтересованных лиц и т. д.;

4) слабая организация формальных институтов гражданского общества. Очевидно, что возможности объединений граждан, наделённых статусом общественных объединений, выше, чем стихийных или постоянных неформальных групп, сформированных по интересам или принципу территориального проживания. Общественные объединения организованы, имеют опыт, квалификацию, ресурсы, средства и могут более активно и конкретно выдвигать инициативы. Но эта возможность реализуется слабо.

Впрочем, даже самое детальное правовое регулирование форм общественных инициатив и форм реализации общественных инициатив само по себе не является гарантией их активного использования гражданами. Государственные и муниципальные органы, их должностные лица обязаны содействовать населению в реализации гражданских инициатив. Важную роль играют деятельность публичных органов по практическим разъяснениям (в том числе и через средства массовой информации) имеющихся возможностей, отклики на существующие инициативы и помощь в реализации состоявшихся.

Стремление к обеспечению всестороннего развития личности, ее творческой, политической активности является одной из особенностей правового государства, что требует дальнейшего развития не только форм общественных инициатив граждан, но и разнообразных гарантий их осуществления, среди них общественный контроль за деятельностью органов власти и местного самоуправления. Это вытекает из таких задач общественного контроля, как повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества, а также реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека³.

В целом можно утверждать, что совершенствование отечественного законодательства по развитию общественных инициатив граждан, разумное и взвешенное внедрение в практику новых форм общественных инициатив в различных сферах государственной деятельности наряду с эффективным использованием традиционных форм соответствуют тенденциям современной модернизации России и ключевому вектору ее демократизации.

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян С. А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 12–21.
2. Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правопонимания // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 26.
3. Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 163.
4. Развитие гражданской инициативы и общественного контроля на местном уровне: социологическое исследование / Всероссийский Совет местного самоуправления [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vsmsinfo.ru/proekty-i-programmy/grazhdanskaya-aktivnost-initsiativa-i-obshchestvennyj-kontrol-na-mestnom-urovne>

2 Развитие гражданской инициативы и общественного контроля на местном уровне: социологическое исследование / Всероссийский Совет местного самоуправления [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vsmsinfo.ru/proekty-i-programmy/grazhdanskaya-aktivnost-initsiativa-i-obshchestvennyj-kontrol-na-mestnom-urovne>

3 Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. № 163.

Замятин П. В.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ УРБАНИСТИКИ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ

В статье показаны исторические условия и предпосылки развития и формирования урбанистических концепций в политологическом контексте возникновения понятий креативного класса и общественных пространств. Приведены перспективы социально-политической трансформации крупных городов как сложных полифункциональных систем.

Ключевые слова: городские сообщества, постиндустриальная урбанизация, проектирование инфраструктуры, глокализация пространства, множество лидеров, ослабленные связи, социальный капитал.

Zamyatin P. V.

DEVELOPMENT OF SOCIO-POLITICAL DIRECTION OF URBANISM IN THE POSTINDUSTRIAL ERA

The article demonstrates the historical conditions and preconditions of development and formation of urban concepts in the political context of emergence of the concepts of creative class and public spaces. The prospects for social and political transformation of major cities as complex multifunctional systems are given.

Keywords: urban communities, post-industrial urbanization, infrastructure design, glocalization of space, a lot of leaders, weak ties, social capital.

Замятин П. В.

Востребованность исследования социально-политического развития урбанистики обусловлена тем, что «жизнь в мегаполисах необратимо изменяет человека, его восприятие природы и его психику. Это может оказаться опасным для будущего человечества. Условия жизни в крупных городах во многих аспектах противоречат генетической приспособляемости человека»¹. Тем не менее эмпирическое исследование межличностных контактов ослабило этот тезис, который ориентирован на изучение структуры и механизмов взаимодействия между общинами в городах. Урбанисты настаивают на исследовании особенностей городской жизни и городского пространства. Так, например, некоторые психологи-урбанисты полагают, что если в городе высокий уровень образования населения, то нет места для неквалифицированной рабочей силы, чем ниже этот уровень, тем более необходимы процессы адаптации. Город не может быть чисто промышленным, в нем должны быть научные и образовательные учреждения и другие атрибуты культурной среды, в противном случае это приведет к снижению творческого потенциала города, уровня удовлетворенности жизнью. Для обеспечения развития городов в постиндустриальную эпоху необходимы инновационные средства и методы. Концепция креативного города, разработанная Ч. Лэндри, дает представление об этих новых инструментах².

В гуманитарных науках широко используются разработанные психологами типологии личности горожан. Так, например, известна типология К. Юнга, основанная на ситуативном поведении горожанина³. Эмпирическое же изучение политологов ориентировалось на комьюнити, испытывающие воздействие факторов миграции. Кроме того, вопрос о типе личности горожанина, на которую накладывает отпечаток существующая специфика городской среды, связан с вопросом, кого считать типичным горожанином. Могут меняться функ-

циональный профиль города, учебные заведения и научные учреждения – население остается. Особое значение имеет соответствие рабочих мест в динамике отношений между социокультурными сообществами. Город – это не здания, а структура управления. Об этом говорят феноменальные факты, когда оставшиеся в живых, горожане восстанавливают разрушенный город в первоизданном виде⁴.

Анализ показал, что начало постиндустриальной эпохи отражается на городах в форме локальной, фрагментированной постиндустриальной урбанизации (1970–2010). Происходят революции в электронике, новой энергетике, включая возобновляемые источники, создание новых материалов. Эти трансформации напрямую связаны с информационной революцией и предполагают в качестве двигателя своего развития информационно-коммуникационные технологии, компьютерную технику, программное обеспечение, новые коммуникации и средства связи⁵. Начинает формироваться то, что сегодня называют «креативным» классом. При этом прорыв в новые технологии основан на концентрированном и интенсивном применении знаний, и удается это только в локальном, а не глобальном, и даже не в страновом масштабе. Одновременно значительное количество городов теряют свой промышленный потенциал, теряют население. Политики называют их «сжимающимися» городами. Попытки решить проблему старыми методами – созданием новых промышленных производств, оканчиваются неудачей. У людей в городах нет работы, но создание новых рабочих мест не приводит к снижению уровня безработицы, так как люди больше не ассоциируют себя с «фордистским организованным человеком», человеком, работающим на конвейере. Тогда власти делают еще одну ошибку: они принимают решение продлить функционирование индустриального экономического уклада на западе за счет привлечения мигрантов из стран, только вступающих в

1 Тухбатуллин Д. Г. Образ жизни населения как основной критерий социального развития малого города: дисс. ... к. с. н. Уфа, 2003.

2 Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI, 2011.

3 Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007.

4 Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005.

5 Бронников И. А. Политическое пробуждение в информационном обществе // PolitBook. 2015. № 2. С. 33– 47.

индустриализацию. Достаточно быстро стало очевидно, что проблемы городского развития таким способом решить невозможно, а можно их только усугубить. Обеспечить городское развитие в постиндустриальную эпоху можно только совершенно новыми средствами⁶.

Информацией, связанной с более высокой креативностью, характеризуется дискурс городской среды. В процессе решения отдельных политических и социально-экономических задач городского пространства формируются знания о конкретных элементах информатизации процессов в идентичных системах; диагностики социально значимых событий; принципов обработки и анализа политической и социально-экономической информации⁷. В экономике городов уже сейчас экспорт рекомендаций, знаний и решений занимает основное место, поэтому все в большей степени их развитие связывается с образованием, наукой. Меняется сущность характера процесса создания богатства, поскольку неразрывная связь существует между типологией сообществ и характером знания, которое в определенной мере начинает своё производство и распределение. Увеличивается роль знания в производстве продуктов даже местной локальной культурной специфики. История показала, что социальная группа пролетариев является социально-экономической категорией, ненаправленной на наукоемкое производство достижений их всеобщего блага. Традиционную свою роль технологических центров промышленного производства при этом утрачивают города. Специфическая особенность городов России в большом количестве наукоградов появляется при условиях: высокой технологической культуры города, налоговых и организационных инициатив местных властей, наличии узкоспециализированного профиля⁸.

Концепция «креативного города», разработанная Ч. Лэндри и подробно описанная в книге «Креативный город», дает представление об этих новых средствах. Он назвал города, которые в течение «десятилетий или столетий вновь и вновь изобретали себя заново, приспосабливаясь к новым условиям»⁹ креативными городами и проанализировал их качества. Мир меняется, и одни города меняются вместе с миром, а другие исчезают или теряют свое значение. Это можно прокомментировать как: адаптивность к меняющимся условиям, понимание своего положения в современной системе координат, четкое видение своего будущего места в меняющемся мире. Для реализации других социально-личностных и метафизических потребностей города предоставляют больше возможностей, являющихся в искусственной среде обитания. Сложная семантика слова «град» свидетельствует о понимании этого уже в древности.

Чтобы определить, в каком направлении должны меняться города, Ч. Лэндри зафиксировал главные тренды меняющегося мира. Это: новая экономика; новые управленческие технологии; социальные перемены (общий подъем уровня образования, расширение сферы досуга, рост платежеспособности,

стремление к самореализации в работе). Пространственные перемены, то, что Р. Робертсон назвал термином «глокализация» — глобализация рынков + локальная концентрация производителей. Ч. Лэндри предложил переносить качества естественного сложившихся креативных городов на проблемные города. Американскому поэту-романтику конца XIX в. У. Уитмену, воспевавшему город, пришла идея, которая была выдвинута с целью косвенно привлечь торговлю¹⁰. Развитие инфраструктуры идёт на таких территориях, как транспортные коридоры, демографические кластеры, экологические рекреации и другие пространства, которые являются стимулом самореализации у занятых людей.

В книге «Креативный город» описаны подходы к творческому мышлению, планированию и действию, образующие в совокупности новый подход к проектированию городов. Ключевая идея книги: необходимо стимулировать распространение лидерства, способствовать появлению множества лидеров. Более 1 % населения города должны чувствовать себя лидерами и действовать соответствующим образом. В миллионном городе должно быть 100000 лидеров, в городе с населением 100000, соответственно, лидеров будет 10000. Креативный город – это город, который преодолел границы между дисциплинами, департаментами, культурами, социальными группами, районами города, секторами экономики и тому подобное. Ч. Лэндри подчеркивает важность общественных креативных пространств, зданий, комплексов и целых кварталов, которые принято называть культурными кварталами. В книге содержится квинтэссенция практического опыта автора в более 100 проектах в 30 странах мира. Есть выдержки из описания проекта регенерации центрального района Рура «Инновация в консервативном окружении (Эмшер-парк)». Главный вывод Ч. Лэндри – нет единого рецепта возрождения проблемных городов и их развития. Проектировщик или планировщик – это уже не профессия или специализация. Мир вступил в эпоху, когда проектируют все. Если в прошлые эпохи люди в своей массе занимались воспроизводством культурных образцов и традиций, то в постиндустриальную эпоху люди в своей массе творят. Люди проектируют собственный образ, собственную жизнь, карьеру. Отношение к собственному телу и здоровью как к некой данности сменилось проектным отношением. И этот креативный потенциал должен быть вовлечен в городское планирование¹¹.

Понятие креативного класса ввел Р. Флорида. Его главное утверждение состоит в том, что развитие связано с переходом от социального капитала к креативному, как главному ресурсу городского развития. В своей книге «Креативный класс. Люди, которые меняют будущее» Р. Флорида анализирует, почему на смену социальному капиталу приходит креативный¹². Он указывает на то, что социальные взаимодействия в городах начинают сводиться к минимуму. Это происходит не только потому, что люди проводят свободное время в социальных сетях или у телевизора, но и потому, что снизилась ценность этого социального капитала. Р. Флорида делает вывод, что наоборот, теперь препятствуют успеху социальные структуры, необходимые прежде. Сейчас становятся источником ограничений обеспечивавшие поддержку в прошлом общественные структуры. Низкие входные барьеры представляют

6 Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008.

7 Канатников Н. М., Гришин О. Е., Гайва Е. В. Жилищно-коммунальное хозяйство Москвы: инновации информатизации // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 5. С. 74–78.

8 История социологии / Под ред. В. И. Добренкова. М.: ИНФРА-М, 2004.

9 Шептухин А. Н. Культура многопрофильного города: от остаточного принципа к креативной экономике // Концепт. 2013. № 7(23) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kultura-monoprofilnogo-goroda-ot-ostatocznogo-principa-k-creativnoy-ekonomike> (дата обращения: 01.09.2015).

10 История зарубежной литературы XIX века / Под ред. Н. А. Соловьевой. М.: Высшая школа, 1991.

11 Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI, 2011.

12 Барбашин М. Ю., Волков Ю. Г., Барков Ф. А., Сериков А. В., Хачецуков З. М. Социальное значение креативного класса в российском социуме // Гуманитарный ежегодник. 2014. С. 234–241.

собой разнообразие и возможности быть собой. Статистика подтверждает: люди этого хотят. Гражданские объединения американских сограждан в настоящее время все менее становятся идеальными проектами пространства жизнедеятельности, уходят и сменяются чем-то новым. Это новое, что обнаружил Р. Флорида, обозначилось как креативный класс¹³. Он и М. Грановеттер также описали города, которые притягивают креативный класс и которые остаются концентрацией социального капитала. Выступающие креативные сообщества двигаются в противоположных направлениях. Мир ослабленных связей: отношения, которые у нас обычно бывают с близкими друзьями, членами семьи, коллегами по работе или давними соседями в том, что причину их важности включают прочные связи. Подобные связи характеризуются доверием, обоюдностью и долгосрочностью и распространяются на многие аспекты жизни. Зачастую ослабленные связи оказываются, однако, более важными, чем прочные связи¹⁴.

В образе у ослабленных связей квазианонимного горожанина-фланера, который может наслаждаться разнообразием городского опыта, нашла отражение эта сторона городской жизни. Именно поэтому в постиндустриальном городе главным объектом проектирования становятся общественные пространства. Креативные города отличает большое количество общественных пространств, четкая граница состоит между общественным и частным. В отличие от западных городов, двигающихся в направлении креативных городов, аккумулирующих креативный капитал, российские города двигаются в противоположном направлении, которое урбанисты называют новой феодализацией. Они характеризуются уменьшением доли общественных пространств. Даже основные площади, свободные от автотранспорта, которые, в принципе, могли бы играть роль общественных пространств, приватизируются торговлей и, по сути, становятся пространствами реализации частных интересов¹⁵.

Мы солидарны с утверждением рядом российских политологов, что «современные мегаполисы являются не только социально-территориальными, но также политическими и культурно-цивилизационными сообществами, а также специфическими пространствами с полифункциональным статусом. ... Они выступают воплощением тенденций и процессов глобализации и ее активными субъектами, предстают в роли ее особых полюсов, формирующих полицентризм национального и мирового политического пространства, его дихотомию. Таким образом, появляется новый образ современного мегаполиса как комплексной и многоуровневой социально-экономической и политической системы, которая активно эволюционирует, а также находится в состоянии постоянного взаимодействия с внешней институциональной и нормативной средой»¹⁶.

В итоге политический дискурс современной городской среды формируется, как правило, политическими технологами, а не гражданскими зрителями. Публичные пространства стремительно перекодируются в пространства общественные, как их понимала Х. Арендт, – «места, в которых выковывается идентичность городских сообществ»¹⁷. Так, например, концеп-

цию светового оформления города в осенне-зимний период разработал Департамент топливно-энергетического хозяйства Москвы, а префектура Восточного округа подкорректировала ее с учетом конкретных адресов. Согласно концепции на территории округа появятся декоративные объемно-световые фигуры (как правило, это либо фигурки животных, либо сказочных персонажей, подсвеченные светодиодами гирляндами). Кроме того, на 130 живых деревьях в округе смонтируют декоративную иллюминацию с помощью светодиодных гирлянд. Еще установят несколько искусственных деревьев с такой же декоративной иллюминацией. Украшать будут преимущественно народные парки, скверы, пешеходные зоны¹⁸. Основным направлением такого дискурса, на наш взгляд, становится необременительное сочетание буржуазного комфорта со всеми необходимыми атрибутами: креативностью, эксклюзивностью, рациональностью, публичностью, городским пространством.

Пристатейный библиографический список

1. Анохин М. Г., Чумаков Д. С. Московский мегаполис в современном российском и мировом политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2014. № 2
2. Барбашин М. Ю., Волков Ю. Г., Барков Ф. А., Сериков А. В., Хачецуков З. М. Социальное значение креативного класса в российском социуме // Гуманитарный ежегодник. 2014.
3. Бронников И. А. Политическое пробуждение в информационном обществе // PolitBook. 2015. № 2.
4. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005.
5. Глазьев В. Л. Урбанистика. М.: Европа, 1991.
6. История зарубежной литературы XIX века / Под ред. Н. А. Соловьевой. М.: Высшая школа, 1991.
7. История социологии / Под ред. В. И. Добренкова. М.: ИНФРА-М, 2004.
8. Канатников Н. М., Гришин О. Е., Гайва Е. В. Жилищно-коммунальное хозяйство Москвы: инновации информатизации // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 5.
9. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI, 2011.
10. Никитин А. К зиме ВАО станет чуть красивее // Восточный округ (newsvostok.ru). 07.11.2013.
11. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008.
12. Тухбатуллин Д. Г. Образ жизни населения как основной критерий социального развития малого города: дисс. ... к. с. н. Уфа, 2003.
13. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007.
14. Харви Д. Право на город // Логос. 2008.
15. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е издание. СПб.: Питер, 2007.
16. Шептухин А. Н. Культура многопрофильного города: от остаточного принципа к креативной экономике // Концепт. 2013. № 7 (23). <http://cyberleninka.ru/article/n/kultura-monoprofilnogo-goroda-ot-ostatochnogo-printsipa-k-kreativnoy-ekonomike> (дата обращения: 01.09.2015).

13 Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007.

14 Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. С. 101.

15 Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007.

16 Анохин М. Г., Чумаков Д. С. Московский мегаполис в современном российском и мировом политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2014. № 2. С. 5–12.

17 Харви Д. Право на город // Логос. 2008.

18 Никитин А. К зиме ВАО станет чуть красивее // Восточный округ (newsvostok.ru). 07.11.2013.

Буданов Н. В.

МОЛОДЕЖНЫЕ ОППОЗИЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ: ИХ СПЕЦИФИКА И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

В статье анализируются молодежные оппозиционные структуры. Рассмотрена их специфика и преобразования в контексте гражданского общества конца XX – начала XXI вв. Сфокусировано внимание на проблеме мобилизации масс для поддержки различных политических сил.

Ключевые слова: оппозиция, молодежь, политические движения, перспективы развития молодежной оппозиции.

Budanov N. V.

YOUTH OPPOSITION ORGANIZATIONS: THEIR SPECIFICITY AND TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA OF THE LATE 20TH AND EARLY 21ST CENTURIES

The article analyzes the youth opposition organizations. It considers their characteristics and transformations in the context of civil society of the late 20th and early 21st centuries. Attention is focused on the problem of mobilizing the masses to support different political forces.

Keywords: opposition, youth, political movements, prospects of youth opposition.

Буданов Н. В.

В современной политологии признан неоспоримым факт того, что присутствие различных политических субъектов, способных оказывать воздействие на процесс принятия политических решений – важная черта демократичности политической системы. В современной развивающейся России происходит ряд процессов, меняющих как структуру и суть вовлекаемых в политические процессы субъектов, так и отношение к ним в среде населения и управляющего класса.

Особые перемены наблюдаются в отношении и взаимодействия власти с молодежью, и это обусловлено значением молодежных объединений и уличной активности молодежи в процессах революционной трансформации политических систем в ряде стран мира, что особенно важно с учетом динамичных изменений общества в условиях глобализации¹. Вместе с тем и правящий класс, и оппозиционные политические силы, как правило, относятся к молодежи не как к самостоятельному политическому субъекту, а как к инструменту, позволяющему достичь собственных целей в политической борьбе.

Молодежная оппозиция сегодня – неотъемлемый элемент российской политической системы. В период становления новой России, с конца 80-х годов прошлого века и до конца первого десятилетия XXI в. именно на молодежь была сделана ставка, как на опору проводимых в стране масштабных преобразований. Студенческие беспорядки апреля 1994 и 1995 гг. показали нарастание в политическом сознании молодежи радикальных, пока еще стихийных оппозиционных тенденций. С началом стабилизации политической системы в первые годы XXI в. у власти со всей очевидностью возникли проблемы из-за отсутствия на протяжении почти полутора десятков лет активной молодежной политики и даже скоординированной точки зрения на возможные направления ее реализации².

Особое значение молодежным оппозиционным объединениям начали придавать после того, как стало ясно, какую роль в расшатывании прежних государственных режимов они сыграли во время «цветных революций»: в Сербии, Грузии, на Украине, в Киргизии, а также во время андиганских событий в Узбекистане и погромов правительственных зданий в Молдавии.

Оценив перспективы развития молодежной оппозиции, можно выделить проблемы, стоящие перед оппозиционными молодежными общественными объединениями сейчас, так как от их успешного решения во многом будет зависеть и дальнейшая судьба отечественной молодежной оппозиции. Мнения лидеров молодежных оппозиционных объединений сходятся, в наибольшей степени их волнуют ограниченность ресурсов и противодействие со стороны правящего класса, в том числе подконтрольных ему СМИ и репрессивных органов, эти моменты отмечают активисты в качестве причин сегодняшней слабости оппозиционных объединений как субъектов политического процесса. По словам одного из активистов движения «Оборона»: «...подавляющее большинство моих знакомых и друзей просто не будет ввязываться в политику: никому не хочется терять работу и нормальную жизнь. Все знают, что происходит с оппозицией при нашем режиме». Однако результаты опроса других экспертных групп заставляют поставить под сомнение объективность такой точки зрения.

Оппозиция обладает определенным преимуществом перед объединениями, в том числе и молодежными, настроенными провластно и поддерживающими выбранный политический курс. Если лояльные к проводимому политическому курсу объединения используют традиционные типы политической деятельности: стремятся повысить электоральную активность, проводят митинги, распространяют собственные газеты, то малочисленные оппозиционные объединения прибегают к иным видам активности, ориентированным на привлечение внимания СМИ. Для радикальных объединений тут более характерны агрессивные, силовые формы активности, но есть и более либерализованные объединения, они обычно менее агрессивны. Основными формами политической ак-

1 Москалев А. Е., Назаров А. В. Молодежная оппозиция как субъект политической системы современной России // PolitBook. 2014. № 3. С. 158–168.

2 Луков В. А. Закон о молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 219–221.

тивности молодежной оппозиции являются так называемые акции прямого действия, театрализованные политические акции, политические флешмобы и перформансы³. Большим разнообразием и креативом отличается и агитационная деятельность молодежной оппозиции, включающая различные виды интернет-агитации, изготовление стикеров, флаеров и другой печатной продукции, нанесение трафаретов⁴.

И всё же не следует забывать, что по данным большинства исследований в этом тематическом поле, высокая политическая активность характерна лишь малому проценту от числа всей молодежи. Большинство же молодых людей не интересуются политикой вообще. Вероятно, этим обусловлено несоответствие программных целей и реальных действий молодежных оппозиционных объединений. Лидеры молодежных парламентов часто сталкиваются с формальными сторонами функционирования молодежной оппозиции и непосредственно наблюдают несоответствие положений программных документов оппозиционных объединений их реальной политической деятельности⁵.

Политолог М. С. Григорьев даже выработал особую категорию политических fake-структур, то есть поддельных, фальшивых политических образований, для которых характерно несоответствие декларируемого и настоящего содержания⁶. Это негласно подтверждают и сами лидеры объединений, отмечая, что большинство оппозиционных объединений выстроены по «верхушечно-тусовочному» принципу, то есть при более-менее стабильном кадровом составе руководства объединения низовой актив рекрутируется лишь по мере надобности и используется в качестве массовки.

Действительно, отмечается противоречие между «потребностью в организующей роли молодежных движений и объединений и аполитичностью, социально-политической неактивностью»⁷. Поэтому говорить о полном отсутствии политической активности в молодежной среде нецелесообразно. Но активность и действия молодежных оппозиционных структур претерпели существенные изменения за последние годы. Ранее в статье «Protest studentship as a part of youth opposition: political analysis» (Publishing office Vela Verlag Waldhrauburg – Munich – Germany 2014) мы уже перечисляли основные существовавшие в последние два десятилетия молодежные оппозиционные структуры, теперь же рассмотрим их специфику и преобразования в контексте развития гражданского общества в России конца XX – начала XXI вв.

С развалом Советского Союза молодежная политика перестала активно контролироваться государством, ВЛКСМ объявил о самороспуске в сентябре 1991 г. Новых массовых молодежных движений создано не было. На фоне резкого падения

уровня жизни, обнищания большинства населения страны шла деполитизация молодежи.

Лишь в период подготовки к выборам в Государственную Думу конца девяностых годов началось формирование взаимодействия органов по делам молодежи, общественных организаций с Центральной избирательной комиссией Российской Федерации в целях привлечения на выборы. Структура молодежных объединений при политических партиях на конец девяностых годов представляла собой такую картину: в числе зарегистрированных в Министерстве юстиции России организаций пять являлись молодежными организациями при политических партиях, одна организация объявила себя молодежной партией. Казалось бы, начался процесс вовлечения молодежи в политику, после долгого перерыва, но было очевидно уже тогда, что молодое поколение является лишь объектом политики и не несёт никакой роли в ней.

С начала XXI в. молодежные политические движения и организации стали создаваться под покровительством как непосредственно Кремля, так и партии «Единая Россия». Яркий пример тому – молодежная организация «Идущие вместе». Оппозиционные СМИ и общественные объединения восприняли новую организацию в основном в штыки. «Идущие вместе» стал первым проектом Василия Якеменко. Однако практика показала, что «Идущие» оказались недостаточно проработанным проектом, зачастую их деятельность вызывала не тот резонанс в обществе, на который можно было рассчитывать, исходя из задач движения. «Идущие» ходили по улицам в футболках с изображением Путина, проводили шумные акции по уничтожению книг писателя Сорокина, во многом вызывая скорее недоумение, нежели осмысленную точку зрения по поводу своих акций у общественности⁸.

Другим примером стало учреждение молодежной общероссийской общественной организации «Молодое единство» под девизом «Нам продолжать историю», являющейся молодежным крылом партии «Единство», председателем которой была избрана депутат Госдумы РФ 3-го созыва, телеведущая Александра Буратаева. Характер деятельности организации не носил ярко выраженной политической составляющей, однако участники организации транслировали явную лояльность действующему политическому курсу.

Создание конкретных массовых молодежных объединений, активно транслирующих свою провластную позицию, стало отправной точкой и для начала формирования оппозиционных молодежных структур в России. В январе 2005 г. Михаил Обозов публично заявил о выходе из «Идущих вместе» и вместе с соратниками организовал молодежное движение «Идущие без Путина». В марте 2005 г. также было создано оппозиционное молодежное движение «Оборона».

Созданное в начале девяностых объединение «Национал-большевистская партия (НБП)» первые годы существования действовала не как политическая организация, а просто как сообщество людей с андерграундными взглядами на политику, экономику и искусство. Среди нацболов преобладали молодые люди 16–25 лет самого различного социального положения, от безработных до преподавателей вузов. Главным условием для членства в организации было радикальное несогласие с текущим курсом правительства и Президента РФ. В конце девяностых организация активизировалась, действия и призывы уже выходили за пределы «андерграунда» и стали

3 Гришин О. Е., Спаская Н. С. Политический перформанс как актуальная технология политической деятельности // Актуальные проблемы современных политико-психологических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты: материалы международной научно-практической конференции 10–11 марта 2012 года. Пенза – Ереван – Колин: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. С. 134–138.

4 Криворученко В. К. Молодежь и молодежная политика: термины и понятия. М.: Национальный институт бизнеса, 2005.

5 Ильинский И. М. Играющий триумвират: образование, политика, право. М.: Издательство Мос. гум. ун-та, 2010. С. 4–48.

6 Григорьев М. С. Fake-структуры: призраки российской политики. М.: Европа, 2007.

7 Нестерчук О. А. Формирование социально-политической активности студентов российских вузов в современных условиях // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 10(110). С. 21–25.

8 Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2011.

носить ярко выраженный радикальный протестный характер, который усиливался на протяжении всего существования организации и привел к её роспуску и запрещению Московским городским судом РФ в конце двухтысячных.

События в Грузии, когда молодёжное движение «Кмара» сыграло едва ли не решающую роль в «революции роз», показали: во-первых, молодёжь играет в политике гораздо более важную роль, чем принято считать, и, во-вторых, тот, кто сумеет повести молодёжь за собой, почти гарантированно обеспечит себе решающее преимущество в борьбе за власть. Сильное влияние на активизацию создания молодёжных политических движений оказали события на Украине. Активные действия молодёжной организации «Пора!» привели к смене у власти Виктора Януковича на лидера оппозиции Виктора Ющенко.

Заместитель главы Администрации Президента РФ Владислав Сурков выдвинул проект движения «Наши». Это движение должно было стать опорой власти. Перед активистами создаваемого движения выступали губернаторы, министры российского правительства, знаменитые политтехнологи и президент В. В. Путин. Как альтернатива высоко политизированной организации «Наши» в МГУ им. Баумана было создано движение «Россия Молодая». Третьим крупным направлением «антиоранжевой» политики стало создание на платформе «Молодежного единства» новой организации «Молодая Гвардия Единой России».

В 2006 г. на базе учрежденного в том же году «Российского народно-демократического союза» создаётся общероссийское общественное движение «Народно-демократический союз молодёжи (НДСМ, НДС)». Помимо Москвы, движение открывает свои филиалы ещё в 4 городах России и наиболее запоминается своими митингами в поддержку белорусской оппозиции и «За милицию, которая работает». В целом действия организации не носили столь ярко выраженной агрессии, как у «НБП».

В 2002 г. создаётся «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ), ультраправое националистическое объединение, заявленной целью которого стала борьба с нелегальной иммиграцией в Россию. Большинство действий движения носили характер радикальных, участники многократно нарушали закон, избивая и калеча жителей неславянской внешности. Признано судом экстремистским и запрещено в 2011 г.

После проведения выборов в Государственную Думу в 2007 г. и выборов Президента в 2008 г. угроза «цветной» революции была минимизирована. Постепенно молодёжные политические организации и движения были реформированы и частично расформированы. На парламентских выборах 4 декабря 2011 г. вновь повысилась значимость молодёжных политических движений. В Москве начались акции оппозиции, оспаривающей результаты голосования, в противовес оппозиционным митингам выступили провластные молодёжные политические движения⁹.

Можно сказать, что сегодня государственная власть стремится укрепить общественный и политический статус, расширить число сторонников политической программы, сформировать электоральные предпочтения населения, осуществить мобилизацию масс для политической поддержки, но, несмотря на преобразования в молодёжной политике, выстраивание стратегии лояльности к оппозиции в целом, спровоцированные последней избирательной кампанией 2011–2012 гг., государство по-прежнему не стремится вовлечь непосредственно

молодёжь в политический процесс. Молодое поколение в политических движениях не оказывает существенного влияния на воспроизводство политической структуры общества и зачастую становится «инструментом» в руках власти.

Необходимо отметить, что в мировой политической практике молодёжная оппозиционность сама по себе не считается отклонением от нормы политического поведения со времен студенческих революций 1960-х гг. в США и странах Западной Европы, развенчавших представления о молодёжи как о пассивном объекте процесса политической социализации и реципиенте политических представлений старших поколений. Ведущие американские и европейские политологи рекомендуют в процессе политической социализации прививать молодым людям долю здорового скептицизма по отношению к власти, представления о возможности своим протестом повлиять на принятие ею важных политических решений. Западное общество смирилось с тем, что даже в условиях относительного материального достатка молодые люди выражают свой политический протест в радикальных и неконвенциональных формах. Однако для молодёжных оппозиционных объединений современной России это не характерно.

Пристатейный библиографический список

1. Москалев А. Е., Назаров А. В. Молодежная оппозиция как субъект политической системы современной России // PolitBook. 2014. № 3.
2. Луков В. А. Закон о молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2.
3. Гришин О. Е., Спаская Н. С. Политический перформанс как актуальная технология политической деятельности // Актуальные проблемы современных политико-психологических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты: материалы международной научно-практической конференции 10–11 марта 2012 года. Пенза – Ереван – Колин: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012.
4. Криворученко В. К. Молодежь и молодежная политика: термины и понятия. – М.: Национальный институт бизнеса, 2005.
5. Ильинский И. М. Играющий триумвират: образование, политика, право. М.: Издательство Мос. гум. ун-та, 2010.
6. Григорьев М. С. Fake-структуры: призраки российской политики. М.: Европа, 2007.
7. Нестерчук О. А. Формирование социально-политической активности студентов российских вузов в современных условиях // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 10(110).
8. Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2011.

⁹ Григорьев М. С. Fake-структуры: призраки российской политики. М.: Европа, 2007.

Гришин О. Е.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ КОМФОРТА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОГО МЕГАПОЛИСА)

В статье анализируется ряд политических технологий, способных сформировать комфортную городскую среду. Рассмотрена дихотомия «комфорт – дискомфорт». Акцентируется внимание на употреблении понятия «комфорт» в политике сквозь призму городского дискурса. Обозначены основные проблемы московского мегаполиса. Предложены некоторые алгоритмизированные политические инструменты обеспечения и регулирования удобной среды проживания и функционирования горожан.

Ключевые слова: политические технологии, комфорт, дискомфорт, мегаполис, городская среда, политические решения, имиджевые технологии, информационные технологии, политическая коммуникация.

Grishin O. E.

POLITICAL TECHNOLOGIES OF THE FORMATION OF COMFORT URBAN ENVIRONMENT (THE CASE OF MOSCOW MEGALOPOLIS)

The article analyzes a number of political technologies which may create a comfortable urban environment. The author considers the dichotomy of «comfort – discomfort». The attention is focused on the use of the concept of «comfort» in politics through the prism of urban discourse. Some algorithmic political tools to ensure and regulate comfortable living environment and functioning of the townspeople are proposed.

Keywords: political technologies, comfort, discomfort, megalopolis, urban environment, political decisions, image technology, information technology, political communication.

Гришин О. Е.

Актуальность исследования алгоритмизированных политических средств и методов создания комфортной среды проживания горожан обусловлена ростом городов, увеличением численности их населения, обострением социальных, экономических, психологических и политических противоречий, расширением информатизации городского пространства, усилением вовлечения жителей городов в социально-политическую динамику развития городских поселений. Насущность изучения применения политических технологий для создания комфорта городской среды детерминирована как спецификой таких технологий, так и многоплановостью и полиаспектностью такого феномена, как «городская среда». В современных политических реалиях востребованность освоения данной проблематики связана с поиском новых подходов к эволюции мировой политической системы, формированию новых видов политических институтов, отношений, практик, а также активному выходу на политическую арену новых политических акторов. Одними из таковых стали социально-территориальные образования, ярким воплощением которых являются мегаполисы, которые в ближайшей перспективе могут стать силой, способной значительно изменить сложившуюся структуру политических институтов, процессов и отношений¹.

Политические технологии в значительной степени нацелены на власть, на ее достижение, удержание, упрочение и реализацию. Основание и ресурсы власти различны и обширны. Она порождает множественность политических технологий. Основными субъектами, реализующими политические технологии, являются политические лидеры, элита, партии. Они, как правило, трансформируют политическое сознание

и поведение людей. Политические технологии, реализуемые в городской среде, обладают рядом особенностей.

В. Л. Глазычев в свое время отмечал, что «широко употребляемое выражение “городская среда” не имеет пока статуса научного понятия, это скорее метафора, словесная оболочка, содержание которой зависит от индивидуальных склонностей как проектировщика, так и исследователя. Но даже в таком качестве выражение “городская среда” оказало существенное воздействие на сознание специалистов, традиционно занятых городом как объектом постановки и решения профессиональных задач»².

Рассмотрим понятия «комфорт» и «дискомфорт». Комфорт – это условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют. Условия жизни, пребывания, не обеспечивающие удобства и спокойствия, а также ощущение неудобства, тревоги, беспокойства, соответственно, дискомфорт³. Л. В. Столбовая относит «лингвокультуру “дискомфорт” к числу эмоциональных, а составляющие ее понятия к числу эмоциональных концептов, определяя последний как трехкомпонентную структуру, состоящую из понятия, образа и культурной ценности»⁴. Подчеркивается, что эта структура динамична.

Г. Р. Сарикек справедливо акцентирует внимание на фундаментальном эмпирическом факте, «согласно которому в начале XXI века достаточно рельефно проявляется тенденция увеличения комфорта в жизни человека, характерная для гло-

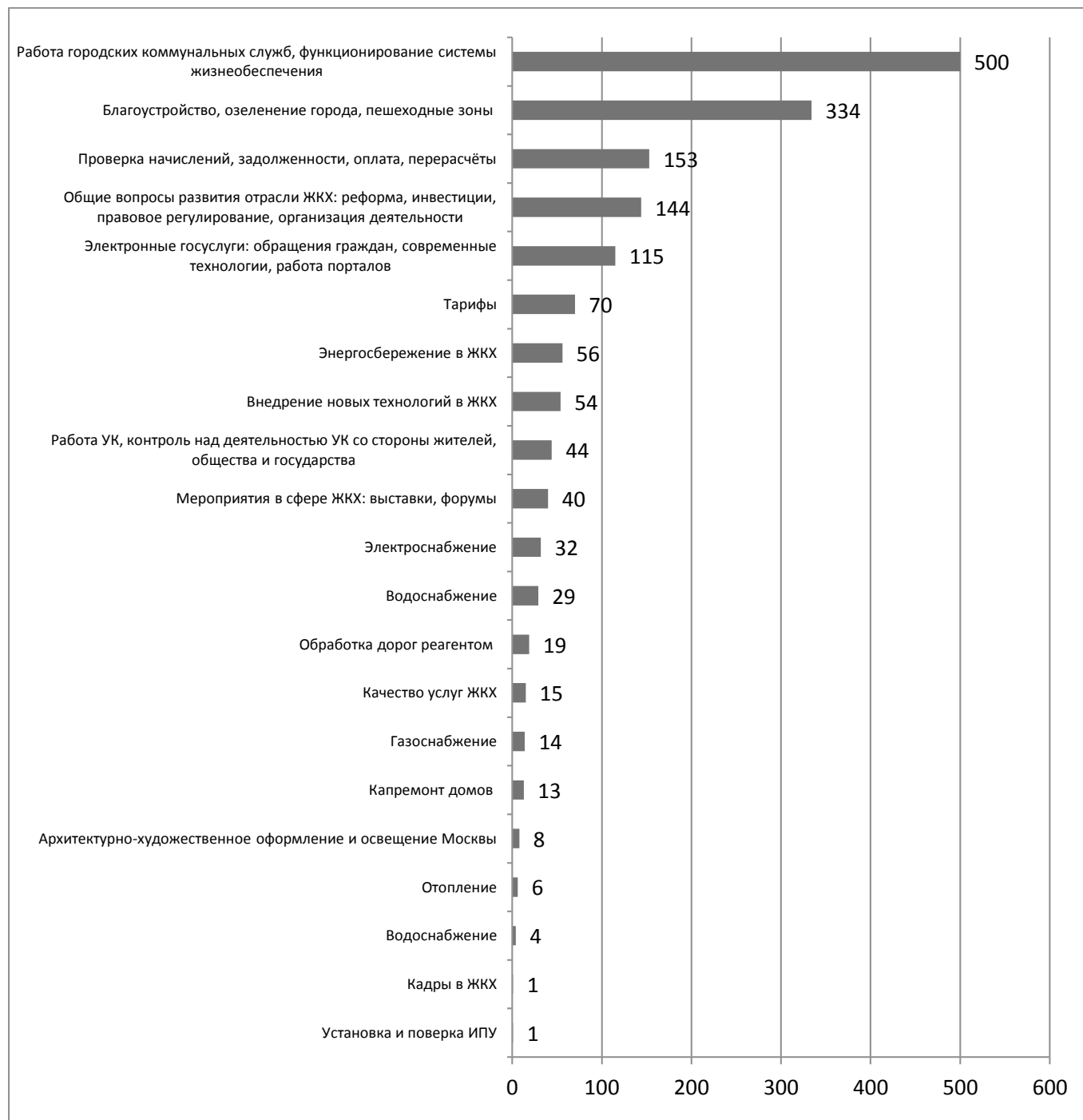
1 Анохин М. Г., Чумаков Д. С. Московский мегаполис в современном российском и мировом политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 2. С. 5–12.

2 Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog_vvedenie.htm (дата обращения: 01.09.2015).

3 Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

4 Столбовая Л. В. Сопоставление самобытности культур через анализ фразеологизмов в английском и русском языках // Вестник ВолГУ. 2003–2004. Серия 2. Вып. 3. С. 112.

Диаграмма 1. Статистика упоминания тем жилищно-коммунального хозяйства московского мегаполиса в СМИ в августе 2014 г.*

бализирующегося общества потребления развитых стран»⁵. Это утверждение верно и для жителей городов, городское население развитых стран сосредоточено в крупных городах.

Т. Л. Кащенко предлагает учитывать психологический фактор при принятии политических решений, говоря об использовании понятия «комфорт» в политике и политологическом лексиконе. «Создание эмоционально воспринимаемого образа комфортной жизни, “удобного” общества, несомненно, свидетельствует об изменении его традиционного образа

– экономикоцентристского. Оказывается, что общественные отношения, если не рассматривать их в стереотипах базиса и надстройки, могут быть удобными или неудобными, “скроенными по фигуре” или “стеснять движения”. Они могут обеспечивать индивидуальную зону комфорта или уводить из нее и таким образом либо помогать реализации способностей и желаний человека, либо автоматически захватывать его в механические лопасти большой политики»⁶.

Московский столичный регион — агломерация (надгородское образование), включающая в себя Москву со всеми её пригородами; крупнейший макроэкономический регион

* Источник: Информационно-аналитический центр «Мегаполис».

5 Сарикек Г. Р. Социокультурные аспекты феномена комфорта в условиях глобализации: Автореф. дисс. ... к. ф. н. Ростов-на-Дону, 2008. С. 3.

6 Кащенко Т. Л. Комфорт как национальная идея // Власть. 2013. №3. С. 100.

в России и один из крупнейших в мире. В настоящее время Московская агломерация реально вступила в постиндустриальную стадию своего развития⁷.

Какие основные проблемы существуют в московском мегаполисе? Рассмотрим динамику выхода публикаций в СМИ по теме жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) московского мегаполиса (см. диаграмма 1).

Анализ показал, что основной вклад в освещение тематики ЖКХ внесли городские СМИ. Они акцентировали внимание на работе коммунальных служб, благоустройстве, пешеходных зонах, проверке начислений, задолженностях, оплате, перерасчётах. Федеральные СМИ освещали преимущественно перспективы развития отрасли, реформирование ЖКХ, рост тарифов, вопросы функционирования и лицензирования управляющих компаний. Существенное внимание было уделено электронным госуслугам, тарифам, энергосбережению в ЖКХ, внедрению новых технологий.

Предложим определенный ряд политических технологий для решения проблем городской среды.

С. М. Лыжин считает, что «снижение уровня комфортности городской среды происходит, как правило, при строительстве новых жилых комплексов на территории существующей жилой застройки. Это приводит к повышению уровня плотности населения, особенно при возведении многоэтажных жилых комплексов, торгово-развлекательных центров в окружении жилых домов и офисных зданий»⁸. Высокий уровень плотности населения в свою очередь может привести к социальным конфликтам. Таким образом, на наш взгляд, востребованы эффективные технологии принятия политических решений, основанные в том числе на исследовании общественного мнения горожан. В частности, политическим можно назвать решение о расширении Москвы. В этой связи В. И. Буренко и А. В. Шумилов отмечают измерение эффективности использования политическим классом государственной власти как инструмента решения общезначимых проблем. «В сфере оценки результатов деятельности политических группировок всегда существовал такой, казалось бы, абстрактный, но сегодня вполне измеримый процесс, как “общее благо”»⁹.

Интересен подход, рассматривающий удовлетворенность (комфорт) городской средой через пять основных показателей: возможность удовлетворить свои потребности; оценка благоустройства города; оценка оснащения города для различных видов деятельности; характеристика города и любимые места в городе¹⁰. Так, например, в СМИ в августе 2014 г. темы благоустройства, озеленения города, строительства пешеходных зон были весьма популярны. СМИ позитивно рассказывали о том, что завершено благоустройство Цветного бульвара. Пешеходная зона от площади Гагарина до площади Европы будет готова в конце августа, в Центральном округе Москвы благоустроят более 80 территорий у памятников, в этом году конкурс реализации городских программ по комплексному благоустройству

территорий столицы проводится по 27 номинациям, к концу лета в Восточном административном округе появится пять новых пешеходных зон, в Москве в сентябре появится новый пешеходный маршрут и т.п. Несомненно, принятие программ по благоустройству лежит в сфере пересечения принятия решений реализации социальной и градостроительной политики.

Информационные технологии в последние годы радикально изменяют производство, образование, быт, досуг, удовлетворение социальных потребностей¹¹. В настоящее время мы отмечаем активизацию исследований в области информатизации социального пространства, существуют различные подходы и точки зрения на этот счет. Информация и процессы информационного обеспечения, с нею связанные, в настоящее время становятся основным условием функционирования системы управления и принятия решений на любом уровне. Подтверждением этому является глубокое проникновение во все социальные институты и, прежде всего, в органы государственной власти информационных технологий управления¹². Современные информационные технологии играют значительную роль в управлении городом. В частности, мэр Москвы представил электронную карту, позволяющую отслеживать криминогенную ситуацию в столице. «Основное – это, конечно, подъездные камеры, второе по объему – это дворовые камеры, и третье – это места массового скопления людей, дороги, метрополитен», – сказал С. С. Собянин на заседании правительственной комиссии по использованию информационных технологий, отметив, что системой видеонаблюдения оснащены все основные магистрали¹³.

В контексте локальных информационно-коммуникационных систем, на первый план, по мнению О. Ю. Лобановой, выходят сетевые технологии взаимодействия. «Проблематизация городской среды происходит через описание города как множества сетей социального взаимодействия, города как текста, процесса формирования городской идентичности, изучение городских режимов и пр. ... городская среда рассматривается с позиции взаимоотношений городской власти и общественности, что позволяет учитывать особенности политической мобилизации на локальном уровне»¹⁴. В этой связи А. В. Курочкин отмечает, что повышение уровня открытости и подотчетности процесса выработки политики как таковой возможно за счет развития новейших сетевых методов и форм соуправления (краудсорсинг, краудмэппинг, партисипативное бюджетирование, бенчмаркинг и пр.)¹⁵. Политическая коммуникация в условиях городской среды предусматривает использование технологий рекламы, связей с общественностью, мониторинга социально-политической ситуации, технологии политического участия и др. Так, например, существует портал «Активный гражданин», на котором идет голосование по вопросу о том, переименовывать ли станцию метро «Войковская». Этот вопрос москвичи обсуждают уже несколько лет. По мнению сторонников переименования, Войков – не

7 Московская городская агломерация [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1046724> (дата обращения: 01.09.2015).

8 Лыжин С. М. Особенности построения принципов нормирования по уровням комфорта жилища и комфорта проживания // Градостроительство. 2010. № 6. С. 59.

9 Буренко В. И., Шумилов А. В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. 2012. № 4. С. 17.

10 Лебедева Л. Г., Ростова А. В., Ургалкин Ю. А. Удовлетворенность городской средой как фактор инновационного развития моногорода // Вестник Самарского муниципального института управления. 2014. № 3(30). С. 52–59.

11 Гасумова С. Е. Процесс информатизации социальной сферы современного российского общества: социологический анализ: автореф. ... к. с. н. Пермь, 2008. С. 3.

12 Власть. Политика. Технологии // Под общ. ред. Ю. И. Матвеевко, М. Ю. Мизулина. М.: ДиАр, 2002. – С. 260.

13 Собянин представил электронную «криминальную карту» районов Москвы // Росбалт – Москва. Новости. 06.08.2014.

14 Лобанова О. Ю. Политическая мобилизация в городской среде: автореф. дисс. ... к. полит. н. М., 2015. С. 3.

15 Курочкин А. В. Государственное управление и инновационная политика в условиях сетевого общества: автореф. дисс. ... д. полит. н. СПб., 2014.

тот человек, именем которого должна называться станция. Их оппоненты утверждают, что ничего страшного в этом нет, к тому же к названию все привыкли. Дискуссия разгорелась с новой силой, когда рядом с метро предложили построить железнодорожную станцию МКЖД и объединить ее с подземкой в большой пересадочный узел «Войковская»¹⁶.

Имиджевые технологии. Анализ показал, что в настоящее время исследователи затрудняются однозначно определить «мировую» роль Москвы как мегаполиса в глобальном контексте. По некоторым классификациям, Москва оказывается в десятке самых влиятельных городов мира. Согласно другим, Москва играет лишь региональную и весьма ограниченную роль. Иногда политические функции Москвы выдвигают ее на передовые места. Экономика стремительно развивается, но все еще остается позади других глобальных городов, например, в финансовой сфере. Научные и культурные функции также придают ей значимость на мировой арене¹⁷. С другой стороны, любые меры по сокращению дистанции между Москвой и другими регионами РФ не будут эффективны до тех пор, пока не наладится эффективная система политического и экономического представительства регионов РФ на федеральном уровне. Однако это не говорит о том, что не должно предприниматься никаких мер по коррекции имиджа Москвы. В первую очередь, конечно, эта коррекция должна проводиться силами Москвы и москвичей. Существующие меры по созданию образа Москвы направлены либо на внешнего (иностранного) потребителя, либо на самих москвичей (формирование толерантности, этнического согласия и т.п.), при этом действий, направленных на другие регионы РФ, практически не предпринимается¹⁸.

Таким образом, в реалиях современной городской среды соотношение между политико-технологическими аспектами формирования ее комфортного функционирования характеризуется существенной связью и взаимозависимостью. Достижение удобных условий проживания, удовлетворенности горожан является встроенным компонентом комплекса политических технологий. В рамках очерченных границ городского дискурса задачей политического управления выказывает использование современных технологий для регулирования конкретных проблем.

Пристатейный библиографический список

1. Анохин М. Г., Чумаков Д. С. Московский мегаполис в современном российском и мировом политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 2.
2. Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.glazychev.ru/books/soc_ecolog/soc_ecolog_vvedenie.htm (дата обращения: 01.09.2015).
3. Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
4. Столбовая Л. В. Сопоставление самобытности культур через анализ фразеологизмов в английском и

- русском языках // Вестник ВолГУ. 2003–2004. Серия 2. Вып. 3.
5. Сарикек Г. Р. Социокультурные аспекты феномена комфорта в условиях глобализации: автореф. дисс. ... к. ф. н. Ростов-на-Дону, 2008.
6. Кащенко Т. Л. Комфорт как национальная идея // Власть. 2013. № 3.
7. Московская городская агломерация [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1046724> (дата обращения: 01.09.2015).
8. Лыжин С. М. Особенности построения принципов нормирования по уровням комфорта жилища и комфорта проживания // Градостроительство. 2010. № 6.
9. Буренко В. И., Шумилов А. В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. 2012. № 4.
10. Лебедева Л. Г., Ростова А. В., Ургалкин Ю. А. Удовлетворенность городской средой как фактор инновационного развития моногорода // Вестник Самарского муниципального института управления. 2014. № 3(30).
11. Гасумова С. Е. Процесс информатизации социальной сферы современного российского общества: социологический анализ: автореф. ... к. с. н. Пермь, 2008.
12. Власть. Политика. Технологии // Под общ. ред. Ю. И. Матвеевко, М. Ю. Мизулина. М.: ДиАр, 2002.
13. Собянин представил электронную «криминальную карту» районов Москвы // Росбалт – Москва. Новости. 06.08.2014.
14. Лобанова О. Ю. Политическая мобилизация в городской среде: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2015.
15. Курочкин А. В. Государственное управление и инновационная политика в условиях сетевого общества: Автореф. дисс. ... д. полит. н. СПб., 2014.
16. Активный гражданин – портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ag.mos.ru/poll/1428> (дата обращения: 01.09.2015).
17. Ларийчук М. В. Мегаполисы Москва – Париж: современная политическая роль // Наука. Культура. Общество. 2006. № 3.
18. Крестинина Е. С. Москвич как «внутренний другой»: репрезентация образов Москвы и москвичей в СМИ других регионов РФ // Дневник Алтайской школы политических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. № 24.

16 Активный гражданин – портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ag.mos.ru/poll/1428> (дата обращения: 01.09.2015).

17 Ларийчук М. В. Мегаполисы Москва – Париж: современная политическая роль // Наука. Культура. Общество. 2006. № 3.

18 Крестинина Е. С. Москвич как «внутренний другой»: репрезентация образов Москвы и москвичей в СМИ других регионов РФ // Дневник Алтайской школы политических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. № 24. С. 38.

Гудошникова О. Е.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРНЕТА: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

В статье анализируется политическое участие западноевропейской молодежи посредством Интернета. Рассмотрены подходы к пониманию феномена политического участия. Показаны модели политического участия молодежи. Приведены некоторые инструментальные характеристики «новых медиа», способствующих расширению участия молодежи в политике.

Ключевые слова: политическое участие, Интернет, молодежь, новые медиа, СМИ, политическая коммуникация.

Gudoshnikova O.E.

POLITICAL PARTICIPATION OF YOUTH THROUGH THE INTERNET: THE WEST EUROPEAN EXPERIENCE

The article analyzes the political participation of Western European young people through the Internet. Different approaches are considered to understanding the phenomenon of political participation. Models of political participation of young people have been showed. Some instrumental characteristics of the «new media» promoting youth participation in politics are presented.

Key words: political participation, Internet, youth, new media, mass media, political communications.

Гудошникова О. Е.

Начало XXI века характеризуется мощным развитием информационно-коммуникационных технологий в политической сфере, усилением медиапотребления, изменением форм политического участия на их основе. Востребованность исследования взаимосвязи между Интернетом и политическим участием обусловлена дальнейшим научно-техническим прогрессом и вовлечением все большего числа акторов в политические процессы. В связи с этим в разных научных школах, дисциплинах и дискурсах предлагаются свои собственные эмпирические подходы к изучению политического участия в информационно-коммуникационных системах.

Рассмотрим подходы к пониманию политического участия.

Участие представляет собой процесс социального обучения демократии¹. Этот процесс не имеет временных ограничений и ориентируется на развитие у граждан своего личного мнения. Участие связано с эффектом обучения в психологическом аспекте – для того, чтобы получить практический опыт в демократических процессах².

В широком смысле участие представляет собой все формы участия в коллективных аспектах жизни. Оно включает в себя помимо политического действия, деятельность в спортивных клубах, группах защиты животных или других официальных или неофициальных ассоциациях социального участия, поскольку в подобных социальных группах протекают процессы социализации и обучения, позволяющие при определенных обстоятельствах индивидуумам принимать участие в политической жизни. Примерами для такого широкого понимания участия являются исследования Института медиапедагогики в Мюнхене, которые основываются на работах медиасоциологии и медиаобразования³.

Особое внимание в контексте этих исследований сосредоточено на «участии действий СМИ», практиках опосредованного участия СМИ (вместе с рамочными структурами и ограничениями). Центральным ориентиром для анализа, а также для возможных вмешательств является «социальная сфера», то есть структуры физико-географических условий, социальных отношений и общих культурных традиций и идей, где живут люди. Поскольку этот подход является открытым для физических, пространственно-связанных и не имеющих границ действий, он позволяет понять особенности средств коммуникации, которые могут преодолевать время и пространство и создавать свои собственные формы сообщества в Интернете. Участие в медиапроцессах может означать и участие в социальной жизни и, в свою очередь, но иногда, как правило, косвенно в принятии политических решений.

Узкое понимание участия фокусируется на принятии участия в рамках политической системы. В качестве примера может служить определение М. Каасэ: «Под участием ..., как правило, понимают все виды деятельности, которые граждане добровольно предпринимают с целью повлиять на решения на различных уровнях политической системы»⁴. Через ряд аналитических различий – между прямым и косвенным участием; между авторским (т.е. институционально закрепленным), и не авторским участием; между правовым и внеправовым (например, насилие) участием; между законным и незаконным участием, можно классифицировать индивидуальные формы и методы участия и впоследствии их сравнить. Узкое понимание участия весьма дискуссионно. Так, Л. Беннетт описывает их как переход от роли «послушный гражданин» к роли «активный гражданин», в ходе которого изменились требования к политическому участию молодых людей. Это приводит, например, к сокращению числа членов в политических партиях и профсоюзах, которые долгое время в современном обществе были доминирующими акторами в процессе принятия решений, объеди-

1 Pateman C. Participation and Democratic Theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – S.42.

2 Jenkins H. et al. Confronting the Challenges of a Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. – Massachusetts Institute of Technology, 2009. – S6.

3 Wagner U., Brüggem N., Gebel C. Web 2.0 als Rahmen für Selbstdarstellung und Vernetzung Jugendlicher. Analyse jugendnaher Plattformen und ausgewählter Selbstdarstellung von 14-bis 20-Jährigen. Erster Teil der Studie «Das Internet als Rezeptions und Präsentationsplattformen

für Jugendliche» im Auftrag der Bayrischen Landeszentrale für neue Medien (BLM). – München, 2009.

4 Kaase M. Politische Beteiligung. In: Greiffenhagen M., Greiffenhagen S. (Hrsg.): Handwörterbuch zur politischen Kultur in der Bundesrepublik Deutschland. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. – S.349-363.

нения политических интересов и являлись «каналом передачи» в институционализированную политику. В то же время, многочисленные исследования показывают, что стремление к участию существует, но в других формах и структурах, например, стремление проявляется в новых социальных движениях⁵. Г.И. Авцинова в этой связи акцентирует внимание на комплексе мер по нейтрализации радикальных и экстремистских настроений и действий среди молодежи. В частности, ей предложена идея по разработке альтернативных молодежных проектов с участием самой молодежи с целью направления молодежной энергии в социально полезное русло, популяризации общественно значимых инициатив, организации конструктивного перманентного диалога с этой социально-демографической группой⁶.

С распространением Интернета изменилось восприятие его влияния на политическое участие. Ранние представления были основаны на том обстоятельстве, что появление Интернета снижает технические барьеры для общения и взаимодействия⁷. На основе этого были сделаны выводы, что политическая коммуникация и доля политического участия увеличатся⁸. В то же время, как показывает анализ, взаимодействие между распространением Интернета и многочисленными гранями политической коммуникации гораздо сложнее⁹.

Если используются платформы и каналы цифровых сетевых медиа, чтобы сформулировать политические интересы, скоординировать коллективные действия и добиться социального дискурса, следует говорить об участии в политических процессах через Интернет. В этом варианте, Интернет, выступает в роли инструмента, с помощью которого должны быть представлены гражданские стремления и достигнуты политические цели¹⁰. Так например, политическая видеореклама выступает специфическим инструментом политической активности и выражения политической позиции молодежи. Она обладает способностью формировать политическое сознание молодежи, влиять, управлять, манипулировать им, интерпретировать и конструировать политическое информационное пространство¹¹. Для всех возрастных групп Интернет важный и все чаще используемый источник политической информации.

Различают три модели участия посредством Интернета¹²:

– занять определенную позицию: молодые люди могут участвовать в решении коллективно значимых вопросов или

проблем, при этом они занимают определенную политическую позицию и открыто выражают свое отношение к происходящему через членство в конкретных группах или демонстрируя собственные политические убеждения в личном профиле социальных сетей. Особая форма позиционирования отметить лайком конкретный пост на Facebook, что говорит, с одной стороны, о собственных индивидуальных предпочтениях к социальной сети, а с другой стороны, контролирует внимание, потому что часто «залайканные» посты появляются в новостных лентах других пользователей и, это растет как снежный ком, это может иметь вирусное распространение;

– принять активное участие: онлайн-платформы могут быть также использованы в качестве инструмента для выражения собственного мнения в политических дебатах и решениях. Степень детализации может варьироваться, начиная от короткого, возможно даже бездумного мнения в комментариях, до диалога или дискуссии и высказывания своей позиции на видеохостингах, в блогах или форумах. В отличие от модели позиционирования, которая не имеет определенной направленности, в модели активного участия речь идет о конкретном обращении, призыве к диалогу и дискурсу;

– задействовать других: вышеупомянутые модели политического участия могут, как следствие, вылиться в третью форму – вовлечение других пользователей. Данная модель характеризуется инициированием и поддержкой коллективных действий. Трансляция ссылки как онлайн-петиции представляется как передача личного опыта и знаний, например, путем сбора документов для писем протеста депутатам, чеклисты для организации дискуссионных мероприятий или материалов на конкретные темы.

Отношение молодежи к политике противоречно. С одной стороны, они стараются дистанцироваться от институциональной политики. С другой стороны, подавляющее большинство молодых граждан выражает удовлетворение режиму фундаментальной демократии. Во многих исследованиях молодое поколение называют поколением «пассивных демократов».

Одна из причин дистанцирования заключается в слабом представлении молодежи о политике. Молодое поколение граждан связывают политику с партиями, часто упоминающимися в СМИ, и политическими институтами, поэтому политическое участие для них не представляется возможным. Они часто не воспринимают себя объектом политики¹³. У молодежи часто создается впечатление, что их возрастные потребности, страхи и интересы игнорируются политиками. При этом отношение молодых людей к демократии не настолько негативно, как у людей других возрастных групп: Две трети граждан от 14 до 24 лет удовлетворены демократией и считают себя политически активными, 60% также готовы принимать самое активное участие в политике¹⁴. Активное участие в тех областях политики, в которых они чувствуют себя заинтересованными, рассматриваются молодыми людьми, как наиболее важные¹⁵. Активное участие подростков особенно возрастает,

5 Begemann M.-C., Bröring M., Sass E. Jugendliche Aktivitäten im Wandel. Gesellschaftliche Beteiligung und Engagement in Zeiten des Web 2.0. – Dortmund, 2011.

6 Авцинова Г.И. Инновационные формы протестной активности молодежи // PolitBook. – 2014. – №3. – С.15-26.

7 Гришин О. Е. Технологии политической деятельности: сущность и потенциал применения: дисс. ... канд. полит. наук. – М.: РАГС, 2001.

8 Бронников И.А., Буренко В.И., Горбачев А.А. и др. Модернизация политических институтов, процессов и технологий в условиях глобализации: монография / Под ред. О.Е. Гришина, А.К. Сквоикова. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. – С.178-193. 294 с.

9 Анохин М.Г., Бочанов М.А., Ваховский А.М., Глебов В.А., Гришин О.Е., Давыдов В.Н., Матвеев Д.О., Молодчая Е.Н. Политика. XXI век. Инновационные технологии: монография / под общ. ред. М.Г. Анохина, В.М. Платонова, О.Е. Гришина. – М.: РУДН, 2013. – 435 с.

10 Гришин О. Е., Воронова А. А. Инструментальная функция средств массовой информации и блогосферы в политическом информационном пространстве // PolitBook. – 2012. – №1. – С.100-111.

11 Гришин О. Е., Атаев Т. Б. Политическая видеореклама в Интернете как инструмент выражения политической позиции молодежи // Youth. World. Politic. – 2013. – №2. – С.77-84.

12 Wagner U., Brüggel N., Gebel C. Web 2.0 als Rahmen für Selbstdarstellung und Vernetzung Jugendlicher. Analyse jugendnaher Plattformen und ausgewählter Selbstdarstellung von 14-bis 20-Jährigen. Erster Teil der Studie «Das Internet als Rezeptions- und Präsentationsplattformen für Jugendliche» im Auftrag der Bayerischen Landeszentrale für neue Medien (BLM). – München, 2009.

13 Maier-Rabler P., Diendorfer U. Internetkompetenzen von SchülerInnen. Aktivitätstypen, Themeninteressen und Rechercheverhalten in der 8. Schulstufe in Österreich. Forschungsbericht. – Wien-Salzburg-Krems, 2010.

14 Filzmaier P. Politik und Politische Bildung. – Wien: Dornier-Verlag, 2007.

15 Perlot F., Zandonella M. Wählen mit 16: Jugendliche und Politik in Österreich. – SWS-Rundschau, 2009. – S.443.

когда вопросы политики имеют к ним непосредственное отношение, такие как образование или перспективы на будущее¹⁶.

Гандикап политики заключается «не в фундаментальной апатии подростков к социально и политически актуальным темам, он спровоцирован скептицизмом относительно институциональной политики»¹⁷. При этом молодые люди очень открыты для политического образования¹⁸. Подростки демонстрируют небольшую заинтересованность к традиционным формам политики. Высокий приоритет среди молодежи, имеют жизненные темы.

Друзья, здоровья и семья очень важны для 80% молодых австрийцев, большое значение для подростков представляют вопросы обучения и профессии, только 5% молодых граждан ставят политику на первое место в рейтинге наиболее значимых вопросов¹⁹. Политические интересы молодых людей можно охарактеризовать следующим образом: «... маленький масштаб, очень гибкие, от случая к случаю, связаны с планами и проектами»²⁰.

Тем не менее, можно установить четкую связь между тематическими интересами и дефицитом информации. Наличие информации приводит к большей заинтересованности. Больше информации, больше знаний по конкретной теме, делает ее более значимой и повышает готовность принять участие в конкретной области. С точки зрения политики, согласно исследованиями П. Фильцмайера только треть молодых людей чувствуют себя в достаточной степени информированными²¹.

Способ использования средств массовой информации влияет на готовность молодых людей к участию в политической жизни, при этом активно восприимчивые СМИ, такие как Интернет или газеты имеют большее влияние, чем пассивно-восприимчивые – радио и телевидения²². Молодые люди используют различные источники, в зависимости от темы, но в целом в качестве источника информации преобладает Интернет. Молодежь является самым активным пользователем «новых медиа», таких как Интернет и мобильная связь. Как показывает исследование интернет-грамотности 14-летних австрийцев, две трети этой возрастной группы использует Интернет каждый день. Четыре из пяти подтвердили, что они активно используют социальные сети. Только 5% респондентов не зарегистрированы в социальных сетях²³. Таким образом, Web 2.0 активно используется молодыми людьми.

Молодые люди используют Интернет не так, как старшее поколение²⁴. Они используют его для художественного и творческого самовыражения, создают свой собственный контент и делятся этим с другими. Многие из них являются частью культуры участия (объединяющей культуры). Таким образом, существует возможность, в которой Web-близость молодых людей, особенно для Web 2.0 и социальных сетей использовать для политического участия и в борьбе с аполитичностью.

Культура участия характеризуются следующими особенностями²⁵:

1. Низкие пороги к художественному самовыражению и гражданской активности.
2. Сильная поддержка для создания собственных проявлений.
3. Вид неформального наставничества, где более опытные участники передают свои знания.
4. Участники, которые убеждены, что их вклад учитывается.
5. Участники, которые чувствуют, определенную социальную связь.

Мы солидарны с утверждением, что фундаментальная готовность участия в политической жизни возможно только тогда, когда есть конкретные последствия и рассматриваются актуальные для молодых людей вопросы. Для того, чтобы фундаментальная готовность привела к фактическому участию и политической ангажированности, опыт участия молодых людей должен быть положительным. Соответствующие предпосылки должны быть созданы в учебных заведениях, потому что школа является единственным местом, где происходит непреднамеренная политическая социализация²⁶.

Таким образом, выводы о политическом участии молодежи демонстрируют существенные различия с шаблонами участия предыдущих поколений. Понимание участия сегодняшней молодежи удаляется от классического принципа политического участия. Традиционное понятие участия тесно связано с классической, формальной политической деятельностью. На фоне социальных перемен, которые также затронули повседневную жизнь молодежи, появились новые интересы, мотивы и формы участия. Нетрадиционные формы участия становятся популярными. Участие все чаще представляется «в индивидуальном контексте социальных институтов и в отношении малых социальных миров, в которых молодые люди каждодневно возвращаются». В молодежных исследованиях говорят в этом контексте о «деидеологизации молодежи и тенденции к индивидуальной приверженности»²⁷. Политическое участие молодежи редко проявляется в виде членства в партии или политических организациях.

16 Großegger B. Jugend und Zeitgeist: Wie denken und leben 16- bis 19-jährige?, Repräsentativ-Umfrage unter 16-bis 19-jährige WienerInnen (n=400) – Eigenstudie des Instituts für Jugendkulturforschung (Basisstudie 2011, Sonderauswertung «Lifestyle» sowie «Einstellung zu Migration und Minderheiten» 2012). – Studienleitung, 2012. – S.2.

17 Großegger B. Erstwähler/innen-Befragung zur Nationalratswahl 2008, Eigenstudie des Instituts für Jugendkulturforschung. – Studienleitung: Mag. Bernhard Heinzlmaier, 2008. – S.15.

18 Filzmaier P., Klepp C. Was Zielgruppen wollen: Empirische Befunde zur politischen Bildungsarbeit, in: Peter Filzmaier/Kathrin Stainer-Hämmerle (Hg. Innen), Politische Bildung Revisited, Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft (ÖZP), Heft 3/2009. – Wien: Nomos, 2009. – S.346.

19 Ulram P.A. Wechselwahlen. Analysen zur Nationalratswahl 2006 (m.). – Vienna: Facultas Verla, 2007. – S.8.

20 Hafenecker B. mit Mechthild M. Jansen: Rechte Cliques. Alltag einer neuen Jugendkultur (= Juventa-Paperback). Juventa Verlag, Weinheim u.a., 2001. – S.221.

21 Filzmaier P. Politik und Politische Bildung. – Wien: Dornier-Verlag, 2007.

22 Spannring R., Ogris, G., Gaiser W. (Hg.) Youth and Political Participation in Europe. Results of the Comparative Study EUYOUNG. Leverkusen: Barbara Budrich, 2008.

23 Maier-Rabler P., Diendorfer U. Internetkompetenzen von SchülerInnen. Aktivitätstypen, Themeninteressen und Rechercheverhalten in

der 8. Schulstufe in Österreich, Forschungsbericht. – Wien–Salzburg–Krems, 2010.

24 Livingstone, S. The changing nature of audiences: From the mass audience to the interactive media user. In A. Valdivia (Ed.), The Blackwell Companion to Media Research (337–359). – Oxford: Blackwell. Second edition, 2006. – S.15-16.

25 Jenkins H. et al. Confronting the Challenges of a Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. – Massachusetts Institute of Technology, 2009.

26 Pelinka A. Ende der Idylle // Die Zeit, 2006. – S.51.

27 Großegger B. Erstwähler/innen-Befragung zur Nationalratswahl 2008, Eigenstudie des Instituts für Jugendkulturforschung. – Studienleitung: Mag. Bernhard Heinzlmaier, 2008. – S.13.

Пристатейный библиографический список

1. Pateman C. Participation and Democratic Theory. – Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – S.42.
2. Jenkins H. et al. Confronting the Challenges of a Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. – Massachusetts Institute of Technology, 2009. – S.6.
3. Wagner U., Brüggem N., Gebel C. Web 2.0 als Rahmen für Selbstdarstellung und Vernetzung Jugendlicher. Analyse jugendnaher Plattformen und ausgewählter Selbstdarstellung von 14-bis 20-Jährigen. Erster Teil der Studie «Das Internet als Rezeptions und Präsentationsplattformen für Jugendliche» im Auftrag der Bayerischen Landeszentrale für neue Medien (BLM). – München, 2009.
4. Kaase M. Politische Beteiligung. In: Greiffenhagen M., Greiffenhagen S. (Hrsg.): Handwörterbuch zur politischen Kultur in der Bundesrepublik Deutschland. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. – S.349-363.
5. Begemann M.-C., Bröring M., Sass E. Jugendliche Aktivitäten im Wandel. Gesellschaftliche Beteiligung und Engagement in Zeiten des Web 2.0. – Dortmund, 2011.
6. Авцинова Г. И. Инновационные формы протестной активности молодежи // PolitBook. – 2014. – №3. – С.15-26.
7. Гришин О. Е. Технологии политической деятельности: сущность и потенциал применения: дисс. ... канд. полит. наук. – М.: ПАГС, 2001.
8. Бронников И. А., Буренко В.И., Горбачев А. А. и др. Модернизация политических институтов, процессов и технологий в условиях глобализации: монография / Под ред. О. Е. Гришина, А. К. Сквоикова. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. – 294 с.
9. Анохин М. Г., Бочанов М. А., Ваховский А. М., Глебов В. А., Гришин О. Е., Давыдов В. Н., Матвеев Д. О., Молодчая Е. Н. Политика. XXI век. Инновационные технологии: монография / под общ. ред. М.Г. Анохина, В.М. Платонова, О. Е. Гришина. – М.: РУДН, 2013. – 435 с.
10. Гришин О. Е., Воронова А. А. Инструментальная функция средств массовой информации и блогосферы в политическом информационном пространстве // PolitBook. – 2012. – №1. – С.100-111.
11. Гришин О. Е., Атаев Т. Б. Политическая видеореклама в Интернете как инструмент выражения политической позиции молодежи // Youth. World. Politic. – 2013. – №2. – С.77-84.
12. Wagner U., Brüggem N., Gebel C. Web 2.0 als Rahmen für Selbstdarstellung und Vernetzung Jugendlicher. Analyse jugendnaher Plattformen und ausgewählter Selbstdarstellung von 14-bis 20-Jährigen. Erster Teil der Studie «Das Internet als Rezeptions und Präsentationsplattformen für Jugendliche» im Auftrag der Bayerischen Landeszentrale für neue Medien (BLM). – München, 2009.
13. Maier-Rabler P., Diendorfer U. Internetkompetenzen von SchülerInnen. Aktivitätstypen, Themeninteressen und Rechercheverhalten in der 8. Schulstufe in Österreich, Forschungsbericht. – Wien–Salzburg–Krems, 2010.
14. Filzmaier P. Politik und Politische Bildung. – Wien: Dornier-Verlag, 2007.
15. Perlot F., Zandonella M. Wählen mit 16: Jugendliche und Politik in Österreich. – SWS-Rundschau, 2009. – S.443.
16. Großegger B. Jugend und Zeitgeist: Wie denken und leben 16- bis 19-jährige?, Repräsentativ-Umfrage unter 16-bis 19-jährige WienerInnen (n=400) – Eigenstudie des Instituts für Jugendkulturforschung (Basisstudie 2011, Sonderauswertung «Lifestyle» sowie «Einstellung zu Migration und Minderheiten» 2012). – Studienleitung, 2012. – S.2.
17. Großegger B. Erstwähler/innen-Befragung zur Nationalratswahl 2008, Eigenstudie des Instituts für Jugendkulturforschung. – Studienleitung: Mag. Bernhard Heinzlmaier, 2008. – S.15.
18. Filzmaier P., Klepp C. Was Zielgruppen wollen: Empirische Befunde zur politischen Bildungsarbeit, in: Peter Filzmaier/Kathrin Stainer-Hämmerle (Hg. Innen), Politische Bildung Revisited, Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft (ÖZP), Heft 3/2009. – Wien: Nomos, 2009. – S.346.
19. Ulram P.A. Wechselwahlen. Analysen zur Nationalratswahl 2006 (m.). – Vienna: Facultas Verla, 2007. – S.8.
20. Hafenecker B. mit Mechtild M. Jansen: Rechte Cliques. Alltag einer neuen Jugendkultur (= Juventa-Paperback). Juventa Verlag, Weinheim u.a., 2001. – S.221.
21. Filzmaier P. Politik und Politische Bildung. – Wien: Dornier-Verlag, 2007.
22. Spannring R., Ogris, G., Gaiser W. (Hg.) Youth and Political Participation in Europe. Results of the Comparative Study EUYOUNG. Leverkusen: Barbara Budrich, 2008.
23. Maier-Rabler P., Diendorfer U. Internetkompetenzen von SchülerInnen. Aktivitätstypen, Themeninteressen und Rechercheverhalten in der 8. Schulstufe in Österreich, Forschungsbericht. – Wien–Salzburg–Krems, 2010.
24. Livingstone, S. The changing nature of audiences: From the mass audience to the interactive media user. In A. Valdivia (Ed.), The Blackwell Companion to Media Research (337–359). – Oxford: Blackwell. Second edition, 2006. – S.15-16.
25. Jenkins H. et al. Confronting the Challenges of a Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. – Massachusetts Institute of Technology, 2009.
26. Pelinka A. Ende der Idylle // Die Zeit, 2006. – S.51.
27. Großegger B. Erstwähler/innen-Befragung zur Nationalratswahl 2008, Eigenstudie des Instituts für Jugendkulturforschung. – Studienleitung: Mag. Bernhard Heinzlmaier, 2008. – S.13.

Романова Д. Ю.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР В РАКУРСЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И ОБРАЗА КАНДИДАТА: СПЕЦИФИКА, ОБОСНОВАНИЕ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Российская Федерация в соответствии с нормативно-правовыми актами и на основе Конституции РФ представляет собой светское государство. Однако есть характерные примеры того, как в ходе проведения политической предвыборной борьбы применяются технологии с опорой на компонент религиозных верований граждан. Для формирования положительного имиджа в глазах общественности некоторые политические лидеры используют религиозную веру в качестве основы для привлечения дополнительных голосов избирателей. Религиозные организации также принимают косвенное участие в политической борьбе, превращаясь в один из инструментов совершения политических манипуляций.

Ключевые слова: религиозный фактор, электоральный выбор, электоральное мнение и поведение, политические выборы.

Romanova D. Yu.

ELECTORAL CHOICE FROM THE PERSPECTIVE OF RELIGIOUS PREFERENCE AND CANDIDATE IMAGE: SPECIFICITY, RATIONALE AND COMPARATIVE ANALYSIS

The Russian Federation in accordance with the legal acts and on the basis of the Constitution of the Russian Federation is a secular state. However, there are specific examples of how in the course of the election campaign political technology is used to support the component of religious beliefs of citizens. For the formation of a positive image in the public eye, some political leaders use religious belief as a basis for attracting additional votes. Religious organizations are also taking an indirect part in the political struggle, becoming one of the instruments for committing political manipulation.

Keywords: religious factor, the electoral choice, opinion and electoral behavior, political elections.

Российская Федерация представляет собой светское государство на основе Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 123-ФЗ (ред. от 13.07.2015). В соответствии с законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» деятельность религиозных организаций не должна влиять на избирательный процесс. Тем не менее религиозные убеждения граждан играют не только роль духовной опоры, но также являются инструментом для формирования политического имиджа кандидата. Религиозные организации оказывают косвенную поддержку кандидатам и принимают участие в политической борьбе.

В ходе изучения данной проблематики автором было проведено исследование на основе результатов анализа фокус-группы жителей Москвы и Московской области, подтверждающее, что электоральное мнение граждан во многом зависит от мировоззренческих основ политического кандидата с точки зрения образа, который он формирует и использует в предвыборной борьбе. По результатам проведенного исследования выяснено, что 63 % опрошенных отмечают важность религиозных предпочтений лидера или партии при голосовании. Совершая свой электоральный выбор, общество ориентируется на то, что политический курс кандидата будет строиться, опираясь на нравственные идеологические установки религиозной веры. Религиозная позиция кандидата воспринимается как одна из характеристик политической позиции партии или лидера. Статистика показывает, что 43 % участвующих в исследовании положительно относятся к тому, что государственные лидеры открыто выражают свою религиозную позицию, а также принимают участие в религиозных действиях и процессах Церкви. Также стоит отметить, что 68 % придерживаются мнения, что наличие духовных основ веры влияет на нравственный облик личности кандидата.

Романова Д. Ю.

Таким образом, можно утверждать, рассмотрение специфики электорального выбора предполагает необходимость учитывать все факторы, так или иначе связанные с областью электоральных предпочтений.

Религиозный фактор стоит также рассмотреть в контексте политического манипулирования мнением граждан, например, посредством формирования мифологического образа политика¹. Одной из важных характеристик кандидата является его религиозная позиция. Ряд проводимых опросов показали, что 41 % опрошиваемых признают: если религиозная позиция с кандидатом совпадает, то такой политический деятель вызывает у них больше доверия².

Религиозные предпочтения политика определенно положительно влияют на мнение электората. Официальные представители религиозных институтов придерживаются позиции невмешательства и не имеют права публично агитировать людей. Тем не менее священнослужители дают наставления пастве, часть которой составляет определенный процент избирателей. Например, 23 % участвующих в опросе отметили, что они знали, какого именно политического лидера поддерживала религиозная организация на прошлых выборах. Известно, что Русская православная церковь оказывала поддержку нынешнему Президенту России В. В. Путину, который в свою очередь всегда отличался теплым отношением к Институту Церкви. Однако когда религиозные ценности влияют на по-

1 Нестерчук О. А. Сопряжение мифологического образа и политической реальности в политико-коммуникационном пространстве // Человеческий капитал. 2012. № 5(41). С. 57–60.

2 Нилов: информкампания против православной церкви не прошла свой пик. Публикация ВЦИОМ от 07.11.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=113328> (дата обращения: 15.08.2015).

литические процессы государства, это, с определенной точки зрения, заставляет усомниться в его светском характере³.

Тем не менее, по мнению юриста В. Колбасова, взаимодействие государства с религиозными организациями не противоречит его светскому характеру⁴. Религиозные общины в условиях светского демократического мира служат развитию и прогрессу социально-политической жизни общества. Религиозная дифференциация на территории России обнаруживает необходимость мирного регулирования противоречивых интересов разных религиозных организаций. Только с помощью политического подхода можно прийти к компромиссам между различными культурами, идеологиями и религиями.

Следует признать, что влияние религиозного фактора на избирательные процессы не уменьшается, а скорее растет. Существование большого количества религиозных общин приносит в политическую систему государства свое видение реальности. Возникает необходимость профилактики всех возможных конфликтов и волнений на религиозной почве со стороны власти. Основными причинами конфликтов, связанных с религиозным фактором, может являться религиозный радикализм, экстремизм, фанатизм⁵ и пр. Проблематика религиозных конфликтов может в значительной степени разрешаться с помощью Законодательства. Межконфессиональные отношения должны регулироваться государственной властью. Одной из спорных ситуаций, безусловно, является возможность использования религиозного фактора в избирательном процессе.

Исключительная особенность религиозного фактора в политическом процессе заключается в том, что религия обладает огромным воздействием на массовое сознание, религиозная идеология способна изменять отношение граждан к власти, государственной политике и т.д. Несмотря на то, что еще в 1997 г. на Архиерейском соборе РПЦ было отмечено о том, что Церковь занимает позицию невмешательства в государственные процессы и не принимает участия в политической борьбе⁶, религиозный фактор все равно присутствует в избирательном процессе. Американский исследователь Н. Смелзер констатировал факт, что у религиозных групп отмечалось все большее стремление воздействовать на решение политических и социальных споров, которые появлялись на повестке дня во многих государствах⁷. Таким образом, позиция невмешательства не всегда соблюдается на практике.

Источником политической власти и носителем государственного суверенитета в России является народ. В формировании отношения к политическим лидерам и государственным процессам, происходящим в стране, коренным образом задействовано мировоззрение личности. Вполне естественно, что электоральное мышление мусульманина или буддиста

будет отличаться от политического мышления христианина, атеиста или представителей других религиозных конфессий.

Высоким уровнем развития обладает политическая культура среди протестантов. Возможно, что на это влияет структура их общин. По мнению А. А. Нуруллаева, протестанты обладают собственными миниатюрными политическими системами, в которых действуют лидеры, комитеты, существуют конфликты и консенсусы⁸. Среди протестантов на выборах 2012 г. также наблюдалось воздействие религиозного фактора.

В ряде современных держав религиозные элементы присутствуют при вступлении в должность политических лидеров – это может быть клятва на Библии или Коране. Однако в России подобная традиция отсутствует. Светское разделение религиозной жизни и государства превращает Церковь в самостоятельный политический субъект. Влияние религиозного фактора на избирательный процесс и политическую жизнь страны в целом можно оценить по результатам общественного мнения, которые приводит редакция «Независимой газеты». В 1999 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II был включен в список самых влиятельных политических деятелей страны вместе с В. В. Путиным, Б. А. Березовским, Ю. А. Лужковым и др.⁹ Следовательно, Патриарх обладает огромным влиянием на мышление граждан Российской Федерации. Православный лидер играет не последнюю роль в политическом процессе и может воздействовать на электоральный выбор верующих граждан.

Религиозный фактор стоит также рассмотреть в контексте политического манипулирования. В предвыборных кампаниях присутствуют схемы, направленные на то, чтобы обойти защитные компоненты сознания, оберегающие личность от манипулирования. Религиозные убеждения общества используются, политическими мнением граждан управляют опытные имиджмейкеры. В предвыборных кампаниях можно обнаружить психологические приемы, применяемые манипуляторами с помощью информации, которая предоставляется СМИ. Например, 41 % опрошиваемых замечали использование религиозной символики в политической рекламе¹⁰. Таким образом, наблюдаются попытки манипуляций духовными ценностями избирателей для получения большего количества голосов, отданных политическим партиям или кандидатам.

Гражданин оказывается в ситуации, когда ему приходится выбирать из предложенного числа кандидатов, политический имидж которых составлен из специально подобранной информации, часто скрывающей за собой скрытые психологические приемы убеждения. Политические имиджмейкеры анализируют психологию социальных групп России, изучают ее интересы, беспокоящую ее проблематику, экономические условия, внутригрупповые конфликты и религиозный фактор в том числе. В результате предвыборные рекламные кампании представляют собой специфический рекламный продукт, который ориентируется на ценности и установки граждан и воздействует на их электоральное поведение. Можно отследить тесную взаимосвязь между религиозными чувствами верующих и их политическими мотивами.

3 Алексеев Н.В. Соработничество молодежных общественно-политических организаций и РПЦ: историко-политологический анализ // PolitBook. 2014. № 2. С. 89–100.

4 Колбасов В. Религиозные организации – правовые основы // Некоммерческие организации в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nkor.ru/articles/2011/6/5630.html> (дата обращения: 10.09.2015).

5 Гришин О. Е., Воронов И. В. Социально-политический экстремизм: сущность, содержание, формы // Безопасность. 2003. № 1-2. С. 130–138.

6 Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 18-23 февраля 1997 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mospat.ru/archive/sobor_09.htm (дата обращения: 15.04.2013).

7 Смелзер Н. Социология. М., 1998. [Электронный ресурс]. **Режим доступа:** http://krotov.info/lib_sec/18_s/sme/lzer_9.htm (дата обращения: 08.09.2015).

8 Нуруллаев А. А. О соотношении политики и религии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2000. № 2. С.60–68.

9 100 ведущих политиков России в январе // Независимая газета. 02.02.2000.

10 Церковь против политики, политика против церкви. Публикация ВЦИОМ от 23.10.2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=9019> (дата обращения: 20.08.2015).

По мнению Р. В. Секретарева, официальные правила об автономии религиозных организаций и политических процессов на практике не означают их взаимной изоляции¹¹. Формы взаимодействия гражданских и религиозных институтов также анализируются Н. В. Старостенковым. Духовное наследие Церкви оказывает определенное влияние на формирование жизненных ценностей молодежи¹². Несмотря на то, что между государством и религиозными организациями происходит взаимодействие, укрепляющее культурный уровень социума, главная проблема состоит в том, что вера превращается в инструмент избирательного процесса, и данное обстоятельство не может не ранить чувства верующих, так как использование религии для построения политического имиджа недопустимо и не соответствует Федеральному закону № 123.

В качестве примера неправомерного использования религии среди политических партий можно привести ЛДПР. В 1995 г. несколькими инициативными депутатами был предложен проект федерального закона, в котором речь шла о восстановлении статуса русской православной веры как государственной религии. Проект будущего федерального закона также предполагал введение представителей Церкви в наблюдательные советы государственных и негосударственных СМИ, также в коллегии российских министерств и ведомств государства¹³. Можно сделать вывод, что открыто поддерживая религиозные общины, политические партии стремились заручиться доверием электората. Однако выражение властью явного предпочтения по отношению к определённой религиозной организации нарушает Закон «О свободе совести и религиозных объединениях». Тема реализации свободы мировоззренческого выбора отражена в работах А. М. Верховского, который рассматривает свободу мысли, совести и выбора религии в условиях доминирующей христианской культуры¹⁴. Основной характеристикой построения отношений между государством и конфессиональными общностями является светский характер РФ на основе ФЗ № 125. Тем не менее в государственных структурах все больше распространяются православные обряды, в СМИ можно все чаще встретить православную позицию политических лидеров. Такие обстоятельства отрицательно сказываются на верующих людях, которые часто подвергаются попыткам манипулятивного воздействия. В условиях явного доминирования православной культуры и ее участия в политических процессах заметный дискомфорт могут ощущать последователи менее распространенных на территории России религиозных организаций.

Россия является светским государством, однако проведенные автором исследования доказывают, что религиозный фактор влияет на избирательные процессы страны. Выявлено, что значительная часть граждан обращает большое внимание на религиозные предпочтения политического лидера. Совершая электоральный выбор, общество рассматривает религиозную позицию кандидата как одну из характеристик его политического курса. Таким образом, религиозный фактор превращается в один из критериев отбора на выборах. Почти поло-

вина людей, участвующих в опросах общественного мнения, отмечают, что совпадение религиозной позиции кандидата с их собственной вызывает у них чувство доверия. Тем не менее не все политические деятели, которые позиционируют себя, как религиозных людей, являются верующими на самом деле. Следовательно, стоит рассматривать религиозный фактор в контексте политического манипулирования мнением граждан. Православная культура является одним из способов формирования положительного политического имиджа кандидата или партии, но отмечаются случаи прямой манипуляции религиозными чувствами россиян с целью получения большего процента голосов для возможной победы на политических выборах.

Пристальный библиографический список

1. Нестерчук О. А. Сопряжение мифологического образа и политической реальности в политико-коммуникационном пространстве // Человеческий капитал. 2012. № 5(41).
2. Нилов: информкампания против православной церкви не прошла свой пик. Публикация ВЦИОМ от 07.11.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=113328> (дата обращения: 15.08.2015).
3. Алексеев Н. В. Соработничество молодежных общественно-политических организаций и РПЦ: историко-политологический анализ // PolitBook. 2014. № 2.
4. Колбасов В. Религиозные организации – правовые основы // Некоммерческие организации в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nkor.ru/articles/2011/6/5630.html> (дата обращения: 10.09.2015).
5. Гришин О. Е., Воронов И. В. Социально-политический экстремизм: сущность, содержание, формы // Безопасность. 2003. № 1-2.
6. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 18-23 февраля 1997 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mospat.ru/archive/sobor_09.htm (дата обращения: 15.04.2013).
7. Смелзер Н. Социология. – М., 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/18_s/sme/lzer_9.htm (дата обращения: 08.09.2015).
8. Нуруллаев А. А. О соотношении политики и религии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2000. № 2.
9. 100 ведущих политиков России в январе // Независимая газета. 02.02.2000.
10. Церковь против политики, политика против церкви. Публикация ВЦИОМ от 23.10.2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=9019> (дата обращения: 20.08.2015).
11. Секретарев Р. В. Влияние религиозного фактора на общественно-политическую жизнь США. Благовещенск, 2007.
12. Старостенков Н. В. Наследие Отцов Церкви и его роль в формировании духовных ценностей молодежи // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. № 1-2, January – February, 2015. С. 49–51.
13. Секретарев Р. В. Влияние религиозного фактора на общественно-политическую жизнь США. Благовещенск, 2007.
14. Верховский А. М. Беспокойное соседство. Русская Православная Церковь и путинское государство // Россия Путина. Пристальный взгляд. М., 2003.

11 Секретарев Р. В. Влияние религиозного фактора на общественно-политическую жизнь США. Благовещенск, 2007.

12 Старостенков Н. В. Наследие Отцов Церкви и его роль в формировании духовных ценностей молодежи // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. № 1-2, January – February, 2015. С. 49–51.

13 Секретарев Р. В. Влияние религиозного фактора на общественно-политическую жизнь США. Благовещенск, 2007.

14 Верховский А. М. Беспокойное соседство. Русская Православная Церковь и путинское государство // Россия Путина. Пристальный взгляд. М., 2003.

Третьюхин М. В.

РАССТАНОВКА «ЛЕВЫХ» ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

В статье затронуты основные особенности и противоречия «левой» части политического спектра в современной России. Ее определенная специфика и даже своего рода уникальность обусловлены не в последнюю очередь тем немаловажным обстоятельством, что наша страна еще в относительно недавнем прошлом играла роль своего рода планетарного «бастиона коммунизма». Тем не менее «величайшую геополитическую катастрофу» – гибель СССР – отнюдь нельзя приравнять к краху «левой» идеологии как таковой. Разнообразные ее направления и суррогаты так или иначе, в той или иной степени получили в РФ свои дальнейшие воплощение и развитие, но уже в принципиально новых условиях. Автором на фоне перемен, произошедших в России и мире с началом нового тысячелетия, описаны в общих чертах различные течения нынешних российских «левых», их происхождение, особенности, политические методы, суть разногласий с «конкурентами» по «левому политическому полю». Определенное место в материале уделено описанию основных черт, которые сохранили и приобрели «левые» организации и движения на значительной части постсоветского пространства, а именно – в славянских республиках бывшего Советского Союза. Кроме того, рассмотрены причины, по которым часть вроде бы наиболее радикальных российских «красных» неожиданно оказалась в фарватере т.н. «либеральной оппозиции Кремлю».

Ключевые слова: КПРФ, СССР, Россия, «левые», оппозиция, «новые левые».

Третьюхин М. В.

Tretiukhin M. V.

THE ALIGNMENT OF «LEFT» POLITICAL FORCES IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE AGGRAVATION OF THE DOMESTIC AND INTERNATIONAL CONTRADICTIONS

The article touches upon the main features and contradictions of the «left» of the political spectrum in contemporary Russia. Its particular characteristics and even a kind of uniqueness is due not least to the important fact that our country in the relatively recent past played the role of a kind of planetary «bastion of communism». However, the «greatest geopolitical catastrophe» – the death of the USSR – does not equate to the collapse of «left» ideology as such. Its different directions and surrogates one way or another, in varying degrees, received in the Russian Federation further embodiment and development, but in radically new circumstances. The author against the background of the changes that have occurred in Russia and in the world since the beginning of the new Millennium, described in general terms the different movements of the current Russian «left-wing», their origin, characteristics, political methods, the essence of the disagreements with «competitors» for «leftist political field». Certain place in the material is given to the description of the main features that «leftist» organizations and movements have retained and acquired in large part of the post-Soviet space, namely in the Slavic republics of the former Soviet Union. Besides, the reasons why the part of supposedly the most radical of the Russian «reds» appears suddenly in the wake of the so-called «liberal opposition to the Kremlin.»

Keywords: Communist party, USSR, Russia, «left», opposition, «new left».

Существующая и поныне «монополия» КПРФ на представление «левой» идеи в российской легальной публичной политике явилась прямым логическим следствием государственного переворота сентября – октября 1993 г. А ведь изначально КПРФ была далеко не самой известной и не самой многочисленной «левой» организацией постсоветской России. В связи с этим даже возникли некоторые конспирологические версии о том, что «партия Зюганова» – проект Кремля, имевший целью заполнить определенную идеологическую нишу в постсоветской политической системе и заблокировать тем самым возможность возникновения в России подлинной революционной «левой» партии¹. Так или иначе, а деятельность главного «конкурента» КПРФ на «левом фланге» политического поля – РКРП – в тот период попала под запрет. Прочие компартии либо не были допущены к участию к думским выборам декабря 1993 г., либо сами бойкотировали их. Последующий «триумф» КПРФ на выборах в Госдуму в 1995 г., образование под ее эгидой Народно-патриотического союза России и воз-

никновение довольно внушительного т.н. «красного пояса» (до 2000 г.), вобравшего в себя значительное число субъектов Федерации, отнюдь не стали сами по себе какой-либо существенной преградой для продолжения «рыночных реформ» и интеграции страны в мировую капиталистическую систему (подобно тому, как не помешало аналогичным процессам в Молдавии нахождение там у власти компартии в течение 2001–2009 гг.). КПРФ и по сей день с переменным успехом продолжает эксплуатировать в электоральных целях «ностальгию по СССР», но не имеет сколько-нибудь перспективной самостоятельной стратегии и внятной идеологии, подменяя последнюю эклектичным набором звонких социальных и патриотических лозунгов (приблизившихся едва ли не вплоть к «православию, самодержавию, народности» (!)). В этом смысле КПРФ имеет достаточно оснований провозглашать себя приемником КПСС, попытки переосмыслить и «модернизировать» официальную идеологию которой («марксизм-ленинизм») фактически прекратились еще в те времена, когда она именовалась ВКП(б) – в 40-х годах прошлого века со смертью А. А. Жданова. С определенными натяжками КПРФ можно, пожалуй, характеризовать как некую «лево-консервативную» силу. Но и здесь

1 Мухин Ю. И. Убийство Сталина и Берия. М.: Крымский мост-9Д, 2002. С. 702–703.

ее могущественным соперником (как и на выборах всех уровней) выступает нынешняя «партия власти» – «Единая Россия», также принявшая «социал-консерватизм» в качестве одного из составных элементов своей эрзац-идеологии².

Авторы увидевшей свет в конце первого десятилетия наступившего века (и написанной явно «под заказ») брошюры пафосно восклицают на ее страницах: «Боже, как же нам в России на самом деле повезло, что в руководстве КПРФ нет и никогда не было таких истинных и правозверных коммунистов!». «Но это вовсе не означает, что левая идея умрет в России вместе с КПРФ. На ее руинах расцветет, наконец, истинная социал-демократия...»³. Данное журналистское расследование хотя и апеллирует к многочисленным достоверным фактам, но в тоже время несколько тенденциозно их интерпретирует. А его выводы, кратко обобщенные в вышеприведенных, довольно эмоциональных цитатах, сами по себе противоречивы. С одной стороны, публицисты не перестают горячо разоблачать «оппортунизм» и «лицемерие» верхушки КПРФ. С другой – как-то совсем уж неприлично злорадствуют по этому же самому поводу. Кроме того, оба журналиста явно с либеральных позиций поспешно отождествляют «левую идею» с западно-европейской социал-демократией, которая в настоящее время себя идентифицирует скорее с «центризмом» (о чем достаточно красноречиво говорит само наименование совместной декларации двух крупнейших европейских партий социал-демократического толка, принятой ими в 8 июня 1999 г. – «Третий путь/Новый центр»), а, по сути, стала такой же носительницей «рыночной веры» и проводником тотальной приватизации в той же степени, что и ее формальные идеологические оппоненты. В современной РФ наглядной иллюстрацией того, во что выродилась к настоящему моменту социал-демократия, служит «Справедливая Россия», созданная под непосредственным контролем президентской администрации с помощью искусственного слияния/поглощения сразу нескольких партий, вошедшая в Социалистический интернационал, а ныне уже почти готовая самоустраниться с политической арены.

Пожалуй, несколько упрощенные, но от того более наглядные примеры сложившейся за последние годы в РФ диспозиции «левых» партий и движений мы можем наблюдать в соседних братских славянских странах: Белоруссии и Украине.

В первой – по признаку их отношения к власти президента А. Г. Лукашенко. Если Коммунистическая партия Беларуси поддерживает курс бессменного (с 1994 г.) лидера своей страны, то прочие идеологически родственные ей белорусские организации политику Лукашенко воспринимают гораздо более скептически, а то и резко критикуют. Причем как с евромарксистских и социал-демократических позиций («Справедливый мир» – бывшая Партия коммунистов Беларуси), так и с ортодоксально-ленинских (Белорусская коммунистическая партия трудящихся) или разного рода молодежно-радикальных («Революционное действие», белорусское НБП и др.).

Нечто весьма похожее сейчас просматривается и в РФ. Вроде бы российским «левым» подобает сообща выступать против своего общего врага – капитализма. Однако они давно размежевались как с системной КПРФ, так и друг с другом по целому ряду тех или иных вопросов: оценке «советского прошлого», персонально И. В. Сталина, патриотизма, национализма, процесса глобализации, традиционных культуры и

религии, нетрадиционной сексуальной ориентации и пр. А в последнее время и особенно остро: по отношению сначала к уличным беспорядкам в Киеве с ноября 2013 по февраль 2014 гт., затем – к «аннексии» Крыма и политике Кремля, проводимой в связи с дальнейшим развитием украинского кризиса («...российские и украинские левые стремительно раскололись по линии поддержки/не поддержки “евромайдана”». Определенная группа лиц открыто провозгласила, что он играет прогрессивную роль, так как покончит с коррупционной и олигархической властью и установит народовластие. Среди них были анархисты, пацифисты, левая интеллигенция и некоторые троцкисты»⁴). Данные разногласия возникли не только между различными «левыми» группами и объединениями, но и внутри них самих. Так, в то время как ряд местных ячеек «Левого фронта» проводили в своих городах пикеты против «российской агрессии», один из основных лидеров той же организации, ее тогдашний координатор С. С. Удальцов положительно оценил воссоединение Крыма с Россией и поддержал борьбу Новороссии за независимость.

Нынешние события на Украине требуют к себе самого пристального внимания. При всех различиях, возникших за 20 лет государственной «независимости» России и Украины друг от друга, многие процессы и явления в обеих странах если не в точности копируют себя, то, по меньшей мере, носят черты значительно сходства. На Украине есть своя собственная «родная сестра-близнец» КПРФ – ныне почти нелегальная КПУ. И достаточно большой спектр «внесистемных» «левых», разобщенных и дезориентированных в сложившихся непростых обстоятельствах. Определенная их часть позволила заморочить себя псевдореволюционной демагогией «майдана». Но очень быстро выяснилось – очередная украинская «революция» не только не дала возможности тамошним «левым» сколько-нибудь существенно проявить себя, но стала сильнее ударом по ним самим: фактическому запрету компартии (как некогда в Третьем рейхе) и террору «правых» радикалов против «левых» и рабочих активистов по всей стране. Показательно, что в ходе государственного переворота и гражданской войны на Украине либералы-западники и неонацисты, несмотря возникающие время от времени между ними разногласия, смогли действовать в унисон друг другу под одинаковыми русофобскими и популистскими лозунгами. Но это нельзя считать каким-то локальным явлением – подобные «правые» альянсы, имеющие, в том числе, откровенно выраженную антикоммунистическую направленность, уже сейчас наметились во многих западных государствах⁵.

Казалось бы, после того, как в ДНР и ЛНР местные коммунисты не были допущены к выборам 2 ноября 2014 г., произошли аресты экс-председателя Верховного Совета ДНР Б. А. Литвинова и активистов украинского пророссийского «левого» объединения «Боротьба»⁶, сторонники антироссийской и антипутинской риторики из «левого лагеря» заручились

2 Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2009. С. 97.

3 Плужников С., Шевченко Д. ZUGANOV.NET. Тайная история КПРФ 1990–2008 годов. М.: Столица-Принт, 2008. С. 399.

4 Рожин Б. А. Год спустя: левые и Майдан [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Рабкор». Режим доступа: <http://rabkor.ru/columns/left/2015/02/11/year-after-maidan/> (дата обращения: 11.02.2015).

5 Рычкова Е. Андрей Фурсов: Украина – это репетиция союза либералов и неонацистов в Европе [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Накануне.ру». Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/19050/#sthash.rhJyQdfK.dpuf> (дата обращения: 27.05.2014).

6 По образу и подобию Russia: в ДНР и ЛНР преследуют коммунистов [Электронный ресурс] // Сайт «За ответвленную власть!». Режим доступа: http://igpr.ru/po_obrazu_i_podobiju_putirashki (дата обращения: 12.01.2015).

неопровержимыми аргументами в пользу своей точки зрения. Однако, рассматривая создавшуюся сейчас в Донбассе драматическую ситуацию с позиций классовой борьбы, «левым» сейчас гораздо логичнее было бы теперь «подняться над схваткой», все более принимающей характер «столкновения империалистических интересов», чем склоняться на сторону того или другого из участников конфликта. Тем временем, в Новороссии уже возникли собственные аналоги КПРФ – как, например, Коммунистическая партия ДНР, занятая массовым приемом местных школьников в октябрята и пионеры, но не поднимающая вопрос о проведении национализации в непризнанной республике.

Социалистические и коммунистические доктрины в России практически никогда полностью и некритично не принимались всеми их апологетами в той выхолощенной и официальной трактовке, в которой эти идеи преподносили «широким массам» штатные «идеологи» КПСС/КПРФ. Десятки подпольных молодежных марксистских кружков и «сект» образовались в СССР еще в 50-е годы прошлого века. Причем, начиная с 1960 гг. эти неформальные объединения (не без существенного влияния западных «студенческих революций» и «новых левых») начали испытывать значительный интерес к таким входящим в сильнейшие противоречия с официальным советским «марксизмом-ленинизмом» идеологическим течениям, как неомарксизм, анархизм, троцкизм и др. В те же годы в Советском Союзе возникло и довольно массовое полулегальное «коммунарское движение»⁷. Другими словами, к началу «перестройки» в нашей стране уже довольно давно существовала хотя и не очень афишированная, но весьма разнообразная и радикальная «левая оппозиция». Они никуда не пропала и в последнее десятилетие прошлого века, хотя победившие «демократы» (которым для дискредитации и разрушения СССР в определенной степени было даже выгодно наличие в нем «самодельных красных») постарались максимально «слить» и маргинализировать вчерашних временных «попутчиков слева». Несмотря на то, что за все время существования РФ наличие и какая-либо деятельность в ней «леваков» всячески замалчивались либо преподносились в ироническом или одиозном ключе, «современное либертарное движение действует. К концу первого десятилетия 2000-х годов можно однозначно говорить об этом. В любом более или менее крупном городе современной России существуют группы, которые являются либертарными (в данном случае, речь идет именно о «левом» либертарианстве – прим. автора), автономными по своей сути. Современное либертарное движение не менее многочисленно и не менее влиятельно в рамках внепарламентской оппозиции, чем в начале 1990-х»⁸.

Неявный антигосударственный и антипатриотический «левый уклон» в умах определенной части политической активной российской молодежи наметился еще задолго до наступления нынешнего украинского политического кризиса. Но уже достаточно наглядно подобные настроения проявились в период выборов 2011–12 гг. и сопровождавших их массовых уличных выступлений. Тогда столичные «левые» (вместе со своими антиподами – «правыми» националистами), по сути, образовали «массовку» для шествий и митингов, инициированных либеральной «болотной оппозицией». При этом,

разумеется, их лидеры использовали для оправдания таких действий «...своеобразные аргументы. В частности, Удальцов говорит о том, что якобы в России нет “нормального” капитализма и “нормальной” буржуазии. Именно поэтому надо поспешествовать победе якобы “прогрессивных сил” и в дальнейшем уже радоваться, что это приблизит социалистическую революцию в далеком и светлом будущем»⁹.

Как известно, сигналом для акций протеста тогда послужили многочисленные нарушения при голосовании и подсчете голосов на парламентских выборах в декабре 2011 г. (Интересно, что по масштабу и наглости фальсификаций президентские выборы 1996 г. не знают себе равных в истории РФ. Однако это не вызвало тогда ни гневного возмущения российских либералов, ни, уж тем более, возникновения их «альянса» с коммунистами). Однако может ли становиться таким уж принципиальным для тех, кто позиционирует себя как радикально «левые» и критикует КПРФ за оппортунизм и «политическую импотенцию», вопрос о «честности» выборов в условиях буржуазной демократии и господства частной собственности? Как известно, марксисты былых времен (даже весьма умеренные) с большим сомнением относились к возможности победы трудящихся и неимущих над эксплуататорами посредством «демократических процедур»¹⁰. И неомарксисты впоследствии еще более разделили их скепсис: «Свободные выборы господ не ликвидируют деление на господ или рабов»¹¹. Что бы там ни было, но, думается, выборы сами по себе не должны становиться причиной для добровольного и слепого следования антикапиталистических сил в фарватере политического курса «оппозиционных» «элит», имеющей своей действительной целью не принципиальное изменение существующей социально-экономической модели, а всего лишь очередной передел власти и собственности.

Можно выделить две причины такого, на первый взгляд, «странного» поведения российских «левых». Во-первых, сама по себе тактика «болотной» оппозиции обращалась к прямым заимствованиям технологических наработок прокатившихся по всему миру «цветных революций». Что подразумевало прямое или опосредованное использование в целях наращивания численности протестов и дестабилизации обстановки в целом любых уличных сил, вне зависимости от их политических взглядов (или отсутствия таковых). Во-вторых, как уже отмечалась выше, определенная часть наших нынешних социал-либертарианцев ориентирована в большей степени на умозрительные наработки зарубежных «левых» теоретиков, нежели на «советский опыт» и «русский коммунизм» (явление, которое, согласно некоторым гипотезам, обязано своим возникновением не столько марксизму, сколько самой логике российской истории – «циклам концентрации власти», коррелирующим с циклами концентрации капитала на Западе начиная примерно с XVI в.)¹². Диссонансу между «новыми левыми» и «старыми левыми» в России способствуют и державные, «охранительные» установки последних, и чрезмерная идеализация ими 70-летнего периода «реального социализ-

7 Тарасов А. Н. Революция не всерьез: штудии по теории и истории квазиреволюционных движений. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. С. 26–39.

8 Бурченков Д. Е. Анархисты в России в конце XX века. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 139.

9 Чинков С. Левое движение или либеральная массовка? [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Рабкор». Режим доступа: <http://rabkor.ru/columns/left/2015/02/07/left-liberals/> (дата обращения: 07.02.2015).

10 Каутский К. Путь к власти. Политические очерки о вращении в революции. М.: КомКнига, 2006. С. 111, 126.

11 Маркузе Г. Одномерный чел. М.: REFL-book, 1994. С. 10.

12 Фурсов А. Н. Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1212912480> (дата обращения: 08.06.2015).

ма». Мотивы же «левых» «космополитов» достаточно понятны и логичны, если учесть, что они строят свою стратегию не на основе геосторического, а с позиций мир-системного подхода и считают, что всякие попытки осуществить революцию в отдельно взятом государстве либо обречены на провал, либо (в случае успеха) только станут очередным препятствием для победы мировой революции (т.к. одно из главных ее условий – планетарное господство капитализма). Симпатии подобных «революционеров» естественным образом склоняются в пользу более «свободных» и «прогрессивных» капстран в пику «авторитарной» и «недокапиталистической» России (подобную метаморфозу уже претерпели в свое время американские троцкисты, переродившееся по тем же самым причинам в неоконсерваторов «первого поколения»).

Помимо вышеприведенного, российских «левых» либертарианцев роднит с их зарубежными коллегами еще одна тенденция: некая подмена главных целей социальной революции – отмены эксплуатации, преодоления отчуждения, освобождения труда. Имеет место своеобразное «растаскивание» ими задач своей политической деятельности по второстепенным «секторам»: борьба за «честные выборы» и «демократические свободы», права всевозможных меньшинств и животных, решение тех или иных экологических проблем и т.д. и т.п. Конечно, сами по себе все подобные практики нельзя оценивать однозначно негативно. Но, пожалуй, даже «Пиратский интернационал» с его требованиями свободных копирайта и файлообмена в сети Интернет или сквотеры, посягающие на «священную» недвижимую собственность, в настоящий момент представляют большую опасность для основ капитализма, чем вся вышеприведенная деятельность, вместе взятая.

Тем временем в России, согласно исследованиям социологов с начала наступавшего века, «левые» настроения продолжают явно доминировать. Так, если в 2007 г. сторонниками «социалистического пути» определяли себя 43 % россиян, а в симпатии к буржуазной демократии и «свободному рынку» признавались 18 % их сограждан¹³, то в 2013 г. это соотношение ровнялось соответственно 51 % и 29 %¹⁴, т.е. остается примерно на том же уровне. Однако как КППФ, так и альтернативные ей «левые» силы, похоже, так и продолжают подменять практически отсутствующую внятную стратегию социальной и кассовой борьбы логикой межкланового и межгосударственного противостояний (хотя и по разные стороны «линии фронта», но в рамках все той же капиталистической системы). Возможно, что это не фатально. У «старых» и «новых» «левых» есть еще шансы, изменив и обновив себя, объединиться, научиться использовать междоусобицы в стане своих идеологических оппонентов, усовершенствовать теорию и освоить новые формы политической деятельности с учетом надвигающихся уже в ближайшем будущем неизбежных перемен и возможных катаклизмов.

Пристатейный библиографический список

1. Бурченков Д. Е. Анархисты в России в конце XX века. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
2. Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2009.
3. Каутский К. Путь к власти. Политические очерки о вращении в революцию. М.: КомКнига, 2006.
4. Маркузе Г. Одномерный чел. М.: REFL-book, 1994.
5. Матвеева А. Левых прибыло [Электронный ресурс] // Сайт «РБК». Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/politics/562949979111872> (дата обращения: 04.04.2015).
6. Мухин Ю. И. Убийство Сталина и Берия. М.: Крымский мост-9Д, 2002.
7. Плужников С., Шевченко Д. ZUGANOV.NET. Тайная история КППФ 1990-2008 годов. М.: Столица-Принт, 2008.
8. По образу и подобию Russia: в ДНР и ЛНР преследуют коммунистов [Электронный ресурс] // Сайт «За ответвленную власть!». Режим доступа: http://igpr.ru/ro_obrazu_i_podobiju_putirashki (дата обращения: 12.01.2015).
9. Рожин Б. А. Год спустя: левые и Майдан [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Рабкор». Режим доступа: <http://rabkor.ru/columns/left/2015/02/11/year-after-maidan/> (дата обращения: 11.02.2015).
10. Рычкова Е. Андрей Фурсов: Украина – это репетиция союза либералов и неонацистов в Европе [Электронный ресурс] // Интернет-издание «Накануне.ру». Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/19050/#sthash.rhJyQdfk.dpuf> (дата обращения: 27.05.2014).
11. Тарасов А. Н. Революция не всерьез: штудии по теории и истории квазиреволюционных движений. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005.
12. Фурсов А. Н. Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1212912480> (дата обращения: 08.06.2015).
13. Черняховский С. Сторонники «западной» модели развития России потерпели полный крах [Электронный ресурс] // Интернет-портал «КМ.РУ». Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/02/13/vnutripoliticheskaya-situatsiya-v-rossii/703884-storonniki-zapadnoi-modeli-razvi> (дата обращения: 13.02.2015).
14. Чинков С. Левое движение или либеральная массовка? [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Рабкор». Режим доступа: <http://rabkor.ru/columns/left/2015/02/07/left-liberals/> (дата обращения: 07.02.2015).

13 Матвеева А. Левых прибыло [Электронный ресурс] // Сайт «РБК». Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/politics/562949979111872> (дата обращения: 04.04.2015).

14 Черняховский С. Сторонники «западной» модели развития России потерпели полный крах [Электронный ресурс] // Интернет-портал «КМ.РУ». Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/02/13/vnutripoliticheskaya-situatsiya-v-rossii/703884-storonniki-zapadnoi-modeli-razvi> (дата обращения: 13.02.2015).

Назарян Г. С.

СРАВНЕНИЕ СПЕЦИФИК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРМЯНСКОЙ И ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОР

Проанализированы предпосылки формирования армянской и еврейской диаспор; предпринята попытка, исследовав формирование армянской и еврейской диаспор, выделить общности и различия их формирования, деятельности, достижений, также влияния на политический процесс в государствах проживания; выработаны основные технологии воздействия армянского и еврейского лобби на принятие внешнеполитических решений в государствах пребывания. Проанализированы главные препятствия на пути к созданию единой унифицированной организации, объединяющей ведущие армянские организации всего диаспорного мира.

Ключевые слова: армянская диаспора, диаспоральная политика, политические институты, геноцид армян, иммиграция.

Nazaryan G. S.

THE COMPARISON OF SPECIFICS OF ARMENIAN AND JEWISH DIASPORA ACTIVITIES

The prerequisites for formation of Armenian and Jewish Diaspora are analysed; by investigating the formation of Armenian and Jewish Diaspora, it is attempted to identify the similarities and differences of their formations, activities, achievements as well as the influence on the political process in the State of residence; there have been developed the core technologies of impact of Armenian and Jewish lobby in adoption of foreign policy decisions in host State. There have been analysed the main obstacles to creating a single unified organization that unites leading Armenian Diaspora organizations around the world.

Keywords: Armenian diaspora, diaspora policy, political institutions, Armenian genocide, immigration.

Назарян Г. С.

С научной точки зрения под термином «диаспора» понимается устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая вне пределов своего национально-административного (государственного) образования и имеющая институты для функционирования и развития в рамках данной этнической культуры¹.

Процесс глобализации, на сегодняшний день набирающий стремительные обороты, постепенно стирает контуры классической системы международных отношений. Диаспора – классический транснациональный игрок, который способен влиять на принятие внешнеполитических и внутриполитических решений как в стране происхождения, так и в стране проживания. В настоящее время диаспоры сосредотачивают значительные промышленные, финансовые активы, и, естественно, приобретают политическое и культурное влияние в государствах проживания.

Армянские и еврейские общины относятся к «мобилизованным»² диаспорам. Усилие, которое было потрачено на создание национального государства, у того и другого народа шло через многовековую мучительную борьбу за выживание. Причем эти народы потеряли почти половину этноса, армяне в Первую мировую войну, а евреи – во Вторую мировую. И в том, и в другом случае почерк был одинаковым – под предлогом войны уничтожить целый народ, свалив ошибки внутри по-разному больных и разрушающихся империй на эти народы. В той страшной трагедии погибло шесть миллионов евреев и от полутора до двух миллионов армян. Два древнейших народа в XX в. из своих диаспор создают свои государства. У каждого оказался свой путь.

Выстраивание и функционирование отношений внутри армянской диаспоры – в отличие от организации еврейской диаспоры (по сути беспартийной) – базируется преимущественно на партийной основе, отражающей инерцию бескомпромиссной политической борьбы по правилам холодной войны между организациями армянской диаспоры, включая Церковь³, и является все еще непреодоленной негативной спецификой Всемирного армянства. Армянские организации за рубежом часть своих ресурсов и усилий продолжают направлять против усиления конкурирующих организаций армянской диаспоры⁴. Еврейская диаспора США осуществляет борьбу с угрозой ассимиляции еврейства, в первую очередь, путем целенаправленного вкладывания средств в университетские стипендии для обучения молодого поколения по всему спектру профессий, необходимых для воспроизводства представительства еврейства во всех сферах влияния на политику США. В отличие от нее, армянская диаспора США не имеет подобной стратегии эшелонированного воспроизводства поколенческой базы политического лоббизма. Выбор высшего образования по широкому спектру профессий среди армянства, за редким исключением, финансово не поддерживается и не направляется на эшелонированное воспроизводство и расширение представительства молодого поколения армян в сферах влияния на американское сообщество. В отличие от евреев, охват детей которых усилиями диаспоры целенаправленно увеличивается при условии полного перехода к преподаванию на иврите, обучение армянских детей на родном языке в США, как и в армянской диаспоре в целом, имеет тенденцию к уменьшению⁵.

1 Абрамян Л. Армения и Армянская диаспора: расхождение и встреча. «21-й ВЕК», № 2, 2005. С. 151 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.noravank.am/upload/pdf/171_ru.pdf (дата обращения: 26.07.2015).

2 Европейский еврейский конгресс. EuropeanJewishFund.Officialsite [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.moshekanor.com/acts/european-jewish-congress/> (дата обращения: 26.07.2015).

3 Надель-Червинская М. А., Червинский П. П. Большой толковый словарь иностранных слов. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 1. С. 42.

4 Совет еврейских федераций и благотворительных фондов. Council of Jewish Federations and Welfare Funds [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/13875>. (дата обращения: 26.07.2015). С. 49.

5 «Состояние обучения западноармянскому в Диаспоре» научная конференция. Цахкадзор, 3–5.07.2013, официальный сайт МД РА:

Успешность жизнедеятельности Всемирного еврейства обусловлена системным взаимовыгодным сотрудничеством между его главными субъектами в лице государства Израиль и диаспоры, функционирующей по беспартийной модели своей организации, в условиях доминирования принципа «консолидации Всемирного еврейства во имя сильного, безопасного и устойчиво развивающегося государства Израиль». Слабая консолидированность Всемирного армянства перед вызовами ассимиляции и деструктивной конфронтации между его элементами, в своей основе будучи в значительной мере обусловленной формированием диаспоры в XX в. преимущественно по «партийно-корпоративной» модели организации, имеет два измерения: отношения внутри диаспоры и отношения диаспоры с Республикой Армения (РА)⁶.

Причиной безуспешности усилий по консолидации армянства в значительной мере является отсутствие сложившейся традиции и механизмов эффективного диалога, нацеленного на достижение консенсуса по решению стратегических проблем выживания и прогрессивного взаимовыгодного развития диаспоры, Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики. В этом плане круг проблемных приоритетов стратегического калибра включает переналадку целого ряда всеармянских системообразующих инструментов, требующих переосмысления и диалогового консенсуса: нет согласованной стратегии сотрудничества РА – диаспора; отсутствует объединяющая Всемирное армянство национальная идеология, эквивалентная Сионизму; пока не решена с позиций консолидации Всемирного армянства задача воссоединения Армянской Апостольской Церкви⁷; нет консенсусной стратегии переосмысления армянского языка и орфографии как фактора, объединяющего Всемирное армянство.

У разработчиков из РА, так же, как и у представителей диаспоры, нет должного понимания исключительной важности достижения такого необходимого условия продуктивного партнерства, каковыми являются представительность – репрезентативность сторон и базирующаяся на ней полномочность решений. Изучение опыта этнического лоббизма в Америке показывает эффективность методологии разрешения проблемы репрезентации и полномочности еврейской диаспорой США. В качестве основы репрезентации и полномочного сотрудничества еврейской диаспоры внутри своей сложной структуры и с государством Израиль для решения стратегически важных проблем Всемирного еврейства положен принцип создания постоянно действующих представительских форумов (конгрессов, конференций), состоящих из руководителей главных еврейских организаций.

Важно отметить, что подобный подход к консолидации ресурсов и усилий Всемирного еврейства отражен в сетевом строительстве национальных представительских организаций на уровнях общин в странах проживания, а также региональных сообществ⁸. Следует также обратить внимание на опыт создания параллельных представительских структур в виде эшелона фондов⁹, аккумулирующих финансовые и организационные ресурсы и направляющих их на реализацию про-

грамм представительских организаций Всемирного еврейства на разных уровнях их структуры.

Главным препятствием на пути к созданию единой унифицированной организации, объединяющей ведущие армянские организации всего мира, является идеологический и институциональный дисбаланс.

На наш взгляд, в качестве основы для создания системы репрезентативного, полномочного диалога и сотрудничества, нацеленной на консолидацию и использование национальных ресурсов для взаимовыгодного интенсивного продвижения стратегических интересов диаспоры и Республики Армения, руководству РА следует принять решение о, во-первых, составлении проекта списка главных организаций армянской диаспоры и начале консультаций с руководителями главных организаций армянской диаспоры по согласованию данного состава и принципа репрезентации интересов Всемирного армянства на государственном (стран проживания), региональном и глобальном уровнях диалога внутри диаспоры и между диаспорой и Республикой Армения; во-вторых, созыве руководителей главных организаций диаспоры в соответствии с согласованным проектом списка рабочего форума для консультаций с президентом РА по вопросу о системе консенсусной консолидации ресурсов и усилий диаспоры и РА с целью взаимовыгодного продвижения стратегических интересов Всемирного армянства; в-третьих, созыве под эгидой президента РА учредительного форума по созданию Всемирного конгресса президентов главных организаций Всемирного армянства в лице диаспоры, Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики; в-четвертых, разработке концепции национальной идеологии, переосмысленной в интересах консолидации и развития Всемирного армянства; в-пятых, воссоединении Армянской Апостольской Церкви.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамян Л. Армения и Армянская диаспора: расхождение и встреча. «21-й ВЕК», № 2, 2005. С. 151 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.noravank.am/upload/pdf/171_ru.pdf (дата обращения: 26.07.2015).
2. Европейский еврейский конгресс. EuropeanJewishFund.Officialsite [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.moshekanor.com/acts/european-jewish-congress/> (дата обращения: 26.07.2015).
3. Надель-Червинская М. А., Червинский П. П. Большой толковый словарь иностранных слов. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 1. С. 42.
4. Совет еврейских федераций и благотворительных фондов. Council of Jewish Federations and Welfare Funds [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/13875>. (дата обращения: 26.07.2015).
5. «Состояние обучения западноармянскому в Диаспоре» научная конференция. Цахкадзор, 3–5.07.2013, официальный сайт МД РА: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.mindiaspora.am/en/Conferences/783> (дата обращения: 26.07.2015).
6. «Рабочие тетради». Ориентиры стратегии диалога РА – Диаспора, Ер. 2013.
7. Мелконян Э. Армянская Апостольская Церковь во взаимоотношениях Армении и диаспоры [Электронный ресурс] URL: <http://c-i.am/other%20books/Religion%20and%20Politics%20in%20the%20Caucasus/3.%20Melkonyan,%20Cerkov%20i%20diaspora.pdf> с.50 (дата обращения: 10.08.2015).
8. Armstrong J. Mobilized diaspora in tsarist Russia. The case of Baltic German, Praeger Publishers, 1978.

[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.mindiaspora.am/en/Conferences/783> (дата обращения: 26.07.2015).

6 Совет еврейских федераций и благотворительных фондов. Council of Jewish Federations and Welfare Funds [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/13875>. (дата обращения: 26.07.2015). С. 46.

7 «Рабочие тетради». Ориентиры стратегии диалога РА – Диаспора, Ер. 2013.

8 Мелконян Э. Армянская Апостольская Церковь во взаимоотношениях Армении и диаспоры [Электронный ресурс] URL: <http://c-i.am/other%20books/Religion%20and%20Politics%20in%20the%20Caucasus/3.%20Melkonyan,%20Cerkov%20i%20diaspora.pdf> с.50 (дата обращения: 10.08.2015).

9 Armstrong J. Mobilized diaspora in tsarist Russia. The case of Baltic German, Praeger Publishers, 1978.

Лукиянов М. Ю., Бондаренко А. В., Изюмов И. В. ФИЛОСОФИЯ «ГОСУДАРЯ» Н. МАКИАВЕЛЛИ

Личность и творчество Макиавелли, тщательно изучается поколениями ученых на протяжении нескольких веков. Тем не менее, остается множество аспектов, которые еще необходимо изучить. В статье анализируются взгляды Н. Макиавелли на политику согласно его трактату «Государь» с учетом времени и места написания «Государя», рассматриваются современные взгляды на заблуждения Н. Макиавелли. Рассмотрена личность «Государя» в контексте образа идеального правителя.

Ключевые слова: «Государь» Н. Макиавелли, мораль, политика, истина, заблуждения.

Lukyanov M. Yu., Bondarenko A. V., Izumov I. V. THE PHILOSOPHY OF THE «SOVEREIGN» N. MACHIAVELLI

Personality and creativity Machiavelli carefully studied by generations of scholars for centuries nevertheless, there are still many issues that remain to be explored. The article analyzes the views of Machiavelli policy according to his treatise "The sovereign" in view of the time and place of writing "The sovereign", deals with modern views on misconceptions Machiavelli. We consider the identity of "Sovereign" in the context of the image of the ideal governor.

Keywords: "The sovereign" N. Machiavelli, morality, politics, truth, misconceptions.

Вот уже 500 лет вокруг творческого наследия выдающегося философа, ученого, политического деятеля не утихают жаркие споры. Происходит это потому, что очень трудно однозначно истолковать его произведения, особенно знаменитый политический трактат «Государь». На протяжении веков «Государь» является дискуссионной трибуной как противников трактата, так и его сторонников. Что же такое «Государь» – учебник по узурпации власти или теоретический труд, описывающий политику своего времени? В любом случае, Макиавелли сделал поразительно точный слепок законов политики своего времени и мировой истории в целом и как бы перешагнул границы своего времени, обогатил мировую политическую мысль и просто раздвинул «границы сознания».

Государь Макиавелли – герой его политического трактата – это разумный политик, применяющий на практике правила политической борьбы, ведущие к достижению цели, к политическому успеху. Имея в виду государственный интерес, пользу правления, стремясь «написать нечто полезное», он считает «более верным искать настоящей, а не воображаемой правды вещей». Он отвергает распространенные в гуманистической литературе сочинения об идеальных государствах и идеальных государях, отвечающих представлениям о должном ходе государственных дел: «Многие измыслили республики и княжества, никогда не виданные и о которых ничего на деле не было известно»¹. Цель автора «Государя» иная – практические советы практическому политику ради достижения реального результата. Только с этой точки зрения Макиавелли рассматривает и вопрос о нравственных качествах идеального правителя – государя. Реальная политическая действительность не оставляет места для прекраснотушных мечтаний: «Ведь тот, кто хотел бы всегда исповедовать веру в добро, неминуемо погибает среди столь многих людей, чуждых добра. Поэтому князю, желающему удержаться, необходимо научиться уменью быть недобродетельным и пользоваться или не пользоваться добродетелями смотря по необходимости»². Это не значит, что государь должен нарушать нормы морали, но он должен использовать их исключительно в целях укрепления государства. Поскольку проявлять добродетели на практике «не допускают условия человеческой жизни», государь должен

добиваться лишь репутации добродетельного правителя и избегать пороков, особенно таких, которые могут лишиться его власти, «не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо»³.

Может показаться, что Н. Макиавелли провозглашает в качестве закона политической морали правило «цель оправдывает средства»: «Пусть обвиняют его поступки, – говорит он о политическом деятеле, – лишь бы оправдывали результаты, и он всегда будет оправдан, если результаты окажутся хороши...». Однако целью этой является, по Макиавелли, вовсе не частный, личный интерес правителя, государя, но «общее благо», которое он не мыслит вне создания сильного и единого национального государства. Если государство это выступает в книге о государе в форме единоличного правления, то это продиктовано не выбором автора в пользу монархии в ущерб республике (превосходство республиканского образа правления он обосновал в «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия» и никогда от этого не отрекался), а потому, что современная ему действительность, европейская и итальянская, не давала реальных перспектив создания государства в республиканской форме. Республику он считал порождением «честности» и «доблести» римского народа, тогда

Лукиянов М. Ю.

Бондаренко А. В.

Изюмов И. В.

1 Баткин Л. М. Ренессанс и утопия // Из истории культуры Средних веков и Возрождения / Л.М. Баткин. – М., 1976. – С. 222–244.

2 Макиавелли Н. Государь. Пер. с ит. К. А. Тананушко [Серия «Классическая мысль»]. / Н. Макиавелли. – М., 2002. – С. 5–122.

3 Там же.

как в наше время нельзя рассчитывать, чтобы могло быть что-нибудь доброе в такой развращенной стране, как Италия»⁴.

Государь, о котором идет речь в знаменитой книге, не наследственный монарх-деспот, а «новый государь», т.е. человек, создающий новое государство, которое в дальнейшем, после достижения поставленной цели, после смерти правителя может перейти и к республиканской форме правления⁵. Также, в числе важных политических требований Макиавелли подчеркивает, что «государь должен также выказывать себя покровителем дарований, привечать одаренных людей, оказывать почет тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве». Это, естественно, предполагало и определенный образовательный уровень, и соответствующее развитие художественного вкуса правителя⁶. Со времен Макиавелли менялись формы правления, ушли практически в небытие монархии, в странах мира сейчас для формирования элит, в основном, применяется демократическая выборная система. Что, однако, не мешает считать государственный аппарат «коллективным Государем», обладающим заведомо более широкими возможностями, чем Государь-личность. Актуальность концепции современного Государя широко изучалась, в частности⁷.

Основные вопросы, которые ставятся вот уже половину тысячелетия: всегда ли государь, обладающий способностями для управления будет делать все необходимое для процветания народа, правителем которого он является; оправдана ли «необходимая жестокость» ради сохранения стабильности в государстве, не возрастет ли эта жестокость, если будет эффективным средством; насколько является правитель самостоятельным в своих действиях; не превратится ли «соревнование» государей в невыносимую гонку вооружений, бесконечные войны и прочие подобные катаклизмы (что мы вполне можем наблюдать и сегодня); можно ли исключать мораль правителя, оставляя ему только целесообразность и как это соотносится с высшей моральной ценностью – построением наилучшего государства.

Эти вопросы мы можем задавать с высоты нынешнего политического опыта и осуждать Макиавелли, например, за утопическую в то время идею объединения Италии неверно. После Макиавелли наступают еще времена упадка Флорентийской и других республик Италии, господство Испании, Габсбургов, Франции, наконец, объединение Италии Гарибальди, когда это стало велением времени.

Беспристрастность Макиавелли, к которой он стремился в написании «Государя» сильно ограничивается его горячим итальянским патриотизмом. «Государь», по своему замыслу, не академический или научный трактат об искусстве управления. Это трактат об искусстве управления в Италии Чинквенто; и это трактат, в котором государь внушается долг объединить Италию и изгнать иностранцев – и обещаются связанные с этим блага. Последняя глава «Государя» – страстный призыв к Италии, в некоторой мере улучшивший репутацию Макиавелли в далеких поколениях, когда итальянский национализм стал рассматриваться как благородное дело. Здесь достаточно заметить, что и это завершение книги искажает усилия Макиавелли видеть вещи такими, как они есть. Он хочет столь иных вещей, он хочет видеть итальянцев столь иными, что никак не может достигнуть отчужденности объективного наблюдателя⁸. По сути дела, миссия «Государя», согласно Макиавелли – объединение разрозненной Италии любыми средствами. В этом видится

благородная миссия Государя. Макиавелли попадает в ловушку этого заблуждения. Необходимо отметить, что подобными заблуждениями полна мировая история, когда для достижения утопической цели (пусть и благой) применяются аморальные методы. В итоге, цель не достигается, причиняя множество страданий людям, попавшим в этот социальный эксперимент.

Но Макиавелли, по нашему мнению, справедливо считается одним из пионеров, изучавших общественное поведение людей в том же смысле, как ученые изучают поведение газов или насекомых. Может быть, такие попытки заранее обречены на неудачу; может быть, еще через несколько столетий нынешние «социальные науки» покажутся одним из тупиков человеческой деятельности. Но в настоящее время, когда мы занимаемся этим предметом, мы должны быть благодарны Макиавелли. Конечно, многое из сказанного им было уже сказано до него, в частности, в греческой политической мысли; например, Аристотель заметил и описал некоторые виды поведения людей в политической жизни. Есть целая литература афоризмов и кратких эссе о причудах, слабостях и всевозможных безумствах людей. Но все это большей частью сводится к здравому смыслу и чему-то вроде народной мудрости. Это похоже на разговоры старожилых о погоде. Наука же всегда пытается все систематизировать, измерять и называть предметы интуитивного знания тяжелыми учеными словами – которые в конечном счете оказываются очень полезными. В конечном счете систематическая наука побеждает.

Макиавелли – это ученый в его начальной и очень застенчивой стадии. Он хочет узнать, что в самом деле стоит за всеми этими красивыми словами о политике и этике. Он не довольствуется случайными мыслями по этому поводу. Он принимается систематически изучать некоторые проблемы не для того, чтобы узнать, что правильно, но чтобы узнать, что на самом деле есть. Ему не вполне удается выдержать ровное настроение, быть столь отчужденным, как надо. Но прежде всего, он, вообще говоря, ошибается в одном важном вопросе, хотя есть признаки, что он замечает этот фактор: он не сознает, что этические идеи и идеалы человека, даже если они не находятся в простой причинной связи с человеческими делами, имеют некоторое отношение к человеческим делам. Иначе говоря, Макиавелли делает ошибку, до сих пор повторяемую некоторыми из наших намеренно циничных авторов, пишущих о политике и морали; он отбрасывает притязания людей на хорошее поведение, так как они не всегда живут в соответствии с ними⁹.

Пристатейный библиографический список

1. Баткин Л. М. Ренессанс и утопия // Из истории культуры Средних веков и Возрождения / Л.М. Баткин. – М., 1976. – С. 222–244.
2. Бринтон К. Идеи и люди. История западной мысли. – М., 2003. [Электронный ресурс]. К. Бринтон. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/02_b/ri/nton_06.htm
3. Голованова О. И. Ренессансный идеал личности и образы сильных мира сего в медалях Возрождения / О.И. Голованова // Культура Возрождения и власть. – М., 1999.
4. Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения / А.Х. Горфункель. – М., 1980. – С. 150–152.
5. Лукиянов М. Ю., Бондаренко А. В., Койше К. К. Актуализация философско-политической мысли Н. Макиавелли // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 9. – С. 343–345.
6. Макиавелли Н. Государь. Пер. с ит. К. А. Тананушко [Серия «Классическая мысль»]. / Н. Макиавелли. – М., 2002. – С. 5–122.
7. Макиавелли Н. История Флоренции. Пер. с ит. Н. Рыковой [1973]. / Н. Макиавелли. – М.-Харьков, 1998. – С. 197–623.

4 Макиавелли Н. История Флоренции. Пер. с ит. Н. Рыковой [1973]. / Н. Макиавелли. – М.-Харьков, 1998. – С. 197–623.

5 Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения / А.Х. Горфункель. – М., 1980. – С. 150–152.

6 Голованова О. И. Ренессансный идеал личности и образы сильных мира сего в медалях Возрождения // Культура Возрождения и власть. – М., 1999. – С. 111.

7 См.: Лукиянов М. Ю., Бондаренко А. В., Койше К. К. Актуализация философско-политической мысли Н. Макиавелли // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 9. – С. 343–345.

8 Бринтон К. Идеи и люди. История западной мысли. – М., 2003. [Электронный ресурс]. К. Бринтон. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/02_b/ri/nton_06.htm

9 Бринтон К. Идеи и люди. История западной мысли. – М., 2003. [Электронный ресурс]. К. Бринтон. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/02_b/ri/nton_06.htm

Чеговадзе Л. А.

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А. АБДУДЖАЛИЛОВА
«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ
В ИНТЕРНЕТЕ» (ДУШАНБЕ, «АНДАЛЕБ-Р», 2015. 272 С.)**

Chegovadze L. A.

**REVIEW OF THE MONOGRAPH OF A. ABDUJALILOV "THEORETICAL PROBLEMS
OF CIVIL LEGAL RELATIONS ON THE INTERNET" (DUSHANBE: "ANDALEB-R",
2015. 272 P.)**

Интернет как одна из наиболее динамично развивающихся сфер человеческой деятельности оказывает существенное влияние на состояние современного общества. Проникновение интернет-технологий практически во все области человеческой жизни, начиная от простого доступа к информации и заканчивая новейшими технологиями ведения бизнеса, ставит перед наукой задачи осмысления явлений интернет-пространства и поиска методов их решения. Стремительный рост значимости коммуникационных технологий, их разноплановое использование повышает потребность эффективного правового регулирования виртуального пространства, что достаточно сложно без серьезных доктринальных исследований. Это, в свою очередь, требует выяснения правовой природы интернет-отношений, выработки достоверных критериев их классификации, создания соответствующих нормативно-правовых инструментов и механизмов правореализации.

Перед правовой наукой Интернет поставил целый комплекс проблем: настоятельно требуют своего решения понятийное определение Интернета и происходящих там явлений, обоснование представлений о пределах правового регулирования сети, о юрисдикции по спорам, возникающим из сетевых отношений, о квалификации действий и фактов нарушений, совершаемых в Интернете, о процедурах закрепления и предоставления доказательств. Проблема осложняется тем, что действующие законы в своей основной массе регулируют информационный сегмент Интернета, и парадигмическое давление информационной модели Интернета, а также утверждения о самоорганизации сети становятся серьезным препятствием обеспечения юридически значимых интересов интернет-сообщества. Сложностей добавляет и то, что при разработке правовых аспектов Интернета приходится сталкиваться с еще не познанными явлениями. И в результате столь важные для общества гражданско-правовые аспекты Интернета остаются вне поля зрения исследователей.

Именно этими обстоятельствами – наличием целого ряда проблем и пробелов при правовом осмыслении Интернета – обусловлен выбор темы монографического исследования ведущего отдела частного права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан, кандидата юридических наук Абдуджалилова Абдуджабара «Теоретические проблемы гражданских правоотношений в Интернете». Надо признать высокий уровень актуальности монографии А. Абдуджалилова, согласившись с автором, что пришло время активизировать изучение гражданско-правовых составляющих Интернета. Наиболее остро эти проблемы ощущаются в связи с тем, что гражданско-правовые отношения складываются, развиваются и прекращают свое действие в виртуальном пространстве с отступлениями от классического понимания этой категории в науке и правоприменительной

практике. И автор решает первостепенные задачи цивилистической науки: в монографии выработано правовое определение понятия «Интернет», дан подробный научный анализ специфики применения в виртуальном пространстве институтов гражданского права, особенно сделок, договоров и обязательств, осуществлены структуризация и классификация гражданских правоотношений в сети Интернет.

Создание надлежащих условий для эффективного правоприменения невозможно без глубоких доктринальных исследований. Отметив, что объективно существующие проблемы гражданских правоотношений в Интернете находятся на самом первоначальном этапе научного осмысления, автор монографии проводит комплексное научно-правовое исследование обязательственных и договорных отношений виртуального пространства, убедительно доказывает, что существующие на сегодня подходы к постижению Интернета устарели и решает важную задачу разработки методологических подходов к обоснованию новой парадигмы теории Интернета.

Архитектоника монографии, составленная оригинальным образом, как бы разделяет предмет исследования на две самостоятельные части, исследованные в двух разделах. Однако ознакомление с работой показывает, что эти разделы выстраивают единую логическую систему для раскрытия избранной темы.

Конвенциональный характер правоотношений в Интернете потребовал от автора подходов, отличающихся от общепринятых правовых представлений о роли и видах их нормативного регулирования. При выборе темы, постановке ее целей и задач автор избрал правильный с позиций юридической науки и правоприменительной практики подход, полагая что системные решения об общеправовой доктрине Интернета следует принимать с позиции признания гражданского права регулятивной доминантой складывающихся в интернет-пространстве связей. Нет сомнений в правоте убеждений автора, что исследование электронных правоотношений должно опираться на особые методологические приемы, а обязательственное и договорное право в области Интернета должно быть новировано применительно к имеющейся специфике. Подробный научный анализ институтов гражданского права, особенно института гражданских правоотношений, с заявленных автором позиций заслуживает научного одобрения.

Подчеркнув несоответствие информационной парадигмы теории Интернета современному состоянию дел в науке и практике, автор обосновал двойственную природу Интернета

Чеговадзе Л. А.

с обособлением виртуального пространства в качестве производного от технической системы глобальной информационной сети. Для достижения научных целей автор, используя современные модели научного постижения явлений и оригинальный методологический подход, анализирует виртуальное пространство как одну из важных составляющих понятийного аппарата теории Интернета. Затем в монографии убедительно показано, что Интернет – это еще одно правовое пространство и именно в этом качестве оно требует осмысления на общетеоретическом, методологическом уровне и в предметно-дисциплинарном аспекте, чтобы определить, какое направление правовой науки должно изучать каждый выделенный сегмент.

Довольно объемная по содержанию часть монографического исследования посвящена проблемам развития теории правоотношения и методологическим проблемам понятийного аппарата гражданских правоотношений в Интернете. Думается, А. Абдуджалилов прав, когда присоединяется к позиции понимания этого феномена, которое в современный период не исчерпывается чисто нормативистским подходом. Сегодня в состав права широко включаются оценочные понятия, судебная практика, обычаи. В сфере Интернета удельный вес этих категорий особенно значителен и практически важен, и ограничить интернет-отношения только областью, урегулированной нормами права, значило бы обеднить данное явление, оставить его часть без правового воздействия. Сделав критический анализ обширных представлений цивилистики о правоотношении, автор уверенно занял позицию представителей социологической парадигмы, в развитие которой делает вывод, что построение теоретической модели гражданских правоотношений в совершенно новом правовом пространстве возможно только на основе особого понятийного аппарата, обеспечивающего легитимность теоретическим моделям исследования. И первое, что необходимо сделать в этом направлении, признать, что двойственность Интернета требует создания двух регулятивных систем – первой для регулирования отношений, обеспечивающих доступ к сети, а второй для упорядочения отношений по использованию интернет-ресурсов на договорной основе. Опираясь на общепринятые положения теории гражданских правоотношений, автор исследует объект гражданского правоотношения в виртуальном пространстве Интернета, правовое положение субъектов гражданских правоотношений в сфере Интернета, взаимосвязь и взаимозависимость субъективного права и субъективной обязанности как элементов содержания гражданских интернет-правоотношений. Не оставлены без внимания и нормативно-фактические аспекты гражданских правоотношений в Интернете. Важной составляющей работы автора стал научный анализ применительно к Интернету концептуальных положений обязательственного права. Проблемы договорных правоотношений в Интернете находят свое разрешение в виде системной классификации договоров в сфере Интернета, в виде построения модельных конструкций договоров по оказанию разнообразных услуг в Интернете, в том числе и конструкции безвозмездного договора, что на таком уровне сделано впервые.

В рамках проведенных исследований автором использован широкий круг доктринальных источников. Теоретическая основа монографического исследования, надежно обеспечивая его достоверность, состоит из трудов по общим вопросам гражданского права, прежде всего – конструкции правоотношения; по общеправовым вопросам; по проблемам информационного права и, наконец, – это исследования, посвященные проблемам гражданских правоотношений в сфере Интернета. В процессе работы автор использовал и критически анализи-

ровал нормативно-правовые акты, материалы правоприменительной и судебной практики, что оказало благотворное влияние на ход исследования, на достигнутые научные результаты и выработанные практические рекомендации. Проведенные автором изыскания в части основополагающих положений цивилистики и общей теории права подкрепляются анализом нормативного материала и практики использования виртуального пространства в коммерческих и потребительских целях. Сформулированные на этой основе авторские выводы свидетельствуют о научной новизне работы.

Заслуживает научной поддержки и одобрения разработанная А. Абдуджалиловым концепция о необходимости детализации двойственной природы Интернета с определением правового значения не всей глобальной коммуникационной сети, а ее отдельных составляющих. Нет сомнений в достоверности выводов о неизбежности разделения регулятивных комплексов Интернета на комплекс правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие при доступе и использовании объединенных сетей (**Interconnected networks**), и на правовые нормы, регулирующие общественные отношения, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся исключительно внутри виртуального пространства Интернета. Следует оценить как научно-обоснованное и содержательно емкое авторское определение Интернета в качестве глобального всемирного коммуникационного комплекса технических систем для создания виртуального пространства, а виртуального пространства в качестве нематериальной технологической среды для общественных отношений по поводу имущественных и личных неимущественных благ. Нет сомнений в достоверности критериев классификации гражданских правоотношений, в обоснованности выводов о презумпции правосубъектности и добросовестности участников гражданских правоотношений в Интернете, о недостаточности самоорганизационного потенциала Интернета, о необходимости систематизации уже принятых нормативных актов с опорой на принципы международного частного права с учетом предложенных автором направлений.

Весьма интересными в научном плане представляются умозаключения, что конечным продуктом работы сети Интернет является создание новой квазитехнологической среды – виртуального пространства для общественных отношений по поводу имущественных и личных неимущественных благ, возникающих, развивающихся и прекращающихся исключительно в этом пространстве. Виртуальное пространство – это мнимая технологическая среда, созданная с помощью технических средств, которая позволяет субъектам вступать внутри нее в реальные отношения. Это квазипространство является единым, целым, доступным любому специальному техническому устройству в любой точке земного шара. Оно возникает в результате коммуникативного взаимодействия миллионов локальных компьютеров. И события в Интернете воспринимаются не как происходящие в местах, где физически находятся серверы или же участники сети, а в мнимом пространстве, которое является обитаемым пользователями. Также не вызывает сомнений убедительность авторских определений обязательства и электронного договора в Интернете. В монографии по результатам анализа институтов обязательственного права моделируется новый, неизвестный в теории гражданского права договор о безвозмездном оказании услуг в Интернете. Предложено авторское определение этого договора как двустороннего, консенсуального, sinalлагматического и безвозмездного договора, согласно которому исполнитель обязуется по заданию заказчика безвозмездно оказать услугу в вирту-

альном пространстве Интернета, не имеющую вещественной формы, а заказчик взамен получаемой услуги обязуется не совершать на выделенной ему веб-странице определенных действий, противоречащих общей концепции компании.

Особо хотелось бы отметить научную ценность положения, что у Интернета как технической системы и виртуального пространства как производного этой системы разные предметные области правового регулирования, требующие разного нормативного обеспечения. На этом фоне совершенно логичными представляются выводы автора о новых системных подходах к научному осмыслению Интернета, о возможности создания мирового гражданско-правового пространства. Проблемы правового регулирования изучаемых отношений, несомненно, обусловлены особыми свойствами Интернета. Но подчас этим свойствам придается чрезмерное значение, что становится препятствием праву. И заслуга автора в том, что, изучив специфику названных свойств, он наметил пути преодоления препятствий. Рецензируемая монография может стать основой расширенного системного правового изучения Интернета, поскольку построена на основе существующей парадигмы гражданско-правового регулирования, не входит в противоречие с принципами гражданско-правового регулирования и подтверждается позициями правоприменительной практики. Научно-теоретические результаты исследования в основном совпадают с концептуальными направлениями совершенствования законотворческой деятельности и подходами правоприменителей к регулированию и юридической квалификации отношений в сфере Интернета. Они могут служить средством устранения неопределенности правовой регламентации базовых составляющих Интернета, в связи с чем необходимо отметить теоретическую и практическую значимость работы.

Обобщенный системный анализ работы А. Абдуджалилова показывает, что монографическое исследование является оригинальным, а содержащиеся в нем выводы и рекомендации значимыми как в теоретическом, так и в практическом плане. Структура работы выстроена последовательно, изложение материала подчинено поставленной цели и позволяет достичь ее с решением всех научных задач. Научная дискуссия на страницах монографии ведется корректно, выводы и предложения вытекают из анализируемого материала и отличаются существенной научной новизной. Ссылки на литературные и нормативные источники, а также правоприменительную практику гармонично вписываются в общий контекст рассуждений автора. Содержание монографии свидетельствует о творческом характере авторского исследования.

Общие методологические подходы к исследованию Интернета и его правового регулирования обеспечили внутреннее единство монографии и позволили автору критически оценить современное положение дел и правоприменительную практику, выявить подлежащие устранению недостатки и наметить пути преодоления существующих препятствий, а также указать заслуживающие внимания направления совершенствования теории Интернета. Содержащиеся в монографии выводы и предложения могут успешно использоваться в науках гражданского и предпринимательского права в части развития научных основ правового регулирования отношений виртуального пространства, могут являться базой для более глубокого понимания его особенностей.

Монография выполнена аккуратно и корректно, на хорошем научно-литературном языке.

Было бы удивительным, если бы в такой проблемно-насыщенной работе отсутствовали гипотезы, подлежащие сомне-

нию, утверждения, не совпадающие со взглядами рецензента. Отсутствие таковых принижало бы научную новизну и значимость исследования. Таким недостатком работа не страдает и создает плодотворную базу для обстоятельных научных дискуссий.

Основные замечания, на наш взгляд, сводятся к следующему:

1. В монографии выделена система принципов Интернета и виртуального пространства, определяющая его сущность и правовую природу. Система принципов, по мнению автора, состоит из девяти позиций, характеризующих как сам Интернет, так и виртуальное пространство, и особенности правоотношений в этом пространстве. Это демократичность, внетерриториальность, вневременность, замкнутость, стационарность, интерактивность, юридическая децентрализация, презумпция равенства и дееспособности субъектов и добросовестность. Представляется, что в данном случае автор отождествляет сущностные свойства Интернета и виртуального пространства (демократичность, внетерриториальность, вневременность, замкнутость, стационарность, интерактивность) и принципы построения отношений в названном пространстве. К принципам Интернета могут быть отнесены только юридическая децентрализация, презумпция равенства и дееспособности субъектов и добросовестность.

2. Как известно, одной из центральных тем правовой, в том числе гражданско-правовой, науки является юридическая ответственность. Автор посвятил ей четвертый параграф главы 4 монографии. В этой части работы показаны совершенно нерешенные ни наукой, ни практикой вопросы оснований и условий гражданско-правовой ответственности интернет-пользователей, такие как ответственность за размещение в сети контрафактной продукции, рассылку спама, о видах доказательств совершенного нарушения и др. Но, к сожалению, в работе в основном обозначены лишь контуры возникающих в реальной практике проблем. Важность данной проблематики объективно требовала уделить ей больше внимания.

Однако отмеченные недостатки, на наш взгляд, носят скорее дискуссионный характер, и их следует считать пожеланиями в дальнейшей научной деятельности автора.

В целом новое исследование в области гражданских правоотношений в виртуальном пространстве, проведенное А. Абдуджалиловым, пополнило «копилку» науки гражданского права в области гражданских правоотношений. Надеемся, что монография таджикского ученого заинтересует широкий круг читателей, поскольку хорошая творческая работа всегда находит свою благодарную аудиторию.

Бурьянов С. А.

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КОНГРЕСС «ГЛОБАЛИСТИКА-2015»: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья представляет собой обзор докладов и материалов заседания секции «Перспективы развития международного права в контексте глобализации общественных отношений», состоявшейся 27 октября 2015 г. в рамках IV Международного научного конгресса «Глобалистика» на тему «Глобальное управление и дипломатия в нестабильном мире» и других мероприятий, посвященных 70-летию ООН и году председательства России в БРИКС.

На мероприятии был рассмотрен целый ряд вопросов в сфере глобализации международного права и глобальных исследований в сфере права.

Одним из итогов заседания секции стала инициатива по созданию Ассоциации глобальных исследований в сфере права.

Ключевые слова: глобализация общественных отношений, международное право, права человека, внутригосударственное законодательство, эффективность международно-правовых норм.

Бурьянов С. А.

Buryanov S. A.

IV INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS “GLOBAL STUDIES 2015”: PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION OF SOCIAL RELATIONS

The article presents a review of the reports and materials of the meeting of the section “Prospects for the development of international law in the context of globalization of social relations”, held on October 27, 2015 as part of the IV International Scientific Congress “Global Studies” on the topic of “Global Governance and Diplomacy in an Unsustainable World” and other events dedicated to the 70th anniversary of the UN and the year of Russia’s presidency in the BRICS.

A number of issues in the field of globalization of international law and global studies in the field of law were discussed at the event.

One of the results of the meeting was the initiative of the section to establish the Association of Global Research in the Field of Law.

Keywords: globalization of social relations, international law, human rights, national law, the effectiveness of international legal standards.

25–30 октября 2015 г. в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и Московском государственном институте международных отношений (университете) Министерства иностранных дел Российской Федерации по инициативе Факультета глобальных процессов состоялись IV Международный научный конгресс «Глобалистика» на тему «Глобальное управление и дипломатия в нестабильном мире», Глобальный университетский саммит БРИКС и IX Конвент Российской ассоциации международных исследований на тему «Многосторонние институты: глобальная эффективность vs. национальные интересы».

Мероприятия были посвящены 70-летию ООН и году председательства России в БРИКС и прошли при поддержке и содействии: Российского общественного комитета «ООН – 70», Российской ассоциации содействия ООН, Российского научного фонда (РНФ), Международной ассоциации глобальных исследований, Международного консорциума глобальных исследований (Global Studies Consortium), Международной общественной организации «Евразийское содружество», Неправительственного экологического фонда имени В. И. Вернадского, Международного фонда Н. Д. Кондратьева, Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, Российской академии образования (РАО), Русского географического общества (РГО), Центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования ФГП МГУ, Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, Информационного центра ООН в Москве, МИА «Россия Сегодня», журналов «Международная жизнь» и «Мир перемен» и др.

В работе Конгресса приняли участие более 700 человек – специалисты, ведущие исследователи в области глобальных исследований, философии, социологии и политологии, географии и экологии, экономики и демографии, истории и права, геополитики и геоэкономики, прикладной математики и теории управления из 50 стран мира.

27 октября 2015 г. в рамках Конгресса состоялось заседание секции «Перспективы развития международного права в контексте глобализации общественных отношений», модераторами которой выступили заведующий кафедрой международного права и прав человека юридического института ГАОУ МГПУ, д.ю.н., профессор А. И. Кривенький, д.ю.н., ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН И. З. Фархутдинов, к.ю.н., доцент кафедры международного права и прав человека ГАОУ МГПУ С. А. Бурьянов.

Во вступительной речи доктор исторических наук, профессор А. И. Кривенький отметил объективный характер глобализации общественных отношений, подробно остановившись на современном состоянии и перспективах развития международного права в качестве основы глобального права. По мнению ученого, международное право играет особую интегрирующую роль в современной юридической науке, однако на многие вопросы пока четких ответов нет. В частности, были затронуты проблемы международных организаций, среди которых особое внимание было уделено негосударственным и надгосударственным. Государственный суверенитет, длительный период являясь краеугольным камнем и основой стабиль-

ности международных отношений, в современных условиях подвержен тенденции к трансформации. Было подчеркнуто, что особого внимания в современных условиях требуют исследования перспектив развития гражданского общества и прав человека. А. И. Кривенький призвал собрание к открытой научной дискуссии, не стесняясь высказывать даже, на первый взгляд, самые фантастические идеи.

Кандидат юридических наук, доцент С. А. Бурьянов свой доклад посвятил перспективам развития международного права в контексте проблемы формирования глобального права и управления. Он считает, что «формирование целостности современного мира неразрывно связано с процессом глобализации общественных отношений, под которым понимается интеграция социальных взаимодействий в единую планетарную систему. Процесс интеграции является отражением современного этапа смены состояний в развитии и усложнении общественных отношений от их усложнения и сближения до взаимопроникновения и, как следствие, взаимозависимости в планетарном масштабе».

Докладчик подчеркнул, что «процесс глобализации общественных отношений ведет к их кардинальному изменению и развитию принципиально нового состояния, которое целесообразно назвать глобальностью упомянутых отношений. Важнейшими проявлениями глобальности общественных отношений является формирование глобальных подсистем: финансовых, экономических, торговых, информационных, культурных и пр. Таким образом, глобальность охватывает совокупность параметров и характеристик в различных сферах общественных отношений (подсистем) из которых формируется планетарная система».

Эксперт обратил внимание на различный уровень развития общественных подсистем, что приводит к дисбалансу, нарушениям устойчивости формирующейся планетарной системы, и, в конечном итоге, предопределяет глобальные проблемы, препятствующие устойчивому развитию и несущие угрозы существованию цивилизации.

В качестве направления для решения глобальных проблем была обоснована необходимость формирования глобального управления на основе опережающего формирования глобального права и правовой глобалистики. «Система глобального управления и права должна формироваться на основе принципов, норм и институтов международного права во взаимодействии с внутригосударственными правовыми системами».

Далее докладчик предложил современное определение международного права, как «систему принципов и норм в сфере взаимодействий между государствами и другими субъектами, которые должны быть направлены на реализацию прав человека, что будет способствовать решению глобальных проблем и переходу к устойчивому развитию человеческой цивилизации». В качестве основных перспектив прогрессивного развития международного права (подразумевающих развитие его теоретико-правовых, нормативных и институциональных основ) были выделены следующие: «повышение роли и приоритетное развитие механизмов реализации прав человека в качестве воплощения его свободы, как объективного требования современных общественных отношений; реформирование и развитие новых принципов международного права, как его основополагающих начал; повышение эффективности норм международного права, как юридически обязательных правил поведения его субъектов, на основе принципа правовой определенности; универсализация принципов и норм международного права, приведение в соответствии с ними

региональных норм; развитие взаимодействия норм международного права и внутригосударственных правовых систем; изменение системы международных отношений от однополярной к бесполярной; развитие основ управления мировыми процессами в направлении ограничения власти и отказа от «права силы», перехода к «силе права»; реформирование ООН в направлении постепенного отказа от иерархической системы управления на основе расширения представительства и повышения роли негосударственных международных организаций и акторов; правовое закрепление принципа толерантности, как признания равноправия и уважения к индивидам вне зависимости от различий при условии правомерности поведения; правовое закрепление и реализация принципа мировоззренческого нейтралитета субъектов международного права как условия разграничения формирующейся глобальной системы управления и мировоззренческих институтов общества с целью разделения религии и политики, преодоления этноконфессиональных барьеров, формирования глобального мышления».

Доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, директор Международного центра социально-политических исследований и консалтинга Е. Н. Пашенцев выступил с докладом «Стратегическая коммуникация в условиях глобализации общественных отношений: международно-правовой аспект».

Докладчик отметил огромное значение международно-правового аспекта стратегической коммуникации «в связи с растущим подчинением стратегической коммуникации целям политического и военного противоборства в современном мире», происходящего вопреки обращению Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ от 1997 г. «О предотвращении информационных войн» к Генеральной Ассамблее ООН, Межпарламентскому союзу, Парламентской ассамблее ОБСЕ и Парламентской ассамблее Совета Европы. В частности, обращение содержит предложение «включить в повестку дня сессий этих международных организаций вопрос о подготовке и заключении международной конвенции об ограничении разработки, производства, распространения и использования информационного оружия и предотвращении информационных войн».

В своем докладе Е. Н. Пашенцев предложил авторскую концепцию стратегической коммуникации в условиях глобализации общественных отношений. «Стратегическая коммуникация – это проецирование в массовое сознание государством (или межгосударственным объединением) определенных стратегических ценностей, интересов и целей путем адекватной синхронизации разносторонней деятельности во всех областях общественной жизни с ее профессиональным коммуникационным сопровождением. Эти ценности, интересы и цели могут каким-либо образом совпадать, сосуществовать, конкурировать, быть абсолютно противоположными и исключать друг друга. Если последнее происходит на национальном уровне, это свидетельствует о тяжелой болезни государства (мы не говорим здесь о его прогрессивности или реакционности, а о дееспособности и эффективности)».

В качестве вывода, докладчик говорит о необходимости совместной оптимизации стратегической коммуникации в современном мире вообще, и применительно к России, США и Китаю, в частности. «Требуются серьезные, по сути революционные, экономические, технологические, социальные, политические сдвиги, прежде всего в этих трех государствах с учетом их национальных особенностей, но в общих интересах преодоления угрозы новой мировой войны и достойного, демо-

кратического, прогрессивного развития всего человечества ... Для этого стратегическая коммуникация должна преодолеть свой во многом все еще пропагандистский уровень и стать не только и не столько элементом коммуникационного сопровождения внешней политики государства, но и равноправной составной частью управления внешнеполитической деятельностью, с соответствующим инструментариумом коммуникационного менеджмента, т. е. профессионального управления людьми посредством коммуникаций».

Доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН И. З. Фархутдинов рассмотрел вызовы международному праву, в значительной мере обусловленные недальновидной политикой ведущих государств мира. По мнению ученого, эта политика не в полной мере соответствует объективным процессам глобализации общественных отношений и создает проблемы на уровне международного права. В частности, было отмечено, что международное право, несмотря на вызовы, продолжает развиваться и способно регулировать международные отношения. В контексте поиска перспективного направления развития международного права И. З. Фархутдинов особо подчеркнул важность учета фактора современных общественных отношений и поддержал формирование Ассоциации глобальных исследований в сфере права.

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова М. Н. Марченко в своем докладе рассмотрел ключевые проблемы теории государства и права в условиях глобализации общественных отношений. Ученый отметил многоаспектность процесса глобализации и вытекающую отсюда необходимость рассмотрения вопросов глобализации права не только с международно-правовых позиций, но и с позиций теории государства и права, а также иных юридических наук.

Первой была обозначена проблема государственного суверенитета в условиях «стирания» границ государств глобализацией. По мнению М. Н. Марченко, в условиях укрепления международных связей и развития мирового сообщества государственный суверенитет устаревает и становится тормозом общественного развития. Это значит, что в современных условиях верховенство государства носит относительный характер. Формы государства также были названы дискуссионным вопросом, так как в современных условиях они «не срабатывают», поскольку «не отражают адекватно ту реальность, которая сложилась». Докладчик подчеркнул, что эти проблемы не формально-юридические, так как от их решения зависит эффективность и жизнестойкость государств и их объединений. Аудиторией с интересом были восприняты рассуждения о будущем государств, понимании права, взаимодействия правовых систем в условиях глобализации и перспективах формирования глобального права. В целом, несмотря на противоречивость и дискуссионность данной проблематики, М. Н. Марченко была отмечена необходимость поиска новых подходов в условиях новой реальности.

Кандидат юридических наук, доцент Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации» С. В. Иванеев выступил с докладом «Перспективы развития международного права в контексте влияния исламского фактора на ситуацию в Сирии и Ираке», поставив вопрос об эффективности норм и институтов международного права. Как отметил докладчик, «эти вопросы еще больше обостряются в контексте глобальных перспектив цивилизации, в очень значительной мере за-

висящих от возможности объединения человечества для решения глобальных проблем».

Затронув проблемы глобальной безопасности, С. В. Иванеев отметил, что «с трибуны Генассамблеи ООН из уст политиков ни разу не прозвучало предложения о построении в Сирии подлинно светского государства. Здесь следует отметить, что светскость является важнейшей характеристикой современного демократического правового государства, которое признает, гарантирует и защищает права и свободы человека и гражданина. Никакая силовая зачистка преступного режима ИГИЛ не способна изменить ситуацию, т.к. отсутствие режима светскости государства в Сирии и Ираке все равно приведет к очередному противостоянию между суннитами и шиитами».

Эксперт подчеркнул, что «нельзя заменять религиозно-окрашенной политикой реально необходимые цивилизации способы преодоления ее проблем. Такая порочная практика способна свести попытку разрешения социальных коллизий планетарного масштаба лишь к возникновению религиозных антипатий и противостояний, не имеющих принципиального значения для судеб человечества. Поэтому все возникающие конфликты должны разрешаться на светском уровне мирной дипломатии с подчинением международному праву. Представляется, что прогрессивное развитие международного права связано с необходимостью формирования норм, направленных на преодоление религиозных барьеров между людьми, народами и государствами. Для преодоления угроз в сфере глобальной безопасности необходимо, чтобы принцип светскости государства был закреплен на международно-правовом уровне».

Доктор философских наук, профессор Т. П. Минченко, представляющая Томский государственный педагогический университет, выступила с докладом «Концепция свободы совести в эпоху глобализации – основа диалога западной и исламской культур». Исследователь отметила противоречивый характер влияния процессов секуляризации и десекуляризации в условиях глобализации. «Это два взаимосвязанных, хотя и разнонаправленных вектора развития в современном мире: с одной стороны, снижение институционального влияния традиционных религий и отсутствие монополии на истину, внеинституциональные и виртуальные формы религии, квазирелигиозность, религиозный синкретизм и рост религиозного плюрализма, а с другой, – процессы ривайвализма и ресакрализации, столкновение разных слоев культур и традиций. Современные потоки стихийной миграции еще более обостряют данную проблему. Это порождает необходимость концептуального прояснения понятия свободы совести в новых условиях».

По мнению Т. П. Минченко, «модель эволюции свободы совести включает следующие этапы: 1) религиозная терпимость, существующая в конфессиональных государствах и предполагающая допущение на территории государства наряду с официальной религией существование иных вероисповеданий, обеспеченное законом, начиная с признания за представителями терпимых религий наиболее существенных гражданских прав и разрешение богослужения, отправляемого частным образом; 2) религиозная свобода, предполагающая признание за представителями существующих в государстве конфессий всех публичных прав и разрешение публичного характера богослужения; 3) свобода совести, защищающая как право верить, т.е. «теизм», так и право не верить, «атеизм»; право определяться и изменять содержание своих убеждений согласно только своей совести; право проявлять в той или иной публичной форме содержание своих убеждений или

религиозного самоопределения; 4) свобода мысли, совести и религии (мировоззренческая свобода)».

Отметив отсутствие единой трактовки религиозных прав человека и понятия религиозной свободы, докладчик уделила особое внимание проблеме интегрирования норм международного права о правах человека в исламское право. «Отсутствие общей концептуальной основы ведет к тому, что исламское общество ставится перед жестким выбором: либо стать на позицию фундаменталистов, призывающих к восстановлению исламских традиций и ориентации государства только на шариат, допуская при этом только ограниченную веротерпимость, либо идти за их оппонентами, выступающими за современные европейские представления о конституционализме и правах человека». Затронув проблему исламской концепции религиозной свободы, докладчик допустила возможность альтернативных современных интерпретаций шариата. «Такая концепция должна основываться на текстах Корана в современной интерпретации, а не на применении принципов шариата, созданных первыми поколениями мусульман, и не должна отказываться мировоззренческим основаниям иных концепций свободы совести или религиозной свободы в их истинности».

Доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом Российского государственного университета правосудия И. А. Умнова представила тезисы доклада на тему «Тенденции развития правовых систем и правоприменения в условиях глобализации угроз и вызовов миру и безопасности». Отметив роль права, как главного регулятора общественных отношений, исследователь подчеркнула, что «в эпоху глобализации происходит перестройка традиционных правовых систем в системы нового типа, внутри которых интенсивно формируются особые правовые комплексы как ответ угрозам и вызовам миру, безопасности, правам и свободам человека, устойчивому развитию и другим приоритетным общечеловеческим ценностям. Данные правовые комплексы можно обозначить как интегрированные, глобальные отрасли права, которые относятся к новому поколению отраслей в системе права. Интегрированная, универсальная природа таких отраслей права проявляется в том, что они одновременно охватывают нормы международного права и национального права. Нормы этих комплексов права развиваются как в международной, так и в национальных системах права, причем не только в связи с ратификацией международных договоров. Происходит конституционализация норм международного права, наполнение данными нормами законов, они вырабатываются через правовые позиции, содержащиеся в решениях международных и национальных судов».

Автор особо отмечает, что «по степени значимости новое поколение отраслей права относится к глобальному праву, так как оно предназначено для противодействия глобальным вызовам и угрозам человечеству. Такие отрасли права формируются в наше время как ответ вызовам и угрозам, и основу их развития, объект защиты составляют высшие ценности человека – мир, безопасность, окружающая среда, жизнь, физическое и духовное здоровье человека, стабильные экономические отношения и социальные отношения, основанные на концепции справедливости и устойчивого развития. Для глобальных отраслей права нового поколения характерно тесное соединение публичных и частных интересов при очевидном доминировании публичной значимости их правовых норм. Еще одна важная черта данных отраслей права заключается в том, что они предназначены для защиты не только традиционных субъектов публичного права (человек, государство, нация,

народ и пр.), но и таких особых субъектов, как человечество в целом и будущие поколения».

Далее были предложены три группы «глобальных отраслей (комплексов) права нового поколения: 1) сформировавшиеся, общепризнанные отрасли права (экологическое право, информационное право, право прав человека (гуманитарное право в широком значении) и др.); 2) интенсивно формирующиеся отрасли права (право мира, право безопасности, миграционное право, право устойчивого развития и др.); 3) обозначившие общие контуры своего развития и тяготеющие к дальнейшей универсализации отрасли права (например, экономическое (антикризисное) право, социальное право).

В качестве направления, где тенденция конвергенции норм международного и национального права проявляет себя наиболее ярко, И. А. Умнова называет «формирование на конституционном уровне механизмов противодействия вызовам и угрозам миру, безопасности и устойчивому развитию. Процессы конвергенции и универсализации публичного права способствовали расширению международно-правового и конституционного регулирования, интеграционному восприятию конституционного пространства, глобализации конституционализма и применению конституционных норм в совокупности с общими принципами права, общепризнанными принципами и нормами международного права, правовыми позициями конституционных и иных высших судов государств, правовыми позициями международных судов».

Обобщая вышеизложенное, И. А. Умнова отмечает, что «глобализация угроз и вызовов миру и безопасности существенно меняет системную роль права как регулятора общественных отношений. К таким тенденциям следует отнести: 1) формирование отраслей права нового поколения; 2) усиление конвергенции международного и национального права и 3) конституционализацию механизмов защиты высших ценностей человечества. Все три тенденции нацелены на повышение эффективности права как инструмента защиты человечества в условиях глобализации».

Целый ряд докладчиков представили доклады, посвященные различным аспектам прав человека в условиях глобализации общественных отношений, подчеркнув приоритетность соответствующих исследований в условиях глобализации права.

В частности, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского института государственного управления и права Аль Али Насер выступил с докладом «Права человека в контексте глобализации». Докладчик отметил глубокое воздействие процесса глобализации не только на экономику, но и на другие сферы международного сотрудничества, что включает в себя правовые и культурные аспекты, которые в полном объеме влияют на вопросы реализации прав человека. «События, происходящие в современном мире, свидетельствуют о многочисленных проблемах, связанных с грубым нарушением прав человека: это проблемы нищеты и бедности, международного терроризма, внутренних вооруженных конфликтов, диктаторских режимов, беженцев, роста исламского экстремизма, проблемы коренных народов и меньшинств в условиях глобализации».

Докладчик отметил несовершенство концептуальной, нормативной и институциональной базы международного права в сфере прав человека, особо подчеркнув, что в условиях глобализации международное сообщество должно крайне серьезно относиться к правам человека. «Необходимо предпринять меры для преодоления разрыва между развитыми

и развивающимися странами на социально-экономическом уровне: устранение голода, нищеты и неграмотности; предотвращение загрязнения окружающей среды и т.д. Необходимо также осознавать, что глобализация сопровождается существенными трансформациями социально-психологического состояния личности, углубляет противоречия, которые связаны с ее мировоззренческим кризисом; помимо прочего, вызывает идеологические противоречия ... В условиях глобализации большое значение для защиты прав и свобод человека имеет вопрос о реформировании механизмов защиты прав человека на универсальном и региональном уровнях».

Докладчик поддержал идею разработки Единой хартии прав человека, в которую следует включить положение об индивидуальных жалобах и отмене смертной казни, а также учреждение единого органа по правам человека, решения которого должны носить обязательный характер. Кроме того, для обеспечения эффективности механизмов защиты прав человека была отмечена необходимость реализации принципа верховенства права и реформирования ООН.

Кандидат юридических наук, доцент юридического института МПГУ Ю. В. Куракина представила доклад «Права человека в условиях глобализации: социокультурные особенности». Кандидат юридических наук, доцент юридического института МПГУ С. А. Афанасьева представила доклад «Свобода мысли и слова в период глобализации общественных отношений». Кандидат политических наук, доцент РАНХиГС при президенте РФ В. И. Камышанов представил доклад «Глобализация современного мира и ее воздействие на состояние гражданского общества и защиту прав человека». Кандидат юридических наук, доцент юридического института МПГУ И. В. Шишенина представила доклад «Права человека в современном мире». Студент Российского государственного университета правосудия А. А. Кальва представил доклад «Право на свободу совести в глобализирующемся мире». Студент юридического института МПГУ Д. М. Никитаев представил доклад «Перспективы прав человека в условиях глобализации».

Было особо отмечено, что реализация прав человека выступает объективной потребностью, вытекающей из современных глобализирующихся общественных отношений. В качестве еще одной крайне серьезной проблемы были указаны разделительные этноконфессиональные принципы, лежащие в основе национальных государств, и в значительной мере воспринятые международными организациями. Соответственно, закрепление и реализация принципов свободы совести и светскости (мировоззренческого нейтралитета) государства были обозначены в качестве важнейших условий снижения накала политических конфликтов на этноконфессиональной почве.

Ряд актуальных докладов был посвящен проблемам глобализации в сфере экономических отношений.

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экономического и финансового права учреждения образования «БИП-Институт правоведения» (Беларусь) О. Г. Станкевич выступила с докладом «Глобализация экономики и проблема регулирования экономических отношений».

По мнению эксперта, «экономика, являясь ведущей сферой глобализации, охватывает чрезвычайно сложные экономические связи, эффективное правовое регулирование которых – одна из трудноразрешимых задач современности. Определенно положительное влияние глобализации на экономическое развитие отдельных государств сопровождается и отрицательными последствиями, возникающими как в национальных экономиках (в силу неравных стартовых условий, неравной подготовленности к глобальной конкуренции), так и

в иных сферах общественной и государственной жизни, в национальных правовых системах ... Экономическое развитие закономерно отличается неравномерностью, многовариантностью и вероятностным характером, ему сопутствуют случайность и стихийность. В реальности экономические процессы не могут проявляться однозначно, они являются результатом сложного взаимодействия целого комплекса постоянно усложняющихся условий и факторов. Сложность конкретной экономической действительности заставляет законодателей на национальном уровне упрощать эту действительность, абстрагироваться от множества ее взаимосвязей и особенностей. Глобализация экономической жизни еще более затрудняет правовое регулирование экономических отношений. Постоянно развивающееся международное движение товаров, капиталов, технологий, информации объективно требует принятия взвешенных решений в сферах внутренней и внешней экономической политики. С одной стороны, национальное экономическое законодательство должно исходить из необходимости согласования действий государства по регулированию экономических отношений с экономической политикой стран-партнеров по хозяйственным связям. С другой стороны, оно должно закреплять и охранять национальные экономические интересы».

В конечном итоге, по мнению О. Г. Станкевич, «глобализация расширяет возможности изучения и заимствования позитивного правового опыта зарубежных государств, имеющих развитую устойчивую систему экономических отношений. Процесс такого заимствования не может быть простым и однозначным. Но его разумное осуществление может способствовать ускорению экономического развития, сокращению отдельных этапов реформирования экономической системы без существенных потерь для общества».

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Московского финансово-промышленного университета «Синергия» Н. И. Шаповалов выступил с докладом «Унификация правовых систем как инструмент глобализации мировых экономических отношений». Докладчик отметил, что процесс глобализации оказал кардинальное влияние на структуру международных отношений, изменил систему межгосударственных отношений и подтолкнул к развитию международного права. «Если в начале века национальные экономики шли по пути интенсивного развития в пределах государственных границ, то конец Второй мировой войны и исчерпание возможностей интенсивного развития подтолкнули экономику к преодолению государственных границ, к процессу ее глобализации через интеграцию. Процессы глобализации, прежде всего, затрагивающие экономическую составляющую, постепенно трансформируют экономики отдельных государств в целостную экономическую систему, где национальные экономики становятся составными элементами единого наднационального хозяйственного организма, а их будущее определяется ходом развития этого организма как единого целого. Сегодня это явление следует рассматривать как закономерность, подтвержденную сложившимися современными международными экономическими отношениями».

Затронув проблему европейской интеграции, эксперт отметил этот опыт как «наиболее показательный с точки зрения многомерности развития и интенсивности деятельности», который следует рассматривать «как механизм реализации не только национальных интересов государств-членов, но и их сближения, унификации правовых систем и возможного слияния. Данный аспект, способен непосредственным образом

оказать воздействие на дальнейший ход международных отношений».

В качестве важнейших проблем и перспектив международного права были отмечены вопросы о формах осуществления государственного суверенитета в сфере международного общения, приоритет международного права, политические, а не силовые методы решения конфликтов, а также проблема безопасности на основе укрепления коллективных начал в мировой политике.

Различные аспекты глобализации права и влияния данного процесса на правовую систему России были рассмотрены в докладах следующих ученых: к.ю.н., доцент МГПУ, Е. А. Крупеня (доклад «Статусное публичное право в условиях глобализации и интеграции национальных правовых систем и международного права»); д.ю.н., профессор МГПУ, Д. А. Пашенцев (доклад «Особенности влияния глобализации на развитие правовой системы России»); к.ю.н., профессор МГПУ, В. А. Северухин (доклад «Системные проблемы государства в условиях глобализации»); к.ю.н., доцент МГПУ, М. В. Токмовцева (доклад «Международные договоры и соглашения как источники правового регулирования внешней торговли стран Евразийского экономического союза»); к.ю.н., старший преподаватель СГА Л. А. Андреева (доклад «Проблемы рейдерства в контексте международного публичного и частного права»).

На заключительном пленарном заседании Конгресса было объявлено об инициативе по созданию Ассоциации глобальных исследований в сфере права, выдвинутой участниками секции «Перспективы развития международного права в контексте глобализации общественных отношений».

В частности, участники секции заявили об актуальности формирования и развития академической дискуссионной среды по проблематике глобальных исследований в сфере права и перспективам формирования глобального права.

В качестве цели создания Ассоциации была названа необходимость формирования теоретико-правовой и нормативной базы, направленных на решение глобальных проблем и переход к устойчивому развитию человеческой цивилизации.

Наряду с обозначенной выше целью, среди задач Ассоциации указаны следующие основные задачи, реализация которых будет способствовать обновлению теоретических и практических знаний, расширению квалификации участников образовательного процесса, международного и межгосударственного сотрудничества, в соответствии с требованиями современных общественных отношений и социальных условий, а также с учетом эволюции международно-правовых принципов и норм:

- организация, координация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в условиях формирования глобального права;
- исследование актуальных вопросов глобального права в области науки и высшего образования;
- использование научных результатов глобальных исследований в сфере права в правоприменительном, правотворческом, законопроектном и образовательном процессах;
- формирование нормативно-правовой основы для глобальной системы управления;
- формирование научно-теоретической и нормативной базы глобальной юриспруденции по правам человека.

Среди форм научно-исследовательской деятельности Ассоциации были указаны:

- написание монографий, научных статей, курсов лекций, научно-практических пособий;

- подготовка и проведение научных мероприятий: конференций, семинаров, круглых столов;

- обобщение и анализ судебной практики, судебной статистики;

- выполнение договорных научно-исследовательских работ;

- выполнение научно-исследовательских работ по грантам;

- подготовка рецензий на монографии, научные статьи, сборники научных трудов, отзывов на диссертации и их авторефераты;

- подготовка и повышение квалификации научных и научно-педагогических кадров;

- научно-исследовательская работа со студентами;

- взаимодействие с российскими, иностранными и международными организациями и научными центрами.

Как отмечается в заявлении инициативной группы, «в конечном итоге, деятельность Ассоциации глобальных исследований в сфере права будет способствовать формированию теоретико-правовой и нормативной базы для поиска научно обоснованных решений комплекса глобальных проблем и перехода к устойчивому развитию человеческой цивилизации».

Участники секции выразили признательность за высокий уровень организации Конгресса руководству Факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова в лице декана, д.п.н., профессора И. В. Ильина и заместителя декана по международному сотрудничеству, к.п.н. А. С. Розанова.

Семенова Н. С., Киселева Е. В.
КРУГЛЫЙ СТОЛ «КОНЦЕПЦИЯ СЕМЬИ В СВЕТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА» МОСКВА, 30 ОКТЯБРЯ 2015 Г.*

Ключевые слова: семья, международное право, традиционные ценности, однополые союзы, православная культура, массовая культура.

Semenova N. S., Kiseleva E. V.
ROUND TABLE «THE CONCEPT OF THE FAMILY IN THE LIGHT OF TRADITIONAL VALUES AND INTERNATIONAL LAW», MOSCOW, OCTOBER 30, 2015.

Keywords: family, international law, traditional values, same-sex unions, Orthodox culture, mass culture.

30 октября 2015 года в Российском университете дружбы народов в рамках второго этапа XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения» кафедрой международного права был организован круглый стол на тему: «Концепция семьи в свете традиционных ценностей и международного права». Следуя традициям кафедры¹, в заседании приняли участие ученые, аспиранты, студенты из различных вузов России и зарубежных стран. По традиции участниками круглого стола стали не только юристы-международники, но также богословы, психологи, политологи, социологи и иные специалисты.

Целью круглого стола являлось обсуждение актуальных вопросов концепции семьи в свете традиционных ценностей, национального и международного права: концепция семьи, концепция традиционных ценностей, эволюция понятия «гендер» как правовой категории в XXI веке, механизмы международно-правовой защиты традиционных ценностей в рамках ООН и других международных организаций, позиция Российской Федерации в отношении традиционных ценностей на международном уровне, вопросы, касающиеся неприемлемой практики легализации однополых союзов, усыновление детей однополыми парами в отдельных странах и другие.

Основная задача круглого стола заключалась в продвижении позиции Российской Федерации по поддержке традиционных ценностей.

С приветственной речью к участникам круглого стола обратился заведующий кафедрой международного права юри-

* "Круглый стол проведен и настоящая статья подготовлена в рамках реализации гранта РГНФ «Гендерные аспекты международно-правовой защиты традиционных ценностей» (проект №14-33-01040)."

1 См., например: Абашидзе А.Х., Гугунский Д.А., Киселева Е.В., Солнцев А.М. Блищенковские чтения 2013. XIII Международный конгресс «Блищенковские чтения» (Москва, 11 апреля 2015 г.) // Евразийский юридический журнал. – М.: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2015, № 4 (83). С. 264–267; Абашидзе А. Х., Гугунский Д. А., Солнцев А. М. Блищенковские чтения – 2014: XII Ежегодная международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного международного права», посвященная памяти профессора И. П. Блищенко (г. Москва, 11–12 апреля 2014 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2014, №3. – С. 144–149; Абашидзе А. Х., Гугунский Д. А., Киселева Е. В., Солнцев А. М. Блищенковские чтения 2013. XI ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного международного права», посвященная памяти профессора И. П. Блищенко (г. Москва, 12–13 апреля 2013 г.) // Евразийский юридический журнал. – М.: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2013, № 5. С. 148–157 и др.

Семенова Н. С.

Киселева Е. В.

дического института РУДН, Вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет), Председатель Комиссии международного права Российской Ассоциации содействия ООН Аслан Хусейнович Абашидзе. Профессор А. Х. Абашидзе коснулся значения понятий «семья», «традиции», «ценности» с позиций международного права, особенно в свете своей работы в договорном органе ООН. В частности, эксперт сказал о работе Комитета над документом о репродуктивном здоровье и сомнительных положениях касательно «сексуального» здоровья и «сексуальных» прав, которые лоббируются для включения в него; напомнил о необходимости не забывать положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г. о том, что люди не только «рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», но и «наделены разумом и совестью» и не должны стремиться регулировать правом интимные вопросы частной жизни.

Особым почетным гостем круглого стола стал ректор Московской духовной академии, председатель Учебного комитета Русской Православной Церкви архиепископ Верейский Евгений.

Владыка выступил с докладом на тему: «Семья в свете традиционных православных ценностей», в рамках которого он, в частности, отметил, что «Россию с полной уверенностью можно назвать страной православной культуры. По данным опросов, 75% россиян причисляют себя к православным христианам. Но в то же самое время наша страна занимает одно из первых мест в мире по таким параметрам как число разводов, количество аборт, число детей, брошенных родителями, число сирот. Складывается парадоксальная ситуация: страна с самой богатой православной культурой переживает глубочайший семейный кризис. Налицо полное несоответствие реальных жизненных установок, по которым наши сограждане строят свою семейную жизнь, с нормами той культуры, к которой они себя причисляют...

Русь приняла христианство от Восточной Римской империи – Византии, где была уже сложившаяся культура семьи,

Работа круглого стола

построенная на христианских началах, но вместе с тем несущая на себе отпечатки античной культуры.

Новое отношение к браку в христианстве с самого начала дало мощный импульс к преобразению института семьи. В первую очередь, это сказалось на роли женщины в семье. Христианство учило смотреть на женщину не как на средство удовлетворения животного инстинкта, а как на сонаследницу благодатной жизни во Христе (1 Пет. 3:7). Перед Богом все равны, ибо во Христе нет мужского пола, ни женского (Гал. 3:28). Все это весьма способствовало возвышению женщины. Тем не менее, онтологическое равенство мужчины и женщины не породило полного равенства их в семье и обществе, поскольку христианство не упраздняет семейной и социальной иерархии. Главной ролью женщины всегда считалась роль жены, матери и хранительницы домашнего очага. Участие женщины в общественной жизни было более опосредованным, но оттого не менее значимым.

Христианство немедленно начало бескомпромиссную борьбу против институтов многоженства, сожительства, наложничества и других извращений семейной жизни, многие из которых считались нормой в языческой среде. В это трудно поверить сегодня, но сам институт современной семьи, в основе которой лежит союз одного мужа и одной жены, является одним из величайших завоеваний именно христианской цивилизации. Нравственные обязанности в отношении семьи считались общеобязательными для всех, не исключая императорских семей. Случаи нарушения этих правил всегда воспринимались народным сознанием тем болезненнее, чем выше место в социальной иерархии занимало лицо, их совершающее...

В православной культуре, где главными семейными ценностями являются вера, любовь, жертвенность, стремление ко спасению, целомудрие, идеалом является крепкая, дружная семья, все члены которой жертвенно любят друг друга и служат друг другу в любви. В такой семье не может быть и речи о супружеской измене. Высоким идеалам любви противоречит сама идея о возможности убийства зачатого младенца (аборта) или и об уклонении от деторождения в любой форме, исключая случаи, когда родители принимают решение о взаимном

воздержании ради подвигов богоугождения. С точки зрения православных ценностей, уклонение от создания семьи в случае, если на него идут не ради высшей цели – служения Богу в безбрачии – является уклонением человека от пути спасения...

Большим препятствием к оздоровлению семейного климата становится массовая культура и влияние средств массовой информации, которые пропагандируют установки, совершенно противоположные нашим традиционным ценностям. В условиях, когда большинство детей лишены позитивного примера в своих собственных семьях, а в школах отсутствует семейное воспитание, влияние массовой культуры на подрастающее поколение становится поистине катастрофическим.

И все же главным кризисом семьи мы считаем кризис мировоззренческий. Современный человек, потерявший веру, полагает смысл своей жизни в наслаждении, в достижении земного счастья. Но даже этого земного счастья в семье человек не может получить, если воспринимает семью как совместный поиск удовольствий, а не как крестоношение и подвиг любви к ближнему. Парадоксально, но счастье в семье возможно только в том случае, когда каждый из супругов стремится сделать счастливым другого, а не самого себя.

Кризис семьи также является кризисом потери смысла жизни. Если человек не видит смысла в собственном существовании, то бессмысленность бытия лишает его тяги к жизни. Человек не хочет стремиться ни к личному бессмертию (достигаемому в Боге), ни к бессмертию родовому в своих детях (откуда нежелание рожать детей), ни – что парадоксально – даже к личному земному благополучию, губя себя алкоголизмом, наркоманией, игроманией, нежеланием трудиться и проч....

Сегодня перед обществом стоит новый вызов, идущий с Запада – отрицание самих основ библейского понимания пола. Уже на законодательном уровне отрицается понимание семьи как союза мужчины и женщины. Новые гендерные теории, широко и с успехом воплощаемые на практике с использованием новейших технологий, имеют своей целью полное уничтожение семьи как таковой. Только полная мобилизация всех здоровых сил нашего общества может спасти мир от катастрофы.

Все наше общество сегодня должно направить свои усилия на поддержание здоровых семей, на пропаганду традици-

онных семейных ценностей вне их отрыва от проповеди Евангелия, на создание привлекательного образа семейной жизни. Только здоровая крепкая семья дает нашему народу шанс на выживание в настоящих условиях внешнего и внутреннего давления на наше Отечество»²

Доклад нашел живой отклик, выразившейся в многочисленных вопросах и оживленной дискуссии, например, о том, меняется ли позиция Церкви по вопросам семьи вслед за веяниями времени или нет? Каким образом Церковь относится к межрелигиозным бракам? И многие другие.

Следующий докладчик, которым стал доцент Академии управления МВД России, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, консультант Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества, кандидат юридических наук, академик Всемирной академии наук Комплексной безопасности, полковник внутренней службы в отставке протоиерей Андрей Хвьяля-Олинтер, осветил правовые и иные аспекты влияния русофобии на институт семьи в России, используя очень информативную презентацию.

Особый интерес и дискуссию вызвал доклад доцента кафедры международного права юридического института РУДН, кандидата юридических наук, доцента Алисиевич Екатерины Сергеевны на тему: «Трансформация правовых позиций Европейского суда по правам человека при определении понятий «семья» и «семейная жизнь»: эволюция или деградация?». Выступающая рассказала о том, как менялась позиция Суда, например, относительно понятия «уважения» (прав человека со стороны государства): если в начальный период это значило лишь невмешательство, то позднее – позитивные действия. Доцент Е. С. Алисиевич подробно остановилась на том, как трансформировалось понимание Судом частной и семейной жизни: если до рубежа тысячелетий, однополые отношения рассматривались как элемент частной жизни, то позднее стали включаться в концепцию «семейной жизни». Особую роль в рассматриваемом контексте получило толкование «фактически существующих семейных отношений». Первоначально эта концепция использовалась для защиты детей, рожденных вне брака, но с течением времени стала тем логичным и правовым средством, которое Суд стал использовать и для защиты «семейных» прав однополых пар. Кроме этого, если долгое время Суд уважал широту усмотрения государств в вопросах семьи и брака, то в дальнейшем он стал весьма ограничительно применять ее, например, требуя «очень серьезного обоснования» для проведения различий в обращении, в том числе, между гетеро- и гомосексуальными парами. Среди вопросов, заданных докладчику, были, например, такие: насколько правомерно эволютивное толкование Судом отдельных положений, где границы нормального эволюционного толкования и судейского активизма? Насколько правомерно Суду отходить от своей осторожной позиции по вопросам, по которым консенсус между государствами еще не сложился, к активному навязыванию позиции меньшинства? Есть ли у Суда критерии для установления баланса между частными и публичными интересами?

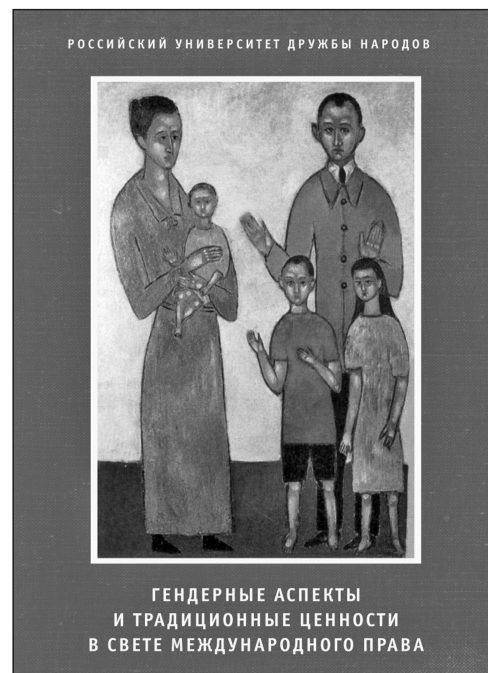
В рамках круглого стола выступили также студенты и аспиранты. Так, аспирант кафедры международного права юридического института РУДН из Словакии Ондрейчик Михал рассказал об отношении к традиционным семейным ценностям в его стране, о влиянии политики Евросоюза по продвижению нетрадиционных ценностей на общественное

мнение, а также о закреплении соответствующих тенденций на правовом уровне. Активное участие в дискуссии принимали преподаватели кафедры международного права: доценты Аду Йо Никез, Ф.Р. Ананидзе, В.И. Блищенко и др.

Завершил выступления докладчиков магистрант Московского психолого-педагогического университета Оганесян Хачатур с докладом на тему: «Семья Николая II как пример христианского благочестия», пригласив всех участников круглого стола посетить выставку, посвященную данной теме, которая проходит в настоящее время по адресу: ул. Фридриха Энгельса, д. 38.

В заключение ведущая круглого стола – руководитель гранта РГНФ «Гендерные аспекты международно-правовой защиты традиционных ценностей» (проект №14-33-01040), кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Семенова Наталия Сергеевна подарила гостям сборник докладов двух аналогичных круглых столов, проведенных в прошлом году³, и подвела итоги круглого стола, пригласив всех участников на очередной V круглый стол по теме гранта, который состоится в апреле 2016 года в рамках XIV Международного конгресса «Блищенковские чтения».

Кафедра международного права Российского университета дружбы народов благодарит всех, кто принял участие в круглом столе и внес свой посильный вклад в то, чтобы данное мероприятие стало интересным и полезным во всех отношениях.

3 Гендерные аспекты и традиционные ценности в свете международного права: Материалы круглых столов 12 апреля и 10 октября 2014 г. в рамках XII ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко / Под ред. А. Х.Абашидзе, Н. С. Семеновой, Е. В. Киселевой, Е. С. Алисиевич. М.: Покров ПРО, 2015. – 240 с.

2 Полный текст доклада будет опубликован в сборнике материалов круглого стола.

**ПОЗДРАВЛЕНИЕ С 25-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ПРИДНЕСТРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Т. Г. ШЕВЧЕНКО**

**CONGRATULATIONS WITH THE 25TH ANNIVERSARY OF THE FACULTY OF LAW
OF THE T. G. SHEVCHENKO TRANSDNIESTRIAN STATE UNIVERSITY**

Уважаемый Илья Александрович!

Сердечно поздравляем Вас и весь коллектив юридического факультета Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко с 25-летием образования факультета! С момента своего основания коллективом Факультета был задан высокий уровень работы, который Вы поддерживаете до настоящего времени. Именно он позволяет подготовить профессиональных специалистов, которые работают в самых разных направлениях юриспруденции. Выпускников Факультета, помимо высокой квалификации, отличают широта и универсальность образования, преданность принципам законности и делу защиты прав и интересов человека и гражданина, глубокая порядочность и высокая нравственность. Желаем вам на многие годы вперед новых творческих удач, научных достижений и профессиональных побед, крепкого здоровья, оптимизма и хорошего настроения, счастья и процветания!

Главный редактор международного
научно-практического
юридического журнала
Евразийский юридический журнал

И. З. Фархутдинов

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. № 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунок должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АБАКАРОВА Рабият Шамсудиновна – методист налогового факультета Дагестанского государственного университета народного хозяйства.

АБАКУМОВА Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и предпринимательства Института государства и права Тюменского государственного университета.

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам.

АБДУЛАЗИЗОВА Патимат Гасановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АБДУЛМУСЛИМОВА Лейла Гусейновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АБРАМОВА Светлана Радиковна – ведущий специалист учебно-методического отдела Башкирского государственного университета.

АБУКАРОВА Майрям Узеровна – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АГАФОНОВА Татьяна Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права Ростовского государственного экономического университета.

АГЗАМОВ Ильдар Марсович – доктор юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

АЗИЗОВА Виктория Тимуровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права юридического факультета Дагестанского государственного университета.

АЗИЗОВА Пасихат Магомедовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АЛУШАЕВА Венера Рафкатовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Башкирского государственного университета.

АЛИВЕРДИЕВА Маина Эмировна – аспирант Государственного университета правосудия.

АЛИЕВ Хабибуда Омарович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АЛЬ-БАИТИ Мухтара Авад Абдулла – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Дагестанского государственного университета.

АНБРЕХТ Татьяна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и предпринимательства Института государства и права Тюменского государственного университета.

АРУТЮНЯН Марина Самвеловна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

АТАЕВА Патимат Атавовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АХМЕТШИН Руслан Александрович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

БЕЙБУТОВА Аида Маликовна – кандидат медицинских наук, доцент Южного федерального университета, филиал в г. Махачкале.

БЕКИШИЕВ Абибула Алибекович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

БЕНИНА Лариса Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета.

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Воронежского государственного университета.

БИСУЛТАНОВ Асланбек Камаудинович – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

БОНДАРЕНКО Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

БОРГОЯКОВ Александр Сергеевич – магистр кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

БУДАНОВ Николай Викторович – аспирант кафедры политологии и социальной политики Российского государственного социального университета.

БУРЬЯНОВ Сергей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека Юридического института Московского городского педагогического университета.

БЫШКОВ Павел Анатольевич – кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Российского университета дружбы народов.

ВАХИТОВА Гузель Валериевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета.

ВИДИНЕЕВ Денис Игоревич – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

ВИЛЬДАНОВ Руслан Раисович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории и культурологии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ВОРОБЬЕВ Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

ГАЗИМУЛЛИН Ильмир Юнирович – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, подполковник полиции.

ГАЛЕЕВА Нелли Наильевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ГАРЕЕВА Земфира Анисовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ГЕЛЕРАНСКИЙ Петр Сергеевич – кандидат политических наук, докторант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

ГИЗАТОВА Рания Рамильевна – аспирант кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ГИНДУЛЛИН Наиль Фанильевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ГИНИЯТУЛЛИНА Диана Разимовна – магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ГРИШИН Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.

ГУДОШНИКОВА Ольга Евгеньевна – аспирант кафедры политологии и социальной политики Российского государственного социального университета.

ГУСЕЙНОВ Амирджан Ахмедович – преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ГУСЬКОВ Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

ДАВЛЕТШИНА Лилия Салиховна – старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ДАЗМАРОВА Татьяна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

ДАЛЛАКЯН Галия Рашитовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ДЖАБИ Гюльшан Забитовна – докторант Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики.

ДИБИРГАЗИЕВА Рукият – магистрант 2-го года обучения кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета.

ДИДИКИН Антон Борисович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Новосибирске.

ЕПИФАНОВ Олег Станиславович – кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, полковник внутренней службы.

ЗАЙДОВА Манарша Усманхановна – старший преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ЗАЛИБЕКОВА Дайганат Залибековна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ЗАМЯТИН Павел Васильевич – аспирант кафедры политологии и социальной политики Российского государственного социального университета.

ЗВЕРЕВ Андрей Владимирович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного и финансового права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

ИБРАГИМОВА Ханича Алибуттаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ИВАНОВА Ксения Алексеевна – кандидат юридических наук кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета.

ИЗЮМОВ Игорь Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры социологии Тюменского государственного нефтегазового университета.

ИЛИКЕЕВА Юлия Айдаровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры права Башкирского государственного университета.

КАДЫРОВА Гузель Фанилевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

КЕБУРИЯ Кристина Отаровна – аспирант кафедры международного права юридического факультета Российского университета дружбы народов.

КИЛИМБАЕВ Роман Валерьевич – преподаватель кафедры организации режима и надзора в уголовно-исполнительной системе Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

КИРЕЕВА Ольга Александровна – доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.

КИСЕЛЕВА Екатерина Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

КЛЮКАНОВА Лариса Геннадьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовой охраны окружающей среды юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

КНЯЗЕВА Ольга Викторовна – магистрант 2 года обучения Уфимского государственного нефтяного технического университета.

КОЖЕНКО Яна Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Ростовского государственного экономического университета.

КОНЕВА Александра Евгеньевна – ассистент кафедры международного права Российского университета дружбы народов, аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов, магистр по правам человека и демократизации (Европейский междууниверситетский центр по правам человека и демократизации, Венеция, Италия).

КРАЙНОВА Анна Евгеньевна – аспирант кафедры права Института управления и безопасности предпринимательства Башкирского государственного университета.

КРАСНОЯРОВА Надежда Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и международного права Института государства и права Тюменского государственного университета.

КРОТОВ Андрей Владиславович – кандидат юридических наук, докторант Южного федерального университета.

КРЮКОВ Владислав Валерьевич – аспирант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии.

КУНБУТАЕВ Тимур Нурул-Исламович – аспирант кафедры менеджмента, председатель по делам молодежи Дагестанского государственного института народного хозяйства.

КУРБАНОВА Диана Нурмагомедовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич – кандидат политических наук, преподаватель кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ЛЯГИНА Елена Витальевна – преподаватель Великолукского филиала Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, советник юстиции.

МАГОМЕДОВА Рисалат Магдибеговна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

МАГОМЕДРАСУЛОВА Раисат Багадуровна – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

МАМЛЕЕВ Радик Римлянович – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

МАМЛЕЕВА Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

МЕЛЬНИК Сергей Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. В. Лукьянова, подполковник полиции.

МИНЕНКО Сергей Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры социальных, гуманитарных и правовых дисциплин Дзержинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

МОРИН Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

МОРОЗОВА Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета, судья Третьего арбитражного апелляционного суда.

МУСАЕВА Асма Гаджиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-прикладных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

МУСИНА Лилия Миннегаяновна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан.

МУХАМЕТЬЯНОВА Альбина Рифкатовна – магистрант кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.

НАДТАЧАЕВ Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, полковник полиции.

НАЗАРЯН Гурген Саркисович – аспирант кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.

НЕДИЛЬКО Юлия Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета.

НИКУРАДЗЕ Наталья Олеговна – аспирант кафедры уголовного права и процесса Оренбургского государственного аграрного университета.

НУГУМАНОВ Азат Римович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

НУРМАГОМЕДОВ Идрис Гаджимусаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

НУРМУХАМЕТОВА Ирина Фасхутовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Башкирского государственного университета.

НУРУЛЛОВ Айрат Абдулрасыхович – аспирант кафедры гражданского права и гражданского процесса Академии социального образования г. Казани; начальник отдела – старший судебный пристав Отдела судебных приставов № 3 г. Набережные Челны Управления Федеральной службы судебных приставов по Республике Татарстан.

ОМАРОВА Зухра Нартбиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ПИРОВА Рена Низамиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ПИТЕЦКИЙ Вадим Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета.

ПОВАЛОВ Кирилл Александрович – аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

ПОПОВ Кирилл Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры информационной безопасности Башкирского государственного университета.

- РАБИНОВИЧ Евгений Иосифович** – старший научный сотрудник Института социологии РАН.
- РАГУЛИНА Индира Тагировна** – научный сотрудник Евразийского научно-исследовательского института проблем права, адвокат.
- РОМАНОВА Дарья Юрьевна** – аспирант кафедры политологии и социальной политики Российского государственного социального университета.
- РОМАШИН Игорь Владимирович** – аспирант кафедры международного частного права Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина, юрист, корпоративный адвокат.
- РОМАШИН Эдгар Сергеевич** – юрисконсульт ЗАО «Квантум».
- САИДОВА Марина Загидовна** – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Дагестанского государственного педагогического университета.
- САФИН Фаиль Габдуллович** – заведующий отделом этнополитологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.
- САФИНА Резеда Раисовна** – доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.
- СЕМЕНОВА Наталия Сергеевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- СИДОРОВА Анна Викторовна** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета.
- СОЛНЦЕВ Александр Михайлович** – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов.
- СТРУКОВ Константин Викторович** – аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.
- ТИТОВА Татьяна Викторовна** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.
- ТРЕТЬЮХИН Михаил Вячеславович** – аспирант кафедры политологии и социальной политики Российского государственного социального университета.
- ТРОЦЕНКО Оксана Сергеевна** – магистр частного права, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой предпринимательского права Уральского государственного экономического университета.
- ФАРХУТДИНОВ Руслан Дамирович** – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия.
- ХАБИБУЛЛИН Ильгам Зульфорович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры права Института управления и безопасности предпринимательства Башкирского государственного университета.
- ХАЛИКОВА Эльвира Анваровна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.
- ХАРИТОНОВ Антон Павлович** – магистрант кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета.
- ХЛГАТЯН Арменуи Григорьевна** – аспирант кафедры международного и европейского права Российского университета дружбы народов.
- ЧЕГОВАДЗЕ Людмила Алексеевна** – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации им. М. М. Сперанского.
- ЧИКИРЕВА Ирина Павловна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и предпринимательства Тюменского государственного университета.
- ЧУГУНКОВ Пётр Иванович** – студент 4 курса Юридической школы Дальневосточного Федерального университета.
- ЧУПАНОВА Анжела Чупановна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права юридического факультета Дагестанского государственного университета.
- ШАМСУТДИНОВ Ринат Рустемович** – студент Института управления и безопасности предпринимательства Башкирского государственного университета.
- ШАХБАНОВА Хадижат Магомедовна** – старший преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ШЛЯХТИН Игорь Сергеевич** – аспирант кафедры гражданского права и процесса Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, юрист общества с ограниченной ответственностью «Ритейл Хотлайн».
- ШМАКОВ Роман Валерьевич** – старший преподаватель кафедры государственного, муниципального права и управления Коломенского института (филиала) Московского государственного машиностроительного университета.
- ЮСУПКАДИЕВА Садикат Нурмагомедгаджиевна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.
- ЯМАЛИТДИНОВ Айрат Айдарович** – старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ABOUT THE AUTHORS

- ABAKAROVA Rabiya Shamsutdinovna** – Methodist of the Tax Faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- ABAKUMOVA Olga Aleksandrovna** – Ph.D. in Law, associate professor of Labour Law and Entrepreneurship sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University.
- ABASHIDZE Aslan Huseynovich** – Ph.D. in Law, professor, Head of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia, Vice-Chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights.
- ABDULAZIZOVA Patimat Gasanovna** – Ph.D. in Law, associate professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- ABDULMUSLIMOVA Leila Guseinovna** – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- ABRAMOVA Svetlana Radikovna** – senior specialist of Educational department of the Bashkir State University.
- ABUKAROVA Maryam Uzerovna** – lecturer of State Law disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- AGAFONOVA Tatyana Petrovna** – Ph.D. in Philosophy, associate professor of Civil and Criminal Law sub-faculty of the Rostov State Economic University.
- AGZAMOV Ildar Marsovich** – Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and Legal Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- AKHMETSHIN Ruslan Rimovich** – Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative and Legal Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- ALBAITI Muhtara Avad Abdulla** – postgraduate student of the Criminal Law and Criminology sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- ALGUSHAEVA Venera Rafkatovna** – Ph.D. in Pedagogy, associate professor of General Psychology sub-faculty of the Psychological Faculty of the Bashkir State University.
- ALIEV Khabibula Omarovich** – Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- ALIVERDIEVA Maina Amirovna** – postgraduate student of the State University of Justice.
- ANBREKHT Tatyana Anatolievna** – Ph.D. in Law, associate professor of Labour Law and Entrepreneurship sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University.
- ARUTYUNYAN Marina Samvelovna** – Ph.D. in Law, associate professor of Civil Law Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- ATAEVA Patimat Atavovna** – Ph.D. in Historical Sciences, associate professor of Humanitarian Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- AZIZOVA Pasikhat Magomedovna** – Ph.D. in Historical Sciences, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- AZIZOVA Victoriya Timurovna** – Ph.D. in Law, associate professor of Theory of State and Law sub-faculty of the Dagestan State University.
- BEIBUTOVA Aida Malikovna** – Ph.D. in Medical Sciences, associate Professor of the Southern Federal University, branch in the city of Makhachkala.
- BEKISHIEV Khabibula Alibekovich** – Ph.D. in Historical Sciences, associate professor of Humanitarian Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- BENINA Larisa Ivanovna** – Ph.D. in Philosophy, associate professor of Philosophy and Political Science sub-faculty of the Bashkir State University.
- BIRYUKOV Pavel Nikolaevich** – Ph.D. in Law, professor, Head of International and European Law sub-faculty of the Voronezh State University.
- BISULTANOV Aslanbek Kamaudievich** – postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.
- BONDARENKO Alexandr Viktorovich** – Ph.D. in Philosophy, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.
- BORGOYAKOV Alexandr Sergeevich** – magister of International Law sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
- BUDANOV Nikolay Viktorovich** – postgraduate student of Political Science and Social Policy sub-faculty of the Russian State Social University.
- BURYANOV Sergey Anatolyevich** – Ph.D. in Law, associate professor of International Law and Human Rights sub-faculty of the Law Institute of the Moscow City Pedagogical University.
- BYSHKOV Pavel Anatoljevich** – Ph.D. in Law, Ph.D. in Historical Sciences, associate professor of Land and Environmental Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.
- CHEGOVADZE Lyudmila Alekseevna** – Ph.D. in Law, professor of Civil Law and Procedure sub-faculty of the Law faculty of M. M. Speranskiy Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
- CHIKIREVA Irina Pavlovna** – Ph.D. in Law, associate professor of Labour Law and Entrepreneurship sub-faculty of the Tyumen State University.
- CHUGUNKOV Petr Ivanovich** – 4th year student of the Law school of the Far Eastern Federal University.
- CHUPANOVA Andzela Chupanovna** – Ph.D. in Law, associate professor of Theory of State and Law sub-faculty of Law faculty of the Dagestan State University.
- DALLAKYAN Galiya Rashitovna** – Ph.D. in Philosophy, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.
- DAVLETSHINA Liliya Salikhovna** – senior lecturer of Criminalistics sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- DAZMAROVA Tatyana Nikolaevna** – Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and Financial Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

ABOUT THE AUTHORS

DIBIRGAZIEVA Rukiyat – graduate student of the 2nd year study of Criminal Process and Criminology sub-faculty of the Dagestan State University.

DIDIKIN Anton Borisovich – Ph.D. in Law, Head of State and Law disciplines sub-faculty of the branch of Saint-Petersburg Institute of Foreign Affairs, Economics and Law in the city of Novosibirsk.

EPIFANOV Oleg Stanislavovich – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal-Executive Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Colonel of internal service.

FARHUTDINOV Ruslan Damirovich – Ph.D. in Law, senior lecturer of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Russian State University of Justice.

GALEEVA Nelly Nailevna – Ph.D. in Economics, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University.

GAREEVA Zemfira Anisovna – Ph.D. in Economics, associate professor of Economics and management at the enterprise of the oil and gas industry sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University.

GAZIMULLIN Ilmir Yunirovich – senior lecturer of Operational-Investigative Activity of Internal Affairs Bodies sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, police Lieutenant Colonel.

GELERANSKIY Petr Sergeevich – Ph.D. in Political Sciences, doctoral student of the National and Federal Relations sub-faculty of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

GINDULLIN Nail Fanilevich – Ph.D. in Sociology, associate professor of Political Science, Sociology and Public Relations sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

GINIYATULLINA Diana Razimovna – magister of the Ufa State Oil Technical University.

GIZATOVA Ranija Ramilevna – postgraduate student of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University.

GRISHIN Oleg Evgenjevich – Ph.D. in Political Sciences, associate professor of Political Sciences sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russian.

GUDOSHNIKOVA Olga Evgenjevna – postgraduate student of Political Science and Social Policy sub-faculty of the Russian State Social University.

GUSKOV Dmitriy Nikolaevich – postgraduate student of History of State and Law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhniy Novgorod State University.

HUSEYNOV Amirdzan Ahmedovich – lecturer of Fire and Tactical Special Training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

IBRAGIMOVA Khanicha Alibuttaevna – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ILIKEEVA Yulija Aidarovna – Ph.D. in Historical Sciences, associate professor of Law sub-faculty of the Bashkir State University.

IVANOVA Ksenija Alexeevna – Ph.D. in Law of Constitutional and Municipal Law sub-faculty of the State and Law Institute of the Tyumen State University.

IZUMOV Igor Vladimirovich – Ph.D. in Law, associate professor of Sociology sub-faculty of the Tyumen State Oil and Gas University.

JABI Gulshan Zabitovna – doctoral student of the Academy of Public Administration under the President of Azerbaijan Republic.

KADYROVA Guzel Fanilevna – Ph.D. in Sociology, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

KEBURIA Christina Otarovna – postgraduate student of International Law sub-faculty of the Law faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

KHABIBULLIN Ilgam Zulfatovich – Ph.D. in Historical Sciences, associate professor of Law sub-faculty of the Institute of Management and Business Security of the Bashkir State University.

KHALIKOVA Elvira Anvarovna – Ph.D. in Economics, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University.

KHARITONOV Anton Pavlovich – graduate student of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

KHLGHATYAN Armenui Grigorjevna – postgraduate student of International and European Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

KILIMBAEV Roman Valerjevich – lecturer of Organization and Supervision in the Prison System sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

KIREEVA Olga Alexandrovna – associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University.

KISELEVA Ekaterina Viacheslavovna – Ph.D. in Law, associate professor of International Law sub-faculty of the People's Friendship University of Russia.

KLYUKANOVA Larisa Gennadjevna – Ph.D. in Law, associate professor of Legal Protection of Environment sub-faculty of the Law faculty of the Saint Petersburg State University.

KNYAZEVA Olga Viktorovna – 2nd year master's student of the Ufa State Oil Technical University.

KONEVA Alexandra Evgenjevna – assistant of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia, postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia, European Master's Degree in Human Rights and Democratization (European Inter-University Centre for Human Rights and Democratization, Venice, Italy).

KOZHENKO Yana Vasiljevna – Ph.D. in Law, associate professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Rostov State Economic University.

KRASNOYAROVA Nadezhda Ivanovna – Ph.D. in Law, associate professor of Theory of State and Law and International Law sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University.

KRAYNOVA Anna Evgenjevna – postgraduate student of Law sub-faculty of the Institute of Management and Business Security of the Bashkir State University.

KROTOV Andrey Vladimirovich – Ph.D. in Law, doctoral student of the Southern Federal University.

KRYUKOV Vladislav Valerjevich – postgraduate student of Criminal and Criminal Executive Law sub-faculty of the Saratov State Law Academy.

KUNBUTAEV Timur Nurul-Islanovich – postgraduate student of Management sub-faculty, Chairman of youth affairs of the Dagestan State Institute of National Economy.

KURBANOVA Diana Nurmagedov – Ph.D. in Law, associate professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

LUKIYANOV Mikhail Yurjevich – Ph.D. in Political Sciences, lecturer of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

LYAGINA Elena Vitaljevna – lecturer of the Velikolukskiy branch of the Saint Petersburg State University of Service and Economics, a counselor of justice.

MAGOMEDOVA Risalat Magdibegovna – Ph.D. in Historical Sciences, associate professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

MAGOMEDRASULOVA Raisat Bagadurovna – senior lecturer of Humanitarian Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

MAMLEEV Radik Rimlyanovich – associate professor of Operational-Investigative Activity of Internal Affairs Bodies sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

MAMLEEVA Dilara Radikovna – Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative and Legal Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

MELNIK Sergey Vasilievich – Ph.D. in Law, associate professor of Civil Law and Economic Disciplines of the V. V. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, police Lieutenant Colonel.

MINENKO Sergei Vasilyevich – Ph.D. in Law, associate professor of Social, Humanitarian and Legal Disciplines sub-faculty of the Dzerzhinsky branch of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation.

MORIN Alexandr Vladimirovich – Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and Legal disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

MOROZOVA Natalya Alexandrovna – Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional, Administrative and Municipal Law sub-faculty of the Siberian Federal University, the Judge of the Third Appellate Commercial Court.

MUKHAMETYANOVA Albina Rifkatovna – Magister of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University.

MUSAEVA Asma Gadzhievna – Ph.D. in Historical Sciences, associate professor of State-Applied Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

MUSINA Lilia Minnekhanova – Ph.D. in Political Sciences, associate professor of Political Science, Sociology and Philosophy sub-faculty of the Bashkir Academy of State Service and Management under the President of the Republic of Bashkortostan.

NADTACHIEV Pavel Valerjevich – Ph.D. in Law, associate professor of Civil Law Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, police Colonel.

NAZARYAN Gurgen Sarkisovich – postgraduate student of Political Sciences sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

NEDILKO Yulia Viktorovna – Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Kuban State Agrarian University.

NIKURADZE Natalya Olegovna – postgraduate student of Criminal Law and Procedure sub-faculty of the Orenburg State Agrarian University.

NUGUMANOV Azat Rimovich – Ph.D. in Law, lecturer of Administrative and Legal Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

NURMAGOMEDOV Idris Gadzhimusaevich – Ph.D. in Historical Sciences, associate professor of Humanitarian Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

NURMUKHAMETOVA Irina Fashutovna – Ph.D. in Psychology, associate professor of General Psychology sub-faculty of the Psychological Faculty of the Bashkir State University.

NURULLOV Airat Abdulrasyhovich – postgraduate student of Civil Law and Civil Process sub-faculty of the Academy of Social Education of the city of Kazan; Head of Department – senior bailiff of the Bailiffs № 3 of the city of Naberezhnye Chelny of the Department of the Federal Bailiff Service in the Republic of Tatarstan.

OMAROVA Zuhra Nartbievna – Ph.D. in Law, associate professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

PIROVA Rena Nizamievna – Ph.D. in Historical Sciences, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

PITETSKIY Vadim Valerjevich – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Law Faculty of the Siberian Federal University.

POPOV Kirill Gennadjevich – Ph.D. in Economics, associate professor of Information Security sub-faculty of the Bashkir State University.

POVALOV Kirill Alexandrovich – postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

RABINOVICH Evgeny Iosifovich – senior researcher of the Institute of Sociology of the RAS.

RAGULINA Indira Tagirovna – research employee of the Center of research of problems of organization and activity of legal profession of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, advocate.

ROMANOVA Darja Yurjevna – postgraduate student of Political Science and Social Policy sub-faculty of the Russian State Social University.

ROMASHIN Edgar Sergeevich – legal advisor of ZAO «Quantum».

ROMASHIN Igor Vladimirovich – postgraduate student of International Private Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), corporate lawyer.

SAFIN Fail Abdulloevich – head of the department of Ethnopolitologie of the Institute for Ethnological Research of the Ufa scientific center of RAS.

- SAFINA Rezeda Raisovna** – associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University.
- SAIDOVA Marina Zagitovna** – Ph.D. in Historical Sciences, associate professor, Head of General History sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University.
- SEMENOVA Nataliya Sergeevna** – Ph.D. in Law, associate professor of International law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.
- SHAKHBANOVA Khadizhat Magomedovna** – senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- SHAMSUTDINOV Rinat Rustemovich** – student of Institute of Management and Business Security of the Bashkir State University.
- SHLYAKHTIN Igor Sergeevich** – postgraduate student of Civil Law and Process sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics, a lawyer of limited liability company "Retail Hotline".
- SHMAKOV Roman Valerjevich** – senior lecturer of State, Municipal Law and Administration sub-faculty of the Kolomna Institute (branch) of the Moscow State Engineering University.
- SIDOROVA Anna Viktorovna** – lecturer of State and Law disciplines sub-faculty of the Samara State Economic University.
- SOLNTZEV Alexander Mikhaylovich** – Ph. D. in Law, associate professor, Deputy head of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.
- STRUKOV Konstantin Viktorovich** – postgraduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
- TITOVA Tatyana Viktorovna** – postgraduate student of Theory and History of State and Law sub-faculty of the P. G. Demidov Yaroslavl State University.
- TRETIUKHIN Mikhail Vyacheslavovich** – postgraduate student of Political Science and Social Policy sub-faculty of the Russian State Social University.
- TROTSENKO Oksana Sergeevna** – master of private law, Ph.D. in Law, Head of Business Law sub-faculty of the Ural State Economic University.
- VAKHITOVA Guzel Valerievna** – Ph.D. in Philology, senior lecturer of International Law and International Relations sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University.
- VIDINEEV Denis Igorevich** – postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.
- VILDANOV Ruslan Raisovich** – Ph.D. in Political Sciences, associate professor of History and Culturology sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.
- VOROBYEV Dmitriy Vladimirovich** – postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.
- YAMALITDINOV Airat Aidarovich** – senior lecturer of Professional Preparation sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
- YUSUPKADIEVA Sadikat Nurmagometgadzhievna** – Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- ZAIDOVA Manarsha Usmanhanovna** – senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- ZALIBKOVA Dayganat Zalibekovna** – Ph.D. in Economics, associate professor of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.
- ZAMYATIN Pavel Vasiljevich** – postgraduate student of Political Science and Social Policy sub-faculty of the Russian State Social University.
- ZVEREV Andrey Vladimirovich** – Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative and Financial Law sub-faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.